И.С. АКСАКОВ

ПИСЬМА К РОДНЫМ

И.С. АКСАКОВ · ПИСЬМА К РОДНЫМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

Фотография А. И. Деньера.
ИРЛИ. Ленинград

И.С. АКСАКОВ

ПИСЬМА К РОДНЫМ

1844–1849

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛА

Т. Ф. ПИРОЖКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1988

Ответственный редактор
И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

А $\frac{4702010100-257}{042(02)-88}$ **без объявления**

ISBN 5-02-012712-4

1844

1

11 часов вечера 5 янв<аря> 1844. Рязань[1].

Вот уж более суток, как я в дороге, милый отесинька и милая маменька[2], и я уже почти за 200 верст от Москвы. Почта отсюда отходит в Москву не ближе субботы, и потому это письмо вероятно придет в одно время с тамбовским. Не знаю, получили ли вы мое коломенское письмо?[3] Здесь нашел я Чаплыгина[4], который мне очень обрадовался. Он, однако, расстроен, кажется, относительно денежных обстоятельств. — Здесь мы пьем чай и ужинаем, поэтому я не могу представить вам полную картину нашего путешествия. Из Тамбова напишу письмо аккуратное и большое. Я, слава богу, здоров, сижу преспокойно в кибитке; между тем как Оболенский[5] должен оставаться в лежачем положении. Что Олинька?[6] Долго не буду иметь от вас писем.

Прощайте, меня торопят, обнимаю вас и всех прочих, Олиньку в особенности.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

А<нне> С<евастьяновне>[7] мое почтение.

2

Кулеватово Тамб<овской> губ<ернии> 1844 г<ода> янв<аря>8[1].

Наконец, после 3-х суточного путешествия, после ночи, проведенной на мягком диване, окруженный всеми удобствами жизни, расположился я на досуге писать к вам, милый отесинька и милая маменька, милая Олинька и все прочия братья и сестры[2]. Хочу обратиться к началу своего путешествия и представить подробно картину нашей дороги. — Когда мы выехали из Москвы, то погода сначала была благоприятна, но потом пошло снежить, поднялась мятель, и я увидал, какие неприятности готовит нам зимний путь. Шапка, воротник, глаза, все набивается снегом, все мокро, ни до чего нельзя дотронуться, нельзя повернуться — это все очень несносно, особливо, если до станции далеко. Первую ночь был я в таком расположении духа, что не спал почти; Бронницы проехали ночью и очутились в Коломне часов в 6 утра. Приятно, однако же, после снега и мятели, очутиться в теплой комнате. С помощью погребца[3] мгновенно стол покрывается скатертью, стаканами, ложками, закуриваются трубки и сигары, нали-

вается чай, и мы наслаждаемся и теплом, и покоем. Конечно, за эти минуты благодарны мы неудобствам зимы! Потом, когда снова усадишься в повозку и тронутся лошади и зазвенит колокольчик, то разговор сначала идет живо, и мы докуриваем еще на станции закуренные трубки. Но до новой станции долго, колокольчик так однозвучен, вид так однообразен: всюду белая равнина, сливающаяся с серым горизонтом, — что разговор мало-помалу прерывается, наконец пресекается совсем, и каждый задумывается бог знает о чем. Всякая определенная дума становится неопределенною и неясною, в голове мелькают смешанные образы, сначала те, которые ближе к сердцу, потом, по какому-то часто чудному сближению, за ними выходят и другие... И как-то привольно это состояние, это пребывание в переливе мыслей и образов. И это забвение, эти сновидения наяву так отрадны, что, кажется, все бы тонул в них глубже и глубже, и эти минуты вознаграждают за претерпеваемые физические неприятности. Вечно вращаясь в кругу скучной и пошлой действительности, я по воспоминанию чувствовал потребность в таких ощущениях, которые очищают душу. О, если бы у меня было в это время все легко на сердце!.. Но два или три часа езды утомляют моего спутника, он оживляется, бранит ямщика, я и сам приподымаюсь и начинаю ощущать необходимость приюта на некоторое время; и вот подъезжаем и опять вылезаем; приходит аппетит, о котором мне за полчаса странно было бы и вообразить, завтракаем, курим и опять та же история.

Оболенским я чрезвычайно доволен. Он добрейший малый и еще меньше имеет прихотей, нежели я. Днем он больше все сидит на облучке, частию для собственного удовольствия, частию для человека (славного и расторопного малого), который на это время занимает его место и высыпается порядком. На станциях иногда просиживаем до часу. Вообще ехали мы очень тихо, ибо дорога преухабистая; к тому же снегу такая бездна, а по дороге так мало езды, что ее совершенно заносит. Мы не встретили ни одного проезжающего! Что касается до денег, то мы распорядились так: первую сотню трачу я, вторую он и т. д. Доехать до Давыдовых[4], со всеми издержками, считая и водку ямщикам (а мы не давали меньше гривенника), стóило нам 100 р<ублей>. Теперь черед Оболенского. — В Зарайске мы обедали, т. е. нашими провизиями и запивали ложками мадерой. В Рязань приехали вечером, остановились в гостинице Варварина, где стоит и Чаплыгин, которому я сделал неожиданный и приятный сюрприз. Он в отчаянии, что ему не шлют денег из деревни, но, впрочем, совершенно доволен, со всеми рязанцами подружился, словом dans son assiette*. На днях вновь предписал управителю отнести ко Грише деньги[5]. Рязань показалась мне славным городом. Поужинавши в ней и заплатив ужасно дорого за постой, мы отправились. Чай пили в Суйской, а в Ряжске пообедали. Из Ряжска должно нам было спускаться по крутой очень горе, но лошади не выдержали, понесли, и мы находились в довольно критическом положении, припрыгивая на поларшина, что, впрочем, нас нисколько не смутило: напротив, мы хохотали до слез. Надо признаться, что на 2-ой день нашего пути

---

* В своей стихии (*фр.*).

на меня даже нападал какой-то припадок смеха ото всякой безделицы. Напившись чаю в Черемушке, мы продолжали свой путь до Козлова. На дороге лошади стали в какой-то *бакалдинк*[6]. Я спал. Вдруг слышу голос Оболенского, который, с кнутом в руке, ходит около повозки, бранится, бьет лошадей, но все без успеха. Вылез и я и чуть-чуть не провалился в снег, но человек поддержал меня. Между тем, как мой Родольф [7] бесился, я хохотал, потому что эти приключения меня забавляют. Наконец, вышедши из своего затруднительного положения, доехали мы, часам к 6-ти утра, до Козлова. Козлов чудесный городок и, как видно, пребогатый. Здесь мы изменили свой тракт и отправились по Моршанской дороге, в Дегтяных двориках позавтракали и наняли вольного ямщика до Давыдовых. От Дегтяных двориков до Сосновки ехали мы по крайней мере верст 10 или 12 селами богатыми и людными. В одном из них был праздник; и весело было смотреть, как на пространстве 34 или 44 верст все гуляло в праздничном наряде, все пело, а многие и больше все разряженные женщины катались в пошевнях, в розвальнях[8], и учтивый возница, какой-нибудь молодой парень, плотный и коренастый, своими выходками заставлял всех хохотать громким, бодрым смехом. На человеке нашем была черкесская шапка, и на мне, как всем вам известно, очки; и это обращало на себя такое внимание девок и девчонок, что они, безо всякого зазрения, указывали на нас пальцами и провожали с громкими восклицаниями, так что Петр наш очень конфузился. В Вирятове взяли мы проводника, потому что было темно и заблудиться зимой немудрено, и отправились в Кулеватово. Погода была чудесная, и я сам сел на облучке. Так было хорошо, что мне и доезжать не хотелось. Наконец, часу в 7-м вечера приехали мы в чудесное имение Давыдова, который принял нас с распростертыми объятиями. Отправившись в свою комнату и несколько пообчистившись там, сошел я в гостиную, где Софья Андреевна сейчас вошла ко мне навстречу и с первых слов поставила в свободную позицию. Какое прекраснейшее семейство! Давыдов (Василий Васильевич) человек лет 30, умный, образованный и притом совершенно русский человек, прост в обращении и вечно весел, радушен и гостеприимен доне́льзя. Он тот самый, с которым Вы играли, милый отесинька, и просил поклониться Вам от него. Жена его женщина хоть не красивая собой, но премилая и предобрая, русская и москвичка, так же, как и он. Из разных разговоров заметил я, что оба не терпят Петербурга и очень любят нашу добрую Москву, как выражается m-me Давыдова. Она так любит брата, мужа и детей, такая славная хозяйка, такая бесцеремонная женщина, что понятно, почему Давыдов мог предпочесть ее прочим невестам. Вы знаете, что я нисколько не увлекаюсь и говорю это по долгом и здравом рассуждении. Внимание ко мне необыкновенное, но не тягостное. Видно, Родольф навалял им в письмах про меня много, потому что в мое распоряжение предоставили библиотеку и доставили все средства к занятиям. Люди они очень богатые, в Кулеватове до 1000 душ, ле́са и земли изобилие. Едят просто гастрономически. Вот так можно жить в деревне, как они живут, не отказывая себе ни в чем. Дом огромный и теплый, убран не роскошно, мебель старинная, но уж такой комфорт, что чудо. Вид чудесный, даже зимой. Впрочем, — это касается Константина, —

я сам понял нынче прелесть природы зимней. Конечно, при том воображаешь себе, что все это покрывается разными красками и живет и что на время только жизнь убежала внутрь и оставила только чистые формы. В саду у них протекают две реки — Цна и Челновая! Вот роскошь-то! Теперь опишу вам, как у них проводят день. Чай пьют в 9. Потом остаются несколько времени, разговаривая и куря (здесь курьба непрерывная), играют на биллиарде, на котором подвизался и я, чтобы изобличить свое невежество в этой игре; там каждый уходит и делает, что ему угодно. Часов в 12 завтрак, после которого гуляют, или читают, или каждый занимается своим делом. До обеда за час или меньше сходятся, играют в преферанс, разговаривают, обедают часа в 4. После обеда разговоры продолжаются, играют на фортепьяно, поют, потом опять расходятся. Вечерний чай часу в 10-м. Впрочем, дети чай пьют раньше: видите, до какой степени я подробен! Кстати, о детях. Три по-русски одетые мальчика, добрые, веселые и нисколько не стесненные в своем развитии, играют и шумят целый день. За ними присматривает добрый, честный и глупый швейцарец. Есть еще маленькая девочка и еще что-то маленькое, которое С<офья> Анд<реевна> кормит сама, будучи необыкновенно нежною матерью, как я мог заметить. В удовлетворении прихотей себе Давыдовы не отказывают и живут поэтому совершенно как в городе, не стесняясь. Все окружные крестьяне хвалят очень Давыдова и именно за то, что он не оставляет отцовского имения[9]. Оболенский привязался ко мне еще сильнее. Впрочем, я на него эгоистически рассчитываю. Голос у него чудесный, и он будет доставлять мне там те успокоительные минуты, какие доставляет только музыка. Нынче после обеда пел он один романс Шуберта[10], я с необыкновенным участием следил за звуками... Вошел сейчас швейцарец, сел в углу на стул и также углубился... Может быть, звуки романса перенесли его к воспоминанию о другой, родной музыке, во Швейцарию из Тамбовской губернии и вспомнил он про былое время! Судьба, судьба! Меня это так заняло, что я забыл и музыку, и чудесные слова романса. Я теперь, вследствие ли грустного расположения духа, или по другому чему — не знаю, — становлюсь часто в созерцательное положение в отношении к жизни, и жизнь отдельного лица (лучше было бы сказать индивидуума?) в массе человечества сильно меня занимает. Недавно сидел я вечером в избе, где потолок был черен, как уголь, от проходящего в дыру дыма, где было жарко и молча сидело человек пять мужиков. Молодая хозяйка одна, с грустным выражением лица, беспрестанно поправляла лучинку[11], и все смотрели на нас как-то странно. Мне было и совестно и тяжело. Это освещение в долгие зимние вечера, эта женщина, безо всякой светлой радости проводящая рабочую жизнь, и мы, столь чуждые им... Право — есть на каждом шагу в жизни над чем позадуматься, если несколько отвлечешь себя от нее. — На дороге попался нам ямщик, который бывал в Астрахани и ездил там извозом. Он очень хвалил эту губернию, называя ее народною и веселою, потому что там всяких племен много и летом отовсюду нахлынивают мужики на рыбную ловлю. Я удивляюсь, как русский человек отважно отправляется на дальний промысел в места совершенно чуждые, а потом возвращается на родину, как будто ни в чем не бывало. — Стран-

но, что до сих пор наречие очень мало изменяется. Лица и костюмы все те же, только нет шапок с заломом, но похожих очень на мурмолку[12] видел я много. В костюме женщин есть отличие. Вчера видел я настоящие кокошники с спинкой[13], и вообще женщины собой гораздо лучше, глаза и брови хороши и нос продолговатее. В Ряжском уезде заметил я один очень хороший и красивый женский костюм. Это род широкого бурнуса, белого цвета с красными каймами и рукавами, как бы вам объяснить... ну такими, как у Верочки в ее шоколадном утреннем капоте с розовыми краями, то, что я называл шоколадом на молоке. — Здесь дождемся мы князя Павла Павлыча [14], следовательно, проживем еще дня два или три. Потом опять пустимся в путь, но менее разнообразный. — Завтра начну заниматься «Сводом законов», книг бездна, и мне не будет скучно. Видите — поездка моя счастлива и, благодаря богу, надеюсь, что счастие не оставит меня. Одно меня смущает: то, что мне долго ждать ваших писем, а мне сильно хочется знать, что у вас делается и каково здоровье милой Олиньки. Кисет ее был в беспрестанном употреблении в дороге. Что Костя и его диссертация?[15] Это последнее слово так и выходит вслед за первым, право, как будто спрашиваешь: что Костя и его супруга? Что вечер у Васильчиковых [16]? Уж, конечно, некому писать ко мне с такою подробностью, с какою я пишу. Впрочем, я признаюсь, что на бумаге я и откровеннее и разговорчивее, не затрудняюсь в словах, не чувствую беспрестанно смущающего меня недостатка моего произношения. Дядинька Николай Тимофеевич, верно, уехал[17]. Давыдов вовсе и не думает покупать его дом[18]. — Не знаю, получили ли вы мои коломенское и рязанское письма; буду ли писать опять отсюда, также не ведаю по той причине, что письмо это, отправляющееся ныне вечером в Тамбов, будет захвачено астраханскою почтою, которая пройдет, вероятно, в понедельник, следовательно — 2-ое письмо может быть писано только в четверг, кажется.

Да, если б я знал, что вы все покойны и довольны, то я также был бы доволен и спокоен. Кланяйтесь от меня всем, кому заблагорассудите, поклонитесь и Надежде Николаевне [19]. Я душевно тронут ее участием. — Итак, пора кончить, ибо пора отправлять на почту. Прощайте, милый отесинька, милая маменька, милая Олинька, Верочка, Костя, Гриша[20] и прочие и прочие, цалую ручки по принадлежности и обнимаю всех. Сашу Аксакова обнимаю также[21]. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Прощайте, будьте здоровы, я же, слава богу, здоров.

Ваш *Ив. Аксаков.*

3

Вторник 12 янв<аря> 1844. Кулеватово.

За несколько часов перед отъездом пишу вам, милый отесинька и милая маменька: мы продолжаем дальнейший свой путь в Царицын. Вчера неожиданным образом приехал кн<язь> П<авел> П<авлович>, выехав в субботу поутру, следовательно, не проехав и 2-х суток с половиной, между тем, как мы проехали трое. Нынче, встав рано поутру, он занялся работой и поручил мне также несколько, чем я и был занят до сих пор, а

еще предстоит укладывание повозки. Сам он отправляется завтра. Въехав в Астраханскую губернию, он начнет ревизию только со мной одним; поэтому не знаю, скоро ли мы попадем в Черный Яр [1], отстоящий в 200 верстах от границы. Это меня огорчает потому, что срок получения писем от вас отдалится на неопределенное время — и я сам манкирую * какую-нибудь почту. — Итак, я здесь прожил 3-ое суток, мирно и покойно, занимаясь и делом служебным, и чтением одной занимательнейшей, по крайней мере для меня, книги «Etudes sur les réformateurs, ou socialistes modernes» par Louis Raybaud**.— Стало, еще целую неделю или больше не могу я получить от вас писем, а мне так хочется знать, что у вас делается, что Олинькино положение и здоровье всех вас вообще. И эта мысль мне мешает во всем, и ни внимательность и любезность хозяев не могли рассеять меня вполне. Впрочем, Пав<ел> Павл<ович> своею деятельностью несколько оживил меня, и я предвижу, что он работою не даст нам и духа перевести. Теперь он грозит нас перегнать на дороге, ибо вовсе не прохлаждается, не ест и не пьет на станциях. Впрочем, мы будем его ждать в Царицыне, где проживем дня два или три, чтоб сообразиться, приготовиться и заглянуть еще в «Свод». Однако мне нет времени писать больше, ибо учтивость требует, чтоб я сошел вниз, в гостиную. Где будет можно, напишу обстоятельное и покойное письмо. Прощайте, цалую ваши ручки, обнимаю крепко милую Олиньку, всех сестер и братьев, будьте здоровы и без опасений на мой счет. Я, слава богу, здоров совершенно. Прощайте, до нового письма.

Ваш *Ив. Аксаков.*

А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Да, если можно будет, то пришлите с оказией листы, напечатанные в типографии Степанова[3]. Я забыл об них.

4

Черный Яр. Вторник 18 января 1844 г. Вечер.

Наконец я в Черном Яру и уже приступил к делу, милый отесинька и милая маменька, милая Олинька, Костя, Вера и все прочие! Уф! Столько надо порассказать, что позвольте собраться с духом, припомнить все подробности, ибо я хочу в отчетливости рассказа посоперничать с Костей, зная по опыту, как это будет вам приятно. Не забегая вперед, поведу вас с самого начала, т. е. от Давыдовых. Итак:

Начинается рассказ
От Ивановых проказ! [1]

Вам уже известно, как я проводил время у Давыдовых. Они прекрасные люди, и если б не беспокойство об вас да мысль, что все-таки это время лучше было бы провести в Москве, то я был бы совершенно доволен, тем более, что и пребывание у них я считал одним из видов путешествия. Давыдовы, как кажется, меня очень полюбили и получили обо мне, вероятно,

* Манкировать (от *фр.* manquer) — зд. в значении пропустить.
** «Очерки о преобразователях, или Современные социалисты» Луи Рейбо [2] (*фр.*).

большее мнение, нежели я заслуживаю, т. е. о моих занятиях и т. п. Такова моя участь, и все воображают, что я глубокий юрист, между тем как я давно уже забыл все римское право! Мы жили у Давыдовых с пятницы вечера до понедельника. В этот день вдруг прискакал князь Гагарин, который дядя жене Давыдова. Этот неутомимый старик скачет, нигде не останавливаясь; мало того, на другой день часу в 5-м утра он уже занимался делами, часу в 8-м потребовал меня, задал мне работу, объявил, что мы имеем отправиться во вторник, а сам он выедет в среду. Я чрезвычайно ему обрадовался, обрадовался и работе, и, зная его поспешность, не заставил его дожидаться, тем более что я чувствую, что он меня особенно от других отличает. Давыдов, имевший с ним подробный разговор о планах ревизии, сказывал мне потом, что князь на меня много надеется. Я рад: по крайней мере есть побудительная причина усильной работы, желание оправдать доверенность, оказываемую мне преимущественно перед прочими, старшими чиновниками[2]. — Вечером во вторник мне было что-то очень тяжело на сердце, и я спешил уехать, но перед самым отъездом вдруг сделался совершенный перелом, и я принял это за хороший знак относительно наших домашних обстоятельств. — Софья Андреевна, как всякая русская барыня, наделила нас вдоволь провизией, хотя и у меня оставалось: 2 языка, пирог, два тетерева и икра; очень дружески простилась со мною, просила бывать у них в Москве, заехать на обратном пути, и мы, проживши в великолепном Кулеватове 4 суток, во вторник, часов в 8 вечера, сели в повозку и двинулись по тракту в Тамбов. Надо сказать, что за несколько дней перед этим выпало ужасное количество снегу и что Кулеватово отстоит от Тамбова верст с 50. План князя был, чтоб мы приехали в Царицын, приготовили ему квартиру и провели вместе с ним дня два или три в приуготовительных занятиях, потом вместе же вступили в пределы Астраханской губернии. Но путешествие от Давыдовых началось неудачно. Кучер его (мы первую станцию ехали на его лошадях) задел кибиткой за сучья и подломил верх, впрочем, со стороны Оболенского, а ясная погода стала превращаться в бурную. В Горелове, первой станции от Давыдова, не найдя почтовых лошадей, наняли мы вольных и, перезябнув, желали доехать поскорей до Тамбова, чтоб там отдохнуть и напиться чаю. Но снежная погода начинала приобретать характер мятели, мы ехали плохо и с трудом, часов в 6 утра добрались до Тамбова, где попали в какой-то простой трактирчик. Как ни гадко было, однако ж мы остановились там и напились чаю, в комнате, увешанной картинами, представляющими, кажется, подвиги Телемаха [3], и портретами царской фамилии, при звонких трелях двух или трех канареек. Итак, я не видел Сент-Илера [4], да и не полюбопытствовал его видеть: это было ночью, да какою ночью! при такой погоде, которая заставляет человека думать только о себе, о средствах одеться потеплее. Однако ж мне все-таки было и смешно и весело. Надев шинель и накинув шубу, уселся я в повозку, которую мы закрыли и таким образом избавились от снегового сеченья. Долго ехали мы до Кузьминой Гати, где поспешили укрыться в первой избе, вытащили из повозки провизию и закусили, не предполагая вовсе, что мы будем много обязаны этому завтраку. Там видел я мордву, которую называют здесь еще другим именем [5] и кото-

рой повинность состоит в перевозке мачтовых деревьев. Видел, как подсмеиваются над мордвой русские, хотя с осторожностью, ибо, как кажется, мордва не больно смирное племя. Сели, отправились в надежде приехать в Сампур (это было в полдень, в середу) часам к трем. Ямщики, однако же, уговаривали нас остаться, выждать погоду, но мы их не послушались, а заложили 5 лошадей с форейтором, ибо снегу, снегу гибель; разве в одной Оренбургской встречается подобное количество. Поехали. Мятель гуляла вволю, и мы, не сделав двух верст, сбились с дороги и решились воротиться. Только что завидели Кузьмину Гать, вдруг погода приутихла, просветлела, и мы опять поворотили в Сампур. Мне еще было смешно, хотя Оболенский и начинал беспокоиться; человека мы посадили между собой, и хотя продувало нас порядком, однако мы терпели, имея в виду приезд в Сампур. Вам известно, что такое буран! Ну, так буран, настоящий буран свирепствовал во всей силе: в 2-х шагах нельзя разглядеть человека, да и смотреть нельзя, так, кажется, и вырвет и забьет глаза. Мы еще закрылись рогожкой, но каково же было ямщикам! Лошади отказывались везти, начинало смеркаться. Оболенский выскочил, сам повел под уздцы лошадей, общими криками побуждали мы их идти, но пользы было мало, мы отстали от обоза, и так как в проклятой Тамбовской губернии по дорогам нет ни верш, ни вех [6], то скоро сбились с дороги, а наудачу ехать было опасно, ибо встречаются буераки, т. е. такие снежные сугробы, сажен до двух и трех глубины, из которых и днем не всегда избавляются. — Между тем наступил 5 час, и совершенно смерклось. Что делать! Лошади не везут, ямщики закоченели, мы сами иззябли, дороги не знаем, ночь, и при всем этом ужасный, неистовый буран! Послали ямщика верхом отыскивать дорогу, сами принялись кричать, но ямщик скоро вернулся, не найдя ничего, кроме стогна сена, а крики наши не могли быть услышаны при таком вихре, да и кто стал бы отвечать и отыскивать нас! Ведь в Тамбовской губернии нет ни сен-бернардских монахов, ни собак! [7] Страшно! Ямщик принялся плакать, молиться богу: «Ах ты, жизнь наша, жизнь, вот, умирай здесь вдруг!» Мы решили остановиться у стогна сена, отпречь лошадей и дожидаться утра. Каково это! Иметь в перспективе часов 13 или 14 ночи, при такой погоде, с ежеминутною возможностью закоченеть и замерзнуть! Отпрягли лошадей и пустили в повозку ямщика и форейтора и накрылись рогожкой. Ямщик и форейтор готовились расстаться с жизнью и отдать душу богу, но так как они прозябли более нас, то я отдал им шубу, а сам остался в одной известной вам шинели, а Оболенский отдал им шинель, оставшись в одной чуйке[8]. Признаюсь, я никак не мог привыкнуть к мысли, что действительно можно замерзнуть, хотя благоразумие заставляло почти не сомневаться в этом. Могли ли мы надеяться, что выдержим предстоявшие нам ужасные 14 часов ночи! Нет, надежда, уверенность в милость божию не покидала меня; хотя я вовсе не имею особенного права на эту милость, но чувствую, что нахожусь под нею ежеминутно, т. е. это относительно меня собственно. — Но тяжело было это испытание, и памятны мне эти с таким напряженным терпением выжданные часы! Так как ямщики и человек наш, совершенно одуревшие, обесчувствевшие, готовы были заснуть каждый миг, несмотря на то, что сон в их положении — вер-

ный конец, то мы с Оболенским и положили, сменяясь беспрерывно, будить всех и не давать спать. Странно право, как нравственное чувство торжествует над физикой человека. Мы были одеты холоднее, чем они, менее привычны к холоду и снегу, более изнежены, и притом мы терпели, бодрствовали всю ночь, поддерживали их мужество, ободряли их, и можем смело сказать, что без нас они бы замерзли. Однако ветер сильно прохватывал насквозь нашу жидкую кибитку, и мы вздумали было поставить ее по ветру, т. е. чтоб ветер дул только в спину, а не в лицо. Но это было напрасно. Лошадей запречь мы были не в состоянии: пальцы распухли, без силы, без чувства осязания, да и лошади — что шаг, то падали в снег от слабости и изнеможения, а снегу к тому же столько, что ходить почти не было возможности. Итак, еще больше прозябнув, сели мы в свою маленькую клетку и стали ждать. Проходит час, другой в беспрерывных буждениях друг друга, спрашиваниях: жив ли ты, спишь ли и т. п. Но всему должен быть конец на свете. Погода стала утихать, хотя холод усилился, — и показалась заря. Послышались отдаленные крики обозов. Насилу заставили мы уже равнодушного ко всему ямщика проснуться, сесть верхом и ехать отыскивать дорогу или деревню. Я боялся, что он или упадет с лошади и не будет в состоянии подняться, или еще больше заплутается, или, наконец, приехав в какую-нибудь избу, бросится к теплу и забудет про нас. — Сами же мы вышли из повозки и стали кричать, но никто не отвечал нам, а идти пешком до дороги мы не были в состоянии. Наконец часу в 8-м утра, при резком и сильном холоде с ветром, хотя без бурана, показались лошади и верховые. Долго были мы в мучительной неизвестности: избавители ли это наши? И когда мы увидали, что это они, то удивительно сладкое чувство радости и умиления овладело нами. Бодрые сампурские ямщики привели свежих лошадей и скоро привезли нас на станцию, от которой мы находились верстах в 3-х, не больше. Итак — более 20 часов провели мы не пивши и не евши, при жестоком буране[9], заблудившись верстах в 3-х от станции, с 12 часов полудня во вторник 12 числа до 8 часов утра в середу, 13 января! Едучи в Сампур, надеялся я отдохнуть, согреться, даже выспаться, но не тут-то было. Дом станционного смотрителя был грязен, сыр и холоден, и хотя мы подкрепили себя вином и (извините уже) даже анисовой водкой и поставили самовар, но все-таки не было уютного и милого тепла. Не прошло и получаса времени, как вдруг обсыпанный снегом вбегает курьер (едущий вместе с князем в отдельной кибитке с Булычевым[10], князевым письмоводителем или писцом, служащим у нас в Сенате) — с словами: «Дал клятвенное жене обещание не пить водки, да есть ли возможность?!» Через несколько минут подъехал и князь. Мы вышли к нему, душевно принимая в нем участие и сожалея, что он в такую погоду должен был ехать, но князь бодро выскочил из кибитки и как будто ни в чем не бывало! К счастию, они не плутали. Положим, что у него хорошая шуба американских медведей, да все-таки в его лета так легко переносить стужу, усталость и голод — удивительно! Итак, мы все-таки не ускакали вперед его. Напившись кофею и дав мне поручение сочинить письмо Перовскому[11] о скверном положении зимних дорог в России, он опять пустился в путь, чем привел в отчаяние

Булычева, который, хотя и втрое его моложе, однако чувствовал потребность отдыха. Князь сказал мне, что будет ждать нас, вероятно, в Сарепте, которая нам по дороге, верстах в 20 за Царицыным и в 3 от пределов Астраханской губернии. Он уехал, а мы остались, потому что повозка наша требовала починки. Но отдыхать было нечего и даже стыдно после того, как князь нас видел. Часа три спустя отправились и мы. День был холодный, но ясный. Какие скверные дороги в Тамбове! Вообразите себе обширную степь, на которой летом еще заметна черная дорожная полоса, но зимою, когда все бело и путь не обозначается ни верстовыми столбами, ни вехами, то дорога пролагается наудачу, едут часто целиком[12] или попадают на какой-нибудь хребет земли, где снегу поменьше, но который в ширину аршина два или три не больше, так что если попадается обоз, то нет даже возможности объезжать его, потому что с обеих сторон снег по брюхо лошади. Что еще меня бесило, так это мордва. Вообразите, что они для перевозки бревна мачтового, часто вершков 14 в поперечнике, закладывают или закладают, как здесь говорят, лошадей по 18 и больше, по три в ряд, протягивая по обеим сторонам канаты. Сами, в числе 15 и 20 человек, сидят на бревне или верхом и смеются над несчастными, принужденными ждать окончания их длинного поезда. Везли нас плохо, и в Вязовую приехали мы часов в 6 вечера. Здесь большой и красивый станционный дом, хотя прехолодный. Не спав 2-х ночей сряду, устав и физически и нравственно, решились мы здесь выждать ночь, отдохнуть, соснуть, напиться чаю, поужинать, и тем более, что на дворе был сильный мороз; следовательно, как мы ни укутывайся, а все-таки воротники покрыты были бы морозною пылью, нос плакал бы, скулы ломили... лучше остаться. Накурившись вдоволь и разостлав шубы, не раздеваясь, легли мы спать и проснулись на другой день рано поутру с сильною головною болью, которая, впрочем, скоро прошла.

Свое путешествие устроили мы таким образом: поутру где-нибудь закусываем и пьем чай, которого Оболенский истребляет невероятное количество. Погребец оказывает нам необъятные услуги. Потом та же самая история ввечеру. На каждой станции, покуда закладывают лошадей, мы выходим и закуриваем сигары, ибо дорогой курить нет возможности, а ввечеру даже зажигаем свои свечки во время чая или ужина. В теплой избе скоро забываются все неприятности дороги; даже беспрерывная смена лиц, декораций, обстоятельств веселит и тешит.

Часу в 9-м вечера, в четверг, приехали мы в Новохоперск, где остановились у какого-то мещанина. Мы расспрашивали о езде в землях Войска Донского, и мещанка, толстая новохоперка, рассказывала нам, что прежде возили казаки и возили тихо, потому что каждый казак очень важничает и все считает за службу; живет где на квартире, говорит, что служит, караулит. Когда же содержание станций и лошадей отдано было на подряд, принятый русскими мещанами, то казаки сердились, говоря: «А, Русь к нам идет, Русь к нам хочет», но тем не менее, езда теперь скора и покойна. — Скоро потом явился в избу и управляющий соседнего помещичьего имения, старый, толстый, любезный холостяк, с красным и полным лицом и волосами с проседью. Он мне показался типом своего класса: шея его

была окутана шарфом, шинель с старым бархатным воротником надета в рукава и подтянута кушаком. Он полюбезничал и с хозяйкою и с дочерью хозяйки и с сыновьями ее, а завидев нас, вступил в разговор и с нами и стал доказывать, что хорошую дойную корову непременно надо также кормить овсом... Разумеется, я сейчас же с ним согласился, воображая себе в нем нашего Ивана Семеныча[13]. Расплатившись с хозяйкой, мы двинулись в путь через земли Войска Донского. К сожалению, Михайловскую станицу, где тогда была обширная ярмарка, мы проехали ночью; к тому же все почтовые дворы построены вдалеке от селений, так что мы и не видали казацкого быта. Но как хороши их станицы! Это род города, где живут и власти, построенный из чудесных домиков, или большею частью из необыкновенно красивых мазанок. Все смотрит весело и чисто. Дороги содержатся в исправности, везде плетеные башенки, чтоб не заплутаться, везут славно. Приедешь на станцию, входишь в чистую, теплую мазанку, не то, что в русскую избу, где вместе валяются дети, свиньи, телята. Но всюду обширная степь и нередко едешь верст 25, не встречая ни кола, ни двора, ни деревца... Казачек я почти не видал, а казаки попадались, с видом довольно воинственным, с люлькой и в усах. Езда через земли Донского Войска показалась мне особенно приятною и легкою, я воображал себе все это летом, особенно в некоторых местах, где неровности земли или степь прорезывающие реки открывали восхитительные виды. Первую ночь мне было так легко и приятно, что я даже не спал всю ночь и не чувствовал сильного холода, хотя красноречивая слеза беспрестанно навертывалась на кончик носа! Впереди мне предстояло увидать Сарепту, чего мне хотелось с самого детства, может быть потому, что я по крайней мере раз 15 переводил из книги практических упражнений на французский и немецкий языки описание Сарепты Измайлова из его «Путешествия в полуденную Россию»[14]. — Хотя мятели не случалось более, но, несмотря на то, что мы беспрестанно подвигались на юг, погода была ясная и необыкновенно холодная. «Будет холодно, — сказала нам раз одна баба на станции, — посмотрите, какие у солнушка красные уши». — С Аргадинской станции дорога сделалась лучше, ибо снегу меньше лежало, а где земля повыпуклее, там выказывалась голая земля. — Везде, где мы ни спрашивали про князя, узнавали мы, что он опередил нас сутками и везде слышали похвалы ему: как такой большой барин ездит просто, со всеми разговаривает и щедро дает на водку! Даже на одной станции одна маленькая, запачканная девочка, ухватясь за платье матери, ломая голову и держа во рту палец, объявила нам, что князь с ней разговаривал и дал ей гривенничек. — Наконец ровно через двое суток, поздно вечером, приехали мы в Царицын, думая найти там князя. Вообразите наше удивление, когда нам сказали, что он раздумал и не только в Царицыне, но даже в Сарепте не останавливался и проехал прямо в Черный Яр. Вот тебе на! так и нам скакать, не останавливаясь! В Царицыне по приказанию Тимирязева[15] дожидался его казачий конвой, и городничий приказал уведомить себя о приезде князя, который, однако же, отклонил от себя все эти почести. Ямщичий староста в Царицыне, в то время, когда мы пили чай, рассказывал нам много любопытного про Астрахань, где он живал. «У нас в народе

называют этот город *Разбалуй-город*[16], а губернию народною, потому что летом изо всех губерний собираются люди на промысел». Кто раз отправился в Астрахань, тот весь переиначивается, забывает все домо́вое и вступает в артель, состоящую из 50, 100 и более человек. У артели все общее; подступая к городу, она вывешивает свои значки, и купечество спешит отворить им ворота; свой язык, свои песни и прибаутки. Семейство для такового изчезает, и он делается необыкновенно общителен, сейчас знакомится со всеми незнакомыми и, добывая много денег, все растрачивает в гульбе. Из них самые смирные — бурлаки, потому что с судами возвращаются вверх по Волге домой, вольнее и дерзче — бирюки, которые ходят в море, но недалеко. Когда же бирюк весь прогуляется, а домой возвратиться не с чем, нанимается он на купеческие судна, отправляющиеся далеко в море, в Персию и Хиву, получает рублей 300 вперед и живет на корабле в неограниченном повиновении у хозяина, среди сброда таких же отчаянных русских, калмыков, киргизов, грузин, армян, индейцев[17] и забывает и посты и обряды. Возвращается в Астрахань озолоченный прибылью и вновь гуляет до безденежья, и вновь попадается под иго жадного купца. Множество народа, смесь, пестрота, сбор людей всех губерний, почти всех наций, разгул, обилие вод — такова картина Астрахани и берегов приморских этого края. Много рассказывал мне царицынский мужик, много любопытного и умного; я слушал его с большим вниманием и дал ему за это полтора рубля, чем он был доволен до изумления.

Из Царицына ехали мы до Татьянинской почти по земле; так мало здесь снегу на высоких и крутых берегах Волги, которая и зимой представляет чудную картину. Нам предлагали доехать по льду, но так как это опасно, да и строго запрещено, то мы отказались. Рано поутру ехали мы через Сарепту и решились остановиться в гостинице, содержимой на счет целого братства. Какая прелесть! Какая чистота, предупредительность! Нас встретила девочка лет 14, очень некрасивой наружности, заговорившая с нами вовсе не лифляндским наречием. В одну минуту затопилась для нас печь и подан отличный кофей, с густыми сливками и сдобным хлебом. Улицы чисты необыкновенно, перед каждым домиком ряд пирамидальных тополей; архитектура совершенно особенная. Видел я почтенных сарептских мужей с длинными немецкими трубками. Русские очень любят этих добрых гернгутеров, уважают их, удивляются их искусству и терпению, но однако ничего не перенимают. Необыкновенно странное впечатление производит на вас эта немецкая добродушная республика в глуши России! К сожалению, мы спешили и, напившись кофею, поехали и скоро вступили в пределы Астраханской губернии.

В Татьянинской узнали мы, что исправник ждал на станции[18] князя в продолжение 4-х недель, там и разгавливался после филиппок[19], там встретил и новый год, но не умел встретить князя, ибо спал в это время. Можете представить себе его отчаяние. Впрочем, он ожидал, что князь приедет с громом и треском, в карете. Князь немедленно продолжал свой путь, дорогой заезжал в волостные правления не ревизовать, а так посмотреть, объявил старикам, что будет от обиженных принимать просьбы на простой бумаге в Черном Яру. Еще несколько слов про него. Он то,

что французы называют: un homme parfaitement bien élevé*, т. е. никогда не позволит себе ни одного грубого, дерзкого, русского слова ни с кем, даже с курьером, всегда учтив и прост между тем в обращении. А чиновники здешние ожидали противного и готовились слышать ругательства, на которые, говорят, Курута[20] не скупится в Тамбове. Это обращение князя как ревизора делает то, что и канцелярия его вся, не исключая и тех, которые по натуре своей склонны к противному, деликатна и учтива. — Проехав верст с полтораста безграничными степями, но по прекрасной дороге, ибо снегу ни слишком много, ни слишком мало, и везде стоят путеводительные столбы, прибыли мы часу в 9-м вечера в Черный Яр, где на почтовом дворе дожидался нас солдат, чтоб отвести нас на назначенную нам квартиру. Мы немедленно, в дорожном костюме, отправились к князю, который принял нас с обычною учтивостью и любезностью, потолковал о деле и скоро отпустил нас домой. — Воротившись на квартиру, приступили мы к питию чая, как вдруг мальчик приносит мне ваши письма, полученные накануне, т. е. 16 января: мы приехали 17, в понедельник вечером.

Как обрадовался я вашим письмам, как благодарен я всем написавшим и как во многом успокоен. Теперь пойдет все хорошо, я уверен, сам не знаю почему, и спокойнее и довольнее. Что же собственно до меня касается, то, сделайте милость, не тревожьтесь: мне прекрасно во всех отношениях, я чувствую какое-то внутреннее освежение, все меня интересует и забавляет, и я был бы вполне весел, если б каждый день мог знать, что у вас делается. Оверу[21] показывать решительно нечего, и, несмотря на ухабистую дорогу, я не испытал ни малейшей попытки малейшей боли. Новый бандаж я отбросил: он вдвое беспокойнее старого, к которому я привык и который теперь меня не беспокоит. Итак, Костя подвизается на обычном поприще, но подвигается ли его диссертация? Как я рад, что нервический припадок Олиньки миновался благополучно, а признаюсь — он-то меня и мучил сильно до сих пор. — Я собираюсь купить ей калмыцкую шапку, чрезвычайно теплую и покойную, для выездов. — Да, я вам не все еще досказал. —

Вообразите меня в скромном домике мещанина Голощапова. Нам отведены две комнаты. Одна из них украшена двумя огромными старыми масляными красками писанными портретами, представляющими какого-то красавца, кажется, персидского шаха и султаншу. Живопись забавно оригинальная! Другие картинки большею частию лубочные, изображающие мучения ада, Еву и змия, грехопадение и т. п. В углу 5 или 6 образов в старинных окладах; в противоположном — изразцовая, украшенная голубыми узорами печь. Комнаты темненькие и низенькие, с неопределенными обоями, с панелями и старинными зеркалами. Везде стоят наши вещи, все в лирическом беспорядке, а в другой комнате на полу, на шубах устроены нам постели. Хозяева наши помещаются в другой половине. Прочим чиновникам также отведены квартиры, но поскромнее; и гостеприимные хозяева их, все купцы и мещане, угощают их донельзя, не при-

* Безукоризненно воспитанный человек (*фр.*).

нимая за это скудной чиновничьей платы. Но мы от этой неприятной приятности, слава богу, избавлены: хозяева наши, которых мы совсем и не видим, люди бедные, и мы объявили, что будем платить за все. Вот вам, как прошли у нас эти два дня, т. е. вторник и середа. Встаем часов в 7 утра, одеваемся, курим и пьем чай. Потом заходим на минутку к князю и идем работать по присутственным местам. Часа в три кончаем, прогуливаемся, мы (т. е. я с Оболенским) заходим к князю, у которого иногда завтракаем, возвращаемся домой, а по вечерам пишем письма. Там опять чай, куренье, спанье и т. д. Впрочем, так прошли эти два дни, но будущие пройдут не так. Из чиновников здесь Павленко и Немченко[22]; они приехали прежде князя и приступили к ревизии, которою Гагарин сам не обязан и не доверен заниматься, именно повторного канцелярского порядка. — Разрешение же просьб, смена чиновников, проекты улучшения, приказания — все это ляжет на сенаторе. Князь все эти дни в ожидании Строева[23], обозрев беглым взглядом почти все присутственные места, почти не выходил из дома (он помещен великолепно, особенно для здешних мест) и занимался чтением «Свода» и рассмотрением жалоб и ведомостей. Павленко обрадовался мне чрезвычайно, ибо я один мог разделить с ним работу, и вчера и нынче я ревизовал вместе с ним земский суд. Идет прекрасно. Смешно только мне подобострастие, которым нас здесь окружают. Здесь проведем мы дней 8 еще и дождемся всех наших чиновников. Lorsque vous rouvrez ma lettre, alors voyez, si la lettre n'a pas été décachetée, car je soupçonne que le coquin de maître de poste a grande envie la de lire*. Раз 50 в день помянешь Гоголя[24].

Можно бы еще написать, но рука устала, да и оставлю материи на следующие письма. А кажется, письмо довольно обширно и подробно: чуть ли я не одержал верх над Константином. Верно, письмо это будет читано милой Олиньке в три приема, по листам, с утренним, обеденным и вечерним мороженым. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, крепко цалую ваши ручки и обнимаю вас, будьте здоровы и не беспокойтесь обо мне; обнимаю милую мою Олиньку: глубоко, душевно благодарен ей за то, что она умно и хорошо повернула свой нервический припадок. Милую Веру (которой я также очень благодарен), милого Костю, Гришу, Надю, Любиньку и всех прочих обнимаю[25]. А <нне> С<евастьяновне> мое почтение. Обнимаю Сашу Аксакова. Прощайте, ожидаю писем от вас и Кости.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

По получении сего письма пишите в Енотаевск раза два, а потом уже в Астрахань.

Это письмо уже 5-ое; я писал из Коломны, Рязани и два из Тамбова. Получили ли вы их?

---

* Когда вы вскроете мое письмо, посмотрите, не было ли оно уже прежде распечатано, так как я подозреваю, что мошеннику почтмейстеру очень хочется его прочесть (*фр.*).

5

Черный Яр. 22 января 1844. Суббота.

Опять пишу я к вам из Черного Яра, милый отесинька и милая маменька, милые сестры и братья, но я думаю, что письмо это будет последнее из этого скучного города. Обращаюсь опять к рассказу всего недосказанного и описанию нашего житья-бытья. — Черный Яр — собрание низеньких и маленьких мещанских домиков, разделенное на улицы, имеет две церкви, каменный дом присутственных мест и ни одной лавчонки! Нет возможности что-либо купить или достать. Мы попали на квартиру к одному бедному мещанину и хотя объявили, что готовы платить за удобства и хороший стол щедрою рукою, но, несмотря на то, должны питаться очень дурно и невкусно приготовленною пищею. Обед наш состоит обыкновенно из щей, оставляющих после себя самые неприятные воспоминания, пирога, которого и половина не съедается нами, и какого-нибудь жаркого, например, худо общипанного гуся и вялой говядины. Нынче только нашло на меня вдохновение, и я приказал изготовить полбарана с кашей, и хозяйка наша довольно успешно выполнила это поручение. Оболенский, по крайней мере, пьет чай раза четыре в день, я думаю, чашек до 20; я сам пью больше обыкновенного, но единственно по необходимости. Впрочем, мы здесь временно и на биваках, и я только забавляюсь этими неприятностями. Другие наши товарищи и сам князь Гагарин стоят на квартирах купцов богатых, занимающихся рыбною ловлею и выписывающих все нужное из Москвы или из Астрахани. Икру выделывают сами, и икра такая (я отведывал ее, завтракавши раз у князя), что невольно вспомнишь Гульковского[1]. Мы ходили на берег Волги, в какой-нибудь полверсте отсюда. Город прежде стоял на берегу, на самом Яру. Действительно, настоящий яр: берег так крут, что страшно стоять на нем, вышины он саженей 15, коли не больше. Но так как вода все подмывала его и земля начала обваливаться, то это место и оставлено, и уже три улицы снесены. Зато вид отсюда чудесный, даже и зимою, а летом, летом-то!.. Город необыкновенно певучий. Мы здесь 5 суток, и нам прожужжали уши беспрерывными, не умолкавшими ни разу песнями. Все здесь спешат жениться до поста, и каждый день свадьбы по четыре. А свадьбы эти празднуются следующим образом: вместо визитов молодая, в сопровождении 10 баб или больше, катается в одних санях по городу, с песнями. Люблю я хор мужских голосов, но от женского визжанья — упаси боже! Это катанье продолжается целый день и до глубокой ночи. Я как-то встретил раз эти певучие сани. Они остановились, и какая-то неистовая баба, покрытая рогожкой, с растрепанными волосами, начала с криком и кривляньями плясать в санях. Бабы вторили ей с какими-то движениями рук, а по сторонам два мальчика играли на гудке и балалайке. А нынче я встретил сани, в которых эти любезные особы женского пола сидели с венками из цветов на головах или, лучше сказать, на платках, которыми повязаны головы. Можете вообразить, как это мило и пристало к лицам русских баб, из которых перед всякой наша Надежда (что в отставке[2]) просто красавица! Хотел я узнать, какие это песни, узнать поближе нравы и обычаи, но жители как-

то дики и, кроме подобных саней, почти никого не встречаешь на улице. А если кто и встречается, так верно с просьбой и жалобой. Впрочем, много значит и то, что всех нас знают, что мы лица официальные. Поэтому и в словах и в разговорах надо здесь беспрестанно остерегаться, и я уверен, что каждое наше чиханье известно всему городу. — В здешнем земском суде нашли мы такое наивное невежество законов и служебного порядка, что члены «оного» не только не умели приготовиться к прибытию ревизора, но даже и в оправдание свое приводят то, чего не скажет и последний писец в сенате. Видно, они воображали, что земский суд такое место, которому сам бог покровительствует, а городок их такой городок, от которого хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь[3]. — Удивительно, право, как люди могут жить покойно и счастливо в такой глуши, безо всяких интересов или с такими мелкими интересами, в такой грязной жизни, что жалко, просто жалко. И по крайней мере $^7/_8$ человечества плещутся в такой животной жизни! Нет, уж я в уездном городе ни жить, ни служить никогда не намерен. — В середу вечером приехали Строев, Розанов, Яснев и Думбровский[4]. Последние трое на другой же день отправлены князем в Енотаевск для начатия ревизии. Строев, заходивший в Тамбове к Сохацкому[5], привез мне ваше письмо от Сент-Илера; хотя оно и раньше писано полученного мною здесь, но все-таки мне было приятно получить его. Досадно, что Сент-Илер может подумать, будто я не хотел заехать к нему, напишу ему, чтоб объяснить, что я проезжал через Тамбов ночью. У Строева видел я вчера две до меня касающиеся бумаги. Розанов был представлен князем в старшие чиновники, но министр отвечает ему, что он, по сравнении Розанова с Аксаковым, отнесся к министру финансов о Розанове как о младшем чиновнике. На это князь пишет ему, что, «отдавая всю должную справедливость способностям Аксакова, он, тем не менее, полагает, что Розанов должен считать себя обиженным, ибо Аксаков служит полтора года, а Розанов, кажется, 15 и старше по службе в Сенате и самого Павленки». Вся почти здешняя ревизия произведена совокупными трудами Павленки и моей персоны, ибо прочия лица так, ничего... В четверг поздно вечером присылает за мной князь и дает поручение на другой день съездить в Старицкое волостное правление, верстах в 20 от Астрахани, обревизовать его и все тамошние сельские учреждения, а вечером быть у него с докладом. Я и отправился в пятницу, разумеется, с Оболенским, выполнил это поручение довольно успешно и успел воротиться засветло. Вчера вечером пили мы все чай у князя, который рассыпался любезностью, остроумием, шутками и хотел, чтоб я ехал поскорее к нему в Астрахань (он нынче отправился из Черного Яра с Строевым ранехонько поутру), но Павленко просил меня оставить с ним для окончания здешней ревизии, и князь согласился оставить меня (разумеется, и Оболенского) до середы. Из Енотаевска, говорят, ехать санным путем уже нельзя, но князь поедет в своей карете, к несчастию, двуместной. Он уговаривал меня, узнав, что у меня есть та же постоянная болезнь, какая и у него, — если я его застану еще в Енотаевске, не ехать на перекладных, а, оставив всякую совесть, сесть на козлы каретные, так как он, едучи с Строевым, не может предложить мне места внутри ка-

реты. — А надо признаться, что жизнь в Черном Яру довольно скучна. Поутру, т. е. от 9 до 3-х где-нибудь за несносной работой в присутственном месте, там обедаешь — и решительно нечего делать. К несчастию, со мною ни одной книги! Ну и беседуешь с Немченко и Павленко, который, впрочем, очень умный малороссиянин.

Не думайте, однако ж, поэтому, что я недоволен своей поездкой. Нет, я почти доволен всяким новым случаем в жизни, всяким новым положением, всем, что раскрывает мне жизнь и меня самого. Так и теперь. Я рад даже и тому, что нахожусь в таком положении и с такими людьми, что не с кем перемолвить слова о чем-либо, не касающемся службы. Товарищ мой — светский человек, говорящий по-французски отлично, но во всем другом глубокий невежа и жестоко ограничен. Соучастия к каким-нибудь высшим интересам или современным вопросам — никакого. Стихи он любит, только «чтоб были хорошие», и очень удивился, когда мне пришлось вспоминать стихи не мои — нет, он и не подозревает за мною этого греха, — а Пушкина; даже признался — так как я с ним довольно короток — что я ему очень этим надоел! Хотя он сознает мое преимущество, но не в состоянии измерять бездны, нас разделяющей, и я ежеминутно должен принаравливаться к объему его понятий и всячески остерегаться оскорбить его самолюбие, тем более что он добрый малый и очень меня любит! Ох, уж эти мне добрые малые! Следовательно, в его присутствии я не могу дышать свободно, потому что нет и не может быть того, что бывает между двумя людьми, если и не сочувствующими вполне друг другу, так способными понять друг друга. Таково почти мое отношение и к прочим, которые все меня очень любят и уважают, как «*славного малого*» и хорошего, умного чиновника! Воображаю себе удивление их, если б они узнали, что этот чиновник пописывает стихи, да еще против них! — Впрочем, я люблю бывать в таком стесненном положении, проходить сквозь такую школу. Сосредоточиваясь внутрь себя, приобретаешь притом умение ладить с людьми, смотришь на них как бы со стороны, из глуби себя и лучше познаешь их, часто, кажется, видишь их насквозь, прозреваешь сцепление и последовательность движений в чужой натуре. Впрочем, изо всех членов свиты сенатора я все-таки чувствую себя привольнее с Оболенским, хотя есть люди и умнее его. Я все-таки чувствую себя с ним равным, потому что он человек и благовоспитанный, и хорошего тона. О честности его смешно и говорить, так же как и о моей. Поэтому я жду с нетерпением приезда Бюлера и Блока[6]; нам будет отраднее вместе, хотя мы на лучшей ноге и с прочими.

Нынче (т. е. в воскресенье) были мы у обедни в соборной церкви, где служили и молебный, по случаю обручения Елизаветы Михайловны[7]. Служило два священника с протопопом довольно хорошо. Собор этот выстроен здешним купцом Голощаповым. При нас причащалась молодая новокрещенная калмычка. Потом были на базаре, где видели калмыков, киргизов и верблюдов, которых первые заставляли визжать, становиться на колени и вставать снова. Какое чудовищное и безобразное животное верблюд! Длинная рыжая шерсть падает с шеи, тонкой и неуклюжей, в носу продета палочка, которою им управляют, ноги длинные, уродли-

вые горбы... Поверяли городские весы, ходили по лавкам. Впрочем, нет ничего беднее торговли самого города. Богатые купцы, промышляя обыкновенно рыбою, посылают ее почти всю в Москву, а потребности здешних жителей так ограниченны, что, кроме муки, говядины, горшочков и веревочек, почти ничего нельзя достать.

Поев вчерашнего бараньего бока и каши, смешанной с зернистой икрой, наконец добытой в малом количестве нами (это смешение очень вкусно, советую попробовать), выкурив сигарку, отправился я с Павленкой в магистрат, где мы оставались часу до 6-го. Начало вечера провели мы с Оболенским у Павленки же, где безбородые племяннички бородатого хозяина угощали нас плохим концертом на плохой скрипке. Должно быть, франты оба, особенно скрипач, потому что у него к панталонам каким-то образом пришиты штрипки. Штрипки! Этого нет ни у кого в городе, у всех панталоны или в сапогах, или болтаются просто около сапог, а у него штрипки. Я понимал вполне его достоинство, но, напившись чаю, поспешил уйти, чтоб докончить письмо к вам. — Нет, никак не останусь здесь долее вторника; скучно, тем более что почта пришла, а от вас нет писем! Должно быть, они адресованы в Енотаевск, и я ужасно глупо сделал, что в последнем письме просил вас писать раза два еще в Енотаевск, где мы пробудем не более полсуток и зашлем на почту, а потом прямо в Астрахань. Покуда до Енотаевска можно будет доехать санным путем, а уж там как — не знаю. Впрочем, надо признаться, что вместо приятного тепла нас здесь встретила стужа, какая и в Москве не часто бывает, — а вчера выпал снежок, и сделалось теплее. Здесь недостаток не в холоде, а в снеге.

Завтра день именин Гриши, а послезавтра Марихен[8]. Поздравляю и вас, и их обоих, и всех, и желаю, разумеется, провести вам эти дни приятно. Буду вспоминать об вас в эти дни, сидя на шатающемся стуле в комнате старой и грязной присутствия магистрата. Не будет ли приезд министра иметь какое-нибудь влияние на службу Гриши?[9] Что деревенские дела? Не случилось ли какой-нибудь перемены в домашнем управлении? При месте ли le sombre Ministre des affaires intérieures?* Далеко ли подвинулся в образовании Ефим?[11] Постоянно ли сидит в передней Семен?[12]

А рад я, что я не старший чиновник. Не лежит на мне обязанность открывать злоупотребления неприятными средствами, не приносят ко мне глупых, кляузных просьб, неразборчиво писанных и длинных. Уж таков русский народ! Как узнали, что можно подавать просьбу, принимают, да на простой бумаге, всякий, не в чью пользу решено дело, идет жаловаться. Особливо неграмотные крестьяне, которые наймут какого-нибудь пьяницу, отставного писаря написать им просьбу и отправляются с нею, а когда спросишь — в чем дело, на что жалуетесь, так нельзя добиться иного ответа, как: мы люди глупые, там должно быть написано. Не приходят ко мне и ябедники, и чиновники, от которых разит вином, с жалобою, что их обидели другие чиновники, сказав, что они употребляют горячие напитки. И тут пойдут слова: честь, благородство, добродетель! Вспомнишь Гоголя

---

* Мрачный министр внутренних дел?[10] (*фр.*).

и посмеешься. Но что хорошо в мире искусства — часто отвратительно в жизни. Даже грустно! Сколько в тебе дряни и гнилья, Россия!

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Крепко цалую ваши ручки, обнимаю вас и всех братьев и сестер. *А<нне> С<евастьяновне> мое почтение*. (Это бы надо литографировать, ибо повторяется!) Я, слава богу, здоров. Много приходит в голову мыслей, которых нельзя писать по почте. Что пишут из Петербурга? Да пишите мне подробнее об Олиньке и способах ее леченья. Теперь у меня нет насморка, и потому я ее заочно цалую смело.

6

Астрахань. 29 января 1844. Суббота.

Прежде всего начинаю тем, что я не только удивляюсь, но и очень беспокоюсь, не получая от вас писем, милый отесинька и милая маменька. Я получил от вас только одно письмо в Черном Яру; в Енотаевске заходил на почту — ничего получено не было; пришла почта и от 16 января — опять нет ничего! Странно, очень странно! А я бы заслуживал в ответ писем длинных, потому что до сих пор почти каждое письмо мое было двухлистовое. Впрочем, это будет покороче, ибо я в хлопотах после приезда не знал, что почта отходит нынче. — Итак — продолжаю свой рассказ. — В Черном Яру после князя прожили мы дня три. Накануне нашего отъезда сидели мы дома с Оболенским, пили чай и скучали. Я желал хоть какого-нибудь происшествия... Вдруг раздается ужасный крик со всех сторон: «Пожар», «Горим!» Забили в набат, толпы народа, кто с чем попало, побежали по улицам, бабы визжат и плачут, постигая в полной мере всю опасность пожара в таком гнилом деревянном городишке и при сильнейшем ветре. Мы в одну минуту были на месте пожара. Горел сенной сарай, и если б не самоотвержение и не дерзость казаков и некоторых жителей города, то Черному Яру пришлось бы плохо, потому что трубы здешней пожарной команды не в состоянии действовать, а полицейские служители были почти все пьяны. Однако пожар кончился через полтора часа, никаких несчастных случаев не воспоследовало, только один казак сломил себе ногу, упавши с крыши. — Во вторник продолжали мы свою работу и вечером, простившись с портретами персидского шаха и султанши и расплатившись великодушно с хозяином, отправились часов в 10. Перед отъездом зашли проститься к Павленко, хозяин которого, купец Бровкин, отпустил нас не прежде как заставив сесть, помолиться богу, выпить бокал донского и почтить его, Бровкина, или его бороду, троекратным целованием. — Поехали. Во-встречу нам дул сильный и холодный ветер, называемый по-здешнему моряна, т. е. с моря, что было не очень приятно. На последней станции до Енотаевска, именно на Копановской станице, узнали мы, что далее ехать санным путем невозможно, и мы было решились бросить повозку и ехать на двух телегах, как вдруг является казак: «Полковник Донцов просит к себе откушать чаю». Мы было отказываться, но должны были склониться на настоятельные требования. Дело в том, что на этой станице живет казацкий полковник Донцов, ста-

рик лет 66, хлебосол, не пропускающий почти ни одного проезжего без зова, купца или дворянина, все равно, так что на станции даже лошадей трудно получить не побывавшему у полковника. Нам и прежде говорили про него, и мы знали, что князь думал также проехать мимо, но Донцов сам явился на станцию, и так как в принятии его приглашения нет ничего неблаговидного, ибо он даже и не подлежит нашей ревизии, то князь не захотел обидеть старика и отобедал у него. Мы пошли к Донцову и нашли в нем старого радушного казака, много служившего и совершившего много походов. Он заставил нас выпить у него по два стакана кофею, по два стакана чаю и отзавтракать. Мы его вполне вознаградили за это, дав ему повод поговорить про Ермолова, при котором он служил и которого просто боготворит. Показывал он нам и письмо Ермолова к нему[1], написанное года два тому назад по какому-то случаю. Старик не может читать его без слез. Хоть ему и 66 лет, но нельзя дать на вид и 50, так он бодр и свеж; в этой станице он родился и в этой станице привелось ему быть полковником и доживать свой век. Узнав, что мы хотим отправляться на телегах, он предложил нам бричку, которая была оставлена у него одним проезжим из Астрахани, с тем, чтоб она с оказией была отослана обратно. Мы приняли его предложение, нагрузили бричку и поехали, распростившись с ним дружески. — В Енотаевске первым моим движением было пойти на почту; не найдя ваших писем, но приказав, чтоб имеющие быть немедленно присылались в Астрахань, зашел я к Розанову. Розанов производит свою ревизию тихо, но аккуратно. У него теперь есть предписание князя о задержании Бюлера и Блока при себе для совместной работы. — Это будет служить наказанием сим господам за медленность прибытия, потому что в Енотаевске жить не очень весело. В самом деле, это непростительно, особливо Бюлеру, который столько хлопотал о назначении его на ревизию. — За Енотаевском пошли степи уже песчаные, снегу ни порошинки, но так как почва довольно волнистая, то виды очень хороши, особенно местами, где есть кустики или деревца. Мы ехали почти по берегу Волги. Мне было как-то жалко за Волгу, что скоро она должна утратить свою самобытность, истощиться в рукавах и бесчисленных устьях и умереть в море. — Наконец на другой день, т. е. в четверг, часу в 11-м утра, после беспокойной дороги (бричка хоть и покойнее телеги, но недалеко ушла от нее и вдесятеро беспокойнее тарантаса и зимней повозки) подъехали мы под самую Астрахань, т. е. к тому месту, где мы должны были переправляться через Волгу, ибо Астрахань стоит на другом берегу, расстилаясь обширно и красиво. Так как ехать в бричке по льду — довольно тонкому — опасно, да и запрещено, то мы перешли ее пешком, а бричку везла одна лошадь. Нам сказывали тут, что князь переправился в санях, а карету его тащили калмыки. — Переправившись таким образом, доехали мы на своей бричке до дому Сапожникова[2], где встретил нас князь и сам указал нам наши комнаты, которыми мы очень довольны. В этом доме помещается он, Строев, Булычев, Оболенский и я, остальные господа будут жить в отдельном доме, напротив нас. Дом большой, прекрасный и богатый, но самого хозяина нет, ибо он не живет более в Астрахани. Некогда мне теперь описывать вам ни самого города, ни подробностей нашего

помещения и препровождения времени — это будет содержанием следующего письма, — скажу только, что помещены мы прекрасно, но дни проходят как-то глупо, ибо работа не вполне определилась, и время проходит незаметно, в хлопотах, чего я не люблю. Надеюсь, что это все устроится и будут определенные свободные часы, которые можно будет посвятить себе. Впрочем, о свободном времени как-то совестно думать, когда Гагарин с 4-х часов утра работает неутомимо и один больше делает, чем мы все в совокупности. О губернаторе и губернаторше отлагаю до следующего письма. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы. Обнимаю милую Олиньку и всех прочих сестер и братьев. Я, слава богу, по обыкновению, здоров.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Итак, до следующей почты.

7

1 февраля 1844. Астрахань. Вторник.

Наконец вчера получил я ваши письма от 18 января, милый отесинька и милая маменька! Слава богу: они доставили мне большое утешение, ибо я до тех пор две почты сряду не получал писем. Прежде всего поздравляю вас с окончанием Костиной диссертации и со днем рождения Веры[1]. Теперь буду продолжать свой рассказ. Из последнего письма моего вы еще не могли получить настоящего понятия об Астрахани, — постараюсь в этом представить вам полную картину Астрахани[2] и нашего житья. —

Подъезжая к Астрахани по берегу Волги, вы живо чувствуете, что вы далеко от России. Кругом тянутся татарские деревни и торчат вострые и узкие крыши или шпицы мечетей. Лесу нет, но почти около каждого домика пирамидальные тополи, ращению которых здешняя почва благоприятна. Редко попадается русская телега с русским мужиком, но всюду встречаются двуколесные тележки с калмыками, татарами, киргизами, грузинами, армянами, персиянами. Эти деревни сопровождают ваш путь вплоть до места перевоза, где тонкий, не сплошной лед, по которому и в январе проходить опасно, свидетельствует об умеренности зимы. В самом деле, здесь в январе такая же почти температура, как у нас в апреле. — Я подвел вас к самой Астрахани, теперь вступим в нее. Астрахань совсем не похожа на прочие губернские города: она больше их и имеет свой самобытный характер. Почти опоясанная водою, Волгою и Кутумом[3], она представляется издали на некоторой возвышенности — пестрою, разнообразною массою домов, церквей, кирк, мечетей, осененною целым лесом мачт. Словом, Астрахань наружностью своею произвела на меня приятное впечатление. Правда, улицы не мощены, не ровны, много сломанных заборов, пустырей, грязи и спокойно прогуливающейся скотины, но много прекрасных каменных зданий, старинных, оригинальной архитектуры церквей и к довершению всего — портрет, хоть не совсем схожий, Кремля. Здешний Кремль, построенный царем Федором Иоанновичем[4], чрезвычайно ветх и стар, стены маленькие, цвета глины, но расположены наподобие московского. Обширный базар, и всюду здания, вмещающие в се-

бе лавки, большой Индейский двор[5], обращенный, кажется, под какое-то присутственное место, свидетельствуют о прежнем процветании астраханской торговли! Теперь многое пусто, и на базаре нет шума и говора, не видно живой деятельности.

Дом коммерции советника и почетного гражданина Сапожникова, где живем мы, расположен очень удобно и стоит за мостом, почти на берегу Кутума. Сапожников — один из богатейших капиталистов-рыбопромышленников, благотворитель Астрахани, учредитель многих полезных заведений, не живет более здесь, но все-таки снимает постоянно острова в устьях Волги и другие воды, которыми заведывают его приказчики. Надо быть здесь, чтобы судить о здешней рыбопромышленности: это целая система, имеющая совершенно свою жизнь, свой язык, обычаи, обряды и суеверия! На островах, снимаемых Сапожниковым, живет до 400 рыболовов, поселенных там им же. Лов производится даже зимою, и во время недавно бывшей здесь бури оторвало огромную льдину с 28 людьми, но, к счастию, опять прибило к берегу. Я заказал здешнему управителю[6] 20 ф<унтов> икры паюсной, и он нынче напишет, чтоб немедленно поймали осетров и сделали икру; возчиков имеют они много, и икра эта может быть у вас дней через 40; может быть, она уже и попортится дорогой, но все-таки будет свежая икра, родившаяся только 6 недель тому назад.

Мы живем вверху: у нас большая комната, передняя и особенный вход. — По стенам развешаны картины единственной моему понятию доступной школы — фламандской, и прибито вдоль стены, горизонтально, длинное, узкое зеркало в золотой раме. Из окон вид чудесный. С одной стороны Волга с множеством судов (теперь закованных льдом), с другой — город, а вдали степи. У нас даже свой балкон, и комнаты так хорошо отделены, что можно курить и петь. Внизу нам не было бы такого удобства, потому что комнаты князя близко, а он терпеть не может табака. Внизу в большой комнате помещается канцелярия, — отдельные комнаты для Строева, Булычева и Думбровского, который теперь с Розановым в Енотаевске. Там зала и комнаты князя. Кругом галереи и балконы, есть сад с оранжереей и банею, которою я уже воспользовался.

В день нашего приезда получили мы двоекратные приглашения от губернатора ехать в Собрание. Думают доставить этим удовольствие молодым людям, но в отношении меня совершенно ошибаются! Мы слишком в тот день устали от дороги и не поехали. Князь посылал меня и Оболенского сделать визит губернаторше, да я отказался, но Оболенский поехал. На другой день губернатор был у князя, который меня ему и представил. Тимирязев человек очень умный, но и очень гордый: конечно, присылка ревизора есть для него смертельная обида, да нечего делать! Князь держит себя совершенно иначе, нежели прочие сенаторы-ревизоры; я нахожу, что это очень умно, тем более что он находится в чрезвычайно фальшивом положении в отношении к губернатору, против которого направлена ревизия, который это знает и который лет 25 тому назад был довольно коротко знаком с Гагариным. Князь объявил ему заранее, чтоб он не приглашал его ни на обеды, ни на балы и что он, будучи очень занят, не может делать к ним в дом и жене его частых посещений. Конечно, видаясь с ним,

князь любезен как светский человек, но качество ревизора, долг службы, все заставляет его поступать так, чтоб не могло родиться у него пристрастия, ни даже у других подозрения в пристрастии. Мы, конечно, должны соображаться с его действиями и избегать всяких особенных знакомств с жителями, хотя, впрочем, учтивость требует и обязывает нас делать иногда визиты губернатору и жене его, которые не смеют и приглашать, боясь отказа. — Впрочем, разъезжать было бы некогда. Астрахань, кроме учреждений, общих всем губернским городам, имеет своих особенных 19; всего 39! Прошу покорно разобрать каждое место, рассмотреть все дела и действия за три года, разрешать просьбы, да еще обследовать многие вопросы правительственные!

Однако князь таки нашел средство послать меня к губернатору. Именно — он приказал мне отвезти ему бумаги от его имени с благодарностью. Тимирязев принял меня очень любезно и представил жене. Жена же сия выше Армфельдовой[7], худощава, хотя стройна и носит на себе следы давнишней красоты (ей теперь лет под 40, и я подозреваю, что она румянится). Она очень умная и ловкая женщина, властвует над городом и в подражание императрице танцует. В разговорах своих старает вызнать положение дела, мнения князя и потому надо быть очень осторожну. «Nous autres personnes, nous sommes enterrées vives ici»*, — говорит она, и мне, право, стало ее жалко: каково прожить светской женщине 10 лет в Астрахани! Я заранее объявил ей, что я un jeune homme fort peu aimable, fort peu galant, совсем не habitué des salons et que j'ai la danse en horreur **. Этим хотел я избавиться от приглашений на танцы и думаю, что воля ревизующего чиновника будет уважена. А мы, как нарочно, попали на масляницу, следовательно, неделю увеселений. Нам здесь готовили много празднеств, но князь не намерен принимать их, однако посылает нас завтра в Благородное собрание и в пятницу на déjeuner dansant ***. Интересно было бы посмотреть астраханскую публику, но я не поеду, ибо щедро высыпает золотуха, и я ношу платок. Следовательно, Оболенскому придется отплясывать за всех. Несчастные дамы, воображавшие с восторгом о приезде 11 молодых людей! Жалко, что нет Бюлера: он бы, по крайней мере, был нам в этом отношении очень полезен. Итак, если князь не живет с пышностью и блеском сенатора, старшего в губернии чиновника, так, по крайней мере, пребывание его внушает страх и уважение. В пятницу и субботу Тимирязев как начальник губернии и хозяин показывал князю все здешние учреждения: князь с Тимирязевым, в мундирах, ехали впереди в коляске, а мы, т. е. Строев и я, первый день в пролетках, второй в коляске ехали сзади. Всюду обнажались головы, отдавались почести, чиновники у ворот встречали с рапортом, и при выходе из каждого места мы находили толпы народа, любопытного и без шапок стоящего. Торжественность такая, что невольно, кажется, наводила искушение закричать «ура!». Этого-то я и боялся, и действительно, в одном месте маль-

* Мы же здесь заживо погребены (*фр.*).

** Молодой человек весьма мало любезный, весьма мало галантный, совсем не завсегдатай салонов и что я ненавижу танцы (*фр.*).

*** Утренник с танцами (*фр.*).

чишки не выдержали и побежали было за нашей коляской с криками «ура!!!» — Были мы и в театре, довольно порядочном для Астрахани, содержателя Воробьева; был я, наконец, у Бригена[8]. Человек он добрый и прекрасный, но немец, и поэтому как-то атаманство ему не к лицу. Жена его и еще какая-то немка, увидавши меня, закричали: «Ach, ach, ausserordentlich, ausserordentlich!»* Что такое? Выходит, что я ужасно похож на Веру. Эта немецкая семья, добрейшая, честнейшая, все что угодно, да все-таки немецкая — не очень будет привлекать меня, хотя нельзя не бывать у них. —

Дни наши проходят пока довольно безалаберно. То дела много, то дела нет, работы еще не обозначились, и ревизия собственно присутственных мест еще не начиналась. Более всех работает князь, читая все бумаги и сведения, ему доставляемые, и отдавая уже нам к исполнению. Работает он часов 14, если не больше, в сутки. Встает часу в 5-м, мы в 8-м, а Строев еще позже, тем более что любит прохлаждаться за чаем с сигаркой. Работаем кое-что, иногда уходим гулять перед обедом, который бывает в 4 часа. Обед хороший, французский, и поэтому для меня неудовлетворительный, тем более, что завтраков и ужинов нет. Так что я пью три раза в день чай: поутру, после обеда, собираясь с другими у Строева, и потом часов в 10 вечера у себя, куда собираются прочие в свою очередь. Строев человек умный, только слишком любит восточный кейф; признаюсь, я и сам что-то обленился, от того ли, что нет определенной работы. Завелись мы для завтрака икрой зернистой (какую в Москву даже и не привозят) и заказали на всю неделю блины. Покуда мы живем очень хорошо между собою; всѐ было бы хорошо, коли не гибель предстоящей скучной работы, неизвестность окончания ревизии, отдаленность от Москвы, медленность почт и неимение книг!

Думал писать вам еще, но утомился. Одним духом, не вставая, трудно написать два листа такого мелкого письма. А хотелось бы мне написать особое письмо к Косте, поблагодарить милую Веру за ее письма и поздравить. Итак, одна гора свалилась с плеч, но я боюсь, что в радости долго забудут приняться за другую; но, тем не менее, поздравляю всех с окончанием диссертации; по крайней мере, можно сказать себе, что кончен мой труд многолетний![9] Готовятся у меня стихи, но не знаю, когда я их кончу, мало у меня свободных для мысли минут, и притом я почти никогда не бываю один, а с Оболенским, врагом Поэзии! Прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы, дай бог, чтоб здоровье милой Олиньки шло успешнее и чтоб она с миндального мороженого перешла на суп и цыпленка. Пожалуйста, продолжайте сообщать мне бюллетень о ее здоровье. Крепко обнимаю ее, равно как всех сестер и братьев. А <нне> С<евастьяновне> мое почтение и еще — кому угодно. Я, слава богу, здоров, только золотуха меня посетила. Впрочем, летом здешний климат и соляные испарения способствуют ее излечению. Посмотрим, а то уж она мне надоела: это во 2-ой раз во время дороги. Прощайте,

ваш *Ив. Аксаков.*

---

* Ах, ах, чрезвычайно, чрезвычайно! (*нем.*).

8

Астрахань. 1844. Февраля 5. Суб<бота>.

Еще получил я от вас письма, милый отесинька и милая маменька. Слава богу, что все идет у вас лучше, нежели я себе представлял; я думал, что буду получать письма от одной Веры, но благодарю вас, милый отесинька и милая маменька, за то, что и вы успеваете писать ко мне. — С последнего вторника ничего особенного не произошло, я все оставался дома и потому, что действительно меня обметала золотуха сильнее обыкновенного, и потому, что я отговаривался этим от посещения здешнего Благородного собрания. Собрание это, как сказывали мне бывшие в нем, не представляет ничего особенного, ничего смешного, курьезного и, будучи чрезвычайно малочисленно, очень скучно. Т. е. ничего нет особенного, а все порядочно: поэтому я очень рад, что от него избавился, тем более, что я не танцую, не играю, а между тем как лицо почти официальное привлекал бы всеобщее внимание, и губернаторша не знала бы, как занять меня. С комическою важностью могу я повторять: тяжело быть лицом официальным! Вообразите, что почти гулять нельзя: все знают вас и кланяются, и всякое ваше движение известно. Нынче поутру в Собрании был déjeuner dansant*, вероятно, пляшущие блины, но из наших не поехал никто. Досадно, что Гагарин засадил Бюлера с Блоком в Енотаевске[1], а то бы первый стал помогать Оболенскому исполнять за всех нас долг учтивости в отношении к Тимирязевой[2]. — С нетерпением ожидаю настоящей весны, т. е. того времени, когда лед сойдет и двинутся бесконечные суда по Волге, заколышатся белые паруса, раздадутся песни бурлаков и отовсюду станут приливать русские отчаянные промышленники! Тогда оживится, по крайней мере, скучная Астрахань. Ибо, надо признаться, скучна она зимою! Редко встретите вы умное лицо русского мужика, а все глупые фигуры калмык и киргиз. Да и русские здешние не то, что наши. Они говорят: в России делается так, а у нас иначе! Или лукавые лица всегда друг на друга похожих армян и персиян. Женщин по улице не видать почти совсем; азиатки сидят дома; раз встретили мы двух женщин, с ног до головы покрытых белыми чадрами или попросту серпянкой[3]. Почувствовав любопытные устремленные взоры, они немедленно скрылись.

Не знаю, что будет, а ревизия — как и все — вещь довольно бесполезная, тем более что всякий ревизор действует против своего убеждения, будучи обязан требовать исполнения таких законов, которые... Я думал убежать от канцелярского порядка, но свойство российского делопроизводства таково, что нет средств выбиться из этой колеи, нет средств не употреблять заученных форм в бумагах и лгать безбожно, важно говоря то, чему ни сам, ни другие не верят! Не знаю, что будет, мы всего десять дней здесь, но работа скучна, тем более что внутреннее убеждение говорит, что она бесполезна. Хорошо бы, если б сбылись предположения князя воротиться на пароходе, т. е. в июле или августе месяце. Как же ему, человеку, привыкшему к свету, должно быть здесь скучно, ибо мы не состав-

* Утренник с танцами (*фр.*).

ляем и не можем составлять ему общества! — Вообще состав нашей канцелярии плох в том отношении, что мы все люди, служащие по судной части, между тем как судная часть при ревизии играет самую жалкую роль, а должно касаться предметов совершенно чуждых. Для этого надо было бы иметь чиновника из каждого министерства. Зато какая для нас польза! вот, например, мне теперь предстоит приятное чтение ведомостей казенной палаты о сборе с питей, оброчных статей, о недоимках! —

Первую неделю мы будем есть постное. Предчувствую, как надоест мне уже приевшаяся икра. Этот товар можно иметь дешево, т. е. зернистую по 1 р<ублю> фунт и отличную, но дороговизна и дурное качество других припасов — невыносимо. Нельзя почти иметь ни хорошей говядины, ни телятины, ни свежей баранины, зато можно иметь соленый виноград! Не только съестные припасы, но азиатские товары, которых я обещал прислать встречному и поперечному, воображая, что они так дешевы, как огурцы, — дороги ужасно. Все лучшие отправляются в Москву, и собственно в Астрахани торговля этими товарами бедна. Хотел было я купить тармаламы [4] на халат; что же? по 11 с лишком рублей аршин, а аршинов надо 10. Персидские ковры на столы — рублей 30 самая малая цена! Черешневые чубуки по 15 рублей, а табаков азиатских и вовсе нет. Оболенский хотел было купить персидскую лошадь, но обжегся: цена умеренная 2000 рублей!! Да что же здесь дешево, спрашиваешь с нетерпением? — Как что? летом стерляди и другая рыба, излишнее употребление которой производит лихорадку (и которой ты не любишь); осенью виноград, излишнее употребление которого производит лихорадку; наконец, за неимением хорошей воды и квасу, дешевые здешние вина, копеек по 30 бутылка, слабые и кислые! А, ну это другое дело, теперь я доволен.

Масляница идет очень чинно. Мы раз позавтракали блинами и решили не есть уж больше блинов целую неделю; здесь же в городе также не видно бешеного московского разгула, катаний нет, гуляний нет, и только г<осподин> Воробьев с труппою дает ежедневные представления «по возобновлении в 1-й раз». Но как ни люблю я драматическое искусство, но более в театр здешний не поеду. Даже нечему смеяться, а просто скучно. — Воображаю себе, как в понедельник вдруг преобразится угомонившаяся Москва! [5] Как потом наступят концерты, и светские дамы поедут в модные церкви, повинуясь утратившему первобытное значение обычаю. Вот в этом я совершенно рознюсь с Костей. Я терпеть не могу прикосновения светской толпы к какой-нибудь высокой истине или мысли. Сейчас мода, мания опошлить всякий внешний вид этой мысли; я был бы недоволен, если б мода пошла на национальность, и, вероятно, лекции Грановского[6] скоро потеряют первобытный характер, ибо где светское общество, там везде пустота, возбуждающая насмешку. Особенно эти дамы! «Ah! comme c'est charmant; c'est dommage seulement, que je n'aie rien entendu»*, или Сенявина[7] записывает! Мне пишете вы, что Костя, свалив с плеч диссертацию, выезжает в общество беспрестанно[8] и что дети запирают его на час или два в комнате! Мне жалко, мне грустно, мне досадно видеть чело-

---

* Ах, как это мило, жаль только, что я ничего не поняла (*фр.*).

века, как он, унижающегося до светской толпы, страшной своею пустотою; мало того, не чувствительного к ее бессмысленным похвалам, часто некстати, невпопад высказываемым! Человека, добровольно профанирующего высокие мысли и подбирающего чутко будто бы лестные слова тупоумных женщин и близоруких светских судей! — Посылаю ему стихи [9], которые, я надеюсь, он примет в настоящем их смысле, т. е. как излияние дружеского негодующего сердца. Впрочем, вот еще ему мой совет: пусть он заставит Семена выучить те же самые слова, которыми St.-Simon приказывал уже в наше время будить себя: «Levez-vous, Monsieur le Comte; vous avez de grandes choses à faire!!»*

Как несносно то, что почта опаздывает всегда двумя или тремя днями и как несносно себе воображать, что письму надо идти почти две недели, что оно не может прийти впопад, что сообщаемые известия уже старые... Буду ждать от вас с нетерпением уведомления, как понравилась отесиньке деревня[10]. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы; крепко цалую ваши ручки. Обнимаю всех сестер и братьев; Вере я бесконечно благодарен, но благодарен также и всем моим милым сестрам; постараюсь отвечать каждой, хотя, впрочем, все мои письма — им ответ. — Крепко обнимаю милую Олю; не прикажет ли она прислать себе соленого винограда или персидского ковра под ноги? Верно, она удостоит меня поесть имеющей прибыть к вам через месяц икры? Бумаги Яновского, о которых она спрашивает[11], должны быть у Гриши, в числе сданных ему мною; если же их нет там, то в плетеной корзине. —

Прощайте еще раз, будьте покойны на мой счет, ибо я здоров совершенно.

А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. Я не пишу вам нынче больше и потому, что как-то не в расположении, и потому, что писать почти не об чем. —

9

8 февр<аля> 1844. Вторник. Астрахань.

С последнею почтой не получил я от вас писем, милый отесинька и милая маменька; я объясняю это тем, что вы послали их с Бюлером и Блоком, но как эти господа были перехвачены на дороге, т. е. им приказано остаться в Енотаевске с Розановым, то я, вероятно, не скоро получу их. Впрочем, письма эти были, вероятно, писаны вами до получения рассказа о претерпенных нами в степях тамбовских бедствиях. Вообразите, что Оболенский получил письмо от своей матери, которая, хотя не получила еще черноярского письма его, но до которой стороной дошли слухи, что нас выкапывали казаки из снежных сугробов! — Теперь почта должна прийти завтра, но так как она всегда двумя днями опаздывает, то мы получим письма не прежде пятницы. — Наконец кончилась и масляница, и мы почти незаметно перешли к посту. Я говорю незаметно потому, что рыба здесь глав-

* Вставайте, господин граф, Вас ждут великие дела!! (*фр.*).

ная нища круглый год. Дни эти, т. е. со дня последнего моего письма, воскресенье и понедельник протекли так же мирно, так же скоро, так же скучно. Работа установилась несколько, и ее довольно много, даже слишком много, ибо нас в Астрахани слишком мало, и мы теперь выписываем из Енотаевска от Розанова Думбровского. Князь дает мне поручение, которое я, приглядевшись несколько к ревизии, уже чувствую себя в состоянии выполнить, т. е. обревизовать мне одному здешний уездный суд, и, чтоб не было слишком конфузно, дается мне в помощь Оболенский. Эту ревизию начну я с субботы. Она, вероятно, займет меня первое время, тем более что я захочу оправдать доверенность князя, который, впрочем, делает мне это поручение с некоторым опасением. По существу же своему работа эта скучна и мертва: надо рыться в старых делах архива, просматривать текущие подлинные дела и т. п. Конечно, зато служба познается скорее; так, например, мне, я думаю, приходилось уже рыться во всех 15 томах, и я в этом приобрел такой навык, что, скажу откровенно, превзошел всех моих сотоварищей, и беспрестанные поручения от князя «справиться в „Своде", сообразиться со „Сводом"» мешают всякой другой работе. Конечно, когда поутру встаешь свеж и бодр, то как-то борзо сходишь в канцелярию, но, поработав часов пять или шесть сряду, иметь в перспективе какой-нибудь устав о казенных питях, о земских повинностях невольно нагоняет зевоту. К тому же для отдохновения нет ни одной книги. У князя есть библиотека, но сам я просить книг у него не хочу, а он не предлагает; к тому же она вся составлена из французов. И поэтому в свободное время поневоле приходится кропать стихи, да и то про себя, ибо Оболенский враг поэзии, мы, к сожалению, почти не разлучаемся, и это все отнюдь не вдохновительно. Последние стихи мои, т. е. те, которые я послал вам, сочинены и переписаны, однако, без ведома Оболенского, во время его сна. Впрочем, все-таки как путешествие, так и самое принужденное положение необходимо благотворны. Полезно познавание всех мелких сторон чужой души, всей пустоты людской и видов, в которых она проявляется. Кстати о стихах. В «Московских ведомостях» прочел я («Московские ведомости» почти единственное чтение наше), что вышла «Индийская повесть» в стихах Жуковского[1]. Что это такое? перевод, что ли, носит ли это произведение на себе характер индийской поэзии? Вам, верно, это известно, и я, может быть, спрашиваю о вещи уже старой и никого не занимающей. — Итак, и Каролина Карловна пустилась в свет и танцы! Ох уж эти мне женщины! удивляюсь, как муж ей это дозволяет[2]. — Вообще надо сказать, что господа некоторого кружка, забыв серьезность, важность интересов, их соединяющих или соединявших, много потеряют тем, что прикоснулись к пыли и суете светской. Я говорю это, конечно, не о Павловой, но я боюсь, что сам Петр Васильевич Киреевский[3], склоненный вниманием какой-нибудь блестящей дамы или задетый за тщеславие, пустится в свет и начнет танцевать! Я было совсем забыл о Панове; поклонитесь ему от меня, да что он? занимается ли чем определенным, сбрил ли усы[4] или еще надеется, что с помощью усов, гладко причесанною головою и миловидною наружностью он много успеет в свете. В глубине души его есть это движение. Что надежнейший из молодых людей, холодный, как

называют его, Самарин? Сделайте милость, поклонитесь ему от меня особенно. Вам известно, как я об нем думаю? Я бы желал знать, успокоился ли Костя, уяснились ли вполне его отношения к Самарину?[5] — Ожидал я в газетах найти какую-нибудь статью о лекциях Грановского, но этот Корш[6] бог знает что помещает! По крайней мере, уведомляйте меня по временам, что нового и особенного в «Отеч<ественных> записках»? вероятно, в 1-м номере было что-нибудь, заслуживающее внимания. Князь получает еще «Северную пчелу» и «Листок для светских людей» Мятлева[7], но этого и читать не достает духа. Раз только, говорят, была помещена в «Листке» вещь замечательно характеризующая; именно: нарисован армейский военный офицер, который с подергиванием плеч и усов подходит, шаркая, к даме и спрашивает воинской скороговоркой: «В каком ухе звенит?» Та отвечает: «В левом». «Как вы знаете?» — спрашивает выпрямившийся кавалер с изумлением! — Такими-то пошлостями занимаемся мы здесь в досужное время.

У Бригена во второй раз я еще не был. Во-первых, все эти дни почти было на дворе грязно и скверно: какой-то дождь с ветром. Во-вторых, потому, что скучно у этих немцев, будь они добрейшие на земле люди. Но делать нечего, пойду к нему на второй неделе. — Надо знать, что такое астраханская грязь! Просто ходить нельзя. Смешанная с солью, она так вязка, что с трудом выносишь из нее калоши. Эта грязь бывает зимой и весной, частию и осенью; летом же несносная пыль, подымаемая с улиц почти постоянно дующими здесь ветрами. Вы видите где-нибудь зелень, т. е. какое-нибудь жалкое деревцо, которое, по крайней мере, раз шесть в день требует поливки, — думаете укрыться от пыли и жара... Но где зелень, туда особенно напирают мошки! Нельзя и тут оставаться. В комнату... но в комнате воздух спертый и жаркий, постели так нагреваются, что нет возможности спать на них; забываясь, вы думаете открыть окно ночью, но или удушливый зной, как банный пар, врывается в комнату, или же дует опасный ветер. Вот вам преимущества знойного климата и описание жалкой астраханской природы! Сегодня слышал я рассуждение повара князя Гагарина, негодовавшего на невежество здешних жителей в поварском искусстве. Постом говядины достать здесь нельзя, телят бьют почти только что родившихся, одна картофелина стоит грош, несколько кореньев — гривну, и живой рыбы достать нельзя, ибо пойманная стерлядь зимою немедленно замораживается и отсылается в верховые губернии[8]; чухонского масла почти нет [9], бутылка молока 40 коп<еек>, миндаль, которому здесь следовало бы быть дешевле, дороже. Вот вам такса здешних припасов! А город велик и сам по себе довольно многолюден, но дворян-то здесь мало русских, а армяне и персияне немного сделают для самого города. Эти последние господа, с черными высокими остроконечными шапками, надвинутыми на черные брови, с черными, как смоль, усами и бородою, важно и молчаливо сидят у своих лавок. Грузин здесь мало, они все лучше. Впрочем, завтра, после занятий намерен я идти гулять по городу, коли дозволит время; авось что-нибудь найду особенного, а то до сих пор Астрахань почти как худой кремень, из которого мало искр высекается.

Однако же второй час ночи. Так как мы теперь встаем довольно рано, то пора и ложиться. Итак, прощайте, милый отесинька и милая маменька, крепко цалую ваши ручки; до следующего письма. Надеюсь, что в пятницу получу я от вас письма, ответ уже на мое длинное черноярское писание. Прощайте, будьте здоровы. Крепко обнимаю милую Олю. Ради ее готов познакомиться с одной барышней, Ахматовой[10], здешней помещицей, у которой верстах в 50 от Астрахани есть деревня Черепаха, где есть у ней сад, вмещающий в себя до 35 разных сортов винограда. Обнимаю милую Веру, Костю, Гришу и всех прочих сестер. А<нне>С<евастьяновне> мое почтение. Сашу Аксакова цалую. Прощайте.

Ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. Не можешь ли ты, Гриша, узнать, в каком положении дело Щербатова и успокоился ли по этому делу князь Андрей Оболенский?[11] Не было ли писем ко мне из Петербурга. Кланяйся от меня Погуляеву, Воскресенскому и Сазонову[12].

10

Суббота 12 февраля 1844. Астрахань.

Вы не поверите, милый отесинька и милая маменька, какое необыкновенное впечатление произвело на меня то, что, распечатав конверт и выдернув письма, увидал я Олинькину руку[1]. Она первая бросилась мне в глаза. Живо сочувствую вашему тревожному ощущению и благодарю бога. Счастлив тот, кому вера может служить таким подкреплением! Но когда вспомнишь, что это было назад тому недели две, то невольно беспокоишься о последствиях. Как тяжело это расстояние: нельзя получить ответа ближе месяца. Стало, письма ваши от 29-го не пропали и не были посланы с Бюлером, как я воображал себе прежде; но не понимаю, отчего была такая задержка? Разве оттого, что они были посланы в Черный Яр? но ведь это по тракту. Я должен был также получить, как и все другие мои товарищи, письма от 2-го февраля, но их нет. Почта должна прийти нынче, но так как она никогда в срок не приходит (прошедшая почта опоздала тремя днями), то я ожидаю их завтра. Получение писем на таком далеком расстоянии, в Астрахани, истинное наслаждение, и эта старая фраза заключает для меня в себе убедительную истину. Князь, получающий по 5-и писем иногда зараз, видимо, тревожится неприходом почты в срок и посылает беспрестанно наведываться, и как скоро получены письма, то все бросают работу и расходятся, чтоб прочесть их наедине. Поэтому просто завидно бывает, когда другие все получили письма, а ты нет, и лицо обыкновенно делается сердитее и длиннее.

Итак, деревня Вам даже понравилась, милый мой отесинька. Конечно, если отложить дальнейшие претензии на раздолье и приволье, и она может удовлетворить. Только, как мне кажется, не худо было бы один балкон сделать шире да придать более красивости косякам; впрочем, это терпит и легко может быть сделано со временем. — Из писем ваших вижу я, что вы в ужаснейших хлопотах: беспрерывные посещения, разъезды... С этой стороны, рассматривая эгоистически, признаюсь, я даже рад, что изба-

вился от скучной необходимости занимать скучных гостей. Вы пишете, что Ахматов в Москве? Это, верно, Ник<олай> Петрович. А тут итальянец с m-me Великопольской[2] и проч. и проч. Конечно, по своему глупому обыкновению, я бы часто утекал из гостиной к себе наверх, но все не избежал бы, с одной стороны, гостей, а с другой — выговоров Веры Сергеевны. Нынешний раз и ее письмо не великонько, ну да она все-таки не манкирует ни разу и притом так занята днем чем бы то ни было, что я ни за что не хочу получать писем длинных, но написанных ночью. Удивляюсь и тому, милый отесинька, как Вы находите досуг писать мне аккуратно поллиста Вашим сжатым довольно почерком. Гриша, я знаю, занят действительно[3], а получать письма от Кости я отложил давно всякое попечение, разве лишь перед выездом из Астрахани... Но это не должно служить ему извинением, а то он, пожалуй, скажет: коли отложил попечение, так что ж и писать! Нет, нет, прошу вас всех понуждать его.

С сегодняшнего дня начал я ревизию уездного суда и ужасно прозяб в проклятом архиве, но согрелся не столько обедом сколько послеобеденным чаем. Не знаю, сколько времени продолжится эта ревизия, но Гагарин дает сколько угодно сроку, только чтоб было хорошо. Теперь опять препровождение времени преобразилось. От 9 до 3-х часов будем мы (т. е. все я с Оболенским) в уездном суде, а после обеда, который бывает в 4 часа, или разработкою утренних замечаний, писанием отношений и запросов от своего лица в уездный суд, или посторонними занятиями. По крайней мере, время занятий будет определено, и в остальное время я могу быть свободным, не то, как прежде. Когда приедут Павленко и Розанов, то, вероятно, все присутственные места и учреждения здешние будут разделены между нами троими, и авось посредством этого разделения можно будет окончить ревизию собственно эту месяцев в шесть, но не ближе. Еще надо съездить на Бирючую Косу, где карантин, на рыбные учужные промыслы[4], объехать улусы калмыцкие. Все это, вероятно, заставит нас пробыть лишний месяц, если не два. Кроме ревизии присутственных мест, столько присылается до сих пор поручений из Петербурга, столько просьб, столько разных вопросов, требующих разрешения, что я и не знаю, как это все уладится, устроится, удовлетворится. Будет работа чванно едущим в карете Бюлеру с Блоком[5]. Смешно вообразить их удивление, когда на дороге их захватило предписание остаться в Енотаевске, где они должны были провести и масляницу. Впрочем, они и сами виноваты. Сверх того у Бюлера есть письмо к князю от его дочери, и он до сих пор не присылает этого письма. А здесь получено письмо к Блоку, которое я завтра же отошлю к нему.

Князь все продолжает работать неутомимо, вставать в 5-м часу и заниматься почти во всякое время. Его тревожный характер, беспрерывное брожение мыслей в голове не дают ему покоя. То призовет он кого-нибудь и продиктует пришедшие ему в голову мысли, то примется за разрешение просьб, то займется другим предметом. Никогда никого не держит он и ненавидит медленный ход дела. Впрочем, это уж у него в крови. Так, например, когда ходит гулять с нами, то мы едва поспеваем за ним: легкость и живость его тела, особенно в его лета, просто удивительны. Вся-

кий из нас любит прохлаждаться, выпить спокойно чашку чая или кофея, выкурить медленно сигару, но у него это не занимает более 10 минут. Я даже не люблю этого: человеку необходимо иметь несколько досужных мгновений, чтоб успокоиться, прийти в себя, собраться с духом, углубиться вовнутрь. Будучи от природы горяч необыкновенно, отчего произошло много неприятных последствий (наприм<ер>, история Спасского[6]), он умеряет в себе эту вспыльчивость и никогда не позволит себе ни одного дерзкого слова; как человек благовоспитанный, он деликатен и всегда любезен в обращении; даром, что природою обточен аристократически, не имеет почти ни одной прихоти, ни одной привычки изнеженного человека... Есть одна слабость, да и та вовсе не проявляется в таких гнусных видах, в каких изображала ее Москва и его супруга[7], la princesse-Mégère*. Да и Свербеев[8] в отношении к нему жестоко ошибается. Жалко мне бывает видеть этого человека, некогда блистательного обер-прокурора Общего собрания, имевшего власть министра в Москве[9], чего ни прежде, ни после него уже не было, человека столь усердного на службе, столь деятельного, с необыкновенным даром слова, с быстрым соображением, с огромными способностями, — заживо погребенным в сенаторах. Ему бы непременно следовало быть министром юстиции или главноуправляющим какою-нибудь отдельною частью, особенно распорядительною. Конечно, многое мне в нем не нравится: иногда он уже слишком поспешен, вообще наклонен к насмешке и отзывается аристократическим духом воспитания, т. е. французским. На этом языке говорит и пишет он превосходно, и французским bon mot** можно у него много выиграть; хотя охотно выслушивает чужие мнения, но довольно упорен в своих взглядах и предположениях, очень часто с моими несогласных. Впрочем, я тут большею частью в стороне; главным его советчиком Строев, с которым он часто расходится в этом отношении. Как ни хочется князю в Москву, он уж, верно, не выедет из Астрахани прежде, чем не уверится, что ревизия его превосходна и блистательна, и уж он, конечно, не удовольствуется пошлым и обыкновенным окончанием всех ревизий. — Все, что я говорю о князе, есть мое искреннее мнение, вовсе не происходящее от пристрастия или от того, что он обращает на меня особенное внимание, дает мне отдельные, самостоятельные поручения как старшему чиновнику и вообще хорошего обо мне мнения[10]. Конечно, я не могу не быть ему за это благодарным и не признавать в нем особенной способности с первого раза отличать людей; ибо он с первого моего доклада в Сенате стал оказывать мне особенное внимание. То же самое делал он и с Вас<илием> Вас<ильевичем> Давыдовым, когда тот, никем не знаемый молодой человек, определился на службу в Сенат.

Нынче последний день нашего поста, и я, признаюсь, очень рад этому, потому что рыба и икра стали мне противеть, особенно уж эта стерлядь, приторная, мягкая; а здесь она главную роль играет в столе. Нет, перейти поскорей к скоромной пище, хоть до середокрестной недели[11]... Погода

---

* Княгиня-мегера (*фр.*).
** Остротой (*фр.*).

у нас стоит довольно переменчивая, но все эти дни было, кажется, не менее шести градусов тепла в тени и ходить в зимней шинели почти нет возможности. Одно скверно здесь: это несносная грязь по улицам, хотя, впрочем, везде устроены деревянные тротуары для пешеходов; но когда переходишь через самую улицу, то нередко оставляешь в грязи свои калоши. Однако прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, цалую ваши ручки, будьте здоровы и веселы и обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь. Будьте уверены, что я всегда пишу вам правду и здоров совершенно. Обнимаю милую Веру, Надю, Любиньку и всех прочих сестер и братьев. Кланяюсь кому заведено. До следующего письма, а теперь пора кончить, ибо ночь.

Ваш *Ив. Аксаков.*

11

***Февраля 15 1844.** Астрахань. Вторник.*

Вчера, воротившись часа в три из уездного суда, нашел я два пакета писем от вас, милый мой отесинька и милая маменька, от 1-го и 5-го февраля. Боже мой, как я обрадовался, с каким наслаждением провел я целый час в чтении писем. По моим расчетам, из ваших писем не пропало до сих пор ни одно, а из моих только одно коломенское. Итак, вы получили описание наших тамбовских бедствий, о которых ходил уже давно слух в Москве, как писали вы и как пишут к Оболенскому. Мне теперь как-то странно читать, что вы так взволновались этим, ибо ощущение того положения давно прошло. Напрасно вы думаете, что я что-нибудь убавил, напротив, я все писал с самою строгою верностью; напрасно также вы относите к великодушию то, что мы отдали ямщикам шубы: тут великодушия вовсе не было, или, по крайней мере, оно играло самую малую роль; мы рассчитывали на ямщиков, полагая, что будут нам полезны для отыскания дороги, и будучи почти уверены, что скорее вынесем холод, чем они. Запрятаться в стог сена мы не догадались, да и вряд были бы в состоянии раскапывать снег. Вот вам, милый отесинька и милая маменька, ответы на ваши вопросы, возникшие при чтении письма; следов после того не было никаких для здоровья, тем более что мы оттуда попали в довольно холодную комнату. Но теперь мы живем тепло и покойно, и прежняя тревога давно забыта. Я совершенно теперь втянулся в работу или, лучше сказать, в ревизию уездного суда, где сижу с 9-ти утра почти до 3-х пополудни; работа эта, состоящая в подробном просмотре всех текущих дел (числом, кажется, до 90), уголовных и гражданских, да решенных за три года, сданных в архив и приготовляемых к сдаче, очень медленна и однообразна. Все замечания кладутся тут же карандашом, потом приводятся в порядок, и я делаю судье запросы, на которые он обязан мне давать письменное объяснение, так что каждое упущение очищено или сознанием или достаточным оправданием. Вам неприятно, что в Черном Яре была у нас дурная квартира и что выражение «отдавая справедливость способностям Аксакова» сухо. Но ведь квартиры занимались по мере приезда чиновников, и князь нисколько не знал, хороши ли они или дурны. Напротив, я очень рад был, что мы стояли у бедного хозяина, с которым расплатились за

все, ибо прочие хозяева как люди зажиточные не взяли денег. Что же касается до выражения вышеупомянутого, то я нахожу его чрезвычайно достаточным. Право, вы забываете, что я имею только полтора года службы и 20 лет жизни, между тем как все прочие служат лет по 20, по 15 и 10, что я моложе всех и что, тем не менее, мне дают поручения наравне со старшими чиновниками, поручения отдельные, самобытные, что показывает большую доверенность со стороны князя. Даже если бы я не был так старообразен на лицо, не имел на носу очков, придающих вид важный, давать мне такие поручения было бы скандалезно, обидно для ревизуемых. По поводу этого уездного суда вышла презабавная штука: князь, объявив мне это поручение, сказал потом Оболенскому, чтобы тот узнал, приятно ли мне оно, охотно ли я его принимаю, не хочу ли переждать несколько? что в таком случае он сам подождет и даст мне это поручение после. Оболенский, действуя по-товарищески, рассказал мне весь разговор свой с князем. А я, разговаривая ввечеру со Строевым, сказал ему, что это беспокойство князя кажется мне несколько странным. Строев на другой день и говорит как-то при случае князю, что тот не очень осторожен на слова, что я немного щекотлив и несколько этим обижаюсь. Этого было достаточно, чтоб поднять князя, все равно как к серной спичке поднести огонь. В одну минуту выбежал он в канцелярию, поймал меня и наговорил с три короба: чтоб я не думал, что он сомневается в моих способностях, что он извиняется, если его племянник (которого он и отделал порядком) переврал его слова, что он хотел сказать то-то и теперь повторяет, ибо делает это из душевного расположения ко мне, что он всегда был обо мне наилучшего мнения, иначе не давал бы поручений, которые даются опытным и старшим чиновникам, что он отличил меня с первого доклада в сенате, что́, верно, заметил и я сам, и пр. и пр. Действительно, я вижу, что его хорошее обо мне <мнение> возрастает с каждым днем, и поэтому я буду стараться оправдать «оное» и подать ему на закуску порядочное блюдо «упущений и беспорядков» уездного суда. Польза в отношении узнания службы и законов ощутительна мне на каждом шагу, но зато миновались незаменимые впечатления дороги и свободного состояния духа. А пишут из Москвы, что носятся слухи, будто по окончании астраханской ревизии будем мы ревизовать саратовскую. Избави бог, довольно и этой.

Бригена я еще не видал во 2-ой раз; все не успеваю, но постараюсь как-нибудь съездить после обеда, ибо поутру нет решительно возможности. Впрочем, надо сказать и то, что это ему не должно казаться странным, ибо как князь, так и мы все держим себя на отдаленном расстоянии со всеми. Оно и лучше, ибо, знакомясь с жителем города, мы должны невольно опасаться друг друга, ибо я буду бояться проговориться о том, что он может сейчас передать Тимирязеву, с которым очень дружен; он, с своей стороны, будет также прималчивать, ибо, известив о каком-нибудь беспорядке в губернии, я, по обязанности своей, донесу о том князю. А об чем может быть разговор, как не о лицах, о местах, о событиях в губернии и действиях начальства? Знаю, что человек он очень хороший и деликатный, но поэтому-то я и намерен посещать его только изредка. В письмах своих пишете Вы, милая моя маменька, что беспокоитесь — не терплю

ли я в чем нужды. Право, нет, да и не в чем. Костюм мой очень однообразен, как и всех: поутру в мундире (если в каком-нибудь месте), там в вицмундире, а после обеда в пальто. Рубашек я голландских почти не надеваю, так же, как и Оболенский и другие, ибо с шарфом и жилетом, застегивающимся доверху, ее и не видать. Здесь заказал я себе калоши и купил фуражку, ибо в шляпе круглой ходить как-то неудобно. Что же касается до стола, то обедаем мы все у князя, а имеем свой чай и хлеб, да постоянно сыр или икру. Следовательно, нужды мы не претерпеваем никакой и тратим мало. Сначала мы обзавелись некоторым хозяйством, купили поднос для самовара, некоторую посуду, сундук для шинелей, зеленое сукно на стол, который был слишком грязен, пепельницы для сигар и т. п. безделушки. Наняли прачку за 14 р⟨ублей⟩, кажется, на двоих нас с человеком. Сверх того я распорядился еще в Москве присылкою мне сюда жалованья, которого мне, может быть, не придется и употребить. Не знаю, что будет летом: не придется ли мне здесь шить себе летнюю шинель, ибо зимнюю переделывать на летнюю не стоит. Впрочем, я составлю смету: сколько нужно сукна и что будет стоить здесь сшить род суконного широкого плаща, наподобие того, который у Оболенского. Если здесь уже слишком дорого, так я напишу Женеву[1], чтоб он мне выслал в Астрахань или камлотовую шинель, которая пригодится мне очень в дороге летом, или же простую суконную альмавиву[2], подбитую шотландкой или каким-нибудь черным терно[3]. По крайней мере, в такую шинель или альмавиву можно закутаться, завернуться, не то, что в пальто. А зимняя моя шинель очень мне полезна и теперь, в сырую погоду, да пригодится и осенью и зимой, ибо зимой в дороге я надеваю шубу сверх шинели. Видите, я пишу вам с полною откровенностью и прошу вас верить моим словам так же, как я верю вашим. Милая Олинька уже третий раз приписывает ко мне: я ей очень благодарен за это, но боюсь, право, не утомляет ли она себя этим? Мне ужасно досадно, что я не мог достать шапки калмыцкой хорошей, чистой, а то бы я прислал ее непременно.

Нынче приходила к князю целая депутация от татар с просьбою на татарском языке и с предъявлением грамоты, данной им от государя, которую один из них держал над головою. Как дорого ценят инородцы имя государя! Так например, калмыки, которые необыкновенно привязаны к грамоте, данной им Николаем Павловичем [4], даже не понимая ее содержания. Калмыки, впрочем, имеют самостоятельность, хотя в беспрестанных сношениях с русскими, по уголовным преступлениям судятся в уездных судах, нанимаются в работы у русских же и зимой кочуют близ деревень. Татары же еще больше привыкли и к русской жизни, и к русскому судопроизводству, так что они и по гражданским делам сами начинают тяжбы, дают векселя; здесь где-то в отдаленной части города есть татарский питейный дом. Я еще не спросил, что значит эта вывеска, немного странная для магометан; должно полагать, что это питейный дом для татар, принявших христианскую веру[5]. Надо признаться, что только в России иностранец может жить так спокойно под защитою законов. Кто из русских, торгующих с Персиею, заведет себе там дом и оседлость? Уж, конечно, никто, а между тем здесь множество персиян-торговцев, которые

живут себе преспокойно, безобидно, имеют дома, снимают подряды. Еще удивляюсь я и тому, как русский человек мало дичится чуждого себе; и, как кажется, меньше дичится азиатца, нежели немца или француза. Крестьяне, приходящие в Астрахань из великорусских губерний, так скоро и коротко знакомятся с терпимостью, что даже охотно нанимаются у азиатцев, и так как Астрахань издревле была притон беглецов[6], то и теперь побеги беспрестанные в Баку, Шемаху и даже персидские владения; по ведомостям присутственных мест видно, какая бездна дел о бродягах и беглецах. Летом удобно скрываться им в камышах, спускаться вниз по Волге в море, а там прошу их отыскивать. Кроме того, многие добровольно отдаются в плен хивинцам и трухменцам[7], по предварительному соглашению, с тем чтобы, воротясь чрез несколько месяцев или год, отыскивать свободу из крепостного состояния; а азиатским языкам выучиваются они с необыкновенною легкостью. Но самый-то разгул их будет весною и летом, когда откроются рыбные промыслы. Удивительно разнородны элементы русской державы, и глубокое необходимо изучение настоящей России, чтоб уметь воспользоваться ими и согласовать их, и, надо признаться, что мы часто порицаем некоторые распоряжения правительства напрасно, по привычке или по теории. Боже мой, какая трудная, едва ли разрешимая задача обнять категорическим законодательством все мелкие случаи частной жизни, все отношения подданных, да каких еще разноплеменных! Здесь калмыки, там зыряне, самоеды, чукчи, юкагиры, якуты, лапландцы, там молдаване, евреи, поляки, и конца нет. Но я здесь останавливаюсь, во 1-х, потому, что некогда, ибо письмо такого частого почерка надо писать часа два, коли не больше; во 2-х, что поздно, а в 3-х, что предмет, о котором мне хочется говорить, требует некоторого обдумания и послужит содержанием или письма к вам, или к Косте, которого благодарю за неразборчивое письмо[8], также как и Гришу, и Веру, и Олю, и всех и всех. Прощайте, обнимаю вас, милый отесинька и милая моя маменька, цалую ваши ручки, берегите свое здоровье. Обнимаю всех и всем кланяюсь. Прощайте, до субботы.

Весь ваш *Ив. Аксаков.*

Мне теперь очень немного времени, нет досуга, чтоб собирать мысли, копить впечатления, как прежде, поэтому, когда приходится вдруг писать, почти не из чего черпать. Посему надеюсь, что меня извиняют все, если письма мои теперь заключаются не в 2-х листах, а в одном. Итак, до субботы. Любопытно мне, есть результат свидания Гриши с Паниным[9]. —

12

Суббота. 19 февраля 1844. Астрахань [1].

Письмо это, вероятно, придет к 1-му марту, ко дню Вашего рождения, милая моя маменька. Поздравляю Вас и Вас, милый отесинька, и вас всех, милые братья и сестры. Желаю, чтоб ничто не смущало этот день и чтоб будущий год протек для вас яснее и покойнее прошлого. Еще 10 дней осталось до этого дня, 10 дней, в которые много совершится кругооборотов в вашей московской жизни и, вероятно, никаких в нашей однообразной

астраханской, с тою только разницею, что, может быть, вместо уездного суда буду я ревизовать земский, или магистрат, или сиротский суд, или дворянскую опеку! Вот вам исчисление занятий, ожидающих меня в улыбающейся перспективе. Впрочем, на будущей неделе должны подъехать Розанов (этого мне не нужно), а с ним вместе Бюлер и Блок. Конечно, и этих господ не сильно жаждет моя душа, но все-таки они мне товарищи по училищу[2] и ближе мне и Оболенскому по нравственному воспитанию, а то уж больно надоели мне и Строев, и Павленко-Данченко, и Немченко и т. п. Но, несмотря на скуку и однообразие, быстро проходит время. Каково! уже третия неделя поста наступает, а там уж и середокрестная! Но часто здесь обманываюсь я, воображая, что уже весна, апрель месяц, а ничуть не бывало, мы еще в феврале. Впрочем, здесь нам, приезжим, обмануться нетрудно: погода ясная, теплая, льду давно нет, и Кутум и Волга давно свободны, последняя в ожидании прибытия верхового льда, который, говорят, тронется не ближе апреля. Если б было более досужного времени, более свободы и легче, и яснее на душе, то, конечно, и очаровательный вид из нашей комнаты, и прогулки к Волге и по Волге доставляли бы мне более удовольствия. Но бывают минуты отупения, когда человек не может вполне принимать впечатления изящного, но только судить о них умственно, по воспоминанию, и грустно и досадно ему бывает. Это случается, впрочем, и от того, что долго сидел он под гнетом сухой и мертвой работы, и не таковы люди окружают его, чтоб можно было при них свободно предаться своему ощущению.

Вам, может быть, покажется странным, что письмо мое писано не в том тоне, в каком прежнее. Но письма мои выражают переливы состояния моего духа, которые случаются безо всякой на то причины, а так, вследствие беспрерывной внутренней переработки. Я не давлю в себе этих ощущений, но, скрывая их от посторонних, тем не менее беспрестанно живу своею беспокойною внутреннею жизнью. Я никогда не мог сказать себе: «Я гордо чувствую: я молод!», «Мила мне жизнь, мужчина я», но, напротив, часто повторяю с прискорбием собственные стихи мои:

Мне не живется беззаботно,
Мне ноша жизни не легка![3]

Именно не легка! Бывают со мной, и часто бывают, такие минуты, когда столько толпится в голове разных неясных мыслей, совершенно разнородных, вытесняющих друг друга: и служебных замечаний, и проектов государственных, и результатов созерцательного обращения на жизнь частную человека, на все движение человечества, и все это так смутно, так неясно, так бегло, так мало поддается сознанию и логике, что, несмотря на мучительную нередко тревогу головы, я всегда беден мыслями здравыми, глубокими, обсуженными и со всех сторон неприступными. Иногда займешься какой-нибудь работой *дельной*(!) и чувствуешь, что, несмотря на пристальное занятие, в голове что-то роется, и едва положишь перо, как вдруг так и обоймет меня целый рой неясных мыслей, глухих ощущений и часто нелепых образов. Потому-то, несмотря на мою положительность и, так сказать, оседлость, я почти всегда рассеян! С трудом могу я освободить

свое мышление от облепливающих его, подобно мухам, темных представлений, устремить все свои умственные силы на один предмет; оттого-то неясно, мешковато мое соображение. Это не мешковатость ума пановского[4], нет: у меня вечно такая быстрая смена внутренних ощущений, полуродившихся мыслей, недоконченных образов, что меня можно всегда застать врасплох. Спросите тогда, что́ я думаю? и, верно, я и сам не буду знать определительно, а часто вдруг остановлюсь на какой-нибудь глупости, которую я, без ясного сознания, жую, жую и опять жую... И число тревожащих меня гостей тем более велико, что душа моя сильно симпатизирует всем высоким интересам, всем историческим явлениям, всем страданиям, всем болезненным припадкам современного человечества. И вместе с этим в душе происходит брожение и личных, мелких интересов самолюбия и тщеславия, и, сверх того, все очию предо мной совершающееся, всякое почти незаметное движение других мною замечается, оставляет следы; чужое слово, чужая привычка, жизнь горькая массы и жизнь частная — все не пропадает для меня даром, все обогащает сокровищницу душевную... Нет, не обогащает, а разве только бременит и сердце и голову! Ибо все, что так стучится, толпится в меня, все это ищет систематизирования, ищет уясниться, стать в ряды, логическою цепью под общие законы. Но, видно, не крепка довольно голова моя, еще слаба сила мысли, и я, утомленный внутренними, втайне свершающимися явлениями, бесплодною работой, развлеченный пестротою невидимою, не выношу на свет богатых плодов моей натуры, но являюсь с пустыми руками, смешной, жалкий, недовольный собой. Не с-пустыми, скажете вы. Положим, но что ж это в сравнении с тем, что ежеминутно мелькает, проносится в глубине моего существа! О, если б я был поэт (восклицание довольно старое и пошлое), если б имел дар слова или такого рода вдохновение, которое бы легко выгружало мою душу, но мне трудно поймать мысль за хвост и укладывать ее в стихи или речь, ибо голова моя не ясна, не свободна и часто приходит в тупик. И все это совершается в преисподней моего духа, а внешность моя так же важна, тяжела и бесцветна, как и всегда. Если б я был легко живущий жизнью сангвиник, то это было бы совсем не то, но моя внутренняя жизнь, духовная деятельность (хотя и бесплодная) в совершенном противоречии с вялой физикой, тяжелым и неповоротливым языком! Прибавьте к тому еще, что у меня нет свободных движений души, нет искренних движений, происходящих от увлечения, веры или убеждения, нет определенных свойств, характера, вкуса... Одно только определенно: это неопределенность того, что снует и роется во мне, того, что или задавит меня, или же лопнет мыльным пузырем!

С кем этого не бывает, кто не испытывал подобного, скажете вы. Согласен, но едва ли кто испытывал это в такой степени, как я испытываю, привыкнув от природы жить внутреннею созерцательною жизнью, совершенно отличною от внешней моей жизни и чуждою окружающих меня людей. В дороге опять другое дело. Там вы качаетесь в неясных ощущениях, будто впросонках, и образы тянутся ленивой вереницей. Но довольно об этом. И то уж совсем некстати разговорился об этом. По крайней мере вы признаетесь, что я довольно откровенен и откровеннее в разлуке; боюсь толь-

ко, что вы примете все это в другом смысле, припишете этому другую причину, и тут пошло́, пошло́! И, верно, я болен, и, верно, недоволен и пр. Нет, сделайте милость, верьте мне и принимайте все в настоящем смысле.

Обращаюсь опять к нашей астраханской жизни. Время наше проходит теперь так: встаем мы (т. е. я и Оболенский) в 7 часов; одеваемся, пьем чай и в половине девятого сходим вниз, заходим к князю и отправляемся в уездный суд. Там просиживаем почти до трех и в три часа бываем дома; кой-что закусываем у себя, обыкновенно сыр; в 4 часа обед, после которого сидим еще вместе внизу (кроме князя), потом или иные идут гулять часов до 7, или идут работать. Все эти дни мне приходилось работать в послеобеденное время, и потому я гулял мало. Потом опять сходим в канцелярию, участвуем в какой-нибудь общей работе, часу в 11-м приходим наверх и пьем чай часу до 12-го. Да, я было совсем позабыл. По сделанной мною смете оказывается, что здесь не только дорого, но почти невозможно шить себе шинели, поэтому я прошу Гришу съездить к Женеву и сказать ему, чтоб он в наискорейшем времени изволил мне сшить камлотовую шинель, конечно, не старомодную, но по тому фасону, какой он сам выберет. А мерка моя ему известна. По окончании же прислать мне это по почте. Чем скорее, тем лучше. Если будет удобно положить в ящик, так уж положите туда ящика три семирублевых сигар: я никак не могу приучиться к трубке и отдал свой табак Оболенскому. Только уж сделайте милость, не кладите туда ничего, милая маменька, особенно сладкого и съедобного и вообще такого, чего бы я не желал выставить напоказ любопытным, имеющим, вероятно, столпиться около полученной посылки. Я шучу, но, право, ничего лишнего не нужно, да, впрочем, Вы, милый отесинька, до этого и не допустите. Однако прощайте. Давно уже обещаю я вам написать больше и все не соберусь. Я почти все не в расположении, как нынче, пустяков писать не хочется, а серьезное плохо клеится. А между тем от полноты сердца и мыслей я когда-нибудь разряжусь большим письмом. Но не надо насиловать, а между тем прощайте, целую ваши ручки. Что Ваш бок, милый отесинька, видно, не безделица был этот ушиб, дай бог, чтоб он не имел худших последствий. Обнимаю крепко Олиньку, надеюсь, что она ведет себя хорошо и кушает больше. Целую милую Веру, обнимаю Костю, Гришу и всех сестер. Кланяюсь А <нне> С <евастьяновне>.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Я не знал, что Валуев [5] приехал.

13

Астрахань. 22 февраля 1844 г<ода>. Вторник.

Вчера получил я письма ваши от 11-го февраля, милый отесинька и милая маменька, но письма эти меня не совершенно удовлетворили, и я жду с нетерпением пятницы, чтобы скорее получить известия о здоровье Олиньки. Теперь наше положение несколько переменилось, т. е. стол сделался шире, и я имею удовольствие наслаждаться беседою (начинающею мне казаться в тягость) любезных моих товарищей, Бюлера и Блока. Вообрази-

те, что на их счастье они проехали через Енотаевск ночью, и приказание князя не было им вручено. Сюда они приехали 20-го, т. е. в воскресенье, часов в 5 пополудни. Я совсем было не узнал Бюлера. Вечер они пробыли у нас, рассказывая, как они там веселились в Тамбове на маслянице, но в оправдание свое имеют, впрочем, то, что Блок, натанцевавшись до упаду, как юноша, только что выпущенный, сделался болен; они прожили в Тамбове дней 12 и потом поехали трактом на Саратов, что гораздо дальше, — для того, чтоб иметь в случае нужды доктора, ибо по этому тракту около семи городов. Князю они представлялись на другой день, часов в 9 поутру, в мундирах, при общем собрании канцелярии: так приказал сам князь, который сделал им блистательный выговор, серьезный и суровый. У этого человека особенная способность на это: за словом он в карман не полезет, а, между тем, не скажет ни одного грубого, дерзкого слова, так что Бюлер и Блок были вполне уничтожены. Он теперь сделался с ними ласковее, но все еще не совсем и держит петербургского льва [1] в почтительном страхе. Мне было очень смешно смотреть на них во время этой сцены, которая, впрочем, продолжалась недолго и после которой я, во избежание вопросов со стороны Бюлера и Блока, немедленно уехал в уездный суд. Бюлер едет с целию собирать всевозможные исторические, статистические, этнографические, географические и прочие «ические» сведения, и поэтому был чрезвычайно рад работе, которую дал ему князь: составить выписку из разных сведений о калмыках[2]. Он, вероятно, будет писать свое путешествие, которое также не обошлось без приключений, ибо они раза четыре меняли экипажи, а карету оставили на второй станции от Коломны. Что забавно, так это то, что незадолго до его приезда пришел на его имя пакет от графа Бенкендорфа[3] с дипломом на звание члена комитета о тюрьмах. Это звание достается чрезвычайно легко, но Бюлер, изучивший, как говорит, эту часть, придает ему особенную важность и потому осматривал везде тюрьмы, по всем губернским городам. Теперь они много отнимают у меня времени и особенно тем, что приходят сидеть у нас в комнате после обеда и после вечерней работы. Бюлер, хоть и добрый малый (кто же не добрый малый, скажешь со вздохом или с сердцем), но довольно тяжел, ибо имеет много претензий. Блок добрый и прилежный мальчик, который будет нам полезнее Бюлера, но зато совершенный ребенок. Боже ты мой, как часто приходится лицемерить или, по крайней мере, показывать совершенно другой вид, чем на самом деле! Право, даже утомительно. Недостаточно Оболенского, который, впрочем, лучше их всех и по характеру, и потому, что без претензий, мало прочих чиновников, нет, подавай сюда еще людей коротких, ибо они мне товарищи, но, тем не менее, совершенно мне чуждых. Я всех бы трех отдал за одного Дмитрия Оболенского[4]! Здесь больше всех мне нравится Булычев, сенатский регистратор нашего департамента, человек молодой, хоть не получивший обширного образования, но умный, острый и веселый. Он, по крайней мере, заставляет меня часто смеяться. Не знаю, как поведут себя потом Бюлер и Блок, а покуда ничего. Надо прибавить, что князь не то, что петербургские сенаторы и не любит оскорблять людей опытных, особливо членов своей канцелярии, особенным вниманием к нам. Он лас-

ков и добр со всеми, но племяннику его хуже, чем кому-либо другому, ибо князь часто нарочно выказывает, что племянника он ни от кого не отличает. Впрочем, принимает в большое уважение достоинства каждого по службе, и поэтому я отличен от всех прочих младших чиновников, как Строев — правитель канцелярии — от прочих.

Ревизия моя уездного суда еще не кончена, но я надеюсь кончить ее в субботу. Работа эта, самая мелкая, подробная, довольно трудна и тяжела и особенно скучна, тем более что я работаю почти один. Мы теперь точно ищейки или хорошие лягавые собаки: чутьем слышим упущения и беспорядки; удивляюсь только, как не грезим ими. Душа ликует, коли поиски увенчиваются открытием более важным, нежели обыкновенная медленность, неаккуратность, несоблюдение всех формальностей! Надо признаться, что в этом последнем отношении мы в чрезвычайно фальшивом положении и частехонько должны действовать против внутреннего убеждения. Скоро, думаю я, загремит князь Гагарин рапортами сенату и отношениями министрам. И так их уж довольно отправлено и довольно важных. Зато уж из Петербурга наделяют с каждою почтой новыми работами, которые, составляя вещь совершенно побочную, занимают однако ж бóльшую часть времени, и если все будет продолжаться это, как до сих пор, то я не скоро предвижу окончание ревизии. После уездного суда буду я с Павленко ревизовать палату, в которой соединены уголовная и гражданская: Павленко последнюю, а я первую. Эдак пойдет скорее. На этой неделе наша канцелярия должна будет соединиться вполне, ибо Розанов с братиею приедут из Енотаевска.

На днях князь призывает меня к себе и предлагает свою библиотеку, прося брать книги во всякое время, при нем и без него. Серьезных книг в этой библиотеке мало, и я взял один том «Esquises de la philosophie», par Lamennais *. Хочу знать, как француз философствует; да взял также какой-то исторический роман, чтоб отводить душу по временам. Я так люблю чтение, даже всякой дрянной повести, что невольно переношусь в мир описываемый или в положение героев, что живу с ними и умею на это время отвлекаться ото всего окружающего. Но и читать можно только урывками, ибо, повторяю, время проходит или в занятиях или в чем другом, чего нельзя избегнуть. Например, приходят в нашу комнату, сидят в ней и мешают и читать, и писать. Это письмо мое также пишется урывками, ибо я, желая непременно кончить уездный суд на нынешней неделе, много теперь занимаюсь.

Середа 23 февраля.

Сейчас воротился из уездного суда и спешу закончить свое письмо, ибо почта скоро отправляется, а мы и без того пользуемся правом опаздывать посылкою писем на почту. Вы пишете, милый отесинька и милая маменька, что я должен купить себе тарантас теперь, но теперь едва ли можно найти, а лучше подождать весны, когда много наедут со всех сторон; да, впрочем, я теперь начинаю отчаиваться — будет ли ревизия кончена ле-

* «Набросок философии» Ламенне [5].

том? Как бы не пришлось возвращаться зимним путем. Нынче был крошечный дождик, и на улицах сделалась такая слякоть и грязь, что ходить нет возможности. Сыро, прохладно, мокро. Словом, скучная погода. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю всех братьев и сестер и Соничку Самбурскую[6]. Что ее Раллэ? Что Дуэр?[7] Прощайте, право, некогда. До субботы. А <нне> С <евастьяновне> мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

14

Воскресенье. 1844 февр<аля> 27. Астрахань.

Сейчас только воротился из уездного суда и спешу написать вам несколько строк, милый отесинька и милая маменька. Вот как: даже по воскресеньям не прекращаются занятия! Признаюсь: много дела, особенно если ревизуешь один. Впрочем, я спешу окончить ревизию уездного суда потому, чтоб приступить к ревизии палаты; сверх того по уездному суду надо заняться промовлением рапорта и отчета. В конце будущей недели еду я в карантин[1], т. е. князь, Строев и я, на пароходе; прочие же, если поедут, так в качестве волонтеров. Карантин находится в 90 верстах отсюда, на Бирючей Косе, и путешествие наше не продолжится более четырех дней. Теперь я совершенно один живу в комнате: Оболенский уехал осматривать, во всех ли помещичьих имениях есть сельские магазины?[2] Путешествие довольно опасное, ибо все время надо ехать по Волге в лодке, верст за 70 и больше отсюда, а погода не очень благоприятна. Вот уже и середокрестная неделя! Пост пролетит так скоро, что и у преждеосвященной обедни побывать не успеешь, разве на страстной[3].

Письма ваши от 15 февраля получил я 25-го, в прошедшую пятницу. Теперь, стало, я буду ожидать письма ваши по пятницам. Хотя я не буду уже иметь сведения об Олинькином здоровье раза два в неделю, но, по крайней мере, письма, которые буду получать теперь один раз, будут, вероятно, подробны и толсты. Впрочем, Вы, милый отесинька, постоянно писали ко мне подробно и довольно много. Я сам хочу учредить следующий порядок: буду писать вам большие и подробные письма по субботам, а по вторникам только краткие уведомления о себе. Ибо времени и матерьялов на два большие письма в неделю не достает никак. — Итак, вам понравилась «Жизнь за царя»[4], и Костино мнение торжествует, но надо сказать, что, кажется, московская публика разделяет в отношении к ней мнение петербургской: я не говорю о мнении двух-трех наших знакомых; но официальность, которую дают этой опере, делает как-то пошлым и мысль о такой опере. Это очень жаль и мешает понимать эту прекрасную, вполне русскую оперу. —

Из Тамбова пишут, что Бюлер и Блок оставили неизгладимые в сердцах по себе воспоминания и вскружили всем головы; но Астрахань едва ли это скажет! Если бы вы знали, в каком здесь все страхе! а, кажется, не от чего бы было, но причиною этому именно та позиция, в которую мы себя поставили: отсутствие всякой фамильярности и знакомства с жите-

лями [5], разве только по делам службы, и строгое, примерное поведение всех чиновников. Сверх того, тайны концелярии не проникают к любопытным и навострившим уши жителям, и все это дает нам вид грозной и молчаливой инквизиции.

Благодарю милую Олиньку за приписку, которая, впрочем, не свидетельствует о твердости руки, и я боюсь, что она делает излишние усилия. Обнимаю и цалую ее особенно. — Вероятно, письмо это не застанет Николая Тимофеевича[6], но, если застанет, так поклонитесь ему от меня, обоймите и порасскажите о жалкой, мертвой астраханской природе. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы и берегите себя. Обнимаю Веру, Надю, Любу, Соничек[7], Марихен (которой постараюсь собрать камушков на Бирючей Косе) и братьев. Прощайте,

ваш *Ив. Аксаков.*

А <нне> С <евастьяновне> мое почтение.

15

Астрахань. 1844 г<ода>. 4 марта. Суббота.

Вы, верно, удивились, не получив от меня письма от прошедшего вторника, милый отесинька и милая маменька, вообразили, вероятно, что я нездоров, что некому за мною, глупым, и посмотреть, и пр. и пр. А причина этому очень проста, я на этой неделе был почти завален работой, ибо в одно и то же время пишу отчет по уездному суду, ревизую совершенно один дворянскую опеку и имею дело, по поручению князя, с рыбной экспедицией (состоящей при губернском правлении), по случаю весенних эмбенских промыслов! [1] Так что собственно ревизию присутственных мест Астрахани произвожу пока я один, а прочие работают дома, по отдельным поручениям. Вы знаете, что я, хоть и браню службу, но довольно горячо исполняю свои обязанности[2], особенно же где на мне лежит большая ответственность и особенно здесь, когда я попадаю на некоторые следы... А нынче мы отправляемся почти все в карантин на пароходе (верст 90 отсюда) и хотим объехать все 67 устьев Волги, но едва ли это удастся. Во всяком случае, мы проедем дня четыре, следовательно, во вторник опять не буду писать. Нынче в 9 часов вечера отправляемся мы на пароходе, там проночуем и двинемся завтра чем свет. Ветер, кажется, будет нам благоприятный, и потому путешествию этому я очень рад. Жаль только, что скверная и сырая погода, дождик и туманы, хотя тепло: 10 град <усов> тепла. — Сейчас встали из-за стола; нынче день рожденья князя и пили за его здоровье. Ему 55 лет. Он был очень весел и любезен, что, впрочем, бывает с ним всегда после благоприятной почты, которая привезла мне нынче насквозь промоченную посылку, или «От <ечественные> зап <иски>» без письма. Последние же письма ваши не имеют ничего особенно приятного, но так как вы намерены писать только раз в неделю, то я и не имел права ожидать от вас писем. Кажется, в последнем письме вы прописываете записку Сенявиной[3], которая даже не заставила меня улыбнуться,

а еще более утвердила меня в моем мнении, выраженном в посланных стихах[4]. А что ж это Константин не отвечает мне? Все некогда, все вечера да балы? Да когда ж это кончится? Мне очень прискорбно, что Костя расходится с надежнейшим из молодых людей[5], что́ говорю я серьезно, т. е. последние слова.

Здесь наступила довольно важная эпоха для Астрахани. Именно весенний лов рыбы на эмбенских водах, куда князю очень хочется поехать из карантина, да вряд ли это возможно, тем более что это верст 500 и даже 1000, именно третий участок, около берегов трухменских. Вообще эта статья так интересна, что я, изучив хорошенько все термины, пришлю вам подробное и точное описание эмбенских промыслов, ибо имею теперь дело с экспедицией, откуда легко могу почерпать нужные сведения. Вы не поверите, до какой степени подробностей и мелочей входим мы по ревизии, какой я аккуратный стал человек, даже немножко педант.

Фон Бригена еще не видал, я имею законные причины и извинения: службу, и действительно, я много занят и имею занятия разнообразные и важные и лестные для меня поручения князя. Поэтому умоляю вас не беспокоиться, если будет иногда случаться, что вы не получите от меня писем. Вот и теперь скоро шесть часов вечера, надо готовиться к отъезду, а главное читать 13 том «Уст <ава> карант <инного>», с которым я уже познакомился и прежде, но не худо повторить. Но прощайте, видите, у меня было благое намерение написать целый лист, но нет времени, нет досуга собрать, повести мысли стройной, логическою вереницею. Прощайте же, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю крепко милую Олю, надеюсь, что она скоро порадует меня хорошими известиями; милую Веру, единственную мою утешительницу, вместе с отесинькой, по части письменной, также целую и обнимаю, равно как и всех братьев и сестер. А <нне> С <евастьяновне> мое почтение. Прощайте, обещаю вам по возвращении длинное письмо!

Ваш *Ив. Аксаков.*

Любезный друг Гриша, коли увидишь Порецкого[6], спроси его — про кого говорил он мне в Москве. Пусть он тебе скажет имена, я похлопочу охотно; мы здесь принимаем просьбы с отверстыми объятьями. —

16

Астрахань 12 марта 1844 г<ода>. Воскрес<енье>.

Последняя почта не привезла вам письма от меня, милый отесинька и милая маменька, и это не могло беспокоить вас, потому что вы знали уже о предполагаемом путешествии. Мы воротились в середу, и как приятно мне было найти дома толстое письмо! Но о письме после; прежде всего удовлетворю я ваше желание знать о нашем путешествии.

Часу в 10-м вечера в субботу отправились мы в коляске и дрожках на пристань, которая довольно далека от нашей квартиры. Ехали мы, разумеется, торжественно и с большим почетом: впереди скакали верховые с факелами, сзади полицмейстер; потом пересели на большой катер и через

полчаса времени были на пароходе. Я был в первый раз на палубе, но это, признаюсь, не произвело на меня особенного впечатления, вероятно, потому, что пароход был самого малого размера. Ночь была прехолодная, и я покурил несколько времени на палубе, все ища впечатления, ибо мысль — курить ночью на палубе — казалась мне дома поэтическою, и мне было даже досадно, что я не ощутил никакого особенного удовольствия. — Сырость, холод, туман, черная ночь, сильный ветер, раздувавший мою сигарку, заставили меня сойти в каюту. Надо вам сказать, что в капитанской каюте, чистой и опрятной, поместился сам князь, у которого, сверх того, была маленькая клетушка с койкой. Подле этой каюты находилась еще каюта величиною не более четверти, если не меньше, отесинькиного кабинета. Там поместились мы все шестеро, кто на полу, кто на стуле, кто на прилавке, все в шубах и с покрытыми головами и почти все курящие. Мгновенно эта маленькая комната, где и выпрямиться трудно, наполнилась таким дымом, что один из наших спутников, некурящий, ушел спать на палубу. Благодаря погребцу, приводящему всюду, всегда и всех в восхищение, зажгли мы стеариновые свечи и устроили себе самовар. Хоть в комнатке нашей было довольно душно и парно, но всякий, зная, что на дворе холодно, что он не на суше, считал обязанностью согреться чаем. (Здесь в скобках скажу я о чае. Даром, что мы расточительно поступаем с ним и не пьем жидкого чаю, но его до сих пор не вышло и трех фунтов. Этак, пожалуй, станет остальных пяти фунтов до конца ревизии?) Как ни тесно было нам, но всякое дурное положение, разделяемое в компании молодых людей, только рождает смех и шутки. Наконец все улеглись. Часов в пять утра судорожное потрясение парохода разбудило меня, и я вскарабкался вверх по лестнице на палубу, чтоб умыться свежим утренним воздухом. Причиною потрясения парохода «Астрабада» было поднятие якоря. Иначе сказать: мы снялись с якоря и тронулись. Качки и чувствовать было нельзя. Это не в море, да и пароход наш плелся по шести верст в час. Так как князь объявил, что он не только сносит, но даже любит табак на воздухе, то мы в этом отношении нисколько не стеснялись, и я жег астраханские сигары беспощадно. Я говорю «астраханские» потому, что я, пользуясь курением как единственным почти наслаждением и развлечением среди скучных занятий, уже истребил все московские сигарки, исключая «Sylva», разумеется, и покупаю сигары жуковской фабрики[1] в здешнем сарептском магазине. Пароход наш был с парусами. Полюбовался я на искусство морских маневров, на огромные паруса, надуваемые ветром, на это искусство, с каким человек употребляет в свою пользу своевольные движения ветра, что особенно видно при косых парусах, когда ветер дует сбоку и, сам того не подозревая, заставляет идти судно вперед. Хотя Волга довольно широка в этом месте, местами верст с 12, но берега все-таки видны. Но как жалка, как ничтожна кажется она здесь, где глубина ее, особливо в притоках к морю, не превышает сажени. Поэтому ночью почти нельзя ходить не слишком мелководному судну, ибо надо плыть очень осторожно, лавировать мели и идти проходимым путем. До какой степени обмелела Волга в течение последних 10 лет — просто удивительно, и это обмеление продолжается и теперь, так что образуются

новые острова и новые притоки. Изо всех 67 устьев Волги расшивы (большие суда морской конструкции) могут проходить в море, и то с трудом, только одним каналом, на Бирючью Косу; но при малейшем выгонном ветре садятся на мель, на россыпи. Теперь надо объяснить вам, что такое выгонный ветер. Это московский или верховый ветер, хотя и попутный едущим вниз по Волге, но, вместе с тем, при большей *свежести* (опять технический термин) опасный потому, что выгоняет воду в море до такой степени, что места, покрытые на сажень водою, часто совершенно обнажаются. Самая большая степень воды в Волге бывает тогда, когда дует моряна и морскими волнами солонит в Волге воду. — Погода была довольно холодная и скоро пробудила в нас аппетит, который мы и поспешили удовлетворить сыром, почти единственным нашим завтраком уже два месяца. Плоские берега, покрытые камышом, медленное, едва заметное движение парохода, погода не пасмурна, не серая, но и не красная (род погоды, которого я не люблю), наводят невольно скуку, и наше путешествие начинало мне надоедать; но часов в пять, после обеда, который был приготовлен по всей форме, пароход отказался идти дальше, ибо становилось слишком мелко, и мы должны были пересесть снова в катер, чтоб проехать 10 верст, остававшиеся нам до карантина. Эти 10 верст по милости сильного ветра ехали мы четыре с лишком часа, ибо, чтоб попасть на Бирючую Косу, должны были избегать россыпи. Наконец часу в 10-м вечера саженях в 100 остановились мы от карантинной пристани: так было мелко, что и катер не мог идти дальше. К нам подъехал маленький ботик с фонарями и капитаном порта в полном мундире. Мы перешли на ботик, который шел посредством упирания в дно шестами. Грустно и жалко было мне смотреть на достославную Волгу, которая не умеет поддержать себя на исходе! Но это еще ничего. Саженях в 15 стал и бот. «Лошадь», — раздался повелительный крик капитана. «Лошадь», — повторилось на берегу, и минут через 10 экипаж странной формы, похожий на большие охотничьи дрожки и запряженный в одну лошадь, без церемонии въехал в воду и подъехал к боту. Мы переправились в три транспорта и поспешили в отведенную нам квартиру, разделись, уснули спокойно и рано поднялись на другой день, ибо князь собирался смотреть карантинные заведения, роту, стражу и т. п. Карантин, имеющий вместе с правлением до сорока человек чиновников, обитающих на Косе со всем хозяйским заведением, и с 200 человек роты, был не очень интересен в это время, ибо навигация только что открылась, и судов из персидских вод Каспийского моря и вообще из мест сомнительных в приходе не было, следовательно, и выдерживающих карантин — никого. Но мы, впрочем, приехали по другой секретной причине. Обозрев гвардионов (так называются карантинные стражи), всю военную команду, выслушав рапорты офицеров и ординарцев князю, дошли мы до карантинного правления, где князь и оставил меня с Павленкой для ревизии дел. Поработавши, воротился я часу в 3-м домой, после обеда отправился опять в правление и воротился часу в 11-м. Чиновники здесь все люди семейные, не дикари, служат, конечно, на этой Косе, куда и попасть так трудно, из тех огромных выгод, которые представляет карантинная служба, но уж, конечно, ни за какие миллионы на свете не согла-

сился бы я жить здесь. Безо всяких средств и удобств жизни, без возможности отделиться от ограниченного кружка общества, члены которого надоели друг другу донельзя, в приятном препровождении времени в окурке товаров хлором и т. п. (впрочем, это еще летом, а зимой и этого нет), — жить так и не сойти с ума — значит убить в себе всякое стремление, всякую потребность и сделаться жалким существом, подвластным привычке, которая в состоянии опошлить человека и примирить его со всяким положением. — Здания карантина довольно красивы издалека, порт и флаг далеко видны с моря. Здесь уже начинается взморье, но еще все довольно мелко. Эти россыпи и мели встречаются и на самом Каспийском море, которое странным образом устроено. Северная или северо-восточная часть его, до Тюк-Караганского залива, почти по прямой линии от Астрахани, не слишком глубока, но южная часть идет каким-то постепенным обрывом, так что в водах, омывающих Каспийскую область и берега Персии, глубина бывает 100 сажен и даже неизмеримою. Это, впрочем, говорят, следствие вулканических свойств почвы, что доказывается присутствием нефти в земле. Здесь, в Астрахани, есть колодцы и на площади, где вместо воды горит нефть. Этим-то подземным нефтяным огням поклоняются индийцы около Баку[2]... — Но я продолжаю. На другой день рано поутру отправились мы снова в правление, куда вскоре пришел и князь свидетельствовать денежную сумму. Разумеется, он заставил считать при себе членов, и тут-то надо было посмотреть, как они все, не охотники, видно, до математики, считали, считали, поверяли, и все как-то не выходило. Пот лил с их лиц градом, особенно же у одного толстейшего медика. Это свидетельство суммы должно у членов происходить по закону каждое первое число, но непривычка считать обнаружилась тут с первого взгляду. Вероятно, это делается, как и всюду, так, по-домашнему. Что и где не делается по-домашнему? Наконец часа в 4 с лишком сосчитали они сумму, не превышавшую 70 т<ысяч> асс<игнациями>, и мы немедленно воротились домой, собрались в несколько минут и, сопровождаемые целым конвоем чиновников, пришли к пристани, где должны были совершить тот же самый маневр, т. е. сначала на дрожки, потом на бот, потом уже на катер. Впрочем, ветер был нам попутен, и мы, не на веслах уже, а на парусах, доехали до своего «Астрабада» в часа полтора. До ночи плыли мы очень спокойно, на ночь бросили якорь и стали. Что хорошо было видеть в эту ночь, так это зарево пылающего вдали камыша. Ночь эту провели мы удобнее, ибо разделились; князь, не знавший прежде о тесном нашем помещении, заставил перейти некоторых в свою каюту. На другой день поутру рано двинулись мы в путь снова и часу во 2-м в середу прибыли благополучно в Астрахань, где, воротившись домой, насытясь морским путешествием и жаждя удобств суши, нашел я большое и толстое письмо от вас, даже письмо от Константина и благодарю всех писавших, которым всем буду отвечать особо. К Косте собираюсь писать письмо серьезное и не нахожу времени. Очень мне жалко, что Константин не совсем ладит с Самариным.

Я прекращаю здесь свое письмо. Передо мной лежит листочек, на котором записаны мною вкратце оглавления предметов, о которых мне еще

надо будет рассказать вам, так напр<имер>, эмбенские промыслы и т. п. Но пусть они послужат содержанием следующих писем. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы и совершенно покойны на мой счет. Это письмо придет в страстную. Как быстро промчался пост! Обнимаю милую мою Олю, которой привезу если не чучелу лебедя розового[3], так пух его и перья непременно; милую Веру, Надю, Sophie[4], Любиньку и прочих, которых всех благодарю за письма, но камушков собрать едва ли могу. Обнимаю Гришу и Костю,

ваш *Ив. Аксаков.*

А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Получил я «Москвитянина» [5], за который очень благодарен, но неужели вы нарочно подписались для меня: он неразрезанный?

17

Астрахань. 1844 г<ода> марта 14. Вторник.

Сегодня я опять был обрадован получением писем ваших, милый отесинька и милая маменька, но буду отвечать на них подробнее в субботу. Я теперь распределил так, что в субботу, накануне дня, более свободного от занятий, буду писать письма подробные, пространные, удовлетворительные и для меня самого, а по вторникам буду писать собственно для того, чтоб сообщить вам о себе весточку, ибо по вторникам, среди безостановочного течения занятий, трудно найти время, кроме ночи, когда усталые глаза, предчувствуя раннее раскрытие поутру, требуют сна и отдыха. Теперь, впрочем, я сижу дома, занимаясь составлением отчета по своей ревизии, который я приготовляю совсем по другой форме, нежели Павленко и Розанов, — форме, которую я считаю удобнейшею и более соответствующею планам князя. На страстной кончу я дворянскую опеку; со святой (т. е. с половины или даже и после) начну земский суд, потом перейду в палату, может быть, суд Зарго [1] (средняя инстанция, вроде палаты, для дел калмыцких) и т. п. Надо приняться живее, деятельнее, упорнее за работу, а то мы останемся здесь слишком долго, и нам еще много предстоит работы. Досадно мне бывает, что, хоть и теперь слывя за усердного чиновника, вовсе не чувствую в себе этого состояния *жажды деятельности*, неутомимости, и хоть и работаю много, но все не то. — Сверх того, морская экспедиция, снаряжаемая нами, в которую отправится мой Оболенский вместе с одним из здешних чиновников, преданных нам, проедет, крейсируя на море, в эмбенских и дербентских водах и около трухменского берега, проездит месяца два с половиной, по крайней мере, а выедет не ранее 10-го апреля. Ехать в кусовой лодке или в расшиве[2] на столько времени не совсем приятно, и мне жалко бедного Оболенского, но что делать! Меня отдалить нельзя, ибо в это время я успел бы обревизовать несколько присутственных мест, которых нельзя поручить ни Бюлеру, ни Блоку...

Теперь уже поздно, и страшный, холодный ветер завывает и свистит с необыкновенной силой. Март месяц здесь самый обильный ветром, который теперь продолжается уже несколько дней. На море теперь не очень

весело, когда теперь и сквозь стены в комнату продувает. Покуда я еще все выхожу в шубе или в теплой шинели и вовсе не считаю этого лишним, хотя, впрочем, мы заказали сундук для хранения в нем летом наших мехов. — Итак, у вас был Яша К <арташевский>[3], вероятно, все такой же и мало приобревший прожитыми годами, т. е. с того времени, как я его видел в последний раз в Гаврилкове. Все они лечатся, лечатся, а толку мало, а Митиной болезни, грешный человек, я начинаю не верить... Ну да бог с ними. — Ежели переписка не очень затруднит, то, конечно, я бы очень рад был прочесть Гоголевы письма [4] и Ваш будущий ответ, милый отесинька. Признаюсь — эта рассылка «Imitation de Jésus Christ»* с такими билетиками[5] мне решительно не нравится, но меня это не удивляет: тон прежних его писем, как они ни были прекрасны, мне что-то был не совсем по душе. Есть что-то учительское, проповедниковское. Впрочем, я рад буду, если он, объяснив нам, открыв настоящий свет вещи, заставит сознать и наше заблуждение, но до тех пор, как хотите, а это странно. О впечатлении этих движений Гоголя пишете Вы мне только, милая моя маменька, но что думают об этом другие, не знаю. Константин, может быть, и желает защитить его, но в душе сам, верно, недоволен этим. Ох, не охотник я до этих штук! Как бы не потерпело искусство от излишества религиозного направления[6].

Нынче приходил ко мне персиянин с жалобою на уездный суд, и обстоятельства его дела касаются его жены, побега тещи, неверности и пр. Каково! Под сению русских законов персиянин-магометанин идет свободно рассказывать русскому о своих домашних делах, о жене, а не разделываются с ней азиатским манером. Удивительно доверие, внушаемое русским правительством; как легко, удобно, свободно помещаются между русскими азиатцы, вовсе не дичась и свыкаясь с требованиями правительства. Особенно персияне, народ способный, умный и хитрый. Многие из персидских купцов, не русские подданные — астраханские купцы 1 гильдии, знают даже и грамоту русскую. Но прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы и бодры, как я. Крепко обнимаю милую Олю, для которой Оболенский обязан будет привезти из Астрабада[7] чисто персидские произведения, милую Веру, которой я непременно буду писать особо, Гришу и Костю и всех моих милых сестер. А <нне> С <евастьяновне> мое искреннее почтение. Что же сын ее, останется что ли в Москве? [8] Если письмо это придет до отправки шинели, то нельзя ли вам положить в посылку: 1) Костины стихи [9] и 2) Конверты? Скоро ли вы избавитесь от катара?

18

Астрахань. 1844 г<ода>. Марта 19. Вербное воскресенье [1].

Письмо это, вероятно, придет на другой день праздника [2], милый мой отесинька и милая маменька, а потому я заранее поздравляю вас с этим светлым и торжественным праздником, непосредственно действующим на душу

* «Подражания Иисусу Христу» (*фр.*).

всякого. Конечно, я не могу теперь поздравлять вас, ибо святая[3] еще не начиналась, но так как порядок вещей все тот же и святая непременно уже будет через неделю, так я имею полное право. Итак, Христос воскресе! милая маменька и милый отесинька. Затем поздравляю вас и с семейным праздником: со днем рожденья Константина. 27 лет! Если успею, то буду писать ему особо. Но, во всяком случае, желаю ему, как и Гоголь, более житейской мудрости[4], более умеренности и важного достоинства поры мужества. Оно, конечно, смешно мне говорить это, но ведь он сам с этим согласен. Ах, Константин, Константин! 27 лет и не готова диссертация[5] и не вышло на свет зрелых и очищенных плодов, которых всякий ожидать был вправе. Но обращусь к себе, к своему житью, или прозябанью, в Астрахани.

Пост пролетел для меня незаметно, безо всякой торжественности, не пробудив в душе никакого особенного чувства. В этом азиатском городе церковь лишена той важности, того благочестия, как у нас в Москве. Да чуть ли здесь не больше мечетей, чем церквей. Первых, как я слышал, около 40. На страстной намерен, впрочем, я, начиная с середы, сообщаться с Москвою и Россиею посредством присутствования в православном храме; но на страстной же и на святой много у меня в перспективе дела, тем более что посещение присутственных мест прекратится на это время. Надо будет расхлебывать то, что теперь заваривается. И отчет по уездному суду, и ревизия земского, и рассмотрение дел дворянской опеки, и беспрерывные сношения с рыбной экспедицией по некоторым обстоятельствам! Так что я и не предвижу, как я с ними распутаюсь. А там, в отдалении, красуются целым рядом и манят к себе и уголовная палата, и суд Зарго, и губернское правление и пр. и пр. Не правда ли, забавны и милы эти занятия. Я бы очень рад был бы, если б меня избавили от них, но именно некоторые мои служебные достоинства заставляют князя возлагать на меня эту скучную обязанность: рыться в пыльных делах, навострить так глаз и память, чтоб ничто противозаконное не могло ускользнуть. — В прежние времена молодой человек спешил наслаждаться жизнию и природою — не условною; целый мир принадлежал ему. Потом, даже в пределах жизни условной общественной, он кружился весело и пользовался расточительно молодыми силами, хотя получившими уже другое направление. А теперь! Благоразумный 20-летний юноша в светлую, ясную погоду, когда природа, кажется, разверзает роскошные объятия, зовет к сочувствию и высоким наслаждениям, сей молодой, но охладивший себя умник отправляется в уездный суд рыться в пыльных бумагах, читать следствия о краденой корове, о гражданском иске, не превышающем 10-ти рублей, о контрактах и обязательствах! Но часто идет он, следуя стезею, указанной ему судьбою и временем, как бы отуманенный, ибо часто один крик петуха, повторяемый монотонно, раздаваясь в ушах его, мгновенно переносит его в мирную деревню, где душа в сладком покое дремлет и забывается и доступны слуху лишь шепот листьев, движение ветра и все навевает какую-то высокую, торжественную негу! Люблю я летнюю природу и приближение лета, которое чувствуется весною, когда, не укутываясь в безобразную шубу, выходишь дышать свежим и легким воздухом!

Нет, что ни говори Костя, а уж это чистое отвлечение, т. е. зима всегда стеснительна для меня, и я люблю ее только за то, что живее мне становятся наслаждения лета. А здесь уже наступила почти весна, и хотя мертва природа, но небо ярче, голубее и воздух прозрачнее. И в такие-то торжественные, солнечные дни попираются вашим покорным слугой пыльные астраханские площади, чтобы дойти до дома с высокою каланчею, где помещаются суды и полиция. Неужели мне надо отложить до 1845 года наслаждение летнею природой. Уж, конечно, в нынешнем году проведу я лето в Астрахани. Упорна работа и не обделывается легко. — В то время, как вы будете ждать торжественного звона колоколов или у себя дома, или на площади Кремлевской, я, вероятно, в полной форме и с белым галстухом (есть, есть, милая маменька, и прекрасный, да и Вы же покупали), в числе свиты, окружающей князя, буду находиться в соборе. Неискренни будут христосования с губернатором, если только будут! — Посмотрю, как астраханские жители празднуют эту неделю. Так как нынешний год пасха рано начинается, так и подновинские гулянья будут, вероятно, грязны. Да, я и забыл, что это «на нашей улице праздник», и Большая Никитская наполнится экипажами [6]. — На этой неделе получил я второй номер «От <ечественных> записок». Там есть одна статья неразрезанная: о сире Роберте Пиле [7]. Удивляюсь, как Гриша, поклонник сего министра, не прочел ее. С большим интересом прочел я вторую статью о Людовике XV-м[8], в которой, впрочем, автор не является проникнутым духом немецкой строгой критики, а с участием и удовольствием передает быт того времени. Если Вы ее читали, милый отесинька, так заметили, вероятно, частое упоминание, даже смешное, об *ай*! [9] Рассуждение Белинского об искусстве и жизни [10] я не заблагорассудил прочитать. Что касается до «Москвитянина», то я его еще не просмотрел хорошенько и не читал лекций Шевырева, а прочел, при способности своей интересоваться безделицами, с большим интересом и с удовольствием, ибо это служило мне вместо отдыха, повесть «Живую и мертвую воду» [11]. Бросая скучные бумаги, отпускаю повода я напряженным мыслям и способностям, закуриваю сигару, скидаю мундир, растягиваюсь на диване и полчаса, много час, читаю или «Отеч <ественные> записки» или «Москвитянина». И, конечно, тут я читаю что-нибудь «легкое». Ах, как дрянны стихи Дмитриева к Павловой! [12] Какой он охотник до тире — пора бы ему угомониться бренчать, как сам он выражается, на лире. — Вы мне мало пишете про Гришу и его службу. Неужели пребывание министра не имело никакого на нее влияния[13]. — Наша ревизия должна быть непременно блистательна, не знаю — вполне ли оценят ее. Кроме ревизии присутственных мест, более подробной, нежели во всех прочих ревизиях, столько государственных проектов и полезных предначертаний, в состав которых входят и калмыки, и туркменцы, и каспийское рыболовство, и противоположные берега, и пр. и пр., чего заранее разглашать не должно. И все это не поверхностные указания, но почти целые труды, добросовестно обделанные. И при всем этом — затворническое, монашеское житие! Не кружиться, не вертеться в провинции столичными истуканами приехали мы, как г <оспо> да тамбовские ревизоры[14] и другие. Но за это и боятся и не любят нас, хотя князь поступает кротче, нежели

кто-либо. Москва, конечно, равнодушна к нашей ревизии, но я бы желал знать, что говорят про нее. Верно, бранят, потому что у Гагарина много недоброжелателей[15]. Я благодарен ревизии не только за узнание службы, но за опытность, ибо, переворачивая народ со всех сторон, во всех его нуждах, узнаю его настоящие потребности лучше. И всем порицающим современное можно смело сказать, что они не могут быть организаторами будущего общества, ибо не коснулись знанием всей этой хитросплетенности народных нужд и потребностей, размножившихся до бесконечности, и механизм государственного управления вообще, не только теперешний, для них не может быть понятен, ибо они не видят его обнажаемым так, как мы. Я сам не защитник современного, но чувствую, как ошибаются эти господа относительно знания настоящего положения и развития народа. Не может быть упрощено и сокращено то, что развитие довело до многосторонности — и закон Алексея Михайловича теперь «ни к черту не годится»[16], как говорит у Диккенса франт, расставив фалды своего поношенного фрака. Константину следовало бы попутешествовать по России настоящим образом, а не проездом[17].

Я хотел вам писать об эмбенских водах, о каспийском рыболовстве и о прочем, но еще не вполне привел в систему свои сведения. — Я сам дожидаюсь нетерпением светлого праздника, где все-таки мне будет досужнее писать к вам. Хотел я писать к сестрам и поздравить их с праздником, но для меня праздник еще не настал, и потому на душе еще не довольно празднично. К тому же на праздниках я буду в состоянии уделять час или полтора в день на письмо, а, как хотите, написать в один прием хоть и бессвязное письмо, как это, но все-таки довольно большое, занимает много времени. Итак, прощайте. Завтра понедельник, и я жду писем от вас; прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, крепко обнимаю вас и цалую ваши ручки. Христос воскресе, милая Оля, милая Вера и прочая и прочая! Я поздравляю и обнимаю вас как с светлым праздником, так и с днем рожденья Кости, которого поздравляю и крепко, крепко, от души обнимаю. Все собираюсь писать ему и не успеваю, так что я виноват перед ним. Досадно, что нельзя прислать конца его прекрасных стихов[18]. Да нельзя ли как-нибудь. Гришу крепко обнимаю. А <нне> С-<евастьяновне> мое почтение и поздравление.

Ваш *Ив. Аксаков.*

19

Астрахань. 1844 г<ода>. Марта 27. Понедельник.

Давно не писал я к вам на досуге, милый отесинька и милая маменька, последнюю почту пропустил в хлопотах, а прежние письма мои также были неудовлетворительны. Прежде всего, поздравляю вас еще раз с праздником. Посылку вашу получил я еще на прошедшей неделе, кажется, в пятницу, и очень доволен как шинелью, так и сигарками. Шинелью я в особенности доволен: легка, прочна и удобна; жаль только, что немного коротка, но зато чрезвычайно полна. Сигары доехали почти не повредив-

шись, и мне особенно приятно курить именно то, что курится в Москве у нас в доме. Нынче получил я опять ваши письма от субботы вербной: странно, что вы не получили икры [1], этак, пожалуй, она и испортится дорогой. Оболенскому также пишут, что икра не приезжала. Нынче второй день праздника, и здесь почти незаметно никакого движения. Вы, верно, встретили его где-нибудь в приходе, а Костя на Кремлевской площади, если катар его прошел. Я опишу вам, как мы встретили праздники. Вечер субботы страстной имеет всегда в себе что-то особенное, отличное от прочих вечеров. Никто ничего не делает, всякий старается заснуть, предвидя долгое бдение, спится плохо, а, между тем, повсюду как-то торжественно тихо. Оболенский уговорил меня лечь спать, но, несмотря на все наши усилия, мы не могли заснуть и, зная поспешность князя, с 10 часов стали одеваться: все, конечно, в мундирах и в белых галстухах, а сам князь в полной форме. Экипажи всех возможных видов были приготовлены заранее, все нужные распоряжения сделаны, и мы только дожидались 12 часов. Я вышел на балкон, ожидая какого-нибудь торжественного звона: кой-где раздавались колокола, но на улицах ни души, ни плошки. Наконец, мы отправились, придерживая свои треуголки, ибо ветер был необыкновенно сильный, и приехали прямо в собор. Необыкновенно хорош этот собор! Он не той казенной архитектуры, над которою так смеется Кюстин[2] и образцы которой вы встречаете в каждом городке, ибо предположены всюду: каменный дом для присутственных мест и каменный собор! Нет, он построен еще при Федоре Иоанновиче и так мне нравится, что я хочу нанять какого-нибудь здешнего живописца, чтоб срисовать мне его. Он стоит в Кремле, на каком-то пьедестале, в виде огромной террасы каменной [1*] с каменными же толстыми перилами, и широкое крыльцо, вроде Красного[3], ведет к нему, заворачивая дважды, что́ необыкновенно красиво. Внутри, как мне показалось, он довольно мрачен и весь обложен резною медью и образами в окладках, особенно иконостас, простирающийся до самого верху. Итак, вступили мы блистательною вереницей в собор, где простой народ очень удивился нашему приходу. Дело в том, что князь не вслушался в слова полицмейстера, который сказал ему, что заутреня будет в час и не в соборе, а в крестовой, так называется одна почти комнатная церковь подле собора, где обыкновенно служит архиерей, который, надо признаться, довольно ленив. Узнав про это, даже несколько обрадовавшись, ибо стоять в одном мундире в холодном соборе при таком сильном ветре, какой был тогда на дворе, было бы не очень приятно, перешли мы в крестовую, где в то время из чиновников еще мало было. Постепенно стали съезжаться, и это продолжалось до часу, когда пришел архиерей. Церковь, слабо освещенная, потому что не было простого народа и женщин, ставящих так доброхотно свечи, скоро наполнилась астраханскими чиновниками и их женами. Смарагд[4] служит нехорошо. Я вообще не большой охотник до архиерейской службы, где попы суетятся, толкают друг друга и смотрят в глаза преспокойно восседающему архиерею, стараются только угодить ему и вовсе не думают о службе, а заботятся лишь о соб-

---

[1*] Т. е. пьедестал в виде террасы.

людении церемоньяла. Но эта служба, т. е. в заутреню светлого воскресенья, необыкновенно хороша: вы ее, верно, никогда не видали. Особенно хорошо, хоть немножко и долго, было семикратное повторение Евангелия, которое читалось на греческом, на еврейском, на латинском и четыре раза на славянском. В знак того, что слово господне ученики отправились проповедовать на все четыре стороны, четыре дьякона, поставленные в четырех противоположных сторонах, читали Евангелие на славянском. Это все, вероятно, соблюдается и в московском соборе и еще торжественнее, но я никогда не бывал в соборе в это время. Но, несмотря на красоту самой службы, ничего праздничного, особенно торжественного и радостного не было. Похристосовавшись с одним архиереем, продолжали мы стоять раннюю обедню, кончившуюся в четыре часа. Князь оттуда прошел прямо к архиерею, а мы домой, куда должны были сейчас же съехаться все астраханские чиновники, ибо князь велел всем объявить через полицмейстера, что он будет принимать поздравления немедленно после обедни. Это было удобно для него и для них, ибо не нужно было на другой день подыматься рано и скакать с поздравлениями. Скоро нахлынуло человек до 200 чиновников всех разрядов и сам Тимирязев. Для знающих его гордость и спесивость и расположение его к ревизорам это покажется удивительным. Бедный князь испугался, увидя эту голодную стаю чиновников, алчущих счастия похристосоваться с ним, но отделаться нельзя было. Они никак не хотели понять ни знаков, ни миганий со стороны Тимирязева и Бригена. Мы стояли особою кучкою в дверях внутренней комнаты, и я просто потешался этою картиной. Всякий рассчитывал на три чмока; иной, может быть, оттирал себе щеки благовонными мылами в продолжение часа, раздушил бакенбарды и собирался после первого поцелуя в щеку подставить другую, но князь уж христосовался с другими, и тот оставался в пресмешном положении, с выдвинутою и повернутою в сторону головою... Три раза отдыхал князь. Но всего лучше были морские офицеры: те без церемоний уцеплялись за плечи, будто якорями, и брали свое. Мысль, что сенатор, д <ействительный> тайный советник может собственноручно поцеловать их, заставила их забыть всякое чувство жалости. Насладившись, они отправились, уехал и Тимирязев и Бриген, который еще большую толпу чиновников воротил назад, объявив им, что все кончено. Все эти чиновники отправились к губернатору, который также расчел за лучшее принять их тогда же, зараз. По отъезде их мы разговелись у князя, который нам объявил, что для потешения губернатора намерен он ему сейчас же отдать визит со всем своим штабом, в тех же самых мундирах. Опять сели в экипажи и отправились. — Бывшие у Ивана Семеновича чиновники все разъехались, сам он пошел ложиться спать (было уже пять часов), в комнатах еще оставался адъютант, как вдруг мы нагрянули. О боже мой! воображаю себе сцену, происшедшую в спальной, в то время когда адъютант, застучав в двери, запыхавшимся от поспешности голосом возвестил приезд наш. Для них это была самая лестная, приятнейшая нечаянность! Воображаю: раздался женский визг, зовут, кричат девок, беготня, суетня, надеванье юбок, завязывающихся уже живым узлом, пришпиливание, прикалывание, толчки и брань неповоротливым горничным, трепание волос

перед зеркалом — все это было делом нескольких минут, и m-me Тимирязева выбежала к нам в длинной шали, хотя ей вовсе можно было не приходить, ибо визит делался ему, а не ей, и кто же из дам принимает в этот час? Князь пустился с ней в любезности, мы важно поклонились, а через несколько минут вышел одетый Тимирязев, также дурно скрывавший свое удовольствие и, верно, досадовавший, что это случилось не при чиновниках. Впрочем, в этом отношении он мог быть утешен, ибо через час какой-нибудь, верно, уж весь город знал об этой выходке князя. Похристосовавшись с ним и посидев немного, воротились мы домой, имея впереди сладкую возможность спать вволю, ибо, по милости князя, нам уже не предстояло надобности ехать к нему с особым поздравительным визитом. Напившись чаю, часу в 7-м легли мы спать и проспали до половины первого, проспавши и архиерея с певчими, приходившего возглашать князю многолетие и извиняться за позднее начатие заутренной службы, и лишились удовольствия видеть посещение купечества. — Вот почему и не успел я написать к вам с последней почтой.

Чтоб понять все комическое описанного мною визита военному губернатору, надо знать наши отношения к Тимирязеву, которому известны наши отзывы об нем правительству, которому больно и непривычно видеть власть важнее и выше его собственной, и власть, что именно-то и досадно, употребляемую с такою учтивостью, с такою милою вежливостью, что, зная необходимость повиновения, чувствуешь какую-то скрытую иронию. А между тем не за что ухватиться. Но как человек самолюбивый и тщеславный, он, я думаю, был нашим столь ранним визитом доволен необыкновенно. Не знаю, что-то он скажет через несколько дней!.. Есть нечто интересное в ревизиях в столкновении властей, прикрываемом благовиднейшими и учтивейшими словами и манерами.

Вторник*, *28 марта*. *11 часов вечера.

Нынче писал я целый день отчет по уездному суду — и отложил его до завтра, чтоб писать к вам, милый мой отесинька и милая маменька. Я потому вожусь особенно с этим отчетом, что желаю, чтоб он был гораздо лучше отчетов Розанова и Павленко, тем более что я при составлении своего отчета руководствовался совершенно другою, моею системою, которая должна бы затмить их. Не знаю, как удастся. Но работа довольно копотна, надо все сводить из разных моих замечаний, писанных наскоро, на разбросанных клочках. Мне хочется непременно кончить этой неделью, переписать и представить его князю. Поэтому завтра и послезавтра мне должно будет также пристально работать, как и нынче. — Вот и март в исходе, а здесь весна самая глупая покуда. Зелень не показывалась еще, и растения, какие есть, все в том же виде, в каком были в начале февраля. Время пресырое, прехолодное (т. е. 5 или 7 градусов тепла), и ветер не унимается. На дворе апрель, а еще и третьей доли ревизии не произведено. Я на днях рассчитывал, сколько времени остается нам пробыть здесь; выходит, что при упорной работе можно кончить в октябре, потом надо будет заняться общим отчетом и переписать его... Столько в этой губернии дела и много сторонних работ. — Вчера приезжало поздравлять кня-

зя персидское купечество и говорило: «Христос воскресе!» Как вам это нравится: магометанин христосуется! Впрочем, в наше время и астраханским персиянам это нипочем. Но движения праздничного не видно в городе никакого, а у нас, я думаю, гром балаганной музыки и крики паяц уже начали долетать до чуткого Олинькиного слуха. Впрочем, я нынче не выходил и не знаю, а то здесь имеют обыкновение гулять по набережной Варвациева канала[5]. Однако, как мне ни хочется написать вам еще лист, ибо писать есть о чем и мне многое было бы очень приятно передать вам, но, чувствуя усталость и потребность отдыха, думаю лечь в постель, тем более, что почти полночь. Итак, прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, не пеняйте на меня, что я все обещаю, обещаю вам писать длинные письма и не исполняю. Цалую ваши ручки, будьте здоровы и совершенно покойны на мой счет. Обнимаю милую мою Олю, которой чрезвычайно благодарен за приписку, милую Веру, Надю и Любу (пред которыми я весьма виноват[6]), Гришу, Костю и прочих сестер обнимаю также. А<нне> С<евастьяновне>мое почтение, поздравьте ее с праздником.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Вы, верно, удивляетесь, что я нынче свободнее писал. Я узнал от Бригена, что здешний почтмейстер пречестнейший человек и не смыслит искусства распечатывания. А мне только и нужно, чтоб здесь не знали содержания моих писем. —

20

Астрахань. 1 апреля 1844. Суббота.

Вот и святая неделя приходит к концу, милая моя маменька и милый отесинька. На этой неделе, в четверг, получил я только одно письмо от отесиньки и коротенькое письмо от Сомова[1], в котором он просит не забывать его и обрадовать каким-нибудь посланием. По крайней мере, хоть один человек из посторонних навестил меня письмом, а то, кроме ваших писем, которые, само собою, дороже для меня всех возможных, не получал я ни от кого, даже от моего казанского приятеля[2]. — Скоро прошла эта святая неделя; я ею почти не пользовался, во 1-х, потому, что был занят, во 2-х, потому, что погода прегнуснейшая. Термометр изволит делать такие скачки, что это невероятно. С 10 градусов тепла вдруг на два, три градуса морозу, и все это при таком сильном ветре, которого вы в Москве и не слыхивали. И вдобавок ветер этот, шторм или вихорь продолжается постоянно и день и ночь. Он уже изволит дуть с начала марта, да будет дуть и в апреле. Признаюсь, слышать беспрестанно рев ветра, хлопанье дверей, треск и скрип оконных рам — совсем не весело. Ничего не может быть хуже астраханской весны. Вообразите, что деревья, какие есть, все в том же положении, в каком находились в феврале, т. е. в самом начале развития. Жалкая и мертвая растительность Астрахани заставляет меня предпочитать нашу московскую природу, где, по крайней мере, изобилие зелени и дерев и все развивается, хоть поздно, но зато быстро; а здесь нельзя будет иметь летом ни тени, ни прохлады. Да вообще мало хорошего в этой калмыцкой яме. А страшно подумать, что даже конца не предвидится на-

шим трудам. Тяжело будет прожить здесь еще месяцев шесть, ибо и теперь мы сыты Астраханью по горло, — а если больше? Если бы мы делали ревизию так, как все прочие сенаторы, то при князе окончили бы ее месяца в четыре. Но князь такой человек, который не может и не будет идти по пробитой, пошлой тропе, не ограничится ничем банальным, как делается все у нас в России; метода нашей ревизии в самых мелочах другая и, конечно, лучшая. Мы таковы на Руси, что, браня ежеминутно распоряжения правительства, браним вместе с тем и всякого, кто не делает, как все. Поэтому, чего доброго, пожалуй, нашу ревизию и не оценят! И, может быть, какое-нибудь ничтожное обстоятельство испортит нам все с таким трудом и тщанием сооруженное здание. Вот уже три месяца, как я оставил Москву, а сколько впереди еще работы, боже ты мой! Пока я нахожусь в довольно настроенном состоянии духа относительно служебных занятий, но, право, не ручаюсь, чтоб эти силы, наконец, не ослабели, чтоб я выдержал до конца характер ревностной деятельности, ибо все это могло устоять против целых месяцев тяжелой и бóльшею частию скучной работы. — Известно вам, что я, перешедши от уездного суда к земскому, не имел времени из найденных мною данных составить отчет. Между тем, приехал Розанов из Енотаевска и навез исписанных бумаг, которые требовали какого-нибудь систематического извлечения. Тут и Павленко с отчетом по Черноярскому уезду. Князь хотел, чтобы мы представили отчеты на фоминой [3], как на образцовой (по московским понятиям) неделе, представляя очень милостиво заняться этим на святой, чтоб не сидеть без дела! С понедельника присел я за свой отчет и стал его составлять по идее, заранее у меня образовавшейся, с естественным желанием сделать никак не хуже, если не лучше, прочих господ. И все это время занимался я довольно усидчиво, часу до 5-го утра, кроме дня. Написал, переписал (отчет листах на 20) и вчера подал князю. — Отчет этот не только чрезвычайно понравился князю, но и поставлен в образец относительно плана и систематического расположения прочим ревизующим. Вы можете себе представить, что это было мне чрезвычайно приятно и лестно, хотя все это делалось не публично для того, чтоб не помять самолюбия старших чиновников, которым все-таки, какие бы они люди ни были, не может быть приятен успех, одержанный двадцатилетним чиновником. Только я желаю, чтоб это осталось в секрете; я передаю вам свое ощущение, но вовсе не хочу показаться мальчиком, детски радующимся всякому пустому успеху, и здесь не выказываю никому, кроме разве тех, которые, как молодые люди и мои товарищи, беспрекословно признающие мое превосходство над ними по службе (что еще очень, очень немного), радуются и за меня и за себя, ибо, как я и предвидел, общество наше разделилось, хоть и не так резко, на круг людей молодых и образованных и на круг прочих господ, а Строев в середине, ибо даже более уважает нас, нежели их. — Впрочем, не я один подвизаюсь из нашего круга. Бюлер недавно с отличным успехом выполнил поручение князя — составить ему в известном духе из множества данных, грамот, статистик, документов, официальных бумаг записку или, лучше, огромную статью, также систематически расположенную, о калмыках, которых мы хотим привести к оседлой жизни [4], а то эти суще-

ства, имея 11 миллионов десятин земли, не платя никаких податей в самую казну, не исправляя почти никаких повинностей, отнимают возможность селиться прочим выходцам из соседственных губерний (а этих желающих огромное количество), решительно бесполезны, и даже скотоводство, главный атрибут кочевья, у них в самом жалком состоянии. Конечно, здесь взвешены все шансы — и то, что могло быть невозможным лет тридцать, двадцать тому назад, может быть совершено теперь. Погодите, мы еще не таких чудес сделаем. Впрочем, и это еще под секретом, ибо проект наш еще не представлен. Как бы то ни было, но вы видите теперь ясно, что работ и собственно по ревизии и посторонних у нас множество, а когда и как мы сведем концы — не знаю. Много прибавляет работы и то, что князь, не желая подвергнуть свою ревизию участи прочих ревизий, т. е. почти что забвению, не действует, как другие сенаторы, которые все нужные исправления, проекты улучшения и мнения представляют по окончании ревизии 1-му департаменту Сената и рады, что сбыли разом с рук дело. А Сенат, очень равнодушный к тому, о чем он и не может иметь надлежащего понятия, отделывается также какими-нибудь обыкновенными распоряжениями, ибо ходатайство со стороны ревизора прекращается. Но князь все нужные предложения и нужные представления делает и будет делать с места и во время ревизии, так что и исполнение будет совершаться при нем же, — а то, по заведенному в России порядку, как уедешь, так и пошло все на старый лад. Разумеется, я не говорю здесь об исправлениях невозможных, напр<имер>, искоренение взятничества и т. п.

Впрочем, при князе, как человеке необыкновенно пылком и горячем, надо непременно иметь противоядие, а то можно как-нибудь оплошать. Поэтому Строев, как человек хладнокровный и имеющий, что называется, un gros bon sens*, в этом отношении очень полезен, ибо часто этим в нужных случаях с пользою охлаждает жар князя. Я в это бы не годился, ибо, несмотря на все свое благоразумие и хладнокровие, я именно способен сильно увлекаться в делах такого рода, особенно когда дело идет не о настольных регистрах[5], а о существенной государственной пользе и о чести и блеске наших действий. Вообще надо признаться, что ревизия, поселив во мне еще бо́льшее отвращение к канцелярской службе, возбудила во мне сильное соучастие к делам государственным, несмотря на то, что у нас все спадает на комедию, и, конечно, будь у нас несколько другой порядок вещей, но, во всяком случае, не времен царя Алексея Михайловича и бояр, я бы никогда не оставил службы и предпочел бы ее всем другим занятиям. Если я ошибаюсь, то не менее ошибаются и другие, которым ближайшее узнание современной России и применения государственного механизма к народу показало бы вполне, что древние формы управления и законодательства решительно обветшали.

Однако довольно смешно, что я до сих пор говорю все о таких вещах, которые никого, кроме Вас, милый отесинька, и Гриши, интересовать не могут. Костя, я знаю, очень равнодушен, как я ему несколько раз говорил, ко всему, что не касается любимых его вопросов, а с последним моим

---

* Грубый здравый смысл (*фр.*).

мнением он, разумеется, не согласен. Верно, он теперь выздоравливает, а то это меня очень беспокоило, во 1-х, потому, что с желчью шутить нечего, хоть я ее очень не жалую; во 2-х, потому, что у него это является чем-то периодическим, прошлого года, почти в это время он был также нездоров. Надеюсь, что я никогда не буду страдать желчью и нервами. — 9-го апреля рожденье Сонички. Поздравляю вас всех и ее в особенности. Кажется, ей уже 10 лет, если не больше [6], обнимаю и цалую ее. — Что сказать вам собственно про себя. С Оболенским живу я чрезвычайно дружно, потому что он предобрейший и преблагороднейший человек и такой, который никогда не скажет пошлости и глупости, как Блок. Блок невыносимый ребенок, конечно, с необыкновенною ко мне любовью, — имеет все дурные стороны ребенка, т. е. наивность, болтливость и т<ому> подобные качества, которые я терпеть не могу, а хороших сторон — пыла, жаркого негодованья, светлого благородства, как немец, он иметь почти не может. С Бюлером я гораздо более сошелся. Он человек умный и способный. Мы невольно и справедливо бываем предубеждены против светских людей, но, узнаваемые ближе, многие из них являются нам совершенно в другом виде. Так что собственно короткость товарищества и искренность существует только между нами тремя. — Стихов серьезного содержания я не пишу вовсе, но стихов à propos * с местным смыслом, шуточных и веселых, я пишу или, лучше сказать, совсем не пишу, а сочиняю, много. Оболенский кладет на музыку, и мы в свободное время распеваем. И так как я человек очень добрый и товарищ хороший, то, конечно, все они, чуждые всякой зависти, меня очень любят и я их. Стихи же эти решительно безо всякого достоинства, а потому я и не записываю; а этих стихов и пародий набралось бы много, бóльшая часть сочинены за самоваром. Смех, минутный успех, и потом все забыто. Я не могу выписывать вам их, почти все требуют долгих комментарий. Вот образчик экспромта. Сборы к заутрене:

Едет длинный караван,
Тащится коляска,
Даже дедовский рыдван
Потянулся тряско.
И плетется он трух-трух,
И кричит Павленко: «Ух!
Как толкает больно!»
Все к заутрене спешат,
Светлый праздник все хотят
Встретить богомольно! [7]

С прочими господами, исключая Строева, мы только в учтивых отношениях. Кончаю письмо, милая моя маменька и милый отесинька, будьте здоровы и бодры. Крепко вас обнимаю и цалую ваши ручки. Обнимаю милую мою Олю, надеюсь услышать об ней скоро приятные вести, обнимаю милую мою Веру Сергеевну и всех сестер, равно как и братьев. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Прощайте, до следующего письма. А завтра в земский суд. У!

---

* На случай (*фр.*).

21

Пятница. 1844 г<ода> апреля 7-го. Астрахань.

В прошедшую середу не писал я к вам, милая маменька и милый отесинька, зато и сам не получил писем в четверг, т. е. от вторника на святой неделе. Приходится ждать до понедельника. В прошедший понедельник получил я ваши письма от субботы страстной недели, и потому нетерпеливо хочу знать — как встретили вы праздник, как Олинькино здоровье и как провели вы день рожденья Константина. Фомина неделя проведена мною довольно деятельно, и на будущей неделе подам я отчеты о земском суде и дворянской опеке. А там предстоит мне тяжкая работа, но для объяснения начну с начала. Победа, мною одержанная (о которой писал я к вам прежде), выказалась вдвое блистательнее, нежели я имел право ожидать. Превосходство моей системы князь признал торжественно, но, разумеется, я держу себя слишком скромно, чтоб поведение мое могло быть обидно для прочих старших чиновников (разумеется, кроме Строева, который не производит сам ревизии). На днях вижу я, что Павленко что-то усердно переписывает: оказалось, что он выписывает себе систематическое расположение моего отчета по уездному суду по приказанию князя, который поставил им его в образец. Князь несколько раз давал мне почувствовать, что я превзошел его надежды и ожидания, несмотря на хорошее мнение, которое он всегда имел обо мне. — Вы знаете, что о Розанове была переписка с министром юстиции, и граф Панин, наконец, уступил, Розанов сделан старшим и получил уже добавочные деньги, что ему как человеку небогатому очень важно. Я искренно тому радовался, ибо Розанов вдвое умнее и дельнее Павленки и так же стар по службе, как и он, т. е. оба служат почти 20 лет. На днях за обедом коснулись этого предмета, и князь вдруг сказал: «А вот Иван Сергеевич записался у нас в старшие без ведома моего и министра юстиции». «Каким это образом», — был мой вопрос. «Тем, — отвечал князь, — что вы получаете поручения одинаковые со старшими чиновниками, действуете так же самостоятельно и отдельно и ничем по занятиям от них не разнитесь». «За неимением разве», — пробормотал я. «Нет, и при имении, и всегда было бы то же. Впрочем, Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩ применил к себе французский стих: aux bien nées la valeur» (дальше я не припомню)...[1] Все эти слова, для меня довольно приятные, были совершенно лишние за обедом, и Павленко и Розанов с братиею не могут быть этим слишком довольны. Поэтому вечером, разговаривая с своими, я говорил, что для того, чтоб удержаться в этой блистательной позиции, необходимо идти от успеха к успеху и ознаменовать себя новыми подвигами, ибо настоящий мой успех может забыться, потерять некоторую цену и что будут стараться затмить меня несколько. Тем более что уже носились между ними слова, что отчет мой более блистателен, нежели делен, и т. п. Я сам не очень доволен им, и последующие мои труды, вследствие приобретенной опытности, будут вдвое лучше и должны, мне кажется, далеко оставить за собою первый отчет, тем более что и деятельность моя напряжена довольно сильно, и умение, навык к делу пре-

восходят всякое сравнение с прежнею степенью моих служебных достоинств.

А как посмотришь на это со стороны, так даже смешно становится: блистательная победа, успех, деятельность — какие громкие слова! И при чем же это все? При занятиях по ревизии уездного, земского судов и тому подобной мелочи. Жалкий призрак славы и деятельности, способный увлечь мальчика, пустой призрак, которым стараются себе заменить недостаток настоящей славы и обширно полезной деятельности! Буря в стакане воды. Неужели этим мы должны довольствоваться? Видно здесь только мелкое тщеславие, животрепещущее и радующееся малейшему успеху. Вот что думаю я, подумают и другие, но я здесь поступаю откровеннее, нежели в Москве, где я, вероятно, не выказал бы и половины того, что перед вами теперь разоблачаю свободно. Вы знаете, впрочем, что не этих успехов искал бы я, если б сознавал в себе на то бо́льшее право.

Но к делу. Мне дается князем важное поручение, от которого не совестно было бы отказаться всякому, но не мне, потому что я не люблю отказываться от работы. На днях он призывает меня к себе и говорит, что хочет дать мне поручение обревизовать казенную палату. Я сказал ему, что эта часть необыкновенно трудна, сложна и совершенно для меня нова. «Тем лучше, — отвечал он, — тем более для тебя пользы, il faût, que vous marchiez dans le service *; по крайней мере, ты воротишься с многосторонними служебными сведениями по всем отраслям управления». (Надо вам сказать, что князь лицам приближенным и особливо молодым, несколько доверенным людям говорит всегда «ты», особенно в кабинете, не одному мне, впрочем, но и многим другим, Бюлеру и пр.). Я благодарил его за это, но сказал, что не могу приступить без приготовления. На это дал он мне сколько угодно времени, зная, что я не употреблю его даром. Я обещал сделать по мере сил, но объяснил, что для меня работа будет тяжеле, нежели кому другому, во 1-х, потому, что все то, что оставилось бы без внимания, если б ревизию производил Павленко или Розанов, будет мне поставляемо в вину, ибо первое слово, готовое слететь со всех уст при известии, что эта ревизия поручается мне, будет: молод! во 2-х, потому, что труд мой должен быть отличен, чтоб быть сочтену за порядочный при подобном настроении умов, да и я сам не захочу удовольствоваться посредственностью и идти по битой и пошлой тропе, а все это потребует много работы и много времени. — Действительно, это должно показаться в городе странным (это еще пока не разглашается): молодой человек, не старший чиновник, ревизует один (разумеется, с одним или двумя помощниками) место, стоящее в разряде первых губернских мест, второе после губернского правления, место, которого председателю нередко случается быть управляющим губерниею в случае отсутствия губернатора и вице-губернатора; да и не только здесь покажется странным, но и в Москве, лицам, меня знающим. Это удивило меня самого, даже встревожило, ибо хотя я уже совсем не тот чиновник, каким был в Москве, но все-таки мне еще много недостает служебной опытности, а что важнее, опыта жизни. Не-

* Нужно, чтобы вы углубились в свою службу (*фр.*).

даром же люди проживают лишние 20, 30 лет. Конечно, я постараюсь приготовиться отлично и употреблю все свои силы и способности, чтоб сделать отличную ревизию. А ведь часть эта мне не только нова, дика даже, требует соображения, счетности и большой осмотрительности. Наша ревизия производится совсем не так, как прежние. Обыкновенно сенатор требует ведомости присутственных мест, заставляет их просматривать в канцелярии, потом пишет о найденных замечаниях предложение губернскому правлению. Нет, у нас сенатор посылает в самое присутственное место чиновника и заставляет его ревизовать подлинные дела, бумаги, производства за три года, да порыться в архивах, так что ревизия выходит даже педантически подробная, но полезная для самих мест потому, что ревизия приводит в известность их собственные упущения и принимает тут же меры к исправлению всех уклонений от закона и беспорядков (излагаемых теперь в ясном отчете, по моей системе). Таким образом открываются настоящие больные места, какие беспорядки общие, чаще или реже встречаются, и какие требуют изменения самого закона. Произвести такую ревизию в казенной палате, где все почти основано на цифрах, да это такой труд, который ужасает меня, когда я вполне сознаю его обширность и важность. С будущей недели во всякое свободное время буду изучать, а к делу самому приступлю не ближе половины той недели, т. е. почти через две недели. С божией помощью авось что-нибудь да сделаю. Но зато эта основательная ревизия по всем присутственным местам долго, ой, ой, ой как долго продлится. Мне одному улыбаются еще уголовная палата, рыбная экспедиция, суд Зарго, а что́ еще скрывается в тумане!..

Ну да довольно о службе. Почти два письма сряду наполнены этой материей. Право, я сделался таким официальным лицом, что только почти и на уме официальные интересы. Обещались мне достать песни рыбопромышленников; песни и другие матерьялы могут послужить матерьялом довольно любопытной статьи, которую я имею намерение написать по окончании ревизии рыбной экспедиции [2]. — Пока у вас еще оттаивает снег, у нас прекрасная погода. Нынче прохладнее и ветрено, а в те дни было просто жарко. Балкон свой мы выставили и часто пользуемся им после обеда. Голубое, яркое небо, вода, степь, пересекаемая телегами, арбами, и посреди которой красуются калмыцкие кибитки, далеко виднеющаяся полоса Волги из-за частого ряда мачт, груды домов астраханской архитектуры — все с балконами, балкончиками и галереями, яркие цвета азиатских одежд и шапок — все это представляет чудесный вид, но мало оживленный, побольше народа и движения, вот чего надо. Часто, сидя в комнате своей и следя за постепенным наступлением сумерков (очень кратковременных однако), или в ночь, когда звезды ярко блещут на темно-голубом небе, думаю я о подобных же ночах и ощущениях, бывших в другие времена, в других местах, и знаю заранее, что будут опять такие же ночи и те же ощущения — но под каким небом, где, при каких обстоятельствах — бог весть!

Вот вам описание — как проводятся у нас дни. Встаем мы с Оболенским часов в 7, пьем чай, надеваем мундиры, в половине девятого заходим к князю и отправляемся в присутственное место. С 9 до 3-х (или до

$2^3/_4$) работаем, приходим домой, завтракаем. Завтрак состоит из крутых яиц с четверговою солью [3] (которая у князя ведется круглый год, но, разумеется, завтрак и пр. на наш счет) и с сыром. В 5-м обедаем, после обеда пьем кофе (недавнее учреждение), один день Бюлер и Блок у нас, другой мы у них. Часов в 7 пьем чай и садимся за работу, большею частию у себя наверху. Когда вечером приходится быть у князя или он сам зазовет, и если в расположении, так продерживает час и более. Часов в 11 ужинаем — то же самое, что и завтрак, — а Оболенский сверх того выпивает всегда на ночь стакана два или три чаю. Ложимся не раньше 1-го часа, а в случае особенной работы мне приходилось сидеть до половины пятого, впрочем, не больше. Так проходит день за днем неприметно. Видите, что мы, однако, вовсе не забываем себя, и мне похудеть нет надежды. Вообще мы с Оболенским живем открыто, не мескинно [4] и великодушно, но не <нрзб> на то прежде у нас не выходило больше 100 рублей в полтора, даже два месяца, но теперь издержки прибавились, и у нас выходит по 50 рублей на брата в месяц, ибо издержки на сахар, на стеариновые свечи (извините, никак не могу решиться на сальные, Оболенский в этом отношении скорее бы меня подумал об экономии), кофей, мытье и т. п. довольно велики. У нас все общее, даже плата за письма. Обыкновенно за полмесяца вперед даем мы деньги человеку, который уплачивает все, что нужно, и подает счет. 50 рублей очень немного, это меньше трети получаемого мною жалованья. Деньги даются по очереди. Сначала идет моя сотня, потом Оболенского, и так по очереди. Разумеется, я не считаю здесь особенных издержек у каждого, напр<имер>, покупка сигар, товаров и т. п. Приятно то, что живем мы с Оболенским совершенно свободно в отношении к друг другу и коротко. Разумеется, он более ко мне привязан, нежели я к нему, но он благородный и добрый малый. Уже в том его достоинство, что он не мот и думает об отцовских деньгах, ибо даром, что у отца его 200 т<ысяч> доходу, но зато много долгов и имения не в отличном положении, и за это он хочет взяться по окончании ревизии, т. е. произвесть ревизию в имениях своего отца и привести их в порядок. Все братья его, как обыкновенно все члены аристократических, богатых фамилий, делали долги, тысяч по 20, он никогда ничего. Это, впрочем, знал я и не от него. Несмотря на то, что положение его самое фальшивое, ибо он племянник князя, а чиновник совсем не отличный, он умеет себя очень хорошо вести и поставить на хорошую товарищескую ногу со всеми.

Вчера ездили мы все с князем смотреть пришедшие хивинские товары. Они прибыли степью, на верблюдах до Гурьева, а оттуда на дощаниках [5] морем сюда, прямо в таможню. Я запасся даже деньгами на всякий случай, но это оказалось ненужным. Огромные кучи халатов из самой грубой материи, частию ношенных и даже с дырами, кое-какие простые пестрядевые полотна и больше ничего. Но сами хивинцы молодцы; бодрые и умные лица! Не то, что калмыки и киргизцы, особенно калмыки. Я и не мог воображать себе существ более противных! Эти мендюки (как они себя называют) носят одежду до тех пор, пока она истлеет на них. Женщин нельзя отличить от мужчин. Впрочем, что же я вам-то про них рассказываю. Они вам хорошо известны и по Оренбургской губернии. Были мы также в белой

мечети. Так называется пространная каменная татарская мечеть с медною луною. Ничего интересного нет. На полках лежат туфли. Все присутствующие сидят, поджавши ноги, довольно чинно, и слушают то, что читает мулла самым однообразным голосом. Проезжая чрез Зацаревское селение, где живут татары, видели мы татарок, маленьких и молодых. Последние, пользуясь случаем видеть сенатора, выбежали к воротам или смотрели в окна. Красивое полукафтанье из турецкой или персидской узористой материи стройно обхватывало их стан, и вообще они очень недурны собою. —

Купил я недавно привезенной сюда материи тармаламы штуку и пошлю если не с нынешней почтой, так непременно с будущей на имя Олиньки, с правом сделать из нее какое угодно употребление, даже подарить, только уже человеку со вкусом, ибо узор и достоинства материи превосходны. Не прикажете ли купить еще чего, стоить будет недорого, а если мне будут нужны на это деньги, так я напишу. Не могу достать еще персидских женских туфлей, но достану непременно на все ноги, т. е. всякого размера, и пришлю. Мне же собственно эти товары не нужны, я не люблю халатов и архалуков и предпочитаю европейское платье азиатскому, даже терлику[6]. Да, кстати, о терлике. Что он еще, en vogue?* Не сшито ли еще чего и сменилась ли зимняя мурмолка летнею[7]. Косте я до сих пор не собрался писать, и он мне не написал большого письма, как обещал, но, разумеется, он и не мог выполнить своего обещания, бывши нездоров.

Я написал вам больше, нежели в прошедший раз, но однако не докончу этого листа, даром что воскресенье и свободно. Как-то не в расположении, да и голова что-то не свежа, пойду проветрюсь. Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, до нового письма. С завтрашнего дня у меня пойдет сильная работа, а потому и не знаю, успею ли написать во вторник, но к будущей субботе надеюсь кончить отчеты. Пожелайте мне успеха с казенной палатой. Пришлось Вам, милая маменька, интересоваться казенной палатой, судами, опекой! Цалую ваши ручки и обнимаю всех сестер и братьев. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Переведен ли Алекс<андр> Федоро<вич> в Москву?[8] Поклонитесь Погодину[9]. Что Петербург и Надеждин[10]? Прощайте еще раз. Крепко и особенно обнимаю милую Олю.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

22

Астрахань. 1844 г<ода> апреля 16. Воскресенье.

Сейчас проводил я Оболенского [1], милый отесинька и милая маменька, а потому вчера и не мог приняться за письмо. Поездка на Эмбенские воды отложена, но князь, отправляя Павленко в Красный Яр и чувствуя надобность не отпускать его одного, отправил с ним своего племянника. Красный Яр — город, построенный на острову в одном из устьев Волги, верстах в 35 от Астрахани (впрочем, сообщение по воде и чрезвычайно

* В моде? (*фр.*).

неудобное). — До половины мая еще можно там жить, но далее никак. Летом жители там ходят в дегтяных сетках на лице — от комаров — и обедают и спят под пологами. Последняя почта не привезла мне ничего, но я очень благодарен вам за предыдущие письма и за копию с письма Гоголя[2]. Я его прочел несколько раз, перечту еще, тем более что оно не совпадало с тревожным состоянием моей души. Нет, сознавая истину его слов, я не могу оторваться от жизни и стремлюсь к противоположной цели. Когда я прочел его в первый раз, я совершенно был полон жаждою внешней, общественной деятельности и не мог бы решиться на самоотделение внутреннее от интересов житейских народа, государства, даже всего человечества! Жить, посвятив себя на изучение собственной души своей, углубляться в самопознание, просветить духовные очи свои и после долгой, трудной борьбы, после тяжкого подвига исполниться гармонии и божественной любви — высоко прекрасно. Но это может быть уделом одного лица. Человечество живет, движется, трепещет действительностью, сквозь нее проходит и духовная его жизнь. Люди живут отдельными народами и государствами, государства цветут управлением, управление не может быть вверено светло-мирной душе истинного христианина. Еще не пришло время: да будет едино стадо и един пастырь[3]. И так сильно сочувствие мое к человечеству, тревожно бегущему к неизвестной цели, так близки мне интересы его нравственной жизни и материальных выгод, что, охотно пожертвовав блаженством христианским, личным, я посвятил бы себя на общую пользу, согласился бы быть одним из камней пирамиды. Прочитав письмо Гоголя, вышел я на балкон. День светил ярко, небо так далеко, так широко обнимало землю, передо мною расстилалась масса домов, лодок, судов, все принадлежности матерьяльной и промышленной жизни. И когда вообразил я, что все это кишит, движется, преисполнено деятельности, когда представил себе, эта масса частных интересов и личностей составляет одно огромное целое, когда меня охватило чувство жизни, со всеми ее радостями и печалями, любовью, враждами и ненавистями, я готов был, очертя голову, броситься в этот величественный омут! — Ваши строки, милый отесинька, пробудили во мне много внутренних упреков. Я согласен, что часто, боясь блеска истины, страшась подвига, мы даем заплыть дрязгом свежему прекрасному чувству и движению, — но пусть внутренняя работа, не давая человеку погрязнуть, не стесняет его свободы. Мне кажется, что с Гоголевым настроением духа перейдешь к воззрению на людей, как на братьев во Христе, будешь скоро говорить «ты» всякому (между вами теперь непременное «ты») и что не будешь годиться для общественной жизни. — Может быть, пишу я молодо, хотя по характеру своему должен бы я был вполне совпадать с Гоголевым письмом.

Перейдем к действительности. На этой неделе подал я отчет по дворянской опеке князю, кончил земский суд и начал не казенную палату, но рыбную экспедицию вследствие вновь открывшихся обстоятельств о тюлене. Да, да, что Вы смеетесь, милая маменька, знайте, что мне тюлень и доходы с него казне почти во сне снятся. Ревизовать рыбную экспедицию — все равно, что дотронуться до пыльного платья: вся комната делается

полна пылью. Нашел я много злоупотреблений важных, которые потребуют, может быть, вятщего взыскания по законам, а теперь хлопочу о том, чтобы перевесить вновь тюленя. Да вам это все непонятно. Тюленя в год убивают тысяч до 300 штук; зимою весит он несколько фунтов, весною 20 ф<унтов>, осенью пуд и два. С каждого пуда платится казне пошлины 1 р<убль> 5 коп<еек> асс<игнациями>. Бьют его в море, на островах и на льду. Тюлень этот промышленниками объявляется в экспедиции, складывается (просоленный) в лари и дожидается покупщика или вывоза во внутренние губернии. Перевешивают определенные на то смотрители экспедиции, которые, при большом количестве тюленя, утаивают из выгод хозяина иногда более половины пуд. — Словом, Каспийское море такой важный предмет во всех отношениях, что по-настоящему ревизии не следовало бы ничем иным заниматься, а то Государственный совет, сидя в Петербурге и очень равнодушный к тюленю и рыбе, мало принес пользы последним своим мнением. — Губернатор, председательствующий в рыбной экспедиции, но никогда не присутствующий, нашел неприличным, что место, подобное экспедиции, ревизуется тит<улярным> советником, мальчишкой и т. п. и что ему приходится отвечать мне в лице целого присутствия на мои запросы или отношения. Но пусть его сердится, он сам подписал журнал и доставление мне всех сведений, какие я затребую, — вследствие предложения князя. Поэтому теперь я возьму ту только предосторожность, что все свои отношения буду начинать словами: «Вследствие предложения его сиятельства от такого-то числа, № и проч.» Вообще же здешние присутственные места и лица стали что-то умничать, ну да завтра же их урезонят. Неловко ревизовать губернию при губернаторе, хотя и интересно для меня столкновение властей.

Вы невольно улыбаетесь, что я беспрестанно говорю вам о таких вещах, которые для вас собственно не интересны и не вполне ясны. Я сделался ужасным чиновником и думаю беспрестанно, но не о настольных регистрах[4], а о выгодах правительства и народа, именно при ревизии рыбной экспедиции. Здесь почти каждый пункт требует исправления, нового положения, соображения с местными обстоятельствами и пр. Нельзя меня отпустить из Астрахани, ибо я здесь нужен, а то бы я попросился ехать на Эмбенские воды. — Оболенский уехал на месяц, по крайней мере, и я остался один. Привыкнув жить вдвоем, я буду скучать первое время, да, впрочем, разве только по вечерам.

Вы воображаете, что мы наслаждаемся восхитительной погодой? Нет, вовсе нет. Правда, было несколько дней ясных и теплых, но все-таки нельзя было бы долго оставаться на воздухе в одном платье, а вчера и нынче дует пресильный и холодный ветер. Зелень — где есть — едва только стала выказываться: мертвая, жалкая природа. Я сижу спиной к окну и чувствую, что выказалось солнце и облака рассеялись. Кончу письмо и сяду на балкон с сигаркой, это мой всегдашний теперь отдых.

Посылаю вам тармаламу на имя милой Олиньки, о которой теперь уже целую неделю не имею известий. Я думаю, она не сомнется в таком узеньком ящичке. Прошу Олиньку сказать мне настоящее мнение о достоинстве узора и доброте материи; я бы написал ей письмо нынче, но слышу

голос князя внизу. Он имеет намерение идти со мною нынче в уездный суд и дворянскую опеку и на деле поверить слова моего отчета о скверном и неприличном помещении, а потому и тороплюсь, чтобы не задержать его. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Очень, очень благодарю вас за письма, цалую ваши ручки. Будьте здоровы и спокойны на мой счет совершенно. Обнимаю всех милых сестер своих и Sophie. У меня уши краснеют при мысли, что я до сих пор не отвечал им. Рассуждения твои, Марихен, насчет камушков несправедливы. — А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Кланяйтесь от меня Надежде Николаевне. Обнимаю Гришу и Костю. Вере я особенно благодарен за то, что она взяла на себя труд переписать мне письмо Гоголя, цалую у нее ручки.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

23

Астрахань. Суббота 22 апреля 1844 года.

Письма ваши от 8 апреля получил я только поздно вечером в середу, 19-го апреля, милая моя маменька и милый мой отесинька. Теперь, по милости дурных дорог, почта приходит навыворот, напр<имер>, вместо субботы в середу вечером, вместо вторника в субботу вечером. Нынче еще она не приходила, и хотя я не ожидаю письма себе, но все-таки не лишаю себя вполне этой надежды Да вообще — приход почты эпоха в нашей скучной, однообразной жизни, я же, как вам известно, охотник до новостей. — Как я рад, что икра одержала успех[1]. Оболенский отправил и зернистую, но она несколько испортилась дорогой. Икры этой достать нельзя, именно такого сорта. Она была делана нарочно для нас из промыслов Сапожникова, который один из главных снабдителей России икрою. Хотя у него есть контора в Москве, но там ее получить нельзя, ибо она продается сейчас по прибытии разным купцам. А нарочно заказывать теперь и присылать, по случаю теплого времени, неспособно. Осенью же я пришлю еще. Почта сейчас пришла — писем нет, да и ничего интересного, никакого ответа на наши официальные бумаги, только одно глупое предложение Бестужева[2]... Сколько еще времени придется нам прожить в Астрахани, неизвестно. Апрель в исходе, а и половины мест не обревизовано. Если б вместо многих лишних членов канцелярии могли бы иметь мы таких людей, которые в состоянии были бы ревизовать самостоятельно, так работа пошла бы скорее. Рассмотрение подробное всех дел и действий места за три года, счеты и учеты денежных сумм — все это занимает много времени. Еще как-то пойдет летом. Теперь деревья почти все распустились, но моряна дует постоянно с такою силою, что нет почти возможности ходить по этим немощеным улицам от несносной пыли: вы постоянно находитесь в вихре пыли. Вода ростет приметно. Когда же будет сбывать полая вода, в июне месяце, тогда ветер утихнет совсем и появятся комары и мошка. Вообще очень неприятно. В прошедшее воскресенье была гроза, впрочем, небольшая. — Вы пишете мне про слухи, которые Поленов изволит распускать про мистерию. Я позволил Кудрявцеву взять ее с тем условием, чтоб ни

под каким видом не читать дяде. Поленов дрянь, мальчишка, пропитанный Калайдовичем. Я всегда знал, что он дрянь, но потом это письмо и отзывы об нем Бюлера еще более утвердили меня в этом мнении [3]. Теперь я живу совершенно один, с тех пор, как Оболенский уехал, вздумал было перейти ко мне спать Бюлер, но так как я встаю слишком для него рано, так он меня скоро оставил. Боже мой! думал ли я когда-нибудь, что буду жить в Астрахани и заниматься тюленем! Впрочем, я хочу вам дать понятие о бое тюленя. — Тюленя в Каспийском море водится очень много; он разделяется на три рода: на зимний, весенний и осенний. Зимний, или беленький тюлень, новорожденный, очень мелок. Разводится он на льду, следовательно, больше с северо-восточной части моря, обыкновенно на шестисаженной глубине и более; весенний, или сиварь, весит уже не менее 20 фунтов, а осенний, самый крупный, пуда полтора, два и более. Шкура не приносит большой выгоды, но тюлений жир прибылен. — Пошлины с него в казну платится по 30 к<опеек> сер<ебром> с пуда тюленя. Пошлина большая, ну да и добывается его от 200 до 300 т<ысяч> и более в год. Бой тюленя зимою убыточен и для казны и для промышленников; для казны потому, что тот же самый тюлень осенью весит впятеро больше; для промышленников потому, что безумное истребление мелкого тюленя истребляет вообще тюленью породу. Отчаянные промышленники, презирая все опасности, гурьбою отправляются и набивают множество. Как ни опасна эта работа, но она вдвое для них прибыльнее дневной платы работника в других губерниях, и поэтому отвсюду идут они на промысел, русский, калмык, киргиз, татарин, персиянин, армянин, трухменец. Тюленьщики обыкновенно отправляются на небольших лодках, без компаса, зная довольно коротко море, товар, если его много, складывают в расшиву или кусовую хозяина (род большой барки морской конструкции). Прежде часто подвергались они нападениям хивинцев, но со времени последней экспедиции [4] захватов не случается. Но бьющие тюленя зимой подвергаются большим опасностям. Они обыкновенно отправляются по льду, на подводах, но часто сильным порывом ветра отрывает их со льдиной, с санями и лошадьми и носит по всему морю, часто совершенно в противоположной стороне, дней двадцать и более. Что же? они продолжают бить попадающегося тюленя, съедают лошадей и, обтягивая сани лошадиными кожами, садятся в эту нехитрую лодку, когда вся льдина разойдется. Большая часть все-таки погибает, но многих прибивает к берегу, нагоняет на судно, и они спасаются. Это не сказки, а действительные факты, открывшиеся мне при ревизии рыбной экспедиции. Но вообще от неосторожности и от бурных, вулканических свойств Каспийского моря ежегодно погибает много людей. — Эмбенские промышленники также отчаянны, но обыкновенно лодки (которых бывает до 1000) разделяются по расшивам, при которых состоят. Самые лучшие лоцмана по Каспийскому морю — мужики-рыболовы, и каких бы отличных матросов сделала бы из них Англия для королевской службы с правом захватывать каждого вольного моряка и силою принуждать его к службе (la presse *) [5]. Чувствуя потреб-

* Насильственная вербовка <матросов> (*фр.*).

ность, однако же, в мореходной терминологии, не существующей на русском языке и видя превосходство европейской судоходной конструкции, они сохранили большею частию английские названия снастей, исковеркав их жесточайшим образом, и на благоустроенной кусовой вводят маневры по команде. Даже ветра называют многие из них: зюд-вестовый и т. д. В одном деле я нашел: мещане, чуть ли не Поповы, по простонародному прозванию *Нордвестовы*! Часто промышленники, не довольствуясь ловом рыбы посредством сетей, расставляемых рядом, что называется, кажется, техническим термином «порядок», преследуют несчастную рыбу на огромной глубине, даже сажен до 80, но уже не посредством сетей, а посредством удочек, т. е. канатов с большими крюками, на которые насаживают кусок тюленьего мяса, живую рыбу. Этих удочек бывает расположено до 1000 рядом; они как-то все привязываются или к одному канату, лежащему поверх воды, или к чему-нибудь другому, и это, кажется, так же называется *порядком*. Впрочем, всего этого я вам не могу еще хорошенько объяснить. На морских промыслах Сапожникова добывается огромное количество тюленя, да он (или его управляющие, его контора, потому что его самого здесь нет) скупает тюлень у большей части тюленобойцев, и уплатя пошлину (часто тысяч до 50 и больше в год), и все это спускается вниз по Волге на Нижегородскую ярмарку. — Сведения мои еще не совсем полны, но я соберу еще много других. Теперь я хожу в р<ыбную> экспедицию с двумя помощниками — Бюлером и Немченко. Работы очень много, злоупотреблений еще больше и очень важных. Недели две еще провожусь с нею, а потом примусь за казенную и уголовную палаты. — Вчера был царский день, 21 апреля [6]; были мы все в церкви, в полной форме; служил архиерей. После обедни все чиновники и военный губернатор были у князя с поздравлением. Бал в Собрании отложен до воскресенья. Я не поеду, ибо я не танцую, а как лицу официальному мне нельзя быть покойным зрителем. К тому же отношения наши к здешним чиновникам и губернатору становятся день ото дня неприятнее и неприязненнее. Человек этот, привыкнув к самовластию неограниченному, держит, будучи преплохим губернатором, в таком страхе и повиновении всю губернию, что дураки-чиновники не могут разочароваться в его всемогуществе. Он хорохорится, как петух, но князь, редко и только в подобных случаях видающийся с ним, обошелся с ним при приеме довольно сухо, и ни он, ни даже мы не были у него с поздравлениями. Прощайте, однако, завтра напишу еще что-нибудь, целую ваши ручки, будьте здоровы и бодры, милая моя маменька и милый отесинька; целую всех сестер, а милую Олю особенно. Обнимаю братьев. Прощайте,

Ив. Аксаков.

24

Астрахань. 1844 г<ода> апреля 25.
Вторник. 9½ час<ов> вечера.

Я совсем не располагал писать к вам нынче, милая моя маменька и милый отесинька, ибо ожидал почту не прежде вечера середы, как и в последний раз. Но сейчас принесли ваши письма (которым по-настоящему следовало

прийти в субботу), и я хочу непременно написать вам письмо, хоть не такое большое, как пишу по субботам. Сделайте одолжение, не беспокойтесь, если иногда письмо написано криво или дурным почерком. У меня все зависит от пера. А перья мои привезены еще из Москвы очиненные, ибо я сам чинить не мастер, все уже притупились, и прежде, чем начать и это письмо, я перепробовал штук пять и теперь пишу преплохим пером. — Что это, право, Костя расхворался, брал бы он пример с меня, впрочем, вероятно, письмо это застанет его здоровым. — Очень, очень благодарен Вере (ах, боже мой, как нарочно ни одного порядочного пера) за ее замечания на мое письмо, но что касается до ее рассуждений о делах и о службе, так она толкует как женщина. Правда, что мне самому скучно бывает беспрестанно быть на виду у князя, в сношениях с ним, но здесь ее гордости нечем оскорбляться: этому причиной общее наше дело, жизнь в одном доме и невольно теснейшее сближение — от удаления, в котором мы себя держим в отношении к астраханским жителям, да этому подвергаются все мои товарищи. Что же она говорит про насмешливость, так я бы смеялся над подобными сценами всюду и теперь не могу вспомнить без смеха фигуру Копостовского; но я не знаю, почему лицо князя в этой сцене является ей смешным [1]. Он это сделал с обычною своею ловкостью и скоростью. Да, впрочем, почему же не смеяться над тем, что кажется смешно, тем более в Астрахани, где это единственное почти развлечение. — Я по характеру своему довольно горяч на службе, хотя и браню ее, так все, что касается до нашей ревизии (как нечто целого), меня сильно занимает: и бумаги получаемые, и толки, и слухи, и честь, и блеск ее. Если б еще этого участия не было, так я бы просто сошел здесь с ума от скуки и хандры, которая иногда на меня находит. Что касается до Бр<игенов>, так я был у них на праздниках, но признаюсь — у этих превосходнейших, впрочем, людей прескучно. Во 1-х, это люди преданные, в доброте невинной своих сердец, Ивану Семеновичу (т. е. Тимирязеву), к которому наша ревизия вовсе не питает склонности, а я в особенности. Этот гордец держит себя, по-моему, неприлично и старается подловить нас в каком-нибудь промахе, а меня в особенности, потому что я ревизую место, где он, правда, не был в продолжение 10 лет, но числится председателем и подписывает журналы. — Да, я начал говорить о Бригенах. Обыкновенный мой с ними разговор состоит о предстоящей жаркой погоде, причем он не преминет напомнить, что ему ничего от жара, а жене его невыносимо. Оно понятно, когда посмотришь на них обоих. Он кости да кожа, жена тучного или толстого сложения. Словом, говоря моими же стихами:

Как том пятнадцатый он тонок,
Она толста, как том второй [2].

«Св<од> зак<онов>» изд<ания> 1842 года.

Опять сердитая улыбка на лице любезнейшей Веры Сергеевны, но это стихи старые, московские еще. К тому же еще этот немецкий атаман, в произношении которого слышно, что он не русский, говорит: «Наше казацкое житье, мы казаки, я казак простой и т. п.» А жена с сестрой всегда, когда

я бываю у них, перешептываются между собою по-немецки с восклицаниями: «Ach, Jesus Maria, liber Gott, Gott im Himmel, ganz Werotshka!»* Это мне очень приятно, но пора бы перестать. А если пойду к ним в третий раз, это непременно повторится. Жалко, что они не пишут к Занденой [3], какие именно ходят про нас анекдоты, мне было бы очень любопытно их знать; у нас недоброжелателей много. — Я думаю, Верочка очень удивилась бы, по неопытности своей, если б узнала, что и я, и Гриша, и вообще все служащие говорим по необходимости и по принятому обыкновению своим начальникам и другим лицам — по служебным отношениям — «Ваше превосходительство», «Ваше сиятельство!» Как будто при наружном почтении нельзя оставаться в благородной и независимой позиции!

Ревизия наша продолжится долго. Я, признаюсь, и конца ей не вижу и именно не знаю, как сведем мы все концы. Это-то на меня и нагоняет подчас невыносимую тоску, так что руки отнимаются работать.

И только тогда становится легче, когда изольешь свою досаду на Астрахань в эксажерованных ** — сказали бы вы — выражениях. Премертвый город. По улицам почти ни души или калмык, надоевший мне донéльзя, или почетные гражданки, здешние коровы, ходят себе по тротуарам подле вас, прогуливаются, останавливаются, разговаривают между собою, решительно как дома. Три, четыре коровы непременно на всякой улице. — Погода стоит претеплая; зелень распустилась совсем и ярче цветом московской. Кроме фруктовых дерев, здесь видны — и то не везде — акация и пирамидальный тополь, который сначала мне нравился, а теперь совсем опостыл. Тени не дает никакой, поднял все сучья вверх и стоит один, высокий, дурак дураком (с позволения сказать); а через месяц его соседство будет очень невыгодно, ибо привлечет миллионы миллионов комаров. И здесь-то провести лето, а не на берегах Вори![4]

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, в субботу напишу больше, если даже с будущей почтой и не получу письма. Целую ваши ручки, я здоров, как, как... здешний тюленобоец. Будьте только вы здоровы да все наши. Милую мою Олиньку крепко обнимаю. Целую милую Веру и всех-всех сестер. Обнимаю братьев. Итак, до следующей почты. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

Огорчила меня очень кончина Голицына. Неужели Щербатов останется?[5]

25

30 апреля 1844 г<ода>. Воскр<есенье>. Астрахань.

Письмо это, вероятно, придет 9-го мая, в день рожденья милой Олиньки, поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька. Дай бог, чтоб с этим новым годом укрепилось ее здоровье. Хотел я к этому дню прислать ей туфли и чулки персидские, но их еще не привезли из Персии. — С по-

* Ах, святая Мария, боже милостивый, боже всевышний, вылитая Верочка! (*нем.*).
** Эксажерованных (от фр. exégerer) — т. е. преувеличенных.

следнею почтой я, по обыкновению, не получил писем, и поэтому с нетерпением ожидаю вторника, когда придут письма от 22 апреля, т. е. от прошедшей субботы. Установилась ли у вас весна, по крайней мере? В прежние времена бывали и в конце апреля жаркие дни. А завтра первое мая; в Москве гулянье в Сокольниках, а здесь дано будет армянином Поповым увеселение на Бехчинской равнине. Это самое лучшее место, по понятию астраханцев, есть не что иное, как неровная степь, через которую проведена грязная канава и на которой кое-где стоят деревья, не дающие никакой тени; увеселение будет состоять в фейерверке, голуби будут ходить по канату, паяц плясать в огне; причем, будет и Воксал [1], т. е. скверная грязная палатка с скверпейшим буфетом. Вчера ездили мы с князем в коляске прогуливаться вечером и заранее осмотрели это место. Ничего нет привлекательного, особливо же если будет дуть такой ветер, какой дует с нынешнего утра. Итак, уже 4 месяца, как мы живем здесь в Астрахани. Меньше шести месяцев еще никак не проживем, а может случиться что и больше. Страшно подумать. И впереди все это скучное хождение каждый день в присутственное место. Вот нынче воскресение, день свободный, сидишь утро дома, а завтра опять поплетешься в рыбную экспедицию, с которою, впрочем, я намерен распроститься на этой неделе. Надоело мне все толковать о тюлене и рыбе. Довольно того, что нашел много злоупотреблений, которые потребуют суда и следствия, и теперь наряжается комиссия для поверки тюленя, не оплаченного пошлиною и для перевески его. Комиссия эта, состоя из двух чиновников экспедиции, должна иметь третьим членом чиновника нашей канцелярии. Так как мне и прочим старшим чиновникам некогда ею заниматься, то назначен будет петербургский лев — Бюлер! [2] Это очень меня забавляет. От тюленя вонь престрашная, животное скверное и грязное — и светский франт будет около него возиться! Сначала Бюлер было поморщился, но когда я ему сказал, что предлагал князю другого (Яснева) и что князь захотел человека, который бы не казался мальчишкою, а мог бы импонировать, так он помирился с этою мыслью. К тому же, так как он собирается писать описание Астраханской губернии, то это ему пригодится. А мне достаточно моих теоретических сведѐний. Так же забавно было мне читать письмо Топильского[3] к Бюлеру, в котором первый сообщает последнему желание министра, чтоб Бюлер доставил бы подробный очерк о калмыках в географическом и этнографическом отношениях, — историческое описание суда Зарго, народных понятий, права обычаев и пр. и проч. и пр. Просто комедия. Суд Зарго (или «Суд суда», ибо «зарго» по-калмыцки значит «суд») не что иное, как уголовная и гражданская палата, где все наши чиновники, исключая одного безмолвного калмыцкого заседателя, где судопроизводство по нашим законам, ибо калмыцкие — какой-то миф. Все эти азиатцы такие крючки и охотники судиться, что из каждой глупости лезет в суд с просьбой. На суде Зарго апелляции в сенат, в наш департамент и уголовные их дела мне очень знакомы; обыкновенно угон лошадей! Я думаю, азиатцы и не любили бы простой расправы, и хотя мы по русским законам даем самые неудовлетворительные решения, но это их отучить не может. Эти калмыки самые бесполезные творения, не платят податей, не занимаются хлебопа-

шеством, скотоводство, принадлежность кочующих народов, у них в самом жалком положении. В Астрахань просятся толпами жители Тамбовской, Воронежской и других губерний, где слишком им стало тесно, но их не пускают, потому что в малонаселенной Астрахани нет для них земли, ибо императором Павлом отдано было калмыкам 11 миллионов десятин земли [4]. По мне было бы лучше, чтоб эти калмыки или убрались бы себе к Китаю, откуда пришли, и пустили бы русских на свое место, или их размежевать как казенных крестьян по 8 десят<инной> пропорции или даже по 15 десят<инной> и сделать из них оседлых [5]. Право обычаев у них, если существует, так в делах домашней жизни, где они обыкновенно прибегают к гелюнгам, своим духовным. Эти гелюнги в красных платьях и в желтых шапках — вроде наших жирных монахов. Недавно видел я на Кутуме, как один из этих господ возвращался из Астрахани в свой улус. Он преспокойно стоял себе на берегу и курил трубку, очень дородный мужчина, между тем как калмыки укладывали его лодку. Ну, видно, этот господин гелюнг большой лакомка, потому что чего тут не было! — и все это добровольные приношения. Если б не гелюнги, которые из собственных выгод стараются держать мендюков в грубейшем невежестве, так калмыки от беспрестанного трения об русских сделались бы почеловечнее и приняли бы христианство. Впрочем, и теперь, несмотря на строгое воспрещение правительства, калмыки эти покупают жадно у армян, играют между собою и разоряются. Право, несправедливо, что они владеют почти всею астраханскою свободною землею, будучи столь бесполезны. Лучше их сделать оседлыми да отнять половину земли. Но что-то граф Панин скажет о их народном праве. — Редко здесь встретишь настоящего русского мужика. Все они или живут на владельческих промыслах, или в море, а те, которые здесь уже давно, совершенно обастраханились, ходят все в белых круглых шапках из бараньей шерсти и в желтом зипуне из верблюжьей, костюм некрасивый и скрывающий совершенно формы тела. Кучера — опять татары да армяне, так что черные волосы и длинные горбатые носы мне надоели, потому что принадлежат без толку и к умным, и к глупым физиономиям. Нет, уж я в Астрахани и губернатором быть не хочу, да и вряд ли занесет судьба когда-нибудь во второй раз сюда. Вот жители-то города, равнодушные к литературе: здесь в Астрахани нельзя достать ни «Мертвых душ», ни новейшего издания сочинений Гоголя, но в так называемой публичной библиотеке [6], составленной из старых книг, старых изданий, принадлежащих к тому времени, когда Астрахань цвела торговлею, имела банк (впоследствии ее подорвавший) и даже книжную лавку, — в так называемой публичной библиотеке, учрежденной Шайкиным, купцом 2 гильдии, но плутом 1-го разряда — из одного желания получить медаль, — есть старые издания Гоголя, которые мы за подписную цену и требовали из библиотеки. Нет, как хотите, а я все-таки боюсь, что новое его направление или не новое, потому что у него это дальнейшее развитие его души, не повредило ему в его созданиях. При этом глубоко серьезном углублении в самого себя не забудет ли он мир внешний? Впрочем, появление 2-го тома «М<ертвых> д<уш>», если только оно когда-нибудь будет, разрешит наши недоумения и загадки, и тогда, может быть,

мы и устыдимся, что не поняли его, но я говорю теперь свое мнение откровенно и желал бы знать ваше. — Мы получаем здесь московские газеты, я искал хоть слова о князе Голицыне[7]. Если Костя увидит Корша, пусть объявит ему мое неудовольствие. Хоть бы какую-нибудь интересную статейку, а то все путешествие магистра Линовского [8]. Оно, конечно, все-таки приятно видеть «Московские ведомости», все что-то родное и знакомое, и обыкновенный звон на Ивановской колокольне, и объявления Вандрага, и извещения Соколова и Барашкова [9], но все-таки я ищу что-нибудь интересного и ничего не нахожу. В «Северной пчеле» я читал жалобы на то, что в Петербурге г<оспо>жа Шуман (кажется) и Шуман были дурно приняты. Ну что же Москва, как она их изволила принять?[10] 4 №-омера «Москвитянина» я еще не получал, но видел из газет, что там есть статья о детских приютах[11]. Вероятно — не в пользу, и потому желаю прочесть с нетерпением. «Отечественных записок» мне не присылайте, ибо Бюлер их получает, и когда они приходят, то мне все уже известно.

Оболенский пишет мне горькие жалобы на Красный Яр; говорит, что вечером тысячи сверчков и разных гадин и насекомых прыгают и вспалзывают на человека. Да что можно ожидать от города, где жители раз взбунтовались от комаров и жару и летом ходят в дегтяных сетках[12]. И здесь уже появляются комары, и, кажется, придется на лето заказывать полог, чтобы спать под ним. Здесь вид зелени меня не радует, а пугает, ибо означает резиденцию комарищ разной величины. — У нас в саду на открытом воздухе растет персиковое дерево, дающее обильные плоды, но все-таки на зиму укутываемое соломою. Все это не юг, а восток и принадлежит России. — Вот и нынче время теплое, а такой сильный и холодный ветер, что и на балкон нельзя выйти. Любезные мои товарищи Бюлер и Блок уехали в гости к дамам, которые все учатся танцевать введенный здесь ими галоп Spehr-polka*. На эти визиты князь охотно дает им свое согласие. Я один решительно никуда не выезжаю: до обеда работаю, после обеда иногда хожу прогуливаться, а больше сижу дома, на балконе, пока светло. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, крепко целую ваши ручки, дай бог вам и всем нашим здоровья. Обнимаю всех моих милых сестер и братьев и поздравляю их с днем рожденья Олиньки. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение, равно как и Над<ежде> Николаевне. Поклон — кому угодно вам его будет назначить. Прощайте. С этой-то почтой уж я непременно должен получить письма.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

26

***Астрахань. 1844** г<ода> мая 2. Вторник. Вечер.*

Почта сделалась исправнее и привезла вчера ваши письма от 22 апреля, милый мой отесинька и милая моя маменька. Как я им был рад, боже мой. Как мне было приятно читать прекрасное письмо Олиньки. Я прочел его с радостным волнением и теперь только тревожусь мыслью, продолжается

* Спер-полька (*фр.*).

ли у вас хорошая погода и долго ли милая Олинька наслаждалась ею. Как скучно, как досадно, что все эти известия о том, что было за 10 дней тому назад, а 10 дней — слишком долгое искушение для вашей непостоянной погоды. Впрочем, и здесь погода несколько переменилась: вода стала сильно прибывать, и, несмотря на теплоту воздуха, моряна делает погоду очень неприятною, набивая пылью глаза. Как благодарен я вам за письма. Это такая для меня отрада здесь в Астрахани, что вы и вообразить себе не можете. Хочется в Москву — и нет возможности. Еще шесть месяцев астраханской скуки, и возвращаться-то придется по зимнему пути, а это куда как скучно. Отвечаю на ваши письма.

Вы радуетесь моим успехам. В шутку будь сказано слово Наполеона[1]: «La gloire s'use», слава изнашивается. Эти успехи давно мною забыты, я, да и все, кажется, так привыкли к тому, что я действую и ревизую важные места отдельно, что и в голову никому не приходит мысль о странности этого. Тимирязев обиделся, когда я стал ревизовать рыбную экспедицию, где он председатель, хотя никогда не бывает, но подписывает журналы. Вам известно, что мы действуем письменно, даем учтивые официальные за номером отношения от своего лица, где спрашиваем разрешения недоумений и объяснение беспорядков.

Это делается для того, чтоб исторгнуть от них письменное удостоверение и сознание и чтоб найденное чиновником было подкреплено письменными и засвидетельствованными документами, иначе оно не будет иметь основания. Конечно, оно не совсем ловко в губернское место 1-го разряда давать отношения, но оно уже так пошло. Впрочем, губернатор видит теперь по найденным злоупотреблениям, что чиновники его обманывали. Мы же решительно не выдаем себя за ревизоров, а всегда действуем именем князя. Сначала при ревизии рыбной экспедиции предвиделось множество злоупотреблений, и наше положение таково, что этому радуешься. Действительно найдено и даже уголовных злоупотреблений, следствием которых — наряжаемая комиссия. А уж теперь осталась мелочь, дрянь, так что скучно и заниматься ею. Если все проекты удадутся, тогда ревизия будет блистательная, а если не удадутся и Тимирязев пересилит нас, т. е. не будет удален, так остальное нашей ревизии, даром, что она лучше прочих ревизий, мало обратит на себя внимания. Проекты же отправились по министрам, которым из Петербурга трудно судить о нуждах астраханского края. Проекты эти созидаются или в голове князя, или случайно, по дошедшей мысли, собираются матерьялы и сведения и, наконец, окончательно приводятся в исполнение, т. е. сообщаются министру Строевым, который пишет хоть не совсем чисто по-русски, но имеет какую-то крепость и силу в слоге, и князь привык к его языку. Наше же участие бывает потолику, поколику касается до ревизуемых нами мест, и честь, которою я пользуюсь теперь, вместо интересного занятия дает мне скучную работу! Что касается до калмыков, так приведение их к оседлой жизни может быть совершено безо всякого насилия. В улусе князя Тюменя многие живут на одном месте. Также многие прикочевывают на целый год к жилым местам, к деревням. До вероисповедания и до обычаев их не коснутся. На днях у них будет какой-то праздник; если я попаду на него, так

опишу вам, равно сообщу образчики калмыцкого народного права, составленного их старшинами лет 200 тому назад. Русский перевод хранится, кажется, в суде Зарго. Но к ним прибегать нет возможности, и самые калмыки, развратившись, не удовлетворяются этой простотой. Так например, все почти в таком роде: «Если кто у кого напьется пьян, так ему дать щелчок пальцем в ноздрю» и т. п. Выражение мое — каких чудес мы наделаем! — было сказано в шутку[2]: притчу, сказанную Костей, видно, я получу по приезде[3], разве кто другой сообщит мне о ней. С нетерпением жду описания обеда, составленного из таких разнородных лиц[4]. В последнем номере московских газет нашел я одну статью о службе в глазной больнице, подписанную «Москвич». Если это статья Погодина[5], так его слов очень немного, хотя довольно жарких, а больше выписки из книги *его сиятельства*, кн<язя> М<ихаила> Н<иколаевича> Голицына. — В «Journal des Débats», сказывал князь, написано: C'est à Paris que vint s'éteindre l'âme, qui s' y est développée»*. Досадно, что почти так! — Сделайте милость, напишите — какие вещи затевают наши дамы в отношении к Грановскому?[7] Статьи о неграх я не заметил[8]; постараюсь отыскать ее. Итак, в Москве генерал-губернатором Щербатов!![9] Больше и сказать нечего.

Стихи Хомякова мне очень нравятся[10]. Не нося в себе никаких твердых убеждений, к которым бы питал глубокое, душевное участие и которые бы считал божьею правдой, я могу только порадоваться, если есть такой человек, с такою светлою, верящею душою. Да есть ли?.. Если их несколько и они несогласны, то что выходит от столкновения этих божьих правд и божьих громов? Конечно, истина должна быть одна, безусловна, но где она, у кого она и всегда ли торжествует в роде Хомякова пастуха?[11]

Как вы располагаетесь насчет лета и будущей зимы. Вероятно, вы не решаетесь делать еще предположения, а когда будете делать, так напишите. В Сапожниковском садике растет теперь на чистом воздухе персиковое дерево, дающее много плодов. Да чуть ли я вам не писал об этом? Надо признаться, что память моя и способности, кажется, тупеют с каждым днем. Кончу на этой неделе рыбную экспедицию и перейду, как заведенная машина, в казенную палату, после которой вздохну свободнее; там уже в сравнении с нею останутся мелочи. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, крепко цалую ваши ручки, будьте здоровы, покойны. Крепко также обнимаю своих сестер и братьев. Нынче не успею написать милой Олиньке особо, но с будущей почтой непременно. Я так ей благодарен за это письмо! Только боюсь, не слишком ли долго она его писала. Прощайте еще раз, до следующего письма. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

* В «Журналь де Деба»[6]... написано: «В Париже расцвела его душа, там она и угасла» (*фр.*).

27

Астрахань. 1844 мая 7. Воскресенье.

В прошедший четверг пришла почта и привезла мне письма от вас, милый отесинька и милая маменька, или, лучше сказать, одно письмо от отесиньки с описанием обеда, данного Грановскому. Я так давно не получал двух писем на неделе, что был приятно удивлен и тем более благодарен Вам, милый отесинька, что Вы писали, несмотря на недосуг. Лекции Грановского явление потому уже замечательное, что несмотря на долгое время, которое они продолжались (что большой искус для терпения), они выдержали свой характер или, лучше сказать, публика умела принять, поддержать и закончить. Следовательно, это не вспышки успеха, а успех постоянный и прочный и блистательный[1]. Не надеялся я на дам: признаюсь, я и теперь все что-то в них сомневаюсь. Ох, это светское воспитание! Что же будущую зиму займет Москву? Получил я и «Москвитянина» № 4. Думал, что там найду оппозицию против нового обычая не рассылать карточки, а посылать деньги в пользу детских приютов. Ничуть не бывало. Такая дрянь этот «Москвитянин», что из рук вон. Какие-то стихи, довольно плохие, Вяземского, посвященные княжне Елене Мещерской, глупейший рассказ о путешествии в Царицыно, так уж поневоле прочел сухое изложение учения древних о метемпсихозе[2]. — Кончил я свое хождение в рыбную экспедицию, где часто приходилось внутренне сердиться. Губернатор под конец не только не стал сопротивляться, но, видя, что ревизия открыла ему глаза и показала, что его кругом обманывали, стал содействовать. Конечно, чиновники экспедиции не нежно выражаются у себя дома на мой счет. Комиссия, учрежденная вследствие произведенной ревизии, очень выгодная для казны, найдет также очень много злоупотреблений, много утаенного тюленя, с которого надо будет донимать пошлины, что вооружит против нас и хозяев. — Мне становится жалко Бюлера[3], он сделан членом этой комиссии, ему дали инструкции, одну официальную, другую я от себя, частную, чтоб дать ему полнейшее и вернейшее понятие о положении дела, которое мне очень знакомо теперь. Присутствие его при перевеске и счете тюленя, ужасно вонючего животного, продолжалось вчера в 1 раз от 10 утра до 9 вечера, на тощий желудок. И это может продолжиться долго. — А я с завтрашнего дня направлю стоны в уголовную палату. Князь предлагает мне, чтобы я до 1-го июня кончил уголовную палату и написал отчеты по земскому суду, по рыбной экспедиции и по палате. Это порядочно! А с 1-го июня начать казенную палату и уездное казначейство. При одной мысли о казенной палате у меня делается озноб. Уж эта мне счетная часть! Боюсь на ней срезаться. Хорошо было бы хоть в августе приступить к губернскому правлению общими силами. Тогда бы мы могли оставить Астрахань в октябре. — Так как вы пишете, что вам приятно слышать хорошие обо мне отзывы, так я передаю вам то, к чему сам сделался совершенно равнодушен, ибо обязанности мои сделались мне очень скучны. Я решительно нигде не бываю, отчасти из лени, отчасти и потому, что нахожу службу решительно несовместною с знакомствами и посещениями. Но товарищи

мои, Блок и Бюлер, неутомимы и знакомы со всем beau-monde* Астрахани и ухаживают около двух армянских красавиц[4]. Они часто слышат похвалы и возгласы удивления мне, «человеку столь молодому и вместе опытному и знающему службу так, что назначение мое заставляет трусить всякое присутственное место!» Похвала незаслуженная, ибо никто больше меня не чувствует, сколько пробелов в моих сведениях и познаниях; конечно, я не даю этого заметить, но мне самому это известно. — Нынче хоть и воскресенье, но мне предстоит очень много работы. Надо написать три или четыре казенные бумаги, прочесть ведомость уголовной палаты, и все это нужно к завтрашнему дню и теперь беспрестанно приходят отрывать, кто с тюленем, кто с рыбой, кто с судебным случаем. — Погода у нас довольно приятная, но еще не жаркая. Комаров в комнате покуда нет, но около зелени их много. — Опять оторвали. Теперь у нас такая возня с тюленем, что это ужас. Ну уж письмо это не будет слишком порядочно. Сейчас надо писать отношение в экспедицию. Эта проклятая экспедиция хочет ускользнуть от моего преследования и дает самые круглые ответы, но она не уйдет, и я заставлю ее объясниться. — Поэтому я не пишу более к вам. Буду писать во вторник, ибо надеюсь получить завтра от вас письма. Теперь же мне нет никакой возможности продолжать, и голова не тем занята. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, цалую ваши ручки и крепко, крепко обнимаю вас. Обо мне не беспокойтесь: только бы вы могли мне всегда сообщать радостные вести! Обнимаю всех милых братьев и сестер, а милую мою Олиньку особенно. Прощайте, до следующего письма. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Что Кар<олина >Карл<овна>[5], не сочинила ли новых стихов? Ах, как несносно это длинное расстояние, как досадно, что получаемое известие может в течение 10 дней потерять истину и цену. Прощайте до следующего письма.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

28

Астрахань. 1844 г<ода> мая 13. Суббота.

Последняя почта, опоздавшая несколько по случаю дурной дороги, не привезла мне от вас писем, милый отесинька и милая маменька, но привезла «От<ечественных> зап<исок>» за март месяц, мне уже не нужные потому, что не только за март, но и за апрель м<еся>ц читал я «От<ечественные> зап<иски>» у Бюлера. Зато почта, которой по-настоящему следовало бы прийти нынче и которая придет послезавтра, привезет непременно мне от вас письма. Завтра троицын день[1]. Не знаю, какая у вас погода, но здешняя похожа на петербургскую весну. Теперь май, а уже несколько дней градусов по 8 и до 10 только тепла! Моряна дует с необыкновенною, страшною силой, дождик холодный идет целый день: грязно, сыро, холодно и вообще очень неприятно. Здесь вода прибывает до половины июня и не от разлития наших рек, а от разлития вод

* Высшим светом (*фр.*).

Камской системы. Кутум поднялся чрезвычайно высоко, и луг, на котором лужа перед моими окнами начинала уже пересыхать, теперь почти весь залит водою. И какою скверною, мутною водою. Страшно вообразить, какую мы пили воду, смешивая ее, правда, с чихирем, здешним кислым красным вином. Теперь прислали князю из Москвы водоочистительную машину, и вода стала чище. Итак, завтра троицын день, с которым вас поздравляю. Письмо это придет, вероятно, не ближе 23 мая, следовательно, дня два спустя после 21-го, или именин Константина. Поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька. Именины окончательно пристукнули Косте 27 лет. Было ли что по подобию вечера прошлогоднего? Был ли и Петр Вас<ильевич> Киреевский и прочие и прочие? Только, вероятно, не было друга моего Ивана Васильевича[2].

Последнее письмо мое к Олиньке было несколько пропитано негодованием на здешнее правительство или, лучше сказать, на здешнего губернатора, упорно сопротивлявшегося ревизии. Как хотите, но страх, что губернатор, запугавший жителей своею властию в продолжение 10 лет, останется и по отъезде сенатора, смыкал все уста и не позволял никому помогать нам в открытии беспорядков. Тимирязев, как все бывшие адъютанты великого князя Константина Павловича, пользовался, правда, особенным в Петербурге покровительством, но Перовский не любил его и вскоре увидел, что г<осподи>н военный губернатор (как большею частию и все военные) ничего не смыслит по внутреннему управлению губернией. В самом деле, в продолжение 10 лет ничего не сделано для Астрахани, и дела везде до такой степени запутаны и в беспорядке, хоть в губернском правлении и в рыбной экспедиции, где он председательствует, от нерадения губернаторского столько произошло злоупотреблений и растрат, да и теперь даже столько каждодневно почти совершается грабежей в отдаленных улицах и даже убийств, виновники которых никогда не открываются, что просто можно подивиться, как в течение 10-летнего управления с такою властию не принять нужных мер. Ведь приехали же мы, увидали многое с первого взгляда, предложили средства, и вместо содействия нашли какое-то сопротивление, выражение оскорбленной гордости и детской досады. Ревизовать губернию и действия губернатора при губернаторе, который в таком страхе держит всех, очень неловко. Все боялись его потому, что единственного человека, бывшего прокурора Ивановского, который по существу своего независимого звания осмелился сопротивляться ему, лишили места по нескольким словам, помещенным об нем губернатором в отчете государю. А так как здесь нет помещиков и самостоятельного дворянства, а все чиновники (которых бездна [3]), так все они и трусят. Ивану Семеновичу очень хотелось пересилить нас, он писал к Бенкендорфу, что ревизия есть личность Перовского и, стало, сенатора, что мы употребляем неблаговидные средства и проч. и пр. Правда, он не мог не знать, что мы обращали особенное внимание на те дела, где видно было его потворство или непозволительное вмешательство, и как мы действуем везде актально[4], то брали засвидетельствованные копии с подобных предложений или таких официальных бумаг, где он просто непристойно ругался с присутственными местами и лицами и несправед-

ливо. Вместо того, чтобы оказывать всевозможное уважение к князю, он держал себя на неприличной ноге. В донесениях своих князю представлял, особенно по провиантскому комитету для снабжения кавказских войск, дела не в том виде, в каком они находятся и т. п. Даже и меня коснулся. Когда я производил ревизию земского суда, то по приказанию князя потребовал к себе в суд становых приставов, дела их и книги. Ни тот ни другой не явились, но дела прислали, один по болезни, делающей его не способным к занимаемой им должности, другой оттого, что пил в это время запоем. Хороши пристава. По моему настоянию им сделали медицинское свидетельство по форме, в котором про последнего сказано также, что он болен, но что болезнь его может происходить от 7 или 8 разных причин, в том числе и от горячих напитков. Исправник, огорченный таким поведением приставов, жаловался на них с прописанием всех этих обстоятельств губернскому правлению.— Между тем, окончив в два дни просмотр дел приставов и отослав их к ним обратно, начал я ревизию экспедиции. На второй или третий день по окончании мною ревизии земского суда получается рапорт из губ<ернского> правления, в котором оно представляет на благоусмотрение его сиятельства: 1) что требование тит<улярным> сов<етником> Аксаковым дел и самих становых приставов замедлит ход дел и лишит станы начальников; 2) что самое доставление дел из 2-го стана водою очень опасно, дела могут потонуть и проч. Эта глупая бумага написана была по внушению Тимирязева и, разумеется, им подписана. Она для меня собственно была довольно неприятна, но зато им и ответили хорошо. Им написали, что, во 1-х, дела были обревизованы в течение двух дней, что́ не могло произвести особенной медленности, ибо дела у них лежат по два, по три года безо всякого движения, а в земском суде ревизиею найдены в архиве дела, сданные четыре и более лет тому назад совершенно неоконченные и многие по особым предписаниям военного губернатора оставляются безо всякого исполнения, о чем будет сделано особое распоряжение; во 2-х, что дела от пристава 2 стана доставляются круглый год в земский суд и пересылаются из суда к приставу и все тою же самою водою, а в 3-х, что губернское правление должно не изыскивать *мнимые* препятствия, а содействовать всеми мерами высочайше назначенной ревизии. После этой бумаги члены губ<ернского> правления струсили, поняв, что если Ив<ану> Семеновичу угодно спесивиться, так им нехорошо шутить с сенатором.— Обо всех делаемых Тимирязевым препятствиях и других его поступках писали мы к министру вн<утренних> дел и к военному, уведомляя его об успехах по заготовлению провианта. Если требования Нейдгардта не будут в этом отношении исполнены, так тут кругом виноват Ив<ан> Сем<енович>, а если частию выполнены, так в том обязаны князю, и лично, и письменно понуждавшему комитет и губернатора, ибо нам собственно предоставлено только высший над этим надзор и право разрешать в затруднительных случаях. Нейдгардт затевает какую-то огромнейшую операцию на Кавказе и требует хлеба[5], который доставляется морем из Астрахани в Дербент и другие пристани. Хлеба и сухарей нужно количество огромное. Об этом губернатору следовало подумать раньше нашего приезда и заключить подряды

с поставщиками на иных условиях. Об исполнении требования Нейдгардта было и к нам несколько высочайших повелений, Нейдгардт, зная Тимирязева, присылал сюда адъютанта, который должен был вкрасться к нему в доверенность, снискать его расположение и хоть тем заставить его содействовать этому важному делу, от которого зависит успех экспедиции. Наконец неделю тому назад прибыл сюда особый чиновник для этого из Петербурга камер-юнкер Свистунов[6]. Но при упорстве губернатора, которому, видно, очень неприятна была неослабность наблюдения со стороны князя, и при бездействии комитета не много можно было сделать. Вероятно, что и Нейдгардт жаловался на Тимирязева военному министру. Князь же требовал для пользы губернии и удобства ревизии удаления военного губернатора. Наконец разразилась гроза. С последнею почтою получено секретное письмо от Перовского, что государь, по докладу его, вследствие отношений сенатора, всемилостливейше повелеть изволил: уволить генерал-лейтенанта Тимирязева от занимаемой им должности. Военный же министр, вовсе не секретно, пишет про то же всемилостливейшее увольнение (!), прибавляя, что по повелению государя назначается особый председатель в провиантский комитет, с тем, чтоб в затруднительных случаях относился для разрешения к сенатору. Тимирязев же еще не получал бумаги о своем увольнении, что его поразит, как громом. Мы держим это в секрете, и он еще ничего не знает об этом. Но так как завтра или послезавтра он получит высочайший приказ, а до получения моего письма вы, верно, прочтете уже о том где-нибудь в газетах, так я и пишу вам о том без обиняков. Да, теперь легче будет производить ревизию, и никакой чиновник не будет бояться попасть в расположение к сенатору, ибо Тимирязев преследовал бы такового, если б остался здесь. Многие от одной мысли об участи, их ожидавшей по окончании ревизии, приходили в отчаяние. Любопытно будет видеть впечатление Тимирязева и целой Астрахани. Конечно, лежачего не бьют и с нашей стороны не будет ничего для него оскорбительного, но я предвижу, что Тимирязев не сумеет пасть. А падение для него, привыкшего падишахствовать себе в Астрахани и видеть всюду раболепные лица, с которыми он привык обращаться без церемоний, т. е. говорить им в глаза невыносимые грубости и т. п. и не знать ограничения своему самовластию,— падение это чувствительно и тяжело. Но он виноват перед Астраханью, перед отечеством, хотел сказать я, но это последнее что-то у нас не имеет такого значения, ибо выгоды астраханского края в торговом и промышленном отношении очень мало занимают жарких русских, хоть напр<имер> Хомякова и Константина. В продолжение 10 лет многое упущено, что и поправить теперь трудно. Но странно, как ни убежден я в необходимости удаления Тимирязева, мне становится его жаль, а князь, много испытавший на своем веку, еще более встревожен. По доброте и благородству его души эта необходимая мера его сильно смущает, именно потому, что тяжко разразится она над Тимирязевым. Я долго разговаривал нынче поутру об этом с князем, и он мне рассказывал многие случаи своей жизни.

Пишут из Москвы, что государь намерен посетить юг России и побывать в Астрахани, где со времен Петра никто не бывал. Вот Петр! всюду

поспел[7]. Можно почти утвердительно сказать, что со времен Петра ничего не было сделано для Астрахани. Петр приехал в Астрахань, разом увидал, что можно из нее извлечь, развел здесь сам виноградники и фруктовые сады, устроил адмиралтейскую верфь, объехал все Каспийское море, приискал сам гавани на противоположном берегу, которые и теперь считаются лучшими, и на Тюк-Караганском мысе (на противоположном трухменском берегу) построил крепостцу. Много начато было им. По его указаниям легко было бы продолжать преемникам... Но преемники не продолжали, крепостца разрушена временем, трухменами и хивинцами, фруктовые сады, вскоре после Петра увеличившиеся до невероятного числа, приходят в совершенный упадок. Теперь правительство принимается опять за то, что начато было Петром, и велели вновь возобновить крепость, а князь предлагает не крепость, а заселенное укрепление или городок. Надо вам сказать, что Тюк-Караган — мыс противоположного и сомнительного по принадлежности берега, но мы его считаем своим, а не туркменским. Между ним и Астраханью самое узкое пространство моря и при хорошем ветре можно доехать в один день. Тогда хивинцы, вместо того, чтоб идти три месяца степью в Гурьев и оттуда перекладывать товары на дощаники, чтоб водою доехать до Астрахани, где вновь приходится перегруживать товары в настоящие суда, для доставки в Нижний,— тогда хивинцы будут приезжать прямо в Тюк-Караган и там нагружать суда, которые могут прямо уже оттуда отправляться в Астрахань и идти по Волге. Для торговых оборотов это сокращение времени и издержек необыкновенно важно. Но это, по-моему, еще важнее в политическом отношении. Это значит занести ногу в Азию и открыть себе дорогу в Хиву, Бухарию и Персию. Туркмены, которые состоят теперь в зависимости от хивинского хана, ибо оттуда получают все нужные житейские потребности,— получая их теперь из Астрахани, обратятся в наше подданство, и таким образом можно будет овладеть обоими берегами Каспийского моря, исключая только юго-восточной его оконечности, принадлежащей Персии. Туркмены, обитающие здесь в Астрахани в числе 3-х тысяч семейств уже 40 лет и никуда не приписанные и не платящие податей, просят князя, чтоб их выпустили из России в отечество, помогли выстроить на Тюк-Карагане город и вступить под подданство настоящее России, уверяя, что пример их подействует и на всех прочих туркмен. Действительно, они первоначально прибыли сюда с целию искать покровительства России, но это дело затянулось и их оставили здесь. По поводу этого князь представил свои соображения и мысли в Петербург, но так как предмет этот слишком важен, то мы еще не получали никакого ответа.— Много препятствовать будет то, что у князя врагов несть числа, и государь не очень расположен к нему, хотя некогда, когда князь был просто обер-прокурором Общего собрания, государь держал его в необыкновенной милости и дал ему права министра юстиции по Московскому сенату, которые никто после него и не имел.

Однако все это прекрасно и очень интересно, но больше для Вас, милый отесинька, и для Гриши, но что касается до маменьки, до сестер и даже, я думаю, до Константина, это занимает их только потому, что я пишу

об этом и что это до меня частию касается. Марихен, я думаю, уже не раз зевнула. Вот нынче и троицын день. Всю ночь шел дождик, погода предурная и грязно так, что пешком никуда идти нельзя. Здесь семик не празднуется[8], но нынешний день балкон у князя устлали весь травою, нарочно привезенною, ибо в садах травы не имеется, а на полях трава так мала и так скудно растет, что и нарвать нечего. Но что ж бы вы думали употребили вместо березок? Вишню с почками, которые бы все дали плод. Это варварство, и я думаю, роскошь эту позволяют себе только у Сапожникова. Жалко видеть, как вишневые сучья, усеянные маленькими шариками, будущими вишнями, стоят срезанные и обреченные на гибель. Но ничего не видать праздничного в городе.— Досадно мне, что не могу никак сыскать какого-нибудь молодого бессознательного гения-художника, и бескорыстного, который бы мне срисовал собор, снял виды из бельведера[9] и план с нашего жилища. Не отыскивается художник в Астрахани, что делать!— Оболенский еще не возвращался, но я надеюсь, что на этой неделе он приедет. Бюлер продолжает действовать в качестве члена тюленной комиссии и ведет дело с необыкновенным старанием, деятельностью и успехом. Он заставляет комиссию начинать свои поезды с 6 часов утра и продолжает работу до 9 часов вечера. Для человека светского и привыкшего нежиться — это подвиг, за который нельзя его не похвалить и который он не мог бы совершить, если б не был в училище. На 300 штук тюленя, объявленного в экспедиции и записанного в недоимке, они находят до 3000 лишнего, разумеется, тайно привезенного. Для Бюлера это тем бо́льший подвиг, что в это время он в свободные часы занимался одною особой, и поручение это, мною подготовленное, ибо последовало вследствие ревизии экспедиции, пришло ему очень некстати. По поводу этого я ему написал стихи[10], в которых утешаю его казенною пользою! Когда-нибудь я пришлю их к вам вместе с другими, но право, они не стоят того.— Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, целую ваши ручки и обнимаю вас, будьте здоровы. Обнимаю милую мою Олиньку, обнимаю и всех прочих сестер и братьев. Прощайте, до следующего письма. Когда-то я напишу «до свидания»! А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

29

Астрахань. 1844 г<ода> 16 мая. *Вторник вечером* [1].

Нынче я не писал и не имею времени писать к вам, милый отесинька и милая маменька, между тем как именно рассчитывал на этот день. Письма ваши от 6 мая я получил. Хлопотно будет вам нанимать теперь дачу в Парке[2], если вы уже не наняли. Я все ревизую палату уголовную, да теперь приходится мне на свою часть то, что упустил из виду Павленко, ревизуя дела гражданские, именно опекунские дела. Впрочем, мне эта часть известна потому, что я же ревизовал дворянскую опеку. Через неделю я располагаю кончить палату, до 1 июня буду заниматься составлением отчетов, а с 1 июня начну ревизию казенной палаты, которая, дай

бог, чтоб кончилась в месяц. Не знаю, что ждет меня потом, в июле, но знаю, что мне не дадут отдыха, и желаю только, чтоб мы, хоть в половине августа, приступили к губернскому правлению, в меру трудов наших, общими силами. Тогда можно будет надеяться или в последних числах октября, или в начале ноября выехать из Астрахани! — Последняя почта еще не привезла Тимирязеву ни приказа по армии, ни указа сената об его увольнении, но Свистунов, чиновник военного министерства, находящийся здесь для наблюдения за действиями провиантского комитета, получил также от военного министра формальное о том уведомление, равно как и о назначении председателя комитета во время кавказской операции Бутурлина[3], который также на днях должен сюда быть, страшный обжора, который, говорят, глуп ужасно и которому принадлежит большой белый дом на Арбате. Свистунов взял на себя преуведомить Ив<ана> Семен<овича> о катастрофе, его ожидающей. Сначала сказал он жене его, что получил от своей жены письмо, в котором ему про это пишут. У несчастной женщины слезы в три ручья, муж, увидав это, встревожился, подошел; она указала ему на Свистунова и ушла в свою комнату. Тимирязев принял это с внутренним волнением, но потом победил себя и не сделал ни одной заносчивой, вспыльчивой выходки. Сделался тих и кроток, так что я не знаю — чему приписать это: обращению на путь или упадку духа. Но так как об этом еще публичного уведомления не имеется, то он еще продолжает властвовать, хотя, говорят, делает приготовления к отъезду. Вчера был пикник в одном quasi* загородном доме. По 5 рублей с человека, но потом добирали по полтиннику. Воображая, что это будет что-нибудь очень скверное и скучное, я не поехал. Но говорят, было очень порядочно и были все власти, также Ив<ан> Сем<енович>, который сам пригласил Строева играть с собою в карты и провел таким образом с ним целый вечер. Это для него, не расположенного к нам и особенно теперь ненавидящего Строева, подвиг. Любопытно будет знать, приедет ли он прощаться с князем, с которым они давно уже не встречались.— В субботу, вероятно, опишу вам подробно и впечатления Астрахани, и страх, и подлости чиновников и пр. и пр., а теперь кончаю свое письмо. Прощайте, обнимаю вас, милая моя маменька и милый отесинька, крепко целую ваши ручки. Будьте здоровы и чтоб бог помог вам справиться с разными хлопотами. Обнимаю милую мою Олю, всех сестер и братьев, и А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

30

Астрахань. 1844 г<ода> мая 20. Суббота. 7 час<ов> вечера.

Время чудесное, и я расположился писать к вам на балконе, милый отесинька и милая маменька. Надо признаться, что природа-таки много отвлекает от занятий не только меня, но и других. От сильного жару некоторые спят после обеда и потом отправляются гулять по Астрахани, я же

* Якобы (*лат.*).

после обеда отправляюсь [гулять] курить к Бюлеру, ибо это почти единственное время, в которое мы можем видеться и переговорить друг с другом. Потом возвращаюсь к себе на балкон и предпочитаю балконную прогулку гулянью по неровным и пыльным улицам Астрахани или по Варвациеву каналу, мимо дома фон Бригена, к которому неловко было бы тогда не зайти. К тому же вид от меня сделался еще лучше. Теплая моряна, дувшая эти дни, до того наполнила Волгу, что Кутум сделался втрое шире и грозит переступить берега, а лужа перед моими окнами, соединившись с Кутумом, залила всю степь и дорогу по ней и, вероятно, перешла бы и к нам в улицу, если б не поспешили устроить вал. Теперь по ней разъезжают легкие лодки с парусами, белыми, вздутыми ветром парусами, ярко отражающими солнечный блеск. Шире сделалась видная мне отсюда полоса Волги, и это прибывание воды дало несколько другой вид Астрахани. А вода *имеет* еще прибывать до половины июня! Зато с этого времени вместе с палящим зноем появятся мошка и страшные комары! Если я пишу дурно теперь, так это потому, что писать не совсем удобно, стол мал, негде положить другой руки, ветер, прохлаждающий теплоту воздуха, вздувает почтовый лист, да и я, по свойственному мне чувству наблюдательности, не оставляю без внимания ничего, происходящего на улице. Ну как не посмотреть, как возвращаются от всенощной радостные жительницы предместия, богомольные Елены (завтра 21 мая) и сопровождающие их ловкие кавалеры с жимолостными тросточками и белыми нитяными перчатками, может быть, также какие-нибудь отчаянные Константины[1]. Вот, например, к детям живущего напротив меня писаря сапожниковской конторы привезли маленьких племянников и племянниц поиграть. (Все, принадлежащие к сапожниковскому торговому дому, получая богатое жалованье и отличное помещение, живут на большую ногу). Мальчик стал бегать по галерее, а девочка принялась целовать нечто, называемое грудным ребенком. Вижу я потом, что писарша послала работницу ставить самовар, детей напоили чаем, мальчик, играя, чуть не слетел с перил, что заставило меня, с чувством человека совершенно немолодого, сказать, вздыхая: «Дети, дети, как опасны ваши лета!»[2]

Но оставим вздор. Получил я в середу письма ваши от 9 мая. Вы хотели в тот день переехать на дачу, и я с нетерпением жду новых писем, чтобы знать: переехали ли вы[3], не переменилась ли погода и довольна ли Олинька? Вы, верно, также напишете мне, куда адресовать письма. Когда же остальные переедут на берега Вори, которых не придется мне увидеть нынешним летом. Много работы осталось впереди, и если по отъезде губернатора придется ревизовать его канцелярию, так с нею будет много возни потому, что она настоящий хаос. Вот и я рассчитывал нынче кончить палату, но, по милости опекунских дел, придется остаться несколько лишних дней. С 1-го июня думаю начать казенную палату; в этом многосложном учреждении 5 отделений: питейное, соляное, ревизское, контрольное и казначейство. Предметы для меня совершенно чуждые, требующие изучения и питейного, и соляного устава, и устава о ревизии (душ), и рекрутского, и пошлинного, просто ужас. Желал бы, но не знаю,

кончу ли в месяц, ибо здесь всюду деньга, требующая выверки, счета и большого запаса терпения и аккуратности! Да притом это в самый жар.— Об увольнении губернатора ждем указа непременно завтра.

Воскресенье.

Нынче в 8 часу утра принесли мне ваши письма. Как я вам благодарен за толстый пакет; если для вас письма мои приятны, так ваши для меня здесь в Астрахани еще приятнее. Итак, вы живете на даче, а наши еще не переехали в деревню. Об увольнении Тимирязева вы узнали, следовательно, прежде моего письма; Бутурлин едет сюда на время, чтоб быть председателем в комитете по перевозке провианта на левый фланг кавказского войска во все продолжение кампании, затеянной Нейдгардтом. Получены и нами газеты, где уже напечатан высочайший приказ 2 мая[4]. Хорошо еще, что он увольняется с оставлением по кавалерии, а то могли бы его просто уволить. Впрочем, он имеет сильных защитников при дворе в Орлове[5] и других, да и сам государь был очень расположен к нему и не вдруг согласился на эту меру. Может быть, за эту меру будут бранить нас в Москве и Петербурге, но она необходима для Астрахани, где этот человек в продолжение 10 лет не принес никакой пользы, а своим самовластием заставлял всех быть у себя в раболепном покорстве. Они еще не встречались с тех пор с князем. Говорят, Тимирязев сделался тих и мрачен, а город радуется. Но все-таки он не мог отказаться от своих привычек. Например, я писал вам про пикник, когда уже Свистунов сообщил роковое известие Тимирязеву. Перед отправлением на пикник по обыкновению дано им знать, каких людей он не желает там видеть, и тем людям возвращены и деньги и билеты, а перед самым отъездом дал он знать вице-губернатору и еще некоторым приезжим из Петербурга, назначенным от разных министерств, членам комиссий о рыболовстве, что приглашает их ехать вместе водою с ним, на его катере и назначил им Полицейский мост (на Варвациевом канале). Те сейчас оделись и побежали к пункту соединения. Невдалеке от моста обгоняет их губернаторская коляска, они удваивают шаги, подходят к мосту и видят, что губернатор, видевший их, садится в катер; добегают к самой пристани, катер отчаливает, губернатор раскланивается и говорит: «Вы думаете, что я стану вас ждать!» А подождать надо было бы минуту. Вице-губернатор человек свой и, взяв извозчика, приехал-таки на пикник, но приезжие гости очень обиделись таким поведением.— Что вы пишете про мистерию, меня очень удивило. В Петербурге имеется всего один экземпляр, данный мною Калайдовичу с позволением дать переписать Кудрявцеву, который надоел мне этою просьбою и в Москве и в письмах из Петербурга. Калайдович при Грише спросил меня: «Можно ли прочесть это Белинскому?» Я отвечал: «Решительно нет, ибо Бел<инский> может подумать, пожалуй, что я придерживаюсь его мыслей, а я этого совсем не хочу». И Калайдович на это отвечал, что придерживаться мыслей такого человека, каков Бел<инский> — достоинство и пр.! Но я говорил Калайдовичу, что мне интересно было бы знать, какое впечатление произведет оно на таких-то и таких моих *товарищей*. Я слишком хорошо знаю цену этой мистерии и ни за

что не хотел, чтоб стихотворение очень, очень невыдержанное и исполненное противоречий получило известность, да еще в Петербурге. Да и вовсе не желаю, чтоб оно дошло до ушей министерства юстиции, ибо не хочу вовсе потерять в глазах его репутации хорошего и дельного чиновника. А главное меня бесит то, что эта краевщина [6] будет себе толковать вкось и вкривь. Хотелось бы мне очень разбранить Калайдовича [7], да боюсь, что подумают, что я приписал этому обстоятельству несуществующую важность.— Сейчас услыхал голос князя, стоявшего у моей лестницы: «Аксаков!» Сбегаю и получаю от него бумаги, присланные к нему из Петербурга, с жалобами на членов и на уголовную палату для поверки при ревизии.— Нынче 21 мая, не знаю, как и где проводится этот день: вероятно, все наши у Олиньки на даче, и она их принимает и угощает. Однако довольно. Я и так написал два почтовых листа, остальное оставляю до вторника. Прощайте, милая моя маменька и милый мой отесинька, дай бог успеха вашим хлопотам! Будьте здоровы, цалую ваши ручки. Олиньке пишу особо, обнимаю всех крепко. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. (Нынче необыкновенно тепло на дворе, но проливной дождик с самого утра, с небольшими перемежками).

31

***1844 мая 23.** Вторник. Астрахань.*

Опять принимаюсь к вам за письмо, милый отесинька и милая маменька, но не знаю, куда адресовать к вам. Вы писали, что 27 мая срок вашей квартире, и где будет московское пристанище, я не знаю; разве в доме Николая Тимофеевича?[1] Во всяком случае, я буду адресовать в дом Голицына до уведомления.— Теперь к нам наезжают все гости из Петербурга. На днях приехал генерал Бутурлин. Ожидают его правителя канцелярии (дядьку, ибо Бутурлин... чм!..) статского советника Сергеева; да и новый губернатор в перспективе. С почтой, пришедшей в воскресенье, получены и «Московские ведомости», где напечатано об увольнении Тимирязева, и официальное к князю уведомление от Перовского. Но Ив<ан> Семен<ович> не получил ни высочайшего приказа, ни указа Сената! Поэтому в воскресенье же вошел он с рапортом к князю — «что частным образом известно было ему и усмотрел из «Московских ведомостей» о своем увольнении и пр., а потому, считая неприличным долее носить звание военного губернатора, просит у князя разрешения. Князь послал к нему копию с уведомления Перовского и разрешил сдавать должность — по гражданской части — вице-губернатору, а по военной — коменданту, как это делается обыкновенно. Неужели с завтрашней почтой не получит он ничего? Кажется, как можно заключить из рассказов Бутурлина, Тимирязев сам повредил себе неосновательною жалобою на князя, что он вмешивается в распоряжения по военной части, именно по пересылке провианта, между тем как князь имеет о том два высочайших повеления и там известно, что эта часть в самом сквернейшем состоянии! Да и стоит он удаления, нынче я вполне убедился в том. Положим, в беспорядочности его канцелярии и других присутственных мест виноват

не он, а его приближенные. Но посмотрите, кто тут виноват? Нынче явилась к князю целая депутация поутру с жалобою, что их квартал от дождей, бывших за несколько дней перед сим, по низменному положению улиц, весь затоплен водою, что это случается три раза в год и местное начальство не делает и не придумывает никаких против того мер. Князь сейчас за картуз и трость и пошел с этой депутацией на место, но должен был остановиться, ибо вода залила все улицы. Нашли какую-то лодочку, калмыки в воде по колена спереди, а мальчишки сзади потащили лодочку с князем, бабы и мужчины бросились в воду из любопытства за ним, и с такою свитой осмотрел он это место и узнал, что таких мест много.— За обедом он шутя сказал мне, что я будто бы упадаю духом и теряю энергию, что мне надо развлечься и предложил ехать с ним и Строевым после обеда в коляске осматривать эти места. Мы поехали. Вообразите, что целые кварталы с улицами и переулками в средине города наполнены грязною водою, глубиною две, три и четыре четверти. Вода эта залила все обывательские дворы, несчастный народ ходит по колена в грязи. Чтоб чем-нибудь убавить воды, кидают навоз, и оттого во всех этих местах такой воздух, такой смрад, такие испарения, что, кажется, я бы и двух часов не мог бы тут оставаться, и они, вероятно, причиною большой смертности. Главное, что обыватели, кроме этих невыгод и убытков, чтобы пройти куда-нибудь в другую часть, должны идти по этой воде с версту и более и никак не менее полверсты. Это ужас просто, и военный губернатор, живший здесь 10 лет, при которых это случалось, следовательно, раз тридцать, и не вздумал позаботиться о таком важном предмете, о избавлении жителей от неудобств, убытков и смертоносных испарений! Или стоки какие-нибудь, или возвышение этих улиц, или уровнение, планировка других, только что-нибудь да надо сделать. Мы проехали по всем этим местам, посереди воды, конечно, с трудом и шагом, и приехали к другой части города, затопленной разливом Волги от того, что на этом пространстве не устроено вала, как в других местах. Князь вздумал отправиться по этой улице, чтоб посмотреть соединение воды этой с Волгой посредством переулка. Ехать в коляске нельзя было, а на аршин от воды на козелках устроен ход по зыблющимся дощечкам. Князь отправился вперед, он легок и шел преспокойно, но, признаюсь, я ужасно боялся потерять равновесие и шлепнуться торжественно, пред лицом зевающей толпы, в грязную воду. Иные козелки были выше, другие ниже, дощечки лежат непригвожденные и пляшут в козелках, но надо было идти. Путешествие совершилось благополучно, и мы тем же путем возвратились назад. «Je crois que c'est une distraction» *,— кричит мне князь, но я не имел времени отвечать, ибо, возвращаясь назад, шел уже впереди и спешил (что было довольно трудно), зная его скорую ходьбу. Везде слышали мы ропот на думу, «которая только обирает, но ничего не делает для города и общества». Но здесь виноватый не дума, а Иван Семенович.— Вода прибывает до такой степени, что наводит страх на всех жителей. Там, где спокойно ездили на дрожках, разъезжают теперь лодки с пару-

* Полагаю, что это вроде развлечения (*фр.*).

сами. Волга, Кутум (рукав ее, из нее истекающий и в нее впадающий), Варвациев канал, соединяющий в городе поперек Волгу с Кутумом, все это налилось так, что с бельведера Астрахань кажется городом, выстроенным на воде.— Нынче опять было нестерпимо жарко. Здесь сшил я себе шаровары и летнее пальто из канаусу, персидской материи шелковой, до того легкой, что не чувствуешь совсем платья на теле. Только она не прочна и скоро замшаривается [2]. Такое же платье сделали себе многие из наших и сам князь, только его канаус лучшей доброты, а я, совершенно по неведению в этом деле, купил у ходячего персиянина Ферстеруллиева или Мемеда, не помню, только дешевле и хуже. Так как у нас обед без церемоний и всякий одевается, как хочет, то я обыкновенно, возвращаясь из присутственного места, спешу переменить суконное платье и мундир на легкое канаусовое. А князь и по улицам не ходит в другом платье, у него сверх того и канаусовая жилетка, и канаусовый картуз (на фасон складного, дорожного), и, кажется, астраханский народ очень привык к его костюму.— На этой неделе кончаю я палату и, собравшись с духом, думал с 1-го июня приступить к казенной палате, но, кажется, князь переменил свой план, и, вследствие каких-то важных беспорядков, чуть ли не придется мне ревизовать комиссию народного продовольствия, где также председателем губернатор. Но уж я сделался довольно равнодушен, вроде чистительной машины, все равно, куда ни повернут. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, это письмо очень беглое, но я пишу по вторникам собственно для того, чтоб вы два раза в неделю имели обо мне известие, цалую ваши ручки, будьте здоровы и бодры; обнимаю крепко всех сестер и братьев, а милую Олиньку особенно. Прощайте, до субботы. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

32

1844 мая 27. Суббота.

На нынешней неделе в среду получил я письма или, лучше сказать, два письмеца, но не от вас, милый отесинька и милая маменька, а от Веры и Константина, с приложением прекрасных его стихов [1], по поводу которых буду отвечать особо. Не думайте однако же, чтоб это *особо* означало то же, что здесь в присутственных местах значит — при всяких затруднительных обстоятельствах: *доложить особо*, т. е. затянуть дело или вовсе его не доложить. Нет, я постараюсь отвечать на днях, но не стихами, а просто прозой. Я вполне с ним согласен, только есть некоторые пункты сомнения. Что касается до стихов, то кажется, во мне совершенно иссякла теперь всякая стихотворная способность. Да и как не иссякнуть? Работа, усталость, тоска, досада и редко, редко вспышки какой-то энергии и настоящей деятельности. Я говорю настоящей потому, что теперь работа моя идет, как заведенная машина, работаю много, но это все не то. Даже участие пробуждается только тогда, когда найдешь следы важных упущений и злоумышленностей, но ведь это редко достается. Одно осталось мне: это способность смеяться и забавляться внутренно пустяками. Впро-

чем, я много преувеличиваю, но жар и скучная работа действительно ослабят ревность и всякую энергию. Вот теперь Павленко заставил меня провозиться с опекунскими делами целую лишнюю неделю. Кстати, вчера, т. е. в пятницу красноярцы наши воротились [2]; я в это время ушел в палату. Вы не поверите, с какою радостью, с каким чувством бросился ко мне на шею Оболенский, когда я воротился. Я очень рад его возвращению, мне уже очень надоело жить одному.— Вода прибывает все больше и больше, я писал вам, кажется, что мы ездили в лодках смотреть затопленные предместия, в которых вода проникла даже в печи. Вода грозит затопить и нашу улицу. Кутум выступил из берегов, а с другой стороны разлив Волги так силен, что с трудом удерживают его тройными окопами. Как странно видеть всюду лодки вместо пешеходов; житель возвращается к себе на двор в лодке, подъезжает к затопленному крыльцу и карабкается по дощечкам на чердак. Конечно, здесь еще не так глубоко и можно перейти вброд, по пояс в воде, поэтому кухарка, бегущая в лавку за яйцами или чем другим, мужик, отправляющийся в кабак, не употребляют лодок. Вот теперь оправдывается русская поговорка: «Астраханский мужик осетра на печи поймал!» Такой полой воды не запомнят и старожилы, и если б не были приняты деятельные меры, то вся Астрахань была бы наводнена. А вода не перестает прибывать.

Воскресенье.

Нынче поутру, выйдя на балкон, я почувствовал, что пахнет Москвою. Наконец догадался, что ветер переменился и теперь дует северо-западный ветер, называемый здесь верховым или московским. Прибывание воды заметно очень; в ночь подвинулась она на плоских берегах сажени на полторы. Кто знает, может быть, придется и в палату отправляться на лодке? Настоящая Венеция Астрахань в это время. Жар выгоняет всех на галереи, сообщение производится большею частью водяным путем, торг на воде! — Нынче воскресение, а завтра опять надевай мундир да отправляйся, но куда, не знаю сам, ибо с палатою я почти кончил, и мне хотелось бы остаток опекунских дел передать Павленке; пусть он их рассматривает после обеда. Мне теперь предстоит или казенная палата, или комиссия продовольствия, или комиссия строительная. Какое богатство! Ив<ан> Сем<енович> еще здесь, мы, конечно, с ним не видимся и даже не встречались ни разу, а m-me Тимирязева уехала вчера в свою тамбовскую деревню с детьми. Суета сует, скажет астраханец, привыкший считать Тимирязева чуть ли не вторым лицом после государя! Новый губернатор сюда не прибыл, но дела пошли быстрее, и Астрахань стала дышать вольнее, как будто ее освободили от дурной крови. Так как все чиновники здесь растения привозные, а в Астрахани самой этот народ не произрастает, то писали к министрам, чтоб Путята (будущий губернатор, как говорят[3]) привез с собой целый транспорт новых чиновников взамен удаленных или отставленных. Так как служба в Астрахани имеет небольшие выгоды, именно: сокращение срока для пенсии и т. п., то люди порядочные, обыкновенно выслужив урочные три года, ибо не менее трех лет должен прослужить всякий, получивший подъемные и прогонные деньги

на проезд, уезжают из Астрахани; люди бедные, мошенники и обзаведшиеся хозяйством остаются, но племя это такое пустое, необразованное, что не дает хороших плодов, ибо получающие воспитание здесь самый плохой народ. Если, например, отставят за пьянство и плутни какого-нибудь мелкого чиновника и канцеляриста, у которого ни кола ни двора нет, то он или сочиняет ябеднические просьбы за гривенник, чем промышляют в особенности теперь. Я думаю, скоро в Астрахани не останется человека, которого бы они не заставили подать просьбу князю, выкопав какие-нибудь иски и обиды, случившиеся лет за 10 перед сим! Итак, отставленный какой-нибудь губернский или коллежский регистратор промышляет адвокатством или же составлением фальшивых свидетельств, билетов и паспортов. Все бродяги, все беглые, все избежавшие наказание преступники отправляются в Астрахань. Промышленник, откупщик, купец, которому нужны работники для тяжелой работы, правда, берет всякого беспаспортного и дает ему хорошую плату. Побывав и в Персии, и в Трухмении, а иногда и в плену у киргизов или хивинцев, он обыкновенно кончает свой век или снесенный шквалом с палубы в море, или в схватке с раздраздненным им же азиатцем, или же задохнется в ларе, где складывается рыба, от недостатка воздуха! Словом, *не любит умирать своею смертию.* Это не добрый русский мужик, это русский гуляка, и стоило бы только Стеньке Разину встать из могилы да клич кликнуть, там немало бы собралось к нему таких молодцев. Вчера, катаясь по Волге, мы огибали многие рыболовные и мореходные большие суда, и я с любопытством глядел, как небрежно лежали и сидели работники, или музуры. Русский мужик в одной рубашке и шляпе, не похожей на мурмолку, а на обыкновенную мужицкую шляпу, сидел на кругу толстых канатов, подле него калмык, подле калмыка киргиз, подле киргиза татарин, а судно чуть ли не принадлежит какому-то здешнему персиянину. Многим же честолюбивым бродягам удавалось называться чужими именами и с фальшивыми свидетельствами вступать в службу, в купцы, в мещане и жить преспокойно самозванцами до тех пор, пока несчастный случай не откроет их происхождения. А кто знает, может быть, иные оканчивают мирно жизнь хорошими гражданами, добрыми семьянинами! Но редкий оканчивает жизнь или в остроге или в Сибири, ибо закон редко находит настоящее свое применение, а большею частию дела такого рода кончают подозрением, освобождением по недостатку улик или по манифесту. Сердце здешнего председателя палаты слишком мягко и добро для уголовного судьи, и когда я при ревизии палаты замечал эту необыкновенную слабость в наказаниях, то он отвечал, что строгими мерами и сильными наказаниями нельзя улучшить света и что он поэтому держится этой системы. А поэтому видно только то, что он не годится в председатели; какое тут улучшение света; преступление есть, стало, должно быть соразмерно наказано, безо всякой жалости, иначе выходит бессмыслица, неоконченная фраза, силлогизму не достает заключения, нарушается чин природы. В Сенате мы слишком слабо судим, и поэтому, воротясь, я не буду, для необременения канцелярии лишними трудами, для неписания докладов, соглашаться на уменьшение наказания, сколько будет в моей возможности. Право, за-

кон наш, точно игрушка, с ним играют, как в кукольную комедию, и надо с радостью хвататься за случай, когда он может восстановить свои права.

Прощайте, однако же, милая маменька и милый отесинька, будьте здоровы, цалую ваши ручки. Почта была прежде так исправна и привозила в воскресенье поутру письма, а теперь их нет. Где-то вы теперь, кто в Парке, кто в деревне? Обнимаю крепко милую Олиньку, всех милых сестер и братьев. Прощайте, до вторника. А<нне> С<евастьяновне> и Над<ежде> Ник<олаевне> мое почтение. Будьте здоровы.—

Говорят, Московский сенат ревизуют. Что же Гриша, по какому праву ездит так часто в деревню и отлучается от службы?

33

1844 г<ода>. Астрахань. Мая 30. Вторник. 10 час<ов> вечера.

Фу! душно, жарко, весь, с позволения сказать, обливаюсь потом. Это еще ничего, нынче день прохладный, а вот скоро, скоро, через неделю должно наступить безветрие; и в этот-то самый жар должны мы работать с удвоенными силами, ибо места остались самые трудные, да и хочется, по крайней мере, хоть в ноябре выехать. В воскресенье после обеда получил я письма ваши от 20-го, милый отесинька и милая маменька. Как обрадовали вы меня хорошими известиями об Олиньке, как досадно думать, что со времени этих известий протекло уже 10 дней. Не знаю, получу ли завтра какое-нибудь послание. Вера пишет, что посылает письмо к<нязя> Оболенского, но так как отправление этих писем было поручено Вере, то оно, разумеется, и не прислано. И потому, коли вы предполагаете, что это письмо уже проехало 1500 верст в Астрахань, то я прошу вывести Веру из этого заблуждения и отыскать, буде возможно еще, письмо и отправить ко мне. Сигары также еще не приезжали, и об обшлагах также нет ответа. Буду ожидать.— Что это за несчастия случаются с Погодиным! Как можно было таким образом сломать себе ногу? Ох, уж эти господа ученые, сказал себе, я думаю, не один человек, да и как-то невольно повторяешь за ними[1]. Итак, все провели день 21 числа на даче у Олиньки, была маленькая суматоха на даче; кажется, есть водевиль этого названия[2]. — Обращаюсь к себе собственно. В понедельник получил я приказание от князя ревизовать комиссию нар<одного> продовольствия. Почему я в понедельник остался дома и приготовился к этой части, совершенно для меня новой. Прочел устав, постиг тайну четвертей, четвериков, гарнцев и кулей [3], и, таким образом вооруженный, приступил к делу. В Астраханской губернии канцелярия комиссии заключается в канцелярии губернатора, который есть и председатель. Поэтому я и отправился в канцелярию губернатора и первый занес ревизионную руку на этот хаос беспорядков, злоупотреблений и упущений. Так как все здесь делалось кое-как, то я, разбив комиссию во всех пунктах, остался вообще доволен результатом. Надо было видеть длинное лицо правителя дел (любимца Тимирязева, который завтра оставляет Астрахань). Комиссия эта здесь важнее, нежели где в другом месте, ибо губерния Астраханская

растит хлеба очень мало (какие-нибудь 12 т<ысяч> четвертей в год!), а кормится привозным хлебом. Но от бездействия комиссии, от непринятия ею благоразумных мер, несмотря на огромное количество привозимого хлеба (до 200 т<ысяч> четвертей), цены на хлеб зимою необыкновенно высоки. Это оттого, что хлеб в большом количестве вывозится из Астрахани уральскими казаками, и оттого, что сама комиссия не запасается достаточным количеством хлеба по дешевой цене в великорусских губерниях и не выпускает этого хлеба на продажу по цене дешевейшей против налагаемой астраханскими монополистами, но все-таки для казны прибыльной. Ей это и в голову не приходило. Мысль эту я подкреплю фактами, разовью и представлю при отчете князю, ибо министр внутр<енних> дел спрашивает нас, какие мы придумали меры. Я говорил об этом со Строевым и другими, которые лучше меня это понимают. Кажется, они все признают эту меру лучшею, тем более что она и законом дозволяется. С комиссией я кончу скоро, думаю, в субботу. А что ожидает меня далее — не знаю. Может быть, ревизия казенной палаты, может быть, ревизия канцелярии губернатора. А между тем, у меня лежат на отчете еще не вполне оконченные дела опекунские, с которыми я справляюсь кое-как после обеда; их очень немного. Не написаны отчеты по земскому суду, по рыбной экспедиции и по палате. Впрочем, я все еще веду переписку со всеми этими тремя местами. Что князь ни говори, но после обеда плохое занятие отчетами. Жар, усталость, обременение пищею позволяют только читать, а писать неспособно. К тому же я люблю делать дело зараз. Присел за одно, повозился за ним денька три и три ночи, и будет готово и хорошо. Поэтому я себе непременно выпрошу свободную неделю на составление отчетов, тем более что он позволяет, хотя и неохотно, это другим, а меня гонит из места в место. В будущем июне ревизия много подвинется вперед и, даст бог, в августе приступим к губернскому правлению. Тогда есть надежда на выезд в ноябре.— Получили мы от Давыдова известие, что господин Курута изволит выдавать дочь свою замуж за какого-то нового тамбовского помещика, господина штабс-капитана Лионо, который, как пишет Давыдов, имеет в Петербурге огромные связи, именно дядю красильщика под вывескою «Lion de Moscou»*! Право, я нахожу это неприличным, и никто не оценит нашей ревизии. Лавров, сенатор, бывши здесь [4], изволил попользоваться деньгами от Сапожникова и дал за то пристрастный голос в его пользу в деле о каспийском рыболовстве. Мы живем честно, дочерей замуж не выдаем, не даем балов, не веселимся, подвергаемся всем неприятностям строгой ревизии и почти ненависти ревизуемых и чувствующих себя виновными, право, это одно достойно хвалы. Как благодарю я судьбу, что не попал к Куруте, который живет целою семьею, среди тамбовского beau-monde. —

Середа.

Кажется, придется мне ревизовать всю канцелярию губернатора. Это я заключаю из слов князя. Нынче почта еще не приходила. Иван Семенович уехал. Наконец-то! Только что воротился из комиссии, переоделся,

* «Лев Москвы» (*фр.*).

позавтракал кусочком сыра и сел доканчивать письмо к вам. Скажите А<нне> С<евастьяновне>, что я постараюсь непременно поискать такой материи, какой она прислала мне образчик. Прощайте, обнимаю вас и цалую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, обнимаю всех милых сестер (которых благодарю за письма), Костю и Гришу, а милую Олиньку в особенности. Будьте здоровы. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

P.S. Я долго не мог понять, наконец, догадался, что приписка в письмах Веры с описанием ее постоянства,— штука Sophie[5], которую обнимаю.

34

1844 г<ода>. Астрахань. Июня 4. Воскресенье.

На этой неделе получил я обе посылки ваши, милый отесинька и милая маменька. Очень, очень благодарю вас за сигары. Теперь не нужно более присылать их до самого выезда. Не знаю, кто отправлял их, но отправлено нехорошо. Тонкие стенки ящика совершенно раздробились, многие сигары потерты и подмочены, я распорядился сушкою 200 сигар, а 50 в обиходе. Славные сигары! Кажется — это «Sylva»? Другая посылка меня еще больше удивила. Я и не думал получить обшлага так скоро и в прошедшем письме только спрашивал: заказали ли вы их? Этим я, разумеется, обязан Олинькиной распорядительности: я ей дал это поручение. Стало, и вперед надо к ней обращаться. Гриша, верно, исполнявший Олинькино приказание, совершенно понял меня, какие мне нужны теперь обшлага; я этим очень доволен и уже нашил их на мундир. Все эти дни я был очень занят, работая 6 часов до обеда, не вставая с места, в губернаторской канцелярии и после обеда у себя дома. Хочу нынче после обеда заняться составлением записки по комиссии продовольствия, где разберу каждое положение и рассуждение комиссии и представлю свои соображения, которые, впрочем, пошли в ход и прежде этого и мне же объявляются как новость; главное по комиссии я кончил, но не могу развязаться с ее денежною отчетностью. От неточного исполнения правил и соблюдения предписанных форм выходит такая путаница, что они и сами не имеют верного понятия о своем капитале. Да позволено будет мне хоть одним похвалиться: я так скоро обнял все дела и положение вещей по этой части, что удивил всю канцелярию и сбиваю всякого столоначальника, зная лучше их их собственные дела.— Князь сделался до такой степени нетерпелив, что даже не хочет дать времени обдуматься. Предлагал идти нынче, в воскресенье, взяв двух или трех чиновников и заняться собственно канцелярией. Но я отказался, объяснив ему, что занятия такого рода по воскресеньям не много подвинут дело, что мы всегда и по воскресеньям занимаемся дома и разница только в том, что в этот только день имеем утро свободное от хождения, что для нас, нуждающихся в отдыхе, составляет большую отраду, что этот день употребляем мы на письма и проч. Право, он сидит себе дома целую неделю, пишет письма вволю,

а между тем не хочет войти в наше положение до такой степени, что каждый лишний свободный час, нами проведенный, его мучит.— Нет, это скучно, тем более что излишнею торопливостью можно дать большой промах, и, как он ни торопись, но именно по данному им направлению ревизия продолжится еще очень долго, и я решительно утверждаю, что ближе декабря мы не воротимся. Следовательно, придется здесь промаяться, так сказать, и лето, и осень, и снова увидеть зиму. Не предполагал я прежде воротиться опять скучным зимним путем, но путь обратный, какой бы он ни был, приятен, и возвращение светит мне издали отрадною точкою, но отдаленною.— Как душно, вы не можете себе вообразить; еще на наше счастье дует верховой ветер, а то обыкновенно в эту пору начинается безветрие; вода, кажется, стала убывать, и скоро освободившаяся земля, палимая жгучим солнцем, даст такие испарения, которых не избегнут ничьи носы. Дурной сделали мы расчет, что самые трудные вещи оставили к концу; прошу покорно в июле ревизовать казенную палату.— Хотел я воспользоваться жаром и возможностью держать диету (вы знаете, что у себя в семействе это невозможно), чтоб окончательно излечиться от золотухи и располагался пить жир трески, но доктор сказал мне, что здесь его теперь нет, и предлагает пить или сальсапариль [1] с репейным корнем, или кумыс, уверяя, что последний, кроме уничтожения золотухи, дает другие соки телу, укрепит мышцы и желудок; но я на кумыс не согласен: пожалуй, растолстею так, что и в дверь не пройду, такая уж аксаковская природа; между тем, это питье решительно безопасно. Он говорит, что если я не хочу раздражать золотухи, то должен всю жизнь избегать употребления сыра, соленого, копченого, молока и всего, производящего мокроту. Нет, уж я таких оков на себя класть не намерен; лучше разом излечиться. Не решаюсь я браться за лекарство и потому, что собственно теперь я нисколько не стражду золотухой, но знаю, впрочем, что она во мне есть.

Спрашивал я одного персиянина о материи, которой образчик прислала мне А<нна> С<евастьяновна>. Он сказал мне, что это материя китайская, называется чин-чу, которой здесь нет, но будет очень много на Нижегородской ярмарке. Принес он мне и персидские женские башмаки, но с такими высокими каблуками, подкованными железом, что они должны быть очень тяжелы; надо иметь персидскую ловкость, чтоб ходить в них, ибо пятка вовсе не покрывается башмаком; просит он 8 рублей; если уступит за 2 р<убля> 50 к<опеек>, так я куплю. Кстати, о материи. С будущей почтой отправляю я к вам посылку, которой пусть Олинька распорядится по усмотрению. Это полосатая шелковая персидская материя. Маменька, Вы, верно, одобрите мой выбор. Материя эта дешевле, прочнее бомбы [2] и приятнее, как шелковая. Мне кажется, что хорошо было бы ею обить турецкий диван в деревне, в кабинете, чтоб можно было лежать на нем и с ногами даже, но, впрочем, назначение ей, верно, будет дано приличное.— Прочел я недавно и статью Шевырева о князе Голицыне. Она гораздо хуже погодинской [3]. Хорошо, по крайней мере, что при всей похвале они не выставляют его героем, как г<осподин> Стромилов в «Северной пчеле» [4].— Какая досада, почта еще не при-

ходила, а привезет ваши письма именно тогда, когда надо будет отправлять мои.

Я уже писал к вам, что ех-губернатор уехал в середу. Подобострастие вошло в такую привычку, что многие из здешних чиновников, не любящие Ивана Семеновича, почли за долг не только проститься с ним, но даже провожать его, думая, что человек этот, которого они привыкли считать третьим лицом в государстве, непременно воспрянет и отметит им за всякую минуту невнимания. Перед отъездом своим распродал Тимирязев втридорога и мебель, и вещи, даренные ему здесь же, в том числе одному князю Тюменю на 9 т<ысяч> р<ублей>. Друг мой Бриген был на прощанье у Ив<ана> Сем<еновича> вместе с прочими; он душой к нему привязан, хотя тот держал его очень строго, а Бриген немец, и уж такова его натура, что он был на побегушках у него. Чувствительный Бриген, разумеется, залился слезами, целовался, обнимался и провожал верст семь или восемь, до Солянки. Все это прекрасно и похвально. В тот же самый день князь встречается с Бригеном на канале и, между прочим, спрашивает его: «Ну что, провожали Вы Ив<ана> Семеновича?» Что же вы думаете? Бриген отперся! И смешно и глупо. Они воображают себе, что князь, в свою очередь, будет брать в соображение внимание их к бывшему своему начальнику и будет преследовать тех, на которых Тимирязев обращал внимание! Через несколько дней был у князя Тюмень. Разговор зашел о мебели, которую здесь очень ценят высоко, ибо столяр — всего один в целом городе. Князь и спрашивает Тюменя, что, верно, он воспользовался случаем приобрести хорошую мебель и купил у Ив<ана> С<еменовича>. И этот отперся, сказал, что никогда, право, не покупал. Это показывает, как они глупо и подло смотрят на нашу ревизию. Сколько везде мелочности, дрязгу, подлости!

Теперь управляющий губерниею вице-губернатор совершенно к услугам ревизора и делает благоразумно все, что ему прикажут; так что управление пошло теперь свободнее и ровнее.

Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, до следующей почты. Долго еще не увидимся мы, целые полгода! Прощайте, целую ваши ручки и обнимаю вас. Милую мою жительницу Башиловки [5] крепко обнимаю, равно как и всех братьев и сестер. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. — Дай бог, чтоб нынешняя почта привезла мне толстое письмо!

Ваш *Ив. Аксаков.*

35

Астрахань. 1844 июня 6. Вторник. 10-й час.

В понедельник поутру получил я письма ваши, милый отесинька и милая маменька. Они представили мне вполне всю суету в доме по случаю перевозки в деревню и сдачи дома, но теперь уж этому прошло 10 дней и, верно, все, по возможности, уладилось. То-то, я думаю, Грише неприятно, что дом не поспел! Время бежит так скоро, что неделя проходит за неделею, а не успеваешь выработывать урочной работы; урочной в том

смысле, как сам себе назначил, расчел. Право, вот уже июнь месяц, а, между тем, несмотря на постоянные труды наши, что-то не быстро подвигается. Конечно, кроме ревизии мест, у нас много представленных уже министром соображений и важных проектов, которые идут шибко и займут потом первое место, но все-таки нельзя не окончить вполне ревизии мест, а этих мест еще много. В нынешнем месяце кончатся магистрат, соляное правление, может быть, палата государственных имуществ, там останутся Совет калмыцкого управления, суд Зарго, казенная палата, строительная комиссия, сальянская опека (т. е. рыбных сальянских промыслов, взятых в опеку уже лет с 30 [1], по случаю несостоятельного долга казне), кое-какие мелочи и губернское правление, так что к 1 октябрю будет все кончено, я полагаю. Что же касается до отчетов частных, по каждому присутственному месту, общего, распоряжений по ним и рапорта государю, то все это с перепиской возьмет месяца два, хотя некоторые утверждают, что и меньше. Я даже побился об заклад с Оболенским, который изволит утверждать, что к концу октября все будет готово. Я теперь ревизую канцелярию губернатора. Князь вчера объявил мне, чтоб я производил эту ревизию как можно медленнее и аккуратнее, нисколько бы не спешил, ибо эта ревизия должна быть подкреплением наших доказательств против Тимирязева. Мало этого, надо будет обревизовать даже и военный штаб, где, по распоряжению Ивана Семеновича, производились гражданские дела. Многосложность, разнородность и запутанность дела выше всякого воображения. Для меня ревизия эта потому интересна, что я вижу теперь, как все ветви, жилы управления сосредоточиваются в одном месте, что́ именно останавливает свободное кругообращение, словом, механизм управления, ныне существующий, делается мне виднее и знакомее. Конечно, один человек не в состоянии был бы без этого механизма управлять губернией, но и при этом механизме, столь облегчающем личную работу, если плох правитель, механизм движется плохо, часто останавливается.— А много работы будет мне в канцелярии и надолго, так что, если не успею кончить в июне, то и казенную палату, вероятно, не буду уже ревизовать. Прихожу я на должность ровно в девять, ухожу в 4-м, не раньше. В 4 обедаем, в 5 встаем из-за стола; посидишь на балконе, поговоришь, покуришь, напьешься чаю — уже 8 часов. Душно, жарко, обливаешься потом, но садишься за работу, которая, как хотите, при таком состоянии физики, не может производиться слишком деятельно. Часов до 11 займешься, в 12 лежишь в постели; встаю я в 6 часов, сейчас одеваюсь и на балкон. Оболенский спит дольше. Есть натуры, которые требуют сна долгого, по крайней мере, часов 8; впрочем, он и так похудел ужасно, а уж у меня такая глупая натура, что я от работы только толстею. — Несмотря на то, что термометр ежедневно (т. е. какие-нибудь недели 2 или 3) не стоит выше 21—22 градусов в тени, на дворе невыносимо душно, а астраханцы говорят, что еще прохладно, потому что ветер дует. Что же будет потом? Просто страда! И, к довершению всего, даже холодной воды или русского квасу нельзя достать!

Суббота. 10 июня.

Я не успел окончить этого письма к середе, и потому не послал его, но теперь пользуюсь субботним вечером, всегда любимым мною кануном праздника и отсутствием Оболенского, отправившегося вместе с Бюлером и Блоком любезничать к здешним красавицам Вартановой и Бержановой, чтоб на досуге писать вам. Прежде всего должен я избавить Бригена от клеветы: он никогда не отрекался от провожания Тимирязева; это мне было неверно передано. Впрочем, этот немец раболепствовал пред бывшим военным губернатором, чему, вероятно, послужит свидетельством ревизия войсковой канцелярии, если она только будет, ибо тут есть одно темное обстоятельство насчет неправильной ссуды войсковых сумм по приказанию Ивана Семеновича. Об этом обстоятельстве пошлется завтра ему, Бригену, бумага с требованием объяснения, которая, вероятно, очень его встревожит.

Я очень люблю Бригена, но нынче целое после обеда рылся в «Военном своде», искал статью закона или куплетец, как у нас называют, против этих распоряжений; если тут будет действительно неправильность, то, вероятно, он сложит всю вину на грозного губернатора. Я думаю, однако же, если б мне была поручена ревизия войсковой канцелярии, отказаться.— Вообразите, председатель одной из палат, третье или четвертое лицо в городе, говорил мне лично, когда я показывал ему неправильные заключения комиссии продовольствия, «что если он в настоящее время не пропустил одного журнала, подписанного Тимирязевым, так это потому только, что об увольнении его было ему известно. В противном случае, при несогласии с мнением военного губернатора, ему надлежало бы наперед подать в отставку, чего, ради семейства своего, делать ему было очень невыгодно!» Каково! и это сказано было мне человеком умным, имеющим образование, вес в обществе и лет 42-х. До такой степени Тимирязев умел внушить страх к своей особе. Теперь я ревизую канцелярию и вижу этого человека ясно. Мне попадаются разные секретные переписки, черновые бумаги с его поправками, замечаниями. И я нахожу, что это был человек не глупый, не злонамеренный и *довольно* честный, но мало смотревший на соблюдение законов и мало заботившийся об общей пользе; словом, человек, который говорит: «Что мне за дело до свода законов, не я его писал!» и который соединял в себе самовластие и бездействие в высшей степени. Беспорядочность в делах и бесполезность управления дел губернии были результатом этих двух свойств, и еще надо отдать ему справедливость, что при том раболепном уважении, которым он был окружен, мог он легко сделать вдесятеро больше злоупотреблений. По моему мнению, Трубецкой, орловский военный губернатор[2], вдвое его хуже. Много дела в канцелярии. Ее надо ревизовать и в отношении к канцелярскому порядку, числу неисполненных или неправильно исполненных бумаг, предписаний и указов, и в отношении к духу и системе управления, способности или неспособности Тимирязева, недогадливости его, бесполезности мер, направлению его действий, важному взгляду на вещи и проч. Теперь я только один с Немченко и насилу успеваю с просмотром неисполненных бумаг, с поверкою входящих с настольными и пр. Между тем как этим могли

бы заниматься и другие. Поэтому я настоятельно буду просить князя, чтоб он прибавил мне еще двух помощников, которым я поручу под своим непосредственным наблюдением ревизию канцелярского порядка, делание выписок и пр., а сам займусь более важными предметами по ревизии губернаторской канцелярии. Теперь же я едва успеваю; в канцелярии читать дела некогда, после обеда едва успеешь прочесть одно или два, а их бы надо читать по дюжинам в день. После обеденного отдыха на балконе, когда почти все, напившись чаю и пользуясь чудесными вечерами, отправляются гулять, я один остаюсь дома и сажусь за работу и должен притом иметь неприятное убеждение, что таким образом все еще не скоро будет подвигаться работа.— Однако довольно, довольно о служебных занятиях. Поговорим о другом. В четверг получил я письма ваши от 30-го мая. Дожди, говорят, испортили дорогу, и почта начинает снова опаздывать. Поэтому я, вероятно, не получу письма завтра, в воскресенье, а разве только в понедельник, пред самым уходом на службу, что мне очень досадно, потому что получение писем составляет для меня необыкновенное удовольствие. Как скоро я получаю письма в свободное время, то сейчас беру лучшую сигару, бегу на балкон, устраиваюсь в креслах самым удобнейшим образом и начинаю чтение писем. Чем дольше продолжается это чтение, т. е. чем больше писем, тем дольше и сильнее продолжается мое наслаждение. О, почта, почта, великая вещь. Почтальон, век свой скачущий взад и вперед, без участия к радостным и горестным известиям, наполняющим его сумку, полезнейшее существо в мире, но почтальон, разносящий по городу письма, имеет в себе что-то необыкновенно милое и привлекательное. Теперь, под управлением Адлерберга, почтовое ведомство стало еще лучше [3] и, право, грешно было бы не благодарить правительство за те удобства жизни, которые оно старается нам доставлять,— хоть в этом отношении.— Вместе с четверговою почтой приехал и «Москвитянин». В нем нет ничего интересного, кроме грамоты Григорья Нагого, жалующего вотчиною своего слугу [4]. Константин давно мне говорил про это, но мне не случалось видеть грамот, на которые он указывает. Но эта грамота, так ясно доказывающая его предположения, может навести на другие соображения и озаряет вдруг светом темную сторону, которую теперь будет легче разработывать, что я, впрочем, с своей стороны, предоставляю прилежным молодым людям, Валуеву, Елагиным и мучителю-красавцу Панову[5]. Чем занимается, что предпринял этот отличный молодой человек? Ну вот, вы думаете сейчас, что я шучу. Совсем нет, я серьезно признаю его таковым. Есть у нас и другой человек, целый муж [6], и мне часто мерещится кабинетный стол, на столе чернильница с засохшими чернильными пятнами на меди, изуродованные перья, кипа бумаг, кажется, оконченная диссертация, широчайшая ладонь, крепко лежащая на зеленом сукне, с пальцами, выпачканными чернилами, засученный рукав и... Ничего, ничего, молчание!

Сейчас Петр принес мне с погреба кумыс. Я решился пить кумыс, и уж я, кажется, 7-ой стакан изволю выпивать. Я пью по три стакана в день, не держу, разумеется, никакой диеты и доволен кумысом, хотя он немножко кисленек. Подряженный мною татарин приносит ежедневно све-

жего кумыса; большая полоскательная чаша стоит 12 коп<еек> медью; не разорительно, по крайней мере, да и пью я не один, а с Блоком и с Оболенским.— Получил я вместе с письмами вашими письмо Дмитрия Оболенского. Каков юноша? Исправлял должность прокурора. После этого мне не должно быть отказа от министерства юстиции в этом месте. По возвращении моем в Москву я не думаю оставаться дольше в должности секретаря [7], но если переменю место, так разве на место советника губернского правления, чтоб мне оставаться в Москве, или на место губернского прокурора в пограничной с Москвою губернии. Константин и Вера не одобряют моего плана, особенно последняя, которая, я вижу отсюда, сморщив брови, с презрением выговаривает слово «прокурор», но да ведь это только мое предположение, слишком раннее, может быть, до исполнения которого еще очень далеко, да и которое никогда не будет исполнено без согласия отесиньки и маменьки и резолюции домашнего совета, в котором докладчиком будет Гриша.— Очень позабавила меня счастливая мысль, озарившая Оболенского: послать письмо в Москву для отправки в Астрахань, но еще больше рассмешил меня вопрос, предлагаемый Сазоновым Оболенскому, и поэтому я поручаю Грише сказать Сазонову, коли он увидит его в сенате, чтобы он успокоился, что я в знаменитую тамбовскую ночь был без очков.

Погода не совсем нам не благоприятствует. Верховый ветер нагнал облака, которые вчера пролились теплым дождем на Астрахань. Но нынче было очень тихо и невыносимо жарко. Завтра сделаю распоряжение о покупке пологов для постелей, хотя нельзя сказать, чтоб очень тревожили комары. Боюсь только сглазить, укусит нынче же ночью, пожалуй,— но покуда их совсем немного. Неужели у вас не теплая погода? Это было бы очень досадно; если май был не хорош, так июнь должен загладить его вину. С нетерпением ожидаю известия о том, привели ли вы в порядок свое житье, т. е. отделана ли деревня, переехали ли дети и пр. Также о том, куда я должен адресовать свои письма? В последнем письме своем Вы, милая маменька, советуете мне не жениться рано. О, будьте покойны, я так же мало об ней думаю, как богородский дьячок об австрийском императоре; да к тому же памятен мне вид этих бедных чиновников, оженившихся, обремененных детьми, которых нельзя ему воспитывать как крестьянских детей и которые, не получив нигде образования, начинают службу с низших мест, воруют, женятся, опять воруют, пьют с горя, исчезают с лица земли, и так поглощается в массе человечества жизнь, бедная, жалкая, ничтожная, этих жалких людей. Если смотреть свысока, так прилив и отлив этих явлений необходим и является, может быть, величественно разумным, но если смотреть вблизи, то жалко становится этой даром рожденной и приносимой в жертву личности.— Да, так я хотел сказать, что главная причина бедности этих людей женитьба, но надо признаться, что бедная, одинокая тварь, ищет он себе мирного, грязного уголка и семейного удобства, и что естественно это желание. Вы не поверите, какое чувство возбуждают во мне эти люди и их казенная судьба. Сюда, по недостатку собственных произведений, присылаются писцы из заведений приказа других губерний, из заведений канцелярских служи-

телей. Эти голые сироты, которых приютило правительство, воспитало души их под одну гребенку, выучило писать четким почерком, пересылаются на казенный счет (в котором всякая седьмая копейки строго расчислена) в чуждый совершенно край, пишут весь век и живут. Конечно, правительство не дало им умереть с голоду, но лучше было бы, кто знает, или оставить их на свободе, или сделать полезных ремесленников, нежели образовывать из них этот гнилой класс межеумков между простолюдинами и образованными людьми. Вчера (эту страницу пишу уже я в воскресенье) было 10 июня, кажется, самый должайший день. Грустно думать, что скоро вновь начнет уменьшаться дневной свет, но, во всяком случае, в Астрахани мы не испытаем длинных зимних вечеров, а приедем провождать их в Москву. Еще много раз обернется почта! Искал, искал я живописца, но никого не нашел; в Астрахани не только гения, не только таланта, не только художника, не только обыкновенного живописца, простого рисовальщика, но даже и сносного маляра нет! Придется самому срисовывать. А как хорошо, например, теперь, в эту минуту. Я сижу на балконе и пишу к вам, день ясный и праздничный, почти совершенно тихо, слегка лишь ветерок рябит иногда поверхность этой огромной массы воды, затопившей красивую слободу, которой дома отражаются в воде неверными, продолжительными линиями. Если б я умел рисовать!

Скажите, что хорошего, светлого теперь в Москве, в кругу знакомых, в литературе, в науке? Порадуйте меня хоть чем-нибудь, а то я совершенно отстану от века. Кстати: когда же диспут Самарина, как обошлись профессора с его диссертацией. Кажется, Вера писала мне, что диспут 15 мая, но я имею известие от 30 мая, а о диспуте ни слова; или отложен он до зимы, так как теперь все почти разъехались? [8]

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, крепко обнимаю вас и цалую ваши ручки. Целые кипы скучных дел ожидают моего прочтения; придется приняться за них, хотя и жалко единый свободный день употреблять на такую работу. Прощайте, будьте здоровы, обнимаю Константина и Гришу и всех моих милых сестер. Олиньке пишу особо. Скажите Константину, что мне бы очень хотелось поговорить с ним на письме, но пусть он на меня не сердится. Право, некогда не только писать, но и обдумывать серьезный предмет. Рад, рад, что иногда можешь ничего не думать. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение, равно как и Над<ежде> Николаевне. Кланяюсь всем, по вашему распределению. Прощайте, в ожидании ваших писем,

ваш сын *Ив. Аксаков.*

36

Суббота. 17 июня, Астрахань. 1844 г<ода>. Вечер.

В прошедшее воскресенье вечером получил я небольшое письмо от вас, милый мой отесинька и милая моя маменька, или, лучше сказать, только от отесиньки и Верочки. В середу ожидал я получить описание самаринского диспута, но вместо того, получил, кажется, с тысячу конвертов

за которые очень благодарен, но которых большую часть, даст бог, привезу назад. Сам я не писал к вам в середу потому, что решительно было некогда. Я теперь занимаюсь очень деятельно, т. е. больше других и столько, сколько в состоянии допустить усталость от работы и жара. Если я и теперь пишу, так потому, что завтра благодатное воскресенье, день, в который я себе позволяю (по закону, как бы сказал Костя) полениться, день, в который освобожден я от хождения к должности. И теперь лежат около меня кипы бумаг и дел, для рассмотрения которых едва, едва нахожу время, а товарищи мои большею частию разбрелись. Если я теперь занимаюсь больше их, так это потому, во 1-х, что старшим чиновникам или лицам, ревизующим отдельно, самостоятельно, всегда больше дела, так как на них лежит и ответственность; во 2-х, что я вообще усердный чиновник, да и не могу ограничиться одною очисткою, а хочется что-нибудь выкопать сочное, действительно нужное и полезное; в 3-х, потому, что при ревизии канцелярии за какие-нибудь 10 лет управления Тимирязева открывается много в отношении к пользам губернии таких вещей, которые требуют обсуждения и дальнейшего хода; сюда стекаются все решительно отрасли управления и в виде очень подробном; насилу можно справиться при ревизии с одною хозяйственною частию губернии. Разумеется, в два, в три месяца можно бы покончить все обстоятельно, но ведь не поправлять же нам все ошибки Тимирязева и делаться начальником губернии за все то время. Помощники-то мои плохие, да и что помощники. Если б был другой я, так еще мог бы я быть спокоен.— Жары несносные; хотя нынче в тени было только 24 градуса, но от тротуаров от камня так жарко, что нельзя пройти и двух сажен, не облившись пóтом. Но все-таки нам погода благоприятствует. Нынче вечером удушливая моряна нагнала тучи, которые сыграли маленькую грозу, а теперь, когда я пишу к вам в комнате с отворенною на балкон дверью, и мне так душно, что я не знаю, что делать, темные облака обложили горизонт, и отдаленная молния беспрерывно рассекает их. Самое лучшее время— ночь, и мы, пользуясь нашим чудесным балконом, часу в 12-м пьем чай и просиживаем иногда до часу. Когда будут готовы полога, то я хочу спать по ночам на балконе. Вода все сбывает, но еще ей осталось надолго сбывать.

Итак, диспут Самарина был 3-го июня. С нетерпением ожидаю описания, хотя по новости и специальности предмета интересных споров мало предвидится. Вы разбираете, милый отесинька, напечатанную часть диссертации[1]. Но ведь напечатана, я думаю, одна третья часть, которая, кажется, должна быть окончательным сводом результатов и подкрепительных ссылок, а самое интересное не напечатано. Впрочем, не знаю, ибо никто, кроме Вас иногда, не сообщает мне столь же аккуратных и подробных, мелочных известий, как я в своих письмах. Если можно, так пришлите мне эту третью часть. Каков был пир? Радушный ли? Да, и я скажу с вами: когда-то у нас будет пир по этому случаю! Меня раз известили, что диссертация окончена. Скажите, пожалуйста, что же дальше, что было сделано в эти четыре месяца? Еще рано почивать на лаврах, по закону можно было отдыхать месяц, другой, но неужели и окончательная отделка будет не ближе... не могу выговорить![2]

Что за нездоровье у Вас, моя милая маменька? Успокоиваю себя тем, что в случае важности, боже сохрани, мне бы не написали об этом.— Верно, перевозка на дачу и длинные петровки [3] причиною желчного расстройства; но оно не важно, не правда ли? Что-то скажут письма завтра. Но сказавши, что Вы не совсем здоровы, Вера могла бы уведомить хоть в двух словах во вторник. Ах, будьте только здоровы, и я с нетерпением буду ожидать конца ревизии.

Каковы стихотворки мои сестрицы? Sophie и Марихен, я знаю, сочинительницы, но Любу я вовсе не предполагал стихослагательницею. Нет, уж это, видно, в семействе, в крови. Что вы думаете, и у Веры Сергеевны, и у Олиньки, и у Нади, и у всех таится стихослагательная способность, кто знает? Попробовать, попробовать непременно. «А ну, ну, начинай, Грицко, вот так, вот так! А ну, ну, Вера, ну, ну, Оля!» А ведь стихи многие очень хороши:

На поднебесную обитель
Я променял свой кабинет! [4]

Воскресенье.

Всю ночь шел дождик, но сухость температуры едва смягчилась, и нынче поутру было опять 23 градуса в тени. Теперь же, в 10 часов, в это самое время я пишу на балконе, а теплый и сильный дождик взрывает непрерывно поверхность воды. Превосходно! Слава богу, нашел я себе живописца, самым случайным образом. Надо вам сказать, что князь в шутку или серьезно советует мне развлечения, зная, что я не хожу прогуливаться на Варвациевский канал и не имею никакого предмета, меня занимающего, кроме службы. Так в прошедшее воскресенье за обедом звал он меня с собой посмотреть, как уродуют «Севильского цирюльника» на астраханской сцене[5]. Разумеется, это было принято в шутку, потому что ходить в здешний театр скорее наказание, нежели удовольствие. Каково же было мое удивление, когда в воскресенье, часов 8 вечера, сижу я один у себя наверху и вдруг слышу голос князя, который зовет меня снизу. Сбегаю, и он дает мне один билет в театр и приглашает идти с собой вместе. (Разумеется, на другой же день отдал я ему деньги за билет.) Мы пошли, просидели в театре четверть часа, произвели необыкновенный эффект своим появлением и воротились домой, зная, что пришла почта. На этой неделе также заставил он меня поехать с ним вместе в казенный загородный сад, где разводятся разные южные и восточные растения. Климат способствует, но почва, песчаная и солонцеватая, много мешает. Все еще в начале и стоит больших трудов и издержек. Нашли мы там немца, выписного садовника, с которым я немилосердно коверкал немецкий язык и который с необыкновенною любовью и неутомимо трудится над садом. С восхищением и гордостью показывал он мне сосну, которая здесь не произрастает, а у него принялась. Но при взгляде на эту сосну всякий бы из нас, северных жителей, лопнул со смеха. Вообразите, что эта сосенка не более вершка и посажена в каком-то ящичке, около которого он ухаживает с необыкновенною заботливостью. Немец этот, любитель природы, сам рисует и, кроме того, у него есть немец, приятель, привезенный им из Германии.

Сейчас немец-садовник принес князю разную зелень и зашел ко мне на балкон, восхитился видом и просил позволения срисовать для себя. Я, разумеется, сам попросил его об этом, и немец-садовник с немцем-живописцем будут ходить сюда в те часы, когда нас не бывает дома, снимать виды.— Нынче в институте (и здесь есть женский институт) окончательный, выпускной экзамен или публичный экзамен, с музыкой и пляской. Все приглашены, но я, разумеется, не поеду. Одно одеванье в эту душную погоду стоит того, чтоб не ехать, да и отраднее сидеть на балконе.

Здесь, в губернаторской канцелярии нашел я одного молодого человека, который отличным знанием службы и законов, умом, трудолюбием и скромностью обратил на себя особенное мое внимание. Это Лютер, немец. Он был правителем канцелярии у Пейкера[6] и знает Сергея Тимофеевича. Поэтому здесь, в далекой стороне, он очень обрадовался, узнав, что я буду ревизовать канцелярию, где он столоначальником хозяйственного стола, и теперь необыкновенно полезен мне при ревизии, ибо сам указывает мне на вещи, достойные замечания, и на то, что, по его мнению, неправильно, ибо он сам как столоначальник лицо пассивное, власти иметь не может, а только исполнитель. Как человек бедный, согласился он на предложение Тимирязева приехать в Астрахань, где служба представляет некоторые выгоды, и теперь он здесь уже четыре года и, по недостаточности средств, не может вырваться. Так как он на службе в теперешнем ее виде может быть очень полезен, то мне хотелось бы помочь этому аккуратному и добросовестному немцу.

Теперь нас очень занимают киргизы. Министр Киселев[7] просил обратить особенное на них внимание, по влиянию их на большую Киргизскую Орду, не находящуюся в наших пределах и занимающую огромное пространство по границе Оренбургской губернии, Сибири, Китая и других государств Средней Азии. Но есть другая Орда, внутренняя, кочующая частию в Оренбургской губернии, частию в Астраханской, куда перешел хан Букей. Теперешний хан, сын его, Джамгир. Живет он на левой стороне Волги, верстах в 200-х от Астрахани. Человек необыкновенно умный и образованный и стремящийся привлечь киргиз к оседлости. У него зимняя ставка при Нарын-песках, где он имеет великолепный дом и живет по-хански, правит своими киргизами, получает всевозможные журналы, угощает еженедельно русских и старается ввести в своем полудиком народе некоторое просвещение. Теперь около его дома кибиток со 100 заменилось сотнею же домов. Разумеется, ходит он в киргизском платье, не христианин, пьет кумыс сам, а гостей потчует шампанским и соблюдает киргизские обычаи, но не по убеждению, а потому, чтоб удержать киргизов в повиновении. Раз взбунтовались они за стремление к европейской цивилизации, хотя хан не употребляет никаких особенных принудительных средств[8]. Сын его воспитывается в Петербурге, в одном из лучших военных заведений. Титул хана: *высокостепенный*, но киргизу необыкновенно лестен титул превосходительства: он генерал-майор, и смешно видеть его подпись на официальных бумагах и отношениях (у него своя русская канцелярия): «Генерал-майор хан Джамгир». Все равно, но его управ-

ление смягчит дикость киргизских нравов, и так как киргизы наши подданные, то сделает их нам более полезными. Князь обложился теперь книгами и сочинениями о киргизах и имеет намерение съездить к Нарын-пескам, где летом, кажется, бывает довольно живая и разнообразная ярмарка.— Это новое поручение, может быть, еще отдалит наш отъезд, т. е. отвлечет от занятий некоторых. Тут еще Розанов вздумал заболеть, но, надеюсь, скоро восстанет и примется за работу.— Кумыс мой продолжает оказывать то же действие, как и прежде. Надо бы с ним больше движения, меньше сидячей работы, надо бы его пить в деревне, а не в городе. Он дает необыкновенную бодрость и крепость телу. Теперь у нас в ходу вишня. Так называемая шпанская (хоть не настоящая) продается по гривеннику сотня, и мы с Оболенским завели ежедневное истребление 200 вишен. Я думаю, и у вас вишня начинает показываться. Зато здесь нет никаких ягод.— Опять делается душно!

Что сказать вам еще? Право, не придумаю. Надеюсь кончить на нынешней неделе канцелярию. Странно при слове *кончить* сейчас подвертывается слово: *диссертация*. А там, там опять что-нибудь, или строительная комиссия, или казенная палата. Слава богу, что время проходит для нас так скоро, что неделя сменяется неделью незаметно; следовательно, мы быстро примчимся ко времени нашего отъезда, который все-таки не будет ближе декабря[9].

Письмо это получится вами 26-го или 27-го. 25-го числа, по случаю праздника[10], верно, стук колес в парке обеспокоит Олиньку, а поднявшаяся пыль напудрит ваш домик и цветы, стоящие на балконе, и эта история повторится 1 июля[11]. А мы в эти дни в мундирах отправимся в собор, где должны будем стоять целую обедню.— Однако пора кончить. Насилу и это написал, потому что беспрестанно приходили мне мешать. Теперь уже 2-ой час, и потому я кончаю свое письмо. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, дай бог, чтоб вы были совершенно здоровы и покойны, целую ваши ручки. Обнимаю милую мою Олиньку, Веру, Надю и всех сестер, в особенности же свидетельствую свое почтение сочинительницам. Константина и Гришу обнимаю. Прощайте, Анне С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

37

Астрахань. 1844 года июня 24. Суббота.

Как скоро пролетела неделя! Давно ли, кажется, было воскресенье, а вот теперь опять субботний вечер. На этой неделе я решительно не имел времени писать к вам, милая моя маменька и милый мой отесинька, и сам не получил от вас писем; а письма от 10-го июня получил еще в прошедшее воскресенье. Очень, очень рад я успеху Самарина[1]; впрочем, этого я и ожидал. Эта минута торжества и блистательного успеха останется ввек светлым воспоминанием. И эти минуты сто́ят многих сладких ощущений в жизни! От души поздравляю Самарина. Надо при этом заметить, в чем

именно полезно посещение светского общества: это именно в приобретении ловкости, находчивости, неконфузливости, таких свойств, которые в соединении с истинным достоинством и дарованием ручаются за блистательные победы; пусть дорогой камень будет в приличной оправе. Надеюсь, что Самарин перед отъездом в Петербург воротится в Москву и простится с нею и Костей[2] как следует. — Вы замечаете, что сухость и пустота работы мне надоела. Действительно надоела, и подчас становится очень тяжело. Я обыкновенно горячо занимаюсь служебным делом, с жаром пишу свои отчеты, замечания, борзо и сильно защищаю свои мнения, и тогда я вовсе не скучаю и охотно работаю, стараясь не идти битою тропою, делать для одной очистки, а желая извлечь пользу настоящую. Нередко приходится мне толковать и сильно спорить с князем, который не может заниматься ничем равнодушно и очень любит перебирать предмет с нами, молодыми.— Но иногда разные обстоятельства совершенно меня охлаждают: ленив ли я от природы и труд физический меня утомляет,— не знаю; мне кажется тогда смешною и ложною моя горячность и увлечение, а усильная работа бесплодною и бесполезною. В самом деле, что я за горячий человек, что я за пылкий юноша! Какое-то полуминдальное мыло, а не юноша. И оттого, что пыл мой был или мнимый, или напряженный, он не слишком долго поддерживает меня, и тогда-то вперяю я грустный взор на кипы дел и бумаг, круг меня лежащих. Ведь надо признаться: что, кроме службы, наполняет меня здесь в Астрахани собственно? Решительно ничего. Благоразумие лежит на мне свинцом, и сердце не бьется так, как у 20-летнего. Книг я решительно никаких не читаю; самою Астраханью заниматься некогда, да я здесь и не путешественник; стихи не пишутся, и только одни служебные занятия и участие к чести и блеску нашей ревизии могут хоть сколько-нибудь наполнить меня. Когда же и эти последние начинают бледнеть, так ничего не остается. Мне одна отрада: ваши письма.— Нынче кончил я губернаторскую канцелярию и до 1-го июля намерен остаться дома и писать отчет по комиссии народного продовольствия да прочесть кое-какие дела из канцелярии; если только не пошлют куда-нибудь прежде этого срока. Но, во всяком случае, ревизия быстро подвигается, и время за занятиями проходит скоро, так что в сентябре кончим ревизию присутственных мест, и тогда в конце ноября или в первых числах декабря поедем. Какова у вас погода? У нас постоянно жаркая, хотя она и сопровождалась грозами; теперь же, кажется, настанет бездождие и самое знойное время. Вода быстро сходит, и жалко мне расставаться с нею; если этот немец не придет на днях снимать вид, так, пожалуй, воды не будет, и ландшафт потеряет свою прелесть. А какие чудесные вечера. Это чудо. Здесь рано и быстро наступает ночь, сумерков нет почти, но теплота и тишина ночи восхитительны. Мы обыкновенно пьем чай на балконе и почти все свободное время проводим там, даже занимаемся. А ночью от беспокойных мух спасаемся под пологами, сделанными из рединки, не пропускающей ни малейшего насекомого. А как несносно теперь. Зажжена свеча, и на столе лежит белая бумага, так только и слышишь, как щелкают, падая, жуки или тараканы с потолка, только и видишь, как ползет какое-нибудь неприятное творе-

ние. Тут гудит басом толстая муха, а здесь, под самым ухом, пищит дискантом комар.

Обращаюсь к вашему письму. Все, что вы пишете про мистерию, меня больше удивляет. Чем строже я разбираю, тем более нахожу в ней недостатков, и мне было бы очень неприятно основать на ней свои права в обществе, как говорит Вера[3].

Нынче 25, праздник[4]. Едем в собор, в полной форме. И скучно, и жарко. Постараюсь под каким-нибудь предлогом освободиться от поездки. Утомительно это стояние в мундире. Прием у князя уже начался. Пропасть экипажей наполнили двор, а чиновный люд — гостиную. Мне это перестало быть интересным, а потому я и не сошел сверху. Сцена щеки, не получившей поцалуя, уже не повторится.

Я думаю, вы часто удивляетесь разноречивому духу моих писем. Можно ли вывести из них точное и верное понятие о человеке и его настоящем назначении? Никакого, я думаю. Право, я не знаю, из чего мне хлопотать в этой жизни: когда я в себе не чувствую ни к чему призвания, не имея ни задушевных верований, ни первоначальных убеждений. Погонюсь за одним, но, не слыша в себе священного пламени, останавливаюсь с сомнением, с тоскою; невольно скажешь:

> ...И обнажая смысл в тиши,
> *Сознанье внутреннее губит*
> *Восторги ложные души!*[5]

Чем более вникаю я в себя, тем яснее вижу, что составлен из двух главных начал: лени и тщеславия. Воспитание намотало на них разные пеленки, сдавило благоразумием, но тщеславие, пробиваясь, вскружило было голову, что и честолюбив-то я, и деятелен, и даровит. Но когда ленивое и спокойное благоразумие берет верх, то ни деятельности, ни честолюбия не вижу я в душе своей; напротив, проникая вглубь, вижу одну лишь мертвую пустоту и равнодушие. Ничего не может быть мельче, несноснее чувства тщеславия. Оно неотвязно преследует человека, как муха. Сгонишь с одного места, является на другом: вполне победить его едва ли есть возможность. Но тягостнее внутреннее сознание и благоразумие: оно сковывает даже физику человека, лишая его свободных движений, охлаждает жар в сердце, заставляет цепенеть чувство в мертвом покое. Чувства мои не так сильны и легко поборимы. Одно тщеславие бунтует: поэтому-то и моя горячность в делах службы, где раздольно тщеславию. Борьба, давняя борьба тщеславия с внутренним безжалостным сознанием, борьба без содержания, жизнь без юности, без увлечения чувства, вот что с ранних лет досталось мне в удел, а надолго ли — не знаю. Не живем мы в прежние времена, а настоящее безотрадно, будущее бледно. Тяжело сказать самому себе: помните строфу: «*Немного я в тебе нашел*»[6] и пр. Не могу понять, для чего я существую и живу такою странною жизнью. Гадок человек, сознающий свою собственную дрянность и свое ничтожество.

Знаю я, что эти минуты сменяются другими, которые опять уступят им место. Скучная перспектива. Хотелось бы мне очень отрешиться ото всего и обновиться в трезвительном уединении! Но препятствуют мате-

риальные средства, условия действительности. Ждешь, выжидаешь, скрепя сердце, а время, не останавливаясь, совершает свой кругооборот, с ним вращается и жизнь; и человеку или некогда воспитаться духовно, и, откладывая и заглушая, поглощается он пошлым существованием,— или же слишком поздно достигает он желаемого обновления и с горьким, бессильным чувством смотрит назад, на даром прожитое время. И это жизнь! —

Право, не знаю, что сообщить вам еще. Ничего другого не лезет в голову. Вы знаете, что я совершенно здоров, постоянно занят и почти не вижу, как проходит время; знаете, что буду я делать и на будущей неделе. Рассказывать, описывать, кажется, нечего. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Крепко обнимаю вас и целую ваши ручки. Будьте здоровы и совершенно спокойны на мой счет. Досадно мне будет, если письма мои в таком роде будут огорчать и озабочивать вас. Да и я напрасно делаю, что попускаю себе писать, как мне думается в эту минуту: у вас слишком много других забот. Целую ваши ручки и обнимаю милую мою Олю. Дай бог, чтоб я получал об ней только радостные известия. Обнимаю всех прочих сестер и братьев, рассеянных кто в Парке, кто в деревне.— Если успею, буду писать во вторник. А<нне> С<евастьяновне> и Над<ежде> Ник<олаевне> мое почтение.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

P. S. Если можно, так постарайтесь мне прислать, в виде лекарственного рецепта, стихи К<аролины> К<арловны> Павловой, из которых я помню только один стих: «*Перстом коснется бытие!*»[7]

38

Астрахань. 1844 г<ода> 1 июля. Суббота.

Письмо это, вероятно, получено будет 11-го июля или, по крайней мере, накануне. Поздравляю Вас, милая моя маменька, и крепко обнимаю Вас и целую Ваши ручки; поздравляю и тебя, милый друг, милая именинница Оля[1], дай бог, чтоб весело и легко провели вы этот день. Поздравляю и Вас, милый отесинька, и всех моих сестер и братьев. Где-то вы проведете этот день, вместе ли? Если б было близко, то можно было бы всем переселиться — к Олиньке на дачу, по мановению отесиньки, согласию Оли и благоразумному заготовлению лошадей Гриши. По расчетам моим, маменька это время будет находиться на даче, т. е. если у Олиньки маменька и отесинька гостят по неделям! А мне не только день, да и все семейные сентябрьские праздники[2] придется провесть в Астрахани, и я буду вспоминать про вас где-нибудь в казенной палате, в губернском правлении!— На этой неделе получил я два письма от вас: от 17-го июня и 20-го, очень интересные и несколько наполнившие мне эту неделю. Вы пишете, милый отесинька, что у вас мигрень, я знаю, как силен он у вас бывает, поэтому известие это мне было очень неприятно, но ведь он, верно, не мог долго продолжаться. Не знаю, какое Вы против него употребляете средство? в письме от 20 Вы опять упоминаете о мигрене; получу ли я

с завтрашней почтой известие о прекращении его? — Что это у вас за погода? Дожди сильные и здесь и нередко грозы, словом, астраханцы не могут постигнуть, что сделалось с их климатом, — но для нас, жителей севера, духота нестерпимая. Вообразите, что теперь почти два месяца термометр *не сходит* с 22-х, а частехонько 23 и 24 совершенно в тени. Воздух так тепел, что и днем и ночью не знаешь, как быть. Почти все наши изнемогают от жара, меня одного поддерживает кумыс и чувство служебного долга, надоевшее мне до крайности. Действительно, работаю я много в сравнении с другими, несмотря на жар, но это как-то мало утешает и меня самого. Министры обрадовались, что их поручения исполняются так отчетливо, и, кажется, все, что только у них есть относящееся до Астрахани, готовы прислать к нам для местных соображений.— Так Воейковы опять в Москве?[3] Что заставляет их так часто ездить в Москву. Я думаю, Олиньке не всегда приятны эти родственные посещения.— Очень рад я, что материя заслужила лестный отзыв, только мне кажется, она слишком груба для халатов, а я именно предполагал обивку турецкого дивана. Впрочем, здесь дело женского вкуса, и потому я умолкаю.— Косыночек мне на шею никаких не нужно, милая маменька, да и вообще никакого белья и платья. Я не скидаю черного шарфа и черного жилета, почти доверху застегивающегося (которого второй экземпляр сшил я себе здесь в Астрахани), и потому не надеваю своих голландских рубашек, которых здесь ни мыть, ни крахмалить не умеют. Поутру в мундире или вицмундире, потом в канаусовом или женевском пальто (т. е. не из Женевы, а от Женева). Словом, одеваюсь проще всех. Да оно как-то мне и прилично, так как я никуда решительно не выхожу, не езжу и гуляю только по своему балкону. Не нахожу времени: поутру часов семь занят, вплоть до обеда, после обеда есть множество занятий такого рода, которые могут быть исполнены только дома, требуя обсуждения и соображения.— Перебирая письма от обоих чисел, я вижу: а, вот они собираются еще ехать,— вот уж они поехали, только нет уведомления о приезде. И завтра, верно, получу я известие, что вот уж они приехали и так-то расположились.—

Очень, очень благодарен я Вере за присылку стихов Каролины Карловны. Мне давно хотелось стихов, и я, как будто нарочно, упоминаю об них в предыдущем письме моем и прошу их как рецепта. Прекрасны стихи эти[4]:

И я встречаю, с ним не споря,
Спокойно ныне бытие,
И горестней младого горя
Мне равнодушие мое!

Прекрасны и другие стихи[5], но я вовсе не разделяю веры, что «...юные надежды Исполнятся, хоть в образе другом». Нет, я так уверен, что судьба идет наперекор надеждам и мечтаниям, что давлю в себе каждую гордую надежду.

Оставь тревожные мечты,
Услышь совет благоразумный...[6]

«Хоть в образе другом»! Нет, это не совсем утешительно.— Итак, Константин снял с себя дагерротип в русском костюме [7]: истый москвич, с татарской фамилией и нормандского происхождения, в костюме XVII столетия, сшитом французским портным, изобретением западным XIX века, передал черты лица и святославской шеи медной доске для приятеля, светского молодого человека! Хотелось бы мне очень посмотреть. Только проделка с ветчиной[8] мне даже не смешна. Неужели прежние примеры не приносят ему никакой пользы? Я, право, серьезно этим огорчаюсь. Зачем прослывать чудаком, оригиналом? В прошедшее воскресенье получил я вместе с вашим письмом еще два письма: одно от Ивана Яковлевича, другое... от Лизаветы Александровны![9] Да, да, разумеется, с длинными похвалами и вам, и мне и с комиссиею. Вступилась за какого-то купца Кудряшева. Я ей буду отвечать тогда, когда исполню ее комиссию, если она удобоисполнима, только это прескучная комиссия. Надо потребовать подлинные дела, просмотреть их, и если этим купцом не были соблюдены должные сроки и другие формальности или же дело находится в рассмотрении судебного места, то я, разумеется, тут ничего не могу сделать, разве только поторопить решение дела, а на самое решение влияние иметь нельзя, да и не должно, и сам министр не может предписать коллегиальному месту решать так или инако. А, между тем, этого просители понять не могут. Всякий просит, чтоб решили в его пользу. Но, впрочем, если успею, постараюсь что-нибудь сделать для Лизаветы Александровны.

На нынешней неделе я оставался дома. Первые три дня писал отчет по комиссии народного продовольствия, написал, переписал и подал в четверг поутру. Четверг был праздник, 29 июня. Кстати, поздравляю милую маменьку с разговеньем. Так как в субботу 1-го июля тоже праздник[10], то я предпочел остаться пятницу дома и заняться, а не начинать нового места. Отчет я написал скоро и хорошо, как кажется. Да что за «как кажется!» Я сам знаю, что отчет этот, так скоро оконченный, при многосложности содержания и при величине объема, написан дельно и хорошо, имеет множество верных и тонких замечаний и будет иметь большие последствия для края. Вы очень хорошо понимаете, что в Астраханской губернии, где зимою так дорог хлеб и где нет собственного хлеба, часть народного продовольствия очень важна. Ни одна из мер, предпринятых Тимирязевым и комиссией, не достигала своей цели. Крупных хлебных торговцев немного, и по окончании сплава (т. е. привоза водою) они делают между собою стачку и продают хлеб по такой цене, по какой хотят. Неоткуда взять хлеба и покупают, делать нечего. Перовский просил обратить на эту часть особенное внимание. Разумеется, ни князь, ниже здешние власти, никто, словом, не имел понятия о народном продовольствии (между тем как жалобы на дороговизну общие), члены комиссии ни разу не собирались для совещаний, а канцелярия ее была в величайшем беспорядке. Следовательно, я вступил в ревизию комиссии безо всяких данных. И могу сказать, что ревизия не только открыла важные злоупотребления, но даже открыла новый значительный капитал, как денежный, так и хлебный, который совершенно был упущен из виду,—

в долгах, и будет теперь взыскан: я сообщил, следовательно, и сведения нужные, и замечания, привел в ясность настоящее количество денежной запасной суммы, следовательно, отчет этот один из наиболее замечательных. Мне было приятно за ним работать, без труда просидел я до 6-го часу утра за ним. Впрочем, князь, кажется, или не оценивает его, или не хочет мне говорить об нем, хотя делает разные распоряжения и все по отчету. Вероятно, он боится усилить во мне самолюбие, так как я и без того уже сравнен им со старшими чиновниками! Это смешно, неужели он думает, что я буду выказывать свое превосходство над Розановым, Павленко и другими? Я к вам пишу теперь откровенно и высказываю свое мнение вам только о своем труде, которому знаю цену; а что я сравнен со старшими, так это меня нисколько не удивляет, я об этом забыл, забыл и то, что мне нет 21 года. Но все-таки я дорожу мнением князя и как человека умного и даже как начальника, и мне неприятно, что я приготовил ему горшок с кашей, а им располагают совершенно без моего участия. Ну да бог с ним.— С понедельника начну я ревизовать штаб военного губернатора. Не знаю, долго ли займет меня эта ревизия; я, разумеется, буду по возможности избегать случая входить в рассмотрение дел военных, а обращу внимание на употребление денежных сумм, на дела гражданские, на движение дел и разные предположения на счет инородцев. Вот еще новое место, не бывшее прежде в виду! Ближе декабря нет никакой возможности выехать.— Вчера был праздник, 1-ое июля. Поутру у князя был прием, потом мы все отправились к обедне, в мундирах. Служил Смарагд, здешний архиерей, умный и ловкий человек, в этом чудесном соборе, где есть какое-то странное, католическое заведение: кафедра, совершенно так, как в католических церквах. Не знаю, позволяется ли это у нас и что этому причиной: не влияние ли иезуитов, бывших некогда здесь во множестве и обративших едва ли не половину армян в католическую веру? Вчера на эту кафедру взошел священник с необыкновенно строгим и выразительным лицом. Громко говорил он, но проповедь его, хоть и не дурна сама по себе, по-семинарски писана и не произвела эффекта. Говорят, будто предместник Смарагда, преосвященный Стефан[11], муж святой жизни, писал перед кончиной своей Синоду: «Я умираю от этого человека». Недобрый глаз ли, магнетическое влияние воли действовали на мягкую душу Стефана, не знаю,— но вот что писал он, как сказывал, кажется, сам архиерей Смарагд князю.— Знаете ли вы, что в Астрахани еще очень недавно, несколько лет тому назад были английские миссионеры? Это не были наши пьяные священники или расстриги вроде Иакинфа[12], беспечные и большею частию даже без нравственного, истинного образования. Последний из миссионеров был Гион, кажется[13]: человек обширной учености, старец кроткий, терпеливый, преданный своему призванию, строгих нравов, мудрый старец. Не мудрено, что речь такого человека, спокойная, проникнутая любовью и убеждением, действовала на здешних магометан и идолопоклонников. Теперь в Казани есть отличнейший профессор восточных языков (забыл фамилию, чуть ли не Катанибэк)[14]. Протестант, родом персиянин, обращенный Гионом, давшим ему вместе с духовным воспитанием европейское образование. — Тихо и скромно жи-

ли они здесь, русские очень мало заботились их пребыванием, многие и вовсе не знали этого, но духовенству стало обидно, наконец и их вытеснили. Они, миссионеры, удалились на Кавказ, но правительство вытеснило их и оттуда, и Гион был отозван в Лондон. Разумеется, нам нельзя было этого терпеть, но надо подивиться этой обширной и деятельной политике англичан, потому что английское правительство имело здесь, вероятно, и политическую цель: обнять своим влиянием Азию с обеих концов. Замечательно, что обращаемые нашими священниками калмыки нисколько от того лучше не становятся и частехонько после крещения убегают в свои улусы и снова в кибитках поклоняются своим бурханам [15]. Недавно двое калмычат-певчих в здешнем соборе, знающих наизусть все тропари [16] и песнопения, предпочли степи соборному клиросу [17] и бежали! — Обширное поприще для деятельности Астраханская губерния. Много работы здесь умному губернатору, не Тимирязева надо сюда. Здесь есть много таких особенных учреждений, которые редки в других местах. Здесь и карантин, здесь и таможня, здесь и рыбное управление, здесь калмыки, каракалпаки, киргизы, татары, здесь армяне, пользующиеся особыми правами. Здесь важны и торговля наша с Азиею, и политические сношения с Персиею, и желание народов Средней Азии, трухмен, или туркмен, например, подчиниться России. Предстоит еще заселение губернии, извлечение возможных выгод из бесплодных степей; много, много можно здесь еще сделать. В продолжение 10 лет Иван Семенович ничего почти не сделал, и ревизия наша нагрянула на сонную Астрахань, пробудила все эти вопросы и, конечно, не может сама разрешить их все, но, по крайней мере, укажет на настоящий смысл этого края, на его нужды и потребности. Если б мы были избавлены от обязанности ревизовать все присутственные места, если б все были проникнуты тем же взглядом на ревизию, как князь и я, то можно бы еще более успеть. Мне гораздо было бы интереснее заниматься какою нибудь отдельною частию нужд и выгод края, нежели ревизовать дела и книги судов и палат. Но так как для этой последней ревизии необходимы также знание законов и опытность, то поневоле должен быть я употреблен на эту работу. Повторяю, эта ревизия принесет мне много пользы, и именно — то, что ревизором князь Павел Павлович. Это первый государственный человек, которого мне пришлось видеть, не пошлый человек, а деятельным умом беспрестанно отыскивающий новые стороны в предмете. Часто то, что уже несколько лет идет по битой тропе, на что все глядели с одной точки, от одного, так сказать, прикосновения князя получает совершенно новый вид, и всякий удивляется, как это ему не пришло прежде в голову! Я теперь несколько сердит на князя, многое мне в нем не нравится, много мешает ему его светская природа, много в нем слабостей (которых едва ли не больше было у князя Дмитрия Владимировича), но все-таки я его очень люблю и уважаю и в душе глубоко ему благодарен; я теперь учусь, формируюсь в его школе. Само собою разумеется, в каком это отношении, и Вы, милый отесинька, успокойте на этот счет и маменьку, и Веру, которой, не знаю почему, не нравится, что я *именно поехал на эту ревизию!* Что прикажете делать! Не нравится, да и полно. «Все так, а мне луна милей»[18].

Вчера был необыкновенно сильный дождь и гроза, а нынче снова ясный день, ярко-голубое небо, не московское, и легкие серебряные облака. Такую бы погодку нам в Москву! Я пишу на балконе. Теперь еще не так жарко, но в полдень будет чувствительно. Несправедливо сказал Гете:

Но солнце повсюду все белое гонит [19],

напротив, теперь царство белого цвета. Все мои товарищи наделали фуражек из белого канауса, солдаты ходят в набеленных фуражках новейшего учреждения, в белых кителях, женщины в белых платьях. В Астрахани, сверх того, все женщины решительно, без разбора, белятся грубейшим образом. Я это видел вчера в соборе:

Все чиновничие жены
Разодеты, набелены! [20]

Действительно, дворянства астраханского нет, а все почти чиновничество. А, думал я, смотря вчера на толстую m-me К<озаченко>, как разубралась сальянская опека; видно, много бракованных бочек икры и клею; а вон там стоит довольно скромно соляное правление и усердно молится; ну уж ты, рыбная экспедиция, воля твоя, слишком много навязала лент, верно, цвета флагов всех здешних рыбопромышленников. А вот эта важная купчиха не иная кто, как градская дума! И казалось мне в каком-то фантастическом видении, что серьги и ожерелья, и ленты, и браслеты превращались в бочки с икрою, в тюленьи шкуры, в мешки с солью, в кули с мукою и что вместо белил накладена казенная известка! — Морщится Вера Сергеевна, морщится, вижу я это. — Грустно вздохнул я: жаль мне стало казенных выгод!

Фортуна продолжает нам благоприятствовать: комаров очень мало, зато всякой дрянной мошки много. Впрочем, третьяго дня, когда я занимался ввечеру и сидел за столом с зажженной свечою, стало летать вокруг меня насекомое необыкновенной величины, ярко-коричневого цвета, похожее на комара. Но недолго питало оно коварные замыслы. Улучив минуту, я так прихлопнул его аббатом Ламенне[21] (Lamennais), что разрушил все покушения его на кровь человеческую. Философию аббата Ламенне взял я еще во время оно у князя, но не нашел времени читать ее, спокойно лежала она у меня на столе, и аббат, верно, не предполагал никогда оказать мне такую услугу.

На днях написал я послание[22] к кому-нибудь из моих товарищей, разумеется, из нас четверых, т. е. Оболенского, Бюлера и Блока. Написал я его собственно для того, чтоб доставить себе давно забытое удовольствие слагания стиха. К тому же, если б шутка не расцвечивала несколько нашу скучную астраханскую действительность, то было бы еще скучнее. Впрочем, что ж эти стихи! Сколько толпится в голове у меня мыслей, которые просятся в стихи, жаждут облечься роскошной, соответственной формой, но мало таланта дал мне бог, коротки силы, так что иногда досадно становится. «Эх, братец Аполлон, сплоховал ты», — говорю я, бросая перо. Что скупиться?

Однако прощайте, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки и обнимаю вас. Дай бог, чтоб вы были здоровы и радостны, чтоб Олинькино здоровье укреплялось все более и более. Письмо это, вероятно, прокатится из Парка в Ольгино. Пусть извинит меня милая именинница[23], что я сегодня не пишу к ней. Буду к ней писать особо непременно во вторник. Целую и обнимаю ее много раз. Прощайте, обнимаю крепко всех братьев и сестер. До следующей почты. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение и всем знакомым мой поклон. А что Погодин?[24] —

Ваш *Ив. Аксаков.*

Вот вам стихи:

ПОСЛАНИЕ К ***

(с препровождением дела).

1

Без опрометчивой отваги
И без заносчивой мечты,
По долгу службы и присяги,
Прочти с терпением бумаги
И дела толстого листы!

* *

Пусть грудь чиновническим рвеньем
В тебе забьется, и тогда
Вступи с сноровкой и уменьем
В начало долгого труда.

* *

Да, мнится мне: уж овладела
Рука свинцовым крандашом,
И как хирург вскрывает тело
Анатомическим ножом, —
Так хитрописанное дело
Ты в смысле выставишь прямом!

* *

И за работою своею
Забыв приманчивую лень, —
Ты тихо молвишь: «Одолею [1*],
Из мрака выведу я день!»

* *

Ты всем запутанностям хода
Итог подробный подведи,
Из новоизданного «Свода»
Статьи приличные найди!

[1*] Пародия на стихи Пушкина: И оба мыслят: одолеем,
Врага паденье решено.
Из «Полтавы».

2

Когда же ты, без самохвальства,
Но скромно труд представишь свой,
То ведай: высшее начальство,
Хоть не доставит генеральства,
Но наградит за подвиг твой!

* * *

Трудись, младой Герой-чиновник,
Не пожалей, смотри себя,
И государственный сановник [2*]
Представит к ордену тебя!

И. Аксаков.

29 июня
1844 г<ода>. Астрахань.

39

Астрахань. 8-го июля 1844 г<ода>. Суббота.

После продолжительного купанья, напившись чаю на балконе, сажусь я писать к вам, милая моя маменька и милый мой отесинька. С наслаждением ожидаю я всегда субботнего вечера, с наслаждением думаю о том, что сяду писать письма. Но позвольте, надо же вам объяснить, что́ значат слова: «прохладительное купанье». Вот видите, Астрахань такой нелепый город, что тем, чего в ней много, с трудом можно пользоваться. Так например, воды вволю: и Волга, и Кутум, и Варвациевский канал, а мы едва-едва нашли средство купаться. В городе на открытом месте купаться нельзя. За город ехать далеко и некогда. Наконец устроили на Волге казачью купальню, и Бриген предложил пользоваться ею в назначенный час, т. е. от 3 до 4-х. Так как купальня эта от нас далеко, а идти пешком в эту пору слишком жарко, то я и не пользуюсь этим предложением, хотя Оболенский и прочие ходят. Впрочем, намерен завтра побывать там. Нынче же подле нас на Кутуме устроили другую купальню, сапожниковскую[1]. Хотя эта купальня самого малого размера, с деревянным ящиком, но так как она близка от дому, то я и воспользовался нынче ею после обеда. Но купанье мало помогает при этих жарах, когда поутру, часу в 9-м на севере 24 градуса и больше. Вот и теперь уже смерклось, и я поневоле должен писать в комнате, а растворить окон и балкона нельзя, потому что разная диковинная мушкара сейчас налетит, завидев огонь свечи; зато уже как душно! Здесь во избежание посещения этих незваных гостей устраивают *тастарки*, т. е. вставляют рамы, обитые рединкой или серпянкой, и окна остаются целый день отворенными, пропуская свободно воздух в комнату сквозь рединку. Мы только теперь догадались устроить это, но до сих пор еще уладили только с одним окном.— На нынешней неделе вы меня поба-

---

[2*] Т. е. князь.

N. B. Послание просто к Бюлеру как наитщеславнейшему человеку.

ловали: я получил два толстых письма, в воскресенье и в середу, на которые отвечаю по порядку.

Я очень рад, что путешествие или, лучше сказать, переезд маменьки и сестер в деревню совершился благополучно, но ведь эти поездки будут часто повторяться, и если дожди у вас не перестанут, так дорога эта будет слишком неудобна и беспокойна; уж не лучше ли возвращаться из Парка в Москву и по Троицкому шоссе ехать в Аксаково, Ольгино или Абрамцево, нежели прямо из Парка. Итак, деревня наша угодила на все вкусы[2]. Слава богу! Наконец-то Гриша достиг своей цели, купил-таки деревню, переборол судьбу. Как должен он радоваться радости общей и радоваться по праву, потому что его постоянными стараниями и хлопотами и сделана эта покупка и построен или перестроен дом. Разумеется, все вполне отдают ему за это справедливость[3]; а ведь надо признаться, едва ли Костя и я стали бы действовать с таким самопожертвованием. Когда я читал письма сестер, в которых изображается их удовольствие, то мне хотелось протянуть из Астрахани и крепко пожать ему руку.— Вы пишете, милый отесинька, что у нас в Оренбургской губернии <нрзб> делает много вреда и можно ожидать недостатка в хлебе. Не знаю, как в соседственных губерниях: этого что-то не слыхать, и привоз сюда в нынешнем году хлеба обилен, и хлеб продается дешево. Этот неурожай для многих помещиков очень выгоден, и в Москву их, вероятно, наедет много нынешнюю зиму. Скажите, пожалуйста, что у нас магазин хлебный запасной[4] существует в деревне? Мера эта, т. е. заведение хлебных магазинов под наблюдением правительства, конечно, излишняя у хороших помещиков, но мне кажется, она полезна и даже необходима в имениях помещиков плохих, расточительных и мало заботящихся о крестьянах. Если магазин будет содержаться в исправности, то в случае неурожая крестьяне будут иметь достаточное количество хлеба на засев и прокормление. Хлеб этот, разумеется, не должен расходоваться произвольно и мог бы служить действительным пособием, но, кажется, у нас так мало доверия к мерам правительства, что все сумеют не понять, переиначить, превратить в комедию! Сделает правительство умное распоряжение, никто не хочет верить, что это для собственной нашей пользы, а смотрят уже на это как на бумажное приказание, подлежащее очистке, а не действительному исполнению. Разумеется, здесь опять правительство виновато. С последней почтой князь получил официальное письмо от Черткова, шталмейстера[5], в котором, сообщая ему мысль (конечно, не свою, а чужую), просит его мнения. Мысль эта состоит в том: учредить компанию для снабжения малохлебных губерний хлебом богатых губерний по всей России. Центр, кажется, назначается в Москве, а другие пункты в разных других городах. Таким образом, посредством этого огромного рычага хлеб имел бы всегда обеспеченный сбыт, и цены уравнились бы всюду. Предприятие исполинское, дерзкое и едва ли удобоисполнимое: во 1-х) по необъятности России Страшно подумать о поворотах этого колеса, какой круг должно оно описать! во 2-х) по плохому еще состоянию наших путей сообщения, нашего судоходства. Разумеется, в Англии на это не посмотрели бы, прибавили бы миллионов 100, очистили бы и расширили бы фарватеры рек, завели бы

пароходы, а у нас до сих пор не могут употребить несколько миллионов, чтоб очистить фарватер Волги, в особенности здесь, в главном устье ее. Корпус машины сделан давно уже, и все дожидаются самой машины. Придет машина, корпус сгниет. Начнут делать приготовления, машина заржавеет. У нас все так, непростительное безучастие к общим выгодам. Право, мне досадно, что у нас, в особенности в Москве, в известном кругу толкуют, рассуждают и горячатся о каком-нибудь балахоне[6], оставаясь совершенно равнодушными к торговым и промышленным выгодам, мало того, оставаясь в совершенном невежестве в этих отношениях. Я не спорю, что и балахон имеет свое значение, но я не мог бы оставаться в таком безучастном бездействии и довольствоваться убеждением, что балахон когда-нибудь победит пальто, что будет очень не скоро; наслаждаться тем, что вот две, три дамы говорят: «Действительно, какая прелесть балахон! *C'est charmant!!!*» * Это непростительно, это дурно, по моему мнению, и я никогда не оставлю службы. По крайней мере, служа по министерству внутренних дел, сделавшись губернатором хоть здесь в Астрахани, я оградил бы крепкими валами город от наводнения, углубил бы дно Волги, очистил бы ее фарватер, завел бы пароходство, участил бы торговые отношения с Персиею, облегчил бы положение крестьян, а кто будет пользоваться этим со временем: бритые ли подбородки или рыжие бороды, шляпы или мурмолки, все равно. Дело об общей пользе, о государстве. Пока совершится огромный предполагаемый переворот, от которого я не прочь, только не в том уже виде, как понимают его, пройдут года. Надо вспомнить, что народ в своем образовании делает эти шаги такого размера, что от одной ноги до другой лет 100. Нашей жизни на это не хватит, но хватило бы ее, чтоб совершить хоть частные, но великие пользы. Равнодушие и лень, лень и равнодушие, вот главные черты образованного класса, но они не должны иметь места в душе не пошлой. Равнодушия-то у на ших москвичей нет, а бесплодный жар или жар, дающий такой медленный плод, которым бы я не удовлетворился. Я совсем с ними согласен, но вместо того, чтобы плакать с народом, от которого я уже отделен сознанием, я хоть бы постепенно, хоть косвенно, но действительно, а не словами, трудился бы на его пользу[7]. Вместо того, чтоб жечь волосы об огонь церков ных свеч и стукаться головой о паникадилы, прикладываясь ко всем возможным образам, я, мужчина, не терял бы времени, и если уже так соболезную я народным бедствиям, то объездил бы нашу Россию, узнал бы действительные народа нужды и потребности.

Многие рассердятся на меня. Вы, милый мой отесинька, верно, согласитесь хоть отчасти, побранив меня за некоторую резкость выражений. Но, право, это одна моя слабая струна, которая заставляет меня расшевеливаться до такой степени, что и теперь у меня рука дрожит. Милая маменька, верно, разделяет мои мысли[8], ибо всегда желала видеть нас полезными людьми, полезными на службе. Гриша не только разделяет, но и со мною вместе будет подвизаться. Но мне больно, что Константин не только не согласится, но не захочет даже вникнуть в мои слова, обратить

---

* Очаровательно!!! (*фр.*).

на них внимания, а что всего больнее: рассердится даже. Пусть он действует хоть на поприще науки, окончит диссертацию, займет кафедру и изучит Россию не по одной Москве[9], ибо помышляющий о благосостоянии ее должен узнать все протоки, по которым оно должно пролиться. Но увы! глух останется Константин к моим воззваниям, а грешно будет ему не принести государству дани, соразмерной с его обильными талантами, т. е. употребив волю вместо серпа, не собрать богатой жатвы с поля или головы, гнущейся под тяжестью колосьев или талантов! Я совсем не хочу польстить этим сравнением à la Marlinsky*, сравнением не совсем верным, ибо поле не гнется, а земля разве может осесть от тяжести? Но господи боже мой, Николай чудотворец, угодник божий! Сумел же человек оградить себя такою непроницаемою сетью. С позволения Кости и в заключение сделаю еще сравнение. Костя точно паук, наткал около себя хитросплетенную паутину и целый день цепляется по ней, так что не может идти по простому и прямому пути, а должен делать разные сложные повороты и уступы. И мало того, он беспрестанно проводит новые нити, еще сплетеннее делает сеть; только я боюсь, чтоб он, наконец, в ней не запутался. Но я забыл про Черткова. Продолжаю: в 3-х) кроме необъятности России и дурного состояния путей сообщения, есть еще другое препятствие: недостаточность денежных капиталов. Компания на акциях подобного рода должна иметь большое обеспечение, в противном случае она лопнет, да и кто из русских отважится пожертвовать значительным денежным капиталом при сомнительном успехе предприятия? в 4-х) недостаточность людей. Хорошо, очень хорошо пойдет, коли во главе предприятия будет Чертков! А поставь другого: будет мошенничать и воровать! — Князь отклонился от настоящего ответа, написал, что Астраханская губерния не хлебная и что он не может дать мнения, не зная основных предположений Черткова о компании во всем их объеме.

Письма ваши от 27 июня, полученные мною в середу, сильно порадовали меня известием о предложении, Грише сделанном[10]. Хорошо бы ему занять место товарища в Москве; служба в губернии не будет для него совсем удобна. Впрочем, об этом я буду писать ему особо с будущею почтой. Не могу продолжать. Теперь самое знойное время, полдень. Пот течет с меня градом, — в тени будет градусов 26! 26 градусов! И это при сильном ветре, что же было бы без него? Мне бы очень хотелось поговорить с вами еще, но откладываю до следующей почты непременно, тогда засяду вечером или ночью, а поутру слишком утомительно. Итак, продолжение впредь. Считайте это письмо неконченным, конец напишется во вторник. Прощайте, целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька. Крепко обнимаю вас, милую мою Олю (перед которой я в долгу), Веру, Гришу, Костю и всех сестер. Будьте все здоровы. Прощайте. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

P. S. Я забыл вам сказать, что я кончил штаб и уже начал строительную комиссию, которую кончу на этой неделе.

---

* В духе Марлинского[11] (*фр.*).

Почта пришла и не привезла мне писем. Сделайте одолжение, не пишите во вторник, а пишите уже в субботу, чтоб в воскресенье, досужный день, мог я жуировать вашими письмами.

(Продолжение впредь).

40

Астрахань. 15 июля 1844 г<ода>. Суббота.

Вот уже полторы недели, как я не имею от вас никаких известий, милая моя маменька и милый мой отесинька, т. е. ни в прошедшее воскресенье, ни в середу не было мне писем. Последние письма от 27-го июня, следовательно, вы пропустили еще две почты, т. е. от 1-го и 4-го июля. Что бы это значило? Если я и завтра не получу писем, то приду в совершенное беспокойство. Не знаю, что думать. Конечно, тут могут быть самые простые причины: суббота показалась пятницей, или человек не поспел на почту, или же отправка писем поручена была Вере, которая и пропустила время. Дай бог, чтоб так. На этой неделе был я крепко занят, так что и не мог исполнить обещания писать в середу. Да и как-то мысли располагаются все к субботнему вечеру.— Вспоминая свое последнее письмо, я раскаиваюсь, что написал его, и боюсь, что вам не понравится резкость некоторых выражений. Вот видите, и я могу даже горячиться, да и на бумаге! Нынче или, лучше сказать, вчера ночью, занимаясь дома, кончил я строительную комиссию и очень доволен результатом замечаний. Итак, я обревизовал все почти места, где председателем был военный губернатор, именно экспедицию, комиссию народного продовольствия, строительную комиссию да канцелярию его. Строительная комиссия была для меня затруднительна по совершенной специальности этой части. Надо было не только знакомиться с уставом, но еще вникнуть в него так, чтоб понимать лучше ревизируемых. Я ее кончил в 8 дней. Отчет, по изготовлении, пошлется к Клейнмихелю[1], как он просил, и тут я боюсь, чтобы не сделать каких-нибудь промахов, которые могут быть там лучше поняты, нежели здесь. У меня вообще работа идет быстро и успешно. Надоело только то, что беспрестанно должен знакомиться с совершенно противоположными частями, так что легко можно бы спутаться. Что меня подстрекает еще более, так это завиденный мною конец делу! Да, серьезно. Недели две тому назад князь в общем разговоре положил начать палату казенную со 2-ой половины июля общими силами так, чтоб к 15 числу все были бы готовы. Я сказал, что буду готов и сдержал слово, а Розанов и Павленко медлят очень, особенно же первый, который просто выводит из терпения своею копотливостью, а князь понуждает деликатиться, чтоб не испортить дела. Итак, я с будущего вторника (понедельник я посвящу на приуготовительные занятия) начинаю казенную палату. На вопрос мой, какое мне взять отделение, князь отвечал: «труднейшее». Следовательно, я теперь примусь за ревизское отделение с рекрутским присутствием. Опять часть мне вовсе незнакомая, но я очень рад с нею познакомиться коротко, потому что это мне будет нужно и полезно и в жизни, и в службе. Если те господа

умеют окончить свои работы, то и они приступят к казенной палате, возьмут также по отделению. Хотелось бы мне окончить свою порцию к 1 августа и потом приступить к венцу всех трудов, к губернскому правлению. Не знаю только, позволит ли князь начинать мне одному губернское правление, которое также мы разделим себе по отделениям. Тогда свою долю окончил бы я к 20 числу и занялся бы отчетами, которые потребуют недель пять непременно. Тяжело будет тогда это время Строеву: надо будет сводить концы для составления общего отчета, давать по каждому месту соответственные предложения, повершить все предположения и проекты... Словом, *при самой усидчивой и пристальной работе* можно будет ехать в Москву или в самых последних числах октября, или в начале ноября. Но тяжело это условие — не для меня: я так преисполнен этою мыслью, что, несмотря ни на жары, ни на чудесные вечера и прелестнейшие ночи, занимаюсь и усидчиво, и пристально. А в самом деле, жар невыносимый. Князь дает направление ревизии, разрешает нас в сомнительных случаях, но не несет всей тяжести работы нашей, тяжести и физической и моральной. Строев также от жаров весь расклеился, да и хотя у него много работы, но более приятной, так сказать, более письменной: переписка с министрами, предложения и проекты на основании матерьялов, добываемых нашими потовыми трудами. Так что собственно вся тяжесть ревизии, особенно теперь, лежит на нас троих (Розанове, Павленко и мне), и нам никак нельзя останавливаться, а надо вывозить ревизию. Поэтому я никак не могу решиться на передышку. Часто, работая, я ношу в себе заднюю мысль о том времени, когда я окончу эту работу и стану отдыхать на досуге. Уж, конечно, я тогда не возьмусь ни за «Свод законов», ни за дела. Мне и теперь опротивел вид обертки, на которой написано: «Дело о том-то». С каким наслаждением стал бы я отдыхать летом в деревне! — Скучно мне повторять вам, как здесь жарко, как надоело это безоблачное, яркоголубое небо, на которое с трудом можно глядеть, как несносна эта непрерывная, теплая, удушливая моряна, взвевающая мелкую песчаную пыль. Но к вечеру становится совершенно тихо, и при теплоте и месячном сиянье ночи эти невыразимо хороши. Впрочем, перед восходом солнца чувствуется некоторая прохлада. Но для людей слабых здоровьем климат этот знойностью, солончаковыми испарениями и ветрами чрезвычайно вреден. В комнате и днем и ночью вы облиты потом, как водою. Начнете заниматься, поморщите лоб,— с бровей падают капли! На воздухе — разумеется, ночью, не обольешся потом, если сидишь без сюртука, галстуха и даже без халата, и эта разница температур заставляет $^2/_3$ жителей спать на воздухе, на балконе под пологами, на дворе под навесами, что причиною многих простуд и лихорадок. К тому же жар вредно действует на желудок. Слава богу, кумыс предохраняет меня от этого опасного влияния.— Вишни, которые продавались наконец по три и по пяти копеек меди — русские и от 20 до 30 коп<еек> шпанские,— прошли. Место их заняли абрикосы, которые здесь называются персидскими сливами! Невежество! Копеек по 8 за 10-ок. Они мельче и не так вкусны и ароматичны, как те, которые мы едим в Москве, платя рубля два за 10-ок. На днях ели мы арбуз, но им еще не совсем время, а теперь пойдут сливы, персики,

яблоки, груши и дули, и, наконец, уже виноград. Но все это произрастает с трудом по недостатку дождей, однако на чистом воздухе произрастает во множестве.— Здесь нет других садов, кроме фруктовых, нет других окрестностей, кроме песчаных степей, так что выехать некуда. Ни дуб, ни береза, ни клен, ни липа, ни даже сосна не могут произрастать здесь.— Благословеннее климат южных стран, соединяющих преимущества и северной и восточной природы. — Комаров в Астрахани теперь мало, но зато миллионы стрекоз, которых крылья, блестя на солнце, производят необыкновенный эффект. Я никогда не видал, чтоб они так высоко летали. С последней почтой получил я «Москвитянина». Ну что это за дрянь! Совестно, что он носит название «Москвитянина», позоря этим имя. Откуда этот сброд Тиунских и тому подобных![2] Что за топорные переводы романсов Лихонина?[3] Тут еще есть антикритика [4], которой нельзя было дать места. Антикритика, оправдывающая Дмитриева послание к певцу сладких мест Египта! И этот господин Лихонин вздумал еще защищать Москву; туда же лезет, услужливый дурак! Пусть себе Дмитриев вырабатывает стихи, пусть себе Лихонин ударяется в мистицизм, пусть они взаимно цалуются и обнимаются, но как позорить свой журнал их глупейшими произведениями. Никогда, ни за что на свете не напечатаю я в «Москвитянине» ничего. С этой же почтой привезли Бюлеру «Отеч<ественные> записки», в которых есть, по крайней мере, смысл, жизнь и направление. Статья о Павском подписана на обертке Н. Н., должно быть, Надеждина[5]. По крайней мере, хоть биографию Вильменя, хоть статью о Байкале обещаю я себе прочесть [6] с удовольствием, а читать в «Москитянине» в 77 раз «Суворовского ратника», где через строчку встречаете вы слова: «Чудо-богатыри!», читать сухие, мелочные и скучные рассуждения об осаде Троицкой лавры[7] — едва ли есть возможность. Да, я и забыл о стихах Языкова. Хороши и легки по обыкновению, но больше ничего. Не знаю только, по какому поводу был налит этот стакан стихов[8].—

Сейчас принесли мне ваши письма, милый отесинька и милая маменька, из которых я узнал причину, почему не получал писем. Особенно отрадного вы мне ничего не сообщаете. Опять до будущего воскресенья. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Много у меня есть теперь матерьялов для писания, но на этом листе не упишется, а начинать новый лист совершенно некогда. Теперь полдень воскресенья, жарко, и к нам беспрестанно приходят то Бюлер, то Блок, то Строев. А буду писать к вам в следующий раз о посещении князя ханом Джамгиром и о прочих разностях. Мы так хорошо ревизуем, что нам из Петербурга беспрестанно присылают новые поручения, что очень затрудняет и может затянуть ревизию. Вот и нынче пришло высочайшее повеление обревизовать военный штаб и в особенности дела по отправлению на Кавказ снарядов. Я хотя и ревизовал штаб, но собственно по части гражданской, не входя в сущность распоряжений военных, согласно приказанию князя. А теперь ревизуй и военную часть! Не знаю, не возьмет ли уж этот труд Строев на себя. Прощайте, цалую ваши ручки и обнимаю всех сестер и братьев. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш *Ив. Акс.*

41

1844 г<ода>. Астрахань. Июля 22. Суббота.

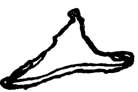
Нынче почта пришла необыкновенно скоро, в 8 день, и я сию минуту получил от вас письма, милая моя маменька и милый отесинька, с приложениями: письмами Веры к вам и письмом Надиньки. С большим удовольствием прочел я описание праздника, данного вами крестьянам 11 июля [1]. Эти праздники непременно должны сближать крестьян с помещиками. Любопытно было бы мне знать: какое впечатление на крестьян произвел костюм Кости? Я думаю, что он тщетно старался уверить их, что это костюм когда-то русский; впрочем, борода убедительна. Вы пишете, что Костя не поехал в Москву для прощанья с Самариным... Жаль, говорю я, приподымая брови à la Krotkoff* и пожимая плечьми. А действительно жаль.— Когда Наполеон отпускал Бернадотта [3] в Швецию, то, заметив в нем некоторое противническое расположение, сказал ему: «Поезжайте же. Да исполнятся судьбы наши».— С тех пор они не видались.— Впрочем, если Самарин вступит в службу по министерству иностранных дел, то, разумеется, он пойдет далеко и будет отличнейшим дипломатом, и прекрасно. Я бы сам сделал то же на его месте, т. е. избрал бы эту карьеру.— Июль в исходе. Слава богу: август, сентябрь и октябрь — только три месяца осталось нам жить в этой несносной Астрахани.— Я полагаю, что не более 3-х месяцев, хотя работы идут довольно медленно. Я думал начать казенную палату, но пришло высочайшее повеление обревизовать дела штаба в военном отношении, также по перевозке артиллерийских снарядов в Дербент и т. п. У Тимирязева штаб занимался и гражданскими делами, которые я уже обревизовал недели три тому назад. (Между прочим, я нашел там, что через штаб выписывали корсет для m-me Тимирязев à la Josselin** с приложением мерки длины и широты талии! И все это в форме дела, скреплено и перенумеровано!) По этой части я окончил штаб в три дни. Теперь же, когда пришло повеление, надо обревизовать штаб так, чтоб непременно найти беспорядки!!! Хотели приступить к ревизии на этой неделе, да как-то Строев не собрался, а меня для аудиториатского отделения [4] удержали дома. Я не стал терять времени и написал, переписал и подал очень большой и, как кажется, очень дельный отчет по строительной комиссии. И, наконец, выпросил, чтоб мне позволили приступить к штабу, не дожидаясь Строева, который хочет взять на себя некоторую часть. С завтрашнего дни отправлюсь я туда, и так как я работаю очень скоро, то надеюсь, что он меня долго не задержит, и тогда я приступлю к казенной палате. Мне ужасно досадно на всех наших: мы (только не я) изнежились в Астрахани, как карфагенцы в Капуе[5]. Внешний жар вытеснил внутренний, кто гуляет целый вечер по каналу, кто ездит верхом, кто в плену у здешних красавиц! Нет ни прежнего участия, ни настойчивости, все распустились. Мне досадно, что магический круг неприступности и строгости разбился, свободно переступают его астраханцы и,

* Как Кротков [2] (*фр.*).
** Как у Жослен (*фр.*).

подходя ближе, видят, что мы точно такие же люди, как и все русские, т. е. тяготимся трудом и службою, не выдержали характера, стали ленивы и беспечны, и все нам трын-трава! Тщетно я негодую и взываю к бездействующим, тщетно собственным примером доказываю, что можно выдержать характер, можно работать и в жар и сохранять то же участие. И, право, я решительно один остался верен ревизии, работаю все-таки больше всех [6], не завел ни одного знакомства, не гуляю, не жуирую. Не на дачу мы приехали, а в город на ревизию, и поэтому надо показывать им пример деятельности и старания, так как мы сами строго взыскиваем за бездействие и медленность. На месте князя я приказал бы строго всем чиновникам работать усерднее и на срок, но он извиняет их жаром. Мой приятель Оболенский здесь теперь, как сыр в масле, пользуется необыкновенною благосклонностью дам и производит необыкновенный эффект. А я, если выхожу из дома, так на полчаса в купальню и ввечеру и поутру на балкон — делать царственные наблюдения. Я выхожу поутру, когда ленивый город еще спит, и люблю смотреть на его постепенное пробуждение, у меня везде: mes amis du côté gauche, mes amis du côté droit и mes amis du centre*. Точно так и вечером. С высоты балкона я смотрю на них, как царь на своих подданных. Разумеется, иногда в дополнение интереса долетают ночью слова с улицы. Но часто впадаю я в глубокие размышления насчет жалкой, тщеславной человеческой натуры. Как развратило правительство натуру народа, прельстив его разным тщеславным дрязгом. Здесь, в Астрахани, за полторы тысячи верст от столицы вы найдете стремление к мишурной цивилизации в сильнейшей степени. Купец, несколько обогатившийся, бреет себе бороду и надевает немецкое платье, а купчих реже, чем в Москве, вы увидите в кичках[7], все разодеты по последней моде; все лезет в почетное гражданство и дворянство. Медаль, крест, кажется, сведут с ума каждого. Впрочем, и то сказать: Астрахань состоит из двух классов собственно: чиновников (а вы знаете, что это за племя) и купцов, которые заражены тщеславием в высшей степени и, не имея никакого уважения к чиновникам, не хотят стоять ниже их и по костюму, а при богатстве своем, при заемном лоске образованности и при всех удобствах европейской жизни, стоят гораздо выше и пользуются здесь большим весом. Вот у Сапожникова здесь контора, чудесно помещенная и составленная, лучше всякой канцелярии. Здесь также столоначальники белужьего стола, осетринного, стерляжьего и т. п. Бухгалтерские книги и счеты ведутся с привлекательною исправностью. Есть даже переводчик восточных языков (знающий по-татарски, калмыцки, армянски, грузински и, кажется, персидски). Жалованье огромное. С одной стороны, это меня радует: порядливость не есть русское свойство, и я рад, что наши купцы начинают понимать преимущество негоциантов иностранных в этом отношении. Слов, необходимых в правильной и обширной торговле: «бухгалтер», «контора», «процент» и т. п. нет в русском языке, надо признаться. Только раз в маленьком садике, на нашем дворе, у m-me Kotoff, жены писаря-переводчика, живущей совершенной барыней, было собрание. Были дамы, ра-

* Мои друзья слева, мои друзья справа и мои друзья в середине (*фр.*).

зодетые в пух (мещанки и купеческие дочери!), и любезные кавалеры; всех более производили эффект столоначальники белужьего и севрюжьего столов. Вы знаете, как я дорожу такими сценами, а потому и притаился на балконе со тщательным вниманием. Молодые люди, т. е. столоначальники, одеваются лучше меня в 20 раз. Все они в альмавивах или щеголеватейших сюртуках, все это сидит на них ловко и совсем не смешно. Но разговор, увы, разрушил очарование. Не так легко перенять разговор, как одежду. Эта изысканность и учтивость выражений с грубыми и совершенно не грациозными, это отсутствие всякого содержания изобличают явно недостаток образования. Одна красавица, купеческая дочь (следовательно, особа высокого полета), рассказывая что-то, должно быть, очень забавное кавалерам, говорила: «Как она меня пихнула!» Я так и свалился со стула.— Но при всем том надо признаться, что и это имеет свои выгоды; люди эти, имея некоторое чувство чести, не будут грубыми и наглыми торговцами, да и поменьше будет людей, употребляющих чисто русские любимые выражения на улице. А вообще скверный и испорченный город Астрахань, город обширный, красивый и богатый. Азиатские нравы и азиатское солнце имеют большое влияние на здешних русских жителей и даже на приходящих сюда мужиков из верховых губерний. Но об этом когда-нибудь после.

Хотя жар все так же силен, но я вымолил дождичка, это несколько освежило воздух. Я не ослабеваю, все сильнее молю небо о дожде и ожидаю, что нынче опять пойдет дождик. Дай-то бог! — В прошедшее воскресенье было у князя официальное свидание с ханом Джамгиром. Хан приехал в карете с адъютантом, правителем своей канцелярии, русским чиновником Матвеевым и братом своим султаном (так называются родственники хана). Хан был одет в казацкий казакин с генеральским шитьем на воротнике, с эполетами, на которых изображен полумесяц. Лента через плечо. (За эту ленту он готов был бы пожертвовать всем на свете). Я ожидал видеть отпечаток киргизской суровости, но увидал лицо чистое и белое, с голубыми глазами, несколько узкими и хитрыми. По всему видно, что он человек очень добрый и смирный. На голове у него была шапка остроконечная и опушенная соболем, точь в точь такая, какую мы видим на портретах царей. Вещь преглупая! 28 градусов в тени, а он надевает меховую шапку, которую не скидает даже в комнате! Шапка эта(русские цари прибавили поперек черточку и вышел крест) была пунцового бархата, вышитая золотом. Вы думаете, это все? Нет, успокойтесь, есть еще шапка, парадная, которую он в комнате держит в руках, а на дворе надевает на первую шапку. Этак лучше, голове теплее. Но та шапка премудреная с разрезами с обеих сторон, с какими-то загнутыми полями (как у итальянских бандитов), также вся пунцового бар-

хата, вышитая золотом. Хан говорит хорошо по-русски, но тихо, скромно. Он магометанин, но очень набожный и строгих нравов. На возвратном пути мы (т. е. Оболенский, я, Бюлер и Блок) заедем к нему на его ставку при Нарын-песках. Это возьмет у нас дня три, не больше, ибо лошади нам будут высланы вперед.

Однако прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, о Тюмене и молодом Церенджабе (претенденте на известную вам руку [8]) буду писать в следующем письме. Цалую ваши ручки и обнимаю крепко вас, милую мою Олю и всех сестер и братьев. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Надиньку очень благодарю за письмо. Прощайте. Будьте здоровы, берите все пример с меня.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Надо признаться, что ваши ответы не соответствуют величине моих писем.

42

Воскресенье. Астрахань. 1844 июля 30.

Вчера вечером пришла почта и привезла мне ваши письма, милый отесинька и милая маменька. Слава богу, что Олинька чувствует себя лучше; жаль, что я не могу послать к ней отсюда никаких фруктов, которые приносят ей пользу. Вы сообщаете мне про брак Глумилиной. Имя ее мужа заставило меня так расхохотаться [1], что все стекла задребезжали в моей комнате. С ее романтическими понятиями имя Ахиллеса должно ей очень нравиться! Вот вам и князь Церенджаб, вот вам и калмыцкая княгиня! Вероятно, в теперешний проезд г-жи Россоловской через Москву вы ее не увидите. Вряд ли она заедет в Парк. А г⟨осподи⟩н Россоловский рекомендовал ли себя родственникам письмами? [2] — А я обращаюсь теперь к событиям недели. В прошедшее воскресенье, перед обедом, часа в три, зовут меня посмотреть, что на ясном небе вдруг издали показалась какая-то темная туча, сопровождаемая странным шумом и сильным движением воздуха. Я выбежал посмотреть и в самом деле увидал черную тучу, застилавшую часть неба и отдаленные здания. Туча эта постепенно приближалась к нашему дому, и тогда мы увидали, что это саранча. Они носились в воздухе по ветру, то спускаясь то подымаясь, и обтянули собой горизонт всего города. Мы поймали одну саранчу: длиной она была с вершок, толщиной с полпальца. Такой большой саранчи давно не видали. Она почти ежегодно пролетает через калмыцкие степи, но редко удостоивает город своим посещением, а теперь, узнав, что сенатор там, прилетела показаться. Так наполняла она собою воздух сверху-донизу в продолжение трех часов. Криком, гамом, трескотнею старались предотвратить всякое покушение ее сесть на деревья. Но ветер подул к морю, и часам к 6-ти улетела она совсем.— Я очень рад, что видел это странное явление.— После обеда, взяв сапожниковский катер, с 10-ю калмыцкими гребцами отправился я со Строевым по Волге к месту, где стоял прежде Покровоболдинский монастырь, именно при соединении Волги с быстрою рекою Болдо́ю. Место прекрасное. По крайней мере, есть зелень, древние тополи, ива, развесис-

тая груша. Здесь обыкновенно гуляют азиатцы. Мы вышли на берег, и вскоре представился нам чудесный вид. На лугу постланы были длинные ковры, и человек с пятьдесят персиян, в богатых костюмах, сидели, поджавши ноги, ели и пили. Прислужники персияне же, даже был один араб, разносили им халву, щербет, рахат-лукум и т. п. вещи. Пестрота костюмов, новость зрелища произвели на меня необыкновенное впечатление. Когда мы проходили мимо них, то первостатейный здешний купец и богатейший капиталист Мир-Багиров, говорящий прекрасно по-русски, привстав, просил нас принять участие в их занятии, но мы учтиво отказались, пошли гулять дальше и, возвращаясь, нашли их живописными группами бродящими по лугу, лежащими на коврах, курящими кальян и т. п. Мир-Шаги-Мир-Багиров — брат известного здесь Мир-Абуталаб-Мир-Багирова, уехавшего теперь в Персию, пристрастие к которому вовлекло Тимирязева в разные неправильные действия. Они аристократы между персиянами и отличаются все необыкновенной красотой. Белый цвет кожи, черная богатая борода, большие глаза, живописный костюм, подпоясанный дорогою шалью, надетый сверху кафтан или халат с разрезанными рукавами — все это чрезвычайно эффектно. Разумеется, в них не видать силы и бодрости, а видна только восточная изнеженность. Багиров представил нам своих братьев, недавно приехавших из Персии и уже учащихся русской грамоте! Впрочем, они числятся астраханскими купцами, пишутся русскими подданными и величайшие плуты. Багиров опять предложил нам чаю, но мы попросили воды, и нам подали щербет. Это чудо что такое. Прохладительное питье, составленное из воды, сахару и какого-то особенного персидского уксуса. Потом я покурил немного из кальяна. Без привычки это довольно тяжело для груди: надо втягивать в себя сквозь воду дым и потом выпускать его длинной струей. Персияне вскоре потом, при нас же, разъехались. Странно было мне видеть магометанина, пользующегося европейским комфортом: Багиров с братьями сел в прекрасную коляску, запряженную четверной с форейтором! Прочие отправились частию на дрожках, частию верхом.— Воротившись домой вечером, отправился я вместе с нашими в театр, в ложу, где мое появление, как чрезвычайно редкое, произвело сильный эффект. Играли очень недурно «Казака Климовского», и я с удовольствием слушал давно знакомые звуки: «*Не хочу я никого, только тебя одного*» [3]. — С понедельника опять засел я за работу. На меня возложили всю ревизию штаба, от которой Строев уклонился, и я теперь просматриваю дела за 10 лет. Можете себе представить, как глупа, скучна и томительна эта работа. Впрочем, я сам вызвался на это, зная, что без меня работа эта протянулась бы на долгое время. Наконец князь воспрянул и гневно побуждал деятельность обленившихся наших чиновников. Я этому очень рад. Теперь у нас пошло несколько живее, а то эти господа (особенно Розанов и Павленко— двое старших), которым все равно, жить ли здесь или в Москве, вовсе не торопились. Я один, можно сказать, лез из кожи все это время. Жар, правда, расслабляет человека, но, по благосклонности к нам неба, погода теперь очень посвежела; но, к довершению бед, астраханские дамы сильно действуют на их восковые сердца. Как бы ужаснулась Вера, увидев полком-

наты занятою грудами дел! Но все-таки ближе половины ноября и думать нельзя об отъезде.

В понедельник у Бюлера, с дозволения князя, был маленький вечер. Были: Бутурлин, князья Тюмень и Матвеев, правитель русской канцелярии хана Джамгира, очень умный молодой человек, из Казанского университета. Я познакомился с князьями Тюмень. Собственно теперешний владелец Хошоутовского улуса полковник князь Сербеджаб Тюмень (или Тюменев, как переиначили их русские). Старик лет 70, бывший во французском походе, предался теперь совершенно в руки гелюнгов, или своего духовенства. Второй брат, Церен-Дондо, штабс-ротмистр [4], грубый калмык, состоит по особым поручениям при здешнем военном губернаторе. Третий брат, Церен-Норбо, причисленный к казачьему войску, правит, за старостью Сербеджаба, улусом; умнейшее и хитрейшее существо. Все они идолопоклонники. У Бюлера были Церен-Дондо и Церен-Норбо. Первый скоро уехал, но второй оставался долго, и я с ним хорошо познакомился. Он говорит по-русски не бегло и неправильно, но ловко, чинит суд и правду между своими подвластными и много читает. У него собрано все, что когда-либо писано о калмыках, и говорить с ним чрезвычайно интересно. Надо удивляться ловкости и уменью его обходиться в образованном обществе, обществе христианском; как сметливо избегает он всякого щекотливого разговора, как любезен и хитер в то же время. Имеет благородный вкус: курит сигары. Он чрезвычайно любим калмыками и, пользуясь своим влиянием, все больше и больше распространяет между ними оседлость. «Только не надо насилия»,— говорит он в ответ на вопрос о его мнении касательно проектов правительства. Но наследник улуса после Сербеджаба Церен-Дондо и сын его, юный Церенджаб, которому изменила г-жа Россоловская,— воспитывавшийся в казанской гимназии. Церен-Норбо был сейчас у нас с визитом и привозил молодого владельца Малодербетевского улуса, поручика князя Тундутова, который также заводит у себя хлебопашество. Церен-Норбо обещал мне бурхан, или калмыцкий образ, рисование которого он уже заказал гелюнгам, ибо теперь, хотя и есть готовые, но уже *освященные*, которых нам отдать нельзя. У Бюлера есть уже такой бурхан. Трудно, невозможно изобразить вам содержание бурхана. Оригинальность письма и изображений так и веет на вас Индией. (Впрочем, калмыцкое происхождение и религия из Тибета). Мне надо будет пожертвовать в пользу хурула, или калмыцкого храма, рублей 25. Непременно еду 30 августа к Тюменю на скачку.— Прощайте, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки. Дай бог, чтоб вы были здоровы так, как я. Милую мою Олиньку крепко обнимаю, равно как и всех сестер и братьев. Глубоко, душевно благодарен я Константину за письмо и вчера же принялся отвечать ему, но там, где дело идет о внутреннем созерцании, нельзя писать скоро и не обдумав; да и письмо его надо мне прочесть еще раза три, ибо оно принято мною очень серьезно.— Прощайте, мое почтение А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩. Кланяйтесь всем,

ваш *Ив. Аксаков.*

У меня будет еще маленькая складная кибитка да киргизская шапка.

43

5 августа 1844 г<ода>. Астрахань. Суббота.

С радостью встречаю я благодатную субботу, милая моя маменька и милый отесинька, с самодовольствием наслаждаюсь теперь часами отдыха. Я вправе так говорить: ни одна неделя не была так тяжела и утомительна для меня, как эта. Да, много поработал я на этой неделе. В понедельник еще весь пол комнаты был загроможден делами военного штаба за целые 10 лет, нынче же возвратил я их на ломовом извозчике. Не скажу, чтоб работа была трудна по существу своему, но дел было так много, их надо было все, если не рассмотреть, так перелистовать, и соображение мое было точно на перекладных. Я перебрасывал его, как чемодан с телеги на телегу, с дела на дело и, несмотря на разнородность предметов, должен был попадать в настоящую точку без долгих предварительных рассуждений. Но эта деятельность и бдительность соображения чрезвычайно утомительна, тем более что я буквально почти работал целый день без отдыха, не давая никакого досуга посторонним мыслям и ощущениям, отсылая их к тому времени, когда кончу работу. Но что, если б не предвиделось конца работе? А между тем при добросовестном исполнении служебных обязанностей мало остается времени для человека. В этом отношении служба вещь тяжелая. Чувствовать себя в принужденном состоянии, чувствовать, что нет душе досуга расшириться, раздвинуть силы, стеснительно для человека. Слава богу, что крепкое тело мое выносит всякую работу, но, право, обидно, что вместо того, чтоб похудеть, я только толстею и тем могу подать повод делать о себе ложные заключения. Впрочем, нет, даже в Астрахани репутация моя та же, как и всюду.— Но довольно об этом. Это высочайшее повеление насчет штаба много отняло у нас времени. С будущего понедельника сажусь за писание отчета по земскому суду для того, чтоб дать Строеву возможность окончательно обделать и внести в общий отчет все уездные места по губернии. Князь объявил решительно, что мы выезжаем в конце октября, но, несмотря на то, я никак не предполагаю возможности выехать раньше 10 или 15 ноября. Все это, разумеется, в таком только случае, если не задержат нас какие-нибудь новые поручения, что легко может случиться. Ревизия наша отличается силою и значением во мнении правительства. Почти все отношения князя к Чернышеву [1] были немедленно докладываемы государю и имели успех сверх ожиданий. Огромная операция перевозки хлеба на Кавказ, до 300 тысяч четвертей, много придала весу ревизии. Свистунов, генерал Бутурлин были присланы сюда по высочайшему повелению с обязанностью быть в полном распоряжении князя Гагарина и во всем испрашивать его разрешения. На Кавказе строится крепость [2]. Потребны матерьялы на огромную сумму, но упущениями Тимирязева сумма эта оказалась недостаточною, и князь остановил дальнейшее действие, усомнясь в доброкачественности матерьялов, о чем и написал в Петербург. Тогда по высочайшему повелению прислан сюда состоящий при в⟨еликом⟩ князе Михаиле Павловиче инженер-полковник Евреинов с тем, чтоб числиться на это время состоящим при князе Гагарине, ассигновано 140 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ с тем, чтоб были издер-

живаемы провиантским комитетом не иначе, как с разрешения князя. Так как мы не оставили ни одной части управления в покое, то в беспрестанной переписке со всеми министрами. Таким образом, мне становится знакомее круг управления, и я считаю это очень полезным для себя. В то же время это придает гораздо более занимательности ревизии, в которой дела судебные стоят, разумеется, ниже дел по управлению.—

Погода, которая с ильина дня [3] несколько переменилась, становится опять очень жаркою. Нынче (воскресенье) преображение [4]. Поздравляю вас с праздником: здесь освящают, кажется, не яблоки и груши, а виноград, который, однако же, еще зелен. Арбузы, дыни, груши, дули мне уже начинают надоедать. Жалко, что нельзя переслать вам этих фруктов в настоящем их виде и виноград свежий, только что сорванный. Как красивы кисти его, кисти такого размера и с таким количеством ягод, что вы и понятия об них иметь не можете. Персики еще не поспели, абрикосы прошли. И все это дешево до невероятности!— Здесь вошел в ходу сарафан. Астраханки поняли очень хорошо, что он гораздо легче и удобнее в жаркую погоду. Разумеется, какая-нибудь сальянская опека не наденет его, но купеческие дочери надевают его как модное платье. Действительно, вкус их заставляет оставить волосам французскую прическу à la Berthe, à la Reine Blanche*, ибо безобразнее прически русских девок нет ничего, и я бы возопил, если б Константин захотел и на женщин распространить древние русские обычаи.— Разумеется, что и сарафан носится не так, как носят его крестьянки, а со всею приятностью французского женского платья.

Почта пришла и привезла мне только два письмеца от Гриши и маменьки от 29 июля. Отесинька уехал в деревню и нынче, т. е. 6-го августа должен воротиться... Вообще же изо всех писем ваших должен я сделать заключение, что у меня больше всех способности писать длинные и полные письма... Не понимаю, для чего Самарин хочет служить у Панина[6]. Служить ему надо или во 2-м отделении собственной его имп⟨ераторского⟩ в⟨еличест⟩ва канцелярии, или в министерстве иностр⟨анных⟩ дел, или же в м⟨инистерст⟩ве внутр⟨енних⟩ дел. В первых двух местах он будет находиться в кругу людей светских, в третьем он может познакомиться с теперешнею деятельностью, управлением России, узнать ее материальные силы, средства и потребности, что все очень интересно. Но что будет делать он в м⟨инистерст⟩ве юстиции, в кругу чиновников или пошлых правоведов? Неужели он хочет быть столоначальником и погрязнуть в канцелярских занятиях. Гриша ничего не отвечает мне о моих предположениях по службе касательно прокурорского места. Впрочем, обо всем этом поговорим при свидании. Август, сентябрь, октябрь: всего три месяца.— Мы уже заранее обдумали средства обратного пути. Зимней дороги тогда не будет, летнего экипажа у нас нет. Думали мы купить телегу, но разочли, что на одной телеге не поместимся со всею нашею кладью; ехать на двух значит платить за 2 лишние лошади, да и покупка телеги с непременными поправками дорогою обойдется рублей до 200.

---

* Как у Берты, как у королевы Бланш[5] (*фр.*).

Тарантасы здесь не продаются. Был один, да за него просили 450 р⟨ублей⟩. Но мы нашли мастера, который берется сделать отличный тарантас со всеми дорожными принадлежностями за 300 рублей. Оболенский платит 50, я плачу 250 и удерживаю тарантас за собой, так как у него есть в Москве свой собственный, и если б ему пришлось платить половинную долю за тележную поездку, то вышло бы дороже. Действительно, было бы чрезвычайно неудобно ехать полторы тысячи верст в открытой телеге, в позднее осеннее время! А тарантас может пригодиться мне и на будущее время.— 9 августа князь отправляет в Москву своих лошадей, некоторую поклажу, двух или трех людей и курьера. Они должны будут проехать дней от 50 до 60. Следовательно, прибудут в Москву за какой-нибудь месяц перед нашим приездом. Кажется, он посылает в Москву татарчонка-форейтора. Эти татары отличные кучера, и должность эту исправляют они здесь всюду в домах. Они же и извозчики. Смешно то, что русские, которые живут с ними очень дружно, зовут каждого татарина-кучера Абдулкой, так что это сделалось нарицательным именем, вроде нашего Ваньки. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Голова моя, еще усталая от работы, не находит ничего писать больше. На будущей неделе мне все-таки будет легче, и тогда воротятся ко мне разогнанные мысли. Будьте здоровы. Прощайте, цалую ваши ручки. Обнимаю милую мою Олиньку, очень доволен я каким-то валахом из тармаламы, мною присланной [7]. Я уверен, что он будет иметь и целебную силу. Обнимаю крепко милых сестер и братьев. Если успею отправить нынче письмо к Константину, так отправлю. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

Попросите Веру, чтоб она письма свои не писала такими бледными чернилами. Это затрудняет глаза при чтении.

44

Августа 12-го 1844 г⟨ода⟩. Суббота. Астрахань.

Вот и еще неделя прошла, милая моя маменька и милый отесинька, еще неделею приблизились мы к сроку нашего отъезда. Впрочем, эта неделя протянулась для меня довольно скучно и долго, вероятно, потому, что здешняя жизнь все более и более мне надоедает. На нынешней неделе написал я еще один отчет (по земскому суду), очистил еще несколько работ и с будущей недели приступаем, наконец, к казенной палате, которую надеемся кончить к 1 сентября. С 1-го сентября по 15-ое все, опять совокупными силами, трудимся над губернским правлением. С нашим навыком теперь к ревизии можно полагать, что этот короткий срок будет достаточен. С 15 сентября по 15-ое октября князь кладет на отчет и рапорт государю, а после 15-го едем! Так думает князь... Едва ли, говорим мы, но тем не менее употребим все человеческие усилия, чтоб исполнить его и наше желание. Поэтому с будущей недели начнется опять жаркая пора для нас, потому что де́ла, кроме ревизий казенной палаты и губернского

правления (которые изо всех 36 присутственных мест г⟨орода⟩ Астрахани и остались нам), очень много. У меня одного не написан еще отчет по рыбной экспедиции, уголовной палате, штабу и гражданской канцелярии. Надо будет до обеда ревизовать, а после обеда писать отчеты. Но, во всяком случае, отрадно уж и то, что утомительная эта работа должна непременно кончиться через полтора месяца, ибо остальное время будет занято составлением общего отчета, который не лежит на моей обязанности.

В прошедшее воскресенье, как я писал уже вам, получены были мною письма ваши от 29 июля, т. е. от одной маменьки и Гриши. Отесинька должен был остаться в деревне до 6-го. Следовательно, я и с нынешней почтой не ожидаю обильных писем. Зато в середу, против ожидания, получил я одно письмо и две посылки. Письмо было из Якутска, от Львова [1]. Можете себе представить, как мне был приятен этот отголосок из другого конца России, от товарища, который так же, как и я, заброшен бог знает куда судьбою. Он пишет мне от 14-го июня, перед самым отъездом своим в дальний путь... в Камчатку! Годовые запасы чаю, сухарей, табаку уже отправлены вперед. Он едет вдвоем с одним из своих сослуживцев и прислал мне маршрут: из Якутска в Охотск верхом, из Охотска в Петропавловской порт морем; в Петропавловске проживут до декабря. Потом совершат путешествие по Камчатке на собаках и оленях и в апреле 1845 года воротятся в Охотск, а в Москву будут, может быть, зимою того же года.— № «Москвитянина», который я получил в середу, почти так же глуп, как и все прочие. Исключая интересной, как кажется, статьи о лекциях Грановского [2], все остальное начинено Иванчин-Писаревым, «Суворовским ратником» [3] и т. п. Даже слово Иннокентия мне не нравится. Скоро настанет зима, как увижу человека в шубе, возопию словами Иннокентия: «Это не царь природы, а некое как бы *страшилище всего живущего*!» [4]— Вы прислали мне диссертацию Самарина: за это я очень благодарен и непременно прочту ее всю, а пановскую книжку [5], как гораздо менее любопытную, отложу до Москвы. Но я не понимаю, что побудило вас прислать это гадкое, отвратительно-непристойное произведение Дмитриева под заглавием «Русская Людмила» [6]? Только Дмитриев может с наслаждением останавливаться над образом Ф. П. Разумеется, все это очень зло, но теряет силу, когда говорится во имя уважения к Лихонину, к старому веку, как его понимает Мих⟨аил⟩ Алекс⟨андрович⟩, и т. п. Может быть, вам странно покажется, что я так строг и взыскателен сделался, но меня действительно всякая такая вещь, особенно в стихах, шокирует в высшей степени, и мне чрезвычайно досадно, что милая маменька, желая доставить мне новость литературную, приложила руки к переписке этого гнусного произведения бешеной злобы. На месте Краевского [7] я бы отомстил Дмитриеву, распространив его балладу, и уверен, что тогда бы Дмитриев свалился в грязь в общем мнении. Неужели в Москве до такой степени ослеплены ненавистью к «Отеч⟨ественным⟩ зап⟨искам⟩», что эта баллада может нравиться? Не может быть. Верное эстетическое чувство отесиньки и Кости ручается мне за них. Гриша уже высказал мне свое мнение. Но, верно, Шевырев, Глинка муж и Авдотья Павловна[8] в восхищении.—

Бутурлин получил дозволение оставить Астрахань и скоро отсюда отправляется. Счастливы эти господа: прожить м⟨еся⟩ц, два не беда, а жить 8 м⟨еся⟩цев, как мы, — тяжело.

Воскресенье.

Почта пришла и не только не привезла мне обильных писем, но и никаких. Это, право, нехорошо. Известно вам, что они в скучной, однообразной моей жизни составляют единственную отраду, награду законную мне за утомительные труды, что целая неделя полна мыслью о воскресенье, когда придет почта, и что же? Воскресенье приходит, писем нет, и опять надо ждать целую неделю. Пропускал ли я когда-нибудь почту? Мало того, всякое письмо мое объемом пространнее, больше вашего. Мне это очень, очень больно. Проникнутый этим неприятным чувством, я, право, не знаю, что и писать, тем более что всю эту неделю находился под влиянием ипохондрии, происходящей, может быть, от небольшого физического нездоровья (расстройства желудка), прервавшего постоянную нить моих занятий, чего я очень не люблю. Впрочем, теперь все это, слава богу, прошло, но я остерегаюсь есть астраханских фруктов.— Какая скука! Беспрестанно приходят к Оболенскому с визитами его астраханские знакомые, а ко мне некоторые должностные лица с изъявлением своего почтения. Нынче перебывало их человек пять, и если кто на беду курит и его попотчивали сигарой, то кончено. Хорошие сигары здесь так редки, что уж если кому она попалась, так тот ее выкуривает до конца. Вот и этот калмыцкий князь Тундутов сидел нынче целый час.— На будущей неделе праздник, который, говорят, с особенным торжеством празднуется армянами. Надо будет посмотреть.

Уже скоро час, и я спешу кончить письмо, тем более, что казенные пакеты в нашей канцелярии, обыкновенно задерживающие почту, нынче совсем готовы. Итак, прощайте или до середы (ибо во вторник праздник и можно будет писать), или до следующей затем почты. Крепко обнимаю вас и целую ваши ручки, милая моя маменька и милый отесинька, обнимаю милую Олиньку. Дай бог, чтоб хоть август м⟨еся⟩ц был у вас тепел и благорастворен. Обнимаю и целую всех моих милых деревенских жительниц. Костю и Гришу также обнимаю. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Прощайте.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

45

1844 г<ода> августа 19. Суббота. Астрахань.

В середу на нынешней неделе получил я пакет большого размера от вас, милый мой отесинька и милая моя маменька, с подлинною корреспонденциею Парка с Абрамцевым. Разумеется, это было для меня очень интересно, но прежде, чем отвечать на ваши письма, обращусь к событиям недели. — Здешний градский глава, купец 1 гильдии Голиков, человек очень умный и довольно образованный, лет 32-х (ходящий — о Константин! — в цветном фраке и в соломенной шляпе), содержащий часть казенных рыб-

ных откупов, захотел показать Бутурлину всю операцию рыболовства и сделать из этого праздник. Он пригласил князя и нас; князь не поехал, но разрешил нам ехать. Во вторник, 15 августа, в 10 часов утра, приехали мы на пароход «Каму». Там были многие из здешних властей, все порядочные люди и несколько человек цивилизованных (!) купцов. Цель нашего путешествия — Чаганское селение или Чаганский учуг — отстояло верстах в 20, и плыть должны мы были по Волге. Погода, по обыкновению, была чудесная. «Кама» гораздо больше, красивее и удобнее «Астрабада», на котором мы ездили в карантин,— мы расположились на широкой палубе и закурили свои сигары. Чистый воздух, хорошие сигары, приветливость и радушие хозяина, непринужденный разговор — все делало плавание это чрезвычайно приятным, особенно для меня после скучных и утомительных занятий. Но я сначала сообщу вам предварительные сведения о казенном откупном рыболовстве.

Вы знаете, что рыба весною бежит из моря к устьям рек, ища всюду пресной воды. В это время ее столько сталпливается, что ловить ее можно безо всякой трудности, но она обыкновенно пробирается и далее, вверх по реке. Из многочисленных устьев Волги большая часть сходится в пять главных пунктов. На этих пунктах еще татары, не желая, чтоб красная рыба уходила к русским, устроили забойки, или учуги. Это род заборов, вбитых в дно и простирающихся до аршина над поверхностью воды, а в иных местах несколько ниже поверхности, для прохода лодок. Можете себе представить, что рыба набивается в этом пространстве в таком количестве, что иногда весною составляет как бы сплошную стену. Да что говорить: когда ее всюду здесь так много, что пословица говорит: астраханский мужик осетра на печи поймал,— то сколько же ее должно быть здесь! Эти учуги или, лучше сказать, учужные воды были подарены Павлом князю Куракину[1], который, кажется, и отдавал их в откуп тысяч за 50. Когда тот князь Куракин, которому были подарены воды, умер, то правительство стало уверять, что воды эти были подарены Куракину не в потомственное владение, а лично, и отняло эти воды обратно. Они сохраняют название куракинских вод. Правительство стало отдавать их на откуп, и с нынешнего года на следующее трех или четырехлетие, не помню, право, взяты они известными нашими откупщиками Рюминым, Кушиным (или Кузьминым), Якувчиковым и другими за 800 т<ысяч> с лишком асс<игнациями>. Откупщики эти разбили воды на паи или участки и передали многие другим, в том числе и Голикову, который в то же время содержит и воды графа Кушелева-Безбородко и другие. Прочих мелких здесь откупщиков бездна: это здесь главная промышленность. Каждый значительный промышленник имеет на дому флаг, суда, ловцов, иногда до 500 человек. На казенных откупах их, кажется, более 1000. С ловцами этими, с каждою партиею или артелью отдельно заключается контракт, которым каждый ловец обязан наловить в весну или лето столько-то стерлядей, белуг или вообще рыб. За каждую рыбу полагается заранее условленная плата, напр<имер>, за каждую белугу 1 р<убль> медью, между тем как она одна может своему хозяину выручить 100 и гораздо более рублей. Иногда они не долавливают, и хозяева взыскивают с них не-

устойку по контракту или заранее выданные деньги. Почти каждый ловец таким образом выработывает себе рублей до 400 и более гораздо в год, но бо́льшею частью деньги эти или проматываются в Разбалуй-городе Астрахани, или же переходят в руки хозяина за испорченные снасти, или в виде неустойки. Все они почти очень бедны, но легкость добычи денег заставляет и великороссийского земледела оставлять плуг и соху и бежать в Астрахань, которая кажется им каким-то Эльдорадо и где они, большею частию, находят себе и разорение, и гибельный конец. Но я и прежде говорил вам об участи этих отчаянных забулдыг (если позволите так выразиться),— теперь же обращаюсь к предмету моего рассказа. Последними указами воспрещены учуги и всякого рода забойки всюду, кроме куракинских вод, откупщикам которых, сверх того, дарованы разные льготы и привилегии, как-то: употребление плавных сетей и других снарядов, другим недозволенных. Чаганский участок, один из самых обильных рыбою, называется так от деревни Чаган, расположенной тут же на берегу Волги, где построен также обширный павильон. Павильон этот состоит из огромной залы с галерееею вокруг и с некоторыми боковыми комнатками для буфета. Он построен был еще в то время, когда ждали сюда императора Александра. Подле него, невдалеке, расположены разные здания для приготовления, соления рыбы, делания икры и т. п.—

Наконец после двухчасового плавания мы подъехали к Чаганскому павильону и вскоре потом, разместившись в косных и других маленьких лодочках, отправились гулять взад и вперед по воде, подъезжая всюду, где попадалась рыба. Ловля здесь в настоящее время производится следующим образом. Всюду расставлены порядки (технический термин), из которых каждый поручается одной лодке ловецкой. Порядком вообще называется снаряд, отдельно действующий, но здесь называется так и длинная веревка, поддерживаемая поплавками и протянутая от одного конца до другого. К этой веревке, на расстоянии одного аршина друг от друга, привязаны удочки или просто толстые веревки с огромными крюками, на которые насаживается мясо или мелкая рыба. Ловецкая лодка едет вдоль порядка, один гребет, а другой, лежа на корме, перевешивается почти совсем в воду и перебирает руками каждую уду. Как скоро чувствует тяжесть, то останавливается и вытаскивает рыбу. Если она слишком тяжела, то сейчас подъезжают другие лодки и пособляют ему. Таких порядков бывает до 100 и более, а этих крюков до нескольких тысяч. Здесь порядки не могут быть слишком длинны, но в море они простираются длиною версты на три, на четыре и плывут вместе с лодками, из которых главная называется кусовою (целое судно морской конструкции, хотя не чистой) — оттого, что здесь рыба ловится на кус. Теперяшнее время самое неудобное для рыболовства, и потому мы наловили очень немного, между прочим, осетра пуда в два, маленькую белугу пудов в пять и т. п. Разумеется, для меня и это редкость, хотя здесь на это едва обращают внимание.— Потом всю эту рыбу втащили на берег и положили на подстилку из лубков. Надлежало ее распластывать, разрезывать. Явился ловкий мужик, мастер своего дела, с ножом и топором. В одну минуту надрубил он топором головы и потом, зная в совершенстве анатомию рыбьего тела, распорол

каждую ножом, отделил вязигу [2], клей, икру, и с каждой обращался особенным образом. Ловкость, проворство, верность руки — изумительны. Говорят, таким образом может он отделать в день рыб до 500! Потом пошли мы смотреть на приготовление икры, которую при нас вынули из двух живых осетров. Приготовляется она не слишком аппетитно. Ее кладут в решето, которое ставят над ведром, и голыми руками начинают тереть и мять в решете, покуда зерна чистые не пройдут в ведро, и в решете останется что-то волокнистое, красное мясистое вещество, отделяющееся от икры. Икру солят, и вот через час готова отличная зернистая икра. Если же хотят сделать паюсную, то эту же просеянную икру кладут в бочку с тузлуком, или рассолом, и мешают минут 20, не больше, потом вынимают ее и кладут в заранее приготовленные холщевые мешки. Мешки эти туго завязываются. Если слишком велики, то кладутся в пресс, если не очень, так привязываются к стойкам, где их крутят до такой степени, что выступает насквозь жирная желтая материя, отвратительная на вид. В таком положении оставляют их день на солнце, и на другой день готова и паюсная икра. Мы видели только образчик, но операция эта обыкновенно производится в огромном размере.

Наконец воротились мы в Чаганский павильон, где нашли великолепно сервированный обед. Хозяин почти не присаживался, а все смотрел, чтоб гости его, которых всех-то было человек с 30, побольше ели и пили. После обеда потчивание шампанским не переставало, так что я, наконец, чтоб избавиться от хозяина, ходил с некоторыми другими осматривать окрестности. На другой день должны были мы вступить в казенную палату, я помнил это очень хорошо и не хотел на другой день встать с туманною головою. Часов в 6 отправились мы на пароход и поплыли обратно. Здесь смеркается рано, скоро стемнело совсем, и полный месяц озарил наше веселое плаванье. Ночь была чудесная, пароходу, и без того слабосильному, еще убавили ходу, чтоб насладиться вполне очарованием лунной ночи и веселого расположения духа. Шампанское, которого в Астрахани, я думаю, так же много, как и везде в России, лилось рекою, но так как я более самолюбив в исполнении своих обязанностей, нежели хороший товарищ для подобной компании, то, к чести своей, должен признаться, был бодр и свеж все время. Но, к стыду своему (должно опять признаться), я обманывал хозяина тем, что не отказывался ни от одного бокала, но часто обливал благородную волжскую влагу благородным вином или, попросту сказать, хитрым образом выливал вино через борт. В этот вечер долго беседовал я с Бригеном, который очень почетного обо мне мнения. Слава богу, ни один из сенаторских чиновников не компрометировал своего достоинства. Часу в 11-м вечера воротились мы домой.

На другой день встал я с головой совершенно свежей и сошел вниз, чтоб идти вместе с Павленко и Розановым в казенную палату. Между тем, писали предложение князя казенной палате о начатии ревизии и о доставлении чиновникам всех нужных сведений. Но князь велел переписать предложение, поименовать старших чиновников и назвать и меня вместе с ними старшим чиновником, причем повторял прежние свои любезности и остроты. На мою долю досталось самое трудное отделение — ревизское,

но к 1 сентября мы окончим казенную палату и с 1-го сентября вступим в губернское правление, которое предполагаем кончить к 15-му (впрочем, едва ли!). Но если кончим губернское правление к 15-му сентября, то тогда в конце октября можно будет выехать. Дай-то бог! Что-то не верится.

Теперь отвечаю Вам, милый отесинька, на Ваши сомнения и вопросы о возможности ревизовать места совершенно незнакомые. Это можно по трем причинам: во 1-х, потому, что, предварительно ознакомившись с уставами и узаконениями, мы приступаем к чтению дел, по крайней мере, за три года. Из этих дел усматриваем мы и применение к случаям правил, и весь ход производства, пользуемся, так сказать, готовою трехгодичною опытностью. Во 2-х, потому, что со стороны всегда виднее; в 3-х, это возможно при труде добросовестном, при тщательном внимании и при употреблении разных других средств, напр<имер>, разговора с каким-нибудь чиновником того места, который очень рад, что вы его удостоили такой чести, сам не подозревая, сообщает нам разные сведения, принадлежащие только опытности. По крайней мере, я не знаю, чтоб я до сих пор где-либо опростоволосился, промахнулся. Что касается до штаба, то дела, которые требовали особенного моего внимания, были такого рода, что знание военных законов почти и не было нужно. Напр<имер>, дела по заготовлению матерьялов для кавказских крепостей, по перевозке снарядов к дагестанским портам (все это производилось подрядами или на праве коммерческом, на общем основании), по расходованию войсковой суммы, по гражданскому суду над казачками и т. п. Сверх того, Тимирязев все сколько-нибудь важные гражданские дела производил большею частию вместо гражданской канцелярии в штабе. К тому же, хотя он и состоял на правах командира отдельного корпуса, но ведь это комедия: у него под началом только малочисленное астраханское казачье войско, которое имеет атамана; был еще один батальон, но с 1842 г<ода> он переименован в гарнизонный, следовательно, подчинился командиру корпуса внутренней стражи, а не Тимирязеву. — Но, конечно, недостаток опытности ощутителен не столько для ревизуемых, сколько для нас самих. Мы все чиновники министерства юстиции, которое в общем управлении играет самую незначительную роль. Особенно чувствую это я теперь, при ревизии казенной палаты, которая именно требует чиновника министерства финансов. Но так как казенную палату надо ревизовать или 2 недели, или 6 м<еся>цев, и мы выбрали первое, то мы обойдемся и с нашею, приловчившеюся уже опытностью, тем более что здешняя казенная палата имела все отличных председателей, которые умели держать ее в порядке.

Знаете ли что? Я хоть совсем не славянофил, но так, из шутки собрал несколько денег для церквей Далмации и Герцоговины [3]. Да, взял с Бюлера 5 рублей, с князя даже 10 рублей и, наконец, с Оболенского 10 р<ублей> 50 коп<еек>. С последнего следующим образом: он обещал дать мне деньги, если я присяду и в тот же вечер напишу ему 24 стиха из «Астраханиады», в духе стихов: то чиновничие жены, разодеты, набелены. Я сел и написал 30[4], за что получил лишнюю полтину. Стихи довольно плоховаты, но, слава богу, критик не разборчив, вот они. Это будет служить началом.

В многочисленном собранье
Я губернское вниманье
От себя отсторонил,
И на дам и их уборы
Испытующие взоры
С любопытством устремил.

*

Друг за другом вереницы
Кажут новые все лицы
Астраханского beau-monde,
То чиновничие жены,
Разодеты, набелены,
В пышном блеске лент и блонд!

*

Мне знакомы лишь мужчины
Да судебные лощины,
Где сражался с ними я,
Где оправдывалась нами,
Воздвигалася с правами
«Свода» каждая статья!

*

Да, хоть женщин я не знаю,
Но я их преображаю,
Отличаю по местам,
Где мужья теперь их служат,
Но о службе и не тужат...
Предаюсь своим мечтам:

*

Вот сальянская опека [1*]
В виде рыбы-человека,
Или матки-тюленя,
Густо, щедро наложила
И румяна и белила,
Но не скрасила себя!

Далее следовать будет аптека, рыбная экспедиция, дума и т. п.

Я еще не посылаю вам денег этих, потому что, может быть, мне удастся видеться с Смарагдом, здешним архиереем, и взять с него деньги! Кстати, правда ли, что Филарет идет в схимники?[5] — Очень рад, что Россоловский удался[6]. Это даст мне повод запеть: «Chantons, célébrons la gloire d'Achille!»* Большие хлопоты предстоят вам с наемкой домов. Не возьмете ли вы опять голицынский дом? — Однако и второй лист приходит к концу. Пора кончить. Прощайте, до следующей почты. Крепко об-

---

[1*] M-me Козаченко.

* Воспоем, восславим славу Ахилла![7] (*фр.*).

нимаю вас и цалую ваши ручки. Будьте здоровы. Обнимаю мою милую Олиньку, которой пришлю винограда с транспортом. Здесь каждый мужик ест виноград, как крыжовник: по 3 и 4 коп<ейки> за фунт! Впрочем, он еще не совсем поспел, но кишмиш необыкновенно хорош и теперь. Прощайте, обнимаю всех моих милых сестер и братьев.

Ваш *Ив. Аксаков.*

46

1844 г<ода>. Астрахань. Суббота. 26 авг<уста>.

Опять сажусь я в определенный день и час за свой зеленый столик, беру белый листок почтовой бумаги и пишу к вам, милая моя маменька и милый отесинька. В середу получил я от вас небольшое письмо, сверх абонемента, и очень вам благодарен за это, ибо надеюсь получить и с нынешней почтой письмо по обыкновению. Ну-с, что вам рассказать про эту неделю? На этой неделе трудился я над казенной палатой: часть мне совершенно чуждая, да и отделение взял я самое трудное и многосложное, ибо в состав его входят рекрутский стол и рекрутское присутствие. Слава богу, что председатели казенной палаты были все люди умные, и потому ни запутанности, ни злоупотреблений никаких не было. Но вы понимаете очень хорошо, что ревизующему воротиться с пустыми руками, сказать: ничего не нашел,— было бы очень неприятно, и, кажется, это теперь будет с моими сотрудниками по другим отделениям. Но оттого ли, что я счастливее или пытливее, только со мной подобного не случалось еще, и вчера окончил я ревизию казенной палаты благодаря содействию моих помощников, Немченко и Яснева. Хотя жатва и не так обильна, как в прочих местах, но в сравнении с другими отделениями довольно богатая, ибо многие вопросы, касающиеся пользы общественной (напр<имер>, сложение недоимок, образование одного рекрутского участка из одиночек), потребуют мнения или содействия князя, — другие, данные мною официально на бумаге советнику, внесены им в общее присутствие и потребуют, может быть, разъяснения некоторых статей свода. Вчера же вечером присел я за работу: мне хотелось подать отчет нынче князю, во 1-х, для того, чтоб подать прежде других трудную работу, когда ими не кончена легкая (извините это движение), во 2-х, потому, что мне хотелось сбыть этот отчет долой с рук, когда еще у меня все было свежо в памяти, в 3-х, потому, что вчера находился я в одном из своих припадков деятельности, когда работается хорошо и скоро. Посидев вчера с 7-и часов вечера до 4-го часа ночи да нынче с 9-ти до 3-х, окончил совершенно свой отчет и представил его князю, который был немало удивлен. Итак, и казенная палата сбыта с рук, осталось одно губернское правление! При всей вашей снисходительности вы, вероятно, чувствуете некоторый оттенок самодовольствия в тоне моего письма? Я и сам чувствую, так как я все сознательно чувствую, но что за нужда: действительно, я нынче доволен собой и весел, право. Нанимаю писца, которому отдаю переписывать все свои отчеты, ибо подлинные остаются при деле. Они могут быть мне со временем очень полезны, поеду

ли я опять на ревизию или буду прокурором, и, во всяком случае, мне приятно будет иметь этот памятник трудов своих и показать его вам, сохранить его как воспоминание молодости. Боже мой, до чего доходит наш век: *это* воспоминание молодости! Какое разнообразие в отчетах: комиссия продовольствия и военный штаб, гражданская канцелярия и рыбная экспедиция, строительная комиссия и земский суд, казенная палата, судебные инстанции, губернское правление. Но довольно: уступив несколько детскому чувству тщеславия, обращаюсь к другому. Я полагаю кончить губернское правление к 15-му сентября и к 1-му октября представить все свои отчеты; Оболенскому ужасно хочется ехать в Москву, чтоб пожить до ноября в деревне. Вчера князь предлагал мне, когда я кончу свои отчеты и вся работа перейдет уже на Строева, ехать в Москву, если я пожелаю, недели за две до его отъезда, т. е. в начале октября. Но я на это не согласился. Когда прожил уже 9 месяцев, то ехать двумя неделями раньше было бы малодушие, а, между тем, мне хотелось бы разделить все труды и подвиги ревизии до конца, видеть прощанье князя с Астраханью, прочесть общий отчет и рапорт государю, и поэтому сказал Оболенскому, что если он хочет ехать, так чтоб ехал один, а я останусь. Но, кажется, и он переменил намерение. Разумеется, вам было бы приятнее так же, как и мне, увидеться со мной раньше, но вы, верно, понимаете сами и согласитесь со мной, что следует остаться до конца.— Почта пришла и привезла мне письмо от вас: да, я очень, очень благодарен вам за то, что получаю теперь письма по два раза в неделю, это достаточное вознаграждение за два пропуска.— Вы спрашиваете меня о деньгах, и я вам с полною откровенностью отвечаю, что денег присылать не нужно. У меня 400 р<ублей> еще ваших денег, данных мне в Москве; в сентябре и в начале октября я получу жалованье, что составит 320 рублей, да у меня теперь остатков от жалованья с лишком 60 р<ублей> сер<ебром>, т. е. 210 р<ублей> асс<игнациями>, т. е. всего с будущими деньгами около 950 р<ублей> асс<игнациями>. А этого весьма достаточно и на покупку тарантаса, и на дорогу, и на проживание здесь, и на другие издержки. По приезде же в Москву нужна мне будет ваша помощь, хоть в малом количестве, для шитья нового платья. Вы, кажется, забываете, милый отесинька, что ведь я получаю одного жалованья 2 т<ысячи> рублей: сумма не малая. Да, я забыл еще, что каждый месяц получаю я с лишком 40 р<ублей> асс<игнациями> суточных денег. Э, да еще я могу и покупки сделать! Следовательно, денег уж вовсе не надо присылать. — Итак, Гриша владимирский житель, и я не застану его в Москве. Вот ему, милый отесинька, прикажите не экономничать[1]: ему надо обзавестись вновь платьем, ибо его все скверное, обзавестись хозяйством. Напрасно думает он, что никуда не станет выезжать, и говорит: пусть называют гордецом! Надо уметь обращаться со всеми так, чтоб все они, хоть не понимая вас, *любили* и уважали. Тогда вы многих неприятностей избегнете. Я могу сказать про себя, что я очень уважаем и любим такими людьми, к которым сам не чувствую ни малейшей привязанности, и любим за то, что в кругу их не оскорбляю их своим превосходством и со всеми радушничаю, не роняя, однако ж, в себе порядочного человека. Ни слова об отъявленных мошенниках! Но и тех надо держать

в почтении и страхе, а не оскорблять. Я нахожу, что Гриша в предположениях своих о губернской жизни обманывается: разумеется, он чаще будет дома, но ему необходимы будут: 1) хорошее платье, даже для того, чтоб отличаться от прочих чиновников; 2) экипаж, свой ли или наемный, все равно. Заставьте его там жить *порядочным* человеком: наружность много значит.

В прошедшее воскресенье ездили мы с князем на Черепаху, имение помещицы Ахматовой, смотрели ее сад. Вообразите, на пространстве □ версты, если не больше, все виноградные аллеи, в которых прохаживаешься преспокойно и ешь виноград 36 сортов. Почти все члены ревизии посылают виноград в Москву, и я в том числе. Посылаю вам 4 пуда чистого винограда. Транспорт отправится в середу, адресовал я в дом Николая Тим<офеевича>, где вы сделайте должное распоряжение. Его везут на тройках, следовательно, недели через три он будет в Москве.[1] Не знаю еще, что это будет стоить. Пуд здесь никак не дороже 5 р<ублей> асс<игнациями>. Если прикажете, так я и еще отправлю.— Во вторник и середу праздник[2], и мы едем к Тюменю на пароходе (верст 70 отсюда). Компания будет огромная, жаль, что и дамы едут, это нас очень стеснит. Дай бог только, чтоб погода переменилась, вообразите, что произвел верховый ветер: в пятницу было, по обыкновению, градуса 22 жару: в субботу не более 15, ночью 5, и нынче только 10! Холодно ужасно, надо ходить в теплой шинели. Разумеется, с переменою ветра будет опять жаркая погода, но если не переменится, то холодно будет часов 10 провести на пароходе. Кстати, вместо того, чтоб мне пересылать к вам деньги, пожертвованные в пользу далматских церквей, потрудитесь выдать Панову 25 р<ублей> 50 к<опеек> асс<игнациями>, именно 10 р<ублей> от кн<язя> П⟨авла⟩ П<авловича> Гагарина, 10 р<ублей> 50 к<опеек> от кн<язя> Р<одиона> А<ндреевича> Оболенского, 5 р⟨ублей⟩ от бар<она> Фед<ора> Ан<дреевича> Бюлера, а эти деньги останутся у меня; пусть Панов и пришлет сюда три экземпляра [3].— Прощайте, целую ваши ручки и крепко обнимаю вас, милый отесинька и милая маменька, обнимаю всех сестер и братьев. Милая Олинька, стало, будет кушать моего винограда, он ей станет на половину зимы. Прощайте, будьте здоровы,

ваш сын *Ив. Аксаков.*

47

***Астрахань. 3 сент<ября>** 1844 г<ода>. Воскресенье.*

С некоторого времени вы стали баловать меня письмами, милый отесинька и милая маменька, я получаю их теперь по два раза в неделю; разумеется, это для меня так приятно, как вы и представить себе не можете, хотя я вовсе и не претендую на сверхабонементные письма. Только прошу покорно писать с откровенностью: я написал вам, что вследствие фруктов нехорошо чувствовал себя недели три тому назад, и вот Вы, милая маменька, вообразили себе небывалое. Я *совершенно* здоров и прошу Вас верить. Посещения, отдаваемые нам по воскресеньям, делаются совсем по другой

причине. Тимирязев приучил жителей приезжать поздравлять его в воскресенья в мундирах, строго замечал, кто был, кто не был, а сам принимал их бо́льшею частию лежа на диване, подняв ноги кверху. Князь отказался от этого почета, но Тимирязева нет, привычка поздравлять существует, и они удовлетворяют ее хоть отчасти визитами к нам, чиновникам, так что не проходит воскресенья, в которое не были бы человек пять или шесть. Но позвольте, мне предстоит еще рассказ о поездке к Тюменю.

Тюменевка отстоит верстах в 80 от Астрахани, и для поездки нанят был им один из пароходов, «Астрабад»; Волга глубокая в этом месте, подходит почти под самый дом князя. Пароход этот — стыд и позор всех пароходов, без помощи парусов ходит только по 4 версты в час, так что, по всей вероятности, так как здесь смеркается в 7 часов, а ночью он не ходит, пароход должен был остановиться верстах в 15 от Тюменя. Следовательно, предстояло ночевать на пароходной палубе, что было бы очень скучно. Поэтому я решился ехать сухим путем вместе с Тундутовым, который отправлялся к Тюменю и, разумеется, был вне себя от чести, мною ему оказываемой. В 9 часов утра во вторник отправился я в одно время с пароходом, где было множество приглашенных дам и мужчин. К счастию его, подул попутный ветер, и дал ему возможность идти на всех парусах, что, в соединении с паровою силою, заставило его идти чрезвычайно быстро. Меня в дороге задержало то, что я должен был два раза переправляться через Волгу, и Тундутов, большой трус, призывал на помощь содействие калмыцких маленьких образов, висевших у него на шее. Я приехал к Тюменю за полчаса до парохода, который величественно подошел к самому берегу. Старик Тюмень и его братья стояли на берегу и принимали гостей; в стороне стояли калмыки в длинных синих казакинах и в национальных шапках оранжевого и желтого цвета.— Семейство Тюменей (или Тюменевых, как называют их русские) состоит из князя Сербеджаба, братьев его Церен-Дондока и Церен-Норбо и сына среднего брата Церенджаба. Сербеджаб, полковник, лет 70, владелец многочисленного улуса Хошоутовского, состоящего, кажется, из 3-х т<ысяч> кибиток, был в походе против французов с калмыцким полком и даже прожил в Париже месяц. Разумеется, эта кампания любимое его воспоминание, слабая сторона его, хотя он немногому научился во Франции, разве только пить шампанское. «*Во Франции был-с, того-с, с Блюхером-с говорил, в Эпернее-с, Веллингтона*[1]*-с знал, того-с*»,—говорит он всякому, когда вино развязывает его язык. После похода он вступил в управление улусом и с тех пор, кажется, не покидал Астраханской губернии. Он истый калмык в душе и ревностный идолопоклонник, впрочем, добрый старик, пользующийся неограниченным уважением и любовью своих подвластных. У калмыков старший в роде имеет огромную силу. Сербеджаб бодр и свеж и еще отлично ездит на лошади. Церен-Дондок, брат его, лет 45, гораздо грубее и необтесаннее, чиновник по особым поручениям при губернаторе, штаб-ротмистр гвардии. Церен-Норбо, улусный судья, хитрее и умнее их всех, он поручик казачий; Церенджаб, воспитывавшийся в казанской гимназии, мальчик лет 19, не больше, статный, ловкий; европейская цивилизация, однако ж, не мешает ему, кажется, жить у дяди с полным удовольствием.— Еще брат покойный

Сербеджаба стал заводить оседлость в своем улусе, построил дом, развел сад и приказал обработывать несколько десятин земли. Брат его продолжает начатое им дело, ест и пьет по-европейски, построил еще несколько домов и постоянно увеличивает число десятин. Впрочем, летом старик переходит жить в беседку, а братья живут в великолепных, изящных кибитках. Все они чрезвычайно добры, ласковы и гостеприимны, любят русских и не только не оскорбляются любопытством, часто пустым и нескромным, но охотно показывают свое «азиатчество», как говорят они.

Кажется, я достаточно познакомил вас с хозяевами, а потому продолжаю: когда мы вошли в дом, то дам приняли две княгини, жены Церен-Дондока и Норбо; последняя довольно миловидная калмычка. Трудно мне описать вам их костюм: несколько разноцветных халатов или капотов, надетых один на другой, что-то вроде кучерской шапки на голове, по две косы на каждой стороне, вложенные в какие-то футляры из черной тафты, вот что только я мог заметить; остальные принадлежности костюма требуют ближайшего рассмотрения. Нельзя сказать, чтоб они были застенчивы, но не слыхал их говорящих. Военная музыка, привезенная на пароходе, играла целый вечер, продолжавшийся с 6 часов до 1 пополуночи. Начались угощения: то закуска, то варенья, то плоды, то разные питья подавались вплоть до ужина. Этот вечер провел я очень скучно. Из мужчин почти все сели играть в карты, да, впрочем, из тех, с кем бы можно было потолковать мне охотно, никого не было, с дамами я не знаком, да и не хотел знакомиться, ибо знакомства отнимают много времени, и я избегаю их. Но скучно находиться в обществе людей, мало или совсем незнакомых, и я с радостью встретил конец вечера. Я забыл сказать, что в числе гостей был некто Львов, молодой человек, недавно женившийся, камер-юнкер, присланный сюда министерством государственных имуществ [2] по делам киргизов: он носит на себе тип пустого, болтливого петербургца с условленными обществом понятиями, с большою самоуверенностью, и я как только послушал его болтовню, не захотел терять с ним труда и времени, почуяв внутренне богатство своей души в сравнении с его плоскою душонкой. Слушая этих людей, я всегда чувствую потребность замыкаться в самом себе, презрение и гордость пробуждаются в груди, хотя поневоле в обществе, свете должен уступать им, доколе разве авторитет ума и дарований не пробьется победоносно сквозь эту пошлую толпу светских людей и не заставит их признать преимущество души самобытной. Все это возбуждалось во мне при виде внимания и благосклонности, с каким принимались плоские понятия и незрелые рассуждения Львова.— Нас разместили спать по разным комнатам, я спал во флигеле на сене, и часов в 7 мы были на ногах. Праздник собственно был в этот день, т. е. 30 августа, в середу. После чаю дамы сели в линейки, человек 20 мужчин сели на лошадей, остальные, в том числе и я, разместились по тарантасам, коляскам и дедовским рыдванам. Прежде всего отправились в хурул, калмыцкий храм, где в то время совершалось идолослужение. Я увидал легкое белое здание индийской архитектуры и долго, долго любовался им: я ничего не помню лучше и изящнее и привезу вам рисунок. Я не могу вам сказать, чисто ли это индийской архитектуры, есть ли тут

примесь китайской, но мне казалось, будто на меня веет Азией, только не магометанской, а языческой, прекрасной. Жалко мне, что вы не можете видеть самого здания: рисунок не передаст вам его легкости и красоты. Здесь я опять сделаю маленькое отступление, чтоб сообщить вам некоторые предварительные сведения о религии калмыков. Калмыки, происхождения монгольского, перекочевавшие в Россию в 17 столетии, если не ошибаюсь («калмык» на монгольском наречии значит «*бежавший*», «отпавший»), заняли свою религию у Тибета, она называется ламайскою или буддийскою. Извините, если я сделаю какую-нибудь ошибку, со мной нет Крейцера [3], чтобы справиться. Служение совершается на тибетском наречии, понятном только гелюнгам и ламам; хотя и есть перевод некоторых книг, но перевод древний, темный, а с тех пор язык калмыцкий чрезвычайно изменился. Когда калмыки перешли в Россию, то привезли с собою и книги тибетские, с тех пор редко сообщались они с родиною их религии, но князь Тюмень, человек набожный, выписал уже давно тому назад все принадлежности храма из Тибета и в том числе разные книги или письмена в виде скрижалей.— Главный бог калмыцкий является в разных видах и носит разные названия, ибо, по их понятиям, несколько уже раз совершалось его пришествие на землю и несколько раз еще совершится, в известные сроки. Второстепенных богов много.— Я взошел во внутренность храма и так был поражен тем, что видел, так оглушен дикими, неистовыми звуками, что долго не мог прийти в себя и приступить к рассмотрению. По стенам храма висели изображения богов, тканые и рисованные, в углублении стоял на алтаре литой истукан, Шекжемуни-Геге [4]. Посередине, от наружной двери до алтаря, вдоль сидели по обеим сторонам на колдинах жрецы или служители храма в странных, необыкновенных костюмах, неподвижно, молча, с строгим и важным выражением лица, с глазами, потупленными вниз. Одни держали в руках медные огромные тарелки, другие длинные трубы (одна была в сажень), третьи, наконец, держали в руках какие-то медные, кривые палочки, а перед ними стояли цимбалы. Один, старший из них, стоял, а не сидел, в длинном красном платье. Сидящий посередине диким однообразным голосом запел несколько стихов молитвы и ударил тарелками, другой стал ему вторить, потом третий, наконец, звуки инструментов, соединясь вместе, произвели такую страшную, дикую, неистовую гармонию, что нервы потрясаются, и какое-то невольное внутреннее волнение пробегает по всему телу; и при всем этом неподвижные лица и медленные, мерные движения. Простые калмыки не имеют права входить в храм, но двери растворены, и звуки эти, вылетая, сильно действуют на их воображение, наполняя их смятением и страхом. Громче запевал жрец, когда умолкала музыка, громче становились звуки, сильнее, конвульсивнее ударялись цимбалы, странно начали жрецы подымать глаза к небу и двигать губами, произнося невнятные молитвы. Какой-то восторг стал овладевать ими, и вдруг звуки затихли, и они опять стали неподвижны, но казались еще под влиянием внутреннего восторга. Затем все вышли из хурула, спеша на скачку, но для меня это было самым интереснейшим предметом изо всего мною виденного. Приехав на место скачки, мы вышли из экипажей и расположились под открытою со всех

сторон палаткой. Человек с пятьдесят калмыков верхом ожидали знака, чтоб пуститься вскачь, и как только старик Тюмень подал этот знак, мгновенно с криком, визгом полетели они на быстрых, неутомимых конях и скрылись из виду. Вообразите себе необъятную зеленую степь, пестроту и разнообразие групп, блестящие дамские наряды и вдалеке пыль и гул от несущихся, как вихрь, лошадей и при том ясное, светлое небо... Картина была прекрасная. Круг, который должны были объехать соревнователи, расстоянием был в 7 верст, они обязаны были сделать его три раза и сделали, как бы вы думали, 21 версту в 27 минут! Победители получили призы: верблюда и двух лошадей, верблюда и одну лошадь, верблюда и корову и т. п. Потом скакали верблюды и проскакали круг, 7 верст, в 15 минут. Каково! Между тем, в палатке старик Тюмень то и дело вспоминал про Францию и Эперне, т. е. не щадил шампанского.— Воротившись домой, мы скоро были свидетелями калмыцкой борьбы. Это очень любопытно, хотя я и небольшой охотник до таких потех, где для вашего удовольствия человек рискует сломить себе шею.— Приводят под покрывалом одного борца, вслед за ним другого: оба обнажены почти совсем, и когда снимут покрывала, то медленно начинают они похаживать около друг друга, вытягивая руки, потом вдруг схватываются, переплетаются, падают на землю, бьются в пыли и стараются повалить на спину. Кто опрокинут на спину, тот побежден. Какая ловкость, какая сила, какое терпение к боли, ибо ни стона, ни крика не услышите вы, хотя часто тяжелое падение, сжатие мускулов и членов в мощных руках победителя причиняют им большие страдания. Эти нагие борцы часто принимали такие положения, что, будь я скульптор, я бы изваял с них статуи. Эта забава на песчаной арене имела что-то в себе схожее с играми греков. Боролось много пар всех возрастов.—

После обеда отправились мы опять в степь, где пасся табун диких лошадей. Сначала позабавили нас ястребиной охотой. Для меня это новость, и я с любопытством глядел, как ястреб, или балабан (здесь чаще употребляют балабанов, особый род птицы), догонял свою будущую жертву и, вцепившись в нее когтями, спускался, вертясь, наземь.— Потом глядели мы, как ловят и обучают диких лошадей.— Калмык с длинным арканом верхом вдруг пускается в табун, который в испуге и смятении разбегается на все стороны, и ловит арканом какую-нибудь лошадь. Чувствуя себя в неволе, не знав никогда прежде ни узды, ни веревки, она ржет, пыхтит, роет землю, вскакивает на дыбы, бьется, но человек пять или шесть сильных калмык, повиснув у ней на шее, не выпускают ее до тех пор, пока не вскочит к ней на спину, без седла, без уздечки, какой-нибудь маленький калмычонок. Тогда снимают аркан и пускают лошадь. Почуяв свободу, она старается сбить седока, но седок, с молоком наследовавший наездничество, крепко держится за гриву, и дикая лошадь, видя усилия свои тщетными, несется, что вихрь, по степи, мчится без оглядки. Тогда другие калмыки скачут вслед за нею и, догоняя ее при каком-нибудь повороте, не отстают от нее, и один из них подскакивает так близко, что сидящий на дикой лошади в мгновение ока, на всем скаку, ухватясь за руку калмыка, перепрыгивает к нему на коня, а дикую лошадь

загоняют в табун. Это зрелище, исполненное удали и опасности, прекрасно, и мы часа два смотрели без устали. Потом вдруг появилось красивое шествие, будто на театре. Впереди ехала верхом одна из калмыцких княгинь, за нею тянулись верблюды, нагруженные всеми кибиточными снарядами, и потом вслед шли калмыки и калмычки в особенных костюмах. Когда шествие остановилось, тогда стали разбирать вьюки, бывшие на верблюдах, и складывать кибитки, которые менее чем в полчаса были совсем готовы. Этот образчик перекочевки, разумеется, не таков на самом деле, но так мил и красив, так театрален, что я долго им любовался.

Ввечеру были танцы, в которых, разумеется, я не принимал участия, потом показали нам танцы калмыцкие. Ничего нет однообразнее, тише и спокойнее калмыцкого танца. Калмычки, вытянув руки, медленно кружатся, делают какое-то движение кистями, потом сгибают их, подходят друг к другу, касаются руками, расходятся и т. п. Церенджаб играл на скрипке разные калмыцкие арии, но из них ни одна мне не понравилась. Старик Тюмень, вне себя от радости, что все у него так веселы, поют, шумят, танцуют, захотел потешить гостей и проплясал сам по-калмыцки. Действительно, вечер этот, несмотря на разнохарактерность компании, был довольно оживлен, и веселие было тем более непринужденное, что дамы астраханские очень невзыскательны. Я ушел спать часу в 3-м, но многие оставались пировать часов до 5 утра и говорят, что Тюмень в припадке гостеприимного радушия пел и плясал еще, только уж по-русски.— С радостью встал я на другой день, зная, что это последний день нашей праздности; нигде так не хорошо, как дома, интересно видеть, что видели мы у Тюменя, но жаль потерять трое суток сряду. В половине 10-го утра сели мы на пароход и пустились в обратное плавание. Медленно подвигались мы, ветер был противный и холодный, и ночь, настигнув нас верстах в 10 от Астрахани, заставила остановиться. Дамы спали в каютах, а мы все на палубе, без постелей и подушек, что, несмотря на неудобство, было довольно смешно и забавно. На другое утро, в пятницу, часов в 7 прибыли мы благополучно в Астрахань. Я рад был, что воротился хоть к астраханским своим пенатам [5]: скучно так долго быть в кругу людей так мало знакомых.—

В субботу, т. е. вчера приступили мы общими силами к губернскому правлению. Я взял себе самое трудное, по отзыву всех, отделение, 4-ое. Дай бог справиться: много будет дела с губернским правлением, и едва ли в две недели успеет каждый из нас <кончить> свое отделение. Опять теряется надежда воротиться в октябре, что делать! Хоть нам и осталось одно губернское правление, и все прочие места обревизованы, но трудно будет сводить концы, и это займет времени более месяца. К тому же и частные отчеты не все написаны. Вы пишете, что у вас холодная погода. Кажется, я писал вам, что и у нас были страшные перемены. Теперь погода тепла, но сыра, а ночи просто холодноваты. — В середу отправился к вам виноград в шести бочонках, адресованный в дом Ник<олая> Тим<офеевича>. Пожалуйста, примите меры, чтоб кто-нибудь был в это время в доме. А то постучатся, постучатся, не дозовутся дворника, и виноград и деньги пропадут.— Итак, Гриша скоро едет во Владимир [6], но, вероятно, семей-

ные праздники сентября проведет он с вами. Мне так же хочется поскорее в Москву, что, вероятно, по приезде я не скоро покину ее опять. Мне хочется опять пожить с вами, середи людей, с которыми я могу сообщаться откровенно и свободно. Я намерен совершенно иначе теперь распорядиться препровождением времени. Выпишу все министерские журналы, чтоб следить за развитием законодательства во всех частях, ближе ознакомиться с статистикой и средствами финансовыми и матерьяльными России; изучаю снова «Свод» и буду жадно и пристально читать журналы и все то, что прежде пропускал без внимания, т. е. то, что касается хозяйственной и промышленной стороны. С службою секретарскою я управлюсь, так что она не отнимет у меня много времени, выезжать также мне не хотелось бы. Если выезжать, так опять год у меня пропадет даром. Разумеется, он во всяком случае принесет мне пользу, но я спешу обогатиться знанием практическим России, еще ближе ознакомиться, свыкнуться с управлением, чтоб приготовить себя на будущее время, если буду занимать государственное место или хоть губернатором со временем. Если жизнь в губернии и представляет мне какую-нибудь выгоду, так именно то, что у меня там будет более свободного времени.

Однако же, написав в один присест два листа, которые сто́ят добрых четырех, я устал, признаюсь вам, и намерен кончить. Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, будьте здоровы и не увеличивайте своих хлопот беспокойствами на мой счет. Крепко цалую ваши ручки, обнимаю всех моих милых сестер и братьев. Не забудьте написать мне вашего адреса, когда переедете в Москву и того, как надо подъехать к дому, чтоб шум колес не испугал Олиньку и вид тарантаса не встревожил ее. Прощайте еще раз, крепко обнимаю вас всех. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Поздравляю ее с прошедшим днем рожденья, который, кажется, был 26 августа.— Хоть мне и совестно, но хочется попросить вас при найме дома иметь в виду какую-нибудь отдельную, самостоятельную конурку для меня...

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

48

1844 г<ода>. Астрахань. 10 сентября. Воскресенье.

Вот и сентябрь, праздничный месяц, поздравляю вас с 14-м, милая маменька и милый отесинька, поздравляю и всех и в особенности милую мою 17-ти летнюю сестрицу. Письмо это получится если не 17-го числа, так, по крайней мере, на другой день: возобновляю свои поздравления [1] и цалую заочно всех именинниц. На этой неделе я получил от вас опять два письма. Из последнего вижу я, что отесинька отправился с Гришей и Костей в деревню, чтоб поудить вместе перед прощаньем. Неужели Гриша не проведет вместе с вами сентября. Жалко мне, что он едет и что я не застану его в Москве. Один брат со двора, другой на двор, впрочем, промежуток времени будет велик, по крайней мере, месяца полтора, если не больше, потому что по последним расчетам нельзя будет нам выехать прежде ноября.

Теперь сидим в губернском правлении, которое следовало бы обревизовать месяца в три, не скорее, но оно находится в таком запущении, что и ревизовать трудно и достаточно будет ограничиться указанием главнейших беспорядков, не входя во все мелкие подробности. Если я окончу в будущую субботу 4-ое отделение, чего бы мне очень хотелось, так мне, вероятно, поручат еще 1-ое, которое не должно меня задержать долго, так что к 25 сентября я надеюсь совсем окончить. Тогда, простясь с присутственными местами, я крепко засяду до́ма, стану писать отчеты.— Теперь время мое проходит следующим образом: ухожу я в 9-м часу утра, возвращаюсь в 4-м; в 4 часа обедаю, после обеда, отдохнув несколько, сажусь писать отчет по штабу, который довольно велик. В 8 часов пью чай и потом продолжаю работу до 12-го часа: тогда я ложусь в постель и сплю без просыпа до 7 часов утра. Несмотря на количество занятий, жизнь моя проходит так регулярно, что я не чувствую никакого утомления и совершенно бодр и свеж. Никуда не езжу я, и только приход почты составляет две приятные эпохи в неделе. Поэтому время проходит для меня довольно скоро, и надеюсь, что и предстоящие мне полтора месяца пройдут так же. После ревизии губернского правления я буду занят отчетами, потом, кончив свои частные отчеты, я, вероятно, стану помогать Строеву в сведении концов, но остальным нашим молодым людям решительно нечего будет делать, и Оболенский, может быть, и не захочет дожидаться конца, а уедет один, раньше.— Но, во всяком случае, желанный брег скоро. Дурно только возвращаться позднею, холодною, грязною осенью, по скверным дорогам, в темные ночи, но путь возвратный всегда хорош.— Нынче после обеда спуск корабля купца Мир-Багирова. Разумеется, мы приглашены, и очень любопытно будет посмотреть это, но я еще не знаю, пойду ли, потому что Мир-Багиров ужаснейший мошенник и имеет много дел в разных присутственных местах. Конечно, это не может иметь никакого на дела влияния, и мы уж это ему доказали, ревизия же почти окончена, там будут все губернские власти и почти все наши, и странно было бы не идти. Поэтому, может быть, я и отправлюсь и потом пришлю вам описание персидского угощения.

На днях мы очень смеялись за обедом, читая вслух стихи, присланные князю из Красного Яра. Я запомнил последний куплет:

И приезд твой в эти краи
Будут ввек потомки знать,
О тебе воспоминая,
Так и будут величать:
«Преразумнейший боярин,
Павел Павлович Гагарин!»

Каково! Автор, столоначальник земского суда, боясь, чтоб стихи его не пропали на почте, на конверте, под адресом, подписал: «Со вложением акта». Можете себе вообразить, каково было изумление князя, нашедшего вместо акта стихи и письмо, в котором автор просит, как милости, у князя — позволить напечатать стихи эти в губернских ведомостях, но с сохранением им расставленных ударений! —

Погода прекрасная, несколько свежая, ясная и тихая. Письмо это пишу я на балконе и часто развлекаюсь прекрасным видом. Беспрестанно слышу выстрелы охотников: дичи, особенно бекасов, здесь изобилие. Тюмень приглашает опять к нему посмотреть охоту на волков: безо всякого оружия, с одною нагайкою, калмыки верхом нападают на волка и часто сшибают его с одного удара. Кстати о Тюмене. На днях был у нас молодой Церенджаб, я расспрашивал его про Казань, где он воспитывался, и сообщил ему про свадьбу Марии Глумилиной. Он ее знает очень хорошо, хвалит, знает также и Россоловского. Церенджаб ждет только смерти дяди, чтоб принять христианскую веру и отправиться служить в Петербург.

Вероятно, в день именин Ваших, милый отесинька, Вы уже будете кушать мой виноград. Жаль, что самые лучшие сорта не могут быть доставлены в Москву по необыкновенной нежности своей, напр<имер>, кишмиш, который отличается необыкновенною сладостью и неимением косточек. Есть также виноград душистый, круглый и длинный. Сафьянный виноград считается самым последним. Каждый день за обедом на столе стоит у нас огромное блюдо, где виноград, сортов 15, лежит красивыми кистями.— Требование Ваше, милая маменька, насчет арбузных и дынных семян, будет непременно исполнено, но что касается икры, то не слишком ли уже много два пуда. Это значит, что вы предполагаете подарить или Гульковскому или Елизавете Александровне. Да, я еще не отвечал Елизавете Александровне, да и отвечать почти нечего. Купец ее, бестолковый Кудряшев, ужасно надоел мне своими просьбами и визитами. Я делаю, что могу, дело его так запутано, что и поправить трудно. Никак не могут понять, что нельзя присутственные места заставлять решать так или иначе и что сам сенатор не вправе изменить решение, когда уже оно состоялось и вошло в законную силу. Этот Кудряшев подает в одно время просьбы и в сенат, и в палату, и в сиротский суд и умножает только переписку. Подожду еще неделю, что́ будет, и тогда отвечу ей, а она, верно, уж на меня сердится.

Никак не пройдет воскресенье без того, чтоб кто-нибудь не помешал. Вот и теперь также: были Сергеев, провиантский чиновник, приехавший с Бутурлиным, и дежурный штаб-офицер полковник Уваров. Приходили бы уж вместе, а то один за другим и каждый курит. Несносно. Вообразите, что за этими проделками, за завтраком, я не успел написать письма, как бы хотел, и теперь уже два часа, а князь приказал нынче обедать часом раньше: он сам идет к Багирову смотреть спуск корабля.— В газетах вы прочтете высочайшее повеление об увольнении управляющего соляными озерами Мартоса (сына знаменитого скульптора) [2], который также по особому высочайшему повелению предается суду. Злоупотребления его открыты были ревизией, но князь, представляя об них, ходатайствовал об увольнении его, без суда. Но государь собственноручно написал на записке: «Предать суду непременно». Жалко его, огромное семейство, малое состояние, но что делать, надо, чтоб правосудие совершалось над всяким. Теперь наряжено следствие, я думаю, оно нас не задержит.

Но пора кончить. Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, поздравляю вас еще раз с праздниками, будьте здоровы, крепко обнимаю

вас и целую ваши ручки. Всех милых именинниц Веру, Наденьку, Любу, двух Соничек обнимаю и поздравляю. Я сам намерен здесь праздновать свое совершеннолетие, т. е. созову к себе наверх двух, трех товарищей и поужинаем. Обнимаю и поздравляю остальных братьев и сестер. Давно не получал я никаких приказаний от милой моей Олиньки. Мне было бы очень приятно исполнить всякое ее поручение, жду с нетерпением отзыва о винограде. Целую ее. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. И я заочно, как бы из Москвы, прощаюсь с Гришей, ибо я отсутствую временно, а он уезжает совсем. Я хотел к нему писать, но не знаю, застанет ли его мое письмо в Москве?

Ваш *Ив. Аксаков.*

49

Астрахань. 1844 г<ода> сентября 17. Воскресенье.

Нынче день именин, 17 сентября, поздравляю вас, милый мой отесинька и милая маменька, поздравляю и целую всех именинниц. Письмо это придет к 25-му, поэтому я вновь поздравляю вас и с 20-м и с 25-м числами [1] и крепко обнимаю Вас, милый отесинька. Как скоро проходит сентябрь! Только 6 недель осталось до ноября, который мы полагали самым отдаленным сроком, да и теперь, во всяком случае, более 2-х месяцев мы не проживем здесь. Итак, вы наняли дом княгини Шаховской, но не пишете, за сколько?[2] Прошлого года он также был у нас в виду, но не знаю, почему-то найден неудобным, а место очень хорошее и близкое отовсюду. Когда же вы намерены переехать? Вы пишете также, милый отесинька, про третью часть диссертации, про блестящие и логические ее выводы. Вывод этот мне известен, хотя диссертации знакомо мне только начало [3], где говорится, если я не забыл, что поэзия есть хранилище свободного слова, и там оно перестает быть средством. Впрочем, надо признаться, что все эти вещи нельзя принимать обыкновенным образом. Надо непременно заводить голову, настроить ее так, чтоб можно было дышать в этом редком, трудном воздухе мыслительной атмосферы. Для этого надобно время и особое расположение. Вот почему я и до сих пор не отвечаю Константину на его письмо. Голове моей некогда уединяться в отвлеченность, и я жду досуга, когда мне можно будет спокойно пребывать в состоянии мышления и внутреннего созерцания. Но ведь третья часть давно была кончена, стало, это уж обделанная, сглаженная?

Прошедшую неделю был я очень деятелен, надо признаться, и вчера, возвращаясь из губернского правления, пел самому себе: «Гром победы, раздавайся, Веселися, храбрый Росс» [4]. Я кончил 4-ое отделение, между тем как другие все копаются, кончил хорошо и доволен результатом. Но зато как же мы работали. У меня было двое помощников, Немченко и Блок, я разделял между ними дела, сам брал себе часть и часов 6 с лишком сряду заставлял их работать без передышки, разумеется, мне труднее всех, ибо я в то же время тружусь и сам отдельно, и с ними обоими. Ни одного замечания не могут они писать без моего ведома, сообщая мне о том беспрестанно, и я отвлекаюсь от одного к другому, в то же время читал

и писал сам. Но зато утомительны эти часы кипящего дела.— Итак, ровно в две недели кончил я труднейшее отделение, собрал до 30 листов замечаний и после обеда занимался еще отчетом по штабу, который намерен подать завтра или послезавтра. Как я предвидел, так и будет. Мне поручают 1-е отделение, управляемое вице-губернатором. Так как первое отделение по существу своему самое пустое, то мне очень хотелось бы кончить его в неделю. Может быть, с будущею почтою я уведомлю вас, что хождение мое по присутственным местам прекратилось. Это будет мне самым лучшим, приятнейшим подарком к 26 числу[5]; оставаться целый день дома — большое наслаждение, и в две, три недели я совершенно квит! Законно буду я пользоваться отдыхом. — На днях получено отношение Перовского, которым он разрешает комиссии народного продовольствия закупить до 14 т<ысяч> четвертей хлеба для продажи его ниже существующих дорогих цен. Эта мера будет средством к понижению цен, которые торговцы возвышают здесь не потому, чтоб хлеб обходился им самим дорого, но потому, что зимою всякий привоз прекращается, и они берут барыши вдвое и втрое. Теперь же, когда у комиссии будет большой запас хлеба (предположено до 40 т<ысяч> четв<ертей>), который она может выпустить во всякое время, продавая не более $2^{1}/_{2}$ четв<ертей> каждому и не выше 10 р<ублей> 50 к<опеек> асс<игнациями>, то и торговцы принуждены будут ограничиться честными барышами, а не делать между собой стачку. Разумеется, установив этим контрбалансом цены, комиссия прекращает продажу, предоставляя торговлю частным лицам, но все-таки в год тысяч до 10 она, вероятно, успеет продать и выручить значительный капитал. Теперь хлеб в Саратовской губернии можно купить по 5 р<ублей> асс<игнациями> четверть: продавать его в 7, в 8 рублей и не выше 10 р⟨ублей⟩ будет уже большим благодеянием для бедного класса, который до сих пор принужден был покупать зимою от 12 до 18 и выше. Мне льстит то, что без ревизии моей, вероятно, ничего бы не было или, по крайней мере, не скоро бы приняли меры, ибо никто из здешних властей не вмешивался никогда в дела продовольствия, и все найденное мною было открытием для них самих. Здесь вижу я непосредственный полезный результат своего труда.— Не знаю, что скажет Клейнмихель про строительную комиссию, ну да это часть совершенно специальная.— Вы пишете, милый отесинька, что Вам странно было бы неудовольствие мое, когда бы я не нашел беспорядков. Я, конечно, рад был бы душою, если б все нашел в должном, законном виде, но ведь вместе с этим существует невольное убеждение, что обманываешься, что под этою правильною, прекрасною наружностью таится зло и несправедливость. Вы не знаете еще, что такое это чиновническое понятие «письменная очистка», глубокий технический термин! О, письменная очистка! об ней можно написать целую книгу. В России редкий кто приносит к служебному труду душевное участие и истинное желание пользы, редкий думает о том, чтоб трудным путем служебного дела достигнуть настоящей, благой цели. Механизм администрации заставляет забывать о цели, и все служащее в России стремится к одной лишь письменной очистке. Для не служившего слово это не может быть понятно во всем его объеме.

В прошедшее воскресенье, после обеда, были мы на спуске корабля; здесь спускают суда нехитрым образом. Корабль строится на отлогой покатости берега и удерживается от стремления вниз тремя или более подпорками. Под те места, которыми корабль должен прикоснуться земли, спускаясь в море, кладут доски, густо намазанные рыбьим жиром. Вид был чудесный. Впереди Волга и корабль, еще не дышавший свободою, множество других судов, опытных, бывалых, которые стояли у берегов и, казалось, готовились принять младенца от матери (N. B. богатое сравнение!). Берег усеян был народом, и пестрота азиатских одежд чрезвычайно красила этот вид. Для гостей избранных была раскинута большая палатка. Срубали одну подпорку за другой, тяжесть давления напирала все более и более, оставалась одна, все стояли с трепетным ожиданием. Наконец срубили последнюю, быстро и величественно спустился он по берегу и гордо и красиво вступил в воду, так и разрезав ее. В то же время раздались музыка, пальба из пушек и крики привета. Я очень, очень был доволен этим зрелищем. Но у моряков делают это, говорят, еще искуснее и торжественнее.

Однако я спешу кончить свое письмо потому, что иначе отчет по штабу не будет готов к назначенному времени. Еще остается переписать несколько листов, перечесть его, переправить. Прощайте, милая моя маменька и милый мой отесинька, крепко обнимаю вас и целую ваши ручки, дай бог, чтоб вы были здоровы и бодры так, как я. Милую Олиньку обнимаю и целую. Довольна ли она домом Шаховского и моими письмами? Всех сестер и братьев обнимаю, поздравляю с прошедшим, настоящим и будущим. Что Вера? Давно не имею от нее писем... А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Скажите Елизавете Александровне, что я нисколько не отказываюсь от покровительства Кудряшеву и все ходатайствую. Прощайте, дай бог, чтоб будущее письмо мое возвестило вам конец главнейших трудов моих.

Ваш сын *Ив. Аксаков*.

Поздравляю Сашу с дочерью. Я дядя[6].

50

Астрахань. 1844 г<ода> 24 сент<ября>. Воскресенье.

Сейчас получил ваши письма, милый отесинька и милая маменька, от 16 сент<ября>. Сколько у вас хлопот было![1] теперь, вероятно, все поуспокоилось. Это письмо пойдет уже по новому адресу. Вы пишете, что 16-го переезжают деревенские жители, когда же переедут башиловские?[2] Да, пора переезжать: даже здесь в Астрахани такая стужа, что трудно себе представить, и астраханцы сердятся на нас, что мы вместо чудесной, роскошной осени привезли им холодную и сырую. Разница только в том, что у вас, вероятно, опали все листья, а здесь ни одного, и все еще зелено. Впрочем, я рад, что такая погода, легче оставаться дома. Увы! я писал вам, что надеюсь 23, т. е. в субботу распроститься с присутственными местами. Не тут-то было. В прошедшее воскресенье, занявшись при-

стально, часу в 11-м вечера представил я князю отчет по штабу. Разумеется, он был очень рад, но всего приятнее для меня были его слова, как сожалеет он, что соляное правление ревизуется не мной, а Павленкой, что и для меня было бы полезно узнать еще лишнюю отрасль управления, но, главное, сожалеет потому, что этот источник богатства в России, соляная часть, находится в таком еще младенческом состоянии, так мало для нее сделано, так много остается сделать, что можно было бы блистательно воспользоваться этим случаем, если не теперь, так в остальное время служебной жизни. «Что Павленко,— говорит князь,— труды его бесплодны, ездил он на озера, все имел под рукою, а с ним ни поговорить, ни извлечь из него какого-нибудь взгляда, мысли нельзя, и я очень жалею, что сделал такую ошибку, не тебе, а ему поручил ревизию соляного правления». Вы, может быть, удивитесь, что князь говорил это мне, но, во-первых, это с ним случается редко, во-вторых, образование и воспитание кладут такую разницу между мною и этими господами, что мы на одной параллели стоять не можем, и это само собой разумеется.— Но мне это очень приятно, ибо доказывает, что не пошлых трудов привыкли от меня ожидать. Действительно, сто соляных озер Астраханской губернии, из которых одно, Баскунчакское, заключает в себе соли больше, чем во всей Европе, заслуживают внимания. Правда и то, что часть эта находится в заведывании ревнивого министерства, не любящего чужих распоряжений.— С понедельника приступил я к 1-му отделению, начальник которого, вице-губернатор, управляет теперь губернией, и с того же времени занялся новым отчетом по уголовной палате. Вчера, в субботу, объявил я князю, что кончил первое отделение и представил ему отчет по палате. Много, стало, было работы на той неделе, можете себе представить, хотя 1-ое отделение самое пустое. Я готовился ликовать, думал, что конец, но князь поручает мне 3-е отделение, которое начал было ревизовать Павленко, но по случаю следствия над Мартосом занят очень другими делами, а вялый и тяжелый Розанов еще не кончил своего второго отделения. Это поручение меня, как громом, поразило. Выходит, что я в дураках, и если бы не работал так усильно, то, протянув ревизию своих отделений на несколько времени, избавился бы, может быть, от новой работы, которая, по крайней мере, возьмет ден десять. Таким образом, выйдет, что я один, за исключением второго отделения, обревизую все правление. Отчетов до сих пор представлено мною восемь; остается еще три: по рыбной экспедиции, канцелярии губернатора и губернскому правлению. С завтрашнего числа приступаю к 3-му отделению и к отчету по рыбной экспедиции. Опять в виду месяц безостановочной работы. Пора этому кончиться.

На днях получил я с оказией письмо от Оболенского [3]. Он правит должность прокурора и теперь у министра на счету первейших юристов. Ему поручено, между прочим, просмотреть одно новое законодательное положение, так распорядились Шипов с Шереметевым[4]. Я очень рад успехам Оболенского, люблю его ото всей души, но не сознаю его юристом, надо признаться. В Казани ему очень весело, жизнью своею он вполне доволен, но в декабре хочет приехать в Москву, поэтому приглашает меня на возвратном пути завернуть в Казань, чтоб вместе с ним ехать! Я ему не отве-

чал, и все ответы свои отлагаю до конца моего урока. Тогда я буду посвободнее, напишу и Оболенскому, и Львову, и Сомову, который отчаянно просил у меня письма из Петербурга. Кстати о Петербурге. Неужели Самарин не пишет к Константину про впечатления Петербурга? [5] Странно! — Завтра день Ваших именин, милый отесинька, поздравляю Вас и всех еще раз, а послезавтра я именинник, также честь имею поздравить. Хотелось бы мне позвать вице-губернатора празднов<ать> совершеннолетие ревизующего его чиновника! Нет, я шучу, разумеется, но хочу состряпать маленький ужин для своих правоведов. Тарантас наш будет на днях готов, просто чудо, широкий, легкий, с разными удобствами. Он делается под наблюдением одного шереметьевского крестьянина, славного, на все гораздого мужика, который за это получает место сзади нашего тарантаса. Он краснобай, знает всевозможные песни и сказки и за живость свою прозван Бешеным. Я очень рад буду ехать с ним, потому что он и кузнец, и каретник вместе, и можно будет у него поучиться руссицизмам. Удивительно, как простой народ умеет гнуть русский язык и выражает на нем ловко и верно самые тонкие оттенки мысли.— Итак, Гриша скоро едет: Олинька, проводя одного брата, увидит скоро другого. Если это будет сопровождаться нервическими припадками, так это ей нездорово. Я часто придумываю средства, как приехать таким образом, чтоб не произвесть особенного впечатления? Пусть она меня сама научит.— Из газет вижу я, что магистр Линовский воротился и начинает читать лекции сельского хозяйства [6]. Если судить по некоторым его письмам, когда-то напечатанным в «Московских ведомостях», это должно быть очень важно и интересно. Только ему после путешествия по чужим краям следовало бы совершить путешествие по России, чтоб ближе познакомиться со всеми источниками нашего сельского хозяйства, узнать, какие богатства должно и можно вызвать из недр России. Вот, например, предмет этот, столько важный для государственного благосостояния, вероятно, к сожалению, занимает мало Константина по своей положительности. Это-то мне и прискорбно. Что, если б он хотел направить свою деятельность к существенной пользе, к цели уловимой! Мне очень хотелось бы употребить будущий год на изучение России в отношении к ее материальным силам. Покуда эти господа будут думать и спорить, я хоть что-нибудь сделаю, а потом вместе с другими приму от них готовый плод умозаключений, пользу от которого они, по недостатку других положительных сведений, извлечь едва ли будут в состоянии. Расчет, по-видимому, эгоистический, но, в сущности, разумный и благой. Я не беру на себя ничего, не имею столько самонадеянности, но, по крайней мере, указываю путь. Поэтому-то мне и хотелось бы призвать к положительной деятельности... Я вполне уважаю их, люблю их, но пойду своим путем и не желал бы отвлекаться будущей зимой от исполнения моего намерения и занятий посещениями этих вечеров. Но я прекращаю этот разговор, который заочно может быть понят и принят неприятно для меня.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, обнимаю вас и цалую ваши ручки. Будьте здоровы. За дело, с богом, и месяца через полтора или два я увижусь с вами. Обнимаю всех моих милых сестер и братьев.

А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Время так скоро проходит, что, право, я не успеваю ни подумать, ни обсудить ничего на неделе и сажусь за письмо, как будто вчера только что отправил прежнее. Прощайте.

51

Астрахань. 1844 г<ода> 1 окт<ября>. Воскресенье.

Нарочно сажусь раньше за письмо к вам, милый мой отесинька и милая маменька, чтоб скорее его кончить. Хочется воспользоваться этим днем, чтоб на досуге и при белом свете поработать над отчетом по рыбной экспедиции. До обеда я бываю всегда занят в губернском правлении, следовательно, могу писать отчет только при свечах, вечером, это очень затруднительно, когда надо читать и соображать в то же время разные производства, дела, отдельные записки, лоскутки, писанные всеми возможными почерками. На прошедшей неделе, т. е. вчера кончил я 1 стол 4-го отделения и отчет по экспедиции в отношении к рыбному промыслу, листов 12. Нынче хочу все это поверить, сообразить и перечесть, чтоб иметь возможность отдать переписывать. А с понедельника примусь за 2-ой стол 4-го отделения и за последнюю часть отчета — по тюленьему промыслу, так, чтоб в будущую субботу мог бы я совсем окончить губернское правление и подать князю отчет по рыбной экспедиции. Этот отчет самый трудный и многосложный. Теперь я весь полон своей работой, которая всегда давит меня, пока я ее не окончил, но в будущее воскресенье, вероятно, я напишу к вам ликующее письмо. В губернском правлении я нашел гораздо больше работы, чем ожидал. Я не захотел удовольствоваться ревизиею и замечаниями Павленки и переревизовал все вновь, чему очень рад, ибо нашел вдесятеро больше, чем он.

4-го октября день рожденья Марихен. Неужели ей будет 13 лет? Кажется, нет, она слишком мала ростом [1]. Поздравляю вас, ее и всех братьев и сестер, желаю, чтоб она выросла, чего и ей очень хочется. 26 сентября прошло, как и все дни, за работой. Вы знаете, что для меня этот день всегда самый скучный и неприятный, не знаю, почему. Вот мне и совершеннолетие стукнуло [2].— Почта еще не приходила, и я еще не имею писем от вас уже с московского новоселья, с нетерпением ожидаю их, досадно, если она придет тогда, когда письмо это будет уже написано. Прежде почта приходила ровно в 7 суток, т. е. письмо, отравленное из Москвы в субботу, приходило сюда в субботу же вечером, но теперь дороги портятся, и почта опаздывает. Какая у нас холодная, сырая, ветреная и грязная осень, трудно себе представить, ничем не лучше петербургской. А во время оно в эту пору в Астрахани росли цветы, и воздух был самый благорастворенный до ноября, когда начинались дожди. Теперь все изменилось. Мы вставили окна и начали топить.

Вот уже и 1-ое октября. 4-го будет ровно девять месяцев, что мы выехали из Москвы. Десять проживем непременно и, вероятно, захватим половину одиннадцатого. В октябре многое имеет быть сделано. Теперь все присутственные места почти кончены, остается писание отчета и предло-

жений. На нынешней неделе едет к военному министру отчет мой по штабу, разумеется, несколько в сокращенном виде. С нетерпением ожидаю будущей субботы, т. е. конца ревизии губернского правления. По крайней мере, тогда я буду оставаться дома и дома днем работать за отчетами. Все легче. Так и быть, в будущее воскресенье, на радости, сделаю визит доброму атаману! [3] Но я знаю также, что как скоро я кончу свои работы, князь завалит меня другими, он уже проговаривался. Это всегдашняя участь тех, кто работает много и скоро, так что остаешься в дураках перед другими, которые работают медленно, спокойно, не стесняясь нисколько, а потому и не обременяются новыми поручениями.— Не придется ли мне раскаиваться, что я заказал тарантас. Если мы должны будем возвращаться опять зимним путем, то он едва ли будет нужен, и в нем можно будет доехать только до Царицына.—

Что сказать вам еще интересного. Решительно нечего. Я не существую настоящим образом, и время летит в работе без отдыха, а содержание моего отчета нисколько не занимательно для вас, да и для меня мало, ибо, вследствие ревизии, члены экспедиции все уже сменены, была назначена комиссия для поверки тюленя, производится следствие над секретарем, министру писано, сочинены проекты новых временных правил до совершенного преобразования устава экспедиции, словом — отчет мой по ревизии несколько опоздал и принесет мало результатов, ибо все они были вследствие самой моей ревизии, о которой я докладывал ежедневно князю. Но теперь все это собирать воедино и приводить в систему трудно.

Вы, вероятно, не удивитесь, что я нынче пишу так разгонисто и широко. Я пишу только для того, чтоб вы не оставались без письма от меня, сам же не считаю это нисколько за письмо и постараюсь вознаградить себя и вас в будущую субботу. Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, цалую ваши ручки и желаю вам быть столь же здоровыми и бодрыми, как я, за что, признаюсь, ежедневно благодарю бога. Обнимаю в особенности милую мою Олиньку и новорожденную Марихен, обнимаю всех сестер и братьев. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Прощайте! Почта еще не приходила.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

52

1844 г<ода> окт<ября> 7. Суббота.

«Тпрру, тпрру, тпрру, тпра, тпра...»— вообразите, что это труба... «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый Росс!» [1] Я кончил губернское правление! Да, милый отесинька и милая маменька, наконец я распростился со всеми присутственными местами. Вчера кончил губернское правление и подал отчет по рыбной экспедиции. Стало, теперь мне остались только два отчета: по гражданской канцелярии и по губернскому правлению. Последний почти за все губернское правление, исключая только 2-го, и будет очень велик: одних замечаний теперь листов 60; разумеется, многое вычеркнется, сократится, но многое и прибавится. К 21

октябрю надеюсь все окончить. Теперь я все свободнее, ибо буду сидеть дома, а отчеты меня не затруднят. Теперь довольно деятельно идет окончательная работа. 4 человека писцов ежедневно заняты перепискою отдельных частей уже *общего* отчета, и время отъезда яснее видится. Письмо это, по причине дурных дорог, вы, вероятно, получите не ближе 17 или 18-го октября. Поэтому предупреждаю вас, чтоб позже 28-го вы не писали, рассчитывая так, чтоб письмо это пришло не позже 7-го или 8-го ноября. Впрочем, если встретится какое-нибудь замедление, я напишу. Мне нельзя будет ехать прежде окончания общего отчета, ибо он заключится губернским правлением, и я буду нужен для разных справок и объяснений, но мы, вероятно, во всяком случае, поедем раньше князя, ибо всем вдруг нельзя же ехать. Многие из наших чиновников собираются ехать в конце этого месяца, по окончании своих отчетов. Во всяком случае, около двадцатых чисел ноября я надеюсь быть в Москве. Князь поедет в Петербург и не распустит нас по должностям до января месяца, ибо нам нельзя будет явиться на службу без бумаги или отношения князя. Так я надеюсь месяц пожить совершенно на свободе. Жаль, что я не найду между вами Гриши и не могу исполнить его желания поехать через Владимир. Я еду не один, да и чтоб попасть на Владимир, надо переменить тракт и отсюда направить путь через Саратов, что не так удобно и по моей подорожной. Впрочем, еще подумаю.

Нынешняя неделя была богата письмами. Почта пришла тогда в понедельник и привезла мне письма, а потом другая в четверг и привезла еще более писем, даже от Константина, что мне было очень приятно, ибо доказывало, что он на меня не сердится за долгое молчание. В тот же день получил я письмо от одного из своих училищных товарищей из Омска[2] и «Москвитянина», в который и глядеть не хочется. Кстати, недавно попалось мне в одном из номеров (именно в 6-м) (не знаю, писал ли я к вам о том) небольшое стихотворение, которое нравится мне больше всех стихов, когда-либо помещенных в «Москвитянине». Это «Водяной» [3]. Кажется, будто я, будто каждый бывал в таком положении и каждому случалось испытавать это видение. Теперь стану отвечать вам на ваши письма. У нас такая скверная осень, что если московская не лучше ее, то Олинька, верно, покинула дачу. Сделайте одолжение, милый отесинька, не отдавайте своего кабинета под мое помещение, это было бы забавно и неприлично, да и где же будем мы сходиться после обеда и курить? Жаль, что у вас не будет уже голицынской мебели. Мне хотелось бы только иметь уголок, где бы я мог заниматься службой и чтением. Последнее, вероятно, по мнению всех, кроме Вас, сочтется более уважительною причиной, ибо, кажется, до сих пор не могут привыкнуть вѐрить важности исполнения служебных обязанностей. Олинькино письмо было мне так неожиданно-приятно, что я долго всматривался в буквы, ею начертанные, чтобы судить о твердости или слабости ее руки. Нашел, что буквы гораздо выше и и больше обыкновенного, что доказывает еще некоторую слабость, ибо мелким почерком писать труднее. Надеюсь, что виноград мой укрепит ее так, что с нею не будет нервического припадка при моем приезде. Я удивился, как образовался Наденькин почерк в один год, стал ровен и ме-

лок. Соничка, видно, также сделала большие успехи. Марихен благодарю за немецкие строки... Кстати, кажется, я поздравил ее с 4-м октября и вас всех? Если нет, так поправляю свою ошибку, поздравляю и обнимаю ее, но я очень хорошо помнил это и не мог решить вопроса: сколько ей лет? Теперь Гриша должен быть уже во Владимире. *Постараюсь заменить его вам* в отношению к хозяйству, вопреки отрицательному восклицанию, которое непременно должно раздаться при чтении этих строк. Одно другому не помешает, но, вероятно, я не буду в состоянии вполне его заменить.

На днях получил я своего бурхана, очень искусно сделанного. Он скатывается на палку и потому дорогой не может измяться. А Бюлер достал себе не только образ, но даже литого медного идола. Он ездил вместе с комиссией на соляные озера, верст за 200, так, не имея никакого особенного поручения. Надо признаться, что занятий по службе у него очень мало, почти нет вовсе, и он занимается собиранием сведений и составлением статистики собственно для себя. По дороге заезжал он в настоящие улусы, видел кочевку, был везде в кибитках, и в Яндыко цахуровском без жалости достал себе идола. Закон калмыков запрещает им отдавать освященную вещь человеку чуждому. Медных и позолоченных идолов привозят они с величайшим трудом (так говорят они, по крайней мере) из Тибета. Бюлер убедил бакши, главного из духовных в том улусе, уступить ему одного из идолов. Тот, человек политичный, не смел отказать, а русский улусный попечитель просто приказал отдать бурхана. С великою печалью принесли гелюнги ему бурхана, с подобострастием держа его над головою... Впоследствии оказалось, однако, что они вынули из него то, что, по понятиям их, делает его священным и драгоценным. В каждом медном идоле есть пустота внутри сердца, куда влагаются драгоценные камни, золото и т. п. Впрочем, таких идолов у него много. Изображение идола на бумаге вы увидите у меня. Был он также на калмыцком обеде, за которым сытнее и лучше всех ели жирные гелюнги,— духовные лица. После обеда, с позволения сказать, начинают все... рыгать. Кто постарше и попочетнее, тот рыгает громче, а гелюнги громче всех. Это не выдумка. Русские чиновники так свыкаются с этими калмыками, что выучиваются их языку и не брезгают их пищей. Есть один отставной чиновник, который окрестил калмычку, женился на ней, надел тулуп и живет теперь в кибитке, между калмыками, занимаясь скотоводством! Этого я не могу понять.

По рассказам, соляные озера необыкновенно интересны. Вообразите себе в степи огромное пространство круглой формы, версты полторы или две в окружности, покрытое гладкою, как лед, белою поверхностью. На берегу сложены бугры, пудов в 200 т<ысяч> соли. И все это охраняется одним часовым, старым инвалидом. Вот богатство, которое ничего не стоит казне. В одной Астрахани ежегодно выламывается до 3 миллионов <пудов> соли, а если выламывать соль из Баскунчакского озера и из горы Чипчачи, то это количество увеличилось бы вчетверо, если не больше. На другой год — опять садка соли и опять та же добыча. Весною вода ломает этот соляной лед и потом застывает, а добывать соль надо во время садки. Процесс этот мне, не видавшему соляных озер, несколько темен. Летом кал-

мыки в кожаных бахилах, при сильнейших жарах, работают так, как не стал бы работать русский ни за какие деньги, поэтому-то все соляные рабочие — калмыки, из которых каждый за лето получает рублей сто. При озерах есть смотрители, русские чиновники, которые живут с семейством там лет по 10 и более. Кругом степь, ни души живой, человеческой, бесчувственное смуглое лицо калмыка, который ежедневно посещает озеро и рапортует, выставив голову в окно: «Озеро менду», т. е. «Озеро здорово»... Какая жизнь. Летом она оживляется несколько, смотритель занят, наблюдает за рабочими, но с августа месяца опять начинается то же однообразное существование в этой глухой, песчаной степи. Самовар и вино — вот его занятия. Вообразите же себе жизнь его семейства, если оно есть, развитие и существование молоденькой девушки, которой взор встречает только или песчаную, или гладкую соленую поверхность и ни одного оживленного человеческого лица, кроме знакомого образа старика-отца или подобострастного калмыка? Почта редко закидывает сюда письма, приезд нового чиновника — эпоха. Впрочем, при Гайдукском озере живет смотритель Хватков, который уже лет 30 в этой должности, не покидая почти озер, но окруженный книгами и журналами. Чтение и одиночество сделались для него привычкой. Когда-то служил он в военной службе, дрался против горцев и с тех пор — живет мирно, чистый, опрятный, добрый, умный старик! Как бесконечно различны виды человеческого существования! И это жизнь?

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, буду писать вам еще на этой неделе. Теперь до самого отъезда моего вы будете получать от меня большие письма. Целую ваши ручки, крепко обнимаю всех моих сестер и братьев. Константину буду отвечать непременно, хотя моя работа еще не совсем кончилась. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Прощайте, обнимаю вас,

ваш сын *Ив. Аксаков.*

53

1844 г<ода> окт<ября> 15. Астрахань. Воскресенье.

Нет, видно, мне долго не будет отдыха, милый отесинька и милая маменька. Эту неделю я так пристально работал, что решительно не было ни минуты свободного времени. Вчера вечером подал я свой отчет по губернаторской канцелярии, десятое мое детище. Отчет этот вышел гораздо труднее и обширнее; хотя я и мог бы писать его дольше, потому что очередь до него дойдет не скоро, но вы знаете, что я до тех пор не бываю спокоен, пока не кончил свою задачу. Что всего более затрудняет, это хаос бумаг и замечаний, давно забытых, которые надо перечесть и привести в порядок. Но навык и некоторая уверенность, что выработается хорошо, как и в других случаях, много способствуют. Я знаю, что к концу недели все-таки подам отчет, как бы он труден ни был, так и случилось теперь. Эти два отчета по штабу и канцелярии служат характеристикою Тимирязева.— Осталось мне 11-ое детище — губернское правление, отчет по которому будет легче

писать: все еще свежо в памяти, да и замечания писались не на лоскутках, а в тетрадях, в порядочном виде. При всем моем порядке я довольно беспорядочен.— Курьер сказал вам вздор, что я был серьезно болен [1]. Я был болен одни сутки от расстройства желудка. От слабости мне спалось ежеминутно. Но благодаря моей крепкой природе и саленской микстуре [2] ночью выспался я превосходно и на другой день поутру принялся за работу и кончил отчет по земскому суду. Тогда я сошел к князю, чтоб ему представить отчет; он предложил мне как лекарство рюмку прекрасного шато-лафита, я ее и выпил, но со мною сделалась вдруг такая дурнота, что я чуть не упал и принужден был сесть. Через несколько минут это прошло, и я обедал вместе со всеми, соблюдая самую плохую диету. Вот вам все происшествия моей болезни. Правда, в эти одни сутки я очень похудел и побледнел, но дня через четыре не осталось никаких следов. Я уже писал вам, что я совершенно, слава богу, здоров, нисколько не похудел и что не только у меня образовалось два подбородка, но даже проектируется фасад третьего.— Пишете вы мне про нездоровье Гриши. Какое это скучное, несносное нездоровье. Я сам ему подвержен, но от влияния ли астраханского климата или от чего другого, у меня тот же результат лечения достигается естественным образом, сам собою, что меня очень облегчает, но чего, впрочем, теперь месяца четыре как не было. Надо непременно ходить, и для этого всегда можно найти время. Вставая в 7-м часу и начиная заниматься в 9, я успеваю выкурить на ходу сигару, что почти составляет $^3/_4$ часа и напиться чаю. Возвращаясь из присутственного места за полчаса до обеда, опять хожу по комнате, и хоть это немного, но чувствую от этого большую пользу для пищеварения. Всякий раз, как я изменяю этим правилам, я не чувствую себя так легко. Главное — не надо спать днем и не спать никак более 7 часов, а Гриша, я знаю, и днем подремать любит. Зато, благодарение богу, аппетит у меня отличный и сон чудесный. Я сплю не останавливаясь, насквозь, будто упал в пропасть, и просыпаюсь, когда достигаю дна. Впрочем, не надо иметь никаких привычек, даже привычек регулярной жизни. Они развивают сильно эгоистическое начало, я это чувствую: многого не захочет человек сделать, если это нарушает его привычки, здесь опять маскированная лень, если б привычки даже были неленивого свойства.— Какая гнусная погода: сырость, холод, дожди. Несносно это потому, что почта опаздывает и вместо того, чтоб получить письмо нынче, когда у меня более свободного времени, получу его завтра, когда присяду за губернское правление. Общий отчет подвигается, но медленно и, вероятно (и то дай бог!), кончится не ближе 20 ноября. Но я дожидаться конца не буду по разным причинам: во 1-х) к 1-му ноября я совсем окончу свою работу, и мне делать будет нечего; во 2-х) Оболенский был, да и теперь еще очень болен лихорадкой и лучшим лекарством ему будет, чуть он поправится, бежать астраханского климата; но 3-ия и самая главная причина, это тарантас. Если мы выедем 8-го, то и то едва ли можно будет доехать на колесах. Бросить 300 рублей на тарантас, чтоб оставить его в Астрахани и покупать кибитку, безо всяких уважительных к тому причин, было бы безрассудно. Князь сам уговаривает нас не упускать колесного пути. Нынче уже Яснев, один из молодых на-

ших чиновников, отправится в Москву, потом, вероятно, отправится Розанов, старейший из старших чиновников; там, вероятно, мы с Оболенским и недели полторы или две спустя князь с остальными. Впрочем, во всяком случае мы выедем не ближе 8-го или 9-го ноября. Через месяц с лишком — я в Москве!— Какая досада, что виноград получили вы в дурном виде. Мы все поручили это одному армянину; каждый же армянин хуже жида. Такая досада; я именно говорил, чтоб не класть сафьянного. Я думаю, что и в других бочонках то же. Выходит, что он обманул меня на целый пуд! Впрочем, за это мошенничество он не должен оставаться без взыскания, и я попрошу кого-нибудь вычесть ему за подряд.—

Я еще не получал ни письма от вас, извещающего о переезде Олинькином с Башиловки. Будет ли она так же удобно помещена, как в голицынском? Как окошки ее — на двор? Пожалуйста, напишите мне расположение комнат, чтоб я мог знать, как приехать.— Бюлер получил «Отечественные записки», в них помещен роман Диккенса [3], который, вероятно, вы будете читать вслух, все вместе. Это очень кстати, и Олинька, вероятно, с удовольствием будет слушать, она, кажется, любит Диккенса. Неужели Костя не сбрил бороды и не скинул зипуна? [4] Право, это может навлечь ему множество неприятностей, насмешек, которые только раздражат его, и из чего все это, какая существенная от того польза? Я никогда не надену зипуна прежде времени, может быть, и от малодушия, но более из благоразумия; к чему я подвергнусь стольким хлопотам, басням и общему говору? Не через смешное достигают великие мысли исполнения, и зипун, подвергшийся осмеянию, еще более упадет в общем мнении. Свет такая дрянь, что и действовать в нем вовсе не привлекательно, по крайней мере, сколько я могу судить по разным светским фигурантам, мне знакомым. Однако прощайте, милые мои отесинька и маменька, обнимаю вас крепко, крепко и цалую ваши ручки. Более трех писем после этого, я думаю, вы от меня не получите. Прощайте, цалую милую Олиньку и всех сестер и братьев. Надеюсь обнять Костю русским в европейском костюме и без бороды. Прощайте. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

54

22 октября 1844. Воскресенье. Астрахань.

Весело и радостно пишу я теперь к вам, милый мой отесинька и милая маменька. Я покончил все свои труды, подал вчера последний и самый большой отчет и теперь чувствую только усталость, законное право на отдых. Я так работал эту неделю, что едва ли был бы в состоянии протрудиться так еще одну, ибо, признаюсь, очень утомился; мне непременно хотелось поскорее развязаться с своим отчетом и развязался, хотя отчет очень велик, листов в 40. Я работал по 14, 15 часов в день и более, почти не вставая с места, все в склоненном положении и окончил в ночь на пятницу весь отчет свой. В пятницу я засадил 4-х писцов за переписку, сам написал листов 14, и отчет был совершенно готов в ночь на субботу. Надо было прочесть и

сверить его, поправить ошибки, и в субботу поутру я послал за Бюлером, который вызывался помочь мне, т. е. вместе считывать. Я был в таком веселом расположении духа, что написал ему следующую записку. После формулы латинского поклона от таковогo-то к барону Римской империи [1] и слов veni, vide et audi [2] (приди, посмотри и послушай) следуют стихи:

Я полон умиления
(О неба благодать!):
Губернского правления
Отчет спешу читать.
Он operum corona *,
Он подвигов венец,
И римского барона,
Пленителя сердец,
Я вызываю ныне,
Окончив долгий труд,
Цитатом по-латыне,
В нагорний мой приют,
Чтоб вместе сверить дружно,
Не промахнулся ль я?...
P.S. Сигар твоих не нужно,
Довольно у меня.

Я пишу вам весь этот вздор потому, что малейшие подробности, знаю, вас интересуют. Окончив поверку часу в 3-м, я подал отчет и почувствовал, будто камень свалился у меня с плеч. Да, лучше усиленно потрудиться и сделаться свободным, нежели растягивать труд на долгое время. По крайней мере, я до тех пор не бываю покоен, пока я <не> выполнил лежащей на мне обязанности, и впрягаюсь в работу всеми силами. Вчера вечером я не писал к вам потому, что хотел отдохнуть, поболтать, полежать, не трудить глаз... Теперь у меня почти нет никакого занятия. На будущей неделе я стану по утрам рассматривать одно большое дело по поручению князя, а по вечерам займусь очищением недоимочных писем, которых накопилось много.— Работа в нашей канцелярии подвигается довольно успешно, но боюсь, чтоб мешкотность других наших чиновников, Павленко и Розанова, не задержала князя. Эти господа до сих пор не представили всех своих отчетов, между тем как у них было не больше поручений, а у Павленки почти вдвое меньше, чем у меня. К тому же скверный астраханский климат имеет влияние на Розанова, и он все хворает. А какая гнусная погода! Не верю, будто в Астрахани в октябре даже обыкновенно «все цветет и благоухает». Вчера шел снег, нынче идет мелкий дождик. Холодно, сыро, грязно, мокро, склизко... Каковы должны быть дороги! Мы, т. е. Оболенский и я, располагаем выехать недели через две с половиной или через три, ноября 9-го. Не знаю, доедем ли мы в тарантасе, только, верно, проедем долго. Видно, судьба хочет обогатить меня опыт-

* Венец трудов (*лат.*).

ностью и, показав приятные стороны зимнего пути, познакомить с осенним беспутьем. Почта жестоко опаздывает, а я с нетерпением жду ее. Она должна привезти мне известие об отъезде Гриши и о том, как Олинька это перенесла.— В последних письмах ваших от 7 октября вы пишете про хаос и беспорядок, царствующий в доме [3]. Вероятно, теперь все уже вошло в свои пределы, и колесо обычной жизни пошло в ход и обращается спокойно. Я не разобрал некоторых слов письма Веры. Она пишет: «здесь выходит...», но что это такое, не понял. Кажется: *библиотека для военных* [4]. Каким образом и какое принимают в этом издании участие профессора и Константин, не постигаю. Это могут быть статьи о военных, о полководцах и т. п. превосходные, но для военных собственно не имеющие никакого значения, ибо, вероятно, г. г. профессора не большие стратегики и тактики, а, впрочем, не знаю, с какой точки зрения пишутся эти статьи.— Я не верю тому, что сказал вам Яша про Оболенского [5]; Яша, вероятно, видел и слышал глазами и ушами Глумилиных. Да с какой стати ездил он туда? Опять пить кумыс?—

С любопытством вернусь я в Москву. Многое, вероятно, изменилось в мое отсутствие, некоторые взгляды и мысли пошли в отставку, а место их заняли новые интересы, так что я буду некоторое время отсталым. Некоторые строки письма Веры заставили меня подумать... Впрочем, я надеюсь не нарушить гармонии и мира.

Хотел было писать к вам еще, да нечего и, право, не в расположении. Не пишется, да и только. Вы знаете, что я не ленив, но время от прошедшего воскресенья до нынешнего дня пролетело безо всякой новой идеи для меня, как сон. Поэтому я, с откровенностью высказав вам нерасположение свое писать, заканчиваю свое письмо. Собираюсь на этой неделе предпринять труд: писать к Константину. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, крепко обнимаю вас и целую ваши ручки. Обнимаю милую Олиньку и всех сестер и братьев. Будьте здоровы. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение.

Ваш сын.

55

Астрахань. 29 октября 1844. Воскресенье.

По милости скверных дорог письма ваши, милый отесинька и милая маменька, от 14 октября получены мною 24-го. Очень благодарю вас за копию с Гришина письма, которое дает верное понятие о его впечатлении и о той жизни, которая его ожидает. По крайней мере, в этой губернии есть порядочные люди, да и жить он будет с добрым товарищем; губернатор человек еще молодой и образованный [1]. Не знаю, смыслит ли он много в деле, он служил когда-то кавалергардом. Здесь мы получили известие, что Дмитрий Оболенский, от которого Шереметев без ума, переводится товарищем председателя в Калугу [2]. Это повышение, сделанное без его ведома, должно быть ему очень приятно: сближает с Москвою, да и место больше по нем, не так самостоятельно. Князь, узнавши про это,

объявил, что после того мне надо быть обер-председателем... Но я не намерен до будущей зимы, т. е. зимы 1845-го года, менять места и, во всяком случае, не приму никакого другого, кроме прокурорского [3]. Вы знаете, что я кончил все свои работы, на этой неделе еще отделал несколько поручений и теперь не имею никаких, а потому делать нечего, и мне очень хочется ехать. Оболенский, слава богу, поправляется, и мы через 10 дней непременно едем. Мы бы поехали и раньше, но удерживают нас еще разные причины: тарантас наш еще не совсем готов, 8-го ноября должны мы еще получить из здешней казенной палаты деньги (по 50 рублей каждый) кормовые или, иначе, суточные, к тому времени наступят лунные ночи, да и Оболенский еще более укрепится в своем здоровье. Судьба хочет, чтоб я узнал осенний путь в России, и, кажется, знакомство будет короткое. Вероятно, мы проедем долго, тем более что опять на сутки завернем к Давыдову [4]. Если бы, паче чаяния, нельзя было продолжать путь на колесах, то, оставив тарантас у Давыдова, мы возьмем у него кибитку. Во всяком случае, 21-го, 22-го или 23-го ноября мы будем в Москве. Еще долго, очень долго!

Вы негодуете, что меня завалили работой [5], и маменька даже сравнивает меня с волом или лошадью. Я и сам был этому очень не рад, но теперь доволен. Своею работою я много облегчил ревизию, ибо теперь Розанов и Павленко своею мешкотностью задерживают очень, и князь, вероятно, внутренно мне чрезвычайно благодарен. Сделав почти больше всех, я имею, по крайней мере, законное право отдыха, заставляю тем молчать этих господ, которые, я знаю, несмотря на мое ласковое обращение, меня не любят. Правда, и я их не жалую, и мне так надоело видеть эти чиновнические фигуры ежедневно за обедом, не на службе, а в домашнем быту, слышать их остроты, желания, мечтания, восхищения, что я поэтому-то и спешу освободиться от сей приятной жизни. Признаюсь, скучно целый год не быть дома, обедать не за своим столом, всякий день видеться с одними и теми же лицами...

Честь и слава настойчивости князя. Помните, милый отесинька, Вы писали, что пронесся слух, будто князь представлял Строева за обер-прокурорский стол и получил отказ? Действительно, это так и было. Граф Панин отвечал, что он определяет туда только чиновников, в способности которых лично удостоверился, ибо нередко чиновники эти правят трудную должность обер-прокурора, и что не лучше ли Строеву принять место прокурора и со временем уже удостоиться помещения за обер-прокурорский стол. На это князь отвечал, рискуя поссориться с Паниным, что он не оставляет своего ходатайства, что ему, князю, как человеку с 40-летнею по службе опытностью и 10 лет правившему должность обер-прокурора, должно, кажется, быть известным не менее графа, что нужно для этой должности, что граф может положиться на него и что представления ревизующих сенаторов непременно должны быть уважаемы, иначе они лишатся всех средств иметь при себе хороших помощников. Вместе с сим князь просил исходатайствовать ему у государя дозволение по окончании ревизии прибыть по делам службы в Петербург. Я думал, что граф Панин обидится и как человек упрямый ни за что не согласится. Напротив, граф

самым вежливым письмом отвечал, что непременно исполнит требования князя в отношении к Строеву по окончании ревизии. Таким образом и в других случаях, вовсе безнадежных, князь всегда достигает цели. Разумеется, никогда он так не настойчив, как тогда, когда дело идет о другом. Поездкою в Петербург поддержит он лично все свои представления.

Теперь я пользуюсь досугом, делаю far niente *. Хотел писать много писем, но отложил до личного свидания. Чего же лучше? Впрочем, от нечего делать я пишу стихи, но не скажу, чтоб это было с сильным душевным участием, а так, практикуюсь. Скоро, скоро опущусь я в водоворот московской жизни, когда я ничего не буду делать и вечно не буду находить времени; так уж, видно, самим господом богом устроено! Впрочем, постараюсь избежать этого предопределения, но трудно, знаю по опыту прежнего времени.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, цалую ваши ручки и обнимаю вас. Еще одно или два письма от меня к вам, еще два письма от вас, и переписка наша кончится. Прощайте, обнимаю всех сестер и братьев... письмо это, верно, перешлется во Владимир. А<нне> С<евастьяновне> и Над<ежде> Ник<олаевне> мое почтение. К атаману заеду проститься[6]. Будьте здоровы.

Ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. То, что я пишу о Строеве, разумеется, между нами...

56

Ноября 5 1844 г<ода>. Воскресенье. Астрахань.

Вероятно, это письмо будет уже последнее, милый мой отесинька и милая маменька. Впрочем, можно будет еще написать в середу, накануне отъезда, если успею. Четверо суток, не более, остается жить нам в Астрахани! Тарантас готов: он не щеголеват, но чрезвычайно удобен и поместителен, и я боюсь только, не будет ли он тяжел. Бог знает, доедем ли мы до Москвы в тарантасе. Говорят, от Царицына уже лежит снег. Хорошо было бы довезти его до Давыдова, у которого мы могли бы взять повозку, да и в том слухи о дороге наводят сомнение. Во всяком случае, придется ехать на 5 лошадях. Как бы то ни было, но поскорее, поскорее в путь.

Теперь постараюсь отвечать на ваши письма. Признаюсь, негодование в мою пользу и к невыгоде Б<юлер>а и О<боленско>го, так резко выраженное в письме Вашем, милая маменька, произвело на меня тягостное впечатление. Вы ослепляетесь на мой счет. Если бы действительно было так, как Вы говорите, т. е. что меня почитают *пошлым работником*, *возвышенным Акакием Акакиевичем* [1] и т. п. (чего, впрочем, нет), то пощадите мое самолюбие, не говорите мне этого. Горда моя душа и щекотится всяким негодованием и сожалением, касающимся моих внутренних личных достоинств. Я готов вынести все, проглотить всякую обиду, но никогда не

---

* Безделье (*итал.*).

буду плакаться и говорить, что меня не понимают, меня обидели. Всякий говорит это, всякая мать пристрастна, и большею частью оба несправедливы. Так не станем же мы в пошлые ряды этих всяких, если сознаем свою справедливость, и будем молчать об этом. Впрочем, я уверен, что Вы нигде и никому не выражали этого негодования. Я от души люблю Оболенского и от души за него радуюсь, а Яша врет [2]. Но, милая моя маменька, будьте покойны и не огорчайтесь моими словами: я бодр и горд, и светел, и радостен и могу Вас уверить, что Вы ошибаетесь. Как испугало меня это происшествие с Олинькой! Надо же было случиться такому несчастию именно с нею. Дай бог, чтоб я ее нашел довольно бодрою и в состоянии встретить меня без припадка. Вы пишете, что она худа: не позволит ли ей Овер кушать саламат [3]. Это очень питательно, и мягчительно, и полезно для груди. Нет, доктора не позволят этих простых средств, а я бы попробовал: сначала понемножку, а потом можно было бы усилить прием. — Знаете, как меня удивило известие, что Костя занимается во флигеле у Ник<олая> Тим<офеевича> [4]. Это большая решимость с его стороны: он занимается не у себя дома, а на квартире и с успехом. Славу богу, мне уже видится конец, настоящий конец диссертации. Vivat! *

На днях прочел я вторую часть романа Диккенса [5]. Описание Америки очень интересно, хотя и видна национальная ненависть. Как отвратительны Соединенные Штаты, эти гнилые плоды Европы на чужой почве, эти преждевременно перезревшие дети. Ох, уж как надоели мне эти антологические стихотворения, с длинными словами, избираемыми в особенности с двумя *н*, *н* для гармонии. Так и господин Аполлон Майков. «Под сенью полуденного сада» [6] можете встретить в каждом стихотворении. Я знаю по опыту, что такие стихотворения писать не трудно.

На нынешней неделе я также не остался без занятий. Р<озано>в болезнью и мешкотностью своею приводит князя в отчаяние. У него еще много отчетов не написано, а потому и просил меня князь написать за него отчет по 2-му отделению, тем более что я ревизовал все прочие отделения. Для одинаковости системы это было необходимо, и я написал отчет и по р<озанов>скому отделению, взяв его тетради и замечания. Не знаю, было ли это приказание князя ему приятно, но я должен был выкинуть более половины замечаний. Теперь *аранжирую* весь отчет по губернскому правлению — в форме предложения. Не знаю, долго ли князь останется после нас, но полагаю, что не далее 2-х недель. С завтрашнего дня начинаю прощальные визиты, которых всего три: к Бр<иген>у, к управляющему губернией и к П<оливано>ву, управляющему таможней, единственные лица, с которыми я более в близких отношениях, нежели с другими. Странное дело. Обыкновенно, когда оставляешь место, где несколько обжился, свыкся, оставляешь с тем, чтоб, вероятно, никогда не воротиться и не увидаться с здешними жителями,— обыкновенно тогда невольно делается грустно. Что станется с этими лицами, в которых теперь принимаешь хоть какое-нибудь участие, чем кончится это, будет ли счастлив такой-то, все это вопросы, которые рождаются невольно, когда навсегда покидаешь ме-

---

* Да здравствует! (*лат.*).

сто. Трудно как-то вообразить существование людей без себя. Но ничего подобного не ощущаю я при отъезде из Астрахани. Бог с нею!

Итак, письмо это последнее. Может быть, я и напишу в середу, но не ручаюсь. Если не напишу, то это будет значить, что отъезд наш не отложен. А чтоб вам было не скучно дожидаться меня, посылаю вам стихи свои под шуточным названием: «Колумб с приятелями» [7]. Пожалуйста, не думайте, чтоб они были написаны с какою-нибудь особенною мыслью, с какого-нибудь повода. Они имеют тот недостаток, что длинны и как-то урывчаты. Впрочем, это происходит от образа жизни: едва ли я бываю не тревожим кем-либо хоть в продолжение часа. Хотел было посвятить их Константину, да испугался, к тому ж и стихи того не стоят. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Олиньку и всех сестер и братьев! А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. До свидания!

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

57

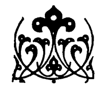
Середа. 8 ноября 1844 г<ода>. Астрахань.

Накануне отъезда, среди ужасного беспорядка, царствующего в комнате, хочу написать вам несколько строк, милый отесинька и милая маменька. У нас здесь настоящая зима: более 10 град<усов> мороза. Холодно и ветрено. До Царицына надеемся доехать на колесах, а в Сарепте [1], вероятно, принуждены будем остановиться на сутки или около того, чтоб поставить тарантас на полозья. Опять придется нам испытать все неприятности зимней дороги. Хорошо, что у нас шинелей, шуб и меховых одеял довольно. Итак, с богом, в путь. На дороге завернем к Давыдову, где отдохнем также сутки. Следовательно — едва ли буду я в Москве прежде двух недель. Слава богу, наконец-то покидаю я Астрахань. Прощайте, целую вас, до свидания!

Может быть, напишу из Сарепты или из Тамбова.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Обнимаю всех. Не пишу к вам больше потому, что некогда.

1845

58

1845 года сентября 7-го, 9 часов вечера.
Гостиница «Киев». Калуга.

Пишу к вам из Калуги, милый отесинька, милая маменька, Костя и все сестры. Перо прескверное, но делать нечего. Я приехал вчера вечером часу в 8-м, слава богу, совершенно здоров, нынче уже начал отчасти свое калужское поприще, но, следуя Константиновой системе, расскажу вам все по порядку, тем более, что подробности, знаю, вас также интересуют. Попов с Мамоновым [1] проводили меня до заставы. От самой заставы началась ужаснейшая дорога: рытвины, ямы, овраги, горы, засохшая грязь и к довершению всего станции ужасные — по 35, 30 верст! На дороге от Москвы к Шарапову (35 верст) проехал я через Микулино, откуда видел огонь в тропаревской церкви: была всенощная — по случаю престольного праздника [2]. В Шарапове я пил чай, и жена смотрителя предупредила нас, что за Быкасовым (второй станцией) шалят: бежало человек 11 из острога, зарезали 5 или 6 человек, да еще товарища своего, который, будучи хром, не мог за ними быстро следовать. Эти люди зашли в дом одного боровского купца, которого убили, других, кого нашли, изувечили, но не тронули, однако, 5-летнего ребенка, спавшего на постели, напротив, как рассказывала хозяйка, поцаловали его, приласкали и дали баранок. От Шарапова до Быкасова 29 верст, от Быкасова до Боровска с лишком 30. В Быкасове я не выходил, постарался заснуть дорогой, но не было никакой возможности, дорога слишком невыносима. Никаких разбойников не встретил, да я и забыл о них, ибо мне все хотелось дремать. Но Порфир [3] в дороге был очень хорош и все бодрствовал. На дороге от Быкасова к Боровску, часу в 3-м ночи, увидал я большие освещенные дома и очень было удивился, но узнал, что это бумажные фабрики, на которых живет тысячи по две работников и где работают, сменяясь, и день и ночь. Черный, густой бор сопровождает вас почти во всю эту станцию к Боровску. Приехав в Боровск довольно рано поутру, я прождал там часа три: лошади есть, а не дают, по приказанию городничего, велевшего задержать этих лошадей под проезд Сенявина [4], который, не знаю для чего, проедет через Калугу. Посылал Порфира и смотрителя к городничему, и наконец тот приказал дать мне лошадей, без всякого вознаграждения с моей стороны. От Боровска до Малого Ярославца 24 версты. Напившись в Боровске чаю, я не останавливался нигде, проехал Малый Ярославец, Семякинскую и

часов в 7 въехал в Калугу, к изумлению жителей, увидевших новое лицо. Боровск довольно большой город, Ярославец, построенный на крутой горе, поменьше, но оба не представляют ничего особенного. Везде на дороге поражал меня костюм женщин: вообразите себе довольно высокий головной убор, такого вида , четвероугольный спереди. Из-под этого убора выпускают они — я думал сначала, что букли, мелкие, какие носили лет 12 тому назад,— нет, не букли, а черный крупный бисер, что совсем некрасиво. Рубашку подвязывают на четверть ниже талии (сарафанов я не встречал), да еще же выдергивают ее, так что она висит еще ниже, а сверх рубашки надевают поневы [5], юбки, которые подвязывают рубашку. Не знаю, как в праздник, а будничный костюм слишком небрежен и некрасив вовсе. Я видел женщин пашущих. На последней станции к Калуге перебежал мне дорогу... не заяц, а волк, мимо которого мы проехали потом шагах в 30,— так близко, что, кажется, будь у меня ружье, и я застрелил бы его. Калуга довольно большой город, виден верст за 5. Наконец приехал я в «Киевскую» гостиницу, меня повели во 2-ой номер, довольно чистый, и тут я нашел Егора [6] не пьяным, как ожидал, а больным и серьезно больным. Он и теперь лежит в моем № за перегородкой. У него во всем теле колотье, особенно под ложечкой, сильный кашель, он же не бодрого десятка, ежеминутно стонет, охает, бредит и кричит, что умирает. Впрочем, мне кажется, что болезнь сама по себе не большой важности, а он не бодро хворает и слишком трусит. Они с Матюшкой [7] приехали еще во вторник вечером, и он сейчас же и слег. Председатель угол<овной> п<алаты> Яковлев присылал справляться — приехал ли я,— ему сказали, что меня нет, а здесь люди и из них один болен; тогда он прислал своего лекаря, который был раза два у Егора, дал ему лекарство, но лекарство это ему не очень помогло. Со стороны Яковлева это довольно мило и любезно, если это основано не на каких-нибудь видах, ну да об нем в свое время. А знаете ли, что помогало Егору? Хозяйка гостиницы, бывши в Москве, вылечила сестру свою, от которой все доктора отказались, гомеопатией, сама того не зная; лечил доктор Газ [8], у ней еще остались кой-какие лекарства, и она дала ему несколько капель. Я попросил посмотреть, что такое,— и увидал *Belladonne* *. Нынче в бане растирал Порфир Егора суконкой, медом, маслом и солью, не знаю, что будет от этого, я ему дал принять еще белладонны, и он теперь покойнее; если же завтра не будет лучше, то пошлю за другим доктором, получше.— Приехавши, напился чаю и лег спать довольно рано, но и встал рано, выбрился, умылся, оделся, натянул мундир и часу в 9-м отправился с Матюшкой к губернатору, Николаю Михайловичу Смирнову [10]. Он принял меня чрезвычайно ласково, дал мне пахитоску, говорил про свои затруднения, не очень доволен Калугой, видно, что он рад мне был, как не калужскому жителю. Не знаю, что он будет, видно, что он недалек, но, кажется, он так себе, ничего, и с ним можно ладить. Сказал, что жена его [11] будет через 6 недель, что я мо-

* Белладонна [9] (*лат.*).

гу тогда приезжать хоть каждый день, потому что общество мало и выезжать ей некуда; министр, кажется, рекомендовал меня ему еще в Петербурге. Он сам приехал до меня дня за 4, не больше... Оттуда поехал к председателю, Ал<ександру> Ив<ановичу> Яковлеву... Ограничен, дело смыслит плохо, но довольно, кажется, оборотлив, картежник, сделал себе состояние женитьбой (что очень не нравится Смирнову, как мне Смирнов же говорил). В палате, кажется, играет он пустую роль; я поставил себя, кажется, к нему в хорошие отношения, т. е. взял над ним сейчас перевес, выкурил у него сигару, и так как он сказал, что еще ничего не знает о моем определении официально, то отправился вместе с ним же к Хитрову, вице-губернатору, который должен был знать — есть ли в губ<ернском> правлении указ обо мне. Пока справлялись, я выкурил у Хитрова еще сигару. Хитров человек чрезвычайно *обходительный*, любезен, ловок, развязен, он мне не совсем нравится. Он со всякою дрянью запанибрата, без разбору со всеми играет в карты, пустомелит и, кажется, не чувствует потребности в другом обществе; откровенен со всеми без нужды, шутя расскажет вам совсем нехорошие про себя вещи, и я не поручусь, чтоб он не знал, что чиновники многие ему проигрывали и нарочно. Вся мелкопоместность Калуги его очень любит, потому что он действительно добрый малый и особенно дурной, т. е. положительно дурной arrière-pensée * у него, чай, и быть не может... Это особенный род людей, которых много. Он женат и недавно поместил сына в лицей; лицо его принадлежит к таким приятным и мягко очертанным лицам, которые не скоро стареют. От него поехал в палату. Заседатель Карпов [12] и секретарь хорошие люди и грамотные. Дел в палате очень немного, дела идут исправно, арестантов почти нет... Я ввел уже некоторые необходимые исправления, взял несколько дел на дом, со временем постараюсь привести еще в лучший порядок, и кажется, бог даст, с этой стороны мне будет мало хлопот и затруднений. Пробыв в палате часа с три, отправился домой, переоделся и поехал к Унковскому [13]... Но я устал, так позвольте отложить до завтрашнего утра... Скажу только, что мне покуда все это очень скучно...

Суббота. Утро.

Унковских не было дома, кроме старшего сына, Михайлы[14], который сейчас меня узнал и мне очень обрадовался. Скоро приехал сам Унковский с женою [15]. Они меня оставили у себя обедать, были ласковы и внимательны как нельзя больше. Старик Унковский обещал сказать все про Калугу, что необходимо мне для руководства, и сыскать мне квартиру. В самом деле, это дом довольно «*приятный*». В нем вовсе не играют в карты, но «занимают гостей музыкою и разговорами». Главное, что там могу я найти много книг для чтения, а английских сколько угодно. Унковский сам довольно интересный человек. Вместе с другими 20-ю кадетами был он послан императором Александром в Англию для поступления в английскую морскую службу, где он прошел все первые чины, носил английский мундир, пробыл в Англии с лишком 5 лет. Следовательно, он говорит и знает по-анг-

* Задней мысли (*фр.*).

лийски превосходно, страстный поклонник всего английского, страстный охотник рассказывать про Англию, страстный почитатель Диккенса. В самом деле, человек он прекрасный, препочтенный, добрый, образованный, только мне кажется, что он слишком чувствует свое почтение и говорит немножко дидактическим тоном. Жена его женщина простая и добрая. Дочерей я видел [16] только за обедом: они недурны, но черты лица слишком грубы, кажется — незамечательные девушки. Собственно в Калуге превозносят барышень Толстых, получивших самое «*высшее*» образование. Унковские обласкали меня бог знает как, звали к себе почаще... После обеда отправился я с Михайлой Унковским смотреть квартиры: все без мебели, безо всего, просят 450 рублей и более. Уверяют, что можно найти и дешевле этого. Находившись, воротился я домой и зашел к прокурору, который, приехав часами двумя позже меня, остановился рядом со мною и несколько раз заходил ко мне, но не заставал меня дома... Это человек лет 35, низенького роста, жиденький, с гладко приглаженными, короткими волосами, физиономия смугло-лакейского цвета, не совсем приятная. Учтив, говорит тихо, разборчиво и осторожно, словом, человек, воспитанный петербургскою службою.—

Вот и весь день; город большой, чистый, мощеный, здания есть прекрасные, виды чудесные.

Какая погода! Если такая же у вас, то Вы, верно, на пруду или на реке, милый отесинька. Писем, пожалуйста, писем, напишите мне, как чувствует себя Олинька и маменька. Что нового, что особенного? Поскорее бы мне устроиться, а то очень скучно. Поди, знакомься, применяйся, слушай вздор...

Прощайте, целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, обнимаю вас, обнимаю братьев и сестер. Будьте здоровы и покойны на мой счет: я совершенно здоров. Егору, кажется, несколько лучше. А<нне> С<евастьяновне> мое почтение. Прощайте, напишу, если успею в следующую почту.

Ваш сын *Ив. Аксаков.*

59

Сентября 9-го 1845 г*<ода>. Воскресенье вечером.*
Гостиница «Киев».

Времени свободного покуда так много, что я, при неустройстве моем, не знаю, что с ним и делать, милый отесинька и милая маменька. Почта отходит во вторник, но я решился начать к вам письмо нынче. Прежде всего скажу, что Егора нынче, по совету доктора, отправил я в больницу,— ибо ему предстоит горячка,— за что заплатил вперед 15 рублей, да доктору 10, да взял он жалованья еще в Москве за сентябрь вперед, да недочету в его счете чистых рублей 15. Сверх того в счете своем он показал много таких издержек, в существовании которых я сомневаюсь, напр<имер>, что он заплатил будто бы лишну за сено, да за обеды и ужины (4 р<убля> 40 к<опеек>), когда ему сказано было не платить. Изо

100 рублей, данных ему в Москве, 35 вычел он себе в жалованье, 10 р<ублей> дал в задаток извозчику (остальные 40 заплатил я уже здесь), из остальных же 55 рублей не осталось у него ни полушки, счет представлен только на 40... Матюшка сказывал Порфиру, что он во всю дорогу был пьян, да и лекаря приписывают отчасти болезнь его этому. Разумеется, он болен, и я не имел с ним никаких по сему случаю объяснений: мне жалко его, да и досадно. Как его отправили, нашли у его постели пиво, которое он тянул и в болезни... Скажите, что делать? Пока я продержу Порфира, который до сих пор ведет себя хорошо и усердно, хотя к камердинерской должности не совсем способен,— но посоветуете ли вы мне держать Егора, который еще неизвестно когда выздоровеет? Приискать человека? Не знаю, возможно ли это в Калуге, мне нужен человек и повар вместе, попросить разве Унковского?.. Порфир изъявляет желание или готовность остаться со мною, с тем, чтобы прислали ему Ванюшку на выучку и в подмогу,— да и он ненадежен, хотя с омерзением каким-то говорит о пьянстве... Я бы дождался Егорова выздоровления, да боюсь, что он по жидкости и старости своей опять свалится; сверх того, сомневаюсь — точно ли он может быть поваром, а если бы и стал поваром, что для него дело непривычное и тяжелое, то как бы, по суетливости своей, не наделал пожара. Домы деревянные и большею частию незастрахованные... Эти домашние заботы несколько развлекают меня в моей скуке. Вот вам мой вчерашний день: докончивши письмо к вам, отправился я к обедне, в церковь, где служил архиерей. Не мог почти пробраться в нее, взглянул на архиерея, который мне не очень что-то понравился, и, встретив Михайлу Унковского, отправился с ним в собор. Собор просторен и светел, но выстроен лет 25 тому назад, по казенной архитектуре и мне очень не понравился. Из собора прошли на бульвар, на берегу Оки, откуда чудесные виды. Бульвар очень хорош, не в виде вытянутой линии, а целого сада, и действительно, а не насмех, тенистого и развесистого [1]. Унковскому попались знакомые «барышни», и я отправился домой, где нашел загнутые визитные карточки Яковлева и прокурора. Посидев дома, отправился смотреть указанные квартиры, ходил часа три и дошел пешком до Унковского, которые звали и присылали звать меня обедать. Кроме старшего сына и отца, я мало знаком с семейством. Дочери все толкуют об увеселениях, ни до чего другого, кажется, нет дела, и я часа с два после обеда пробеседовал с отцом Унковским. Утешься, Костя, он решительно тянет к Москве, и первым положением его мнений — то, что Петербург не должен как столица и пр. Понимаешь? Статью Хомякова о путешествиях[2] он очень заметил и превозносит, говоря, впрочем, что не со всем согласен; но не любит Наполеона, разделяя английские предубеждения! Человек прекраснейший, строгой нравственности, религиозный, образованный, но иногда может быть и скучен. О стихах еще нет помину, их, кажется, в Калуге не жалуют. Унковский дал мне две сочиненные им записки о состоянии крестьян, дал несколько книг. Воротясь домой, занялся я делом палатским, потом лег в постель, взял в руки свой «Consulat et l'Empire» *, но мало читал, а так

* «Консульство и империя»[3] (*фр.*).

выкурил себе сигару в раздумье. Мне все как-то не верится, не ясно, что я в Калуге! Поутру нынче опять занялся делами, потом поехал с визитами к тем, кого рекомендовал Унковский: к председателю палаты казенной — Хрущову [4], — государств<енных> имущ<еств> Брылевичу [5], гражданской — Писареву (вашему знакомому [6]), к губ<ернскому> предв<одителю> дворянства Чаплину, к дворянским заседателям уголовной палаты и к купеческому заседателю, бывшему у меня накануне и звавшему на закуску (я не поехал на закуску). Хрущова, Писарева, Чаплина не застал я дома, но Чаплин уже отдал визит мне — и также не застал меня. Во время разъездов посмотрел я квартиру, которую прежде по моему приказанию осмотрел Порфир, и нанял. Переезжаю в середу или четверг. Слава богу! А то жить с лошадьми в гостинице дорого. Адрес: на *Дворянской* улице (скверное название, но что делать, улица хорошая), в доме поручицы Ивановой. Домик 2-хэтажный, деревянный, со всеми принадлежностями, даже с чистенькой баней. В одной половине хозяева, в другой я. Хозяева люди прекрасные, комнаты не велики, но чисты, число им, без передней, 4, но одна должна быть отдана человеку. Спальная и кабинет вместе, гостиная и зала. Цена 350 рублей в год. Дешевле, и даже не дешевле, но чище и лучше нигде не мог найти. Сверх того, квартира с мебелью, только мне придется заказать письменный стол, что сделает мне столяр, рекомендованный Унковским, за 12 рублей. Впрочем, я еще не заказывал. Переехать раньше нельзя потому, что еще комната одна не совсем ухичена [7]. Все говорят, что квартира теплая. Перееду, разложусь, устроюсь, закуплю овес (пока он не вздорожал), дров, сена и тогда определю свой бюджет и пришлю вам план. За три месяца вперед я уже заплатил.— Воротившись домой, послал я за доктором Эргардом, который решил, что Егора надо в больницу; между тем приехал Смирнов с визитом, потом Хитров, о котором продолжаю слышать много скверного, хотя все купечество Калуги его обожает. Прислали от Унковского звать к обеду, но я отказался. Пообедав дома, почитав, отправился на бульвар. Долго сидел я там и курил сигару, до меня долетали песни песельников с Оки, по которой катались в шлюпке семейства Унковских и Хрущовых. Проходило мимо меня калужское общество: много недурных собою. Все с глупым любопытством смотрели на меня, но ах и увы! как все разочаруются, узнав, что я не танцор и не любезник! Вечер провел дома и сел писать к вам. Нынче в понедельник, часу в 11-м (здесь ездят в присутствие не раньше 11), поработав над делами, отправился в палату, где просидел до 3-го часа. С председателем мы в учтивых, но холодных отношениях. Он игрок и принадлежит совсем к другому классу общества. Калуга такой город, в котором много слоев и кружков общества, есть многочисленный круг купеческий, игроков и т. п. Многие семейства совсем незнакомы друг с другом. Мое вступление в калужское общество было так тихо и скромно, так много новых чиновников вдруг назначено, что едва ли было заметно. Один экипаж, великолепнейший изо всех калужских, обращает на себя внимание. Если б у меня была пролетка с верхом, я, может быть, отослал бы одну лошадь. Парой слишком великолепно. Воротившись из палаты, узнал я, что сам старик Унковский приезжал звать меня к обеду. Я и отправил-

ся к нему, обедал и потом ходил по бульвару с сыном его, который зашел ко мне, напился чаю и сейчас только ушел.

Посылал на почту — но писем нет от вас! пора бы получить мне их. Мне так хочется знать, что у вас делается, что Олинька? Письмо это придет если не к 14-му, то к 17-му, поздравляю Вас, милый мой отесинька, и Вас, милая маменька, и в особенности Надиньку и всех именинниц[8].

Я предпочел писать скорым почерком, гораздо скорее пишется, нежели тем мелким и убористым, каким я писал в Астрахани. Будущее письмо надеюсь писать к вам с новой квартиры. Завтра пробуду дома, несмотря на то, что и завтра звали меня обедать к Унковским, но я не пойду, совестно, и без того я часто у них обедаю, лучше прийти вечером.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, напишите мне правду о здоровье вашем и Олинькином, обо всем и обо всех; целую ваши ручки, будьте здоровы. Обнимаю Костю и Веру, и Надю, и Любу, и всех сестер. Что делает Костя? Что рыба? Что Гриша?

Ваш *Ив. Аксаков.*

60

15 сентября 1845 г<ода>. Суббота.

Наконец получил я ваши письма, милый отесинька и милая маменька, оба письма вместе, в середу, писанные от пятницы. Не знаю, будете ли вы писать следующую почту, но, во всяком случае, прикажу на почте справиться. Все эти дни я был в больших хлопотах, перевозился на квартиру, а главное... у меня умер Егор в больнице— в ночь с середы на четверг, предварительно исповедавшись и причастившись. Я сам не был в больнице, а посылал об нем наведываться Порфира, но не ожидал этого. Нынче его будут хоронить: я съезжу в церковь. Все оставшееся после него имущество сложил я в один сундук, сделал две описи, запер и запечатал. В сундуке оказалось много моих вещей, которые я считал потерянными[1], Костинькина рубашка голландская, Гришина салфетка, которые я вынул, но много вещей, которые я знаю, что наши, но не имеют метки, оставил в сундуке. Может быть, у него была страсть прибирать все к месту, потому что у него же нашел я билет на «Отечеств<енные> зап<иски>» 1845 г. и отсылаю его к вам обратно,— нашел дробь... Денег ни копейки. Вот человек, который сорок лет отправлял одну должность, который так сроднился с этими обязанностями и привычками, что ничего не желал лучшего и гордился, может быть, своим званием. В бреду горячки он часто вскакивал и говорил, что надо подавать чай или чистить сапоги, и, может быть, целый ряд сорокалетних услуг, и служба молодости, и служба зрелых лет, и служба старости проносились перед ним в памяти... Молодость! И она была для него, полная надежд на будущность, на вольность... Пришла вольность, но все та же действительность, и время притупило другие желания и сдружило с обязанностями... Судил же ему бог умереть в Калуге. Признаюсь, я рад, что это случилось не у меня в комнате...

В то самое время, как это происходило в отдаленной части города, давался шумный бал, на котором бешено подвизалась калужская чиновная

молодежь. Видите, в чем дело. Все прекрасные люди в Калуге терпеть не могут Хитрова, все скверные и дрянные его любят. Приехал новый губернатор, должность которого правил года два Хитров, по этому поводу все его друзья-приятели вздумали дать ему бал и ужин. Разумеется, предводителем или президентом в этом случае мой скотина председатель Яковлев. Его никто не приглашает, но это делается как-то само собою. Его никто не благодарит, напротив, он подвергается тысяче неприятностей, но великодушно и беспрепятственно выносит их, и в следующий раз опять он же распорядителем! Эти господа учредили подписку по городу ... Совестно как-то не подписать, да это значит мешать другим, да выходить напоказ, да дочерям хочется на бал... Помялись прекрасные люди, презирающие Хитрово́, да все и подписались на бал и ужин, «*даваемые в честь Ал<ександра> Ник<олаевича> и Елиз<аветы> Ник<олаевны> Хитрово калужским благородным обществом*!» Какое лучшее доказательство привязанности жителей, добровольное! Впрочем, оно не было совсем добровольное в отношении к второстепенным чиновникам. Да помилуйте, говорили при мне дворянские заседатели угол<овной> палаты, отдавая чуть не со слезами кто беленькую, кто две красных [2], да нынче овес дорог, жалованье у нас маленькое. Сумма собрана значительная. Я как приезжий, разумеется, не участвовал в подписке, но получил приглашение и в середу часу в 10-м, заехав за Унковским (Михайлой) , отправился на бал. Очень хорошенькая зала под мрамор в два света и несколько чистых комнат уже наполнялись гостьми. Я забыл сказать, что дом частный. Распорядителем Яковлев, хозяйкой — полицмейстерша, Катерина Ивановна, фамилию забыл. Толстая и очень некрасивая баба, надевшая столько прозрачной кисеи и тюля, что складки пелеринок давали вид крыльев, принимала гостей с грациозными, по ее мнению, движениями. Я ей не представлялся, но весь город знает Катерину Ивановну, потому что Катерина Ивановна держит в руках мужа своего, полицмейстера, и вместо него управляет полицией. Прежде она была городничихою в Малом Ярославце, учреждала налоги и собирала подати с города, наконец мужа ее повысили в полицмейстеры, а, услышав о назначении нового губернатора, Катерина Ивановна съездила в Петербург и заблаговременно выхлопотала мужу еще хлебнейшее местечко. Гости приезжали один за другим. То губернский механик, то делопроизводитель округа путей сообщения, то секретарь строительной комиссии, то чиновник по особым поручениям. Все служащие! Молодежь, подающая богатые надежды России! Такое стремление к чинам, такое усердие к службе, такое прилежание... Много будет штатских генералов из предстоящих! Почему же теперь и не повеселиться? так рассуждали около меня или, кажется, рассуждали некоторые пожилые чиновники. Что касается до костюмов, то были и прилично одетые, были и в пестрых жилетах, пестрых шарфах, и даже в пестрых брюках. Дамы... но признаюсь, я больше смотрел на мужчин, на молодежь, беспечную, равнодушную, не тревожимую никаким интересом национальным или хоть общечеловеческим, годящуюся только на подтопку! Дам меньше, чем кавалеров, хорошеньких немного: две Унковские, Половцова, Чернова, — но хороша собою и глубоко хороша Толстая, брюнетка, ко-

торую Константину лучше и не показывать. В самом деле, столько спокойствия и глубины души в ее глазах... Она меня заинтересовала особенно потому, что мне известны такие секреты ее сердца, которые известны только ей да тому, кого касались. Вы знаете, я всегда эдакое депо * чужих тайн. Впрочем, кроме Унковских, не знаком я ни с одной дамой. Наконец приехал Хитрово, потом Смирнов. Заиграли марш и начался польский, продолжавшийся около часа! Смирнов прошелся с купчихой, единственной бывшей на бале и уже старухой. Я любовался и советником губ⟨ернского⟩ правления жидом Тобиасом[3], мошенником страшным, любезником еще страшнейшим, и военным чиновником, присланным из Петербурга для следствия об испорченном куле муки казенной, давно уже употребленном в дело, чиновником, проживающим здесь уже давно, жандармским штаб-офицером — тоже мошенником и мерзавцем... Полюбовавшись, часу в 12-м уехал я домой. Но бал продолжался до 4-х часов, а в 4 сели ужинать. За ужином последовали тосты о здоровье и благополучии Хитровых, и Хитров обходил общество и благодарил, а тузы общества отвечают *про себя* ему бранью...

Я уехал рано и хорошо выспался. На другой день, когда часу в 6-м пошел я бродить по бульвару, стало заходить солнце в Оку, стало смеркаться и наконец заблаговестили колокола ко всенощной, празднуя тысячелетнее торжество [4], мне стало отраднее, легче после неприятных впечатлений, производимых дряннотою самых прекраснейших и благороднейших людей.

Нынче 15-ое, день Никиты и праздник Никитского монастыря, послезавтра 17-е, с которым поздравлял и поздравляю еще раз всех вас, а именинниц в особенности, а письмо это, верно, придет не ближе 20-го, дня Вашего рожденья, милый мой отесинька: поздравляю Вас и крепко, крепко обнимаю. Поздравляю и всех.

К сожалению, Михайла Унковский по делам отца отправился в Кострому и Владимир и воротится только через месяц. Он — единственный человек, с которым я здесь довольно короток, как с товарищем, ибо привык его видеть у наших правоведов.

От Гриши я еще ничего не получал.

Вчера переехал я на свою квартиру. Она еще не отделана вполне, но я поспешил переехать, потому что в гостинице дорого и неудобно. В будущий раз пришлю вам план.

Прощайте, пора на почту. Видите, я пишу к вам часто, да как много. Будьте здоровы и не беспокойтесь обо мне. Обнимаю вас и цалую ваши ручки, обнимаю Костю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До вторника.

Ив. Аксаков.

* От depau (*фр.*) — хранилище.

61

18 сентября 1845 г<ода>. Вторник. Калуга.

Вчера в палате получил я письмо ваше, милый отесинька и милая маменька, от 13-го вечером. Это уже третие, первые же два я получил зараз. Довольно странно показалось мне, что вы ничего не пишете о болезни Егора. Это обстоятельство, само по себе серьезное, и кончилось, как вам уже известно, серьезно. В субботу его похоронили. Я приезжал на несколько времени, но всю тяжесть и все хлопоты взвалил по этому случаю на Порфира, который в этом отношении очень полезен. Не знаю, как будет дальше, а покуда Порфир так усерден, догадлив, что и желать больше нечего. Вчера разобрали мы все сундучки и ящики. По описи недостает двух новых подносов, — я знаю, было отпущено с Егором много банок варенья, их нет ни одной. Кроме того, отпущено было, кажется, разных круп и других вещей и вещиц, которых теперь не упомню, которых теперь нет и которые не могли пропасть здесь в Калуге, ибо я видел, сколько ящиков приехало с Егором, а, верно, оставлено им в Москве. Я не знаю, если б Егор остался жив, то с какими глазами предстал бы он мне, но, видно, бог кстати послал ему смерть. Мне не денег жалко, разумеется, но мне было очень досадно обмануться до такой степени в человеке. И ведь какие хитрости! Еще в Абрамцеве уложил он ваш молоток и утюг (может быть, вы искали, искали его, особенно молоток), не сказав мне ни слова, а в счет написал: куплен молоток и утюг — 1 р⟨убль⟩ 75 к⟨опеек⟩. По крайней мере, оказавшиеся молоток и утюг признаны Порфиром и Матюшкой принадлежащими нам. Впрочем, большая часть вещей в целости, жаль, что одна из этих пяти чашек разбилась. Хотя я и переехал, но помещаюсь теперь в гостиной, потому что спальная не готова. Впрочем, эти названия слишком громки для таких клетушек. Тем не менее, должен был я заказать два дивана, простых самых, турецких, и письменный стол, но вижу необходимость в двух шкафах: в одном для платья, в другом для буфета. Множество вещей уже куплено, как-то: ушаты, сковороды, ведра, тарелки и пр. и пр. Куплено также овса 23 меры (по 6р ⟨ублей⟩ овин ⟨ный⟩ и 5 р⟨ублей⟩ 80 такой), дров, сена, подряжена прачка... Наконец я уже обедал дома, своей кухней. Обед состоял из супа с курицей и соуса под морковью с той же курицей, которой (т. е. курицы), впрочем, я и не ел. Все это пойдет и на другой день, с возобновлением соуса. Впрочем, эти дни я ужинал всегда яичницей. — Право, смешно, до каких подробностей доходят мои письма! А знаете ли, что я в Калуге написал уже кучу писем ко всем. Не писал только во Владимир [1], откуда также не получал ни строчки. Письмо к Оболенскому [2] начал я эпиграфом:

Ах злодей — город Калуга
Разлучил от мила-друга!

Новейший песенник.

И написал к нему почти что набело́ и экспромтом стихи, которые очень нехороши и негладки и пусты, но я все-таки пропишу их вам.

Нет, с непреклонною судьбою
Не мог я сладить, милый мой!
Я взять ее пытался с бою,
Но кончил тщетною борьбою
С упрямой Панина башкой!

* *

И вот теперь, один единый
Брожу по улице моей:
Еще не спущены гардины,
Везде семейные картины
При блеске трепетном свечей!..

* *

А до́ма пусто, безотрадно
И будто в ссылке, дни мои
Проходят вяло и досадно,
Так утомительны нещадно
Без песен, дружбы и любви!

*

И мой досуг проходит даром,
Тоска меня лишает сил,
С бывалым я простился жаром,
Я поэтическим товаром
Давно портфель не богатил!

*

Но всякий раз вскипаю новой
Безумной яростью и злой,
Как вспомню я, что сей дубовый,
Сей дуралей, сей столб мачтовый
тому
Сей Виктор — сам всему виной!

*

Нет, полно, друг, закроем лавку;
Придет ли день, о мой Творец,
Когда, включив *закон и справку,*
Пошлю к Панину отставку
И буду волен наконец!

Впрочем, надо признаться, что это стихотворение написано было в такую грустную минуту и что, может быть, здесь, когда я совсем устроюсь, примусь я за работу. Так, по крайней мере, мне кажется. Знакомств новых я не сделал почти никаких, очень часто бываю у Унковских, раза два или три в неделю у них обедаю, — у них очень приятно, потому что бесцеремонно, дочери прекрасно поют, а Семен Яковлевич очень интересный человек, тянет к Москве, говорит против благотворительности даже, сделал путешествие вокруг света, очень меня полюбил, кажется... Мы с ним

беседуем иногда часа по три. Вчерашний день, по случаю именин старшей дочери, Веры, заехал я поздравить из палаты, там нашел почти всю Калугу, съехавшуюся с тою же целью. Выезжая оттуда, встретился с губернатором, который замахал рукою, и пока я останавливал стремление Матюшки, он уже соскочил с пролеток и подбежал ко мне, я также вышел. Он делал мне будто бы выговор за то, что я у него не бываю, сказал, что он всегда свободен с 9 часов вечера, просил меня нынче к себе, говоря, что ему нужно что-то мне сообщить. Поеду к нему нынче.

Что это Костя кашляет? Стыдись, Святославово горло! Впрочем, я сам постоянно кашляю мокротным кашлем и притом в насморке, вследствие чего, по собственному соображению, приставлял к ногам самую свирепую горчицу. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы и веселы, обнимаю Олиньку, Костю и всех сестер. С именинами вашими я еще успею вас поздравить. Цалую ваши ручки. Скажите, куда лучше адресовать — в Москву или в Троицкий посад? А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

62

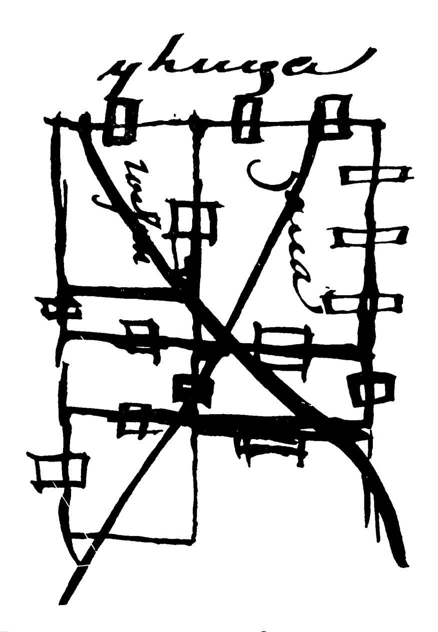
Понедельник. 1845 г⟨ода⟩ сент⟨ября⟩ 24. Калуга.

Еще час времени остается до отправления в палату; я встал рано, читал, читал, и для отдохновения решился писать к вам, милый отесинька и милая маменька, хотя почта отходит собственно завтра. Начну с описания бала. Смирнову было много хлопот: хозяйки не было, и он должен был для оживления сам танцевать. Дамы были все те же, — мужское общество было немножко почище, а то на прошедшем балу я встретил лица, которые за мошенничество и взятки преданы суду нашей уголовной палаты! Княгини Голицыной не было, но была графиня Орлова-Денисова, двое приехавших с ней кавалеров, Новосильцева Меропа. Графиня Орлова белая и дебелая баба, с довольно глупой физиономией. Приехавшие с ней кавалеры — танцоры лучшего московского общества — Опухтин и Воейков; первого я встречал у Радивона Оболенского. Они обязаны были попеременно танцевать с графиней. Не знаю — на ее ли счет они ездят за ней, но только можно себе представить — какая гниль должны быть эти молодые люди хорошего тона. Поглядел на скверную Меропу: она калужского происхождения и показалась мне отвратительною. Может быть, этому способствовали рассказы об ней ее родного города... В гостиной, которую я увидел в первый раз, висит на стене превосходный портрет А⟨лександры⟩ О⟨сиповны⟩ Смирновой, в восточном платье, чалме [1], с распущенными волосами. Я не такою воображал ее себе. Ее лицо гораздо спокойнее, глаза тихи, по крайней мере, так она на портрете. На другом портрете все трое детей его вместе: две девочки и сын, старшей, говорят, уже 12 лет [2]. Смирнов кому-то сказывал, что жена его все больна, почему он и приготовил для нее комнаты наверху, где она будет принимать двух или трех человек, но не более, а вниз сходить только в самые торжествен-

ные дни. Потолкавшись на бале, я воротился домой часов в 12. Рьяная графиня затеяла еще бал, вчера в Воксале, в загородном саду, но я не поехал. — Стараниями Смирнова учреждается здесь Благородное собрание с клубом, т. е. игрою в карты, буфетом и журналами. Собирается подписка, по 15 рублей серебром. Делать нечего, хоть и жаль, а придется выложить из кармана 52 рубля. Признаюсь, мне эти издержки очень не нравятся. Хорошо, что скоро 1-ое число и что здесь жалованье выдается помесячно. — У Унковских я бываю довольно часто, раза два в неделю обедаю, недавно, не застав отца и матери, я просидел целый вечер с дочерьми и меньшими братьями [3], потом еще несколько раз приходилось мне одному сидеть с ними и разговаривать. Эти обе девушки очень добры и милы, веселого характера, любят танцевать и прыгать, совершенно просты в обращении, а главное (качество редкое в провинции) безо всяких претензий. Но в них много есть и провинциального. Это видно в той страсти ко всем городским анекдотам и сплетням. Они передали мне чуть ли не про всякого тысячу мелких сведений, которые удивительно было мне найти в девушках. Также провинциальность заметна в расположении к насмешке. Надо отличать насмешливость провинциальной барышни ото всякой другой насмешливости. Это совершенно особого рода. Обе сестры прекрасно поют, но, к моему сожалению, больше любят итальянскую музыку, нежели немецкую. Я, в свою очередь, рассказывал им про Москву, московское общество, московских дам, про университет, публичные лекции, про московское направление, про Константина, про костюм, про сарафаны (причем они изъявили готовность надеть сарафаны), про мурмолки, объявив притом свое намерение носить зимой мурмолку. Да, Константин, ты должен быть мной доволен: я не пропускаю ни малейшего случая, где могу ввернуть доброе семечко [4]. Вот вчера сидел у меня часа два, если не больше, Брылевич, управляющий палатою госуд⟨арственных⟩ имуществ, благородный и образованный человек, лицеист. Он должен был под конец во многом согласиться, говоря только, что еще не созрело время. Впрочем, во всяком городе найдешь двух или трех образованных, умных людей, готовых принять наши убеждения, но что касается, например, до Калуги вообще, то ей ни до чего нет дела, она ничего не читает, даже и решительно игнорирует всякое московское движение! — Нынче в палате получил я два письма от вас, милый отесинька, милая маменька, милые сестры. Я получаю по два письма зараз, это происходит оттого, что из Москвы почта отходит по понедельникам и пятницам. Вы напишете письмо во вторник, пошлете его к Троице, оно отправится в Москву и дожидается пятницы. Пошлете письмо в четверг, оно также отправляется в Калугу в пятницу. Собственно почта ходит не так долго. Письма, писанные вами 20, посланные 21-го, я получил поутру 24-го и получил бы их раньше, если б тут не приходилось воскресенье. Не знаю, как вы получаете мои письма, но я пишу аккуратно два раза в неделю по большому листу. С каким удовольствием получил я и прочел ваши письма! Это оживило меня на целый день! Очень, очень благодарен всем за поздравление [5]. День этот будет послезавтра; он не присутственный, праздник, может быть, я отправлюсь в собор. Вы знаете, впрочем, что это для меня самый

неприятный день. Чувствительнее и явственнее становится для меня утек времени, прискорбнее эта ничем уже незаменимая потеря и мучительнее вновь проснувшийся вопрос жизни... Завтра именины Ваши, милый отесинька. Поздравляю и обнимаю Вас, поздравляю всех... Очень бы хотелось мне почитать журнал и повесть Марихен [6]. Напрасно она не хочет участвовать. Если ты не будешь участвовать, Марихен, так и я не буду, поэтому ты непременно должна перестать упрямиться. — Сейчас пронеслись туча с градом, и теперь показалось солнце, и небо прояснилось. — Тетенька еще не приезжала [7]. От Владимира Иван⟨овича⟩ [8] два раза приходил ко мне человек, я раз писал к нему, но поеду тогда, когда совсем устроюсь, погода будет получше. Буду просить тетеньку, чтоб она прислала лошадей за мной, а самому нанимать и дорого и неудобно. — Писарева в Калуге нет, он где-то в уезде, выдает за кого-то дочь...

Я давно обещал прислать вам план своей квартиры, да все забывал. Вот он:

Нет, не годится. Я приложу его лучше на особом листке. Квартира маленькая, очень, очень скромная, в квартале самом отдаленном и уединенном. Двухэтажный домик: внизу (кам⟨енный⟩ фундамент) кухня. Над нею я. Окошки на улицу. В гостиной одно окно на улицу и два на соседний двор, где живет печник. В зале два на улицу и три на двор. Комнаты маленькие. Гостиная оклеена бумагой, выкрашенной голубой краской, пачкающей. Зала желтой, также пачкающей. Печь одна на все комнаты. Четвертая комната моя — спальная — еще до сих пор не готова, и я сплю и живу все в гостиной. В ней, впрочем, сделают одну печку, потому что общая печь в нее не выходит. Комната должна быть готова дня через три. Я с нетерпением этого дожидаюсь. Квартирой вообще своей я не доволен. Дешево, да дрянно. Она имеет вид чистенькой, но стены пачкают. Пахнет немножко кухней, нет ни одной форточки, ни одного замка, двери почти не затворяются, мебель состоит только из стульев, шести кресел, двух или трех столов простых, крашеных, даже лаком не покрытых. Хозяйка безденежная, у ней самой нет никакого «обзаведения», и она на постройки эти забрала у меня вперед денег за 4 м⟨еся⟩ца. Если б не это обстоятельство, я бы, может быть, съехал на другую квартиру. Впрочем, везде мало мебели и нет существенной: шкафов, диванов, столов! А есть столы кругълышки, гостиные диванчики, на которых спать нельзя, узкости ради, и т. п. Поэтому я должен был себе заказать: 1) Турецкий диван для спанья,

самый простой, — за 20 рублей асс⟨игнациями⟩, материя моя; 2) Еще диванчик турецкий же, четвероугольный почти, шириной аршина полтора да длиной аршина 3/4. Он поставлен в гостиной, в простенок между окнами, выходящими на двор; — на пружинах, обивка моя, — за 20 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩. 3) Еще письменный стол, белый, простой, березового дерева, с сукном, больших размеров, полированный, с ящиками до полу, за 20 рублей. Все говорят, что это чрезмерно дешево. Диваны сделаны, работа не совсем чистая, но сносная; материю я сам покупал. Вы бы удивились, слыша, как я торгуюсь. Меня не великодушным и не мотом здесь называют, а расчетливым и скупым. Диван для спальной обил я материей — ситцем в восточном виде по 50 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩ аршин. Другой диван, для гостиной, обил я шерстяной материей (клетчатой, голубой с коричневым), в 1 рубль арш⟨ин⟩. Ее пошло немного. Должен еще заказать шкафа два: один для посуды, другой для платья, но еще не решился. Письменный стол я поставлю в гостиную, к внутренней стенке. Там будет мой кабинет и все книги. А в спальной, крошечной комнате, будет стоять шкаф с посудой и разные вещи. Стены в гостиной завешу географическими картами, ибо на стенах ужасные полосы и пятна; пришлите мне с оказией бурхана [9]. Я его забыл, не знаю только где, в Москве или в Абрамцеве. Впрочем, вы очень ошибаетесь во мне, если думаете, что я теперь полон fausse honte *. Ничуть не бывало. Я слишком горд или слишком равнодушен, но введу Смирнова и всякого к себе безо всякой совестливости, только чтоб было у меня опрятно, без претензий и без грубого нарушения вкуса в выборе цветов и т. п. — Впрочем, Вы хорошо сделаете, милый отесинька, если пришлете мне денег немножко, ибо я получу скоро месячное жалованье... Но месячное жалованье само в обрез, и всегда надо иметь сколько-нибудь на непредвиденные издержки. Впрочем, я прилагаю при сем счет всех моих издержек главнейших. Скучны хозяйские заботы, нечего сказать. Разумеется, в следующем месяце мне нечего будет платить за квартиру, но придется заплатить 52 р⟨убля⟩ в Собрание, заказать шкафы, заплатить подряженным на месяц кузнецу, прачке и другим... Прежде истечения месяца не могу определить бюджета своих издержек.

Приехала тетенька А⟨нна⟩ Тим⟨офеевна⟩. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю Костю, милую Олиньку, которую благодарю за письмо, Веру, Надю, Любу, Марихен, Соничку... А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. (Продолжение в следующем №).

---

* Ложного стыда (*фр.*).

63

29 сентября 1845 г<ода>. Калуга. Суббота.

Письмо это придет во вторник или середу, следовательно, накануне почти дня рождения Марихен. Поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька, поздравляю Марихен и всех [1]. Вот уже и октябрь на дворе; если судить по здешней погоде, так у вас в деревне не должно быть очень приятно. Здесь уже дня два, как лежит снег, разумеется, мокрый и грязный, поэтому погода самая сырая, так что не хочется и носу показывать из комнаты на двор, а делать нечего, ступай. В промежуток от вторника до субботы ничего особенного не случилось. Во вторник обедал я у Унковских и условился с Сем‹еном› Яковл‹евичем› ехать в середу к архиерею, для чего должен был я прийти обедать опять к ним же. В середу (26 сентября) храмовый праздник здешнего теплого собора (который не что иное, как большая комнатная церковь в доме архиерея), пошел я к обедне в собор. Там служил сам архиерей. Он служил безо всякой торжественности, бороды у него почти нет, а есть что-то, чего даже нельзя назвать и козлиной бородой, низенького роста, худощавый, лицо — ничего не внушающее; говорят, он здесь не играет никакой роли и недалекого ума. Имя ему Николай. Оттуда отправился к Унковским, где обедал (впрочем, они не знали и не знают, что это были мои именины), но к архиерею не поехали. Я взял у Унковского довольно интересную книгу: «Истина св‹ятой› Соловецкой обители против челобитной соловецкой» [2]. Я не знал, что Соловецкий монастырь посылал к царю Алексею Михайловичу челобитную с жалобою на исправление книг и с объявлением, что если их прошения не уважут, то они будут стоять за веру до последней капли крови. Вслед за тем он девять лет держался в осадном положении, пока был взят военною рукою [3]. Челобитная составляет главное основание догматов раскола; теперь, кто — неизвестно, но должно быть некто из тамошних жителей написал современное оправдание монастыря против неправды, называющейся его именем. Написано это так, с такою искреннею и грубою досадой, таким слогом, даже с бранью против раскольников, что забываешь, что это писано в наше время и пропущено в духовной цензуре. Книга интересная, 1844 года, советую посмотреть ее.—

Вчера был я в здешнем театре, открытом в первый раз по возвращении труппы из летних вояжей по уездным ярмаркам. Труппа немножко потерпела от путешествий: декорации облупились многие, некоторые члены труппы растерялись на дороге, т. е. остались в разных городках, задолжав трактирщику. — Наружность и внутреннее устройство театра для провинциального театра очень порядочны. Сцена пребольшая. Два ряда лож, третий для райка, ложи литерные с обоих боков, губернаторская, вице-губернаторская, с особенной комнатой, диваном и камином, где можно курить и где вчера Хитров подчивал меня сигарами. — Освещен стеариновыми свечами, лампами, все как следует. Из актеров один только порядочный — Дмитриевский, который довольно развязен и ловок на сцене. Актрисы — плохи, очень плохи. Давали: «L'ange dans le monde et le

diable à la maison» * (по-русски, разумеется). Антракты невыносимо долги. В 11 часов кончилась первая пиеса, и я уехал, не дождавшись второй. Публики почти не было вовсе, был губернатор, Хитров и его свита, т. е. Нилус, Трубачеев и еще некоторые усачи, которых вы, верно, видали в Дворянском клубе. — Летом был здесь Мочалов[5], но играл редко, и часто публика вся съезжалась в театр и опять разъезжалась, потому что выходил актер и объявлял, что Пав⟨ел⟩ Степ⟨анович⟩ Мочалов нездоров. — Пожилых дам играет здесь Мочалова, сестра его, весьма собой некрасивая; здешняя публика признает в ней непременно драматический талант [6]. —

Я писал к вам, что приехала тетенька. Посидев у ней вечер, дал ей свою коляску съездить к Ульяновым[7], поутру часу в 9-м был у нее опять и простился с ней. Она не видала моей квартиры, потому что приехала поздно, а уехала рано. Погода наступила такая гнусная, что я никак не решаюсь ехать к ним за 35 верст по ужаснейшей грязи... Видите, как я осторожен, даже боязлив на счет здоровья своего!.. Тетенька успела, однако, мне прислать из деревни яблок, яиц и масла, фунтов 5. Разумеется, я принял и написал письмецо, где благодарил, зная, что посылки тетеньке доставляют истинное удовольствие, а между тем ничего не сто́ят, и принять их можно без затруднения. Однако прощайте. Уже скоро на почту, куда ехать должен я сам, потому что послать некого, да еще надо бриться, да заехать кой-куда. Целую ваши ручки, будьте здоровы, в понедельник жду от вас писем; обнимаю Костю и всех сестер, Олиньку и Марихен в особенности. До вторника мне предстоит вам поведать: вечер у хозяйки, стычку с Яковлевым, мои расходы и покупки. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Если кто увидит Панова, то пусть скажет ему, чтоб он прислал мне и «Зимнюю дорогу», и книгу стихов [8].

64

1845 год. Калуга. 2 октября. Вторник.

Как обрадовался я неожиданно получению ваших писем от 25 сентября, милый отесинька и милая маменька, — писем длинных и интересных. Верочкино письмо писано в 3-м часу ночи: это напрасно. Сначала буду отвечать на ваше письмо. Я, слава богу, здоров, сыпи давно нет, но я все-таки держу диету. Стол мой состоит: чай (некрепкий) поутру и ввечеру, обед: суп с курицей (приготовляемый на несколько дней) и тарелка морковного соусу. Вечером иногда, чувствуя потребность ужина, съедаю простую яичницу на маленькой сковородке, яиц из 4-х или 5; впрочем, и это не всегда бывает. Не правда ли, что умеренно? Однако же я не думаю держать такую диету больше месяца, ибо чувствую непреодолимое стремление к говядине. Хотя я и обедаю иногда у Унковских, но у них также обед очень скромный. Между тем лицо у меня все такое, как будто

* «В людях ангел — не жена! Дома с мужем — сатана!» [4] (*фр.*).

бы я каждый день съедаю по целому быку. — Что касается до Порфира, то пока я им очень доволен; надо признаться, что с Егором, при его старости и бессилии, я не мог бы никак сладить, — ибо кроме приготовления кушанья много тяжелой, черной работы, возни с печками и т. п., где Егор не мог бы управиться. Напр⟨имер⟩, надо было вставить и замазать окна; стекольщик требует 7 рублей. Порфир отправился, купил матерьяла, сварил замазку на какой-нибудь рубль медью, сам все вставил и сделал. Сверх того, он держит в руках Матюшку, который его слушается вполне и от него не отходит, даже спит у него в комнате, словом, занят целый день. Сам Порфир до сих пор послушлив как нельзя больше. Я его также воспитываю: заставляю быть опрятнее. Унковский обещал мне сыскать человека, но еще не сыскал. Признаюсь, покуда с новым человеком, на новой квартире, в новом городе мне будет трудно. — Тем более, что я на этой квартире никак не останусь больше 3-х м⟨еся⟩цев. Я еще до сих пор вполне не устроился: ящики стоят в зале, неразобранные: нет ни одного шкафа у хозяйки, а заказанные мною шкафы и стол не готовы... Поэтому не продержать ли мне Порфира до зимы, зимою его привезть к вам, а из Москвы взять кого-нибудь? — К тому времени я здесь более освоюсь... Вы не пишете мне ничего о том, как принял Ник⟨олай⟩ Тим⟨офеевич⟩ историю с Яковом [1] и чем все это кончилось? Прием, сделанный Косте [2], радует меня за него, но нисколько за успех дела: интересна его личность, так явно нарушающая предрассудки общества, такая оригинальная, странная. А до убеждения никому нет дела; да и что толку в этой блестящей дряни, которую называют высшим обществом? Разумеется, в нем нет никакого толку, да и нас-то всех оно сбивает с толку. Мне как-то неприятно вспомнить и вообразить себе опять эту пустоту и мелочь, которая так многих занимала прошедшую зиму: сколько градусов благонамеренности в этой или другой светской девушке, что она сказала или как чаруется Панов! Вот этот юноша! Пошел опять преследовать своих Васильчиковых, от которых делу ни шерсти, ни молока, а лучше бы подумать о средствах действовать с бо́льшею пользою, о журнале, об альманахе. В самом деле, с тех пор, как я примкнулся жизнию своей к одному убеждению, к одному принципу, я сделался гораздо серьезнее и нахожу, что все смотрят не довольно с серьезной стороны. Я не говорю про Константина, который смотрит с серьезной стороны, но как-то мало думает о средствах, да и ленив невыносимо [3]. Ему хочется вдруг дать карамболя [4]... Ну что, напр⟨имер⟩, за удовольствие посещать дом Васильчиковых, неприятный уже потому, что принадлежит к высшему светскому обществу, которого одно существование должно быть для нас возмутительно. Хозяйка глупа, дочери недалеки, гораздо ограниченнее Лилы [5]; собой совсем не так хороши. А! нет, мы сами не замечаем, как обаятелен, пленителен для нашего мерзкого тщеславия блеск светского, аристократического общества, для нас, не аристократов, не принадлежащих к этому самозванному высшему кругу. Ведь эти господа ездят не из желания наблюдать, проникнуть состав душ светских девушек... Мы их не переобразуем: двор, флигель-адъютант — и все труды к черту, а нас они портят и отвлекают от дела. Удивительно, в самом деле, как такие

умные люди в состоянии заниматься так много такою дрянью... Ах, господи, как бесит меня это высшее общество и дрянь человека, самый опасный враг человеку, самый неприметный: тщеславие. Напрасно станете вы утверждать, что его нет в вас, будете обижаться этими словами... Я опять повторяю то же, сам сознаю себя виновным, но, по крайней мере, я крепко тружусь над собою и не обольщаюсь уже тщеславием... Сделайте одолжение, прочтите это все Панову. Да что же в самом деле журнал-то? Отдавал ли он «Зимнюю дорогу» Снегиреву? [6] Зачем он мне ее не присылает? — Благодарю Вас, милый отесинька, за сигары. Я ни сигар еще, ни повестки не получал, и право — это напрасные издержки, когда их так много. Поверите ли Вы, что, кроме прогонных денег, со времени моего приезда по 26-ое сентября (а теперь уже 2-ое октября) я издержал 477 рублей! Я сам бы не поверил себе, если б не вел счета; как я сделался аккуратен, — Вы бы удивились! Посылаю Вам копию со счета. Нет, обзаведение вновь хозяйством незаметно дорого. Потрудитесь только велеть себе прочесть мой счет. Грише не приходилось вовсе этого издерживать. Нынче надеюсь получить жалованье, но мне предстоит еще заплатить 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в Собрание, столяру за стол и 2 шкафа 55 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩. Разумеется, жалованья достанет на месяц (его 200 р⟨ублей⟩), но надо иметь всегда в запасе деньги. Сверх того — в скором времени надо прислать мне сани. Не худо дать знать об этом Зенину [7]. Порфир просит прислать с санями Ванюшку... Едва ли это нужно, если вы не предполагаете оставить Порфира у меня... Нет, дорого жить одному... А уж, вероятно, во всей вселенной не найдется другого молодого человека, который жил бы так умеренно, так скромно, так монашески, как я. Одна только роскошь — сигары: но это еще московская издержка. Нет, уничтожение такой большой суммы, в такое короткое время меня очень огорчило.

Наконец — спальная моя готова, но я еще не перешел в нее. Вот был оселок моему терпению [8]: обещана была через три дня, а поспела с лишком через 2 недели; зато с хозяйкой я почти в ссоре; причиной замедления было, между прочим, то, что какой-то кирпичник ей должен, да не хочет платить долгу кирпичами, а я сидел трое суток в стуже, потому что печи были разломаны, нельзя было топить. Теперь печи готовы, но расположены самым дурацким образом, как вы увидите из плана: обе топки в коридоре, а в гостиную печь не выходит. Словом, если б не задаток за три м⟨еся⟩ца (контракта не было делано) и еще за один м⟨еся⟩ц (данный потому, что у хозяйки не было денег для продолжения работ), я бы переехал. Впрочем, домик так мал, что когда истопят обе печи, то делается уж слишком тепло. Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Пора в палату. Удивительно, как я так много пишу и половины еще не успел написать. До следующего письма. Посылаю вам счет и план. Цалую ваши ручки, обнимаю Костю и всех сестер, будьте здоровы. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение,

ваш *Ив. Аксаков.*

65

6-го октября. 1845 г<од>. Суббота. Калуга.

Вот уже несколько дней стоит сухая и ясная погода, которой вы, вероятно, воспользовались в деревне, милый отесинька и милая маменька. В деревне вид поблекшей природы и ожидание зимы еще грустнее! И вдобавок знать, что дождешься тепла и зелени не ближе, как месяцев через восемь! — Последнее письмо ваше от 25-го я получил в воскресенье, о чем уже и писал к вам во вторник. Ожидаю письма завтра или послезавтра. Вчера наконец получил я посылку: ящик «Colorado claro», великолепных, величественных сигар. Они должны дорого стоить; где и у кого и за сколько вы их купили? Я запрятал их подальше и не решился пробовать до тех пор, пока совсем устроюсь, а теперь у меня еще не готов письменный стол, и книги не разобраны. Мне же хочется воздать гаванской сигаре на просторе и на досуге. Адрес писан рукою Гриши. Скажите, пожалуйста, мне что-нибудь насчет Гриши: никто меня не уведомил, зачем, надолго ли приехал Гриша... Смирнов хочет непременно перевести Унковского сюда на место тов⟨арища⟩ пред⟨седателя⟩ гражд⟨анской⟩ палаты[1].— В Калуге увеселения по-прежнему продолжают свирепствовать. В мою бытность здесь дано было три бала и два публичных обеда. Об обеде купеческом, данном Хитрову, я вам писал, кажется. На этот обед я приглашен не был. Были одни тузы калужские и приятели Хитрова. В прошедшую середу купцы опять давали обед Смирнову, на который я был приглашен, но не поехал, ибо держу диету. А 4-го октября опять получил билет: «Калужское дворянство покорнейше просит сделать честь пожаловать на бал и ужин, даваемый *в знак признательности* А⟨лександру⟩ Н⟨иколаевичу⟩ и Е⟨лизавете⟩ Н⟨иколаевне⟩ Х⟨итрово⟩». Я поехал, пробыл часа два и воротился домой. Особенного ничего не было: все те же фиґуранты, те же шуты и мошенники. Впрочем, мне надо будет объехать в знак благодарности за приглашения хоть часть калужского дворянства, да непременно побывать у почтмейстера, который медленно распоряжается присылкою мне писем, мстя за то, что я у него до сих пор не был. Вот скука! Непременно будь знаком со всеми этими чиновными созданиями, которые все не лучше, но в десять раз хуже троицкого почтмейстера. Тр⟨оицкий⟩ почтмейстер, я согласен, человек очень хороший, но каждый день с ним видаться — признайтесь — скучно. Предвижу, что балы эти мне скоро надоедят, ибо все одно и то же, все одни и те же. — Не знаю, писал ли я вам, что в прошедшее воскресенье является ко мне жандарм с приглашением на чашку чаю к Николаю Михайловичу (т. е. Смирнову). Я потребовал у него листок, на котором написаны имена приглашаемых; всего человек 10, в том числе многие почтенные калужские имена и даже штатские генералы, наконец я и... Нилус [2]. Я не поехал, отговорившись будто бы нездоровьем. В самом деле — как это глупо, звать к себе людей порядочных и Нилуса, известного мошенника. Если это его *избранные*, так я не хочу быть в числе их. Разумеется, все прочие были и большею частию все играли в карты; я же для подтверждения своих слов должен был несколько дней просидеть дома. — Я давно собирался

вам рассказать историю (если это можно назвать историей) с Яковлевым. Это было в третие присутствие мое в палате. Яковлев, сделавшись из поручиков председателем, т. е. человеком, имеющим право надевать, с вашего позволения, белые с золотым галуном панталоны, чрезвычайно доволен и горд своею должностью. Являясь в палату поздно, он входит в присутствие с необыкновенною торжественностью. Сначала два сторожа бегут вперед опрометью, толкая друг друга, и растворяют обе половинки двери, в которые входит председатель. Карпов и другие, зная его, встают с своих мест заранее и даже подходят к дверям навстречу. Что касается до меня, то, не обращая внимания на всю эту тревогу, я продолжал заниматься делом, и только когда Яковлев подходил к столу, привставал с места, слегка кланялся и опять садился за работу. Так вот-с, на третий день присутствия Яковлев, усевшись в свои кресла, вдруг говорит секретарю: «Подайте мне 2-ой том ,,Св⟨ода⟩ законов‘‘». Подают. Он роется в нем и вдруг, обращаясь ко мне, очень учтиво, впрочем, просит меня «сделать одолжение прочитать такую-то статью». В этой статье, извлеченной из глупого «Регламента» Петра Великого [3], сказано: «При входе председателя члены *встают* с своих мест». Видите *встают*, а я только *привставал*! По-настоящему следовало бы расхохотаться в лицо Яковлеву, но в ту минуту я так взбесился, что почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Первою мыслью было: пустить в него чернильницей, и надо было несколько времени и много усилий, чтоб удержать себя. Собравшись с духом, я сказал ему только: «Я переговорю об этом с Вами после присутствия». «Нет, зачем, лучше уж теперь», — сказал Яковлев, чувствуя себя, разумеется, безопаснее в полном присутствии других членов... «Ну, хорошо, — сказал я, несколько успокоившись, но тоном довольно грозным, — чего Вы хотите?» — «Да Вы на меня совсем никакого внимания не обращаете, не оказываете мне должного уважения». — «Хорошо, — сказал я, — Вы указали статью, и довольно; только, если Вы прибегаете к статьям 2-го тома для снискания уважения, так жалкого же уважения Вы добиваетесь, Александр Иванович!» — Весь день я был взволнован, мне казалось, что я мало ответил Яковлеву, но история эта, случившаяся в присутствии всех других членов, разнеслась в один миг по всему городу, и сам Яковлев везде рассказывал, как *я* (т. е. Аксаков) *его* обидел. Я думал, что меня обидели [4], но вся Калуга почти решила, что я оскорбил словами, и именно последними, почтенного Ал⟨ександра⟩ Иваныча. Унковские, которым я сам рассказал, говорили мне, что даже многие дамы, сказывая про это, обвиняли меня в недостатке чинопочитания! Дошло до губернатора, который говорил об этом старику Унковскому и о намерении своем мирить меня с оскорбленным председателем; мне же Смирнов о том не решился сказать ни слова. Но Унковский отговорил его от этого глупого намерения, уверяя, что Яковлев сам постарается загладить дело. И действительно так и было. Я продолжал обращаться по-прежнему, точно так же кланялся, был учтив, как и прежде, словом, ни в чем не изменил своего поведения, ибо оно было хорошо. Но Яковлев сделался гораздо учтивее, первый подходит ко мне, подает руку, везде внимателен, услужлив... Разумеется, я, сколько могу, плачу ему тою же монетой, и мы теперь та-

кие приятели, каких мало. Он действительно — доброватое создание, но глупенек. А на днях в палате произошел следующий случай: по одному делу был толк, и Яковлев не согласился с мнением моим и прочих членов. Я сказал, что не уступаю ничего и подам, если нужно, особое мнение; прочие члены объявили, что они поступят, как и я... Яковлев дал предложение, с которым *никто* не согласился, и решение исполняется по большинству голосов, т. е. наше... Я могу без хвастовства сказать, что этого бы не было без меня, я знаю из прежних речей г⟨оспод⟩ членов, в каком они угодливом расположении были к председателю (действующему в этом случае согласно с желанием Смирнова). Я же никого не уговаривал, но объявил вслух, что я думаю так, вот причины, и ни для кого на свете не изменю своего мнения. Тогда прочие объявили, что думают, как я, и также намерены крепко держаться своего мнения, несмотря на то, что Яковлев в самых хороших теперь отношениях с Смирновым и бывает у него чуть ли не каждый вечер. Дело это пойдет еще к Смирнову на утверждение: не знаю, как он поступит.

На днях жду к себе Митю Оболенского [5]. Для объяснения всего — посылаю вам письмо его. Прощайте, обнимаю вас, будьте здоровы, цалую ваши ручки, цалую милую Олю и всех сестер, также Гришу и Костю. До вторника. Как я много пишу! — Прощайте, А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение,

ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. Варенье нашлось в книгах. Матюшке куплена азбука, и я приказал Порфиру учить его грамоте, а то у него слишком много досужного времени.

66

9 октября 1845. Вторник. Калуга.

Письмо ваше, писанное 1-го октября, отправленное 4-го и мною полученное только 8-го, я перечел несколько раз, милый отесинька и милая маменька. Если для вас интересны мои письма, то для меня, в моем одиночестве, ваши еще интереснее. Одно неприятно, что Вы, милая маменька, нездоровы... Эта желчная тревога уже давно продолжается у Вас, еще с поездки Вашей в Москву; если не Вы, так отесинька, вероятно, посоветуется об этом с Овером и принудит Вас обращать больше внимания на свое здоровье... Деньги я получил сполна, 70 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, за что и благодарю вас; жалованье же я получил не за три м⟨еся⟩ца вдруг, как мы рассчитывали в Москве, т. е. не со дня определения в должность (а в должность я определен с 12-го июля), а только за один месяц сентябрь. Причиною этому — то, что я два месяца (до 1-го сент⟨ября⟩) был в отпуску, за которые по закону не имею права на получение жалованья; а если бы со дня определения в должность, то получил бы около 600 р⟨ублей⟩. Даже мне предлагали это сделать, но я отказался, имею в виду ясный закон, по которому мне этих денег не следует; впрочем, государственный контроль все-таки добрался бы со временем — и воротил

бы эти деньги. Я очень благодарен Косте за письмо [1]; еще прежде я хотел писать к нему письмо большое и непременно напишу с будущей почтой. Теперь только успокою его насчет Толстой. Человек, ею интересующийся, молодой Унковский, добрый, честный, благородный малый. Что же касается до ее натуры, то бог весть, какие у нее требования. Я ее не знаю, а уж известно, что женские глаза самая обманчивая вещь. Особенно черные! Думаешь, что и бог знает сколько глубины в этом мраке, прикрываемом вдобавок черными, длинными ресницами... Ничуть не бывало, и часто девушка нисколько не виновата, что у ней такие многозначительные очи! И поэтому я не очень доверяюсь наружности вообще, а в особенности женской. Впрочем, когда Унковский воротится, то он познакомит меня с Толстыми. — Я очень рад, что письма мои доставляют вам развлечение; для меня писание писем не только не затруднительно, но и отнимают очень немного времени. Я так привык писать письма, что письма мои больше походят на разговор; но на бумаге я гораздо свободнее и умнее изъясняюсь, чем на словах. Вы пишете, между прочим, что получили два письма зараз. Каким же это образом случилось? И вообще расскажите мне, как, когда, через кого получаете вы мои письма: вы знаете, что я до сих пор писал по два раза в неделю и надеюсь так и продолжать. Насчет квартиры спешу успокоить вас, что теперь кухонного запаха не слышно; не знаю, как будет зимой. «Ист⟨ория⟩ фр⟨анцузской⟩ рев⟨олюции⟩» у меня [2]; зная, что она не нужна, я взял ее у Кости, чтоб прочесть, и забыл ему о том сказать. С Оболенским пришлю в Москву оба тома «Histoire du Consulat»*[3]. Кстати, об Оболенском; я в прошедший раз сделал большую глупость: послал письмо, не предуведомив, что его вслух могут прочесть отесинька да Костя. — Что касается до красоты Смирновой, то портрет ее не поразил меня. Так мало резкого и блестящего, что он (т. е. портрет) не поражает с первого взгляда, но всмотревшись, вы увидите, что это красота, и глаза, кажется, глубокого качества; впрочем, костюм ли ее восточный и тюрбан тому причиной, — лицо ее, показалось мне, носит еврейский характер. Однако и теперь не могу сказать вам ничего положительного об этом портрете, потому что я рассматривал его вскользь, на бале, в комнате, наполненной дамами и кавалерами. — Большую часть своего времени провожу я дома и читаю. Недавно прочел целую книгу Стурдзы: «Письма о должностях священного сана» [4]. Книга очень интересная; вся жизнь священника, в столкновении с разными происшествиями и эпохами жизни, изложена в письмах его к одному монаху. По крайней мере, я прочел ее с пользой, и были минуты, когда мне хотелось быть священником. — Одиночество приносит свои плоды, и внутреннее развитие совершается; я чувствую в себе многое к лучшему. Уединение это, бог даст, не будет бесплодно. Я уже написал одно довольно длинное, серьезное и очень важное для меня стихотворение, которое, вероятно, покажется многим скучным, непонятным, даже смешным... В скором времени надеюсь разрешиться еще несколькими стихотворениями. Когда все эти стихотворения будут написаны, тогда пришлю их вам целой тетрадкой.

---

* «Истории консульства» (*фр.*).

Кстати, если Каролина Карловна будет у вас или вы ее как-нибудь увидите, — спросите ее — намерена ли она держать обещание, на которое сама вызвалась, т. е. прислать мне свои новые стихотворения, с тем, чтоб я прислал ей свои? Если намерена, так я, пожалуй, пришлю ей также. Да напишите, сделайте милость, Панову, чтоб он мне прислал «Зимнюю дорогу» и книгу моих стихов. — Так как я уже заплатил хозяйке за три м⟨еся⟩ца вперед или даже за 4, потому что не надеюсь получить с нее 35 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩, данных ей мною взаймы, то я и должен буду прожить это время на ее квартире, которая тепла и довольно чиста, но уже слишком мала, недостает вольного воздуху, да, сверх того, неудобна еще тем, что вместо стен существуют тончайшие перегородки, так что все, что говорится в кабинете, слышно у Порфира в комнате, а в кабинете слышен всякий поворот Порфира. Передняя же так мала, что в ней ни вдоль, ни поперек нельзя лечь ни одному человеку. Хозяйка моя пресмешная женщина. Она вдова обер-офицера, следовательно, дворянка, очень этим гордится, задает тоны и постоянно обличается грубейшим невежеством. Она имеет все неприятности с Матюшкой и жаловалась мне, что Матюшка, которому она говорила очень ласково и называла даже его *душенькой*, в ответ на эти ласки назвал ее *свиньею*. От этих слов Матюшка отрекается, но я все-таки выбранил его хорошенько и приказал накрепко, чтоб он вперед не подавал повода ни к каким на него жалобам. В другой раз приходила жаловаться она же, что Матюшка двух ее мальчишек вымазал глиной, высек и запер. Впрочем, теперь этого более не повторяется. С хозяйкой своей я вовсе не вижусь и только один раз и пил у ней чай вечером. Разговор, веденный очень серьезно с моей стороны, внутренно очень забавлял меня. Особенно когда. Да чуть ли я не описывал вам этого вечера. Если нет, так опишу в будущем письме, а теперь пора кончить. Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю милую Олю, Веру, Надю, Любу, Марихен, Соничку и Костю. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До субботы.

Ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. Можно ли сказать в стихе [5], на конце, например, *косó* вместо кóсо?

67

13 окт⟨ября⟩ 1845. Калуга. Суббота.

Я нынче пишу к вам не такое большое письмо, милый отесинька, милая маменька и сестры. Пакет и без того толст: я написал целый лист к Косте и посылаю два моих стихотворения [1]. Прошу вас всех сказать мне об них искреннее мнение, непременно искреннее. Ничего не будет больнее для меня, если я послышу неискренность в вашем суждении. Особенно Вас, милый отесинька, прошу сообщить мне все нужные поправки и замечания. — Особенного на этой неделе почти ничего не случилось, я ни у кого почти не был, и кроме палаты — бóльшую часть времени провел дома. Стола моего до сих пор не принесли, и я до сих пор не устроил своего кабинета. Из письма к Косте вы увидите, что «Марии Египетской» я не про-

должаю [2], что в скором времени надеюсь написать еще несколько стихотворений. Но труда побольше, поважнее еще не начинал, да и не предвидится. Бродит у меня в голове повесть [3], но так неясно еще, что ничего не могу сказать про нее положительного. Да я еще и не решился, прозой ли ее писать или стихами. Для верного изображения жизни и действительности — самое лучшее проза, где я совершенно должен устранить само́го себя. Но иногда зато в голове проносятся стихи с такой соблазнительной гармонией, что хотелось бы писать стихами, где тон самый, музыка стихов дополняют недостаточность образов и где я не вполне отказываюсь от своих личных прав. Впрочем, это все разрешится со временем.

Что вы мне ничего не пишите — уехал ли Валуев в чужие краи, приехал ли Хомяко́в, что Елагины? [4] Недавно прочел я еще роман Вальтер Скотта здесь (брал у Унковских). Что это за удивительный человек! По прочтении каждого романа кажется, что Вальтер Скотт только рассказал вам истинное событие и сам не волен переменить в нем ничего, а передает, как есть, хоть рад был бы сам, чтоб это было иначе. Даже при этих ненужных сведениях, как будто бы ослабляющих впечатление, — о дальнейшей участи лиц (напр⟨имер⟩, в конце «Сен-ронанских вод» [5]), — видно, что он поневоле будто бы исполняет долг добросовестного рассказчика. Личного его достоинства вы не видите почти, а, между тем, полная картина жизни развертывается перед вами. Можно созерцать жизнь в вальтер-скоттовых романах. Я непременно возьму еще какой-нибудь роман. Помню я, что «Le Pirate» *, которого я прочел уже давно, произвел тогда на меня сильное впечатление, хочу его перечесть. — Погода такая скверная, мокрая, что, при состоянии здешних дорог, нет возможности ехать к тетеньке. Но я с ней в частной переписке и уведомляю об вас. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю милую Олю, Веру и прочих сестер. Завтра или послезавтра надеюсь получить от вас письма. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До вторника,

ваш *Ив. Аксаков.*

68

1845 год. 16 окт<ября>. Вторник. Калуга.

Письмо ваше от 9 октября получено мною 13-го, милый отесинька и милая маменька. Очень благодарю вас за подробное описание препровождения времени, — но, право, я и не воображал, чтоб описание издержек и пр. до такой степени Вас встревожило, милая маменька. Ах, боже мой, будьте покойны, умеренный стол был мне очень полезен, но со временем я введу и пироги, и котлеты, и т. п. Неужели вы думаете, что я из экономии так мало ел? Ну, да что об этом говорить. В денежные счеты и хозяйственные дела я вовсе не погружен, теперь деньги у меня есть, и я вполне обеспечен. — Теперь буду отвечать на ваши письма. Мне очень досадно, что вы

* «Пират» [6] (*фр.*).

получаете оба мои письма зараз: зачем же я пишу два раза в неделю? Именно для того, чтобы и вам доставлять два раза в неделю это развлечение. Нельзя ли вам как-нибудь устроиться с пальчиковским кучером или с почтмейстером. Ведь у него есть почтальоны, которые должны были бы развозить письма? [1].. Что касается до уженья, то мне очень интересно знать вес окуня, который теперь сидит в сажалке... Будет ли уженье продолжаться до снегу? — Вы спрашиваете, отчего не упоминаю я о палате? Да нечего упоминать: дела идут своим порядком. Особенно любопытных дел не попадалось; с Яковлевым мы друзья совершенные... В палате при открытых дверях обыкновенно объявляют приговоры преступникам, часто присуждаемым в Сибирь, в каторгу... Тут происходят разные сцены... Но при мне таких приговоров еще не было объявлено, а объявляли некоторым — наказание плетьми с оставлением на месте жительства. На вопрос: «Довольны ли вы?» все они в один голос закричали: «Довольны, довольны!» — Может быть, они рады, что отделались так дешево, потому что стоили большего, а, может быть, они рады хоть каким-нибудь образом избавиться от суда, даже будучи невинными. Суду уголовной палаты предаются так же, как чиновники, сделавшие преступление по должности, бедные мужики госуд<арственных> имуществ [2], головы [3], сборщики податей, заседатели расправ. Уедет кто-нибудь на рынок продавать, его сейчас обвиняют, что он отлучился от должности, и предают суду палаты. Разумеется, мы употребляем все подьяческие уловки [4], чтоб их не подвергать суровому наказанию. Может быть, иногда поступаем противозаконно, зная, что дело не пойдет в Сенат... К чему закон, когда соблюдение его есть высшее нравственное беззаконие. Пусть это веселит Пинского[5] — делать самые жестокие вещи ради исполнения закона, буквы закона, несмотря на противозаконность нравственную и часто на собственное убеждение... Впрочем, надо признаться, что всякую подобную благонамеренную неправильность достаточно умею оградить я всеми судебными хитростями. Что интересно в этой службе — так это самые преступники, арестанты, которых видишь лицом к лицу. До сих пор мало было важных случаев. С прокурором уж мы официально поссорились. Он дал протест, с которым, по моему настоянию, признаться, не согласились. Я тоже разделяю общее мнение насчет окончания Вашего письма к Смирновой [6], милый отесинька, и вот почему: потеря зрения (чего боже сохрани) такая вещь, что об ней нелегко говорится, это дело слишком серьезно, которого, бог даст, не случится. Род комплимента, который Вы делаете Смирновой, или не комплимент, так самый род желания видеть ее — слишком не важен в сравнении с потерею глаз. Это сочетание комплимента (или неважного желания) с угрозою такой важной перспективы производит неприятное впечатление, по крайней ⟨мере⟩ на меня, а на нее, может быть, преприятное... На днях был у меня Смирнов, после обеда, часов в 5 и просидел часа два. Тут я вполне убедился, что он чрезвычайно глуп, а странное дело — в службе и в житейском деле он еще туда-сюда. Начал он мне бранить дух и характер провинциального общества, рассказывать намерения свои к улучшению, воспитанию и образованию его, напр⟨имер⟩, посредством те-

атра, для которого надо сделать особенный выбор пиес хороших... Все это еще ничего, это даже (не по нашему, а по чиновническому выражению) «благонамеренно!» Для этого устроил он дирекцию театра из Яковлева, Нилуса и Мансурова [7] (мерзавца и мошенника отъявленного, но ловкого и говорящего по-французски, а этого достаточно, чтоб пленить сердце Смирнова). — Я спросил его откровенно — «Нилус не тот ли самый, который с братом пользуется такой скверной репутацией?» — «Тот самый, — отвечал он, — но эта репутация несправедлива будто бы, он (Смирнов) познакомился с ним только здесь, нашел в нем человека образованного, по крайней мере, имеющего истинное образование, et c'est quelque chose en province!» * — «Да, — сказал я, — пожалуй, это *что-нибудь* в провинции, но уж решительно *ничего* само по себе...» — «Ну да общество должно быть везде одинаково», —сказал Смирнов и начал излагать свое мнение, что *высшее* общество должно быть одного покроя и с французским и с английским, — словом, чтоб люди всех высших сословий всех наций были похожи друг на друга и пр. — Я засмеялся и сказал, что у нас в Москве думают иначе... «Да, я знаю, Вы принадлежите к этой партии; о, у нас будут с Вами долгие споры. Вот мои мнения насчет народности и *славянофильства*» (отвратительно слышать, как этот придворный говорит по-русски! Разговор был частию на русском, частию на французском). И тут он начал говорить, что, по его замечаниям, всякий народ имеет какую-нибудь сторону, жиды — меркантильность, а русские — отважность или беспечность. Это главная черта русского народа, это свойство его духа. Поэтому напрасно говорят, что высшее общество отдалилось от народа и в нем много отважности, так напр⟨имер⟩, такой-то сделал такую-то отважность, следовательно, мы ничего не потеряли от реформы Петра Великого; только, по его мнению, столица должна быть в Киеве, для того, чтоб обрусить поляков! Все это было сказано с таким серьезным видом человека убежденного и упрямого в своем мнении, что я, разумеется, спорить не стал, сказал, что не согласен, и перевел разговор на другой предмет. — «Нет, — говорит Смирнов, — губернатор один не может воспитать общества, это дело губернаторши: надо, чтоб общество питалось «*парами женщины*, т. е., — прибавил он, — de l'atmosphère qu'une femme répand dans la société» ** и пр. «Мы составим общество: жена, Вы, брат ее, умный очень малый (вероятно, Россетти? [8]), m-me Яковлев (жена одного помещика здешнего, урожденная Беринг), Унковский-старик иногда, Головин (уездный предводитель, человек ловкий, говорят, но пользуется предурной репутацией), который, по крайней мере, „a toujours le mot pour rire"***, Тимирязев...» Вообразите, что Тимирязев — калужский помещик [9] и проведет здесь зиму. Я рассказал Смирнову про мои отношения с Тимирязевым. Вот какое приятное общество готовит нам Смирнов! Он очень гордится умом своей жены. «О, — говорит, — ma femme leur tiendra tête à tous!» ****. Удивительный город Калуга. Общест-

---

* А в провинции это уже кое-что! (*фр.*).

** Атмосферой, которую женщина вносит в общество *(фр.)*.

*** Всегда шутит *(фр.)*.

**** Моя жена их всех поставит на место *(фр.)*.

венное мнение столь слабо, что мошенники, которыми она преизобилует, играют наглую, важную роль. Я не знаком с ними, но принужден буду часто встречаться, обедать за одним столом, участвовать в одном деле! Дело честного человека было бы открыто объявить, что это люди такие-то, что он с ними никакого сношения иметь не хочет... Но никто этого не объявит, и мошенники эти (именно Мансуров) публично за ужином (я не слыхал этого, но слышал Унковский) рассказывают о своих мошенничествах и подлостях — при следствии, на службе и т. п. А?

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоро́вы, целую ваши ручки, обнимаю Костю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До следующего письма. Поучительна и отвратительна губерния! Поэтому я веду себя самым строгим, осмотрительным, холодным образом в отношении к здешнему обществу.

69

1845 г<од>. Окт<ября> 20. Калуга. Суббота.

Нынче или завтра надеюсь получить письма от вас, милый мой отесинька и милая маменька; я всегда с большим нетерпением ожидаю этих дней. Как досадно, что, несмотря на близкое расстояние, ваш ответ на письмо мое может прийти не раньше как через 2 недели. Это хоть бы в Астрахани. Я забыл написать вам в прошедший раз, что получил письмо от Алекс⟨ея⟩ Ив⟨ановича⟩, которое прилагаю и из которого видно, что он едет в Москву один. Тут и приписка Sophie [1], беспокоящейся неполучением известий о маменьке и Олиньке. Я отвечал уже самому Ал⟨ексею⟩ Ив⟨ановичу⟩, сообщив в письме к нему сведения о здоровье наших, и написал, что отправляю письмо их в Москву к маменьке. Довольно упрямое существо! Спрашивает у меня совета и не поступает по совету! Если б он подал частную просьбу в Сенат, так дело было бы давно истребо́вано, — а теперь ему в Москве нечего делать, коли дело еще не прислано. — На этой неделе получил я два письма: одно от Погуляева, другое от Гриши. Погуляев (воротившийся) уведомляет меня, что барона Hachtshausen в Берлине не нашел [2], вследствие чего письмо и книгу отдал в посольство для доставления по адресу, в удостоверение чего взял расписку, которую и посылаю. Письмо и сверток на имя Гоголя отданы им в доме Жуковского [3]: Гоголь в то время находился в Спа, а Жуковского не было дома. Он же уведомляет меня, что Бестужев подал в отставку. Гриша пишет мне о службе, о необходимости продолжать ее, чтоб со временем достигнуть возможности делать нужные перемены. Я возразил ему, так как давно уже возражаю на это мнение и говорю, между прочим, что закабалить себя на 25 лет службы, чтоб на 26-ой год проснуться, все равно что заложить на время душу черту, — плохое депо для души! Пожалуй, есть малороссийская сказка, что один коваль отдал душу черту, тот и принес ему бездну денег, а коваль деньги взял, окропил святой водой, да самого черта перекрестил, так что тот давай бог ноги, а коваль приобрел деньги и воротил душу. Ну, да это хохлацкая хитрость! Я все забываю рассказать вам про вечер у хо-

зяйки. Так как этому прошло более месяца и повторения не было, то я многое перезабыл... Вы знаете уже, что хозяйка моя вдова офицера армейского, Ивано́ва, а не Ива́нова (в губернии все Ивановы непременно требуют, чтоб их фамилию произносили с ударением на *о*), ростовщица. Муж прозывался Кузьмою, накопил денег около вверенной ему роты и довольно рано, кажется, умер жертвою все-таки усердной службы. В комнате, куда я вошел, все общество состояло из самой хозяйки за самоваром, трех взрослых дочерей, Николашки (мальчика, подававшего чай: слуг у ней нет) и двух собачек. Старшая дочь довольно хороша собой, т. е. высока, свежа, румяна и молода, — как девица, бывавшая в свете, она вела разговор. При первом взгляде на это общество я почувствовал неприятное ощущение... Везде проглядывало беспокойное чувство ложного стыда, — этой необходимой принадлежности полудворянской гордости. Если б не было этого разделения классов, тогда Ивано́ва была бы, может быть, купчихой или мещанкой, — словом, женщиной, которая живет трудами и соответственно своим доходам. Но грубое невежество, с одной стороны, а с другой — надутые претензии — вот класс дворян, сотворенный правительством. Нет ничего тяжеле, если видишь, что окружающие подавлены чувством стыда. Правда, это меньше слышалось в матери, которая храбро и неустрашимо выказывала свою грубость и невежество, — зато дочери, понимавшие это, еще более смущались этим и беспрестанно останавливали ее потихоньку... Так как я — столичная штучка [4], то само собою предполагалось у них, что я во всем знаю толк, все стану *критиковать*. «Вы, может быть, не станете кушать нашего чаю, Вы, конечно, в Москве пьете лучший...» В опровержение выпил я три стакана чаю, был необыкновенно любезен и кормил обеих собачек. Я сказал, что заказываю мебель... «Ах, — закричала мать, — если Вы еще не заказывали, то позвольте мне Вам рекомендовать столяра. Прекрасный столяр, я его давно знаю, он всем: и батюшке, и матушке, и мужу моему делал *гробы*!..» Я очень серьезно поблагодарил и сказал, что у меня уж есть другой столяр, но что, может быть, так как для обивки мебели надо кой-какой материи, я обращусь с просьбою о покупке к ней, хозяйке. — «Нет-с, как можно-с, Вы московский житель, Вы, верно, это лучше нас разумеете...» Между прочим хозяйка сказала мне, что я занимаю такое важное и выгодное место, 2500 рублей жалованья, да, по крайней мере, тысяч 10 доходу!.. Я спросил, что она разумеет под этим; она очень серьезно и наивно отвечала, что подарки, платы, словом, взятки. Я очень спокойно стал ее уверять, что я взяток не беру... «Да, помилуйте, да нет, Вы это так изволите говорить...» или: «Ну так поживете здесь, привыкнете... Вот такой-то сколько берет! А такой-то! Вот Алекс⟨андр⟩ Никол⟨аевич⟩ (Хитров — всех их идеал) прежде тоже не брал, ну а теперь, может быть, и берет». — Я переменил разговор. Хозяйка стала жаловаться, что теперь в Воксал уже не ездят в ситцевых платьях, что пошли дорогие и странные моды, что m-me Хитрова дурна собою и очень смешно одевается... Тут дочь вступилась за Хитрову: «Ах, маменька, как можно так говорить, она такая добрая. А по-моему, — сказала она, — прекрасные свойства души лучше красоты!»— «О, я совершенно согласен», — отвечал я. — Заговорил про Моск-

ву. Ни красота ее, ни древность не были замечены: дочь говорила про Благородн⟨ое⟩ собрание, из которого она никогда бы не вышла, а мать про многолюдный рынок на Москве-реке, на льду. «Как там это лед крепок!» — «Да, уж там, вероятно, за этим хорошо смотрят», — объяснила дочь. — Посидевши довольно долго, я раскланялся и с тех пор не был у хозяйки ни разу, хотя живу рядом. Во 1-х, скучно, а, во 2-х, мое короткое знакомство гораздо более повредило бы ей и ее дочерям, нежели мне. Калуга и без того полна сплетней о тех, которые занимали эту квартиру прежде меня. Поэтому мне и хочется съехать. — Нет ничего отвратительнее для меня полудворянства и полудворянок — обыкновенно самых дурных женщин. Господи боже мой, как выше их презираемый ими мужик! Но прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, пора на почту. Крепко обнимаю вас и цалую ваши ручки. Обнимаю Костю, Веру, Олиньку и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До вторника,

ваш *Ив. Аксаков.*

Я написал еще стихотворение [5] но пошлю его к вам, когда получу ответ о посланных стихах. Панов не присылает ничего!

70

23 октября 1845. Калуга. Вторник.

Благодаря почтмейстеру теперь письма ваши, милый отесинька и милая маменька, получаются мною в первый день приезда почты, т. е. в субботу же. Я не вдруг читаю письма, но кончу сначала нужные дела, закурю хорошую сигару и потом уж читаю медленно. Кстати о сигарах: совокупный запах их необыкновенно хорош, —но мало слышен, когда куришь: они несколько слабы. Но, тем не менее, я курю их с большим наслаждением и не расточительно, а изредка; сигары эти так огромны, что надолго насыщают. Теперь отвечаю на письма. Большое, однако ж, количество пиявок поставили Вы себе, милый отесинька; дай бог, чтоб это оказало пользу; диета, разумеется, для Вас вещь необходимая, хотя продолжительность ее сомнительна: нет, нет, а вдруг чем-нибудь ее и нарушите. Что касается до меня, то я тоже несколько недель держал строжайшую диету и теперь чувствую себя совершенно здоровым, перестал ее держать, прибег к говядине, тем более, что мало-помалу привык я к одиноким обедам. Вы пишете мне про прекрасное осеннее утро. Мне захотелось при этом послать вам свой очерк, где слегка набросан осенний вечер, но отлагаю это до субботы, потому что стихи еще не переписаны. Слава богу, что милая маменька будет наконец воздерживаться от постов! По крайней мере теперь, после нездоровья, не надо, чтоб маменька постничала в филиппов пост. Как я рад, что Вы, милый отесинька, пишете книгу об уженье [1]. Продолжайте и кончайте ее, сделайте милость; да и журналу этому [2] очень рад: прекрасное упражнение для сестер в русском языке, да и диктование им ко мне писем также полезно, и потому, их пользы ради, надо эту диктовку продолжать постоянно. Костя пишет статью [3]: стыдно, если он ее не напишет в деревне, где нельзя пожаловаться на недостаток

времени... Статья очень нужная, где все, все вопросы и profession de foi * должны быть ясно выведены. Кстати об этом. Смирнов предложил мне принять деятельное участие в губернских ведомостях, которым он хочет придать бо́льший объем и вес; прибавить отдел статистический и исторический. Разумеется — он предложил мне не редакторство, а участие, такое, которое бы дало им направление и значение. Я принял вызов охотно; тем разговор и кончился. Для губернских ведомостей нет другой цензуры, кроме губернатора или вице-губернатора; и у меня блеснула смелая, но благородная мысль: завладеть губернскими ведомостями, издавать их в известном духе, помещать в них статьи небольшие, как напр⟨имер⟩, «Сравнение между Петербургом и Москвою» и т. п... А? Но постой, постой, Костя, удержи порывы восторга и *предполагаемой* деятельности! Так как это может компрометировать Смирнова, то я должен буду объясниться с ним откровенно, и, разумеется, он не согласится. Стихов помещать там нечего: для больших — мало места, а малые — не стоит. Разумеется, иногда, косвенно можно будет кое-что сказать, но это так ничтожно, ибо губ⟨ернских⟩ ведомостей здесь никто не читает... Можно говорить косвенно там, где уже знают, об чем речь, и догадаются. А здесь, где решительно ничего не знают и ничем не интересуются, намеки излишни. Надо бы вдруг резкою статьею всполошить всех и обратить на себя внимание. Но что будете вы, впрочем, делать с такими людьми, как мой Яковлев и ему подобными? Во всяком случае, я переговорю с Смирновым; на днях у него побываю. Хитров уехал наконец: да, действительно ему было дано два бала и ужина и один обед «в знак признательности». Вас возмутил поступок Калайдовича [4]. Меня — нет, я ожидал этого, — но хочу велеть ему сказать через Бюлера, что прерываю с ним всякие сношения и чтоб нога его отныне не была в нашем доме. Выписываю вам из письма Погуляева следующие об нем строки: «В Петербурге виделся я с милым Калайдовичем, который становится день ото дня интереснее, милее и занимательнее. Неверие его, ограничивавшееся И⟨исусом⟩ Христом, распространилось теперь на бога вообще и богородицу в особенности. Рассказ его об *их* процессе [5] (т. е. Пинского) достоин *печати*!» Погуляев также терпеть не может Кал⟨айдовича⟩, как и я, воображаю, как это животное всюду ораторствует и кричит! Что касается до Пинского, то я не очень дорожу его мнением. Служба — и вдобавок в Петербурге — не может никого сохранить чистым: иначе не посылал бы он чиновников — на казенный счет и с поручением по службе, — для *своих* надобностей. Оболенскому благоволит [6] он потому, что ему благоволит Шереметев, что Панин знает его и семейство лично; а, может быть, и потому, что Оболенский просто ему понравился и имеет репутацию в министерстве человека дельного. Хочу писать нынче же к нему и узнать, едет ли он в Петербург или нет. «Косо́» и «ко́со» нужны были мне, когда я писал стихи «*Сон*», для рифмы — «*под колесо*». Но я обошелся плохой рифмой или просто созвучием. Вы пишете, милая маменька, что у вас нет никаких моих стихов. И у меня также нет; все у этого Панова, который держит их два месяца понапрасну, ибо

* Изложение взглядов (*фр.*).

альманаха нет; да если б и готовился, так можно было 20 раз списать. Между тем они мне нужны. Вид трудов малых, но все-таки оконченных в некоторые минуты чрезвычайно ободрителен! — Неужели на будущий год не готовится ни журнала, ничего, никакого поприща для деятельности? [7] Это очень грустно. Это значит — отложить все до 47-го года. Право, эти господа пропускают целые годы, так, нипочем! А меня всякое новое истечение года пугает и переполняет тоской. По крайней мере, я тружусь над своим внутренним развитием, и, если меня не обманывает внутренний голос, труды мои увенчаются успехом, и право — это не дерзость так думать: напротив — я убил в себе самонадеянность; как ни ничтожны, ни мелки все мои произведения, но внутренние требования кажутся иногда мне залогом будущего. Но потребен труд, труд и труд. Много труда и душевных страданий стоит самый крошечный дар! Впрочем, об этом когда-нибудь подробнее, а то странно покажется, что это говорит человек, которому указать не на что, ибо все, что до сих пор было мной писано, кажется мне такой мелочью, что возбуждает тоску и презрение иногда во мне самом... Прощайте, целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, обнимаю Константина и сестер, до следующего письма. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение,

ваш *Ив. Акс.*

Очень, очень благодарен Олиньке за ее письмо. Обнимаю ее в особенности.

71

27 окт<ября> 1845. Калуга. Суббота [1].

Какой чудный, роскошный день: мороз несильный, довольно тихо и солнце! Верно, вы гуляете, милый отесинька, милая маменька, и все? Впрочем, может быть, теперь отесинька с Костей в Москве, потому что Смирнова теперь должна быть также в Москве [2]. Ее ждут сюда чрез неделю. На днях был я у Смирнова вечером, он был один, и мы просидели с ним вдвоем часа три, до полночи. Он говорил со мною с полною откровенностью и внушил мне к себе и сожаление и участие. Он лучше Хитрова и в исполнении своих служебных обязанностей — добросовестен донéльзя. Признаюсь, я удивился в нем этому постоянству, этой настойчивости, с которою он работает и день и ночь. Я не говорю о том, ведут ли все эти средства к цели, умно ли они выбраны, я говорю только об искренности и добросовестности его трудов. Когда я стал ему говорить, что эти труды все равно, что воду толочь, что надо добраться причины зла, то он отвечал мне, что пока нельзя трудиться иначе, надо трудиться в тех пределах, которые существуют, что он знает, что вся его работа принесет на одну копейку пользы и что он этим уже награжден, что он смотрит на назначение его в губернаторы как на испытание, на жертву, на очистительное средство, которое доставит ему в жизни случай сделать много добра, в жизни, посвященной доселе одним удовольствиям, забавам, прихотям. Все это я извлекаю из его слов, спутанных и неясных, и выражений, часто смешных. Он говорит, что, имея в виду почти *религи-*

озную цель в службе, он надеется не подпасть под рутину, не сделаться пошлым чиновником. В самом деле, он весь проникнут своими обязанностями, и каждый случай, каждый разговор в свою пользу. Должно согласиться, что все это прекрасно и делает ему большую честь, может быть, он, в своей простоте, стоит многих и многих, но всякий, кто испытал службу, изведал скудность пользы, не имеет власти губернаторской и чувствует в душе другое стремление, тот не может добровольно предаться службе. Что касается до меня, то я должен признаться, что не только «*слабеет* ныне», но уже «ослаб высокий строй моей *души*» [3]; вообще эти стихи служат гранью между прежним и нынешним мною и служат для многого объяснением. Впрочем, Смирнов, не служивший почти никогда прежде и сделавшийся вдруг губернатором [4], не намерен, однако же, пробыть в Калуге более трех лет. Я думал прежде найти у него, как у столичного жителя, светского человека и к тому же придворного, некоторое презрение к здешним обитателям, но, к удивлению моему, встретил необыкновенное снисхождение, держит он себя с ними совершенно просто, ласково, не задает тона. От него мы поехали с ним вместе в клуб; там в комнате, наполненной дымом, играли на трех столах помещичьи усы, военные усы, отставные усы, принадлежавшие более или менее выразительным лицам. «Вот видите, — сказал мне Смирнов, отводя меня в сторону, — фигуры ужасные, это правда, но вступите с ними в разговор, и Вы узнаете многое для службы и ее пользы. В прошедший раз я узнал от них кое-что о достопримечательностях Калуги, всей губернии, каждый может рассказать о злоупотреблениях своего уезда, каждый может подать мысль о каком-нибудь местном улучшении. Il faut les faire parler *, не подавая им виду». И в самом деле, скоро Смирнов окружился несколькими и, как он говорит, приобрел многое для пользы службы. — Я вполне с ним согласен, что можно узнать многое, но не имею вовсе в виду пользы службы; для меня интересен всякий человек, всякое лицо. Неисчерпаемы сокровища чужой души! Впрочем, соглашаюсь, что получил от Смирнова без его ведома урок маленький, готов им воспользоваться, т. е. что нужно более снисхождения и терпимости. Да, тогда не только дух и характер человека будут ясны моему созерцанию, но он не лишится и личных прав своих, и прав человека на участь лучшую, и на прискорбие о настоящей его участи. — Я говорил с Смирновым о губ⟨ернских⟩ ведомостях, с полною откровенностью. Он, разумеется, не может на это согласиться и хочет ограничить ведомости статистикой и историей Калужской губернии [5] собственно, говоря, и отчасти справедливо, что какому-нибудь Яковлеву гораздо интереснее узнать что-нибудь про свой Медынский уезд, где он родился, нежели о России вообще. — Итак, нельзя не повторить с чиновниками, что Смирнов человек *благонамеренный* и за добросовестность трудов своих заслуживает уважение, несмотря на простоту и иногда странную ограниченность. Может быть, хорошими сторонами своими он обязан жене своей... — С нетерпением жду ваших писем; почта опаздывает два дня, но нынче или завтра надеюсь получить их; нын-

---

* Нужно заставить их высказаться (*фр.*).

че я обедаю в первый раз в клубе, с Унковским. Молодой Унковский воротился на нынешней неделе; он прожил во Владимире дня четыре. Гриша дал ему записку к Саше Воейкову, чтоб он отдал ему Ванюшку и калмыцкого бога [6]. Унковский завез записку к Саше, прождал целые сутки, но не получил никакой посылки. — Завтра акт в гимназии, и я получил пригласительный билет. Квартиры себе не нашел, но ищу постоянно. — Дело, о котором я писал вам, еще не поступало к Смирнову. Свободный теперь от влияния Хитрова (который уже уехал), Смирнов действует в противном духе, и приверженцы Хитрова трепещут. — Что бишь я хотел еще вам сообщить? — Забыл; вспомню в другой раз. — Морозы ручаются за скорый санный путь, и я надеюсь, что сани подоспеют вовремя. Ноябрь и декабрь — только два месяца в 1845 году, и как мало сделано в 1845 году, и как мало приготовлено для 1846 г⟨ода⟩. Эх, эх, господа.

Посылаю вам «*Очерк*»; это также полусерьезная шутка, если хотите. Шутка в конце, и я не знаю, какой она производит эффект. Сделайте одолжение, отметьте мне все неправильности, все, что не годится. Это стихотворение очень неважное. Впрочем, у меня в голове роятся многие стихотворения, не знаю, когда придет их черед.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До вторника. Кланяйтесь всем.

Ваш *Ив. Аксаков.*

72

30 окт⟨ября⟩ 1845 г⟨ода⟩. Калуга. Вторник.

Что это значит, что я не получил от вас писем, милый отесинька и милая маменька, ни в субботу, ни в понедельник? Буду ждать еще до середы или четверга; согласитесь, что это очень досадно и неприятно. Сам пишешь два раза в неделю, так постоянно и много, ждешь, не дождешься субботы или того дня, когда приходит почта, и обмануться! — Надеюсь, впрочем, что причина неполучения мною писем не заключается в чьем-нибудь нездоровье... Все эти дни был я очень занят чтением нового «Уголовного свода» [1], который я взял у архиерея. Ему частным образом прислали из Петербурга. Кажется, я вам писал про мое знакомство с архиереем. Я познакомился с ним довольно поздно; он здесь лет уже тридцать [2], не очень стар, низенького роста; редкий седой клок бороды производит очень неприятное впечатление. Человек хороший, но, кажется, особенного ничего нет; обыкновенное семинарское образование всему основой. Я думал, что он, по крайней мере, занимается, что у него найду множество книг, ничего не бывало, и в этом отношении мне от него никакой нет пользы. Впрочем, мы с ним очень хороши, и он отдал мне на время новый «Уголовный кодекс», который я просмотрел в эти дни с большим любопытством. Нельзя обнять вдруг всю применимость статей, но, сколько можно судить, так я доволен; множество случаев, не обозначенных прежде, приводили нас в затруднение, и мы, для того,

чтоб достигнуть самых прекрасных результатов, должны были прибегать к разным недобросовестным натяжкам. Но теперь все эти вопросы или большая часть предусмотрены. Наказания очень строги, но зато судья имеет право принимать в соображение даже нравственные побуждения преступника, как-то: бедность, сильное оскорбление и множество других. Конечно, это подаст повод к большим злоупотреблениям. Между тем, как я рад этому, ибо звание судьи возвышается, от него требуется глубокое понимание человека, он не простой исполнитель буквы, по духу этих законов ему дается довольно большое поприще для толкования обстоятельств,— вероятно, другой плут, уездный судья, начнет делать такие толкования и рассуждения, что невольно пожалеешь о данном ему произволе. Но что прикажете делать? Мы до такой степени привыкли делать все по рутине, не думая, так довольствуемся мирною нашею участию, что прежде всего начнем бранить то, что́ развязывает нам руки. Смертная казнь, как и прежде, только за известные преступления. Кнута нет, вместо него плети через палача. Работа в каторге распределяется на несколько разрядов по числу лет. Есть временная ссылка на житье в Сибирь и в некоторые губернии, заключение в тюрьме и крепости на несколько лет и т. п. Число лет, срок составляют оттенки бесчисленные. Можно упрекнуть составителей «Свода» в этих излишних подробностях, в этой претензии обозначить все тончайшие оттенки характера преступления... недостаток, общий всем отвлеченным людям, работающим в кабинете и не знакомым с практикой. Впрочем, нельзя и требовать многого. Вполне может образоваться суждение об этом «Своде» только тогда, когда всякая статья перебывает в деле. Конечно, в нем заметно направление европейского гуманизма, но он все лучше, нежели прежний [3]... Но все же и этому «Своду» точкой отправления служит еще «Уложение» царя Ал⟨ексея⟩ Мих⟨айловича⟩, ибо Петр Вел⟨икий⟩ не сделал никакого почти преобразования в угол⟨овных⟩ законах, да и не нужно было ему; царь Ал⟨ексей⟩ Мих⟨айлович⟩ советует всегда *нещадно бить*, и сын любил эти отцовские советы. Признаюсь, я с нетерпением жду времени, когда можно будет привести в действие «Свод»; мне приятно будет, например, свободно и смело оставить мать, не донесшую на детей своих, без наказания, между тем, как еще теперь (недавно у нас был такой случай) я прибегаю ко всем подъяческим хитростям, чтоб достигнуть человеческого результата. — Наказание за дуэль очень смягчено. Убийство на дуэли не рассматривается как обыкновенное смертоубийство; делается различие между обидевшим и убившим обиженного и между обиженным, убившим обидевшего. Первый наказывается строже. Многое, однако ж, мне очень не нравится, именно наказание несовершеннолетним. Они за тяжкие преступления заключаются лет на 5 или 6 в тюрьме — на *одинокое* сидение. Это ужасно и нелепо. Просидеть молодому мальчику лет пять одному — есть с чего с ума сойти. Впрочем, в тюрьму заключаются там, где нет поблизости монастырей. Редакция «Свода» очень тяжела, язык так неповоротлив у них и темен, что будет часто затруднять в деле. Вообще — в нем мало улучшений, но видна также смесь разнородных начал; горшок, в котором сварены вместе и «Уложение» Алекс⟨ея⟩ Мих⟨айловича⟩, и берлинский «Кодекс» [4],

и разные Landrecht *. Несмотря на это, за многие облегчения наказаний, за данное судье право — входить в соображение побудительных причин и обстоятельств, сопровождавших дело, — я все-таки рад ему.

В воскресенье был я на акте в гимназии. Говорили тут речи: боже мой, какие речи! Здесь есть один учитель гимназии, который искренно воображает, что он поэт, и пишет такие стихи, что трудно поверить; таких поэтов в Калуге несколько. Я нашел здесь одного, с которым я вместе держал экзамен в училище. Он не выдержал; потом года через два встретил я его на Невском; он бежал. Я остановил его и спросил, что с ним, куда он? Помню, что он отвечал мне: в Невский монастырь, на могилу Ломоносова [5], читать стихи. Этот шут здесь, служит и всем кричит про свои стихи. Чай, m-me Смирнова теперь в Москве и Вы с нею виделись, милый отесинька. Нетерпеливо желаю знать, какое она на Вас произвела впечатление [6]. Поздравляю Веру с 1-м ноября [7]. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки. Обнимаю Костю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До следующего письма!

Ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. Вообразите, что Митя Оболенский уже проехал через Москву в Петербург. Не знаю еще, что помешало ему приехать в Калугу.

73

1845. Ноября 3. Калуга. Суббота.

Слава богу, письма ваши не затерялись, милый отесинька и милая маменька, и во вторник, после отправления письма к вам, получил их. Это по оплошности почтальонов, которые продержали их у себя три дня. Эти письма были для меня очень интересны; рад, что стихи вам понравились (Вообразите, что я уже часа полтора чиню перо и не могу очинить). Вы можете быть совершенно уверены в том, что все мои описания и вопросы насчет себя были искренни, и изо всех ваших похвал оставляется малая доля, столько, сколько допускает мой собственный внутренний суд. Однако ж я недоволен своим бездействием, мелкие стихотворения меня не удовлетворяют, а другого ничего не пишется. — Смирнова еще не приезжала; но дети ее приехали вчера, вероятно, она не замедлит теперь. Жаль, что Хомякова нет в Москве [1]; а что касается до Вас, милый отесинька, то Вы, верно, ее увидите, потому что она в Москве должна была прожить довольно долго. Как я рад, что альманах идет и «Зимняя дорога» пропущена [2]. Но есть ли хоть одна повесть? Если нет, так это весьма глупо; здесь книгу и в руки не возьмут, если нет повести. Хоть и невыгодно в первый раз дебютировать обставленному то описанием Чехии, то путешествием в Иллирию [3], ну, да все равно. Если Вы поедете в Москву, то я попрошу Вас посмотреть корректурный лист. Рукопись, бывшая у Панова, полна ошибок, вставок и вариантов, и выбора вариантов нельзя предоставить самому Панову. Я бы желал также, чтоб при напечатании альманаха отпечатали мне экземпляров «Зимней дороги», если можно, хоть с 15; разумеется, я

---

* Положения о земском праве (*нем.*).

заплачу Панову за это. Во всяком случае, он должен мне возвратить как рукопись, так и книгу. — Очень, очень благодарен Косте за письмо [4], знаю, какой это для него подвиг, и буду отвечать на днях; в истории с Тургеневым он совершенно прав [5]; если некстати погорячился, так зато первый и просил прощения; впрочем, Тургенев такое ничтожное лицо, что все это ничего особенного в себе не заключает... Ах, какая тоска берет, когда посмотришь кругом, на себя самих, на нашу деятельность, на лица, нас окружающие... Такая тоска, что не знаешь, куда деваться. Часто здесь, середи разговора, меня интересующего, наприм⟨ер⟩, когда я стараюсь просветить несколько здешних обитательниц, я вдруг останавливаюсь на полуслове, и мне все это вдруг представится в такой пустоте, в таком бледном свете, все, все, и я сам, и слушательницы, и мое усердие, сделается так грустно, что стараешься поскорее прекратить разговор и уехать. Признаюсь, тяжело бывает в эти минуты, что нет ни одного короткого человека, с кем мог бы я грустить и скучать вместе. — У Унковских я бываю очень часто, раза два в неделю обедаю, раза два бываю вечером. Все мои знакомые ограничиваются ими, Толстыми (с которыми, впрочем, я на днях только познакомился), еще двумя, тремя лицами (офицерами и т. п. незначительными существами) и лицами официальными, с которыми я считаюсь визитами. Вероятно, меня здесь бранят всюду, но я не вижу нужды знакомиться с Нилусами и т. п., которых очень много. Я бываю вечером только в единственных двух домах, где не играют в карты. У Унковских мне совершенно свободно, бесцеремонно, мне всегда рады, я почти как свой, и в самом деле, трудно найти семейство более русское и простодушное. Все они, не исключая и сыновей, люди невозмутимо верующие, добрые, честные. Дочери — славные девушки, я люблю в них всякое отсутствие претензий, простоту и безграничную привязанность к семейству, которого им вовсе не хочется оставить. Мне жалки они тем, что живут в провинции, где нет никаких средств около них для образования, ни книг, ни людей; впрочем, не думаю, чтоб они очень-то чувствовали в себе стремление к истине; я насилу мог уговорить их после «Вечного жида» бросить читать глупого Sue и начать Вальтера Скотта [6]. Но все это меня мало занимает и интересует; уж я стеснен тем, что не могу говорить свободно, а должен соображаться с степенью понятий и образования, толковать вещь, которая всякому из нас, москвичей, уже известна, как $2 \times 2 = 4$... Скучно делается все это подчас; не знаю, что нового поведает мне Смирнова.

Завтра я съезжаю с своей квартиры на новую. Слава богу! так неудобна и несносна была эта квартира. Не говорю уже о том, что тесно, нет отдельной комнаты, а всего только одна комната, перегороженная перегородками; в последнее время стал проходить сквозь пол дым из кухни; далеко, улица и по названию самая мерзкая. Теперь же я нанял у самых присутственных мест, у Каменного моста, большой каменный дом, который жители, читавшие Вальтер Скотта, прозвали *Аббатством* [7]. Вы знаете, что прежде Калуга была вся на берегу реки, и только лет 60 тому назад стали строиться дальше от берегу. Но лучшие кварталы в древности были там. Подле этого дома, где я нанял, стоит дом, которому считается более

300 л⟨ет⟩. В нем еще живет то самое семейство, которому принадлежало оно в древности; недавно только умер старик, лет 105, в полной памяти; он говорил, что и дед его, который был так же долговечен, не был строителем дома. Этот дом у меня справа, а налево виден из окон дом Марины Мнишек [8]. Вид у меня на Оку — чудесный. Дом этот принадлежит купчихе Борисовой, которая живет в нем сама уже лет 50; она одна, живет внизу́, а верх отдавался внаймы и только что опорожнен одним постояльцем, который стоял в нем два года. Узорчатые печи, как в тереме, мебель старинная, в готическом вкусе, красного дерева, старуха хозяйка и соседство древностей — все это произвело на меня самое приятное впечатление, и я решился немедленно, тем более, что все мои знакомые хвалят эту квартиру. За верх я плачу 400 р⟨ублей⟩ (у меня 5 комнат, но в моем же распоряжении состоят еще три или 4 комнаты отдельные, которых мне не нужно и которые будут заперты). Впрочем, когда перееду, опишу вам в подробности. Объяснялся с Ивановой, хозяйкой, насчет задатка, она отвечала, что не отдаст; ну, бог с ней; у ней останется рублей около 50. Досадно, хотел сначала на дешевое свести, а вышло все дороже. Принадлежности в доме Борисовой в обильном числе и виде. Я с наслаждением думаю о том, как я буду сидеть по вечерам в этих старинных комнатах... Туда ко мне всякий может приехать: поместиться есть где. — Прощайте, милая маменька и милый отесинька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Костю и всех сестер, А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До вторника. У меня есть еще пустые, легонькие стихи, которые пошлю с этим письмом, если успею переписать [9]; но их не стоит никому и показывать.

Ваш *Ив. Акс.*

Устанавливается зимний путь, а саней все нет? Нынче мое письмо очень безалаберно потому, что сквернейшее перо. Перья так скверны, что нельзя было переписать стихов. До вторника.

74

Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову

<Ноябрь 1845 года>.

Я сам давно собирался писать к тебе, милый друг и брат Константин, прежде чем получил письмо твое. Из писем моих ты уже знаешь подробности моего житья; лучше поговорю о себе собственно. Калужская жизнь для меня очень, очень скучна и тяжела по непрестанному принуждению, скучна потому, что здесь нет ни души, которая могла бы хотя отчасти понять тебя. Во всем городе умнейший — это старик Унковский, принадлежащий к особенному разряду тех людей, которые любят все *умное* и *дельное*, в како́м бы роде ни было, читают с карандашом в руках и отмечают с чувством общие места, пошлые истины и восхищаются слогом. Город ничем не интересуется, не подозревал и не подозревает (исключая одного

Унковского) существование первых трех книжек «Москвитянина» [1], ничего не читает, а если и читает, так только «Вечного жида» в русском переводе [2]... Но зато я бо́льшую часть времени провожу дома, и кажется мне, что мое одиночество не бесполезно для меня, я чувствую свое постоянное развитие и созревание. Да, постоянно погружаясь в самого себя, в постоянном созерцании жизни, всех ее мелочей и чужой природы, я чувствую, как серьезность (Ernst) и строгость проникают мне душу, и безумные речи, речи на ветер не так легко сходят с языка, как бывало. Я еще строже слежу за собою и, по выражению Св⟨ященного⟩ писания, «распинаю в себе ветхого человека со страстьми и похотьми» [3]. Я пробовал здесь приняться вновь за «Марию Египетскую» и понял, что недаром мне не писалось! В самом деле, когда я стал себе воображать ее в пустыне, постепенное отпадение всех скверностей человеческой природы, тогда она явилась мне столь очищенною, на такой высоте и вместе с тем в таком высоко-поэтическом образе, что от одной мысли занимался дух, трепет пробегал по телу, и мне случалось почти молиться, чтоб я в состоянии был достичь этой высоты поэзии и гармонии, которые мне неясно виднелись. И я понял, что мне нужна бо́льшая зрелость и многое нравственное улучшение. Да, «Мария Египетская» должна иметь большое влияние на мое развитие. Теперь еще предмет мной владеет; не знаю, когда бог даст мне овладеть предметом; но после тех минут я почувствовал живую потребность евангельского слова, чтения духовных книг, и в особенности «Четиих Миней» [4]. Не то, чтоб пробудилась во мне вера... Нет, этого я не могу еще сказать, но я почувствовал и значение церкви, и важность церковных обрядов, по крайней мере, уже язык мой не станет больше кощунствовать, и легкомысленное воззрение заменилось уважением. Не знаю, как это тебе все покажется, в какую минуту прочтешь ты эти строки, но я пишу их серьезно и, кажется, искренно. Эти ощущения, с одной стороны, с другой, — впечатления жизни, плоды ее созерцания, жизни, к которой я до сих пор не могу привыкнуть и на которую все смотрю как на вещь от меня отдельную, так переполняют меня иногда, что мне кажется, будто целый мир ношу в себе и слышу призвание писателя, но до сих пор выходят от меня только такие мелочи, такие жалкие, ничтожные вещи в сравнении с внутренними требованиями! Но иногда мне кажется, будто это все материалы вырабатываются сами во мне, чтоб со временем выстроить прочное здание... Бог знает, но неужели все это разрешится ничем? — Посылаю тебе два стихотворения [5], с правом сделать некоторые перестановки и поправки, только к лучшему, разумеется! Первое — род длинной нравственной оды, точно ода «Бог» [6]. Я думаю, многие скажут, что это старое, смешное сожаление о скверности человеческой! Другие, пожалуй, примут ее в смысле тесной благонамеренности... Но я должен признаться, что она нравственного, не политического содержания. Я сам еще не уверен — хорошо ли это стихотворение. Другое — «*Сон*», серьезная, благонамеренная шутка. В нем обращаюсь я к тебе как к истолкователю снов. Напиши мне настоящее твое мнение и о содержании, и о достоинстве стиха, особенно этой оды... Если я не могу достигнуть чистоты и искренности, то пусть, по крайней мере, дела и поступки мои соглашаются с понятиями ума обо всем

честном, прямом и благородном. Мы вообще слишком инконсеквентны *, и в этом смысле я нахожу вопрос Тургенева, сделанный Панову, очень дельным [7]. Ты читал письмо Оболенского [8]. Он, все другие, даже m-me Свербеева [9], — все поют, что я нахожусь под твоим влиянием [10]. Я вовсе не намерен отрицать этого, как вообще влияния всякой истины, но нельзя сказать, чтоб оно не проходило во мне сквозь путь самобытный. Хотят, чтоб я не оставлял службу. Но, во 1-х, нечестно, по моему мнению, делать то, противу чего восстаешь, брать за это деньги... лучше жить в бедности; во 2-х, я спрашиваю не себя, а других, вправе ли я играть роль моего же чиновника, которому было сказано:

Пусть свежестью души и чувством дорожит
Под сению искусства иль науки! [11]

но который поступил иначе. Правда, когда я писал «Чиновника», я и не думал обращать вопрос этот к себе, но теперь — могу ли я, как вы думаете? Признаете ли вы за мной хоть какое-нибудь дарование литературное, если не поэтическое? [12] Если да, в таком случае мне не должно служить, — но пусть скажут мне откровенно свое мнение. Что касается до благонамеренных действий, то, кроме старика Унковского и детей его, которых, по крайней мере, если не обратил, так познакомил с московскими мнениями, я воспитываю теперь в этом духе заседателя и секретаря уголовной палаты. Оба они были в Московском университете: первый уже давно, а второй вышел кандидатом в 1841 году, — именно Дмитревский [13], молодой человек, калужанин, которого бедность принудила вступить в службу.

Когда будешь читать стихи, то сначала прочти их про себя, а потом вслух, напиши, годятся ли, или не те варианты, находящиеся на конце? Когда прочтешь их, то попроси сестер вытереть их резинкой. У меня готовятся еще стихотворения вроде легких эскизов, очерков. — Прощай, милый друг и брат Костя, крепко обнимаю тебя. Пиши ко мне, что тебе делать! Будь здоров. Я еще не все написал тебе.

Твой др⟨уг⟩ и бр⟨ат⟩ *Ив. Аксак.*

P. S. Я перечел свое письмо и не совсем доволен. Оно как-то не так вышло, как бы мне хотелось.

75

1845. Калуга. 6 ноября. Вторник.

В прошедшую субботу, против ожидания, получил я письма ваши, милый отесинька и милая маменька, письма не очень утешительные: Олинькино нездоровье, нездоровье других, предстоящая поездка в Петербург [1]... Что касается до последней, то я очень рад, если это принесет пользу, хотя признаюсь, Кабат [2] как-то мало мне внушает доверенности. Чего доброго, Вы, может быть, уже уехали в Петербург? — Смирнова до сих пор не приезжала и еще долго, говорят, не приедет, а дети ее уже здесь. Впрочем,

* Инконсеквентны (от лат. consequens/consequentis) — непоследовательны.

теперь она в Москве, возобновляет, верно, старые знакомства, но, во всяком случае, не совсем хорошо с ее стороны так долго не ехать к мужу и не торопиться к детям. Детей я еще не видал. Хотя и был третьего дня у губернатора вечер и будет таковой каждую субботу, без приглашения, но я не был и, вероятно, никогда и не буду, потому что вечера игрецкие, где вся здешняя чиновничья знать (вроде Яковлева), Нилус и т. п. проигрывают и выигрывают довольно большие суммы для здешних помещиков, особенно при предстоящей здесь дороговизне хлеба и преимущественно овса. Я же всячески удаляюсь от этого общества. Пусть меня бранят, называют чудаком, но я, по крайней мере, действую самостоятельно, знакомлюсь, с кем хочу, провожу время, как хочу. Между тем все эти господа, от которых я отклонился, так связаны друг другом, что уж непременно они всегда вместе, нынче в клубе, завтра в театре, там у Нилуса и пр. и пр. На меня очень дуется их же всех приятель, жандармский штабс-капитан Алондаренко, у которого я не был с визитом, да и не вижу никакой нужды знакомиться с его глупой особой; к тому же он неженатый и не в почтенных летах человек, следовательно, еще менее причин ездить мне к нему первому. Для управления здешним театром и его делами Смирнов устроил комитет из г⟨оспод⟩ председателей палат, которым вообще нечего делать, и из Нилуса. Этот комитет напечатал объявление, в котором приглашает всех абонироваться на 30 представлений до вел⟨икого⟩ поста. Ко мне лично пристали с этим два председателя, но я без церемоний отказался. Что за охота платить мне 25 р⟨ублей⟩ серебром, когда я много раз или два пойду в театр. В воскресенье Яковлев пригласил меня к себе обедать: вы видите, мы с ним в хороших отношениях, но вовсе не коротких, потому что с моей стороны я не делаю шагу, чтоб сблизиться. Приезжаю к нему часа в два; у него были еще двое членов палаты, Брылевич, предс⟨едатель⟩ пал⟨аты⟩ госуд⟨арственных⟩ им⟨уществ⟩, лицеист, человек не глупый, но хвастун и дрянь. Познакомился с женой Яковлева: она гораздо бойчее мужа, но женщина малообразованная, умная и ловкая в практическом быту, т. е. в устройстве своих дел; по лицу ее видно, что она вне гостиной должна быть чрезвычайно крутого нрава; высокого о себе мнения и когда говорит, то подымает с значительностью черные свои брови и устремляет глаза, думаешь, что и бог знает что, а выходит глупость. За обедом сказали, что Нилус накануне выиграл 700 или 800 р⟨ублей⟩ серебром (и кажется, у Смирнова). «700 р⟨ублей⟩ серебром, — сказала Анна Ефимовна, — это имеет некоторую прелесть!» Это было сказано с таким видом, что мне сделалось гадко. В гостиной стены зеленые, ковер голубой, мебель красная! Что за народ. Отобедали часу в 4-м. Пробыв полчаса после обеда, заехал домой, переоделся и отправился к Унковским, у которых я еще ни разу не был в воскресенье и у которых в этот день всегда бывает много гостей и танцы. Как скоро танцы начались и всем им сделалось очень весело, мне сделалось ужасно скучно и грустно: такая пустота, такая ограниченность в веселье, и я уехал потихоньку. Вчерашний день весь пробыл дома; нынешний вечер вместе с стариком-Унковским провожу у архиерея. К тому же у меня перевозка. Письмо это пишу я еще из старой квартиры, все

унесено, кругом беспорядок; но ночую нынешнюю ночь уже там. Я не хотел переехать в понедельник и презрением к этой примете оскорбить и древности, меж которых я переселяюсь, и мою старуху-хозяйку, которая уже объявила мне, что мастерица делать блины и пироги, которая, право, такая добрая, славная женщина, так заботится об том, чтоб у меня было все исправно... Когда я вознамерился переехать на другую квартиру, я пошел к Ивановой объявить ей это. Она начала изъявлением удовольствия, что видит меня, что я не был у них уже почти два месяца и пр. Но я приступил к делу, объявил ей все очень учтиво и, наконец, спросил, как она располагает насчет задатка? — «Разумеется, оставить его у себя», — отвечала она. «Я только это и хотел знать», — сказал я и ушел. Задатка у ней остается рублей около 50⟨ти⟩. Вчера часов в 5 присылает она просить меня на чай. Я отправился. Ничего особенного не было. Она изъявляла все сожаление, что теряет постояльца, удивлялась, что я так много сижу дома, что у них был всего раз и только вначале и пр. и пр. Я имел терпение, однако ж, просидеть часа полто́ра, отвечая очень серьезно и как будто не понимая на все эти вздоры. На подносе подали варенья и миндальных орехов. Мне как гостю подают первому. Я, видя, что блюдечек нет, что ложечка одна, и хотел было сказать, чтоб подали сначала дамам или барышням, как здесь говорят, но отложил это, зная, что не поняли бы этого, пожалуй, стали бы уверять, что *ничего*, *очень приятно*. И потому я, решившись, смело — ложечку в варенье и в рот. Потом все дочери ту же ложечку в варенье и в рот, наконец сама хозяйка. Через полчаса опять та же история. Наконец я раскланялся и, слава богу, развязался с нею и так доволен, так рад, что переезжаю в эту древнюю квартиру.

В четверг был в Собрании. Им начинается ряд зимних веселостей... Да, забыл поблагодарить. Третьего дня вечером принес мне калмыцкого бога кучер Сухотина [3]. Меня не было дома, а Порфир не спросил, где стоит его барин и т. п. Вы спрашиваете меня о Порфире? Поведением его я совершенно доволен; боюсь сглазить, но он покуда рюмки вина в рот не берет, целый день сидит или, лучше сказать, спит дома и очень усерден. Когда я его спрашивал, хочет ли он оставаться со мной, то он отвечал «да» и прибавил, что здесь он, по крайней мере, знает и видит, кому служит, и его службу видят. Житель кухни, он захотел света, захотел быть в непосредственном сношении с барином!

Посылаю вам стихи. Так как эти стихи — так, ничего, то вы и не судите их строго и не обращайте на них особенного внимания. Я посылаю вам это неровное стихотвореньице [4] потому только, что все вам посылаю. Прощайте, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До субботы.

Ваш *Ив. Акс.*

76

Суббота. Калуга. 10 ноября 1845.

Я чрезвычайно доволен этой неделей, милый отесинька и милая маменька; во-первых, я переселился на свою новую квартиру, во-вторых, я вчера и нынче получил пять писем, — а вы знаете, как я люблю получать письма. Ваши письма сейчас принесли, я сейчас их прочел и спешу отвечать, потому что нынче почтовый день. Расстройство Олинькиного здоровья и ваша головная боль сильно меня огорчают и нарушают мирное течение и вашей деревенской, и моей калужской жизни. Дай бог, по крайней мере, чтобы все восстановилось хоть в том виде, в каком было недели за две. — Смирнова еще не приезжала, по крайней мере, я еще об этом не знаю; может быть, она и приехала вчера вечером или нынче поутру. Мне любопытно очень ваше мнение об ней, напрасно вы его не сказали, это бы не помешало моему впечатлению. А что-то сдается мне, что в ней мало истинной простоты, мало этой внезапной искренности в движениях и поступках и что многое участие в ней утрировано, не из какой-нибудь особенной цели, а из желания сделать приятное человеку. Это подробное расспрашивание об истории моей с Яковлевым, истории, которая не может и не должна интересовать ее, как-то мне не понравилось. А впрочем, я говорю вам, что почувствовал из ваших писем; вероятно, я ошибусь и буду тому очень рад. Об истории моей с Яковлевым она, вероятно, знает от Самарина или от Оболенского [1], который пишет мне следующее: «История твоя с председателем, по-видимому, произвела большой эффект на всю Калужскую губернию, потому что мне рассказывал ее один неизвестный мне господин, ехавший со мной в одном дилижансе, и, отзываясь об тебе с выгодной стороны, он оправдывал вполне твое действие». Вы же пишете, что она, как кажется, была предупреждена не в мою пользу; это все так, ничего. При этом, вероятно, сдвинулись несколько брови, что должно выражать внимание, подвинулась головка... Каково, Костя уже навалял повесть! [2] Молодец! В письме своем он пишет об этом так же коротко и равнодушно, как будто написал свою 50⟨ую⟩ повесть! Пожалуйста, сообщите мне об этом подробнее, мне очень хочется прочесть ее. Я сам давно собираюсь писать повесть, да еще не пишется, но если б я написал повесть, так все-таки это была бы эпоха в моей внутренней жизни. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Опять не пропущена «Зимняя дорога»! Это несносно. Признаюсь, мне хотелось бы, чтоб она или «Чиновник» были напечатаны [3]. Это покажется, может быть, странным, тщеславным желанием... Но это не совсем так. Всякий пишущий пишет не для себя только; есть потребность — не известности или славы, — но пространного круга сочувствия и понимания. Если б, говоря обыкновенным языком, произведение мое имело успех, т. е. отозвалось бы не в тесном кружке людей избранных, но в душах, мне не известных, пробудило бы многое неясно, смутно, это меня бы сильно ободрило. — Хомяков, я думаю, приезжал столько же для Валуева, сколько для Смирновой [4]. — Очень рад, что вам нравится «*Очерк*» [5]. Благодарю Костю очень за мнение о вариантах; пожалуйста, уж вы и вставьте свои поправки. Само собою разумеется, что *чмок* и последующий разговор приписано так, об этом и говорить не стоит, это уж я, так сказать, на словах,

вам собственно досказываю картину, и Костя справедливо замечает, что чмоканье не бывает в большом свете. Костя не должен быть на меня в претензии за то, что я не отвечаю ему. Предмет писем моих к нему — всегда серьезен, и таких многозначительных для меня самого писем нельзя писать сряду. Я, впрочем, собираюсь написать к нему еще. Случай с Ник⟨олаем⟩ Тим⟨офеевичем⟩ очень забавен и неприятен [6]. Надо будет ему доказывать тождество свое с лицом, прописанным в подорожной. Смирнова самого я не видал еще с того вечера; все собираюсь к нему, но почти уверен, что встречу у него этих игроков и вообще несносных тузов калужских. В четверг был бал в Собрании; я уехал в исходе 11-го, еще до приезда Смирнова. Никак не могу вытерпеть на бале более двух часов. Этим балом открылся ряд обычных зимних увеселений: «Пора рабочая для жизни городской, Пора веселостей обычных»! [7] Вчера, вознамерившись обедать у Унковских, приказал я приехать за мной в палату и, по обыкновению, привезти — какие есть записки и письма. Вручают три письма, с которыми и отправляюсь к Унковским, и, поговорив немного, прошу позволения распечатать и прочесть письма (ибо видел, что нет письма от вас, которое я всегда читаю дома). Распечатываю первое, и — вообразите мое удивление — стихи, смотрю: подписано: «Языков». Этот сюрприз был мне, разумеется, очень приятен [8]. Стихи хороши, особенного, впрочем, ничего нет; вы, вероятно, их знаете. Прекрасны последние два стиха:

И песням твоим чтобы там не мешали
Ни кошка — цензура, ни критик — осел!

Не понимаю только, к чему он все толкует мне про любовь и красавицу-розу, певца-соловья, ее воспевающего [9]. Любовь меня не занимает нисколько, я об ней и не мечтаю и не думаю. Я могу ее себе представить отдельно от себя, как и всякое положение в жизни; напр⟨имер⟩, в «*Очерке*», где я никого и не воображал на месте этой девушки. Разумеется, я буду отвечать стихами же Языкову и очень ему благодарен; видно, что ему понравились мои последние стихи. А что Каролина Карловна, что ее роман? [10] — Другое письмо было от Гриши, который находит в присланном к нему стихотворении («26 сент⟨ября⟩»), не знаю почему, небрежную отделку. Не посылайте к нему письма моего к Косте, потому что там находятся некоторые выражения о старике Унковском; и письмо это могло бы попасть в руки сыну; но, впрочем, пошлите, только зачеркнув хорошенько эти выражения [11]. В самом деле, он такой прекрасный человек, с таким горячим еще сердцем, так многому сочувствует, так любит всякое движение в молодых людях, так строго нравственн, что я его от души люблю и не хочу, чтобы в моих письмах были оскорбительные для него замечания, касающиеся, впрочем, только его англомании и некоторых отсталых понятий о литературе и поэзии. Бог с этим! — Третие письмо от Ал⟨ексея⟩ Иван⟨овича⟩, деловое; он пишет, что очень грустит с Соничкой, не получая от вас никаких известий. Нынче же поутру принесли мне ваше письмо и еще письмо от Оболенского и Попова, с припискою Самарина. Попова письмо очень грустно. Он решается вступить на службу [12], обращается ко мне с вопросами, просит прислать стихов. Не хо-

чется ему в службу (не в ученую, а сенатскую); впрочем, говорит он, в ком есть что-нибудь живое и достойное жить, тот пронесет этот дар сквозь долгий и тяжелый путь, и не умрет он; в ком нет или он не стоит жизни, об чем же и хлопотать? Оболенский пишет, что он у Самарина, который занят писанием резолюций, а подле него сидит Попов. Самарин приписывает в канцелярском слоге, очень забавном: «Соображая обстоятельства, изложенные в письме Оболенского, и находя оные правильными, притом усматривая, что работа моя не доведена еще до окончания, а время, продолжая свое течение до второго часа, полагаю, прописав все сие и обнимая вас от всего сердца, притом, пожелав вам здоровья, терпения и всякого добра, в должности секретаря Самарин».

Скоро 12 — срок приема писем. Мне еще много следует написать к вам, отложу до вторника. Я, слава богу, совершенно здоров, истинно здоров, и теперь на новой своей квартире как-то тихо, счастливо доволен; какой-то особенный мир пролился в мою душу; впрочем, до следующего письма. Обнимаю вас и целую ваши ручки. Выздоравливайте все, пожалуйста. Обнимаю Костю и всех сестер; милую Олю в особенности. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Прощайте.

Ваш *Ив. А.*

77

13 ноября 1845 года. Калуга. Вторник.

По милости Смирновой встал я нынче очень поздно поутру, в 11 часов надо в палату, и потому не ожидайте от меня длинного письма. Да я, впрочем, не в состоянии ни о чем другом писать: я так огорчен, так низко упал, с такой высоты: я говорю о Смирновой. Вчера вечером получаю записку от мужа, просит на чай. Я приехал и пробыл почти до 2-х часов ночи. Это не женщина, а просто черт, бес. Думал я прежде, что увижу чудо красоты, женщину, в которой «все гармония и диво, все выше мира и страстей...» [1] В первый раз в жизни я был заранее, впрочем, очарован, мечтал, бог знает что... Я не в силах высказать вам того неприятного, оскорбительного впечатления, которое она на меня произвела. Она сейчас поставила меня в свободные отношения, я ни разу не сконфузился, но часто вырывались у меня резкие выражения... «Я видела Вашего батюшку и Вашего братца, в его костюме; он говорит по-русски чудесно, но все-таки костюм не следует носить, я произвела на него пренеприятное впечатление, я это заметила...» и хохочет. Это показалось мне обидным; я спросил причину неприятного впечатления — видите — она все шутила с Костей. «Напрасно, — сказал я, — Вы шутили, он так искренен в своих убеждениях, так чистосердечно готов их защищать каждую минуту, не понимает шуток и не любит». Она начала говорить про костюм, что кто-то шьет себе терлик из старой занавески, хохочет, вспоминая все это с братом. «Прекрасно, — сказал я, — что он (Костя) носит русское платье, несмотря ни на какие шутки и насмешки, мы все должны были бы поступить так, да дрянны слишком...» Смирнова, не церемонившаяся вместе

со мной, явилась мне в самом неприятном виде [2]; ее капризный тон с людьми, с мужем, ее смешная досада на все, что она не так удобно окружена, как прежде, что ламповое масло не приехало из Москвы, все это очень безобразило ее. Ничего приятного не нашел я в лице ее. Стала она с братом своим передразнивать Надежду Ник⟨олаевну⟩ Шереметеву; можно бранить Н⟨адежду⟩ Ник⟨олаевну⟩ за ее суетливость и хлопотливость, но смеяться над недостатком зубов — все это как-то странно. Раз пять, в продолжение вечера, принималась она передразнивать ее. Бранит Россию и все, но брань брани рознь; и я сказал ей, что «у Вас эгоистическое негодование, в котором нет любви и скорби». — Помирает со смеху надо всем, что видит и встречает, называет всех животными, уродами, удивляется, как можно дышать в провинции... Я сам в провинции не на месте, но мне все это было досадно слышать; я мужчина, но во мне больше мягкости и внимания ко всему человеческому. Я сильнее ее ругаю мошенников, но если в ком есть хорошие, добрые движения души, тот не подвергнется от меня ни брани, ни насмешке, хотя я со вниманием буду исследовать весь его внутренний механизм. — Что Смирнова — олицетворенный ум, — в этом нельзя сомневаться, но в том-то и беда. Какой тут источник вдохновения; замрет, напротив, всякая поэзия, моя душа была так внутренно оскорблена, что я не решусь ни за что, мне кажется, читать ей свои стихи, где есть хоть малейший оттенок чувства, мечты... Она меня спрашивала о стихах, только я отвечал кратко. — Она находит, что *панталоны* у Кости слишком узки, французские. Читала мне письмо Ростопчиной [3] из чужих краев: слишком тонко и умно, впрочем, ум и истина французских фраз. — Любезности и приветливости со стороны Смирновой особенной не было никакой, она обращалась со мною, как с человеком, которого знает 20 лет; «Приходите каждый день, или вечером, или к обеду, завтра Вы будете?» «Нет — завтра я не могу быть», — отвечал я. «Где-же Вы будете?» — «Дома, я давно не сидел дома вечером», — сказал я, не спохватясь, и потом уже догадался, что это довольно неучтиво, познакомиться с ней и не торопиться видеть ее опять. Но мне было бы тяжело и второй вечер провести так, мне хотелось отдохнуть душою. Эта женщина внушает такую недоверчивость, не знаешь, говорит ли она серьезно или шутит, боишься ей говорить серьезно и искренно, потому что она, может быть, помирает над вами со смеху и будет хохотать потом с своим братом. Такие лица не вызывают откровенности. Вы заговорите серьезно, ей в эту минуту приходит в голову какой-то смешной анекдот; так, совсем некстати вспомнила она, что в Петербурге есть один *сумасшедший*, который ходит в русском платье, un fou *. — Нет, она слишком умна для меня, я же авторитета не имею, и хоть буду стараться узнать покороче, разгадать эту женщину, но на меня уже повеяло таким холодом от нее, что я сам, собственно, сожмусь внутренно, сколько можно. Но я так был разочарован, так огорчен, так все внутри меня поставлено вверх дном, так неприятно нарушен мир, гармония моей души, что я не в силах вам высказать своего впечатле-

---

* Сумасшедший (*фр.*).

ния. Сколько ожидал я от свидания с нею! Я совершенно расстроен. Не знаю, как будет дальше.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, обнимаю вас и цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю милую Олю и всех сестер и Константина. До субботы.

Ваш *Ив. Аксаков.*

78

Калуга. 1845 г<ода> 17 ноября. Суббота.

Нынче должен я получить письма ваши, милый отесинька и милая маменька, и с нетерпением жду их, потому что мне что-то очень скучно и грустно по вас. Последнее письмо мое, написанное, впрочем, искренно, произвело, вероятно, на вас странное впечатление, может быть, насмешило вас; я теперь вполне успокоился, но не совсем еще переменил свое мнение. — Эта неделя прошла очень глупо, ничего не принесла мне, и признаюсь, мне бывает досадно, что приезд Смирновой расстроил мое одиночество, нарушил мой образ жизни. По ее настоятельному требованию я бываю у ней почти каждый вечер, который начинается поздно и оканчивается поздно, вследствие чего и встается позже, там палата, там отобедаешь, отдашь кому-нибудь визит, и вот как прошла эта неделя. Вечера же эти ничего особенно приятного не имеют. — Как я вам писал, я отказался от приглашения прийти на другой день и остался дома, начал послание к Языкову, которое, вероятно, и пришлю вам во вторник. В середу вечером я был у нее; она явилась совсем в другом свете, была гораздо лучше. Много рассказывала мне про Гоголя, которого она искренно любит [1], повторяет из него целые сцены со всеми выражениями, все-таки странными в устах женщины, рассказывала про свою молодость, про государя, говорит, что хочет в Калуге на досуге писать свои мемуары и пр. [2]; так как тут никого, кроме меня, брата ее и иногда мужа, не было, то, следовательно, она была без церемоний. Что касается до меня, то я, разумеется, выражался довольно резкими, *благонамеренными* словами, рассказывал много про Москву, раскольничьи споры и т. п., о чем она не знала. Она говорит, что разговор Самарина почти то же, что колокольный звон, все об одном и том же, о Москве, России, народе и пр. и пр. — Вот каков Самарин! Кажется, она с ним в переписке [3]; по крайней мере, я знаю, что она писала к нему о Попове, которому и я писал, с своей стороны. Предлагается ему место старшего секретаря в губ⟨ернском⟩ правлении, где все-таки ему будет меньше дела, чем в Сенате, и 500 рубл⟨ей⟩ жалованья серебром. Сверх того я зову его жить со мной вместе; у меня квартира огромная, где он может жить, не увеличивая моих издержек нисколько и участвуя только в раскладах на пищу или т. п. — На другой день я собирался опять идти к Смирновой, но был предупрежден зовом, следовательно, опять отправился к ней; у ней были гости, уже разные калужские дамы, которые, однако ж, уехали часов в 12. По ее требованию прочел я ей «Чиновника» [4], которого брат ее читал уже в Петербурге у какого-то графа Толстого. Читал я очень

скоро, во-первых, потому, что мне как-то было скучно, во 2-х, потому, что было поздно, она была утомлена калужскими дамами и лежала на диване. Я бы и не стал ей читать, и вообще сам ни слова про свои стихи, но она взяла с меня обещание, что я принесу ей «Чиновника». Не знаю, как он ей понравился, она мне ничего не говорила, но сказала только, что я читаю прескверно, как дьячок. Когда я стал говорить про службу, про то, что внушило эту мистерию, она сказала мне очень глупо: «Это все Ваш брат Вас сбивает с толку», между тем как в мистерии вовсе нет *благонамеренного* воззрения, и хоть я ставлю ее довольно низко, но это произведение родилось во мне совершенно искренно и самобытно. Впрочем, часто случается, когда разговор коснется Петербурга, Одоевского и т. п. и я не удержусь от энергического восклицания (особенно про «Сиротинку» [5]), она хохочет и говорит, что начинаются московские сцены с Константином. Других стихов я ей еще не читал, хоть она и требовала. Мне как-то неприятно было бы читать ей те вещи, которые для меня дороги, в которых много грустной мечты, которые выражают разные эпохи моей внутренней жизни. «Душевных смут рассказ печальный» [6] не займет ее или едва ей будет понятен. Она говорила мне, что прожила слишком 30 лет жизни без оглядки, без рассуждения и что теперь она узнает опыт жизни, а я его не узнал и т. п. Какой тут опыт жизни! Я не стал распространяться об этом предмете, потому что он для меня слишком важен, а она одинаково и одинаково умно говорит про все на свете, про всякий вздор и вещь серьезную. — Кстати — у меня давно готовится и начато даже одно стихотворение, которое будет для меня также значительно... Но в этой умной, остроумной и колкой беседе устает моя душа до скуки и грусти, так что мне надоедает уже это развлечение и опять хочется этой благодати беспричинных душевных страданий. — Она объехала весь город, у всех была с визитом, поразила всех простотой своего обращения, и весь этот народ будет собираться у ней два раза в неделю вечером от 7 до 11. Само собою разумеется, это должно быть невыносимо скучно, особенно для ней. — Что касается до меня, то я провожу свою жизнь чрезвычайно однообразно, бываю у Унковских и у Смирновой только, в палате и дома. Книг нет, к Смирновой книжный обоз еще не приехал, тогда она обещала устроить, разумеется, только втроем, чтение вслух...

Скажите Панову, чтобы прислал мне экземпляров 10 своего путешествия по славянским землям [7]; я нашел ему сбыт и, пожалуй, буду собирать. Теперь я принужден ездить на извозчиках, потому что ходить пешком при этой ужасной грязи нет возможности; причиною тому нездоровье коляски, в которой что-то сломалось и которая уже целую неделю лечится, каковое лечение ее стоит 30 рублей. Мостовые так скверны, что всевозможные экипажи ломаются. Зимы, кажется, нынешний год не будет. Климат, нечего сказать. — Квартирой своей я продолжаю быть совершенно доволен, хозяйка такая добрая женщина, сама ходит на рынок покупать, что мне нужно; я, кажется, писал вам, что на другой день моего переезда она поднесла мне целое блюдо с пирогами, кренделями и хлебом. Это были первые пироги, съеденные мною дома, — в Калуге. С будущей почтой пришлю вам план своей квартиры. Калмыцкий бог уже повешен. — Но так как

никого в доме не живет, кроме хозяйки, двор огромен, и живу я в конце двора и высоко, за каменными стенами и железными дверьми, следовательно, ни я, ни Порфир не слышим и не видим, что делается на дворе, которому зимой предстоит быть сильно занесенному снегом, то я принужден был нанять дворника, рекомендованного унтер-офицера, которому плачу 6 рублей в месяц с моими харчами. Последнее, впрочем, ничего не значит для меня, когда у меня двое людей едят дома.

Надо еще отвечать Ал⟨ексею⟩ Ивановичу; надоел уже он мне своими письмами, он еще не едет в Москву, а поедет, когда поступит дело. Отвечаю с нынешней же почтой Попову, Оболенскому [8] и Грише. Итак, прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, с нетерпением жду ваших писем, вашего суждения о Смирновой и Константинового. Будьте здоровы. Цалую ваши ручки и обнимаю вас, обнимаю милую Олю, всех сестер и Константина. Прощайте до следующего письма,

ваш *Ив. Акс.*

А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Кланяйтесь, кому сочтете нужным. Порфир продолжает вести себя хорошо.

79

20 ноября 1845 г⟨ода⟩. Калуга. Вторник.

Нынче самый убийственный день: в половине 11-го в мундире к губернатору, по случаю восшествия на престол [1]. Оттуда в собор. Потом в 3 часа официальный обед у губернатора, а вечером бал в Собрании, на который я, может быть, и не поехал бы, но хочется взглянуть на Смирнову в бальном костюме и среди всего этого народа. Последнее письмо ваше, милый отесинька и милая маменька, я получил в воскресенье поутру. Олинькино нездоровье меня очень тревожит. Какое влияние имеет на нее осень и зима, всегда ей лучше летом. Здесь меня об ней часто расспрашивает княжна Цицианова, тетка Смирновой, та самая, которая жила у Троицы [2] и писала к вам записку, и теперь живет в Калуге с племянницей. — Бог знает, когда будет у нас зимний путь, я уже потерял всякую надежду; но если он скоро ляжет и Вам можно будет оставить Олиньку, то, право, съездите в Петербург только так, чтоб воротиться к праздникам. Отвечаю на письмо. Вас, вероятно, поразило мое первое письмо о Смирновой. Что ж делать? таково было первое впечатление. Теперь его нет и следа, но я все-таки мучусь желанием разгадать эту непонятную женщину. Иногда, как нарочно, в ту минуту, когда слова ее, полные глубокого и серьезного смысла, заставляют меня видеть ее в другом свете, вдруг тривиальное и очень выражение обольет вас холодом. Вы правы, я не должен никогда жаловаться на провидение, потому что все, что оно мне ни посылало, до сих пор было к лучшему. Так и это назначение в Калугу, стоившее мне столько досады, так устроилось, что я благодарю бога за это и ничего лучше не желáю. Я у ней бываю каждый вечер решительно, впрочем, по ее повторительным требованиям. Я очень хорошо знаю, что для ней

разговор со мной — мало представляет интересного, для ней, которая была дружна и беседовала с умнейшими и замечательнейшими людьми всех наций, я чувствую перед ней свою скудность и ограниченность, и это, разумеется, отравляет мне все приятные впечатления вечеров... Не знаю, что она обо мне думает, но она еще не являлась передо мною в том тоне, каким говорит в письмах. Прочел я ей «Марию Египетскую». Ей понравилось; она хочет, чтоб я непременно продолжал, но советует читать и читать побольше славянских книг, и сделала такие верные замечания на некоторые стихи, мне всегда нравившиеся, а прочих приводившие в восторг, что они вдруг явились преглупыми и пренелепыми. Читал брат ее, Арнольди [3]. Она говорит, что не может никак понять стихи с первого раза и не имеет стихотворного уха, потому при повторении стихов всегда ошибается в размере. Она заставила себя перечитать некоторые места и говорит, правда, довольно равнодушно и продолжая работать — «Это очень хорошо». Прочел ей также «26-е сентября». Она заставила его прочесть еще раз, потом сказала: «Это очень хорошо; я оставлю это у себя; мне нужно». И ничего не объясняя, оставила эти стихи у себя. Получила она два письма от Гоголя из Рима, которые мне прочла. Он пишет, что ему лучше, что он бодрее. Требует от нее подробного ежедневного описания всего, что она делает [4], кем окружена, какие испытывает в душе движения, и все это просит и приказывает во имя бога... Давала мне читать и Ваше письмо, милый отесинька. — Пришлите, пожалуйста, если у вас есть, Даля «Ночь на распутье»[5]. Она не читала и хочет прочесть. Вообразите, что она, будучи фрейлиной, еще в 1829 году, читала Киршу Данилова! [6] Кто б мог это знать и заметить, особенно тогда!.. Вы пишете, милый отесинька, что высылаете мне книжку моих стихов (это уже во 2-ой раз), но я ничего не получал, равно и «Зимней дороги». Скажите Языкову, что Ал⟨ександра⟩ Осиповна просит его написать к ней послание, где бы он вспомнил про Рим, про виа Феличи [7], про деньги, которые он присылал ей взаймы и т. п. Я не знал, что Пушкина стихи: «Среди толпы холодной, Большого света и двора, Ты сохранила ум свободный» и пр., Костя помнит; также Лермонтова — «Без вас хочу сказать вам много, При вас я слушать вас хочу» и пр. — относятся к ней [8]. Я написал ответ Языкову [9], но еще не послал к нему. Посылаю к вам; если найдете годным, то пошлите к нему в особом пакете, потому что я адреса его хорошо не знаю; если найдете нужным исправить, то отвечайте мне поскорее и напишите адрес...

Я теперь решительно нигде не бываю, только иногда у Унковских, и то больше из деликатности. Я их предпочитаю всем другим потому, что это семейство очень доброе и простое, дочери будут прекрасными женами и матерьми, безо всяких претензий... Я их немножко попробовал, дав им прочесть Гоголя «Тараса Бульбу». Им нравится, но не поняли решительно. Все это очень мелко и ограниченно в суждениях. Мне было интересно наблюдать в них провинциальных барышень, которые, как я уже писал, увлекаются больше формой поэзии, нежели содержанием, любят страстно все стихи без разбора, переписывают их по ночам, хотя можно и не переписывать, когда книга эта им же принадлежит, любят Бенедиктова [10] и Пушкина, вслед за Лермонтовым восхищаются Стромиловым [11] и т. п.

Исследовав этот характер и убедившись, что мало толку в нем, я уже наскучил этими барышнями...

Однако звонят к обедне. Сейчас наряжаюсь в мундир, еду к губернатору... Какая тоска! Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки; обнимаю Костю, Олю и всех сестер. К субботе подготовлю более аккуратное письмо. Марихен очень благодарю за ее письмецо и желаю, чтоб она мне писала почаще. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш сын *Ив. Акс.*

Коляска моя починена, но ее лечение продолжалось целую неделю, и лошади мои так потолстели, так поправились, что их узнать трудно.

Для уразумения ответа Языкову —надо вспомнить, что он говорит мне: живи жизнью свободной поэта и разные комплименты. —

Сейчас принесли посылку — верно, книга.

80

1845 года. Калуга. 24 ноября. Суббота.

Нынче Екатеринин день, — кажется, не с кем поздравлять, милая маменька и милый отесинька, — а в училище у нас праздник [1]. Был некогда праздник и в целой России... Однако ж на дворе 24-ое и нет снега! Что это такое? Подобная безалаберщина погоды сильное имеет на меня влияние, в отношении не к здоровью, а к нравственному состоянию, и потому все это время я в более или менее дурном расположении духа. Сверх того, нынешняя неделя была преглупая. Я писал во вторник, что еду с поздравлением к губернатору. В самом деле, эта несносная комедия разыгралась в трех актах: сначала к губернатору и в собор, потом в три часа, в мундире же обед у губернатора (разумеется, только мужской: было человек 50, играла музыка «Боже, царя храни» [2] и т. п.); вечером собрание, куда я бы не поехал, если б не захотел видеть А⟨лександру⟩ Ос⟨иповну⟩ в бальном костюме. Разумеется, она не танцевала и сидела, окруженная почтенными калужскими матронами. Само собою, везде в таких случаях я соблюдаю должный церемониал перед достоинством губернаторши, т. е. ограничиваюсь почтительным поклоном. — В середу был праздник, и пословица, что введение с леденьем, не оправдалась. Был я по приглашению А⟨лександры⟩ О⟨сиповны⟩ в Воскресенской церкви, где служил священник, рекомендованный ей ее духовником, а ею мне, — но его красная физиономия и бычачьи объемы мне не нравятся. Впрочем, с каким-нибудь из них да надо познакомится, хоть для того, чтоб взять нужные церковные книги. Архиерей здесь ограниченный человек, мало сведущий и не имеющий у себя книг. Из церкви воротился домой с Арнольди, который просидел довольно долго, и в это время приходили один за другим Яковлев и Писарев. Последний приглашает меня съездить по первому пути к Ив⟨ану⟩ Васил⟨ьевичу⟩ Киреевскому [3], но это довольно далеко: верст около ста. Надо еще будет съездить к А⟨нне⟩ Тим⟨офеевне⟩. — Вчера наш председатель, по случаю именин своих, давал

обед, человек на 60, с губернатором, архиереем и музыкой. Разумеется, я там был и скучал ужасно: можете себе представить, что обед продолжался два часа! Третьего дня вечером я не пошел к А⟨лександре⟩ Ос⟨иповне⟩, а сидел дома и написал стихи [4], которые посылаю. Не знаю, передают ли они то впечатление, которое я испытывал при писании их: мне сделалось так жутко и страшно, что холодный пот выступил по телу. Есть такие мысли, что если б они всем объемом своим вместились в сознание человека, то, кажется, разрушился бы человек. Но, перечитывая стихи, опять вижу, что все это не то. Как ни глубоки мысли, но если нет дара воплотить их в соответствующую форму слова, все будет *недурно*, *так*, а ничего особенного, не поразит, не остановит ничьего внимания. — Вчера вечером был у А⟨лександры⟩ Ос⟨иповны⟩, нынче вечером также должен буду отправиться, хотя мне этого ужасно не хочется, потому что по субботам у ней съезд целой Калуги, карты, танцы. Но так как я в последнюю субботу не пошел, отговорившись головною болью, так нынче нельзя проманкировать *. В последнюю субботу не было танцев, и поэтому было, говорят, вяло и скучно, что и должно быть, потому что этого народа нельзя занять ничем другим. — На днях осматривал я дом тушинского вора [5], который рядом со мною. Дом этот принадлежит с самого основания своего все одному и тому же семейству — Коробовым, некогда богатому купеческому дому, а ныне обедневшим мещанам. Два брата и сестра, старая девушка, вот все, что осталось. Недавно умер их отец, 105 лет. Не знаю, на чем основано уверение, что здесь жил Самозванец и Марина, — хозяева ничего о том не знают и не понимают, что за Самозванец, что за Марина. Живут в двух комнатках, уже переделанных; остальное все комнаты со сводами, полуразрушенные. Древности большею частью распропали, распроданы или употреблены иным образом, окна переделаны, стены перекрашены, печи переложены. Однако осталось много икон, черных-пречерных, где ничего нельзя разобрать и в которых я ничего не смыслю. Сохранились женские костюмы бабушки хозяйкиной, которая, вероятно, получила их также по наследству, потому что платья мало изменялись; богатый штофный сарафан с пуговицами, парчевые душегрейки, башмачки или, лучше сказать, какие-то туфли. Богато все, но грубо безвкусно. Я люблю сарафан из материи легкой, которая бы ложилась складками, а не из парчи, которая торчит косыми линиями и углами. Хозяйка нарочно наряжалась для меня в них. Есть также старинные вещи, сундуки, ящики. Хозяйка подарила мне медную чернильницу, песочницу и медный футляр для пера; не знаю, как это старинно, но я все-таки взял это, разумеется, отдарив за это хозяйку деньгами, и велю эти вещи посеребрить, если не будет дорого. Бумаги (начиная с царя Ивана Васильевича) были все разобраны и рассмотрены в Петербурге, кажется, в Археографической комиссии. — Вера спрашивает, отчего я не пишу ничего о Толстых. Я у них был всего раз с визитом; в остальные раза не заставал дома. Нынче поеду поздравить с именинами. Опять фрак! Мне уж надоело его надевать каждый день, ибо у А⟨лександры⟩ О⟨сиповны⟩ я бываю не иначе, как

* Проманкировать (от фр. manquer) — проигнорировать, пропустить.

во фраке. Эдак придется, пожалуй, скоро шить новый фрак. —Я забыл написать вам, что получил посылку, т. е. книгу [6]. За письмами посылаю я сам на почту, но повестку принесли мне дня через два после писем, — потом были праздники, так что книгу добыл я только в четверг, хотя она пришла в субботу. Ожидаю «Зимней дороги».

Завтра должен я получить ваши письма. Привезут ли они лучшие новости об вас и об Олиньке? Дай бог; письма ваши единственная для меня отрада, и я очень, очень благодарен Вам, милый отесинька, за то, что Вы так постоянно и много пишете. Как я рад, что Константин окончил этот водевиль [7]. Если он не очень поторопился и обработал его тщательно, то ведь это вещь прекрасная. Кажется, он очень понравился А⟨лександре⟩ О⟨сиио⟩вне. По крайней мере, брат ее в восторге от Константина, от Москвы, от всего направления. Так поразило его все это мысленное движение, добросовестные убеждения и забвение всех предрассудочных условий и понятий. Константин — по его словам — просто прелесть; он помнит все его слова, движения, жесты, в восхищении от его дара слова, от обилия мыслей, от энергии выражений. Разумеется, я еще пуще поддал жару, рассказав ему многое про Константина, и он нарочно хочет ехать в январе в Москву, чтоб познакомиться с ним поближе и заставить нас что-нибудь да делать. Однако прощайте, я еще хочу написать письмецо к Косте, если успею. Теперь 11 часов, надо переписать стихи и отвечать еще Алексею Ивановичу. Целую ваши ручки, будьте здоровы. Обнимаю Константина, Веру, Олиньку и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. Акс.*

81

Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову

***Калуга 1845 г<ода>. 24-го** ноября. Суббота.*

Не знаю, успею ли я докончить это письмо нынче же к отходу почты, милый друг и брат Костя, но, во всяком случае, начну его и напишу: оно может отправиться и во вторник. Письмо не пошло, но Порфир, относивший письма на почту, принес мне оттуда, сверх всякого чаяния, и письма ваши, в том числе и твое. Но, пользуясь временем и расположением, я продолжаю письмо, не откладывая его до вторника. Мне все хандрится; я было уже успел настроить душу на мягкий тон, прийти к теплоте воззрения, но Смирнова, как некий злой демон, огорчив, оскорбив, смутив меня, растравив мое тщеславие и самолюбие, нарушила строй души. Я часто видаюсь с нею, но постоянно выношу неприятное впечатление, так что она иногда мне становится в тягость. Я расскажу подробно о том, как она обращается со мной и что говорит. Ее простота и фамильярность имеют что-то в себе оскорбительное, какое-то пренебрежение к вашему мнению и суждению. Я бы обиделся, если б женщина вдруг стала бы при мне раздеваться. Так и Смирнова. Она обращается со мною очень коротко;

я у ней en famille *. При мне приходят дети с гувернанткой, делаются все дела домашние, но, признаюсь, я бы желал бо́льшего внимания к себе. Разговор почти всегда пустой, состоит из анекдотов, до которых она большая охотница. Часто прихожу я в середине подобного разговора, который для меня нисколько не изменяется, продолжает идти тою же пустою колеей, наконец, часу в 12-м я ухожу, мне скажут: «Прощайте, до свидания», и опять обращаются к продолжению того же разговора. Я хотел бы потолковать о том, о другом, что так серьезно, так важно для нас, о поэзии, о стихах, о человеке, но меня кормят такими вздорами, даром умными речами, побасенками (разумеется, не гоголевскими). Все это можно было бы тогда, когда люди узнали друг друга, высказали друг другу заветные убеждения, и тогда всякий, даже пустой разговор имел бы свой смысл и значение. Но что, конечно, обидно, — так это видеть, что вовсе и не заботятся о том, чтоб узнать вас с другой стороны, между тем как я именно хотел бы ее видеть в другом свете. Не принимая почти участия во всей этой болтовне и внутренно досадуя на это, я большею частию молчу или говорю также пустяки, ищу случая ввернуть свое словцо. Между тем, она знает или должна же знать по моим стихам, что во мне лежат серьезные вопросы, что я не дурак, — а ее разговор такой, что можно посадить всякого другого на мое место. Кроме того, я не могу наладить себя на ее тон, не могу шутить тогда, когда говорю серьезно, не применюсь к ней. Прошу покорно, недавно, говоря про калужских офицеров, она сказала с хохотом и наслаждением: «Они, чай, все, как Кувшинников, *насчет клубнички*!» [1] И повторяла эти последние слова несколько раз. Потом, когда взошла в комнату ее тетка (которая девушка), она сказала ей: «Тетенька этого не понимает, дайте я Вам это прочту, ma tante **, как это хорошо». И, развернув «Мертвые души», прочла все эти слова Ноздрева, опять валяясь со смеху на диване от выражения: «насчет клубнички». Положим, что она так высоко стоит, что свободно эстетически может восхищаться чудесною гнусностью этих слов, но я еще не могу разделять этих восторгов с женщиной. Ожидаю, что она будет толковать и смеяться над буквою Фетюк. Раз, один вечер она все время вслух читала Гоголя «Мертвые души». Читает она сама довольно хорошо и живо. Но она только помирает со смеху там, где меня проникает ужас восторга, когда сознаешь вполне этот глубокий исполинский акт творчества. — Иногда сделаешь серьезное замечание, скажешь не пошлую и не старую мысль, она или не дослушает, или не захочет узнать ее пространнее, вникнуть подробнее, придраться к этому, чтоб завести разговор поискреннее, поглубже, но прервет вас анекдотом или перейдет с такою же легкостью и одинаковым участием к другим, ничтожным предметам. Раз сказала она мне, чтоб я принес ей свои стихи (мелкие — «Чиновника» она слышала прежде), а так как она перед этим расспрашивала меня о Языкове, о его новых стихах, и я ей сказал, что получил от него послание, то приказала принести и послание. Я принес на другой день свое «26 сентября»,

---

* По-домашнему (*фр.*).
** Тетя (*фр.*).

«Очерк», послание и ответ мой Языкову. Признаюсь, истинно я забыл, что под красавицей-розой надо подразумевать Смирнову. Так мало она похожа на розу, так мало в ней привлекательного и очаровательного, так к ней трудно почувствовать что-либо в душе, что мне это и в голову не пришло. Напротив, я сказал ей, что Языков в послании ко мне пишет по своему обыкновению про красавиц-роз, про любовь, про соловья, что это почти необходимый элемент его поэзии, хотя он сам страх как боится и жен и дев. Последнему она очень удивилась, ибо воображала его себе по стихам удалым гулякой, любителем женщин и т. п. «Красавица-роза» — это какое-то знакомое выражение, — сказала она, — где это — у Пушкина, что ли?» «Это найдете Вы везде, „красавица-роза", „дева-роза", это эпитет старый, изношенный, казенный», — отвечал я совершенно простосердечно. Брат ее (я сам не читаю ей) прочел вслух стихи Языкова, которые ей очень понравились, хотя в них ничего нет особенного. Потом прочли мой ответ, после которого последовало молчание или, лучше сказать, не последовало ни порицательного, ни одобрительного отзыва, что хуже всего. По крайней мере, надо было сказать свое мнение, мне не нужно похвалы, но нужно участие и внимание. Когда брат прочел и положил эти стихи на стол, она взяла их, перечла снова про себя, потом положила молча и продолжала работать. Я, по крайней мере, теперь, когда вы пишете, что под красавицей-розой надо подразумевать Смирнову, рад, что в моих стихах есть:

Суровой юности моей
Не возмущали девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные грозы!

Потом прочли «26 сентября». Я прибавил, что это стихотворение имеет для меня серьезное, важное значение. Она заставила перечесть некоторые места, говорила по временам, но таким тоном, как будто о шемизетке [2]: «Это очень хорошо; я оставлю это себе, мне нужно, Вы позволите?» — «Очень рад, мне будет очень приятно», — отвечал я что-то в этом роде. — И больше ни слова. Меня долго занимала мысль — зачем ей это; если это ей нравится, зачем не говорит она со мной об этом пространнее?.. — Несколько вечеров сряду находил я эти стихи на столе, за которым она обыкновенно сидит и с которого обыкновенно на ночь все снимается; видя их уже несколько испачканными, подозреваю, что на них становили чашки с чаем. Впрочем, я долго тревожился этим мнимым, однако, ручательством другой, сокрытой ее стороны, меня занимало особенно то, что она не хотела объяснить, почему, зачем именно стихи эти были ей нужны? Я было начал стихи:

Я верю, так: я не достоин
Знать тайну помыслов твоих...

Но стихи не пошли дальше и прекрасно сделали, потому что последующие свидания постоянно обливали меня холодом. Я убеждаюсь теперь, что сти-

хи эти понравились ей только потому, что похожи на проповедь, а она теперь большая охотница до проповедей, читает всякие проповеди и говорит и рассказывает это. Я думаю, если б собрать все нравоучения, заключающиеся в прописях в стихах, она бы точно так же взяла их, не спрашивая о поэтическом достоинстве. Вероятно, еще потому, что эпиграфом стоит стих из псалма [3], может быть, одного из тех, которые Гоголь ей выбрал и приказал читать (как я это слышал из письма его последнего к ней). — За «26-м сентября» последовало чтение «*Очерка*», не обратившего на себя ни малейшего внимания и сопровожденного затруднительным и конфузным молчанием. Кажется, в ней нет поэтического чувства, есть вещи, где много ума мешает, где много слышит сердце из тона, из строя, из музыки стихов. — Я и забыл сказать, что всему этому предшествовала «Мария Егип⟨етская⟩». Она сделала очень умные замечания [4], сказала, что в стихе:

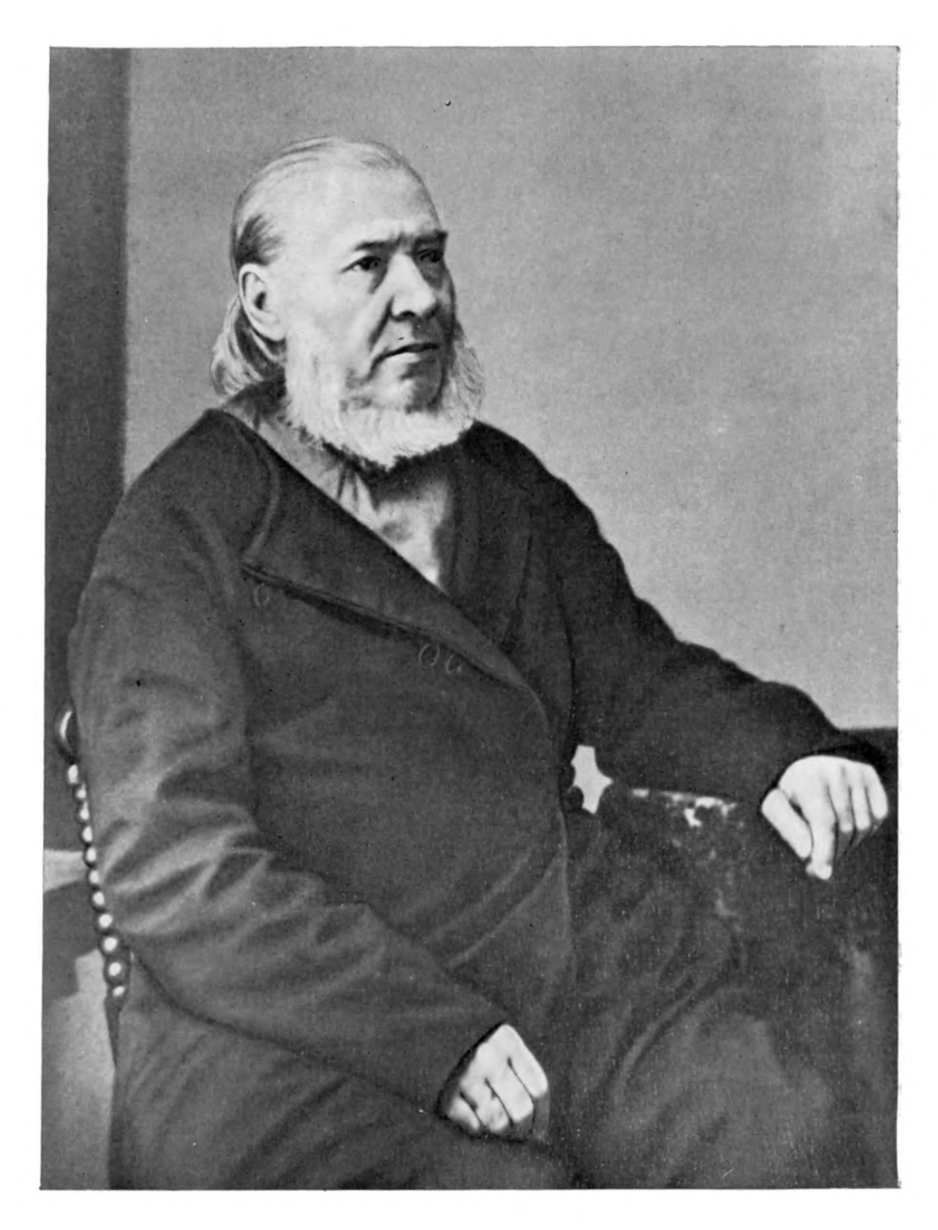
Про недоступную *отважность*
Трудов и подвигов святых,

слово «отважность» не годится, ибо означает какой-то временный порыв, что справедливо, а мне это прежде очень нравилось. Говорила часто: «Это очень хорошо»; заметила, что она бы пространнее развила эту мысль: «Любить иначе не могла» и пр., словом, характер ее с этой стороны, не одно описание внешней красоты. Это также может быть справедливо, хотя Мария в первом своем состоянии мало, не сознательно, не глубоко является по характеру внутреннему, и внешняя красота составляла больше половины ее самой. — Сказала также, что у меня в «Марии» стихи неровные: одни сильны, другие слабы... По крайней мере, это был один вечер, в который читались стихи и говорила она свое мнение, но с тех пор прошло более недели, и она ни разу не вспомянула о стихах, не просила новых, и обращается со мной как с человеком, с которым и говорить нельзя ни о чем. А ты знаешь, как много это на меня действует при моей мнительности в самом себе! Все-таки она критериум в суждении о людях, умела она оценить Гоголя и Самарина, стало, она меня также оценила по достоинству, проникнув незаметно, но глубоко в меня и не найдя там ничего замечательного, живого, оригинального, самостоятельно-даровитого!.. Я провел ужасные часы, когда, веря авторитету Гоголя и Самарина, не смея сомневаться в верности ее суждения, думал (да думаю и теперь), что она считает меня мелким, дюжинным существом. Обращался к самому себе, и в самом деле находил в себе способность все понять, но не находил этого цельного живого пламени таланта: одни сомнения, раздвоение, трусость, робость, тщеславие и совершенную безотрадность в прошедшем и будущем. Потому что нет для меня никакого веселья и радостей на земле (исключая семейных), и моя скучная, суровая, утомительная жизнь мне часто в тягость. Во мне нет молодого человека, а что же во мне есть: ничего. Творческих мыслей никаких, один отголосок, и то недостойный, чужих мыслей; дара слова — также нет, а говорю заученными, давно, заранее придуманными выражениями; изобретательности нет; стихи мои... Но нет в них магического очарования, на всех одинаково, без авторитета

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ
В МУНДИРЕ УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ

Рисунок А. Воробьева. 1842 г. Музей Абрамцево. Москва

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ

Фотография Бергнера. 1856 г. Музей Абрамцево. Москва

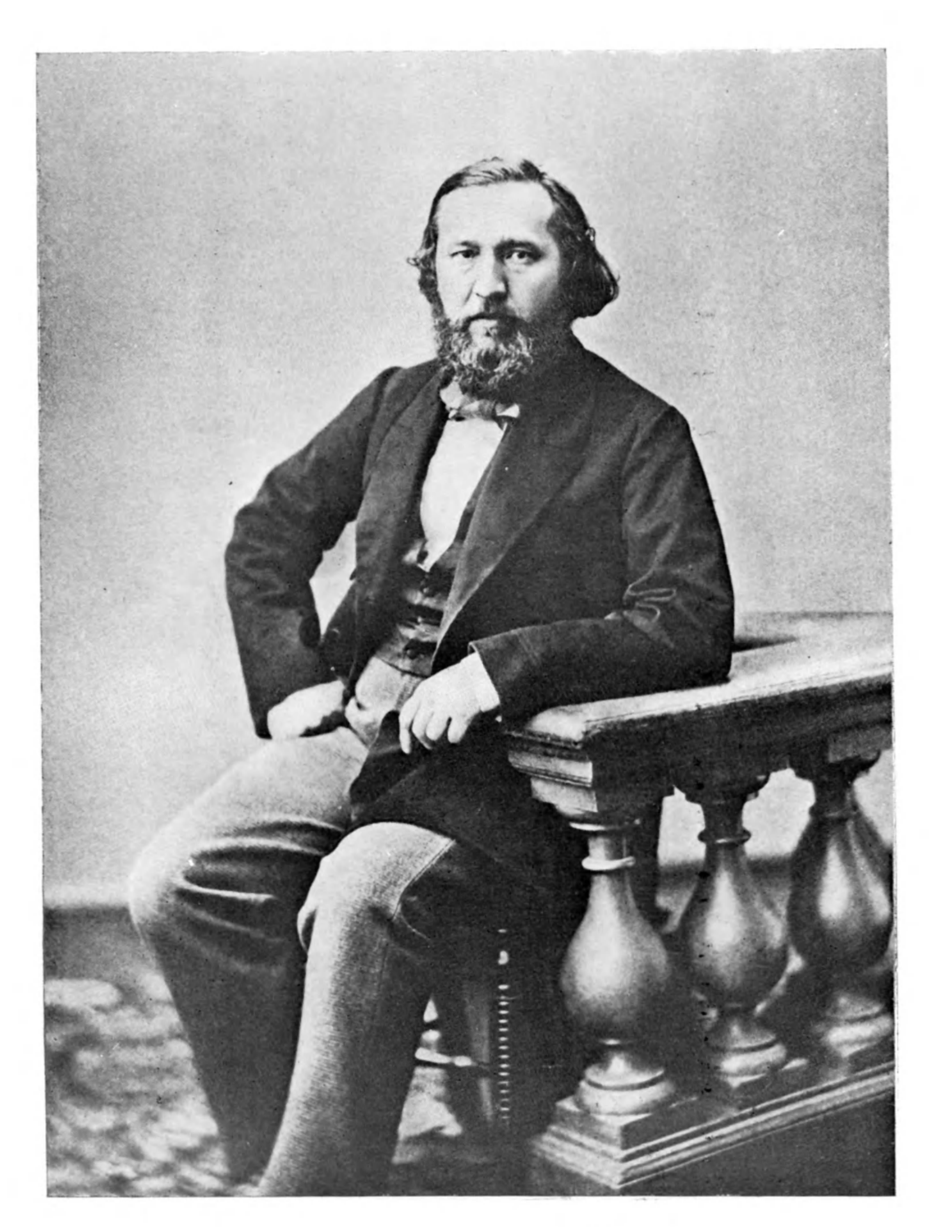
ОЛЬГА СЕМЕНОВНА АКСАКОВА

Акварель неизвестного художника. Подлинник.
Из архива семьи Аксаковых. Музей Абрамцево. Москва

СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА АКСАКОВА

Фотография Шерер, Гольц и К° в Москве. ИРЛИ. Ленинград

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

Фотография Бергнера. ИРЛИ. Ленинград

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА АКСАКОВА

Фотография Ф. Карутца в Москве. 1850-е годы. Музей Абрамцево. Москва

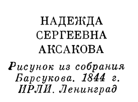
ВЕРА СЕРГЕЕВНА АКСАКОВА

Автопортрет. Холст. ИРЛИ. Ленинград

ГРИГОРИЙ
СЕРГЕЕВИЧ
АКСАКОВ

Фотография. ИРЛИ. Ленинград

НАДЕЖДА
СЕРГЕЕВНА
АКСАКОВА

Рисунок из собрания Барсукова. 1844 г. ИРЛИ. Ленинград

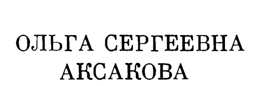

ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА АКСАКОВА

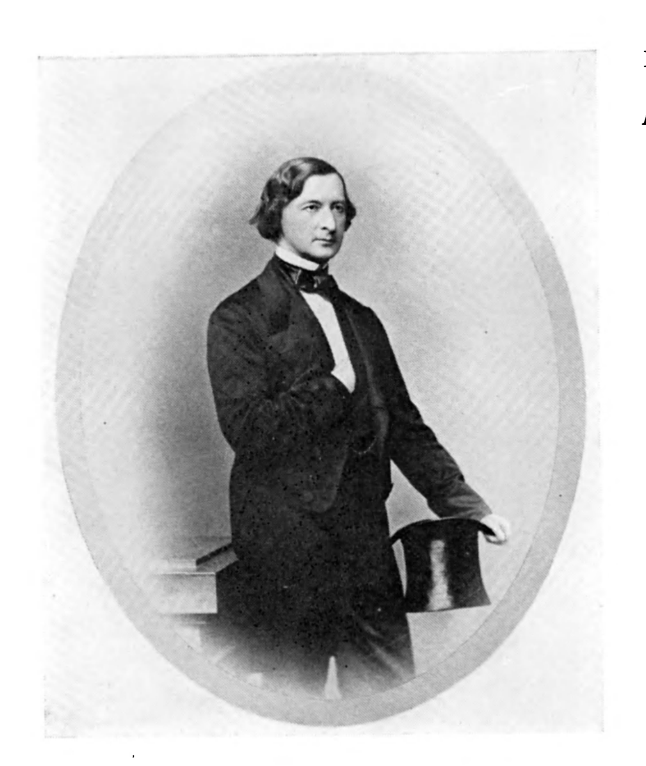
Рисунок из альбома О. Г. Аксаковой. Копия. Музей Абрамцево. Москва

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА АКСАКОВА

Портрет неизвестного художника. Подлинник. Бумага, карандаш. Из семейных рисунков. Музей Абрамцево. Москва

Ю. Ф. САМАРИН

Фотография.
ИРЛИ. Ленинград

АМИР БАГИРОВ,
ПЕРСИЯНИН,
АСТРАХАНСКИЙ
КУПЕЦ

Рисунок Г. Н. и Н. Н.
Чернецовых.
Русский музей.
Ленинград

А. О. СМИРНОВА

Копия с портрета работы Ф. К. Винтергальтера.
Масло. ИРЛИ. Ленинград

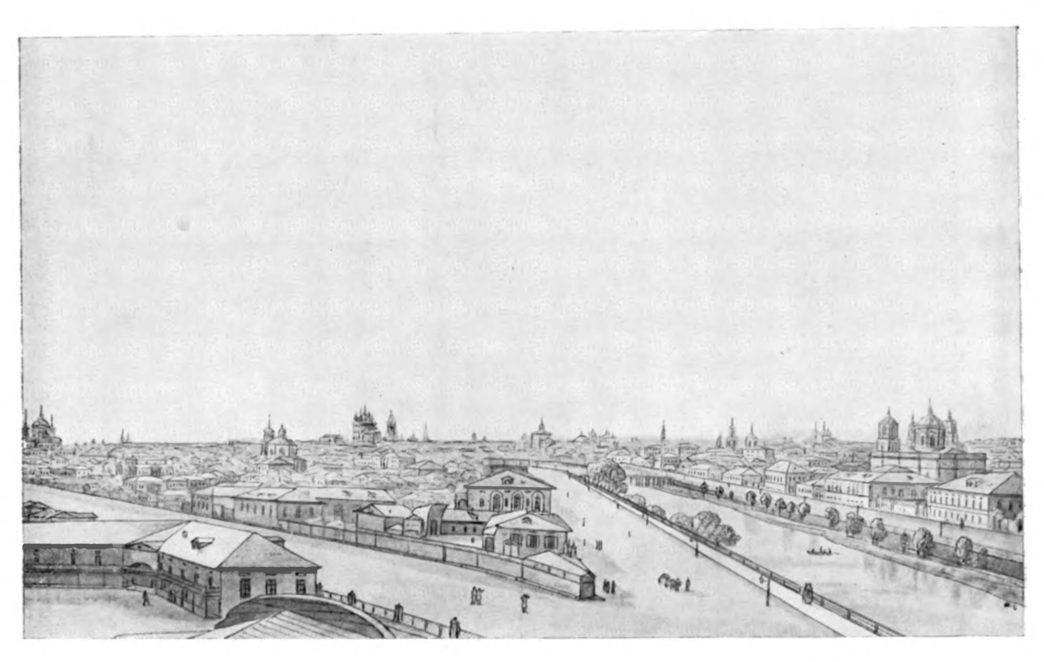
АННА ФЕДОРОВНА
ТЮТЧЕВА,
ЖЕНА
И. С. АКСАКОВА

Фотография
А. И. Деньера.
ИРЛИ. Ленинград

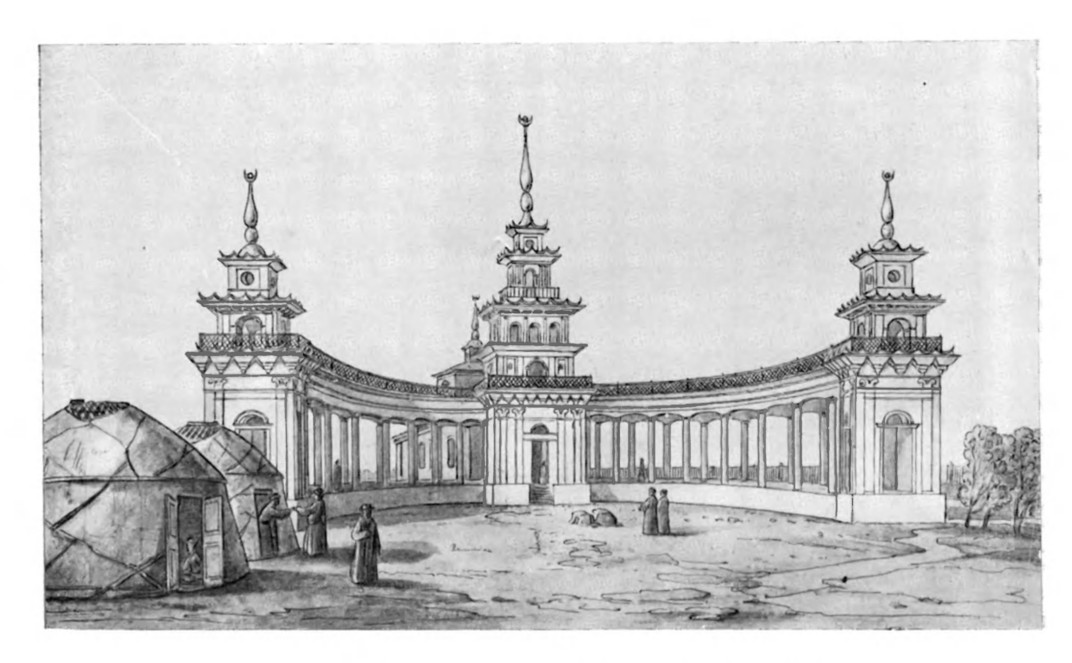
ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА
АКСАКОВА

Фотография.
Музей Абрамцево.
Москва

ВИД, СНЯТЫЙ С БЕЛЬВЕДЕРА ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ В АСТРАХАНИ

Рисунок Г. Н. и Н. Н. Чернецовых. Русский музей. Ленинград

КАЛМЫЦКИЙ ХУРУЛ (ХРАМ) У КНЯЗЯ ТЮМЕНЯ

Рисунок Г. Н. и Н. Н. Чернецовых. Русский музей. Ленинград

СЦЕНА В ТРАКТИРЕ

Бумага, акварель. ИРЛИ. Ленинград

АСТРАХАНЬ ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ

Из альбома П. П. Гнедича. ИРЛИ. Ленинград

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

Эскиз портрета работы Э. А. Дмитриева-Мамонова. Карандаш. ИРЛИ. Ленинград

А. С. ХОМЯКОВ В МУРМОЛКЕ

Бумага, карандаш. ИРЛИ. Ленинград

Н. В. ГОГОЛЬ ЧИТАЕТ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Портрет работы Э. А. Дмитриева-Мамонова. ИРЛИ. Ленинград

КАЛУГА. ДОМ ГУБЕРНАТОРА Н. М. СМИРНОВА

Фотография Н. В. Аммосова. 1958 г. Литературный музей. Москва

АБРАМЦЕВО. ДОМ С. Т. АКСАКОВА СО СТОРОНЫ ДВОРА

Современная фотография. Литературный музей. Москва

действующего, это какой-то мозаичный сбор стихов, и когда вспомню, сколько каждые стихи стоят мне работы и времени, сколько, несмотря на труды и усилия, в них неровностей, недостатков, мне делается стыдно и совестно; не так пишут поэты, не такие стихи внушает истинное вдохновение... Но ужасно, ужасно чувствовать в себе внутренние требования и сознавать в то же время, что ты не в силах их исполнить, чувствовать себя бездарным, когда самолюбие имеет притязание на дарование... А я все бы на свете отдал за истинный пламень дарования, за минуту искреннего вдохновения... Если же во мне нет ничего, никакого дара, то что же я? Право, лучше быть чиновником, я хороший чиновник и шел бы да шел себе по этой колее, если б меня не сбили с толку; но тут примешивается вопрос политический, и не далее как вчера вечером, мне хотелось быть капустником, сапожником, далеко, далеко, в Кременчуге, в Алешках, черт знает где, туда, на край света, в американские девственные леса... Мне хотелось бы совершенного ничтожества, обратиться в прах, в пыль, безо всякого бессмертия души. Пожалуйста, не пиши мне в ответ никаких утешений и уверений, я совсем не для того пишу, но разбери мне, что это все такое — раздраженное ли тщеславие и самолюбие, которых не могу, не могу еще убить в себе, или внутренний голос сознания, которого следовало бы послушаться? Потому что мне кажется, я могу прожить и без писания стихов, это уж я так, сделал себе привычку из этого труда и уверил, что это потребность. Но, повторяю тебе, я испытал и испытываю ужасные минуты! Давно, давно душа моя не знала никаких радостей. После стихов «26-е сентября» я стал строже и строже, живу совершенным монахом, т. е. согласую поступки свои с теми словами, хоть я и не могу очистить себя духовно; за всякую минуту тщеславного удовольствия неумолимо разбираю и наказую себя... А тут является женщина, превосходство которой признаю совершенно и которая возбуждает мое тщеславие, оскорбляя его. Все это очень смешно, жалко, детско, скажешь ты, но, тем не менее, никому не желай таких ощущений.

Но довольно об этом. Бог знает, когда буду я в состоянии духа писать стихи в тоне «Очерка» и «Ночи». Ваши письма много подкрепляют и ободряют меня. Я совсем не ожидал такого отзыва о «Ночи» [5]. Даже переписывая эти стихи в книжку, я выключил те строфы, которые отметил и в посланном к вам экземпляре. Признаюсь, желал бы я напечатания «Зимней дороги», чтоб успокоиться внутренно хоть каким-нибудь авторитетом, а не уверением родных и приятелей. Теперь, когда я понял, что послание Языкова ко мне просто шутка, мне очень досадно, что я отвечал так важно и серьезно. Это смешно. Поэтому, если вы не посылали ответа, так и не посылайте. Неужели вы не знаете стихов Языкова? Не знаю, посылать ли вам их или нет; во всяком случае, если успею, перепишу и приложу их. — Я очень рад, что впечатление, произведенное на вас Смирновой, почти одинаково со мной, а то я думал, что я один останусь с ним. Часто видаю ее, но до сих пор не разгадал этой женщины. В ней много хомяковского [6]... Но неужели во все эти свидания она, хоть бы невзначай, не явилась бы с другой стороны? Может быть, Гоголь считает ее идеалом русской женщины вот почему: она, не хлопоча об эманципации, как женщина Запада,

довольно свободна, выше всех этих предрассудков, условий и приличий, давно признанных ложными и смешными, но которые еще сохраняют над нами власть привычки, все может понять, видеть и говорить, не пачкаясь тем, что видит и говорит, оставаясь чистою, может свободным смехом смеяться всему смешному и стать открытым, не жеманным лицом к лицу с действительностью и природой. Вера в ней искренна, без ханжества и суеверия; она проста и откровенна в обращении, без аффектации... Так, может быть, понимает ее Гоголь, но, черт знает, это все как-то не так. Что касается до Самарина, то надо вспомнить, что он встретил ее в Петербурге, надо вообразить себе его изумление — найти светскую женщину, чуждую предрассудков, все читавшую, восхищающуюся тем, что большой свет, не понимая, находит неприличным, умную так, как нет никого в большом свете... Этого уже довольно, чтобы пленить одиноко-безотрадного Самарина в Петербурге [7]. А мы, мы все это уже знали за ней и искали еще высшего и, может быть, ошиблись. — А может быть, мы ее еще не разгадали... Но, по крайней мере, до сих пор она продолжает производить на меня неприятное ощущение, и благодетельного (как пишет отесинька) в звезде, приведшей меня к ней, ничего не вижу [8]. Вечера мои у ней скучны и мне в тягость; особенно теперь всегда сидит там старуха-тетка или брат ее (этот еще бы ничего), наконец, муж. Вот и теперь оканчиваю мое длинное, предлинное письмо к тебе, чтоб одеться и съездить на полчаса на вечер к ней: нынче у ней вся Калуга и бал. Не поехать нельзя, но я только повернусь, покажусь и потом намереваюсь уехать потихоньку. Как рад я, милый друг и брат Константин, что ты принялся заниматься. Вот тебе так грешно не заниматься, а у меня есть и время, и охота, и трудолюбие, а все мыльный пузырь.

Прощай, милый друг и брат Константин, очень благодарю тебя за твои письма. Вот и я тебе зараз, одним духом написал целых два листа. Крепко тебя обнимаю. Твой друг и брат

Ив. Аксаков.

82

Ноября 27. Вторник. Калуга 1845 г<ода>.

В субботу получил я письма ваши, милый отесинька и милая маменька, долго читал их, наконец решился сейчас же отвечать Константину, написал ему целых два почтовых листа [1] кругом, запечатал и поехал на бал к Смирновой. Но, как нарочно, в эти три дня и особенно вчера я имел с нею такие долгие, длинные, серьезные разговоры, что я никак не могу отправить этих писем к Константину, ибо они дышат досадой на нее за то, что до сих пор кормит она меня побасенками... И поэтому Костя да извинит меня, если и в этот раз останется без писем; вчера воротился я в два часа ночи, а теперь спешу в палату. Впрочем, мои вторничные письма никогда не могут становиться рядом с субботними: в субботу мне больше времени. — В последнем письме моем я забыл поздравить вас всех и в особенности Любиньку со днем рождения [2]. Честь имею поздравить

теперь и обнимаю крепко милую новорожденную. Отвечаю на письма ваши... Впрочем, знаете ли что, я пошлю письма свои к Косте, с тем, однако же, чтоб он знал заранее о перемене моих воззрений на многое, касающееся до Ал⟨ександры⟩ Осиповны. В этих письмах, которые у меня недостает духа перечесть (что я предчувствуя, запечатал их тогда же), много, помнится, всякого глупого вздору, детской тщеславной досады и т. п. Господи, как мелок и подл человек! Вообще предмет этот так важен, что я не стану более говорить об нем слегка в письмах... Читая письма ваши, я чрезвычайно обрадовался вашему суждению о Смирновой [3], ибо оно подкрепляло мои собственные впечатления. Я было так обманулся в своих надеждах, что хандрил и тосковал целые недели. Теперь она сделалась для меня таким любопытным предметом изучения и наблюдения, что я благодарю звезду мою, приведшую меня к ней. — Я очень рад, что вам нравится моя «Ночь» [4], — а право, кроме некоторых стихов, я не ожидал этого; постараюсь поправить ее по замечаниям вашим. У меня готовятся еще разные стихотворения, хотя мне и очень грустно, что не могу написать ничего большого, целого. Я послал вам в субботу еще стихи [5], в которых, впрочем, многое надо бы поправить. Как мне досадно, что не могу прочесть вашего журнала [6]; прошу вас прислать его мне с первою возможностью; особенно интересует меня статья Марихен, о которой вы говорите, что Вера напишет мне подробнее, но сего не случилось; вообще Вера пишет ко мне теперь гораздо меньше обыкновенного. Я очень хорошо знаю, что Карол⟨ина⟩ Карл⟨овна⟩ кончила свой роман, но я спрашивал только — печатается ли он? [7] Вера спрашивает меня, что послать Ольге Федор⟨овне⟩? [8] Это совершенно от нее зависит. Разумеется, посылаемые вещи следует только предварительно поправить по вашим замечаниям. Мне хочется поговорить об Ольге Федор⟨овне⟩ с Ал⟨ександрой⟩ Осиповной: это такой контраст, что они едва ли поймут друг друга.

Вы не писали мне прежде, что у маменьки болит глаз, и не пишете теперь — как и отчего он заболел? Пожалуйста, напишите мне об этом подробнее; также насчет Вашей поездки в Петербург [9]. Когда намерены Вы предпринять ее? Прежде или после праздников? Я-то, во всяком случае, к 25-му декабря буду у вас,— и с нетерпением жду этого времени. А как нарочно, теперь, когда в голове моей толпятся разные стихотворения, когда каждый вечер провожу я у Смирновой, в палате к концу года накопилось множество дела, единственного человека, разделявшего со мной пополам работу, отнимают у нас для одного важного поручения, и я остаюсь один и должен работать изо всех сил! Делать нечего; но я чувствовал вообще и теперь чувствую еще больше, что я с каждым днем меньше гожусь для службы. Но потом я устроюсь иначе. К Смирновой едет целый обоз книг, из которых большую часть мне следует и следовало давно бы прочесть,— и много мне предстоит впереди разного чтения; следовательно, пребывание в Калуге будет для меня в этом отношении чрезвычайно полезно.— Однако уже 11 часов; я должен кончить. Кажется — это первое письмо, в котором не все 4 страницы исписаны. Что же делать: виноват Порфир, не разбудивший меня ранее. Но я все-таки посылаю письма к Константину: следовательно, чтения вам, милый отесинька и ми-

лая маменька, будет довольно. Прощайте же, до субботы. Будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю Олиньку и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. Акс.*

P. S. Хоть и совестно, а все-таки должен напомнить, что «Зимней дороги» мне все еще не высылают!..[10]

83

1845 года. Калуга, декабря 1-го. Суббота.

Вот и декабрь месяц на дворе, милый отесинька и милая маменька, месяц, в конце которого я поеду в Москву! А так как ответы на письма приходят через 2 недели и больше, то позвольте мне предложить вам вопросы, ответы на которые мне нужны до отъезда: 1) Кого взять мне в Москву с собой: Порфира или Матюшку? Я думаю Порфира. Вы посмотрите там, нужен ли он или нет, оставите его у себя или дадите кого-нибудь другого. А может быть, вы желаете, чтоб я и Матюшку привез назад?— 2) По приезде в Москву где вы теперь имеете обыкновение останавливаться: в доме Николая Тимоф⟨еевича⟩ или у Панова?— Недавно зашел ко мне какой-то мещанин, приехавший из Москвы. По поручению Зенина пришел он меня уведомить, что сани отправлены ко мне уже 7-й день (нынче выходит, кажется, 10-й), но я еще их не получал.— У нас здесь все покрылось снегом, но снегу очень мало, и настоящего санного пути еще нет. Особенных происшествий на этой неделе, кажется, никаких не было. Я достал себе «Четию-Минею» за март и апрель [1] и две Библии, одну на славянском, другую на французском языках. Буду читать это не торопясь. Каждый вечер провожу я у Смирновой, впрочем, иногда (как и на этой неделе) делаю исключение или потому, что мне захочется посидеть дома, или что последний вечер оставил тяжелое, неприятное впечатление. На нынешней неделе прочли мы, между прочим, «Старосветские помещики» и «Шинель». Читал ее брат [2], не очень хорошо. И то, и другое, кажется, читал Александре Осиповне сам Гоголь в Риме. Впрочем, она говорит, что теперь только начинает ценить Гоголя. Я объяснял ей и содержание Костиной брошюрки [3], толковал ей ту чудесную вещь, которая находится в 3-ей части его диссертации о воззрении на мир древнего человека[4], о Гомере, о значении юмора в наше время... Но я до сих пор не видел в ней теплоты эстетических ощущений, никакого сердечного движения... Как я бесился внутренно, когда, при чтении в «Мертвых душах»— этих черт знает каких чудных страниц о дороге, ночи [5] и пр. и пр.,— она вдруг вспомнит про Жорж Зандо [6] и скажет, что она также очень хорошо описывает впечатления путешествий!.. В этот раз, впрочем, я ей это заметил.— Середи «Шинели», в самых чудесных местах, она вдруг по поводу какого-нибудь квартального вспомнит какие-нибудь глупые стихи Мятлева и скажет или пропоет: «Напился, как *каналья*, пьян» и т. п., всегда с особенным удовольствием. Теперь я вижу, что мы разыгрывали сами перед собой довольно смешную роль. Очертив эту женщину каким-то магическим кругом, мы подходим издале-

ка, смотрим с одной стороны, потом с другой, трудимся, потеем... Все дело гораздо проще. Я убедился, что она не притворяется, не играет комедии и гораздо менее замечательная женщина, нежели мы думали. Мне случилось иметь с ней разговор с глазу на глаз долгий, до 2-х часов ночи, разговор искренний с ее стороны о Самарине и отчасти о Гоголе; зная Самарина по себе, я рассказал ей всю цепь и последовательность возникающих в людях нашего времени сомнений, безотрадных стремлений, отсутствия убеждений и веры, с признанием религии, с желанием убеждений, с тайным сознанием своей неискренности и т. д. и т. д., что я понял и сознал очень хорошо и что давно у меня просится в стихотворение... Она это все поняла и все мои заключения о Самарине нашла верными; вообразите, однако, что она имела дух сказать ему, что у него нет никакого творчества идей, что он никогда не будет человеком истинно замечательным (что неправда), что его удел настоящий быть homme de salon*, сделаться со временем Блудовым [7], и что все усилия его идти по другой колее не искренни, не внушают доверенности. Я сказал, что усилия его искренни, намерения его также, но что самые убеждения привиты, приняты, а не составляют один цельный камень с ним... Этот вечер был самый интересный... На днях получила она письмо от Самарина, которое прочла мне, исключая некоторых фраз, до Константина и до меня относящихся и следующих за словами: «В Москве все Вами довольны, исключая моего приятеля Аксакова, который сердит на меня за то, что я не внушил Вам фанатического жара». Впрочем, следующие фразы не прочтены именно по просьбе Самарина, а то бы она их прочла. В них заключается, как она мне сказала, поклон мне и просьба прислать «Марию Египетскую»». — Тон письма не искренний, подделанный; видно усилие сдержать сердечный язык тоски и грусти, которым бы, может быть, он захотел бы говорить. Все письмо состоит из петербургских разных новостей, о которых сообщает ей, по ее приказанию, из насмешек и острот над разными мужчинами и дамами (от которых, т. е. насмешек, она в восторге),— но видно, что это как будто блюдо, по необходимости приготовленное. Потом он говорит, что проводит теперь почти все вечера с Поповым [8], что его беседа переносит его в то время, когда он жил в Москве, что он чувствует, как он ото всего отстал, как в нем отяжелела мысль; что он сознает в себе возможность погибнуть на службе, сделаться пошлым человеком; что он желает оставить Петербург, что ему предлагают два места: Ригу и Пермь и что он предпочтет, вероятно, последнюю [9]. Но все это самым обыкновенным, холодным, легким тоном точно так же, как она говорит. А⟨лександра⟩ Ос⟨иповна⟩ ужасная охотница переписываться. С кем она не в переписке! Всякий светский знакомый ее обязан к ней писать и сообщать все дела и сплетни большого света, она всем отвечает; ведет, кто знает, может быть, довольно скандалезную переписку с одним и в то же время пишет о псалмах к Гоголю!...... Она очень умна, но ее нравственное обращение не жжет ее пламенем, не отнимает у нее покоя, не дает ей сил отказаться ото всех привычек прежней жизни... Ну, да об этом после и об отношениях Гоголя к ней также. Гоголь просто был ослеплен и,

---

* Салонным человеком (*фр.*).

как ни пошло слово, неравнодушен, и она ему раз это сама сказала, и он сего очень испугался и благодарил, что она его предуведомила, и пр. и пр. Ну, да об этом подробнее в другое время, а, может быть, при свидании. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю Константина, Олю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

84

Вторник. 4-го декабря 1845 года. Калуга.

Кажется, уж совсем зима, милый отесинька и милая маменька, и Никола едва ли не будет с гвоздем [1]. Нынче Варварин день, кажется, у вас поздравлять некого, а мне надо будет ехать поздравлять Унковскую мать [2]. Только что сел я за письмо, как является извозчик с санями. Слава богу! В коляске ездить становилось очень трудно и даже опасно при переворотах. Из письма Саши Воейкова вижу, что они отправлены 24 ноября, стоит пересылка 15 рублей, есть полость, подушка, крыло с постромкою и две оглобли. Нынче же, если успею, употреблю их в дело.— Воображаю, как вас теперь занесло снегом в деревне и нельзя гулять; право, должно быть скучно. С нетерпением жду от вас писем, чтоб узнать о последствиях поездки Костиной в Москву [3], о маменькином глазе [4], о том, получили ли вы, наконец, мои письма и перестали ли беспокоиться. Третьего дня вечером прихожу к Ал⟨ександре⟩ Осип⟨овне⟩, она меня спрашивает: знаю ли я la grande nouvelle?* — «Я хотел объявить ее Вам»,— отвечал я, подозревая, в чем дело. Ей пишет Скалон из Москвы, что Аксаков обрил бороду и надел фрак. Забавно, что он сообщает это прежде, чем это случилось, потому что мы в одно время получили письма, и мне вы пишете, что это имеет случиться, а ей пишут, что уже случилось... Особенного в эти дни, кажется, ничего не случилось... Достал я себе «Четию-Минею» за март и апрель и читаю понемногу. Что за язык! Просто чудо! Я непременно по приезде в Москву заставлю Костю многое прочесть. Например, в житии св⟨ятой⟩ Евдокии, бывшей прежде грешницею, как хороши эти слова, когда она просит Германа святого докончить ее обращение: «*Не отымай живописных рук от доски уготованной*, дондеже в образе моем Христа распятого узриши». Или когда Филострат, один из прежних ее поклонников, одевшись монахом, пришел в монастырь, чтоб уговорить ее воротиться к жизни, к радости, он говорит ей, что стены палат ее плачут без нее; «Зачем такую лепоту личную скрываешь во мраке, толь *красное*, *юностное* тело изнуряешь печалью и голодом» и пр. и пр., наконец: «Где суть твои мироварные благовония, *ими же воздух*, *в град ходящи*, *облагоухала еси*?» Прелесть! Я рассказал про это А⟨лександре⟩ О⟨сипо⟩вне и вчера, по ее требованию, принес ей книгу; она читала сама вслух, читая и понимая все по-славянски и, как кажется, чувствуя кра-

* Великую новость (*фр.*).

соты языка, по крайней мере, любя его.— Наконец приехал обоз с книгами: тут все есть, что следует, что должно быть прочтено, начиная с Геродота [5], разумеется, на французском языке. Теперь уже некогда, но по возвращении из Москвы я устрою себе последовательный курс чтения.— Гриша напрасно писал к вам, будто я могу пробыть месяц... Может быть, я как-нибудь это и устрою, но я теперь рассчитываю так: с 22-го декабря по 1-ое января праздник законный; губернатор, по закону, имеет право отпускать меня, безо всякого отпуска, на 8 дней; следовательно, до 9 января я могу оставаться в Москве.— Послезавтра 6-ое декабря [6]: опять поутру отправляйся в мундире к губернатору, потом в собор, потом на обед к нему же, потом на бал в Собрание, также в мундире... Но я едва ли поеду. Стихов новых я никаких не написал, да и жду от вас отзыва о прежних. Теперь Смирнова знает все мои стихи, кроме «Зимней дороги». Я сам ей не читал их, но брат ее взял у меня книгу и отдал ей. Что же вы думаете, изо всех стихов, мною писанных, обратило на себя ее внимание? «В тихой комнате моей мне привольно и просторно». «*Душевных смут рассказ печальный*» не замечен; «Слабеет ныне высокий строй моей души» [7] — также мало почувствован и замечен, даже в отношении стиха, как какое-нибудь: «Подайте мне котлетку!» Она непременно требовала, чтоб я вместо «*комнате*» поставил «*комнатке*». Но я на это не согласился, сказав ей, что это было бы слишком мило; в самом деле походило бы на какую-то баюкальную песнь. Потом ей понравилась «Ночь», но первая половина, до луны; между тем как во 2-ой половине, может быть, гораздо более истинной поэзии, нежели в 1-ой, где много философствования. Так, например, мне самому нравится этот полушутливый, полусерьезный и, право, грациозный образ всех мечтательниц, подъемлющих очи на луну в чудесную ночь. Или:

И тихий говор и молчанье
Невольно прерванных речей!

Оставив книгу у себя, она списала собственноручно «В тихой комнате моей...» и «26 сентября» и послала к Самарину. Это, однако, большой недостаток — не понимать ни строя, ни склада, ни размера, ни музыки стихов. Не говоря ей ничего о своих стихах, я, однако же, сказал ей это и спросил, понимает ли она возможность сказать: помните в «Зимней дороге»: «Затем, что столько есть прекрасных» и пр. Она откровенно призналась, что не понимает и не разделяет этого, что ничей стих, ни Пушкина, ни Лермонтова никогда не пробуждал в ней никакого особенного ощущения, никакого сердечного движения, не производил ничего такого, что производят стихи на нас всех... Но что все это у ней сосредоточилось в музыке, которую она понимает, знает и любит больше всего на свете.— Следовательно, нет никакой особенной приятности читать ей стихи, и я уверен, что «Зимняя дорога», которую Панов, кажется, решительно не намерен возвратить мне, ей не понравится.

Однако прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю Константина, Олиньку и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Я думаю, она скоро едет?—

О Грише Унковский ничего не пишет к своим, и я не знаю, отчего он ездит даже после обеда в палату; разве его председателя опять нет? Слава богу, у меня не столько дела. От Попова еще не получал ответа, но жду с нетерпением, что он будет отвечать на мое письмо. Едва ли еще примет он предлагаемое ему место [8]. Оно очень скучно, хлопотливо, и с непривычки— будет много работы, да и жалованье невелико... Прощайте, до субботы. Авось получу в промежуток этого времени еще письмо от вас, потому что последнее было очень неудовлетворительно

85

Суббота 1845 года декабря 8-го. Калуга.

Вот что называется Никола с гвоздем, так с гвоздем! [1] Не знаю, как у вас, милый отесинька и милая маменька, а здесь по 18 градусов мороза! Ужасно просто! Я каждый день топлю у себя все три печи, и хоть квартира моя тепла, но уже от одной мысли, что на дворе так холодно, что стольким другим так холодно,— невольно зябнешь. Я впервые видел нынче днем столбы радужные на ясном безоблачном небе. Это, говорят, к морозу! Нет, теперь путь установился хороший, и не нужно крепкого очень мороза для поддержания. Я это все к тому говорю, что через 2 недели в это время буду я нестись по Московской дороге или, по крайней мере, буду готов выехать... Надеюсь, что вы мне вышлете к 23 лошадей и повозку... Вот прошла целая неделя, а я еще не получал от вас писем. В Калугу из Москвы почта ходит три раза. В третий раз приходит она в пятницу поздно вечером, а в субботу поутру мне приносят письма... Но так как письма, полученные мной в прошедшую субботу, были весьма неудовлетворительны, то я и ожидал получить несколько раньше еще письмо от вас... Как ужасно теперь должно быть в деревне! Ходить нельзя, по милости сугробов снежных, гулять в санях нельзя по причине невыносимого холода, от которого болят глаза и лоб. Довольно ли, по крайней мере, у вас тепел дом?

Третьего дня был царский день [2]. У губернатора был обед в мундирах, а вечером в Собрании бал, также в мундирах... Но я ни на обед, ни на бал не поехал. Охота целый день быть в белом галстухе, белом жилете и мундире!—

У Ал⟨ександры⟩ Осиповны в середу и четверг не был, но был вчера. Особенно интересного ничего не видал и не слыхал. Все рассказы про Петербург, про большой свет, про двор. Все это очень любопытно, если хотите знать, до какой степени все гнусно и гнило в Петербурге. Но я так уж в этом убежден a priori*, что не нужно никаких подтверждений. И подробности про Julie Stroganoff, Babette Bibicopf, Sophie, Додо [3] и пр. меня мало интересуют,— почему я едва ли пойду к ней нынешний вечер, хоть она и звала, тем более, что по вечерам так жестоко морозит! Впрочем, я сам все в скучном расположении духа. Книг у меня никаких нет, кроме

* Изначально, до опыта (*лат.*).

«Вивлиофики»[4], «Четии-Минеи» и Библии. Долго переходил я от Апокалипсиса[5] к чьей-нибудь жизни, но непонятность читаемого, неразрешимость сомнений наводят такое грустное сознание о бедности и скудности ума человеческого, что невольно обымет вас хандра. Так что я, не говоря, впрочем, ничего об этом А⟨лександре⟩ О⟨сиповн⟩е, взял у нее прочесть один французский старый роман Benjamin Constant «Adolphe»[6], который она ставит превыше небес. Посмотрим, что это такое. Надо заметить, что у ней нет требований художественности и т. п. Нет, она с наслаждением прочтет и после Гоголя какого-нибудь француза, у которого встречаются, по ее же выражению, des charmantes choses, des jolies pensées*,— часто очень ограниченные и мелкодонные. Как будто в наше время можно быть дураком! Мы уже до того дошли, что все эти остроумные и глубокоумные замечания стали пошлы, по крайней мере, отдельно, сами для себя... Нам уж подавай такие вопросы, такие мысли, в которых слышится неразрывная цепь со всей системой мира, такие мысли, что, идя постепенно от одной к другой, наконец погрузишься с головой и с ножками в бездонную пучину... В мире искусства подавай нам всю жизнь на сцену, да так, чтоб совсем и обдало ею, не только жизнь, но все наше проживание жизни... Что же остается делать нам, получившим в удел на пятак таланта!.. Право, я думаю позабыть об этом пятаке, надеть русское платье и хоть на что-нибудь в мире быть годным.......

Я забыл вам написать, что недавно читал письмо Лермонтова, писанное им, когда он только что из Москвы переехал в Петербург. Другой он был тогда, т. е. гораздо лучше. Как его испортил, отщеславил, исказил большой свет! Он пишет, что море его вовсе не поразило, и это его очень огорчает. Вообще хандрит, скучает и пишет, что ищет впечатлений, и что нет ничего ужаснее, как быть своим собственным шутом, с обязанностью занимать себя... «Прежде,— говорит он,— я писал:

Что без страданий жизнь поэта
И что без бури океан!

Но настала буря, и прошла буря, и океан замерз, но *замерз с поднятыми волнами*, храня театральный вид движений, в самом же деле мертвее, чем когда-нибудь!..» Вообще очень замечательное письмо, которое я спишу,— оно теперь у Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩. Она достала его здесь у одной старой девушки Бахметевой[7], к которой письмо и было писано и которой, вероятно бы, Лермонтов в последнее время устыдился бы, отрекся. Но письмо было писано тогда, когда хочешь высказаться на бумагу хоть по какому-нибудь поводу...

А все-таки еще не несут ваших писем! Послал вчера на почту: еще не приходила, ожидают в полночь. Следовательно, теперь письма уже все разобраны и отправились в разноску. Сейчас отправлю я свои письма на почту, потом Порфир отправится отыскивать мои письма у почтальонов. Такой глупый народ в Калуге! Нельзя ничем заманить к себе, ни ласками, ни деньгами. Так, уже более месяца не могу дозваться стекольщика:

---

* Очаровательные вещицы, милые рассуждения (*фр.*).

не стоит, говорит, и ходить из каких-нибудь двух рублей! Да не могу ж я ему дать 10 рублей за одно стекло... Ах, скоро, скоро поеду я в Москву! Знаете, как эта мысль меня ободряет, занимает! Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Олиньку, Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До вторника.

Ваш *Ив. Акс.*

86

11 декабря 1845 года. Калуга. Вторник.

Действительно, в субботу получил я ваши письма, милый отесинька и милая маменька. Прежде всего буду отвечать на них. Итак, А⟨нна⟩ Сев⟨астьяновна⟩ уже уехала [1]; ее отсутствие, я думаю, еще ощутительнее при вашем затворничестве, в деревне. Вы пишете мне о Валуеве [2],— и в то же время от Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩ узнал я о скоропостижной смерти Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ Тургенева [3]. Я думаю, Свербеева очень поражена этими двумя близкими ей кончинами. Довольно странно, что Н⟨адежда⟩ Тим⟨офеевна⟩ сообщает такой *сон*, не объясняя, действительно ли это *сон* или название *сон* есть острота. Не дай бог, чтоб это случилось [4]. Во всяком случае, скоро Гриша останется один во Владимире, ибо Унковский, вероятно, в непродолжительном времени будет переведен сюда [5]. Ни от Попова, ни от Самарина, ни от Оболенского [6] — никаких известий нет.— Нынче 11-ое декабря: через 11 дней я буду в дороге! Вы получите это письмо в субботу, следовательно, во вторник из Троицкого посада едва ли вам надо писать, потому что письмо очень легко может меня уже не застать в Калуге. Если же нужно вам сообщить что-нибудь особенное до моего приезда, то ведь есть экстра-почта [7]. Когда она отходит, я не знаю.— В прошедшее воскресенье был опять на завтраке-обеде у Яковлева, коего жена была именинница, ибо называется Анной. Вот охота давать пиры, обеды, собирать у себя всю Калугу. Было пропасть народу; даже была Ал⟨ександра⟩ Осиповна, Яковлев вел ее к столу! Я чуть-чуть не расхохотался, но она шла так серьезно и важно, как будто и не замечает всей комической стороны в этом. Напрасно вы думаете, что она не принудила себя для Калуги. Напротив, в продолжение трех недель она постоянно объезжала всех женатых калужских жителей, а для этого надобно иметь бог знает какое терпение! Если б вы могли только вообразить себе, что это все за народ, то вам не казалось бы странным, почему я до сих пор ни с кем, кроме Унковских, не познакомился и решительно также чужд Калуге, ее жителям, ее интересам, как какому-нибудь Моршанску. Это совсем не от того, что я был дик и пр. Я вовсе не дик с калужским обществом. Но необходимо вести себя так, как я, и не привыкать к провинции и обществу, потому что привычка мало-помалу примирит с обществом и под конец вы, пожалуй, удовлетворитесь жизнью! Вот что страшно! И страшнее всего сознавать в душе эту подлую способность человека ко всему привыкнуть, обо все обтереть-

ся.— Впрочем, Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ делает это все для мужа. Ее первоначальный план был — приехать в Калугу, запереться и никуда ногой. Когда же все эти дамы, удивленные ее добрым и простым обращением, стали ее бомбардировать своими визитами, утром и вечером, то она назначила вечер в неделю, в который съезжается вся Калуга — танцевать и разговаривать; я всего раз был у ней на таком вечере. Бедная Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ должна со всяким сказать слово, устроить, учредить их... Зато вся Калуга говорит, что эти вечера *необыкновенно, необыкновенно приятны!*.. В дела мужа она вовсе не вмешивается, т. е. в дела губернаторские, но для поддержания расположения к нему города ездит, наприм⟨ер⟩, на обед по случаю жены Яковлева и т. п.— Недавно я имел с нею очень долгий разговор; она рассказала мне всю, всю свою жизнь с 8 лет, все свое развитие до встречи с Гоголем, встречу с ним и т.д. до Калуги. И после этого рассказа — я повторяю об ней то же, что Самарин и Гоголь. И так мелки и ограниченны кажутся все прежние наши близорукие определения! Я так высоко уважаю эту женщину, так удивляюсь силе ее души, вынесшей ее доброю и *чистою* сквозь тьму тем мерзостей, ее окружавших, что невольно перестаешь замечать мелочи ее недостатков. Мне очень досадно, что я послал свое письмо к Косте. Вы как-то его не так поняли... Особенно Вера пишет совершенно не то... Вы еще мало меня знаете... Когда-нибудь я напишу вам подробно, подробно всю историю своего внутреннего развития, которое в 22 года дошло до того, что умерщвляет всю жизнь. Меня пугает этот долгий, безотрадный, скучный путь, который мне предстоит, и ноша жизни становится все тяжелее. Впрочем, об этом обо всем или при свидании, или я напишу в письме особого рода, чего мне давно хочется.

Я спешу окончить письмо, потому что еду на похороны. У одного инженерного майора умерла скоропостижно, в два дня, жена, которую я видал у Унковских, и, зная несколько мужа, был у ней с визитом раза два. Дело в том, что я всегда очень смеялся над глупостью и претензиями этой женщины и еще очень недавно остроумничал на ее счет... Но вот и для нее наступила эта серьезная, для всех одинаково важная минута смерти, которая равняет не только богатого и нищего, но (чему прежде я никак не верил) равняет умного и глупого. Прощайте, до субботы. Еще два письма мне писать к вам. Целую ваши ручки. Будьте здоровы. Олиньку, всех сестер и Константина обнимаю...

Ваш *Ив. Аксаков.*

87

15-го декабря 1845 года. Суббота. Калуга.

Только одна неделя осталась, и это письмо предпоследнее, милый отесинька и милая маменька. Письмо это я получил или, лучше сказать, нашел у себя вчера вечером, воротясь от Ал⟨ександры⟩ Осиповны. Она и брат ее при мне получили довольно интересные письма. Брат ее Россет Аркадий [1] в Петербурге просит передать мне, чтоб я осторожнее отзывал-

ся в письмах о своей губернаторше, что я писал к Оболенскому, что она бесится на все на свете, на лампу, на людей и проч.! Это действительно так, на другой день первого свидания с Смирновой я писал к Оболенскому [2], который за несколько дней предупредил меня вопросом, как мне показалась Смирнова? Всего, что я пишу вам об Ал⟨ександре⟩ Ос⟨иповне⟩, не стал бы я никогда ни говорить, ни писать к кому-нибудь другому, но надо же было что-нибудь отвечать, и я написал, *что не могу дать ему никакого заключения, ибо я видел ее в самом дурном расположении духа, когда лампа, люди, чай, муж, все обращало на себя ее энергические ругательства.* «Впрочем,— пишет Россет,— в конце письма прибавлено несколько лестных выражений» [3]. Когда Смирнова прочла мне это, я сказал ей всю правду, и она точно согласилась, что была в ужасном расположении духа. Но так как в Петербурге все ее знакомые и в особенности Карамзины [4] (у которых чуть ли не живет глупый Митя Оболенский) жаждут знать об ней все возможные новости, все жалеют, что она попала в Калугу, то, по ее предположению, по логической последовательности сплетней, в Петербурге станут говорить, что она в страшном негодовании на Калугу, что муж ее совершил преступление, заставив ее жить в Калуге и пр. и пр.! Вот оно куды пошло! Но, разумеется, она и не думает сердиться за это, и мы только вместе смеялись. Она получила также письмо от Плетнева [5] с выпискою из письма Гоголя к нему. Гоголь пишет, что он почти совсем оживает, но еще чувствует слабость и какую-то странную зябкость (нервическую), так что никак не может согреться, и это мешает ему работать, тогда как голова его и мысли довольно свежи, и он чувствует в себе силы приняться вновь за свой труд; что тяжелое он испытал время, но благодарит бога за посланные недуги и скорби, приготовившие его к продолжению его работы, которая должна быть «*жива, как сама жизнь, свята и верна, как сама правда..*»! А Арнольди получил письмо от одного из своих товарищей, петербургского студента или кандидата, жоржзандиста (их в Петербурге целое общество молодых людей), который сообщает ему обо всех литературных новостях. Какая деятельность! Множество альманахов должно выйти зимой, в том числе один, издаваемый «От⟨ечественными⟩ зап⟨исками⟩» с компанией [6], другой — собственно *молодым поколением*, сочувствующим не России, а целому миру и человечеству! Он пишет, что, верно, альманах этот будет иметь благотворное влияние и пр. Видно, что это для него также горячие, бескорыстные мечты.....! А мы в Москве ничего, ничего не делаем! [7] Нас наводнят петербургцы своими произведениями, смеясь над нами, ложно толкуя наше направление... Или надо замолчать и покориться мысли, что честные, благородные и одни здравомыслящие люди всегда будут забиты, что голос истины не может, не должен раздаваться, или будет вещать, как в пустыне!.. Он пишет, между прочим, что Григорьев (поэт «Пантеона и репертуара», друг Калайдовича, кандидат Московского университета, служащий в Петербурге) в десятой (или декабрьской) книжке «Пантеона» напечатал комедию [8], где очень хорошо выставлен Аксаков под именем Баскакова, фурьерист Петушевский (один из петербургцев) и Кабулович (Калайдович). Аксаков, между прочим, говорит, что истинное семейное начало лежит в славянском народе и пр.

и пр. и декламирует:

Муж может бить жену, но убивать не смеет!

Откуда это все взято — не знаю. Но Григорьев не видал даже Константина, стало, это все по слухам и по рассказам Калайдовича, с которым он, видно, поссорился, ибо выставляет его говорящим беспрерывно: «Матвей Михайлович!» Каково же, однако, выставить Калайдовича, как будто он что-нибудь значит! Впрочем, Григорьев дружен и с «Отеч‹ественными› записками». Сии последние нашли новую звезду, какого-то Достоевского [9], которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славянофильского духа!!!!!.. Ах, господи боже мой, все так гнусно и скверно, а у нас в Москве все так же пусто, бездейственно, что не знаешь, что делать, куда приклонить голову в России!— Отвечаю теперь на ваши письма: слава богу, теперь снегу много и совсем не холодно, следовательно, если погода эта простоит, то мне будет прекрасно ехать. И через неделю я поеду! Очень рад, что проведу это время с Вами, милый отесинька. О смерти Тургенева я уже знал от Алекс‹андры› Осиповны [10]. Я непременно возьму с собой Порфира: он начинает и здесь очень баловаться... Что же касается до стихов моих, то, право, они мне кажутся избитым повторением чужих фраз, даже и стихи в них есть чужие. Я и теперь не понимаю, какой исторический смысл может иметь название зеленой книжки?.. [11] По нынешней же почте посылаю Языкову переделанное послание [12]... Если бы пришлось когда печатать, то конец можно выключить, не расстроив целого... Стеганого одеяла и «Зимней дороги» я не получал, да они мне и не нужны теперь, потому что через неделю я сам приеду за ними.— Как ни уважаю я Над‹ежду› Никол‹аевну›, но это выражение, «что Смирнова не совсем на пути христианском», очень смешно. Точно будто бы путь христианский легкая вещь; да кто же на нем? И как можно так легко говорить о пути христианском; лучше молчать об этом страшно серьезном деле... Ради всего на свете, прошу вас ни Над‹ежде› Николаевне, ни Горчаковым [13], никому, никому, особенно дамам, не сообщайте ни буквы из того, что я пишу вам о Смирновой... Если я не буду в том уверен, так я ничего об ней и писать не буду, а я собираюсь в будущем письме набросить вам, по словам ее, очерк ее жизни. Однако прощайте, обнимаю вас, целую ваши ручки. Надо переписать послание Языкову. Если останется время, перепишу и вам. Обнимаю Костю и сестер.

Ваш *Ив. Аксаков.*

88

18 декабря 1845 г<ода>. Калуга.

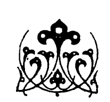
Даже вся листовая почтовая бумага вышла, осталась одна только маленького формата, которой я не люблю. Но все равно это письмо, милый отесинька и милая маменька, должно быть последнее, оно заключается словами: «*до свидания*!» В пятницу надеюсь, хотя не наверное, выехать часов в 5 после обеда. Но может случиться, что дела по палате задержат меня

до субботы. Поеду я на сдаточных, по старой Калужской дороге. Остановлюсь или в доме Ник⟨олая⟩ Тим⟨офеевича⟩, или у Панова. Мне надо будет около суток провести в Москве, кое-что купить, заранее заказать, повидаться со всеми... Так что в понедельник утром я должен быть у вас, в самый сочельник, а может быть и раньше. Все будет зависеть от того, какие вы, со своей стороны, сделали распоряжения? Теперь стану досказывать жизнь калужскую. С субботы ничего замечательного не произошло. Я был всего раз у Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩ в воскресенье, и то просидел почти до 11 часов у брата ее [1], который читал мне разные стихи и повести своего сочинения... Вчера не был, нынче собираюсь. Не знаю, для чего Алекс⟨андра⟩ Осиповна потребовала от меня копию с послания к Языкову? Видно, опять хочет послать Самарину. Я же вам ничего не привезу нового; начатого много, но ничто не докончилось.—

Приходил вчера сын Егора, и я вручил ему по описи все имущество его отца. Очень рад, что, по крайней мере, мне не придется везти с собой его огромнейший сундук.

Больше писать нечего и не хочется, когда знаешь, что сам через сутки или двое последуешь за письмом. А потому прощайте, до свидания!

Ив. Акс.

1846

89

<25 апреля 1846 года. Москва.> [1]

Не могу теперь писать вам много, потому что сейчас приехал и должен опять ехать. На мое счастие погода стала лучше: холоднее, суше с солнцем. Здоровье же мое обстоит совершенно благополучно. Все находят, что я очень похудел и выцвел, в особенности Смирнова, которая даже советовала остаться в Москве на несколько времени по причине дурной погоды и дурных дорог. Вечером вчера был я в театре, где волновался так внутренно, что просто страшно было смотреть. Водевиль имеет большой успех, но не такой, какого мы ожидали, в театре были почти только знакомые или люди, интересующиеся всяким живым вопросом, но Гульковского и т. п. не было. Следовательно, публика была образованная и вела себя благоприлично. Надо отдать честь Западу: он усердно трудился, хлопал и настоял, чтобы вызвать автора [2]. Автор вышел и был принят прекрасно. Я приехал в 6-м часу, оделся и явился к Смирновой, которая и предложила мне место в ложе. Прощайте, будьте здоровы. Хочу ехать завтра, но едва ли успею: берут 60 рублей, чтоб поставить в полторы сутки! Напишу вам завтра подробно все и отправлю по почте. Прощайте, целую ваши ручки.

Ваш *Иван.*

Обнимаю всех.

NB. Занден дала билет, по которому приходится ездить в Опекунский Совет, ибо деньги нужны.

90

1846 года апреля 26. Суббота. Москва.

Теперь еще 9-й час утра, милый мой отесинька и милая маменька, а я уже жестоко устал: сейчас воротился от Овера, для чего встал в 6 часов утра, заснул в 3. Хочу рассказать вам все в подробности и для этого начну с начала. В Москву приехал я часов в 5, следовательно, довольно рано, и, обрившись и одевшись, отправился к Смирновой, в наемной карете, без человека, ибо *Ефима* старого не было дома. Смирнову застал одну читающею «Письма Плиния Младшего» [1] по-французски,— не совсем в духе, как мне показалось. Она очень удивилась, нашла, что я очень желт, предлагала водяное лечение и целый час рассказывала о своей болезни. Предложила место в ложе; так как давали сначала «Дугласа» в 5 актах [2],

то можно было и не торопиться. Я сказал, что Конст⟨антин⟩ не знает о моем приезде [3] и на замечание, что пусть это ему будет сюрприз, объяснил, какая имеет воспоследовать сцена: крик, обнимание и пр., вследствие чего я постараюсь произвести все это в коридоре. Приехал Ал⟨ександр⟩ Карамзин [4], и я с Арнольди отправился в театр заранее, чтоб не пропустить водевиля. Ал⟨ександра⟩ Ос⟨иповна⟩ сказала мне, что Конст⟨антин⟩ читал ей «З⟨имнюю⟩ дорогу», что она узнала места, слышанные ею будто бы прежде, что К⟨онстантин⟩ прекрасно читает — и больше ни слова, ни о достоинстве стихов, ни о мысли! Я сказал, что когда К⟨онстантин⟩ читает, то не знаешь, что производит впечатление, стихи или чтение, и что читает он повелительным образом, как будто говорит: это место хорошо, извольте восхищаться, а не то — вы ничего не смыслите. С этим согласились. Арнольди же говорил мне про свое восхищение только некоторыми местами. Приехав в театр, увидал я Конст⟨антина⟩ в бенуаре Сверб⟨еевой⟩, но он меня не заметил, и я отправился к ним. Осторожно растворив дверь и высунув голову, я предупредил крик Конст⟨антина⟩ и ушел в коридор, куда он за мной выскочил, где и состоялась предугаданная мною сцена.— Водевиль самый просидел я у Свербеевых, подле Конст⟨антина⟩.— Подробности водевиля расскажет вам Константин. Он может быть вполне доволен успехом, да уж и доволен! [5] Так как у меня человека не было, а извозчик был весьма глуп, то мы и не могли добиться кареты и отправились на Конст⟨антиновых⟩ пролетках: Конст⟨антин⟩ к Сверб⟨еевым⟩, а я домой, где не мог заснуть до 3-х часов. На другой день, поднявшись рано, отправился я за покупками в карете же, взяв у Конст⟨антина⟩ деньги (которые я ему возвращу из калужской суммы, по получении денег Занденовских). Потом воротился к Панову и поехал вместе с Конст⟨антином⟩ к тетеньке [6]; потом к Хомякову, которого не застали дома, потом к Языкову, потом к Погодину, потом к тетеньке обедать. После обеда — я к Погуляеву, Конст⟨антин⟩ к Кобылину [7], куда я за ним заехал,— и отправились вместе к Ал⟨ександре⟩ Осип⟨овне⟩, но ее не было дома: она смотрела «Игроков» Гоголя [8]. Решились выжидать у Люке [9]. Я ужасно сердился: целый день езды, в карете, без человека, с глухим извозчиком и с перспективой воротиться поздно домой. Заехав опять к Смирновой и не застав ее дома (причем Конст⟨антин⟩ требовал немку-девушку, о чем он сам расскажет), отправились к Сверб⟨еевым⟩, где Констант⟨ин⟩) должен был читать свою драму [10], а Чижов [11] огромнейшую статью о немце-живописце Овербеке [12]; были и Хомяковы [13]. Чтение окончилось в 2 часа ночи! Мне кругом скучно, а при таком разъезде и подавно; заснув в три часа, встал я в 6 и отправился к Оверу. Овер сказал мне, осмотрев меня, «что он считает меня почти здоровым и разрешает ехать в Калугу», с тем, однако же, чтобы написать ему при первом возобновлении каких-либо признаков и с тем, чтобы *летом* пить сальсапариль. На беду — погода нынче опять гнуснейшая! Ямщика нанял — за 60 рублей с тарантасом (верх которого, впрочем, сделан наподобие кибитки). Берутся доставить в сутки с половиной. Хотел ехать нынче, но отлагаю до завтрашнего утра, ибо, хоть нынче и пятница [14], но я не поеду ни за что к Сверб⟨еевым⟩ и останусь дома, чтоб раньше лечь

и отдохнуть. Тарантас закрывается кожей. Нынче еще обязан заехать к Смирновой, к тетеньке, к Горчаковым и обедать у Языкова. О деле поручаю справиться Погуляеву и уведомить вас [15].— Прощайте, будьте здоровы. Нынче мы получили ваши письма с кучером, которые меня несколько успокоили. Я, кажется, совершенно здоров, чувствую только усталость. Конст⟨антин⟩ раньше воскресенья не будет, ибо участвует в обеде в честь Грановского [16] вместе с Хомяковым и *всей* аудиторией. Вам, милый отесинька, и Олиньке советую дождаться теплой погоды и хорошей дороги. Прощайте еще раз, будьте здоровы, цалую ваши ручки и обнимаю всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Грустно было бы очень ехать в Калугу, но суета московской жизни заставляет меня желать скорее войти во «отишие».

Ваш и проч. *Ив. Акс.*

91

Вторник. 1846 г<ода> апр<еля> 30. 8 часов утра. Калуга.

Не могу писать вам теперь слишком много, ибо очень занят домашними делами и предстоящими визитами, милый мой отесинька и милая маменька. Наконец после полуторасуточного пути, вечером часу в 7-м прибыл я в Калугу, к великой радости хозяйки и Матюшки. У меня все оказалось в порядке,— только дом не топлен, почему я и приказал было истопить все печи, но должен был скоро потушить одну, потому что дым никак не хотел выходить через трубу, как всегда водится, а непременно через заслонку и отдушник. Нынче послал за печником, и это обстоятельство поправится. Я так устал от гнусной, всякое ожидание превосходящей дороги, что решился этот вечер и не выезжать, а послал сказать Унковским, что я приехал; они (т. е. сыновья) сейчас и приехали, и мы вместе напились чаю. Теперь хочу прежде всего ввести Ефима [1] в управление имуществом по описи, отправить к вам письмо, потом побывать у Смирнова и Яковлева, там в палату, а после присутствия — к Унковским обедать. Слава богу, палата, как слышно, восстановилась в своем здоровье, и дела приняли обычное теченье, чему я очень рад. Мне уж успели рассказать множество казусных случаев и дел, бывших в мое отсутствие, кучу историй, вражду Смирнова с Хрущовым и пр. и пр., даже стихи, сочиненные на разные чиновные и служащие лица в Калуге одним здешним доморощенным поэтом, служащим где-то в канцелярии.— Вообразите, здесь все уверены, что Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ в Петербурге, даже сказывали мне число, в которое она туда отправилась; по крайней мере, все говорят, что она имела намерение ехать в Петербург.— Яковлев никогда ничем не был болен, но, вдруг вообразив, что он скоро должен умереть, захотел лечиться, созывал консилиумы, лечился у всех здешних докторов; наконец один из них, почестнее, сказал ему, что он ничем не болен, а совершенно здоров, а для моциона следует ему, Яковлеву, завестись бильярдом. И вот Яковлев теперь совершенно здоров, усердно играет на бильярде, для чего съезжается к нему также нередко и вся Калуга. Нынче день довольно ясный, хотя и ветрено. Все лучше дождливой сырости. Когда все высохнет

и установится погода, буду посещать калужские окрестности. Только что я взошел в свои комнаты, меня так и обдало всем тем, что происходило в них со мною, с моей душой, и мне было приятно.— Что-то у вас делается? Довольны ли вы рассказом Кости? [2] Какие взяты решения? Если вы нынче пошлете с письмом к Троице, то в пятницу вечером или в субботу я могу получить от вас письма. Пожалуйста — в письмах ко мне извещайте меня и о Грише [3].— Согласно требованию тетеньки, извещаю ее о дороге.— Я, слава богу, чувствую себя совершенно хорошо, только лицо обветрилось с дороги, но это должно пройти в несколько дней. В субботу напишу вам подробное и большое письмо: к этому времени я везде побываю и устроюсь. Прощайте, милая маменька и милый отесинька, будьте здоровы и берегите себя; цалую ваши ручки. Обо мне не беспокойтесь; обнимаю крепко Константина и всех сестер; что ⟨нрзб.⟩. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ с Катей [4] кланяюсь. Константину с первой тяжелой почтой вышлю 3-ий том Арцыбашева [5]. Кланяюсь всем. Прощайте,

ваш ***Ив. Аксаков.***

92

Калуга. 4 мая 1846 г<ода>. Суббота.

Вероятно, вы очень удивитесь, милый отесинька и милая маменька, когда, распечатав конверт, увидите письмо и — стихи![1] Что так скоро! Одно меня смущает: вам, может быть, теперь и не до стихов, и стихи могут прийти так не вовремя, так некстати, что даже странным покажется, как это у человека достает духа писать стихи... Где вы теперь, как вы теперь, я еще ничего не знаю и писем не получал: в Москве ли Вы, милый отесинька, или в деревне, а Олинька в Москве, а Костя и здесь, и там?.. Однако ж пора начать вам рассказывать все по порядку: на другой день своего приезда, надев фрак, отправился я к Смирнову, который мне очень обрадовался и принял меня очень дружески. Палата теперь вся в полном комплекте, исключая секретаря, который болен уже 4 месяца. Потом был у Яковлева, там в палате, где получил сполна все жалованье за 4 месяца, обедал у Унковских. Слава богу, меня не преследуют вопросами о причинах отсутствия, о здоровье; думали, что я вовсе не приеду, не хочу служить и т. п. Федор Унковский здесь, живет в своем семействе, служит хорошо и, кажется, доволен своею жизнью. Я рад, что он здесь; он так любит Гришу, что, кажется, весь дом их знает о Грише все до подробности. Сестры все такие же добрые, веселые девушки, поют и играют целый день, — стоит только попросить.— Во мнении отца Унковского, с того времени как он узнал, что я пишу стихи,— по-видимому, я много потерял. Все эти дни я делал по нескольку визитов, не находя почти никого дома,— нынче, как в день неприсутственный, надо сделать все остальные.— Был бал в Собрании 1-го мая и гулянье на бульваре, но я по случаю скверной погоды не поехал, зато на другой день был в театре, откуда проехал к Смирнову на вечер: он продолжает давать мужские вечера по четвергам. Бог знает, по какой странной прихоти судеб занесет человека иногда туда, где ему вовсе быть не следует, в какой-нибудь город провинции... Здесь

теперь идет итальянская опера или, по крайней мере, сцены из итальянской оперы! Да, да, в Калуге, на калужском театре поет теперь *первая* певица миланской оперы, г⟨оспо⟩жа Кестелиот, по первому мужу Голланд, т. е. жена известного Голланда, и я думаю, что афишка врет. Эта m-me Голланд поет, по-моему, совсем не замечательно, но играет недурно. Она являлась на сцене в приличном роли костюме и в сопровождении нескольких, тоже одетых по пиесе, которые разыгрывали пресмешную роль, ибо, не понимая ни слова по-итальянски, должны были корчить разные физиономии; особенно насмешила меня сцена в «Велисарии», где Голланд с неистовым пеньем подбегает к одному из них и хватает его руку, а тот выдвигает то ногу вперед, то голову повернет... M-me Голланд с 2 дочерьми, которые играют по-русски, с немецким произношением. Все это попало в Калугу, кажется, проездом в Тифлис.— У Смирнова пробыл я недолго. Вчера опять обедал у Унковских и остался очень доволен, потому что сыграли мне Sonate pathétique* Бетховена.— Смирнов действует по-прежнему, нажил себе, кажется, много врагов, сделал несколько промахов и вообще заведенный порядок службы часто нарушает, часто горячится и даже нездоров. Жаль его, бедного. Ему и спросить некого, и посоветоваться не с кем! Везде интриги, партии, вражда, зависть... в этом отношении провинция сквернее в 1000 раз столицы. Сколько я мог заметить и заключить из того, что мне говорили, Алекс⟨андру⟩ Осип⟨овну⟩ не любят здесь. Мужчины за то, что она ими брезгает, а дамы, вероятно, по той же причине, как и везде, не могут простить ей ее нравственного превосходства; расстройство нерв ее считают фарсом, говорят, что она соскучилась в Калуге, бросила мужа и детей и отправилась в Москву для того, чтоб ехать в Петербург; что она теперь бранит и чернит в Москве всю Калугу и всех жителей без исключения; некоторые дамы рассказывают, что она дурно поступает с мужем, который любит ее страстно и противиться ей не смеет, но которому очень тяжело видеть, что ей скучно в Калуге, утверждают, что не раз, глядя на детей, он плакал... и пр. и пр. и проч. Любознательные расспросы ее принимаются за желание выведать домашние интриги и чуть-чуть не за худшее!— Надо признаться, что Смирнова способна сделать на каждом шагу 1000 глупостей, напр⟨имер⟩, проболтаться, не спохватиться и т. п. Если *мы* не можем привыкнуть к ней, то можно ли ожидать другого от Калуги? Тем более, что Смирнова, кажется, и не стеснялась вовсе здесь в разных своих неприличных выражениях и шутках, а это должно поразить семейные нравы провинции: здесь, может быть, они и хуже, но нигде нет столько pruderie**, которая оскорбляется ежеминутно Смирновой. Калуга как-то свободнее дышит без нее, радушнее и искреннее веселится на своих губернских балах, ни о чем не думает, ничего не ищет, ни к чему не стремится, ей и нужды нет, что делается в Москве. Преглупый город — и предовольный сам собою (впрочем, это скорее достоинство, нежели недостаток). Если сочтете нужным, то, пожалуй сообщите Смирновой, что говорят об ней здесь [2]. Мне жаль и неприятно было это слышать... Разумеется, не мне это все говорили, но сообщали

* Патетическую сонату (*фр.*).
** Показной добродетели (*фр.*).

мне, что говорят. О водевиле Константиновом [3] никто ничего не знает и не слыхал, кроме Смирнова и Унковского, которому я рассказал. Статью о Москве [4] заметил также один С⟨емен⟩ Яковл⟨евич⟩ Унковский; по крайней мере, от других я не слыхал ничего.— Сейчас пришла почта из Москвы, но от вас писем нет; значит, вы не послали во вторник. Придется ждать до понедельника! Досадно: я давно уже ничего о вас не знаю, не знаю, куда адресовать это письмо. Если к Троице, то вы его получите через неделю, т. е. в будущую субботу. Право, не понимаю, что могло помешать вам отправить письмо по четверговой почте. Что 2-ое представление Костина водевиля? [5] — А я так надеялся, что буду иметь нынче от вас известие.— Однако пора, спешу кончить письмо и переписать вам стихи. Я их пошлю в виде послания к Оболенскому [6], которому не отвечал уже 4 м⟨еся⟩ца. Начало стихов этих вам известно. Хороши ли они, дурны ли,—это другой вопрос; мне приятно было писать их после долгого молчания. По крайней мере, брешь проломана. Читать их следует тихо, звучно, не страстным и не гробовым голосом. Замечания ваши вы мне сообщите, если вам только будет досуга этим заняться.— Константину посылаю, если нынче тяжелая почта, Арцыбашева 3-ий том о междуцарствии [7].— Применение нового «Свода» [8] очень затруднительно, и с ним много возни. Первая примененная мною статья из него была о покушении на самоубийство!— Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька; дай бог, чтоб это письмо застало вас по возможности бодрыми и здоровыми; где-то вы теперь. Я, слава богу, здоров, но все еще берегусь, насчет меня прошу не беспокоиться. Ефимом покуда очень доволен; два раза обедал дома и уж совершенно иным образом, нежели прежде. Я послал на имя Панова письмо с верным экземпляром стихов «Очерка», поручаю Косте взять на себя перепечатание или поправку напечатанного в сборнике [9].— Прощайте, цалую ваши ручки, обнимаю всех сестер и Константина. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь. Прощайте.

Ваш *Ив. Акс.*

Написал нынче и к Грише.

93

Калуга. 7 мая, вторник. 1846.

Вот уже третие письмо пишу к вам, милый мой отесинька и милая маменька, а от вас до сих пор нет писем! Что это значит? Стало, ни во вторник, ни в пятницу на почту вы не посылали, ни в Москве в четверг. Ведь почта из Москвы в Калугу отходит три раза в неделю. Я всякий раз посылаю человека дожидаться прибытия московской почты, и всякий раз он возвращается с ничем. Конечно, вы, может быть, теперь все в ужасных хлопотах,— кто переезжает в Москву, кто остается, может быть, чего не дай бог, голова и глаза ваши разболелись, и потому некогда было писать вам,— но кто-нибудь из дочерей мог уведомить от себя. Что Константин и повторение водевиля? [1] Ни о чем не имею сведения, потому что Калуга и сведений ни о чем не получает. Наконец в погоде совершенный перелом. Хотя настоящей теплоты не слышно в воздухе, но все хорошо. Когда в воскресенье, часов в 7 утра я проснулся и увидал в окно солнце и голубое

небо, то я не знаю, что со мной сделалось, я был совершенно счастлив. Вчера же и нынче, по моему мнению, холоднее. В субботу, написавши к вам письма, хотел было я отправиться с визитами, но Матюшка оказался нездоров чем-то вроде лихорадки, и я принужден был остаться дома; вечером был у Унковских, приславших за мной лошадь.— В воскресенье отправился с визитами; почти никого не застал дома; здесь есть люди, у которых дальше передней я не бываю!.. Теперь с визитами я поеду не скоро. Потом отправился к Смирнову обедать, потому что поутру получил от него записку с приглашением. Видел детей. Одна дочь становится чрезвычайно похожею на Ал⟨ександру⟩ Осип⟨овну⟩, но белокура. Смирнов обедал очень поздно, часу в 6-м, после обеда продержал он меня еще несколько времени и потащил с собою в театр, где, однако же, я не досидел до конца. Смирнов столько тратит своих денег на службу, столько делает добра бедным чиновникам, что его состояние от этого должно расстроиться. Напр⟨имер⟩, если ему хочется выгнать чиновника бесполезного и глупого, а, с другой стороны,— жаль и совестно, потому что он обременен семейством, то он его-таки выгоняет, но или единовременно, или пенсиею дает ему деньги, да ведь не 100 р⟨ублей⟩, а 1000 и более. Я знаю, что в каком-то уездном городке он поступил с казначеем, истратившим казенные деньги; заплатил за него 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ и прогнал его. Но все эти добрые дела делаются негласно, и он об них никогда ни слова. Но он все-таки смешон во многих случаях.— Расположен ко мне необыкновенно дружески.— Ожидают сюда Щепкина [2]... Тогда можно будет сыграть водевиль. Мне уж надоело таскаться по гостям, и вчера хотел я остаться дома, но встретил, возвращаясь из палаты, отца Унковского, который затащил меня опять к себе; вечером, воротясь домой, я пошел в баню и весьма был доволен. Обстоятельство около носа совершенно изчезло, и вообще я совершенно здоров, исключая маленького насморка и маленького кашля мокротного Впрочем, я ничем не лечусь, но хожу много пешком.— Нынче пробуду дома, мне хочется кое-чем позаняться, может быть, даже и стихи какие-нибудь дадутся... Что вы скажете о тех стихах? [3] Сведения об этом получу я не прежде, как недели через две...— Я нынче не пишу к вам больше, во 1-х, потому, что нечего писать, во 2-х, потому, что от вас не имею писем; я думаю — большие письма буду я писать только по субботам, но если будет что писать, так и по вторникам. Но что же я буду делать, если и в субботу не получу от вас писем! Право, не знаю.— Дома у меня все очень хорошо. Ефим готовит всегда стол очень вкусный, с пирогами и хоть на три человека, так что мой обед идет на два раза. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, дай бог, чтоб вы все были здоровы; цалую ваши ручки; обнимаю Конст⟨антина⟩ и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь. Прощайте,

ваш *Ив. Аксаков.*

Какой недавно был здесь ужасный случай: мещанин убил свою жену, тещу и зажег дом свой, отчего двое детей его задохнулись. Впрочем, он не сознается, хотя подозрение на него сильное. Причины этому никто не знает.

94

1846 г<ода> мая 10-го, пятница. Калуга.

Наконец в середу получил я письмо от вас, милый мой отесинька и милая маменька, письмо, писанное в понедельник, 29 апреля. Следовательно, оно шло десять дней! В Уфу ходит скорее! Я прошу вас обратить на это внимание: почта из Москвы в Калугу ходит три раза, в понедельник, в четверг (экстра-почта) и в субботу (тяжелая [1]). Письмо, посланное из Посада во вторник (на нем штемпель Посада 30-го апр⟨еля⟩), следовательно, пришедшее в Москву в середу, пролежало четверг, пятницу, субботу, воскресенье и отправлено было только в понедельник, сюда же пришло в ночь на середу. Этого прежде не бывало, и по середам я никогда писем не получал, а всегда по экстра-почте, в субботу. Может быть, московский почтамт с пренебрежением смотрит на почту Сергиевского посада, но против этого надо взять меры: или писать на конверте: «По четверговой экстра-почте», или сообщить обо всем подробно Томашевскому [2].— Сейчас пришла почта из Москвы, и ко мне опять нет писем; опять дожидайся середы! Письмо ваше, как писанное только на другой день моего отъезда, для меня не совсем удовлетворительно. Вы в ужасном беспокойстве на мой счет. Я думаю, думаю и не могу придумать, как бы и чем бы вас уверить, что я *действительно* и *совершенно* здоров. Хоть бы вы написали кому-нибудь (да знакомых-то у вас нет) в Калуге, чтоб сообщал вам сведения обо мне, коли вы мне не верите. Нет, милый отесинька, безрассудство хорошо в некоторых случаях, и тот дрянь, кто не делал в жизни благородного безрассудства! И я уверен, что такой поступок не может обратиться во вред; смелым бог владеет.— Теперь вы уже получили от меня три письма, следовательно, знаете все подробности моего прибытия и пребывания в Калуге. Как мне грустно читать ваши письма: болезни, беспокойства, затруднения на каждом шагу! Тем более, что я здесь совершенно всему этому чужд; и хотя это не делает мне чести, но признаюсь откровенно, что я много обрадовался, когда, воротясь в Калугу, взошел в свою комнату и сейчас же вспомнил стихи: «Миром, царствующим в ней, я приветствуюсь покорно!»[3] Меня вдруг обхватило все, что совершалось со мною в уединении, и, право, я вдруг стал и чище, и строже, и трезвее!.. Ведь налагает же душа каждого человека *свои* права на него?.. Отвечаю на ваше письмо. Деньги я получил все сполна, и Петров сказал мне о письме своем и сомнении — уже по выдаче денег. Я, разумеется, объяснил ему, что это вздор, что свидетельство распространяется на все время, и тем дело и кончилось. Я теперь с деньгами и очень, и ваших денег долго мне не понадобится. Что это, право, Вера не может от лихорадки освободиться! Долго не придется мне узнать, что сказали Вам доктора [4]. Впрочем, уже с неделю стоит погода ясная, хотя и ветреная; нынче даже тепло, а на солнце просто жарко. Я, впрочем, еще не скинул фуфайки. Кажется, у меня хочет быть то же, что и у Константина, только не на лице, а на спине и боках и не в такой степени, довольно удобно и даже приятно: сами проходят и изчезают, я этому очень рад; зато лицо совершенно очистилось, хоть куда! Был я в бане (у нас своя баня) и настроен ходить еженедельно, потому что чувствую от этого

сильное освежение и бодрость в теле.— Лошадей почти не употреблял эту неделю; всюду хожу пешком. Завтра, часов в 8 утра еду я с двумя Унковскими в деревню их Колышово, на 1 день, беру удочки, посмотрю, что за Угра! Это всего верстах в 12 отсюда, местоположение, говорят, чудное! Удилищ в этой глупой Калуге не продают, и мне придется там их срезать и навязать лесы на сырые удилища!— Послушайте, милый отесинька, ведь ячмени имеют смысл и должны быть полезны; глаза должны после них очиститься? Пожалуйста, пишите о себе мне все подробно. Константина очень, очень благодарю за письмо, тем более, что это писано на другой день его приезда. Воображаю, как он себя мучил разными пустыми упреками. Я ему теперь не отвечаю, потому что некогда, и сам вам пишу в пятницу, потому что еду рано. Для драмы послал Константину Арцыбашева [5].

Вчера было 9-ое мая. Поздравляю вас всех и милую Олиньку [6]: дай бог, чтоб этот год был ей легче! Обнимаю ее крепко и крепко. Вчера же был именинник архиерей и Смирнов. По этому поводу приехал я в собор, но уже тогда, когда все кончилось, а оттуда, вместе со всеми другими, прошли к архиерею. Там почти натолкнулся я на какого-то генерала, гляжу: Тимирязев! Однако ж мы разошлись, как бы не заметив друг друга. Он — лихвинский помещик [7] и наезжает в Калугу. Смирнов как ни отнекивался от именин, но «усердие чиновников все преодолевает» [8] и должен был принимать поздравления. Вечером был у него маленький бал, на котором был и я. Все это плясало с таким счастием и удовольствием, что, с одной стороны, весело, а с другой,— гадко было смотреть. Я уехал в 1-м часу, раньше всех, по своему обыкновению. Бедный Смирнов! Давать женский вечер без жены очень неловко, и он был очень озабочен и даже грустен, как мне казалось.— На нынешней неделе у меня два раза обедали: один раз Федор Унковский, а в другой раз немец, живущий у Унковских,— случайно и без предварительного приглашения. Обеда я никогда не заказываю Ефиму, предоставив ему право кормить меня по своему усмотрению, и он готовит чудесно и с пирогами, и не слишком много, и довольно скромно, и все, вкушавшие его произведений, от него в восхищении. Вообще я им очень доволен; он очень изобретателен, и мы с ним вдвоем устроили колокольчик в кухне, а ручку провели в мою спальную; это необходимо, потому что когда человек в кухне, то в этом огромном каменном доме его не докличешься.— Ну, что еще? Да, давно собираюсь Константину сообщить, да все забывал. Унковский Федор много рассказывал мне про знаменитое село Иваново во Владимирской губернии; он сам был свидетелем, как один мужик, сняв шапку, надел ее на высокий шест, стал на улице и кричал: «Слушайте, послушайте, люди государевы, люди посадские, люди торговые и пр. и пр., наконец, и все люди христианские!» Немедленно собралась огромная толпа, и он стал перед ними излагать свое дело, кажется, о покраже у него имущества... Это там делается постоянно, и чуть ли другой расправы и нет. Ведь это стоит посмотреть!— Летописями я покуда еще не занимался. Утром небо так хорошо и голубо, что всего приятнее сидеть у окна и смотреть на противоположный берег Оки: вообразите себе отлогость, простирающуюся на несколько верст, по

ней большая дорога и множество проселочных, косогор в одном месте, овраги — все это мне видно, как на ладони! Даже деревни отдаленные, церкви и колокольни. И чувствую я, что недаром будет для меня это созерцание простой русской природы, но не хочу ничего обещать... А на днях нанимаю я писца и заставляю его переписывать в одну рукопись «Чиновника» [9], «Зимнюю дорогу», мелкие стихотворения, может быть, и введение в «Марию Египетскую» и отправлю ее кому-нибудь из надежных людей, для отдачи цензору Очкину [10]. Мне хотелось бы напечатать ее в конце года и таким образом расквитаться, разделаться с этими стихотворениями и с этим периодом моего развития... А потом дальше!

Посылаю вам еще стихотворение [11]. Мысль старая и новая вместе с тем,— опровержение толков, выраженных в первых 3-х куплетах,— о том, что искусство должно служить цели [12] и пр. и пр. Что вы скажете об этих стихах. Напишите мне подробно все ваши замечания. Мне кажется, есть хорошие места. Чувствую, что надо овладеть больше формой [13], там что Константин ни говори о какофонии! Ничто не должно мешать и смущать впечатления, а у меня — часто неясности, темноты, надо всякий раз комментарии... Но, право, когда перечту последние две мои пиесы, мне становится и смешно, и совестно. Пишу я их совершенно искренно, даже восторженно, но потом мне кажется, что я надуваю и других, и себя. Многие, прочтя эти стихи, быть может, скажут: «Какая душа, какая чистота!» и пр. и пр., а выйдет ведь вздор, неправда!.. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, дай бог, чтоб глазам Вашим было получше и чтоб Вы были бодры. Целую ваши ручки; обнимаю Константина и всех сестер; А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ с Катей — кланяюсь. Будьте здоровы. До вторника. Прощайте,

ваш *Ив. Аксаков.*

95

1846 г<ода> мая 14. Вторник. Калуга.

В воскресенье получил я письмо Ваше, посланное в пятницу из Москвы. Итак, Вы теперь в Москве. Грустно мне было читать письмо Ваше: Вы пишете, милый отесинька, что глаза Ваши приходили в худшее положение, нежели при мне: неужели хуже того дня, когда мы посылали за доктором. Видно, у Вас много других больных, потому что Вы употребляете выражение: *выздоравливающие*. Хорошо, по крайней мере, что Вы в Москве; стало, Вы решились на этот месяц переехать всем семейством? Чрезвычайно неприятно мне также, что Вы так поспешно обо мне беспокоитесь. Это меня стесняет, связывает; это мне хуже всяких моих беспокойств... Помилуйте, опоздала несколько почта, и уже вы отправляете Константина в Калугу! [1] Нет, пожалуйста, облегчите мне существование, поменьше беспокойтесь обо мне, и предоставьте меня судьбе моей. Я совершенно здоров; все около носа, всякий след около губ, все прошло и изчезло; лицо совершенно очистилось, посвежело и пышет полнотой и здоровьем. Чирьи все прошли: они произошли от ношения фуфайки и бани. Геморрой мой, правда, продолжается, но мы с ним живем дружно, и я об нем мало забочусь, ем себе преисправно говядину, пью вино, чай, кофе и т. п. Зато он меня

освобождает от всяких головных болей и освежает тело. Жду теплой погоды, чтобы начать купаться.— Знаете, отчего Оверу я показался таким сомнительным? Во-первых, потому, что обстоятельство около носа не совсем еще прошло; во-вторых, потому, что на мне лица не было: после утомительнейшего дня лег я спать в *три* часа; встал — не было и *шести* и сейчас же, не пив чаю, отправился к Оверу; поутру же было так холодно, неприятно... А теперь я совсем *отошел*, т. е. сделался как следует. Теперь в Москве вы познакомились с Алекс⟨андрой⟩ Осиповной. Прошу маменьку и Верочку удержать свои негодования на меня и не рассказывать про лечение мое и т. п. и т. п. Если мысль моя зрéла и выразилась в чем-нибудь, так уж, конечно, выразилась она в последних двух моих стихотворениях. Они нравятся мне больше всех моих прежних, что еще не значит, чтоб я ими был совершенно доволен. Хотя и отвлеченная мысль служит им содержанием, но не в отвлеченной наготе своей она в них является. Так мне кажется, по крайней мере. Мне кажется, что много передается непосредственно благозвучностью, стройностью аккордов, целым тоном стихотворения (особенно последнего). Заметят, что в некоторых местах тон не выдержан; но, признаюсь, я даже люблю это, когда стихотворение соскакивает с своих рельсов, и человек заговорит так просто: «Ах, черт возьми, да хорошо это и только!..» Мне кажется, что я уже больше владею формой, чем прежде, что я подвинулся вперед, там что ни говори Гоголь...[2] Я еще не знаю вашего мнения, но чувствую сам, что много в этих стихах недостатков. Зато мне кажется, что эти недостатки я со временем исправлю. Право, когда пишешь стихи, подобные этим, то думается, что стихотворение это само по себе существует уже в природе, вне вас, что даже не вы его автор, а вы только припоминаете и никак не можете припомнить иного стиха, а он есть, непременно есть. Точно древнюю статую, занесенную песком и землею, расчищаешь, откапывая; показывается голова, шея, грудь, ноги и, наконец, является вся она во всей своей чудесной красоте, но отбита рука и еще не найдена, а была она сделана древним художником... И вот приделываешь поневоле гипсовую руку; но раскопавший статую и вызвавший ее на свет всякий раз смущается и всякий раз полон душевного огорчения, когда глаза его, пробегая по твердым и белизною сверкающим очеркам мрамора, вдруг переходят к мягкой и матовой поверхности гипса... Но лень, столь сродная русскому человеку, недостойная поэта, не свойственная даже истинному художнику, постепенно овладевает им и, вместо того, чтоб отыскивать отбитую руку, он говорит: «Ничего, живет и так, живет и с гипсовой!»

Выбрился: сейчас приходил цирульник. Удивительный цирульник: бреет, *вовсе* не дотрагиваясь до лица! Но обращаюсь к порядку событий: в субботу, т. е. 11-го мая, рано утром отправились мы в Колышово, деревню Унковских, отстоящую от Калуги верстах в 12. Я с Федором (что за комиссия с перьями!) на купеческой тележке, Мих⟨аил⟩ Сем⟨енович⟩ на беговых дрожках, а немец, у них живущий, и еще один товарищ по службе старшего сына в дрожках, в которые были запряжены мои лошади. Матюшка был вне себя от восхищения. Погода была чудесная, и я сам был доволен, как ребенок. Чудесно хороши окрестности Калуги! Хотя де-

ревья еще мало оделись, но я люблю эту юную, нежную, еще прозрачную зелень. Долго ехали мы берегом Оки, потом лесом, потом проехали мимо впадения Угры в Оку... Местоположение Калуги на крутом берегу так высоко, что она нередко белеет или сверкает в отдалении. Наконец приехали в Колышово. Дом построен на крутом берегу Угры, реки почти столько же широкой, как и Москва... С этой стороны около дома тень, но берега голы. Река выступает тут полукругом, и потом оба конца ее уходят в отдаление. Я люблю большие реки! Противоположный берег плоский, и вид открывается на беспредельное пространство. Луга, пасущиеся стада, деревни вдали, наконец, на краю горизонта разнообразные линии лесов, тени, набрасываемые солнцем,— все это было так хорошо, что я долго не мог оторваться от этого вида и сойти с балкона. Представьте себе еще, что тут же, очень недалеко от них (с балкона все видно до малейшей подробности) перевоз чрез Угру на пароме. Это беспрестанное движение парома, медленное, от одного берега к другому, то с кибиткой и тарантасом, где сидят утомленные и запыленные путники, то с крестьянскими возами, очень хорошо. Вечером, когда уже темно и сидят на балконе, слышно только движение парома, иногда шум и крик перевозчиков... Случается также, что когда на балконе поют какой-нибудь романс поздно ночью, вдруг раздаются ответные куплеты, и это проезжий, переезжающий через Угру на пароме и услыхавший знакомую песню, знакомый мотив. Ведь это чудесно! — С другой стороны небольшой двор и большой сад, кругом рощи, луга и поля.— Пошел дождик, первый летний и теплый, прогремел легонько гром, и природа, нетерпеливо ждавшая такого благодатного побуждения, быстро подвинулась. Там провели мы целый день и поздно вечером тихо воротились в Калугу... В воскресенье вечером ездил я с Унковским в Лаврентьевскую рощу, подле Лаврентьева монастыря (в 2-х верст⟨ах⟩ от Калуги). Что это за места! Впрочем, я теперь радуюсь каждому дереву и еще сильнее чувствую свою связь с природой, и именно русской природой. Я ежедневно изумляюсь, видя, что начинаю весь окружаться зеленью. Все, что было голо и темно, покрывается травою, зеленеет... Вид у меня из комнаты на противоположный берег Оки так хорош, что я по нескольку часов провожу у окна. Если увидите тетеньку [3], спросите, получила ли она мое письмо о дороге, адресованное в Спиридоньевский переулок, в дом *Либовского*(?) Там вложена была маленькая записка к Женеву. Мне хотелось бы, чтобы тетенька привезла мне летнее платье, заказанное ему.— Пусть Константин попросит Арнольди у Лемерсье [4] или Вандрага купить мне сигарочницу, сафьянную, «*Sigaros*», кажется, она стоит не дороже 10 р⟨ублей⟩. Я ему деньги заплачу здесь. А вы сами не вздумайте покупать: у меня деньги есть. Я вовсе без сигарочницы, свою, которую вы мне когда-то подарили, из папье-маше, я потерял. В этих же сафьянных, подбитых лайкой, сигары никогда не мнутся. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Дай бог, чтоб у вас было лучше и чтоб вы не упадали духом. Целую ваши ручки, обнимаю Константина, на которого очень сержусь за беспокойства обо мне, и всех сестер. Прощайте, до субботы.

Ваш *Ив. Аксаков.*

96

1846 г<ода> мая 18-го, суббота, Калуга.

Почта пришла вчера вечером, но не привезла от вас писем; видно, вы решились писать по пятницам, хотя для меня удобнее было бы, чтоб вы посылали письма в четверг, с экстра-почтой, которая приходит в пятницу; следовательно, в субботу мог бы уже отвечать вам. Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ также не едет, а пора, давно пора. Впрочем, если б я начал уже предполагаемый мною труд, тогда бы она мне помешала. Так досадно мне, что я ничего не знаю ни о состоянии здоровья Вашего, милый отесинька, ни об Олиньке, ни о том, что сказали Вам доктора! Я же совершенно здоров, уверяю вас, и если буду пить сальсапариль, так в Москве, а не здесь. Завтра отправляюсь с Унковскими пешком на *Калужку*: это богомолье, удостоившееся сделаться partie de plaisir*. В 7 верстах от Калуги есть село, где в церкви находится чудотворный образ Калужск⟨ой⟩ божьей матери.— Во вторник 21-ое мая Константин и Елена; поздравляю вас, милая маменька и милый отесинька, и всех и всех; разумеется, Константина в особенности. Пусть он примет это поздравление заранее и не смущается при тостах отсутствием моего поздравительного пожелания. Во вторник буду писать вам большое письмо. Теперь вы уже, верно, получили оба моих стихотворения; на нынешней неделе ничего не написал: Ефим так меня сытно кормит, что толстею и скотúнею... Нанял нынче одного гимназиста для переписки «Чиновника» [1] и пр., а сам, впрочем, не теряю надежды поработать нынешнее лето. Почти ничем не занимаюсь «дельным». Дни стоят ясные, виды от меня такие чудные, что по утрам просиживаешь у окна и всматриваешься во все тонкие линии и очертания ландшафта, да и просто глядишь, глядишь в траву, и, право, это не бесплодно и полезнее многих трудов... Потом в палату, из палаты или домой обедать, или к Унковским, где я долго после обеда подвизаюсь на бильярде и выучился очень порядочно играть. Там отправишься ходить или у них по саду, или по бульвару, а вечером к себе домой, где опять я растворяю окно и до глубокой ночи сижу, слушая глухой гул города, лай собак и концерт лягушек в трясине, прилежащей к городу. Этот концерт лягушек — это их дребезжащее кваканье в воде, ночью,— просто чудо как хорошо. Никогда не бесплодны, никогда не пошлы подобные впечатления, подобные минуты, вообще подобное препровождение времени. Мне кажется, что всякий раз глубже и глубже западает в мою душу элемент вечной красоты... На нынешней неделе особенного ничего не было. Яковлев в палату не ездит, обрадовавшись, что я приехал; я там работаю довольно старательно, но покуда все очень трудно и сбивчиво с новым «Сводом». Но наказания, особенно для простого народа, выходят гораздо легче; ссылка в Сибирь для них существует только очень не в многих случаях, отдача в солдаты за преступления по суду уничтожена почти вовсе, и самое частое теперь наказание для крестьян (в высшей мере) — розги не более 70 ударов и отдача на время — от одного года до шести лет — в исправительные

---

* Увеселительной прогулкой (*фр.*).

гражданские арестантские роты на работы; по окончании срока они возвращаются на место жительства... Хотя в этих ротах мужик едва ли исправится, если не испортится пуще. На нынешней неделе было вознесенье [2]: праздник в Лаврентьевском монастыре и гулянье, на котором, впрочем, я не был. Вечером в тот же день был у Смирнова, у которого по четвергам собираются. Он намерен ехать около 25-го числа в Петербург по делам службы, а потому уж, верно, к этому числу Алекс⟨андра⟩ Осиповна воротится в Калугу.— Вообразите, что мы с Писаревым никак не можем застать друг друга дома, и потому я вчера условился с ним приехать к нему нынче, в 11 часов утра. Вы не посетуете на меня за то, что пишу нынче так мало. Право, нечего писать. А рассказывать то, что происходит внутри, не всегда охота, не всегда расположен. К тому же мне не хочется ограничиваться все одними словами, я стремлюсь вызвать ответ иного рода. Итак, до вторника. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте бодры и по возможности здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.— Я думаю, теперь вы все уже переехали... Неужели все лето проведете вы в городе?..

Ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. Каково это, что Шевырев получил благоволение!.. Я читал в газетах[3]. Что скажет Запад!

97

Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову

21 мая 1846 г⟨ода⟩. Калуга.

Нынче день твоих именин (и Елениных — прибавляет Дмитрий Николаевич), милый брат и друг Костя. Поздравляю тебя и желаю тебе его хорошо отпраздновать сигаркой и вином и всем, чем хочешь. Какой ты странный человек, Константин! Я никогда не имел и не имею притязаний на то, чтоб ты писал мне письма; знаю, как ты ленив, как многого это тебе сто́ит. Но со времени моего отъезда получил я от тебя два письма, и о чем же последнее!.. Добро бы о стихах, которые послал я в Москву,— но о стихах ни слова, а все о преимуществах московской жены перед петербургской и Кат⟨ерины⟩ А⟨лександровны⟩ перед Смирновой! [1] Согласись, что это предмет мало интересный для редкого письма, как твои. Теперь семь часов утра; Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ приехала вчера уже поздно вечером, однако ж часу в 11-м прислала за мной, отдала мне письма ваши и сборник [2] и успела кое-что рассказать... Вообще она, кажется, в высшей степени довольна Москвою и временем, ею там проведенным, помнит все мелочи и беспрерывно рассказывает мужу. Каков сборник! Поблагодари Панова от меня за присылку экземпляра, но согласись, что очень неприятно читать целый лист опечаток в стихах! Разумеется, сборник пройдет незаметно, тем более что настает лето... Я решительно безо всякого удовольствия глядел на свои печатные стихи, напротив, как-то тупо и глупо, и они мне такими же показались. Ну, да все равно; я все-таки бу-

ду продолжать писать, потому что последние два моих стихотворения заставили меня живее сознать в себе эту способность. Скажи Арнольди, что я на него очень сержусь за то, что он не приехал [3]; высылай его из Москвы в Калугу, а на июль месяц, пожалуй, может опять ехать.— Я потому пишу к тебе так несвязно, что очень спешу. Сию минуту должен прийти Щепкин на утренний чай. Вчера я с ним вместе обедал у губернатора, третьего дня вместе с ним ужинали после спектакля («Ревизора») [4] у Николая Михайловича же и разъехались часу в 4-м. Вообще все эти дни прошли очень безалаберно: поздно ложишься, рано встаешь. Щепкин всюду (даже без приглашения) тащит за собою Белинского, даже не рекомендуя его. Так, привел он его к губернатору, где я с ним встретился [5]. Долго не узнавал я его и не знал, кто это. Наконец, встретившись с ним лицом к лицу, я при всех почти вскрикнул от удивления. Он очень похудел, с усами, беспрестанно кашляет, так что страшно на него глядеть. Мы раскланялись, он старается завести разговор, но я обхожусь с ним сухо и холодно [6]. Впрочем, он не позволил себе ни одного намека не только на нас, но даже на Москву, Петербург ругает, спрашивал о здоровье отесинькином и тонким образом давал мне знать, что ему хотелось бы иметь со мною искренний разговор и во многом оправдаться; но я не пускаюсь в этот разговор.

Прощай, милый друг и брат Костя, будь здоров, крепко тебя обнимаю. В письме к нашим изложу подробно весь ход событий. Впрочем, если получите только одно это письмо, значит, я не успел написать больше и мне помешал Щепкин.

98

21 мая 1846 г<ода>. Калуга. Вторник.

Позвольте сначала привести память в порядок и припомнить весь ход событий от субботы до вторника; в этот краткий промежуток получил я от вас два письма. Одно в субботу, которое мне следовало получить в пятницу, но Ефим не добился и принес мне с почты ответ, что писем нет, почему я и просил вас писать мне по четвергам. Другое отдала мне вчера вечером Ал⟨ександра⟩ Осиповна.— В субботу делал я некоторые визиты и был у Писарева [1], которого, наконец, застал и который сказал мне, что он писал В⟨ладимиру⟩ Ник⟨олаевичу⟩ Писареву [2], чтоб он не смел беспокоить Вас, милая маменька, что Рутценские деньги, о которых тот толкует, были отданы ему, Ник⟨олаю⟩ Ал⟨ександровичу⟩ Писареву, а от него Поярковой дан был вексель. Векселя этого, впрочем, Ржевская ко взысканию не представляет. Он очень хороший и честный человек, говорит, что никто не имеет права требовать от Вас этих денег, что, оставляя их у Вас, они исполняют только желание Алекс⟨андры⟩ Васильевны, желание, им всем известное; но, что если Вы и захотели бы отдать эти деньги, то они должны идти в раздел. Он говорит, что Вы очень хорошо делаете, что не отвечаете этому В⟨ладимиру⟩ Ник⟨олаевичу⟩, что сей последний не может подать от своего лица никакой бумаги по делу о наследстве без доверенности прочих наследников и пр. — В воскресенье, в 7 часов утра явился я к Унковским, и мы отправились пешком на Ка-

лужку: это будет верст семь или более. На том месте, где явился образ, построили церковь, довольно богатую. Местоположение чудесное. — Тут замечательны кругом курганы и довольно правильный, необыкновенно высокий вал; предание гласит, что это был стан знаменитого разбойника Кудеяра [3], но подробностей никаких не известно. Купил вам образ Калужской божьей матери: она изображена без спасителя и с книгой в руках. Там мы пили чай и завтракали, потом воротились домой, только уже не пешком. Воротясь домой, заехал я к Щепкину, который не знал, кажется, или забыл, что я здесь служу, но он спал уже после обеда. Вечером отправился я в театр. Цену подняли довольно высоко, и театр был довольно пуст. Впрочем, что ж за высоко? ложи в бельэтаже — 5 целковых, кресла в 1-м ряду — три р⟨убля⟩, во 2-м два, а в остальных полтора рубля серебром. Но для Калуги это дорого. Давали «Ревизора»; Щепкин играл, по обыкновению, очень хорошо, узнал меня тотчас со сцены (я сидел в 1-м ряду), но прочие актеры были невыносимо дурны. Разумеется, хлопанье было ужасное, производимое немногим количеством зрителей, и продолжалось во все время представления; очень глупо, да что прикажете делать с Калугой. Смирнов позвал многих и меня из театра к себе на ужин. Был Щепкин, который показал вид, что очень обрадовался мне, сказывал, что Ал⟨ексей⟩ Ник⟨олаевич⟩ трусит давать водевиль [4], много шутил, смеялся, рассказывал анекдоты и, кажется, пленил калужан. Я хотел было позвать его к себе обедать, да он притащит Белинского, а этого мне не хочется; он хотел было прийти ко мне поутру пить чай, часов в 8, однако, видно, не будет. От Смирнова разъехались часу в 4-м. Проснувшись на другой день, смотрю на часы — семь! Я очень обрадовался, встаю, пью чай, дожидаюсь 11-го часа и в 11 часов приезжаю в палату; только что я вхожу, на часах палаты бьет час! Какую штуку сыграли со мною часы: они остановились, а я, не заметив этого, завел их двумя часами позже! — Потом, часа в 4 отправился к Смирнову, который звал меня и Щепкина. Кроме меня, Щепкина и Белинского, никого не было. Белинский ужасно переменился, в усах; лицо сделалось еще отвратительнее, хотя его чахоточный вид и возбуждает некоторую жалость. Говорит Смирнову «Ваше превосходительство» на каждом шагу, с необыкновенным чинопочитанием, осторожностью. Все, увидавши такую фигуру, обратились ко мне с вопросом: кто это? Я всем отвечал сначала, что не ведаю. Потом, когда узнал его, объяснял им, что это Белинский, но они, в свою очередь, не понимали, что это такое. Он рассказывал много про Соллогуба [5], Краевского и других, но вообще и он, и я в разговоре, который был общий, старались избегать вопросов, касавшихся до убеждений, хотя Смирнов, сам того не зная, беспрестанно подымал их. О Константине, о Москве, о всех наших вообще ни слова, но он спрашивал об Вас, милый отесинька... Нынче опять играет Щепкин; дают «Мирандолину» [6]. Так как цены сбавили, то, вероятно, в театре будет много. Вечером вчера же был я у Унковских. Часу в 11-м возвращаюсь домой, как попадается мне Матюшка с письмом от Ник⟨олая⟩ Мих⟨айловича⟩, чтобы я приехал к Ал⟨ександре⟩ Осип⟨овне⟩. Немедленно надев фрак, я поехал, видел ее, но сидел недолго, потому что было поздно; все эти ночи я спал мало, да и ей следовало отдохнуть, поэ-

тому-то, взяв письмо и сборник [7], воротился домой, прочел ваше письмо, просмотрел сборник и все-таки заснул во 2-м часу. Теперь буду отвечать на ваши письма. Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ успела рассказать мне про Ваши глаза, милый отесинька, про то, как Вам было нехорошо, потом, как Вам сделалось лучше, так что Вы сами даже читали ей мои стихи. Не понимаю, как последние стихи получились Вами так скоро: ведь они были адресованы в Сергиевский посад? Все-таки Вам самому читать их не следует; погодите, когда глаза укрепятся вполне. Ах, дай-то бог, чтоб это случилось и поскорее! Но я очень рад, что Вы теперь в Москве. Стихи мои Вам нравятся, и Вы говорите также, что я подвинулся вперед. Я сам это чувствую. И это развитие совершилось не от упражнения, а внутри меня: Вы сами знаете, сколько месяцев сряду не писал я ни строчки. Не знаю, когда буду опять писать; приезд Щепкина и Ал⟨ександры⟩ Осиповны много помешает, по крайней мере, сначала. Щепкин в воскресенье, кажется, едет. Но Вы мне не сообщили никаких замечаний на стихи мои. Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ и сама мне сказала, что первые стихи, «*Andante*», ей нравятся гораздо больше. Но это несправедливо, вторые лучше первых, а те как-то нежноватее и относятся более к моей личности. Теперь едва ли уж будут у меня опять стихи, относящиеся прямо к моей личности! Впрочем, я дам Смирновой перечесть эти стихи. Кажется, она с живым удовольствием вспоминает об Вас и вообще об нашем семействе, рассказывала мне в подробности вечер, у вас проведенный, разные выходки Константина, сообщила о здоровьи *сестриц* вообще и о том, что Марихен ездила с нею смотреть водяное заведение. Кажется, поездка в Москву принесла ей пользу не только в отношении здоровья. Она сделалась как-то лучше и добрее, по крайней мере, в обращении с мужем. Верно, вы ей рассказывали что-нибудь про меня: я заметил это из некоторых ее слов. Великолепный сборник меня очень порадовал, тем более что я не надеялся видеть его изданным. Но опечаток бездна! Жаль, что он вышел так поздно: летом никто его и читать не будет. — Нынче день именин Константина. Поздравляю вас всех. Ему пишу особо. Что же сестры не напишут мне ничего, как им понравилась Ал⟨ександра⟩ Осиповна? Я, слава богу, совершенно здоров, только ужин и обед у Смирнова и его крепкая мадера прекратили геморроидальное кровотечение, и это мне очень неприятно, потому что при кровотечении мне совершенно легко, и я чувствую себя свежее и здоровее. Впрочем, даст бог, оно скоро воротится. Однако прощайте. Пора кончить: скоро ехать в палату, а я сигар еще на досуге не выкурил. Итак, до субботы. Будьте же здоровы и бодры. Обнимаю всех сестер и Константина, у вас, милая маменька и милый отесинька, цалую ручки. В каких Вы хлопотах, милая маменька! Прощайте.

Ваш и пр. и пр. *Ив. Аксаков.*

А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ с Катей — мое почтение.

99

25 мая 1846 г<ода>. Суббота. Калуга[1].

Вчера приехал Владимир Ив⟨анович⟩ и привез мне письмо от Константина и платье, и вчера же, часу в 7-м, заехав на почту, получил я и ваше письмо, милый мой отесинька и милая маменька. Итак, теперь вы все собрались в Москве, по крайней мере, но неужели летом, если только оно у нас будет, в чем я очень сомневаюсь, вы не воротитесь в деревню? Что июнь месяц вы незаметно и в хлопотах проживете в Москве, я убежден в этом; по Вашим письмам, милый отесинька, и по рассказам Влад⟨имира⟩ Ив⟨ановича⟩ Вам не положительно лучше, и глаза, и голова далеко не застрахованы от болей. Что же касается до Олиньки, я думаю, она так довольна, что переехала в Москву, что не скоро захочет расстаться с нею. Как вам нравится погода! Я, право, не знаю, чьи нервы не расстроятся при подобных оскорблениях с ее стороны! Как, в конце мая, по 3, по 4 градуса тепла, холод, град, ветер... Да это хуже осени! Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ эти дни чувствовала себя немножко хуже по этой самой причине. Да, право, это только мне ничего, только я могу не простужаться в такую погоду, выезжая часто и бывая почти каждый день в театре. Кстати, о театре и Щепкине. Во вторник играл он в «Мирандолине». Пиеса шла довольно хорошо, но театр, хотя цены были назначены обыкновенные, т. е. бельэтаж — 10 р⟨ублей⟩ 50 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩, кресла — 3 р⟨убля⟩ 50 и 2 рубля 62 1/2 копейки и т. п., был занят едва-едва вполовину. В четверг играл он в пиесах «Повар и секретарь» и «Филипп»[2]; публики было не больше; вчера играл он в пиесе «Два купца и два отца»[3], и заняты были всего один ряд кресел и одна ложа! Удивительный народ! Так довольны калужане собой и своею однообразною жизнью, что всякие другие интересы и потребности им чужды. Смирнов бесился ужасно и вчера даже рассадил в креслах всех актеров и прочих служителей театра — для виду! Нынче и завтра Щепкин не играет, в понедельник и во вторник играет, а в середу едет: сначала в Воронеж, потом в Харьков, потом в Екатеринославль, Крым, и хочется ему, кажется, попасть к Воронцову[4]. За пребывание свое в Калуге получает он 1200 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩. У меня Щепкин до сих пор не был и умно сделал, потому что он с Белинским не разлучается нигде и таскает его всюду; нынче мы обедаем опять вместе у Смирнова, и французу-повару заказаны вареники... Теперь об Ал⟨ександре⟩ Осиповне. Как вам известно, был я у нее в понедельник, во вторник видел ее в театре. В середу вечером был я опять у нее, сначала один, потом вскоре приехал Щепкин и Белинский. Я не успел хорошенько предупредить Ал⟨ександру⟩ Осип⟨овну⟩ насчет сего господина, и потому она часто делала ему подобные вопросы, напр⟨имер⟩, когда речь зашла о Гоголе: «Разве Вы хвалите Гоголя, ведь Вы его браните в своем журнале?», и Белинский, сидевший, впрочем, очень смирно, скромно и даже робко, кажется, этим очень обижался. — Сначала Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ много рассказывала, по своему обыкновению, о чужих краях, о Грамаклее (место ее родины)[5], что, впрочем, мне давно известно, но что я всегда люблю от нее слышать. Я поддерживал всячески

разговор в этом роде, чтоб не подать поводу к спорам, однако ж под самый конец вечера дошло дело до Жорж Занд, и когда Белинский стал об ней говорить как о некоем божестве, которое, впрочем, начинает портиться, ибо в последних романах ее видно признание раскаяния и других добродетелей, то Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ вспыхнула, да ведь как. Начала кричать на Белинского довольно резко и доказывать весь вред и всю степень разврата Жорж Занд. Белинский возражал довольно горячо, но Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ хотя и говорила умно, но по-женски, т. е. доказывала анекдотами, случайными фактами и нападала, между прочим, на ее плебейское *сердце*! Я, впрочем, поправлял ее некоторые ошибки и промахи и объяснил им, что она нападает не на плебейское сердце, а на одностороннюю, завистливую ненависть, которая преследует не принцип, не начало... Почти всякий плебей на Западе готов сделаться утеснителем-аристократом, что и видно было в комедии, разыгранной Французскою революциею... Видя, однако, что Смирнова очень раздражилась, я встал, простился и увел ее гостей... Слышал, однако, от Щепкина, что Белинскому Смирнова-таки понравилась [6]... В четверг вечером, после театра, посидел я опять у нее один с час времени, был также вчера до театра: она встретила меня словами: «Какое нежное и милое письмо пишет мне Ваш батюшка, прочтите». Но так как у нее были гости, то я недолго и оставался... Вообще нынешняя неделя была пресуматочная, вечером в театре, погода подлейшая, и я не имел случая хорошенько побеседовать с Смирновой. Кажется, она Вас очень любит... Сейчас был у меня Щепкин, но один, напился чаю, много рассказывал интересного и в восхищении от Алекс⟨андры⟩ Осиповны. Если б Белинский не сделал столько подлостей против Константина [7], я все-таки рад был говорить с ним, как все-таки с человеком живым, — но когда он изъявил мне желание побеседовать со мною о многом, я отвечал ему довольно сухо, что я считаю это лишним, что его убеждения мне неизвестны [8] и что мы друг друга не переубедим. — Я очень рад, если сборник имеет успех [9], некоторые ошибки я уже поправил вчера в экземпляре Ал⟨ександры⟩ Осиповны. — Ну, показались клочки голубого неба и солнце: слава богу! — Владимир Иванов⟨ич⟩ уехал вчера в ночь. Каков Константин: уже третие письмо ко мне! Он изменяет себе. Нынче я ему отвечать не успею, но благодарю его очень и очень, особенно за присылку стихов [10]: первые, т. е. ко мне, мне больше нравятся, в них больше поэзии, более слышится живой, человеческий, трепещущий голос, а второе стихотворение само — медь гудящая, хотя и прекрасно. Только я принужден переписать их, во-первых, для того, чтобы самому ясно и отчетливо *видеть* их, а во-вторых, и потому, чтоб дать прочесть Ал⟨ександре⟩ Осиповне. Очень благодарю Панова за письмецо [11] и буду ему отвечать. Разумеется, я участвую и во второй книжке [12]. На нынешней неделе я ничего не делал и ничего не писал, хотя лежит во мне зародыш одного произведения, в котором, слава богу, я не коснусь никаких политических убеждений и вопросов. — Может быть, завтра, если погода будет очень хороша, уеду я в деревню к Унковским: у них там праздник и, говорят, соблюдаются какие-то особенные обычаи... Что это Вера все хворает и другие тоже? Это нехорошо, я уж давно не получал

от нее писем. — Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, поздравляю вас с завтрашним праздником [13], будьте здоровы и бодры. Я, слава богу, совершенно здоров. Высылайте поскорее Арнольди [14]. Целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер; А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь, также Панову и другим. Вообразите, в понедельник дают «Женитьбу» Гоголя!!!! [15] Это просто будет истязание, пытка, так скверны здешние актеры, по крайней мере, большая часть... Итак, до вторника,

ваш *Ив. Аксаков.*

Я получил письмо от Ал⟨ексея⟩ Ив⟨ановича⟩. Он с Sophie едет в Воронеж, жалуется, что Мороз его надул и не так решил дело [16].

100

Вторник. 1846 г<ода> 28 мая. Калуга.

Я думаю, милый отесинька и милая маменька, вам будет очень неприятно ощупать тонкость пакета, и вы удивитесь, что я в этот приезд в Калугу часто пишу полулистовые письма. Но причина этому та, что я не совсем выспался и ужасно устал, а потому и писать много не хочется: вчера ездил я в Колышово на тележке с немцем, живущим у Унковских, остальные все, мать и отец в линейке. День был чудесный, лучше всех теплых дней, которые до сих пор были, было тихо и мягко в воздухе. В деревне ходил я ужасно много, почти целый день был на ногах, ел, как извозчик, потом в 6 часов сел опять в тележку и приехал домой. Как хотите, а, сделавши верст 25 в тележке не совсем по хорошей дороге, устанешь. Но я должен был немедленно переодеться и отправиться пешком в театр (был бенефис Щепкина). Там просидел до 11 часов и пешком воротился. Следовало бы сейчас лечь спать, но ночь была необыкновенно хороша, и к тому же я еще не пил, это после обеда, обычной своей порции чаю, вследствие сего лег спать в 1 час, а теперь чувствую, что еще не выспался и устал. — В Колышове я близко видел женские наряды. Богаты очень повойники [1], но некрасивы, а стоят по 25 р⟨ублей⟩ и больше. Почти все были в сарафанах или сара*хв*анах, как они говорят, надетых точно так же, как и у нас, следовательно, не совсем хорошо: главное, что перевязываются слишком высоко. Хотя ни одной не было порядочной собой бабы, но все же они лучше московских, не белятся, не румянятся, поют не хорошо, но не визжат. Их собрали по случаю праздника (духова дня), подчивали вином и разными пряниками в роще; были только одни бабы, они плясали между собою. Я в первый раз видел настоящую пляску: они выделывали разные па, «говорили плечами», плясали довольно живо, и та, которая была за мужчину, присвистывала и гаркала по временам. Когда они поют, то аккомпанируются кастаньетами особого рода, трещотками, под лад песни. Я у одной купил эти трещотки и привез сюда. — Кумованья не было, потому что оно бывает в троицын день [2], в который целый день был дождик. — Вчера давали «Матроса» и «Тяжбу» [3]; театр был почти полон. Щепкин был очень хорош в Бурдюкове. Нынче дают «Женитьбу» Гоголя, и в ночь Щеп-

кин едет. Я этому очень рад, потому что мне уже надоело так часто таскаться в театр, в субботу я обедал вместе с ним и Белинским у Ал⟨ександры⟩ Осиповны. Особенно ничего не было; Щепкин рассказывал малороссийские анекдоты; Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ заставила его прочесть куплет об Москве из водевиля [4], спрашивала Белинского, видел ли он водевиль? Тот ответил, что его не было в Москве, и ни слова больше. Но так как мне надоело, наконец, в этой компании, так я ушел часу в 7-м после обеда; не знаю, долго ли они оставались. Зато в воскресенье вечером я просидел один с нею до 12 часов, и мне было очень приятно; она играла на фортепьянах, выписанных ею из Москвы с рояльной механикой и превосходных, взял у ней читать Мицкевича [5] «Le Messianisme» *... Также 139 № «Journal de Francfurt» **. Советую Косте прочесть этот №: что делается в Швейцарии!!! Какие интересные вещи рассказала она мне про мужика Сохранова, их собственного, сделавшегося разбойником и которого она часто видала в своей деревне и даже рассуждала с ним... Прощайте, милый отесинька и милая маменька, до субботы. Будьте здоровы. Обнимаю вас и всех сестер и Константина.

Ваш *Ив. Акс.*

101

Суббота 1-го июня 1846 г⟨ода⟩. Калуга.

Вчера, когда уж я лег в постель, принесли мне ваши письма, милый мой отесинька и милая маменька, писанные *накануне*, т. е. 30 мая. Я дал почтальону хороший двугривенный и велел ему тотчас принесть ко мне письмо, как почта придет. Я прошу вас совершенно верить всему тому, что я пишу о своем здоровье, даю вам честное слово, что я вам сообщаю истинную правду. Ведь с вами беда: вот теперь я целые полчаса чинил, чинил перья, с полдюжины кинул на пол, наконец, успокоился на этом, хотя и довольно скверном: может быть, испишется, будет лучше; а вы сейчас готовы бог знает что заключить! Это меня совершенно стесняет и связывает. Так, например, если б мне иногда захотелось полениться и не расположен я писать большое письмо, то, посылая маленькое, всегда боюсь, что подымутся в доме беспокойства, толки и соображения... В доказательство полной моей искренности уведомляю вас, что в середу у меня сделалась лихорадка. Я, должно быть, простудил себе голову накануне, потому что, как шел в театр, меня настиг на дороге проливной дождик. Я до сих пор хожу в шерстяных чулках, фуфайке, вообще весь обложен шерстью, был тогда в калошах, пальто и непромокаемой шинели, следовательно, не промочил себе ничего, кроме головы. На другой день я почувствовал озноб, сильную головную боль и боль в глазах, т. е. в яблоках, усталость во всем теле, отправился в палату. Там просидел часа три, и, так как время было довольно хорошо, то, несмотря на нездоровье, отправился пешком к Унковским; там сейчас весь дом перетревожился, предлагали мне и то, и другое, я от всего отказался, за обедом, несмотря на то, что не было

* «Мессианизм» (*фр.*).
** «Франкфуртской газеты» (*фр.*).

аппетита, старался есть побольше, чтоб задать жаркой работы желудку, однако ж, боясь разнемочься, после обеда почти тотчас уехал домой. Дома сейчас лег в постель, напился малины и сию же минуту заснул, так что когда часа через два явились ко мне Федор Унковский и один здешний инженер Бокар, питающий ко мне нежное расположение, то я думал, что уже другой день. Они просидели у меня довольно долго, у меня сделался жар и пот, они посоветовали мне принять касторова масла как самого невинного из слабительных, что я и сделал. На другой день чувствовал я себя почти совсем хорошо, только был в постоянном поту от слабости, несмотря на сильный аппетит, съел только одну котлетку. С 8 часов утра являлись ко мне попеременно то один Унковский, то другой, то Бокар, и это продолжалось до самого вечера. Варвара Михайловна (мать) прислала мне сиропа и варенья и сама несколько раз хотела приехать, только была удержана тем, что я этого не люблю: там уж знают мои привычки и никогда не смеют ни спрашивать меня о здоровье, ни очень подчивать. Вечером опять напился я малины и, может быть, худо сделал, потому что поутру (т. е. вчера) почувствовал себя еще слабее, так что при движении делался озноб, а чуть присяду, сейчас засну, так что я вчера проспал почти все время до 3-х часов. Это моя особенность, совершенно так было со мной и в Астрахани; поутру не пил я чаю и ничего не пил, только воду с сиропом, но, проснувшись и отрезвевшись, почувствовал я себя совершенно легко и способным ходить, глаза свободны, часу в 6-м съел цыпленка, и так как день был чудесный, то я поехал к Унковским, поблагодарил их за участие, потом поехал на почту, думал найти письмо, но почта еще не приходила, проехал к Ал⟨ександре⟩ Осиповне, но она уехала гулять с детьми, потому что эти два дни погода стоит превосходная, оттуда домой и лег спать. Нынче я чувствую себя совершенно хорошо, т. е. еще слышу некоторую слабость... Но, к моему счастию, время прекрасное, а это сильно способствует выздоровлению. Вот видите, я вам все написал и истинно не прибавил и не убавил ничего; Унковские прислали мне доктора, но я заставил его лечить Матюшку, а сам отказался ото всякого лечения. Обращаюсь к порядку событий. Во вторник, как только что написал я письмо к вам, явился Щепкин, просидел у меня час; мне даже было совестно, что я у него был всего раз, на другой день приезда, и то не видал его, потому что он спал. Хвалил он очень Константина, просил передать вам его поклон и т. п., а Константину, чтоб он непременно работал над тем, что хотел, должно быть, над драмой [1], сказал, что будет с 2-х часов у Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩, а Белинский приедет туда обедать, а оттуда он проедет в театр — играть в «Женитьбе», а из театра — в Воронеж.— Я бы мог поехать обедать к Смирновым, но не поехал, отчасти потому, что я не получил приглашения (это, впрочем, вследствие того, что я объявил, что мне гораздо приятнее бывать у них вечером, чем обедать: обедают они в 5 часов, следовательно, целый день потерян, а я дома обедаю в два, а у Унковских в три); отчасти же потому, что хотел этим господам предоставить полную свободу, ибо видел, что они, особенно же Щепкин, связаны в моем присутствии и тем, что я их знаю, как говорится, достоконально (довольно странное слово: в первый раз в жизни

его употребляю, происходит, верно, от «доконать»), и тем, что я человек известной партии, и тем, что я вовсе не пью и не горячусь, а слушаю их молча. Вечером отправился я в театр; Щепкин был не очень хорош, хотя и очень понравился и публике, и Ал⟨ександре⟩ Осиповне; даже Белинский, увидавши меня, сказал мне на ухо: «Ай, ай, как он нынче плоховат, верно, вследствие хлопотливого дня!» После спектакля, тут же в театре и Смирновы, и я простились с Щепкиным, а я отправился к ним пить чай и просидел довольно долго.— В четверг Смирнов уехал в Петербург по делам службы, и Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ его провожала. Теперь отвечаю на ваше письмо.— Вы, кажется, ужасно оскорблены [2] тем, что Смирнова «допустила их наравне со мною в свое общество, удостоила Белинского разговора» и т. п. Мне странны эти слова. Во 1-х, она властна допускать в свое общество кого ей угодно и когда ей это хочется; с какой стати, по какому праву могу я претендовать на это; сохрани меня бог налагать какие-либо притязания и требования. Мне не нравится их общество, я ухожу. Деспотизм в отношениях дружбы и знакомства, который играет такую важную роль у Константина [3], противен моей натуре. Я не люблю стеснять ничьей свободы, так как не люблю, чтоб стесняли и мою. Вы знаете, что я потому не допускаю ни ревности (которая, впрочем, есть не что иное, как блестящий вид зависти), ни любви, которая стесняет и связывает как личную свободу любящего, так и чужую, к кому она относится; разумеется, я не говорю о любви — историческом чувстве. Это вовсе не эгоизм, и я свободнее зато могу сочувствовать всему истинно и вечно-прекрасному и всякому движению добра. Но я отдалился от своего предмета. Во 2-х, почему не удостоить Белинского разговором, его, человека умного и талантливого, когда она сплошь да рядом удостоивает разговора графов Шуваловых, Апраксиных, Соллогуба, Нелидова [4], очень многих из них любит; а Белинский, согласитесь, стоит выше их; по крайней мере, вся жизнь, вся деятельность этого человека прошла не в пошлых интересах; если он подлец, так делал подлости или для достижения цели, в пользе которой он был убежден, или из неистовства... Убеждения свои менял он часто, но всегда действовал по увлечению и убеждению. Я не люблю Белинского, и он мне гадок, но надо быть беспристрастным. К тому же Белинский, по крайней мере, при мне не сказал ни одного дерзкого слова, ни одного неприличного выражения, ни одной цинической выходки или шутки, а Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ наоборот. К тому же эта свобода, которою пользуешься в разговоре с Смирновой, которая, по-видимому, дает всякому так много прав, если не для всех, так для большей части есть не что иное как: «Привязан на полной свободе». Да разве можно что-либо предписывать Ал⟨ександре⟩ Осиповне. Когда я говорил ей, зачем она болтает всякий неприличный вздор при калужанах, при священнике, что об ней вот что и вот что говорят здесь, то она отвечала, что не захочет ни для кого на свете стеснять свою свободу, что она так привыкла, что если ей остерегаться и останавливаться на каждом шагу, так и жить в тягость и т. п. Уж такой характер! Она вот как понимает свободу, а я не в этом ее вижу, я хлопочу о внутренней, нравственной свободе и нахожу, что в сосредоточенности гораздо свобод-

нее. Этот разговор был вечером, именно в тот вечер, когда должны были в 1-ый раз прийти к ней Щепкин и Белинский. Приходят они, и она сейчас, видя Белинского впервой (с Щепкиным она видалась несколько раз в Москве), начинает разговор тем, что вот Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩ очень смущается тем, что́ про меня ходит здесь в Калуге и советует мне быть несколько осторожнее в действиях и словах, но я уж так прожила целый век, и вот какие истории про меня рассказывались... И начинает рассказывать разные скандалезные вещи, которые распускались на ее счет! Наконец, упомянув о водевиле, начала рассказывать, как *приказано* было от нее всем хлопать у нее в ложе, Скалону, Рябинке и другим [5]. Этого вовсе не следует рассказывать, потому что это подрывает несколько успех и важность этого явления. Впрочем, я уже махнул рукой, беру ее, какова она есть (не русское выражение), понимаю ее вполне и потому не оскорбляюсь уже никакими ее выражениями, и сам не стесняюсь, и ее свободу не стесняю; к тому же она больна, замечания ее огорчают, и ее надо щадить, ей надо рассеяние, пустяки, анекдоты. Потом я сказал ей свое мнение о Белинском и о Щепкине (тенденцию сего последнего я давно знаю, но он при мне об этом ни слова); она сказала мне, что объявила Белинскому, что вполне разделяет убеждения Конст⟨антина⟩ Сергеевича. Ей очень весело, очень приятно принадлежать к какой-то партии; тут, впрочем, слышится какое-то женское удовольствие; впрочем, она рада была приютиться под сень сильных убеждений.— Узнав, что Белинский женат, имеет ребенка и что он атеист, она почувствовала к нему сильное сострадание; в самом деле, он жалок да еще болен. Что касается до дела [6], милый отесинька, то мое мнение не подавать просьбы на высочайшее имя. Впрочем, подайте просьбу в Сенат о выдаче Вам копии с приговора, только с Вас взыщут за гербовую бумагу. Советую Вам попробовать Taillé [7] и Олиньке также! Я надеюсь, что Константин, заболевший со мной в одно время, последует моему примеру и выздоровеет так же скоро. Вы, пожалуйста, забудьте об участии декокта в моем нездоровье, вспомните, что прошло $1^{1}/_{2}$ месяца, как я его не пью. Мне *надо* непременно бы написать к Константину письмо, да, признаюсь, настрочивши такое длинное к вам, устал, к тому же и времени до закрытия почтамтского заседания остается всего 20 минут, и потому откладываю до вторника. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, дай бог, чтоб и вам, и сестрам, и Константину было лучше. Только зачем Вы беситесь, милый отесинька! Я уже перестаю беситься, а Вам это вредно. Целую ваши ручки, обнимаю всех. До вторника. Нынче намерен вечер провести у Ал⟨ександры⟩ Ос⟨иповны⟩.

Ваш *Ив. Аксаков.*

102

4-го июня 1846 г<ода>. Калуга. Вторник [1].

Какая чудесная стоит погода, милый отесинька и милая маменька, по крайней мере, здесь, особенно вечера и лунные ночи. Жаль, что я после лихорадки не могу еще позволить себе ночных прогулок и вполне пре-

даться лету.— Унковский С⟨емен⟩ Як⟨овлевич⟩ вместе с сыном Федором едет на три недели в свою тамбовскую деревню и берет мой тарантас. Сам я постараюсь у вас быть в июле м⟨еся⟩це, хотя мой председатель сам куда-то хочет в половине июля. Ведь вот беда: секретарь у нас болен, а Карпов взял себе июнь (а в июле-то, может быть, его уж сделают советником губ⟨ернского⟩ правления); кроме же этих людей и меня, никто, никто решительно ничего не смыслит в новом «Своде»: кого следует розгами, они кнутом, кого должно оставить на месте жительства, они в Сибирь. Да и прокурор-то здешний еще мало понимает! В субботу вечером был я у Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩. Сначала не застал ее дома, но она приказала сказать человеку, чтоб я ее подождал; я и подождал и просидел у ней до половины 12-го. Какой чудный вид из ее окон: Ока и гористый противоположный берег, перерезанный и большими, и проселочными дорогами, с деревнями, церквами и садами, и все это при лунном освещении! Она просила меня убедить вас лечить Веру водою, холодною водою, так, как она лечилась, с простынями и с дýшой [2]. Также просила меня передать Вам, чтоб Вы, милая маменька, не принимали к себе княжны Цициановой [3] или, по крайней мере, приняли бы не очень ласково, потому что эта княжна, воспитанная монахами, с расстроенными нервами, может принести вред, особенно Олиньке, которая больна и которая и без того настроена в этом духе; княжна Цицианова видит спасение только в монастыре и под монашеской одеждой... Знаете, все в таком духе, так оно и лучше от нее подальше, женщина-то она страстная. Меня и Константина называет она просто уродами нравственными и поэтому очень сокрушается об Вас, милая маменька, так же, как и m-me Глинка. В воскресенье Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ сделала пикник для Калуги за городом, было человек 50, кормили их мороженым, конфетами и т. п. Я не поехал, потому что это был мой лихорадочный день, и хоть лихорадки настоящей я не чувствовал, но гулять поздно вечером в роще, есть мороженое не решился.— Вчера вечером был у нее, но не застал дома. Вообще заставать ее теперь очень трудно; она целый день, даже ночью гуляет и в таком восхищении от местоположения Калуги и ее окрестностей, что говорит, что если бы еще сюда трех или четырех людей, кого она любит, так она готова была бы остаться в Калуге. В самом деле, Константину следует нынешним летом непременно приехать, пожалуй, хоть с Пановым, в Калугу.

Но прощайте, милый отесинька и милая маменька, я нынче мало написал вам и не хорошо, да, право, не об чем писать, да и спешу в палату. Прощайте, будьте здоровы и бодры, целую ваши ручки. Обнимаю Константина, Веру, Олю, Надю, о которой не имею никаких сведений, и прочих сестер. Посоветуйте Олиньке полечиться у Taillé и оставить восхищающегося ею Овера.

Ваш *Ив. Аксаков.*

103

1846 г<ода> 8-го июня, Калуга. Суббота.

На нынешней неделе получил я от вас три письма, милый мой отесинька и милая маменька, но все больше от Вас, милый отесинька. Очень, очень благодарю Вас и удивляюсь, как при Вашей суматочной жизни успеваете Вы писать ко мне. Первое письмо принес мне во вторник Арнольди, второе привезла только вчера Анна Тим⟨офеевна⟩, третие вчера же получено с почтой. Вести не совсем отрадные. Напрасно Олинька бросает гомеопатию; что ей немножко хуже — это знак, что гомеопатия действует: при аллопатии бывало хуже! По крайней мере, Вы, милый отесинька, будьте в вере тверды: уж одно это — какая выгода, что Вы можете ходить и гулять без завязок и примачивать холодной водой. Что же касается до Константина, то, откровенно говоря, я рад его болезни: это ему здорово. Его натуре давно следовало раздражиться болезнью, как часто воздуху нужна бывает гроза. И 28 пиявок преполезная вещь, тем более что, по моему мнению, ему давно должно было пустить кровь. После этой болезни, вероятно, оставит его в покое та здоровая болезнь, которая его мучила всю зиму.— Ведь и я в воскресенье прошедшее опять захворал было; тогда доктор потребовал, чтоб я лечился и сидел несколько дней безвыходно дома; это не была простая лихорадка, потому что пульс во все дни был одинаково дурен; к этому присоединился, с позволения вашего, запор, и потому доктор, убедясь, что это не что иное, как febris gastrica (желудочная лихорадка), первые дни давал мне все микстуры с александрийским листом и чуть ли не с ревенем, что мне принесло большую пользу, и уже в последний день, когда у ме ня все почти прошло, дал мне несколько хининных порошков, так что я с воскресенья до самого вечера четверга сидел дома. Но теперь я *совершенно* здоров и никакого следа болезни не чувствую. В эти дни меня очень часто навещали Унковские, Арнольди и другие некоторые мои знакомые; даже Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ раз, проезжая мимо, заехала ко мне на двор и переговаривалась со мною из окна. Арнольди приехал только в понедельник вечером: они почти трое суток ехали, останавливаясь и жуируя, где хотели. Он преуморительный, в полном восторге от Москвы и Константина, рассказывал, как последний назвал его жидом и цыганом, смеется и хохочет беспрестанно. Осип Осип⟨ович⟩ Россет [1] тоже очень добрый малый — и больше ничего. Вчера Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ переехала наконец на свою дачу, в загородный сад. Это почти так же от меня близко, как и губернаторский дом. Помещение довольно большое и удобное; с одной стороны балкон выходит на луг, позади которого прекрасный лес; слева Ока, справа виднеется другая речка, монастырь и сады; вид чудесный, тем более что с этой стороны всегда заходит солнце. С другой стороны огромный сад с темными, тенистыми аллеями, вроде дворцового сада в Москве. Я был у нее вчера вечером, и по праву дачи, а отчасти и потому, что комната, в которой сидят, преогромная и двери на балкон часто отворяются, курил, наконец, сигары настоящие. Сидели и братья ее. Разговор был интересный, но пустой. Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овиа⟩ получила письмо

от Самарина, который пишет, что Гоголь в Париже. Вчера же поутру приехала А⟨нна⟩ Тим⟨офеевна⟩ [2], которая привезла мне также письмецо от вас. Она доехала хорошо, бранит ужасно дорогу (хотя почта вчера пришла раньше обыкновенного), зовет к себе; я намерен это сделать, т. е. приехать к ней, в случае благоприятной погоды, в пятницу, а оттуда проехать посмотреть знаменитую Оптину пустынь [3]. Какая досада: вчера меня не было дома, а без меня приезжал Николай Елагин. Он был в Москве и был в Калуге проездом. Наконец достал себе после многих трудов «Отеч⟨ественные⟩ записки» за май м⟨еся⟩ц. Прочел повесть Даля «Былое в небывалом». Очень недурна, по крайней мере, интересна [4], в ней какой-то особенный, тихий тон. Хорошо описание малороссийской хаты... Хотелось бы мне побывать в Малороссии [5]. Что, «Сын тайны» так же ли хорош, милый отесинька, как незабвенная «Графиня Монсоро»? [6] Впрочем, я думаю, Вам и читать ее некогда. Теперь должны быть получены в Москве «Отеч⟨ественные⟩ записки» за июнь. Будет ли в них что-нибудь о сборнике? [7] Правда, что с выбытием Белинского они потеряли почти всякий интерес. Вы, пожалуйста, сообщайте мне все малейшие подробности, касающиеся сборника. Ал⟨ександре⟩ Осип⟨овне⟩ еще не успел ничего сказать про ее обещание дать статью [8]. Арнольди что-то изготовил, сейчас, по написании письма, отправляюсь к нему для слушания. А вы-таки забыли попросить его купить для меня сигарочницу!— Город пустеет мало-помалу, все разъезжаются. Унковский Сем⟨ен⟩ Яковл⟨евич⟩ с Федором отправились в Тамбов, в моем тарантасе. Я велел Ефиму изготовить им на дорогу ту необыкновенно вкусную вещь, которую он по приказанию Вашему, милая маменька, изготовил мне на дорогу: род pâté froid *, только без теста. Семейство их все уезжает в деревню завтра. Кстати, об Унковских. Довольно странным может показаться, что я так часто бываю у них, когда эти люди меня вовсе удовлетворить не могут. Но очень люблю это семейство, и мне всегда там как-то хорошо; входя к ним в дом, я совершенно забываю все вопросы и интересы, меня волнующие, и отдыхаю у них от всякой внутренней работы. Это потому, что дом их дышит миром и счастием. В самом деле (в добрый час будь сказано), я не видал семейства счастливее: никаких потерь, никаких неудач, никаких неумеренных желаний, никаких стремлений, у сыновей и дочерей никаких претензий, никакого самолюбия или честолюбия... Все ограничено (самые умы), все довольно, все любит друг друга донельзя, все ровно... Каждый день проходит, как другой. Всех несноснее сам старик, потому что имеет о себе и своем семействе необыкновенное мнение, а на него смотрят, как на божество... Но понятия, но взгляды, но мысли, но воспитание, но познания — все это самое узкое и ограниченное. Интересы сосредоточиваются или друг на друге, или на калужских событиях, редко на музыке, хотя фортепьяно звенит целый день, почти никогда на книге. Умнее их всех и добрее, если это только возможно в этом семействе, Федор Унковский: участие, принятое им в моем нездоровье, было самое живое. Дочери никогда ни о чем пол-

* Паштета (*фр.*).

минуты не задумываются, но всегда довольны, веселы, всегда смеются, не знают ни грусти, ни мечтательности (что — большая редкость в провинции), живут au jour le jour *, пляшут с восторгом, хотя уверяют, впрочем, что не любят танцев; кажется, знание музыки и умение петь должны были бы внести серьезный элемент в их душу... Ничуть не бывало; они поют Шуберта, играют Бетховена, и все это безо всяких последствий... По вечерам работают у себя в комнате при сальной свече, безо всяких церемоний. Всякое распоряжение отца кажется им заповедью такою, что они и помыслить и пожелать другого не могут, даже понять не в состоянии. Но все это дышит такой простотой, такой добротой, таким тихим довольством и счастием, что поневоле отдыхает душа, ничем не возмущаемая... И я с удовольствием разговариваю с Варварой Михайловной о ее хозяйстве, пеньке, тальках и т. п. Так как меня там очень любят, знают все привычки, то мне совершенно свободно, и потому-то бываю я у них так часто, а в других домах, где так мало простоты, столько претензий, самых грубых, и самых смешных притязаний на ум и образованность, редко. Я имею право читать почти все письма, получаемые в доме, особенно дочерьми, от их подруг и приятельниц, и это мне очень интересно: я стараюсь вникнуть в устройство простых женских душ, не тех многосложных, высоких натур, а самых обыкновенных, но при молодости их всегда интересных. Потому что в молодости всякий человек хоть сколько-нибудь имеет в себе те непошлые и искренние движения, те невольные впечатления, которые большею частию потом пропадают; в молодости всякий человек — еще не дюжинный человек. Дюжинным он сделается непременно, если только (но это немногим дано) не будет постоянно воспитывать себя и трудиться душевно. А так как живое общество скучно, то я люблю читать чужие письма и в этом отношении извлекаю всю возможную пользу из Унковских.—

Однако прощайте, милая моя маменька и милый отесинька. Пожалуйста, чтоб вам не было хуже, лечитесь гомеопатией. Будьте бодры и здоровы, по возможности; цалую ваши ручки. Обнимаю Константина, желаю ему прочного и скорого выздоровления. Цалую всех сестер и благодарю Веру за письмецо. Прощайте. Я к вам приеду на июль месяц. Только крепко не хотелось бы мне приехать на лечение, т. е. на питье сальсапарили.

Ваш *Ив. Аксаков.*

104

11-го июня 1846 г⟨ода⟩. Вторник. Калуга.

На нынешней неделе я до сих пор беспрестанно на воздухе, милый отесинька и милая маменька, и пользуюсь летом, хотя и плохим, сколько возможно. В субботу вечером отправился я к Ал⟨ександре⟩ Осип⟨овне⟩. Передал ей просьбу Панова о статье [1]. Она отвечала, что ничего не напи-

---

* День за днем (*фр.*).

сала, что не напишет, потому что не умеет или напишет с ошибками, что ничего не будет интересно и пр. и тому подобные неискренние вещи, которые человек говорит для contenance *, а она особенно, потому что ей как-то ново, странно и дико вступать в звание литераторши.— Слово за слово, наконец я упросил ее написать статью о Грамаклее, ее бабушке [2] и т. п. вещах, о которых она так часто мне рассказывала, и узнал, что начало ее «Записок» (писанных будто бы для детей) с 5-летнего возраста уже готово. Разумеется, я просил прочесть, написано немного, но очень хорошо, так же хорошо, как ее письма и изустные рассказы. Все эти воспоминания такого раннего детского возраста восстают не связно, как тени, как-то отрывчато, без начала и конца, без последствий,— и все это так живо... Она дала обещание, прямое, при братьях, докончить эту главу, довести воспоминания до поступления в институт и отдать ее в сборник. Надо, чтоб Панов написал бы мне по этому поводу письмо [3], в котором бы изъяснил свой восторг и вновь просил бы неотступно ходатайствовать у нее о статье. Письмо это я покажу ей, потому что, увы! похвалы совершенно нового рода, от славян, ей очень лестны и приятны, и она несколько раз сама подымала этот разговор, то говоря, что славяне будут смеяться, что мы ей льстим, что я говорю неправду, что она нехорошо выражается по-русски. За всем этим следовали с моей стороны уверения в противном, комплименты и т. п. Я ссылался на Вас, милый отесинька, говорил, что Вы очень любите ее письма и в последнем ее письме к Вам хвалите очень выражение про даль и старину [4]. Она спросила, не сообщаете ли Вы при этом случае того, что она писала обо мне [5]... Я, разумеется, сказал, что нет, и еще спрашивал, что это могло бы быть, но она не сказала. Итак, сообщите Панову, что к августу месяцу у него могут быть две статьи Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩, которые, конечно, будут лучше всего, что может быть помещено в альманахе... В воскресенье обедал я у Унковских, которые после обеда уехали в свою деревню совсем, на лето. В тот же вечер, в 6 часов, отправился я с братьями Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩ в четвероместных дрожках, а она с детьми в коляске, верст за 12, в имение Полторацких Овчурино. Имение чудесное, местоположение восхитительное. Она пошла в дом, к хозяйкам, а мы, погулявши в саду, уехали домой. А вчера, т. е. в понедельник, часу в 11-м утра отправились Смирнова, оба ее брата и я в карете за 30 верст с лишком в Бегичево, имение их. Там ходили, обедали и воротились домой часов в 11. Имение в 800 душ, очень хорошее, но особенно замечательного ничего нет. Также ничего особенного не было и в отношении разговоров. Знаю только, что говорились такие вещи, от которых бы Константин выскочил из кареты, но совсем не в политическом смысле...

Прощайте. Я вчера прогулял палату, но нынче хочу туда отправиться пораньше. Целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Обнимаю Константина и всех сестер. Надеюсь, что Костя здоров. Кланяйтесь Панову.

Ваш *Ив. Аксаков.*

---

* Для приличия (*фр.*).

105

15-го июня 1846 г<ода>. Калуга. Суббота.

Итак, вы переменили квартиру, милая маменька и милый отесинька; где же этот Пимен и его переулок? Я не знаю. Вы не пишете также: надолго ли наняли вы этот дом, с какою целию, с какими дальнейшими видами? 15-ое июня. Каково лето! Надо иметь необыкновенное смирение, чтоб не лопнуть с досады! До сих пор ни одного, не говорю уже жаркого, но даже настоящего теплого ⟨дня⟩; если так продолжится, так не пожалеешь и о деревне; и осталось много ли времени: всего полтора месяца: август я не считаю, в России это месяц осенний. Дороги так испортились от дождей, что экстра-почта не приходила еще вчера, часу в 11-м; послал на почту теперь: авось принесут письмо. Сейчас принесли письмо ваше, стану на него отвечать. Кажется, теперь все ваши сомнения насчет моего здоровья должны пройти; я уже писал вам о поездке в Бегичево, где ел творог, сливки, молоко,— словом, самые лихорадочные вещи, и никаких последствий. Впрочем, доктор по городу распустил слухи, что у меня была не лихорадка, а так, маленькая горячка. Но теперь решительно ничего нет, и я даже забыл про нее. Похудел было в эти семь дней, но уже давно вознаградил это с избытком. Матюшка вылечен хининой и диетой, подвергался испытанию на дожде и ветре; прочно, не возобновилась лихорадка. О порошках Овера не написал ничего потому, что не употреблял их, а о выписке из письма Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩ — не знаю почему. Все, что она пишет о Вашей статье — прекрасно, что обо мне — преглупо [1]. У ней есть конек: опытность, знание людей, учительский тон; я ей это объявил вчера. Она меня вовсе не знает, да я об этом не хлопочу; для меня она постоянно очень интересный субъект, но совершенно мне чуждый. Много есть вещей, которых я не хочу писать в письме. Я бы желал, чтоб вы ее видали так же часто, как я, следовательно, во все ее минуты. Она хороша, когда вы с ней разговариваете одни и серьезно, но делается подчас очень неприятною, когда к ней подсядет какой-нибудь товарищ петербургской жизни, и она становится в прежние калоши. Да к тому же она, хоть и смеется над славянскою pruderie *, но не скажет в Москве и тысячной доли того, что говорит здесь, особенно подкрепляемая братом своим Осипом. Ну, да об этом после. Дело в том, что вчера, при Арнольди (Осипа Осип⟨овича⟩ не было дома) я с ней так разбранился (только не за это), как только можно разбраниться с одной Ал⟨ександрой⟩ Осиповной. Началось за Нелидова, ее приятеля и друга, брата известной фрейлины [2], служащего в Петербурге и, разумеется, пользующегося выгодами своего положения. Я сказал, что он подлец, что на его месте всякий порядочный человек поступил бы иначе; она взбесилась ужасно, стала кричать изо всех сил, потому что Нелидова также ее приятельница, хотя она и не отвергает того, что та делает, что не надо против сердиться, что, напротив, это очень полезно для других, что если даже родная сестра и делала бы все эти вещи, то не по-христиански было бы делать ей упреки и оставлять

* Чрезмерной стыдливостью (*фр.*).

ее и т. п. софизмы. Слово за слово, дело дошло до того, что она на каждом шагу кричала: «Вы, мил⟨остивый⟩ госуд⟨арь⟩, то-то и то-то», а я ей говорил про воспитание ее детей, что дети для нее только потеха и пр. В самом деле, все, что касается до воспитания, до внушения мыслей и понятий, до наказания, до учения,— все это предоставлено англичанке [3], а она и знать ничего не хочет, дети на полчаса придут поиграть перед нею, она похохочет, и как скоро они надоели, то говорит: «Убирайтесь вон». Я вам не пишу всего разговора; я ужасно взбесился и уже не сидел, а она беспрестанно вскакивала, досталось тут от нее и Москве, и всем. Про Вас она говорит, впрочем, что вот Вы, милый отесинька, примирились с порядком вещей [4] и не возмущаетесь ничьими подлостями, потому что света переменить нельзя! Софизмы на каждом шагу, христианство постоянно за бока; я сказал, впрочем, что ее примирение, терпимость и снисхождение — вовсе не следствие христианской любви, а следствие привычек и долговременного пребывания в Петербурге. Наконец я уехал и теперь нескоро поеду опять, пропущу несколько вечеров. Я так был сердит, что, воротившись в час, не мог заснуть до 5-го часа, встал в 8 и сел писать к вам. Если б вчера не было поздно и я не надеялся скоро заснуть, то уж, верно бы, написал стихи с громом и треском. Кстати, о стихах... Нет, лучше обратиться сначала к порядку событий. Во вторник был пикник вечером, в Олопкином саду. Хоть я и заплатил свои 25 рублей, но не поехал, потому что на дворе было всего 5 градусов, да и охоты не было; бог с ними совсем, мне не веселится. Давно уж я не хохотал, а теперь вовсе разучился смеяться от души! Я остался вечером дома и написал стихи «Русскому поэту» [5]. На другой день утром написал еще стихи. Вечером был у Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩, братьев ее не было дома; я говорил довольно серьезно о том, что меня занимало в эту минуту, т. е. о мыслях, внушивших мне эти два стихотворения... Но видел, что серьезные разговоры ей в тягость, а она охотница до пустяков [6], поэтому я решился на другой день не ехать, если братьев ее опять нет дома. На другой день, т. е. 13-го июня написал я еще стихи «*Дождь*», которые, впрочем, не докончил, но докончу на днях. Вечером пришел ко мне Арнольди; мы с ним просидели вдвоем и поговорили довольно приятно. Вчера, т. е. 14-го июня, двинулась вперед моя «Мария Египетская». Я на днях окончу главу, а вчера, кроме начала главы, написал еще песнь, которую поет спутникам на корабле Мария Египетская. Может быть, песнь эта вам не понравится, но надо вспомнить, что это принадлежит к первой половине жизни Марии Егип⟨етской⟩ и что такое была она в это время. Надеюсь окончить скоро всю главу. Впрочем, как стихами не доволен я ни одним стихотворением. Точно будто разучился писать, разве впоследствии отделаю форму. Хотя все это отвлекает меня от главного моего предмета, повести в стихах [7], но я не отлагаю этого намерения и уже прикоснулся к исполнению. Да, моя внутренняя гармония опять расстроилась, и я чувствую, что должен еще написать гремучие стихи против А⟨лександры⟩ О⟨сиповны⟩ и примирения. 32 черта! Унковские в деревне. Отсутствие претензий мешает мне возмущаться их жалкими похвалами Бетховену и другим. Я обещал было тетеньке приехать к ней в пятницу, но погода и гроза помешали вчера; к

тому же я хотел дождаться от вас писем. Мне придется ехать в тележке, на своих, а ветер свирепеющий будет дуть прямо в лицо. Хочу написать письмо и объяснить это, отложить поездку до будущей недели. К тому же я устал, мало спал и не в духе.—

Прощайте, милый отесинька и милая маменька; дай бог, чтоб ваше здоровье крепилось. Что это милая Вера все больна, что же ваши знаменитые порошки? Целую ваши ручки. Будьте здоровы. Обнимаю всех сестер и Константина. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь. Очень, очень благодарен я Вам, милый отесинька, за Ваши длинные письма. Прощайте. Если успею, перепишу вам одно или два стихотворения, остальные оставлю до вторника.

Ваш и проч. *Ив. Аксаков.*

106

1846 г<ода> июня 18. Калуга. Вторник.

Не успел оглянуться, как опять вторник и опять почтовый день· это время прошло так скоро, что я не успел даже произвести никакой перемены в своих стихах; впрочем, по обыкновению, обращаюсь к порядку событий. В субботу, отправивши письма к вам, милый мой отесинька и милая маменька, и к Анне Тим⟨офеевне⟩ с извещением, что я уже не буду, я должен был остаться дома, потому что шел дождик. Стихов новых никаких не написал, набросал было несколько строф, да и оставил их так, без отделки и продолжения. Между прочим, там есть стихи [1]:

Пошли свою мне помощь божью,
Мой дух упадший воскреси,
С житейской мудростью и ложью
От примирения спаси!

Или:

А Вы!.. Вам в душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратом тешиться могло!

Потом пришел ко мне инженер Бокар и обедал у меня. Дождик шел до 5-го часа, и когда он перестал и небо прояснилось, я отправился к Унковским в деревню. Я вам скажу по секрету, что я уже с месяц тому назад купил по случаю чудеснейшую купеческую тележку, на железных осях, легкую, как перышко: в моей коляске слишком тяжело ездить за город, а в этой тележке можно было бы ездить и на одной лошади, но я велел приделать крюк для пристяжки, и Матюшка едва может сдержать лошадей. Впрочем, я ею сам еще не столько пользовался, сколько другие, мои знакомые. Заплатил за нее 90 рублей асс⟨игнациями⟩. Эта тележка всегда пригодится и вам, особенно для поездок из Москвы в Абрамцево. Она очень покойна. Разумеется, мне очень были рады, и я ночевал у них и воротился

в воскресенье домой часу в 11-м вечера. Как нарочно, с этого дня, кажется, вознамерилась установиться погода, и вечер в воскресенье был очаровательный. Я ходил ужасно много, право, думаю, сделал верст с 10 и, посидев над рекой несколько времени, вдруг почувствовал желание купаться и выкупался. Купание прекрасное, но так как днем было довольно ветрено, то при быстром течении Угры едва можно было устоять на ногах; вода довольно свежа. Пробовал удить, но ничего не поймал, да и трудно на большой реке, без тени, не в заливе, при волнах. Впрочем, Матюшка удил и поймал крошечных окуньков, плотиц и т. п. Сем⟨ен⟩ Як⟨овлевич⟩ Унковский с сыном (Федором) до сих пор не возвращались из Тамбова; они поехали в моем тарантасе и не могут нахвалиться им. Вчера целый день пробыл я дома, ходил только прогуляться на бульвар и на берег Оки; разумеется, я был в палате, где работаю необыкновенно прилежно, впрочем, и нельзя иначе: секретарь болен, Карпов уехал, прочие все члены только переписывают, больше ничего, и к делам не прикасаются даже издали; Яковлев и подавно, даже редко ездит, и я один, как перст, даже посоветоваться не с кем.— Нынче у Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩ праздник, день рожденья какой-то дочери [2], и она им делает следующий подарок: велела выстроить для них в саду избу, немножко меньше настоящей, хорошенькую, как игрушечка, при ней хлев, курятник с настоящей коровой и курами и разными подобными затеями. Дети с своей неразлучной англичанкой будут там играть и забавляться, болтая только по-французски, немецки и английски.— У ней уж это намерение было давно; она воображает, что все славяне придут от этого в умиление; я, впрочем, ее разуверил, сказавши, что у ней с ее детьми это выходит не только забава, но просто комедия. Я не люблю, когда из этого делается потеха. Так как я на праздник идти не хочу, и там, вероятно, будет вся Калуга, то я воспользуюсь прекрасным днем и отправлюсь куда-нибудь за город для того, чтоб приглашение, если оно будет, не застало меня дома. В субботу, после моего отъезда, приходили, говорят, ко мне Россет и Арнольди, первый отдал визит... Завтра вечером, может быть, отправлюсь к Ал⟨ександре⟩ Осип⟨овне⟩, хотя уже безо всякой приятности, а так, из приличия. Ну-с, вот вам стихи: они не имеют никакого особенного достоинства... Кстати, отвечайте мне немедленно: можно ли сказать «*спозаранки*» и «*на пли́те*» или непременно «*на плите́*». Напр⟨имер⟩, в стихе: «*У ручья сидя́ на пли́те*»; «*Дождь*» пришлю вам в субботу, надо будет его докончить, а главу новую «Мар⟨ии⟩ Егип⟨етской⟩» привезу с собой. Целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь. Я совершенно здоров. Прощайте, до субботы.

Ваш *Ив. Аксаков.*

«*Vivace*» *

Мы все страдаем и тоскуем,
С́ утра до вечера толкуем,
И ждем счастливейшей поры;
Мы негодуем суетливо,

* Очень быстро (*ит.*).

Соболезнуем хлопотливо,
шь
Куда ни взглянем — все добры!

Обман и ложь! Не пыл желанья,
Не жгучий пламень состраданья,
Не жажда скорого конца,
Не беспокойные заботы,
Не бескорыстные работы
Волнуют праздные сердца!

В наш век, век умственных занятий,
Мы утончились до понятий
Движений искренних души, —
И сбились с толку, и блуждаем,
Порывов внутренних не знаем,
Не слышим голоса в тиши!

В замену собственных движений,
Спешим, набравшись убеждений,
Души наполнить пустоту;
Твердим, кричим и лжем отважно
И горячимся очень важно
Мы за приемную мечту!

И, предовольные собою,
Гремучей тешимся борьбою,
Себя уверив без труда,
Что прямодушно, не бесплодно,
Приносим мысли благородно
Мы в жертву лучшие года!

Но, свыкшись с скорбью ожиданья,
Давно мы сделали страданья
Удобной прихотью для нас;
Без них тоска, а с ними можно,
Шумливо, весело, тревожно,
Прожить нередкий день и час!

Тоска! Исполненный томленья, Piano *
Мир жаждет, жаждет обновленья,
Его не тешит жизни пир;
Дряхлея, мучится и стынет...
Когда ж спасение нахлынет
И ветхий освежится мир?..

1846 г<од>. Июня 12. Калуга.

Видите сами, что стихи очень негладки [3], особенно в последнем куплете, а 3-й куплет, «Мы утончились до понятий»,— вовсе не годится. Я постараюсь его переменить. «Стынет» — нехорошо, кажется.

* Тихо (*ит.*).

107

1846 г<ода>. Калуга, июня 21, пятница.

Сейчас получил ваше письмо, милый мой отесинька и милая моя маменька, оно меня очень оживило. Письмо это от четверга, 20-го июня. На нынешней неделе в середу или во вторник я получил также письмо от вас, отправленное в понедельник. Вы отгадали: я совершенно расклеился: руки дрожат от малейшего волнения, и надо много усилий, чтоб писать некриво. Черт знает, что делается со мной, и как мне хочется к вам, отдохнуть и телом и душой; я так утомлен нравственно. Отложу лучше письмо до утра; утром обыкновенно я спокойнее. В будущую субботу я выезжаю [1]. Благодарю вас за письма, это моя единственная отрада. Нынче поутру чувствую себя бодрее и свежее, хотя все не совсем здоровым, и знаете, чему я обязан? Вчера Смирнова взяла с меня обещание, что, воротясь домой, я непременно прибегну к холодной воде, т. е. поставлю ноги в холодную воду и оботрусь мокрой холодной простыней. Хоть мне этого и не хотелось, но я подумал, что смешно мужчине трусить того, что делают женщины, и, несмотря на озноб, перед тем, как ложиться спать, выполнил это. Я чуть не закричал сначала, а потом сделался вдруг веселее, сделался жар, пот, и я довольно хорошо заснул. Вы хотите знать, что такое у меня? Должно быть, скрытая лихорадка. Каждый день (вот уж целая неделя) у меня постоянно озноб, жар и пот, но неправильно, а раз 20 в день и часто в одно время: в груди жар, в спине озноб. Впрочем, жар и пот, которых я дожидаюсь как бог знает чего, чрезвычайно кратковременны; озноб преобладает, потому что возбуждается не только ходьбой, но даже шумом, стуком; ноги будто на струнах, чуть ступит, струна пробежит и продрожит по всему телу; в груди волнение и беспокойство постоянное; стоит мне что-нибудь прочесть, меня интересующее, или поговорить с жаром, я долго, долго не могу заснуть. Нельзя сказать, чтоб озноб был в сильной степени: зубы не колотят, но это какой-то внутренний, тайный, который, кажется, еще неприятнее. Я ни у кого не лечусь, но держу диету и решился, наконец, прибегнуть к порошкам по рецепту Овера, принял два (разумеется, не зараз): никакой пользы, да у меня и невозможно почти найти минуту между жаром и потом. Все это начинается с раннего утра и до вечера; вечером иногда, если удалось уснуть после обеда, выпадали хорошие минуты, в одну из них я переписал вам стихи, которые посылаю [2]. Но каждый день хожу я в палату, где несколько часов сряду пишу, работаю, не вставая с места, и это меня очень утомляет, потому что голова делает страшные напряжения, чтоб не написать какого-нибудь вздора, тем более, что я там совершенно один, мне даже не с кем посоветоваться и все должен брать на свою ответственность, на свою душу. Суббота и воскресенье — два свободные дня, хотелось бы мне отдохнуть, потому что мне хотелось бы или совсем поправиться для отъезда к вам, или, по крайней мере, годиться для дороги в Москву. Но, право, не знаю, как быть с Ан⟨ной⟩ Тим⟨офеевной⟩. Тратить 70 верст (в оба конца) и, воротясь, не успев порядком отдохнуть, опять в палату — тяжело. Все советуют мне не ехать. К тому же я в тележке ехать не могу и не хочу; тарантас мой воро-

тится только во вторник, в коляске — нельзя, пробовал нанимать — стоят 15 рублей только туда. Если не ехать, так просто совестно; что ни пиши, хоть бы умирал, не поверят. Если мне не будет хуже, то думаю поехать и уж этим отделаться. Мне там делать нечего, а между тем ото всякой поездки у меня делается запор, небольшие колики, и ноги дрожать будут еще больше.— Все это я вам пишу потому, что сам скоро буду: едва письмо это вы получите в Москве в середу, то в воскресенье вечером можете меня ждать, потому что я думаю выехать в субботу вечером для того, что в этот день рожденье матери Унковских, я это знаю, много обязан ей за попечение о себе, и если буду совсем здоров, то поеду к ним обедать. Кроме того, вы получите от меня письмо еще от вторника. Следовательно, прошу вас не тревожиться, не беспокоиться и т. п. Если вы проживете июль м⟨еся⟩ц в Москве, то уж я, конечно, Овером пользоваться не буду, а стану лечиться холодной водой. Как потовое средство оно сильнее всех возможных декоктов; пот льется настоящими ручьями, а между тем не ослабляет человека, как декокт, диеты держать не нужно, простуды бояться нечего, а тело и нервы укрепляются необыкновенно, и человек становится бодрее...

Ну-с отвечаю теперь на ваше письмо. Вы хвалите мои стихи, это мне очень приятно, но что ж за стихи, в которых в 10 строках столько нужно перемен. Вот вам поправки[3]: вместо «А круг избранных мал и тесен»,—
внимательных
«*А круг внимающих так тесен*»: тут будут подразумеваться и избранные, и толпа. Вместо «Воспитал *родник*» (хотя мне кажется, это можно сказать в иносказательном смысле?) — «Для них ли носишь ты в душе
прекрасных чистых
своей родник высоких, сладких вдохновений?»

Вместо «Чем жизнь заемная питала», пожалуй, поставьте «Чем жизни ложь тебя питала», хотя первый стих мне нравится больше. Пусть будет «Тебя и хвалит и ласкает». Неужели вы под немым множеством могли подразумевать кого-нибудь другого, а не народ. Зачем бы тогда обращаться к русскому поэту именно? В начале стихотворения сказано «*народу чужд*» и пр. Я именно говорю про безотрадное положение русского поэта. Стихи, которые я послал вам во вторник, не имеют достоинства поэтического, и поэтому я и не поместил их в готовящуюся рукопись.— Теперь об Алекс⟨андре⟩ Осип⟨овне⟩.— Я не был у нее ни в понедельник, ни во вторник; в этот день был у нее фейерверк и детский бал, на котором большие кавалеры танцевали только с маленькими девочками. Праздник был пышный, и все это для дня рожденья 12-летней девочки. Согласитесь, что это нехорошо... Наконец в середу опять пришел ко мне Арнольди, звал к себе и к ней, говорил, что она очень рассердилась, потому что очень любит Нелидова, а Нелидов, чтоб видеть ее, приезжает из Петербурга в Москву и т. п. Я и отправился к ним вечером; Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ встретила меня некоторыми колкостями, на которые я даже не отвечал; сказал ей, что Панов захлебнулся от радостной надежды иметь ее статью; она отвечала, что не даст теперь статьи ни за что на свете, что не хочет иметь с нами ничего общего.— «Да чем же он виноват, к тому же из нас каждый

на свой образец и за мнения другого не отвечает».— «Нет, вы все больше или меньше в некоторых случаях думаете одно и то же». Тут приехал Тимирязев [4], с которым мы раскланялись, но ни слова друг другу; она уехала с ним кататься, а я пошел к Арнольди и посидел у него часов до 10. Это было в середу; вчера, т. е. в пятницу, пришел я к ней опять, совсем больной почти. Она меня встретила тем, что она пишет статью для сборника и прочитала еще, что написала; братьев ее тут не было, и она стала оправдываться тихо, долго и долго. Я сказал ей, что остаюсь при прежних убеждениях, что теперь уже во многом и очень многом не могу сочувствовать ей, но что я на нее более не взбешен и не сержусь; напротив, мне жаль ее, мне тяжело видеть, что она так испорчена. Она сама употребила это выражение и говорила: «Я рано испорчена, давно потеряла чистоту души, в грехах прошла моя молодость. Какое право имела я бранить и даже увещевать Нелидову [5]: ну, а если я, может быть, *грешила еще хуже ее*, что Вы на это скажете? Я вздумала читать проповеди своей сестре, Ольге Арнольди (теперь Оболенской [6])... Она бросила мне в глаза мою прежнюю жизнь, и я замолчала; теперь я старею, жизнью живу другою, но мне нужен покой, милосердие и снисхождение, и мое орудие одно — молитва. Надо и мне быть милосердну по мере своих слабостей». Тут я не мог не заметить ей, что это софизм, что это очень удобная теория, которой нет границ. Не надо быть милосердну к себе.— Она отвечала, что *то, против чего* я возмущаюсь, она, впрочем, не считает важным грехом, что это слабости и что воздержание от них, может быть, совсем не нужно и добродетели особенной нет. После этого сознания я не решаюсь говорить ей упреки и укоры; воззрение мое совсем переменяется. Я не могу не признавать ее достоинств и даже в стихах своих не имел духу укорять падшее существо, но спорить, убеждать и говорить с ней о нравственности и т. п. не буду. Это бесполезно. Но если она в самом деле существо падшее, каково же ей слушать наши упреки?.. Бог с ней, пусть доживает век в мире. Прощайте.

Ваш *Ив. А.*

Вы мне все-таки пишите в четверг, потому что я получаю письма в пятницу.

108

25 июня 1846 г<ода>. Вторник. Калуга.

Славу богу, я теперь почти совсем поправился, милый отесинька и милая маменька. Вчера и нынче погода стоит такая великолепная, что вы, вероятно, *большею частию* уехали в деревню!.. В субботу, написавши к вам письмо, я решился ехать к Анне Тим⟨офеевне⟩, несмотря на дождик и на головную боль. Взял тарантас у Бокара, нанял почтовых лошадей и, несмотря на то, что мне вовсе не хотелось ехать, поехал. Собираясь ехать, я удивлялся сам себе, что решаюсь на такой поступок, даже говорил Ефиму: «Согласись, что ты глуп: видишь, что барин нездоров и хочет ехать, ты, вместо того, чтоб отговаривать его и удерживать дома, еще так поспешно снаряжаешь». Выехал часа в два, ехали проселками: дорога адская,

но места очаровательные. Дождик перестал было совсем, но потом опять пошел сильный, и я приехал к тетеньке часов в 7. Они меня вовсе не ждали, очень обрадовались, приняли ласково и радушно как нельзя больше. У них очень хорошо, но гулять было нельзя, потому что дождь этот шел не переставая во всю ночь. Дорога и сырость не сделали мне никакого вреда. На другой день часа в 3 выехал я от них и поздно уже вечером воротился в Калугу. Нашел у себя записку от Смирновой. Надо вам сказать, что в пятницу, когда происходило это объяснение, о котором я вам писал, я, между прочим, прочел ей наизусть некоторые места стихов, *до нее не относящиеся*, напр⟨имер⟩, «Но я к горячему моленью» [1] и т. д., не говоря ничего о других местах и о том, что стихи эти написаны ей. В записке своей Смирнова просит прислать ей эти стихи. Надо было послать все стихотворение, без пропусков, разумеется, хоть это и неловко, почему я, вместо ответа на записку, вчера поутру и отправил ей это послание при других маленьких стишках, которые напишу вам внизу письма. Не надо было вовсе писать этих стихов, а уж если написаны, то, право, неловко было бы пускать их в ход потихоньку от нее. Это дошло бы до нее со стороны. Потом ушел в палату. Воротясь, опять нашел записку, где она пишет, что это мои лучшие стихи, зовет к себе вечером и просит написать вам всем от нее дружеский поклон, «хоть и не хотите моих сочувствий». Вечером был. Описание спора давно уже было послано ею Самарину; стихи переписываются ею и будут также посланы, как кажется, с огромнейшими толкованиями и бранями на мой счет. Она очень хвалила стихи, перечла их и говорила, что их даже можно напечатать: «К Петербургской Даме», словом, как умная женщина, приняла вид самый равнодушный, спросила, послал ли я эти стихи к вам, я отвечал, что *да*. Кажется, ей это было досадно; она говорила, что, верно, К⟨онстантин⟩ Серг⟨еевич⟩ будет в восторге, «*что мне так досталось*».— «Он найдет, вероятно,— отвечал я,— что в стихах ничего не сказано, что все это как-то бледно...» — «Помилуйте, да чего уж хуже, чего же больше!» — вскрикнула она невольно, и я этим очень доволен, потому что это доказывает, что стихи не остались без впечатления, как она ни прикидывайся. Я оставался недолго и рад, что, по крайней мере, теперь я стану в настоящие отношения. Душа моя давно от нее отвратилась, тем более, что вчера опять говорила она разные вещи, которые несовместны ни с каким раскаянием и горечью души! К тому же, говоря с вами наедине одно, смеется на другой день об этом же предмете при других, не вызываемая никем. Мне все это так надоело, что сейчас становится скучно, тем более, что и вчера почти все молчал, да и вперед, хоть и намерен бывать как можно реже, но не намерен, нет уже никакой охоты говорить.— Вяземский в письме своем к ней, где сначала долго толкует о ее глазках, шейке, плечиках и прочем, чего всего рассказывать вам неловко, пишет, что в Петербурге холодно и ветрено, и он по поводу этого сказал острое словцо, именно: что из прорубленного Петром в Европу окна так несет и дует таким холодом, что его надо поскорее заколотить и наглухо. Прочтите, говорит, это московскому Аксакову.— Два дня сряду на ночь вытираюсь я мокрой холодной простыней, нынче даже поутру. Погода восхитительная. Нынче праздник (царский день [2]). Но я ни в со-

боре, ни в Воксале не буду, хочу уехать куда-нибудь, может быть, поеду к Унковским, у которых не был 10 дней.

Больше писать не буду. Итак, до свидания! Может быть, это письмо придет позже меня! Я теперь благодаря воде совершенно, кажется, здоров. Обнимаю вас всех.

Вот стихи:

В порыве бешеной досады,
В тревожных думах и мечтах,
Я утешительной отрады
Искал в восторженных стихах.
И все, что словом неразумно
Тогда сказалось ввечеру,
Поверпл пылко и безумно
Неосторожному перу!
Веленью Вашему послушен,
Посланье шлю и каюсь в нем,
Хоть знаю, будет Ваш прием
И очень прост и равнодушен!..
Но, право, мне, в мои стихи
Отныне не внесут укоров
Ни ряд обидных разговоров,
Ни Ваши скудные грехи.

109

20 числа июля. Калуга. Суббота. 10 часов утра [1].

Сию минуту приехал, милый мой отесинька, и покуда Ефим выгружает тарантас, сел написать к вам, чтоб сказать вам, что я здоров и, несмотря на дорогу в жаркое время, чувствую себя так же хорошо, как и в первое время пребывания у вас. Намерен сейчас умыться, одеться и ехать к Яковлеву, а потом, может быть, и к губернатору. Вам, вероятно, уже описаны подробности моего отъезда и Оверовых наставлений. Прощайте, до вторника, будьте здоровы, цалую ваши ручки, всех сестер и Константина обнимаю. Пишу и к маменьке.

Ваш *Ив. Акс.*

110

1846 г<ода> июля 23. Вторник. Калуга.

Нынче 23-е июля, ровно 20 дней, как стоит хорошая погода: постоянство, необыкновенное в нашем климате. Что-то Вы теперь поделываете, милая маменька, в Москве, и Вы, милый мой отесинька, в Абрамцеве. Вы уже, вероятно, знаете, что я приехал в Калугу совершенно благополучно и в вожделенном здравии, в каком нахожусь и поныне. Написавши к вам письма, в двух экземплярах, умывшись и одевшись, я отправился сначала к Яковлеву, который пришел в восторг от моей аккуратности, сказал, что ждал меня именно 20-го числа, что сейчас бы воспользовался моим прибы-

тием, чтоб ехать, но задерживают его некоторые дела. Впрочем, он теперь уже не присутствует в палате. Я застал Алекс⟨андра⟩ Иван⟨овича⟩ Яковлева в ту самую минуту, как ему подали на просмотр проект афишки пиес, которые должны были играть на другой день; там сказано, что такая-то девица в антракте будет петь балладу из трагедии «Гамлет». Алекс⟨андр⟩ Ив⟨анович⟩ настаивал, чтоб было помещено — чьего сочинения трагедия «Гамлет». От него я узнал, что Смирнов очень неудачно съездил в Петербург, бранит Петербург ужасно, ни в чем не имел успеха, и ему самому не дали чина; что большая часть здешних чиновников и лиц, любящих Никол⟨ая⟩ Мих⟨айловича⟩, дают ему обед по случаю возвращения его (Калуге только нужны предлоги, она Хитрова провожала тремя обедами) и с сими словами подал мне подписку: делать нечего, я подписался, особенно теперь не подписаться было бы неловко; только ужасно дорого — 30 рублей асс⟨игнациями⟩! Обед этот должен состояться в четверг, и он-то именно и задерживает Яковлева: естественным образом, без всякого предварительного условия возлагается на него обязанность закупать провизию, заказывать кушанья, вина и пр. От него заехал в дом Унковских в надежде застать Федора Унк⟨овского⟩, который, за отсутствием Писарева, так же, как и я, правит должность председателя в своей палате, но уезжает в пятницу, после присутствия, к своим, в деревню. Не застав его, отправился к Смирнову. Его также не было дома, он был в городе, Арнольди также, Россет уехал с вице-губернатором в его деревню, и потому я прошел к Алекс⟨андре⟩ Осиповне. Она больна, похудела и переменилась несколько в лице, говорит, что ей никогда не было так дурно, как в это время, что брат ее, Россет, также болен и тем же, чем и она, расстройством нерв или какою-то нервической лихорадкой... Поговорив о болезни, расспросив о здоровье всего семейства, она перешла, наконец, к тому, к чему давно подбиралась. «Ну что, передали Вы К⟨онстантину⟩ Серг⟨еевичу⟩ наш спор?» — «Передал».— «Ну, что он, в ужаснейшем на меня негодовании?» — «Он разделяет мои мысли».— «Т. е. что не должно примиряться с личностями!» — Э, подумал я, вижу, откуда ветер дует, из Петербурга, от Самарина; стало, она знает всю меру негодования на нее; какое же плутовское расспрашивание!— Я сказал, что о непримирении с личностями никогда не было и помину, но вот и вот, против чего нападал. Потом, опять после незначительного разговора, она вдруг спросила: «Что, стихи вашим нравятся?» — «Нравятся»,— отвечал я и почти вскоре после этого встал, чтоб ехать, просидев у нее немного более получасу. Она еще спросила, видел ли я Свербееву, потом прибавила: «Да, скажите Панову, что мне уже теперь не до сборника, я больна». Это было так смешно, когда она сама решила прежде не писать ничего, когда никто уже о том и не хлопочет. «Надеюсь, до свидания»,— сказала она, когда я уезжал. Воротившись домой и слегка пообедав, устроив свои дела по дому, взял я извозчика и отправился к Унковским в деревню, где обрадовался деревенскому воздуху вновь. Матюшку и лошадей нашел в наилучшем положении. У Унковских пробыл я и весь день воскресенья, а ночью, вместе с Федей, воротился домой. Между прочим, вот что узнал я от Федора Унковского. Вскоре после моего отъезда был он у Смирновой,

которая стала ему бранить меня очень, говорить, что я никого на свете не люблю, во всех своих друзьях и ближних открываю пятна, наконец, что поссорился с нею за то, что она учтива и вежлива с теми людьми, которых я не люблю! Каково! Это совершенное и умышленное искажение всех моих слов! «Странно,— отвечал Унковский,— сам Аксаков всегда учтив и вежлив даже с теми, кого терпеть не может».— «Т. е. не только учтива, но ласкова»,— отвечала Смирнова и сказала, что она, впрочем, назвала меня за это так-то и так-то. Унковский, которому я ни слова ничего ни о чем не говорил, удивился, пробовал меня защищать и говорить, что если б она только произнесла: «Учтива с Нелидовым», так он бы все понял, но она это имя умолчала. Дня за три до моего приезда был он опять у нее. Она была не одна,— у ней сидели две старые девушки-болтуньи, Бахметевы,— и встречает его словами: «Ах, какой *мерзавец* (!) Иван Серг⟨еевич⟩. Вообразите, что он восстановляет теперь против меня всю Москву!» [1] — «Как *всю* Москву?» — спросил Унк⟨овский⟩.— «Т. е. своих, свой круг. Везде говорит, что я дурная, развращенная, падшая женщина, написал против меня стихи, но это не продолжится, воротится он сюда, я с ним окончательно поссорюсь». Жаль, что я всего этого не знал раньше. Говорит другим она одно, мне говорит другое, хочет выведать из меня все, что об ней говорят и думают, хитрит, плутует... Не понимаю, каким образом и откуда могла она узнать, будто вся Москва уже восстановлена против нее? Разве, что у страха глаза велики! Только уж я теперь к ней не поеду, по крайней мере, вечером, разве когда-нибудь поутру — узнать о здоровье.— Вчера был в палате, принялся вновь за службу, обедал дома, вечером заходил к Фед⟨ору⟩ Унковскому, которому теперь, разумеется, я объяснил все дело; Арнольди, вступившего в службу старшим секретарем губ⟨ернского⟩ правления, не видал еще и сам к нему не поеду; может явиться ко мне, если хочет меня видеть. А мне бы хотелось узнать от него, что пишет Самарин, верно, целый трактат о нетерпимости аксаковской и пр. Кстати, о Самарине. Смирнова сказывала, что муж ее возил Самарина на все придворные празднества и, будучи сам камергер, водил его к столу, в мундире. Не знаю — в качестве ли зрителя или действователя? —

Есть секретное высочайшее повеление — не представлять никого ни к каким денежным наградам и убедить подрядчиков, имеющих дело с казною, не требовать сумм в уплату, а довольствоваться получением *шести* казенных процентов. Суммами же этими немедленно удовлетворить войско. Тронули церковные капиталы. Солдаты здешнего гарнизонного артиллерийского батальона получили жалованье из свечных денег.

Хочу на нынешней неделе съездить к А⟨нне⟩ Тим⟨офеевие⟩, т. е. отправиться вечером в пятницу, пробыть там субботу, побывать в Оптиной пу́стыни и воротиться в воскресенье вечером. Если это исполнится, тогда и письмо приготовлю я в пятницу. Покуда ничего не делал, да и невозможно делать, когда целый день обливаешься потом; здесь, кажется, еще жарче. Хорошо теперь в Абрамцеве! — Дела пропасть. Новый заседатель Полознов, хороший человек, но дела еще вовсе не знает. В мое отсутствие почти ни одного путного дела не решили, но, впрочем, я захватил некото-

рые решенные уже и утвержденные Яковлевым дела и должен был перерешить их вновь и совершенно навыворот. Удивительно, до какой степени он ничего не смыслит! Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, дай бог, чтоб вы были здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Я, слава богу, чувствую себя совершенно хорошо, начал со вчерашнего дня принимать порошки и держу некоторую диету.

Ваш *Ив. Акс.*

111

Пятница, 26-го июля 1846 г<ода>. Калуга[1].

Пишу к вам, милый мой отесинька и милая маменька, нынче, потому что нынче же, часов в пять, после обеда, отправляюсь в деревню к Унковским.— Письмо же это будет отправлено завтра. Нынче должна прийти экстра-почта, я ее дождусь, и если будут письма от вас, то припишу еще. Вот уже больше недели, как я оставил Абрамцево и Москву. Не знаю, как у вас, но у нас со вчерашнего дня погода переменилась, т. е. дни все такие же ясные и красные, но ветер подул с севера, и стало холоднее, особенно ночью. Я пишу вам нынче на маленьком листочке, потому что решительно со вторника не произошло ничего особенного. Во вторник обедал я у Унковских, потому что все семейство приезжало в этот день в город, навестить свой дом и сад, посмотреть на переделки в доме; вечером же они все уехали, и здесь в Калуге живет один Федор Унк⟨овский⟩, который так же, как и я, за отсутствием своего председателя правит его должность. Так мы два товарища обыкновенно сходимся вместе из обеих палат. В середу я обедал у него в саду, а вчера он у меня, а нынче вместе едем в Колышово.— По вечерам я хожу, гуляю вдоль по реке, но ничего покуда не делаю, ничего не пишу, ничем не занимаюсь. Разумеется, в палате я работаю, и работаю довольно много. Во вторник была здесь Анна Тим⟨офеевна⟩, приезжавшая сюда для разных закупок. Я обещал ей приехать к ним на той неделе прямо в Оптину пустынь, где они будут говеть.— Алекс⟨андру⟩ Осип⟨овну⟩ не видал и не был у нее, и никакого известия о ней не имею; Смирнова также не видал. Должно быть, они с своей стороны также на меня сердятся, потому что никто из братьев, ни Россет, ни даже Арнольди у меня не был. Если б Алекс⟨андра⟩ Осип⟨овна⟩ не была больна, я бы вовсе к ней не поехал, но так как она больна, то следует сделать хоть утренний, церемонный визит, чтоб проведать о ее здоровье. Может быть, я проеду к ней прямо из палаты тогда, когда обыкновенно братьев и мужа ее, да и ее самой не бывает дома. Если застану, то посижу не более получаса и не буду вдаваться ни в какие рассуждения. Со временем можно будет прекратить и эти посещения. Впрочем, завтра дается обед Смирнову, о котором я уже писал вам. Мы с Унковским приедем на этот обед (не быть на обеде, когда уже подписался, неловко) из деревни и после обеда опять воротимся в деревню.— На днях получил я письмо от Плетнева. Мое письмо было отправлено к нему 9-го

или 10-го июля, его же ответ от 15-го. Рукописи моей, едущей по тяжелой почте, он еще не получал [2]. Я нынче же написал к нему письмо [3]. Что за удивительно обязательный человек! Берется за мое дело, как за свое, как будто так уж и следует ему возиться с ним. Посылаю вам это письмо его, пришлите его только назад. Я ему объяснил, что нас двое, что есть Конст⟨антин⟩ Серг⟨еевич⟩, о котором, верно, писала ему из Москвы Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩, что это совершенно особая статья.

Что-то у вас поделывается? Жду писем ваших с нетерпением. Что Вера, и Олинька, и Любинька? Удите ли Вы, милый отесинька? Прощайте, будьте все, по возможности, здоровы. Я, слава богу, чувствую себя совершенно хорошо. Целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Все восхищаются их подушкой. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Что ваш Мими? [4]

112

1846 г<од>. Калуга. 30 июля. Вторник [1].

В пятницу же, по получении писем от отесиньки, получил я письмо и от Вас, милая маменька, из Москвы. Вы все беспокоитесь на мой счет, но уверяю Вас, что напрасно. Я чувствую себя совершенно здоровым, сначала принимал порошки аккуратно, исключая только тех дней, где мне приходилось у кого-нибудь обедать и пить вино; тогда, чтоб не было в желудке закваски, я вовсе этот день не принимал порошков, а на другой день также не принимал, ожидая очищения желудка. Наконец, чувствуя себя совершенно здоровым, не ощущая никакой боли в левом боку, не держа никакой диеты, находясь в необходимости бывать у Унковских, я решился покуда отложить прием порошков. Впрочем, до сих пор я воздерживаюсь от молока, но не от масла, сливок с кофием, мороженого и т. п. Действительно, несмотря на то, что мне несколько раз приходилось подвергать себя и утренней, и вечерней прохладе, лихорадочное состояние ко мне не возвращалось.— Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ уехала не в Москву, а в Тарусу, к Нарышкиной [2], которая была больна лет 7 совершенным расстройством нерв. Воротилась ли она — не знаю. В пятницу, часов в 6 отправился я в Колышово, к Унковским, с Бокаром, в его тарантасе, а лошадям велел прийти особо. Там было несколько человек гостей, которые, впрочем, при деревенской свободе, не очень тягостны, потому что ⟨каждый⟩ идет себе гулять, куда хочет. В субботу, часу в 1-м, сели мы с Федором Унковским в тележку, на моих лошадях и приехали в Калугу, где, переодевшись, отправились почти сейчас же на обед, который давался Смирнову. Все были в вицмундирах и фраках. Я был во фраке, потому что вицмундир мой стар, и я уже давно подарил его Ефиму. Смирнов приехал, разумеется, когда все уже собрались. Ничего не может быть смешнее и глупее этих обедов по подписке. Две трети лиц видел я в первый раз; всех было человек за 50. Смирнов, увидевши меня, сейчас подскочил ко мне и стал извиняться, что не был у меня с визитом, хотя между нами

давно уже было условлено, чтоб он не делал мне визитов,— и вообще был очень любезен со мною, а после обеда спросил меня, помирился ли я с Ал⟨ександрой⟩ Осип⟨овной⟩, что она ему все рассказала, что он находит ее виноватою и вообще намекал, чтоб все это оставить, замять и быть в прежних отношениях. Не знаю, шампанское ли было тому причиной, но он сказал, между прочим, что «ее нетрудно бранить, что если б надо было пересматривать формулярный список ее жизни, то пришлось бы его весь замарать!» На все это я не отвечал ни слова, и так как в зале было 50 человек, то разговор его в стороне не мог продолжаться. Был и Арнольди, который подошел ко мне, спрашивал, что я поделываю, но мы с ним в каких-то странных и неловких отношениях. Алекс⟨андру⟩ Ив⟨ановичу⟩ Яковлеву было в этот день много хлопот. Добровольный официант, он с самого утра находился в зале, расставлял цветы, конфекты, персики и пр. И никто и не поблагодарил его за это. Первый тост был за здоровье Смирнова, он сопровождался музыкою, довольно громким «ура», стуканьем ножей и пр. Смирнов ответил маленькою речью, вероятно, заранее приготовленною, но довольно сжатою и хорошею, за которою последовал еще больший шум и треск. Был тост за здоровье Ал⟨ександры⟩ Осип⟨овны⟩, за здоровье Калужской губернии и пр. Я не выпил ни одного бокала, потому что не люблю пить на этих официальных обедах. После обеда, выкурив одну сигару, я отправился с Унковским Федором домой, снова переоделись и сейчас же поехали на тех же лошадях опять к ним в деревню. На обеде был Клемент Россет [3], которого Конст⟨антин⟩ знает. Я с ним не познакомился. Он недавно приехал и похож, как две капли воды, на сестру. Был также за обедом и Тимирязев, в котором подобные торжества должны возбуждать неприятные воспоминания.— Пробыв у Унковских остальную часть субботы, в воскресенье, часов в 12 ночи, отправились мы с Федей в Калугу и в понедельник принялись за службу. Я теперь исправляю должность председателя, и Яковлев, по возвращении, найдет много перемен в канцелярии, т. е. некоторое очищение, изгнание пьяниц и т. п. Что это за ужасная, губительная язва — чиновнический клан, особенно мелких канцеляристов-писцов! Если б вы знали, в какой степени развращают они народ и распространяют в нем ябедничество. Получает два целковых в месяц, ни к чему на службе, кроме переписыванья, не способен, женат, имеет полдюжины детей и мошенничает. Ко мне теперь часто приходят с просьбами об определении их на службу в писцы. Я всем отказываю и убеждаю их идти в купцы, в плотники, в сапожники... Всякий выгнанный семинарист лезет в чиновники. Недавно получил я письмо от тетеньки Анны Тим⟨офеевны⟩. Вообразите, что у них побило градом более 100 десятин ржи, до 50 десятин крестьянского ярового! Ужасно. А здесь и граду не было. Кстати, о погоде. Вчера был опять чудный день, напомнивший прежние июльские дни. Каков июль месяц! Голубое небо постоянно блистало, редко прикрываясь неупорными тучами.— Вчера прочел я письмо Гоголя об «Одиссее» [4]. Многое чудесно хорошо; появление «Одиссеи», может быть, замечательно как факт в XIX веке, но появление ее в России не может иметь влияния на современное общество, на европейское. «Одиссея» не вылечит Запада, не уничто-

жит его истории, а нас, русских, не примирит с порядком вещей, а влияние ее на русский народ — мечта. Точно будто наш народ читает что-нибудь, есть ему время! А Гоголь именно налегает на простой русский народ. Нет, долго, слишком долго зажился он за границей. Что и говорить, «Одиссея» подействует благотворно на душу отдельного человека, и не одного. Но как хороши эти незыблемые, величавые создания искусства между нашей мелкой действительности, как немеет перед ними наша кропотливая талантливость!

Прощайте, больше писать нечего, да и пора идти в палату. В будущую пятницу, вероятно, поеду к Анне Тим⟨офеевне⟩. Цалую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь. Прощайте.

Ваш *Ив. Аксаков.*

113

3 августа 1846 г<ода>. Суббота. Калуга.

Вчера вечером получил я два письма от вас, милый мой отесинька и милая маменька, т. е. одно из Абрамцева, другое из Москвы. Итак, Вы выудили несколько линей, есть, по крайней мере, и в нынешнем году выуженные большие рыбы. Хоть Вы и говорите, милый отесинька, что я сглазил было погоду, но надо признаться, что она уже месяц более или менее одинакова. Конечно, ночи стали холоднее, но небо почти все оставалось голубым; была маленькая перемежка, но в эти последние дни было так же жарко и душно, как и в июле. Надо бы дождика, чтоб освежиться, а то просто не знаешь, куда деваться, и ничего не делаешь.— Вы пишете мне насчет сближения с Смирновой... Смирнова больна, и это только заставляет меня еще навещать ее; стихи мои не были какою-то детскою вспышкой, я точно то же думаю и теперь, и потому не может и не должно быть никакого сближения. В середу, часу в 3-м был я у нее с визитом, следовательно, через 10 дней после первого. Я нашел ее лучше, чем в тот раз, она бодрее, принимает участие в окружающем ее, но находится в каком-то детском состоянии, на которое ужасно неприятно и тяжело было смотреть: ей не возражают, ее забавляют, обманывают, и она сама себя обманывает, говорит каким-то тихим и сладким голосом. Она познакомила меня с Клементом, ее братом, вообще обрадовалась мне очень, о стихах ни слова и сказала Арнольди: «Вот Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩ опять вернулся к нам; он потому не был, что ему тяжело на меня смотреть, я это вижу».— Я не счел нужным выводить ее из заблуждения, потому что все боялся, что скажешь что-нибудь резкое, а тут и запрыгают нервы. Вообще я с каким-то неприятным чувством смотрел не столько на нее, сколько на это нервичекое состояние, особенно зная, что нервы лгут. Во внимании ее ко мне было что-то притворное: просьба передвинуть стакан говорится так, как будто дело шло о целой горе и т. под. Просила очень не оставлять ее, потом приехал муж ее, стал меня удерживать обедать, звать вечером в тот же день, потом, когда я уезжал, а он продолжал что-то говорить, то Смир-

нова сказала мне вслед: «Слышите, Ник⟨олай⟩ Мих⟨айлович⟩ просит, чтоб Вы меня навещали».— Вся эта глупость отношений произвела на меня пренеприятное впечатление. В тот же день я к ним не поехал, а был вечером в четверг, потому что в пятницу предполагал ехать или к Воейковым или к Унковским. Приехал, не застал никого дома, кроме Клемента: все в саду. Дача губернаторская находится в самом загородном саду, который есть общественное гулянье. Пошли в сад, по случаю спаса набитый гуляющими, встретили там Смирнову в большой компании дам, она просила зайти к ней опять в дом; я ходил по саду с Клементом, у которого ум очень остроумен, но как-то бесплоден, потом воротились в дом, к Смирновой; тут явились опять гости, пришел муж ее, и Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩, которую я нашел очень лучше, пошла рассказывать анекдоты и про Марью Ник⟨олаевну⟩ [1], и про графа Дорхеп, и про герцога такого-то, и вдобавок анекдоты, мною давно слышанные. Чувствуешь, что она очень довольна своим собственным рассказом, уже почти выученным, потому что я помню прежний ее рассказ мне; все приходят в восторг и восхищение, а на меня это навеяло такую скуку, что я, несмотря на все ее внимание ко мне, ушел прежде всех и гораздо раньше того времени, в которое она обыкновенно распускает свою компанию. Странная вещь! Смирнова производит иногда на меня то же впечатление, какое производит альбом с дорогими картинами [2], который вы уже раз двадцать пересмотрели и который, как только вы его опять хотите развернуть, с первого листа нагоняет на вас зевоту. Или еще лучше — такое впечатление, какое производит меняльная лавка, набитая всякими драгоценностями и всякою дрянью, где все расставлено по местам, где вы бывали много раз и знаете все почти наизусть. Вдруг приходит охота посмотреть вновь лавку, приходишь: опять все знакомое, все также лежит на одном месте, золото также бесплодно и бездейственно, дрянь также тут, начнешь смотреть по порядку, но находит скука и, не докончив, с тоской и досадой на потраченное время выходишь из лавки. Вчера вечером был у меня Арнольди и привез с собою Сальницкого, молодого ученого поляка, товарища Арнольди по Харьковскому университету, но гораздо его старше; его выписали сюда на службу, он очень честный, прилежный, но бедный человек и живет у Смирновых. Впрочем, я его еще хорошенько не знаю; он оригинал в своем роде, кажется, но вчера почти все молчал, изъявляет желание познакомиться со мной покороче. Я условился с ним насчет уроков: он будет учить меня польскому языку; грамматику и лексикон я привез из Москвы и очень рад этому занятию; скучно только то, что Арнольди присоединился к нам. Надеюсь, впрочем, что ему скоро надоест.— Я слышал еще прежде стороною, а теперь подтвердил мне и Арнольди, что Смирнова получила огромнейшее, листах на четырех, письмо от Гоголя, наполненное советами и разными христианскими наставлениями ей. Говорит, что письмо превосходное и что в нем Гоголь, к вящему их удивлению, пишет им про Калугу, как будто он в ней бывал несколько раз, говорит про многих чиновников и жителей, называя их по именам, про то, как Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ сначала повела себя в Калуге, учит ее быть губернаторшей, брать пример с бывшей здесь лет 20 с лишком тому назад княгини Обо-

ленской (матери Мити, отец его был здесь губернатором) [3] — делать добро так-то и так-то, а мужа ее — не гнать взяточников. «Я все знаю, мне известно все, что Вы делаете»,— прибавляет Гоголь, но не пишет, каким образом ему это все известно. Согласитесь, что это немножко смешно; добро бы это было в шутку, а то Гоголь серьезно хочет являться каким-то всеведущим и постоянно о ней пекущимся провидением. Я думаю, что Самарин, который в переписке с Гоголем, сообщает ему все еженедельные письма Смирновой, в которых она подробно описывает ему и всякое новое лицо, и всякое новое калужское событие; да к тому же Самарин жил с Оболенским [4], который знает в Калуге всех. Да, Гоголь просит еще Смирнову описать ему новое учреждение губернского правления, все отношения палат между собою и т. п. Все это разделено по пунктам; впрочем, я самого письма не читал, а мне рассказывал это Арнольди.

Я не поехал к тетеньке потому, что мне хочется соединить эту поездку с поездкой в Оптину пустынь, куда они отправятся говеть только на будущей неделе (я получил от нее письмо); а к Унковским не поехал потому, что мне уже наскучило терять у них в деревне еженедельно несколько свободных дней. Потому решился я остаться. Я живу такой животною жизнью, не ощущая в душе никакого другого чувства, кроме чувства чиновнической деятельности, так мало или, лучше сказать, ничего не делаю, что мне хочется во что бы ни стало выйти из этого положения. Может быть, я и в эти два дня ничего не сделаю, но, по крайней мере, здесь есть больше возможности. К Смирновой поеду не прежде, как через неделю. Сам я, слава богу, совершенно здоров, порошки давно бросил и желаю вам быть так здоровыми, как я. Ем, пью, сплю и толстею. Прощайте, до вторника. Желаю вам хорошо отговеть. Целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, обнимаю Веру, Олю, всех сестер и Константина; А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Аксаков*.

114

1846 г<од>. Калуга, 5-го августа. Понедельник.

Пишу нынче к вам, милый отесинька и милая маменька, потому что после обеда еду к Унковским и пробуду там целый день: завтра праздник [1], с которым вас поздравляю, также с окончанием говения и причащением, если кто говел. Я писал вам в субботу, отвечал на ваши письма; с того времени ничего особенного не произошло; я все эти дни оставался совершенно один и никого почти не видал, пробовал заниматься, читал польскую грамматику и другие книги, но вышло мало толку: дни такие жаркие, знойные, удушливые, а квартира моя такого фонарного устройства, что целый день на солнце; садика же при доме нет, так что не знаешь, куда девать себя. Если б была гроза или пошел дождик, то как бы он освежил и землю, и человека. С того времени, как я здесь, в Калуге, я ничего еще не написал и ничего не сделал; да оно, впрочем, и извинительно при такой погоде. Но я боюсь нравственно облениться и потому нарочно оставался

эти праздничные дни в городе (с другой стороны, признаюсь, мне уже надоело проводить столько времени у Унковских: хорошо час, два на дню, и то когда сидишь с Федором, а не двое суток), но не возбудил в себе настоящей деятельности. Так как в будущую пятницу я еду в Оптину пустынь, то и хочу отправиться на завтрашний день к Унковским, потому что мне, при их внимательности и привязанности ко мне, совестно не бывать у них долго. Впрочем, я в эти дни совершил два визита, которые давно лежали на моей совести, и очень рад, что отделался, наконец, от этой обязанности.— Что же мне сказать вам еще. Да, купил я здесь себе, потому что намерен завести себе особую библиотеку, хоть только русскую,— Державина последнее компактное издание, в одном томе [2], с великолепным портретом, очень хорошее и самое полное, полнее смирдинского [3]; тут есть и «Читалагарские оды», считавшиеся потерянными [4]. Цена 10 р⟨ублей⟩ 50 к⟨опеек⟩ ассигн⟨ациями⟩. Чрезвычайно дешево. Купил это я в новой (уже второй) книжной лавке, здесь открывшейся. Я спрашивал «Моск⟨овский⟩ сборник». Книгопродавец отвечал, что он его не выписывал, *потому что его в «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩» и «Библиотеке» не очень хвалят* [5], а «Петерб⟨ургский⟩ сборник» есть. Я Державина читал прежде очень мало и перечитываю его теперь всего вновь и прихожу просто в восторг от некоторых мест: такая дерзость образов и оборотов!— Читали ли вы разбор сборника в «Библиотеке для чтения», писанный, вероятно, Никитенкой? [6] Глупее ничего нельзя себе вообразить; на Москву, на ненависть ее к Петербургу, о чем говорит он открыто, нападает самым ослиным образом; разбирает не все статьи, говорит только, что все более или менее проникнуты одним направлением. Про меня говорит: «Стихотв⟨орения⟩ г⟨осподина⟩ Аксакова служат лучшим украшением сборника по своему истинно-славянскому направлению, а потому им место там, а не в каком-нибудь другом журнале». Видно, только о сборнике и отзовется опять хорошо один Плетнев и вообще те люди, которые и без сборника более или менее сочувствуют нашему направлению и которых сборник ни на шаг не подвинул. Здесь те, кому я давал читать сборник, прежде всего начинают хвалить статью Линовского [7], а славянского направления почти не замечают, надо их взять за нос и уткнуть в некоторые места, не иначе. Грустно, очень грустно. А между тем все соединяются в общем чувстве неудовольствия... Прощайте, будьте здоровы, целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, обнимаю Константина и всех сестер, А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь. Я совершенно здоров и прошу вас мне верить. Напишите, что Панов, переменил квартиру или нет?

Ваш *Ив. Аксаков.*

115

1846 г⟨ода⟩ авг⟨уста⟩ 10-го. Суббота. Калуга.

Странная вещь, отчего с нынешней почтой не получил я писем от Вас, милый отесинька; от маменьки (от 5-го авг⟨уста⟩) получил еще в середу. Верно, вы или переезжаете в Москву, или с говеньем забыли. Какова пого-

да! Не знаю, как у вас, особенно в таком сыром месте, как Абрамцево, но здесь дни невыносимо жаркие; вечера, часов до 10, теплые, ночи прохладные, но не очень. Каково постоянство! Удушливый воздух разрешился, наконец, вчера самым летним теплым дождем, но нынче зато еще жарче, парнее, и все благодатные следы дождя исчезнут. Здесь солнце пожгло всю траву, отчего, говорят, у коров болят языки.— Ожидаю с нетерпением дальнейших известий о том, что производит каломель на Олиньку; как бы ей опять не расхвораться.— Обращаюсь, по обыкновению, к своей летописи: где, бишь, мы остановились, на вторнике? Да, на вторнике.

Во вторник от Унковских я рано воротился. Там, по обыкновению, ничего не делал и скоро соскучился: вздумал было с Эргардом и Бокаром наловить лягушек и попробовать их вкус в виде соуса и жаркого. По крайней мере, это имеет привлекательность нового, неиспытанного, и мы наловили лягушек с полсотни, но намерение наше произвело ужаснейший скандал в доме, и повару запретили готовить и осквернять очаг подобными погаными блюдами; таким образом, мы и не поели лягушек. Воротясь домой, нашел опять все то же: ни писем, ни новостей, ни событий. Сказали мне, что приходил Клемент Россет, что Анна Тим⟨офеевна⟩, не знаю, зачем приезжавшая в Калугу и уехавшая уже, заезжала ко мне и дала мне знать, что едет говеть в Оптину пустынь в четверг,— больше ничего. Посидел, подумал, повертел в руках книгу, карандаш и лег спать: я теперь сплю без церемоний, и без совести!.. В середу поутру отправился в палату, где имел любопытный разговор с одним священником, говорят, еще умнейшим в Калуге. Слушайте: по прежде принятому обыкновению, в делах о покраже из церкви утвари, сосудов и другого церковного имущества, в случае неоткрытия виновных в краже, взыскание денежное, по цене похищенного, налагалось, безо всякого закона, на церковного сторожа, виновного в слабом охранении церкви. Вы знаете, что в эти должности поступают обыкновенно старики, отставные солдаты и люди самые бедные. Если с них взять нечего, то они, по установленному порядку, отдавались в казенные работы, и задельною платою взыскание в течение долгих лет постепенно уплачивалось. Мне показалось это все очень нелепым; по закону обязан отвечать нанимающийся охранять что-либо по контракту, где помещено именно это условие о вознаграждении, и с представлением по себе поручителей; но в этих личных наймах ничего подобного не соблюдается. К тому же за кражу должен отвечать виновный в краже, а тот может быть особо наказан, именно за оплошность. Да и странно как-то: церковь содержится добровольными, а не вынужденными взносами. Всем подобным делам дал я другое направление, мнение нижних инстанций уничтожил и написал, чтоб сторожей от взыскания освободить. По этим делам должен присутствовать депутат с духовной стороны, священник какой-нибудь. Является он в середу и говорит, что не может подписать нашего решения, что церковь не удовлетворяется, не соблюдены ее интересы, что таких решений прежде никогда не бывало и пр. Я отвечал ему, что я не уступлю ему ни ползапятой, что отныне, покуда я здесь, в палате, других решений и не будет, наконец, стал ему доказывать и спорить; он — не соглашаться. Я говорил ему, что выжимать последнюю кап-

лю крови из старика — не только не в христианском духе, но просто безбожно, наконец, спросил: «Что же, по Вашему мнению, церковь?» — «Церковь? Церковь — казна! — отвечал он,— и казенный интерес должен быть соблюден».— «Если церковь казна,— сказал я,— так вы чиновники!» Депутат подал мнение, с которым, конечно, палата не согласилась и которое он теперь представил к архиерею, а сей полезет в Синод, откуда, вероятно, придет скоро закон о соблюдении *церковного интереса* как казенного! — Я теперь веду по службе бранчливую переписку с прокурором, который надоел своими пустыми и подъяческими протестами... Я сам пишу ответы, довольно эффектные и резкие, где вывожу на чистую воду, без подъяческих темных фраз, всю нелепость его замечаний. Так уж надоела мне эта ложь и учтивость на бумаге! Прокурор покуда замолк, но взял копии с моих ответов, вероятно, для отсылки к министру, у которого это существо департаментского происхождения на отличном счету. Да черт с ними! — В середу вечером был я у Смирновой, но более пяти минут ее не видал, потому что встретил ее готовою ехать,— так, для прогулки, с своей garde-malade *; на вопрос о здоровье она отвечала, что дурненько, и просила подождать ее. Я отправился в сад, где и был с Клементом, который рассказывал мне много любопытного про юго-западный край России. Воротилась Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩, но только что села, отколь ни возмись — калужские дамы, да вдобавок самые скучные и усидчивые. Я опять с Клементом сошел в сад и там, поговоривши с полчаса, не прощаясь с Смирновой, уехал. Что уж я делал в четверг — право, не помню. Был у Федора Унковского, видел у него воротившегося из отпуска председателя, Писарева, справился о цене извозчиков съездить в Оптину пустынь: 25 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ только туда; взад и вперед выйдет 50 рублей, да, сверх того, овса полторы меры. Это еще почтовые, а вольные пуще дорожатся. Платить 50 рублей я не был намерен и не условился с тетенькой заранее, чтоб мне приехать к ним на своих или наемных, иметь у них в деревне их подставу, на которой доехать в Оптину пустынь (в 30 в⟨ерстах⟩ от них или больше), оттуда опять иметь две перемены их же лошадей, чтоб вернуться в Калугу. Без этого я не посмел пуститься в путь довольно далекий (отсюда верст 70), боясь не сделать оборота в такое короткое время, и прокатиться понапрасну в жар и пыль. К тому же я все хотел дождаться ваших писем, три раза посылал на почту, писем не отыскали.— Узнав, что Смирновой опять хуже, что она говорит про меня, что я не люблю больных и потому у ней не бываю, я, предполагая еще уехать вечером куда-нибудь на эти дни, в пятницу, часу во 2-м был у ней с визитом, нашел ее лежащею в постели и гораздо в худшем состоянии. Я посидел у ней недолго, сколько она сама позволила. Самарин уехал в Ригу [1]. Смирнова, несмотря на свою слабость, спрашивала подробно о здоровье каждого из вас, и отесиньки, и мам⟨еньки⟩, и К⟨онстантина⟩ Серг⟨еевича⟩, и Ольги Серг⟨еевны⟩ и других. Так как в этом искусственном внимании слышался какой-то упрек, то и скучно было мне отвечать на это. Вечером вчера, т. е. после моего обеда, отправился я, по-

* Сиделкой (*фр.*).

лучив зов, к моему новому приятелю, поляку *Ленци*, в деревню его, верст за 14, и вчера же воротился, часа в два ночи; впрочем, я воротился бы раньше, если б Матюшка не сбился с дороги. Ленци — добрый, мягкий, образованный, умный человек, с теплою душою, музыкант, живописец, литератор (впрочем, очень плохой), лет 35, уроженец Подольской губернии, живущий в России лет 20, вдовец (он был женат на одной русской, Ахвердовой, от которой и досталось имение ему), хороший отец трех детей или больше, говорящий по-русски, по-французски, по-немецки, по-польски, но какой язык у него природный, не знаю, ибо он знает все хорошо, но ни одного из них в совершенстве, по-польски он забыл уже немного, да и родился он на австр⟨ийской⟩ границе... Был он замешан, хотя невинно, в 1830 году [2], посидел и в тюрьме и каземате, словом, человек интересный. Он так же, как я, отсутствовал очень долго в Калуге, ездил в Петербург искать места по иностр⟨анной⟩ корреспонденции с хорошим жалованьем, ибо он человек небогатый, имения всего 50 душ, а пришло время воспитывать детей, и, кажется, ему обещали место. Я с ним познакомился довольно коротко; читал он мне вчера одну свою повесть (он пишет всегда по-французски), хорошую, но без достоинства в литературном и художественном отношениях. Видите, что это человек хороший — с слабостями, умный — с промахами, но добрый и честный, и такой, какого можно любить и уважать и который нескоро надоест, т. е. с которым *о многом* можно потолковать и поговорить. Однако пора, пора! Прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Олиньку, Константина и всех сестер. Прощайте, до вторника. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

116

1846 г<ода>. Калуга. 13 августа. Вторник.

Пишу на маленьком листочке нынче потому, что проспал и надобно будет скоро отправиться в палату. В воскресенье получил я письмо ваше, милый мой отесинька и милая маменька. Меня ужасно возмутила бумага гр⟨афа⟩ Панина и Гришино неприятное положение. Хорош и Пинский! Надо было воспротивиться всем своим авторитетом подобной бумаге, и ее бы, может быть, не было [1]. Вот наш калужский прокурор считается в министерстве едва ли не самым лучшим, потому что он действует совершенно в духе м⟨инистерст⟩ва, власти не превышает, не беспокойного характера, но зато во всех случаях, на которые Панин обращает свое внимание, т. е. на пустяки, и он также оказывает свою деятельность.— Так Алекс⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ с Sophie в Москве? Что его дело? [2]—

В субботу оставался я в Калуге. Хотели было вечером назначить польский урок, однако это не состоялось, и часов в 9 вечера отправился я в деревню к Унковским, потому что соскучился оставаться в городе, в духоте, пыли и в бездействии. В воскресенье обедали там Мухановы, соседки их по имению, приехавшие сюда на месяц. Я уж, кажется, писал вам, что познакомился с ними. Старшая из них, Марья Сергеевна [3], лет 45,

очень замечательная девушка не столько умом, сколько начитанностью. Дал ей читать «Московский сборник». Я с ней просидел часа три битых после обеда и удивился огромной памяти. Вообразите, она из Гомера (в переводе Гнедича [4]) наизусть читает себе целые страницы. Так как у них хорошее очень состояние, то все, что только нового выходит по-немецки, французски и английски, получается ею и читается. Надо прибавить к чести ее, что она необыкновенно скромна, даже смиренна в разговоре. Никогда не позволит себе не только резкого слова, но и решительного суждения. Это, впрочем, последнее-то не в моем вкусе... Кроме того, с какой стороны ее ни тронь, всюду встретишь религиозный, православный взгляд, распространенный ею на все, point de départ *.— В воскресенье ввечеру я воротился и нашел ваше письмо. Уведомите меня, что пишет Самарин.— Вчера, часу в 3-м, был у меня Смирнов, но я его не принял, сказавшись — не дома, ибо был совершенно раздет после обеда. Он велел просить вечером к себе. Я действительно поехал, нашел там несколько дам и мужчин калужских, также какого-то Толстого, приехавшего из Петербурга (чуть ли не Теофила [5]). Смирнову нашел в прекрасном положении; она очень весела, пела и играла с Толстым на фортепьяно, лечится гомеопатией у него. Так как я приехал довольно поздно, то все эти господа скоро сели в карты, и Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ также играет очень ревностно теперь в пикет, а меня муж ее затащил к себе в кабинет, дал сигар и два часа доказывал мне необходимость служить. Этим разговором, в котором, впрочем, вполне обнаружилась его прекрасная душа, он меня утомил несколько. От него проехал уж я прямо домой, завезя Арнольди в клуб. Славный человек Смирнов! Много еще про него дорогой рассказал мне Арнольди, чего я прежде не знал.

С нетерпением жду письма от Плетнева и рукописи. Получение ее должно или дать новый толчок моей деятельности, нуждающейся в нем, или, так сказать, обескуражить на несколько времени. Стихов я не пишу вовсе. Занимаюсь плохо. Впрочем, до сих пор было извинение — жар. Но вчера целый день шел дождь, и была гроза. Нынче небо серое, хотя день теплый, однако же не жаркий, слава богу. Может быть, я и в состоянии буду опять работать. Прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

117

***1846** г<ода>. Калуга. 16-го августа, пятница.*

Я опять пишу к вам в пятницу, милый мой отесинька и милая маменька, потому что предполагаю ехать или в Перемышль, к тетеньке, или в Оптину пустынь, с Унковским: вдвоем приятнее и дешевле. Вы, может быть, живете теперь в Москве, милый мой отесинька, потому что погода переменилась: ненастно и прохладно. Впрочем, это подает надежду на сентябрь

---

* Исходная точка (*фр.*).

месяц. Сентябрь! вот и осень на дворе, всего 4 месяца осталось этого года... Этот год необыкновенно глупо пройдет для меня, если я и в эти 4 м⟨еся⟩ца ничего не сделаю. А похоже на то. «Марию Египетскую» я совершенно отложил до тех пор, пока на соберу всех сведений о Египте христианском. Нельзя же мне окружать ее воздухом; ведь она жила же в действительности... Надо, чтоб появление ее напоминало условия местности и времени, особенно в первой половине. Во 2-ой — другое дело. Образ святости так огромен, так пространен и пустынен, что эти условия мне не нужны. К тому же надо признаться что наша образованность так ограниченна, так жалка, что всякая фантазия историческая спотыкается. Если б мне попался, по крайней мере, какой-нибудь ученый, проклятый немец, из которого я бы выжал все, что мне нужно!.. Да не попадается... Ну что вам рассказать? В понедельник был я у Смирновой —это вы знаете. Во вторник, перед обедом, был у меня Арнольди. Вечером хотел было он приехать вместе с Сальницким брать урок польского языка, но приехал один Сальницкий и дал мне первый урок. Этот Сальницкий очень хороший человек. Я долго с ним разговаривал. Вышел он первым кандидатом из Харьковского университета, не имеет никакого решительно состояния и круглый сирота: недавно умерла у него мать, единственное утешение и цель его жизни. К службе не имеет он никакой охоты и настоящее его поприще — ученое, но, делать нечего, приходится служить поневоле, и служба его в канцелярии такова, что не дает ему почти никакого досуга и к тому же самого глупого рода. Он еще служит недавно и с отчаянием, со слезами на глазах говорил мне о том, какое убийственное влияние начинает производить на него служба... И впереди — вечная зависимость, вечная обязанность идти против всех своих наклонностей, и для чего же? для материальных способов существования! Прибавьте к тому горькое, едкое чувство, живущее в душе каждого поляка: он всегда чужой среди русских... Ужасно. В этот же вечер, перед приездом Сальницкого, является ко мне человек в ливрее и говорит, что княгиня Кат⟨ерина⟩ Вас⟨ильевна⟩ Гагарина, остановившаяся там-то, в гостинице, просит меня к себе. Я никогда не был знаком с нею, но, воображая, что она привезла мне, по оказии, какие-нибудь письма, поехал к ней, и что же? Она приехала в Калугу из мещовской своей деревни по делам на неделю, никого здесь не знает и умирает с тоски. Узнав от кого-то, что я здесь служу, она послала меня отыскивать. Мне это было очень неприятно; что за охота нянчиться с нею и служить ей кавалером целую неделю. Муж ее уехал в Петербург с детьми, а она здесь с старшим сыном, молодым человеком по 16-му году, очень неприятной физиономии. Добро бы она была интересная женщина, но она преограниченная и прескучная, хотя и добрая, хорошая женщина. Кстати, оказалось, что она была знакома с Россетом за границей, я сейчас взялся передать поклон и таким образом заставил его съездить к ней с визитом, а она сама намерена познакомиться с Алекс⟨андрой⟩ Осиповной. Я был у нее, т. е. у Гагариной, раза два. Нынче опять поеду на минуту, ибо ни завтра, ни послезавтра меня в Калуге не будет. Впрочем, она в понедельник или во вторник едет.— В тот же вечер получил я с почты посылку. Думал, что рукопись... Нет, «Современник» за

весь 1846 год [1]. В последнем №, 8-м, за август, наш «Московский сборник» превознесен до небес. Он не разбирает каждой статьи отдельно, но вот что говорит: «Но еще важнее то, что почти каждая пьеса его ознаменована печатию или истины, или таланта, или глубокого знания. Его справедливее бы назвать не сборником, а избранником». «Статьи ученые, статьи чисто литературные и все стихотворения, здесь помещенные, сохранят свое достоинство и тогда, когда книга эта перестанет привлекать к себе внимание светских людей как новость...» Далее он заканчивает так: «Конечно, нельзя не желать, чтоб осуществилась мысль издателя «Сборника исторических и статистических сведений о России» [2],— мысль о соединении однородных исследований в одно издание, без примеси чуждого ему. И особенно в Москве, где уже явился образец подобного издания, можно привести эту мысль в исполнение и по другим отраслям ведения. Там не одни должностные литераторы и ученые; там много лиц, посвятивших музам свободную жизнь свою. Они, из сердца России, обязаны дать пример и в этом деле». Каков Плетнев! Молодец, право! Надо, чтоб Панов подарил ему сборник. Мне нравится то, что он, как здесь, так и в других местах, говорит именно о Москве, о сочувствии своем *московскому* направлению, так что, даже участвуя в его журнале, остаешься москвичом, не смешиваешься с Петербургом. Я бы решился послать к Плетневу какие-нибудь стихи [3]: совестно перед его обязательностью, тем более что Языков и Чижов там участвуют. Но меня остановило одно стихотворение, не подписанное, помещенное в 8 №, под названием «Ответ» [4]. Преподлое. Я буду писать Плетневу, благодарить его за «Современник» и хочу сказать ему откровенно, что́ именно меня смущает в его журнале, что мешает мне свободно участвовать в нем. Получил также письмо от Гриши. Он очень скучает, но намерен продолжать службу в м⟨инистерст⟩ве юстиции до получения чина надворн⟨ого⟩ советника и уговаривает меня также не оставлять службы, а разве перейти в Москву советником губ⟨ернского⟩ правления или помощником директора удельной конторы... Хочу отвечать ему нынче. Когда именно оставлю я службу — я и сам не знаю, а предоставляю решить это вам.— В середу провели у меня вечер Арнольди, Россет и Сальницкий. С этими господами я видаюсь часто, говорю о литературе, о России, но о стихах и о Смирновой и вообще даже о предмете ссоры — никогда ни слова. Но надоело мне, признаюсь, толковать о нашем скверном положении, о невозможности деятельности и т. п. Так все бесплодно. Россет говорит, что результатом всех стремлений и шатаний выходит, наконец, преферанс. Шутили об этом. Арнольди взялся написать о преферансе стихи, предложил мне. Я от нечего делать написал их вчера и послал ему. Вот они. Они относятся собственно к Россету.

О преферансе не тоскуя,
Не утруждая головы, —
Одним мечтанием живу я,
Один бездействую... Но Вы,
Сссылаясь с важностью на опыт,
Смирясь пред нагбостью судьбы,

Избрали род иной борьбы,
Где мысль нема, где дремлет ропот;
Где, в боевые вечера,
Вас тешит жар ее бесплодный,
И счастья прихоти свободной
Волнообразная игра!
Вы правы, так. Живей и краше
Стократ, чем бальный contre-danse*,
Отвод деятельности нашей,
Долгоживучий преферанс!

Как быть? Жизнь тянется сурово,
Так всюду скучно, все одно...
Стеснен порыв, робеет слово,
Перу свободы не дано.
Куда идти? и где дорога?
Куда девать богатство сил?
Я долго ждал, я слишком много
Мечте досугов посвятил!
Не лучше ль с Вас мне брать примеры?
Завиден жребий, черт возьми:
Вы примиряетесь с людьми,
Все люди годны Вам в партнеры!
Быть так! Решаюсь наконец!
Хочу — моим досугом править
Отныне картам предоставить...
Но нет, спаси меня, творец,
От безнадежности покорной,
От сна тяжелого души,
От жизни долгой, скучной, вздорной,
От прозябания в тиши!

Однако прощайте. Может быть, еще припишу, коли почта придет рано и привезет от вас письма. Будьте здоровы. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина, Олю, Веру и всех сестер. А<нне> С<евастьяновне> кланяюсь. До вторника.

Ваш *Ив. Акс.*

118

1846 г<ода> августа 20-го. Вторник. Калуга.

Пахнет, пахнет осенью, и ночи становятся все холоднее, милый отесинька и милая маменька. Как ни надоели мне жары, но грустно расставаться с летом и готовиться прожить долгую, скучную зиму. Письма ваши прочел я уже в воскресенье поздно вечером и получил их оба вдруг, т. е. от 12-го

* Контрданс (*фр.*).

и от 17-го августа. Буду отвечать на них. Итак, Вы в Москве, милый отесинька, и лечитесь у Кауфмана, а может быть, опять уехали в деревню, хотя свежесть воздуха и холодный ветер должны вредить глазам. Когда же вы решитесь насчет зимы? План Гриши доказывает, что он мечтатель... Кажется, на поверку приходится, что один я не мечтатель. Неужели Гриша воображает, что граф Панин согласится внесть за него из суммы м⟨инистерст⟩ва две или три тысячи, которые получил Гриша, и перевести его в Москву. Если же он думает сам взнести эти деньги и с 1-го января оставить м⟨инистерст⟩во, то на какое место в Москве он поступит? Вакансий, вероятно, нет. Места советников и помощника директора удельной конторы, вероятно, заняты. Наконец, план этот мог бы осуществиться не прежде, как через год, на зиму 1847 и 48-го...! — Благодарю милую Олю за ее письмецо: дай бог, чтоб в этот раз лечение каломелем было успешнее. Костя пишет, что Студицкому позволено издавать «Москвитянин» [1]. Немного утешения! Когда-то будет издаваться другой журнал? Вот и зима, а дело все не двигается. К 1-му января об издании журнала они переговорить не успеют, отложат до 1848-го... Странные люди, им года́ нипочем [2]. А что, неужели мечтатель Константин воображает, что он будет защищать диссертацию зимою? Лучше вместо повестей заняться ему ею, а то диспут его задержит мой отъезд в чужие края... А когда-то это будет, боже мой!

В пятницу, не дождавшись почты, часу в 7-м вечера нанял я лошадей и отправился к тетеньке в Григорово. Ночь была темная, ехать надо было проселком, ямщик сбился с дороги, долго плутал, наконец часов в 12 ночи приехал на место. Вообразите себе мое удивление, когда я узнал, что никого нет дома, что Анна Тим⟨офеевна⟩ с Машенькой и Алешей уехала к Аркаше, у которого жена больна, при смерти[3], а Влад⟨имир⟩ Ив⟨анович⟩ в Оптиной пустыни и что за ним завтра, т. е. в субботу поутру, едут лошади. Я переночевал в доме и поутру запряг этих лошадей в свой тарантас и отправился в пустынь, которая от Григорова верст 30. Туда приехал я часов в 12 и пробыл там целые сутки. Владим⟨ир⟩ Ив⟨анович⟩ там уже целую неделю, говел и причащался. Пустынь в 3-х верстах от Козельска, который виден из окон, и местоположение, на берегу реки Жиздры, вообще чудесное. Мне было очень интересно посмотреть эту пустынь. В историческом отношении она ничего замечательного не представляет. Все здания новые. Этот монастырь был возобновлен тому назад сорок лет. Но на одной из церквей верх сохранился тот же, т. е. пятиглавие, которое лучше всех прочих зданий, и внутри церкви верхняя часть иконостаса — старинная. О происхождении этой пу́стыни ничего достоверно не известно. Кто говорит, что назад тому 300 лет был какой-то разбойник Опт, впоследствии покаявшийся и поселившийся здесь, в лесу; кто говорит, что название *Оптина* произошло от оптовой продажи лесом, производившейся во время оно на берегах Жиздры. Как бы то ни было, известно только то, что пустынь часто была совершенно оставляема, потом опять возникала вновь и что в 1812 году бумаги и вся ризница были вывезены, частию растеряны, частию оставлены в каком-то монастыре, в Белеве. В настоящее положение приведена она теперешним игуменом,

который здесь лет 20 с лишком. Я никогда не видал пу́стыни, общины монашеской, и нашел, что это гораздо лучше монастырей. Здесь 60 монахов по комплекту и человек более 100 послушников. Все они употребляются на работу, обработывают 60 десятин огороду, сажают капусту, рубят, даже косят и убирают сено, игумен впереди сам подает пример. Все без различия занимаются этим, а надо знать, что в Оптиной пустыни человек 30 дворян. От одних этих трудов пустынь получает доход порядочный, кроме добровольных пожертвований, вкладов, благотворений и т. п. Деньги выручаемые не распределяются в виде жалованья монахам, как в монастырях, но поступают к игумену, который употребляет их на обстройку пустыни, на прием богомольцев и т. п. Каждый монах и послушник получает *казенную* (увы! мы до такой степени развращены, что и тут встречается это слово) власяницу, белье, келью; все одеты одинаково, никто ничего более другого не имеет. Нет ни одного толстого, даже полного телом монаха. Порядок, чистота и благочиние необыкновенное. Игумена все они превозносят до небес. Хорошо, по крайней мере, то, что они живут не в праздности, заняты, разделяя время между трудом и молитвою. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на самых лицах их изображается мир, покой, какое-то скромное довольство участью. Разумеется, это не всякому годится, и если б я пошел в монахи, так сделался бы схимником, молчальником или чем-нибудь подобным, а такое мирное житие не удовлетворило бы меня... Вне ограды выстроены две прекрасные гостиницы, чистые и удобные, где прислугу составляют послушники же, но пожилых лет. Говорят, что это самое тяжелое послушание. В гостиницу не может прийти ни один монах или послушник без позволения игумена. Лошадей ваших кормят овсом и сеном, вы сами, прислуга ваша получаете стол, разумеется, постный, приготовляемый на кухне игумена, и прекрасный, вам доставляются все удобства и за это с вас не берут ничего, никто даже вам не скажет ни слова, если вы сами не догадаетесь и не положите денег в кружку. Но зато сколько бедного народа кормится этим монастырем! Зато, впрочем, сколько купцов и особенно дам, которые, в порыве удивления и великодушия, жертвуют гостеприимному монастырю большие суммы!.. Расчет верный!.. В пу́стыни всякий брат трудится или по прежнему ремеслу своему, или вновь выучиваются какому-нибудь, — в пользу общины. У них все свое. Брат столяр, брат слесарь, брат серебреник, брат переплетчик... Я заходил к некоторым в кельи и видел их работающих. Потом их же всех увидал я у всенощной, которая продолжалась часа четыре! Впрочем, я не оставался все время, да к тому же в монастырях тем хорошо, что во время чтений садятся все монахи и вся церковь, все присутствующие. Просто мне это было отрадно видеть, я сидел сам с необыкновенным удовольствием. Странным мне показалось то, что во время чтения тушатся все свечи в церкви, исключая одной, которую держит в руке монах, читающий посередине, потом опять зажигаются, потом вновь тушатся и так раза три... На другой день были мы у обедни, которая продолжалась, я думаю, около трех часов, и потом отправились с Владимиром Ив⟨ановичем⟩ домой. В Григорове я остался не более часу, мне заложили других лошадей, и я отправился в Калугу, куда приехал часу

в 11-м вечера и нашел ваши письма. В 120 саженях от обители находится скит... Но, впрочем, теперь некогда и нет места о нем распространяться, оставлю это до другого раза... Вчера вечером был я у Смирновой, но не видал ее, она только что ушла перед моим приездом брать ванну. Там были еще некоторые. Посидев часа полтора с мужем и братьями ее, воротился домой, и так как мне долго не спалось, то прочел в «Современнике» переведенную с немецкого повесть графа Канкрина «Танцовщица»! [4] Только тем и интересна, что графа Канкрина, сама же повесть не имеет никакого достоинства, но писана, впрочем, с нравственною целью... Княгиня Гагарина уехала вчера, и я ее не видал... Пожалуйста, найдите оказию переслать мне письмо Самарина. Что же касается до того, что Вы, милый отесинька, пишете о Смирновой, то я считаю себя совершенно правым в отношении к ней; ну, да об этом когда-нибудь после. Прощайте, цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина, Веру, Олю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. До субботы... Кланяюсь Панову.

Ваш *Ив. Акс.*

119

1846 г⟨ода⟩ авг⟨уста⟩ 24. Суббота. Калуга.

Проснулся сегодня поутру — слышу гуденье дождика, посмотрел в окно: серо; на градусы: всего 10. Приехали мы домой, подумал я! Так вот она осень, дождливая, холодная, сырая и туманная, с насморками, катарами, ревматизмами и прочими подлостями. А, может быть, время еще и переменится... Вчера не получил я писем от вас, милый мой отесинька и милая маменька, но получил письмо от Константина и Оли, которых очень, очень за это благодарю. Слава богу, что ей лучше; если так хорошо идет ее лечение, пусть же она лечится, не смущаясь ничем. Милая Олинька написала ко мне длинное письмо с извещением о состоянии Ваших глаз, милый отесинька. Если это так, то скажите — не фокусник ли Кауфман! Грешно ему держать свое средство в секрете. Мне сказывали здесь про одного купца Орешникова, в Петербурге, который так же делает чудеса и вылечивает такие глазные болезни, которые докторами были признаны неизлечимыми. У одного родственника Унковских, Храповицкого, вылечил он выжженный порохом глаз! — На нынешней неделе был праздник, царский день [1], но я не поехал ни к Смирнову, ни в собор, ни на бал, а дал нарядиться в свой мундир Федору Унковскому, которому свой узок. Смирновой не видал на этой неделе вовсе. У меня высыпала сильная золотуха на ухе и на шее: даю ей время созреть свободно, без притеснений со стороны галстуха. Отвечаю теперь на Константиново письмо... Так, я это знал! теперь меня же обвинят в том, что я распустил стихи к Ал⟨ександре⟩ Ос⟨иповне⟩, стихи с клеветою, стихи опорочивающие и пр. и пр. и станут обвинять в грубом, неделикатном, даже подлом поступке. Но дело было не так. Нужно было очень читать их Погодину, который единогласно признается всеми подлецом и свиньею и вдруг является каким-то

другом, которому поверяются самые искренние и задушевные движения! И он осмелился прочесть их Надеждину [2], этой грязной свинье! Я удивляюсь, что Конст⟨антин⟩ пишет это так равнодушно, а меня это бесит и оскорбляет. Стихи, которыми я дорожу, стихи, самые горячие и искренние, которые когда-либо были написаны мною, эти стихи — вдруг выпачканы и осквернены прикосновением лиц, которых не хотел бы я вовсе видеть соучастниками моих внутренних движений. Не можете ли вы ругнуть Погодина хоть письменно. Если б я знал его адрес за границей, так хоть чем-нибудь удовлетворил бы себя. В странном свете являюсь я, в самом деле: написав такие стихи, поспешил поделиться с Надеждиным и Погодиным. Конечно, если б это я тогда сделал, то был бы мерзавец. Дорого бы я дал, чтоб этих стихов не существовало! Я говорю это совсем не в том смысле, в котором готов сейчас понять Константин; гораздо лучше было бы после ссоры удалиться просто, а не писать их! Много принесли они тайной досады и оскорбления. Когда я писал эти стихи, то был полон глубокого огорчения, писал так искренно и горячо, что долго не мог понять — что́ тут обидного. Ибо не было у меня желания обидеть. Я забыл все условия и приличия, забыл, что пишу *даме*, а не просто женщине, и долго, долго не мог найти их странною и оригинальною выходкою. Распустить их у меня и в виду не было. Вам послал я их потому, что имею глупую привычку сообщать и писать вам все, но не думал, чтоб вы решились читать их, и кому же — Погодину! Но вы не могли понять всего значения для меня этих стихов, этой сердечной, живой речи, которая, может быть, и не выразилась здесь вполне. Я думал, что Смирнова оценит их, поймет, что они были писаны серьезно, с искренним, огорченным словом правды, за что нельзя обидеться, не должно обижаться человеческой душе! Я думал, что она огорчится, думал, что она будет оправдываться, забудет о самолюбии там, где дело идет о чистоте души. Но, зная ее, я все-таки не решался послать их к ней, ожидал случая и мог уже предвидеть оборот, какой примут дела. Этим объясняются мои вторые стихи [3], где слышна досада. Смирнова дурно поступила со мной. На мою искренность она отвечала шуткой, насмешкой и похвалой и потом, как будто стоя на такой высоте, до которой брань не долетает, читала их всем. Вы не можете понять всей обиды такого поступка. Гнев ваш не смущает, брань не сердит, упрек не трогает, жар не увлекает, не вызывает на ответ, а вас хвалят за прекрасный порыв, смеются оригинальной выходке, и вы, наконец, видите себя смешным ребенком или интересным оригиналом, который, если говорит, то обращает внимание всех на себя, а не на содержание и смысл речи. Она при мне читает их другим, которые во время чтения смотрят на меня исподлобья, улыбаясь, и потом говорят: «Прелесть!» Черта с два, можете представить себе, что вытерпело мое самолюбие в эти минуты. Всякий раз, когда эти стихи хвалятся как стихи только (достоинства стиха я и в виду не имел, когда писал), то мне нестерпимо больно и досадно. Когда же Смирнова прочла их Маркевичу [4] и послала в Петерб⟨ург⟩, тогда я, до той поры никому их не читавший, приехал в Москву и прочел двум. Вообразите себе мое удивление, когда, воротившись, увидал я, что вся

эта история и стихи, по милости Смирновой, известны многим, и таким, которых я вовсе не знаю, что я делаюсь предметом какого-то любопытства, что меня она и брат ее показывают другим как оригинала, *эксцентричного человека* [1*]. На все это я *имею доказательства*. В каких же дураках остался я с своим искренним движением, с своим горячим желанием видеть ее на другом пути, с беспокойною мечтой — вызвать ее на другой путь! Нет, черт возьми!.. Есть такие оскорбления внутреннего самолюбия, которые не прощаются, и уж, конечно, вперед я буду осторожнее и такой глупой выходки не сделаю. Тем более, что я, как вы сами знаете, человек довольно сосредоточенный и скрытный и всегда проповедовал о необходимости сдерживать внутренние движения; стало, моя выходка мне еще больнее. Как же можно мне после того сойтись с Смирновой? Конечно, я могу бывать у ней каждый день, вести разговор, как и прежде, да я этого не хочу, и мне это трудно. Стихи, которые теперь пущены в ход (но которые, однако, едва ли я напечатаю, чтоб защитить себя еще от упрека), положили бездну между нами. Уничтожить их трудно, да и не могут они быть уничтожены, пока не уничтожен *повод* к стихам. У нее мне теперь просто скучно: только два разговора и могут быть: или о погоде, или такой, который расстроит нервы. Первый скучен, второго избегаю! К тому же она теперь всегда окружена калужанами, и я с удивлением увидел, что некоторые лица, прежде и подходить близко не смевшие, стали с ней в самые короткие и дружеские отношения, им также все сообщается и поверяется и, между прочим, рассказаны и мои выходки, и мои стихи. Так что когда я вхожу к ней в гостиную, то эти господа всегда улыбаются и следят за каждым моим словом, воображая, что непременно у меня изо рту вылетит что-нибудь отменно забавное. Они так и должны думать, читая стихи мои, и называют меня или чудовищем, или чудаком, сопровождая неотлучно Смирнову и кадя ей немилосердно... К тому же и она теперь прекратила всякие свои настояния и приглашения... В самом деле, мне уже так надоело слышать и видеть здесь повсюду, что на меня смотрят как на оригинала, что я теперь сделался гораздо воздержнее и умереннее в своих словах и расчетливее в движениях.

Я хочу переменить свою квартиру. Она берет слишком много дров зимой и сыра. К тому же в течение года многое так обрушилось в этом старом строении, что требует больших поправок, да из окон дует нестерпимо. Ищу квартиры. Предлагает мне Сем⟨ен⟩ Як⟨овлевич⟩ Унковский свой вновь отстроенный деревянный флигель, который будет отдаваться внаймы с 1-го октября. У него ведь здесь свой дом, в котором он и живет с семейством. Квартира чудесная: дубовые рамы, суха, тепла, три комнаты (одна большая и с камином!), передняя, кухня. Флигель разделяется на две половины; в другой будут жить двое старших сыновей его. Подъезд особый. Квартиру предлагает он нанять со столом для людей и отоплением (у него свои дрова и своих людей с 15 в доме), даже со столом для меня (даром предложить обеда он, конечно, не смеет), т. е. мне будут носить обед

[1*] Брат ее всем своим знакомым, проезжавшим чрез Калугу, читал мои стихи, разумеется, получив на это ее позволение! Забавно, брат про сестру читает.

и ужин на дом. О цене еще не говорили, но он дал обещание назначить цену по совести, как бы человеку чужому, приехавшему только что из Новой Голландии. Главным условием поставил я, чтоб мне была совершенная свобода, чтоб я мог и по целым дням не приходить к ним в дом (который на том же дворе), чтоб ко мне ходили не часто... Впрочем, с сыновьями я без церемоний, просто выгоню, когда захочу. Как вы думаете, решиться мне или нет? С одной стороны, мне все это чрезвычайно удобно, все втрое выйдет дешевле, я могу избавиться ото всякого хозяйства, могу все у него же покупать, потому что к нему все решительно присылается из деревни, — камин также соблазнителен... С другой стороны, что ни говори, а я уж не буду так независим и уединен, как прежде. Зато, впрочем, не буду так и одинок, как бывал. К тому же я оставил всякую претензию на то, чтоб написать что-нибудь большое и замечательное!.. Будут какие стихи, пришлю их Панову. Я здесь прожил уже год, имел досуга довольно и ничего не сделал, нечего вперед себя обманывать. Это всего хуже. Отвечайте мне непременно, советуете ли вы мне брать эту квартиру? Она отдается помесячно. Мебель у меня есть. — Прощайте, до вторника. Еще многого не успел сказать. Мне надо писать Плетневу, благодарить его за «Совр⟨еменник⟩». До сих пор не писал. Цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Конст⟨антина⟩ и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

120

1846 г<ода>. Калуга. 27 авг<уста>. Вторник.

Я не получил писем от вас на прошедшей неделе, милый отесинька и милая маменька, т. е. собственно от вас: от Константина и Олиньки я получил. Константин не должен пенять мне за то, что я не отвечаю ему особо. В письмах моих ко всем заключается также ответ на все письма. Как холодно! Ветер северный, дует так сильно, что я принужден был в нескольких окнах вставить двойные рамы. Пора вам решиться — где проводите вы зиму. Олиньке надо проводить ее в Москве — это бесспорно, а вы как? Зимою трудно жить на два дома. Я сам еще ни на что не решился относительно себя. Вопрос: служить или не служить — все еще не разрешен [1]. Если служить — так служить, т. е. надо подыматься и местом, и (главное) жалованьем. Если вы желаете, чтоб это произошло в Москве, так ищите там места, на которое бы я мог перейти. Тогда это может случиться, кто знает, и раньше 1-го января. Если же вы места не найдете, то выходить мне в отставку (что может произойти в феврале, к марту) и поселиться в Москве? — Но поселиться в Москве, без особенного, постоянного дела, мне трудно. Я еще не готов к такой оседлости; в прежних моих планах входило в расчет путешествие, после которого, угомонившись, я бы мог приняться за какой-нибудь постоянный труд, дело, хоть за издание журнала. Служа здесь, я все как будто живу на кочевье. Надоела Калуга, могу перейти в Тверь. По нашему министерству едва ли возможно будет найти место в Москве собственно. Надо справиться в других м⟨инистер-

ст›вах, в банке, в удельной конторе, только не в дворцовом ведомстве... Покуда же я живу и служу здесь, предоставляя зиме решить мою будущую участь и не смея строить никаких планов и предположений.

Обращаюсь к своей хронике. В субботу и воскресенье сидел я дома и никуда не выходил, во 1-х, потому, что было ужасно холодно, во 2-х, потому, что я желал дать золотухе своей время созреть, что она и сделала. Я читал книги, курил, прочел от доски всего Фонвизина последнее издание [2] и не видал ни души; в воскресенье вечером зашел ко мне Сальницкий дать урок польского языка. Он сообщил мне, что Арнольди уехал в Москву! Наконец, один из Россетов после долгих странствований и исканий обрел свое position sociale *, разрешил задачу своего существования: Осип Россет (Scham **) женится [3]. Искание невесты с состоянием доходило в нем до отвратительной мании. С этою целью он ездил здесь по ярмаркам и деревням. Когда воротился я из Москвы, то уже не застал его: он уехал с приятелем своим, здешним вице-губернатором Клушиным [4] (порядочным животным, служившим в кавалергардах) в деревню его, в Орловскую губернию, и в сей губернии нашли невесту с достаточным количеством душ. Все семейство ликует, и Осип отправился в Москву, чтоб все приготовить. Через месяц свадьба. Но к чему отправился с ним Арнольди, не знаю. Разве что на радостях! Алекс‹андру› Осип‹овну› не видал. Был у нее вчера с визитом перед обедом, но она меня не приняла, потому что брала ванну. Нынче она с дачи переезжает в город. На этой неделе много праздников. В четверг и пятницу [5], а суббота и воскресенье и без того свободны. — В воскресенье Унковские переезжают в город.

Посылаю вам только что испеченные стихи [6]. Они еще и в голове моей не совсем оселись, если можно так выразиться. Вам не понравятся они, я знаю, ни по содержанию, ни по форме. В самом деле, стих не гладок, и мысль слишком голо проявляется, немножко à la Баратынский [7]. Прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы; я, слава богу, здоров. Обнимаю Костю и всех сестер. А‹нне› С‹евастьяновне› кланяюсь.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Пришлите ваши замечания на стихи. Вместо: «Но много ль ты вопросов» у меня было: «И что ж теперь? Богаче ли ты стал». И другие перемены, которые я теперь не пишу.

121

1846 г<ода>. Калуга. Авг<уста> 30. Пятница.

Я пишу к вам нынче, милый мой отесинька и милая маменька, потому что обещал после обеда ехать в деревню к Унковским, в последний раз: в воскресенье они сами переезжают. Хочу дождаться, однако, прихода нынешней экстра-почты, не будет ли от вас писем. На той неделе, кроме писем Константина и Оли, других никаких не получал. Во вторник я послал вам

---

* Общественное положение (*фр.*).
** Стыд (*нем.*).

стихи [1]. Не подумайте по ним, что я нахожусь в мрачном расположении духа. Ничуть. Напротив, по написании этих стихов, всякое соответствовавшее (что за слово, господи, чуть не сбился писавши) им настроение духа изчезло, и я провел эти дни в занятиях незаметно. Даже чувствую себя расположенным писать стихи, хотя новых никаких не написал. Нынешний раз хроника моя очень бедна. Во вторник оставался я целый день дома, только вечером сходил к Феде Унковскому поиграть на бильярде. В середу он с братом своим и Бокаром случайно собрались у меня и отобедали, причем Ефим мгновенно увеличил объем кушанья, потому что я его не предупреждал. Ввечеру зашел ко мне Сальницкий, принес мне книгу для перевода, польскую церковную историю. Вчера целый день сидел дома и переводил ее. После обеда, часу в 6-м, вдруг получаю записку от Юши Оболенского [2], просит меня к себе. Я чрезвычайно ему обрадовался. Вообразите, что он теперь путешествует пешком по России и сделал до 700 верст. Был в Ростове, в Орле, в Туле, теперь пришел пешком из смоленской деревни своей сестры прямо в Лаврентьевской монастырь, где похоронены его мать и сестра, оттуда в гостиницу, куда я и приехал к нему. Из Калуги он пешком же отправляется в Москву. Ходит себе один, с котомкой за плечьми... Молодец! Он сейчас должен быть ко мне и просидеть у меня часов до 2-х, потом сделает визит к Смирновой и, может быть, отобедает у меня. Поэтому я и спешу окончить письмо до его прихода. Понастоящему, так как нынче царский день [3], должно бы мне надеть мундир, отправиться с поздравлением к губернатору, как делает все служащее сословие, начиная с вице-губернатора, и оттуда с ними — в собор. Но я уже давно принял обыкновение этого не делать, и 22-го числа, как и нынче, сижу дома [4]. — Вчера вечером, когда я воротился от Оболенского, вдруг озарил мою комнату огромный пожар. Горела деревня, на горе, на другом берегу Оки. Шум, крик, тревога были явственно слышны у меня. К счастию, не было ветра, и пожар кончился уже ночью... Прощайте, больше писать нечего. Цалую ваши ручки, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Обнимаю Константина, Веру, Олю и всех сестер. До вторника. Если получу письма, то, может быть, припишу еще. Каков граф Панин, мне сказывал Юша, что он вдруг отказал Розенбауму [5] (моему товарищу), назначенному было в прокуроры, на том основании, что правоведы, чему доказательство Гриша, еще не годятся для этих должностей!..

Ваш *Ив. Аксаков.*

122

1846 г<од>. Вторн<ик> 3 сент<ября>. Калуга.

Вы, верно, подосадуете на меня за такое маленькое письмо уже в 3-ий раз. Пожалуйста, милый отесинька и милая маменька, не вообразите, что это вследствие какого-нибудь нездоровья. Дело в том, что вчера вечером, невдалеке от меня был огромный пожар, на котором и я был; там встретился с одним моим знакомым, Яковлевым Семеном Павлов⟨ичем⟩, толь-

ко что приехавшим из деревни, и проговорил с ним на улице до второго часа. Воротился домой, лег в постель, — приходит Оболенский Юша (он еще не ушел, но собирался идти от меня пешком ночью в Москву). Я уговорил его не идти эту ночь, а проночевать у меня, что он и сделал. Теперь он у меня, и поэтому я тороплюсь окончить письмо, тем более, что в 10 часов мне надо ехать к губернатору — объясняться по делам службы, а оттуда в палату. Зато уж я напишу вам огромное письмо с следующей почтой. Поздравляю вас с сентябрем. Становится очень холодно, так что я принужден был вставить кой-где двойные рамы. В пятницу, пред отъездом в деревню к Унковским, получил я письмо от вас из Абрамцева и письмо дополнительное — от милой Олиньки, которую не знаю, как и благодарить за это. Боюсь, что это ее утомляет. Из письма я узнал, что маменька с детьми и Sophie уехала в деревню. Теперь, вероятно, Алекс⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ уже оставил Москву. Что его дело? [1] Что происходило у вас, все ли благополучно? Думаю только, что стихи мои пришли не в пору... Глубоко огорчает меня все то, что вы пишете о Гоголе [2]... Правда ли это? С Смирновой я не говорил о нем, потому что не был у нее на этой неделе и вообще не видал ее вовсе более трех недель. Хочу совсем перестать к ней ездить. Она окружила себя всем тем, что есть самого дрянного в Калуге, но что раболепствует перед ней, людьми, даже неприятными ее мужу, продолжает читать стихи мои всем возвращающимся из деревень, прибавляя: «Quels jolis vers!..» * Я вчера слышал об ней такие вещи, делавшиеся недавно здесь, что, если это правда, так она просто вредная женщина, не только развращенная в образе мыслей и понятий, но развращающая... В провинции если и дурны нравы, так люди эти в простоте сердечной и думают, что это дурно по общим принятым истинам христианским, но Смирнова, передавая им свое воззрение, успокоивает их щекотливость для того, чтоб самой успокоиться. Если б все вокруг ее были мерзавцы и свиньи — это было бы, конечно, ей величайшим утешением. У ней в доме бывает одна молодая девушка, которую мать с доверенностью отпускает к ней часто на целый день, и Смирнова позволяет бог знает что делать с нею у себя перед глазами своему брату, тешится этим, и когда один человек сказал ей, как может она позволять такие вещи при себе, то она отвечала: «Que voulez-vous, que je fasse, je m'en vais, quand cela devient trop fort!» ** Не для чего к ней ездить. Прощайте, отчетливо и подробно буду писать к вам в субботу, целую ваши ручки, обнимаю Олиньку, Веру, Константина и всех сестер. Будьте здоровы.

Ваш *Ив. Акс.*

123

1846<од>. Калуга, 7-го сент<ября>. Суббота.

Вчерашняя почта не привезла мне писем от вас, милый мой отесинька и милая маменька, а привезла письмецо от Панова, который просит стихов. Я посылаю ему введение в «Марию Египетскую» как не помещенное в руко-

* Какие милые стихи!.. (*фр.*).
** Что прикажете мне делать, я ухожу, когда это переходит границы! [3] (*фр.*).

писи. Не знаю, отчего Плетнев не возвращает мне ее, почти два месяца, как она отослана... Напомнить совестно. Неужели цензора могут так долго держать у себя представляемые рукописи, особенно же такие маленькие? Вы пишете, милый отесинька, чтоб послать Плетневу стихи. Я и сам готов был участвовать в «Современнике», и меня не остановило бы то, что он издается в Петербурге, но меня остановило то, что буду участвовать там вместе с Коптевым, автором подлейших стихотворений [1], что легко могут подумать, увидя стихи мои рядом с его стихами, что мы одной стороны, одних мнений, от чего одного мороз подирает по коже. Еще прежде получения ваших писем я отвечал Плетневу откровенно, благодарил его очень за «Современника», высказал ему неприятное впечатление, произведенное на меня такими-то стихами, и объяснил, что я не только не сочувствую с этим господином, но даже боюсь, чтоб другие не подумали этого и пр. Право, нельзя иначе! И без того трудно уберечь чистоту своих мыслей и убеждений. Лучше я никогда ничего не напечатаю! Впрочем, если б в «Современнике» не было коптевских стихов, я бы охотно послал Плетневу стихи... Может быть, он обиделся моим письмом, мне это очень жалко и досадно, мне бы этого очень не хотелось, да что же делать. Я долго не решался писать. Наконец перечел опять стихи и под впечатлением их написал Плетневу. — Какова погода! У меня вставлены окна, теперь топится печка, а на дворе холодно и дождик, грязно, серо и сыро. Неужели вы еще остаетесь в деревне? Я думал о вашем житье в Москве и нашел, что вам уже потому надобно жить в Москве, чтобы привести к концу печатание Константиновой диссертации. Пора, пора это кончить; если он сам этого не чувствует, так вам должно за него принять решительные меры. Помилуйте, ведь уж ему 30 год! Вы очень хорошо знаете, что если будете сами жить в деревне, так не удержите Константина в Москве, а коли будут поездки, подобные прошлогодним, так никакого толку не будет. К 1-му октября я перееду на новую квартиру. Флигель еще не готов, но поспеет к тому времени. У меня будет теперь деревянная, теплая, устроенная и ухиченная на зиму квартира. Она даже теперь отделывается с разными удобствами для меня собственно. Рамы светлые, чистые, дубовые, камин... Я очень рад этой квартире. Еще больше рад тому, что у меня не будет никакого хозяйства, кроме чая, а здесь я должен нанимать даже водовоза и прикидываться хозяином, т. е. смотреть достоинство сена, дров, овса, сапогов Матюшкиных и пр. Что касается до цены, то я объявил, чтоб назначили мне цену безо всякой уступки для меня собственно; и если хотите, цена не обидная ни тому, ни другому: за квартиру с отоплением и со столом для меня (людей своих я хочу кормить особо) 700 рублей в год. Затем из моего жалованья оставалось бы 1800 р⟨ублей⟩ в год. Здесь я плачу 400 рублей за квартиру, да дров у меня эти огромные печи (их всех 4) проглатывают несметное количество, зимою 4 сажен. Держать одному свой стол ужасно дорого: в малом очень количестве покупать нельзя, один съедаю я мало, а остальное все пропадает. Наконец я велел Ефиму записывать все мои расходы, сводить счеты и т. п. Ах, кстати! В Москве остался Матюшкин переделанный зимний кафтан, пришлите его с первой возможностью. Он ужасно вырос и потолстел, и прошлогодний каф-

тан не ⟨нрзб⟩ на полушубок. Между тем теперь холодно. Если оказии нет, так напишите, я велю или поручу кому-нибудь из Унковских устроить ему новый. Перееду я к Унковским, и вся Калуга заговорит, разумеется, разные вздоры, будут делать соображения, толки... Да мне все равно! Я в Калуге долго не останусь, а эту зиму проведу, по крайней мере, тепло, уютно, покойно, с людьми, которых я могу уважать, с честными людьми. Но так как это не мое же семейство, и с людьми этими я не могу толковать обо многом, то я остаюсь уединен внутри себя, не растрачиваюсь по-пустому и всегда могу провести вечер у себя с камином, один-одинехонек!.. Меня что-то очень начинают не любить многие в Калуге, кроме тех неприятелей, которых я наделал себе по службе, напр⟨имер⟩, прокурор, полицеймейстер и т. п... Был я во вторник поутру у Смирнова с объяснением по делам. Так как его собственно я очень люблю и уважаю, то объяснение это кончилось тихо, он взял бумагу с разными замечаниями на палату назад. Спрашивал, почему я не бываю у его жены уже почти месяц. Я сказал ему, что жена его окружается теперь таким обществом, от которого мне не только нет приятности, но даже невыносимо скучно, что ему очень хорошо известны мои отношения к Калуге. Больше я не стал говорить и уехал... Юша Оболенский прожил здесь почти всю неделю и последние дни жил у меня. Вот оригинал в своем роде! Отправился в Москву пешком; здесь переписал он решительно все мои стихи, которые только здесь, даже «Зимнюю дорогу». Вообразите, что он сделал раз, без моего ведома. Проходя из Смоленской губернии в Калугу, пришел он вечером в сельцо помещицы Луниной и просил ночлега. Его впустили; он увидал бедную и грязную, ограниченную жизнь, старую помещицу в засаленном капоте, век свой живущую в деревне; подле нее — племянница ее, красавица, говорит Юша, необыкновенная молодая девушка, которая осуждена, не знаю почему, на житье с старой теткой, в глуши, бедности, без книг и без общества. А между тем эта молодая девушка воспитывалась в Смольном монастыре [2]. Положение ужасное! Она обрадовалась Юше как человеку, с которым может хоть о чем-нибудь поговорить!.. Оболенский был так растроган ее положением, что на другое утро решился уйти, не простясь, и ушел. Придя в Калугу, он выписал из «Зимней дороги» стихи: «Жаль мне и грустно, что ты молодая» и другие вслед за этим, подписал: «И. А. Отрывки из поэмы» и, не прибавляя больше ни слова, безо всякого объяснения, отправил по почте на имя этой девушки, которой фамилия *Фридбург*. Но какая ужасная флегма! Он ленится говорить даже! Однако, несмотря на это, он скорее нас решился на такое дело, к которому мы, толкующие о народе, приступить не можем. Именно — путешествие пешком по России под видом богомольца. Если я не поеду в чужие краи, то на будущий год отправлюсь пешком в Киев, разумеется, не для богомолья, но так, ради путешествия и любознательности. Оболенский даже может вам рассказать теперь много замечательных вещей про народ и быт народный. — Должно быть, нынче воротится наш председатель. Хоть от этого палате не легче, но я, по крайней мере, сдам ему скучную полицейскую часть управления. Да, бишь, я и забыл вам сказать, что у нас в палате пропало одно дело, правда, пустое, но тем не менее в покраже дела

подозревается мною один писец. Сообщили в губернское правление о произведении следствия. Мне забавно только то, что этот дурак Яковлев будет непременно воображать, что это случилось потому, что он был в отсутствии, а при нем бы этого не было!..

По крайней мере нынешняя почта привезет мне письма от вас. Мне очень хочется знать, как произошла эта неделя у вас и все ли благополучно, так же и то, не имеет ли холодная и сырая погода вредного влияния на Ваши глаза и нездоровье Олиньки. Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, до вторника. Будьте здоровы, цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер. Надо еще Панову писать. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. — От Влад⟨имира⟩ Ив⟨ановича⟩ не имею никаких известий: что он, где он, что Аркашина жена? [3] Да не забудьте о кафтане.

Ваш *Ив. Аксаков.*

124

***10-го сент<ября> 1846** г<ода>. Калуга. Вторник.*

Письмо это придет за день или два до 14-го сентября. Поздравляю вас милый отесинька и милая маменька, со днем рожденья Надички. Поздравляю тебя, милая моя Надя, цалую и обнимаю тебя, поздравляю также всех остальных. Странно мне, что до сих пор не получал я писем от вас; последние самые ваши письма были получены мною 30-го августа. Разве хлопоты по наемке дома, по перевозке и т. п. помешали вам? Впрочем, почта из Москвы отходит три раза в неделю. Нового ничего не имею вам сообщить. Во все эти дни я не был нигде, кроме палаты и Унковских, и никого, кроме их, не видал. Флигель мало-помалу отделывается и к октябрю будет готов. Алекс⟨андр⟩ Ив⟨анович⟩ Яковлев воротился. Нынче я у него обедаю, вечером же должен прийти Сальницкий и дать мне урок польского языка. Арнольди еще не возвращался из Москвы. — В субботу получил я, наконец, письмо от Плетнева [1], в котором он пишет мне, что посылает рукопись (но рукопись еще не приходила в Калугу), возвращенную от цензора [2]. Он пишет, что радуется уже и тому, что рукопись возвращена, что цензор перепачкал ее ужасно, но что всякий другой цензор поступил бы еще хуже. Советует мне, «если я не захочу явиться в публику в таком *израненном* виде», попытать со временем счастья в одесской цензуре или даже хоть в рижской [3]. — Как досадно, что я не получил рукописи! Не знаю даже, когда она придет: неужели опять ждать субботы, дня прихода из Москвы тяжелой почты? — Оправдывается, между прочим, Плетнев в отношении стихов, помещенных в «Современнике»[4], и распространяется очень много о своем журнале, о себе, благодарит меня за отзыв о «Современнике» и т. п. Что же теперь делать? Всегда мои планы чем-нибудь расстроиваются. Впрочем, теперь, не видав рукописи, не могу я ничего предположить... Посылать в Одессу — опять скучная и долгая возня; положим, я мог бы это сделать: у Арнольди все профессора тамошнего лицея знакомые ему и приятели, и рукопись не запре-

тят, по крайней мере, но ее надобно вновь отдать переписывать, вновь ждать... Нынче вечером опять должна прийти почта из Москвы. Авось, завтра получу я и письма ваши, и рукопись!..

Погода в Москве, верно, такая же, какая и здесь: один день дождик и сыро, другой день (нынче, например) солнце и мороз. У себя я вставил окошки и топлю, потому что боюсь сырости. Гуляю очень мало; дома читаю «Revue des deux Mondes», сообщенный мне через Унковских от Мухановой, которая все еще живет в деревне. В нем много очень интересных статей о современном положении Запада, обо всех вопросах, его теперь занимающих, особенно религиозных, более или менее отражающихся и на нашем образованном обществе.

Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька. Дай бог, чтоб молчание ваше не было вследствие нездоровья. Будьте здоровы и бодры. Цалую ваши ручки, обнимаю милую Надю, Олю и всех сестер, также Константина. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

125

1846 г<од>. Суббота. 14 сент<ября>. Калуга.

Наконец после долгого ожиданья, в середу получил я письма ваши от 5 сентября, милый мой отесинька и милая маменька. Они меня надолго огорчили и расстроили. Несмотря на все усилия памяти, я не мог припомнить, какого рода выражения могли так рассердить вас. Мне известно только то, что я за все это время не помню никакого ощущения досады, неудовольствия или даже гнева, как вы говорите; следовательно, помещенные выражения были написаны как-нибудь случайно, необдуманно... Во всяком случае, я не только не имел намерения огорчить вас, но меня самого глубоко огорчает это. Сделайте милость, простите меня, не сердитесь на меня и забудьте все это; впрочем, из последнего письма вашего, полученного мною вчера, я вижу, что вы на меня больше не сердитесь... Следовательно, я могу успокоиться и заговорить прежним тоном. Отвечаю сначала на ваши письма. Золотуха давно изчезла, и я, слава богу, чувствую себя хорошо: нарочно не прибавляю *очень* или *совершенно*, чтобы вы скорее поверили положительному тону. Вот какая суматоха была у Вас, милая маменька, и как благодарю я Вас за то, что Вы, несмотря на хлопоты, нашли все-таки время написать мне большие письма!.. Итак, вы остаетесь на зиму в деревне... С одной стороны, конечно, хорошо тем, что вы (оглянитесь сперва, нет ли кого,— если читаете письмо это вслух) избавляетесь от частых посещений родни, разумеется — не дяди Аркадия [1], но сватов и т. п... Если Вы, милая маменька, увидите Над ⟨ежду⟩ Николаевну, спросите у нее адрес Львова, нашего, правоведа.— Пинский не женился [2]; государь не позволил этого.— Я получил стихи Карол⟨ины⟩ Карловны [3]. Напрасно, милая маменька, сказала она Вам, что стихи эти сочинены ею в полчаса времени! С лишком год тому назад она говорила, что пишет эти стихи ко мне и читала мне самому некоторые

строфы, которые тут помещены. Да и Вера, я думаю, припомнит их. Если успею, то перепишу их нынче и перешлю к вам. Стихи не совсем гладкие, но есть очень хорошие места. Поблагодарите ее, когда увидите. Со временем постараюсь ей отвечать. Известие, сообщенное вами,— о мундирах для штатских, подтверждается: какой-то чиновник приезжал к губернатору и сказывал это, с дополнением, что даны будут мундиры и всем отставным, что будет штаб гражданских чиновников, начальником которого будет статс-секретарь Танеев, известный дурак! Эта вещь так красноречиво говорит сама за себя, что и прибавлять нечего.— Теперь отвечаю на письма от 9-го сентября... Меня все беспокоит участь Константина зимой... Жить в Москве он не станет, и диссертация не напечатается!— Погода с некоторого времени стоит довольно ясная, хотя и холодная. Вчера день был чудесный, совершенно без ветра.— К 1-му октября я перееду во флигель к Унковским: мне там будет теплее, покойнее и выгоднее.— Вам не нравятся, милый отесинька, стихи: «Бывает так, что зодчий» и пр. Я не знаю, почему нельзя сравнить зодчего с человечеством, вечно созидающим здания, которые рушатся. Они не идут к сборнику, и я пошлю их к Плетневу, о чем надобно уведомить Панова, который мог успеть уже взять их у Оболенского [4] для напечатания... Об Алекс⟨андре⟩ Осиповне, конечно, нечего распространяться в письмах. Я уже не видал ее месяца полтора: говорят, здоровье ее все так же плохо. Самарин находится решительно под ее влиянием [5]. К Смирновой я не езжу, потому что не люблю оставаться в таком фальшивом положении, и я гораздо покойнее духом с тех пор как не бываю у ней. Она, впрочем, говорила многим, что не понимает, почему я ее оставил! Гоголя и Самарина довольно с нее [6]; следовательно, мое пренебрежение ничего не значит, а мне гораздо удобнее не бывать у нее... Послания к Константину, написанного в Астрахани [7], всего-навсего имеется один экземпляр, который находится у Самарина. Стихи этого длинного послания очень, очень плохи, и поэтому я его и не сохранил у себя. «Зимнюю дорогу», конечно, вы можете оставить у себя.— Кафтан Матюшке прикажу шить немедленно, т. е. поручу эту заботу кому-нибудь из Унковских. Одеяла мне никакого не нужно и белья также... Кажется, я аккуратным образом ответил на все ваши письма. Теперь — историческая хроника. Она очень коротка. Неделю эту прожил я, как и прежнюю, занимался польским языком, познакомился с некоторыми стихотворениями Мицкевича. Что за прелесть! Я даже чувствую гармонию его польских стихов. Третьего дня, наконец, явился ко мне Клементий Россет, у которого я не был с тех пор как перестал ездить к Смирновой. Он, по крайней мере, так деликатен, что никогда ни слова о сестре и стихах. Он сообщил мне секрет, давно уже мне известный, о книге Гоголя [8]. Вчера ездили мы с ним вместе к одному общему нашему знакомому, полуполяку Ленци, который скоро оставляет Калугу, в деревню, верст за 14. Там обедали (было много и других), провели время довольно скучно, но воротились довольно поздно, часу во 2-м ночи, потому что хозяин решительно не выпускал нас из дому. Воротившись, я нашел на столе ваши письма, немедленно закурил сигару и стал читать их, почему заснул очень поздно, встал в 8 и немедленно принялся

за писание писем. Вчера вечером без меня приходил человек от Ив⟨ана⟩ Вас⟨ильевича⟩ Киреевского — сказать, что он здесь проездом и остановился в гостинице. Как скоро окончу письма, отправлюсь к нему: надеюсь застать его еще здесь.— Нынче 14-ое, день рождения Надички: еще раз поздравляю ее и вас всех. Поздравляю также всех именинниц 17-го сентября [9], цалую и обнимаю их.— В четверг получил я, наконец, рукопись свою [10]. «Чиновник» [11] весь, с начала до конца, зачеркнут; не пропущены также стихотворения: «Зачем опять теснятся звуки» и пр. и «Сон». В некоторых других пиесах также не пропущены некоторые стихи, напр⟨имер⟩, в послании к Языкову: «И стон молитв, и гром проклятий, И звуки страшные оков». Но не так, однако же, чтоб нельзя было их печатать. «С преступной гордостью обидных» пропущено все, как было помещено, т. е. «Чтоб в прах рассыпался Содом!» Но главное, что меня радует, так это то, что «Зимняя дорога» пропущена почти вся: окончание о наборе пропущено совершенно, как было! Перечеркнуто только то, что я прибавил при переписке: когда Архипов говорит Ящерину: «Слышал, видел, а?» и пр. Но это безделица. Слава богу, я и этому рад. Нынче же отдаю писцу списывать «Чиновника», которого пошлю в Одессу, а остальные стихотворения, прибавив к ним новые, может быть, даже отрывки из «Марии Египетской», хочу или, лучше сказать, хотел бы издать нынешнею зимой. Обращаюсь к Константину с просьбой принять в этом живое и аккуратное участие. Прошу его, во 1-х, съездить к Степанову в типографию и узнать, останется ли за ним, по напечатании диссертации, достаточный долг для напечатания моих стихов; во 2-х, разузнать, может ли хлопоты по печатанию принять на себя Ефремов [12], т. е. здоров ли он, не занят ли очень; если может, так я сам напишу к нему письмо и попрошу его об этом. Панов слишком занят, а Константину печатание поручать не хочу; 3) разведать о формате, который должен быть небольшой, бумаге и пр. Прошу его исполнить это поручение не между Свербеевой и Ховриной [13], не возвращаясь от одного и спеша к другому... Если же когда-нибудь Вы, милый отесинька, поедете в Москву, то не можете ли Вы тогда узнать, кому из книгопродавцев можно будет выгоднее сбыть... Не возьмет ли даже и теперь кто-нибудь из них на себя издержки, т. е. не купит ли рукопись?.. Рукопись пошлю вам во вторник. По мере того, как будет печататься, я могу сносылать в петербургскую цензуру дополнение. Уведомьте меня, как все это делается.— Прощайте, до вторника. Цалую ваши ручки, будьте здоровы. Обнимаю всех сестер и Константина. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь. Вот стихи Павловой:

Посвящено Ив. С. Аксакову.

В часы раздумья и сомненья,
Когда с души своей порой
Стряхаю умственную лень я,
На зреющие поколенья
Гляжу я с грустною мечтой.

И трепетно молю я бога
За этих пламенных невежд;

Их осуждение так строго,
В них уважения так много,
Так много воли и надежд.

И может, ляжет им на темя
Без пользы времени рука,
И пропадет и это племя,
Как богом брошенное семя
На почву камня и песка!

Есть много тяжких предвечаний,
Холодных много есть умов,
Которых мысль, в наш век сознаний,
Не признает святых алканий,
Упрямых вер и детских снов.

И, подавлен земной наукой,
В них дар божественный изчез,
И взор их, ныне близорукой,
Для них достаточной порукой,
Что гаснут звезды средь небес!

Но мы глядим на звезды неба,
На мира вечного объем,
Но в нас жива святая треба,
И не житийского лишь хлеба
Для жизни мы от бога ждем!

И хоть пора плода благого
Уже настанет не для нас,
Другим он нужен будет снова,
И провиденье сдержит слово,
Когда б надежда не сбылась!

И мы, чья нива не созрела,
Которым жатвы не сбирать,
И мы судьбу пусть встретим смело,
Пусть будет вера — наше дело,
Страданье — наша благодать!

1846 г<од>. Авг<уст>.
Гиреево.

К. Павлова.

126

1846. Калуга. 17 сент<ября>. Вторник.

«Ве́селый праздник именин!» [1] — вспомнилось мне нынче поутру, когда я проснулся и увидел яркое солнце и голубое небо. Опять поздравляю вас и всех милых именинниц. Здесь мне поздравлять придется только одну из Ункoвских [2]... Пожалуй, следовало бы поздравить Смирнову, у кото-

рой две дочери именинницы, но они еще малы [3], имен их я знать не обязан, и они никакого права гражданства в глазах моих не имеют. Разумеется, Калуга не *преминет* съездить с поздравлением!.. Письмо это придет к 20-му... Поздравляю Вас, милый мой отесинька [4], дай бог, чтоб этот год прошел для Вас покойно и без страданий... Поздравляю и Вас, милая маменька, и всю семью. Не знаю, как у вас, в деревне, а здесь эти последние дни погода стояла довольно теплая и приятная, хотя осенняя. Я к Константину с просьбой, на которую, естественно, если он и согласится, так неохотно. Я теперь занимаюсь польским языком, и мне нужно бы иметь Мицкевича; здесь его нет ни у кого, кроме одной маленькой книжонки стихотворений: у Константина он есть и в настоящее время ему не нужен. Если он согласится переслать его ко мне, так вот способ: завернуть в бумагу или положить в ящик, надписать на имя Ивана Францовича Сальницкого и отвезти или отослать в Шевалдышеву гостиницу [5], к некоторой m-me Мироновой, его знакомой, которая на днях уехала в Москву и должна скоро воротиться.— Эта посылка от Сальницкого прямо будет доставлена ко мне, следовательно, туда может быть вложено и письмо Самарина, но ничего больше, т. е. никаких варений и т. п.— Кафтан Матюшке, милая маменька, заказываю здесь, как Вы мне советуете. На нем все лопается, и приходится даже покупать новый полушубок.— В субботу, по написании писем к вам, отправился я к Киреевскому [6], который мне очень обрадовался, а Нат⟨алья⟩ Петровна [7] пришла в неописанное умиление и восторг от того, что меня видит. Едет в Москву, чтоб опять родить!.. Просидел у них часов до 3-х, потом отправился к Унковским, а вечером был опять у Киреевского и проговорил с ним до 2-го часа ночи. На другое утро они уехали. Читал я ему многие свои стихи, которые ему были неизвестны: кстати, чтение это происходило уже без жены его, которая ушла спать. Он сделал мне много очень умных замечаний. В пиесе «Бывает так, что зодчий» и пр., которая ему очень нравится, просит выкинуть последние две строфы: «Блаженны те, кто с юношеских лет» и т. д. В самом деле, в этих последних строфах не слышно искренности, я так не думаю, и они как-то не соответствуют широкому смыслу стихотворения. Нат⟨алья⟩ Петр⟨овна⟩ расспрашивала меня подробно о Ваших глазах, и когда я сказал, что Вам лучше, так она вздохнула, как будто гора скатилась с ее плеч, и стала креститься!— Оба в восхищении от «Московского сборника». Надобно, чтоб Панов выпросил у него статейку для сборника [8].— Если нынче тяжелая почта, так перешлю вам рукопись.— Посылаю вам также стихотворение, внушенное мне каким-то старым мотивом, который всюду неотвязно меня преследовал [9]. Я подарил его Бокару [10], так как это стихотворение пустое, безо всякого значения. Посылаю его вам потому только, что я вам все посылаю. Надобно только в эпиграфе поставить какой-нибудь старый французский романс [11]: не знаете ли Вы, милая маменька, такого? — Прощайте, до субботы, обнимаю вас и цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Костю и всех сестер.

Ив. Акс.

127

1846 г<од>. 21 сент<ября>. Калуга. Суббота.

Вчера был день Вашего рожденья, милый мой отесинька, еще раз поздравляю Вас и милую маменьку и всех наших... Не знаю, как в Москве, но здесь день был чудесный, воздух теплый и мягкий, что особенно действует на душу при виде осенней природы. А ночь, что за ночь, теплая, месячная, ясная! Я много ходил и гулял вчера. Письмо это придет, вероятно, в Абрамцево ко дню Ваших именин [1]; поздравляю Вас и с этим праздником. Верно, к Вам приедут гости, дядя Аркадий (которого, кстати, обнимите за меня), и сами Вы не поедете ли к Троице? [2] Готовясь на долгую и суровую зиму, с тяжелыми шубами, меховыми воротниками, шапками, зяблением ушей и затмением очков при входе со двора в комнату, я с жадностью пользуюсь хорошей погодой, легкостью одежд, свободой движений на воздухе и много хожу пешком.— Вчерашняя экстра-почта не привезла мне писем, авось, будут они завтра, если посещение дяди Аркадия не помешало вам вовсе написать их. Что вам сказать нового? Нечего. За неимением нового расскажу эту неделю. Во вторник, 17 сентября, обедал я у Унковских, пил хороший портвейн, часов в 7 воротился домой, читал проповеди Филарета; в середу был целый день дома; в четверг опять обедал у Унковских, вместе с Мухановыми, которые остановились у них проездом в Москву и теперь уже уехали. Вечером отправился в клуб, где было большое собрание старшин и членов: выбирали новых старшин, переменяли билеты, разыгрывали какую-то лотерею в пользу бедных.— Я от членства на следующий год отказался: что за охота платить даром 15 рублей серебром! так же не взял билета в лотерею. Там встретил Клементия Россета, который записался в члены, потому что ездит каждый день туда играть в карты, и Смирнова, который показывает вид, что на меня сердится и обходится со мной очень сухо и холодно. Сыграв несколько партий на бильярде с одним приятелем моим, немцем, гувернером у Унковских, воротился домой. Вчера целый день был почти дома; заходил ко мне Россет на час времени и тем напомнил мне, что я у него еще в долгу за прежние визиты, почему я и отправляюсь к нему сегодня, по написании писем, часу в 1-ом; и так как неловко, будучи в доме, не зайти к Смирновой, то, может быть, зайду и к ней.— А вот вам новость, для меня в особенности важная. Министр юстиции присылает сюда чиновника своего ревизовать калужскую уголовную палату, т. е. собственно «уголовное судопроизводство в Калужской губернии». Нам он об этом ничего не пишет, но губернатор получил от него о том официальную бумагу. Чиновник этот — начальник отделения в департаменте, Кастор Лебедев, и, сколько я знаю, огромная скотина и дурак. Он обыкновенно писал министру предложения по уголовным делам... Служа весь век в Петербурге, он не может судить никак о практическом применении законов и о возможности исполнения предписанных обрядов и форм в палатах, но, чтоб проехаться недаром и придать себе значения, вероятно, будет придираться ко всему. Объявив эту новость в канцелярии, я, однако же, не сделал никаких распоряжений для приготовления к ре-

визии: пусть все будет так, как есть. Я очень хорошо знаю, что главное, разрешение дел, производится мною самым добросовестным образом и между тем довольно быстро. Что не исполняется, так это или по глупости законов, или по недостатку средств и времени. Скучно, однако же, мне будет возиться с этим петербургским животным, особенно теперь, к концу года, когда дел поступает такое огромное количество, к тому же совершенно одному, без помощников. Очень может быть, что эта ревизия окончательно выживет меня из Калуги. Если б вы знали, как подчас бывает мне тяжело нести на своих плечах всю палату. Секретарь у нас все еще болен, члены остальные только подписывают и не способны помогать мне, некому даже поручить написать бумагу, а между тем дел много, дел, требующих большого соображения при применении нового «Уложения». Часто приходится из пяти и шести томов выбирать статьи для какого-нибудь незначительного решения... Я учетверяюсь в палате и работаю так быстро и без отдыха в продолжение этих четырех часов, что, право, иногда чуть-чуть дурно не делается. Всякий раз из палаты возвращаешься как шальной, как угорелый, ничего не понимая. Впрочем, и то сказать: за неимением другой живой деятельности поневоле все деятельные силы устремятся на эту, а деятельность, хоть какая-нибудь, нужна человеку. Дело в том, что деятельность эта подлого свойства имеет влияние на душу и ум человека... А у нас в России, кроме этой деятельности, нет другой. Издание журнала почти невозможно, говорить страшно, писать стихи — не деятельность, а занятие случайное, временное. Сидячий труд, кабинетный, *для потомства*, как делают немцы, работающие по 20 лет над изысканием смысла каких-нибудь крючков, нам невозможен: нужна более живая, общественная деятельность. Поэтому-то пугает меня, привыкшего к деятельности служебной, хоть и подлой, при выходе в отставку отсутствие всякой деятельности... Поэтому-то и думал я прямо из службы да в путешествие: это своего рода живая, разнообразная деятельность. Ну да я не охотник до мечтаний, и лучше об этом пока не говорить...

Прощайте, целую ваши ручки, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер, поклонитесь от меня кому сочтете нужным.

Ив. Аксаков.

128

24 сент<ября> 1846 г<ода>. Калуга. Вторник.

В воскресенье принесли мне ваши письма от 18-го, милый отесинька и милая маменька. Слава богу, что у вас все идет хорошо, и дай бог, чтоб Олиньке опять было лучше по-прежнему.— Завтра торжественный праздник всего Радонежья [1], поздравляю Вас, милый мой отесинька, и всех наших. А послезавтра и мой скучный день рождения! Мне уже наступит 24-ой год! Что ни говорите, а пора первой молодости прошла и прошла довольно глупо. Мы слишком расточительно обращаемся с вре-

менем, особенно в молодости, и года самые лучшие уходят незаметно, в надежде будущих благ! Невольно станешь скупее и бережливее... С октября м⟨еся⟩ца, переехав на новую квартиру, я устрою иначе образ жизни. Поменьше бездейственной и бесплодной мечтательности, поменьше слов, побольше дела — вот что нужно. Хотя этот год и не прошел для меня совсем даром, но все-таки мало принес пользы, и я ничего не сделал... Как-то поведет меня новый год? Право, не знаю, куда деваться от неприятной грусти, которую наводит всегда на меня день моего рождения!.. Осень делает большие успехи, и хоть на дворе не холодно, но деревья уже очень пожелтели, а многие почти совсем обнажились. Здесь также червь поедает поля, я слышал от Унковского, что он к его полям еще не дополз, но находился уже на меже.— В субботу, часов в 12, отправился я к Клементию Россету, и вообразите мое удивление, узнаю, что он уехал в Москву, вечером в тот самый день, в который был у меня, с братом Осипом. Прошел к Смирновой, у которой были в то время гости. Она приняла меня очень хорошо, но ни слова о том, что я так давно не был. Я нахожу, что ей гораздо лучше. Она крепче теперь и в физическом, и в нравственном отношении, очень бодра, весела и не скучает, ухватилась за внешность христианства и очень самодовольно опирается на нее, совершенно по-женски. Ездит на Калужку, заставила людей есть постное, читает Иннокентия [2], говорит (впрочем, она это не мне говорила, а Унковскому), что Иннокентий и Филарет гораздо снисходительнее меня, и вообще теперь она, кажется, вполне довольна меркой своего обращения. Я посидел у нее с час времени, особенного разговора не было и не могло быть, потому что она на всякое слово сейчас отвечает Евангелием, богом, верой или каким-нибудь нравоучением. К тому же я вовсе не имею намерения смущать ее (конечно, ограниченное и искусственное) чувство веры, потому что это для нее, так, как она его понимает, единственная отрада. Между тем, по моим понятиям, верующий может найти отраду только в самой безотрадной жизни. Впрочем, это вопрос очень долгий, об нем после.— Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки. В эти дни не происходило ничего особенного. Был я в воскресенье в театре. Смешно то, что в тот же день весь город почти знал, что я был у Смирновой... Тимирязев опять здесь и будет здесь жить всю зиму со всем семейством. Разумеется, он ежедневный гость у Смирновых. Обнимаю Костю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

И. А.

У вас был некогда «Schwanen Gesang» *: его никто не поет. Можете ли вы, согласитесь ли прислать его сюда мне, я буду заставлять петь Фед⟨ора⟩ Унковского и тем услаждать себя?

---

* «Лебединая песнь» [3] (*нем.*).

129

1846 г<ода> 28 сент<ября>. Калуга. Суббота.

Вот и мне минуло 23 года и пошел 24-ой! Неприятно, а бог знает почему! Как бы человек ни холодил себя, как бы ни старался разоблачать действительность, все-таки молодость обманывает его, все-таки ожидает он от нее больше, чем она принесет ему. Добро бы еще пролетела она быстро, шумно, незаметно. Нет, мы живем день за день, очень скучно и сознательно, и говорим себе: это мы живем молодые годы!.. Писем от вас, милый отесинька и милая маменька, со вчерашней экстра-почтой не получал; должно быть, вы не успеваете отсылать их в четверг. Впрочем, на нынешней неделе у вас, верно, была большая суматоха, и к середе съехались, чай, и родные, и знакомые [1], так что, вероятно, я и вовсе писем не получу. Что вам сказать нового? Во вторник была здесь тетенька Анна Тим⟨офеевна⟩ с Машенькой и Алешей. Вы уже знаете ее несчастие. Она очень огорчена положением и горем Аркаши [2]... В Калугу приезжала она для покупок. В четверг заходил я в собор, где был храмовый праздник, потом пришли поздравить меня [3] кой-кто, т. е. Бокар, Сальницкий, полсемейства Унковских и еще некоторые. Знавши наперед, что все они непременно придут, я велел Ефиму приготовить пирог, и все покушали очень исправно. День провалился в вечность по-обыкновенному. Ни грусти, ни тоски, ни досады, ничего не чувствовал я в этот день, а так, какое-то тупое чувство... Вчера вечером был с Унковскими (сыновьями) в театре.— Квартира моя еще не готова, но к 3-му ноября можно будет переезжать [4]. Весь город давным-давно знает, что я переезжаю. Что за глупая жизнь в провинции! Никакой другой жизни, никакого другого интереса, кроме злословия, сплетней взаимных и анекдотов друг о друге, простирающихся на такие мелочи, что узнаешь немедленно о новой собачке, приобретенной такою-то и т. под. Эти люди осуждены на ужасную муку — видеть почти каждый день друг друга и никого больше. Не быть знакомым — нельзя, да и скучно; поэтому все знакомы, все знают друг друга от головы до пят и смеются друг над другом... Впрочем, людей добрых больше, чем умных, оттого еще скучнее. Так как я мало имею здесь знакомых, то узнаю все городские новости от Унковских. Рассказывают какую-то историю с содержательницей здешнего частного пансио́на. Если это правда, так в Смирновой ясно высказывается женское властолюбие и мысль об *официальном* достоинстве губернаторши, что очень смешно, но что очень вероятно. Светская женщина, привыкшая властвовать в большом свете над толпою поклонников, она, с потерею красоты, боится потерять первенство и власть и хочет удержать их, хоть уже не в том виде. Мысль о потере красоты ее очень тревожит; она употребляет иногда румяна (по крайней мере, я видел их у ней на столе), вспоминает беспрестанно прежнее могущество, прежнее поклонение ей, даже стихи прежние. Недавно, углубясь в подробные воспоминания, она сказала одному моему знакомому: «Voilà, m-r Lenzi, quand j'étais jeune et jolie, on ne me disait que des politesses, maintenant, que je suis vieille, on m'écrit des grossièretés.

M-r Aksakoff, par exemple» *. И с этими словами прочла опять мои стихи. Кстати, об этих стихах. Когда приступите к печатанию рукописи, то вычеркните стихи к Смирновой: я не хочу решительно, чтоб они были напечатаны. Не хочу выходить на арену с таким «благородным» негодованием, с таким красивым порывом, таким рыцарем добродетели. К тому же печатание этих стихов могло бы быть оправдано только тем, что она сама их публикует, но кто же это знает? нельзя на эту причину сослаться мне печатно. Я мог решиться сказать женщине прямо в лицо, что сердце в ней развратно, но сказать это печатно — не достает духу, да и нехорошо, не достойно мужского великодушия... Бог с ней. Я могу прочесть их своим хорошим знакомым, но лицам незнакомым читать их было бы неприятно. Ну, да что об этом толковать: исключите их, да и только, а на место их я могу прислать другие стихотворения.— Читаю я теперь все путешествия по Египту, Муравьева, Норова [5], историю первых веков христианства. Кроме отношения, которое имеют эти чтения к «Марии Египетской», они занимают меня сами по себе. Только доставать здесь книги необыкновенно трудно. Я все собираюсь писать к Константину, да все как-то не соберусь. Меня все это время ужасно тревожил и мучил вопрос о примирении искусства с религеею и наводил тоску, тягостную и неимоверную... Вопроса этого, разумеется, я не разрешил, но как-то теперь перестал об нем думать так много; этот вопрос есть вопрос о примирении язычества с христианством, религии с жизнью, словом, завлекает далеко.— Стихов никаких не писал, а когда примешься за стихи, так бросишь писать с досадой и поневоле вспомнишь стихи Баратынского:

Все мысль да мысль! Художник бедный слова,
О жрец ее, тебе спасенья нет! — [6]

Кажется, так, сколько я помню. Прощайте. Письмо мое как-то глупо, чувствую. Должно быть, я тупею с наступлением 24-го года. Ревизор еще не приезжал [7]. Цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Аксаков.*

130

1846 г<ода> октября 1-го. Вторник. Калуга.

На прошедшей неделе не получил я ни одного письма от вас, милый мой отесинька и милая маменька. Нынче вечером должна прийти почта: авось, привезет она мне что-нибудь. Предполагаю, что это произошло от суматохи по случаю посещения родных и гостей в день Ваших именин [1]. Может быть, вы послали ко мне письмо с Мироновой, но она до сих пор еще не приезжала. Письмо это придет ко дню рожденья Марихен [2]: поздравляю вас и ее, и всех. Какова погода! Холодная, но ясная, настоящая осенняя...

* Вот, мосье Ленци, прежде, когда я была молода и хороша собой, мне говорили только комплименты, теперь, когда я старуха, мне пишут всякие грубости. Например, мосье Аксаков (*фр.*).

В субботу ездил я на свеклосахарный завод Унковского, осмотрел все производство, весь процесс превращения свеклы в сахар. Дело не очень мудреное, но свекловичный сахар гораздо хуже настоящего, всегда чем-то отзывается. Завод небольшой, но приносит доход. В воскресенье поутру стрелял из пистолета в саду у Бокара, который живет в отдаленной части города и упражняется в стрельбе. Раз попал в цель, т. е. в бумагу, а не в кружок, остальные раза — все промах! Впрочем, и расстояние довольно велико: 30 шагов. Хочу упражняться в этом искусстве, оно всегда может пригодиться, да и как-то воинственнее себя чувствуешь, а то я совершенный инвалид: верхом не езжу, из ружья не стреляю, ловкости физической не имею... Вчера вечером был в клубе, чтоб поиграть на бильярде... Вот вам все события моей внешней жизни, а в жизни внутренней не было никаких событий. Нынче праздник [3] и первый бал в Собрании. Ехать и одеваться мне лень, а потому не знаю, буду ли там. В четверг перетаскиваюсь на новую квартиру, следовательно, будущее письмо напишется уже не отсюда. Кстати, милая маменька, я к Вам с просьбой: шарфы мои от бороды до такой степени в перегибах вытерлись (платков я не ношу), что нет ни одного цельного шарфа. Потому и прошу я Вас купить *черного* хорошего атласа аршина два с половиной. Из этого куска может выйти два шарфа: прикажите их сложить и подрубить. Таким образом устроятся два шарфа, втрое дешевле той цены, которую бы заплатил за них в магазинах. Пришлите их мне по почте.— Ревизор наш еще не приезжал. Яковлев трусит ужасно, но я воспротивился всяким подготовкам и надуваниям и оставляю все в том виде, в каком оно было всегда... Что делается в здешнем большом свете или, как иногда выражаются здесь, *при дворе*, т. е. у Смирновых, не знаю. Арнольди и Россет еще не приезжали; вообще нового ничего нет. Луи-Филипп ссорится с Викторией [4]: это меня занимает, авось, подерутся наконец. Давно уже человечество утопает в бездейственной мечтательности от отсутствия громких, страшных и отрезвляющих событий действительности! Прощайте, до субботы. Будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Марихен, всех сестер и Константина. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Аксаков.*

131

1846 г<од>. Калуга. Октября 5-го. Суббота.

Пишу к вам уже не из старого своего жилища, а на новой своей квартире, милая моя маменька и милый отесинька. Я переехал вчера. Все накануне было уложено и приготовлено, в пятницу поутру Ефим стал перевозиться, и я из палаты приехал прямо во флигель, где все уже было расставлено Ефимом согласно моему вкусу и привычкам. Квартирой своей я совершенно доволен. Я уже отвык от такого ровного воздуха в комнате, чтоб нигде не дуло, нигде не было сыро, и чувствую теперь, какая разница жить в каменном или деревянном доме. Так как флигель этот только что отстроен, то он находится еще в девственной чистоте: нигде ни пятнышка,

клопы и блохи ему еще чужды; двери, перегородка в том виде, в каком вышли из-под руки столяра, т. к. некрашенные, небеленые, а гладко строганые... У меня с передней 4 комнаты, из которых одна большая, с камином — мой кабинет. Дай бог, чтоб эта квартира была счастливее той. Накануне переезда я пересмотрел, однако, все, что было написано там мною: всех стихотворений около 14. Я думал, что чин природы побеспокоится для меня и пошлет мне в последний раз, перед оставлением старого жилища, какой-нибудь знаменательный сон: ничуть не бывало; проспал всю ночь очень крепко и во сне ничего не видал. Город Калуга уже узнал, вероятно, о моем переезде. Недавно я купил у итальянца, носящего бюсты и статуи (явление в Калуге небывалое), два бюстика Гете и Шиллера и приказываю ему принести мне на днях Наполеона. «Хорошо,— отвечал он мне ломаным французским языком,— когда же? лучше послезавтра, когда Вы переедете вот туда, в этот дом!..» — «Проклятый итальянец,— подумал я,— давно ли Вы в Калуге?» 12 дней!.. Наконец в середу я получил от вас письма, также от Панова. *Благодарю вас за поздравления*, а теперь буду отвечать на письма. Я думаю, тысячи за две за полгода вы легко найдете квартиру: я бы желал этого и для вас всех, и для Константина. Я думал, что Панову достаточно будет введения в «Марию Египетскую», «Совет» и «Бывает так» и пр. я послал Плетневу, а «Дождик» и «Capriccio» нечего печатать в сборнике. Они могут быть напечатаны в общем собрании стихотворений, а так, отдельно выступать с ними смешно. Вам нравятся последние стихи мои [1]; надо, однако, признаться, что начало и конец немного пошлого тона, т. е. мотив их, музыка как-то очень обыкновенна. Выражение «тетрадей ноты» было написано мною в том смысле, что ноты лежат перед нею в тетради, развернуты тетрадей. Могу же я сказать: пред ней лежат кучею, громадою ноты. Мне двусмыслие этого стиха и в голову не приходило; вместо него можно поставить или «лежат *в тетрадях* ноты», или «лежат пестрые ноты», или же «пред ней исписанные
развернутые ноты, разложенные ноты, при блеске свеч пестреют ноты» и пр. Пожалуйста, выберите сами, поставьте и скажите мне. Я еще погожу отправлять дополнение в цензуру: мне бы хотелось что-нибудь еще прибавить. «Марии Египетской» помещать не хочу. Я слышал, что Митя Оболенский уже женился [2]... Дай бог ему счастия. Послание к нему как-то не написалось; да, признаюсь, пускать послания в большой свет мне уже и не хочется. Во вторник был бал в Собрании; я там был, но дам почти не было никого. Встретился там с Смирновым, который опять обратился ко мне с разными изъявлениями дружбы и требовал, чтобы я приехал к нему собственно. Я обещал быть у него в четверг. Так и сделал, отправился к нему вечером, но он еще не возвращался из думы, где он был, не знаю по какой причине, и я прошел к Смирновой, у которой никого не было, кроме, разумеется, Бахметевой. Эти три девушки, из которой младшей за 40 лет, уроды собой, чередуясь, исправляют у ней по дружбе, по доброте души или из подлости роль не только компаньонок, но чуть не горничных. Она их всюду рассылает, всюду ездит с кем-нибудь из них, как с адъютантами, и через них узнает самые тайные и секретные дела

каждого; само собою, что все это перемешано с ложью... Роль Бахметевой, когда кто-нибудь сидит у Алекс⟨андры⟩ Осиповны,— поддакивать в разговоре Ал⟨ександре⟩ Осиповне, только поддакивать, говорить: «да, именно», повторять ее слова, что довольно несносно. Я нашел Смирнову в отношении ее здоровья еще лучше. Она, как кажется, теперь совсем здорова. Но мы с ней расходимся все более и более, невольно наговорили неприятностей друг другу и расстались очень сухо. Мы не горячились, и тем хуже. Она просто становится противна. Разговор невольно коснулся религии, потому что она беспрестанно говорит об этом, скажет сплетню, потом скажет вслух, публично, что молилась где-нибудь на Калужке, пойдет молиться, или с каким удовольствием она молится, а вот Вы не молитесь. Я объяснил ей, не прямо, но дал ей почувствовать, что не верю ни вере ее, ни покаянию и что вообще не понимаю такого холодного систематизма в деле религии. Возражения ее были грубы, она объявила мне, что находится на *прямом* пути, ибо поутру и ввечеру читает молитвы и «Отче наш», любит свое семейство, помогает бедным и за то наслаждается теперь спокойствием духа, что ничего больше ей не нужно, что она ведет христианский образ жизни, а что касается до покаяния, то говорит себе, что бог милосерд, что сокрушаться духом не следует, что каяться, подобно Марии Егип⟨етской⟩ [3], ей не по силам, значит, ей это не дано, что все человечество прекрасно, надо только ходить в церковь и исполнять обряды, не рассуждать, что всякий делает по силам, кто может вместить, вмещает (текст «Апостола» о целомудрии, причем обращение к Бахметевой), что нельзя всем жить монахом, подобно мне, что всякий порядочный мужчина должен непременно жениться и как можно раньше, ибо жить монахом нельзя, жить безнравственно не годится, так надо жениться, что я и мы все (и все наше семейство, за исключением маменьки) эгоисты, что я слишком много воображаю о себе и о своем таланте (а я про это во весь вечер ни слова не говорил), что надо смириться перед провидением, наслаждаться жизнью покойно, с дозволения религии, и понять, что назначение человека — жить по христианскому закону и творить себе подобных (я многого, конечно, здесь и написать не могу); что Гоголь поступает очень хорошо, переставая писать, ибо он уже весь исписался, исчерпал свой талант, данный ему от бога, исполнил свое назначение и теперь должен жить, как все, всех любить и пр. и пр. Наконец, что Самарин гораздо мягче и послушнее меня, что ему, бывало, скажет то-то, и он согласится; «Юрий Федор⟨ович⟩, сделайте то-то, как я Вам советую», и он сейчас сделает!.. Вот сущность ее речей. Все это перемежалось выражениями циническими, употребляемыми будто бы нехотя, по необходимости, между тем как никакой необходимости в них не было, а видна охота до них, с передразниванием (Над⟨ежде⟩ Николаевне опять досталось), с злыми сплетнями на чужой счет, пустыми анекдотами, и с самодовольствием неописанным, ибо окружающие ее особы смотрят на нее как на оракула, разиня рот, кадят ей беспрестанно... Конечно, долго мы теперь с ней не увидимся. Прощайте, до вторника, целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Костю и сестер.

Ваш *Ив. Аксаков.*

132

Вторник. 1846 г<ода> 8 окт<ября>. Калуга [1].

В воскресенье принесли мне письмецо от Вас, милая маменька. Вы ищете квартиры, и 10-го Вам срок, следовательно, письмо это не застанет Вас в доме Повалишина [2], но на всякий случай адресую туда. Какие теперь должны быть у Вас хлопоты: искание квартиры, перевозка... Какое ужасное происшествие сообщаете Вы мне! Бедный Линовский! [3] Так глупо, так неожиданно умереть! Впрочем, удерживаюсь ото всяких обычных при подобных случаях рассуждений, потому что они ни к чему не ведут и приходится повторять их слишком часто. Это не значит, чтоб я от них отказался в *глубине души своей*. Клементий и Осип Россет и Арнольди еще не приезжали, по крайней мере, мне о том еще ничего не известно. Что вам сообщить нового? Живу я на новой своей квартире очень мирно, еще больше сижу дома, чем прежде. Обедаю у них в 3 часа, после обеда посижу с ними с час времени и отправляюсь к себе. Чай пью свой и всегда почти у себя. Так как они всегда ужинают часов в 11, то я или прихожу к ним, или ко мне приносят, или я вовсе отказываюсь ужинать... Город Калуга еще пучит глаза, но главное, не может ничего сочинить и сбивается с толку, потому что отношения мои к обеим молодым девушкам очень свободные и короткие, но нисколько не фамильярные и совершенно одинаковые. Если должна откуда-нибудь родиться сплетня с целью нарушить мое мирное житие, так это от Смирновой, вкупе с тремя гарпиями Бахметевыми. Смирнова до такой степени избаловалась подобострастием некоторых окружающих ее дам (а она только такими и окружается), что позволяет себе невероятные вещи, à l'impératrice. Напр⟨имер⟩, на днях приезжают к ней две дамы, из них одна очень добрая и неглупая немка, но редко выезжающая... Смирнова встречает их и, обращаясь к Бахметевым, говорит: «Как эти визиты мне надоели». Разумеется, дамы эти встали, поклонились и ушли. Другие две дамы, из которых одна не говорит по-французски, просидели у нее час, и она не сказала им ни слова, занявшись французским разговором с какой-то Бахметевой или т. п. Одной даме сказала вслух и при всех: «Вы слишком хорошо одеваетесь, зачем у Вас шелковое платье, это не по Вашему состоянию; эта шляпка не по Вашему карману» и пр. Можете себе представить смущение этой бедной дамы, приехавшей в 1-ый раз к Смирновой. Ее боятся здешние дамы, боятся оскорбительных слов и выражений, на которые не найдутся отвечать, а некоторые боятся отвечать, потому что мужья их в зависимости от губернатора, а Смирнова не станет щадить тех, на кого сердита. Меня теперь ругает она направо и налево. Недавно встретив на улице Сальницкого, заставила его слезть с дрожек и подойти к ней и стала ему бранить меня и предостерегать его, ибо я с ним дружен... Какой пошлый исход оригинальной жизни и необыкновенной натуры! Прощайте, мой милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, Костю и сестер обнимаю.

Ваш *Ив. А.*

133

12 окт<ября> 1846 г<ода>. Калуга. Суббота.

В середу получил я письмо от Вас от 2-го октября, из Радонежья, милый мой отесинька, а вчера Арнольди привез мне, вместе с посылками, письмецо от Вас, моя милая маменька, из которого узнал, что у отесиньки разболелась голова, и он теперь в Москве. Господи боже мой, какое всегда столкновение обстоятельств: перевозка с больными, искание квартир... Вы пишете, милая маменька, что отесиньке лучше. Слава богу: надо признаться, что отесинька немилосердно искушает болезнь... У меня собираются месть полы: я прошу подождать, пока кончу письмо. Очень, очень благодарю Костю за присылку Мицкевича [1], а Вас, милая маменька, за шарфы. Я удивился другой посылке: напрасно Вы прислали кафтан, Матюшке уже сшит новый. Арнольди, заехавший вчера ко мне на 5 минут, еще ничего не успел сообщить мне о Москве. Он будет у меня нынче вечером. Он говорит, что Дмитрий Оболенский нынче или завтра должен быть в Калуге с женой. Как рад я буду его увидеть.— Вот уже неделя, как я живу на новой своей квартире и совершенно ею доволен. На этой неделе у меня часто бывали очень Сальницкий и другие мои знакомые, так что почти не было свободного вечера. Но я пользуюсь решительно всеми удобствами бесхозяйства и тишины. Неожиданным образом получил я здесь книги из Москвы от Мухановой, также от Киреевского — и все это для моей «Марии Ег⟨иетской⟩». Мне, право, и смешно, и совестно. Муханова (Марья Сергеевна) присылает мне книгу в подарок, на память встречи: «De l'école d'Alexandrie» *, новейшее ученое сочинение. Ей проездом сообщил Федор Унковский бывшее у него введение, и она теперь пишет к нему целое письмо об этом, которое я вам сообщу в следующий раз, и советует даже съездить мне в Египет. Я не чувствую в себе такого призвания, чтоб стал очень беспокоиться для «Марии Егип⟨етской⟩» и готов даже отказаться от этого труда, от претензий на христианскую эпопею; для этого надо быть лучшим христианином... Я написал ей вчера маленькое посланьице [3], которое при сем прилагаю. Мне все приходится писать к женщинам, которые меня в полтора раза старше. Вероятно, у нас завяжется переписка, чему я буду очень рад.— Нынче я уже успел написать письмо и к ней, и к Панову, которому давно не отвечал. Адресую это письмо в дом Повалишина [4], в ожидании известия о перемене квартиры. Прощайте, право, некогда, во вторник буду писать вам обстоятельно. Целую ваши ручки, дай бог, чтоб ваше нездоровье, ваши беспокойства и хлопоты поскорее кончились. Обнимаю Костю и сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

---

*«О школе в Александрии» [2] (*фр.*).

134

1846 г<од>. Калуга, 15 окт<ября>. Вторник.

В воскресенье я получил письмо от Вас, милая маменька, и от Олиньки, которая убедительно меня просит не беспокоиться и не ждать писем от отесиньки... Само собою разумеется, что не должно Вам, милый отесинька, ни диктовать, ни писать письма, покуда глазные и головные боли не пройдут совсем, пожалуйста, берегитесь, прошу Вас. Я вообще теперь не очень жду от Вас аккуратных писем, потому что знаю, в какой суматохе и беспокойстве все находится. Уведомьте меня только, когда сыщете квартиру, чтоб я знал адрес. Я еще удивляюсь, как Вы, милая маменька, успеваете писать мне.— Особенных вопросов, кажется, письма ваши не заключают; скажите дядиньке Аркадию Тим⟨офеевичу⟩, что бывший калужский вице-губернатор Александр Николаевич Хитрово находится теперь вице-губернатором же в Смоленске. Следовательно, m-me Petitpierre [1] и имеет адресоваться туда. В противоположность вашей, моя жизнь течет совершенно мирно и покойно. Когда мне сделается скучно одному, я отправляюсь в дом, посмотрю гостей, порассеюсь и отправляюсь опять к себе, где никто мне не мешает... Конечно, здесь в доме нет никого, с кем бы можно было иметь свободный обмен мыслей, не стесняясь и не заботясь о понимании, нет в головах широких подъездов и распахнутых дверей, в которых входи всякий: место будет; нет такого великолепия, а есть или узенькие или низенькие калитки, где всячески изворачиваешься, чтоб пролезть. Зато нет никаких претензий, но столько кротости и доброты, что, право, иногда мне совестно делается перед ними. Удивляясь ровному течению их жизни, я в то же время ставлю их выше себя в нравственном отношении... Всего этого, конечно, не поймут здесь многие, но должна бы понять Смирнова. Конечно, в Калуге мы более всех понимаем и знаем друг друга, более всех способны оценить друг друга и в то же время расходимся с каждым днем более и более. Я приютился в доме Унковских, она окружилась Бахметевыми. Вы знаете, здесь в субботу был Митя Оболенский с женою. В Калуге некогда отец его был губернатором, и здесь жила и скончалась мать его, княгиня Оболенская, урожденная Нелединская, память которой и теперь еще жива и боготворится всеми в Калуге, несмотря на то, что со смерти ее минуло лет 17 или 18. Здесь же в Калуге похоронена графиня Зубова [2]. Все Оболенские почти ежегодно ездят в Калугу поклониться праху матери и сестры. Митя Оболенский с женою своею прямо проехал в монастырь и потом уже поехал делать некоторые визиты: здесь живет его родной дядя Нелединский и старинные знакомые его отца. К Смирновым он не поехал, но Смирнова хотела их видеть и, узнав, что он будет у Бахметевых, отправилась к ним, долго ждала его и, наконец, дождалась. Оболенский еще не успел тогда повидаться со мной. Пусть Оболенский вам расскажет, как она ругала ему меня, что было совершенно некстати говорить молодым, которых видишь в 1-й раз. Мало того: она сказала ему, будто я его браню, ругаю, словом, передавала сплетнеобразно, что я когда-то говорил ей про женитьбу Оболенского, про Оболенских вообще и т. п. Хорошо, что Оболенский так

любит меня, но если б этого не было, вообразите мнение, которое бы обо мне составила жена его, слыша от Смирновой уверения, что я безбожник, атеист и пр. Эти обвинения так смешны и пошлы сами по себе, что не остановят внимания умного человека, но намерение нехорошо. Что за сплетница! Раз она сказала Унковскому Федору, что я ни в грош не ставлю ни его, ни его отца, что я то-то говорю про них, что я считаю себя гораздо умнее. Унковский не стал слушать и передал мне все это. Но согласитесь, что это скверно: она знает, в каких я отношениях, и ставит меня нарочно в затруднительное положение. Если в былое время я говорил с ней действительно так же откровенно, как писал вам, то говорил ей так же о моей любви и преданности этому семейству, которого, вероятно, никто так же не ценит, как я... Но эта черта так низка и мелка, что мне не только досадно, но и грустно было это слушать. Есть в Калуге люди, которые со мной не знакомы, которым до меня нет никакого дела, а между тем Смирнова всем им трубит про меня, ни к селу, ни к городу, и все о том, что я *карбонарий* и *безбожник*. Самое обвинение составлено совершенно в провинциальном духе! Вообразите мое удивление, когда до меня доходят эти обвинения иногда чрез таких людей, с которыми не имею и не хочу иметь ничего общего... Вчера вечером был я у Смирнова, у которого собирался комитет, но к жене его не зашел, тем более что, проходя через залу, встретился с Тимирязевым, который живет там в качестве ami de la maison *.— Вечером Оболенский был с женою у Унковских. В этом доме все они некогда воспитывались, по смерти матери, потом, когда Унковский сделан был директором Института благородного в Москве, то и они поступили туда и жили у него. Я познакомился с женой его [3]. Она, кажется, хорошая, добрая женщина, безо всяких претензий и с сердцем довольно простым. Кажется, они покуда совершенно счастливы. Дай бог, чтоб это продолжилось. Впрочем, с таким человеком, как Оболенский, трудно не быть счастливым. Потом я отправился к нему пить чай. Часу в 10-м он отправил ее спать, а сам просидел с нами до первого часа. На другое утро он уже уехал, пробыв в Калуге не более суток.— Что вам сказать еще? Ничего нет. На этой неделе хочу хорошенько заняться чтением книг, которых теперь у меня довольно. Благодаря Мухановой я снабжен теперь почти всем, что мне было нужно для сведения о Египте. Только она пишет: «Не опасно ли раму сделать более картины?» И права в этом отношении. Но я ни рамы, ни картины никакой еще не делал и никакой задачей себя не обязывал, и мне смешно видеть и слышать такие хлопоты о том, о чем, признаюсь, я мало хлопочу в ленивой душе своей.

Пришел цирюльник. Прощайте, будьте *же* здоровы. Целую ваши ручки. Обнимаю Костю и сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

До субботы.

* Друга дома (*фр.*).

135

1846 г⟨од⟩. Калуга. Окт⟨ября⟩ 20. Суббота.

Вчерашняя экстра-почта не привезла мне писем от вас, милая маменька и милый отесинька; хотя я и не очень ждал их, зная, в каких вы теперь хлопотах, но хотел бы знать, по крайней мере, о состоянии здоровья отесиньки и об адресе. Последнее письмо адресовал я на квартиру Панова: не знаю, дошло ли оно до вас. Во всяком случае адресую и это письмо туда же... Вчера посыпался с неба первый снежок, в виде крупы, скоро исчезнувшей. Говорят, что путь становится обыкновенно чрез 6 недель после первого снега; если это верно, то в нынешнем году он станет поздно. Я не запомню такой сухой осени: дороги, говорят, прекрасны, дождей нет... Но едва ли это хорошо для полей. Сейчас получил письмецо от тетеньки [1]; она очень беспокоится на Ваш счет, милый отесинька, и сама не очень здорова, присылает мне кур, цыплят, яиц, сливок, масла... Я отвечал ей и просил позволения отослать ей назад (что и исполнил с тем же посланным) и сливки, и масло, и все припасы, потому что я теперь своего стола не держу, завтракаю, обедаю и ужинаю с Унковскими, за что плачу, даже кладовой для хранения подобных припасов не имею. К тому же это могло бы обидеть моих хозяев. Я живу по-прежнему мирно и спокойно. Тишина и доброта, вытесненные на время знакомством с Смирновой и всеми его последствиями, возвращаются в мою душу. Я почти не вижу Калуги, кроме улиц, ведущих в палату: впрочем, у меня по вечерам часто бывают, и истребление табаку и чаю производится шибкое. На нынешней неделе в особенности у меня часто были и Сальницкий, и Бокар, и Арнольди... Остальные лица или персонажи вижу я уже в самом доме Унковских... Мне сказывал Сальницкий недавно, что был он вечером на этой неделе у Алекс⟨андры⟩ Осиповны, где сидели и разные дамы, и братья ее. Смирнова опять принялась ругать меня до такой степени, что Сальницкий принял мою защиту, а Алекс⟨андра⟩ Осип⟨овна⟩, зная, что он часто у меня бывает, начала, с общим хором дам, ей поддакивавших, дразнить его, что он находится под моим влиянием, что он не имеет никакой самостоятельности, повторяет только мои слова и мысли, что он еще так молод (а он старше меня), что верит людям, что *верит мне*! Не правда ли, дико и смешно слышать? Хорош я коварный человек, которому верить не следует! Да я и не смел себе никогда приписывать такого значения, такого важного качества! Все братья более или менее ей вторили, один Смирнов слегка защищал меня, а потом, не в присутствии жены, сильно принимал мою защиту. Подумаешь, что я натворил что-нибудь новое, обратившее общее внимание?.. Ничуть. Добро бы играл я какую-нибудь роль в Калуге, имел значение, часто бы являлся, проповедовал и бранил Смирнову?.. Нисколько. Я хожу только в палату, забор двора Унковских — предел мой всегдашний в остальное время; видаю несколько холостых молодых людей, но с аристократами здешними и двором Смирновой почти не знаком вовсе: скромнее и тише меня жить едва ли возможно! Неужели ее тревожит и беспокоит одна мысль о присутствии в городе такого свидетеля и молчаливого порицателя ее поступ-

ков, человека, мнением которого она все-таки в душе своей не может вполне пренебречь. Но я нисколько не сержусь на нее и принимаю все это с совершенным равнодушием. Она недавно получила письмо от Гоголя. Арнольди сказывал мне, что он пишет, будто в январе отправляется в Иерусалим [2], куда зовет и Смирнову! Он написал сочинение, в виде двух писем, о русском духовенстве [3], которое цензура сначала не пропустила, но государь, по ходатайству Протасова [4], разрешил печатание, и оно выйдет особою книжкою [5]. Вот еще новость: говорят, Плетнев продал «Современник» Белинскому и Панаеву [6]... Я написал еще стихи небольшие, к себе, но назвал их «К портрету». Вот они:

Смотри! толпа людей, нахмурившись, стоит:
Какой печальный взор! Какой здоровый вид!
Каким страданием томяся неизвестным,
С душой мечтательной и телом полновесным,
Они речь умную, но праздную ведут,
О жизни мудрствуют, но жизнью не живут,
И тратят свой досуг лениво и бесплодно,
Всему сочувствовать умея благородно!
Ужели племя их добра не принесет?
Досада тайная подчас меня берет,
Мне б хотелось им
И хочется мне им, взамен досужей скуки,
Дать заступ и соху, топор железный в руки,
И толки прекратя об участи людской,
Работников из них составить полк лихой!..

У меня просьба до вас: 1) В рукописи переменить заглавие и назвать ее: «„Зимняя дорога" с приложением нескольких стихотворений Ивана Аксакова» вместо названия «Стихотворения». 2) Переменить оглавление: сначала поместить «З⟨имнюю⟩ дорогу», за ней все прочие стихотворения, для чего нужно изменить нумерацию. Начните печатать, дополнение придет.— Прощайте, милая маменька и милый отесинька, дай бог, чтоб Кауфман укрепил Ваш глаз и избавил от головных страданий, будьте здоровы и будьте бодры. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Дяде и А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь [7].

Ваш *Ив. А.*

136

1846 г<од>. Вторник, 22 окт<ября>. Калуга [1].

Неутешительно было для меня письмецо Ваше, полученное мною в воскресенье: Вы пишете, милая маменька, что отесинька продолжает страдать и что даже Кауфман не помогает ему. Мне было очень грустно получить это известие, и я с нетерпением ожидаю писем от Вас... Но едва ли я их получу на этой неделе: вы переезжаете, устроиваетесь, раскладываетесь, делаете визиты. Я не помню дома Рюмина [2], а Леонтьевский переу-

лок место дорогое и хорошее, даже слишком хорошее: зимой вечером часто и пройти нельзя по милости карет и других экипажей, особенно когда бал в самом Леонтьевском переулке, и если дом не на дворе, так езда будет слышна целый день. Впрочем, зимой не много слышно. Кстати, о зиме. Какая у нас теперь стоит пышная, великолепная, сухая осень! Я не запомню такой осени; обыкновенно осень и грязь, осень и распутье были синонимы. Но едва ли это хорошо для будущих урожаев? Я слышал, что в Москве теперь необыкновенно дорога капуста и картофель, да и хлеб в цене.— Перевод Гриши в Симбирск [3], о котором Вы бегло упоминаете, милая маменька, как о вещи, мне давно известной, был для меня совершенною новостью. Жду более обстоятельных известий. Значит, Панин берет на себя 3 тыс⟨ячи⟩ рублей [4], т. е. министерство от себя уже взнесет эти деньги в казначейство. Если Гриша не приедет к вам эту зиму, если я не поеду в чужие краи, то не съездить ли мне к нему на будущий год летом? Кстати бы побывать и на Серных водах [5].— Нынче отправляю в одесскую цензуру «Чиновника» [6] к цензору Зеленецкому, приятелю и другу Арнольди. Сюда приехал еще Россет, Александр, младший [7]. Говорят, очень прост, но добрый малый. Я его не видал. Смирнова продолжает ругаться направо и налево. Пошло проводит она свое время: ругается, бранится, играет в карты, кричит, сплетничает и ходит в церковь, сопровождаемая целой сворой женских уродов. Увы! только эти уроды и преданы ей, как слуги,— большей части здешних жителей, умным и неумным, верное непосредственное впечатление давно сказало правду... Ее не любят. Как боятся ее ухищренного ума простые сердца и простые души! А у ней не простое сердце. Пушкин ошибся, как и все [8]. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Дай бог мне получить более утешительные вести о вас; будьте здоровы, цалую ваши ручки. Обнимаю Конст⟨антина⟩ и всех сестер и Олю, которую особенно благодарю за приписку. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

Я писал когда-то о «Schwanen Gesang» Шуберта [9], но мне ничего не отвечали.

137

1846 г⟨од⟩. Калуга. Окт⟨ября⟩ 26. Суббота.

Вчера получил я небольшое письмецо от Веры, милый отесинька и милая маменька, очень благодарю ее за эту догадливость. Она сообщает мне довольно хорошие вести об отесинькином здоровье, но пишет, что Ваши страдания, милый отесинька, еще не совсем прошли. Когда ж это кончится! Хоть бы поскорее вы устроились и уладились: ведь уже ноябрь на дворе. Немножно поздно вы переехали! У нас в Калуге уже несколько дней тому назад выпал снег; хоть он не устроил пути, но держится, потому что холодно, и все бело.— Вера пишет, что получила письмо от какого-то Германа: я и не знал, что посылались волосы... Однако ж предписанные средства такого рода, что без совета доктора употреблять их

нельзя [1]. Вера пишет, что мои последние стихи [2] очень забавны: право, не понимаю, что она нашла в них забавного: они так же относятся ко мне, как и к Константину и ко всему современному молодому поколению. Не знаю, сообщил ли я вам послание к Мухановой? Кажется, сообщил... Пожалуйста, спросите также Панова, отвечал ли я ему на его последнее письмо или нет? Хоть и совестно, а придется, я думаю, попросить его наблюсти за печатанием [3]... В суматохе и хлопотах, которые теперь у вас в доме, часы и дни летят, чай, напопыхах, а время без церемоний обращает эти часы и дни в целые месяцы. А потому я опять повторяю: мечтатель Константин, воображавший окончить диссертацию в нынешнем году и отлагавший печатание до зимы как удобнейшего времени! Все это я ему предсказывал.

Скажите, пожалуйста, в Симбирске ли Гриша [4], т. е. получили ли вы от него письмо уже из Симбирска? Я уже несколько месяцев не писал к нему и от него не получал писем.Ему будет гораздо выгоднее жить в Симбирске и приятнее. Все знакомые и народ, большею частью, хороший, который будет поддерживать его всячески. Конечно, и требования симбирского общества, богато живущего, больше уфимского общества... Что вам сказать нового? Читали ли вы или видели ли октябрьскую книжку «Библиотеки для чтения»? Вообразите, там по поводу разбора какой-то книжонки Сенковский [5] объявляет публике, что Гоголь болен, вдался в *мистицизм*, не хочет продолжать «Мертв⟨ых⟩ душ» и так самолюбиво замечтался, что всех учит, дает наставления [6]. Все это сказано с ругательствами и насмешками. Он не называет его Гоголем, но *Гомером, написавшим «Мертвые души»* [7]. Название «Гомер» повторил он раз двадцать на одной страничке. Какой мерзавец! В этом же № есть новый разбор «Московского сборника» Никитенко [8]. Это, по крайней мере, написано вежливо. Он разбирает только некоторые статьи и преимущественно хомяковскую. Но какие они все подлецы: Никитенко, почитатель Гоголя, и рядом с его статьей ругательство на Гоголя! Вчера попалась мне в руки апрельская книжка «Журнала М⟨инистерст⟩ва народн⟨ого⟩ просвещения»: там есть статья Ник⟨олая⟩ Елагина [9] «Елена Иоанновна, дочь Иоанна III-го и супруга Александра, короля польского и вел⟨икого⟩ князя литовского». Говорят, очень интересная статья. Вероятно, это наш. Переменю перо — нет сил им писать, так оно скверно. Вероятно, это наш Елагин? Каков! Разрешился, наконец, от лени.— На нынешней неделе я почти ни у кого не был; был раз у Арнольди, только не застал его дома, а теперь он уехал женить Осипа в Орловскую губернию [10]. В Калуге, кажется, нет никаких событий. Да, зарезали одну женщину, о чем производится следствие, и дело узаконенным порядком поступит к нам на ревизию; да приехал новый председатель казенной палаты Кабрит, переведенный сюда из Перми, где он в таковой же должности находился лет 15. Вдовец, генерал со звездой и тремя дочерьми, из которой младшей лет 13, а старшие две взрослые. Дочерей его почти никто не видал, говорят, впрочем, довольно милые и развязные пермячки. Он только несколько дней тому назад приехал и очаровал уже тех, кому делал визиты, ловкостью и приятностью своего обращения: надобно прибавить, что он гене-

рал, т. е. действительный статский, а в Калуге, кроме Тимирязева, нет других генералов, ни статских, ни военных.— У меня он еще не был, а я, разумеется, к нему не поеду. Так как казенная палата в губернии — место совершенно отдельное и самостоятельное и председатель полный хозяин и господин ее, то здешняя палата или, лучше сказать, советник, исправлявший должность его, приготовил новому председателю такую встречу, о которой, если рассказать, так не поверят. Был послан чиновник навстречу: хотели заставить дожидаться его на границе, но решили, наконец, послать его в пограничный город, в Боровск. Дом для Кабрита был нанят, вычищен, вымыт, и чиновники в мундирах должны были дежурить в пустом доме в ожидании его превосходительства. Наконец я достоверно знаю, что в присутствии, в палате между двумя старшими советниками происходили толки о том, все ли предусмотрено и заготовлено ими для начальника и его семейства. Вспомнили, что недостает некоторого рода необходимых посудин, почему и отправились они покупать эти посудины, причем принято было в соображение число, возраст, пол и проч. Представление чиновников Флеровым, т. е. этим старшим советником, было презанимательное также. Не зная уже, о чем говорить, Кабрит спросил, наконец, чей это дом, такой-то, от его дома недалеко? На что Флеров отвечал: «Это дом барышень Бахметевых, *многоуважаемых и любимых ее превосходительством Александрой Осиповной*, супругой его превосходительства, состоящего в должности гражданского губернатора, Николая Михайловича Смирнова». Мне все это потому известно, что старший Унковский [11] служит чиновником по особым поручениям при казенной палате и находился при представлении. Однако прощайте, милый отесинька и милая маменька, дай бог, чтоб вам было лучше и лучше и поскорее вы устроились. Целую ваши ручки. Обнимаю Константина, Олю, Веру и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. Аксаков.*

138

1846 г<ода> 29 окт<ября>. Калуга. Вторник.

Нынче на дворе такой мороз, что я, проснувшись поутру, сейчас приказал топить камин. Он так трещит теперь, что весело слышать. Умывшись и обрившись, сел я писать к вам, милый мой отесинька и милая маменька; сел и не знаю, что писать: так мало достопримечательного совершилось в эти дни! Для города Калуги неделя эта замечательна тем, что была именинница 28-го числа Прасковья Сергеевна Теличеева, девушка лет 40, которой вы не знаете, которую весь город съезжался поздравить, окончив присутственное заседание часом раньше, но у которой я не был, потому что не счел нужным знакомиться с нею и ее сестрами, хотя и встречаюсь с ней в обществе. У нее был пирог с капустой. На будущей неделе городу предстоит в перспективе дней приятная суматоха, надевание мундиров, скакотня в собор поутру и вечером в Собрание 8-го ноября [1]. Всетаки маленькое развлечение, вариация в однообразной губернской жизни!

Виноват: будет большая вариация, говорят, именно бал у губернатора по случаю приезда (еще ожидаемого) молодых, Осипа Россета с супругою. Следовательно, жители уже обеспечены на неделю: о бале будут говорить долго, сообщать друг другу свои наблюдения, и не ускользнет от их досужего внимания и привычной примечательности ни одна булавка, выскочившая из галстуха, ни один жест губернаторши!.. Впрочем, злословие, правда, вовсе не ядовитое, единственная пища, единственная умственная деятельность этого доброго народа. Ревизор наш еще не приезжал. Очень дурно он сделает, если приедет поздно, к самому концу года. Я с некоторого времени все думаю о будущем и занят мыслью о рассадке хмеля. Одна десятина хмеля, хорошо обработанная, может приносить тысяч пять доходу. Хочу написать об этом Грише. Если я на будущий год не поеду в чужие краи, то и не выйду в отставку, но постараюсь перейти в Москву, если можно, так на место обер-секретаря в уголовном д⟨епартамен⟩те. Место в одном классе, и мой товарищ Розенбаум уже занимает его в 8-м д⟨еиартамен⟩те, но жалованья 4000. Тогда я, может быть, попрошу у вас одну десятину и займусь рассадкой хмеля. Тут нет ничего смешного: независимое существование (особенно не зависимое от службы) лучше всего, а независимость дается только деньгами, обеспечивающим доходом. Может быть, я буду сеять также свекловичные семена и скоро примусь за изучение этих предметов. Прощайте, когда же получу я письмо, что вы, наконец, устроились, что страдания отесиньки прекратились и что вы все здоровы и бодры? Цалую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, обнимаю Костю и сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ив. Аксак.

139

1846 г<ода> ноября 2-го. Суббота. Калуга.

Вот и еще неделя прошла, милый мой отесинька и милая маменька, и еще получил я еженедельную порцию известий о вас, но все еще мало утешительных: вы все еще не уладились, не устроились, и отесинька все так же еще страдает! Хотя милый отесинька и диктует мне письмо, но всетаки видно, что это больше по собственному принуждению, что диктовать, т. е. утомляться диктовкой, не следовало бы... Вчера неожиданно обрадовал и оживил меня приезд доброго Василия Алекс⟨еевича⟩ Панова. Он приехал часов в 9 утра и уехал от меня в 1-м часу ночи в Тулу. Следовательно, он сделал большой крюк для того, чтоб видеться со мною и Елагиными, от которых он приехал ко мне. Я не поехал в палату, и целый день провели мы вместе. Что за чудесный человек этот Панов! Он расскажет вам про мое житье-бытье, но посылать с ним мне было нечего. Стихов нет. Он поехал в Тулу, чтобы видеться опять с Хомяковым и Елагиной Анной Александр⟨овной⟩ [1]. Я взял у него 2-ую часть лекций Шевырева [2] с обещанием возвратить в самом скором времени, что я, разумеется, и исполню. Он оживил меня, пахнул на меня живостью умственной деятельности и интересов, которые в здешней одинокой жизни неволь-

но клонятся ко сну. Надобно признаться, что тяжело бывает подчас возиться с ограниченными людьми. Правда, я уже к этому привык; все мои товарищи большею частию люди, с которыми у меня не может быть ни полного сочувствия, ни свободного размена мыслей; правда, я целый год прожил в одной комнате с Родионом Оболенским, но все-таки подчас приходится жутко. Впрочем, хотя обо мне судят совсем иначе некоторые люди,— я нравственное сочувствие ставлю выше свободного размена и сочувствия мыслей, и доказательством тому служит непонятное для Калуги и Смирновой мое сближение с семейством Унковских. Я могу найти здесь людей гораздо умней этих, общество которых живее и разнообразнее, но они или чиновники, или подлецы, или с претензиями, или с чем-нибудь подобным. Я гну и изворачиваю всячески свой ум, применяясь беспрерывно к понятливости людей, более меня ограниченных, но я, по крайней мере, не таю про себя, не делаю уступок, не изменяю ни в чем своих нравственных привычек воззрения... Сообщаю вам городские новости: на будущей неделе предстоят свадьба одного путейского офицера с дочерью одного покойного заседателя палаты, свадьба губернского прокурора с m-lle Зыбиной, бал у губернатора и в Собрании. Каково! — Я написал бы к вам гораздо больше, но, во 1-х) Панов лично расскажет вам про меня, во 2-х) я хочу писать к Оболенскому [3] и Погуляеву и просить их уведомить меня, нет ли какого места в Москве по нашему м⟨инистерст⟩ву или есть по чужому. Я хочу перейти служить в Москву. Прощайте, цалую ваши ручки, будьте же, наконец, здоровы! Обнимаю Константина и сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ив. Акс.

140

1846 г⟨од⟩. Ноября 9-го. Суббота. Калуга [1].

И еще прошла неделя, милый отесинька и милая маменька, и опять получил я маленькое письмецо от вас, и опять ничего утешительного. Право, я советовал бы вам бросить «славных» докторов и обратиться к какому-нибудь не славному, но который бы весь обратился во внимание к страданиям больного. Ношение клеенки не есть прямое средство и ведет, я думаю, к простуде. Что же мази Кауфмана? — Теперь уже, вероятно, сестры все переехали. Я этому очень рад и за вас, и за них: все-таки вместе вам быть легче и приятнее. Панова вы, вероятно, уже видели. Возвращаю ему с нынешней почтой лекции Шевырева [2], которые я почти все прочел. Разумеется, такое скорое чтение недостаточно и не прочно. Надобно было глубоко вникнуть во все эти произведения самобытного русского духа, водворить их в себе, чтоб они кровоочистительно подействовали. Только Шевырев непременно обозначится где-нибудь или затейливою и пустою фразою, или, по его мнению, остроумным, вовсе неуместным сравнением! Но недостатки эти ничтожны перед важным достоинством самого труда.

Вера пишет, чтоб я не делал никакого решительного шага о переходе на службу в Москву без Вашего спроса, милый отесинька. Что значит «решительный шаг». Прямых сношений я с министерством не имею, к

к Калайдовичу и Пинскому с просьбой обращаться не хочу. Я писал к Оболенскому [3], чтоб он доложил графу Панину и Шереметеву о том, что я желаю перейти на службу в Москву; буде же меня не переведут, так я выйду в отставку или перейду в другое министерство. Не думаю, чтоб граф Панин захотел лишиться такого чиновника, как я, особенно же правоведа. Я прошусь или на такое же место в Москве, или на место обер-секретаря уголовного. Последнее место сопряжено с очень хорошим жалованьем. Для каких ради причин буду я оставаться на этом месте в Калуге? Если я не оставляю службы, так мне надо подыматься вперед, т. е. получать все большее и большее жалованье.— Прежде я оставил Москву, потому что быть секретарем мне надоело до смерти, что граф Панин мог, по настоянию Гагарина, упрятать меня бог знает в какую глушь в прокуроры, потому, наконец, что мне хотелось попробовать нового образа жизни и самостоятельного жития, потому, наконец, что по глупости своей воображал что-нибудь сделать, совершить труд, крепко заняться. В этом отношении я себя совершенно надул, надул так, что уже теперь больше не верю себе и своим обещаниям, знаю очень хорошо, что все пустяки, слова и ничего не выйдет. Теперь Калуга, в свою очередь, мне надоела до невероятности, скучнее и пустее этого города едва ли что может быть. Может быть, я соскучусь опять и в Москве, но тогда я буду иметь в виду путешествие в чужие краи. Кстати, о путешествии. Будущим летом, если все и я будем живы и здоровы, отправляюсь пешком в Киев, не собственно для богомолья, а так, ради приятности самого путешествия. Это оригинальное странствование будет мне очень полезно и свежительно.

Я вчера думал, думал и, наконец, придумал следующее. Нечего мне печатать своих стихотворений отдельною книжкой. Мелкие стихотворения слишком малочисленны и незначительны, «Зимняя дорога» — произведение слишком слабое, детское, ничтожное. Печатать их особо значило бы, что я придаю им цену произведения важного в искусстве. Но я лучше всех чувствую ее настоящее достоинство. Лет 20 тому назад можно бы предложить ее публике и отдельно, но не с такими произведениями можно являться перед публику в наше время. В журнале, в альманахе ее можно напечатать, но не иначе. А потому решительно я отменяю печатание моей рукописи. Если это можно сделать, то пусть Панов возьмет процензурованную «Зимнюю дорогу» или по сношениям, которые он имеет с Очкиным, спросит его позволения. Да и во вновь затеваемом «Русском вестнике» [4] я явлюсь с матерьялом или, лучше сказать, с запасом уже готовым на все 12 книжек. Денежных выгод книжка не доставила бы мне никаких и выставилось бы только оборвавшееся самолюбие или претензия. Прежде не приходило мне это в голову так ясно, как теперь, ну да и человек зреет, ежедневно становится рассудительнее. Я уверен, что вы в глубине души разделяете мое мнение совершенно. Передайте все это Панову для надлежащих с его стороны действий. Теперь может он выбирать из рукописи, что угодно; в таком случае лучше было бы напечатать уже введение в «Марию Егип⟨етскую⟩», если он еще не приступал к печатанию, тем более, что тут нельзя миновать духовной цензуры.

Что вам сказать нового? Вчера был бал в Собрании, на котором я не был. С Смирновым опять стал ссориться по службе. Он требует изменения наших приговоров, я на это не соглашаюсь... Впрочем, я уже давно у него сам не был.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Дай бог, чтоб страдания ваши облегчились, сделались сносными, по крайней мере. Скоро ли я получу такое известие? Цалую ваши ручки, обнимаю и благодарю милую Веру за ее письма, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ и Василию Алексеевичу кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

141

1846 г<од>. Ноября 15. Калуга. Пятница.

Я думаю, вы очень удивились, милый мой отесинька и милая маменька, что не получили от меня письма во вторник. Причиною тому не что иное, как, во 1-х, решительный недостаток — о чем писать; во 2-х, мне что-то помешало. Я всегда пишу письма до отъезда в палату и употребляю на это час времени; к тому же от вас уже очень давно не имею я никаких писем, кроме кратких уведомлений о нездоровье, следовательно, разговор живой в письмах невольно останавливается. Нынче же я пишу потому, что нынче же после присутствия сажусь в повозку и еду к Елагиным за 100 верст отсюда. В воскресенье вечером или в ночь на понедельник я ворочусь сюда. Скажите это Панову, которому я дал слово непременно съездить в Петрищево [1]. Мне это тем удобнее сделать теперь, что и все семейство Унковских уезжает на эти дни верст за 30 отсюда в деревню к Храповицкой, их родственнице. Я очень рад этой поездке. Авось, она меня освежит несколько, потому что мне часто приходится хандрить; ничего путного я не делаю, ничего не пишу, мало читаю. Да и читать нечего. Нестора? [2] Право, должно признаться, что мало тянет меня к этому труду, хотя я всем другим и самому проповедую, что тянет, что должно тянуть. Перечитываю Гоголя, и еще грустнее становится, потому что вспомнишь о самом Гоголе, потому что после чтения Гоголя, по крайней мере, сутки двое не смеешь не только взяться за перо, но даже подумать о какой-нибудь литературной деятельности. А время идет! Третьего дня получил я 11-ую книжку «Современника», где помещены два мои стихотворения «Совет» и «Andante» 2-ое. Вчера получил письмо от Погуляева, который пишет мне, что Ив⟨ан⟩ Яковл⟨евич⟩ Соколов с 1-го января подает просьбу в отставку, что, следовательно, открывается ваканция уголовного обер-секретаря. Советует мне или написать письмо к Панину, или ехать самому в Петербург. Но ни того, ни другого я делать не хочу. Пусть Оболенский скажет [3] об этом Панину.— В городе все благополучно. В воскресенье был я в церкви на свадьбе прокурора, который в венце чрезвычайно походил на одного из моих калмыцких божков. Все было очень великолепно, все губернские тузы были в мундирах, вся губернская аристократия участвовала в свадьбе, как-то: губернатор, вице-губернатор и пр. и пр. Александра Осиповна была посаженною матерью.

Ну что же, свадьба, кажется, веселое явление и счастливое событие? Но на свете все как-то выходит уродливо. Хорошенькая девушка выходит за малообразованного, удивительно невзрачного душою и телом чиновника. Мать с дочерью, прощаясь, падали попеременно в обморок,— но дочь оттого и выходит замуж, что терпела от матери побои и невыносимые угнетения. За несколько дней перед этим совершилась другая свадьба: тихая, скромная, простая... Молодые любят друг друга и друг по другу оба, но на другой день свадьбы, верно, задумались о том, что же они будут есть, особенно если бог захочет благословить их большим семейством. У нее нет ничего, у него нет ничего. Очень поэтически, кажется. Но молодой, добрый и чудесный малый, офицер путей сообщения, приносит в дар свое будущее назначение на Динабургское шоссе, где ленивый может легко получить в год тысяч шесть дохода, что взято во внимание при отдаче за него невесты.

Хотел быть на нынешней неделе у Арнольди, но не был, потому что к ним приехали молодые Россеты [4]. Говорят, молодая очень застенчива, и Смирнова объявила, что она ее выучит.— Что-то у вас делается, милый отесинька и милая маменька? Утихли ли головные боли? Экстра-почта должна мне привезти нынче от вас письмо. Надеюсь, что она придет до моего отъезда. В таком случае припишу еще, а теперь покуда прощайте. Обнимаю вас крепко и цалую ваши ручки. Дай бог, чтоб вам было лучше и отраднее. Обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш ***Ив. Акс.***

P. S. Обращаете ли вы внимание на печать конвертов? Удивительно искусно стал запечатывать.

142

1846 г<ода> 19 ноября. Калуга. Вторник.

Вчера воротился я от Елагиных, милый мой отесинька и милая маменька, часов в 12, в полдень. Надо же было случиться такому несчастию, что в промежуток двух дней пошел проливной ⟨дождь⟩, и лед разошелся, а мне приходилось два раза переезжать Оку, не говоря о мелких речонках. Туда я доехал благополучно, но оттуда приходилось мне возвращаться то в телеге, то в санях. Через лед не пускали, и я решился ехать в объезд. Это лишнего верст 20. Так как Оку приходится переезжать два раза, стало, можно попасть в Калугу, минуя реку. Перед самым отъездом моим к Елагиным получил я письмо от Вас, милая маменька, письмо длинное и очень интересное. Хотя Вам бы не следовало писать, милая маменька, потому что у Вас руки отекают от этого, но я Вам очень благодарен, потому что давно не получал писем обстоятельных. Я не знал, что Юрий Самарин в Москве [1]. Не приедет ли он в Калугу? Елагины живут очень скромно, но хорошо и мирно. Выписывают много книг и журналов, много работают в пяльцах. Разумеется, Авдотья Петровна чрезвычайно мне обрадовалась [2] и была нежна в высшей степени. Лила похудела и похорошела. Я прожил у них субботу и уехал в воскресенье, снабженный большим количеством книг. Николай Елагин пишет повесть [3], его заставили

прочесть мне начало: очень хорошо. Мне нравится это отсутствие всякой восторженности и лиризма, всяких мудрствований и философствований о предмете своей повести; напротив, у него рассказ самый простой, не поспешный, беспристрастный... Не знаю, что будет дальше, но прием самый уже хорош. А писать повесть труднее всяких стихотворных произведений!

Я не пишу к вам нынче обстоятельно, потому что должен писать к Елагиным и еще кой-куда. В субботу буду писать обстоятельно. Вообразите, на нынешней неделе 4 бала! Один был в воскресенье, когда я еще был в дороге. Прощайте, до субботы. Цалую ваши ручки. Дай бог, чтоб хоть это состояние здоровья, о котором вы пишете, продолжилось. Обнимаю Костю и всех сестер.

И. А.

143

23 ноября 1846 г<ода>. Калуга. Суббота.

Сейчас получил письмо от Веры, милый мой отесинька и милая маменька. Вам еще нет положительно лучше! Долго же это продолжается; для меня это тем тяжелее, что я не верю прочности лечения какими-то сиропами... Но дай бог, чтоб этот сироп не только избавил вас теперь от страданий, но и уничтожил бы возможность возвращения болей. Отвечаю сначала на письмо. Деньги 60 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ я еще не получил: повестки разносятся поздно. От Гриши сейчас получил письмо: он доволен, суетится, хлопочет. — Ну, что Самарин? Каким нашел его Константин? Кстати, Панов сказывал мне, что Константин ругает Смирнову публично направо и налево. Это совсем не годится, и мне чрезвычайно неприятно. Да и ругать так публично женщину и еще отсутствующую — невеликодушно, не достойно мужчины. Лучше всего сказать: черт с ней! Кстати, на днях, т. е. в четверг, она уехала в Воронеж недели на три. Я уже ее не видал более 6 недель. Она беременна!.. Скажите также, что роман Павловой, имеет ли он какое-нибудь художественное достоинство независимо от стихов? Не слишком ли он мечтателен? беспристрастен ли он к обеим жизням? [1] — Я начал писать, в духе ответа на ее стихи, разговор между Семеном Карпычем, Демьяном Иванычем и Матвеем Данилычем. Семен Карпыч говорит отчасти в духе Каролины Карловны. Пожалуй, обидится. Демьян Иваныч говорит в лермонтовском духе. Все городят чепуху, да и сам Матвей Данилыч не уверен, не городит ли он также чепухи. Один хочет видеть жизнь в розовом свете, другой — в черном, третий видит ее, кажется, в настоящем, в сером, буром цвете. Первые двое счастливее последнего. Один верит, другой отчаивается, один любит, другой ненавидит и в этих крайних движениях души находят счастие, к тому же предобрые малые и к концу жизни сходятся, даже одинаково опошливаются. Положение третьего безотраднее... Я когда-то хотел писать повесть, но это требует труда: проза труднее стихов, ее требования взыскательнее, и нелегко допускает она лирические движения... Если б я приписывал себе какое-нибудь значение, то я бы занялся выражением этой мысли, но я напишу этот разговор, покажу эти три китайские тени и, кажется, это будет последнее мое лирическое стихотворение...

Я не описывал вам подробно моего пребывания у Елагиных. Прием их был самый ласковый, Авдотья Петровна была в постоянном умилении. Но в Елагиных что-то есть, что мешает свободе и искренности отношений: это их неискренность. Впрочем, я на это не обратил внимания, и так как мне, право, становится все равно, что бы обо мне ни думали, то я нисколько не стеснялся и был решительно без церемоний. Они дали мне все «Чтения Московского Общества древностей», где столько интересных статей и «Наль и Дамаянти» Жуковского [2]. Дал слово прочесть, а тяжело! Лила, Марья Васильевна [3] и Авд⟨отья⟩ Петровна работают на свою церковь, вышивают святых по канве. Довольно хорошо выходит. Нос четвероугольником, ну да это ничего. В домике у них чисто, опрятно, уютно, тепло, мирно, очень хорошо. Я уже писал вам, кажется, о повести, начатой Николаем Елагиным, которую он решился, наконец, мне прочесть после долгих убеждений матери, которая, разумеется, в восторге... Мне даже понравилась эта слабость, это движение искреннее в Авдотье Петровне. Точно так же ведь и вы дома бываете в восторге от моих стихов. Повесть с решительным достоинством. Я также пришел в восторг, но будто совершенно искренний, правдивый, беспристрастный, некоторые места побранил откровенно; повесть хотя и с достоинством положительным и оригинальна, но я все-таки равнодушен более или менее к ней. — Лжешь и врешь на каждом шагу; право, я иногда ужаснейший подлец и так часто это вижу, что даже перестал этим огорчаться. — Передайте Панову о повести Елагина. Это будет истинным подарком [4], если только продолжение будет соответствовать началу. С моими стихами пусть он делает, что ему угодно. Цель печатания отдельной книжкой была не известность, а деньги. А так как я, взвесив все обстоятельства, убедился, что денег я не получу или получу слишком мало, а между тем все-таки рискую, печатая отдельно стихотворения, то и не хочу печатать. Вообще занятия литературой не дают денег, и, перейдя в Москву, я без шуток хочу заняться рассадкой хмеля. Да, о переводе в Москву. Обер-секретарской ваканции покуда нет. Иван Яковл⟨евич⟩ Соколов с 1-го января подает, говорят, будто бы в отставку. Следовательно, перевод может случиться не прежде этого времени. Быть обер-секретарем на месте Ив⟨ана⟩ Яковлевича я не хотел бы; мне совестно было бы и неприятно иметь под своим начальством Порецкого, Полякова [5], людей, с которыми я служил прежде как товарищ, людей семейных, которые по 10 лет ждут не дождутся обер-секретарской ваканции. Бог с ними. Великодушничать очень приятно к тому же. Кроме того, писать к Топильскому тяжело! Да и Топильский остался мной недоволен в последний раз, как был в Москве. Снесусь еще раз с Погуляевым, чтоб узнать о департаменте графа Толстого [6]. Подтвержду еще раз Мите Оболенскому.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. На нынешней неделе было 4 бала, два праздника, от присутствия свободных, выезд первый дочерей председателя казенной палаты Кабрита. Один мой губернский знакомый говорит про них: «Кабриточки», другой мой губернский знакомый говорит: «Казенные палаточки». Сверх того во многих уездных городах открыты Собрания в середу — царский день [7], и можно вообра-

зить себе минуту, когда вся губерния была в движении па! Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Обнимаю вас и цалую ваши ручки. Обнимаю Веру и всех сестер и Костю. До вторника.

Ваш *Ив. Аксаков.*

144

1846 г<од>. 26 ноября. Калуга. Вторник [1].

Не писать — вы будете беспокоиться, писать — нечего. От субботы до вторника, милые мои отесинька и маменька, так мало времени, что едва-едва успевает выросоти борода для цирюльника, который приходит по этим дням. Смирнов уезжал из города и теперь воротился. Я получил от него официальное приглашение участвовать в издании неофициальной части губернских ведомостей.— Всех приглашено 7 человек, из которых составится комитет. Все, что касается до Калужской губернии во всех возможных отношениях, должно преимущественно найти себе там место, но, может быть, дано будет место и произведениям чисто литературным. В противном случае я плохой сотрудник. О Калуге не имею никаких сведений, кроме общих, пошлых, в архивах я не рылся, да и времени нет, и вообще учености мало, а лени много. Я втащил Николая Елагина в сотрудничество, так как он именно занимается теперь изучением мест, где он живет, в историческом отношении и желал иметь свободный доступ во все архивы. Смирнов думает преобразовать нравы и просветить вкус посредством театров и ведомостей, но, разумеется, все это не клеится и не удается.

Деньги 60 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ я получил и поспешил расплатиться с лавкой, где забирается чай, сахар и пр. — Пишу к Погуляеву: хочу знать — здесь ли еще, в 6-м д⟨епартамен⟩те, служат Порецкий и Поляков, не переместились ли они? В таком случае я затрудняться бы переходом не стал. — До субботы. Прощайте, цалую ваши ручки. Дай бог, чтоб у вас все было хорошо. Обнимаю Костю и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

145

1846 г<ода> ноября 30. Калуга. Суббота [1].

На нынешней неделе получил я два письма от вас, милые мои отесинька и маменька: одно с Лопухиной [2], другое с почтой, вчера. Прежде чем стану отвечать на письма собственно, разрешу ваши досадные недоумения, зачем я не видал Лопухиной и не познакомился с нею. Часов в 11 утра принес мне ее человек в палату письмо и посылку, объявив, что в два часа она выезжает из Калуги. Хотя в два часа только кончается у нас присутствие в палате, но я вырвался немножко раньше и отправился к ней в гостиницу: там мне объявили, что она уехала к дяде своему Нелединскому, от которого прямо уж, пообедавши, поедет в Москву. С дядей я незнаком, и потому уже не поехал.— Очень благодарю Константина за письмо и за то, что он не считается письмами. Присылка чая, милая маменька, несколько

опоздала, потому что чай уж у меня закуплен до поездки в Москву. Была и другая к Вам оказия в Москву: Аркаша Воейков проезжал через Калугу; я хотел было послать с ним письмо Самарина, но забыл.— Все равно привезу сам. Костя удивляется, что я ничего не писал о письме Самарина. Об нем надо было писать или много, или ничего. Письмо вообще мне нравится. Его сдержанность, спокойное разложение вопроса, все это я люблю, но служба имеет надувательный характер, и Самарин, кажется, ею отчасти надувается. Какой-то политический, мнимый характер, ей сообщенный, делает то, что от этой деятельности трудно перейти к деятельности отвлеченно-ученой; последняя кажется мертвою... Я сужу по собственному опыту. Был ли у вас Аркаша? Какой он славный малый! Он хочет учиться музыке и прекрасно сделает.— Ради бога, Константин, умерь твои выражения о Смирновой. Я не хочу, чтоб вообразили в этом случае меня заодно с тобою. Я никогда не позволяю себе этих выражений открыто и не перестаю ценить хороших сторон этой женщины. Мне больше жаль ее, но в душе у меня нет нисколько ни злобы, ни ненависти, и даже негодование затихло. Это, впрочем, оттого, вероятно, что я уж месяца два как ее не видал. Она еще не возвращалась.— Радуюсь сближению Грановского [3], воображаю, как ты шумел и кричал весь ужин и потому очень приятно провел время.— Благодарю вас за подробное сообщение известий о Гоголе. Это из рук вон и грустно, и тяжело невыносимо. Один гениальный художник в наше бедное время, на которого с надеждой обращались глаза, от которого ждал свежего, отрадного слова,— и тот гибнет! Наконец после долгого промежутка и Вы стали диктовать мне, милый отесинька; благодарю Вас, если это не утомительно Вам: в таком случае, пожалуйста, не диктуйте. Обращаюсь к событиям недели: в четверг был концерт, на котором был и я. Какой-то Делуш, ученик Листа, играл на фортепьяно. Слава богу, продолжалось недолго. Оркестр был очень хорош, но я не мог им восхищаться, зная, что это оркестр богатого барина из крепостных музыкантов, барина, который, если эти орудия духовного наслаждения не вполне хорошо удовлетворяют его, сечет их немилосердно. На будущей неделе опять какой-то концерт. Какая-то cantatrice de Paris * будет петь.— Завтра пикник — почти всего города — за городом, верстах в 10 отсюда, в котором и я по необходимости участвую, т. е. заплатил деньги. Еду же сам при Унковских. Мало того. 4-го декабря, в Варварин день, бал у Унковских по случаю именин матери; 6-го декабря Николин день; 9-го декабря Анны именинницы, в том числе жена нашего председателя; будет, верно, кулебяка. По справедливости заключают, что в Калуге веселятся. Вы говорите, что я все хандрю. Я не то что хандрю, а так, ни весел , ни пасмурен,— хандрю шутя и нахожу, что это самое истинное состояние души вообще в этой жизни и в наше время в особенности.— Порывы, исключения редки. Недавно как-то, прокатясь в санях, я почувствовал что-то другое и написал стихи[4] , которые, если успею, приложу. Стихотворение довольно пустое и не вполне удавшееся потому, что размер этот мне совершенно нов, и я им еще не владею вполне. Разговор, о кото-

* Певица из Парижа (*фр.*).

ром я вам писал, на этой неделе не продолжал [5]. Остановилось дело за Демьян Иванычем. Чувствую, что и это не вполне удается. Образ жизни моей так тих, прост, однообразен, что мало вдохновительных толчков для поэзии лирической.— Встаю я часов в 8, иногда раньше. Пью чай, курю, займусь чем-нибудь или с просителями — 10-й час, пора ехать в палату, одеваюсь и отправляюсь в дом, где все попеременно являются в это время на чай. Беру Унковского и еду в палату. Часу в 3-м возвращаюсь прямо в дом и там обедаю в 3 часа. После обеда выслушиваю порцию музыки или пения (уж я так завел) и отправляюсь домой. Дома или читаю, или просто хожу по комнате, начну заниматься польским языком или чем-нибудь другим, — является кто-нибудь из моих калужских приятелей: редко случается вполне свободный вечер. Пью чай. Проходит время. Перед ужином, часу в 12-м, опять отправляюсь в дом, после ужина домой и в постель. Жизнь прездоровая и преспокойная. Я, право, как-то сделался добрее или, лучше сказать, какая-то грустная доброта, грустное снисхождение к людям наполняет мне душу. Тяжело видеть людей насквозь и видеть, что они не стоят ни сильной любви, ни ненависти. Все — так себе, ничего, и хороши, и дурны, не глупы и не умны... Я, впрочем, принимаю участие во всех событиях дома, поверенный тайн всех членов семейства, знаю о всех приготовляемых платьях и нарядах, которые показываются мне все предварительно. Я даже написал одно послание к Унковским-девицам [6], которое давно бы послал к вам, если б не скучно было переписывать. Написано оно вот по какому случаю. Сочинены были голубые платья и показаны мне. Разумеется, я хвалил, и очень серьезно, и даже наморщил лоб, одни платья предпочитал другим и пр., даже обещал, когда платья эти наденутся в 1-й раз, непременно воспеть их. Платья эти должны были надеться в 1-й раз на губернаторский бал как наиважнейший в губернии. Я уехал к Елагиным, возвращаюсь в понедельник к обеду, узнаю, что был уже бал в воскресенье, на котором надеты были эти платья, произведшие эффект, и что вечером опять бал, на который они поехали, а я не поехал. По требованию сейчас сел писать стихи и тут же им написал. Само собою, что они преосчастливлены, тем более что никому не обидно: обеим сестрам по серьгам. Я вам пишу это для того, чтоб объяснить à propos *, а самый à propos посылаю единственно для того, чтоб вас потешить. Однако прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы по возможности, милый мой отесинька и милая маменька, обнимаю Веру, Олю, Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. Акс.*

146

1846 г<од>. Декабря 3-го. Вторник. Калуга.

Вот и декабрь месяц, милый мой отесинька и милая маменька, последний месяц 1846 года, в конце которого надеюсь быть у вас хоть на десять дней.. Что за погода! Тает немилосердно; в воздухе сыро, мокро, туманно.—

---

* Кстати, к слову (*фр.*).

Я забыл, кажется, написать вам в последний раз, что ревизор был уже у нас и окончил свою ревизию.— Это было в пятницу. Приехал он к нам в два часа, просидел полчаса и уехал, потребовав к себе на дом секретаря с приговорами, решенными по «Уложению», просмотрел их, потребовал какую-то ведомость и этим окончил ревизию. Лебедев — тип петербургского чиновника, физиономии самой скверной, в белых перчатках,— в обращении с чиновниками, даже председателем, дерзок и свиноват. Разумеется, я в этом случае как правовед составлял для него исключение. Пока он объяснялся с Яковлевым и толковал им о докладном регистре, я ходил взад и вперед по комнате присутствия. Только тогда, когда я услыхал, что Яковлев на спрос Лебедева о порядке делопроизводства стал отвечать какой-то вздор и лгать, я подошел и сказал, что этого нет, того не исполняется, и вообще порядок, законом предписанный, не наблюдается, а делаем мы так-то. На что Лебедев, прикусив язык, ничего не отвечал.— Что вам сказать еще? Да, в воскресенье, 1-го декабря был пикник.— Дам всех, старых и молодых, было 16 или 18. Мужчин втрое более. Все обошлось хорошо, чинно, и дамы в восхищении. Но я утомился ужасно. Мне нельзя было не ехать, не ехали почти одни те, которые составляют глупую и грязную оппозицию против Смирнова, вроде моего председателя, а я ни за что на свете не хочу быть в числе их. Я ехал в больших санях, разумеется, тройкой, с одной из Унковских, старшей, и одной казенной палатой, т. е. Кабрит [1], с которою в первый раз тут же познакомился. Сзади нас ехала мать с другою дочерью и с Сальницким. Сначала, по программе, все отправились на квартиру вице-губернатора, где собрались, устроились, позавтракали и отправились в Городню, имение князя Дмитрия Влад⟨имировича⟩ Голицына, верстах в 10 от города. Погода была хороша и туда домчались мигом, т. е. часа в два пополудни. Немедленно начались танцы и танцевали 4 часа сряду, т. е. до 6 часов. Вот это было дня меня настоящей пыткой. Я не танцую, в карты не играю, других игр не было! Однако же прожил и эти четыре часа. В 6 часов сели за стол, в 7 встали из-за стола, протанцевали еще мазурку и потом отправились домой в том же порядке. Дамы все в восторге, что могли хоть на миг выйти из обычной, чинной колеи удовольствий. Мне, более всех, вероятно, скучавшему на пикнике, было искренно приятно смотреть на их веселье, тем более, что тут были все добронравные девушки, l 'élite de la société *. Гоголь правду сказал, что ни один губернский бал не обходится без стихов. Они всегда есть, но не всегда мне попадаются. На пикник также каким-то старичком-чиновником были написаны стихи: прелесть что такое. Он говорит, что это торжество,

> Чего б не выразил и Цицерон-оратор [2],
> Составил, произвел ... сам вице-губернатор! —

которого он потом сравнивает с солнцем, летней зарей и ангелом.

Кстати, посылаю вам и мои стихи [3], которые не успел послать в последний раз.— Дай бог, чтоб я получил об вас хорошие известия. Целую ваши

---

* Избранное общество (*фр.*).

ручки, милый отесинька и милая маменька. Обнимаю Костю и сестер. Прощайте, будьте здоровы.

Ваш *Ив. Акс.*

147

7 декабря 1846 года. Суббота. Калуга.

Вчера я не получил ваших писем, милый мой отесинька и милая маменька, но еще не отказываюсь от надежды получить их, потому что вчера почтмейстер был именинник и, вероятно, вся почта была пьяна. Что это за суматошное время! Надеюсь, что с 9-м, т. е. с Аннами, все кончится. На нынешней неделе, 4-го декабря, Унковская мать была именинница; у них был большой бал, на котором было человек сто, если не больше, и на котором я пробыл от начала до конца. Сделал над собой усилие, был необыкновенно любезен, только что не танцевал, но это было так безучастно, что я утомился донельзя.— Вчера, 6-го, ездил поутру к Смирнову и в собор; к Смирнову потому, что он начал уже обижаться, тем более что против него существует большая, грязная оппозиция, к которой я принадлежать ни в каком случае не хочу, ибо хотя мы и ссорились по службе с Смирновым, но личного мнения никогда друг о друге не меняли. В три часа был у него обед в мундирах, а вечером был бал в Собрании, в мундирах же. Хоть для меня мундир привычнее сюртука, так как я каждый день в нем четыре часа работаю, но я не поехал. Бог с ними, я уж так давно не оставался один... Вечером, 5-декабря, воротилась Смирнова из Воронежа в вожделенном здравии; впрочем, я ее еще не видал.— Сейчас принесли мне ваши письма. Плетнев — человек вообще очень ограниченный [1], но то, что говорит Плетнев, говорит и Алекс⟨андра⟩ Осиповна, которая, как сказывал мне вчера Арнольди, получила письмо от Самарина с подробным описанием всех Гоголевых действий, но ничем нисколько не смутилась и не огорчилась, а говорит только, что он исписался. Я приеду к вам на праздники, разумеется, ненадолго, собственно для того, чтоб устроить свой переход в Москву, повидаться с вами, прочесть роман Павловой [2] и Константинову драму [3]. Итак, я, стало, могу надеяться попасть в преемники Ивана Яковл⟨евича⟩ Соколова. Впрочем, Погуляев писал мне, что при свидании в Москве он объяснит мне возможность перевода в другой уголовный департамент, к графу Толстому [4]. Это было бы для меня еще лучше. Но вакансия ни в каком случае не может открыться раньше 1-го января. Сомнительно, чтоб лекции Шевырева имели интерес истинный [5], да и будут ли они много посещаемы при отсутствии щекотливых вопросов о Востоке и Западе. Я достал здесь себе стихотворения Жадовской [6] и обрадовался им чрезвычайно. Так все свежо, чисто, грациозно... Право, в наше время, когда нет стихотворения без вопроса, мысли или цели, готов писать снова стихи к мотыльку, но для нас это невозможно и было бы искусственно, а для женского нетронутого сердца это еще, слава богу, так возможно; ей еще доступна *бескорыстная* поэзия. Разумеется, уж и книгу эту вы берете в руки иначе, с какою-то снисходительной улыбкой. Прощайте. В будущем письме напишу вам о моем мучителе-

гонителе кавалергарде Храповицком, записавшемся мне в преданнейшие друзья. Цалую ваши ручки, милая маменька и милый отесинька, дай бог, чтоб у вас все шло хорошо. Обнимаю Костю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.*

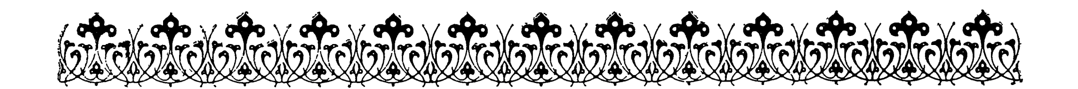
148

Калуга, 14 декабря 1846 г<ода>. Суббота.

Вчера получил я письмо ваше, милая маменька и милый отесинька. Вероятно, это покуда последнее, потому что я думаю выехать в будущую пятницу, т. е. 20-го числа, после обеда. Впрочем, я это только думаю: может быть, дела потребуют, чтоб я оставался дольше. Отпуска я не возьму, потому что губернатор не имеет права давать мне отпуск, а просить губернское правление скучно и хлопотно. Это нисколько не помешает мне быть у Рюмина [1] и послать просьбу из Москвы; я могу и не обозначать, где писана просьба. Только я не знаю, куда подавать просьбу. Я сделан товарищем по указу Сената, и теперь, с 1-го января, перемещение в должности VI класса, назначение обер-секретарей, товарищей и т. п. будет зависеть от инспекторского департамента. Я не писал к вам во вторник, потому что сам скоро буду, да и писать особенного было нечего. Скучно писать о пустяках, когда знаешь, что их рассказать можно. В воскресенье был я в театре вечером; там видел Арнольди, который передал мне поручение, данное ему Алекс⟨андрой⟩ Осиповной, просить меня приехать к ней вечером, когда-нибудь, и сказать, что если я не хочу быть с ней в прежних отношениях, то, по крайней мере, вежливость требует хотя изредка посещений. Вследствие сего, чрезвычайно довольный собою, что выдержал характер, я был у нее в понедельник вечером; объяснений никаких не было, все было как следует, я ни разу не горячился, был очень сонен и вял, потому что у меня голова болела и что ничего более меня не влечет к Ал⟨ександре⟩ Осиповне. Говорили про Гоголя, она разделяет мысль Плетнева, что все следует печатать [2]. Сидел я недолго; в середу поутру заезжал я к Ник⟨олаю⟩ Михайловичу по делам службы, был призван к Ал⟨ександре⟩ О⟨сипо⟩вне в кабинет, где она прочла мне письмо, полученное ею накануне от Гоголя: письмо очень бодрое и светлое, безо всяких особенных выходок. Живет он в Неаполе, под *крылушком* С⟨офьи⟩ Петр⟨овны⟩ Апраксиной [3], собирается ехать в Иерусалим, чтоб испросить благословение на новые подвиги, но все это ничего в сравнении с тем, что он делал.— В четверг был бальный вечер у Смирновой, где и я был.— Прощайте, особенного сообщить нечего. Если успею, то напишу во вторник: теперь, к концу года, много дел по палате. Цалую ваши ручки, обнимаю Костю и сестер. Всем кланяюсь. До свидания.

Весь ваш *Ив. А.*

1847

149

1847 г<од>. Января 7-го. Вторник. Калуга[1].

Вставши поздно и спеша в палату, едва успеваю написать к вам, милый отесинька и милая маменька. Я доехал очень благополучно и скоро, хотя и дожидался с часа полтора лошадей в Малом Ярославце. Дорога теперь обходится дороже: за две станции от Москвы, по праву вольных почт, платите вы двойные прогоны, потом с Подольска сворачиваете на Брест-Литовское шоссе, где на пространстве от Подольска до Малоярославца две заставы, берут с вас довольно большие деньги за шоссе. Езда по шоссе новому зимой прескверная: оно не укатано, и щебень так и дерет сани сквозь снег. Я успел приехать к обеду. К Унковским приехал без меня брат их Иван, моряк [2]. Нынче дают обед Смирнову по случаю утверждения его губернатором; человек 250 подписалось, дают от полтинника; я написал 3 рубля серебром. Вечером был бал в Собрании, куда я поехал на полчаса, чтобы видеть Смирнову и Арнольди. Окончанием диссертации и приближением диспута [3] я так поразил их, что просто смешно было видеть: в московских газетах они и не прочли этого. [4] Смирнова думает сама к этому времени быть в Москве. Оставляю все подробности до следующего письма, а мне пора, пора в палату. Прощайте, дай бог, чтоб вам всем было не хуже, а, если можно, так и лучше. Я приехал сюда, и обдавшее меня одиночество внутреннее было мне грустно, но человек никогда не бывает доволен. Цалую ваши ручки, обнимаю Костю и сестер.

И. Акс.

150

Суббота, 1847 г<ода> 11-го января. Калуга.

Сейчас получил письмо ваше, милый мой отесинька и милая маменька. Благодарю вас за подробное извещение об участи, постигшей диссертацию. Я не думал, чтоб граф мог поступить так дурацки! [1] Дело гласно, и наступает серьезная развязка, так что не диспут и участь книги меня занимает, а судьба автора. Может быть, мой отъезд отлагается только до некоторого времени; во всяком случае, известите меня, когда будет диспут, если диспут только будет: я приеду. Графа, верно, кто-нибудь подучивает. Мне бы в Москву надо было съездить по многим причинам, хотя бы для того, чтоб взять свое платье у Сатиаса [2].— Пишу к вам не много потому, что

лег нынче в три часа и занят — чем бы вы думали? Смирнова, с которой мы теперь в дружеских отношениях, у которой я в течение этой недели по ее зову был уже на этой неделе несколько раз и обедал, вчера после обеда вдруг присылает за мной. Я явился и нашел у нее только что полученную ею из Петербурга книгу Гоголя [3]. Мы сели читать ее, потом, когда наехали разные гости, ушли с Арнольди наверх и там читали до половины второго, но все не прочли всей книги, и Смирнова уступила мне книгу на ночь и на нынешний день до вечера. А мне еще надобно сделать несколько визитов. Книгу Гоголя надо читать не раз и не два, а 20 т⟨ысяч⟩ раз! Я примирился с ним вполне и вижу, что все взводимое на него — вздор [4] и что не погиб он для нас как юмористический писатель. Откинем всякий ложный стыд, мешающий нам поклоняться тому, во что веруем, и говорить тем языком, которым невольно заговорит душа, когда проникнется серьезным значением жизни, когда все станет в ней важно и торжественно. Гоголь прав и является в этой книге как идеал художника-христианина, которого не поймет Запад так же, как и не поймет этой книги. Что за язык, господи боже мой, что за язык! Упиваться можно этим языком, лучшим всяких стихов. Серьезно надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многих. Совестно становится перед этою торжественною, важною тишиною, когда вспомнишь о наших скороспелых трудах, крикливых восторгах и всякой мелочной душевной возне. Мне страшно было вчера взяться за книгу, когда я почуял, что в ней заключается. Боялся проснуться другим, боялся излечения... Презрительная суета и пустота так овладевают человеком, что ему хочется непременно сделать смешным строгий голос правды, чтоб избавиться от ее неумолимого преследования: так будет и с этой книгой... В следующий раз буду писать подробнее. Теперь же даже совестно, после книги, сообщать вам, что я был на обеде, на двух балах и т. п. Смирнова не ожидала подарка диссертации [5], и это ей было очень приятно. Она так присмирела (чему причиною, вероятно, ее положение), что это замечают все в обществе. Кстати, пришлите немедленно перекрашенные платья Храповицкой, хоть по почте, пришлите мне непременно книгу [6]. Прощайте, будьте здоровы, крепко обнимаю вас и цалую ваши ручки. Обнимаю Веру и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение. Константина обнимаю и внутренне удерживаю от той радости, которая в нем сидит, может быть, против его воли.

Посылаю книгу Вере английскую, в ней вложены стихи к Петру [7], которые прошу передать Толстому: переписывать их мне было некогда.

151

1847. Января 14-го. Калуга. Вторник.

С нетерпением ожидаю известий от вас, милый отесинька и милая маменька. Что диссертация, будет ли диспут? [1] Не получу ли я писем от вас с нынешней почтой, по крайней мере, книги Гоголя? [2] Едва ли вы успеете это сделать. В субботу уехали отсюда студенты, т. е. Яков Семенович Унковский и Богдан Иванович Маринский. Они хотят непременно явиться к вам:

сделайте одолжение, примите их без церемоний и самым дружеским образом. Это еще юноши в полном смысле слова, но славные юноши и типичные студенты. Поручаю их в особенности маменьке и Вере, которая умеет занять и приласкать всякого. Константина же прошу не выругать их с первого разу, как некогда он сделал это с Федором Семеновичем Унковским, обедавшим у нас по просьбе Гриши, раздражившись тем, что Унковский никак не мог вдруг понять, отчего у Виардо, приехавшей из Петербурга, и голос должен быть скверен, и сама она подлец! [3].. Старший, высокий есть Унковский, низенький Маринский, воспитанный в их доме с первых лет младенчества. Впрочем, лучше было бы Константину самому заехать к ним и пригласить их от имени вашего. Сами они, может быть, не вдруг и отважатся. Адрес их: против Малого Вознесенья, на Никитской, в переулке, в доме Нарышкина. Они нанимают квартиру у немца какого-то, со столом.—

Что вам рассказать еще. Написал я стихи, которые у сего прилагаю [4]. Александра Осип⟨овна⟩ пристроила и другого своего брата, Александра Россета, младшего, находящегося здесь в отпуску, очень, очень простого малого, но добрейшего изо всех. Женят его на одной Афросимовой, приехавшей на зиму в Калугу, имеющей всего 150 душ, надеющейся со временем получить до 10 т⟨ысяч⟩ в год доходу. Все это очень скромно. Девушка огромная и, на мой взгляд, предурная собой. Точно купчиха. Их уже помолвили и в субботу вечером на базаре поздравляли. Там был и я, чтоб отдать книгу Гоголя Смирновой, поздравлял Россета, но никак не мог поздравить Смирнову: как-то странно поздравлять ее с какою-нибудь семейною радостью!.. Впрочем, это самый странный брак: ни по любви, ни по расчету!

О книге Гоголя не пишу вам потому, что хочу перечесть ее еще раз и ожидаю ее прибытия.

Прощайте, будьте здоровы по возможности. Целую ваши ручки. Что же Соколов, вышел? [5] Справьтесь у Погуляева. Обнимаю Костю и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Акс.* [6]

152

1847. Января 18. Калуга. Суббота.

Я получил письмо ваше от понедельника, милый мой отесинька и милая маменька, а потому и не ждал на этой неделе писем с экстра-почтой. Слава богу, что с диссертацией все покуда кончилось благополучно [1]. Стало, еще три недели осталось до диспута? В самом деле, и мне сдается также, что Гриша намерен жениться [2], чему я от души радуюсь и хочу писать ему ободрительное письмо. В письме этом я ему растолкую, что он, получая 5 т⟨ысяч⟩ жалованья, равняется стотысячному капиталу, приносящему 5 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ процентов, или 150 душам. Подымаясь выше, он легко может получать со временем тысяч десять и более... Гриша рожден для семейного счастия, верно, не ошибется в выборе, а между тем

в таких летах, когда именно нужно жениться, если хочешь при вступлении детей в совершенный возраст быть еще им полезным, и пр. и пр.—

Теперь о книге Гоголя. Я думаю, вас немало удивит такая разность впечатлений наших. Мне кажется, я свободнее вас. Я судил по одним впечатлениям, которые на меня производила эта книга, по тому, как говорит князь Урусов [3], пробегали ли мурашки по коже или нет. Забудьте, что это писал Гоголь, и признайте за каждым человеком вещать такое серьезное, опытом жизни запечатленное слово. Вы чувствуете, что Гоголь не лжет, не надувает вас, но истинно борется, возится и страждет, и искренно молится, и искренно умиляется при слове: молитва, Христос. Отчего же одному Филарету или Иннокентию можно писать проповеди, которыми всякий восхищается, но которым никто не верит и никто не следует, потому что проповеди их — пустые слова, не приобретенные жизнью, не выстраданные, не выведенные как результат долгого душевного воспитания. Гоголь мне ближе. Он действует не ex officio *, он в таком же был положении, как и я. Что и говорить, и в этой книге есть много вещей, которые показывают, что Гоголь еще не вполне установился, много таких, которых я переварить не могу, наприм⟨ер⟩, письмо о семи кучках денег, предуведомление к «Ревизору» и т. п. Хотя, надобно признаться, здесь проявляется более странность личного характера Гоголя, всегда у него бывшая, какая-то педантская систематичность (которая есть отчасти и у Константина), нежели странность, вообще свойственная этому направлению. Меня что радует? То, что он мирится и мирит искусство с религией [4], что он продолжает «Мертвые души»[5], что даже и здесь, с высоты чудного своего языка, прикасаясь к какому-нибудь предмету, он вдруг заговорит его языком, не брезгуя выражениями. Это меня радует. И какой высокий, чудный образ художника предстает перед глазами! На какую неизмеримую высоту возносит он с собою искусство и служителей искусства, и какое благоговение слышно у него всюду перед нашей дивной душой, перед святым призванием поэта! Господи! кажется, все блага мира отдал бы я, от всех радостей отказался бы, только чтоб подышать мне хоть час воздухом этих горних обителей искусства! Впрочем, для меня всегда и во всякое время, как и сами вы знаете, имела сильное значение душа человеческая.— Мне дела нет до того впечатления, которое Гоголь произведет на публику. На меня он подействовал, точно будто новое поприще деятельности открылось для моей души. Вчера вечером и на ночь написал я стихи [6], которых еще и не перечитывал нынче. Их надобно отделать, и во вторник я их пришлю к вам. Я чувствую себя другим и лучше. Вера пишет, что язык слаб и вял. Это такой язык, который, как стихи, невольно удерживается в памяти. Как, это слабо и вяло: «Стонет весь умирающий состав мой!» Это просто музыка. А женщина в свете. Перечтите это со вниманием. «Увы! на всех углах мира ждут и не дождутся ничего другого, как только тех родных звуков, того самого голоса, который у вас уже есть!» «Благоухающими устами поэзии навевается на души то, чего не внесешь в них никакими законами и никакою властию!» А в письме к Языкову о лиризме вспомните

* По обязанности (*лат.*).

119 страницу, место, начинающееся так: «Ублажи гимном того исполина» и пр., возьмите 284-ую стр⟨аницу⟩ с третьей строки сверху. Досадно только, что помещено письмо о доме Романовых и государе. Что Константин? пусть серьезно занявшись чтением этой книги, забыв на время Минин-Пожарского [7], даст он свободу душевному голосу, и я уверен, он во многом со мной согласится. Ожидаю ваших последующих впечатлений при втором чтении книги.

Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька. Дай бог, чтоб у вас было все благополучно. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ и всей родне кланяюсь. Скажите Косте, что одна барышня здесь, с которой я никогда про него и не говорил, не Унковская, а казенная палаточка [8] видела его во сне и рассказывала мне сон, говоря, что он в русском кафтане, без бороды, с черными волосами, красавец собой, но что она тебя ужасно боялась... Чувствую, что это будет рассказано К⟨атерине⟩ Ал⟨ександровне⟩ Свербеевой и другим.

P. S. Сейчас получил письмо от вас, и хоть остается мало времени, но спешу вас уведомить, что я ни одной почты не пропускал, и мне очень, очень досадно, что письма мои не получены вами. Не залежались ли они в Москве? Во всяком случае, разыщите это, а я справлюсь здесь на почте. И как мне досадно, что и я вследствие этого получил от вас самое небольшое неудовлетворительное письмо. Ведь вы не догадаетесь написать мне за это лишний раз, если получите письма... Таким образом, нынешняя неделя так прошла для меня, и мне опять придется ждать субботы... Очень это досадно. А я вам в числе тех писем послал один толстый пакет со стихами к Языкову [9]; также послал и другие свои стихи: «Вопросом дерзким не пытай...» Не знаю — получите ли вы это все...

Я забыл написать к Косте по поручению Алекс⟨андры⟩ Осиповны, во 1-х), что он непременно должен побывать здесь в Калуге: «Мы его переменим, сделаем терпимее и снимем с него русское платье»,— говорит она с необыкновенною дерзостью самонадеянности, несмотря на все мои уверения в противном; во 2-х), что когда он кончит совсем диссертацию, напечатает ее, хорошо защитит, обреет бороду и наденет фрак, то получит сюрприз, очень приятный подарок. Я просил выкинуть последнее условие, прибавив, впрочем, что это может случиться и случится вследствие диспута, на который нельзя явиться в русском платье. Подарок этот (только это по секрету, прошу меня не выдать) состоит в портрете рельефном Ломоносова, сделанном из кости, превосходная, драгоценная редкость.— Посылаю вам еще стихи [10], написанные мною, но эти стихи — так, не войдут даже в мою зеленую книжку... [11] Эти стихи написаны были вследствие негодования, возбужденного во мне петербургскими воспоминаниями Алекс⟨андры⟩ Осиповны. Недаром прожила она 20 лет в этом вонючем месте. Я не верю никаким клеветам на ее счет, но от нее иногда веет атмосферою разврата, посреди которого она жила. Она показывала мне свой портфель, где лежат письма, начиная от государя до всех почти известностей включительно. Есть такие письма, писанные к ней чуть ли не тогда, когда она была еще фрейлиной, которые она даже посовестилась читать

вслух... Столько мерзостей и непристойностей. Много рассказывала она про всех своих знакомых, про Петербург, об их образе жизни и толковала про их гнусный разврат и подлую жизнь таким равнодушным тоном привычки, вовсе не возмущаясь этим и продолжая быть в фамильярных сношениях со всеми, в том числе и с Карамзиными... Признаюсь, я под конец вечера ругнул всех ее приятелей довольно энергически... Написав стихи, принес ей, сказав, впрочем, что мои стихи в этом роде — просто дрянь, бессильность в сравнении с Константиновыми. И в самом деле, я написал эти стихи так, чтоб лучше высказать ей свое мнение.

С преступной гордостью обидных,
Тупых желаний и надежд,
Речей без смысла, дум постыдных,
И остроумия невежд;
В весельях наглых и безбожных,
Средь отвратительных забав,
Гниете вы, — условий ложных
Надменно вытвердя устав!
Блестящей света мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы ваших помыслов тщету?
О том, что вам судьба готовит,
Еще ли страх вас не проник?
дерзко
Все также лжет и срамнословит
И раболепствует язык!
Не стыдно вам своих занятий,
Богатств и прихотей своих:
Вам нипочем страданья братий
И стоны праведные их!..
Господь, господь! вонми моленью,
Да прогремит бедами гром
Измены злому поколенью
И в прах рассыплется Содом! [12]..
А ты, страдающий под игом
Сих просвещенных обезьян [1*],
Пора упасть твоим веригам!
Пусть духом мести обуян,
Восстанешь ты и, свергнув бремя,
Вещав державные слова,
Предашь мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя,
И воцаришь свои права!

Она заметила, что это не по-христиански...

[1*] Чуть ли не украденный стих из какого-то Константинового стихотворения [13].

153

<1847 год. Калуга. 21 января.> [1].

Вот вам стихи, милый мой отесинька и милая маменька. Можно сделать много вариантов и много поправок; и хорошо было бы, если б вы мне их сообщили. Письма ваши от четверга получил я в субботу, по отправлении своего. Они меня ужасно смутили, встревожили и нарушили то состояние духа, в котором я очутился по прочтении книги Гоголя. Вновь полон я сомнений и вопросов и уж третьего стихотворения в духе первых двух не напишу [2]. Беру у Смирновой книгу Гоголя и подробно буду отвечать вам на каждый пункт письма. Теперь же не могу потому, что Унковский-моряк [3] сейчас едет обратно в Николаев, и я должен проститься с ним. Вчера весь вечер сидел у Смирновой. С чего взяла Вера, что я нездоров? Смешно, в самом деле, не успею я написать длинного письма и уж нездоров. Это посягательство на мою свободу. Прощайте, цалую ваши ручки, дай бог вам здоровья, обнимаю Константина и всех сестер. Всем кланяюсь.

Ваш *Ив. Аксаков.*

1847 г<од>. Калуга. 21 янв<аря>.

На этой неделе день именин Гриши и Марихен [4]. Поздравляю всех вас и ее.

154

1847 г<од>. Января 25. Суббота. Калуга.

Кажется, нынче день именин Гриши, а вчера день именин Марихен [1], или наоборот? Во всяком случае, поздравляю вас с этими обоими праздниками, милая маменька и милый отесинька. Получил я вашу посылку из Москвы: перекрашенные платья и книгу Гоголя. Храповицкая в восхищении от перекраски; очень рад. Книгу Гоголя немедленно по получении отослал к Ал⟨ександре⟩ Осиповне, которая просила меня о том, раздавши все свои экземпляры по чужим рукам. Что вам рассказать про эту неделю? В понедельник был я у Смирновой, читал ей ваше письмо и Верочкино [2]... Ей, равно как и мне, интересны все впечатления. Много было толков. Клементий Россет с самого начала был и есть вашего мнения. Я не могу не согласиться с вами во многом; я сам при чтении книги сильно смущался выходками на Погодина, похвалами дому Романовых, разделением на 7 куч и т. п. и говорил все это еще прежде Смирновой. Распоряжения насчет портрета тоже мне были не по сердцу. Но мне кажется, что Гоголь искренен, что он действует так по обязанности, налагаемой на него убеждением, что все это может быть полезно людям. Слышится иногда истинный, пронзительный голос душевной муки; право, слышатся иногда слезы! Я убежден, впрочем, что все это направление не помешает ему окончить «Мертв⟨ых⟩ душ». Что, если «Мертвые души» явятся, если просветленный художник уразумеет всю жизнь, как она есть, со всеми ее особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнет в ее тайны, не

односторонне, не увлекаясь досадой и насмешкой,— ведь это должно быть что-то исполински-страшное. 2-й том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства. Признайтесь однако, что много есть хорошего в письмах! Меня увлекало и увлекает благоухание той сферы духа, в которой обретается и к которой зовет Гоголь.— Впрочем, я собираюсь вновь перечесть всю книгу. Нынешняя неделя так скоро прошла, что я не успел ничего сделать. Алекс⟨андра⟩ Осиповна вся за Гоголя, но не спорит против ваших возражений, говоря, что указываемое вами — слабости и крайности, от которых он не вполне очистился и т. п. Она убеждена, впрочем, что Гоголь не в состоянии более написать «М⟨ертвых⟩ душ» [3]. А интересно знать, что скажет суд публики, суд, выражающийся не в журналах? Любопытно знать впечатления, производимые книгою на души неприготовленные, свежие... Потому что мы все — от беспрестанных толков, размышлений, предупреждая впечатления друг в друге предварительными разговорами, с нашими неразъясненными нам самим вполне системами, доктринами,— мы не свободны, мы как-то перетерли наши души. Ах, как мне хочется встретить иногда человека совершенно свежего, нового, простого, от которого бы не веяло ограниченностью нашего просвещенного ума, пустотою нашего образования[4], чем всем мы так гордимся. Повторяю, мне кажется, что нет ничего пошлее умного человека в наше время. При своем нравственном растлении, при нецельности своего ума он не способен к откровению новых истин. Впрочем, это вовсе не идет сюда. Во вторник обедал у Храповицкого по случаю дня его рожденья. В середу вечером сидел дома, читал новый роман Жорж Занда [5]. В четверг был у Смирнова, где познакомился с Нарышкиным, бывшим 12 лет на каторге! [6] Человек этот, видно, так сделался мягок и кроток и тих, так проникнут верою и любовью, что хоть он меня не убедил (мы рассуждали о вере), но мне отрадно было на него смотреть. Не имея сам много веры, я люблю смотреть на людей верующих, но, разумеется, верующих без ханжества. Вчера отказался от приглашения на вечер к Писареву, остался дома и написал новые стихи [7], которые, впрочем, имеют более политический смысл. Начал я было с целью адресовать их к Арнольди, но конец не приходится к Арнольди. Окончив их в полночь, я лег спать, но, разгорячившись или от другой причины, никак не мог заснуть раньше половины третьего, а встал в восьмом, обрился и сел за письмо к вам. Хочу писать еще к Грише.— Сейчас принесли мне ваше письмо. Прочту его. Вы на меня сердитесь за то, что я мало пишу. Я не могу теперь писать много потому, что не успеваю обдумывать ничего. Когда у меня есть свободное время, мысли и вопросы вдруг нахлынут со всех сторон так, что едва можно сладить с ними. К тому же я пользуюсь досужным временем пятницы и субботы, чтоб писать стихи. Я написал три стихотворения: третье вы получите с следующей почтой [8]. Оно крепко, сильно, зернисто... Так мне показалось вчера, когда я его писал. Нынче еще не читал его: боюсь, что оно вдруг мне покажется вялым и риторическим. Мне самому смешно бывает, до какой степени стихи мои чужды сферы моей внешней жизни. Как розны эти два мира! Жизнь внешняя не дает мне ни одного вдохновительного толчка,

и все содержание, все воодушевление должен я черпать из себя одного. Мало того. Кроме Арнольди, нет ни одной души, способной понять стихи мои и оценить их как выражение отвлеченной мысли. Я мало к вам пишу потому, что жизнь, которуя я веду по необходимости, так мало занимает меня собственно, что не остается ни одного воспоминания, ни одного впечатления; я выезжаю, знаю теперь почти всех здесь, и всё, и все мне так пригляделись, что мой внутренний мир не соприкасается вовсе с ними. Важнее писем для вас стихи мои.— По той же причине не писал я ничего и об Ал⟨ександре⟩ Осипов⟨не⟩. Так мало она меня занимает, что, право, говорю вам, и в голову не приходит мне об ней никогда дома. Когда я бываю у ней, то я говорю, спорю, нахожусь с ней в совершенно простых отношениях, никогда не вспоминая прежнего, не касаясь этих вопросов. Она уже не прежняя для меня Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩, она вдруг постарела для меня десятью годами, я вижу в ней умную, занимательную женщину, беременную вдобавок, мать детей, довольно взрослых, женщину, которой ошибки и заблуждения не способны более возбудить во мне никакого негодования, вниманием и мнением которой я не дорожу, и потому-то мне теперь с нею так свободно и ловко. В четверг я ее не видал, она нездорова и сидела наверху. Вера думает, что я примирюсь с ее воззрением! Последние, вот эти стихи мои докажут противное. Я вовсе не хлопочу о ее воззрении и не спорю с ним. Искренно-серьезных и важных для меня разговоров более с нею не бывает. Я даже рад, когда она уходит или когда я могу остаться один с ее братьями. Нет, не примириться мог бы я! Напротив, я чувствую в себе ежеминутную возможность или стать безбожником, или сделаться отчаянным аскетом; противно мне это равнодушное, ничего не разрешающее примирение, этот нравственный комфорт! Стихи Конст⟨антина⟩ [9] прекрасны, особенно вторая половина и особенно оборот или склад последних 3-х стихов. Прощайте, будьте здоровы. Дай бог, что вам было всем лучше. Цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер. Из Петербурга Смирновой о диссертации ничего не пишут. Кланяюсь всем.

Ив. Акс.

155

1-го февраля 1847 г<ода>. Суббота. Калуга.

Я не писал к вам во вторник, милый отесинька и милая маменька, потому что не успел. На этой глупой неделе столько суеты, что решительно некогда одуматься, и нить стихотворений, кажется, прервана. Хотел было послать вам стихи во вторник, но раздумал, вообразив себе живо, что стихи придут в самый развал масляницы, когда человек, наевшись блинов, делается скотиной, клонит его ко сну, а жизнь духа отложена до великого поста. Необыкновенно гадка мне масляница, особенно когда представлю себе, что 60 миллионов челюстей едят в одно время блины с икрой, маслом, сметаной, и 60 миллионов подбородков засалены жиром и лоснятся. Грустна мне также эта детская черта человечества, устроившего себе подобное обжорливое пиршество и безумное, грешное веселье пред великим

постом.— Церковь не так смотрит на это, и жизнь опять здесь врозь с религией. Мне это, пожалуй, все равно, но мир, называющий себя христианским, не должен был бы узаконять подобного учреждения... Я очень мало ел блинов, обыкновенно не более двух. Посылаю вам стихи наконец. Попросите Каролину К⟨арловну⟩, чтоб она поставила к ним эпиграфом какие-нибудь приличные стихи из пьесы Беранже [1] «*Les fous*» *. Этого стихотворения нет в издании Константина, она мне его читала в последний раз.— Ну-с, что вам рассказать про эту неделю?

В понедельник обедал я у Храповицкого, вечером был у Кабритовых, во вторник на маскараде, в Собрании или, лучше сказать, костюмированном бале, без масок. Много было очень хороших костюмов. В середу обедал у председателя своего Яковлева, в четверг у Писарева. В середу вечером были у меня гости, друзья, надоевшие своей дружбой, в четверт вечером на бале у Смирнова. В пятницу сидел весь день дома, принимал с визитами. Нынче на блинах у Клушина, вице-губернатора, завтра в Собрании блины. Впрочем, большая часть городских увеселений: катанья, театр, вольные маскарады в театре,— все это совершается без меня. Слава богу, и в этом прошу мне верить, я совершенно здоров; одно только, что плохо спится мне, и все это время я страдаю бессонницей. Тоска! Тоска, которую не развлечет и Москва: напротив, я уверен, что нигде не будет мне так грустно и тяжело, как в Москве. Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩ нездорова и все кашляет, а потому во время бала сверху не сходила; впрочем, я был допущен наверх и сидел там часа с полтора, и, признаюсь, мне у нее было очень скучно. Говорить не о чем, да и охоты нет, когда не ждешь и не ищешь более словам никакого сочувствия. Кажется, она скоро должна родить, но в Москву ехать и не думает. Она читала мне письмо Самарина. Осторожный Самарин, не имея еще сведений, какого мнения о книге Гоголя Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩, пишет о книге чрезвычайно легко и загадочно, не произнося никакого решительного приговора, однако же видно, что он ею очень недоволен [2]. В письме его есть что-то обо мне, сказывал мне Арнольди, чего, однако же, она мне не прочла, остановясь на 3-ей страничке. Я, впрочем, и не любопытствовал.— Письма ваши получены мною вчера, почти оба в одно время: оплошность относительно доставления первого письма извинительна по блинному времени. По векселю наведу справки, хотя Кротков должен был бы меня известить, по крайней мере, в каком уезде и с кем именно в части состоит заведение Цемш [3]. Что касается до цены на хлеб, то с следующей почтой сообщу аккуратное сведение. Кажется, впрочем, что плохо, едва ли выше 9 рублей. У меня есть знакомый купец, хлебный торговец, от него я узнаю все подробно. Унковского старика не успел вчера об этом спросить, а теперь он еще не вставал.— Эпитет «заржавленный кремень» поставлен потому [4], что кремень единственный камень, способный ржаветь, как уверяют меня все охотники здешние.— Стихи Константина к Соловьеву [5] прекрасны, очень хороши. Письмо также, должно быть, искусно написано [6], хотя, признаюсь, как-то в нем мало толку. Книги Гоголя,

* Безумцы (*фр.*).

полученной мною от вас из Москвы, у меня нет теперь, я ее читал или, лучше сказать, проглотил в один раз и с тех пор не поверял своего суждения новым чтением. Ал⟨ександра⟩ Осип⟨овна⟩, раздарившая свои экземпляры, взяла у меня мой и отдала кому-то читать. Когда я говорю об образованности, то вовсе не значит, чтоб в противоположность ей поставлял другую крайность, мужика. Я не разделяю мечты Константина [7], что можно нам, уже выскочившим из сферы тесной национальности, сочувствовать вполне народу. Я сошел бы с ума, если б мне пришлось жить постоянно с мужиком,— и мысль, которую Константин развивает в своей повести [8], есть жорж-зандовская утопия. Есть степень выше... К чину себя представлю [9].

Когда опять примусь за стихи, не знаю. Надоело мне это отвлеченное, не всем доступное содержание. Холодом веет от этих высоких мыслей, и ничьей души не греют эти порывы бесприкладного благородства [10], все равно как не греют они и моей.— Прощайте, поздравляю вас с великим постом. Я ему несказанно рад. Будьте здоровы по возможности, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер, Веру в особенности. Всем, кому следует, кланяюсь. До вторника.

Ив. Аксаков.

156

4-го февраля 1847 г<ода>. Вторник. Калуга.

Слава богу, вот и великий пост! Здесь он еще не так заметен, как в Москве, где на каждом шагу церковь и на улице беспрестанно попадаются целые толпы тихо идущих в церковь говельщиков. Письмо это придет 7-го февраля. Поздравляю вас, милая маменька и милый отесинька, со днем рождения Веры, поздравляю всех, поздравляю тебя, милая моя Вера, и крепко обнимаю.— Не говеет ли маменька на этой неделе? Если говеет, то заранее поздравляю Вас с причащением.— Что вам рассказать про конец недели? В субботу, в час отправился я к Клушину, там было человек 25, не более, дам очень мало, проехались в санях по городу, в 6 часов сели за стол, в 8-м часу я был дома, в воскресенье также оставался целый день дома. Вчера вечером сидел у меня Арнольди; Ал⟨ександру⟩ Осип⟨овну⟩ не видал с четверга.— Справлялся насчет хлеба. Овес теперь поднялся до 7 рублей, рожь до 9 рублей. Возвышение цен раньше весны не предвидится, а весною полагают, по трудности доставки, цена будет рублей 10 и более. Калуга хлебом своим никогда не продовольствуется; в нее привозят много хлеба Окой из Орла. Что же вы мне ничего не пишете насчет Унковских [1], видели ли вы их, был ли у них Константин. Нет ли каких сведений о моем переводе? [2]..

Я к вам пишу очень несвязно ныне потому, что, право, нечего писать особенного, потому также, что пишу всегда утром, до поездки в палату и тороплюсь, между тем как по субботам мне гораздо досужнее, ибо присутствия нет. Посылаю вам стихи [3]. Для того, чтоб вы не терялись в напрасных догадках — для чего и о ком писаны эти стихи, скажу вам, что они написаны по поводу одного случая, рассказанного мне Федором

Унковским в прошедшую субботу, вечером, когда мы вместе воротились от Клушина и до позднего времени толковали. У меня ведь, как известно, душа пресострадательная, и я так заинтересовался положением девушки, мне неизвестной, о которой шла речь, вспомнил живо положение других, мне известных, вспомнил и Sophie, судьба которой меня постоянно занимает, и написал поутру же на другой день стихи. Стихи без особенного достоинства, но при более тщательной отделке могли бы быть лучше. Есть тут, впрочем, один стих, который мне очень нравится.— Прощайте, до субботы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Я первую неделю ем постное. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ив. Акс.

157

8-го февраля 1847 г<ода>. Калуга. Суббота.

Нынче Вы, милая маменька, Вера и Люба причащаетесь: поздравляю вас заочно. На нынешней неделе я получил два письма от вас: одно от понедельника, другое от четверга. Известие, сообщаемое мне Вами, милый отесинька, в первом письме, мне не совсем приятно, но что делать! Не хотелось бы служить вместе с Рюминым и быть обер-секретарем над секретарями, которые в полном праве негодовать на меня за то, что перебил им дорогу, ибо во всех отношениях более меня заслуживают занимать эту должность. Нынче я писал к Пинскому не о себе, но о Сальницком, желающем получить мое место здесь; уговорил и Смирнова сделать об нем официальное представление, так как просьба моя, посланная к Панину, есть также дело официальное и не секрет. Кажется, почта в Калугу отходит по пятницам, а не по субботам, и потому сомневаюсь, чтоб вы успели известить меня о диспуте [1]. Теперь уже поздно предупреждать вас, но, написав в понедельник, вы бы успели уведомить меня: я получил бы письмо в середу поутру и мог бы приехать к пятнице. Не зная ничего, я не могу решиться ехать. Цены на хлеб именно те, какие я вам написал, и до 10 р⟨ублей⟩ 50 к⟨опеек⟩ во всю зиму не доходили: это мне *положительно* известно. На первой неделе совершились здесь две помолвки: дочь Писарева Николая Алекс⟨андровича⟩ помолвлена за одного инженерного офицера, вдовца, жену которого я хоронил год тому назад. Писарева замечательна тем, что у нее косы, впрочем, не черные, ниже колен: она была раз в таком костюме на маскараде, где могла выказать красоту своих волос. Другая помолвка мне ближе известна. Унковский старший, Михаил, женится на младшей Кабрит, 17-ти летней девушке. Все это совершалось на моих глазах, и я даже разыгрывал роль некоторую, как друг семейства и поверенный тайн. Сей последний брак будет, вероятно, пресчастливый, но, должно признаться, нисколько не умилительный, а пресный. Много очень дум родил во мне этот случай: страшно вдруг увидеть всю жизнь свою определенною до конца или, по крайней мере, хоть одну ее сторону и отказаться в этом отношении ото всякой неизвестности будущего! Нет, никуда не годится Константиново воззрение на

брак. Брак тогда является чем-то таким обыденно-пошлым, что трудно на него и решиться. Нельзя ли сохранить поэзию любви и жизни в браке? Я мирного счастия, опошливающего человека, не хотел бы себе, боюсь действия привычки, и если б должен был смотреть на жену как на работницу или хозяйку, то сошел бы с ума от тоски. Впрочем, об этом нужно писать много, да и я ведь сам знаю, что через несколько лет, может быть, и созрею для брака, стану мудрее (иными словами, пошлее, трусливее и смирнее). Таков закон природы! Прощайте, будьте здоровы. Целую ваши ручки.

Ваш *Ив. Акс.*

Обнимаю Костю и всех сестер.

158

1847 г<од>. Февраля 11-го. Вторник. Калуга.

Я сегодня вовсе не располагал писать к вам, милый мой отесинька и милая маменька, потому что непременно жду от вас писем завтра. Вы хотели уведомить меня о диспуте, но не уведомили, и я нахожусь в затруднительном положении: если получу письмо завтра, что диспут в пятницу, то я приеду скорее, чем это письмо, и письмо это будет лишнее. В четверг выеду, в субботу вечером назад из Москвы. Если же я не получу письма, то значит, диспут не будет, и я не могу отважиться ехать по одному предположению, что он состоится на этой неделе.— Кстати, на этой неделе выезжает из Калуги Унковский Михайла (жених) [1] с братом своим Федором; они, вероятно, будут у вас в понедельник или воскресенье. Этот Михайла добрейшее создание, но олицетворенная простота, как и мать его, которая также с одною дочерью и невестою сына отправляется на днях в Москву для покупки приданого.

Что вам сказать покуда? Ничего нет особенного. На этих днях прочли мы с Арнольди роман Герцена [2]. Это не художественное произведение, если хотите, но — не говоря о болезненном желании всюду острить — в нем много чудесных вещей! Так тяжело и тоскливо стало у меня на сердце, когда я прочел его, тем более, что это произведение современное, 19-го века, болезням которого мы все более или менее сочувствуем. В Калуге берет меня тоска, чувствую, что и в Москве будет то же после первых двух месяцев, когда уже достаточно утомит меня эта многосторонняя поверхность всех вопросов и умственных интересов. Но у меня впереди два ресурса: летом я беру отпуск на 2 м⟨еся⟩ца и отправляюсь ходить пешком по России, в Киев и т. п. А на будущий год в чужие краи, несмотря на все доводы Константина [3]. Прощайте, будьте здоровы по возможности, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ мое почтение.

Ив. Аксаков.

159

1847 года, Калуга, февр<аля> 15. Суббота.

На нынешней неделе получил я два письма от вас, милый мой отесинька и милая маменька. Очень рад я, что вам нравятся стихи и гораздо более, чем я ожидал. Я думал, признаюсь, получить больше похвал за предыдущие мои стихи, которые мне самому нравятся: «Зачем душа твоя смирна?» В них есть какая-то подъемлющая стремительность. «Отечеств⟨енных⟩ записок» еще не видал, а потому и не знаю еще разбора «Зимней дороги» [1]. Я, впрочем, ничего другого и не ожидал, в ней можно похвалить разве некоторые места.— Я непременно хочу быть на диспуте, ибо покуда мне слава богу, ничего не мешает ехать, особенно если диспут будет в пятницу или субботу.— Когда же выйдет «Московский сборник»? [2] Благодарю вас за хороший прием, оказанный Гафнеру [3]: он в восхищении.— Вчера, после долгих сборов, двинулось отсюда полсемьи Унковских в Москву на неделю: m-me Унковская с дочерью, двумя сыновьями и невестою. На моих руках остались отец, одна дочь и остальная мелюзга.— Деятельность Константина меня необыкновенно радует: скачет, ездит, рыскает, говорит, читает, пишет драму и мимоходом статейки в газетах! [4] Славно.— Я же ничего не делаю. Первую неделю ел постное, теперь ем скоромное, стихов не пишу. Представил себя к чину надворного советника. Третьяго дня я был у Смирнова и опять поссорился с Алекс⟨андрой⟩ Осип⟨овной⟩. Впрочем, это рано или поздно должно было непременно случиться. Она мне просто противна, и когда я, по требованию мужа, зашел к ней в понедельник вечером, то едва высидел полчаса: она, окруженная только священными книгами, говорила такие грубые и неделикатные вещи про некоторых моих знакомых, что я едва мог удержаться, но смолчал и сказал только, что во мне более кротости, чем в ней. По четвергам обыкновенно бывают у мужа ее мужские вечера. Мне надо было видеть Арнольди; я приехал сначала к Ник⟨олаю⟩ Мих⟨айловичу⟩, с которым мы на самой короткой и дружеской ноге (доказательством служат отличные сигары, которыми я пользуюсь предпочтительно перед другими), потом прошел наверх к Арнольди, который в это время был у сестры и играл в карты с нею и Тимирязевым. Чрез полчаса они кончили, и я ушел с Арнольди в его комнату, где сидел до 12-го часа, потом сошел вниз и прошел в гостиную, где сидели дамы, чтоб проститься с одной из них, которая на другой день уезжала из города, именно с Храповицкой. Дамы эти играли в карты, и подле них сидела Смирнова, к удивлению моему, сошедшая вниз. Смирнова задержала меня расспросами о том, что делается в Москве, о Гоголе. У меня в кармане было ваше письмо [5], и я ей хотел сообщить известие о письме Гоголя к Щепкину и, добираясь до этого места, прочитывал про себя, однако же вслух, ваши, правда, жесткие рассуждения о сумасшествии Гоголя и о плутовстве в его сумасшествии. Подняв случайно глаза, я ужаснулся. Смирнова вся вспыхнула, потом побледнела, потом затряслась, потом подняла руки кверху и пошла потеха. Я вовсе этого не хотел, стал извиняться, успокаивать ее, сказал, что не буду ей возражать... Не тут-то было. Она оскорби-

лась вашими выражениями о Гоголе. Это бы еще ничего, но, по свойственной женщинам манере, заехала бог знает куда, так что я под конец рассердился. Начала с того, что Гоголь ошибался в *«вашей»* семье, он думал найти друзей и нашел вместо того людей, которые дорожат только его талантом, что *«вы»* его надули и надуваете, но ее не надуете и что она откроет глаза Гоголю [6] и т. п. Потом стала ругать всю Москву, вас вообще и меня в особенности. Вы (т. е. Москва и вы), которые с утра до ночи твердите о христианстве и любви христианской... Тут я не выдержал. «Прошу покорно оставить христианство в покое в теперешнем разговоре,— сказал я.— Мы мало говорим о нем, напротив, нигде так часто не слышал я этих всуе употребляемых слов, как у Вас и от Вас, и нигде я так мало не находил христианства и любви, как в Вас, нигде не видал такого оскорбительного противоречия между словом и делом, как у Вас. Во мне больше любви, и я не смотрю на добро и религию с такой чисто материальной стороны, как Вы».— Она закричала, что это неправда, что «я, милост⟨ивый⟩ государь, не забыла нашего *летнего* разговора и Ваших грубых стихов [7], будьте уверены». Я на это отвечал, что подобное негодование и ненависть ко злу показывают страстную любовь к добру и людям, что она имеет, впрочем, удивительное свойство меня бесить и оскорблять на каждом шагу. (Она перед этим уверяла, что я слишком горд, со всеми обхожусь с презрением, не уважаю личности человека и души человеческой. Какая ложь! В Калуге нет людей, мною оскорбленных, кроме ее!). Она стала кричать про стихи, что она знает, что мне досадно это публикование ею моих стихов и что она будет (слово *будет* повторено, как следует, сряду раза 4) их публиковать, только не знает, куда их де́ла). «Неправда,— сказал я,— к чему прибегать к таким уловкам, ведь Вы очень хорошо знаете, где стихи».— «Я послала их к Самарину».— «Ну что, стало, знаете!» — «Будьте уверены, что я копий не оставляла».— «Да я и не хлопочу о копиях; но и это неправда! Копии есть». Еще поругавшись, я ушел из комнаты, не простясь. Дамы, сидевшие подле нее, были ни живы, ни мертвы, а двери были отворены в залу, где играли на 4-х столах. Я вовсе не расположен был горячиться и все-таки не высказал ей и сотой части из уважения к ее положению. Но какая, однако же, скотина! Как я ушел, так, говорят, она обратилась к присутствующим и долго еще изливала желчь свою на меня. Впрочем, я к этому равнодушен, ибо решительно ничего не теряю. Это не то, что было прежде. Прощайте, обнимаю вас и целую ваши ручки, обнимаю Костю и всех сестер.

И. А.

160

1847 г<од>. Февраля 22-го, суббота, Калуга.

На этой неделе получил я также два письма от вас, милый мой отесинька и милая маменька. Сам я во вторник не писал, потому что по вторникам нахожусь в том предположении, что сам отправлюсь в четверг. Отвечаю вам на ваши письма. Статью об общественной благотворительности [1] я про-

чел, и она мне очень нравится: она так жива, так метка, так ловка, так егозиста, что я никак не ожидал этого от Константина. Статей Мельгунова и Шевырева [2] еще не читал. Увы! Огромные «С⟨анкт⟩-Петербургские ведомости» начинают здесь мало-помалу вытеснять московские. Статью эту здесь едва ли кто заметил, исключая старика Унковского, который мне ее и указал, изъявив в то же время предположение, что это должна быть или моя статья, или кого-нибудь из братьев моих! [3] Купцы калужские, читающие ведомости, обратили более всего любопытное внимание на рождение какого-то жеребенка.— Я очень рад ехать в Симбирск[4], но ведь я, как вам известно, скептик, как скоро что-либо затевается или предполагается у нас в доме, и потому не совсем верю сбыточности этой поездки. Но для этого мне надобно сначала перейти в Москву и по переходе в Москву взять отпуск чрез инспекторский департамент почти вслед за переводом (коли предполагают ехать в мае). Да что же это, наконец, переведут ли меня? Очень будет скверно, если меня не переведут до 1-го мая; тогда я опять останусь в распоряжении полном графа Панина до января 1848 года. Я даже удивляюсь, как вы не пошлете справиться, выбыли ли старые обер-секретари в сенате? За чем дело стало? Мне, уж признаюсь, надоело обретаться в этой неизвестности: ничем не могу положительно заняться, предполагая скорый отъезд, живу день за днем, в странном ожидании... Что ж это, в самом деле! Ольденбургский [5] приходит от меня в умиление, Пинский обещает много, а уж два месяца никакого исполнения по просьбе! Неужели они думают, что это такой важный пост, который хорошо получить и через год, только чтобы его получить? Ничуть не бывало. Через год я его не приму, а просто выйду в отставку, чтоб ехать в чужие краи. А я уж сделал было некоторые распоряжения, хочу продать мой фаэтон. Этот господин, заплаченный 600 р⟨ублей⟩ и послуживший мне довольно в Калуге, сверх того обещающий нуждаться в частых лечениях, не стоит быть переведен в Москву: не выдержать ему и двухнедельной езды по Москве. Здесь дают мне за него 400 р⟨ублей⟩. Как вы думаете, отдать? Я рассчитывал, что он мне дороже стоит, с поправками с лишком 700 р⟨ублей⟩, но никто больше не даст, ибо он старомоден. Вчера с помещиком Неведомским, приехавшим сюда для раздела имения, получил я небольшую записку от Мамонова: он пишет мне про свою картину Павла Препростого. Я бы ему отвечал, да не помню его адреса. Трудна задача. Он толкует о нашей непростоте... Но нельзя уже нам упроститься, растравив душу сознанием, нельзя сделать пылким человека холодного; для нас почти нет исправления, и в нас живет полное, безнадежное сознание своего бессилия. Мы с самого начала чувствуем, что для всех сознаваемых и признаваемых нами истин нужны мехи новые, а мы мехи старые, и с этой приятной уверенностью должны проходить, может быть, еще длинный, длинный путь: весело! Потом никто из нас еще не изведал жизни, но óна должна иметь свои права, и я не хочу так легко от них отказываться. Ну да все равно! В настоящую минуту меня не тревожат никакие мировые и религиозные вопросы. Занимает меня очень положение женщины в обществе. Как, однако же, верны себе издатели «Современника»! Все повести, весь журнал проникнут одной идеей. Чита-

ли ли вы там переписку двух барышень? [6] Только живущий в губернском городе может понять, до какой степени это верно; торжество пошлости заставляет невольно задумываться.— Мамонов пишет о поездке в Симбирск, говоря, что они едут за невестами. Если я поеду, так не за невестой, потому что не чувствую себя довольно созревшим для женитьбы, как де́ла покойного расчета, а всякая иная женитьба также вздор.— Арнольди затевает издать к августу месяцу литературный альманах в Москве [7]. Он будет доступнее, легче, элегантнее почтенного друга моего, полновесного «Сборника» [8]. Из петербургских литераторов участвуют в нем Соллогуб, Вяземский, Майков, которым всем уже о том и писано. Разумеется, ничего подлого или могущего оскорбить нас, москвичей, допущено не будет. Будет повесть самого Арнольди; я пишу к Елагину о его повести [9]. Вероятно, Самарин даст статью. Поручаю вам уговорить Хомякова дать также какую-нибудь приятную статью, на Павлову я также рассчитываю непременно. У него есть стихи и письма Лермонтова ненапечатанные. Пожалуйста, похлопочите о содействии всех наших московских литераторов, которых, впрочем так немного! Я даю ему стихи, на выбор, и очень рад этой затее: чем больше будет у нас в Москве деятельности такого рода, тем лучше. Впрочем, я сам скоро приеду забирать статьи. Тугое рождение на свет «Сборника» [10] заставляет предполагать, что родится какое-нибудь диво...— Блеснуло солнце! И серый, свинцовый цвет неба вдруг осветился. Облачный слой еще не рассеялся, но посинел, и отчетливее, яснее стали видны мне в окошко столбы отдаленные дыма, прежде незаметного, слившегося с небом. О, как я люблю светлые дни и солнце. Как утешает меня приближение марта, хотя по календарю *весеннего* месяца. Как освежает меня всякий, нежданно блеснувший яркий луч. Прощайте, непременно поеду прокатиться. Да, давно собираюсь писать вам, чтобы вы расспросили у Кроткова подробно об этой Цемше: в каком уезде, у кого в части ее капиталы и проч. Без этого я не могу навести справок [11]. Обнимаю вас и цалую ваши ручки, будьте здоровы. Обнимаю Константина, Веру и всех сестер. Всем кланяюсь.

Ив. Акс.

161

Суббота, 1-го марта 1847 года. Калуга.

Я совершенно забыл, что в феврале только 28 дней и никак не предполагал во вторник, что 1-ое марта будет в субботу, а то бы непременно написал. Впрочем, ваши письма от понедельника приходят сюда после написания мною писем утром во вторник, а так как я беспрестанно жду от вас положительного зова на диспут [1], то и отлагал вторничное писание до субботнего. Нынче 1-ое марта [2]: поздравляю Вас, моя милая маменька, поздравляю Вас, милый отесинька, поздравляю всех наших. На этой неделе получил от вас письмо в середу или во вторник ввечеру, но с четверговой почтой не получил против обыкновения.— В понедельник воротился Федор Унковский, привез мне свежие вести о вас, о Константине, рассказал

мне про дурацкие шарады, про дамское негодование на статью о благотворительности [3]... Отвечаю на Ваши письма. О Панове: немало поразился я, прочитав известие о его свадьбе [4]. Грустно и жаль будет, если он дорого поплатится за свое добродушие; покуда есть еще время, надо было бы навести верные справки, в состоянии ли эта девушка, женихов приступом берущая, сделать счастие Василия Алексеевича. Вы ему разъясните, что брак это не такое дело, что взял извозчика и поехал, а совсем другое. Нет, я не так чувствителен. Готов дать скорее всевозможные обеты другого рода, дать клятву никогда не жениться, если б это было нужно для ревнивого счастия девушки, но жениться самому из великодушного порыва — сохрани бог. Я поэтому не разделяю опасений Веры насчет Гриши. Если б видел со стороны девушки малейшее желание выйти за меня замуж, немедленно бы отшатнулся. Извольте довольствоваться бескорыстною любовью; в противном случае вам нет никакого ответа. Так я думаю.— Долго ли Попов останется в Москве; мне бы очень хотелось его видеть [5]. Благодарю вас за присылку письма Гоголя [6]. Да, признаюсь, в нем столько высокомерной нежности, что это даже оскорбительно. Мне было ужасно досадно, когда я читал его.— Ал<ександры> Осиповны с тех пор и не видал.— Вся Калуга полна разных толков об уничтожении чинов и т. п. Не знаю, в какой степени все эти слухи справедливы. Полтораста лет уродовали наши понятия и сделали, наконец, так, что табель о рангах вошла как-то в состав наших детских верований, так что теперь трудно будет вдруг расстаться с ними. Возьмите положение мелкого слоя чиновников. 40 лет человек привык считать себя титулярным советником и в этих звуках слышит свое определение, назначение и цель жизни... вдруг он не титулярный советник, а мечта, миф! — Но для нашего брата это очень выгодно. Кстати, вы, верно, слышали также, что увеличиваются оклады жалованья по м⟨инистерст⟩ву юстиции. Прокуроры сравниваются с председателями палат, будут считаться в V классе и получат жалованья тысяч 7, председатели уголовных и гражданских палат — равное с ними, а товарищи председателей — 5 т<ысяч>... Но все это только слухи. Унковский сказывал мне, что обер-секретари московские и не думают выходить в отставку; может быть, они и не имеют на то права до окончания ревизии в сенате?.. Как бы то ни было, но это все очень скверно. До 1-го мая остается всего два м<еся>ца, и если в эти два м<еся>ца я ничего не сделаю, так мне придется высиживать опять в Калуге до 1848 года. Но я ни под каким видом не хочу оставаться в Калуге; к тому же и флигель, в котором я живу, с апреля м<еся>ца будет переделываться и украшаться, ибо отдается для проживания будущим молодым; следовательно, в апреле м<еся>це мне пришлось бы нанимать новую квартиру и вновь устраиваться, что все очень скучно. К тому же, и это верно, теперь назначена ревизия м<инистерст>ва юстиции по всей империи, с огромными правами ревизорам. В Калужскую губернию назначен член консультации, граф Салтыков [7], надменнейшее, напыщеннейшее и глупейшее создание, как уверяют. Когда он прибудет, это неизвестно. Боюсь одного, чтоб не состоялось высочайшего повеления: до окончания ревизии не выходить в отставку, не переходить с места. Соображая все это, я думаю, что

если до апреля м<еся>ца не будет никакого действия по моей просьбе, то послать просьбу об отставке и искать службы по другому ведомству... Тем более, что если слухи об уничтожении чинов справедливы, то я в таком случае, по службе собственно, ничего не теряю.

Владимир Иванович действительно проехал через Калугу, но не дал мне знать о том, предполагая, что по воскресеньям меня нет дома, а он останавливался всего на полчаса. На днях получил письмо от Николая Елагина. Его мать была очень больна и Лила также [8]. Он сильно пеняет Косте, что тот не прислал им диссертации. В самом деле, это непростительный промах. Советую немедленно послать по почте. У них же и Петр Васильевич.

Стихов новых нет. Правда, есть небольшие, ответ Арнольди. Дело в том, что, рассказав ему об одной девушке, проживающей не в здешних местах, я привел его восприимчивую душу в такой восторг, что он, постоянно бредящий, по юности лет, об идеале женщины и девы, сошел с ума на несколько дней, в состоянии был ехать ее отыскивать и написал мне об ней пребольшие стихи, за которые я был ему очень благодарен, как за все, что высказывается прямо от души, от сердца, как бы даже это высказано ни было. В этих стихах, где много хороших очень стихов, он спрашивает — неужели девушка эта примирится с жизнью и страданием, сделается барыней уездной, и зачем все это так на свете и т. п. Я отвечал на это следующими стихами, которые, впрочем, написать можно было только в сердитую минуту расположения духа; вот они:

Что мне сказать ей в утешенье,
Чем облегчить ярмо судьбы?
Она отвергнет примиренье,
Она не вынесет борьбы!
Ее ли чувство неглубоко!
А сколько зла судили ей
Так простодушно, так жестоко
Законы мудрые людей?..
Пускай же, миром позабыта,
Она страдает до конца,
Живой упрек земного быта
И обличение Творца!..

Таким образом, создав себе, может быть, одну мечту, мы тешим друг друга стихотворными сожалениями и негодованиями. Для меня было бы лучше, если б диспут происходил в конце 6-й недели [9], тогда бы я мог приехать и остаться 7-ую (страстную) и святую... Странно, однако же, что от Вас нет писем нынче. Прощайте, будьте по возможности здоровы, целую ваши ручки, обнимаю крепко Константина, Веру и всех сестер. Кланяюсь по принадлежности.

Ваш *Ив. Акс.*

162

1847 г<од>. Марта 15-го. Калуга. Суббота [1].

Состояние дорог, должно быть, так скверно, что вместо одних суток рискуешь проехать двое. Экстра-почта, которой следовало быть вчера в полдень, опоздала более чем полусутками. Да и теперь не знаю, пришла ли она еще: послал на почту. Ожидаю непременно от вас, милый отесинька и милая маменька, уведомления: не приехал ли Гриша? Унковский еще не воротился [2], а я его жду с нетерпением, чтоб узнать о положении дорог. По старой Калужской дороге, по которой мне придется ехать, если не возьму подорожную, такая грязь и топь, что, говорят, почти проезда нет... Сейчас принесли мне ваше письмо. Не понимаю, отчего вы не получили моего письма: я писал во вторник. Раньше вторника или середы будущей недели я выехать не могу: дел очень много, и я решился важнейшие закончить при себе, ибо распутица и другие причины могли бы меня задержать на фоминой [3]. Так что взял некоторые дела на дом и дома работаю, что со мной почти никогда не случается.— Значит, я не буду говеть и на этой неделе, тогда выйдет, что я более 4-х лет не говел. Не знаю, писал ли я вам, как я решился: ждать до 1-го мая, потом взять отпуск на 4 месяца, т. е. чтоб не терять жалованья (которое, в противном случае, вместо того, чтоб идти в пользу канцелярии, должно обратиться опять в казну) на один месяц, а за остальные — свидетельства о болезни. Ибо выходить в отставку и искать места значит, по крайней мере, пробыть без места и жалованья. В эти 4 м<еся>ца я могу сам приискать себе место по другому ведомству и перейти, и если уже вовсе не найду, так ворочусь в Калугу после 4-месячной отлучки совсем новый и свежий, с запасами на целую зиму. Как скоро прекратится санная езда, я отсылаю лошадей в Москву с Матюшкой и тележкой, потому что летнего экипажа у меня нет, коляску я продал, чему очень рад, ибо имею некоторое пособие для уплаты долгов. Прощайте, целую ваши ручки. Обнимаю Костю и сестер. Надеюсь, до свидания.

Ваш *Ив. Акс.*

163

18 марта 1847 года. Вторник. Калуга.

После многих соображений и рассуждений я решился не ехать в Москву на святую, милый мой отесинька и милая маменька. За это посердится на меня только Костя, а вы, верно, согласитесь со мной, что ехать *теперь* на полторы недели в Москву — просто безрассудство. Погода скернейшая, но еще хуже ее — дорога. Езда продолжается гораздо более суток и с каждым днем становится затруднительнее, но еще затруднительнее будет возвращение: тогда можно будет проехать только на одной телеге. По почтовому тракту нельзя ездить без подорожной, а по старому тракту (на Тарутино) могут остановить реки Протва и Дема. Главное, я боюсь за дурной дорогой или за простудой (которая есть почти непременное следствие дороги) засесть в Москве после святой, когда мне хочется непременно взять отпуск к 1-му мая. Весною или летом мне, я чувствую, надобно будет непременно полечиться, пить воды или декокт, и поэтому

я теперь стараюсь додержать себя до этого срока, тем более что насморк мой и катар не совсем еще прошли. Да, кроме того, приехать в Москву на святую значит приехать на визитное, суетное, тревожное скаканье с Девичьего поля на Басманную и т. п. С вами же я точно так же мало увижусь, как и в последний раз. Что толку в том, что брат Иван будет там-то и там-то... Ах, нет, бог с ней и с Москвой и со всеми московскими знакомыми; только бы летом я был свободен! Если б вы знали, с каким томлением жду я лета, каких наслаждений обещаю себе, мимо всех друзей и приятелей, то поняли бы, почему так мало тянет меня теперь собственно в Москву. Живи вы в деревне — еще другое дело. Решась не ехать на святую и сберечь здоровья и денег на лето, я начал говеть, ибо не говел уже 4 года. Церковь от меня недалеко, а всенощную служат здесь на дому.— Писал ли я вам, что получил письмо от Погуляева: Рюмин объявил ему, что у него в скором времени откроется вакансия обер-секретаря, и он очень будет рад, если я займу это место. Да, совсем было забыл: Наденьке я оставил билет от Зенгбуша [1], которому заказал обделать две сигарочницы, сто́ящие вместе 16 рублей асс<игнациями>. Я думал взять их сам, но теперь прошу вас их взять у него непременно, если готовы и хорошо обделаны, заплатить деньги и прислать мне их *с первой почтой*, т. е. в пятницу или понедельник.— Я не поздравляю вас теперь с праздником: как-то странно, когда еще он не наступил [2]. Что это там в Москве у Константина делается: ночные катанья с гор! Какая дерзость и наглость делать это в виду всего народа! Прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Костю и сестер. Гриша едва ли еще приедет за реками. На обратном пути его, может быть, я с ним укачу в Симбирск.

Ваш *Ив. Акс.*

Попросите Мамонова, чтоб он истребовал от Полонского несколько стихотворений для альманаха [3].

164

22 марта 1847 года. Калуга. Суббота.

Поздравляю вас с наступающим праздником, милый мой отесинька и милая маменька. Христос воскресе и воистину воскресе всем! Впрочем, я не люблю поздравлять с праздником, когда он еще не наступил. Жаль, что погода не совсем весенняя: на дворе местами снег, местами камень, на санях нет возможности ездить, да и на колесах нехорошо. На нынешней неделе я получил письмо ваше от 17-го марта, т. е. от понедельника. Грустный праздник встретит Софья Тимофеевна! Мих<аила> Васильевича я не знал вовсе, даже не видал никогда!.. Кроме этого грустного известия [1], кажется, вы мне ничего особенного в письме не сообщаете?.. Да, вы пишете про Сем<ена> Яковл<евича> Унковского. Он хотел в тот же день вечером (т. е. четверг) быть у вас с дочерью, которой также этого очень хотелось, но не успел, потому что слишком устал и даже занемог в Москве. В пятницу вечером выехал в Калугу и приехал сюда совсем больной, но теперь поправляется. Все Унковские поздравляют вас с праздниками. На этой неделе я говел и в четверг приобщился. Заутреню слушал здесь

на дому. Говенье мое было самое обыкновенное. Человек такая дрянь и такое дитя, что дай ему глубокое содержание с внешними формами, он сейчас ухватится за одни формы, а внутренний смысл убежит. Поэтому-то я так и боюсь всяких определенных, условных форм и не люблю пока монашеских уставов, которые назначают человеку способы, виды и формы покаяния, напр<имер>, прочти *150* раз акафист и т. п. Грустно видеть, что в церкви вам читают правила так, что ни читающий, ни слушающие ничего понять не должны и не могут, но все расходятся предовольные сами собой и друг другом: *отстоял* правила, ну и совесть спокойна. А какая чудесная служба! Весь последовательный исторический ход события повторяется перед глазами через 18 веков! Светлое воскресенье, вероятно, я встречу в своем приходе, обедню прослушаю в соборе, а оттуда, в мундире, к архиерею и Смирнову. Потом, воротясь домой, разговеюсь, сделаю некоторые визиты; может быть, даже заеду к Смирновой.

Кажется, здесь на святой не готовится никаких особенных увеселений, и слава богу!.. Вообразите, что на нынешней неделе я не ел рыбы, а вчера весь стол был изготовлен без масла!.. Я, разумеется, очень охотно подчинился всему этому и ел грибы. Вообразите также, что в Калуге нет обычая делать четверговую соль! [2] Не правда ли, какой глупый город! Я заказал Ефиму соль. С нынешней экстра-почтой я не получил письма от вас, а потому и не знаю, приехал ли Гриша и когда он едет в Петербург. Гриша должен хлопотать для меня о месте обер-секретаря в уголовном д<епартамен>те или товарища председателя в уголовной палате в Москве, также о чине надворного советника. Что вам сказать еще про себя? Я, может быть, скоро разрешусь стихами, потому что много мыслей приходит в голову. Я мало делаю, мало читаю, мало занимаюсь, это правда, но я много подвинулся в знании жизни, много, очень много передумано, прожито, приобретено и утрачено в эти полтора года, проведенные мною в Калуге. Впрочем, тут не сама Калуга играет роль, а 23-й и 24-й года жизни. Всякое место важно, всякое обстоятельство, всякая обстановка при развитии человека в эти года... Летом мне хочется работать и писать... А теперь больше писать нечего. Скажите Мамонову, чтоб он *непременно* истребовал от Полонского стихи для альманаха Арнольди [3]. Целую ваши ручки и христосуюсь со всеми вами. Обнимаю Константина, Гришу, если он тут, милую Веру, Олю и всех сестер. Равно как и А<нну> С<евастьяновну> с Катей, и дядей, и теток. Надеюсь получить от вас письмо в середу, и с посылкой, да нет, едва ли вы успеете с хлопотами, визитами и всякой праздничной суетой! Будьте здоровы.

Ваш *Ив. Акс.*

165

***1847** г<од>. Вторник. 25-ое марта. Калуга.*

Сейчас воротился от ранней обедни, милый отесинька и милая маменька. Поздравляю вас опять с праздником светлого воскресения и с нынешним днем. Странно немного праздновать благовещение на святой. Это вовсе выскакивает из последовательного порядка событий, празднуемых церковью; католики в подобных случаях не празднуют благовещения [1].

Поздравляю вас также с приездом Гриши, с наступающим 29-м числом марта, т. е. со днем Константинова рожденья, а также и с семисотлетием (неофициальным) Москвы. Крепко обнимаю Костю и поздравляю его. 30-й год его жизни не прошел для него даром и в бездействии! И чем далее подвигается он в жизнь, тем деятельнее становится он, тем определеннее самая его деятельность. Он еще много наделает и, разумеется, вдесятеро более каждого из нас, порицателей бездействия и суетности! Чтоб исключительнее еще предаться своей деятельности и окончательно отогнать от себя рой посторонних, подчас налетающих на него мечтаний, следовало бы ему оградить себя и с этой стороны, определить навсегда этот бок жизни, словом, жениться... Но знаю, что это очень трудно и для него труднее, чем для кого-либо.— Ни экстра-почта, ни пятничная почта не привезли мне от вас писем; авось-либо нынешняя привезет мне и письма, и посылку, если только праздничная суматоха даст вам возможность написать мне. О Гришином приезде знаю я из письма его к Феде Унковскому, писанного в пятницу. Он не пишет, когда приехал и на сколько времени взял отпуск. Обнимаю его крепко, поздравляю со всем, с чем имеет быть поздравлено; что он, каков он? Напишите мне, как вы его нашли, много переменившимся или нет? [2] Как бы мне хотелось его видеть! Да я его увижу на возвратном пути из Петербурга, потому что думаю к 1-му мая быть в Москве. Должен я, однако, признаться, что письмо его к Унковскому сильно рассердило меня, потом насмешило. Располагая чужою личностью по своим собственным, ему принадлежащим соображениям, он пишет, что нечего мне (Ване) ждать ваканции в уголовном д⟨епартамен⟩те, и поэтому он будет просить назначить меня в гражданский д⟨епартамен⟩т Се ната! Вот был бы для меня сюрприз и величайшая неприятность, поднесенная мне посторонним благоразумием! Да ни за что на свете, и покорнейше прошу Гришу, и прошу очень серьезно, этого не делать. Обер-секретарь должен не учиться, а учить других; знающее, опытнее, безапелляционнее его нет никого в Сенате. Столоначальник покоится за пазухой у секретаря, секретарь полагается на обер-секретаря, а ему уже положиться не на кого. Легче быть прокурором, нежели взяться за часть совершенно специальную, не смысля в ней ничего. С уголовной частью я свыкся, имею почти 5-летний запас опытности: это дает смелость, резкость и самостоятельность моим суждениям, а гражданскую часть всегда терпеть не мог и ничего в ней не знаю. Коли служить, так служить или в бессмысленной службе, где нет никакого дела (быть вице-губернатором, напр⟨имер⟩), или уже в службе, имеющей для нас живой интерес. Уголовные дела принесли мне много пользы. Держа меня постоянно в связи с практическою жизнью, они знакомят меня и с внутренним бытом народа, и разнообразием случаев раскрывают много сторон разнообразной души человека. Дела гражданские — казусы, возникающие из недостаточности, неясности или из превратного толкования закона; дела гражданские — плод искусственности общественной.— Что и говорить! В 7-м д⟨епартамен⟩те служить не хочу и в 8-м также! А чтоб я не вышел в отставку, для этого необходим отпуск, который я и возьму. Да пусть Гриша похлопочет, чтоб назначение чина не встретило затруднений.— Светлое

воскресенье встречается в Калуге не очень торжественно: всему мешает чиновнический характер, как и во всех губернских городах. В 12 часов отправился я в церковь, против дома стоящую, со всеми Унковскими, кроме старика, который болен. Заутреня продолжалась почти три часа, по милости священно- и церковнослужителей, которые то и дело что обходили церковь и собирали деньги то в руку, то в кружку. Воротившись в три часа, легли спать; в 6 опять встали и отправились мы, служащие, в мундирах в собор, к ранней обедне, а прочие в свой приход. Безрасходных *заутрень* и *обеден* в Калуге нет. В соборе служба продолжалась очень долго; из собора все отправились к архиерею, там все чиновничество перехристосовалось между собою и разгавливалось; оттуда все к губернатору, где было то же самое. На возвратном пути сделав некоторые достодолжные визиты, воротился домой и уже никуда более не поехал в 1-ый день, обедали в час. На другой день, т. е. вчера, делал визиты. Нынче еду обедать к Кабриту. Здесь все уже ездят на колесах, но погода гнуснейшая. В самую полночь, на заутреню в светлохристово воскресенье, была гроза, на другой день, после обеда, то же самое. Молнию я сам видел несколько раз. Несмотря на то, после грозы к утру были морозы, а нынче и очень холодно, и снег шел! Особенных увеселений здесь на святой не бывает.

Ал<ександру> Осиповну не видал и, вероятно, не увижу, потому что ехать к ней не хочу. В 1-ой день праздника получила она (сказывал мне Арнольди) письмо от Гоголя [3], говорит, самое утешительное. Он уверяет ее, что будет 2-й том «Мертвых душ», будет непременно, что книгу свою издал он для того, чтоб посудить и себя, и публику, что он твердо убежден, что можно выставить такие идеалы добра, перед которыми содрогнутся все, и *петербургские львицы пожелают попасть в львицы иного рода*! Последнее мне не нравится: все же это будут идеалы, а не живые, грешные души человеческие, не действительные лица. Тут же он спрашивает ее, впрочем, не знает ли она какого-нибудь честного взяточника, если знает, так описала бы. Благодарит ее за любовь и говорит: «с моими московскими приятелями не рассуждайте обо мне [4]: они люди умные, но многословы и....» Тут еще некоторые эпитеты, которые Арнольди, рассказывая письмо, не мог припомнить. Мне же дать прочесть это письмо Смирнова, несмотря на все просьбы Арнольди, отказала! — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Обнимаю вас и цалую ваши ручки, обнимаю Константина, Гришу, Веру, Олю, Надю, Любу, Машу и Соничку; А<нне> С<евастьяновне> кланяюсь и Кате тоже. Панову и всем знакомым и дяде поклон [5].

Ив. А.

166

1847 года. Калуга, 29 марта. Суббота [1].

Нынче 29-ое марта! Опять поздравляю вас всех и самого Константина. Кстати же нынче и суббота, так у вас гостей будет немало [2]. Хотя вы и обещали написать мне побольше в четверг, но, верно, обещания исполнить не успели. Благодарю вас уже за то, что написали в понедельник.

Письма и посылку я получил в середу. Посылку отдал мне почтмейстер не прежде, как взяв за это с меня во взятку сигару.— Нынешний год святая несколько манкирована [3]: тает довольно медленно, в полдень хорошо, а ночью мороз. Я пробовал ходить в одном ватном пальто, потому что в шинели ходить не люблю, но холодно еще. Время проходит довольно однообразно. Во вторник вечером был бал в Собрании, на котором я не был; в середу бал в танцклубе, где я также не был: зимний сезон кончился, и зимние удовольствия как-то теряют свой смысл теперь. В четверг вечером был у Смирнова, вчера у Клушина на музыкальном вечере. В обоих домах слушал Бантышева [4], приехавшего сюда делать концерты, но он пел какие-то романсы, а не русские песни, и потому пел нехорошо. В воскресенье дает он концерт.— Ал<ександра> Осип<овна> очень нездорова. Вообразите, раз, возвращаясь домой, нахожу я у себя билетик визитный Ал<ександры> Осиповны Смирновой с загнутым углом. Я подумал, что это фарс: оказалось, что муж ее по рассеянности, делая визиты, развез много таких билетов вместо своих.— С нетерпением ожидаю результата Гришиной поездки: перевод или отпуск необходим мне в этом месяце. С понедельника начнут переделывать флигель, сначала ту половину, в которой я помещаюсь, а потому я перебираюсь теперь в другую половину, где живут теперь Федор и Михайла Унковские. Все укладываю и буду жить как на биваках. Когда же начнут отделывать и вторую половину, тогда помещусь наверху, в комнате вроде чердака [5]. Согласитесь, что такое существование, без квартиры и лошадей (т. е. экипажа) продолжаться долго не может. К тому же отпуск, даже 28-дневный разрешить мне может один инспекторский д⟨епартамен⟩т. Мне очень любопытно свидание Гриши с Рюминым. Рюмин не очень меня желает [6]. Если отыщу, то пошлю с этим же письмом письмо Погуляева ко мне [7]; едва ли только вы его разберете. Не знаю, застанет ли это письмо Гришу в Москве. Если нет, то напишите ему, чтоб постарался узнать, что приключилось с представлением Смирнова о Сальницком на мое место [8], какая положена резолюция, и о дальнейшем меня бы уведомил.— Вы спрашиваете, милый отесинька, сколько мне нужно денег, чтоб приличным образом выехать из Калуги, словом, сколько я должен. Откровенно говоря, денег, так как я занимал раз здесь деньги, чтоб послать к портному, мне нужно рублей 500.— Читали ли вы «Современник», 3-й №, обратили ли вы внимание на «Обыкновенную историю»? [9] Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы; я, слава богу, совсем здоров и не знаю, почему вы воображаете, что я нездоров. Цалую ваши ручки, обнимаю вас всех, Константина, Гришу и всех сестер. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. Аксаков.*

167

1847 г<од>. Апреля 5-го. Суббота. Калуга.

Последнее письмо ваше я получил в воскресенье вечером, милый отесинька и милая маменька, от 28 марта, а сейчас принесли мне письмо ваше от 3-го апреля. Буду отвечать на них по порядку. Не могу понять сам,

что делается с почтой. Сюда она приходит довольно аккуратно. Вероятно, здешняя почта ожидает прихода киевской, задерживаемой дурными дорогами и реками; к тому же и в Москве почтальоны разносят неаккуратно. Начнем с погоды. Со вчерашнего дня стоит тепло, градусов до 11 в тени; каждую ночь льет дождик, а днем погода проясняется. Это хорошо, но ходить грязно. Благодарю вас также за все поздравления и в свою очередь поздравляю вас со днем рождения Сонички 9-го апреля и также поздравляю и целую ее. Письма Гоголя к Вам и другим [1] очень значительны; чиханье очень полезно и очень облегчает перепонки залегшего носа. Статья Хомякова не нравится и Ал⟨ександре⟩ Осиповне, а мне очень нравится [2]. Все, что он говорит об анализе, его бессилии, о рассудочности без живого начала, прекрасно, современно и может служить темою для повести, по крайней мере, совпадает вполне с задуманною мною повестью [3]. Опись малоярославецкого имения показывал я старику Унковскому [4]; он не знает его, но, основываясь только на описи, говорит, что имение оценено несколько дорого; впрочем, я жду сюда прибытия малоярослав⟨ецкого⟩ у⟨ездного⟩ предводителя дворянства. — Удалению Калайдовича из м⟨инистерст⟩ва очень рад [5].— Это дает дорогу Арцимовичу [6] и другим, моим хорошим приятелям и врагам Калайдовича. —Я сам убедился, что отпуск на 28 дней может мне разрешить само губ⟨ернское⟩ правление, донеся об этом к сведению инсп⟨екторскому⟩ д⟨епартамен⟩ту. Очень бы хотелось прочесть Константиновы стихи, неблагонамеренные: что в них, содержание их известно заранее, но писаны в альбом княжны Оболенской [7].— Прочел я статью вторую Павлова в газетах [8]; умно, прекрасно, но, воля ваша, так холодно, так веет неискренностью, нетеплотою убеждений, так слышится скрытая радость, что есть возможность и ему, Павлову, лягать Гоголя. К 1-му мая я хочу быть в Москве. Я предполагал так: май провести с вами, июнь и июль употребить на путешествия, август опять с вами в деревне, а с сентября на службу, где бы она ни была, а она, вероятно, будет в Москве. Я получил на днях письмо от Николая Елагина: он зовет меня ехать с ним летом в Киев, приглашает и Мамонова. Это было бы очень хорошо и весело. Можно из-под Орла вплоть до Киева доехать на мальцовском пароходе! [9] Но я еще ни на что не могу решиться. Знаю, что ревизор, Салтыков, выехал из Петербурга и что ему назначено обревизовать 5 губерний. Сюда еще не жаловал. Вчера я отправил к вам лошадей, Матюшку и Ефима. С Ефимом я расплатился по 1-ое апреля. Я более его не возьму и в Москве приищу себе другого человека.— От воронежского правоведа никаких писем не получал, да и не знаю, кто там правовед. Год тому назад или более я получил письмо от Яснева, бывшего со мной на астра⟨анской⟩ ревизии, но он не правовед; впрочем, напишу к нему [10]. Смирновой я не видал. Она, впрочем, принимает и ежевечерно играет в карты. —«Обыкновенная история» писана не Кудрявцевым, а Гончаровым [11], и это не псевдоним. — Ал⟨ександра⟩ Осиповна в восторге от Чижова [12], коего я еще не прочел. — Брать отпуск немедленно не стоит, потому что тогда он кончится не к осени, а еще летом, да я обещал присутствовать на свадьбе Унковского [13], которая будет 21-го апреля, кажется.— Ска-

жите Анне Ст⟨епановне⟩ [14], что сейчас иду к Писаревой вручить ей 80 р⟨ублей⟩ денег, следующих Анне Ив⟨ановне⟩ Прохоровой, ибо самой Анны Ив⟨ановны⟩ в городе нет [15]. — Прощайте, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Стихов нет, происшествий также особенно никаких.

Ив. Аксаков.

Кланяюсь всем. Во вторник, 1 апреля, я вам не писал, потому что не успел.

168

Калуга. Апреля 12-го 1847 года. Суббота.

Вообразите, что экстра-почта еще до сих пор не пришла, экстра-почта, которой следовало прийти еще вчера в полдень! Значит, дороги очень скверны. Не нынче, так завтра или послезавтра ожидаю письма от Гриши; я нетерпеливо хочу выйти из этого состояния неизвестности, которое парализует все мои силы. Некто, приехавший из Москвы, сказывал мне, что двум обер-секретарям 6-го (уголовного) д⟨епартамен⟩та велено подать в отставку... Не знаю, в какой степени это справедливо... Спешу вас уведомить о Баженкове. Он еще цел. Я обратился с просьбой к Квецинскому, питейному советнику, весьма мне благоволящему, и он обещал мне, что Баженков не лишится места. Более требовать я не смел, да и не хотел. Если ему не делать и выговоров, так он, пожалуй, и бог знает чего не наделает. Дайте знать чрез Кавелину Баженкову, что он не лишится места, покуда будет служить исправно. Дать полную уверенность, что место от него не отойдет, было бы неблагоразумно. Выговор, по уверению Квецинского, был ему сделан поделом. Впрочем, я рассказал ему всю историю помещения Баженкова [1].— Скажите Аркадию Тимофеевичу, что нянька-немка, у него жившая, живет у какой-то двоюродной сестры Писаревой, Алекс⟨андры⟩ Ивановны, которой я и отдал 80 рублей, назначенных немке, Анне Ивановне Прохоровой, и получил от нее в получении расписку [2]. — Не помню, писал ли я вам, что получил от Елагина приглашение [3] ехать в Киев и очень рад принять это предложение, только опять не могу еще дать положительного ответа. Преглупое состояние!— Впрочем, состояние это тяготит меня, когда я об нем вспоминаю. В самом же деле я весь предан наслаждению, производимому во мне возвратом весны. Не знаю, как у вас, а здесь, на этой неделе, погода была чудесная: до 15 градусов в тени. Нынче только ненастье, но первое, теплое ненастье! Стало сухо, долой калоши, ваточные шинели, меховые шапки! Одетый совершенно по летнему положению, в летнем пальто и фуражке, я много ходил и гулял и всеми порами своими впивал в себя весеннюю благодать! Мне так легко, хорошо. Слава богу, что я не обременен животом древнего русского боярина и, подобно ему, не обязан в летний зной носить горлатную шапку! Путешествие пешком составляет для меня самое приятное предположение: так и хочется взять палку и с котомкой за плечьми отправиться бродить одному, далеко ото всех, далеко от знакомых лиц,

бродить по новым местам и петь или «Der Wanderer» * Шуберта, или «Горные вершины спят во тьме ночной»! [4].. Хочется испытать эту сторону жизни, сторону, которая, конечно, окажется вдесятеро менее поэтическою, но все хочется! — Что за чудное местоположение Калуги, особенно теперь при разливе Оки! прелесть! Сделают ли меня обер-секретарем или нет, во всяком случае, 4 летних месяца я гуляю.

В городе нового ничего нет, кроме ссор и столкновения между властями, служебных мерзостей, разделения на партии и т. п... Читали ли вы в «Отеч⟨ественных⟩ записках», 3-м №, повесть «Кукольную комедию». Очень, очень недурно, хотя и есть выходки против Константина [5]. Тоном своим она напоминает Тепфера, «Nouvelles génevoises» **, которые, по приезде в Москву, немедленно достану и дам прочесть Вере и сестрам [6]. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер... А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ив. Аксаков.

169

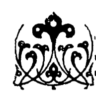
Апреля 19-го 1847 г<ода>. Калуга. Суббота.

Пишу письмо это на всякий случай, милый мой отесинька и милая маменька, потому что сам надеюсь приехать не позже этого письма. Отпуск на 28 дней я взял: считаться будет он с 23 апреля. Грустно подумать, что лето проведу я на службе! Очень, очень грустно! 23-го апреля свадьба Унковского [1]. Я обещал давно ему присутствовать на свадьбе и сдержу слово, поэтому выехать могу не раньше 24-го. Вы, пожалуйста, не удивляйтесь, что я так медлю! Во 1-х, я вовсе не медлю; во 2-х, нельзя же оставить место, где прожил почти два года, так, не простпвшись ни с кем, не оказав на прощанье никакого внимания, не закончив, так сказать, своих отношений. На этой неделе покончил почти все важнейшие дела в палате: я твердо решился не уезжать, пока не решу этих дел при себе; этого требовала совесть. Вам или, лучше сказать, Константину и Вере все это дико, а между тем в течение одной недели я решил участь 40 арестантов, из которых человек 12 ссылаются в каторгу (в том числе 9 молодых баб), остальные в Сибирь или в солдаты, или в арестантские роты,— и все резолюции писал сам.

Деньги я получил, теперь окончательно укладываюсь и в четверг выезжаю: не знаю, будет ли это ввечеру или утром. Не выпускайте Гриши из Москвы раньше 26-го.

Прощайте, цалую вас, до свидания!

Ив. Аксаков.

* Странника» (*нем.*).
** «Женевские новеллы» (*фр.*).

1848

170

Письмо к Григорию Сергеевичу
и Софье Александровне Аксаковым.

1848 г<од>. Февраля 28-го. Суббота. Москва[1].

Милые друзья мои Гриша и Софья! [2] Грустно было мне сойти сверху в четверг поутру и увидать пустыми комнаты, так недавно оживленные вами[3]; еще легче, когда разлученные живут каждый на месте, но грустно, но тяжело знать, что близкие нам — в дороге, постепенно отдаляются от нас и испытывают все тягостные и печальные впечатления зимнего пути, когда мы сами окружены теплом и всеми удобствами... И теперь, как я пишу эти строки, вы все еще в дороге, подъезжаете к какой-нибудь станции: путь на время достиг цели, а через 10 минут опять стелется перед вами длинный, нескончаемый... Ну да что ж делать! Хорошо и то, что было, и то, что есть. Нельзя устроить жизнь по своему хотению; горе и радость неразлучны, это непреложный закон природы, это старая и вечно живая истина, ясно сознаваемая душою мужчины и редко женщиной... Мужчину не надует никакое впечатление минуты, никакое счастие, но в душе его есть столько силы, чтоб ценить счастие, признавая неминучесть горя, чтобы нести горе с верою в счастие... Впрочем, я слишком положительно сказал: есть столько силы, надобно бы сказать: должно *быть*. Эта же сила может быть и в женщине, и, кажется мне, зародыш этой силы лежит и в тебе, Софья. И слава богу! Мы обыкновенно видим, что жена считает себя изящной игрушкой мужа, который должен ее баловать и тешить, и лелеять, и постоянно окружать атмосферой нежной, любовной заботливости, а беду и огорчение таить про себя. Но ты, милая Софья, не то для Гриши. Конечно, его крепкая душа, воспитавшая в себе бесстрашное сознание мужа, могла бы и для себя одной затаить все ощущения жизни, но, слава богу, и твоя душа так сильна или, лучше сказать, так способна сделаться сильною, что ты будешь ему во всех делах его пособник и *товарищ*, а не игрушка и не ребенок, как многие другие. И как весело мне теперь, что есть у меня крепкие и надежные друзья, прокурор и его товарищ, брат мой и невестка моя, целая чета (с будущей семьею) мне один друг! Здравствуй же, друг, обнимаю тебя заочно!

Можете себе представить мое положение, милые Гриша и Софья! Louis Philippe[4] меня совсем с толку сбил. Признаюсь откровенно, он мне много мешает, даже в письмах к вам. Две думы постоянно сменялись во

мне в эти дни: дума о вас и дума о новом усилии человечества разрешить задачу быта или попроще, о революции французской. При сенатских занятиях [5], которых ужасно много накопилось (отчасти по вашей милости, друзья мои), дума не присутствует. Какое громадное событие восстает на Западе, событие, которое может заключать в себе для него вопрос: быть или не быть. Право, как-то растешь, становясь созерцателем таких явлений, когда так осязательно слышен ход истории, когда, так сказать, слышишь ее шаги и чувствуешь биение ее пульса. Хорошо сказано, а? Немножко фигурно, конечно, но, кажется, передает мысль. При этом известии сказалась мужская натура или призвание ее к общественному делу. Побледнели вмиг (не совсем, а на время, разумеется) все мелкие человеческие делишки касательно любви, нежных, личных ощущений, умалилось значение женщины, мужчина будто задышал родным, свежим воздухом. Право, мне кажется, если б я в это время находился в периоде нежных отношений, так девушка стала бы ревновать меня к событию современной истории. Жена — другое дело. Она стоит выше такой требовательности (не правда ли, Софья?) и, будучи с мужем один человек, живет его жизнью и вместе с ним (или все же несколько через него) принимает участие в общественном вопросе... Коснулся жены, брака, и опять образ вашей четы на время вытесняет Людвига Филиппа и Францию... Ну не весело ли, право, видеть прибавление семейства таким членом [6], который так и пришелся к семье, как будто здесь давно было ему уготовано место, с которым после 3-недельного свидания чувствуешь себя в таком полном родстве, что можешь говорить все прямо, свободно и открыто, безо всякого неловкого чувства... Теперь вы с Гришей внесли новый и постоянно живой интерес вашего брака; ваш союз вливает новую струю в постоянный поток нашего семейного быта... Что это я нынче все как-то фигурно выражаюсь и не совсем ловко!.. Спасибо же Грише, что умел нам найти и оценить тебя, что взялся воспитать твою прекрасную, но все же еще слишком молодую душу! Но эта душа, живя воздухом такой сильной души, какая у твоего мужа, должна расцвесть (и расцветет, я уверен) полным могуществом красоты. Благо вам обоим!

Да благо вам, и плаванью, и грузу корабля,
Да благо кораблю всему, от мачты до киля!

Вспомнил стихи, переведенные мною из какого-то немца, когда я был в училище... Знаешь что, милый Гриша? По поводу современных событий хорошо бы Софье поскорее познакомиться с историей революции Michelet [7]. Это бы уяснило ей многое в современном. Потом прочли бы Тьера [8], а остальное, о реставрации и Июльской революции ты бы досказал ей вкратце сам; чуть ли, впрочем, у тебя нет «Histoire de dix ans», par Louis Blanc *? Как ты на этот счет думаешь? Я знаю, ты хочешь ввести постепенность и систему в классическое образование Софьи. В этом я с тобою совершенно одного мнения и считаю, как и ты, вредным всякий внезапный наплыв разных многосторонних идей и фактов, так что трудно бывает

* «Истории десяти лет» Луи Блана [9] (*фр.*).

их разместить в голове и легко перепутать; необходим некоторый труд и учение; мысли, которые даются слишком легко готовыми, балуют ум и также вредны для нравственного желудка, как конфекты для настоящего. Зная твой образ мыслей, милый друг Гриша, я вполне уверен, что ты поступишь, как следует, и Софья воспользуется этим досужным временем (пока нет у вас собственных детей), чтобы приобресть то твердое и ясное образование, которое так необходимо для воспитания.— Не знаю только, как вы распределитесь временем; о, не давайте ежедневности пересилить ваши прекрасные намерения! А то ведь что часто выходит? Может случиться, что вы вовсе и времени иметь не будете, или слишком много дадите на себя прав вашим родным и знакомым... Так-то, друзья мои! Скоро 10 часов, и хоть нынче суббота, а придется ехать в Сенат. Вообрази, Гриша, что один из вновь назначенных секретарей почти перед самым докладом (который послезавтра) отказался, испугавшись дела, и я должен ехать и исполнять все его дела! Нынче сидел до 4-го часа; да совсем избаловался с вами и ленюсь работать. Прощайте, друзья мои, крепко обнимаю вас; очень хотелось бы мне написать вам еще целый лист, да и на два материи бы хватило, но некогда. До следующего раза. Я чувствую себя так дружным с вами, что хочу довести наши отношения до полнейшей простоты и откровенности, так чтобы и когда можно было и побраниться, и сказать друг другу «*вздор*», и все нипочем.— В одном можно упрекнуть тебя, Гриша: в том, что ты, заботясь так много о крепкой и здоровой жизни для жены в нравственном смысле, позволяешь ей много некрепкой и нездоровой пищи физической, словом, попускаешь ее есть черт знает что! Квас с вареньем и т. п. С каким нетерпением ждем ваших писем! Пожалуйста, Софья, подробно опиши весь порядок вашей жизни, занятий и т. п. Ты знаешь, как для нас это интересно... Обнимаю вас еще раз крепко.

Горячо любящий брат

Иван Аксаков.

171

Владимир. 2-го июня 1848.

Я приехал сюда по нестерпимому жару в 3-м часу (пополудни), милые мои отесинька и маменька.— Здоровы ли вы и что у вас делается? Я же совершенно здоров и был бы совершенно счастлив и доволен, если б мог быть покоен на ваш счет. Когда я сел в тарантас, и тарантас двинулся за заставу, зазвенел колокольчик, и я почувствовал себя в дороге, то у меня слезы прошибли от силы впечатления. Какая была чудная, восхитительная ночь! С какою любовью останавливались глаза мои на каждом предмете! Каким миром веял этот вид природы и весь деревенский быт; мне кажется, будто я получил с некоторого времени более прав на родство с ним, и через все эти места в голове моей проходит будто бы вместе со мною и «*Бродяга*» [1].— Как легко забывает человек, и мне казалось, что я и не обер-секретарь, и не служил, и служить в перспективе не имею. Чем ближе ко Владимиру, тем народ крепче, рослее и бодрее. Да и женщины лучше и сарафаны носят не по-московски. По всей дороге стоят богатейшие

промышленные села.— В Горенках я напился чаю. Там, по милости Ник⟨олая⟩ Аполлон⟨овича⟩ Волкова, учредившего в доме бумажную фабрику с 2 тысяч⟨ами⟩ фабричных, заведен трактир с бильярдом и т. п.— Оттуда безостановочно ехал я до самого Владимира, где вместо утреннего чая зараз пообедал.— О холере по дороге нигде не слышно. Во Владимире с неделю тому назад был сильный пожар, от которого сгорело 32 дома, в том числе много хороших купеческих. Тарантас мой чрезвычайно покоен, легок и нигде не ломался, только здесь во Владимире оказалась надобность перетянуть шины на передних колесах. Впрочем, ехали мы не шибко: сначала потому, что лошади были плохи, а потом потому, что черезчур было жарко, хотя лошади были и отличные. Здесь я умылся, переменил белье и освежился молоком по обыкновению.—

Приключений со мной никаких не случилось, но вы не поверите, с каким чувством благодарности и восторга принимаю я каждое новое впечатление, и, слава богу, восприимчивость к впечатлениям природы все еще жива во мне. Прощайте, пора. Будьте здоровы и бодры, целую ваши ручки, обнимаю милую Веру, Константина, Надю, Олю и проч.

Ваш *Ив. Акс.*

Кланяйтесь всем.

172

1848 года. Июня 10-го. Четверг. Серные воды.

Наконец я здесь, милые мои отесинька и маменька! В течение этих 10 дней я столько проехал, столько разнородных впечатлений сменилось одно за другим, что не вдруг приведешь их в порядок, и я не знаю еще, сумею ли рассказать вам все последовательно.— Получили ли вы мое письмецо из Владимира? В этот день было так жарко, что я должен был выждать во Владимире несколько часов; видел проездом Золотые ворота, но осматривать город не ходил; во Владимире я ничем особенно не поразился; видел только пепелище после пожара, от которого сгорело 32 дома, самых лучших. Тут же кстати скажу, что выгорела Корсунь, вся; сгорел Алатырь, и в Самаре сгорело также около 100 или более богатейших купеческих домов. Во время моего пребывания в Симбирске было подкинуто письмо о том, что и ему придется испытать то же. С кем я ни говорил об этом дорогою, все убеждены, что это — поляки!— Но тем не менее я вполне наслаждался дорогою. Чем дальше от Москвы, тем богаче природа и лучше мужик; что за народ во Владимирской губернии! Живой, бодрый, великорослый, умный, деятельный, промышленный; богатые, чистые села, красивые наряды... Чудо что такое! Через Оку переправился я совершенно благополучно, так что это и нейдет к такой большой реке. Потом потянулись пески и пески, через которые везли меня довольно плохо. Под Муромом встретил я (как узнал после) Фед⟨ора⟩ Васил⟨ьевича⟩ Самарина [1], едущего в карете на 9 лошадях.— Наконец пришлось ехать мне муромским лесом. С особенным чувством взъехал я в этот лес, всматривался в него, оживлял его в своей памяти. Все тихо и мирно. Мир одолел всю русскую землю, и трудно вообразить себе здесь воинственную деятельность. Нельзя пере-

дать того впечатления, того чувства мира и простора (как счастливо выразился Константин, поставив рядом эти слова), тишины, безопасности, доверчивости и силы. Такое лишь отсутствие суеты, такое лишь положение лицом к лицу с этою природою, с этим величием простора и торжественностью мира, с этою неистощимою, непреходящею красотою могло образовать человека, каков русский крестьянин. Ни одна природа не может быть так хороша, как наша. Горы хороши, но как-то односторонни, в них тесно.— Та природа слишком ярка и горда, другая черезчур роскошна, страстна и сладостна и подчиняет себе человека, но нигде не носит она такого мирного характера, где найти такой простой красоты, такого бесконечного простора, с сознанием, что все это наше, родное, что везде до́ма, везде Русь!.. Что и говорить! бедный немец, живущий в тесноте и лишенный этих впечатлений, в то же время лишен главного элемента, вошедшего в состав русской души. В русском поле трудно запеть другую песню, кроме русской: та же простота, та же бесконечность, и даль, и ширина, тот же мир и та же тихо и легко разнообразимая однообразность. И ни с чем сравнить нельзя впечатления дороги, когда (правда, в сухую погоду) вы легко катитесь по живой, мягкой дороге (а здесь так почти по лугу), то спуститесь в овраг, то взъедете на горы, и блестят вдали полосы извивающиеся реки, и природа развертывает ежеминутно свои неистощимые красоты, и даль, сизая даль открывает перед вами свои таинства, по мере вашего приближения отодвигаясь и застилая новую даль. И посреди всего этого сидит на козлах, в одной рубахе царь и господин всего этого, русский крестьянин; душа его свободно вмещает в себе эту природу... В муромских лесах везли меня пятериком или, лучше сказать, шестериком, я же платил за 5; и последнюю станцию, с лишком 30 верст, ехал я не песками, а объездом. Ямщик мой снял загородку, сделанную в лесу, и поехал лесом такой дорогой, по которой ездит только телега полесовщика или порубщика. Объездом ехать гораздо дальше, но легче и скорее; быстро везли они меня через бугры, кочки и пни, потом, выехав из леса и заложив снова перегородку, провезли несколько верст по пескам и потом опять взяли в стороны и поехали лугом. Но песками я уже поехал не так. В Нижегородской губернии и в Симбирской везут превосходно, за самую малую водку; лошади сытые и сильные, и народ хоть не так промышлен, но проще и, кажется, еще лучше владимирского. Я ехал, не останавливаясь, разве только для того, чтоб похлебать молока и щей или напиться (раз в сутки) чаю. Чем дальше от Москвы, тем сильнее поражает вас это богатство даров природы. Огромные нивы, луга некошенные, тучность земли неунавоживаемой, многолюдные села, такие, каких я не видал и во Владимире, просторные, не мануфактурные, но хлебные, наприм⟨ер⟩, Промзино и т. п. В Промзине я должен был остановиться часа на два: ночью пошел (и в первый раз, дорогою) сильнейший дождик, испортилась от него чудесная черноземная дорога, поднялся сильный и холодный ветер, колеса облепились землею и забрызгивали нас грязью. Александр [2], сидевший в это время подле меня в тарантасе, не знаю на что, смотрел в оба глаза, и в эту самую минуту ему их залепило грязью до такой степени, что ни протереть, ни раскрыть глаз не было возможности. В Промзине какая-то

лекарка вылизала ему глаза; а я меж тем переоделся, умылся и переменил белье.— Уже в Нижегородской губернии начинаются горы или, лучше сказать, постоянно сопровождает вас синяя окраина неба. Остроконечных гор нет, но огромные покатости, на несколько десятков верст, видные от подошвы доверху, становятся вдали прямой, отвесной линией и кажутся сизой полосой на небосклоне, но по мере вашего приближения взор усматривает неясные очерки сел, одного над другим, лесов и т. д.— Если б не дождь в ночь с пятницы на субботу и не остановка во Владимире, то я бы приехал в Симбирск гораздо раньше; увидел его я за 18 верст и приехал часу в 7-м. Город очень опрятный; таким показался он мне потому, что на дворе было сухо, но пыльный, немощеный, небольшой, наружности довольно обыкновенной, ничем ярко не отличающийся, не оживленный никакою особенною торговою деятельностью и только скрашенный чудесным видом Волги, которая сверху вовсе не кажется так широка. Скоро я отыскал квартиру прокурора и зазвонил в колокольчик, но Гриша сам услыхал, как подъехал мой тарантас. Сергей[3] всплеснул руками и чуть не заплакал от радости, увидав меня. Софья в это время спала, но проснулась от шума и также с криком встретила меня. Очень приятно иметь у себя на дороге радостную поселившуюся встречу! Наконец Гриша принял меня в своем дому, с хозяйкой, которой описание дома сделано было так верно, что я поразился, взойдя будто в знакомые комнаты. Дом чудесный; комнаты убраны так хорошо, просто, изящно, с таким вкусом, что надобно отдать честь Софье. Поселили они меня сейчас в кабинете, накормили и напоили, и если б я только дал им повадку, то заугостили бы напропалую. Если бы Константин приехал сюда, то, вероятно, был бы доволен. Софья очень похудела против того, какою была в Москве, чувствует тошноту и тому подобные явления, которые она и доктора относят к известной причине. Это правда, что спальная их переведена в другую комнату, а прежняя оставлена пустою, в ожидании новых обитателей, но надобно сказать, что в ней и оставаться было невозможно: там две печи и духота нестерпимая. Софья так мило и смешно задумывается над важною обязанностью матери, над теориею воспитания, что никак нельзя сердиться за это, а можно только улыбаться, видя ее искреннюю, серьезную, сердечную заботу. Они живут почти все дома и выезжают очень мало, разве только к Нине[4]. Гриша вполне счастлив, и если иногда огорчает его ваше положение и ваши упреки и лоб его наморщится, то Софья, так внимательно и предупредительно его любящая, расправляет ему брови и спешит вознаградить его за все своими ласками и хоть с этой стороны вполне утешить его. Признаюсь, я подивился их неутомимой ласковости друг к другу — до сих пор!— Насчет денег он объяснил мне следующее: обещал он деньги не для Вас собственно, а для взноса в Опекунский совет, надеясь получить их от Крохоняткина[5]. Крохоняткин надул и выдаст переводное письмо не ближе 20-го июня, поэтому ему нечего было послать Вам, а был у него свой собственный билет на 3 т⟨ысячи⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, который он отдал Александру Шишкову[6]. Шишков, который нуждался в деньгах, взял этот билет и заложил его, получив за это наличные деньги с вычетом 100 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Между тем, на

имя Марьи Алексеевны [7] пришла повестка о деньгах, которую он переслал в Петербург для написания доверенности на ее обороте, и по получении денег билет этот выкупится и отдастся Грише. Эти деньги собственные Гриши или Софьи и ссудить ими Вас нельзя было уже потому, что они заключались в билете.— Впрочем, он, верно, сам Вам обо всем подробно пишет.— В Симбирске остался я не сутки, а двое, отговориться нельзя было никак, впрочем, едва ли бы и перевезли в воскресенье, потому что дул сильный ветер. Видел Корфов [8], П⟨етра⟩ М⟨ихайловича⟩ Языкова [9], Набокова и Гирса [10]. В самый вечер моего приезда приезжала, ничего не зная, Нина с мужем, который мне очень понравился. Это высокий, сухощавый, хладнокровный немец, вечно одинаковый, с сигаркой во рту, составляющий резкую противоположность с женою и вообще со всей семьей. Те суетятся, торопятся, горячатся, досадуют, радуются, бесятся, но не могут подвигнуть Корфа, который, не обращая внимания на их пыл, продолжает себе курить. Конечно, это может взбесить всякого живого человека, но как противоположность, на настоящем своем месте он чрезвычайно оригинален и субъект прелюбопытный! Нина приняла меня как нельзя лучше: она добрая женщина, но, кажется, пустая, и Софья, кроме некоторого внешнего семейного сходства в чертах, не имеет с ней ничего общего и, напротив того, разнится с нею, как небо от земли.— В оба дни обедал я у Гриши, по его настоянию, несмотря на приглашение Корфов.— Петр Мих⟨айлович⟩ живет себе в своем огромном доме внизу, с затворенными ставнями и занимается геологией.— Я пробыл у него полчаса, он хвалит очень драму Константина [11], от конца которой, говорят, Соллогуб в восторге. В Симбирске в воскресенье получил я маленькое письмецо от Верочки. Слава богу! Она сама пишет, значит, ей лучше; не видать из письма. кто уведомил вас о холере в Хотькове [12] и у Троицы: доктор или Иуда [13]? Это разница большая. Где же вы теперь, в Москве или в деревне. Грустное вы проводите лето! А я, едучи по Симбирской губернии, думал, что хорошо бы Вам приехать сюда, милый отесинька! Здесь-то, посреди мест, родных Вашей душе, посреди этого богатства природы и благодатного простора, вдали от Москвы, можно успокоиться душою. Когда я ехал, мне так хотелось перенесть вас всех с собою в эти чудные края. Я не помню, отчего вы оставили намерение переехать в Троицкое, где бы вы могли платить конторе за все забираемое. Убежден, что не только Вы, но и сестры порадовались бы переезду сюда на год или полтора.— Проведя двое суток в Симбирске, в понедельник вечером отправился я далее. Спустился с этой ужасной горы, мешающей благосостоянию Симбирска (здесь в грязную погоду берут для взвоза на гору до 50-ти рублей!), и с Гришей, Набоковым и Гирсом сел в лодку, и таким образом мы переехали Волгу, которая, к сожалению, к вечеру очень утихла. Под горою совсем другая жизнь. Тут бурлаки и народ барочный, удалой и разгульный... Хороша Волга! В Симбирске самом нет холеры, но под горою она продолжает гнездиться. Дорогою же я нигде не встречал ее.— Простившись с Гришей, сел я опять в тарантас, и лихой ямщик в два часа езды доставил меня в Чердаки. Знакомые Вам места, милый отесинька? Ночью шел сильный дождик, который продолжался, с перемежками,

и на другой день. От Чердаков до Серных вод везли очень плохо. Настоящих ямщиков и почтового тракта здесь нет, а ездят на вольных, которые возят за те же прогоны. От Чердаков до Урзовы, от Урзовы до Шапталы, от Шапталы до Мелекесского завода (нынешний год уничтоженного), от завода еще куда-то и т. д. до Липовки, от Липовки до Серных вод станции пребольшие, так что я предполагаю расстояние более 200 верст; по случаю дождя дорога была скользкая и трудная, лошади дрянные, и я, как ни торопился, а приехал на Серные воды в ночь с вторника на середу, часу во 2-м. Было ясно, лунно и холодно, и запах серы еще издали охватил меня.— Здесь нет ни гостиницы, ни постоялых дворов, а нанимают квартиры или заранее, или же днем, в сухую погоду, оставив тарантас на улице, отправляются в поиски. Но ямщик мой знал какого-то мещанина, который согласился впустить меня в избу, а сам, так как уже светало, пустился с Александром искать мне квартиры. Порядочных домов очень мало, а все больше избы, довольно чистенькие и небольшие. Скоро и сам я отправился искать квартир: та сквозит, та черезчур тесна, в той нет печки и ванника, там хозяин больно не зажиточен, а для меня как бездомовного это обстоятельство очень важно. Наконец нашел я Воейковых [14], которые нанимают порядочную квартиру, обклеенную белой бумагой, с двумя ваннами и платят за это 300 р⟨ублей⟩. С ними бочка, лошадь, повар, люди и всякие припасы. У их хозяина на том же дворе, но совершенно особо, нашел я флигелечек, который и нанял за 115 р⟨ублей⟩. Три перегороженные комнатки: одна кабинет, другая спальная, третья моего человека, четвертая ванник. Стол — диетный — будет у меня общий с ними, за что я и буду платить третью часть; в этом отношении для меня много удобств. Если, в случае сырой погоды, мне нельзя брать ванны в казенном заведении, ибо не позволяют тогда и выходить из комнаты, то мне за безделицу кучер привезет воды, котлы есть, и нагреть ее нетрудно.— Я очень доволен своей квартиркой, хотя она, может быть, и покажется вам дорога. Деревянные стулья и лавки, голые стены, кой-где облепленные лубочными картинками,— все это очень скромно и хорошо. Вчера же виделся с доктором, Пупыревым, говорят, лучшим здесь. Он дал мне касторового масла, сказал, что необходимо мне успокоиться и отдохнуть с дороги и с завтрашнего дни велел начать воды, сначала по одному стакану поутру и ввечеру, в субботу два поутру и 1 ввечеру и т. д. После каждого стакана ходить четверть часа, и после ходьбы, натощак, поутру ванну в 28 град⟨усов⟩: сидеть полчаса, да ввечеру ванну в 27 градусов, сидеть 15 минут. Хотя и предписана диета, но употребление мяса дозволено: он говорит, что мне как золотушному оно полезнее другой пищи, разумеется, все в небольшом количестве, почему мы и обедаем раз в день, в час пополудни.— Покуда я пребыванием своим на Серных водах доволен до чрезвычайности. Этот запах мне очень приятен, и весело глядеть на чистые, холодные ключи, бьющие из горы с такою силою по белому дну; Вы знаете их устройство, милый отесинька, я вам слегка его напомню. Сама деревня лежит на холмах и между гор. Кругом горы. Вверху сад и разные каменные здания, казармы, квартиры докторов и т. п. Тут же на горе, над самым серным прудом каменный дом

или лучше одна зала, назначенная для Собрания, которое еще не начиналось. Направо в саду еще какое-то здание с книжною лавкою, гостиницею (без нумеров), бильярдом и т. п., что все еще не открывалось.— Вид оттуда превосходный. Внизу лестница, сходящая уступами к ключам, терраса, ниже их пруд, образуемый серными ключами, пруд, из которого вытекает так называемая *молочная река*. По обеим сторонам пруда казенные строения для ванн; за прудом парк, довольно большой и тенистый, в нем протекает эта молочная река и, кажется, соединяется с Сургутом. За парком — луговина, горы и вдали извивается многоводный Сургут. Местоположение очень хорошо.— Странное дело! Эти места уже не русские: все названия татарские, да и заволжский мужик не то, что приволжский, просто дрянь в сравнении с ним. Вы чувствуете, что он сюда переселился как-то наскоро и не пускает самобытного роста. Деревни устроены коекак, безо всяких резных украшений русской деревни, язык его не так бодр и чист; он признает бойкое превосходство над собою мужика *верховского*; спрашиваю я возчика своего: сколько верст до станции?— Не знает.— Сколько тебе нужно прогонов — не знает.— Какая река?— А бог ее знает, я здесь был всего два раза; ездит плохо и не чувствует услаждения в лихой езде, как верховой ямщик. По крайней мере этим поражался я, переехавши через Волгу и едучи на Серные воды... Но несмотря на то, все эти места живут русским умом, русскою мыслью, и русский характер более или менее сообщается и природе. По крайней мере эта природа, несмотря на сознание отдаленности ее от центра России, не чужда мне нисколько и не чужда русскому мужику, русской жизни и русской песне. Восток, видно, нам более сродни, нежели Запад.— Простора здесь еще больше. Как хороши эти мягкие, зеленые степи, этот ковыль с таким живописным названием, наконец мною увиденный, этот чернозем, тучный и жирный, эти многоводные реки... Да, милый отесинька, вспомнил я Ваше описание: верно и живо передает оно этот край. В этом можно убедиться, посетив его. Не видал только я ни башкир, ни калмыков, ни татар. Проезжал я через Черемшан! Хотелось бы мне побывать здесь везде с Вами.— Серные воды — место преоригинальное. Это не деревня: крестьян почти нет, они не пашут, не сеют; не город, ибо здесь нет ни присутственных мест, нет торговли и купечества постоянного, не местечко, а имеет, однако же, полицеймейстера с 20 человеками команды, 157 домов (кроме флигелей), людей разного сословия,— и ни одного инструмента пожарного, ни старосты, ни гражданского чиновника.— Теперь съехалось до 50 семейств; тут считается и всякий, тут и я иду за семью. Но из них ни одного замечательного или порядочного. Знакомиться покуда не видно необходимости, и я, да и Воейковы даже решительно незнакомы еще ни с кем. Впрочем, прошлого года было здесь до 300 семейств, съехавшихся из Казани, Уфы, Оренбурга, Симбирска, Пензы, Челябинска, Мензелинска и других знаменитых мест.— Музыку (разумеется, крепостную) доставляет Дмитрий Путилов [15], еще не приехавший. Собрание устроивается по подписке, с которою обходит, вероятно, полицеймейстер. Разгар весь начинается с июля.— Здесь московский Алябьев с женою музыкант) [16], нару кости препустой, доволен, как медный грош, тем, что

примирует здесь; какие-то Русиновы из Нижегор⟨одской⟩ губернии, с молодым человеком в очках, говорящим по-французски и по-немецки; какие-то Кротковы (Константин Павлович); все это рожа на роже, и, если уже держаться законов общества, т. е. если не ходить с бородой и в зипуне, то придется сказать с Хлестаковым, что «ужасный mauvais genre» *[17]. Все они проходят мимо меня церемониальным маршем, подвергаясь со всех сторон моему покуда сгоряча жадному наблюдению. В самом деле, что может быть удобнее: я пользуюсь совершенным уединением, ибо ничего не имею общего с этими людьми, когда же захочу рассеяться, то сотни людей фиглярят и фигурируют предо мной, раскрывая все свои стороны.— Здесь какая-то старуха Тахтарова, узнав, что Воейковы здесь, прислала за ними, объявив себя нашею родственницею, называя Тимофея Степан⟨овича⟩ [18] дядюшкою и т. д. Ей сказали, что и я здесь, она пожелала и меня видеть. Вот я и зашел нынче к ней: грязная, болтливая и, разумеется, добрая старушонка, с нашлепкой на носу, пустилась называть всех нас и всю нашу родню по именам.— Здесь до сих пор стоит дом, в котором живала бабинька [19] и в котором, вероятно, и Вы бывали не раз, милый отесинька. Не знаю, была ли маменька на Серных водах?— Мне нравится республиканский вид этого сборища, в котором можно быть совершенно независиму и самостоятельну и уединенну и в то же время не одному. За стихи покуда не принимался, но все устроивался, знакомился с местностью, ходил на горы: змей не видал.— Нынче принялся я пить серные воды; ванну беру завтра. Вода показалась мне так вкусна, что я готов бы пить ее из одного удовольствия; с ваннами скучно то, что надобно более или менее беречься, а погода не совсем хороша. Вчера, в то время, как я вам писал, лил ливень и бушевала сильная гроза. Грозы здесь всегда сильны; еще слышнее стал запах; гроза прошла, к вечеру разъяснилось, и нынче ясный, но прохладный день. Надобно еще съездить на Нефтяное и Голубое озера... Каждый день приезжают новые лица, помещики с отчаянными фигурами, из мест, звучащих свирепо-татарскими названиями... Ни одной живой, умной, человеческой физиономии! Впрочем, есть несколько казанских студентов.— Право, глядя на эти лица «дворянского сословия», есть над чем задуматься. Ведь это всё люди же, с душою человеческой или, по крайней мере, с тем же матерьялом, и в этой пошлости, плоскости, грязи повторяются те же законы человеческой природы, не в одном физическом отношении. Но, кажется, есть одно время или одна минута не пошлая среди этой жизни: это молодость, ранняя молодость. И для меня особенно интересна эта минута в каждом из них, а еще более в девушке, каким бы пошлым уродом она теперь ни смотрела. Была же в ней минута, когда, вращаясь в дичи, повторяя дичь, она была хороша уже тем, что носила в себе молодую душу.— Тогда слышится какая-то искренность в самой этой пошлости, по крайней мере, искреннее стремление, хотение, рвение души.—

Я уже, кажется, написал вам, что письмо это думаю отправить не через почту, ибо почта отходит раз в неделю, по пятницам (приходит по се-

---

* Дурной тон (*фр.*).

редам), идет чрез Бугуруслан, где дожидается еще какой-то почты, в Казань и приходит в Москву недели через две и более.— Сначала думал отправить письмо с извозчиками из Симбирска, которые должны были привезти разный модный товар. Но они не приехали, и я теперь нашел другую оказию, прямо в Симбирске, к Грише, который отправит письмо к вам. На всякий же случай, предполагая, что извозчики могут и затерять письма, я послал к вам письмо и по почте, адресовав к Троице.—

Если вы еще в Москве, то скажите Саше Воейкову, что мы с ним немного светренничали; хотя правда и то, что я никогда имения не закладывал и этого порядка не знаю. Дело в том, что свидетельство было прислано в Москву на залог имения, на имя Марьи Алексеевны. Хотя уведомления о том, посланы ли копии из гражд⟨анской⟩ палаты в Опек⟨унский⟩ совет и за каким номером, и не было, но все же это можно было представить при прошении и легко было справиться, не получены ли копии. Я же, не зная, какое это свидетельство, не видя уведомления о номерах и видя, что все это адресовано на имя Марьи Алексеевны, отправил все к ней в Петербург... Она, вероятно, возвратит его, и тогда попросите Сашу [20] поторопиться.

Прощайте, милый отесинька и милая моя маменька. Цалую ваши ручки, будьте здоровы и обо мне не беспокойтесь. Обнимаю Константина и всех сестер. Как-то вы решились и где вы теперь? Когда-то я получу от вас известие! Прощайте.

Ив. Аксаков.

Воейковы вам кланяются. Коля [21] чувствует себя довольно хорошо, но не пьет вод, а только берет ванны.

173

17 июня 1848 г<ода>. Четверг. Серные воды.

Пишу к вам накануне, милые мои отесинька и маменька, потому что завтра поутру еду с Воейковыми осматривать Нефтяное и Голубое озера. Вчера поутру получил я ваше письмо, посланное из Москвы 5-го июня: следовательно, оно пришло ко мне в 11-ый день. Это гораздо скорее, чем я ожидал, не знаю только, так же ли скоро ходит почта отсюда. Получили ли вы мое большое письмо? Где-то вы теперь? Спокойно ли все у вас?.. Как часто думаю я об Вас, милый отесинька, именно в этой стороне! Хотелось бы мне хоть на миг перенесть сюда всех наших, показать им этот простор и луговое приволье, о котором они и понятия не имеют!.. Теперь обращусь к своему житью-бытью.— Время здесь проходит так однообразно, так тихо и мирно, что мало особенностей оставляет в памяти. На этой неделе съехалось довольно много: полиция считает 105 семейств, но семейств дворянских не более 30. Тут Чемадуровы, Чагодаевы, Куроедовы, Кропотовы, Щербаковы, Пальчиковы и пр. и пр., все это, большею частию, из Елабуги, Стерлитамака, Малмыжа и т. п. мест. Много молодых людей из Казани, одетых по последней моде; почти не слышишь другого языка, кроме французского. Дамы наряжаются взапуски, меняя платья по-

утру и ввечеру, но Собрания еще не открывались. Все еще мало съезда, но дело в том, что все это общество как-то врозь, туго знакомится и, как везде почти у нас, *выглядит* медведем. Я сам ни с кем не познакомился, да и не вижу надобности, и не с кем. Встаю в 6-м часу утра, одеваюсь, отправляюсь на воды, черпаю стаканом, своим собственным, поставленным в кружок с палочкой, воды из источника и отправляюсь ходить по аллеям. Гуляющих еще мало, постепенно они собираются, но сад велик, и хоть и встречаюсь со всеми непременно раз в день, но проходим мимо друг друга не кланяясь, а я не знаю даже и одной трети фамилий, пребывающих здесь. Походив четверть часа, опять на помост, устроенный около источника, который сам обделан камнем и под помостом протекает в пруд. Таким образом выпиваю я поутру 4 стакана и потом отправляюсь в ванники, тут же, около саду, где беру ванну в 29 градусов и сижу в ней полчаса, после чего опять подымаюсь на гору и прихожу домой или к Воейковым пить чай. После чаю мы расходимся и сходимся опять в час, к обеду. В этот промежуток времени я сижу дома; окошко открыто, но на улице никого не видно; пишу, читаю, думаю, бездействую... В час обедаем. Обед самый умеренный и диетный, без приправ. После обеда я опять ухожу к себе, а в 5-м часу отправляюсь опять на источник, где повторяю то же, что поутру, выпиваю 4 стакана, но ванну беру градусом слабее и четверть часа. После того опять чай, после чаю гуляю до позднего времени, в 11-м часу ложусь в постель и читаю. Видите, как проходит время. Из приезжих нет никого, кто бы возбудил во мне охоту познакомиться с ним. Не только нет красавицы, но даже ни одной в полном смысле хорошенькой. Есть две, три искренних девичьих физиономии, очень и очень молодых; видно, что это их первый выезд, и Серные воды кажутся им бог знает каким большим светом. Искреннее удовольствие блестит в глазах, а это всегда приятно видеть, хотя сам и не разделяешь этого и хотя это и указывает на некоторую пустоту души и кривое направление. Вообще я люблю видеть всякую искреннюю радость и чужое счастие, удивляясь этой способности и зная, что скоро миновать этому, и кривое направление выпрямит жизнь своими строгими уроками. Может быть, эта пустая барышня, которая так пошло выражается, что душа выворачивается, которая всегда так же пошло будет рассуждать и вести разговор, явится героинею в домашней жизни, осуждена на тяжкие испытания, возвеличивающие человека. Чудное дело — совокупность жизней отдельных лиц, с их началом и концом в общей жизни человечества. Человечество! Признаюсь, произнося это слово, я нередко представляю себе вдруг все собирательное количество, выражаемое этим именем, стараясь вывести хор общей жизни из всех этих жизней... Может быть, и теперь, в какой-нибудь квартиренке на Серных водах (они не заслуживают названия дома) совершается мудрая драма, но мне это до сих пор неведомо, и покуда наблюдению моему не было особенной пищи, тем более что я не новичок и многое видел. Все это очень порядочно, скромно — фраки, сюртуки и пальто безукоризненны; конечно, есть некоторые прорухи, являются кое-какие спенсеры особенного вида, ну да этого немного... Мне даже это грустно, даже досадно, что все здесь хорошо одеваются (хоть и не совсем

изящно, но это дар, не всем принадлежащий), во 1-х, потому, что, уязвленные насмешками писателей над их костюмом, провинциалы выписывают себе платья и шляпки из Москвы, Петербурга и Парижа и тратят огромные деньги, наконец, потому, что они почли себя вполне удовлетворенными по части просвещения, тем более, что все говорят, хорошо или дурно, по-французски. Пустота и тщеславие пустого, малоценного разбора выражаются почти на всех лицах, особенно у дам. Самое лучшее доказательство, что здесь 4 модных магазина!!! Но скверно едят, нельзя найти ни зелени, ни порядочной телятины, ни книг, ни журналов. Я живу совершенно скромно и тихо, никто меня не посещает и вообще не произвожу никакого эффекта, зато и сам, среди этого незнакомства, совершенно свободен и бесцеремонен. Пальто мой один и тот же, сигарка во рту, палка в руках, и мне решительно все равно, какое бы они обо мне заключение ни сделали. Впрочем, Воейковы живут точно так же и ни с кем не знакомятся и с Путиловым редко видятся. Да! вот я и забыл сказать вам про слона здешнего. Сюда приехал Дм⟨итрий⟩ Наз⟨арович⟩ Путилов. Вы про него, конечно, слыхали? У него здесь несколько домов, все обзаведение и даже оркестр (впрочем, очень плохой) из собственных людей. Он богатейший помещик и туз Самарского уезда, холост, лет 50, дюжий, широкоплечий, толстый, черный, складом похож на Собакевича, служит по коннозаводству, имеет в распоряжении своем все казенные конюшни уезда и по этому случаю носит военный сюртук и бакенбарды посреди щеки от виска до верхней губы. Кстати тут сказать, что изобилие усов в здешнем краю приводит меня просто в отчаяние. Носятся слухи, что он был под судом за то, что убил крепостного своего человека до смерти и оставлен по этому предмету в подозрении; был под судом и за то, что в молодости еще, собрав всех горбатых по уезду, приискал им горбатых невест, обвенчал их в церкви и потом сделал им бал. Теперь он покровитель мелкопоместных, перед ним раболепствующих, отчаянный либерал, туз и лихой барин, имеет сверх того репутацию остроумного насмешника и злого языка, пишет стишки. Вот сведения, какие я об нем имею; сам я его видел раза три в саду или на улице, но с ним незнаком. На лице выражается *самодовольство* и холодная уверенность, самодовольно же острящая на счет других, разумеется, не всяких. Острота холодная, спокойная и глупая! Хорош гусь? Раза два или три угощал он в саду музыкой. Он и Алябьев два хозяина и распорядителя Серных вод. Нынешний год не совсем удачен для них, но прошлого или третьего года, когда весь Симбирск перенесся сюда на лето, сезон был, говорят, блистательный. Зато зимой,— скука смертная, все занесено снегом, тишина гробовая! Здесь до 300 домов, и хозяева, немилосердно грабящие, наживаются летом и все очень богаты, а между тем деревянная церковь в таком плачевном состоянии, что и вы представить себе не можете. Стыд жителям, стыд соседним помещикам!.. В воскресенье я заходил к обедне: из приезжих никого! Скоты! Надобно признаться, что как ни хороша окрестная природа, но чувствуешь, что это нерусская сторона; по крайней мере, так здесь, на Серных водах. Мужик прилежнее и честнее, да глуп и размазня; не услышишь ни русской бодрой речи, ни русской песни, ни бодрого русского лица...

Хотелось бы видеть башкир, киргизов и даже калмыков, но их никого уже здесь нет.— Я продолжаю писать «Бродягу», лист стихов написал, но этого мало. Мне хотелось бы очень, да едва ли, кончить здесь 1-ую часть. Казалось бы, ничто не мешало!.. Читаю и перечитываю здесь разные книги, «Дон Кихота», Гомера, «Тысячу и одну ночь»... Несколько дней стоит чудная погода. Ветер самый теплый, удушливый, в сумерки стихает, и нынче редко хороший вечер. Я перестал писать письмо и пошел походить: кой-кто гуляет по улицам, пришел к саду — никого! Внизу пруд — как зеркало, отражает деревья и здания и небо, а шум падения серной воды, проведенной через желоба, непрерывен. Место это чудесное, я хотел бы срисовать его. Теперь бы музыку, пение, и из здешних никто о том и не думает, никто и не навестит серных ключей поздно вечером, в тишину. При теплоте запах очень силен всюду, циферблат моих часов почернел, но золото, благородный металл, не чернеет!— Я себя очень хорошо чувствую и ожидаю от вод непременной пользы. Если б только мне знать, что все у вас хорошо! Дай-то бог! Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, 12 часов, полночь, пора спать, будьте же здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю милого брата Константина, Веру, Надю и всех прочих. — Говорят, что граф Соллогуб будет завтра сюда!— Прощайте,

ваш *Ив. Акс.*—

174

1848 г<од>. Июня 25. Пятница. Серные воды.

Хотя последняя почта и не привезла мне от вас писем, милые мои отесинька и маменька, но на этой неделе Гриша переслал мне с оказией письмо ваше к нему от 7-го июня, накануне вашего переезда в деревню. Верно, этот переезд совершился, иначе бы я получил письмо. Что вы, как вы провели эти дни? Такая ли же у вас жаркая погода? Здесь погода чудесная: по 29 градусов в тени, а по вечерам часто бывают сильные грозы и теплые летние дожди. Как я счастлив, что это' еще все июнь, что впереди еще целый месяц тепла. Ах, лето, лето! Нынешняя неделя во многом расстроила мой образ жизни и мое уединение. Приехал Соллогуб. Он встретил меня на источнике, узнал меня и атаковал. Мы пустились с ним в споры и разговоры. Он в восторге от 5-го акта драмы Константина, но утверждает, что это не драма [1]. Драма или не драма, это спор в словах, ибо надо знать, что разумеют под словом «драма»; я считаю, что это драма, но Соллогубу, однако ж, многое в ней осталось недоступно; он говорит также, что Константин взял только одну хорошую сторону русского народа, а не все, и поэтому драма немного бледна и пр. и пр. Когда я спросил его о его драме [2], так он отвечал, что бьется над ней уже почти два года, но что ему страшно выйти с ней на суд славянофилов, которые уже до такой степени обругали его и поделом, прибавляет он, что решительно его обескуражили. Я сказал ему много правды в глаза, сказал, что все его прежние произведения нисколько не художественные, а *галантерейные*; что в драме его не будет доставать безделицы: любви к Руси и искренности.— Он вполне согласился со всем, что касается до прежних его сочинений,

говорит, что ему бы хотелось, наконец, оставить за собой труд добросовестный, прочный, что хотя его повести и доставили ему успех, но внутри себя он им дорожить не может и признает справедивость наших упреков, хотя не разделяет политических убеждений (как будто политические убеждения у нас могут быть независимо ото всего взгляда на жизнь, и это не одно и то же!). Дело в том, что он никак не может совлечь с себя аристократа и человека большого света. Видно, однако ж, по всему, что он ничем так не дорожит, как мнением Москвы и очень огорчен нашими отзывами. Он оправдывался так, что просто было смешно! Я ему сказал, что покуда он хоть сколько-нибудь будет тянуть к Петербургу, он ничего порядочного не сделает, а жаль, потому что он с талантом, который теперь... «пустой и испорченного направления». «Правда!— перебил он,— что делать, чувствую сам, да не могу сладить!» — Божится и клянется, что он не подлец, как мы думаем в Москве; а я ему доказывал, что в петербургском свете камер-юнкеру, как ему [3], трудно обойтись без маленькой подлости и указывал ему на некоторые его сочинения и действия.— Обстоятельства его расстроены очень, и он хочет зиму с семейством провести в Москве, но боится. Вообще я скажу, что он умный человек и все же несколько до сих пор дерптский студент, так что с ним очень бесцеремонно и как-то трудно не высказать ему правды. Я попросил его прочесть драму, он долго не решался, требуя снисхождения, делал по крайней мере час оговорки против разных недостатков его драмы и просил меня прийти к нему завтра и разбудить его часов в 8 утра вместо 12. Я так и сделал, и он прочел мне два акта своей драмы — 1-й и 4-й. Неверностей исторических (больше фактических) много, но он удачно выбрал время: при царе Федоре Алексеевиче [4], когда быт боярский гнил и был испорчен донельзя, весь проникнутый гордостью, кичливостью и в то же время причинявший некоторые элементы уже чужие. Действительно, гнусность этого боярского быта и привела переворот Петра. Такую вещь изобразить было ему сподручнее, и она у него довольно хороша. Он так умен, что не решился во всей драме выставить ни одного русского мужика; крестьянина, народа у него нет. Вся драма происходит в верхнем наплыве. Кроме бояр в драме действуют стрельцы, бунтующие против бояр, расхищавших царскую казну и бравших с них взятки. Стрельцы у него просто разбойники, и как разбойники они удачно, хорошо изображены. Их шутки, слова, прибаутки, их как-то сам собой возникающий бунт — все это стоило ему многих, долгих трудов. Славные есть у него тут пословицы. Напр<имер>: «Не всяк злодей, кто часом лих!» Или: «На крепкий сук точи топор!» Хорошо! — Но стрельцы вовсе не освещены настоящим светом своего значения, даже не видно в них привязанности к старине, к старообрядчеству. Просто балованный народ, вроде царской дворни, между тем как они имели и другой смысл. Впрочем, не надо забывать, что это действительно было не *земское* войско. Эффекты на каждом шагу, и при его знании сцены они действуют удачно и сильно, особенно 4-й акт, который он читал в источный голос, просто раздражает нервы так, что, кончив его, он сам так и повалился на кровать. Но завязка битая, старая, французская! Он сам это чувствует, хотя и не так ощутительно, как я, но говорит, что не хватает

таланта и сил; он беспрестанно поправляет, обделывает, записал многие мои замечания, особенно относительно языка, потому что слух мой всегда оскорблялся выражениями, встречающимися у него не в духе того времени. Словом, есть хорошие места, много психологической верности в отношении характеров, отдельно взятых, много труда и при всем том целое плохо и пропасть французского «шику», т. е. эффектной дряни, но при всем том умно. Право, и смешно, и жалко было видеть, как человек этот, будучи слишком умен и самолюбив для того, чтоб довольствоваться настоящим своим пустым значением, бьется, как рыба об лед, стараясь создать что-нибудь прочное и на русской почве. Константина он уж так боится, что, кажется, и не очень его долюбливает, хотя твердит о своем уважении к нему и хотя, вероятно, прыгнул бы на 100 сажен от радости, если б он его похвалил! Я высказал ему всю правду, но зато, впрочем, всегда хвалил его талант, браня его произведения и пустое, ложное направление.— После обеда явился он ко мне слушать «Бродягу», которым, а в особенности сценою бурмистра в деревне [5], так восхитился, что заставил перечесть несколько раз, выучил почти наизусть, обнимал, словом, просто неистовствовал и на другой день написал мне послание в стихах. Дело в том, что одним из первых его восклицаний было: «Батюшка, спасите себя от односторонности славянофильской, от влияния Хомякова и Конст⟨антина⟩ Сергеевича!» Я ему сказал, что если и есть что хорошее, так этим я обязан московскому направлению, но что тем не менее я совершенно независим, хотя бы надел русское платье, да и к жизни нахожусь в других отношениях. В послании, довольно плохом, впрочем, он пишет о том, чтобы не было у меня исключительной привязанности к Руси, что поэт должен любить всю вселенную и вещать миру не вражду, а сокровенные голоса природы и пр. и пр. и вообще не без чепухи. Он говорит между прочим: «Души святого зеркала Враждою не тумань».— На это я ему отвечал также посланием, насильно написанным, также немножко старым, избитым. Первые строфы очень натянуты и холодны. Сначала я говорю ему, что хороша природа, красиво бегут реки по земле, но Волга красивее их, и я поневоле люблю ее больше; так и Русь, которую люблю преимущественно по той же причине, не только как русский. Говоря про созерцание природы, я объясняю, что покойное созерцание природы, так ясно выражающееся в русской песне, мудрено для нас, разорвавших связь с народом, и что вообще слишком скверно кругом нас,— тут и ему досталось в этой строфе; вот она:

И негодует дух поэта,
Теснимый горестно кругом
Всей этой челядью паркета,
Несущей мрак, с названьем *света*,
На нашу Русь, на божий дом! —

Обращаясь к нему, я говорю и кончаю так:

. . . .
. . . .
К тебе же речь теперь иная:

Зачем, ошибку сознавая,
Так малодушна жизнь твоя?
Зачем, под властью чужестранной,
Тщеславной, мелкой красоты,
Досель талант, от бога данный,
Растит на почве бездыханной
Недолговечные цветы?
Пора! Мы ждем опроверженья
Упреков горьких...

И этим закончил. Согласитесь, что не совсем льстивые стихи. «Что ж это Вы ругаетесь»,— сказал он мне, и хотя и объяснил мне, что видит в этом знак уважения и расположения к себе, однако же не показал этого ответа никому, даже из тех своих здешних знакомых, которым он читал свое послание ко мне и разные мои стихи... Пробыв здесь несколько дней, он уехал в свою деревню, взяв с меня слово заехать к нему на обратном пути, потому что это совершенно по дороге и не составляет ни малейшего крюка, как он уверяет, именно вместо Мелекес, на которые я ехал, надо ехать на Новую Майну. Я, впрочем, еще недоумеваю — сдержать ли слово или нет [6]; деревня же его всего 120 верст отсюда. Он познакомил меня здесь с Алябьевым и Путиловым. Алябьев явился ко мне с ним и, слышав некоторые места из «Бродяги», повторяет их кстати и некстати и перевирает ужасно. Соллогуб хвалит очень его неизданную оперу «Аммалат-бек» [7]. Я познакомился также и с его женою. Алябьев — артист старого обтеса, практического знания жизни никакого, образования плохого и вообще, кроме таланта, пустой человек, так же как и жена его, и оба ума довольно ограниченного. Впрочем, жену я еще мало знаю. В молодости он был, как и все тогдашние артисты, горячий кутила, любитель пирушек и попоек. Теперь ему за 50 лет,— лета, болезни и несчастия остепенили его и сделали добрым и мягким. Это я видел из обращения его с людьми и вообще с бедным классом народа. Здесь добыл он где-то рояль и много занимается музыкой: в доме ни одной книги, а все ноты. Жена его все просит меня, чтобы я ей прочел «Бродягу» и другие свои стихи, собираясь заранее прийти в восторг подо влиянием авторитета Соллогубова, но я еще не исполнил ее желания. Охоты нет, тяжело и совестно, да и неприятно читать, когда чувствуешь, что слово отскакивает от души, как горох от стены.— Путилов же в 10 т⟨ысяч⟩ раз любопытнее Алябьева. Вообразите, что этот человек не только не глупый, но даже умный и чрезвычайно начитанный. Пропасть знает и все следит, но, избалованный помещичьим самовластием и раболепством самарских жителей донельзя, доволен тем, что есть; всех богаче и всех умнее, он потешается над ними, ругает их всех в глаза, особенно же чиновников, которые в отмщение сочиняют на него доносы, никого не боится, пишет на их счет стишки (а стихом он владеет довольно хорошо) и живет, однако же, с ними! Слава богу, он холост; братца своего Аристарха [8], кажется, не очень высоко ценит, Ник⟨олая⟩ Тим⟨офеевича⟩ и Гришу превозносит всюду до небес. Я узнал, и со стороны, что все бедные помещики находят будто бы в нем опо-

ру и защиту и что он постоянный, громкий обличитель служебного мошенничества. Не знаю, в какой степени это правда, но сам он ораторствует о правосудии и добре и ругает мошенников с большим, большим чувством; впрочем, и гоголевский городничий тоже! Кто их разберет! Дрянен человек. Либеральничает отчаянно, а необыкновенно рад, что имеет возможность надеть мундир и счастлив тем, что Никол⟨ай⟩ Тим⟨офеевич⟩ представил его к кресту!.. Во всяком случае, этот субъект любопытен для изучения.— Познакомился поневоле, от закуривания сигар и т. п. с некоторыми мужчинами,— вот и все мое знакомство. Дам, кроме Алябьевой, никого не знаю.— Начались Собрания, т. е. каждый вечер в галерее играет музыка, и охотники танцевать танцуют. Съезд довольно велик, но вполовину менее прошлогодничного; из дам ни одной хорошенькой, а о девушках и говорить нечего. Приехали было сюда родственники, как сказали мне Воейковы, какие-то Самойловы, и дрогнуло мое сердце [9], но, слава богу, почему-то через несколько дней уехали, не успев познакомиться с нами; но вот отчего берет страх: скоро должны ринуться ко мне с распростертыми объятиями Ногаткины. Говорят, что скоро приедут сюда. Да, я и забыл. Третьего дня был здесь Аркадий Тимоф⟨еевич⟩, на обратном пути в Москву. Пробыл здесь всего час и, переменив лошадей, отправился в Симбирск. Он здоров, торопится к своим и проедет прямо в Пущино, говоря, что увидится с вами, может быть, не ближе сентября, почему и отдал мне лесу, сработанную Ногаткиным.— До сих пор не удалось мне поудить.— То дождик, то ветер, а главное — расположение часов мешает. У меня же намерение наудить здесь рыбы, высушить ее и привезти к вам.— Вообще я недоволен препровождением времени, как-то мало успеваешь делать; жар, ванны два раза в день... Но мне удалось сделать-таки чудесную поездку. Наняв дроги, отправился я с Воейковым на Голубое озеро. Хозяин наш, который нас и вез, сначала показал нам пещеру, верстах в 8 от Серных вод. Пещера эта вся алебастровая; до дна ее или конца никто никогда не доходил. Вообразите: подле нее жар страшный от солнца; полшага вперед, под пещеру: там несколько градусов холоду, сосульки ледяные и даже снег. У нас есть намерение одеться потеплее и спуститься туда на веревках, с факелами, да вряд ли это состоится, потому что доктор не позволит. Оттуда проехали на нефтяные ключи и видели черную нефть, плавающую на воде, а оттуда на Голубое озеро. Что за красота! Я ничего подобного и представить себе не мог! Оно голубо от преломления лучей в этой светлой серной воде. Озеро или озерцо глубоко, говорят, до 20 саженей и идет вниз воронкой. Мы бросали камни, и по крайней мере вы целую минуту можете проследить падение камня, постепенно голубеющего, до тех пор, пока его не станет видно. Но еще краше сама степь, и горы, и ковыль! Что за роскошь! Дикое вишенье, дикие персики, сухие и седые болота, камыш по Тунгуту, журавли, утки, разная дичь, пространство, видное на 40 верст кругом, местами дубняк, ковыль в цвету... Зачем Вас нет с нами, милый отесинька. Я не могу без слез подумать о том, каковы были бы Ваши впечатления и ощущения!.. Надо, надо еще раз съездить в Оренб⟨ургскую⟩ губернию. Меньше, чем через месяц я буду у вас. Прощайте, 2-ой час, скоро обедать. Будьте только здоровы; я совер-

шенно здоров вообще и вижу пользу от ванн, хотя признаюсь, сера действует довольно медленно. Говорят, ее действие сказывается пото́м; впрочем, тут и ошибка была: открылось, что казенный термометр врет на три градуса!.. Прощайте, милая маменька, в деревне ли Вы, по крайней мере, перевезли ли Олиньку и можете ли спокойно отдыхать теперь? Прощайте, милый отесинька, цалую ваши ручки, обнимаю Константина, Веру, Олиньку, Надичку, Любочку, Машеньку и Соничку. Прощайте, будьте здоровы. Да, я и забыл: Шишков был у меня [10] проездом и провел несколько часов. Добрейшее существо, но лень да огонь и безо всякого характера.

Ваш *Ив. Акс.*

175

Пятница, 2-го июля 1848 г<ода>. Серные воды.

В середу получил я письма ваши, милый мой отесинька и милая маменька, от 14-го июня из Абрамцева. Слава богу! У вас, кажется, все идет довольно хорошо, т. е. в отношении здоровья. Вслед за холодным временем, о котором вы пишете, наступила жаркая погода, которою, вероятно, Олинька и воспользовалась для переезда.— Здесь же, после этой жаркой погоды (в продолжение которой по вечерам были частые и сильные грозы) наступило было холодное и ненастное время; однако же через три дня подул вновь северный или ведринный ветер, и теперь стоит красное, хотя не жаркое ведро. Вот и еще неделя прошла! Это письмо мое предпоследнее, и скоро, скоро я опять буду с вами. Поздравляю Вас, милая моя маменька, со днем Ваших именин [1], также Вас, милый отесинька, и всех сестер и братьев; вместе ли и спокойно ли провели вы этот день?.. О чудесах, которые описывает Вера, я уже слышал здесь и прежде. Тут есть какой-то молодой граф Толстой, оренбургский помещик, незначительное существо: он получил об этом также известие из Москвы, но прежде меня. Я вполне верю в возможность чудес и готов поверить и этим [2], но хотел бы знать больше подробностей, а также и то, в чем состояло исследование. Образ богородицы, источающей мирр [3], вещь не новая. В памяти моей остались два анекдота о том, как Петр I-ый обнаружил подлог и обман в двух чудах подобного рода. Признаюсь, легче бы верилось, если б такие случаи не были сопряжены с огромными выгодами для духовенства. Все это, может быть, покажется вам голосом узкого рассудка, но дело в том, что я нисколько не отвергаю возможности чудес. Но в этом есть другая сторона: это сам народ, в жизни которого повторяются или способны повторяться чудеса; это он, готовый внести это и записать сейчас в свою историческую жизнь, дающий прозвища... Как хорошо это название: *споручница грешных*. Жаль, что не увижу Оболенского! [4] Думаю, что он не пробудет в Москве до моего возвращения... Пробовал удить; но удят здесь на поддонную, а я к этому не привык; к тому же отправились мы удить вечером, перед грозою (так что нас самих помочил дождик) и ничего не поймали, а клюют здесь сомы и лещи.— Вы пишете, милая маменька, что уже так напуганы, что боитесь, как бы и я не вздумал жениться. Будьте совершенно спокой-

ны! Я не знаю только, чем Вы напуганы? Счастьем Гриши? Дай бог всем нам быть так счастливыми, как он. Нельзя устроивать человеку счастья на свой образец. Полного, без горестей, всесовершенного счастия Вы не в силах доставить, как бы ни желали; всякое благо человека с изъяном, и потому что же дурного, опасного в честном счастии Вашего честного сына Гриши! Но насчет меня не бойтесь, милая маменька, здесь ни одной и физиономии привлекательной нет, и я не Василий Алексеевич, чтобы и на уроде жениться. В самом деле, здесь довольно много, десятка два, молодых девушек, и что это за лица! Пошлость, звенящая пошлость даже безо всякой борьбы. Здесь две сестры Лидии [5], вышедшие из казанского института, чрезвычайно на нее похожие: две деревяшки, только поминиатюрнее ее. Здесь Шалашникова, урожденная Лобанова-Ростовская [6], молоденькая женщина, петербургская львица, у мужа которой имение в 4 верстах отсюда и которая живет с мужем здесь по расстроенным обстоятельствам; несколько казанских институток, одна с шифром [7], Чолокова, Челокова, хорошенько не знаю... Все это прыгает до упаду. Два раза в неделю бал, и ни одна никогда не появится в том же платье, в котором была в прошедший раз. Вообще, кажется, нет ничего в мире тщеславнее женщины. Еще скажу Вам в утешение, что я здесь знаком только с двумя дамами: старухой Алябьевой и старухой полковницей St. Martin, приехавшей с мужем из Сибири, встреченной мною у Алябьевой. Больше незнаком ни с одной. Да, вчера на бале, после одной истории, которую расскажу после, я сгоряча стал неосторожно близко одной родственницы, которую доселе постоянно ловко избегал, ибо мне Воейковы, также с ней незнакомые, сказали, что она как-то сродни. Тут она меня поймала, подошла ко мне, спросила мою фамилию и сказала: «Честь имею рекомендоваться, я Ваша дальняя родственница Самойлова!» Что-то до́ма я от вас этой фамилии не слыхал. Просит к себе: придется сделать визит. Разумеется, знала батюшку, матушку, дядюшку, бабушку, дедушку, тетушку... так и засыпала! Дочка у нее уже не молодая девушка, с лицом болезненно толстым, вчетверо толще против Марьи Федор⟨овны⟩ Воейковой, когда она была еще незамужем. Сын — огромнейший верзила, толстый юный балбес, дворянский недоросль. А история, о которой я вам упомянул, состояла в следующем: здешнее Собрание состоит из добровольно подписавшихся и внесших деньги, на которые нанимается музыка, освещается зала и т. п. В числе вкладчиков или членов много есть и купцов, которые, к сожалению, здесь большею частию одеты совершенно по-европейски и ни манерами, ни образованием нисколько с нами не разнятся, тем более что дети все первых двух гильдий. Вчера на бале вдруг узнаю я, что двух из них, молодых людей, принудили оставить Собрание потому, что Шалашникова изволила оскорбиться тем, что на одном бале с нею танцуют купцы, из которых одного (кончившего курс в Казанском университете) она видела где-то и когда-то за прилавком и которые оба ведут себя очень скромно и благопристойно и даже робко. Она шепнула об этом одному Юматову. Юматов с братом, два помещика-кавалера, отчаянные франты и здешние ловеласы (можете представить каковы!). Этот господин сию минуту распорядился в угодность даме. Алябьев сейчас рассказал мне об этом, и я так взбе-

сился, как давно уже не бесился. Может быть, издали оно и не кажется вам так возмутительным, но на месте, когда в глазах ваших оскорбляют человека в силу аристократического чувства, это — невыносимо. Я бросился к этому господину и вступил с ним в громкий и крупный разговор. Тут присоединилось много мужчин, много молодых людей, которые разделяли мое мнение и горячо вступились, в особенности один Тургенев, студент Дерптского университета. Даму эту, не называя ее по имени, прилично выругал; кроме того, что не имели права выгонять их, ибо они подписались, я, разумеется, восстал против того, что могли обидеться их присутствием, против чувства аристократического. Разумеется, речь сию же минуту дошла и до «мужика» со словами: «эдак и мужик» и т. п., на что я отвечал ему, что всякий мужик в тысячу раз достойнее уважения, чем все эти бездействующие помещики и чиновники-взяточники, и высказал нечто и о помещиках. Гвалт и шум был страшный. Разумеется, купцов этих просили остаться. Я предлагал этому господину обойти со мною всех дам и спросить у каждой ее мнение, но он уклонился, и слава богу, я уверен, что ни одна из них не сказала бы «нет». Надо знать, что в провинциях все дамы танцуют с незнакомыми, и отыскались некоторые девушки, очень порядочные, не помню их фамилий, чуть ли не какие-то генеральские дочери, которые сейчас пошли танцевать с этими купцами. Кучка раздробилась на несколько кучек, где везде преследовали этот вопрос. Тут же мне рекомендовался старик, отставной полковник, свежий и бодрый, знавший вас, Аристов. Я зарядил его всем своим сердцем, и он-таки порядочно отподчивал всех этих голубчиков словами. Досталось этой Шалашниковой. Никто не произносил ее имени, говорили «какая-то дама», и вступиться было нельзя. Мужу ее, с которым я, впрочем, не знаком, но с которым тут столкнулся, высказал также все, что было на душе. Я не думал, чтоб я еще в состоянии был так беситься: я просто задыхался, и колени подо мной так и дрожали. Мужское общество здесь мало между собой знакомо, но в эту минуту все это мгновенно сблизилось, и весело было все-таки видеть, что ни один почти не имел духу сказать что-либо прямо в защиту аристократства и благородного дворянского звания!.. Я рад этой истории в том отношении, что все же это был урок обществу, что все же громко и не мной одним были высказаны смелые вещи (смелые относительно предрассудков) и выдвинуты вперед человеческие права. Конечно, это буря в стакане воды, и все эти танцы, и балы, и свет, все это само по себе следует к черту, но тем не менее хорошо уже и то, что девушки, бывшие тут, верно, не осмелятся вперед и подумать что-либо подобное... Вот тут-то, после этого, когда уже я не обращал ни на что внимания, и подцепила меня родственница, но я поспешил с нею раскланяться и ушел домой спать. — Здесь познакомился я и коротко сошелся с одним молодым человеком, Соловьевым. Он 6 лет тому назад кончил курс в Петербургском университете и был товарищем и приятелем покойного Шишкова [8]. Замечательный человек, с которым я непременно вас познакомлю: он зиму эту будет жить в Москве. Меня давно поразила его прекрасная, добрая, кроткая и умная физиономия. Случай нас свел, и мы, вот уже почти неделя, постоянно вместе. Эти 6 лет он служил при кадастре [9] в разных губерниях и пришел к

тихому, строго-нравственному, христианскому направлению и к религиозным убеждениям, постоянно трудясь над собой, но без порывов и уныния. Он уже знаком несколько с московскими мыслями, в проезды через Москву слышал разные анекдоты про Константина, и я его окончательно посвятил в наши таинства. Все это он принял душой, впрочем, еще более потому, что оно согласно с его религиозным взглядом. Я уверен, что он понравится вам с первого раза. Лицом он несколько, только не так грубо, похож на Сашу Карташевского [10], ниже его и светлее.— Зовут обедать. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы. До следующего, последнего письма! Цалую ваши ручки и обнимаю Константина (воображаю его на своем месте вчера), Веру, Олю, Надичку, Любу, Марихен и Соничку. Где Анна Сев⟨астьяновна⟩ теперь? Прощайте же еще раз.

Ваш *Ив. Акс.*

От Гриши писем давно не получал. Ногаткиных здесь покуда нет, слава богу.

176

9 июля 1848 г<ода>. Серные воды.

На этой неделе почта не привезла мне ваших писем, милый отесинька и милая маменька. Что это значит? Здоровы ли вы? Или, быть может, вы прекратили всякое сношение с Троицею и с Москвою? Или, может быть, вместо середы отправили в субботу или вместо субботы в середу, предполагая, что это ничего не значит, тогда как здесь это целая неделя разницы, ибо почта приходит раз в неделю?.. И Гриша ничего не пишет!.. От Александра Воейкова Воейковы получили письмо еще на прошедшей неделе, в котором он извещает, что везет к вам деньги 4500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, добытые Богуславским от Вырубовых [1]. Слава богу!.. Конечно, это немного, но все же подмога... Послезавтра день Ваших именин, милая моя маменька. Поздравляю Вас еще раз с ним, и Вас, милый отесинька, и всех вас. Поздравляю и обнимаю также и Олиньку [2]... Это письмо мое последнее, потому что на будущей неделе, дождавшись ваших писем, в середу я еду. Теперь заканчиваю питье воды и холодные ванны. Сам я совершенно здоров, бодр телом и духом, от геморроя, кажется, совершенно вылечился, но что касается до золотухи и прежнего лечения, то доктор говорит, что мне следовало взять не один неполный, а два полных курса... Вот и теперь я уже совсем кончаю лечение, а правое ухо все болит золотухой, которая в него высыпала... Но, слава богу, никаких других нечистот и сыпей не высыпало; странное дело: ни опухоль правой щеки (правда, малозаметная), ни затверделый флюс не прошли! Вижу сам, что следовало бы выдержать лечение, но что делать! Не могу оставаться! Служба меня еще не так связывает, но я дал честное слово Оголину [3] воротиться к концу июля и дать ему возможность уехать также в отпуск... Все единогласно говорят о необходимости продолжительной диеты и всякого бережения по крайней мере недель шесть. Но Серные воды во многих случаях делают просто чудеса, особенно в отношении ревматизмов. Я сам видел безногих, которые начали ходить, разбитых параличом, которые теперь танцуют, покрытых золотушною корью и шапкою на голове, которые облупились

теперь, как яичко, и стали почти красавцами; впрочем, большая часть из них приехали на 2-ой год или взяли более 60 ванн. Итак, на будущей неделе в путь! Хочу пригнать так, чтоб до вступления на службу мне было несколько дней свободных, чтоб я мог успеть съездить в Абрамцево. Как ни хочется мне видеть и обнять вас, признаюсь, всякий раз, как вспомню о Сенате, о работе, о службе летом — меня так и подерет по коже. Я уезжаю с Серных вод с приятным воспоминанием мира и отдыха. Действие ли это холодной серной воды или другая причина, только здесь невозможно уныние. Для меня, если хотите, здесь должно быть очень скучно: я знаком с мужчинами и то с немногими и большею частию неинтересными (Соловьев с неделю как уехал), с «барышнями» не знаком, и таких, которые бы стоили особенного внимания, нет вовсе, брюнетки ни одной, написал я даже здесь вчетверо меньше против того, сколько предполагал, но мне как-то хорошо. Из моего окна вид на горы, тут довольно высокие: на горе стоит лошадь и резко обозначается на горизонте, отчетливо выдаваясь, день красный... Ах, боже мой, что может быть лучше лета, лета, этого святого времени!.. Дорого бы, дорого дал я, чтоб перенести вас сюда. И как бы всем вам это было полезно!.. Мне кажется, что у вас все должно быть хорошо, слава богу, потому что нет у меня что-то страху. Здесь кругом холера, и поэтому вновь начался съезд; все бегут от холеры сюда, но здесь все благополучно, и у меня в душе за себя также нет ни малейшего страха. Нынче будет опять концерт, в котором, кроме скрипача Париса, будет участвовать m-me Кропотова, саратовская помещица, которая здесь с мужем. Она будет петь серенаду Шуберта, с аккомпанементом Алябьева... Но я убедился, что все дамы, как ни пусты здесь, а лучше мужчин, этих скотов-помещиков. Вот где возненавидишь благородное российское дворянство и помещичье звание! Это здесь! Когда ведут под руки старого развратника Тимашева, все усачи (здесь нет решительно *ни одного* без усов) с восторгом говорят: русский барин и т. п. Эх! вчера насмотрелся на них в Собрании, они как-то особенно ярко выдались, зудели у меня кулак и язык. Впрочем, всем, кто только подходили ко мне говорить, всем высказывал я свое впечатление и мысли... Право, иногда глядишь на все это как на обреченное гибели... Подлецы, трусы, скоты, развратники, пьяницы, торгаши, невежды... И редко, редко кто не говорит по-французски (т. е. коверкает). Но это негодование питательное. Оно дает пищу духу, живит мои силы, крепит убеждения, подталкивает в направлении. Прощайте, до свидания. Обнимаю вас и целую ваши ручки.

Ваш *И. А.*

177

Пятница. Авг<уста> 19-го 1848 г<ода>. <Москва> [1].

Я не могу никак приехать к вам на нынешней неделе, милые мои отесинька и маменька. Нынче доклад у меня в Сенате и всякого дела накопилось вдоволь... Не знаю, удастся ли, а думаю приехать уже на будущей неделе. Третьего дня я в сенат не ездил, а сидел почти буквально 14 часов на месте, не вставая; впрочем, эти два дня, по случаю хорошей погоды, я выез-

жал по вечерам и вчера был в Сокольниках. Был у Анны Сев⟨астьяновны⟩ и пил у нее чай; заходил к Мамонову, но он уехал куда-то за 40 верст; зашел к Ефремову, от которого и поехал домой, потому что заходить к Соловьеву уже поздно. Соловьев написал целую книгу, а другую изготовил, собирается читать публичный курс [2], но неизвестно, позволит ли Закревский [3], к которому они ездят с поздравлением во все царские дни, в мундире... Впрочем, я думаю, это уже излишек усердия к благонравию самого Соловьева!.. Университет в жалком положении; из начальства самый лучший выходит Голохвастов [4], потому что Дмитрий Матвеич ругается [5], и инспектор подругивает [6]. К вступительным экзаменам явилось втрое менее человек, нежели прежде, да еще от министра пришла бумага, чтоб быть как можно строже на приемных экзаменах, обращая внимание не на количество желающих, а на познания их [7] и пр. и пр. Кат⟨ерина⟩ Алекс⟨андровна⟩ третьего дня переехала в Москву и присылала о том сказать Панову. Самарина нет здесь... Газеты и «Современник» пересылаются к вам при 1-ой оказии, может быть, с Пановым или Арк⟨адием⟩ Тимоф⟨еевичем⟩, у которого Сережа отлично выдержал экзамен во 2-ой класс гимназии [8]; и он, и Анна Степ⟨ановна⟩ ужасно по сему случаю волновались, молились богу и теперь очень довольны, так что я и не ожидал этого от Анны Степан⟨овны⟩. Писем никаких не получал еще. Здесь Шишков, остановился в «Дрездене» [9] и ждет матери, которая еще не приезжала... Билет на имя Софьи, из денег Корфов, взят и завтра отсылаю к ним... В газетах выразился радостный порыв государя: рескрипт Радецкому за славные победы над итальянцами, с посылкою ордена Георгия 1-ой степени! [10].. О славянском движении ничего особенного нет... Эйхель действительно сослан Закревским [11], который недавно Тимашеву (генералу) [12], сказавшемуся больным, послал показать какую-то бумагу, после которой тот, почти уже ночью, со всех ног в полной форме поскакал к Закревскому! Ефремов и Соловьев изъявляют опасения по сему случаю насчет будущих отношений Закревского к Константину [13]... Прощайте, милая маменька и милый отесинька, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер, весь ваш

Ив. Аксаков.

Будьте здоровы. Олинька принимает порошки из рачьих зрачков! Какой все это вздор!

178

1848 г<од>. Окт<ября> 5-го. Вторник. <Москва> [1].

Андронов [2] вчера так испортил перо, что я должен был добывать себе нового... Андронов?.. Вероятно, я этим произвел на Вас приятное впечатление, мой милый отесинька. Действительно, Андронов, воротившийся в воскресенье с ярмарки, приходил вчера расплачиваться. Он хотел было заплатить все 2 т⟨ысячи⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, но рублей 500 должен был отдать платиной, уже не по 3 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩ штука, а по 10 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩. Но я на это не согласился и получил от него 1502 р⟨убля⟩ 40 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩. Этот неровный счет про-

изошел оттого, что он рублей с 300 отдал золотом. Остальные отдаст в воскресенье.— Мы приехали в 8-м часу вечера. Вера и Олинька обрадовались чрезвычайно, а Вера именно ждала маменьку с Машенькой. Узнав, что за полчаса до моего приезда был Самарин, я отправился к нему, но не застал его дома. В тот же вечер был у меня Зубов [3]. С ним мы покончили разные сенатские дела и решили, что некоторые журналы, где проекты резолюций задержаны самими сенаторами, будут подписаны мною по возвращении из Петербурга. Вчера поутру отправился я рыскать по городу: был у Чередеева [4], который еще никакой бумаги от Панина не получал, что, впрочем, меня задержать не может, и который пригласил меня нынче к себе обедать; поехал в Сенат, где передоложил некоторые дела, подписал бумаги и куда поеду опять нынче для получения аттестата и последнего жалованья, следующего мне за сентябрь м⟨еся⟩ц. Оттуда в почтамт, где нашел место в карете с легкой почтой, отправляющейся в четверг, в 6 часов вечера.— Раньше этого числа мест нет. Купил себе чемоданы и теплые сапоги, остригся и, возвращаясь домой, заехал опять к Самарину, которого застал дома. Самарину отдал я твое письмо, милый друг и брат Константин, и рассказал ему разговор с мельником о «жеребьях». Последнее ему очень пришлось по душе; относительно же платья, признавая всю важность твоего письма, он будет тебе отвечать особым письмом, которое просит послать не иначе как с оказией... Закревский, говорят, все делается неистовее и неистовее; я постараюсь разузнать в Петербурге, как «там» смотрят на платье [5]. Он сказал мне, что Свербеев изъявлял ему желание продолжать знакомство, давно уже хотел у меня быть и намерен повидаться с Константином, как скоро он приедет. Едучи домой, встретил я Дм⟨итрия⟩ Никол⟨аевича⟩ с дочерью на бульваре и раскланялся с ним. После обеда поехал к Павловым, но Ник⟨олая⟩ Фил⟨ипповича⟩ не застал дома, а Каролину Карл⟨овну⟩ нашел в коляске у своего подъезда, отправлявшеюся к нам, почему я вместе с нею и воротился домой. Дорогой она сказала мне, что Катер⟨ина⟩ Александровна скоро родит и что скоро, года через два, настанет уже серебряная свадьба Свербеевых и пр. Сидит она у нас, как возвещают приезд Андронова, к которому я вышел и от которого получил деньги; потом явился Мамонов, потом Дмитр⟨ий⟩ Никол⟨аевич⟩, во время отъезда Каролины Дело обошлось как нельзя лучше, безо всякого замешательства. Он немедленно спросил о здоровье Вашем и Константиновом. Я отвечал, что вы оба провели лето очень хорошо, здорово, в разных деревенских упражнениях и пр. Разговор завязался о Риге и т. п., о его статье или возражении на статью Самарина [6] и т. д. Наконец, видя, что Вера утомилась, я увел Свербеева и Мамонова к себе в комнату, где они просидели до половины 12-го и уехали. Свербеев звал меня к себе, потому что жена его хочет послать со мною письма. Он спросил меня, точно ли К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩ не скинет платья, ибо Шевырев очень убедительно просил об этом его, Дм⟨итрия⟩ Никол⟨аеви⟩ча, и Кат⟨ерину⟩ Ал⟨ександровн⟩у... Я сказал, что нет, что не решено еще, будет ли жить Конст⟨антин⟩ в Москве, что если он и будет жить в Москве, так при этом платье ему нельзя будет много посещать общество и пр.— Завтра поеду

к нему за письмами.— Зыков присылал человека с изъявлением желания вновь начать переговоры, но маменька еще не начала их [7]... Прощайте, мой милый отесинька, Константин и все остальные сестры. Будьте здоровы. В четверг напишу Вам еще. Теперь отправляюсь делать визиты сенаторам и знакомым. Самарин сказал мне, что я не имею теперь покуда права на мундир, ибо состою при м⟨инистерст⟩ве без штатной должности и могу представиться в вицмундире, что я и сделаю. Нынче вечером я у Львова [8], где соберутся наши, а в середу вечером приедет ко мне Самарин. Прощайте. Цалую Ваши ручки, милый отесинька, а всех прочих обнимаю.

Ваш *Ив. Акс.*

179

Понед<ельник> 11 окт<ября> 1848 г<ода>. П<етер>бург.

Наконец я в Петербурге, милые мои отесинька и маменька. Пишу к вам из квартиры Попова и пишу немного, ибо сейчас должен ехать. Петербург как-то дурно подействовал на мое расположение духа, дорога дала мне насморк, и я с радостью думаю о том, что скоро можно мне будет отсюда уехать... Мы ехали довольно тихо, часу в 11-м приехали в Петербург. Отправившись на двух извочиках с чемоданом и сумками отыскивать Попова, который живет далеко от почтамта, я наконец отыскал его. Можете себе представить, как он обрадовался! Он уже приготовил мне все нужные удобства, и я проболтал с ним часа два, как пришел случайно Багратион [1] и явился Оболенский [2], которому дали знать. Наконец мы с Поповым отправились к Ханыкову [3], которого не застали, потом к Надеждину, который очень обрадовался, но с которым я сам держу себя не в «абандоне» *. Он много спрашивал про вас, чиновник торчит в нем сквозь семинариста; так как у него кто-то был еще, то он и не хотел объясняться при нем о моем поручении [4], но он уверял Попова честным словом, что тут нет ничего противного нашим правилам и т. п. Он посоветовал мне явиться в департамент к вице-директору, ибо директора нет, да и министр болен [5], на даче. Поручение мое должно продолжиться не более 2-х м⟨есяц⟩ев. Министр сказал, что, принимая меня без жалованья, он обеспечивает меня этим поручением, при котором я получу вдвое больше. Но у него есть в виду для меня вакансия чиновника по особ⟨ым⟩ поручениям. Боясь, чтоб она не ушла, я, по совету Попова, отправляюсь сию минуту к Гагарину, который очень хорош с Перовским и который должен ему сообщить мое требование о месте и положительном жалованье.— От Надеждина пошли мы обедать в гостиницу, ибо было уже поздно; вечером же явились ко мне Багратион и Оболенский, так что у Над⟨ежды⟩ Тимоф⟨еевны⟩ я еще и не был. Прощайте, буду писать обстоятельнее, а теперь тороплюсь. Обнимаю и цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

Что же дом Пушневичевой? [6]

* Abandon (*фр.*). Не в «абандоне» — здесь в значении: холодно, настороженно.

180

Середа. 1848 г<од>. Окт<ябрь>. Петербург [1].

Наконец я могу сообщить вам кое-что положительное о своем отъезде, мои милые отесинька и маменька. В субботу или даже в пятницу я выезжаю из Петербурга в Москву, а из Москвы поеду на Киев, на Каменец-Подольск и в Хотин; оттуда проеду по всей границе до Измаила, из Измаила — в Кишинев. Пожалуйста, скажите Зенину, чтобы заготовил мне экипаж, если тарантас его не готов, и такой экипаж, который бы можно было на возвратном пути поставить на полозья. Предполагаю, что вы уже переехали в дом Пушневичевой, и письмо это адресую туда. Что сказать вам о себе? Покуда живу довольно хлопотливо и потому скучно. Почти каждый день у кого-нибудь из наших товарищей вечер по случаю моего приезда, и это наконец надоело. Третьего дня вечером был я у Веневитинова, который в воскресенье сам приезжал к Попову знакомиться со мной. Веневитинов, брат поэта [2], добрый малый и неглупый человек, сохранил в себе даже внешний вид москвича, приятель Хомякова и всею душою любящий Москву. Он женат на дочери гр⟨афа⟩ Виельгорского [3] и живет в одном доме с тестем и с гр⟨афом⟩ Соллогубом, женатым на другой дочери [4]. Там познакомился я со всей этой семьей, в которой все-таки лучшие существа — это женщины: гр⟨афиня⟩ Соллогуб и сама Веневитинова. Обе они, сочувствуя московскому направлению, каждый день с смешною добросовестностью учатся русскому языку, читают по церковно-славянски, русские песни и т. п. Конечно, все это еще не исторгает их из испорченности быта, все это является больше comme du luxe * среди этих нагло раззолоченных гостиных, но все же это может со временем отразиться на их детей, все же это похвально и лучше других занятий. Обе они очень набожны, очень скромны и женственны. Надобно отдать честь Попову: он, говоря постоянно по-русски, своею неподчиненностью петербургскому обществу заставляет их всех в присутствии своем вести разговор по-русски... Другого общества петербургского я не видал, но думаю, что Константин своим словом мог бы произвесть здесь большой эффект, если бы не был так беспощаден и ошеломляющ. Впрочем, повторяю, этот успех еще не затрогивает глубоко быта. По крайней мере, мы, москвичи-славянофилы, пользуемся здесь необыкновенным уважением. Но вы постоянно чувствуете себя несмесимым с петербургским обществом; вот почему, если б Попов и не был со мной коротко знаком в Москве, то встретился бы со мной здесь как с родным на чужбине; вот почему постоянно чувствуется вами одиночество. Читали там «Бродягу». Попов, уже в 4-й раз во время моего пребывания в Петербурге читающий его, ревнуя к чести Москвы, читал и в этот раз с великим старанием, и читал довольно хорошо. Восторг и успех был огромный. Но, скажу к своей чести, я почувствовал, как бессильны для меня эти невежественные хвалы! Мой суд строже их, лучше их всех понимаю я и требования искусства, и отношение моего произведения к языку

---

* Излишней роскошью (*фр.*).

и произведениям народным. Мое произведение только отрицательно русское, но самородка русской мысли и слова в нем нет! Я когда-нибудь напишу сам критику своего «Бродяги» [5], чтобы знали со временем, что я не обманывался насчет его будущей судьбы и того значения, которое со временем определит ему критика. А они покуда читают, перечитывают и переписывают «Бродягу» и вообще уже одним чтением приобретаются, сколько могут, московскому направлению, которое я после всякого чтения выставляю вперед, говоря, что ему я всем обязан и т. п. Но прощайте, милый отесинька и милая маменька, готовьте все к моему отъезду. Целую ваши ручки и обнимаю брата Константина и всех сестер. Будьте здоровы.

Ваш *Ив. Акс.*

181

Четверг. <Петербург> [1].

Вчера получил я письмо Ваше, милая маменька, и скоро думаю получить письмо и от Вас, мой милый отесинька. Впрочем, кажется, что недели через две, по крайней мере, я вас увижу проездом в Бессарабию. Скажите Зенину, чтобы он, если тарантас его не готов, немедленно изготовил бы мне другой экипаж и такой, который бы можно было поставить на полозья. Поручение мое не продлится более двух м‹еся›цев; придется возвращаться в генваре м‹еся›це... Писать так много, что нужно непременно разделить этот запас по предметам; сначала скажу о себе, о своем вступлении на службу и т. п. Я, слава богу, здоров, но не могу быть весел. Вы не поверите, какое тягостное впечатление производит на меня Петербург. Это оскорбительное великолепие, эти громады, воздвигнутые какою-то страшною, наглою силой, это отсутствие всякой религиозной физиономии, эта страшно развитая удобственность чисто материальных благ — все это давит, болезненно давит душу. Но что могло бы привести в отчаяние при некрепкой вере в судьбу России, это именно слышимое и чувствуемое присутствие какой-то страшной силы во всем развратном быте Петербурга. Теперь о службе. Для поручения бессарабского недоставало человека, и в это время получилась моя просьба. На это поручение и прочили меня с самого начала; с этою мыслию и принял меня министр. Хотя и имеется вакансия чин‹овника› по особ‹ым› поруч‹ениям›, но министр сказал, что он никого не назначает на это место, не испытав его предварительно и не познакомившись с ним лично, и потому назначил меня сначала состоящим при департаменте, без жалованья. Однако же Перовский сказал: «А как он назначается без жалованья, то мы его теперь обеспечим достаточно поручением». В понедельник я был у Надеждина уже один, и он передал мне содержание этого поручения. Во вторник поутру я ездил к министру на дачу, где он до сих пор еще живет по болезни. Перовский принял меня очень ласково, посадил, просил ознакомиться предварительно с вопросом во всех его частях и потом как можно скорее поспешать отъездом, но только хорошенько приготовившись, ибо мысль об этом поручении пришла им еще в августе, но исполнение ее было отложено до моего назначения, которое оттянулось до сего времени. Взвесив

хорошенько все, я нашел, что могу принять поручение и принял, тем более, что предмет его способен возбудить во мне самое живое сочувствие; но поручение секретное, и потому прошу вас всех держать это в секрете: гласность компрометировала бы не только самое дело, но и меня самого.— Условившись с Надеждиным приняться за работу через два дня, в продолжение которых я окончу визиты, нынче часов в 10 (утра) я отправляюсь к нему, прочту его книгу, и, словом, займусь делом... Вам, конечно, неприятна эта близость сношений с Надеждиным. Она для меня еще неприятнее, но я в отношениях своих к нему так самостоятелен, и он это так чувствует, что эта близость ровно ничего не значит. Надеждин старается, впрочем, выказать всячески свое усердие ко мне и к нашему семейству, здесь ратует против немцев и, рассказывают, недавно где-то разбил в пух Кавелина [2], защищая славянское направление... В течение этих дней был я три раза у Над⟨ежды⟩ Тимоф⟨еевны⟩: в понедельник поутру, в тот же день обедал и потом на другой день вечером, который, впрочем, у них кончается в 10 часов. Тетенька меня не вдруг узнала, а Машенька [3], услыхав шум и догадавшись, сейчас прибежала. Как она обрадовалась — вы можете себе представить! Она почти та же лицом, и мне было приятно ее видеть. Приятно, и жалко, и грустно. Она полна мучительной потребности познакомиться ближе с ходом мысли, совершившимся без нее, без ее участия, чувствует себя отсталою, отнесенною к прошедшему времени, слышит там, около себя, разрушение прежних прекрасных верований, заменявших ей веру и дело. А около нее ни единой души живой, сочувствующей. Она хотела, чтобы я ей все рассказал, но присутствие прочего семейства, с их пошлым или скучным разговором, мешало беспрестанно, и надо было видеть ее внутреннее нетерпение! Я сначала показал ей в перспективе картину противоположности нового с прежним, потом, на другой день, ввечеру, мне удалось поговорить с ней довольно много... Она, разумеется, готова принять, если не вдруг, так постепенно, все убеждения этой стороны [4]. По просьбе тетиньки, расспрашивавшей о наряде Константина, я принес ей дагерротип, взятый у Попова. Машенька ужаснулась, взглянув на него: до такой степени он не похож на прежнего, до такой степени суров и страшен показался ей вид [5]. Завтра, вероятно, я буду у них обедать и понесу Машеньке разные стихи и моего «Бродягу».— По случаю моего приезда начались вечера у моих товарищей, которые все мне много и искренно обрадовались, хотя и тяжелы для меня после 6-летней отвычки от них. В течение этого времени я, разумеется, пошел вперед, много «развился», как говорят обыкновенно, а они мало изменились... В этот свой приезд, однако же, я решился не знакомиться ни с кем из лиц петерб⟨ургского⟩ общества, т. е. ни с Карамзиными, ни с Вяземскими и желал бы даже и вовсе не быть с ними знакомыми, судя по тому, что мне порассказал Попов. Попов молодец. Не говорю уже об его участии ко мне, о его радушии, о его готовности сделать все для меня нужное: все это доказывает — как много значит в нынешнее время для человека единство нравственных и общественных убеждений. Одиночество в Петербурге его тяготит ужасно. Он поставил себя в отношении к Петербургу в постоянно воинственное положение, так что при нем не

смеют уже вообще касаться Москвы и его приятелей московских; всех заставляет он с собой говорить по-русски, и Смирнова передавала мне, как на него сердятся дамы, что он не постарается заняться французским языком для бо́льшего успеха в обществе. Впрочем, Попов очень редко выходит и больше остается дома, а на вечерах нигде долее 12. Он написал целый ряд преинтересных и прекрасных статей... Видел Фролова [6], ну да об нем писать не стоит, а расскажу при свидании. Был у Пинского, который, впрочем, принял меня довольно церемонно, буду у него еще раз по делу Черкасского [7]. Статья Константина не пропускается [8]. Я вчера читал письмо Срезневского к Попову об отзыве цензора Фрейганга [9], но еще решение цензурного комитета неизвестно... Денег мне присылать *решительно* не нужно. Я живу у Попова, обедаю где-нибудь у знакомых,— и денег тратить не на что; до сих пор купил одни калоши. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Буду, вероятно, писать вам в субботу. Здоровы ли вы? Очень, очень благодарю милую Олю и Веру за их письма. Переехали ли вы в Москву?

182

Воскресенье, 31 окт<ября>. Орел. 8 часов вечера.

С час тому назад, как приехал я сюда, милые мои отесинька и маменька. Тихо еду: почти двое суток в дороге и сделано всего 330 верст. Это еще по шоссе, а вот теперь начинается другая. Я выехал от вас в пятницу в погоду довольно хорошую, но эта тихая теплота разрешилась снегом, который и не переставал идти весь последующий день. Он, так сказать, бежал передо мной и спешил одеть всю природу белым цветом, так что моим глазам являлись всюду одни внешние рельефные стороны ландшафта. Впрочем, ничего и не являлось; при постоянном плеванье в глаза я опустил кожу сверху и таким образом продолжал путь. Но вечером погода приутихла, полупрояснилась, вылез месяц, и картина была действительно очаровательна; так взъехал я в Тулу часов в 9 вечера. В Туле мне дали другой тарантас до Орла, гораздо просторнее и покойнее. Ночью хватил сильнейший мороз, я думаю, градусов в 15, с ветром прямо в лицо; день был прехолодный, а ночью, верно, пойдет опять снег... Я проехал следующие города: Подольск, Серпухов, Тулу, Чернь, вовсе не похожий на город, Мценск и Орел. Орел производит очень тягостное впечатление. Город с пробелами: на каждом шагу пепелища от выгоревших кругом домов. Встреч никаких не было. В Мценске, на том же дворе, где я останавливался, происходил девичник или что-то вроде по случаю предстоящей свадьбы одной горожанки (мещанской девки) с дворником (содержателем постоялого двора где-то в селе). Меня предложили величать и повеличали. Песни поются все новые: все про голландское полотно да французские кружева. Обедал я в эти дни в Туле и Орле вечером, ибо благодаря маменьке запас для завтрака порядочный. В Туле из тульских вещей, бывших при гостинице, я ничего не купил, а здесь в Орле из тульских вещей купил пару карманных пистолетов для эффекта и для устрашения неприя-

телей одним видом дула,— за 4 целковых. Разумеется, я их не заряжал. Завтра к вечеру должен попасть в Курск. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, братья и сестры. Я бы написал вам гораздо больше, да глаза слипаются и через полчаса еду. На мой счет будьте совершенно покойны; будьте только вы поздоровее и пободрее. Прощайте, в Курске напишу еще; цалую ваши ручки, всех обнимаю.

Ваш *Ив. А.*

183

1848 г<од>. Ноября 2-го. Курск. Вторник.

Нынче, часу в 8-м утра добрался я до Курска, милые мои отесинька и маменька. Каково! От Орла до Курска всего 155 верст, и на это пространство употреблено столько времени, т. е. полторы сутки. Слава богу, я совершенно здоров, но трудно найти время сквернее для путешествия! За Орлом шоссе уже нет; вся взъерошенная поверхность земли покрылась слегка снегом, но мороз в этих местах не был достаточно силен, чтобы совершенно окаменить эту грязь и тем способствовать «накату». По 5 и по 6 часов делают одну станцию в 18 и 20 верст! Самая лучшая езда не по дороге, а где-нибудь целиком по полю! Самому бывает страшно оглянуться назад; не веришь, чтобы экипаж мог проехать, а лошади провезти по такой изуродованной земле. Если встретишь кого-нибудь на станции, так только и слышишь одни ругательства. Тарантас, взятый мною в Орле, чтобы ехать в нем до Курска, два раза ломался; два раза починка стоила мне несколько часов времени; наконец, видя, что он слишком тяжел по этой дороге, я поехал в простой телеге, приделав к ней кибиточный верх; телеги также раза два ломались, наконец, кибиток не хватило на станциях, и я ехал уже просто, без верху: прибавьте к этому сильный ветер с снегом прямо в лицо, мокрое платье, и вы поймете всю прелесть дороги. Я вам это пишу, во 1-х, потому, что мне это все, слава богу, нипочем; во 2-х, потому, что когда вы получите это письмо, то я уже буду находиться под благословенным небом юга и пр. и пр. и пр. Настоящее путешествие мое имеет только смысл средства, а само по себе не имеет никакой приятности. Эта проклятая зима все забелила одним цветом, всех загнала внутрь домов, всех мужчин и женщин одела в один нагольный безобразный тулуп... Еще сам не знаю, на чем поеду: в санях или в тарантасе: Студзинского[1] тракт продолжается до Харькова. Но решительно на обратном пути я решился избежать этого тракта: вдвое дороже прогоны, за тарантас платить особо, а выгоды ни малейшей! Задержки мне и так быть не могло бы, потому что у меня казенная подорожная.

Забыл вам написать, что Янковского более в Новоселках нет. Его перевели сортировщиком писем в Белев Тульской губернии, значит: повысили.

Что же касается до Курской божьей матери, то едва ли мне можно будет выполнить Ваше поручение[2], милая маменька. Почтовая станция, где я остановился, совершенно почти за городом, т. е. проехав весь город,

внизу под горой. Теперь все платье мое сушится, а опять подниматься на гору в такое время и при такой дороге, право, нет времени.

На некоторых станциях я заглядывал в Терещенко[3]. Драгоценностей пропасть, но Терещенко такой олух, что я советую почитать из него отесиньке: до такой степени он смешон! Впрочем, в то же время он человек почтенный за свою искреннюю любовь к русскому крестьянину. Прощайте. Может быть, черкну строчку из Харькова. Цалую ваши ручки, обнимаю всех.

И. А.

184

Четверг, 4 <ноября>. Харьков.

Нынче в ночь добрался я наконец до Харькова[1], милые мои отесинька и маменька, и как это было поздно ночью, то принужден был остаться переночевать здесь. Однако же через час времени намерен отправиться дальше в путь, на Полтаву, которая от Харькова всего в 138 в⟨ерстах⟩. Дорога от Курска до Харькова гораздо лучше предыдущих: оттого ли, что идет частию по пескам, частию по чернозему, оттого ли, наконец, что стало чувствительно теплее; подъезжая к Харькову, я нашел везде оттепель. Может быть, и у вас то же, но здесь это более к лицу. Обоянь, Ваш родной город, моя милая маменька, я проехал в 12-м ночи, когда он уже погружен был в крепкий сон, так что у станционного смотрителя не мог ничего узнать о Самбурских[2]. Зато Белгород я проехал в полдень, при солнечном освещении, в рыночное время, и он произвел на меня самое приятнейшее впечатление, чему причиною отчасти само солнце, которого я так давно не видал, и цвет зелени из-под стаявшего снега. Цвет на меня просто нервически действует. Вообще чувствую, что Малороссия произвела бы на меня самое благоприятное впечатление, если б я ее больше видел и ехал летом. Досадно, что на станциях везде уже изготовлены пристанища, т. е. пустые, прохладные, однообразные комнаты у станционных смотрителей, где и принужден останавливаться; так что до Харькова можно проехать, не услыхав почти малороссийского звука, ибо ямщик не то, что мужик. Зато, говорят мне с ужасом проезжающие господа, от Харькова вы не найдете таких пристанищ. А мне того-то и надобно! Встретился я на одной станции с каким-то богатым помещиком, г⟨осподи⟩ном Солощицом, воротившимся на днях из Парижа, настоящим французом или, лучше сказать, европейцем, едущим с великим комфортом иностранным, с каким-то молоденьким офицером и каким-то чужеземцем, говорящим не иначе как по-французски и с презрением немалым к России, за что я сему последнему дал маленький урок, разумеется, словами. — Харьков огромный город, славно и красиво отстроенный, с каким-то самостоятельным тоном. Много значит иметь в себе университет! Право. Прощайте, может быть, буду писать из Кременчуга, будьте здоровы, цалую ваши ручки.

Ваш *Ив. А.*

185

1848 г<од>. Ноября 10-го. Середа. Одесса [1].

Наконец я в Одессе! «От края моря Балтийского до края моря Евксинского»[2] шествие мое! И это еще не конец! Нынче в ночь или завтра поутру еду далее, в Бессарабию. Не знаю, скоро ли попаду в Кишинев; может быть, Аккерман или Бендеры задержат меня на несколько времени, а хотелось бы мне поскорее снабдиться сведениями о вас. Я приготовил было вам письмо во Кременчуге, но оно осталось непосланным по той причине, что почта в Москву отходила через пять дней, чего я прежде не знал.

Проехав с лишком 1500 верст, я, так сказать, физически, поневоле подвергся стольким наглядным впечатлениям, столько смотрел и видел глаз, столько поручила себе запомнить память, столько мыслей и замечаний проскакало в голове и сменилось вместе с перекладкой лошадей и поклажи из телеги в телегу, что я, право, и не знаю, как примусь теперь за подробный отчет всех этих дней. Надобно бы, чтоб отстоялась немного голова. Но ждать этого некогда. В Бессарабии я буду путешествовать медленнее, останавливаться в каждом городишке, в каждом значительном селении и намереваюсь вести дневник или просто писать вам письма, но теперь другое дело.—

Последнее письмо мое было из Харькова, где я ночевал. Мудрено у нас сказать что-нибудь о физиономии такого или другого города второстепенного; все они больше или меньше имеют физиономию казенную, сквозь которую редко пробивается самостоятельный характер города. Наружность Харькова не имеет ничего особенного: мощеные улицы, каменные здания пошлой архитектуры, магазины, училища и пр. К тому же я приехал ночью и оставил город утром. Но, кажется мне, что Харьков имеет внутреннее сильное значение для Малороссии, которая в нем централизуется, которая имеет в нем свой университет. Университет, конечно, плох, но хохлы, вероятно, ставят его выше всех других, и как тип хохлацкий, не сглаживаясь ничем на свете, делает их смешными в сравнении с москалями, то они, вероятно, очень рады, что этот тип находит себе здесь самостоятельное оправдание... Впрочем, в настоящее время эта самостоятельность значит только самостоятельное подражание, обезьянство Западу, а не Москве...

До Харькова от Курска я еще не мог заметить сильного преобладания малороссийского характера, но от Харькова к Полтаве и от Полтавы к Кременчугу — вот настоящая Хохландия! Несмотря на зимнее время и на то, что раз ночью хватил сильный мороз с великолепным северным сиянием, вы чувствуете, что здесь теплее, что здесь нежнее природа; мне полюбилась Малороссия даже зимой. Природа здесь как будто на своем месте, каждое дерево растет вволю, смотрит хозяином, у себя дома и раскидывается живописнее; чистые мазанки с садиками и огородами, хутора, разброшенные там и сям, обведенные красивыми плетнями, все это, даже зимой, так хорошо, так приветно! Правда, что в это время случились и солнечные дни, правда, что наши впечатления не могут быть совершенно чистыми и свободными от подготовок, от взглядов a priori, но как бы там

ни было, Малороссия произвела на меня приятное впечатление. Везде так и торчит Гоголь с своими «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Тут только вы почувствуете все достоинство, всю верность этих описаний, этой не столько внешней, сколько внутренней характеристики Малороссии, вполне передающей вам и внешнюю ее физиономию. В том-то и дело. Я часто думал по поводу своего «Алешки»[3], что описание внешней природы никогда не будет ни достаточно верно, ни достаточно подробно, но может скоро стать утомительным для читателя, а в 1-ой главе этот недостаток у меня есть, во 2-ой же главе его меньше.

Потянулись возы с волами, чумаки с их люльками, бритыми подбородками, несколько зверообразными лицами и тяжелой, медленно ленивой поступью, живые и красивые физиономии хохлуш и хохлачек в грязных рубашках и свитках: костюм, который, может быть, очень хорош в идеале и непривлекателен в будничной действительности, суровые, серьезные фигуры малороссиян с их неподвижностью и неговорливостью... Вот что попадалось мне на дороге и что я мог заметить, — остальное было предоставлено моим соображениям, догадкам. К несчастию, теперь уже везде есть станции или станционные дома для проезжающих, где две, три пустые, худо протопленные комнаты, с известным припасом печатных объявлений почтового начальства, заставляют путешественника торопиться отъездом. Я проехал более 60 станций и имел терпение выходить решительно на каждой; придешь, осмотришь комнаты, переглядишь все картинки по стенам, толкнешься, будто ненарочно, в кухню или в жилые комнаты смотрителя и редко, редко удастся поймать какое-нибудь живое, замечательное слово или завести любопытный разговор. Уже реже и реже встречаются портреты Багратиона и Бобелины[4]; другие странные сюжеты сменяют их, и преимущественно лица и сцены из Шатобрианова романа «Перуанские инки»[5]. Встреч посторонних проезжих со мной было мало. Раз встретил я двух гвардейских молодых офицеров, которые, быв в Киеве на службе и теперь возвращаясь в Петербург, поехали через Харьков, чтоб там дорогой покутить и повеселиться, что и исполнили и на что посвятили две недели. Коляска их сломалась, и они, дожидаясь на станции целый день, так обрадовались звону колокольчика, возвещавшему приезжего, что когда я вошел в комнату, то они встретили меня словами: «Милости просим, не хотите ли чаю» и т. п. Добрые малые, пустозвоны, укладывающиеся всем составом своим вполне в известный тип петербургского гвардейца; удивительно их счастливое невежество, их равнодушное незнание вопросов и задач своего времени, своей земли... И как много этих господ в России. Один из них успел намекнуть мне, указывая на золотое кольцо на пальце, что ему за промедление готовится в Петербурге «распеканция» и т. п. Бог с ними; разумеется, мы расстались друзьями, да еще какими!.. В другой раз нашел я на станции двух армейских молодых офицеров, ехавших на Кавказ по той причине, «что войны другой пока еще нигде нет, что европейская война, бог знает, еще когда будет, и что надо же им понюхать пороху и обкуриться, что военному человеку надо же что-нибудь делать!..» Разговаривая между собою и с каким-то старым помещиком, отставным гусаром, перебирали они знако-

мых своих, убитых на Кавказе, вспоминали славные подвиги славной войны, последней войны, когда люди еще верили в право, в законность и достоинство войны. Эти двое, конечно, стоят несравненно выше первых двух, хотя странно было слышать, что они говорят о войне как о каком-то самом законном и нормальном явлении. Война, война! Каким лучезарным сиянием славы и блеска окружили люди это страшное слово. О, как от многого надо отвыкать человечеству!.. К довершению картины скажу, что разговор этот был поздно ночью, часу в 3-м; на дворе было страшно холодно; морозная луна сверкала в окошко комнаты, освещенной всего одним сальным огарком, много наплывшим и сильно нуждавшимся в щипцах, которых не было и вместо которых явился извозчичий староста, одолживший два своих несгораемых пальца; я сидел в углу за самоваром, не принимая никакого участия в разговоре; жаль, что не узнал их фамилий: может быть, убьют их обоих на Кавказе!.. На одной станции нашел я за роскошным завтраком ехавшего в красивой карете с большим аппаратом помещика Солощица, месяца с три тому назад вернувшегося из Парижа. С ним был какой-то молодой офицер и какой-то артист-француз. Эти господа европейцы ехали с необыкновенным треском и блеском, en grands seigneurs*; сам Солощиц, впрочем, человек неглупый, но несколько скот. Француз изволил отзываться о России несколько с презрением, за что я его немного осадил.— На одной станции за Полтавой в одно время со мною была одна помещица с двумя дочерьми и сынком. Дочери — полтавские институтки (там есть институт). Полтавские институтки! следовательно, не утратившие своего выговора, своей мягкой речи нараспев, довольно приятных в женских устах. Об этом узнал я от станционного смотрителя; сам же видел их вскользь; они довольно миловидны и, проходя мимо меня, ввернули два-три слова по-французски. Сынок, отрок высокого роста, болван еще нежный, обещающий быть крепким болваном. Впрочем, я еще не решил: будет ли он деятельным болваном или пассивным, т. е. будет ли он бить свою жену или жена его будет бить; во всяком случае, кажется, он будет бить своих людей. Вот, кажется, все мои встречи. Перевалившись за Харьков, я, однако же, повторяю, почувствовал себя в Малороссии, в земле, где, кажется, мало сочувствия к Руси; несмотря на православие, на самую близкую связь, вы, однако же, не чувствуете себя дома; впрочем, это относится к нам; а русский человек везде похаживает незастенчиво, хозяином, и с необыкновенным чувством снисхождения признает права чужой народности. Это не относится также и к моему человеку — Никите. Кстати, о нем. Он усердный, хороший и честный человек, но весьма глуп, неграмотен, недогадлив, сонлив и смотрит обрубком дерева. Улыбка, производимая на лице его постоянно видом хохлов, разломила ему челюсти; увидав одного офицера, везомого на телеге парою волов, он хохотал во всю станцию в 25 верст; любимейшим его занятием было поддразнивать хохла-ямщика; к языку их он скоро применился, и с удивлением услыхал я в речи его употребление звательных падежей, сокращение глагольных форм и пр.!

---

* Как важные господа (*фр.*).

Первая станция за Харьковом Люботино, село из двух тысяч душ, частию помещичьих, частию казенных: казенные крестьяне, и поныне называющие себя казаками, действительно казаки, обращенные в крестьян. Село огромное и красивое; малороссийская деревня не имеет правильного характера русской деревни, где фасад стоит непременно на улице. Тут есть некоторые и помещичьи домики. Хотелось бы мне там побывать, много, вероятно, нашлось бы и старосветских помещиков, и Шпонек, и Григорьев Ивановичей[6], и молодых хохлацких барышень, стройных, гибких, красивых, неженных, мечтательных, словом, со всем тем, что хорошо в них от 16 до 20 лет и что потом делается несносным... Вы, может быть, скажете, что слова мои отзываются молодостью... Напрасно: я не примешиваю тут никакого личного интереса или чувства; я люблю видеть все это как явления жизни. — В Полтаву приехал я в снежную погоду; снег, впрочем, не остался долго, но помешал мне разглядеть Полтаву; сколько, однако же, я ее видел, могу сказать, что в ней мало замечательного. Малороссийские города состоят большею частью из мазанок, возведенных в звание домов. Кажется, есть хорошее одно место, где площадь обведена двумя рядами пирамидальных тополей, освещаемых фонарями... В Полтаве пробыл я недолго, пообедав только на станции, где буфет содержит какая-то немка. У этой немки есть хорошенькая дочка, уже помолвленная за какого-то еще довольно молодого станционного смотрителя; свадьба должна была совершиться дней через пять, и все они были сильно заняты изготовлением очень небогатого приданого. Жених — поляк, она — протестантка, и оба решились принять православную веру, должно быть, для бóльшего порядка и аккуратности в доме; приходил тут жид с разными товарами, и жених купил невесте табатерку с музыкой, к великому ее удовольствию. Он имеет в перспективе перейти с этой станции на лучшую; она имеет в перспективе... Что? Жить в деревне, отдельно от прочих ее жителей, жить, жить, отживать ежедневность! Странная жизнь этих станционных смотрителей. «Вам скучно здесь», — спросил я одного, еще нестарого, очень порядочного и даже получившего кое-какое, может быть, в уездном училище образование человека. «О, нет, — отвечал он, — на этой станции много проезжающих!..» А ведь эти проезжающие останавливаются на 10 минут только, и самое наполненное для него время тогда, когда что-нибудь заставит проезжего отночевать на станции...

Бодрее и деятельнее стало мое любопытство, когда я перевалил за Полтаву, когда оставил вправо Хороль и послышались имена казачьих городов и сел; я чувствовал себя весело и усердно кушал всюду борщ и свиное сало... Впрочем, настоящая казачья земля туда вправо, к Киевской губернии. Я всматривался в местность, в лица, старался воскресить в голове все это казачество, заметить следы того быта... Должно сознаться, что мирные обстоятельства, вероятно, еще более придали хохлу лени и неподвижности; нужны были ляхи и татары, чтобы расшевелить эту природу. К тому же хохол скрытен и недоверчив, особенно к москалю. Да, но ведь эта грубая фигура так, однако, способна к юмору, поет песни такой нежной художественности?.. Конечно, Запорожье было не все казачество и

составлялось не из одних хохлов, конечно, историческое положение имеет огромное влияние на их быт и характер, конечно, я даже и права судить об них не имею, проскакав только через Малороссию, но необходимо пристальнее вглядеться в это племя, чтоб ясно уразуметь в нем казака и — художника... Но что касается до костюмов, то они отличаются очень от наших: воротники стоячие, на голове большею частью решетиловская шапка[7], рубашка не такая и долгополых кафтанов не любят. — Здесь уже пошли большею частью *писаря* в станционных домах вместо смотрителей. «Писарь» — какая-то усвоенная нами принадлежность Малороссии; здесь также попадаются евреи и шинки... На одной станции однако же удалось мне разговориться с одним хохлом. Я спросил его про разные песни и обычаи, знает ли он «Щедрый вечер», «Добрый вечер» и многое другое, вычитанное мною дорогой у Терещенки?[8].. Оказалось, что знает, но говорит, что все уже выводится, что на вечерницы и для игр на улицы собираться им не велят, боясь от того беспорядков, спора, крика, шума и драки, что коляды[9] почти совсем затихли, ибо это грешно и делается накануне праздника в противность церковным уставам и пр. Последнее очень странно: не есть ли это влияние русского начала?.. Кстати, о Терещенке. Советую вам достать его; много тут сокровищ. Прочти, Константин, свадебный обряд в Вологодской губернии; чудо что такое; я не успел прочесть и десятой доли всего сочинения, но спасибо ему за это, хоть он и дурак, как изо всего видно... Сколько языческого во всех этих празднествах и обычаях! Да, наш народ принял христианство, как младенец; он не освятил его именем, как западные народы, диких, свирепых побуждений, не устроил во имя христианства нехристианские учреждения, но не переменил веселой стороны своего языческого быта. Владимир-князь обеспечил за ним питье вина, и народ, перекрестив крестным знамением священную языческую реку, переделав имя идола в имя какого-нибудь святого, продолжал прежние игры и веселья. Он не почувствовал их несовместимости с христианством, напротив, так сказать, он еще пригрел их теплом, пролившимся в быт от нового учения... Но строже и строже становится время; не может, не должен народ оставаться в этом состоянии бессознательного, цельного быта... Конечно, каждому отдельному лицу с первых годов христианства до последнего времени возможно было путем веры и труда освободиться от своего быта и достичь полного личного усовершенствования; но эту возможность сохранили для человечества, на эту возможность указывали только монастырь и пустыня... Долго, не смущаясь, продолжился этот беспечный быт, но время напирает. Нельзя же всем идти в монахи или удалиться в пустыни, да при этом куда бы девалась семья? Но где же она, эта граница примирения быта с требованиями религии?.. Под корень подрублена вера в жизнь, со всею ее красою, со всеми ее правами; повеял свежий редкий воздух, от которого замирает дух, где нет земной человеческой жизни. Надо жить, отвергая жизнь... Рушится быт повсюду; взамен тепла предложен воздух горних высот, где так страшно высоко; а так хорошо иногда бывало внизу!.. Конечно, еще далеко от этого преобразования, но уже вместилось в нас это убивающее жизнь понимание... Последние времена искусства пришли... Где ты,

Алешка[10], торопись жить, пока еще есть время; пусть еще пишутся стихи, покуда их слушают; скоро раздастся последняя лебединая песнь...

Однако ж таким образом я не доеду никогда до Кременчуга! Дело в том, что много мыслей скачет в голове, когда ночью, при звездном небе, несет вас тройка по гладкой степной дороге, в таком экипаже, в котором не совестно ехать, т. е. в телеге. Кстати, о телеге. От Харькова до Одессы (с лишком 600 верст) я ехал на перекладных в телеге и иногда в кибитке. Я так привык к телеге, что нахожу ее преспокойною, особенно когда сиденье устроено высоко. Подъезжая к Кременчугу, я на одной станции, по случаю переделки комнат, отправился пить чай к содержателю станции, еврею. Прекрасная собою еврейка поставила мне самовар; в хате у них было довольно опрятно; на окошке лежал талмуд и другие еврейские книги... Прислуги у них две хохлацкие девки; из них одна ходит за ребенком. Признаюсь, странно мне было видеть христианок в услужении у евреев, но они этим, кажется, нисколько не оскорблялись; одна из них беспрестанно играла с маленьким жидовенком и целовала его. Наш закон (гражданский) запрещает христианским слугам жить в одном помещении с евреями и, дозволяя служить им, не дозволяет ночевать у них в доме. Впрочем, это еврейское семейство вовсе не носило на себе противного жидовского колорита; я разговорился с евреем о коробочном сборе[11], он доказывал, что евреи должны иметь одинаковые права, что понятия, составленные об них, ложны; и когда я дал ему денег, разумеется, больше, нежели следовало, то он и жена его поблагодарили меня с таким достоинством, что я удивился, не узнав в них корыстолюбивых жидов... Ругательство над евреями мало-помалу выводится, как сами они мне сказали... Потом я уже видел много евреев всяких сословий, и торгующий еврей, фактор действительно похожий на общий жидовский тип, образовавшийся в наших понятиях. А как хороши еврейки! Изо всех азиатских лиц в их лицах всего более человеческого. В их чертах есть что-то задумчивое... Еврейских костюмов они не носят (за это берется особая дорогая пошлина), но женщины умеют как-то убрать головы так, что думаешь видеть Рахиль, подающую пить воду[12]... помните известную картинку. Они нисколько не дики и охотно разговаривают. Но не пугайтесь, не пленюсь я еврейкой, если вы способны еще опасаться за меня в этом отношении. Их красота не составляет, так сказать, личного достоинства человека, как у нас; это красота целого племени, в которой они не виноваты...

Наконец приехал я в Кременчуг, городок довольно большой, обстроенный и торговый. Он гораздо важнее Полтавы для края; население его разнообразно; торговля вся в руках жидов. Здесь остановился я на несколько времени, чтоб отобедать и собрать кое-какие сведения, нужные для меня. Тут есть и клуб и Собрание; здесь стоит штаб огромного корпуса, сюда приезжают помещики и помещицы с дочками, влюбляющимися в офицеров, и часто бывают свадьбы. Кстати, здесь, кажется, видел отрывок из простонародной свадьбы. Впереди шли музыканты, игравшие на гудках; потом несли ветвь с красным куском полотна; далее бабы, разряженные, разрумяненные, которые шли поючи и пляшучи. Здесь также много раскольников, принявших единоверие. Я хотел было выехать в

тот же день, но, по случаю сильного льда на Днепре, мост развели, а переправлять ночью не стали; надо было переночевать. На другой день столпилось у берега человек до 300 народу, ждавших перевоза. Лед продолжал идти; день был ясный; Днепр, правда, тут не очень широкий, синел быстрым током; на берегах шум, крик, гам, брань, давка, ломка экипажей. Все это продолжалось часа три, пока я переехал, наконец, на ту сторону... Отсюда начинаются херсонские степи и самый разнообразный сброд поселения. Тут уже мало русских, кроме некоторых ямщиков и некоторых переселенных деревень, сохранивших свой язык и костюм (Тульской, Орловской губернии). Но хутора эти или поселения имеют совсем другой характер; все они белые, неуклюжие, безлесные, выстроенные из дикого камня, которого здесь множество, и выбеленные глиной. Меня поразила одна деревня, населенная государственными крестьянами, переведенными сюда из малоземельных губерний. Они обвели у себя по окошечку в этих каменных хатах деревянными дощечками; в дереве более мягкости и жизни, оно приветнее! Здесь же нет дерева и топят всюду или соломой, или навозными кирпичами... Все принимает другую физиономию. Снега нет; зеленеет трава; бывает мороз, но в полдень такой ясный и теплый день, как у нас в начале сентября. Всюду степь, степь безграничная степь, зеленая, местами волнистая, та степь, что широко раскинулась,

К морю Черному
Понадвинулась! [13]

Реки встречаются нечасто; деревьев почти нет, разве искусственные сады с тополями. Дорога чудная, гладкая; земля большею частью чернозем. Эта степь лучше, теплее, отраднее наших восточных степей. Встречающиеся лица носят на себе отпечаток южной природы; даже русские, давно поселенные здесь, особенно женщины, получают другую физиономию. Здесь не человек порабощает себе природу, а природа человека; но она нежна и мягка, еще не паляща, не жгуча... Хорошо! Поселения встречаются как редкие оазисы в этом безбрежном пространстве. Никогда не было здесь оседлости, вы это чувствуете, да и как-то невозможна оседлость в степи! Эта страна искони служила только большой дорогой для целых народов. О, тут понятно казачество. Здесь и бродяжничество принимает совсем не тот характер, как в Астрахани; в нем что-то есть казачьего... Я воображал себе постоянно несущегося вихрем татарина или нагоняющего его казака... И границы этой степи — горы и море! Я ехал очень шибко, упиваясь впечатлением... Вспоминал я о Константине. Как бы хотелось мне, чтоб он потряссся вместе со мной в телеге[14], пронесся через эти роскошные, зеленые, теплые степи! Зазвучали татарские и греческие имена; впрочем, татар, чистых татар я не встречал... Раз ночью был сильный туман. Туман в степи — это море тумана!..

В Николаев прискакал я ночью. Это городок важный для здешнего края; в нем живет адмирал и штаб всего Черноморского флота. Если не ошибаюсь, так тут впадает Ингул в залив Буга, через который я переехал ночью при сильном ветре, на пароме с парусами. Меня перевезли только

потому, что я ехал по казенной надобности; расстояние — с лишком верста, но по случаю ветра — гораздо больше. Ехали очень долго (часа два), и я задремал под говор волн; на противоположном берегу сел я в телегу и отправился далее. Небо было неясно, дорога гладкая, и я заснул. Проснувшись от толчка, я поднял голову... Боже мой, как хорошо, что совершилось между тем на небе! Звезды так ярко и отчетливо сияли на темно-голубом небе, как я никогда не видывал. Свет их ярче, теплее; небо — не синего и не белесовато-голубого, но темно-голубого цвета; кроме звезд и созвездий, золотился красивый рог луны... Признаюсь, я уже начинал чувствовать в себе охлаждение к красотам месячной ночи; она уже не производила во мне, как бывало в первые года, грустной мечтательности; мне даже жаль бывало этих минут. Но красота этой ночи сильно меня растревожила не сладостью, но величавостью впечатлений.

И все эти впечатления должны были уступить другому, сильнейшему: я увидел море. Подъехав к Тилигулу, станции верст за сорок до Одессы, я уставился глазами в огромный, синий лиман. Лиманами называются озера или водоемы, оторванные от моря пересыпью, но некогда составлявшие с ним одну массу вод. Близко, близко море. Тут уже начинаются пески, наносная каменистая почва и подымаются горы. На лимане плавали дикие лебеди! В наших песнях так часто говорится про синее море, про белую лебедь, которых нет в северном краю, которых никогда и не видывал житель Московской или Владимирской губернии, что эти образы были мне как-то сродни, точно будто я имел на них какое-нибудь право. Все это намекает на наше южное происхождение. — От Тилигула дорога повернула к морю и потом вплоть до Одессы идет берегом, в виду моря. Я видел море в Петергофе, но Черное море лучше. Как хороша эта волнующаяся синяя масса, не плоскостью расстилающаяся перед вами, но идущая вверх. Ветер был несильный, но все на море принимает широкие размеры, и волны двигались величаво. Вдали белели паруса; Одесса виднеется верст за 30, опоясанная морем... Сизые горы, виднеющиеся вдали, прибрежные степи, убегающие далеко по суше, океан голубого неба и синее море... Все это так, так хорошо, что не хочет скудного описания. Все это было описано сотню раз, и хотя могли бы от меня требовать, по заведенному порядку, стихотворения на этот случай, но я не написал стихов. Чувствую, однако, что эти впечатления лягут во мне широким фундаментом для всякой будущей моей поэтической производительности... Кстати, «Бродяга» мой не дремлет, и хотя я не принимался за него, но он сильно спеет.

Во вторник, 9-го ноября, к вечеру приехал я в Одессу. Город поразил меня своею торговою деятельностью и своею совершенно оригинальною физиономиею. Море с лесом мачт, красивые улицы, обстроенные домами из дикого камня, без штукатурки, с плоскими кровлями, набережные, обсаженные деревьями, лоск и блеск европейской торговли, отсутствие тяготеющей власти — все это делает первое впечатление приятным. Не судите Одессу как русский город. Это разноплеменный рынок, где выгода соединила людей из разных мест в одно общество. Этот город — явление искусственное, но, однако же, не насильственное, как Петербург. Это го-

род, весь создавшийся из иностранных элементов, связанных довольно дружелюбно русским цементом. Космополиты и либералы — Дюк де Ришелье, граф Ланжерон и граф Воронцов [15] придали ему характер космополитизма. Торговле хорошо под сенью русской силы, и она мало заботится о внутреннем политическом состоянии России, а Одесса — вся торговля; другого деятельного начала в ней нет. Плохо будет Одессе, если отнимут у ней porto franco *, которое делает здешнюю жизнь очень дешевою. Здесь все дешево, исключая дров, которые, впрочем, заменяются углем, добываемом в Екатеринославской губернии. Вас поразит свобода, бесцеремонность даже в официальных сношениях, здесь царствующая: часовой стоит с ружьем и курит сигару, извозчик курит, благовоние табака всюду на улицах, чему я очень обрадовался. Разумеется, этот город не имеет в себе настоящего жизненного начала, никакой религиозной физиономии и со временем должен пасть; разумеется, в нравственном отношении он стоит ниже какой-нибудь Полтавы, но, во всяком случае, он очень занимателен и достоин любопытного взора. — Я остановился в «Новороссийской гостинице»; немедленно пообедал (N. B. рыба здесь очень вкусна и хороша, но я очень умерен в употреблении ее и фруктов; впрочем, холера здесь прекратилась), а потом явились ко мне факторы-жиды с предложениями разных услуг. Они, наконец, добились того, что я купил через них себе сигар 4 ящика, рубля в 3 серебром, халат персидский и еще коекакие вещи, но отказался от покупки экипажа и часов. Я нашел, что экипаж покупать мне невыгодно, во 1-х, потому, что он стоит дороже, чем я предполагал; во 2-х, потому, что я уже заказал себе тарантас. Что же касается до прочих вещей, то только сшитое и купленное для собственного употребления не подлежит пошлине при выезде из Одессы, так что я и не знаю, как вывезу я пять кашемировых, купленных мною платочков.— Весь этот вечер прошел у меня в разговоре с жидами об их коробочном сборе. На другой день отправился я, за отсутствием Федорова [17] (исправляющего должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора), к одесскому военному губернатору Ахлестышеву [18], но оказалось, что Федоров должен был в тот же день воротиться; Ахлестышев, человек совершенно русский, принял меня очень ласково, и я имел честь так ему понравиться, что он взял с меня слово отобедать у него во 2-ой мой приезд в Одессу (ибо я, может быть, из Кишинева заверну сюда опять). Потом был я у Вороновского, правителя генерал-губернаторской канцелярии, двоюродного брата Смирновой и Арнольди, про которого я много слышал от них. Он славный, испытавший бедность человек и честно проложивший сам себе дорогу; Федорова ожидали в тот же день, т. е. вчера, и я должен был его дождаться, чтоб вручить ему предписание министра; после шатания по магазинам, здесь великолепным, отвез кому следовало письма от Липранди [19] и Надеждина, был вечером в театре. Театр очень миленький, играют порядочно. Но строится новый, великолепный театр, который, вместе с предполагаемым газовым освещением, еще более скрасит Одессу. Наконец нынче поутру был я у Федорова, который также принял меня очень лю-

* Свободный порт [16] (*ит.*).

безно, долго и с усердием толковал о сельских магазинах в Бессарабии, подлежащих моей ревизии, и я с таковым же усердием слушал; он пригласил меня обедать к себе, что я и исполнил, и теперь пишу к вам, воротившись от него. Нынче вечером изготовятся нужные бумаги, и завтра поутру я выеду в Бессарабию. Суток через трое думаю попасть в Кишинев и найти там ваши письма...

Теперь Одесса почти пуста. В нее съезжаются на лето; в театре я не заметил ни одного лица; мужчины — почти все иностранцы. Все это должно скоро налечь на сердце тяжелою скукой, и жизни здесь постоянной я не понимаю; а все-таки впечатление ее легче, нежели впечатление Петербурга. Петербург громаднее, великолепнее, страшен силою средств своих, своею властью над Россией. Одесса же не имеет никакого политического значения, и ее жизнь так подходит к окружающей ее природе, что в ней больше естественности. Но прощайте, прощайте, пора кончить, я и сам устал. До следующего письма.

11-го ноября, четверг.

P. S. Вот какое я вам письмо отвалял, милые мои отесинька и маменька. Писал я вам из Орла, из Харькова и, кажется, из Курска. Получили ли вы мои письма? Если нет, так это очень жаль. Пожалуйста, поберегите письма, которые буду писать вам; дневника я, наверно, писать не буду, а постараюсь самим письмам дать приличную форму. Все свободное время в Одессе было у меня занято чтением книг и бумаг о Бессарабии и писанием письма к вам. Когда-то я получу от вас известие! Что вы, как вы? Устроились ли, наконец, в доме? Занялись ли Вы чем-нибудь, милый отесинька? Перешел ли Константин от сознания необходимости труда к самому труду? Что Вера и Олинька? С нетерпением стану ожидать ваших писем. — Вас, может быть, и утомит чтение зараз этого письма, тем более, что оно не довольно живо, и меня на каждом шагу отрывали, но нужды нет, вот вам занятие; возьмите у Александра [20] мою карту России и следите по ней мое путешествие. Я теперь отправляюсь в Бендеры. Я, слава богу, совершенно здоров, даже насморк и кашель прошли от дороги с ее толчками... Купил себе здесь халвы и рахат-лукума, но и он подлежит пошлине.

Сигары здесь иностранные также дороги и весьма плохи. Лучшие сорта отправляются в Петербург, прямо, мимо Одессы... Зато табак турецкий хорош, очень хорош! Но я не закупаю, во 1-х, потому, что дорога взяла много денег, во 2-х, потому, что возить с собою в тележке негде и скучно. Один платеж прогонов по этому тракту с тарантасом до Харькова (тарантас такой, какой вы видели, не лучше) стоил почти 150 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩; да на водку, да на еду — вышло довольно много, так что я теперь стал расчетливее. Впрочем, заказал себе дюжину голландских руб⟨ашек⟩. Полотно здесь очень дешево. Прощайте же, милые мои отесинька и маменька. Крепко обнимаю вас и целую ваши ручки. Будьте бодры и здоровы. Обнимаю брата Константина и всех сестер. Гришу с Софьей также. Им можно бы посылать мои письма с тем, чтоб они немедленно возвращали.

Константин! Пошли Надеждину свою драму [21].

186

Суббота. 1848 г<ода>. Ноября. Бендеры [1].

Здесь отражал герой безумный
Один, с толпою верных слуг
Турецкой рати натиск шумный
И бросил шляпу под бунчук! [2]

Вот я и в Бендерах! Только часа с два тому назад вступил я на бессарабскую землю, переправился через Днестр и теперь пишу к вам в маленькой, чисто выбеленной комнате, отведенной мне в квартире достопочтеннейшего городского старика еврея — Мордки Днестровского. Этот «городовой старик»... в каждом городе есть свой старожил, и он один из тех; слово это напоминает мне «городового козла»... Но я начну сначала, т. е. со времени моего выезда из Одессы.

Одессу оставил я часа в два пополудни, разумеется. Время было скверное: ветрено и изморозь, слегка убелившая степь и ее поблекшую зелень... До Бендер было всего 105 верст, но я не хотел приехать ночью, чтоб не будить городничего и не наделать тревоги, а потому решился ночевать на станции, верстах в 30 от Тирасполя, который сам всего в 12 верстах от Бендер... Дорогой ничего не мог заметить особенного, да и мудрено было; туман покрыл всю окрестность так, что в 10 шагах нельзя было различать предметы. Везли почти все хохлы и русские, пришедшие из своих губерний на выгодный промысел в Новороссийский край. Здесь очень хороши заработки, очень высока задельная плата, что объясняется недостатком рук... На дороге попадались мне немецкие колонии, чистые, опрятные, мирные. Сюда впущены все секты, здесь узаконено самое бродяжество, словом, приняты все меры, только чтоб как-нибудь населить край, и, конечно, нигде правительство так не настряпало много, как здесь... Оно настроило городов с греческими именами, снабдило их казенными зданиями и казенными учреждениями, устроило почтовые станции, дорогу и почтовую гоньбу, пригнало стаи чиновников и, надо сказать правду, вслед за правительством, под сенью русской силы, приходит себе сюда и русский человек, как во вновь приобретенный свой дом. Как бы там ни было, но, кажется, что земля, где Россия распорядилась таким образом, едва ли отторгнется от нее [3]. Молдаванскому движению в пользу соединения Молдавии, Валахии и Бессарабии в одно государство здесь сочувствия не было. Впрочем, я всего проехал только 12 верст по Бессарабии и могу вам передать только слышанное. — На пути от Тирасполя, маленького уездного городишки... здесь, впрочем, уездные города не похожи на наши: не сверкают кресты издали, не возвышаются кровли домов и купола церквей; здешний городок — ряд низеньких белых домиков, крытых черепицею, обведенных большею частью плетнем и иногда обсаженных тополями, с кучею наваленного на заднем дворе камыша вместо топлива. Итак, на пути от Тирасполя к Бендерам проехал я болгарскую колонию и встретил болгар, мало отличающихся зимним своим костюмом от наших, ибо все ходят в бараньих тулупах и бараньих шапках, но резко отличаю-

щихся физиономиею. Все они, равно и молдаване, попадавшиеся мне на дороге, довольно зверообразны, особенно последние: какие-то крепкие, налитые желчью и кровью лица. Но эта резкость мужских физиономий должна смягчаться в женских, которых я еще не видал. Переправившись через Днестр, реку довольно узенькую, но полноводную, по крайней мере, в этом месте, с каким-то чувством невольного почтению к историческому имени реки я увидал стоящую на бессарабском берегу Бендерскую крепость, верстах в двух от города; от него же в двух верстах — место, где был лагерь Карла XII, после побега из-под Полтавы [4]... Через несколько минут я достиг Бендер и приказал везть себя к городничему, которого встретил выезжающим из ворот и которому немедленно предъявил свой официальный характер. Мне тотчас же отвели квартиру у Мордки Днестровского. Хозяин мой старик 68 лет, очень бодрый и свежий, коренной житель города, сохраняет свой еврейский костюм, т. е. ермолку и черный долгополый немецкий кафтан, за что платит пошлину. Впрочем, немногие старики еще платят пошлину и жертвуют казне по 5 целковых или карбованцев за право носить ермолку, уступая привычке. Молодые, напротив, очень довольны тем, что сольются с господствующим племенем своим платьем и что еврей, одетый во фрак, уже не будет предметом указывания пальцем для мальчишек. Хозяйка моя, одесская еврейка, уже вторая жена Мордки, жаловалась мне, что предрассудок городских обывателей мешает ей вполне следовать французским модам и заставляет ее носить какое-то купеческое платье, т. е. обвязывать голову платком и т. п. Впрочем, хотя еврейки здесь все ходят уже в ненациональном платье, у них есть что-то особенное в обуви: они носят туфли... Вас поразит сначала их быстрое гортанное говоренье, с скорыми ужимками, на испорченном немецком языке, эти названия Мошка, Мордка, Берка, Шмоль, но к этому привыкаешь скоро. Народ они довольно гостеприимный и, право, кажется мне, ценящий доброе, человеческое с ними обращение... Дом моего хозяина постоянно служит местопребыванием приезжающих чиновников, а в зале у него стоит бильярд, на котором приходят играть городские жители, за что, разумеется, платят деньги... Я сейчас подружился с своими хозяевами, и они накормили меня, чем могли: сыром, рыбой соленой и молдаванским вином: нынче суббота, день, в который они не готовят кушанья, не варят, и потому другого съестного ничего и не было. В комнате, где я стоял, висят на стенах картинки из какого-то французского романа, из «Ромео и Юлии» [5] и, наконец, изображающие историю Эсфири, Амана и Мардохея [6]... Хозяйка показывала мне письма своего сына, молодого человека, студента в медицинском факультете Московского университета, и письма одной молодой жидовки-девушки, ее родственницы. Все письма по-русски!.. Сын даже, как видно, отлично владеет языком. Рассказывая про гулянье под Донским монастырем, он с восторгом говорит о том впечатлении, которое произвела на него христианская обитель, описывает богослужение, и по всему видно, что он совершенно готов принять христианскую веру, но боится огорчить мать; в таком же духе письма и молодой еврейки... Нет, пройдет еще десятка три или четыре лет, и большая часть евреев станут внутрь забора христианской церкви! Это будет не вследствие созна-

ния прежних заблуждений, не вследствие потребности Христова света, но вследствие малодушия, дряблости нравов, а отчасти — и потребности в других, в новых началах жизни. Неужели нужен прием гнилой европейской цивилизации, чтоб, разбив крепкую кору самостоятельности в народе, сделать его сосудом, доступным принятию спасительного учения, антидота [7] впущенного яда?..

Потребовав к себе чиновников думы и земское начальство, я обревизовал, что было нужно, заказал и получил полдюжины разных ведомостей и нынче отправляюсь смотреть один сельский магазин, верстах в 15 отсюда, ибо ревизия хлебных магазинов также на меня возложена... Бендеры, говорит новороссийский календарь на 1848 год, имеют 9830 душ обоего пола, два трактира и одну православную церковь. Население города составляют русские чиновники, евреи и старообрядцы, которые здесь называются часовниками и имеют в городе часовню; но здесь живет только один уставщик; для совершения же браков и других обрядов ездят в Измаил. Здесь также много молоканов [8], которых называют «немоляками», потому что они не молятся, не крестятся. Эти последние живут так скрытно, так тесно между собою, что даже никто из здешних жителей не знает их житья-бытья... Все свои обряды они совершают ночью. Их много здесь, но еще больше в Таврической губернии. Там появился у них однажды лжепророк, который обещал взлететь на небо и, может быть, сам себя уверил в том, подвязал себе крылья, стал на бочку и в присутствии всех говорил: «Вот полечу, вот полечу!» Я убежден, что он сам верил в это... Разумеется, он не полетел, бочка опрокинулась, и религиозное напряжение зрителей окончилось хохотом... Бóльшая часть сектантов придерживаются учения, не понимая его, из одного упорства, из бóльшей доверенности к авторитету своих собратий, нежели к авторитету православной церкви, принявшему официальный, правительственный характер. Откидывая простой путь религиозного умиления, предлагаемый обрядами нашей церкви, они не могут, однако же, довольствоваться холодным верованием, отвлеченным пониманьем и впадают не только в мистицизм, но в другую скверную крайность: производят в себе религиозные восторги физическими средствами, пляшут, кружатся, приходят в исступление, которое доводят до отвратительнейшего разврата... Бывают шалости у детей, за которые, без дальнейших околичностей, право, всего полезнее и спасительнее посечь. Признаться, приходит то же в голову, когда смотришь и на некоторые эти проделки! Тем более, что бóльшая часть не понимает, в чем дело. Я видел в здешнем остроге одну бабу, довольно скверной наружности, молоканку. Кажется, можно поручиться за нее, что отвлеченность молоканского учения ей недоступна...

В Бессарабии растительность гораздо сильнее, чем в других местах Новороссийского края, за исключением южного берега Крыма, и потому здесь домики большею частью имеют сады, но городок хуже любой деревни в Новороссийском же крае. Торговля весьма плоха...

187

Ноября 15-го. Кишинев. Понедельн<ик>.

Сутки провел я в Бендерах. На другой день поутру, в воскресенье, пошел к обедне; в церкви, слава богу, было довольно тесно, но молдаван (которые, как вам известно, одного вероисповедания с нами) зажиточных почти не было... Одежда их... странно, одежда крестьян почти совершенно русская, но есть что-то такое в способе ношения одежды, что сильно отличает их. Во 1-х, кушак. Они не носят его жгутом, но во всю ширину его, так что он бывает иногда вершков в 5 и 6 ширины, и как-то совершенно особенно его подвязывают. Шаровары бывают и в сапоги, и сверху сапог, но чаще сверху. Тулуп большею частью коротенький; волосы в кружок, но не ровный, как у нас, а идущий от верхушки лба к нижней части затылка, т. е. спереди волосы коротенькие, на висках длиннее, на ушах еще длиннее и т. д. Эти волосы обыкновенно закручиваются кверху. Впрочем, я рассказываю вам костюм молдаванских крестьян или царан; настоящего богатого молдаванского наряда я не видал... После обедни, закусив отличнейшею яичницей у хозяйки и распростившись с ними, я отправился к поселянскому стряпчему Шаховскому, который убедительно просил меня сделать ему эту честь и которому я посовестился отказать. С ним и с земским начальником (то же, что у нас исправник) должен был я ехать осматривать хлебный магазин в селении Телицах, а оттуда прямо проехать на станцию, куда велел я отправиться из Бендер и Никите [1] с багажом. Более в Бендерах мне нечего было делать; я был в остроге и похлопотал об освобождении одной арестантки из-под стражи, хоть это вовсе не входило в мою обязанность, собрал нужные сведения о евреях и сколько мог по другому предмету, нагрузился разными ведомостями и отправился. Поселянский стряпчий (здесь есть стряпчий для царан, поселенных на владельческих землях и состоящих в ведомстве м⟨инистерст⟩ва вн⟨утренних⟩ дел), старичок, лет 35 живущий в Бессарабии и десятка полтора лет собственно в Бендерах, угостил меня довольно скромным обедом и молдаванским вином. Вино это преотличное, необыкновенно мягко; его пьют стаканами, потому собственно, что воды здесь мало и та большею частью неприятного соленого вкуса; употребляют вино обыкновенно молодое и потому некрепкое. Цена ему 15 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩ око, т. е. 3 фунта... У поселянского стряпчего стоит дряхлый рояль, на котором 12-летняя дочь его разыгрывает разные танцы. Случилось как-то, что в Бендерах прожил несколько лет один фортепьянный мастер, уже оставивший было свое ремесло; его заставили давать уроки, и счастливое бендерское поколение этих годов будет знать музыке! Теперь его нет, и подрастающие девицы будут лишены этого знания... Наконец мы отправились в село по проселочной дороге... Природа в Бессарабии смотрит еще довольно дико... Почва хотя и плодоносна без удобрения, но довольно камениста: постоянно встречаете вы горы и крутые скалы; воды немного; чернолесье оживляет картины. Я так долго не видал лесу, что обрадовался здешнему... Бессарабия не то, что Новороссийский край. В ней есть туземцы, коренной православный народ: это молдаване, которые в свою очередь потомки римских

колоний; язык их очень близок к итальянскому и физиономии сродны; но население не соответствует количеству земли, но через эту страну прошло столько племен и народов, но турецкое владычество внесло сюда какой-то особенный элемент дикости, что это туземное начало не очень слышно... В Телицах нашел я волостное правление, где писарь, старый задунайский казак, ведет письмоводство в отличном порядке. Нигде магазины так хорошо не устроены, как здесь. И это понятно: здесь, в земле завоеванной, легче распоряжаться железной воле военного губернатора, чем у нас. Магазины полны хлебом всякого рода, и есть особенный амбар для кукурузы. Кукуруза может лежать без перемены хоть 10 лет; чем суше она, тем лучше. Бывает, что на одной шишке находится до 1000 зерен! Это любимый хлеб молдаван. Меня попотчевали, по моему желанию, их обыкновенной пищью: мамалыгой и овечьим сыром. Последний слишком пахнет овцой, но мамалыга вкусна и питательна. Она приготовляется очень скоро. Берут кукурузную муку, нальют горячей воды, замешают довольно густо, и все готово... Теперь о царанах.

Царане — это крестьяне, поселенные на владельческих землях. Помещики не имеют на них личных прав, и они сохраняют право перехода; живут они по условиям или контрактам, заключенным с помещиками. Где в имениях находятся сами помещики, там еще довольно хорошо; но здесь большая часть имений отдана в посессию [2]; во время завоевания бóльшая часть молдаванских бояр уехали в Молдавию и Валахию, отдав имения свои посессорам или арендаторам, которые подчиняли царан самым тягостным условиям. Правительство вступилось за царан и сделало нормальное положение (в 1834 г⟨оду⟩), которому должны были следовать все, не заключившие формальных договоров к известному сроку и, наконец, те, которые были недовольны (та или другая сторона) своими контрактами. При этом случае были они разделены на волости с устройством волостных правлений, с учреждением поселянских стряпчих и с подчинением ведомству министерства вн⟨утренних⟩ дел [3]. Не знаю уже почему, но в 1846 г⟨оду⟩ вышло новое нормальное положение, вероятно, внушенное богатыми владельцами и посессорами... Это положение в высшей степени стеснительно для царан. Напр⟨имер⟩, сказано, что царан, не имеющий волов, получает 3 фальчи (фальча — немножко поболее десятины), за что должен работать на помещика 12 урочных дней. В эти 12 дней обязан он, между прочим, сжать 16 пряжин [4]: это полагается в работу одного дня, но нет никакой физической возможности сжать это количество иначе, как в три дня. В этой пропорции и еще бóльшей понимайте все эти 12 дней. Народ чрезвычайно беден и терпелив. Об облегчениях рабочих классов в Галиции сюда еще не доходило. Может быть, другое в пограничных уездах. О царанах намерен я представить министерству критику на «Положение» 1846 года... [5]

Приехав в Цинцерени, я не нашел там своего человека, между тем как он должен был приехать туда часа за два до меня. Через полчаса приехал и он с объявлением, что у него пропали две моих кожаных подушки; говорит, что с телегой заехал он в харчевню пообедать, и в это время случилась пропажа. Этой глупости можно было ожидать от него, хотя я ему при-

казал сначала пообедать, но как бы там ни было, а это чрезвычайно мне было досадно. Во 1-х, я должен был ехать в телеге без подушек, во 2-х, должен покупать их вновь!.. Я не знаю, как это случилось, что, имея в виду хороших людей, я выбрал из них самого худшего, даже по видимости.

В Кишинев приехал я часов в 11 вечера. Здесь порядочных гостиниц нет, и ямщик привез меня к какому-то немцу, у которого довольно плохой номер, состоящий, впрочем, из трех комнаток, стоит 1 р⟨убль⟩ 25 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩ в сутки. Ночью был сильный мороз, и вообще я здесь зябну гораздо более, чем где-либо, ибо дома на летнем положении. Маленькая печка, даже не изразцовая — на 3 комнаты, какой-то итальянской архитектуры, с узенькими нишами...

Беспрестанно прерывают, то тот, то другой. Посылал на почту, говорят, что отходит нынче в 12 часов; а я должен идти в думу и в земский суд. С почты принесли мне только одно письмо ваше, милые мои отесинька и маменька! Странно. Слава богу, что вы здоровы и что у вас все идет хоть по-прежнему. Письмо ваше от 5 ноября, пятницы, через неделю после моего отъезда и в нем говорится про письмо, посланное «вчера». Прощайте, цалую ваши ручки, будьте здоровы. Письма свои буду продолжать так же, как начал, и на нынешней же неделе пошлю вам еще листа два или три. Обнимаю крепко Константина, Гришу и всех сестер с Софьей. Не дядя ли уж я? [6] Дай бог, чтоб эта их история кончилась благополучно. До следующей почты. Спешу. Вчера вечером (нынче уже вторник) писал, что бы вы думали?.. «Бродягу»!

Ваш *Ив. Аксаков.*

188

Кишинев. Середа. Ноября 16. 1848 г<ода>. № 3.

Я приехал в Кишинев ночью и остановился у какого-то немца в довольно плохом нумере, где сыро и холодно, хоть я заставляю топить по два раза, но топка такая гомеопатическая, что от нее мало толку. Поутру отправился в областное правление, в думу, отвез письма от Липранди к некоторым жителям, в том числе к Стурдзе, здешнему помещику и областному предводителю дворянства, брату писателя, живущего в Одессе, и приступил к ревизии... Официальным своим поручением я поневоле должен и много, и пристально заниматься, ибо противное привело бы жителей в сильнейшее недоумение. Впрочем, я надеюсь быть полезным министерству в этом отношении и представить две записки о евреях и о царанах.

Кишинев... обращаюсь опять к новороссийскому календарю — имеет до 40 т⟨ысяч⟩ душ обоего пола, 13 церквей, между которыми лучшая Соборная, окруженная прекрасным садом и бульваром, гимназию, разные училища, в том числе и еврейское, три частных пансиона, будто бы публичную библиотеку, фонтан, клуб и временный театр... Театра теперь нет: зимний сезон еще не начался, а потому нет и Собрания; в клубе я не был. Город очень пуст, и жизни в нем мало. Гуляющих почти не встречаешь; военного губернатора здесь нет (он в Одессе, где правит должность генерал-губернатора), и потому общество здешнее лишено главного пунк-

та своего соединения и деятельности... Но город довольно красив. — Лет 10 тому назад здесь была почти деревушка, а теперь он обстроен довольно хорошо, и так как характер здешних зданий имеет свою совершенно особенную физиономию (я говорю про здания в южном крае вообще) и не подчиняется этому строгому однообразию, то эта несколько насильственная обстройка города не производит на вас болезненного впечатления. Все другое выходит на юге! Все искупает здешняя природа! Я приехал зимой, следовательно, лишен был тех наслаждений, которые могло бы мне дать лето или весна, но чувствую, что бы это было!.. Поблекший лист еще держится на деревьях, сырость вступила в землю, но в полдень большею частью погода яснеет, солнце греет тепло и очаровательно освещает отдаленные горы с их обнаженными скалистыми вершинами и просторную зеленую покатость земли, идущую к ним от левого берега речки *Бык*... Дома здесь очень невысоки, все каменные, большею частью выбеленные, невелики, крыты черепицею, крыши также почти все плоские; роскоши никакой; в комнатах все очень просто и скромно, все невзыскательно; дома на летнем положении, и передних почти нет. Прислуга по бóльшей части женская... Досадно, что негде увидать мне здешнего общества и молдаванских бояр. Впрочем, их очень мало здесь. Коренные молдаване большею частью перешли в Молдавию. Молдавская аристократия, говорят, гораздо больше отуречилась, чем низшие классы; теперь же вся молодежь воспитывается в Вене или в Париже, так что образовался какой-то странный тип: итальяно-греко-славяно-турецко-французский!..

Ходил по базару. Все жиды и частию молдаване. Базар довольно суетлив, везде раздаются странные для русского уха звуки. Здешние жиды гораздо упорнее держатся своего глупого старонемецкого костюма; вам постоянно попадаются худощавые фигуры в ермолках, с пейсиками, с бородой козлиного устройства, в длиннополых кафтанах, с поясом, в чулках и туфлях. Напротив того, молдаване, кажется, вполне заслуживают название «тяжелых» и расположены к тучности. — Но физиономии молодых молдаван и ...

Постойте! Дайте отдохнуть. Целый день возился с евреями разных партий и до такой степени утомился от их скороговоренья, что даже клонит ко сну. А спать рано, да и письмо хочется окончить, ибо завтра еду осматривать магазины и едва ли ворочусь к субботе. Вероятно, в самую субботу я буду здесь, но не знаю, в котором часу; между тем не хочу пропустить почту, которая отходит в субботу. На чем же я остановился?.. Физиономии молодых молдаван и молдаванок довольно приятны; но последних я еще мало видел. Надеюсь увидать их в воскресенье в церкви... На базаре мало русских. Подскочил ко мне один мальчик и закидал меня гостинодворскими зазываньями. Это сиделец из русской лавки, торгующей «московскими, панскими товарами». Встретил я также двух, одетых в рубище, но не просивших милостыни, говоривших между собой довольно тихо по-русски; у одного какая-то тряпка на глазу. Замечательные рожи и русские, бьюсь об заклад, что это какие-нибудь бродяги или сектанты, какой-нибудь Павлушка Колобов или Кирсан Растегаев! [1].. Вчера я нанял извозчика (которые здесь и в Одессе ездят не иначе, как парой в пролетках

и берут, согласно узаконенной таксе, по 40 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ в час!) и спрашиваю его: «Ты русский?» — «Русский.» — «Давно ли здесь?» — «Лет 20.» — «Хорошо тебе здесь?» — «Очень хорошо.» — «Ты беглый?..» — «Беглый, ваше благородие!» Если б одна вера, религиозное убеждение заставляли их так легко покидать русскую землю — это бы еще ничего! А то просто выгода! И они переходят толпами в Турцию, под турецкое владычество и даже, как говорят, не знаю, правда ли, враждуют против русских. По крайней мере, в последнюю кампанию некрасовцы [2] и дунайские запорожцы, как иногда их здесь называют, действовали будто против русской армии...

Так как мое поручение касается евреев, то вы можете себе представить, как они все переполошились, не от страха, а от желания подать и дать выслушать свой голос. Вместо того, чтоб ревизовать в подробности думы, что было бы очень скучно, я затребовал официальные сведения о денежных с них сборах, собираю их мнения и взгляды. Дело в том, что в министерстве просто хаос в понятиях об них, толкуют, хлопочут и все не так. Здесь есть евреи-фанатики, сохранившие отличительную одежду, здесь же есть евреи, умеренные в своих требованиях, умные и чрезвычайно образованные, даже коротко знакомые с русскою литературою, евреи, заслуживающие всякого уважения. Но странное чувство производят они во мне; не могу выкинуть из головы мысли, что каждый еврей продолжает распинать Христа!.. Фанатики-евреи хотят таких привилегий, которых даже нет у русского мужика в наших губерниях, грозя тем, что в противном случае многие уйдут за границу. «Бог с вами», — думал я! Но умный народ! Здесь всмотрелся я в его внутреннюю крепкую организацию: разумеется, вся их крепость — не в обычаях, не в языке, нет, они в Польше поляки, в Германии немцы, в России русские, но она вся в религии!.. Как бы ни были они стеснены, но они крепко поддерживают друг друга; они, без пособия правительства, сами учреждают для себя госпитали, школы. Нынче они возили меня смотреть свое училище, которое приготовляет детей к поступлению в гимназию. Превосходно! Мальчики учатся по-русски, по-еврейски и по-немецки; я заставлял их писать под диктовку по-русски, говорить выученные ими наизусть разные русские стихи и «остался весьма доволен», но едва удержал от смеха свою важную физиономию, когда жидовята громко поздоровались со мною по-еврейски... Они боятся одного: принятия их под покровительство м⟨инистерст⟩ва народного просвещения, которое теперь принимает в свое заведование их обучение и устроило недавно в Житомире училище для образования раввинов! Это довольно забавно. Христиане хлопочут о том, чтоб образовать враждебное им духовенство. Добро бы с целью сделать их слугами русского правительства; нет, а, кажется, от простоты сердца! Для этого учредили с евреев особый сбор, назначенный для устройства подобных училищ, а они не хотят ни сбора, ни училищ казенных. Поэтому этот сбор почти весь в недоимке!.. Сами же они делают раскладку между собою, всегда справедливую, и никто на этот добровольный сбор не жалуется. Если б еще христиане брали что-нибудь себе из этих казною учреждаемых сборов, так было бы понятно. Нет, эти деньги назначены правительством в пользу

самих же евреев, и оно, впутавшись в это дело, настроило тут ужасную путаницу и бестолковщину и навязало себе тысячу хлопот бог знает из-за чего. Требуй оно только от них уплату податей и других повинностей и не вмешивайся в их внутреннюю организацию, дело было бы гораздо проще...

Нынче середа. Эти дни я все занимался с евреями, гулял по городу, писал вам письма и даже продолжал «Алешку» [3]. Хотелось бы мне кончить до своего возвращения первую часть и половину второй. Что касается до другого моего поручения, так оно идет своим порядком, без особенных хлопот с моей стороны, и некоторые евреи сообщили мне из чистого усердия многие любопытные сведения. Завтра поеду по Кишиневскому уезду и заеду в некоторые православные молдаванские монастыри; в субботу ворочусь; в воскресенье получу еще некоторые сведения и отправлюсь в Скуляны, а оттуда по верхней Бессарабии и в Хотин. Следите мое путешествие по карте...

Нынче зашел я обедать к здешнему ресторану. Там нашел трех молдаван-дворян: одного безбородого юношу — Кантакузена, другого — какого-то Спирю и третьего — которого фамилии не знаю. Все они говорят между собою по-французски и редко по-русски, — франты, бывавшие в Петербурге; народ довольно пустой. Я говорил с ними кой о чем и узнал, что язык их решительно не обработывается, литературы никакой нет, и все они гонятся за чужим, заемным блеском просвещения... Движение, бывшее в Валахии, не было народным движением[4] или внушенным чувством национальности. Кажется, это было простое подражание возникшей моде, жалкое старание воскресить какую-то бледную историческую тень! Поневоле приходится браться за науку, за ученые исторические книги, когда в жизни нет матерьяла для живой самостоятельности.

Здесь, в Бессарабии, жил Пушкин, много проказничал, имел две дуэли и написал много чудесных стихов, в том числе «Послание к Чаадаеву». Многие из здешних жителей его помнят.

Сия пустынная страна
Священна для души поэта,
Она Державиным воспета [5]
И славой Русскою полна! [6]

Однако ж это пустые фразы!

Прощайте, мои милые отесинька и маменька. От меня-то вы будете часто получать письма, да от вас-то я имею всего одно. Подчас бывает очень грустно: здесь чувствуешь себя как-то особенно одиноким! Будьте бодры и здоровы. Целую ваши ручки, обнимаю Константина, Гришу и всех сестер.

Ваш *И. А.*

189

1848 г<од>. Ноября 22-го. Скуляны.

Возьмите карту и отыщите на самой границе, верстах в 18-ти от Ясс, столицы Молдавии[1], на берегу Прута местечко Скуляны. Отсюда пишу я вам, но письмо, вероятно, пропутешествует со мною до Хотина. В послед-

ний раз я писал вам в середу, хотя письмо и отправлено в субботу. Вы знаете, что я должен был ехать осматривать магазины по Кишиневскому уезду. Итак, в четверг поутру отправился я вместе с земским начальником Ламбровичем в Яловены, село с магазином, в какой-то допотопной бричке... Ламбрович, умный и добрый человек, сам презамечательное лицо, которому как-то прилично быть в Бессарабии. Он родился в Смирне, от тамошних уроженцев, первоначально воспитывался там, потом в Петербурге, наконец, служил в военной службе и в турецкую кампанию, о которой рассказывал мне много прелюбопытных анекдотов, играл очень важную роль как человек, хорошо знающий турецкий язык и вполне знакомый с тамошними обычаями; он несколько раз был посылаем для переговоров с визирями и для убеждения турков к сдаче крепостей, имел полное право ожидать блистательного успеха по службе, но постоянное несчастие мешало ему. Например... Я рассказываю вам это потому, что удивительно иногда, каким сцеплением обстоятельств, какими случаями жизнь бывает совершенно манкирована, говоря в обыкновенном житейском смысле. Например: послали его уговаривать какого-то пашу сдать скорее крепость. Паша долго ломался, любовно беседуя с Ламбровичем по-турецки, наконец уступил и вынес ему ключи. В это самое время подъезжает начальник их штаба с каким-то офицером, удивляясь долгому невозвращению Ламбровича; тот показывает ему ключи. «Прекрасно, — говорит генерал, — отвезите же их скорее к главнокомандующему, а я останусь тут». Ламбрович поскакал. «Позвольте же, однако, любезнейший Иван Дмитриевич, — закричал генерал, — как же мне быть-то без переводчика; такой-то, отвезите Вы ключи, а мы примемся опять за пашу». Такой-то поехал, и когда привез главнокомандующему ключи, так он обнял его и поздравил его с следующим чином. В другой раз формуляра не выслали во-время, и за пропущением срока ему отказали в повышении. В третий раз его обошли после какого-то блистательного дела в пользу одного старика, которому надо было войти в милость, и в той надежде, что Ламбрович молод, дослужится! Наконец пришлось ему везти 20 знамен, отнятых у неприятеля, в главную квартиру. Корпусный командир и все товарищи заранее поздравляли его с наградою. Приехал он. Но у главнокомандующего были гости, какие-то важные лица, главнокомандующему было не до того, к тому же и поздно становилось; он велел оставить знамена, а офицеру ехать и кланяться их командиру. Ламбрович признавался мне, что, возвращаясь от него верхом в свои квартиры, поздно ночью, один, он всю дорогу проплакал, как ребенок... Может быть, вам все это и скучно читать, так как речь идет не обо мне, и в особенности Константину, но мои письма заменяют мне дневник, и я пишу в них все, что с внимательною охотой слушают мои уши... Скоро последовал мир, он женился и вышел в отставку, поселясь в Бессарабии, с грустным чувством неудавшейся жизни. Он честолюбив и до сих пор, а таким людям смешно было бы говорить о другом, высшем призвании человека! Жена его родилась от отца-немца и матери-польки в Грузии, воспитывалась в Петербурге, вышла замуж в Бессарабии!.. И здесь все так. Самые чиновники — какой-то сбродный народ и почти все говорят по-молдавански.

Сделав это маленькое отступление, возвращаюсь к Яловенам, т. е. возвращаюсь для того, чтоб опять отправиться дальше. Собственно про Яловены сказать нечего. — Село, как все здешние села, но сел-то здешних вы не знаете! — Здешняя природа, т. е. начиная от Кишиневского уезда по средней и даже верхней Бессарабии, носит совершенно особенный характер, мною еще не виданный, характер глуши и дикости. Местоположение здесь чрезвычайно гористое. Горы больше тех, которые видел я в Оренбургской губернии, и не так голы; они пространнее, шире, почти не прерываются, и как дорога шла бо́льшею частью по горе, то глаз мой обнимал далекий горизонт, целые линии гор за другими горами и горы над горами. Почти все покрыты зеленью, многие еще девственны, потому что ленивая рука молдавана не касалась их богатой почвы. Эти горы образуют широкие, большие долины, куда спускаются огромными зелеными ребрами и часто с обоих концов замыкают их ущельями. В этих-то долинах обыкновенно и размещены здешние деревни, разбросанные безо всякой правильности, без понятия об улице; белые хаты с темною, нависшею со всех сторон соломою вместо крыши не окружены деревьями, как в Малороссии; лесу здесь мало, но по горе иногда живописно рассеяны виноградники, которые в настоящее время, разумеется, не представляют никакого вида для глаз... Везде торчат колодези, не с колесом, но, как бы сказать, с коромыслом или быком, вот так: И у нас их много, но здесь они делаются особенно. Узкое горлушко земли обкладывается или высверленным жерновом, или камушками. Воды в Бессарабии также немного, и колодезь имеет здесь большое значение. Часто в самом глухом месте вы встречаете колодезь, сделанный молдаваном в память родителей или других, близких ему, на пользу проходящим. Хаты плетутся из камыша и обмазываются глиною, а потом белой известкой и всегда чисты внутри и снаружи. Это уже дело женщин, которые здесь гораздо трудолюбивее мужчин. Молдаван еще ленивее хохла. Избалованный неистощимым богатством почвы, он ни о чем не заботится, не думает о зиме, как у нас; почти все работы происходят на чистом воздухе, вне хаты... оттого-то она так и чиста. Молдаван, которому приходится только раз, не унаваживая, пройтись по земле сохою, и она родит что угодно, пашет только то пространство, которое ему нужно для ежегодного прокормления себя и своего семейства мамалыгой... Если есть зажиточные, так занимающиеся и другими промыслами. Но все могли бы быть вдесятеро богаче. Для хлеба сбыт за границу превосходный, и помещики здешние в последнее время это поняли. Рогатый скот, предпочитаемый по весу другим породам, покупается охотно в Австрии, куда перегнать его безделица, ибо корм даровой... Русские крестьяне, переселенные сюда, сделались богачами как раз, но дешевизна вина их губит: пьют отчаянно... Видя русского мужика, едущего ночью с возом, молдаван говорит: «Вот, какой дурак! Бог приказал работать днем, а ночью отдыхать, а он заповедей не слушает». Поутру он не выйдет из хаты на работу, не позавтракавши; дотянувшись в поле с своими волами, он ложится отдыхать; только что примется за работу, уж жена несет ему туда обед. Он останавливает

волов, распрягает их, обедает, наконец, после получаса работы считает нужным напоить волов; мальчик погонит волов, а он опять ложится, и все в таком роде. Это итальянская лень! Мудрено в них узнать потомков римлян! Всем домашним хозяйством занимается женщина; она помогает ему даже в полевых работах, одевает его, ткет ковры. Войдя в хату, вы удивитесь чистоте, порядку, даже вкусу. Всегда широкие лавки устланы коврами; к стене вместо спинки также приставлен ковер или вышитые подушки; в углу, на сундуке, почти до потолка лежат сложенные ковры и подушки, в чистых наволочках домашнего полотна; это приданое дочери; столы покрыты скатертью. Хата обыкновенно перегорожена стенкою, толщиною в 3 четверти аршина, с аркой в середине; тут устроена маленькая печь, куда вкладывается небольшая охапка щепок; дым нагревает всю стенку и вылетает в трубу слабой струей. У тех, кто побогаче, есть еще отделение для черновой работы и печь большего размера. На стене всегда какое-нибудь украшение, хоть из петушьих перьев; но ярлычка, содранного с банки помады Мусатова[2], приклеенного к стене, как видел я в некоторых наших избах, здесь я не встречал. Много значит и то, что здесь, как скоро сын подрастет, его тотчас отделяют и не живут большими семьями. Зато в этих чистых хатах живет самый грубый и глупый, нелепый, жалкий народ, способный вывести из терпения всякого привыкшего к уму русского мужика. В самом деле, ведь молдавану не нужно жить полгода в избе, топить печь полвозом дров, держать скот в тепле, возле себя; не 30 душ у него в хате... Но все-таки не мешало бы и русскому человеку жить не так свиновато; можно отнести клопа в угол, а не давить его на стене, как делают это не одни мужики. А женщина здесь лучше, художественнее, опрятнее. Впрочем, я не встретил ни одной красавицы; заметил только, что они вообще высоки ростом и очень стройны. Их одежда состоит или из юбки и рубашки с длинным прорезом в середине, стянутой крепко кушаком, часто с курткой, впрочем, не узкой, или же из обыкновенного платья, застегиваемого спереди, также с кушаком, голубым, красным, зеленым, и из широкого, большею частью шелкового (в праздники) шушуна[3], довольно короткого, иногда подбитого мехом... Голова обвязана, как и у нас, платочком, более или менее дорогим; волосы заплетаются на две косы. Праздничный мужской костюм богатых совершенно похож на поповские рясы, большею частью шелковые и подбиты мехом... Да, забыл рассказать еще образчик молдаванской лени. Когда вырастет кукуруза — стебель довольно высок, с человеческий рост, — то молдаван не срезывает ее, а ломает самые головки или кочаны; при ломанье выпадают, высыпаются зерна ⟨на⟩ землю; он затопчет их ногами и больше не сеет. Однако ж недостаток хлеба в эти года, происшедший от саранчи или от бездождия, пример русских и требования правительства о наполнении магазинов, необходимость снабжения наших войск фуражом заставили их быть несколько рачительнее и иногда косить траву. Жита, т. е. ржи и вообще озимого хлеба, они сеют только для магазинов и предпочитают нашему хлебу мамалыгу. Все это говорю я не о помещиках самих или посессорах, а о земледельцах.

Теперь вы несколько знакомы с домашним бытом молдаван; о его внешнем устройстве и значении я скажу после. — Итак, мы приехали в Яловены, всего 12 верст от Кишинева. Это селение резешское. Опять вам нужно объяснять, что такое резеши. Резешами называются однодворцы, не в смысле происхождения, но имеющие собственную землю, даже если б он имел ее на два аршина. В прежние времена господари наделяли иногда землею как: напр⟨имер⟩, на палец во все протяжение такой-то земли! По этому случаю происходят между ними тяжбы, ссоры и драки беспрерывно. Правительство, не уничтожая покуда этого раздробления, требует теперь, чтобы каждый участок и полоса были точно обозначены межеванием, которого еще здесь не было. Осмотрев магазин в Яловенах, мы переменили лошадей и поехали дальше... Вам, может быть, смешно вообразить, как я осматриваю хлебные запасы?.. С ненарушимой важностью принимаю я из рук головы, встречающего меня со всем своим штатом, или из рук выбираемого дворянством помещика-попечителя ведомость, немедленно поверяю ее по книгам, взлезаю на лестницу и осматриваю закрома, высыпаю из них несколько хлеба для освидетельствования его качества — словом, весьма важно. Как я довольно осторожен и предварительно потолковал с некоторыми, то удалось мне сделать несколько дельных замечаний. Без шуток, есть тут обстоятельство, о котором один попечитель подал, по моему требованию, на мое имя особую записку, и я надеюсь быть в этом им довольно полезен... Головы большею частью мало говорят по-русски, смотритель и крестьяне вовсе не знают, тем более что земская полиция вся говорит по-молдавански; но письмоводство официальное производится на русском языке волостным писарем... В Яловенах встретил меня также попечитель-помещик Александр Руссо. Здесь этой фамилии много и даже есть, кажется, Иваны Яковлевичи[4]. Разумеется, хлеба я не мерил, но распространил слух, что буду мерить, хоть один закром, где? неизвестно, и поэтому, конечно, все уже было в возможном порядке. Оттуда, через 20 верст, приехали мы в местечко Ганчешты, принадлежащее армянину Манук-бею. Отец его, украв казну у султана во время войны, еще при Александре[5], бежал в Россию, где получил за это чин статского советника, купил имение и жил хлебосолом. —

Осмотрев таким образом магазины в Ганчештах, где множество жидов, ведущих торговлю в околоте, в Лопушнях, также резешском имении, приехали мы вечером в Бужоры, и как осмотр должно было отложить до утра, то мы остались ночевать у помещика, поручика Кешке, одного из богатейших во всей Бессарабии. Кешке принял нас чрезвычайно гостеприимно; я же был рад этой оказии ближе взглянуть на домашний быт здешних жителей. При осмотре оказалось, что Кешке скот, весь — мясо. Это человек лет 40-а, служивший в военной службе, разумеется, одевающийся по-европейски, с огромнейшим брюхом, в разводе с женою и в ссоре с детьми, думающий только о приобретении денег и всею душою презирающий бедный простой класс народа. Несмотря на богатство, дом его не похож на наши дома: такой же низенький, также выбеленный, только попросторнее и почище. Он бранит Молдавию и Валахию и благодарит русское правительство за безопасность помещиков. — О политическом

положении Бессарабии в отношении к Молдавии и к Галиции поговорю после; теперь же хочу скорее докончить рассказ, начатый слишком подробно... У Кешке много крепостных цыган. Я уже не встречал в Бессарабии кочующих цыган; кочуют они еще в самой России, но кочеванье запрещено, а здесь исполнение строже. Этих свободных кочующих цыган приписали там, где застала их ревизия, и бóльшую часть сделали крепостными. Может быть, правительство, и предполагая со временем дать им свободу, думает в настоящее время через крепостное состояние вывести их из первобытного кочевого... Но они не пашут землю, не способны к этим работам и много беглых. Те же, которые остались, превращаются помещиками в кучеров, в поваров, в кузнецов, в слуг и т. п., к чему они склоннее молдаван. Смешно и жалко было мне видеть цыганского мальчика у Кешке, одетого в длинную, глупую ливрею и подающего нам чай, но сохранившего на лице яркую печать нездешней природы, с черными, как смоль, волосами, с вольнолюбивыми, быстрыми глазами... Вообще прислуга у здешних помещиков отвратительна. Бедно она содержится, в черном теле, с полным к ней презрением, грязно, нечисто. Правда, ее мало; молдаванские помещики не живут на широкую ногу, как наши, слишком расчетливы. Часто выписывают для прислуги расторопную малороссийскую девку, которая с босыми ногами, в грязной, часто мешком болтающейся рубашке и в свитке, бегает себе чернопяткой в кухню из гостиной, из гостиной в кухню и т. д. У Кешке отведывал я также молоко и масло буйволиц, слишком питательное, и овечьи сыры разных сортов, которые не пришлись мне по вкусу. Вообще здесь едят скверно, и хотя Бессарабия ведет торговлю скотом, но в ней порядочной говядины нет, ибо волов откармливают во время прогона. Несмотря на европеизм господина Кешке, шелк, ковры, подушки, стамбулки, табак и другие принадлежности веют на вас близостью азиатского быта. — На другой день, в пятницу, мы, осмотрев магазины, поехали далее, в Збирой.

Збирой на самом берегу Прута, на самой границе; имение помещичье, где помещиком или посессором, не помню, грек Ганапо. Так вот куда я доехал, к самой границе казавшегося бесконечным русского государства! Какое это странное чувство. Прут, очень и очень небольшая река, через которую летом во многих местах и курица может перейти, сдерживает здесь напор так далеко и широко раскинувшейся Руси! Противоположный берег — молдаванский: такие же издали белеют деревни, такой же язык, но там уже не то. Влияние русское легло на Бессарабию, на самый народ. Здесь, в этой пограничной области, сильнее, живее чувствуется благодетельная сень русской силы — и нет ни малейшего сочувствия. Много и здесь крестьянам основательных поводов к неудовольствию на помещиков, но он стал долготерпеливее и говорит только, что царь не знает их положения, что бояре его обманывают, но верят в расположение к ним царя, любят это отдаленное олицетворение силы и могущества единоверной с ними Руси. Православная Бессарабия с радостью перешла от магометанского ига к русскому владычеству, по крайней мере, народ; удивительное дело — вера, и как бы там государства не возились, но православные народы — будто кровные братья между собою. В Молдавии

мужики богаче, но молдаване, или собственно царане, не переходят туда, хотя нет ничего легче: кордоны (так называются квартиры пограничной стражи) стоят на версту и более в расстоянии друг от друга; ночью, в тумане, можно перейти скрытно целому полку! — Но оттуда часто приходят толпами селиться в России. На этом берегу было слышно, как возмутители ездили по деревням и возбуждали народ против помещиков, обещая свободу и хлеба; там поляки, главные виновники всего, откупили все корчмы и поджигали народ. Разумеется, здесь этого нельзя было сделать; этого уж не допустила бы и самая плохая земская полиция; но смешно было видеть, как, несмотря на все эти старания, только что русские войска перешли границу, простой народ, духовенство встретили их с крестом, с хлебом и солью. Одно только обидно им, что Россия не только позволяет этим православным землям платить дань турецкому султану, но поддерживает этот порядок. Меня уверяли многие молдаванские помещики, что цель произведенного восстания в Валахии[6] была освобождение их от турецкого ига и образование республики, без Бессарабии, под покровительством России; что для этого им необходимо было преобразовать свое внутреннее положение, что они надеялись, будто греки также с своей стороны восстанут и выгонят турков вон из Европы и что Россия им в этом не помешает. Может быть, многие думали это, но сильное участие в этом деле поляков заставляет предполагать и другое. Говорят также, что о Бессарабии выдумал сам молдавский господарь Стурдза[7], скот первой руки, грабитель и лихоимец. В Молдавии действительно готово было вспыхнуть восстание, не в пользу мечтаний воспитанной в Париже молодежи, но собственно против Стурдзы. Он предупредил это восстание и, чтобы ускорить прибытие русских войск, донес, будто восстание готовилось не собственно против него, но чтобы отторгнуть от России Бессарабию и пр... Некоторые здешние помещики, с глубокомысленною улыбкою и значительно покачивая головою, говорят, что когда Россия потребует уплаты военных издержек и заплатить будет нечем, так она приобретет себе Молдавию. Но это вздор. Впрочем, все утверждают, что Россия платит там чистыми деньгами за все: огромные запасы провианта беспрестанно отправляются туда из России; Лидерс занял одну сторону Бухареста; турецкие войска другую; производят следствие, и все хвалят снисходительность и умеренность Лидерса[8]. Часть русских войск стоит на Трансильванской границе и пугает венгерцев. Впрочем, если и возможно восстание в Бессарабии, так не против правительства, а против помещиков, которые здесь большею частью величайшие скоты. О запутанности положения и отношений крестьян к помещикам я вам напишу после. Само собою разумеется, что этому восстанию помогли бы здесь поляки... Странно, но случилось так, что здесь по всей границе, в карантинах и таможнях служит много поляков, за которых нельзя ручаться. В Новоселицу, на сухой австрийской границе, было подкинуто множество возмутительных книг, которые, впрочем, были собраны.

От Збироя до Неморены, от Неморены до Ворничени мы ехали почти все берегом Прута. Во многих местах берега покрыты густым камышом, теперь безвредным и по части комаров, и по части испарений. Ночевали

мы в Ворничени у посессора, мозыла. Мозылами называются также однодворцы, имеющие собственность, но считающие себя происходящими от дворянского сословия. Однако ж они подлежат телесному наказанию, впрочем, не иначе как по суду. Есть еще и бояринаши, происходящие от бояр, изъятые от телесного наказания, и рупташи, происходящие от духовного сословия. Этот мозыл ни слова не говорил по-русски, но весьма был осчастливлен моим приездом и всячески старался доказать свое гостеприимство, потчивая самодельным вином. Хата его такая же, как и у прочих крестьян, но несколько просторнее, чище и больше в ней ковров и подушек. Семейства его, впрочем, я не видал.

Осчастливив таким образом мозыла своим ночлегом, поутру отправился я с Ламбровичем далее, и по дороге в Сырец заехали мы в Киприанский монастырь. Монастырь этот со всеми своими угодьями принадлежит какому-то монастырю на Святой горе. Святогорские монастыри имеют здесь большие населенные поместья, которые отдают в посессию, иногда и сами управляют ими и еще хуже помещиков. Этот Киприанский монастырь чрезвычайно богат и имеет то, чего почти нет или очень мало в прочих местах Бессарабии: леса, из которых, впрочем, небольшая часть строевых. Разумеется, нет ни сосны, ни березы. Береза встречается только в Хотинском уезде. Архимандрита в монастыре не случилось; отец-эконом, болгарин, показывал мне церкви и здания. Церкви не стары, но чрезвычайно бедны как архитектурой, так и убранством. Внутри все голо, стены выбелены, и небольшой иконостас писан не древним письмом. Монахов немного; часть их прислана сюда от Святой горы, куда отсылаются почти все доходы с имения, отнятого было у них во времена турецкого владычества здешними экзархами[9], но возвращенного им при нынешнем государе. Я заметил одну особенность: клиросы и сиденье архимандриту устроены не лицом к царским дверям, а боком, друг против друга. — Осмотрев монастырь и отказавшись от угощения, я поспешил в Сырец. Ехали мы по хребту горы, внизу лежала глубокая долина, вся залитая туманом. Это было рано утром. Туман пытался подняться кверху, и любопытно было глядеть с горы на эти облачные волны, на это белое, туманное море, беспокоившееся внизу. Наконец, заглянувши в сырецкий магазин, насмотревшись вдоволь всяких сортов хлеба и кукурузы, добрались мы на несчастных обывательских лошадях в половине дня субботы в Кишинев. Там встретил меня соскучившийся Никита и, раздевая, спросил с своею улыбкою такого свойства, что на нее нельзя смотреть без смеха: «Когда мы уедем из этой жидовской стороны? Ходил по базару, все шмыгают жиды, никто по-русски не понимает...» Я его утешил тем, что завтра же мы отправимся дальше, в глубь Бессарабии, а он меня подлинно утешил, подав два ваших письма от 4-го ноября и от 8-го... (Продолжение впредь).

190

Новоселица. 27 ноября 1848 г<ода>. Суббота. Австрийская граница.

Вот откуда посылаю я вам письмо, милые мои отесинька и маменька! С прошедшей почтой я не успел написать вам и сам долго не буду иметь о вас известий. Вот уже неделя, как я кочую по проселочным дорогам, по разным деревням и местечкам Бессарабии, так что не могу сказать наверное, где тогда-то буду. Отправляясь из Кишинева, я даже не знал, в верхнюю или в нижнюю Бессарабию двинусь я, и потому не мог и распорядиться на почте и вашими письмами... Дорога, ночевка у помещиков, ревизия, новые лица, чиновники, знакомства на два часа, гостеприимство, отнимающее у гостя всякое свободное время, — все это даже утомило меня, и я хочу здесь остаться более суток, чтоб несколько привести в порядок и впечатления, и собранные матерьялы. К сожалению, почта отходит нынче отсюда в 12 часов, и я только что успел написать вам второй лист письма, а между тем меня дожидаются в магазине, да и пора мне к начальнику здешнего таможенного округа Кишкину, к которому имею письма. Отсюда отправлюсь разными проселками в Хотин, в Сороки, в Бельцы, в Орлев, может быть, даже загляну в Каменец-Подольск, который от Хотина в 20 верстах, и потом назад в Кишинев. Думаю, впрочем, что останусь в Бессарабии долее, чем предполагал... Где уже я не был! Вчера, подъезжая к Новоселице, лунным вечером, я думал, смотря на равнину, которую слабый лунный свет скрадывал и однообразил со всякими равнинами, я думал: где уж она мне не светила! Нынче тут, на границе Австрии, там на лугах Полтавы, в донских степях... В Скулянах, пограничном местечке, верстах в 18 от Ясс, столицы Молдавии, на Пруте (посмотрите карту) улучил я время и продолжал «Бродягу». Теперь приступил к самому трудному месту во всей поэме, к описанию барышни с садом[1]. Тут ужасно трудно соблюсти меру и дать понять эту барышню — вовсе не русскую красную девицу, — не выходя из общего тона поэмы...

Подробности моего путешествия вы получите с следующею почтой. Вам должно рассказать его за всю неделю, а это не безделица. Мне кажется иногда, что или от беспрерывного прерывания, или оттого, что уже года не те, но письма мои лишены уже прежней свежести впечатлений и должны быть иногда скучноваты, т. е. сами по себе, если не для вас. Прощайте, мои милые отесинька и маменька; пожалуйста, не беспокойтесь обо мне; я совершенно здоров, много вам и без того причин дум и беспокойств. Дай бог, чтоб все у вас было лучше и бодрее. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Будете писать Грише, обоймите его с Софьей за меня. Что они? Прощайте.

Ваш *Ив. Акс.*

191

Новоселица. 29 ноября 1848 г<ода>. Понедельник.

Итак, в субботу я воротился в Кишинев, где вечером опять занялся жидами и своим делом, т. е. «Алешкой»[1]. Все это так, урывками; все предметы моих занятий так разнородны, что память моя не успевает запоминать все

го, что нужно. Писал ли я вам о еврейском училище, куда меня пригласили евреи? Кажется, писал. Поутру жид принес мне заказанные ему две кожаные подушки; пришли опять разные лица, и часов в 12 в воскресенье я сел в телегу с Никитой и отправился по проселочной дороге в местечко Скуляны, осматривая по пути магазины. К вечеру я приехал в Волчинец, где должен был остановиться на ночь, ибо по проселкам ночью, на некованых обывательских лошадях трудно ехать, тем более, что я не умею объясняться по-молдавански, а наши возницы и каларецы (верховые) почти не понимали по-русски. В этот день погода была необыкновенно тепла; я ехал с большим удовольствием, начинало темнеть, и дикая гористая окрестность принимала неопределенный вид; впереди однообразно прыгало туловище передового, скакавшего перед нами верхом; только Никита во всю дорогу улыбался и покачивал головою, с чувством необыкновенного сожаления к молдаванской глупости. Заговорит ли кто по-молдавански, сам ли он заговорит с ними по-русски и его никто не понимает, — все для него предмет смеха, и потому улыбка не сходит с его лица... В Волчинце встретил меня попечитель магазина грек Сербинос, здешний дворянин, в молдаванском костюме. Я долго с ним сидел; он говорит по-русски, хотя не совсем чисто, но достаточно понятно, чтоб уразуметь в нем льстивого плута грека. Квартира была мне приготовлена в хате дьяконицы-вдовы, у которой сын, не говоривший ни слова по-русски, также здесь дьяконом. Когда я лег спать, так слышу, что мой Никита преспокойно растабарывает один по-русски и даже такое, чего вовсе рассказывать не следует. Я его немедленно призвал: «С кем ты там разговариваешь?» — «С дьяконом». — «Да он не понимает?» — «Не понимает». — «Так зачем?» — «Да он поподчивал меня ужином и сидит со мною, так я и стал говорить...» Приказав ему молчать, я полюбовался его наивною глупостью и подумал об этом человеке. Он дворовый помещика Татаринова, которому предан всею душой, и осуждает брата своего за намерение откупиться на волю. Я разговаривал с ним об этом предмете. Он даже и не понимает своих человеческих прав; если б это было христианское смирение, другое дело. Нет, он другого порядка вещей и не сознает. Его возражения какие: «Да кто ж бы стал барину делать то или другое, словом, исполнять какую-нибудь прихоть? Не самому же барину это делать; мы его крепостными родились» и пр. Он говорит, что когда барин дал ему паспорт, вследствие будто бы неудовольствий с экономкою, то это был для него величайший удар; с паспортом он сейчас определился к Депре[2], которого очень хвалит, но говорит, что все-таки ему было ужасно обидно там служить, потому что и за стол садятся не крестясь, да и выскакивают из-за стола во время обеда. Это последнее, должно быть, очень по нутру Константину. Вчера, раздевая меня на ночь, он, улыбаясь, сказал мне: «А я в прошедшую ночь во сне плакал: видел, что Вы здесь умерли». — «Отчего ж ты плакал?» — «Да я не знал, как мне быть с Вами здесь...» Я расхохотался этой причине и спросил его, как же он толкует этот сон. «Да это, дóлжно быть, Ваша смерть умерла». Выражение нелепое, но очень эффектное! Я, будто поверив этому, сейчас же так крепко и славно заснул, что даже ничего и не грезилось.

Поутру, в понедельник, как я проснулся, бушевала страшная погода. Сильный пронзительный ветер с дождем и крупою должен был подчивать нас прямо в лицо. Но делать нечего, отправились. Верстах в 5 дожидалась нас подмога, чтобы одолеть трудную, по понятиям молдаван, гору. Как дорога действительно была очень скользка, и молдаване, непривычные к лошадям, плохо правят, то я велел слезть молдавану, посадил кучером Никиту, хорошо знакомого с этим ремеслом. Ехали мы в крошечной тележке, запряженной четверкой (здесь оглоблей нет); к этим лошадям приставили еще 4 пары волов, гуськом, попарно, да с боков бежало человек 10 молдаван с разными дикими, нелепыми восклицаниями: «иги-ги»..., «гáйда», «гáйда» и пр. Гора вовсе не заслуживала таких хлопот, но я покорился и, несмотря на погоду, тешился этой картиной. Наконец приехали мы к корчме у столба Потемкина, где переменили лошадей. Здесь умер Потемкин, проезжая из Ясс[3]. О мыслях и впечатлениях, приличных к этому случаю, загляните, пожалуй, хоть в статью Надеждина[4]. Но в самом деле, надо же было случиться так, чтобы именно Потемкину умереть здесь, в таком пустынном и диком месте, на траве, под открытым небом! — Наконец к вечеру кое-как дотащились мы в Скуляны, где, за неимением свободных квартир, ибо все занято нашими войсками, остановился у головы, которому, впрочем, и заплатил за это. — Скуляны, местечко с центральным карантином и таможнею, населенное большею частью евреями, верстах в 18 от Ясс. Сюда господарь Стурдза, боясь восстания, присылал на сохранение сундуки свои с награбленным добром. Если Россия его не сменит, то это произведет очень невыгодное впечатление. Местечко довольно грязное, жиды теснятся как можно плотнее, ни у одного народа так население не возрастает, как у жидов. В Бессарабии с 1812 года их увеличилось в 10 раз. Здесь они ходят все в старонемецком костюме, с пейсиками и сильнее удерживают общий жидовский тип; живя на границе, они-то и ведут контрабанду и редко попадаются, потому что дружно стоят за себя. Во многих местечках видел я целый ряд домов жидовских под одною крышей, так что товар, в случае поисков, немедленно передается другому и т. д. Жидам недавно запрещено селиться на границе, но правительство благодушно позволило, однако, оставаться там евреям, уже получившим тут оседлость стародавнюю. Теперь эти стародавние жители не умирают, и под именем Шмоля существуют Лейбы и другие бесконечно. Это, впрочем, они заимствовали у раскольников здешних. Нет, лучше там, где нет евреев! Я бы позволил в самой России жить только купцам 1-ой и 2-ой гильдии, которые держат себя иначе. В Скулянах начальником центрального карантина некто Рожалин, уже 35 лет служащий в Бессарабии, хороший старик и служака, одинокий. Прошу покорно этак выжить лет 20 в Скулянах с жидами. Через его руки беспрестанно проходят теперь депеши на имя государя, которые он только окуривает и содержание которых не знает. Вообще удивительно, как мало здесь знают! Правда, сообщение с заграницею строго воспрещено, и чиновникам меньше, чем кому-либо, что известно, а торговцам, имеющим сообщения, нет решительно никакой нужды ни до чего, да к тому же они и невежи. Теперь, впрочем, там все спокойно. Действие карантинов до всех этих

происшествий было прекращено, ибо есть карантины в самой Валахии и Молдавии по турецкой границе, но когда турецкие войска вступили в Валахию[5], то и карантины возобновили. Без особого высочайшего повеления никому и паспорта не выдают за границу. — В Скулянах я писал вам письмо, но не успел отправить. Там пробыл я полторы сутки и в середу поехал далее, проселком же, осматривая сельские пограничные магазины. Замечательно, что почти в каждом селении, наполненном молдаванами, на самой границе живет по одному липовану: так называют здесь раскольников, но, впрочем, никто и не заботится здесь о том, что они тут делают, зачем живут... Нет, что бы ни говорили, а не одно только религиозное убеждение заставляет их покидать Русь. Многие из них, перейдя туда, ведут самую разгульную жизнь; окруженные немцами или турками, они охотно живут в земле неправославной; там им, конечно, свободнее; но там они домогаются, особенно в Австрии, гражданских прав не для веры только. Разве некрасовцы, которые все раскольники, перешли еще так давно тому назад от притеснений веры? Их выгнал туда казачий дух, который стало сокращать правительство. Всякий беглый каторжник, всякий скрывшийся вор делается раскольником, которые его прячут или передают за границу. Ну, пусть бы одни закоренелые уходили! Нет, они легко отторгают от церкви и прочих православных. Грамотей, бойкий мужик больше имеет авторитета для мужиков же, нежели всякий священник. Разумеется, для отвращения злых последствий раскола нужны другие, радикальные средства, а не насильственные или полицейские.

Когда я переменял в этот день лошадей в Валерусе, то посессор тамошний, грек Калистрати, служивший в русской службе, задержал меня наскоро приготовленным обедом. Этот грек живет в хате, такой же, как у всякого зажиточного мужика, и состоящей из двух комнаток. В одной помещается он сам, в другой его дочери; я видел младшую: старшая была где-то в гостях. Хотя она и гречанка и 16 лет, но не очень красива. Отец взял ее из пансиона, где было она начала воспитываться, «чтобы», как он выражается, «не отпускать ее из своих глаз». Какова жизнь! Отец, который занимается только выручением денег и который в некоторые минуты, судя по лицу, должен быть весьма свиреп; царане, с которыми у ней нет ничего общего, ни книг, ни занятий! Для полноты случая надлежало бы ей быть красавицей, ну да что же делать, она исправляла должность красавицы в моем воображении, и, с позволения отца, я подарил ей для чтения «Одесский альманах», где статья Надеждина и стихи Константина из Веделя[6]... Вечером приехал я в помещичье имение Болтино, где пригласил меня ночевать у себя помещик Бодарев. Несмотря на русское окончание фамилии, это настоящий молдаван. Он старик, холостяк, лет 65, ходит в молдаванском или почти турецком костюме, в феске и куртке, впрочем, говорит, хоть и не совсем хорошо, по-русски, зато знает по-турецки и по-гречески. Он рассказывал мне про военные кампании, в которых участвовал, сильно ненавидит турков, привязан к России, хоть и не совсем любит русское управление, бранит молдаванскую офранцузившуюся молодежь и очень гостеприимен. Я насилу вырвался от него поутру, и то он заставил взять съестного на дорогу. —

В четверг вечером добрался я до Липкан, местечка на Пруте, принадлежащего княгине Гика, с карантинной и таможенной заставами, населенного также больше евреями. Как тут остановиться негде, то Рожалин дал мне письмо к карантинному комиссару Алексееву, у которого я и остановился; посмотрел на жизнь липканцев и удивился, найдя здесь людей не только неглупых, но и не без образования. Общество состоит здесь из «трех таможенных и трех карантинных семейств», да сверх того из одного холостого капитана карантинной стражи с армейской любезностью и с огромнейшими рыжими усищами. Впрочем, дам здешних, за исключением комиссаровой жены, я не видал, зато все время пользовался мужскою беседой. Здесь есть доктор, худой, как скелет, бледный и ревностнейший католик и поляк. Газеты получают они из Петербурга, но и по газетам, и по слухам он следит политику шаг за шагом и, кажется, не без участия. Не подозревая его ни в каких дурных намерениях, я бы, однако, не держал его на самой границе, где, как я также заметил, случайно или нарочно служат у нас везде поляки. — Этот Алексеев хоть и не ученый человек, но страстный охотник раскапывать землю, и на необитаемом Змеином острове в Черном море, куда его посылали строить маяк, нашел тысяч 15 монет самых древних и множество вещей; за этот дар, сделанный им Одесскому «Обществу любителей древностей», получил он 3000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. На этом острову был, думают, храм Ахиллесу [7], и плаватели, проезжая мимо, бросали туда монеты. Он и теперь роется и здесь, и потому у него всяких монет и штучек много. Он подарил мне две: одну куколку египетскую, привезенную из Египта, а другую греческую, вырытую в земле на Змеином острове. Что за работа, что за изящество! Эта крошечная куколка из черного аспида представляет сидящую женщину, закутанную в покрывало. И какой резкой контраст с безобразием египетской куколки, изображающей, кажется, Изиду [8]... Я берегу эти куколки самым тщательным образом; они у меня в хлопчатой бумаге и даже в ящичке, хоть обе не выше вершка, но иногда все раскладываю и вынимаю, только чтоб полюбоваться этим живым памятником невозвратно прошедшего мира, мира искусства и красоты!.. Э-эх!.. — В пятницу отправился я уже почтовым трактом в Новоселицу. Дорога, хотя и ровная, но, по случаю вновь наступившего теплого времени, так распустилась с своею липкою грязью, что ехать было очень трудно. Но как я обрадовался, перейдя от молдаван к руснакам. Здесь, в этой части Хотинского уезда, бóльшая часть руснаки, те же, которые живут в Буковине и в Галиции; они говорят по-русски гораздо чище, чем малороссияне. Они смуглы, худощавы, черноволосы и носят длинные волосы, падающие на плечи; неурожай в здешнем уезде, беспорядок управления крестьянами, их неустроенное положение — все это привело их в крайнюю бедность. Обидно видеть, как за три целковых в год нанимаются они в услужение к жидам, которых тем не менее ругают между собой при всяком случае. На станции в Новоселице видел я целое руснакское семейство одного ямщика, с которым я поехал. Жена его, молодая женщина лет 20, русначка, такая красавица, какой я не видал еще, проехав всю Бессарабию. И они живут у жидов! Разумеется, я не поскупился на водку и иск-

ренно обрадовался, услыхав снова русский язык в устах народа! К вечеру приехал я в местечко Новоселицу, принадлежащее областному предводителю дворянства Стурдзе. Это чистое, прекрасно обстроенное местечко с таможнею находится в углу, где смыкаются три границы: молдавская, русская и австрийская. Один ров, в котором бежит ручеек, в аршин ширины, отделяет Россию от австрийских владений. Я остановился в гостинице у какого-то армянина. Поутру занялся писанием писем, а потом, осмотрев магазины, поехал к управляющему таможнею Кишкину, старому холостяку и славному человеку, к которому имел письма из Петербурга и от Стурдзы. — Я решился здесь прожить несколько времени, во 1-х, чтоб дождаться возвращения одного купца из-за границы, имеющего право на свободный проезд, и узнать у него, что делается в Черновцах, в Буковине, во 2-х, чтоб отдохнуть здесь несколько от беспрестанного кочеванья, привести в порядок впечатления и мысли. — Нынче вторник, и я думаю вечером отправиться дальше по сухой границе. Я могу сказать, что я был одной ногой в австрийских владениях. На мосту стоят две заставы: одна черно-желтая австрийская, другая наша. Третьего дня приехала австрийская почта, и почтальон, отдавая письма, передал слух, будто назначен новый император, молодой, а старый, сказал он по-польски, «отблагодарен за службу». Нынче узнаю, верно ли это. Сообщение официальное здесь незначительно; мелкие торговцы, жиды ничего порядочного и передать не умеют; руснаки, конечно, знают об облегчениях, сделанных в Галиции рабочему классу, крестьянам [9], но молчат и терпят. Здесь нет такой ненависти к помещикам, как в Галиции, где помещики поляки, однако же и здешнее положение крестьян таково, что надо бы заняться ими. Мне говорил один руснак, что там лучше. Нормальный контракт, изданный правительством для тех, кто не заключит добровольных условий, отнимает у крестьян почти всю землю, которою они владели по прежним обычаям, и оставляет им самое малое количество. Помещики, конечно, и не хотят заключать добровольных условий, а требуют введения нормального контракта. Крестьяне же не верят, чтоб это было от государя, а думают, что это все бояре сочинили, и противятся введению этого контракта [10]. Вместе с тем им дано было официально право перехода, и сначала это было просто переселение из места в место и гулянье по всей Бессарабии; но нигде не нашли они для себя выгодных условий, а только разорялись вконец. Как рассуждают здешние помещики? Вот что говорил мне кишиневский окружной предводитель дворянства Донич очень серьезно: отнимая землю у крестьян, мы делаем им величайшее благодеяние: чем меньше земли, тем более они будут ею дорожить, тем она ценнее, тем лучше будут ее обработывать!.. Но земли им дается столько, что и вовсе недостаточно!.. Кроме всего этого, здесь делаются неслыханные злоупотребления... Я всячески стараюсь собрать по этому предмету верные сведения, но для этого нужны были бы официальные ресурсы, которых я требовать не вправе... Какие, однако же, скоты эти помещики, да и не только в Бессарабии, и у нас в России!

Между тем я продолжаю писать и «Алешку» [11]. Ведь это в самом деле странно. Не писал ни строчки с июня м⟨еся⟩ца, а теперь, при дру-

гих важных занятиях, кочуя, пишу беспрестанно урывками то здесь, то там, на ночлегах! Не знаю, что выйдет из общего характера этих урывками писанных стихов. Трудное место, о котором я вам говорил, я кончил[12], и оно вышло хуже, чем мне хотелось; не знаю, передает ли оно вполне то впечатление, которое нужно. Думаю, не доехав до Кишинева, кончить совсем первую часть.

А все-таки от вас не имею я никаких известий! Письма, вероятно, дожидаются в Кишиневе. Хочу писать, чтоб их прислали в Бельцы. Что-то у вас делается? Привыкаете ли Вы к московской жизни, милый мой отесинька? Устроились ли Вы, милая маменька? Пользуйтесь хорошим расположением Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишет! Не надо, чтоб Константин разрушал в нем всякую веру в искусство[13]... Я вполне разделяю взгляд Константина, а все-таки счастлив, когда пишу. И часто приходит мне в голову: за что это бог дал мне эту преимущественную способность наслаждаться! Но зато порою бывает очень, очень тяжело. И здесь находила на меня тоска: мне казалось, что я так утомился этим постоянным наблюдением, которое само, без усилий наблюдает и видит все, этим знанием людей и механизма жизни. Может быть, впрочем, это было одно физическое утомление.

Прощайте, надо писать письма и в другие места. С следующею почтой, вероятно, опять буду писать, но наверное не знаю. Дай бог, чтоб у вас все было хорошо. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина, Гришу с Софьей и всех сестер. До субботы.

Ив. Аксаков.

P. S. Кланяюсь Арк⟨адию⟩ Т⟨имофеевичу⟩, Ан⟨не⟩ Степан⟨овне⟩ и всем знакомым. Что Мамонов, не обиделся ли? Где Анна Сев⟨астьяновна⟩?

Пожалуйста, с следующей почтой напишите Грише и попросите его, чтоб он немедленно приказал справиться в Уфе, в оренб⟨ургской⟩ гражданской палате: в каком положении находится дело о долгах князя Уранова? Какое было решение уездного суда относительно претензий Кишкина, как велико количество долгов, претензий и чьи они? Это можно все объявить, нисколько не нарушая канцелярской тайны. Если Грише не до того, так пусть дядя Аркадий потрудится написать к Чиркову[14].

192

1848 г<од>. Декабря 6-го. Сороки.

Вот уже откуда пишу я вам, милые мои отесинька и маменька. Кажется, в последний раз я писал вам из Новоселицы, а в этот промежуток времени успел обогнуть Бессарабию с другой стороны и побывать в Хотине. Из Новоселицы выехал я во вторник, помнится, в тот самый день, в который отправил вам письмо. Помню, что выехали мы в прекраснейшую погоду; вечер был теплый, мягкий; дорога грязная, это правда, но ровная, луговая; вез нас бестолковый молдаван, а лошади обывательские были невообразимо плохи; помню, что стало темнеть, мы въехали в лесок, и Никита начал просить у меня пороху для пистолетов, в чем я ему отказал, потому что ни пороху, ни пуль не было, да и нужды в них нет.

Слава богу, вот столько я проехал по России безо всякого оружия. Все мирно. «Куда это мы заехали с Вами, — говорил Никита, — ворон бы сюда костей наших не занес!» Опять выехали мы в поле, и все так смотрело, что, кажется, непременно должна была раздаться русская песнь. Она и раздалась. Никита не выдержал и запел, без моего приглашения, вполголоса. Напев русский, но я заставил его повторить слова и ужаснулся. Ничего не слыхал я безобразнее и нелепее: тут есть и распрекрасная Маша, которая грозит пистолетиком застрелить белую грудь, и распренесчастные мальчишки, и прочие цветки лакейской поэзии... А я чувствовал в себе или, по крайней мере, понимал то же самое вдохновение, которое испытывает русский ямщик, едущий по степи ночью на тройке, но, разумеется, лишен тех средств, тех выгод, которыми он обладает для выражения. Так досадно и грустно порою становится. Наконец поднялся сильный ветер, совершенно покрывший небо облаками, мы сбились с дороги, плутали при отчаянии Никиты и при совершеннейшем моем безучастии, но потом снова нашли дорогу и приехали в Грозенцы, имение подле границы генерала Руперта, где были встречены головою со всем штатом волостного правления и где отвели нам для ночлега довольно чистую избу. Там, потолковав с этою местною властью о хлебе, о магазинах, о нормальном контракте, о липованах (так называются здесь раскольники, а иногда и русские вообще, потому что большею частью приходящие сюда русские мужики — старообрядцы), я отпустил ее и сам занялся «Алешкой»[1]. Да, я забыл вам написать то, что мне рассказывал Никита: в Новоселице руснаки спрашивали его: «Правда ли, что, говорят, у нашего царя есть бумага от бога и что он часто ходит к богу на небо, и бог к нему ходит на землю?» — «Что же ты отвечал?» — спросил я Никиту. — «Да я им отвечал, что они дураки и что царь в таких же грехах ходит, как и мы!» Разумеется, я одобрил этот ответ, но вот вам образчик того, в каком виде является им их отдаленный повелитель! У руснаков и у молдаван уважение к нему беспредельное. Когда «Положением» 1834 года бессарабские крестьяне объявлены были свободными, с правом перехода и с обязанностью непременно заключать с помещиками добровольные письменные условия и договоры, тогда прежде всего последовало переселение народов. Каждый захотел попробовать этого права и производил это, разумеется, не соблюдая никаких формальностей, письменных же условий заключать не хотели, боясь бумаги, как огня, и предлагая одно словесное условие, по которому многие деревни живут и поныне, соблюдая его очень честно; но в большей части имений возникли споры, ссоры, и они никак не могли договориться. Тут бы следовало поступить согласно мнению Хомякова, т. е. дать посредников, учредить посреднические комиссии по обоюдному выбору, но сделано не так. Крестьяне говорили: пусть царь даст нам закон, как быть, как он скажет, так мы и будем. Царь и издал им условие как норму для тех, которые не заключат условий в известный срок, но они не поверили[2]. Увидав на печатных контрактах подпись покойного князя Васильчикова[3], они утверждают, что это сочинял писарь Василька, и не принимают контракта. Но я убежден, что если бы государь им лично приказал принять его, то они тотчас бы и безропотно

повиновались, несмотря на стеснительность этого контракта. Я, впрочем, не старался разрушать в них этого почитания; напротив, когда один руснак стал мне говорить, что за границей, т. е. в южной Галиции и в Буковине народ живет лучше, что там «панства не робят», что цесарь, т. е. австрийский император, запретил это, то я ему объяснил, что зато у тех за границей цесарь басурман, а у него царь православный и ходит в такую же церковь, как и он. Этот же руснак поставил меня в затруднение вопросом: правда ли, что он должен платить подати за своих трех умерших братьев. Надо было сказать, что правда, что до новой ревизии платят за выбылых и не платят за вновь родившихся. Кстати, о ревизии. Правительство теперь в большом затруднении. Все требуют новой ревизии: холера и разные бедствия столько истребили народу, что платить подати и отбывать разные повинности за выбылых становится тяжело, между тем и правительству слишком невыгодно в настоящее время ограничиться податьми только с наличных душ, ибо верно прибыли родившихся после ревизии 1834 года меньше, чем убыли. — Кажется, я написал вам много такого, о чем уже говорил в прежних письмах, но вы простите. Или память моя слабеет, или постоянное разнообразие мест, лиц, явлений, занятий сбивают меня с толку. Я бы, может быть, более бы занимался своевременным писанием к вам писем (т. е. писанием, а не отправкою), если б тут не подвернулся «Алешка». — Переночевав в Грозенцах, я на другой день поутру, осмотрев магазины, продолжал свой путь. Подул холодный ветер с карпатских гор, и погода сделалась скверною. По сухопутной границе часовые стоят почти на 5 верст друг от друга; хотя и есть объездчики, но контрабандные и липованские сношения совершаются беспрепятственно, липованские еще лучше, ибо у них есть своя стража. В нынешнем году письмоводитель хотинской градской думы, обокрав ее, бежал со всем семейством к ним за границу и, вероятно, будет там, в их Белой Кринице скоро пожалован в архиереи. Всякий беглый каторжник, всякий мошенник, скрывающийся от суда, делается сейчас липованом и пользуется всеми удобствами этого звания. Но переходя туда, русские раскольники, как мне известно, не ограничиваются одним спокойным, свободным отправлением своих обрядов и своего богослужения. Там, окруженные немцами, в земле, неравнодушной к политическому быту, они заражаются этим духом, доводя свои религиозные побуждения до значения политических вопросов. Конечно, тут виновато само правительство своими преследованиями. Но, скрываясь в катакомбах, христианская церковь была чиста и свята; преследуемые и гонимые, раскольники прибегают к нечистым средствам и живут бо́льшею частью развратно. Часто одна свобода совести, не препятствующая наклонности к этой свободной, не признающей никаких условий жизни, удерживает их в расколе. Есть секта одна, называемая акулиновщина, доходящая в минуты насильственно производимого исступления до неистовых мерзостей; сектанты толкуют, что в эти минуты исступления они состоят вне человеческого закона, а под благодатью, при которой никакие действия их не грешны! Каково. Напрасно думает правительство, отнимая попов у поповщинской секты, обратить их к соединению с православной церко-

вью. Правда, я знаю некоторые семейства, которые решились обратиться к православным священникам, только чтоб не жить развратно, но почти все другие, если не имеют возможности держать у себя тайно попа, становятся беспоповщинцами или хуже, ибо выходцев-попов из-за границы почти нет в России; они слишком боятся. Как тут быть. Предоставить им держать попов, как прежде?.. — Но русские их туземные попы были все или беглые священники, или мерзавцы расстриги, которые собственно подлежали преследованию правительства, но прежде находили какое-то странное, допускаемое правительством убежище в звании раскольничьего попа. Допустить им свободно пользоваться попами новой заграничной фабрикации? Это значит восстановить и удержать раскол, ибо свободное существование отдельной сектой, с свободой мысли и убеждений, против которых не властно ничего сделать правительство, просто приятно, оставив в стороне вопрос о внутреннем убеждении. Доказательств много: в Риге много их, носящих французскую бороду, не соблюдающих постов, ходящих в театр. К тому же влияние заграничных попов — не чисто религиозное, оно имеет в себе уже много политического... Я имел секретное сведение, что по Бессарабии разъезжает поп, но русский, из Черниговской губернии, и решился не хлопотать о его преследовании, хотя он, подлец, дерет с них страшные деньги за совершение обрядов. Пусть же он их совершит; пусть окрестит детей и обвенчает браком безбрачные четы. Впрочем, я поступил бы иначе с выходцем из-за границы; о, эти господа не простые сектанты: они австрийские подданные, обнемеченные раскольники! Я все-таки не могу переварить оставления своей родной земли, ибо не верю строгой искренности их убеждений. Терпи гонения, но живи свято, честно, а они живут не так. В Бессарабию много русских зашло еще со времен Петра, из стрельцов, потом сюда же и за границу перешло много казачества. Вот видите, однако, я совсем сбился в сторону и написал вам много такого, что вам должно хранить в строжайшем секрете.—

Проезжая по границе, я предлагал Никите бежать. Стоит перескочить ров в аршин шириною, и он уже там... Куда! и слышать не хочет. Дорогою я часто входил в положение жителей, которые в Хотинском уезде особенно бедны: совершенный неурожай и сильная холера постигли их. А магазины полны хлебом, и хлеб кушают не люди, а мыши! Ссуды хотя и дозволены законом, но производятся с такими затруднениями местным начальством, боящимся новой недоимки, что не приносят почти никакой пользы. Сколько от меня зависело, я старался это поправить. В Климковцах, имении помещика Головацкого, мне принес жалобу бедный мужик, у которого управляющий помещика, также польский дворянин Бóржек, загнал, едучи по помещичьей надобности, двух лошадей, совсем. Уже месяца два, как ни помещик, ни Боржек не хотят его удовлетворить. Как моя дорога в Хотин шла мимо последнего, то я решился к нему заехать, чтобы убедить его. Но все мои убеждения остались тщетны! Подлец просит судебного разбирательства, зная, что оно протянется 10 лет и что в мире грамотности он останется прав. В Хотине я настоял, чтоб немедленно занялись этим делом. — Наконец приехал я и в Хотин,

где мне отвели довольно чистую квартиру у одной старой вдовы, муж которой умер года два тому назад и пустой дом которой отбывает эту повинность. Впрочем, несмотря на это, я везде платил за постой, равно и прогонные деньги за обывательских лошадей. Последнее было жителям, кажется, в совершенную диковинку, и они бросались цаловать у меня руки и пóлу платья, по турецкому обычаю, не понимая своего права. Однако министерство не разочло, что я почти столько же должен был заплатить прогонных денег за эти разъезды, которых оно, впрочем, и сосчитать не могло, сколько за почтовые тракты... А извозчикам-то на водку, а на великодушие!

Хотин, вместе со всею Бессарабиею присоединенный к России, был прежде знаменитою крепостью [4] и теперь также имеет крепость. От турецкой цитадели остались одни развалины; город некрасивый — дома большею частью старые, еще турецкой постройки. Грязь в это время была непобедимая, погода скверная, и я не мог осмотреть его хорошо и по этой самой причине не поехал и в Каменец-Подольск, который всего 20 верст отсюда. Не хотел, правда, и времени терять, мне пуще всего желалось добраться скорее до Кишинева. Впрочем, я вынужден был пробыть в Хотине дня два с половиной и был там у одного только городничего, у которого нашел его племянницу, довольно жеманную барышню, которая меня уже давно знает, а я и теперь не знаю ее фамилии. Она жила в Астрахани в то время, когда я был там [5], я же в Астрахани не был знаком с обществом; потом жила в Москве и где-то меня видела, к тому же имеет и в Калуге много приятельниц [6]. Поболтавши с ней всякого вздору, чему, как отдохновению, я был очень рад, я приобрел еще сведение, что в Хотинском уезде барышни не называют свинью «свиньей», находя это слово неприличным, а вместо этого говорят очень нежно: «не рогатая». — В Хотине кончил я 3-го декабря 1-ую часть своего «Бродяги»! Принялся за вторую — что бог даст!.. В этом городе городничий и прокурор еще порядочные люди, но прочие чиновники решительные скоты. Я уже описал вам мою сцену с поселянским стряпчим, очень меня расстроившую. — В Хотинском же уезде много посессоров и помещиков поляков, подлых шляхтичей, и они-то вместе с посессорами — армянами и греками — сосут кровь из бедного народа. — Из Хотина я опять отправился проселком и на обывательских. Вечером завезли меня в дом помещика Кондака; его самого не случилось дома, и жена и дочь так захлопотались по случаю приезда столь именитого гостя, что я хотел бежать от их гостеприимства. Вот скука-то! Жена говорит плохо по-русски. Дочь, воспитавшаяся в каменец-подольском пансионе, да еще «образцовом» (в губернии других и не бывает), не дурна собою, т. е. хороша только своею 17-летнею молодостью; в пожилые лета обещает сделаться очень неприятно-некрасивою. Так эта дочь, которая, может быть, и мила в простом домашнем быту, нарядившись в лучшее свое платье и затянувшись в корсет, была невыносимо скучна для гостя, во 1-х, голодного, ибо он в этот день не съел ни куска хлеба, во 2-х, уставшего от подлейшей дороги и молдаванской телеги. «Да, нет, скажите как! Боже сохрани!» — последнее вовсе некстати, когда просто скажешь, что на дворе холодно, вот весь разговор. От

нечего делать я попросил ее поучить меня молдаванскому языку и узнал, что «кумы санататэ адулмноль востр» значит «как ваше здоровье», а «сара бун» — «добрая ночь»! И не понимают люди, что мне приятнее было бы остаться одному. Дочь училась и музыке, и рисованью, но, разумеется, окончивши воспитание, теперь не рисует, а книг и фортепьян в доме не водится. Предмет ее желаний — открытие зимних балов в Хотине, куда они иногда ездят и где в это время соберется вся офицерская молодежь, которой теперь по границе много, может быть, и наш Володя Самбурский [7], которого никак нигде не мог отыскать. Какова жизнь тут в деревне! Теперь она одна: братья и сестры воспитываются где-то вне дома. Есть один дядя, слепой с самого малолетства!.. Чуть начинает смеркаться, им кажется, что уже ночь. «Который час?» — спросил я эту дочь. «Не знаю, — отвечала она, — часы наши испортились, а уж должен быть час 10-й». На моих было всего 6, я посовестился это объявить и подумал, что мои часы врут, а оказалось впоследствии, что они верны. Наконец поспел желанный ужин, за которым эти добрые люди накормили меня жареным гусем и за которым хозяйка имела несчастие два раза так икнуть при госте, как я еще никогда не слыхивал, однако ж имел дух не показать даже и виду, что слышал. Кончился ужин, слава богу. Прощайте, прощайте, сара бун, сара бун, и куконна, и дудука! [8] Что же! К довершению всего положили меня спать в комнате, где было градусов 25 жару, да еще затопили на ночь печь, ибо добрейшая хозяйка все изъявляла мне опасения, что мне будет холодно, и не слушала моего разуверения; положили спать на каких-то пуховиках да на атласных подушках, вероятно, хранившихся со времени их свадьбы, да подо шелковым одеялом. Кончилось тем, что я в три часа совершенно проснулся и оделся, однако ж не хотел уехать, не сказав хозяйке доброго слова. Часа через два она явилась с дочерью, уверяя, что всегда так рано встают, что немудрено, когда ложатся в 7; я наговорил ей с три короба благодарностей и уехал. И действительно, нельзя не быть благодарным от души за доброту и радушие этих людей, но гостеприимство это тягостно. Никите очень понравилась барышня, а мне понравились две цыганки, которые прислуживали нам за ужином. Что это за красавицы, что за глаза, что за стройность безкорсетного стана! Они вместе с мужьями да еще с 5 душами цыган — крепостные люди хозяйки. Обидно видеть их крепостными. — От души пожелав девице Кондак мужа, который занял бы ее хозяйством по дому и воспитанием детей, тронулся я на обывательских клячах дальше и к обеду приехал в имение Казимира, помещика, к брату которого в Хотине имел письмо от Стурдзы, но не застал его в городе; там осматривал магазины и закусил у Казимира, одного из лучших людей в целой Бессарабии. Взяв на посессию одно имение, он произвел просто революцию в околотке: все крестьяне хотят перейти к нему, потому что им у него льготнее. Тут же встретил я помещика Немешевского, попечителя магазина и его шурина, которого уважаю за то, что он, решившись поступить совершенно в противность законному порядку, сделал большую пользу жителям по магазинной части. — К вечеру доплыл я до Оченицы, состоящей уже на почтовом тракте, чему я очень обрадовался. Есть возможность ехать

и шибче и ночью; бог с ними, с магазинами, осмотрел я их довольно, чтобы сделать заключение о их пользе, важности и значении в этом краю. Но не тут-то было. Почтовых лошадей дома не было, кроме ямщиков обратных, т. е. долженствующих (каково словечко!) воротиться порожняком на ту станцию, куда и я собирался ехать. Делать нечего, взял обывательских. Отъехал сто сажен: стали, ничего не берет! Я за ямщиков, не хотят везти, а у них 6 лошадей хороших и выкормленных. Уступивши моим убеждениям, эти хохлы пригласили меня обождать в корчме и напиться чаю, пока они изготовят лошадей. Я послушался; жидовская корчма была набита народом (день был воскресный); меня отвели в особую комнатку, рядом, где я должен был сдувать со стола остатки лука и чеснока. Известно, что лучшая пища жида — цибули; ото всякого еврея и еврейки так и несет этим запахом. Что же? Ямщики хотели улизнуть потихоньку одни, но я приказал их поймать; пришли они в корчму, где находилась вся громада, т. е. весь мир, все сельское общество, и поднялся шум и гвалт ужаснейший. Наконец я уже выскочил, приказал им всем молчать, ругнулся, как только мог, и приказал этим ямщикам, объявляя, впрочем, что беру на себя всю ответственность и плачу им на водку, таким тоном, что они уже беспрекословно повиновались и благополучно довезли меня до *Атаки*, имения князя Кантакузина. Это огромное местечко на берегу Днестра стоит против Могилева на Днестре. Вообще по Днестру местоположение чрезвычайно красивое; почва земли также плодородна, но очень камениста: целые скалы дикого камня. Поутру 6-го декабря я был уже в Сороках, недавно пожалованных в город. Это было местечко, купленное теперь правительством у помещика Катаржи. Там провел я сутки, остановившись в заездном доме у одного еврея, нигде не был, кроме ратуши, написал вам письмо в 7-м часу, в 12-м полдня поехал на почтовых в Бельцы, куда и дотащился уже на санях. 6-го декабря стала здесь зима, но санный путь еще весьма плох. Я вообще терпеть не могу зимы и зимней дороги, а здесь в Бессарабии она еще более неуместна; теперь стоят такие сильные морозы, градусов в 17 и более, что отнимают у человека всякую способность думать дорогой. Если даже вам и не холодно, так одно ожерелье заставляет держать голову неподвижно, чтоб не коснуться лицом этого ледяного украшения. Я стараюсь всегда ехать в крытой повозке, с будкой, как здесь говорят; к будке еще привязываю купленную мною в Москве, по совету Александра[9], кожу, которую и опускаю в случае дождя или ветра, или снега. — Бельцы, лучший город в Бессарабии после Кишинева, находится в средоточии области; здесь сходятся все почтовые тракты, существующие в Бессарабии. Город торговый, производящий торговлю с Молдавией и Австрией, преимущественно волами; но теперь, по случаю воспрещения торговли скотом с Австрией, все купцы чуть не полопались. Он также принадлежит помещику, фамилию забыл. Разумеется, жители очень желают, чтобы казна приобрела его, но помещик едва ли согласится продать. — Проночевав в Бельцах, я обедал на другой день у здешнего земского начальника Егунова, очень доброго человека, который, несмотря на свои скудные средства, дал всем своим детям хорошее воспитание; один из сыновей его, кончив курс в Московском

университете, идет по ученой части и печатает статьи в «Современнике» о русской торговле. Статей я не читал, но, кажется, по рассказам, этот юноша принадлежит совершенно к стороне Кавелина [10]. У Егунова обедали предводитель дворянства и некоторые помещики, все порядочные люди. — Распростившись с ними, я поехал дальше и ночью приехал в Орлев, также помещичий город княгини Гика, где остановился в заездном доме. Комната моя была рядом с корчмою, где в это время спали человек 30 жидов. Поутру, вставши, они почти все надели на себя какие-то белые с черными каймами покрывала, на голову навязали какой-то ящичек и принялись молиться, иногда совершенно закрываясь покрывалом. Молились довольно долго, каждый отдельно, вслух, и от этого происходил страшный неприятный шум. В Орлеве пробыл я недолго и в тот же день отправился в Кишинев, который всего 40 верст оттуда. Если б не случилось задержки в лошадях на станции, где я напоил чаем иззябнувшую экстра-почту, я бы приехал в Кишинев довольно рано, но теперь прибыл туда уже часов в 11 вечера. Как я обрадовался Кишиневу! Хотел остановиться в гостинице Никопольского — занято! В другой — также! Делать нечего, поехал опять к тому немцу, у которого стоял прежде, где и занял номер сырой и холодный: топил всю ночь; поужинал, напился чаю и на другой день ввечеру перешел в другой номер, опорожнившийся, сухой и теплый, где и теперь нахожусь. Итак, я приехал в Кишинев в четверг, 9-го декабря.

193

Суббота, 11-го декабря 1848 г<ода>. Утро [1].

Вчера здешний хозяин, к которому продолжали носить полученные без меня на мое имя письма, подал мне 4 письма. Я обрадовался, думал, что все от вас, но ваших писем было всего 2: одно от 15-го, другое от 22-го ноября. Посылал на почту справиться — нет ли еще? Говорят, что нет. Вы еще не получали моего письма из Одессы и беспокоитесь совершенно понапрасну. Слава богу, что Вы, милый отесинька, привыкаете хоть телом к московской жизни. Меня также беспокоит положение Гриши. Нетерпеливо хочу знать, чем все это кончится [2]. Свербеевское беру перо «я читал и совершенно согласен с Вами в мнении об нем»; хотел бы очень прочесть ответ Самарина [3], который, вероятно, теперь уже уехал из Москвы.— По какому же случаю сделал Погодин такой раут? [4] — Что касается до отдачи Осипа, то, как ни грустно это, все же лучше было ему, одинокому в мире человеку, понести эту тяжелую повинность, нежели семейному мужику. А всего лучше не иметь крепостных! Хотел бы знать, как вы решились с приездом тетеньки Над⟨ежды⟩ Тимоф⟨еевны⟩, боюсь, чтоб Вера не стала потом раскаяваться и грустить [5].— Странный народ женщины. Не способны покорно признать неминуемых законов жизни и времени! Впрочем, Вера больна, и ее решение благоразумно.

Как мне досадно и грустно, что Константин хандрит и ничего не делает! Он, которому столько дела! «Твой праздный день пред богом грешен, Душа призванью не верна!»[6] Повторяйте ему это. Эх, право, где же у че-

ловека воля?.. Если хандра происходит от неудовлетворенного самолюбия, от толчков тщеславию, так это нехорошо. Если она происходит от разрушенных надежд счастия, от убегающей милой стороны жизни, полной личных чувств и нежных ожиданий, так и этому надо покориться. Странные люди! Разве можно ожидать от жизни счастия, разве можно на нее смотреть иначе, как на широкое горе, как на постоянную борьбу. Где же мужество? Я давно отослал к черту все нежные требования сердца и сохранил их в своей памяти только для мира искусства... Если хандра происходит от религиозного направления... О, как надо остерегаться тогда этой грешной, праздной тоски!

— В Кишиневе, я думаю, мне придется остаться еще неделю, и потом я отправлюсь почтовым трактом в Леово, Кагул, Измаил, Килию и Аккерман, оттуда 35 верст до Одессы, где я захвачу свои рубашки и отправлюсь. Еще не решил, каким трактом. Если ехать на Киев, то выйдет больше времени, во 1-х, верст полтораста крюку; во 2-х, в Киеве же надо остаться сколько-нибудь, осмотреть его. Но зимой что за смотр. Тракт также не дешевле, ибо от Одессы до Киева и за Киевом несколько станций дольше — берут хоть не по 3 коп⟨ейки⟩ сер⟨ебром⟩ за версту, но $2^1/_2$... Я получил письмо от Унковского, где он извещает меня о помолвке своей старшей сестры за их двоюродного дядю, полковника Унковского, богатого и хорошего человека, совершенно по плечу их семейства[7]; я уже отвечал ему и предлагаю себя в шафера, если попаду на свадьбу, которая будет в генваре. Но теперь рассчитываю, что для этого нужно пробыть в Калуге дня два, а мне, чувствую, будет шибко хотеться скорее вернуться в Москву. К тому же по тракту из Калуги приходится также верст 70 платить по 3 коп⟨ейки⟩ серебр⟨ом⟩. Праздники, видно, я проведу где-нибудь в кочевке! И Новый год встречу также. Что же делать. Это очень скучно и грустно, но иначе нельзя... Прощайте, буду писать еще во вторник. Будьте здоровы, мои милые отесинька и маменька, целую ваши ручки, обнимаю крепко Константина с Гришей и всех сестер; дай бог, чтоб у вас все было лучше. Через месяц или несколько больше, бог даст, увидимся. Кланяюсь всем.

Ваш *Ив. Аксаков.*

194

Сороки, 7 декабря 1848 г<ода>.

С этими переездами и кочеваньем никак нельзя попасть ко времени, милые мои отесинька и маменька, и субботу я провел в дороге. Я писал вам, кажется, в последний раз из Новоселицы; с тех пор я, обогнув сухую границу Бессарабии, побывал в Хотине, а потом спустился по Днестру в Сороки. Сейчас еду в ратушу, а после краткой ревизии сажусь снова в телегу и дальше в Бельцы, куда я просил недавно письмом кишиневского почтмейстера переслать мои письма.— На этой неделе, впрочем, я и сам буду в Кишиневе. Пора, пора. Но по всему видно, что я не успею воротиться к праздникам в Москву, как бы ни хотелось. Вчера был ясный день, и у вас, вероятно, крепкий мороз, а здесь, напротив, тепло и нет снега, только

погода очень непостоянна и часто бывают теперь дожди, туманы, а хуже всего ветер. В Хотине кончил я совсем 1-ую часть «Бродяги»! Только не переписал. Не знаю, как вы найдете. Я должен был по ходу самой поэмы, по живости излагаемых обстоятельств, наконец, откинуть рифму и заговорить складом русской песни. Переход не только естествен, но внутренно логичен и необходим; как он исполнен и каковы эти речитативы — вот вопрос. Это ужасно трудно. Легче написать 5 т⟨ысяч⟩ стихов рифмованных, нежели 10 стихов нерифмованных. Кроме того, в русских песнях есть неправильность в размере, которая, однако же, не нарушает вполне размера, и уловить эту неправильность, сохранить границы, избежать аккуратной отделки позднейших песен, а между тем удержать и свой характер самобытности так, чтобы ваши стихи не походили на подражание,— вот задачи, мудреные в исполнении. Я боюсь, что испортил этим всю свою поэму, хотя знаю, что при хорошем выполнении это могло бы выйти очень хорошо... — Я теперь немного порасстроился, потому что должен был сердиться на двух чиновников,— и это меня немного сбило, но надеюсь, севши в телегу, попасть опять на колею и, пользуясь расположением духа, продолжать, продолжать поэму, не переписывая, пока не стану совсем... Все это, впрочем, не мешает мне заниматься своим делом, осматривать магазины, нюхать хлеб, слушать евреев. Слава богу, что мне не пришлось ни разу употребить данную мне власть и вообще выйти из тех границ, переступление которых становится тяжким и неприятным. В Хотине, пред самым отъездом, потребовал я к себе еще раз поселянского стряпчего, колл⟨ежского⟩ асессора же, кажется, Харжевского, который был у меня накануне по делам три раза. Я хотел еще раз поручить его вниманию дело одного бедного царана. Кончил, только вдруг этот стряпчий протягивает мне деньги; я сначала не понял и спрашиваю: «Что это?» — «На путевые издержки!» — «Кому?» — «Вам». Можете себе представить, как я взбесился. Я прощаю это бедному мужику, но чиновник, решившийся предложить взятку мне, значит, сам дерет немилосердно. «Вон, мерзавец!» — крикнул я что было силы и, вероятно, был очень страшен, потому что стряпчий убежал вон из сеней без галош и без шубы, в сенях же был голова и слышал, как я его выругал. Я, впрочем, настою, чтоб этому стряпчему велено было выйти в отставку, потому что все его действия всегда клонились не к защите, а ко вреду крестьян. Эта скотина меня совершенно сбила с колеи, и я долго не мог наладиться; здесь же должен был посердиться на исправника, который не захотел было явиться ко мне, потому что он полковник по армии, а я коллежский асессор, однако ж я его заставил явиться, написав ему строгую бумагу с препровождением министерского открытого листа, который сам по себе, относительно земских полиций, не есть секрет, ибо в нем вообще говорится о всяком содействии. Прощайте, мои милые отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

195

1848 г<од>. Декабря 14-го. Вторник. Кишинев.

В расписании сказано, что почта отходит в середу, а в почтовой конторе говорят, что во вторник. От вас, милые мои отесинька и маменька, я в это время не получал писем. Последнее ваше письмо от 22 ноября... Сейчас принесли письмо от 28-го. Слава богу! Вы наконец получили мое письмо от Одессы и несколько успокоились. Все, что говорит Коля Карташевский о климате Бессарабии, вздор [1]. Он, конечно, вреден для тех, которые неумеренно едят фрукты и рыбу, да и то летом. Теперь же такое время года, что и фруктов нет, да и испарений также. Несмотря на то, что Бессарабия покрыта виноградниками, здесь теперь вы не найдете винограда; почти весь употребляется на вино, которое здесь пьют, как воду.— Цыганка эта, про которую, впрочем, я не слыхал, живет, вероятно, по дороге от Кишинева к Измайлову. Я не очень люблю этих гадальщиков, но если бы увидал ее, так спросил бы.— Это письмо, я думаю, придет к самым праздникам. Поздравляю вас с ними, поздравляю заранее и с Новым годом. Были и радость, и горе и в этом году, будут они неизменной чередой и в будущем, но дай бог, чтоб радости было побольше. С этою же почтой получите вы посылку от меня. Это сестрам. Я посылаю им сущую безделицу, так, на память моего путешествия одесскую контрабанду. Я хотел бы сам ее привезти, но, как я, вероятно, поеду опять через Одессу, то при выезде будут опять осматривать в таможне. Разумеется, все это вы можете иметь и в Москве, но втрое дороже. Тут 5 маленьких шейных платочков и 6-ой большой Олиньке на скатерть; кажется, другого употребления последнему дать и нельзя.— Спасибо тебе, Константин, за письмо! Весело мне читать про твою искренность. Гоголя, разумеется, подталкивают против него Погодин и Шевырев [2]. А! да бог с ними!.. С Александром Толстым [3] я обедал раз у Оболенского [4] в Петербурге. Он, бесспорно, человек хороший, с мирной, светлой душой, но не с светлым умом. Напр⟨имер⟩, что он делает: едят они с женой [5] постное и для этого в постные дни пьют шоколад, нарочно привезенный из Неаполя и, сколько я понял, даже выписываемый... Несколько времени его смущало крепостное состояние (а он богат). Вдруг вспомнил текст, вместе с Смирновой: «Рабы, повинуйтесь своим господам!» [6], и оба обрадовались и успокоились. Я видел Смирнову, тогда сейчас после ухода Толстого и объяснил ей, что они напрасно веселятся возможности удержать выгодное для них крепостное состояние; что если вообще предписано покорно сносить голод и всякую беду, так еще не значит, что можно не давать есть. Евангелие, просветив совесть человека, конечно, мало обращает внимания на видимое его существование, нисколько не воспрещая совести согласить это видимое существование с нравственными требованиями. Вот какие это люди! Опасно умничанье в деле душевном! А какой человек, смягченный теплотою христианского учения, не почувствует желания воздать должное и во внешнем быту братьям своим о господе! Тут надо только слушаться сердца. Впрочем, если мои доводы и слабы, что мне до того. Свидетель бог, что у меня не будет крепостных!.. — Я все еще живу в этом скучном Кишиневе. Признаюсь, ру-

гаю ежедневно Надеждина. Вы не можете представить, как все ветрено они сделали в м⟨инистерст⟩ве. Через месяц я бы хотел быть у вас, а, приехавши в Петербург, объявлю, что отказываюсь заниматься по этой части. Я не могу сочувствовать гонениям, возбужденным министерством, а вижу, что они не только не принесли пользы, а, напротив, сделали ужаснейший вред и посеяли непримиримую вражду к православию. Я думаю ограничиться одним собранием сведений, всегда нужных и любопытных, даже для того, чтоб посудить о сделанном вреде, и этим закончу свое поручение. —

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. В субботу напишу вам больше. Обнимаю Константина и Гришу и всех сестер. Будьте здоровы и бодры. Какая это скотина разболтала Бестужевым об отношениях Константина к Свербеевым?[7] Я думаю, сама Катерина Александровна.

Ваш *Ив. Акс.*

196

1848 г<од>. Декабря 18. Суббота. Кишинев.

Вчера я получил письмо от вас, милые мои отесинька и маменька, от 6-го декабря. В этот день и здесь был сильный мороз, а теперь опять очень степлело. Как я рад, что письма мои доставляют вам такое удовольствие, но не все последующие письма были велики и удовлетворительны.— Нынче, отправив это письмо, отправлюсь в путь, в Леово, Кагул, Рени, Измаил, может быть, Килию и Аккерман. Поеду я почтовым трактом, буду ехать и днем, и ночью, следовательно, предполагаю скоро окончить это путешествие: всего долее останусь я в Рени и в Измаиле. Я переменил план и уже не поеду снова в Одессу, а из Аккермана ворочусь в Кишинев, откуда даже ближе мне выехать на Киевский тракт, чем из Одессы. Причины, по которым я уже не еду в Одессу, есть следующие: 1) От Аккермана до Одессы всего 55 верст, но они разделены Днестровским лиманом, через который летом переезжают на пароходе, а зимой по льду на санях; поэтому, когда зима теплая или подует теплый ветер с моря, езда на санях уже прекращается, и путь в Одессу лежит через Бендеры, которые всего в 56 верстах от Кишинева. 2) Здесь я затребовал из думы разных сведений, которые могут быть готовы только через неделю; 3) Наконец, в Одессе я должен был бы опять быть у губернатора и у других, что отняло бы у меня много времени... Я думаю, что по получении этого письма вы должны прекратить писание ко мне писем. Вы пишете, милый отесинька, что Карташевские должны быть к 11-му; стало, они уже теперь в Москве, а, может быть, и уехали. Как хотелось бы мне знать, чем все это кончилось... Дай бог, чтобы Вера перенесла это свидание благополучно![1].. С нетерпением буду ожидать от вас писем.

Вторая часть «Бродяги» действительно у меня. Я не знаю, каким образом это случилось, и хотел было отослать ее к вам, да раздумал; не стоит посылать нарочно, а послать с посылкой, отправленной мной отсюда во вторник, я забыл. На этой неделе я переписал и почистил окончание 1-ой

части «Бродяги», написанное здесь. Вышло 5 $^1/_2$ листов. Тут являются два новые лица: старик-бродяга, тертый калач, и барышня [2]. Стихи исполняют свое дело, пристукивают рифмами, все, как следует, но надо обратить внимание на то, как, хорошо ли выражены эти фигуры, которые могут и не возбуждать большого сочувствия. Словом, такие места, которые Константин скоро и без участия читает, несмотря на то, что они, может быть, в художественном отношении стоят гораздо выше описаний красот природы, а для пишущего несравненно труднее. Впрочем, есть и такие места, где могут отдохнуть на звуках и он, и даже Каролина Карловна. Окончание же таково (несколько страниц), что я за него очень боюсь. Тут суд преимущественно принадлежит Константину. Это такое место, что, если оно неудачно, его следует без церемоний уничтожить. Но я не могу на вас вполне положиться, на ваше беспристрастие... В состоянии ли вы мне сказать решительно: скверно! и все зачеркнуть пером? А я бы хотел, чтоб кто-нибудь решился мне это сказать, коли это находит.— В последнем вашем письме вы ничего не пишете о Гоголе. Погодин с Шевыревым, вероятно, им овладели; но я думаю, с приездом Хомякова будет другое. Что он сидит себе в деревне! — Положение Гриши меня очень беспокоит. Оно еще сделается для него затруднительнее, если Карташевские поедут через Симбирск. Софье захочется показать себя перед ними, а это напряжение ей будет очень вредно. Лучше было бы им ехать на Казань.

На нынешней неделе я обедал у Стурдзы, у Хотяева и у губернатора, который на днях опять приехал сюда, т. е. у Федорова... Стурдза, областной предводитель, богатый человек, холост, самой странной жизни, живет удивительно тихо и уединенно; всегда один в большом доме... Он человек неглупый и с образованием, но флегматик. Мы обедали только вдвоем. Впрочем, мне удалось его расшевелить, и он с негодованием говорил о французском и польском влиянии, подчинившем себе молодежь молдаво-валахскую. Не знаю, писал ли я вам, что у молдаван и валахов славянские буквы. Меня так поразила одна книга, которая напечатана по-славянски: хочу читать и ничего не понимаю. Теперь же вводят латинскую азбуку и заменяют, напр⟨имер⟩, букву *щ* четырьмя буквами: schz, на польский манер. Но это едва ли будет иметь успех, и народ ропщет против этого... Государь, говорят, прислал 4 млн флоринов из собственных денег для раздачи тем жителям Валахии, которые наиболее пострадали от этого дурацкого возмущения [3]... На этой неделе я также возился с евреями и пускался с ними в теологические прения... Они указывают мне место в талмуде, где сказано: люби ближнего, как самого себя, и дают другое толкование словам Моисея [4]: око за око... Большая часть из них смотрят на Христа как на реформатора, и полезного, но не решаются признавать его божественность; все осуждают евреев Иерусалима, распявших Христа... Удивительный народ. У него нет почти другого образования, кроме знания Библии. Всякий еврей умеет читать по-еврейски и знает Библию. Это и сохранило их в звании народа, несмотря на то, что одни из них говорят по-немецки, другие по-польски, третьи по-турецки, четвертые по-итальянски!.. Разумеется, большая часть простых евреев понимает Библию буквально и буквально исполняют то, что в буквальном исполнении не имеет смысла;

но учившиеся евреи уже теряют односторонность и исключительность духа. Многие, очень многие сделались бы даже христианами, но смущает их выгода. Окрестившиеся жиды допускаются в службу, и, как они очень способны, то получают чины и ордена и вообще разные преимущества, так что они редко верят искренности перехода в христианскую религию... Как тесно они между собою связаны! Собственными средствами содержат они здесь еврейское училище и превосходную больницу; вообще они очень благотворительны, и к этому побуждает их даже желание показать себя перед христианами, которые, не обращая на это внимания, продолжают называть их проклятыми жидами, терзать друг друга и жить совсем не по Христовым заповедям... Бесспорно, впрочем, что тягостное историческое положение евреев много оподлило их характер, обратив дух их к корысти, единственному возмездию, единственной силе и власти, которая была им доступна. Они показывали мне речь, произнесенную экспромтом, как уверяют, пред товарищем министра нар⟨одного⟩ просвещения, некоим Стерном. Тут есть одно сильное место, начинающееся так: «Мы ужасно оклеветаны!..» На этой неделе я был вечером в одном еврейском семействе, нашел здесь людей очень образованных, не только мужчин, по и дам; зимою по вечерам у них чтение вслух, и накануне они только что кончили «Мертвые души». Я, впрочем, постоянно сохраняю свое звание русского и православного перед ними, вовсе не увлекаясь соблазном общечеловеческого просвещения, потому что, как я уже и писал, несть эллин, несть иудей, а есть — не космополит, но христианин... Директоры их училища просили меня записать в их альбом мое посещение; я отказывался, но делать нечего, состряпал маленькое стихотворение, для которого украл несколько стихов у себя самого и где, выражая мысль, что просвещение вырвет их из-под власти национальных предрассудков и приведет к христианству, я говорю:

Я думал: о, пусть же добром расцветет
Познанье в их мягкие лета,
И цепь предрассудков скорей разобьет
Свобода другого завета!
Очистит Израиль преданья свои
В горниле разумной науки,
И снова воздвигнут ученье любви
Святые еврейские звуки!
и пр.

Прощайте, однако, милые мои отесинька и маменька, целую ваши ручки, поздравляю с Нов⟨ым⟩ годом. Обнимаю Константина и всех сестер. Не знаю, когда вы теперь получите от меня письмо...

Ваш *Ив. Акс.*

197

Измаил. 1848 г<од>. Дек<абря> 22. Середа.

Это письмо вы получите, вероятно, уже в 1849 году, и, если бог даст, это письмо будет последнее, милые мои отесинька и маменька. По возвращении моем в Кишинев найду или должен найти письма два от вас и узнать: что произвел приезд Карташевских [1] и кончились ли мучения Гриши[2]. — В субботу, написавши письмо, я отправился в путь сначала в санях, станции две, а потом в телеге. Холод страшный, морозы стоят градусов в 20 и более, да еще с ветром, а снега нет. В полночь приехал я в Леово, пограничное местечко, принадлежавшее помещику Бальшу, ушедшему теперь за границу, бывшее некогда уездным городком, но потом разжалованное. Тут есть и таможенная, и карантинная заставы. Леово теперь набито войсками. Я велел себя везти в какой-нибудь заездный дом или трактир, и меня привезли к какому-то дряхлому, низенькому дому с вывеской: «Новооткрытая, *непроходимая* новороссийская гостиница»! Меня встретили половые, совершенно русские. Взойдя в комнату, я нашел там целую компанию гусарских офицеров какого-то Ахтырского полка; они сидели за круглым столом и пили что-то, кажется, глинтвейн из молдавского вина. Комната, которую указал мне хозяин для ночлега, была так холодна и сыра, что я от нее отказался. Другой комнаты, кроме бильярдной, не было. Я взял бильярдную, и как спать на узеньких лавочках, приставленных к стенам, было невозможно, то я решился спать на бильярде. В это время подошел ко мне один из гусаров и очень учтиво объяснил, что как он отдал свою квартиру полковнику их, только что приехавшему с молодой женой, то также предполагал приютиться здесь на ночь на бильярде, но что это нам не помешает. Я совершенно согласился, гусары прочие скоро разошлись, и мы с этим офицером легли спать на бильярде, в противоположных углах. Офицер, который был, как говорится, немного *выпивши* и успел уже подружиться со мной и бесконечно полюбить меня за две или три пошлые остроты, мною ему отпущенные, стал мне рассказывать о своих похождениях и о своей жизни и о том, что хоть они и не посвящены в таинства науки, но у них есть хорошие башки и проч. Долго еще болтал гусар, но я скоро заснул... Вот жизнь этих господ! Они смертельно скучают от совершенной праздности. Помещиков здесь мало, посессоры не гостеприимны, общества никакого нет; им страх как хочется войны или какого-нибудь движения, но, к сожалению, все мирно, и они целый день толпятся в этой гостинице, открытой по случаю их прибытия, пьют, едят, курят целый день... На другой день, отлично выспавшись на бильярде, осмотрел я магазины; снова в путь и приехал вечером в Кагул, хорошенький городок, принадлежащий губернатору Федорову, который купил его лет десять тому назад, когда это было простое местечко, а не уездный город. Там пробыл я всего часа 4, не желая встретиться с Федоровым, которого туда ожидали и который, вероятно, в качестве гостеприимного хозяина задержал бы меня надолго, я в ночь же уехал, несмотря на сильнейший мороз, градусов в 25, с вызвездившимся небом. Что может быть неприятнее морозов в дороге. Только и заботишься о том, чтобы не замерз-

нуть, все способности цепенеют от стужи. К утру приехал я в Рени и остановился у одного еврея, с которым познакомился еще в Кишиневе. Рени портовый, заштатный город при Дунае. Я видел Дунай. Но, увы! Быстрый, широкий Дунай замерз от холода, и его белая поверхность была не слишком эффектна! Здесь он шириною с версту. Несмотря на выгодное положение, на удобную пристань, город очень беден, между тем как Галац, Исакчи, Браилов, лежащие на другой стороне, цветут торговлей. Этому много причин. Во 1-х, выгоды, предоставленные тамошним купцам, во-вторых, засорение Килийского устья Дуная, что заставляет суда идти к Турецкому устью, также засоренному, но все менее Килийского. Противоположный турецкий берег, видный из Рени, покрыт лесом; наш же берег покрыт плавнями, т. е. болотами, заросшими камышом, лиманами и озерами; впрочем, как я сказал, есть отличные места и для гавани... В этом городке, где я прожил сутки, я почти измерз от стужи. Топят камышом, но печки скверные, а на дворе мороз в 20 градусов пронизывает насквозь глиняные стенки дома... Вся эта придунайская сторона до Аккермана и дальше называется по-татарски Буджаком, т. е. углом; по этим обширным, плодородным степям кочевали прежде татары, но теперь их нет вовсе. Эта сторона не носит на себе молдаванского характера; она населена всяким сбродом, но преимущественно чистыми русскими, малороссиянами, казаками, некрасовцами, болгарами, которых тут до 80 т⟨ысяч⟩. Когда издан был манифест о дозволении безнаказанно возвращаться русским беглым в Россию (действие этого манифеста теперь прекращено), то явилось несколько тысяч турецких подданных русского происхождения. Здесь есть две слободы, населенные некрасовцами [3], казаками, преследованными, кажется, при Анне Ивановне, и другими русскими, зашедшими в Турцию со времен Петра. Впрочем, и теперь переходы совершаются часто, особенно со стороны малороссиян. Надоела ему жинка, он уходит туда и женится на другой; иногда жена (как это случилось недавно) бросает мужа и выходит там замуж. Русские беглые там нуждаются в русских женщинах, предпочитая жениться на русских. Есть там промышленники, которые ходят по России, вербуют девок и баб, недовольных своими мужьями, перевозят их тайно и распродают их там за дорогую цену. Дерзость этих перевозчиков неслыханная. Однажды пограничная стража как-то узнала, что в нынешнюю ночь будут лодки с того берега для принятия беглых; надо было дать знать им о предстоящей опасности, но людей этих стерегут на этом береге. Тогда один из здешних перевозчиков бросает огонь на камышевый домик кордонной стражи, пламя вспыхивает, а на противоположном берегу поняли этот сигнал. Впрочем, не всем беглым хорошо за границей. Некоторые из них добровольно являются к русскому консулу и просят возвращения. Зато года с два или три тому назад бежало туда с постов своих множество солдат и казаков... Кажется, все элементы казачества живут еще здесь, на берегах Дуная, и враги России это поняли очень хорошо. Ну да об этом после... Некрасовцы, живущие здесь, имеют, впрочем, со времени турецкой кампании разные привилегии, пожалованные им государем. Именно — у них есть поп раскольничий и церковь с колоколами. —

Из Рени я отправился в Измаил, но не почтовой дорогой, а низом, чрез замерзшие лиманы, по льду. Это пространство, верст в 50, проехал я с одной упряжкой, не кормя. Лошади здесь хорошие, и ямщики лихие. Вчера к вечеру приехал я в Измаил, главный город градоначальства. Городок очень красивый и торговый, а мог бы быть еще богаче, если б очистили дунайский фарватер. Теперь стою в гостинице, лучшей, нежели в Кишиневе; вчера виделся с полицмейстером, теперь отправляюсь в думу и намерен нынче же выехать в Килию... Прощайте, не знаю, когда именно окончу свое путешествие, может быть, напишу вам еще с следующей почтой, но тороплюсь всеми силами.

Ваш *Ив. Акс.*

198

<25 декабря 1848 года. Кишинев.> [1]

Сию минуту только что воротился в Кишинев, милые мои отесинька и маменька. Нынче первый день праздника [2], поздравляю вас. Некогда мне теперь описывать вам свое путешествие; я его запишу после. Дней через 5 или 6 думаю сам ехать. Итак, до свидания. Прощайте. Еще не успел снять дорожного платья.

25-го суббота 1848 г<ода>. Кишинев. Полов<ина> 12-го полдня.

199

Кишинев. 27 декабря 1848 г<ода>.

Хочу досказать по порядку вам свое путешествие. Я довел его, помню, до Измаила, откуда и послал к вам письмо. В Измаил я приехал низом, т. е. целиком, по замерзшему льду разных лиманов и рукавов Дуная, и таким образом вместо 90 верст сделал едва ли более 50.— Измаил славный городок, выстроенный, правда, по плану; но эта правильность как-то приятно поражает ваши глаза, утомленные совершенно бессмысленным видом городов и деревень, где дома раскинуты врозь, где не видать связующего начала, нет улицы, и каждый домик совершенно сам по себе, даже не становится в ряд с прочими своими собратьями... Этот город, повторяю, мог бы быть в мильон раз богаче, если б хоть немного почистили фарватер измаильского или килийского рукава Дуная, лучшего изо всех прочих рукавов: здешнее купечество вызвалось сделать это на свой счет, прося только заимообразно пособия от казны, но пошла переписка, неоконченная и до сих пор, и дело стоит. Говорят, что Воронцов боится повредить этим торговле Одессы и вообще всего Крыма, который лелеет он как игрушку, как любимое детище... В Измаиле познакомился я с полицмейстером подполковником фон Чуди. Он родом швейцарец, служил некогда (он начал службу с 10 лет) в армии Жерома Бонапарта [1] против русских, а в 1819 г⟨оду⟩ перешел в русскую службу. Он умный и честный человек и пользуется большим уважением даже у раскольников... Это честный наемник, у которого чувство долга, обязанности заменяет жаркие побуждения, внушаемые любовью к своей земле и духовным родством с нею...— Этот

пост, всегда значительный, в настоящее время приобрел еще бóльшую важность. Измаил, можно сказать, столица Буджака. Когда татары, кочевавшие по этим степям, оставили Буджак, с присоединением края к России, то эта пустынная сторона быстро населилась русскими всякого рода, выходцами из Турции, беглыми из России, оседло поселившимися здесь, малороссийскими бродягами, напоминающими прежних запорожцев. Здесь вы почти не встретите молдаван; всюду увидите вы умные, бодрые лица, могучие осанки русских людей; всюду услышите вы чистый русский язык. Одних некрасовцев, живущих в предместиях Измаила, более 2500. В самом же городе купечество большею частью состоит из греков и отчасти русских, армян и евреев. Русские здесь, можно сказать, почти все старообрядцы, имеющие тайные сношения с Серакёем, Старою Славою, Журиловкою, Каменкою и другими русскими деревнями по ту сторону Дуная, в Турции, где свободно им вероисповедание и где теперь живет «новое духовенство», как они выражаются. Я говорил с одним из умнейших между некрасовцами стариков, прямо, откровенно, и он мне сообщил много драгоценных известий! Некрасовцы не отуречились, хотя язык и быт Турции им хорошо знакомы. Те, которых удалило туда одно религиозное убеждение, при малейшей свободе в этом отношении воротились бы с радостью в Россию; но не должно смешивать их с малороссиянами и другими беглыми, казаками и запорожцами, перешедшими туда. Можно также быть уверену, что при дальнейшем стеснении веры все переправятся за границу... Надобно было бы долее остаться в Буджаке, и если б я знал прежде все его значение, так вместо молдаванской верхней части Бессарабии посвятил бы все потраченное там время здешнему краю. Но связанный поручением официальным, я не мог оставаться более; было уже 21-ое число; с 24-го нельзя ревизовать, к тому же нельзя даже и определить, сколько бы времени мне было нужно продолжить свое там пребывание, и потому вечером во вторник я отправился дальше. Еще несколько слов об Измаиле... Говорят, климат здесь летом нездоров, и много страдают от лихорадок. Леса нет, и топят все камышом; вообще вся сторона безлесная, покрытая лиманами и степями, которые, однако же, по недостатку рук и по большей выгоде, доставляемой другими промыслами, мало обработываются, исключая земель, принадлежащих болгарским колониям. В этой стороне много земель роздано было нашим тузам; кажется, у одного Бенкендорфа здесь было 30 т⟨ысяч⟩ десятин. С тех пор земля вздорожала, и эти степи без обработки дают большой доход сеном и пастьбою мериносов. Хотя край этот и очень населился со времени приобретения, но тем не менее и теперь вы можете проехать 30, 40 верст, не встретив ни одной деревни. Буджак имеет даже свои соляные озера и превосходный виноград, но последний находится ближе к Аккерману. Измаил снабжен крепостью, генералитетом, гарнизоном, усиленным теперь до 9 т⟨ысяч⟩ человек, дунайскою флотилиею и двумя «образцовыми пансионами». Во вторник я обедал у фон Чуди. Жена его, урожденная трансильванка, рассказала мне известия, сообщенные ей из Трансильвании ее матерью, именно о внезапном вторжении венгерцев, об ужасах, ими сделанных, о страхе жителей, наконец, о вступлении войск австрийских и о приближении рус-

ских и турецких [2]. Это все можно знать и из газет, но известие, таким образом переданное, гораздо живее, и тем ощутительнее благо спокойствия здесь — для тех в особенности, которые имеют причины беспокоиться о своих близких за границею...

Из Измаила в Килию отправился я также низом и тем выиграл опять верст 40. Если б я ехал почтовым трактом, то был бы в Болграде, главной болгарской колонии, но я пожертвовал этим для ускорения пути. Впрочем, через некоторые болгарские колонии я проезжал. Чистота, порядок, отделка, правильное размещение и главное довольство, даже изобилие поражают вас невольно. У них есть огромные капиталы. В нынешнем году они много пожертвовали правительству, даже что-то более, чем все бессарабское дворянство. Иные утверждают, и даже люди, достойные веры, что пожертвование сопровождалось большим энтузиазмом; другие, больше скептики, говорят, что начальник колонии, объезжая их сам, принуждал жертвовать. Кто их знает!.. Я, впрочем, готов легко предположить и энтузиазм со стороны болгар. Здесь Россия является и своим правительственным блеском; здесь, в Бессарабии, никто и не говорит про Москву, немногие и бывали в ней, а все тянет к Петербургу, куда и тракт лежит прямо через Белоруссию. А знаете ли вы, что эти пожертвования, значение которых нам хорошо известно, эти глупые и подлые пожертвования имели благодетельное действие за границею и, являясь в совокупности как бы общим кликом, общим выражением всей России, изумили, испугали, обезнадежили наших недоброжелателей в Европе?..

В Килию я приехал в полночь и, не желая беспокоить местные власти отводом квартиры, остановился у какого-то грека в заездном доме. На дворе мороз был страшный. Я забыл вам сказать, кажется, что через две станции от Кишинева я бросил сани и путешествовал в телеге или, как ее здесь величают, в бричке... Несмотря на позднее время, я приказал затопить печь, потому что в комнате было, по обыкновению, сильно холодно... Килия — крепость и городок. Крепость я не осматривал, и потому ничего об ней сказать не могу, но городок, раскинутый на 7 верст, хуже всякой порядочной деревни. Одиноко стоит на площади собор казенной архитектуры, недавно выстроенный, только в компании с домом присутственных мест. Я чуть не замерз в ратуше и, торопясь, составивши 3 или 4 ведомости, бегло осмотрев дела, отказавшись от гостеприимства городничего, в полдень выехал в Вилково, верстах в 40 от Килии...

Это одно из самых замечательных мест в Бессарабии... Эта деревня, а нынче посад, лежит верстах в 12 от самого моря, при одном из устьев Дуная. Летом слышится здесь шум моря. Верстах в 5 не доезжая Вилкова находится Базарчук, место преимущественной рыбной ловли, где стоят два откупщичьих дома... Земля, окружающая Вилков, больше песчаная; берега Дуная покрыты камышом в изобилии. Эта деревня существовала еще при турецком владычестве. Когда зашли сюда вилковцы, они не помнят. Душ всего 578. Общество делится на малороссийское и великороссийское, или на православное и старообрядческое; под именем великороссиян разумеются здесь одни раскольники. И те, и другие живут между собою согласно, разделяя, впрочем, посад как бы на две части в отношении своего

размещения. У малороссиян православная церковь, где каждое воскресенье отправляется богослужение; у великороссиян также стоит церковь, но пустая; по воскресеньям также зажигают свечи и собирается народ, но священника нет, и некому совершать таинств... У малороссиян часто бывают пирушки по случаю крестин, в мясоед[3] раздаются веселые свадебные песни; у великороссиян малые дети бродят некрещенные, не раздаются свадебные песни, молодые четы живут невенчанные, с тягостным чувством своего положения; если и совершаются браки, так вдали от родительского крова, тайно, ночью... Здешние малороссияне подбородков не бреют, но сохранили, однако, отчасти свое наречие. Великороссияне говорят самым чистым русским языком, каким не везде говорят даже около Москвы. Что за народ эти великорусские вилковцы? Все молодцы, у всех умные лица, но все как-то важны, степенны, грустны; ходят они в русском платье, женщины (а какие славные женщины!) в сарафанах. Одно заняли они у здешних жителей или, лучше сказать, не они, а жены: чистоту и опрятность в хатах, которые так же, как молдаванские, делаются из камыша с глиной и вымазываются белою известью как снаружи, так и внутри... Вообще видно влияние вкуса южных женщин на женщин Вилкова...

Когда я приехал в Вилков, где должен был осмотреть ратушу, учрежденную в одно время с посадом, лет 7 тому назад, то, к счастию моему, полицейского чиновника, управляющего посадом и всеми селениями измаильского градоначальства, не было дома, и десятский отвел мне квартиру у хозяина-раскольника. По случаю наступающего праздника хата была убрана и приведена в порядок; все было чисто и опрятно. Красивые полотенца развешены по стенам; белая печь обведена каймою из бурой глины... Хозяин смиренно встретил меня, женщины — видимо неохотно. Но скоро все неудовольствие их разрушилось... Я спросил позволения курить, хозяин позволил, но я не стал курить и даже запретил также курить Никите и вообще в продолжение всего этого времени выкурил только полсигары и то на морозе. Это чрезвычайно как разнежило сердца старообрядцев. Они все единодушно потом благодарили меня... Признаюсь, мне было так приятно видеть русских людей, что я был действительно в самом приветном расположении духа. По приезде я немедленно отправился в ратушу, помещавшуюся в простом крестьянском доме. За отставлением головы от службы должность его правил ратман, молодой старообрядец, умный и расторопный. С первых слов он понял, что имел дело с человеком неказенным, да еще русским. Я подробно и с участием искренним, разумеется, расспрашивал о их быте, о их отношениях как старообрядцев к прочему обществу, обнаружил прямо желание знать побольше о их религиозных мнениях. Скоро вся комната наполнилась раскольниками. Прежде всего рассказали они мне свое положение, что потом поверилось мною и по бумажным фактам... Эта деревня была прежде очень богата. Другого промысла, кроме рыболовного, у них не было. Зато и рыба была дешева, и икра стоила копеек сорок ассигн⟨ациями⟩ за фунт. Вода — их стихия. Они отваживаются на лодках в море во всякую погоду и вообще делают такие вещи на воде, о которых не посмеет думать ни один матрос; устья и

рукава Дуная им хорошо знакомы, и в турецкую кампанию они добровольно на лодках перевозили артиллерийские тяжести и употреблялись как самые лучшие кормчие для плавания по Дунаю... Люди, имеющие дело с морем, с этою вольною стихиею, имеют и дух вольный...

Под турецким владычеством они отделывались от паши податью однообразною, рыбою, имели попа и были свободны. Хорошо было им и в первое время после присоединения. Прибавились подати... Нужды нет!.. Наконец уничтожили церкви, отняли колокола. Много убежало. А убежать ничего не стоит! Пошел ловить рыбу на Георгиевский остров, сел в лодку, и кто догонит его в море? потом приставал к турецкому берегу, где встречал своих единоверцев. Наконец, к довершению всего, их Вилковское устье отдано было на откуп (лет 8 тому назад); им запрещено было ловить рыбу иначе, как в пользу откупщика. Опасались волнения, но его не было, было только несколько новых побегов... Тогда, по случаю переселения в Бессарабию казенных крестьян из России, вилковцы предложили правительству взять себе принадлежавшие им, вилковцам, 5 т⟨ысяч⟩ десятин земли, которую они как рыболовы вовсе не обработывали, просили приписать их в мещанство, объясняя, что их промысел — рыболовство, и думая таким образом заставить правительство упрочить за ними этот промысел и возвратить им воды.— Землю взяли, но вод не отдали, в мещане приписали, учредив посад и ратушу... Тогда Воронцов, который, должно отдать ему справедливость, любил и уважал вилковцев и долго боролся за них с министерством финансов, принялся снова сильно ходатайствовать за них. Он писал, что это народ полезный государству и важный в политическом отношении, и, согласно его мнению, Сенат приказал возвратить им все воды, прилегающие к их посаду по окончании срока откупному контракту. До этого же времени Воронцов исходатайствовал им позволение ловить на Георгиевском острове, за карантином. Кончился срок контракту; палата государств⟨енных⟩ имуществ, воспользовавшись несколько темными выражениями сенатского указа, отмежевала им воды так, что это скорее похоже на насмешку. Им оставили такую часть воды, Гусиный ерик, где вовсе и не водится рыба. Воронцов был отозван на Кавказ [4], остальные воды с водами Георгиевского острова были отданы вновь на откуп, и кому же еще — еврею, который платит им по 50 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ с пуда наловленной рыбы и делает разные мелкие притеснения... Они вновь обратились к Воронцову, который с Кавказа отвечал им письменно, что продолжает принимать в их деле живое участие и готов ходатайствовать, но приказал Федорову войти сначала в ближайшее соображение этого предмета... Но Федоров трусит Петербурга и, кажется, не решается поддержать этого ходатайства... Вилковцы в постоянном ожидании, но время проходит, а вода все за откупщиком... Все они смотрят так, что при новом решительном отказе правительства готовы всем селением, с женами и детьми подняться в море на лодках и в виду всех, и чиновника, и бессильной пограничной стражи уплыть далеко от России, к другим, чуждым, но более благоприятным берегам, уплыть для того, чтоб усилить раскол за границей, чтоб увеличить там число добровольных изгнанников, негодующих на Россию, чтоб послужить новым сви-

детельством нашего внутреннего разъединения, чтоб образовать там новую силу, враждебную нам... А между тем покуда они ведут себя удивительно хорошо. Никто не замечается ни в буйстве, ни в пьянстве. Это подтвердил мне сам начальник здешний, питающий к ним вообще совершенное презрение.

Из ратуши воротившись домой, я недолго оставался один. Скоро опять явились они, а кто не поместился в комнате, тот стоял на дворе... Я предупредил их, однако, что более спрашиваю из личного участия, что я чиновник небольшой, не могу им ничего обещать, но что с моей стороны я готов только высказать министру, если удастся, все, что видел и слышал... «Конечно,— говорили они между прочим,— не хотелось бы нам, как некоторые из наших, оставлять места, где жили и погребены наши отцы, все уж как-то не приходится покидать свою родину, да и все надеешься...» Эти недоконченные фразы с затаенной угрозой много говорят... «А что, ребята,— спросил я их вдруг,— признаете вы журиловского архиерея?» — «Признаем»,— отвечали они, также врасплох... Тут пустился я с ними толковать об этой новой заграничной иерархии... Им все известно, до самых малейших подробностей, но они все-таки неохотно говорят об этом; впрочем, надо сказать и то, что теперь, не имея свободы промысла, они реже имеют сообщения с заграничными раскольниками. Заметив также, что я несколько нападаю на этих иерархов новой австрийско-иезуитской фабрикации, они стали мяться и говорить, что некоторые признают, некоторые нет... Разговору нашему помешал здешний начальник, чиновник Кобзарев, которому дали знать о моем приезде и который счел своею обязанностью и учтивостью постоянно держать мне компанию посреди «этого грубого народа, употребляющего во зло мою снисходительность», тем более, что он увидал, какая густая толпа окружает хату... Я не мог не подивиться кротости старообрядцев в отношении этого чиновника, который сам обходится с ними грубо, дерзко и оскорбляет их шуточками. «Что, чай, некрещеный», — сказал он со смехом, обращаясь к одной молодой женщине, стоявшей тут с ребенком!.. «Благодарим за ласку»,— сказала она, отходя от него. Я заметил ему, что эти шутки неприличны, но он не понял и выпучил на меня глаза. Скотина! Он пустился было также в спор с раскольниками и при этом обнаружил такое невежество, что мне стало совестно[5],— но они промолчали, только в задних рядах показалась усмешка. Я тоже рисковал обнаружить невежество, если б не держался более общих вопросов. Не желая продолжать разговора при Кобзареве, видя, что от него не отделаешься, что при дальнейших настоятельных расспросах я могу только возбудить неуместное даже подозрение как в раскольниках, так и в Кобзареве, не понимавшем, что за охота мне толковать с этим народом, зная, наконец, что отдельное лицо без совета с обществом едва ли решится мне что-либо обнаружить еще, что на другой день, в сочельник [6] нельзя по-настоящему и ревизовать, я прекратил разговор и дружески простился с ними... «Ну вот,— говорил я им,— кажется, мы добрые люди, я, как сами видите, принимаю в вас самое искреннее участие, приятно было нам беседовать, а уеду я, так хозяин и хозяйка станут, пожалуй, и лавку обмывать, и дух мой выкуривать,

как после татарина; ведь это очень больно и грустно!..» — «Нет, — закричали они, — сохрани бог, мы этого не делаем, мы только делаем это после жидов, после армян...» — «Отчего же после армян?» — спросил я. «Известное дело, — отвечал один, — армяне народ нечистоплотный». «Армяне хуже поганства, — прервал другой... — Они и всех вселенских соборов не признают...» Но я поспешил уехать, не желая расстроивать впечатления, произведенного на меня Вилковым, слышанием подобных вещей, возбуждавших сильный хохот со стороны Кобзарева.

Да, я забыл сказать, что откупщик платил казне за Вилков или Вилково с лишком 8 т⟨ысяч⟩ сер⟨ебром⟩ в год, а за устья Дуная, включая и Вилковское, тысяч до 20 сер⟨ебром⟩. И эта ничтожная сумма для казны предпочитается обогащению самих жителей!.. Думал я также купить себе в Вилкове свежей икры. Мне сказали, что вся икра уже отправлена откупщиком в Варшаву (обыкновенное место сбыта ее в здешнем крае), однако постараются достать. И действительно, вилковцы принесли мне бочонок зернистой икры, фунтов в 20, и не хотели брать денег, предлагая мне это от имени общества, но я, разумеется, заставил их принять деньги, заплатив им настоящую цену, т. е. ту, которую они мне сами объявили прежде, когда я расспрашивал их о ценах на разные продукты. Впрочем, икра нехороша.

Из Вилкова отправился я часов в 7 вечера проселком, желая выбраться на почтовую дорогу. На дворе был мороз довольно умеренный, несмотря на ясное вызвездившее небо. Дорога шла сначала «по-над Дунай», как они говорят, между камышом вышиною до полуторы сажени. Если б кому вздумалось бы ограбить меня, то нельзя было бы найти удобнее места. В Жабриенах, верстах в 15 от Вилкова и полторы от моря, также раскольничьем селении, но не столько важном, переменил я лошадей, взял других из земской почты, т. е. из обывательских, которые, проскакав 35 верст в $2^1/_2$ часа, домчали меня уже ночью в Татар-Бунар, почтовую станцию. — В Жабриенах во время смены я также заходил в комнату к раскольнику, содержателю земской почты, жившему, впрочем, в особой половине. «Можно курить?» — спросил я двух баб, вошедших за чем-то в комнату. «На дворе можно», — отвечали они, смеясь, но видя, что я и в самом деле положил сигары в сторону, прибавили, что шутят, что эта комната так уже и назначена для приезжих, которые все курят. Я, разумеется, воспользовался позволением. — Колбасы, приготовленная начинка с перцем, луком и чесноком в Татар-Бунаре дали мне знать, что на станции живет писарь-малороссиянин и что все готовится к празднику.

Утром приехал я в Аккерман. Этот городок, окруженный виноградниками, лежит на берегу Днестровского лимана или, лучше сказать, устья, которое здесь шириною в 9 верст. Гладкая поверхность покрывшегося льдом лимана блестела на солнце. На противоположной стороне виднелся Овидиополь, городок Херсонской губернии. Отсюда до Одессы всего 35 верст, и летом от Аккермана до Овидиополя ходит маленький пароход... В Аккермане лучший бессарабский виноград; тут есть и развалины турецкой крепости. Несмотря на сочельник, я занялся делом, призвал к себе чиновников и в 5 часов вечера, не успев обозреть хорошенько города, вы-

ехал из Аккермана, где не имел и надобности оставаться дольше. Отсюда до Кишинева 170 верст, куда я хотел попасть к обедне... На следующей станции, в Гура-Рошии, ямщики попросили меня обождать, потому что в святой вечер им хотелось поужинать вместе. Разумеется, я согласился; они поужинали и подпили в честь святого вечера, что продолжалось почти час.— В Бендерах я переменил лошадей, но все-таки не поспел в Кишинев к обедне, а приехал туда часу в 12-м и поспешил дать вам известие о себе. Проезжая через Кишинев, беспрестанно встречал я чиновников в мундирах, скакавших с поздравлениями, но сам, остановившись на прежней своей квартире, остался целый день дома, нуждаясь в отдыхе. У ворот беспрестанно звенел колокольчик, возвещавший новых приезжих, и действительно, скоро комнаты соседнего нумера наполнились громкими и смелыми голосами артиллерийских и гусарских офицеров, налетевших со всех сторон с целью повеселиться здесь на праздниках. Вечером явились ко мне мальчишки, славящие Христа, и пропели стих, из которого я упомнил только:

Всяко древо зелененько
Выкинуло цвет,
Дитя мало рождено
Воссияло свет,

а потом:

Хозяину дома сего
Многая лета, многая лета и пр.

Отпустив их с приличною благодарностью, скоро услышал я повторение того же в соседнем номере, потом в другом и в третьем и так дальше.

В этот день я получил письмо от вас, а в воскресенье 26-го принесли мне еще два: последнее ваше письмо от 17-го декабря. Благодарю вас и Константина за письма; они не разрешили еще моего беспокойства по случаю приезда Карташевских [7]. Отвечать на письма буду при свидании.

На другой день, т. е. в воскресенье, был я у обедни у архиерея, потом сделал немногочисленные свои визиты, зашел к уездному предводителю Доничу, где видел трех молдаванских барышень, его дочь и двух племянниц, впрочем, не очень хорошеньких. При мне принесли им почту и вместе с ней три новые картинки мод, которые привели их в сильный восторг, выражаемый беглым французским языком.

Вечером был я на бале в Благородном собрании. Пришел в 10-м, ушел в исходе 11-го. Я был там

Как чуждый гость на празднике чужом! [8]

Много было миловидных барышень, голубых, розовых, зеленых, белых, но ни одной красавицы. Хороша была там одна гречанка, да нос непомерно велик. Все это пользовалось моционом с таким удовольствием, что весело было взглянуть. Разумеется, не было тут ни одного молдаванского платья; все одето по последней моде. Я старался различить тех, которые уже давно отправляют службу на этом паркете, бессменно являясь каждую зиму, между тем как кавалеры менялись с каждой зимой; не было, впрочем, ни одной, которая бы в первый раз приехала на бал. Пожелав

им поскорее вытанцевать себе мужей, почитав газеты, я воротился домой пешком. Какая чудная стоит теперь погода, ясная, умеренно морозная, ночи лунные.

На другой день явились снова евреи, чиновники думы, надо было привести к окончанию все начатые дела, и я был чрезвычайно занят; вечером, однако, успел быть у архиерея, с которым мы большие приятели. В свободное время читал я еврейский катехизис, преподаваемый в школах, понемецки. Мне хотелось видеть дух их учения, их религиозного направления. Книжка издана за границей, и издатель говорит в предисловии, что нет ни одной нравственной обязанности, предписываемой христианскою и другими религиями, которой бы не предписывала и иудейская. И вранье, разумеется. Дело не в обязанностях и предписаниях; главное весь дух, возвышенный и любовный, учения, свобода и чистота его. Законы Моисея дорожат матерьяльным благом, устройством земного быта, национальны, исключительны, не проповедуют святыню каждой души человеческой,— словом, носят на себе характер исторический, как существующие во времени, так что талмуд и позднейшие раввины многое уничтожили... Разумеется, и у нас соборы с их учреждениями тоже явления во времени, но есть зато вечный, безвременный Новый Завет!.. Я часто спорю с своими приятелями-евреями, объявляя им откровенно, что был бы против эмансипации полной евреев. Один из евреев, самых простых, ходящий в старинном платье, необразованный, но умный 70-летний старик часто у меня бывает по делам думы. Не знаю, по какому случаю я прочел ему место одно из апостола Павла (со мной есть русская Библия), и он рассказал мне следующий анекдот, говоря о мнении простого народа относительно жидов.

Тому назад лет около 50, сказал он, случилось мне ехать с одним мужиком на его телеге. Мужик этот когда-то был работником у дьякона, и потому считал себя ученее других. Он пустился было со мной в богословские прения, желая, вероятно, обратить меня. Я всячески доказывал ему, что он напрасно хлопочет, что я не хочу и спора и чтоб он довольствовался собственной верой, так как она завещана ему преданием и примером его отца. Было уже поздно, и скоро подъехали мы к месту, где чумаки делали ночевку: распрягли волов, развели огонек и улеглись около возов. Мы также расположились тут ночевать и приютились к огоньку. Мужик опять затеял прекратившийся было разговор, я ему отвечал то же и заметил, что один старик чумак, лежавший неподалеку, приподнял свою седую голову. Он вслушивался долго в наши слова и, наконец, сказал мужику: «Дельно тебе говорит жид, ты знай свое, ты веруй, во что верит народ и верил твой отец и не толкуй про то, чего не разумеешь...» — «Да нет,— кричал мужик,— я хочу им доказать, что они врут, жиды проклятые, что они собаки, во Христа не веруют». И говорил много брани на нас, уже несколько рассердившись. Тогда старый чумак медленно поднялся, подошел к нам, присел к огню и сказал: «Эх, глуп ты еще и молод, вот послушай, что я тебе расскажу:

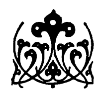
Отец женил меня, когда мне было еще лет 20, отделил и дал мне пару волов, а за женой взял я в приданое корову. Только плуга у меня свое-

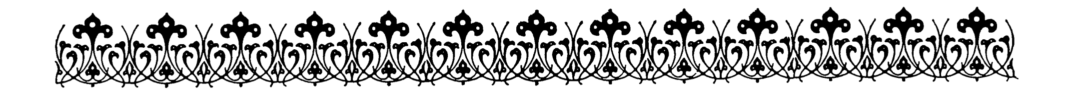
го не было; я орал свою землю чужим плугом и за это должен был работать на хозяина плуга. Тяжело было мне; бог дал урожая моему полю; я, поговоривши с женой, решился скупо прожить зиму и накопить денег. И точно, денег накопил столько, что на будущий год я купил еще пару волов и то, что прежде делал в два дни с одной парой, делал теперь уже в один день. Я жил расчетливо и на другой год купил себе собственный плуг, а потом и другие нужные для оранья снаряды. Становился я зажиточнее; корова дала мне еще пару телят, из которых должны были выйти порядочные бычки. Вот через несколько лет были уже у меня во дворе 6 быков и корова. Сижу раз я и думаю: полезно было бы завести овец; овцы нужны в хозяйстве; пригодна очень их шерсть; завел и овец. При овцах нельзя без коз, козы их водят, также вещь хорошая и нужная... Купил коз. Потом пристала ко мне жена, говорит: купи свиней: свинья годна и салом, и мясом, и щетиной... помаленьку, собравшись с деньгами, завел я свиней. Так что у меня во дворе были и овцы, и быки, и коровы, и козы, и свиньи, ну уж, разумеется, и собаки с кошками: тоже твари в помощь человеку. Погоди, еще не все: купил кур... Нельзя без кур хозяину, а пуще хозяйке: одних яиц на сколько даст! Гусей завел: жена говорила и дельно говорила, что и гуси недаром кормиться станут, пухом, перьями отблагодарят. Для скорых разъездов нельзя хозяину и без лошади... И лошадь завелась... Так, посмотри же теперь, сколько у меня во дворе, в моем хозяйстве, было животных, всяких скотин, прибыльных моему дому... Вот так-то и бог. Бог хозяин мудрый, вечный. Его хозяйство, весь мир — для него меньше моего дворика. Коли у хорошего хозяина во дворе все нужные и полезные твари, так и он, хозяин неплохой, не стал бы держать тех, кого не нужно. И у него все народы, что мои домашние животные. А? Подумай. Верно, уж богу нужны в его хозяйстве также и жиды, и немцы, и русские!..»

Я передал вам этот рассказ безо всяких украшений, почти со слов Китциса, только его рассказ был живее.

Не знаю, удастся ли мне выехать завтра (нынче 28), и потому на всякий случай пишу это письмо, хоть как дневник. Еще не все мои вещи приехали из Одессы... Новый год встречу в дороге. Завтра должен опять получить от вас письма. Увидим, кто раньше приедет, я или письмо?.. Еще дней 10 и, даст бог, увидимся. Прощайте, до свидания. Уже поздно... Каково же, однако? Я почти 4 листа написал. Дай же бог найти вас здоровыми!..

Ваш *Ив. Аксаков.*

1849

200

24-го генв<аря> 1849 г<ода>. П<етер>бург. Понед<ельник>.

Я приехал сюда, милые мои отесинька и маменька, еще третьего дня, т. е. в субботу, часов в 5 после обеда, а Попов приехал поутру, дорогою выздоровел было и опять получил катар, почему и сидит теперь дома. Что же до меня, то я, слава богу, совершенно здоров. Только рад, что зимние мои путешествия уже кончились. Несмотря на прекрасное помещение в дилижансе, дорога была очень неприятна от холода. И как нарочно холод продолжался до самого моего приезда в Петербург, а вечером того же дня степлело, а вчера даже таяло. Доро́гой не произошло ничего особенного. С Поповым мы встретились сначала в Твери, потом в Торжке. Сосед мой оказался очень порядочный и молодой человек, кандидат Московского университета, полулитератор, печатавший мелкие статьи в плетневском «Современнике», приятель Грановского, знакомый со всею литературною деятельностью Москвы, с московским направлением и с каждым из деятелей, если не лично, так заочно. Он уже несколько раз видал Константина в русском платье, знает его, по рассказам, очень хорошо, знаком с моими стихами, теперь живет учителем у князя Салтыкова в Петербурге. В другой карете ехал с человеком своим екатеринославский помещик, изпод Бахмута, Кищенко, заранее подготовлявший себя к восхищению Петербургом, как местом, где только и может быть отрадно ему, человеку с образованными потребностями; между тем изо всего было видно, что он невежа страшный. На 1-ой же станции он сказал, что рад ехать в Петербург, ибо Москва—деревня, а Петербург—город, что я оставил без возражения, а впоследствии убедился, что он никогда в Петербурге и не бывал. —

Когда я приехал, то Самарина не было дома, и мы с Поповым, немного погодя, отправились в баню, а вечером, часов в 10, воротился и Самарин, который мне очень обрадовался и много расспрашивал о вас и о Константине, на что я и отвечал то, что мог отвечать при Попове. Попов отправился спать, а мы с Самариным сидели до 2-х часов ночи, и я прочел ему свой отчет[1], которым он был очень доволен. По его совету я в конце записки поместил под заглавием «Соображения» все свои выводы и предлагаемые меры по пунктам, отдельно. Он утверждал, что это им необходимо нужно. По совету же Самарина я решился ехать прямо к мин⟨истру⟩, не видавшись с Надеждиным, и отдать ему, т. е. м⟨инистру⟩, свои бумаги. Это решился я сделать для того, чтоб, во 1-х, поставить себя немедленно в прямые, не-

посредственные отношения к м⟨инистру⟩ и в независимое положение относительно Над⟨еждина⟩; во 2-х, для того, чтоб непременно записка моя в полном ее виде дошла до м⟨инистра⟩. Итак, прибавивши поутру в воскресенье к записке эти соображения, я часу во 2-м отправился к м⟨инистру⟩ [2], который меня принял в своем кабинете, по обыкновению, ни сухо, ни ласково... Я сказал ему несколько слов и подал бумаги, из которых он, выбрав мою большую записку, приказал мне ее прочесть ему всю вслух. Я и прочел, не пропуская, не смягчая ни одного слова. Он перерывал меня иногда очень учтиво, чтоб спросить объяснения о каком-нибудь лице, слушал очень внимательно; по окончании чтения еще задал мне несколько вопросов, не обнаруживавших, впрочем, его мнения или впечатления, но свидетельствовавших, впрочем, об его участии к этому делу, потом сказал мне: «Очень хорошо, благодарю Вас», оставил у себя бумаги, а я раскланялся и уехал. От него отправился я к Надеждину, у которого нашел гостей и который почему-то показался мне очень смущен. Так как у него были гости и он потом собирался ехать к Княжевичам [3], то я тут переговорил с ним слегка, сказал ему, что был сейчас у м⟨инистра⟩ и отдал ему бумаги. Это его, видимо, поразило. «Как у м⟨инистра⟩, какие бумаги, что он Вам сказал». Я на все это отвечал так, как будто посещение мое м⟨инистра⟩ было делом самым естественным, которое и быть иначе не могло, которое я и не понимал иначе. Он, разумеется, ни слова; напротив, сейчас же переменил тон удивления, как будто так и следовало. Я обещал приехать к нему часов в 8 вечера. Заехал оттуда к Карташевским, которых нашел всех дома, они все здоровы; обедал с Самариным у Мити Оболенского и вечером отправился к Надеждину, которому и рассказал все, что помещено в записке. Он почти на все говорил, что знает, но про некоторые и почти самые важные вещи — оказалось, что он не знал. Что касается до моих выводов и взглядов, то он меня очень удивил, сказав, что не только их разделяет вполне, но что это его давнишние убеждения. «Отчего же Вы действуете совершенно вопреки им...» Он отвечал, что на это есть другая воля. Но, во всяком случае, он признает мой отчет новым убедительным доказательством его же мнений. «Что же Вы намерены с ним делать?» — спросил я... «Принять к соображению, другого делать нельзя». Он ожидал, что м⟨инистр⟩ пришлет за ним вечером, однако же нет... Что будут они делать, узнаю я на этой неделе. М⟨инистр⟩у я сказал, что подам еще две записки по своим официальным поручениям, и потому займусь ими... Нынче отправляюсь смотреть некоторые квартиры себе, потом еду в м⟨инистерст⟩во, чтоб видеться с директором хозяйственного д⟨епартамен⟩та и отдать ему подорожную и другие бумаги, обедаю у Карташевских, а вечером обещал быть у Оболенского [4], у которого собрание правоведов. Завтра или послезавтра надеюсь получить от вас письма. Прощайте, мои милые отесинька и маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. О холере никто и не говорит.

Ваш *Ив. Аксаков.*

201

31 генваря 1849 г<ода>. С<анкт-> П<етер>бург. Понед<ельник>.

Ваши последние письма, милый мой отесинька и милая маменька, наполнены разными опасениями насчет моего здоровья и пр. Мне очень это тяжело, тем более что решительно нет никаких причин опасаться за меня здесь более, чем когда я был в Бессарабии или Оренбургской губернии. Холера здесь вовсе незаметна; никто о ней не говорит и не помнит. Городовые кареты ходят постоянно, и еще недавно, едучи на простом извозчике и видя целый ряд этих карет, запряженных в три, в 4 лошади, я спросил извозчика, куда они едут, на что он, посмотрев на меня с некоторым презрением, отвечал: «Как, разве Вы не знаете, на бал, в Новую Деревню». Вчера наконец отыскал квартиру Ал⟨ександра⟩ Ник⟨олаевича⟩ Анненкова [1], но не застал его дома. Он живет в Малой Морской, в гостинице «Париж», 6-ой №. Я спрашивал человека, что задержало Анненкова в П⟨етер⟩бурге [2], он отвечал, что приехала Софья Андреевна, жена покойного его брата, вышедшая потом за какого-то португальца. Я написал Анненкову записку, в которой убеждал его скорее ехать в Москву... У Кавелина [3] еще не был: Карташевские, которые бывают у него часто, говорят, что он теперь весь погружен в карты. Вчера был у Пинского, который теперь совершенно поссорился с Паниным, по крайней мере, терпение его лопнуло, и он ругает его при всех, посторонних и подчиненных, да как еще! Он сердится на него и за то, что Панин не выпускает его в сенаторы... Впрочем, говорят, что государь сказал, что до окончания дела с женою Пинский не может быть сенатором. [4] Странно!.. Пинский даже не спросил меня о Грише, а я нарочно молчал, чтобы видеть, вспомнит ли он его сам, между тем разговор часто касался Симбирска, куда государь назначил сам губернатором Нефедьева, бывшего моего обер-прокурора [5], к совершеннейшей неожиданности всех, а пуще Нефедьева, который этого очень не желал и который в ссоре с Перовским, по прежней своей службе вице-губернатором в Смоленске... Вообще в отношениях моих с Пинским не слышно искренности (с его стороны). Он считает нас славянофилами, и сам окружен некоторыми *боготворящими* его правоведами, Зыбиным [6] и т. п... Между тем недавно Оголина, бывшего обер-секретаря, сделали прокурором в Новгород и дали ему столовые деньги... Я не знаю, что будет делать Гриша: перейти к Перовскому в вице-губернаторы невозможно иначе, как пробыв несколько времени тем, чем я; к тому же и срок ожидания неопределенен: здесь пропасть кандидатов на эти места, и некоторые ждут уже года по четыре!.. О себе еще ничего не знаю: Надеждин еще не составил доклада. С нынешнего дня я займусь составлением двух других записок и подам их министру.— В субботу вечером я перешел на свою квартиру, которой до сих пор очень доволен. Часть моих окошек обращена на сад Училища правоведения и на окна классов, в которые я так часто смотрел. Вчера обедал у Карташевских и думал найти там Сашу Аксакова, но он не был и вообще бывает там очень редко. Сам я остаюсь бо́льшею частью дома и не могу никак собраться в оперу или посмотреть Фанни Эльслер [7].

В субботу Самарин получил записку от Вяземского, где он приглашает его и меня, хоть я у него и не был, к себе на вечер для празднования юбилея Жуковского, по случаю 50-летия его литературной деятельности. Мы отправились и, к удивлению, нашли почти всех в белых галстухах и в орденах: скоро узнали мы, что на этом вечере будет наследник [8]; стало быть, обществу будет не до меня, и в этом смысле я этому порадовался. Тут было множество народу: был Киселев [9], Блудов [10] и вообще цвет петербург⟨ских⟩ придворных умов. Приехал наследник, и Блудов прочел стихи Вяземского, на сей случай написанные [11]. Стихи очень плохи. Блудов читал их, беспрестанно прикладывая лорнет к глазам и тряся голос для эффекта. Если б мне не было противно и досадно, мне было бы смешно. Да, я забыл сказать, что все это началось пением «Боже, царя храни» [12]; пели бывшие тут артисты, Оболенские (Дмитрий и Родивон), Бартеньева [13] и некоторые другие дамы; прочие шептали губами из усердия. Когда Блудов читал стихи, то некоторые дамы прослезились, несколько раз раздавался ропот неудержимого восторга из уст этих чопорных фигур в белых галстухах; когда кончилось чтение, то послышались жаркие похвалы и суждения в таком роде: «Отважный юноша, как это хорошо, какая мысль, отважный, как это по-русски»; «Да, да,— повторял другой какой-нибудь граф, не расслышав,— *важный*, c'est charmant, c'est sublime»! *... И этим людям читать «Бродягу»?.. Ни за что! После этого пропеты были куплеты стариком Виельгорским[14]; после каждого куплета хор повторял refrain **:

Наш привет ему отраден.
И от города Петра
Пусть домчится в Баден-Баден
Наше русское ура! [15]

Надо было видеть, с каким жаром эти белые галстухи кричали: «наше русское ура!».. После этого подан был лист бумаги, на котором все посетители должны были написать свои имена, начиная с наследника. Делать нечего, и я вписал свое имя, только почти предпоследним... Наконец великий князь уехал, и тогда Глинка, музыкант [16], стал петь разные свои романсы... Это только меня и утешило.

Предоставляю вам судить, что испытал и перечувствовал я в первую половину вечера!.. Среди этого старого общества я чувствовал себя новым человеком, совершенно ему чуждым; среди воздаяний этой старой поэзии во мне пробуждалось сознание того нового пути, по которому пошла моя стихотворная деятельность... Я решительно не хотел сближаться с этим обществом и ни с кем не познакомился. Карамзины просили Оболенского [17] и Самарина познакомить тут меня с ними; я отказался. Хорошо племя, нечего сказать... Тут была одна фрейлина Толстая [18], которая всем публично рассказывает, что она влюблена в наследника и в присутствии его, обращаясь к другим, говорит: «Пощупайте мое сердце, как оно бьется!»

---

* Прелестно, бесподобно! (*фр.*).
** Припев (*фр.*).

Глинка, немного подпив за ужином, пел испанские мелодии и свои сочинения с необыкновенным одушевлением. Это поистине гениальный художник... Я познакомился с ним и завтра читаю ему «Бродягу»... Вяземский просил Самарина и меня написать об этом вечере статью и послать в «Москвитянин». Мы отказались под предлогом ссоры с Погодиным. Он, конечно, понял, почему мы отказались и, видимо, огорчился. Впрочем, говорят, что официальность вечера было не его дело, а сюрприз, сделанный ему его женою [19].

Тут был — знаете ли кто? Тимирязев! Это удивительно! Судьба всюду меня с ним сталкивает. Дело его (по ревизии) производится в Сенате [20]... Был тут и Федор Ник⟨олаевич⟩ Глинка, но об нем после. Скажите Н⟨иколаю⟩ Ф⟨илипповичу⟩ Павлову, что с Шаховским я разъехался [21]... Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, обнимаю вас и цалую ваши ручки. Работает ли Константин. Пора его междуцарствию кончиться! [22] Обнимаю милых всех сестер и Константина.

Ваш *И. А.*

202

1849 г<од>. Февр<аля> 4. Пятница. <Петербург>.

Завтра 2 недели, как я здесь в Петербурге, милые мои отесинька и маменька, и сколько еще пробуду, неизвестно. Я написал две докладные записки министру, которые отдал переписывать и подам завтра. Раза с три был потом у Надеждина, но его или не заставал дома, или у него толпа гостей. Поручил кн⟨язю⟩ Гагарину напомнить Перовскому о месте...

Как поразило и огорчило меня известие о смерти Россоловской. Здесь получено было об этом письмо от Васи Глумилина [1], исполненное самой живой искренной горести. От тетеньки же Над⟨ежды⟩ Тим⟨офеевны⟩ никаких новейших сведений у здешних Карташевских нет [2]. Я обедал у них вчера.—

Я, признаюсь, не ожидал от вас таких уж похвал Корфам. Нина, бесспорно, милая и грациозная женщина, но не очаровательная, по крайней мере, для меня; честная женщина, хорошая натура, но несамостоятельная, неглубокая... Тонкость ее более или менее свойственна всем женщинам, даже глупым... Я, по крайней мере, считаю ее столько же способною прийти в восторг от драмы Тургенева [3], при отсутствии постороннего регулятора, как и любимую всеми вами Александру Николаевну Бахметеву [4]. Нина очень изящна, но эта изящность чисто внешняя... Я понимаю, что изящное женское существо любит роскошь, любит одеваться не грубою пестрядью, но брюссельскими кружевами, окружать себя красивыми служанками, а не босоногими девками, разряживать их богато для собственного удовольствия... Все это я понимаю, и это может происходить вовсе не из тщеславия; но все же это — больше элегантность, которую мы в женщинах часто принимаем за истинное художественное чувство... А этот род изящества, свойственный женщине, чрезвычайно опасен, в нем-то и сидит лукавый бес, с которым сейчас и прыгнешь в аристократию и во все изящные соблазны блестящего света... Конечно,

белые руки аристократки, руки, не знающие тяжелой работы, нежный цвет лица, не загоревшего от солнца, и пр. и пр. лучше рук и лица крестьянки и более соответствуют требованиям художественного вкуса, самая душа ее, взлелеянная среди этого изящества, на полном досуге утончившаяся, кажется выше грубой, истомленной жизнью и трудом и не способной подняться над средою действительной жизни души мужички... Но есть, слава богу, то, что восполняет это грустное неравенство. Вы знаете, что это одна из моих любимых тем, которую я непременно выражу когда-нибудь в целом произведении... Нину и Софью упрекаю я в излишней элегантности, т. е. в том, что в их душах лежит это требование слишком сильно; они обе способны быть аристократками и истинного художественного понимания в них мало. Впрочем, Софью я ставлю выше Нины.

Я не выдаю своего мнения за неопровержимое, но, признаюсь, крепко и тяжко сидит в моей душе память о людском неравенстве и страх лукавства, лежащего в изяществе... Все это закаляет мою душу крепкою бронью и против влияния женской красоты. Константин в этом отношении мягче, к тому же он подкупен, и если он в восторге от Нины, то мне понятно — почему.

Я получил ваше письмо третьего дня вечером, а вчера был у Корф; самого его не застал дома, а Нину видел и передал ей от вас поклон. Вообразите, к ним надо взойти наверх 97 ступеней!.. Ужасно. Сию минуту отправляюсь опять туда, чтоб застать самого Корфа, которого дела идут прекрасно, и они собираются выехать недели через полторы.

Бедный Гриша! Как он измучился душою [5]. Завтра пишу к нему... Анненков был у меня, но не застал дома, а оставил карточку с печатным адресом, что проживает-де он в гостинице «Париж».—

В кои-то веки собрался в итальянскую оперу. Приезжаю: негодующая толпа валит вон! Спектакль отказан по случаю болезни Тамбурини [6]. Вчера был у Вяземского. Он ни слова о своем вечере [7]. Прощайте, милые мои отесинька и маменька. Поздравляю вас всех с будущим 7-м февраля, и милую Веру в особенности [8]. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

Вашу клубнику я отдал корфским детям. Неужели Вы думали, милая маменька, что я стану себе квасить желудок этою квашней. О холере здесь и не слышно.

203

7-го февраля 1849 г<ода>. Понедельник. <Петербург> [1].

Нынче начинается эта беспутная неделя, освященная обычаем всего христианствующего человечества, и нашего народа в том числе, который в этом случае стал не выше прочих... Винный и блинный запах разливается по всем улицам, наполненным суетящимся и спешащим народом; все смотрят, как шальные, как одуренные хмелем, с пьяною готовностью на всякой разврат; воздух гнил, улицы покрыты грязным снегом, превратив-

шимся в вонючий песок. Нина и Корф посылают вам поклоны, милые мои отесинька и маменька; они хотели выехать в четверг на нынешней неделе. Я был у них вчера, но не застал дома... Вчера отвез я министру свои последние записки, но ничего ему не говорил о месте, потому что мне отсоветовали и потому что я имею в виду возможность создать одно чрезвычайно важное поручение. Государь приказал м⟨инистерст⟩ву в⟨нутренних⟩ дел обратить внимание на состояние ремесленного класса в городах и улучшить ремесленное устройство (цехи и т. п.), заимствованное нами у Германии... Для этого представляется необходимым изучить положение ремесленности в городах, по крайней мере, главных, в Москве, в Петербурге и — что всего важнее — познакомиться с ремесленною промышленностью деревень, с устройством ее в селах. Эта промышленность, которую Кобден [2] называет здоровою, может послужить образцом или, по крайней мере, руководителем при развитии мануфактурной деятельности... Теперь, впрочем, у затевающих это дело сидит другая мысль: подчинить эту сельскую ремесленность какому-нибудь устройству, вмешать в нее участие правительства значит испортить все. Но если я вмешаюсь туда с своим взглядом, так могу ее сколько-нибудь предохранить и приобресть драгоценные факты. К тому же эта работа года на два, в течение коих зуд проектов может у них уняться. Мне предлагают еще частным образом заняться этим.— Для этого будет учреждено целое штатное место. Если бы это удалось, то я мог бы лето посвящать на посещение сел, а зимою работать в Москве... Как вы об этом думаете?.. Но для этого нужно сильно хлопотать и познакомиться со многими лицами в м⟨инистерст⟩ве, к сему причастными, что я и намерен начать делать с нынешней недели, хотя в эту дурацкую неделю мало от того будет пользы...

Надеждин говорит, что еще не составлял докладной записки из моего рапорта, а я слышал, но не знаю, верно ли это, что уже записка составлена и подана. Кажется, Надеждин не очень хочет, чтобы я остался при раскольничьих делах.— Вообще мы с ним в отношениях холодно-учтивых... Да и нельзя иначе, а то, в силу старого знакомства, он готов оседлать вас своею фамильярностью, которая грязна и противна.—

Строганов выхлопотал у государя совершенное прощение Бодянскому и позволение опять занять кафедру в Москве [3]. Но это торжество как бы не повредило ему хуже. Занять кафедру в университете вопреки министру значит подвергать себя жестоким прижимкам со стороны последнего и надзору за каждым словом, сказанным с кафедры...

Вот вам еще новость: на театрах запретили играть... «Разбойников» Шиллера!!! Владимир Ив⟨анович⟩ Панаев [4], серьезно одобряя эту меру, находит, что при существующих обстоятельствах эта пиеса очень опасна. Впрочем, самого его я не видал. Они, говорят, не принимают, потому что жена пьет запоем. Черт знает что такое! Говорят также, что на время поста разрешено давать представления здешнему вновь устроенному «театру-цирку», вопреки требованию нового митрополита [5]. А представления в русском театре в субботу и накануне праздников здесь даются постоянно... Я решительно не сближаюсь с Петербургом и его обществом и, кроме Самарина и Попова, с которыми видимся, разумеется, каж-

дый день и по нескольку раз, посещаю только своих товарищей, Смирнову [6] и Карташевских, у которых два раза в неделю обедаю. Вы мне ничего не пишете о Константине. Что он, принялся ли за работу? Часто что-то пошло соблюдение приличий относительно Свербеевых [7]... Нынче день рождения Веры, поздравляю вас всех еще раз. Дай бог, чтоб этот год ей было лучше! Обнимаю всех сестер и Константина, цалую ваши ручки, будьте здоровы. Прощайте.

Ваш *И. А.*

204

Четв<ерг> 10-го февр<аля>. № 2. <Петербург>.

Я получил на нынешней неделе два письма от вас, милые мои отесинька и маменька; очень, очень благодарю вас, но одно мне неприятно: видеть, что вы себя беспокоите и совершенно понапрасну. Я совершенно здоров, о холере ничего не слышно, да, кажется, ее и нет. Писал я вам всегда письма по два в неделю и в первую неделю чуть ли не три раза; для предупреждения недоумений буду выставлять номера. Это письмо уже второе на нынешней неделе... Теперь буду отвечать на ваши письма: вы говорите, что жена Булгакова [1] вам всем очень понравилась. Я ее не знаю, но по тому, чтó об ней знаю, удивляюсь этому. Или уже ей растолковали, как вести себя в нашем доме, как и чем прикинуться, чтоб заслужить общее благорасположение, хоть самою простою женщиной... Кавелин [2] здоров теперь и сделался охотник до преферанса, для каковой надобности Яша и Коля Карташевские ездят к нему два раза в неделю. Слухи, рассказанные Васьковой [3], не подтверждаются... Корфы отложили свой отъезд до субботы. Вчера я встретил Софью Матв⟨еевну⟩ Великопольскую, жеманную и манерную в высшей степени. Она бранит Москву и превозносит Петербу̑рг с нежным закатыванием глаз под лоб; говорит, что получила от Константина Сергеевича письмо «такое выспренное, превыспренное», что почти не могла понять его, что видит только, что он «заражен ультра-патриотизмом», а, по ее мнению, «надо быть космополиткой» и «sur ce, j'ai l'honneur de vous saluer» *, присела и вылетела. Я, разумеется, с ней и не спорил, а успел только сказать ей, что она потому не поняла письма, что давно не следит за ходом мысли в Москве... Вы не пишете, как дядя Аркадий намерен выехать: один или с семьей... Попов выздоровел и выезжает, но пуще прежнего занят Софьей Петр⟨овной⟩ [4]... Надо видеть, как всячески старается он угождать Катер⟨ине⟩ Мих⟨айловне⟩ [5], исполняя ее разные комиссии, Языкову Александру Михайловичу [6], какой-то двоюродной их сестре, недавно приехавшей сюда, к которой ездил, несмотря на болезнь, не сказав нам ни слова, и пр. и пр. Самарин говорил мне, что написал большое письмо к Константину с воззванием к деятельности. Он хочет заняться земскими думами и написать об них статью. Славный он человек. Мы, впрочем, живем решительно осо-

* За сим имею честь откланяться (*фр.*).

бой колонией. Оба они [7], впрочем, посещают петербургское общество, Карамзиных и пр., но держат себя там совершенно от него независимо. Я же вовсе не знакомлюсь с ним... Записка государю еще не составлена. Ехать в Ригу я отказался [8]. То поручение, о котором я вам писал, еще далеко от осуществления: это только мысль некоторых. На этой дурацкой неделе ни от кого толку добиться нельзя... Я, как Ив⟨ан⟩ Ермолаевич [9], могу хлопнуть себя в лоб и сказать: «Как у меня кабак развивается!..» Действительно, я хочу в «Бродяге» дать надлежащее место и этому явлению жизни во всем его обширном, серьезном значении. Благодарю Константина за письмецо, крепко обнимаю и буду ему писать в субботу. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Веру, Олю, Надю и всех сестер.

Ваш *И. Акс.*

205

Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову

Понед<ельник>. 1849 г<од>. Февр<аля> 14. П<етер>бург. № 3.

Хотел писать тебе на прошлой неделе, в субботу, милый друг и брат Константин, но не успел, потому что надо было мне ехать к кн⟨язю⟩ Гагарину и к Корфам. Корфов я уже не застал, к величайшей моей досаде, чего никак не предполагал, ибо рассчитывал на обыкновенную медленность женских сборов. Если они еще в Москве, то прошу тебя объяснить им все это. Гнусное время масляницы кончилось, и, слава богу, наступил великий пост!.. Я хочу говеть на этой неделе в Училище правоведения, подле которого живу. Вчера, в воскресенье, я был там у обедни и, признаюсь, когда взошел я в эту церковь, где не был почти 7 лет, когда услыхал опять голос нашего священника, тогда возвещавший и теперь продолжающий возвещать те же истины, в тех же выражениях, то я был тронут почти до слез. После обедни зашел к нему, и мы с ним очень дружески встретились. Он недавно потерял жену, и это несчастие сделало его гораздо мягче... Я уже на масланице принялся и великим постом положил себе обязанностью непременно читать каждый день Библию. Надо же когда-нибудь, а то наше невежество, а главное — равнодушие к нашему невежеству, неизвинительны. Надо же по крайней мере знать, что́ признаешь и что́ отстаиваешь!.. Вообще я бы хотел сблизиться со всем внутренним и обрядным значением нашей церкви... Кроме того, я продолжаю читать разные книги и принялся — не знаю, как пойдет — за «Бродягу»... Таким образом, я совершенно изолировал себя в Петербурге.— Надеждина после того не видал, а поеду к нему на этой неделе.— Главное, о чем я хлопочу теперь, это о штатном месте, но действую в этом случае не через него, а чрез Скрипицына [1] и Гагарина. Скрипицын продолжает уговаривать меня ехать в Ригу, но я не хочу. Если б это еще было на 6 зимних месяцев, так, может быть, я бы и отправился, но ехать туда на все лето мне ужасно не хочется... После твоего письмеца с припиской отесиньки я еще не получал писем; может быть, вы не писали, а,

может быть, чего я боюсь, почтальон не нашел никого дома, а дворник живет на другом дворе. В этом отношении квартира эта преглупая. Уж лучше пишите на имя Попова. Напишите Грише, что мне сказали в министерстве, что Балкашин [2] один имеет возможность сделать его вице-губернатором, не подвергая необходимости ревизовать наперед и проч., и потому пусть Балкашин и представит об нем.—

Чтó ты делаешь Константин? Сработаешь ли что во время поста? Или опять по-прежнему? Дай мне возможность отвечать что-нибудь на задаваемые вопросы о деятельности Москвы. После драмы [3] прошло много времени, так что на нее нельзя теперь указывать... Я уж, право, и не знаю, как и чем тебя заставить работать и вселить в тебя *бодрость труда*. Отсутствие бодрости духа, вероятно, в связи с недостатком бодрости в теле, отвыкшем от всякого движения и привыкшем к дреманию. Самое опасное и самое скверное — это дреманье! Оно противно, потому что тут есть нега, между тем как крепкий сон, своевременный и краткий, еще более придает бодрости телу; он совершенно *законен* и в порядке вещей. Я решительно не могу понять, как ты допускаешь это беззаконное, противное, отвратительное дреманье в то время, когда другие и вся семья бодрствует! Надо бы тебе тысяч пяток верст протрястись на телеге! Прощай, обнимаю тебя крепко, но мне грустно знать наперед, что все мои советы останутся втуне. Обнимаю вас, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую всех сестер.

Ваш *И. А.*

К Васильчиковым, разумеется, ездить не следует, да даже говорить и думать об этом не стоит [4].

206

1849 г<од>. Февраля <17>. Четверг. № 4. П<етер>бург [1].

Третьего дня я получил письмо ваше от 9-го февраля, милые мои отесинька и маменька. Очень мне грустно видеть, что вы ко всем и без того уже многочисленным беспокойствам присоединяете совершенно ненужные и напрасные беспокойства обо мне. Между тем беспокоиться нет никакой причины: я здоров и два раза в неделю пишу письма. Соберите все полученные от меня письма: вы увидите, что расстояние времени между ними всего три, четыре дня! Вы пишете, милый отесинька, уже по получении письма, которое Вы считали пропавшим: «ты пишешь мало и *редко*». Но из Вашего же письма видно, что полученное в этот день письмо было от 4-го февраля, а предшествовавшее этому и также полученное Вами письмо было от 31 января... А маменька пишет: «сейчас получили письмо и вместо повествования одни рассуждения...» Да о чем же я могу повествовать вам? Я никуда не езжу, нигде не бываю; жизнь идет колеею самой обычной ежедневности, сижу дома, читаю, занимаюсь... Что тут прикажете рассказывать? Это не путешествие, где возникает целый ряд быстрых, сменяющих друг друга впечатлений. Разные лакейские анекдоты о дворце, вы знаете, довольно мне противны; если и слушаю их, так скоро

и забываю и вообще не придаю им большой важности. Позвольте теперь отвечать вам на некоторые вопросы

Пальчикова [2] видел я раз в театре. Он большой охотник до итальянской оперы. Узнал я от него их адрес, потому что потерял его, но, по случаю первой недели и говения, еще не был у них. Знаю только, что мать его не совсем здорова. О том, что Софья Петровна отправляется на бал к Закревскому [3], Попов знает и извиняет в ней детское желанье посмотреть этот бал, но винит в этом мать ее и тетку [4], которая, если б Хомяков позволил, сама бы полетела туда. А в этом желании со стороны Кат⟨ерины⟩ Мих⟨айловны⟩ Хомяковой обвиняет Алексея Степаныча, который вовсе не занимался воспитанием жены своей, взятой им за себя провинциальным ребенком... Самарин переделал свои письма [5], выкинув из них резкие и опасные места, ибо письма до сих пор возбуждают сильную злобу немцев, везде прославляющих его или шпионом правительства, или опасным, вредным либералом... Он почти вовсе не посещает общества и, кроме своих занятий, имеет еще официальное занятие по вопросу о приказах общественного призрения: каким образом усилить их кредит и сделать их более полезными для округа, в котором каждый из них находится, и пр... Смирнова все нездорова; она сделалась гораздо лучше прежней, но вдесятеро скучнее. Она прилепилась к набожности со всею ее внешностью, знает, кажется, наизусть все святцы, уничтожила все свои цветные одежды, оставив одни черные, также всю излишнюю роскошь, что, конечно, не худо, но в то же время с видом ужаса рассказывает охотно такие вещи, которых говорить нет никакой надобности... Ах, да куда ни взглянешь, начиная с себя, так везде такая дрянь, такая гнусность, что не знаешь, куда деться! Скучно, невыносимо скучно жить на свете, если только есть хоть минута досуга оглянуться кругом!.. Мои дела все еще не подвинулись. Князь Гагарин говорил обо мне Перовскому; тот отвечал, что я непременно получу место и имею на него полное право; Надеждина еще не видал на этой неделе, нынче отправлюсь к нему.— Карташевские на днях получили большое письмо от самой тетиньки Над⟨ежды⟩ Тим⟨офеевны⟩ [6], в котором она о своей болезни ни слова. Вы, верно, также говеете на этой неделе, милая маменька, заранее поздравляю Вас с причащением. Я сам говею в Училище правоведения и прошу у вас у всех прощения. Это говенье в том самом месте, где я говел за 7 лет тому назад еще юношей, для которого расстилалась только впереди безвестная дорога жизни, наводит на меня тоскливые рассуждения... Прощайте, сделайте милость, не беспокойтесь. Будьте здоровы. Обнимаю Константина и всех сестер, цалую ваши ручки.

И. А.

207

1849 г<од>. Февр<аля> 21. П<етер>бург. Понед<ельник>. № 5.

Вчера принесли мне два ваши письма, милый отесинька и милая маменька, от 15-го и от 16-го февраля вместе; впрочем, в последнем одно письмо Гриши. Поздравляю Вас, милая маменька, и тебя, Константин, и тебя,

Любочка, с приобщением. Я сам приобщался в субботу, и потому не успел вам написать в этот день... Письмо Гриши отсылаю вам назад. Итак, он делается помещиком богатого имения, упрочивает накрепко за собою звание помещика!.. [1] Конечно, ему иначе нельзя, но я уже по одному этому боюсь женитьбы. Если б я был женат и имел детей, я, разумеется, хлопотал бы изо всех сил о их благосостоянии, а в России это благосостояние приобретается помеществованием. Я же дал себе слово никогда не иметь у себя крепостных и вообще крестьян; что бы ни говорили, а искусительные выгоды помещичьего звания нарушают чистоту взгляда на крестьян, мешают действовать... Нет, бог с ними. Я же держусь того мнения, что помещики непременно должны понести правомерный убыток при эмансипации крестьян за то, что целые столетия пользовались безобразными правами над собственностью и лицом крестьянина; я считаю или, лучше сказать, я не вывожу этого логически, но душа моя говорит мне, что крестьянин, обработывающий землю, крестьянин, для которого она единственная мать и кормилица, более меня имеет на нее прав. И странно как-то в настоящее время приобретать поместья!.. Один брат делается помещиком, другой изо всех сил будет хлопотать лишить его многих помещичьих выгод!.. Не знаю, писал ли я вам, что я теперь пишу статью о царанах по официальным документам, которые Ханыков достал мне из м⟨инистерст⟩ва вн⟨утренних⟩ дел. Я пишу по собственной охоте. Это будет поучительная повесть о трудности согласить помещичье звание с выгодами и свободою крестьян; в ней изложится история всех попыток и действий администрации относительно их и необходимость вмешательства правительства в это дело, которое иначе никогда не решится. Это двое тяжущихся, которым нужен посредник... Впрочем, об этом когда-нибудь подробнее. Об остзейских крестьянах есть уже обработанная статья. Таким же образом надо будет обработать статьи о половниках Вологодской губернии, о контрактных крестьянах в западных и т. д. Между тем Беляев напишет историю крестьянского сословия в России до Петра [2]. Одного из своих товарищей я засадил за выписки из «Полного собрания законов», изо всех указов, начиная с Петра, где упоминаются крепостные; надо бы также сделать выписку изо всех уголовных дел с Петра, где видны отношения помещиков с крестьянами. Все это поможет изучить настоящий быт помещичьих крестьян и, следовательно, подвинуть дело эмансипации, которое должно быть впереди всех других. Без него едва ли прочие возможны... Я хочу писать в роде того, как существуют Beautés de l'histoire Romaine, Grecque,— beautés * из истории помещичьего быта, где изложить все ужасные случаи помещичьей власти, знакомые мне и другим по уголовным делам. Еще недавно я слышал об одном случае... Хорош, нечего сказать!..

Вот еще насчет Гриши. Неужели он думает оставаться прокурором, жену отослать в имение и ездить к ней по пятницам, субботам и воскресеньям. Это что-то несообразно. Я не знаю, сколько верст, но *так* нельзя

---

* Достопамятные события римской истории, греческой [3] — достопамятные события... (*фр.*).

быть прокурором; с этой должностью нельзя *так* поступать [4]. Да, кроме того, бережливость для устройства благосостояния детей может перейти в страшную привычку, в скупость, пример которой для детей хуже, чем недостаток всякого состояния. Мне кажется, что они слишком уже полагают все в денежном благосостоянии. Полезнее для души детей умеренность незаслуженного достояния! Изо любви к детям отец с матерью готовы сделаться деревенскими дикарями, помещиками, копящими деньгу, непременно опошлиться... Жертва безумная, приносящая более вреда нравственного детям, чем расточительность. Впрочем, у них дочь! Все это, что я написал, может и не быть, но надо умненько вести себя и остерегать от возможности сделаться всем этим. Передайте, если хотите, Грише с Софьей мои слова. Крепко их обнимаю... Теперь отвечаю на ваши письма.

Я точно писал вам свой адрес, и если его нет ни в одном письме, значит, оно пропало. Впрочем, сообразите числа. Я аккуратно писал по два раза в неделю и вообще плохо запоминаю, чтó я писал и чего нет. Все это смешивается в памяти с бывшим намерением написать... Я также писал вам недавно, чтоб вы продолжали адресовать письма на имя Попова, человек которого принимает их и получает за это от меня деньги... Мой же адрес: на углу Сергиевской и Соляного переулка, близ Пустого рынка, дом Берникова, ход со двора из переулка. Дом совершенно сзади Училища правоведения, которое из моих окон все видно. Я ваши все письма получил. Адресовать же прошу на имя Попова потому, что квартира моя на заднем дворе, где не живет дворника; двор этот, чуть смеркается, уже запирается, и ворота без калитки, так что я должен выходить разными лабиринтами прямо на Сергиевскую.—

То, что я писал о предположениях по службе, могло быть рассказано Хомякову, но с тем, чтоб он не рассказывал этого Москве. Да и кто в Москве, т. е. в обществе, примет в этом участие?.. Даже всему кругу наших знакомых слова «цех», «ремесленник» звучат дико; гораздо ближе им слова: «мыт», «промыт» и пр. Но это-то последнее знание нужно необходимо для практической деятельности, к которой сами-то они неспособны... Вы знаете, что я напоминал чрез князя Гагарина министру о «даче» мне места. Министр требовал Надеждина, спрашивал обо мне, чего именно я хочу, имею ли я состояние или нет и пр. Надеждин отвечал ему, что я хочу места чиновника по особ⟨ым⟩ пор⟨учениям⟩, которое заслужил исполнением возложенного на меня поручения, и что жалованье мне нужно. Дело в том, что вакансия чиновника есть, но без жалованья, и что свободных других сумм для этого в министерстве нет... Вслед за этим директор хозяйственного департамента Лекс, встретив Надеждина, сам от себя стал просить его предложить мне: не хочу ли я взять место начальника продовольственного отделения в его департаменте (4500 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ жал⟨ованья⟩ и денежные награды); он уверяет, что это меня нисколько не свяжет, что весною тем не менее могут мне дать поручение и т. п., что я могу быть только управляющим отделением и пр. Надеждин уговаривает меня взять, я обещал дать ему ответ через несколько дней и еду нынче, чтоб решительно отказаться. Я знаю эти проделки.

Как засядешь на месте, так трудно будет вырваться; к тому же я не хочу канцелярской работы и ежедневного посещения департамента. Лекс обещает этим способом доставить вице-директорство. Да я не хочу и вице-директорства, и не хочу связывать себя неразрывно с П‹етер›бургом. Я хочу ездить по России и только. Они рады, конечно, будут, что попался человек на место, с которого двое слетело за взятки, и употребят все старания, чтоб приковать меня к нему, и потому, не полагаясь на все эти обещания, отказываюсь. Вероятно, места теперь я не получу, а с весною получу поручение, какое именно, не знаю. Едва ли к тому времени созреет план ревизии цехов, ибо дело теперь в том, чтоб отделение это, по которому идет и это поручение, сделать наперед особым вице-директорством...

Вы пишете мне, милый отесинька, все грустные вещи![5] Грустно и дома, грустно и тогда, когда поглядишь вокруг и увидишь всю бестолковщину и подлость общества. Я не знаю, как действует на Константина современное состояние общества, в котором он столько лет проповедовал! Гнусно и грустно! А между тем затруднен прием в университеты лиц низшего состояния; профессор Куторга посажен на 10 дней под арест и отрешен от профессорства за то, что, будучи когда-то цензором [6] (уж он давно и не цензор), пропустил к печати какие-то немецкие стихи, о которых никто и не помнит! А между тем всякая честная мысль клеймится названием якобинства, и торжество старого порядка вещей в Европе дает торжествовать и нашему гнилому обществу. Елачич помог было на время [7], но это продолжалось недолго. Хоть бы убедилось правительство в мирном характере, в благочестии наших убеждений и нашего направления... Как-то на прошедшей неделе я почувствовал это особенно тяжко и написал стихи [8], которые и посылаю вам как выражение этого тягостного состояния... Я убежден, что никогда никто не читает моих писем на почте. Если б читать письма всех, которые воображают, что их письма читаются, то не достало бы времени. Я говел с большим удовольствием в этой самой церкви и у того же священника, как и за 7 лет. Вспоминаю, как часто хаживал я один по этому церковному коридору и сколько неясных стремлений мучило меня тогда, и как мне детски хотелось, несмотря на все отрицания рассудка, писать и «*быть литератором*!..» Какое невольное желание было всякий случай, всякий предмет, всякую картину перевести на бумагу, оторвать от земли, обрамить. Я не исполнял этого желания, но внутри, в душе эта работа происходила и обыкновенно, как помню я, за всенощной. Там сочинял я целые сочинения, которых никогда не писал. А теперь, теперь хуже стало в душе! Прощайте, мои милая маменька и милый отесинька, цалую ваши ручки, крепко обнимаю Константина, Веру (которую очень благодарю за несколько строк), Олю, Надю и Любу и всех сестер. Будьте здоровы.

И. А.

До четверга!.. Опишу все остальное.

208

24-го февраля 1849 г<ода>. Четв<ерг>. С<анкт-> П<етер>бург.

Это письмо придет, вероятно, к самому 1-му марта. Поздравляю вас, милая маменька и милый отесинька, и крепко обнимаю. Дай бог, чтоб невозмутимо прошел этот день. Для меня 1-ое марта, кроме Вашего дня рожденья, милая маменька, напоминает рождение весны, и я люблю этот первый весенний месяц, если не de fait, так de droit *, по календарю. Такая ли же у вас оттепель, как здесь, где уже несколько дней сряду дует ветер с моря такой, что обратил все улицы в лужи, и Петербург гуляет в одних пальто... Вот уж и вторая неделя поста приходит к концу: я до сих пор ем постное, и потому обедаю все дома, так как в Петербурге в домах везде скоромное... На нынешней неделе в середу должен был я читать у Вяземского [1], но по какому-то случаю отложили чтение.— Карамзины были в семейной претензии на меня за то, что я не познакомился с ними, наконец, разумеется, успокоились и теперь, слава богу, и меня все оставили в покое... Яша Карташевский берет 4-х месячный отпуск и едет к своим в деревню. Тетенька давно уговаривала его приехать, и он, по моему совету, и решился было отложить поездку до весны, но недавно получил вновь письмо от тетеньки и от сестер, в котором они жалуются на тоску и скуку, на запутанность хозяйственных дел, которые пришлось разбирать Надежде Тимофеевне, и потому хочет отправиться теперь же. Он поедет через Москву, откуда с почтовой каретой на Казань и просит вас записать его на следующее за получением этого письма воскресенье и не позже вторника.

Писал ли я вам, что на днях встретил я Ивана Ермолаевича, который мне чрезвычайно обрадовался. Можете себе представить, что ведь он действительно сделал новое открытие для разработки полотна, открытие, подтвержденное опытами назначенного для того особого комитета... Государь велел ему выдать 15 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, предоставляя ему полную привилегию продавать и вводить свое изобретение.

Также встретил я на днях Григоровича [2], которого не узнал сначала, но который меня узнал и искренно обрадовался. Мне самому весело было на него смотреть. У него есть положительный талант, и талант, чисто свалившийся с неба, не подготовленный ни умом, ни образованием, ни направлением, как это теперь часто бывает, так что не различишь, что талант, что ум... И потому-то и весело мне бывает слышать в ком-либо присутствие такого таланта, этого гостя независимого, бог знает откуда пришедшего... Он записал мой адрес и хотел у меня быть. Третьего дня был у меня Пальчиков. Он хочет ехать на 4-ой неделе поста и давно бы ехал, если б не болезнь его матери, продолжающаяся и до сих пор. Я буду у них в конце этой недели. Ранее было нельзя именно по причине нездоровья Пальчиковой [3]... Он все такой же самостоятельный малый и не поддался влиянию Петербурга.

Старый порядок начинает опять возвращаться в Европе и Австрия —

* Фактически... юридически (*фр.*).

к политике Меттерниха [4]. Вы, может быть, читали в газетах строгие запросы, заданные австрийскому правительству Палацким [5] по поводу двусмысленной ноты к Франкфуртскому сейму [6]. Он требует, чтоб Австрия высказала свои настоящие отношения к Богемии и Моравии, ибо в этой ноте слышится, что она ставит на 1-ой план немецкую народность и желает сохранить влияние на Германию не силою равенственного соединения своих разноплеменных областей, но именно своим немецким значением, и заставляет теперь делать новые выборы для посылки на Франкфуртский сейм депутатов между теми славянами, которые уже раз положительно от того отказались. Одним словом, Австрия не оставляет намерения германизировать славянские племена, но, дабы не испугать их, действует по обыкновению двусмысленно, лжет и обманывает, как и прежде. Елачич писал сюда, что он находится в самом грустном положении, не знает, что и делать: Австрия вновь вводит между кроатами употребление мадьярского языка! [7] «Я,— пишет он,— нахожусь между двух неприятностей: или опять подпасть под зависимость мадьяр, или сделаться мятежником против своего императора...» — Впрочем, пока не решен вопрос итальянский, Австрия не решится на многое [8]. В Галиции вновь стали вводить сбор десятины в пользу помещиков, и это дало повод тоже к интерпелляции одного из представителей Галиции на Венском сейме! ..[9] Силен же этот старый порядок, нечего сказать! Хоть я и не верил возможности возродиться в Европе новым началам силою собственных средств и тем путем, которым они шли, но все же, пока происходила борьба, они были в ходу в самых душах человеческих и смущали их; все же слышалось, что занесены такие вопросы, разрешение которых вызовет и нас на сцену и преобразует мир. А теперь опять покойно заплывет жиром сердце человеческое; грустно знать, что страшные раны, которые были обнажены 1848-м годом, остались невылеченными, закрыты снова и преданы забвению!.. Разумеется, старый порядок не устоит, но простоит, может быть, еще долго!

Читали ли вы «Отголосок русского сердца, тверского помещика Дмитрия Шелехова [10], статского советника и кавалера»? Этот господин напечатал свой отголосок особыми брошюрками и сам развез по всем здешним магнатам. Прочтите, это замечательно как бескорыстная подлость подлостей. Говорят, что он помещен в «Инвалиде» [11]; впрочем, у Самарина есть, и я его уговаривал послать в Москву; если же он не пошлет, так я достану и пришлю. Он говорит, между прочим, про Россию, что в ней законы исполняются, как святыня, что в ней крестьяне благоговеют пред богом и пред своими господами и пр. Ну что прикажете делать с этим народом?.. У нас, право, создастся целая своя правительственная литература, ибо другой и хода не дают... Уваров отстоял профессорствование Куторги [12] с условием строжайшего за ним наблюдения. Куторга же в университете читает зоологию.

Говорят утвердительно, что весь двор едет на страстную неделю в Москву, там будет говеть и встретит пасху.

Языков сказывал Попову, что Константин перестал будто бы ходить к Хомякову за то, что он пустил жену свою на бал к Закревскому. Вы ничего про это не пишете.

Кстати, напомните Константину место из «Деяний св⟨ятых⟩ апостолов»[13]. Нет, перечел, не годится. Я хотел показать ему благоразумную умеренность апостолов в требованиях своих при обращении язычников.

Я совершенно согласен с Вашими прекрасными строками, милая маменька, относительно снисхождения, но есть вещи непримиримые, где все транзакции[14] вредны.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю и поздравляю милого брата Константина, Веру, Олю, Надичку, Любочку, Марихен и Соничку. Что Надичка рисует? А ты, Константин, что?

И. А.

209

1849 г<од>. Марта 1-го. Понед<ельник>.
С<анкт-> П<етер>бург. №... кажется, 7-ой.

Поздравляю вас еще раз, милая маменька и милый отесинька, и всех наших со днем 1-го марта[1]. Вчера получил я Ваше письмо, милый отесинька, от 23-го февраля (от середы) с приложением присланной Гришею бумаги. Вы пишете, что еще не знаете моего адреса, но я посылал его (на углу Соляного переулка и Сергиевской, близ Пустого рынка, дом Берникова, ход из переулка) и в то же время просил писать на имя Попова. Это вернее; платит почтальону его человек, у которого всегда деньги на расход есть и который мне потом подает счет... Теперь о Грише. Конечно, ему следует выйти в отставку, но предварительно получив чин. Если он выйдет сейчас, то, пожалуй, его не представят к чину... Разумеется, быть помещиком — не столько с мыслию о выгодах детей, сколько с постоянною целью об упрочении благосостояния крестьян — так же полезно, как и быть прокурором, но я боюсь, чтобы необходимость экономничанья не привела к скупости и к некоторому стеснению крестьян. О, сохрани от этого боже! Если бы случилось последнее, то я первый готов был бы подписать разоряющий его приговор... Хотя, с одной стороны, я и люблю бо́льшие обороты и риски, но не люблю, когда, так сказать, вместе с оборотом закладывается целая жизнь? Поэтому я не люблю ни 35-летние залоги имений в Опекунском совете, ни контракты на 50 лет и пр. — Признаюсь, я не замечал здесь в Нине зависти к Софье[2], но так же, как и вы, бранил ее не раз за аристократизм и светскость... Соллогуб действительно читает свою драму мастерски. Вы помните, что́ я вам писал с Серных вод о его драме?[3] То же самое, что пишете и вы по рассказам Константина[4]. Я также высказал ему открыто свое мнение. — Яша Карташевский едет в середу с экстра-почтой, следовательно, в пятницу будет у вас. На днях был у меня Анненков. Он все такой же, так же мил! Обещает уехать отсюда в середу, но, вероятно, поедет не раньше воскресенья... Вчера был я у Марьи Алекс⟨андровны⟩ Пальчиковой, которая только теперь несколько оправилась и стала принимать. Она мне чрезвычайно обрадовалась и просила вам кланяться; сама же будет в Москву только по летнему пути, когда совершенно выздоровеет. Сын же ее Николай едет на бу-

дущей неделе, чтоб весну встретить в деревне. — Также на днях был я у Петра Гр⟨игорьевича⟩ Фролова. Он поздравляет вас всех с нынешним днем. Какой жалкий и несносный человек. Я понимаю, как он может сделаться противным ребенку. То, что я у него до сих пор не был, он приписывал влиянию Перовского!

На 5-ой неделе поста едет в гости к вам государь со *всем* своим двором, со всей царской фамилией. Они хотят встретить там пасху и обновить дворец. Говорят, отправляется также туда по почте батальон Преображенского полка и эскадрон конногвардейцев... Вероятно, будет много манифестаций русицизма, много всяких эффектов... Государь-то на это мастер, и я уверен, что в его душе собственно, когда он бывает в Кремле, пробуждается сочувствие к народу, к Руси, но не всегда ясно для него самого... Но всего забавнее будут окружающие его!.. Все это пустится в национальность, которую опошлят до невыносимого; если уже Закревский своим маскарадом увлек всю Москву[5], так что уже будет теперь! И на дне Москвы, на осадке, останется один Константин, ибо и народ поддастся весь обаянию... Маскарад Закревского (возбудивший в Петербурге сильную зависть) повторится во дворце, и, *вероятно*, все участвующие будут причислены к московскому двору его величества. Кавалеры будут сделаны камер-юнкерами и камергерами, а девицы получат фрейлинский шифр[6]. Теперь послан туда граф Шувалов[7] для найма ко дворцу 300 человек прислуги... Что всего замечательнее — это то, что государь приказал Блудову ехать с собою, и он едет вместе с Антуанеттой[8], о чем скажите Хомякову, он может надеяться, что его будут таскать всюду: что мы будем тогда делать с бородой?.. Очень может быть, что с Блудовым поедет и Попов... Кстати, скажите Хомякову, что Попов просит узнать от него: получил ли он три его письма, посланные Поповым Хомякову, так как от Хомякова нет никакого ответа?

То-то будет лафа Шевыреву! Вот распишется! Что за дрянь этот человек! Мы прочли его статью все втроем, вместе. Он в тысячу раз отвратительнее Шаликова[9]. И заметили вы тут слова о благотворительности, о пользе роскоши и расточительности? И какой вздор все это! Никогда не полезна роскошь, ибо она непроизводительна и расточает капиталы, которые, действуя как капиталы, в тысячу раз полезнее, нежели в бесконечно малом раздроблении. По крайней мере, так учила меня политическая экономия... И для каждой пары нашел он приличную похвалу и не скажет никогда «Петербург», а всегда «Северная Пальмира», «Невская столица»!.. Что за отвратительный сироп[10]. Мне было просто весело перейти к топорной рубке Погодина... Э, скверно! И какой-нибудь маскарад — вот все проявление общественной публичной жизни, наполнившее собою всю зиму!.. И ничего больше? Надобно иметь или непонятную мудрость, или тайное равнодушие сердца, чтоб довольствоваться какою-нибудь малою толикою проявившегося здесь движения мысли, чтоб довольствоваться и быть довольну, т. е. спокойну!.. Все это так скверно, так грустно, чувствуется такое бессилие, что мне хочется опять в даль, в даль, под это чудное, южное, темно-синее небо, которое вышибло у меня слезы, когда я впервые увидал его под Николаевым; чуть здесь заиграет солнце и

начинается оттепель, уж меня так и подмывает... Как мне хотелось бы провести лето где-нибудь в Малороссии, на хуторе!.. На прошедшей неделе как-то перечитывал я какую-то малороссийскую песню, и мне так вдруг захотелось этого, что я отправился в департамент и объявил намерение взять ревизию городов в Полтавской губернии. Но потом я собрал сведения относительно этого именно поручения и оказывается, что самый меньший срок для выполнения его — два года, что придется обревизовать 16 городов и что работы—так, как предполагает эту работу инструкция — гибель и много работы черновой... Министру об этом еще не докладывали, и я думаю поискать другого поручения в Малороссию же. Оказывается, что весьма мало порядочных поручений.

«Бродяга» все еще продолжает быть в ходу, совершенно независимо от автора, о котором, слава богу, никто решительно и не заботится. Попова зовут «с ,,Бродягой''», там кто-то читает его в других местах, один экземпляр лежит у Елены Павловны, другой полетел к Марье Николаевне[11]. Попов исправляет должность официального чтеца моих стихов. Это еще ничего, но как они сами там читают, по ошибочным спискам, не смысля ничего в метре, это уж бог весть! Недавно Попов опять читал у Блудова, где, между прочим, был и Александр Строганов, дурак, бывший министр[12]. Он заметил, что как-то, однако, нехорошо: будто в России так много бродяг. Блудов, который приходил в свирепый восторг, заметил также, что Бутурлин многого не пропустит[13]. Блудов говорил Попову, что он, должно быть, Вас знает, милый отесинька, и что он помнит, как определял Вас цензором, бывши товарищем министра нар⟨одного⟩ просвещения. Несмотря на все это, я решительно перервал все знакомства в Петербурге, даже с Веневитиновым и Виельгорским, к которым не поехал по возвращении из Бессарабии, и чувствую себя здесь совершенно как в пустыне, ибо в этом участии, возбуждаемом «Бродягою», нет ничего теплого, греющего и относящегося собственно к моей особе, к Ивану Сергеевичу[14]. И это участие так глупо и бестолково, рассмотренное вблизи, что лучше об нем слышать издалека. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. Вы ни слова не пишете ни о Константине, ни о знакомых.

И. А.

До четверга.

210

Пятница. 5 марта 1849 г<ода>. С<анкт-> П<етер> б<ург> [1].

Нынче едет Пальчиков в Москву и просил, чтоб я непременно послал с ним письмо. Поэтому я и не писал вчера по почте, а дело вышло такое, что собственно с оказией ничего особенного сообщить не имеется... Я думал, что я получу от вас еще письма, но, кажется, вы решились писать раз в неделю; последнее письмо получено мною от вас в воскресенье. — Вы, вероятно, давно уже слышали историю, случившуюся в Училище правоведения?[2] Вы знаете, что одного, Беликовича, сослали в Оренбургский корпус солдатом; другого, князя Гагарина, юнкером в 6-ой корпус в Моск-

ву. Принцу сделали выговор[3], директору письменный выговор, воспитателя выгнали вон. Вчера я узнал, что и директору, кн⟨язю⟩ Голицыну, приказали выйти в отставку. Принц в отчаянии, что у него под попечительством созревают такие семена! Он давно уже жаловался Оболенскому[4], что в правоведении «демократическое направление и все такие рожи!»

Пальчиков порасскажет вам обо мне... Он очень хороший малый, на которого Петербург не имел влияния и который, даром что помещик, а всею душою тянет к освобождению крестьян.

Обо мне еще ничего не решено. Я, впрочем, не справлялся в м⟨инистерст⟩ве, а нынче или завтра поеду. Вообще на этой неделе я мало где был, а занимался царанами. Думаю, что в течение будущей недели решится обо мне: еду ли я в Малороссию или нет. Если нельзя будет отправиться в Малороссию, то, во всяком случае, вопрос о моем поручении разрешится на будущей неделе.

Скажите Хомякову, что Антуанетта Блудова только и говорит всякому встречному и поперечному, что она едет в Москву и увидится с Хомяковым. Мих⟨аил⟩ Павлович остается здесь[5]... Какое это письмо Константин написал к Соллогубу, которым сей очень доволен?.. Вы мне об этом ничего не писали... Любопытно было бы мне быть в Москве во время пребывания двора. Говорят, государь хочет всю службу страстной недели прослушать в Успенском соборе и вообще крепче возобновить свою связь с народом, в чем, разумеется, и успеет. Мы просим Попова вести дневник своему пребыванию в Москве в это время.

Много и много можно было бы написать о нашей, остающейся нам деятельности в это грустное время, много поучительного в окружающей нас жизни, но вдруг всех мыслей не соберешь и писать пришлось бы много, а пора посылать к Пальчикову. Итак, прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

Ваш *И. А.*

Что Гоголь?

211

6-го марта 1849 г⟨ода⟩.
С⟨анкт-⟩ П⟨етер⟩б⟨ург⟩. Понед⟨ельник⟩. №

Я уже решительно сбился с нумерами, а исходящей книги, где бы мог их записывать, никак завести не могу, даром что чиновник. На нынешней неделе я получил два письма ваших: одно в пятницу вечером (вместе с письмом Константина), другое вчера вечером. Пишу вам с почтой, но ищу оказии, чтобы написать особо... Как нарочно, все оказии были на прошлой неделе, а Анненков еще бог знает когда уедет... Дела идут плохо: немцы торжествуют, и Самарин *сидит*[1]... Когда приготовлялась вся эта развязка, дня за три до *заключения* в крепость, то Самарин просил меня, если что случится, передать Вам, милый отесинька, его убедительнейшую просьбу: чтобы Вы умеряли в его знакомых порывы негодования, которые могут только пуще повредить ему. Взят он в субботу в 5-м часу пополудни. Мы еще никто не добились доступа к нему. Не знаем еще: на гауптвахте

ли он крепостной или в самой крепости. Поэтому я теперь не могу ничего писать Вам и только должен Вас предупредить насчет Попова[2]. Я думал, думал и решился прочесть ему Ваше письмо, милый отесинька, заменив только выражение «она его не любит» выражением «в настоящее время не чувствует никакого расположения к замужеству». Он очень благодарит Вас и просил меня оправдать его в Ваших глазах: не только он не настаивал, но напротив, перед отъездом просил отложить дело на год и смертью никогда не грозил. Это все штуки Кат⟨ерины⟩ Мих⟨айловны⟩, которая может пристать так, что не будешь знать, куда деваться. Его положение так фальшиво, что поневоле он был постоянно смущен в Москве. Эта публичность, мысль, что все знают об этом и что этим самым вредят делу, постоянно его конфузит. Действительно, он влюблен по уши, расстроился нервами и вообще не очень здоров. Я его и срамил, и позорил, ничего не берет. Что делать! Не браните его: если крупное тело Константина ревело, болело печенью и т. п., то малое тело Попова еще более имеет право захворать. Пусть сестры скажут С⟨офье⟩ Петр⟨овне⟩, что им от меня положительно известно, что Попов не только не настаивает, но просит оставить ее совершенно свободною, не отказываясь от надежды возобновить искание через год. В этом смысле пишет Попов Хомякову и нарочно посылает свое письмецо в моем письме, чтоб оно не попалось в руки Кат⟨ерины⟩ Мих⟨айловны⟩, ибо тогда вышла бы из этого колоссальная сплетня. Попов требует от Хомякова перемены в образе действий, прося его не сказывать о поводе к тому жене своей или Бестужевым; в противном случае компрометируемся мы и несчастная С⟨офья⟩ П⟨етровна⟩. Итак, Вы постараетесь отдать эту записку Попова Хомякову посекретнее от жены и ото всех других. —

Если Вы можете прислать мне денег, то пришлите рублей 150, тем более что 80 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ у меня украли или они сами выпали. Адресуйте на имя Попова.

Прощайте, будьте здоровы, обнимаю вас и целую ваши ручки. Обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер.

И. А.

Еду в главный почтамт посмотреть, не отправляется ли кто-либо из знакомых с почтовой каретой нынче или завтра.

212

10 марта 1849 г<ода>. Четв<ерг>. № 10.

Вся почтовая бумага у меня вышла, и я забыл купить новой. На нынешней неделе я писал вам, милые мои отесинька и маменька, два раза: один раз по почте, другой с оказией. В последнем Вашем письме, милый отесинька, Вы пишете, что отвечали мне с оказией на письмо от 24 февраля, в котором будто бы помещены разные резкие выражения, для почты неудобные. Кто эта оказия? Она еще до меня не доходила.— Любопытно мне знать, получите ли вы письмо мое, писанное по почте в понедельник и посланное с Сатиным [1]. Пожалуйста, опишите подробно все впечатления,

которые произведет на вас и на Москву сообщенное известие [2].— Что тут прикажете делать! Писать ни о чем другом как-то не хочется. Этот интерес вытесняет слишком все другие, а об нем писать нельзя! *Его* еще все нет [3].— Вообще и вас всех прошу быть *очень осторожными.*

Кажется, вместо юга, от которого в настоящее время должен отказаться, придется мне ехать на восток или на север. На север-то, я думаю, не поеду, а, может быть, отправлюсь в Казань или Кострому.— Справлюсь нынче, когда едет этот Анненков. Он уже 2 недели, как каждый день собирается выехать и все откладывает. Я послал бы с ним письмо, да боюсь, что он, будучи столь нелеп, затеряет его.— Напишите мне подробно все, что будет говорить с Вами Хомяков о письме Попова относительно С⟨офьи⟩ Петр⟨овны⟩ [4], если только будет говорить. Надо, чтоб Соф⟨ья⟩ Петр⟨овна⟩ поняла достоинство поступка Попова и этим самым расположилась в его пользу.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы. Целую ваши ручки и обнимаю Константина и всех моих милых сестер. Как подействовало на больных известие? [5]

И. Акс.

213

Марта 14-го 1849 г<ода>.
С<анкт-> П<етер>б<ург>. Понедельник. № 11

Вчера получил я ваше письмо от 8-го марта, т. е. от вторника, милые мои отесинька и маменька. Завтра или послезавтра надеюсь получить ответ на письма, посланные мною в понедельник по почте и во вторник с Сатиным. С⟨амарин⟩ все еще сидит; письма его семейства доставляются ему туда. Успокойте Фед⟨ора⟩ Васил⟨ьевича⟩ [1] через Хомякова: скажите ему, что сын его помещен весьма комфортабельно, имеет белье, книги и сигары. Перовский выхлопотал позволение доставлять ему все нужные вещи и *ученые* книги и вследствие этого отправил к нему весь свой «Revue Britannique» *.— Если бы не мать С⟨амарина⟩ [3], которую это известие должно сильно огорчить, то нечего было бы и горевать; напротив, можно было бы радоваться, потому что это обстоятельство должно принести самому делу огромную пользу. Уже в том польза, что эти письма будут прочтены тем, кому их прежде всех следует знать. Общество принимает по-своему довольно живое участие, т. е. такое, какое может принять петербургское подлое общество. Говорят, впрочем, что и в «высшей сфере» произошла реакция мнений в пользу С⟨амарина⟩, и я объясняю это тем, что письма продолжали читать... Во всяком случае надо заметить, что обвинение было не против содержания писем, но против распространения их. Долго ли будет продолжаться заключение, не знаю, но по общим слухам недолго. Фед⟨ор⟩ Васил⟨ьевич⟩ прислал письмо в ответ еще на письмо сына, в котором он извещал его, что ему может грозить наказание. Письмо это было прочтено сначала у нас, ибо не может быть доставлено туда иначе, как распечатанное. Письмо Фед⟨ора⟩ В⟨асильевича⟩

* «Британское обозрение»[2] (*фр.*).

прекрасно. Он не только не бранит сына, но благодарит его за нежность его чувств к родителям и благословляет его и прибавляет: «Впрочем, надеюсь на справедливость и милость государя». Это письмо должно принести пользу С⟨амарину⟩ *во мнении некоторых*. Мать С⟨амарина⟩ еще ничего не знала. Письма же в ответ на известие о заключении сына еще не получено. Я вам пишу все это по почте, хоть и не следовало бы [4], но что прикажете делать? — Оказии нет, письма, может быть, и не прочтут, а если бы и прочли даже, так ведь надо вспомнить, что Адлерберг и Прянишников прекрасные люди [5].

Теперь о другом. О деньгах я уже писал вам. Вы пишете, что 7-го марта было у вас около 20 гр⟨адусов⟩ мороза. Здесь, напротив того, шел сильнейший снег, а теперь стоит уже несколько дней сряду чудеснейшая погода, совершенно ясная. Днем так тепло на солнце, что ходить можно в одном пальто, ночью легкий морозец. Па́хнет, па́хнет весной, и с ней возвращаются в душу все неизъяснимые стремления и томления, так и хочется кинуться (употребляю выражение опошленное, но тем не менее верное) в объятия природы! Вы пишете, что Константин сердится за намерение мое ехать в Малороссию. Радуйся, Константин! Не на юг еду я, а на северо-восток, в татарщину, в сугробы снега!.. Ведь ты, вероятно, Казань предпочитаешь Малороссии. В другое время я бы охотно поехал и в Казань, но теперь, когда я весь наполнился мыслью о юге и всеми образами юга, заменять их мыслью о Казани тяжело, даже противно. Я уж так было расположился душою, что мне ни снежного, ни волжского величия видеть не хотелось.— Марья Ник⟨олаевна⟩ спрашивала Блудова по случаю «Бродяги» об авторе [6], и он сказал, забыв то, что говорил ему Попов, что автор не служит и живет в Москве; вообще честь сочинения «Бродяги» приписывается Константину, а мне приписывается взамен этого многое такое, что даже не совсем выгодно. Ведь ты причиною отчасти, Константин, невозможности для меня как для Аксакова ехать в Малороссию. Это вам все объяснит Попов, который едет в Москву 22 марта в почтовой карете и в благовещение будет в Москве.

О поездке своей в Казань буду писать вам, по наведении некоторых справок, в четверг. Как я рад, милый отесинька, что Вы принялись за охотничьи записки! Продолжайте, продолжайте их, пожалуйста. О, дай бог, чтоб и на меня в Ваши годы так же сильно действовали впечатления природы! [7] Это просто дар божий, за который я не умею и благодарить достаточно бога! Прощайте, милые мои отесинька и милая маменька. От Вас, милая маменька, я давно не получал ни строчки. Целую ваши ручки, будьте здоровы. Обнимаю крепко Константина: он сам себя надувает, уверяя, что снег лучше зелени! Целую моих больных, полуздоровых и здоровых сестер. Что они поделывают, что Надичка рисует? Яше и Саше поклон [8].

Ваш *И. А.*

Если успею, то с нынешней же почтой пришлю Саше просьбу, которую дайте ему подписать. Старая не годилась. Нужно было писать на имя министра [9].

214

1849 г<од>. Марта 18-го. Пятница. С<анкт-> П<етер>б<ург>.

Я не писал вам вчера, как бы следовало по принятому мною обыкновению, потому что хотел дождаться ваших писем, которые и получил вчера уже поздно, вместе с деньгами. Благодарю вас за присылку денег; так как я предполагаю скоро выехать из Петербурга, то мне их будет достаточно. Времени же своего отъезда никак определить не могу. Предписание об отправлении меня в Казань еще не подписано министром, а сам я теперь ревностно занимаюсь чтением всех дел министерства, относящихся до Казанской губернии. Предмет моего поручения состоит в ревизии настоящего положения городов в хозяйственном, торговом и административном отношениях, в составлении им статистического описания и, наконец, в изложении всех моих соображений, основанных на местном изучении фактов, об улучшении положения городов, о средствах придать им больше значения, о преобразовании внутренней городовой администрации и пр. и пр. Вы видите, что последняя часть труда может сильно заинтересовать человека; в ней есть место общим началам, и я рад буду познакомиться с этою совершенно мне новою частью, а также ближе узнать наше купеческое сословие... Но, надо признаться, много также в этом поручении скучной, мелкой, черновой работы, слишком много! Напр⟨имер⟩, надо поверять планы, составлять инвентари (описи) городским имуществам в самой мелкой подробности, обревизовать канцелярское делопроизводство, счетную часть и пр. Но что же делать! Другого поручения в виду не имеется; жить без дела служебного в Петербурге мне, привыкшему к служебным занятиям, тоска невыносимая. Надо же работать для пользы общей, как бы она ни была ограничена, как бы ни малы были плоды, и исполнять, по крайней мере, долг честного человека! Я почти заранее знаю, что будущий труд мой о Казанской губернии по окончании поручения будет положен *к таковым же*, как это до сих пор делалось со всеми прочими ревизиями городов, что никакого результата от того не выйдет, но как же быть? Вот и теперь отчет мой о бессарабских раскольниках, хоть и был расхвален, преспокойно лежит себе у Надеждина и никаких ростков не пускает! Все это очень грустно, но тем не менее я вижу, что для моей деятельности только два поприща: служба и поэзия. Поэзия одна неспособна удовлетворить меня и наполнить мое время; в службе я все же могу найти возможность быть полезным, хоть совершенно случайно, к тому же она даст мне средства знакомиться ближе с Россией... Впрочем, в этом отношении Казань не вполне достигает моей цели. Какая уж это Россия! Тетюши, Мамадыш, Чебоксары и пр.! Но все же это одна из старых частей всего русского тела, все же это одна из сокровищниц народного богатства. Вы хорошо знаете Казань, и потому можете мне сообщить об ней много любопытных сведений.

Что сказать вам нового? Самарин еще не возвращался [1]. Попов 22-го марта едет в Москву, следовательно, будет в ней 25-го. Блудов с дочерью отправились во вторник. Государь, говорят, едет 25-го.

Вы не поверите, как мне хочется скорее вон из П⟨етер⟩бурга и как тянет меня в дорогу, в деревню, теперь, когда возникает вся природа вновь к жизни, и весеннее солнце все жарче и жарче греет! Прощайте, милые мои отесинька и маменька, целую ваши ручки, будьте здоровы, сестер и Константина крепко обнимаю, ваш И. А.

Что наши бедные больные?..[2]

215

Вторник. 21 марта 1849 г<ода>. <Петербург>[1].

Я сейчас от графа Орлова, и он объявил мне решение государя. Слава богу, все кончилось как нельзя лучше! Государь поступил со мной так великодушно[2], что я просто был тронут — и, конечно, не забуду этого! — Завтра Попов едет в Москву[3], поэтому он передаст вам обо мне живые известия. Сам же я, как только будет можно, не замедлю принять поручение и тогда приеду к вам в Москву. Прощайте же, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Я совершенно здоров, а теперь же и весьма весел!

Ив. Акс.

216

1849. Марта 24-го. С<анкт-> П<етер>б<ург>. Четв<ерг>.

Теперь вы уже, конечно, все знаете, милые мои отесинька и маменька, и, вероятно, так же довольны и рады, как и я. Вчера я делал визиты лицам, принявшим во мне искреннее участие. Надеждин, ужасно струсивший, дал через Карташевских знать Кавелину[1], а тот ездил к гр⟨афу⟩ Орлову[2] и прислал Княжевича[3] к Л⟨еонтию⟩ В⟨асильевичу⟩ Дубельту[4]. Я был у них обоих.— О том, когда я еду, еще не знаю, но узнаю скоро: еще министр не дал никакого разрешения; может быть, он имеет особенные на меня виды. Сейчас был у гр⟨афа⟩ Орлова — благодарить его за его доброе обхождение и участие. Он едет завтра в Москву вместе с государем.— Послезавтра перехожу на квартиру Попова, потому ⟨что⟩ срок моей квартире вышел.

Посылаю вам просьбу или лучше заготовленную просьбу, которую перешлите Саше Карташевскому с тем, чтобы он, подписав ее, как следует, по пунктам (ему Яша укажет), послал ее по почте в д⟨епартамен⟩т общих дел министерства в⟨нутренних⟩ дел. Сделайте это поскорее[5]. *Я не посылаю этого письма страховым, потому что просьба эта еще не может назваться документом.*

Завтра благовещение — поздравляю вас. Поздравляю вас же всех и Константина в особенности со днем его рожденья, с 29-м марта. Крепко и крепко обнимаю его. Кланяйтесь всем. Прощайте, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю еще раз Константина и всех сестер.

Обнимаю Попова... Что его сердечные обстоятельства?[6] Обнимаю Самарина.

Ив. Акс.

217

25 марта 1849 г<ода>. С<анкт-> П<етер>б<ург>.

Какая ветренность!.. Вчера вместо заготовленной просьбы Саши Карташевского [1] по рассеянности, второпях послал я простой лист гербовой бумаги. Потому и посылаю эту просьбу нынче и *повторяю, что не отправляю этого письма страховым, ибо не признаю этой просьбы документом: она не имеет еще никакой действительности.* Это объяснение для почты.

Вчера я получил ваши письма от 19-го марта, одно от Вас, милый отесинька, другое от Вас, милая маменька, третие — от тебя, милый друг и брат Константин. Как поразили меня в Вашем письме, милая моя маменька, слова из Евангелия, Вами приведенные. Это было писано во вторник, следовательно, до происшествия со мной: Вы пишете, что у Вас из головы не выходят слова Спасителя: не пекитесь о том, что вам говорить в тот час [2], и пр.— Все мои знакомые именно озабочены были этою мыслью и опасались за мои ответы, но они-то меня и выручили, а написаны были безо всякого приготовления, экспромтом, набело!.. Спасибо тебе, Константин, за твое длинное и славное письмо. Поздравляю тебя еще раз со днем твоего рожденья [3], крепко тебя обнимаю, и дай бог тебе в предстоящий год совершить свою грамматику [4]. Как ты утешил меня этим известием.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, целую ваши ручки, будьте здоровы. Если не успеют приготовить поручения, то, может быть, отправлюсь в Москву, с тем, чтоб опять воротиться в Петербург на фоминой [5].— Обнимаю Константина и всех сестер.

Ив. Акс.

218

1849 г<од>. Марта 28. Понед<ельник>. С<анкт->П<етер>б<ург>.

Грустно мне очень уведомить вас, милые мои отесинька и маменька, что я не могу встретить с вами святую, т. е. не могу приехать к вам к святой [1]... А уж как мне хотелось! Но вот почему мои предположения не состоялись... Вы знаете, что я хотел ехать в Казань и уже приготовился было совсем, читал дела, до Казани относящиеся, и думал в конце прошедшей недели получить это поручение и в начале нынешней выехать. Но министр не подписал моего назначения, находя почему-то, что ехать *мне* в *Казань* при существующих обстоятельствах неудобно, и велел предложить другую губернию. Теперь хотят послать меня в Ярославль, чему я очень рад: во 1-х, потому, что эта чисто великорусская губерния сама по себе очень интересна по развитию в ней промышленности, торговли и ремесленности на началах совершенно особенных; во 2-х, это близко от Москвы... в 3-х, она любопытна своими древностями; один Ростов чего стоит. А хлебная торговля летом в Рыбинске?.. Кроме того — это поручение тем хорошо, что вся черновая работа сделана, остается дополнить ее живыми соображениями о внутренней промышленной жизни губернии и приводить в исполнение некоторые новые учреждения.—

Но если бы стал я дожидаться, пока изготовится это поручение, пока министр подпишет предписание, выдадут деньги, дела, карты, необходимые при этом случае, то уже никак нельзя было бы мне выехать нынче или завтра (чтобы поспеть в Москву к святой). Видя это и желая изо всех сил ехать в Москву как можно скорее, чтобы встретить вместе праздник, я думал было проситься в отпуск недели на две. Но в этом также нашли некоторое неудобство. Оно, действительно, было бы несколько странно: ехать в Москву недели на две, потом воротиться и через неделю опять ехать в Москву, чтоб оттуда проехать в Ярославль; да и по разным другим соображениям находят это неловким. Делать нечего, я покорился. Может быть, в конце этой недели поручение изготовится, и на святой неделе я выеду...

С нетерпением жду от вас писем, чтоб успокоиться на ваш счет. Хочу знать, как дошло до вас это известие [2]. Вы знаете, я не хотел вовсе о том сообщать вам до самого окончания дела, предполагая, что оно может и не дойти до вас, по крайней мере, не скоро, а я верил, что мое дело разрешится скоро. Боюсь, что вы не станете писать, ожидая моего приезда!

Константина я уже поздравлял с завтрашним днем [3], поздравляю и еще раз.—

Я вчера перебрался на квартиру Попова, потому что моей вышел срок. Вы не поверите, как скучно и грустно встречать здесь святую! Особенно теперь, без Самарина и без Попова, я как будто осиротел!.. Здесь уже недели две, как стоит ясная погода: на солнце жарко, а в тени плохо тает, и ночью мороз. А какие ясные ночи! Здесь луна просто нагло светит и делает из ночи день!

Прощайте, милые мои отесинька и маменька. Дай бог, чтобы у вас вся эта история [4] совершилась благополучно и не подействовала на ваше здоровье. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина, Гришу и всех сестер. Что Вера и Олинька? За них-то я боялся очень, чтоб они не проведали. Прощайте, до четверга.

Ваш *Ив. Акс.*

219

31 марта 1849 г<ода>. Четв<ерг>. С<анкт-> П<етер>б<ург>.

Вчера получил я от вас письмо, милые мои отесинька и маменька, от 26 марта и как ему обрадовался! Впрочем, оно мало меня знакомит с настоящим ходом дела. Я бы желал знать: знали ли вы обо всем этом [1] до приезда Попова? Письмо от 21-го марта (это по ошибке: оно было писано 22-го) написал я, уже воротясь от гр⟨афа⟩ Орлова, в отделении, где дожидался возвращения ген⟨ерала⟩ Дубельта, следовательно, еще до свидания с Поповым.—

Нынче узнаю, согласится ли министр на отправление меня в Ярославль. Если согласился, то, в таком случае, я на 1-й половине святой недели и пущусь в путь. Сделайте одолжение, прикажите прислать мне человека, умного, не глухого и грамотного, потому что мой Никита, при всех его достоинствах, глуп, глух и неграмотен, и это все весьма неудоб-

но. Велите также дать знать Зенину, чтоб тарантас мой был непременно изготовлен, да постарайтесь набрать мне сведений о Ярославской губернии вообще.—

Я теперь просто завален делами министерства по Ярославской губернии, которые необходимо прочесть перед отправлением туда.—

Святую неделю я встречу в Училище, а разговеюсь у гр⟨афа⟩ Толстого, служащего у нас же в министерстве [2].

Очень грустно, что не мог приехать к вам к праздникам! А как бы этого хотелось, пока все это еще свежо и не сделалось старым. Что же делать. Дай бог только, чтобы вы были здоровы, как я; прощайте, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Кланяюсь Самарину, Попову и всем знакомым. Я не поздравляю вас с праздником, потому что как-то странно поздравлять с ним заранее.

220

С<анкт->П<етер>б<ург>. 2 апр<еля> 1849.

Вы не поверите, как досадно и грустно мне, милые мои отесинька и маменька, что я до сих пор не знаю, когда еду и еду ли точно! Не могу добиться, согласился ли министр на мою поездку; был вчера и третьего дня несколько раз в департаменте, но по случаю страстной недели все оставили занятия, все говеют, моются в банях и собираются жуировать на святой. Разумеется, никто и не думает торопиться и работать для меня собственно. Узнал только, что бумага, т. е. докладная записка, еще не «сошла», т. е. еще не возвратилась от министра, который сам оставил занятия на эти дни. А мне это знать потому нужно, что не хочу даром заниматься Ярославской губернией, если и туда министр не согласится пустить.—

Ваше письмо от 28 марта я получил 1-го апреля. По всему видно, что московский почтамт любопытнее п⟨етер⟩бургского. Благодарю Константина за письмо; я совершенно с ним согласен и желал бы, чтобы все знали так же хорошо, как я, прямые его убеждения. Слава богу, что событие это [1] окончилось без последствий для вас!.. Ах, боже мой, как бы мне хотелось, как бы мне нужно было быть в Москве теперь! —

Несмотря на все это, я довольно исправно посещаю церковную службу на этой неделе. В понедельник буду писать вам.— Это третие письмо на этой неделе.

Прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер... Деньги мне были бы нужны, если б я оставался здесь долее, а теперь я и определить не могу, сколько я останусь, может быть, весьма недолго.

Ваш *И. А.*

221

4 апр<еля> 1849 г<ода>. С<анкт->П<етер>б<ург>.

Христос воскресе и воистину воскресе, милые мои отесинька и маменька, Константин, Вера, Олинька, Надичка, Любинька, Марихен и Сонички! Поздравляю вас с праздником! Как-то и где-то встретили вы заутреню, т. е. здоровые? Вероятно, нынешний год, по случаю приезда царской фамилии, стечение народа больше, и Кремль должен был быть великолепен в эту ночь. Как жаль, как досадно, как невознаградимо то, что я теперь не в Москве! Говорят, что прием государю сделан удивительный, и государь, и вся его семья чрезвычайно довольны и счастливы. Я уверен, что это так. Пусть же он порадуется, глядя на свой народ!

О себе еще ничего не знаю, но нынче должен узнать и завтра уведомлю вас. Заутреню и раннюю обедню выслушал я в Училище правоведения, откуда прошел к гр⟨афу⟩ Толстому [1], у которого разгавливался, часу в 6-м утра воротился домой, лег спать, проснулся в 11-ть, потом сделал несколько визитов, но все пешком, потому что ездить ни на чем невозможно. Вчера целый день шел снег! Был у Надеждина, у которого нашел Ваше письмо от 25 марта, писанное до приезда Попова. Письмо это, посланное 25 марта, пришло в Петербург, как видно из штемпеля, 31-го марта, через 6 суток! К Надеждину принесено 2-го апреля! И что всего удивительнее, так это то, что письмо от 26-го марта и от 28-го получены мною гораздо прежде! Из этого письма я вижу, что письмо, писанное мною из 3-го отделения [2], не было отправлено в тот день, в который было писано. Отчего Вы писали на имя Надеждина? Увидавши Вашу руку и свое имя, он обрадовался, вообразил, что Вы пишете к нему, и распечатал письмо, но был весьма разочарован, и хоть уверяет, что не читал, но, вероятно, прочел, а в письме нет ни слова об нем, хотя и через него писано. Он принял в моем деле самое живое и искреннее участие, такое, которого я даже и не ожидал от него. По окончании этой истории он был мне очень полезен, объясняя министру и всем ее значение. Мне жаль, что Вы не знаете всех ее подробностей; Попов не мог Вам этого передать, многое я узнал после него... Зато сколько и нелепостей узнал я о себе! Само собою разумеется, что такая история должна была сделать меня предметом общих толков. Причины никто не знал, всякий выдумывал и сочинял вволю. Разумеется, теперь все эти вздоры рассеялись, и эта история, пополнив собою историю Самарина [3], довершила убеждение в правосудии и русских свойствах государя.

Вы пишете в этом письме: «Кляну тот час, когда позволил тебе оставить м⟨инистерст⟩во юстиции, лучше было бы быть председателем». Признаюсь, эти выражения мне очень неприятны. Я иду своей дорогой и вовсе не хлопочу в жизни о покое, удобствах и приятностях... Жить в Петербурге, конечно, тяжело, но если бы я убедился, что это необходимо для общей пользы, то, разумеется, пожертвовал бы всякою приятностью... Всю эту передрягу я считаю для себя весьма полезною; не знаю,

когда угомонюсь, но чувствую, что покуда еще не могу усесться на одном месте. Прощайте, цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и сестер.

Весь ваш *Ив. А.*

222

<1849. 5 апреля. Санкт-Петербург. Вторник.>

Пишу вам нынче только несколько строк. Командировка моя в Ярославль утверждена, но так как я хочу ехать через Москву, то Лев Алексеевич находит неудобным ехать мне *теперь*; вероятно, я дождусь Попова здесь и приеду в Москву или в самом конце апреля, или в начале мая. Вместе с отсрочкою поездки моей отсрочили мне и выдачу денег, а потому, если вы можете сколько-нибудь прислать мне денег, не стесняя себя, то хорошо сделаете. Вы не поверите, сколько истратилось в эти дни на одних извозчиков, потому что ходить нет никакой возможности: все эти дни шел дождик, и на улицах целое море воды и грязи.

Перовский сделан графом. Этому мы все рады как обстоятельству, имеющему в настоящее время особенное значение после всей этой передряги [1].— Странно мне, что до сих пор не имею от вас писем! Последнее ваше письмо было писано от 28-го марта, а теперь 5-ое апреля! Самарин также никому не пишет, а Смирнова давно ждет от него писем. Скажите Самарину, что все знакомые ему кланяются и что у Ханыкова умер недавно родившийся ребенок. Для счета уведомляю вас, что на страстной неделе я писал вам три раза, а на этой неделе писал уже два раза.— В четверг буду опять писать. Прощайте, милый мой отесинька и маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

Да что вы не напишете, довольны ли вы тем, что я прислал вам с Поповым? [2]

1849. 5 апр<еля>. С<анкт->П<етербург>. Вторн<ик>.

223

8-го апреля 1849 г<ода>. С<анкт->П<етер>б<ург>. Пятница.

Я не писал вам вчера, милые мои отесинька и маменька, потому что хотел дождаться письма от вас, которое и получил вчера вечером. Письмо это от 1-го апреля. Как долго ходят письма! Я бы мог подозревать тут другую причину, но видел вчера некоторых, которые также жаловались мне на медленное получение ими писем из Москвы. Теперь праздник, и почтальоны пьянствуют. Что же это такое, боже мой! Едва только отошла обедня в первый день праздника, уже воскресение Христово стали праздновать пьяными оргиями. После долгого поста все разговелись вдруг пьянством, сквернословием и развратом. Я говорю про простой народ, который не в одном Петербурге, но и во всей России не по-христиански празднует праздники. На улицах просто оргии!

Завтра день рожденья милой Сонички [1]. Поздравляю и обнимаю ее, поздравляю и вас всех.

Вы, кажется, все будто беспокоитесь на мой счет, милый мой отесинька и милая маменька, только я не понимаю — отчего. Если б я был болен, то вы могли бы опасаться возвращения болезни, но я не был болен, и нет никакой причины опасаться за будущее... Вы мне ничего не пишете о сердечных делах Попова, а это меня за него очень интересует. Вообще я бы хотел знать, как разыгралась эта история и в каких вы отношениях с Бестужевыми и с Хомяковой...

Наименование Перовского графом поразило здесь многих как громом. Этого совершенно не ожидали, даже сам Перовский. Я теперь занимаюсь все Ярославскою губерниею. Не думаю, чтоб в ней много сохранилось преданий [2]. Там крестьян-земледельцев очень мало; едва ли не половина губернии уходит на заработки в Москву и Петербург, где преимущественно нанимаются в половые; возвращаясь домой, эти работники приносят с собою разврат просвещения. Примером может служить Владимирская губерния или песни, собранные в этой губернии и изданные года два тому назад [3]. Гаже и отвратительнее этих песен нет ничего.

Посылаю вам письмо, написанное мною к Грише. Я написал его в одну восторженную минуту, когда многое пишется такое, что потом бывает как-то странно читать. Да, может быть, это письмо будет ему очень некстати и только без нужды огорчит его. Вам это знать лучше. Если найдете нужным послать, то пошлите. Вообще они там отстают ужасно от нравственных вопросов, и притом не такие люди, в которых эти вопросы способны сами собою зреть и развиваться.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы и не беспокойтесь обо мне. Обнимаю Константина и всех моих милых сестер. Благодарю Веру за письмецо. Будьте здоровы.

Ив. А.

Кланяюсь всем, Хомякову, Самарину, Попову и другим.

224

Апреля 11-го 1849 г<ода>.
С<анкт->П<етер>б<ург>. Понед<ельник>.

В субботу, т. е. 9-го апреля, получил я еще письмо от вас, милый отесинька и маменька, с приписками ото всех сестер. Благодарю вас за письма и поздравления. Ожидаю с нетерпением Попова. Когда он должен воротиться? Вы ничего решительно об нем не пишете, а все только беспокоитесь на мой счет, хоть я решительно не понимаю, отчего, побывав там, где я был, я должен был потерять или испортить мое здоровье... Ничуть не бывало. Я пользуюсь цветущим здоровьем; все говорят даже, что я потолстел.

Из царской фамилии воротился только один принц Ольденбургский, который вчера созывал всех бывших воспитанников, а меня призывал к себе в кабинет.— Погода эти дни была гнуснейшая: теплая, но сырая, дождливая и туманная; Нева еще не вскрылась, да и на улицах не весь

лед еще сошел.— Третьего дня, в честь пожалования нашего министра графом, человек 14 из нас, служащих в министерстве, обедало у Сен-Жоржа. Тут обедали: Скрипицын, Лекс, Веневитинов, Ханыков, Надеждин, я, Григорьев, Милютин, граф Д⟨митрий⟩ Н⟨иколаевич⟩ Толстой, двое племянников его, Головин, сын генерала, Муравьев-сын, Рудницкий [1]. Обед был весьма чинный. М⟨ихаил⟩ Ив⟨анович⟩ Лекс провозгласил тосты: 1-ый за здоровье государя императора и всей августейшей фамилии, 2-ой за здоровье России, третий за здоровье нового графа. Потом некоторые стали пить мое здоровье, но я предложил тост за здоровье отсутствующего [2]. Этот обед обошелся, впрочем, довольно дорого, по 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ каждому. — Приготовляясь ехать из Петербурга, я не знаю, как и быть со всеми своими вещами! Уезжая на год, я не могу не взять с собою всех своих книг и нанимать здесь квартиру; в Москве у нас также постоянного жилища нет; отсылать в деревню — неудобно, потому что — если я ворочусь зимою — то их трудно будет добывать оттуда.

Я написал маленькую статейку в виде письма, или наоборот, это письмо в 5 листов. Если найду случай доставить вам это письмо прежде моего отъезда из Петербурга, то доставлю. В нем нет ничего положительного, а только вопросы и недоумения, без разрешения [3].

Прощайте. Буду писать вам в середу или в четверг и надеюсь, тогда можно мне будет определить наверное день своего выезда из П⟨етер⟩бурга. Будьте здоровы, целую ваши ручки и обнимаю Константина и всех сестер, которых очень, очень благодарю за письма, особенно же больных.

Ив. А.

225

14 апреля 1849. С⟨анкт-⟩ П⟨етер⟩б⟨ург⟩. Четверг.

Я хотел дождаться от вас письма и действительно получил вчера одно письмо от Вас, милый отесинька. Вы решительно неутомимы: благодарю Вас очень. Последнее Ваше письмо от 9-го апреля. На днях приносят мне денежную посылку из Москвы: я было расписался, гляжу: не Ивану Сергеевичу Аксакову, а Петру Николаевичу!.. Вы беспокоитесь насчет холеры: я, слава богу, нимало не беспокоюсь, газет не получаю и не заглядываю даже в полиц⟨ейские⟩ ведомости [1]. В городе же о ней мало слышно.— Вы все-таки не уведомляете, когда отъезжает из Москвы Попинька [2]. Я теперь очень занят ярославскими делами. Так как хотят, чтоб эта поездка принесла всю возможную пользу, то нужны мне предварительные основательные сведения обо всех переписках по этой губернии, производящихся в м⟨инистерст⟩ве, обо всех возбужденных вопросах; я же с этою частью, т. е. с городским хозяйством очень мало знаком. Много любопытных вопросов предстоит к решению, зато много так называемой «сухой материи», напр⟨имер⟩, о фураже, амуничных вещах для полиции и пр. и пр. Хотел бы я очень познакомиться с древним хозяйственным устройством городов, с их внутренней администрацией, независимо от веча, поглощающего все внимание, веча, которое собиралось в чрез-

вычайных случаях и не для каждодневного управления существовало. Нельзя ли Соловьева и Беляева пригласить к разработке этого вопроса [3]. Дело в том, что м⟨инистерст⟩во хочет, если не теперь, то со временем, новое муниципальное устройство: так уже лучше, по крайней мере, сколько-нибудь примениться к старым началам, хотя я и убежден, что ничто, идущее от нас, привиться к жизни не может. В самом деле, этот труд был бы весьма полезен.—

Занимаясь яросл⟨авскими⟩ делами, я почти никуда и не выхожу; впрочем, обедаю большею частию не дома, у Смирновой, у Оболенского [4]. О своем отъезде до возвращения... Попова ничего не могу сказать положительного, но все же я думаю, что в конце этого месяца я выеду. От Самарина получила письмо только Ал⟨ександра⟩ Осиповна, нисколько не удовлетворяющее моего любопытства. Читал я статью Погодина. Статья умна [5]. Получил ли он мзду? я думаю, что он тоже в числе ожидающих мзды, только не той, которой крестьяне [6].

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, буду писать вам в субботу. Бедный Гриша! Хочу писать к нему. Мне жаль, что я написал к нему такое резкое письмо [7]. Впрочем, может быть, вы не послали. Если не послали, то хорошо сделали. Прощайте, цалую ваши ручки, будьте здоровы. Обнимаю Константина и всех сестер. Кланяюсь всем.

Ваш *И. Акс.*

Вчера был первый теплый, весенний день.

226

16 апр<еля> 1849 г<ода>. Суббота. С<анкт-> П<етер>б<ург>.

Получил я вчера еще письмецо от вас, милые мои отесинька и маменька. Благодарю Вас, милый отесинька, за письма: они точно живят меня здесь. Но тяжело мне думать, что Вы к своим заботам прибавляете совершенно напрасные беспокойства о моем здоровье; я говорю: напрасные в том смысле, что независимо от обыкновенных забот об отсутствующем, от забот по случаю холеры Вы прибавляете к этому заботы о здоровье — по поводу случившегося со мной [1], как будто это последнее обстоятельство могло иметь хоть малейшее влияние на мое здоровье! Я, слава богу, совершенно здоров, как бык, и все говорят, что толстею, несмотря на всю будто бы мою хандру, раздражительность и негодования! Не думайте также, что я нетерпеливо сношу мою задержку... Я очень хорошо чувствую, что никто не в состоянии оценить вполне мои побуждения, и потому мало и делюсь ими... Трудно представить себе, до какой степени жизнь в Петербурге делает всех этих господ тупоумными! Что особенно противно здесь, так это самодовольствие, написанное на всех лицах, особенно же на лицах господ, принадлежащих к высшему обществу. Все это необыкновенно счастливо, довольно самим собою, обществом, прогрессом, черт знает чем! Говорят, что сравнить нельзя теперешнего общества с тем, которое было лет за 10 и 15! Положим, то было просто глупо и не занималось никакими вопросами, а теперь и времена, и обстоятельства не те. Необыкновенно противно видеть, как эти господа сделали себе тесто из одной

доли христианства, из двух четвертей языческой мудрости и из остальных долей собственной человеческой подлости, и из этого теста вылепили себе какой-то короткохвостый идеал нравственности, которым и удовлетворились, и стали необыкновенно покойны и счастливы.— Не говоря уже о том, как я вас хочу видеть, обнять и успокоить, мне просто нужно освежиться ощущениями природы, народа, труда и ...поэзии! Мне так хочется отрезвиться стихами, «Бродягой», а здесь никак не пишется!..

Я теперь очень много работаю: делаю все выписки из разных дел.— Вчера получил от Карташевских маленькую записку от Анны Тим⟨офеевны⟩: просит подробной справки по своему делу. Постараюсь достать и прислать на будущей неделе... Отчего вы не пришлете стихов Хомякова?.. [2]

Говорят приезжие из Москвы, что Москва теперь необыкновенно торжественна и празднична и что 50 *рынд* сделаны *пажами*?.. [3] Из этого должно заключить, что *русские* костюмы произвели желаемое действие.—

Как я рад, что Самарин делает рисунки к Вашим запискам, и как жаль, что он недостаточно рыбак, чтоб сделать то же для записок об уженье. Я уверен, что чувство к природе неспособно остыть в Вас и опять воротится. Я сам нынче как-то плохо ощущаю весну. Да и что это за весна!.. Обидел, нечего сказать, нас господь климатом! Ну хоть бы лишний месяц лета!.. Здесь весна так вяло идет, что если б не полиция, то лед до сих пор лежал бы на улицах. Нева еще не вскрылась.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, до понедельника. Я буду писать вам три раза, хотя, кроме извещений о здоровье, почта, повторяю, потеряла для меня свою прелесть!!! [4] Будьте здоровы и бодры духом. Обнимаю крепко Константина и всех сестер. Всем кланяюсь.

Ваш *Ив. А.*

227

1849 г<од>. С<анкт-> П<етер>б<ург>. 18 апреля. Понед<ельник>.

Как я благодарен вам за письма, полученные мною с Пальчиковым [1] и по почте, милые мои отесинька и маменька! Признаю вполне справедливость ваших советов, но если постоянно думать о том, как бы уберечься от недобросовестных и злых людей, то это значит отравить жизнь совершенно.— Боже мой! Даже Константин пишет и дает советы о здоровье! Только ваши письма и напоминают мне о холере и в состоянии сделать трусом самого смелого человека. Теперь дознано, что настоящая холера делается непременно от какой-нибудь причины, от излишеств, от сильной простуды и пр. и пр. Я никаких излишеств не делаю, веду образ жизни совершенно правильный, ем и пью, по обыкновению, умеренно, не изменив нисколько образа жизни в пользу холеры. А главное: не надо бояться и думать об ней. Поэтому я и не беру никаких предосторожностей (т. е. не ношу фланелевой ветошки на живот, не лишаю себя вовсе приятности пресной воды), точно так, как я так же поступал и в Москве, и на Серных водах, и в Симбирске! Я же не выпил в прошлую холеру, как Константин, 5 бочек хересу и трех рому!.. Бог милостив...

Вчера приехал государь, по крайней мере, так разнесся слух. Кроме соображений м⟨инистерст⟩ва, удерживающих меня здесь, задерживают меня в настоящее время инструкции по моему поручению, которые еще не готовы. Я везу с собою целый воз дел, бумаг, планов, карт и пр. и пр...— На днях Перовский приказал сам собою, неизвестно отчего: препроводить мой отчет о раскольниках к гр⟨афу⟩ Орлову как члену раскольничьего Комитета.—

Сделайте одолжение, не пишите ничего Степану Васильевичу [2] и вообще не делайте никаких выходок — до моего приезда. Я Вам все объясню по приезде.

Пальчиков не застал меня вчера [3], но я нынче отдам ему визит.

Вчера разошлась Нева. Дни стоят ясные, хотя настоящей теплоты еще не было.

Прощайте, милый мой отесинька и маменька, будьте здоровы, бодры и поменьше обо мне беспокойтесь. Право, уж и не знаю, как и что писать! Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

Ваш *И. А.*

228

1849 г<од>. С<анкт->П<етер>б<ург>. 21 апр<еля>. Четв<ерг>.

Вчера получил я письмецо ваше, милый отесинька и милая маменька, от 15-го апреля. Вчера же приехала и императрица. Соображения, по которым был отложен мой отъезд, принадлежали, конечно, не мне, а м⟨инист⟩ру. Вчера я был у Кавелина [1] и отнес ему Ваше письмо. Он спросил меня: не нуждаюсь ли я в деньгах? Я отвечал, что нет и поблагодарил его. Удивительно, как он, несмотря на свою худобу, делается похож на сестру.— Княжевич и Надеждин получили также от Вас письма [2]. Надеждин очень обиделся форменным слогом и тоном Вашего письма. Он сказал мне, что не понимает, как может С⟨ергей⟩ Тим⟨офеевич⟩ благодарить его за участие к его сыну, что в этом нельзя было сомневаться и что он считает, будто это писано собственно для почты. Я оставил это без ответа.

Я думаю, Попов после отказа [3] почувствует себя легче и поспешит воротиться в П⟨етер⟩бург, а потому я и жду его с нетерпением. Послезавтра м⟨инист⟩р должен подписать мне ордер, и я думаю, что на будущей неделе выеду: когда именно, не знаю.— Все, что Вы писали мне с Пальчиковым [4], навело на меня опять ужаснейшую тоску и хандру, которая уж отлетела было совсем!

К сожалению, нынче праздник, и в министерстве нет никого, а то бы я пошел торопить этих господ, отличающихся колоссальною медленностью. Признаюсь, я не имею много сочувствия своему поручению, за которым много работы и хлопотни; я не убежден ни в необходимости, ни в пользе предпринимаемого труда и имею в виду только пользу от познаний, которыми предстоит мне обогатиться от изучения еще одного кусочка России. Сделайте одолжение, похлопочите, чтобы Хомяков, Соловьев и пр. приготовили запросы относительно городской общины, такие, ответ на которые можно будет выкопать в живой жизни.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Я не пишу больше потому, что не умею писать так, как следует писать по почте. Я в последний раз хотел взять зоологию или геологию и, выписав из нее страницы четыре, так и послать... Будьте здоровы. Я совершенно здоров. Прощайте, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *И. А.*

229

23 апреля 1849 г<ода>. Суббота.

Попов все еще не приехал, и мне это очень досадно, потому что хотелось бы иметь о вас свежие новости. Грустно и досадно мне, что отъезд мой все отсрочивается, по милости беспорядка, царствующего в тех делах м⟨инистерст⟩ва, по которым дается мне поручение. Я уже не рад, что и взял его. Это такого рода поручение [1], к которому надо было бы приготовляться месяца за четыре! Однако ж, тем не менее, я надеюсь покончить все дела к концу будущей недели... Одно меня утешает в этом поручении — возможность ездить в Москву, во 1-х, по близости, во 2-х, потому, что в м⟨инистерст⟩ве нашем нет строгого формализма — было бы только дело сделано.— Но, во всяком случае, делать нечего, и в понедельник министр должен подписать бумагу о моем назначении.

Что вам сказать еще? Я очень много занимаюсь работой самой скучной, т. е. делами по городскому хозяйству Ярославской губернии. Делаю выписки из тех дел, которые мне нельзя взять с собою и которые, однако же, необходимы, а теперь поручено мне рассмотреть бюджеты всех этих городов и написать на них замечания здесь, чтобы м⟨инистерст⟩во могло от себя сообщить их местному начальству до моего приезда, а я, в силу сделанных будто бы м⟨инистерст⟩вом замечаний, буду требовать исправления и проч. и проч.— Из общества почти никого не вижу, кроме своих сослуживцев по м⟨инистерст⟩ву, иногда своих товарищей и Алекс⟨андры⟩ Осиповны, у которой бываю очень часто. Она вам кланяется. Здоровье ее так же плохо, но не столько физическое (хотя вы бы и не узнали ее, так она похудела и изменилась), сколько нравственное. Я в этот приезд и особенно в последнее время сошелся с ней гораздо ближе, чем прежде, и, признаюсь, она мне очень жалка. С одной стороны, нервы, с другой — угрызения совести [2], и она, точно птица, которая бьется в сетях и не может выбиться! Впрочем, надо сильно проникнуться этою мыслью, чтоб всегда выносить ее. Она и не понимает, до какой степени она оскорбляет душу, дерет ее, так сказать, и производит такое же впечатление, как фальшивая нота на музыканта, как звук стеклянной пробки, поворачиваемой в графине, и т. п. Но, тем не менее, она жалка и стóит помощи и участия. Пожалуйста, не говорите этого Хомякову, да и вообще никому. Хомяков будет говорить, что я верю в ее раскаяние и будет смеяться.— Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки. По делу Воейковых [3] еще не получал копии. Обнимаю Константина и всех сестер. Холера уменьшается!

Ваш *И. А.*

230

1849. Апреля 25. Понедельник. С<анкт>-П<етер>б<ург>[1].

Я получил вчера письмо ваше от 19 апреля, милый мой отесинька и милая маменька, но не садясь в дилижанс, как вы предполагали, а сидя дома за делами. Впрочем, говорят, что министр уже подписал ордер[2], и, кажется, я смело могу рассчитывать на отъезд в конце этой недели. Некоторая задержка будет в деньгах, пока м⟨инист⟩р финансов даст с своей стороны предписание, пока их выдадут и пр.— Я очень рад взять с собой Афанасья, но как-то совестно отпускать Никиту[3], рекомендованного Афанасьем, его двоюродным братом, чтоб взять последнего. Но я решился отпустить Никиту, потому что он глуп, безграмотен и грязен и имеет все привычки *крепостного* человека. Афанасий же больше его живал на воле и непременно хочет откупиться, чего тот не желает.

Итак, даст бог, я скоро увижу вас!.. Впрочем, если не уеду, то напишу еще в четверг. Жаль будет, если я разъедусь с Поповым!.. Сильно он уконопатился, говоря словами Гоголя!

Можете себе представить, что когда я возвестил ему неприятную новость о С⟨офье⟩ П⟨етровне⟩, то он принял ее довольно мужественно, но потом через час (это было вечером) должен был идти к Блудовым, и там все эти мысли и ощущения осадили его таким свирепым штурмом, что ему сделалось дурно, он побледнел и упал в кресла! Блудов и Антуанетта засуетились, принесли одеколон и пр. Он сам мне потом это рассказывал, уже не скрывая своей грусти и не стыдясь ее! Вот оно как!

Прощайте, милый мой отесинька и маменька, целую ваши ручки, будьте здоровы. Дай бог, чтоб я нашел бедную Олиньку в лучшем положении! Обнимаю Константина, Веру и всех сестер. Писать более нечего.

Ваш *Ив. А.*

231

Суббота, апр<еля> 30. 1849. С<анкт->П<етер>б<ург>.

Надеюсь, что это письмо будет последнее! Деньги ассигнованы, и я предполагаю их получить нынче же, а потому более писать нечего, до свидания.

Целую ваши ручки. Крепко обнимаю Константина (какие странные, грустные вещи пишет он![1]), обнимаю Веру, Оличку и всех сестер. Попов вам кланяется. Сделайте одолжение, не хлопочите теперь о русском платье[2].

Ваш *И. А.*

232

Понедельник, 2-го мая 1849 г<ода>. С<анкт-> П<етер>б<ург>.

Спешу прежде всего вас уведомить, милые мои отесинька и маменька, о себе. В субботу я вам писал в той надежде, что выеду в воскресенье или в понедельник, и потому в субботу же, часа в два, отправился к м⟨ини-

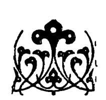
ст⟩ру проститься с ним и откланяться. Но м⟨инист⟩р, принявший меня весьма любезно, сказал мне, что хочет мне дать там же, в Ярославской губернии, еще поручение довольно важное и секретное, тоже о раскольниках, но нисколько, однако же, не неприятное, ибо надо действовать с ведома преосвященнейшего (там Евгений, говорят, очень умный архиепископ) и к уничтожению притеснительных мер... Он приказал мне немедленно заняться этими делами здесь (потому что я объявил ему свое желание поскорее уехать) и потом вновь явиться к нему. Вследствие чего я вчера целый день занимался этими делами и думаю, что в середу мне удастся выехать.

Оба ваши письма я получил, одно третьего дня, другое вчера. Письмо Константина о русском платье прекрасно [1], я читал его многим. Но дело в том, что теперь внимание *всех* отвлечено в другую сторону существенно важнейшим событием, войною [2]; существенно важнейшим потому, что потекут реки крови. А потому и советую вам все эти заботы оставить на время [3]. Очень рад, что вы уезжаете в деревню, очень рад этому и за Константина, потому что там отдохнет его больная, грустная душа! — Известия от управляющего тяжелы, но что же делать! Слава богу, что хлеба в запасе довольно для прокормления. Прощайте, хочется вас скорее видеть и о многом потолковать. Будьте здоровы, цалую ваши ручки, крепко обнимаю Константина и всех сестер.

Попов просит Вас, милый отесинька, или Вас, милая маменька, отдать это письмо Хомякову, но так, чтобы никто об этом не знал, т. е. выписать Алексея Степановича к себе и отдать ему письмо Попова.

Прощайте.

Ваш *И. А.*

ДОПОЛНЕНИЕ

⟨ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ И. С. АКСАКОВУ III ОТДЕЛЕНИЕМ⟩

Призови, прочти, вразуми и отпусти *.

Вопросы

1.

Опишите Вашу службу, звание, лета, где Вы воспитывались и другие важнейшие обстоятельства Вашей жизни.

Ответы

1.

От роду мне 25 лет; чин мой коллежский асессор, хотя я уже в июне прошлого года 1848 выслужил узаконенный срок для получения нового чина, но, по случаю перехода моего из министерства юстиции в министерство внутренних дел, представление о моем чине не могло быть сделано. Воспитывался я в императорском Училище правоведения, откуда вышел в 1842 г⟨оду⟩ с чином 9-го класса и поступил прямо на службу во 2-ое отделение 6-го департамента Прав⟨ительствующего⟩ Сената, где через 3 недели назначен был исправлять должность секретаря. В конце 1843 г⟨ода⟩ отправился я с бывшим сенатором, ныне членом Государственного Совета кн⟨язем⟩ П. П. Гагариным на ревизию в Астраханскую губернию. В конце 1844 г. ревизия кончилась, и я поступил в прежнюю должность. Летом 1845 г⟨ода⟩ указом Правит⟨ельствующего⟩ Сената определен я был товарищем председателя уголовной палаты в Калуге. В мае 1847 г⟨ода⟩ причислен я к департаменту министерства юстиции, и ордером министра предписано было мне исправлять должность обер-секретаря сначала во 2-м отделении, а потом (в октябре месяце того же года) в 1-м отделении 6-го департамента Сената. Высочайшим приказом 21 сентября 1848 г⟨ода⟩ переведен я

---

* Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Николаем I или написаны им на полях.

был в министерство внутренних дел кандидатом на должности в губернии. Вследствие чего, сдав должность в Сенате, приехал я в Петербург, но в октябре же месяце отправлен его высокопревосходительством г‹осподином› министром вн‹утренних› дел с секретным поручением (о раскольниках) в Бессарабию, откуда 21-го января 1849 г‹ода› возвратился, представив министру отчет по своим занятиям. С весною я предполагал вновь отправиться куда-нибудь с поручением, и так как предстояла надобность в обозрении и хозяйственном описании городов Казанской губернии, то я и просил директора департамента хозяйственного[1] назначить меня туда, а сам между тем занялся чтением разных дел министерства, касающихся городов Казанской губернии. Особенных других важнейших обстоятельств жизни не было. Я не упоминаю здесь тех, которые имеют значение только для меня: 5 летняя болезнь одной из моих сестер[2], недавняя, с год продолжающаяся болезнь другой сестры[3] и пр. и пр.

2.

Кто Ваш родитель и братья, где они находятся, чем занимаются и какое имеют состояние?

2.

Отец мой коллежский советник Сергей Тимофеевич Аксаков, 58 лет, теперь в отставке, а прежде служил цензором и был некогда Председателем Московского цензурного комитета; впоследствии же был директором Константиновского Межевого института. С 1826 г‹ода› он живет постоянно в Москве, уезжая летом в подмосковную деревню свою Абрамцево (верстах в 60 от Москвы). По слабости своего зрения (жестокая болезнь лишила его одного глаза) он не может много заниматься делами; письма бо́льшею частью диктует, также диктует воспоминания своего детства и записки о рыбной ловле и об охоте, ибо в молодости был страстным охотником. Года два тому назад напечатаны были его записки о рыбной ловле[4], обратившие на себя общее внимание чистотою языка, живостью рассказов и уменьем придать им интерес даже и не для охотников. Старший брат мой Константин, магистр императорского Московского университета, живет при отце и при матери моей. Семейство наше состоит из 10 человек: из 3-х братьев и 7 сестер, которые живут у родителей же и из которых две тяжело больны.

Из братьев двое, т. е. брат Григорий и я, отвлечены службою от родительского дома, следовательно, одному необходимо было остаться при семействе, и эту святую обязанность исполняет брат мой Константин, помогающий отцу моему в хозяйстве и занимающийся, сверх того, сам для себя учеными трудами по части русской истории и филологии... При этом я укажу на два его сочинения: диссертацию о Ломоносове [5] и драму «Освобождение Москвы в 1612 году» [6]. — Брат мой Григорий, окончивший в 1840 году курс в Училище правоведения, служит теперь симбирским губернским прокурором. Он женат [7], имеет дочь [8]. Литературой он не занимается, т. е. не пишет. — У отца моего состояние, но многочисленности его семейства, весьма ограниченное: душ с 500 в Оренбургской губернии, в Белебеевском уезде и душ с 300 в Симбирской, в Корсунском уезде. Имения эти заложены. Кроме того, душ 40 в подмосковной деревне Дмитровского уезда, Абрамцеве.

3.

В бумагах Ваших находится письмо Вашего родителя, в котором он, отвечая на Ваше письмо от 24 февр⟨аля⟩, делает Вам замечание за резкость и неточность выражений, особенно за то, что Вы не договариваете Ваших мыслей, отчего выходит такой смысл, что иной может принять Вас за либерала. Объясните с полною откровенностью все содержание упомянутого письма Вашего и, если сохранила Ваша память, изложите оное точными словами, особенно те места, за которые Вы получили замечание от Вашего родителя.

3.

Готов отвечать на этот вопрос с полною откровенностью, хотя она может быть для меня и невыгодна.

Поводом к письму моего отца было мое письмо к нему следующего содержания. Я писал: «Возвращение старого порядка вещей в Европе наводит улыбку гордой радости на лица наших петербургских аристократов. Они вдруг все приободрились. Всякий раз после прогулки по Невскому проспекту овладевает мною великая скорбь. Вы не поверите, как возмущается душа моя при виде этих господ полуфранцузов, полунемцев, все что угодно, только не русских, коверкающих свой родной язык, ослепляющих нас роскошью произведений Запада и живущих уже совсем не по-русски! На лицах их написано: «Слава богу, теперь мы безопасно можем делать то, что делали прежде, т. е. роскошничать, развратничать и разорять наших крестьян!» Когда в прошлом году, испуганные европейскими смутами [9], они пели хвалебный гимн России и русскому народу, то в этих словах слышались мне другие слова: «Какой у нас в самом деле добрый, терпеливый, удобный народ: мы презираем его, выжимаем из него последнюю

денежку, и он сносит все и даже не питает к нам ненависти». Вот выражения, за неточность которых упрекал меня отец мой, говоря, что оттого выходит такой смысл, который может подать обо мне ложное понятие, будто я либерал, тогда как, прибавляет он, западный либерализм противен душе твоей. Пользуюсь случаем, чтоб дополнить невысказанную мысль и изложить ее с искренним чистосердечием: по моему мнению, старый порядок вещей в Европе так же ложен, как и новый. *Он уже ложен потому, что привел к новому, как логическому, непременному своему последствию. Ложные начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увенчаться безверием, анархией, пролетариатством, эгоистическим устремлением всех помыслов на одни матерьяльные блага и гордым, безумным упованием на одни человеческие силы, на возможность заменить человеческими учреждениями божие постановления.* Вот к чему привели Запад авторитет католицизма, рационализм протестантизма и усиленное преобладание личности, противное духу смирения христианской общины. — *Не такова Русь. Православие спасло ее и внесло в ее жизнь совершенно другие начала, свято хранимые народом.* Народ смотрит на царя как на самодержавного главу всей пространной русской православной общины, который несет за него все бремя забот и попечений о его благосостоянии; народ вполне верит ему и знает, что всякая гарантия только нарушила бы искренность отношений и только связала бы без пользы руки действующим, наконец, что только то ограничение истинно, которое налагается на каждого христианина в отношении к его ближним духом Христова учения. Взгляд русского народа на правительство вообще высказан был в официальном объяснении на известный манифест, изданном в феврале или марте месяце прошлого года, в словах: всякая форма правительственная, как бы совершенна она ни была, имеет свои недостатки [10] и пр.

Совершенно справедливо. *Святая истина!* *Слава богу!*

Да не подумают, что я хочу льстить, боже сохрани! Но вот мои убеждения: при Петре Великом верхние слои общества отчуждились от народа и поддались обаянию Запада, увлеклись блестящим соблазном его цивилизации и пре́зрели коренные, основные начала русской народности.

Все это справедливо.

Не одни художества и ремесла были вводимы в Россию!.. Нет! русские портные ссылались на каторгу за шитье русского платья (См. «Полное Собр⟨ание⟩ Росс⟨ийских⟩ Закон⟨ов⟩»), русский язык был весь изломан, исковеркан и нашпигован иностранными выражениями, администрация, с ее немецкими учреждениями и названиями, подавила жизнь своим формализмом; чиновники, с своими немецкими чинами, были поставлены в неискренние и странные отношения к народу, которому было трудно не только понять, но и выговорить имена их. Дворянство совершенно оторвалось от народа, присвоив своей жалкой цивилизации право: не верить, *когда он верит;* не соблюдать уставы церкви, *им соблюдаемые;* не знать языка, *которым он говорит;* забыть свою историю и предания и глядеть на него только как на удобный матерьял к извлечению из него доходов. Последующие поколения шли по данному толчку, не оглядываясь, не сознавая, и общество в том виновато перед правительством, что заслоняло от него народ и мешало правительству понимать Россию в настоящем свете... — Между тем как *образованное* общество жило заемною жизнью, обезьянски шло за Западом и добровольно задавало себе в чужом пиру похмелье, — народ, слава богу, оставался тем же или почти тем же. Я говорю: *почти*, потому что пример разврата, нами подаваемый, начинает проникать и в села. Разумеется, простой народ, живущий в столицах, сначала оскорблялся, видя, например, в Москве, что в великий пост, когда он говеет, постится, идет к заутренней или возвращается с исповеди, высшее общество, с факелами, песельниками, цыганами и цыганками, бешено наслаждается ночными катаньями с гор [11], — но потом и народ мало-помалу привыкает к этому и, чего доброго, пожалуй, заведет и у себя то же. —

Справедливо много, хотя, слава богу, не в общем применении...

Конечно, если это так, то это неприлично и не должно было бы быть допущено местными властями...

В нынешнее царствование во многих сердцах пробудились угрызения совести. Спрашивали себя: не виноваты ли мы перед русским народом, старались воскресить в себе русского человека. Это возрождение русской народности проявилось в науке и в литературе. Люди, всеми силами, всеми способностями души преданные России, смиренно изучавшие сокровища духовного народного богатства, свято чтущие коренные начала его быта, неразрывного с православием, *люди эти, бог весть*

Потому, что под видом участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от

божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное с святым.

почему, прозваны были славянофилами, хотя в их отношениях к западным славянам было только одно сердечное участие к положению единокровных и единоверных своих братий. Я принадлежу к этим людям и думаю, что нам, т. е. образованному обществу, следует покаяться, нравственно перевоспитаться и стать русскими людьми.

Прекрасно, но посмотрим, что есть русский человек в мыслях г⟨осподина⟩ Аксакова.

В начале прошлого года происшествия в Европе заставили нас думать, что общество образумится, перевоспитается. Но вышло не то. — Общество, в особенности петербургское, сперва испугалось: новое доказательство, что оно не знает русского народа, потому что всякое восстание, всякий насильственный, революционный путь ненавистен, противен его нравственным убеждениям и основам его быта, проникнутого духом Веры. Общество скоро успокоилось, не видя, впрочем, что, ругая Запад, оно хранит в себе все его начала, продолжает жить заемною жизнью, словом, как выразился не помню кто, думает устроить на Руси свой домашний Запад и безнаказанно упиваться сладостью всех тех же грехов, которые погубили Запад. Поэтому, говорю откровенно, противно мне бывало смотреть на какого-нибудь износившегося в пустой и развратной жизни франта, владетеля целых десятков тысяч душ крестьян, которые в поте лица работают кротко и усердно на удовлетворение безумной роскоши своего господина. А господин этот полон глубокого презрения к «грубому и невежественному» мужику, не умеет без ошибок подписывать своего имени и считает себя уволенным от обязанности если не верить, то почитать церковь и ее уставы. Вместо того, чтоб поучаться у народа его мудрости и смирению, он, вступив в службу, готов будет сейчас учить его по-своему и навязывать ему бог знает какие, только не русские теории. Таких господ много. Они на каждом шагу попадаются в Санкт-Петербурге.

Очень понятно!

Бывают такие, но они неминуемо должны подвергнуться презрению и осуждению всех благомыслящих людей, которых еще довольно и которых, слава богу, с каждым днем более.

Отец мой говорит, что негодование мое может быть принято в другом смысле, т. е. в либерально-западном. Если так, то весьма ошибутся те, которые это подумают. Я уже сказал, что всякий насильственный путь противен русскому народу, а следовательно, и всем тем, которые, как я, имеют претензию держаться русского духа [12]. Я убежден, что насилие порождает насилие, нарушает

А потому и не надо подавать к тому повода разными суждениями, преувеличениями и выходками, которые одною надменностью и неопытностью отзываются

и искажают чистоту намерений.

нравственную чистоту дела и никогда не приводит к добру; я считаю даже, что никакая цель никогда не оправдывает средств и верю Спасителю, сказавшему ученику своему, когда тот хотел его защитить (следовательно, сделать, кажется, святое дело): «Всякий поднявший меч мечом и погибнет!»[13]

И потому я желал бы только, чтобы мы сами, открывая друг другу мирным путем убеждения наши заблуждения, постарались попасть на прямую дорогу, устремили все свои силы на изучение родной стороны, на пользу России и ее народа, при содействии правительства, которое всегда благонамеренно, но не всегда успевает в своих желаниях и которое во сто раз благонамереннее самого нашего общества. Только правительство может практически осуществить возрождение русской народности и самобытное развитие русской жизни.

Верю, но и в добрых намерениях можно ошибаться.
C'est le ton, qui fait la musique *.

Объяснение мое на этот вопрос несколько длинно, но я счел нужным распространиться и начать издалека, дабы предупредить всякие недоразумения. Все написанное мною изложено с самою полною откровенностью.

4.

В другом письме от 15-го февраля родитель Ваш, упоминая, что Вы сообщаете ему о предположениях по службе, сожалеет, что пишете об этом с почтой, тогда как у Вас много оказий, присовокупляя: всего бы лучше вовсе не писать. Объясните с тою же откровенностью обо всем, что Вы писали насчет предположений по службе.

Ничуть, цель прекрасная и начальник доступен.

4.

Поводом к этому письму моего отца послужило другое письмо мое, в котором я писал, что отказался от предложенного мне места начальника отделения, прибавляя, что отказался бы даже и от вице-директорства, потому что цель моя на службе: ездить с поручениями по России и изучать ее во всех отношениях, не только по одному предмету возлагаемого на меня поручения. Отец мой, по нежности своей ко мне, вероятно, думает, что подобный отзыв, если бы дошел до сведения моего начальства, повредил бы мне в суждениях его обо мне как о чиновнике.

---

* Тон, который делает музыку (*фр.*).

5.

Почему Вы дозволили себе помещать в Ваших письмах известие о заключении камер-юнкера Самарина в крепость и почему принимали в нем участие?

5.

Я не понимаю, почему я в письме не мог упомянуть о заключении камер-юнкера Самарина в крепость, когда это было известно всему городу и все об этом говорили. Если б это не было известно, то всякий вправе был бы подумать, что он пропал без вести. Управляющий дома Устинова, где квартировал Самарин, намеревался было, как я сам видел, подать в полицию извещение о неизвестной отлучке Самарина, но был от того удержан. Участие в Самарине я принимал потому, что знаю его уже лет 7 как умного, образованного, честного, даровитого человека, с твердым характером, с добросовестною душою, всем сердцем преданного России.

6.

Из ответов родителя и брата Вашего Константина на письма Ваши о Самарине видно, что они вполне разделяют негодование Самарина против немцев в России[14]; а родитель Ваш в письме о маскараде, данном в Москве графом Закревским[15], отдавая русскому платью преимущество пред всеми костюмами, говорит, что московская публика восстает общим бунтом на гр⟨афа⟩ Закревского, что ругательство над русским платьем в маскараде произвело на общество самое благоприятное действие и что последствия его будут полезны. Если и Вы разделяете мнения Ваших родственников, то подробно объясните Ваш образ мыслей по означенным предметам.

6.

Отец и брат писали мне, что разделяют негодование Самарина против немцев в России. *Я тоже разделяю это негодование, ибо, как русский, не могу быть равнодушен к положению русских в Остзейском крае.* Впрочем, так же, как и мои родственники, не люблю немцев только как касту, действующую в духе презрения к России и ее народу, но в частности уважаю и люблю их, если они хорошие люди. Доказательством этому служит то, что у меня много приятелей немцев. Что касается до восстания всей московской публики против графа Закревского общим бунтом, то эти выражения в письме моего отца относились, сколько могу припомнить, к тому, что граф Закревский, пригласив московское общество к себе на folle journée *, расстроил этим уже совсем заготовленный пикник; отказаться они не посмели, но поехали к графу Закревскому весьма недовольные. Из тона писем моего отца слышно презрение его вообще к московской публике, которая часто изволит гневаться на графа Закревского за его короткий суд и расправу, но в то же время готова на всякое унижение, чтобы попасть в салон графини Закревской[16]. — Что касается до выражений его о русском платье,

* Сумасшедший день (*фр.*).

то они содержат ту мысль, что общество, надев русское платье как шутовское, маскарадное, взамен арлекинского или испанского костюма, почувствовало же, однако, красоту и удобство этого одеяния и невольно спросило себя: отчего бы не ходить так всегда?.. Я не придаю платью большой важности, но думаю, однако, что если б мы все надели русское платье, то стали бы менее чужды народу и легче было бы нам перевоспитать себя на русский лад. Не говоря уже о том, что русский наряд удобнее и красивее, я просто не понимаю, отчего костюм, принадлежащий чужой народности, со всеми невыгодамп и вредным влиянием иностранной моды, носить приличнее, чем наше народное платье?..

7.

Брат Ваш Григорий в одном письме из Симбирска, выхваляя Елачича и называя безумным Франкфуртское собрание[17], передает надежду, что Австрия из немецкой превратится в славянскую монархию. Не питаете ли Вы и родственники Ваши славянофильских понятий и в чем опи состоят?

7.

Брат Григорий называет в одном из писем своих Франкфуртское собрание безумным... *Я думаю, в этом и спрашивающие меня не сомневаются.*— Он выхваляет Елачича... Разве он не был достоин похвалы? Это признал и государь император, наградивший его орденом[18]. — Что касается до мнения его, что Австрия из немецкой превратится в славянскую монархию, то я также думал это, ибо немецкие элементы ее подгнили, и она давно бы рухнулась, если бы не поддержали ее славяне. Поэтому и можно было предполагать, что Австрия сделает volte face * и обратится в славянскую империю. Это было бы, впрочем, весьма грустно, так как возникновение рядом с Россиею самобытной, сильной Славянской монархии привлекло бы к ней все те южные славянские племена, которые теперь мы от себя отталкиваем, и лишило бы Россию значения: быть единственным сосудом православия и славянских начал на земле. Впрочем, может быть, Австрия устоит и в настоящем своем виде.— Что касается до моих славянофильских идей, то ни я, ни родственники мои не славянофилы в том смысле, в каком предложен этот вопрос. В панславизм мы не верим и считаем его невозможным, во 1-х, потому, что для этого необходимо было бы

* Поворот (*фр.*).

И дельно, потому что все прочее мечта; один бог может определить, что готовится в дальнем будущем, но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России.

единоверие славянских племен, а католицизм Богемии и Польши составляет элемент враждебный, чуждый, не смесимый с элементом православия прочих славян; во 2-х, все отдельные элементы славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем, цельном, могучем элементе, т. е. в русском; в 3-х, бóльшая часть славянских племен уже заражена влиянием пустого западного либерализма, который противен духу русского народа и никогда к нему привиться не может. *Признаюсь, меня гораздо более всех славян занимает Русь,* а брата моего Константина даже упрекают в совершеннейшем равнодушии ко всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии.

8.

Еще родитель Ваш в письме от 8 марта пишет к Вам: «Жизнь в Москве сделалась для меня еще несноснее, и обстоятельства требуют неукоснительного бегства; и предметы общих разговоров, устремление общих интересов, непосредственно разделяемых всеми, имеющих еще усилиться в будущем, выводят меня из терпения. Весьма затруднительно и не безвредно для меня и будет странно, а как бы хорошо уехать нам с Константином в Абрамцево». В чем состоит тягостное.

8.

Это письмо моего отца касается чисто семейных дел: расстройства финансов, болезни дочерей, а также и скуки, наводимой на него московскою жизнью. Он охотно бы прожил в деревне всю зиму, ибо он и брат мой Константин любят всею душою природу, деревню и все ее мирные удовольствия. Прошлого года отец мой уехал в деревню в самом начале весны, но простудился там, сделался очень болен и должен был воротиться в Москву. Поэтому он и называет поездку в деревню не безвредною. Пустота ежедневных общих интересов и разговоров нагоняет на него, при невозможности заниматься службою, такую сильную скуку, что он часто уходит в другую комнату, не дожидаясь отъезда гостей.

9.

Между книгами Вашими оказались сочинения Штейна о социализме и коммунизме [19] и стихо-

9.

Найденные у меня книги куплены в Москве несколько лет тому назад, но когда именно и в каком магазине, не помню. Приобрел же я их из

творения Мицкевича [20]. Где и у кого приобрели Вы эти книги, не питаете ли Вы мыслей коммунистических и вообще противных образу нашего правления, и если питаете, то объясните со всею искренностью, каким путем Вы приведены к этому?

любознательности. Мицкевича купил потому, что сам занимаюсь поэзией и пишу стихи. Коммунистических идей не разделяю. Свои мысли я изложил уже в 3-м пункте и думаю, что в них нет ничего «противного образу нашего правления».

10.

У Вас еще оказались стихи Вашего сочинения, писанные к кн⟨язю⟩ Оболенскому в 1843 г⟨оду⟩ [21], в которых Вы с насмешкою отзываетесь о гражданской службе и Сенате, о наградах чинами и крестами. Не распространяли ли Вы этих стихов и мыслей, в них заключающихся, и для чего сохраняли этот листок?

10.

Послание к кн⟨язю⟩ Оболенскому, товарищу по Училищу и сослуживцу, писано мною в начале 1843 г⟨ода⟩, когда мне было 19 лет. Оно заключает в себе юношеское разочарование в службе, ибо формализм судебного делопроизводства сильно охладил мою пылкую ревность к общеполезной деятельности. Мне тогда страшно было вообразить, что, прослужа лет 40 в этой атмосфере, я могу совершенно подчиниться влиянию служебного формализма, сделаться чиновником, который думает только об очистке бумаг, о получении за это наград, смотрит на людей отвлеченно, не понимая ничего, кроме своих дел, и постепенно заглушает в себе живого человека, желавшего некогда только блага и пользы!.. Со временем я переменил мысли и думаю, что можно остаться чиновником и сохранить в себе человека. Листок этот сберегся случайно; впрочем, я и не видел надобности его истреблять.

11.

Объясните, какую главную мысль предполагаете Вы выразить в поэме Вашей «Бродяга» и почему избрали беглого человека предметом сочинения?

11.

Отчего выбрал я бродягу предметом поэмы?.. Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным; оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни; оттого, что бродяга, гуляя по всей России, как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах; оттого, наконец, что этот тип мне как служившему столько лет по уголовной части хорошо знаком. Крестьянин, отправляющийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения по всему широкому простран-

ству русского царства (где есть где разгуляться!), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд — вот герой моей поэмы. Написана еще только 1-ая часть, которая сама за себя может дать объяснение.

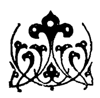
12.

Не имеете ли еще чего присовокупить к пояснению предложенного в предыдущих вопросах?

12.

Кажется, ничего больше присовокупить не имею, кроме того, что, во 1-х, я до сих пор не знаю, зачем я арестован и в чем меня обвиняют или подозревают; во 2-х, что все предыдущее изложено мною по долгу совести, без малейшей утайки; в 3-х, что я чувствую себя совершенно чистым пред богом, Россиею и государем и вполне надеюсь на милость божию и на правосудие правительства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Барсуков	*Барсуков Николай.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889—1904. Кн. II, VII—X; XVIII
ВЕ	«Вестник Европы»
ГБЛ	Гос. Библиотека им. В. И. Ленина (Отдел рукописей)
ГПБ	Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Отдел рукописей)
Егоров В. Ф., Медовой М. И.	Переписка кн. В. Ф. Одоевского с А. С. Хомяковым/Сост. Егоров Б. Ф. и Медовой М. И. // Ученые зап. Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. Т. XV. Литературоведение. Вып. 251. Тарту, 1970
ИВ	«Исторический вестник»
ИОРЯС	«Известия отделения русского языка и словесности Академии наук»
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Отдел рукописей)
История моего знакомства с Гоголем	*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем/Литературные памятники. М., 1960
ЛМ	«Литературная мысль»
ЛН	«Литературное наследство»
ОЗ	«Отечественные записки»
Письма. Т. I	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. I. Ч. I
Письма. Т. II	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. II. Ч. I
Письма. Т. III	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. III. Ч. I
Письма. Т. IV	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1896. Т. IV. Ч. II
РА	«Русский архив»
РМ	«Русская мысль»
РО	«Русское обозрение»
РС	«Русская старина»
РФВ	«Русский филологический вестник»

Самарин	*Самарин Ю. Ф.* Соч.: В 12 т. М., 1886—1900. Т. XII
Стихотворения...	Аксаков Иван. Стихотворения и поэмы. Л., 1960
Хомяков	*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1904. Т. VIII.
ЦГАЛИ	Центральный Гос. архив литературы и искусства (Москва)
ЦГИАР	Центральный Гос. исторический архив СССР (Ленинград)

А. Г. Дементьев, Т. Ф. Пирожкова

И. С. АКСАКОВ И ЕГО ПИСЬМА К РОДНЫМ 1844—1849 гг.

Имя Ивана Сергеевича Аксакова — журналиста, публициста, общественного деятеля — было очень популярно во второй половине XIX в. в русском обществе и за его пределами, особенно в славянских странах. Известность его значительно превосходила славу брата, К. С. Аксакова — выдающегося идеолога славянофильства. На похоронах И. С. Аксакова, умершего в январе 1886 г., было громадное скопление народа — 100 тысяч человек. Пресса подробно комментировала это событие, в газетах было помещено множество статей, заметок и некрологов.

С ним уходила в прошлое целая эпоха — эпоха напряженной полемики, публичных диспутов, столкновений между западниками и славянофилами, ибо хоронили «последнего славянофила».

Даже люди, не разделявшие убеждений И. С. Аксакова, принадлежавшие к иным течениям общественной мысли, не могли не признать его заслуг, его влияния на русскую общественность. Присутствовавший на похоронах Алексей Николаевич Веселовский так описывал А. Н. Пыпину происходившее: «На похоронах действительно были люди всех направлений; кого привлекло любопытство... кого желание приписаться задним числом в приверженцы покойного, кого наконец уважение к некоторым чертам характера Аксакова, увлекавшегося часто до бессвязно-нелепого экстаза, неразвитого, склонного к фанатизму, но минутами мужественного, красноречивого и двигавшего людскими сердцами. Лично я не принадлежал никогда к его любимцам... Но и я выстоял всю бесконечную службу, и некоторые из моих друзей; что́ считаться с мертвым! думалось нам,— а за этой мыслью вдогонку слышался возглас одной из здешних мелких газетенок, вечно воюющей с „М‹осковскими› в‹едомостями›“: „Нет великого Патрокла, жив презрительный Терсит“. И то правда!» [1]

А. Н. Веселовскому вторил историк Д. А. Корсаков, который тоже писал А. Н. Пыпину: «И Аксакова не стало! Редеет дружина русских мыслящих людей. Во имя чего бы ни боролся Аксаков с окружающей нас пошлостью и несмотря на его излишество и несуразности последнего времени,— это был боец сильный и цельный характер. Невольно сжимается сердце при мысли, что на смену исчезающих сильных русских людей являются „мошки да букашки“» [2].

[1] Письмо от 7.II.1886 г. // *ГПБ*. Ф. 621. Ед. хр. 153. Л. 9 об.— 10.

[2] Письмо от 12.II.1886 г. // Там же. Ед. хр. 424. Л. 2. «Мошки да букашки» — из «Современной песни» Д. В. Давыдова (1836).

И. С. Аксаков был на шесть лет моложе брата Константина — он родился 26 сентября 1823 г. в селе Надёжино Белебеевского уезда Оренбургской губернии. Его отец Сергей Тимофеевич Аксаков, известный русский писатель, автор «Семейной хроники», «Детских годов Багрова-внука», «Записок об уженье рыбы», и мать Ольга Семеновна, дочь суворовского генерала Семена Григорьевича Заплатина, имели многодетную, но сплоченную, жившую общими интересами семью. Детство Ивана Аксакова прошло в Москве в обстановке теплоты, сердечности и высоких интересов, всегда отличавших это семейство.

Весной 1838 г. С. Т. Аксаков увез Ивана в Петербург в императорское Училище правоведения, незадолго до того открытое (1835), где учился другой сын Сергея Тимофеевича — Григорий. По отзыву воспитанника училища поэта А. М. Жемчужникова, дух в этом учебном заведении был «превосходный» [3], и хотя Грановских среди профессоров не было, но в учениках воспитывали чувство собственного достоинства, уважение к знаниям, просвещению и справедливости.

Вышедший из этого же училища музыкальный критик В. В. Стасов вспоминал впоследствии, что ученики много читали, прежде всего журналы. Их покупали в складчину; в этот общий фонд Аксаков отдал бережно хранимый золотой, данный родителями. Особенной популярностью у молодых людей пользовался журнал «Отечественные записки»; печатавшегося там В. Г. Белинского Стасов назвал «настоящим воспитателем» юных правоведов: «Я помню, с какою жадностью, с какою страстью мы кидались на новую книжку журнала, когда нам ее приносили, еще с мокрыми листами, и подавали обыкновенно в середине дня, после нашего обеда. Тут мы брали книжку чуть не с боя, перекупали один у другого право читать ее раньше всех; потом, все первые дни, у нас только и было разговоров, рассуждений, споров, толков, что о Белинском да о Лермонтове. Большинство чудных мелких пьес этого последнего мы сейчас же знали наизусть. Белинский же был решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский, со своими ежемесячными статьями» [4].

Интерес к литературе, поощряемый наставниками, способствовал тому, что некоторые воспитанники начали писать в годы учения: А. М. Жемчужников, И. С. Аксаков и др. Одно время в училище издавался журнал, полностью составленный из литературных упражнений учеников. Скромный и застенчивый Иван Аксаков держал свои стихотворные занятия в тайне. «Полагаю, что не ошибусь, сказав, что о поэтическом таланте И. С. Аксакова в училище никто не знал,— уверял приятель И. С. Аксакова Ф. А. Бюлер.— Этот замечательный талант проявился в первый раз, когда его товарищ П. А. Сазонов попросил его, по случаю выпуска, написать что-нибудь в его альбом... Никогда не за-

---

[3] *ИВ*. 1908. Май. С. 566.

[4] *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // *РС*. 1881. Т. 31. Май. С. 274.

буду того восторга, который вызвало между нами чтение этих прекрасных стихов»[5]. Бюлер имел в виду стихотворение «В альбом П. А. Сазонова („Он наступил — желанный час свободы...“)». Однако более наблюдательный, чем Бюлер, товарищ И. Аксакова Н. К. Калайдович заметил литературные наклонности и поэтическую настроенность Ивана и, сравнивая его с Григорием, отметил существенную разницу между братьями: «Гриша... будет славный делец и законник. Он рожден для жизни деловой... Ваня — другой человек: он больше литератор и философ, хотя между тем и юридические его занятия идут очень успешно»[6]. Еще находясь в училище, И. Аксаков мечтал стать литератором.

В 1840 г. он познакомился с Белинским. Юноша очень понравился Белинскому, который сообщил К. Аксакову о своем благоприятном впечатлении. Но как бы провидя его судьбу, заметил: «В нем так много внутренней жизни, что даже жаль его, ибо на Руси пока еще только практическим людям хорошо, особенно, если они при этом мерзавцы»[7].

В 1842 г. училище было закончено, началась новая жизнь — служебная. В течение девяти с лишком лет (с 1842 по 1851 г.) И. С. Аксаков — чиновник 6 (уголовного) департамента Правительствующего Сената, а с осени 1848 г. министерства внутренних дел — разъезжал по России с различными поручениями или служил в провинции. Астрахань, Калуга, Бессарабия, Малороссия, Ярославская губерния... В высшей степени наделенный таким качеством, как любознательность, он радовался каждой предстоящей поездке в глубь страны, каждой возможности познакомиться с новою для него областью работы или народного быта. Путешествия всегда освежали, бодрили его, «бродяжнический элемент»[8], живший в нем, не давал успокоиться его горячей натуре.

...спаси меня, творец,
От безнадежности покорной,
От сна ленивого души,
От жизни долгой, скучной, вздорной,
От прозябания в тиши!

(*«О преферансе не тоскуя...», 1846*).

Хотя повод, вызвавший эти стихи, был шутливый, но они верно передавали и образ мыслей, и господствующее настроение их автора.

Пошли мне бури и ненастья,
Даруй мучительные дни,—
Но от преступного бесстрастья,
Но от покоя сохрани! —

---

5 Иван Сергеевич Аксаков. Неизданные его стихотворения // *РС*. 1886. Т. 52 Дек. С. 641.
6 Цит. по кн.: *Барсуков*. Кн. V. С. 483—484.
7 Письмо от 23.VIII.1840 г. // Полн. собр. соч. М., 1956. Т. XI. С. 546.
8 *Письма. Т. III*. С. 117.

читаем в другом стихотворении «Вы примиряетесь легко...» (А. О. Смирновой), 1846.

В 20 лет во время астраханской ревизии князя П. П. Гагарина Иван Аксаков выполнял обязанности старшего чиновника, являясь младшим, работал по 16 часов в сутки, больше, чем остальные 11 ревизоров, вместе взятые, ему, как правило, доставались самые трудные поручения, а отчеты были так толковы и безукоризненны, что ставились в пример другим. Именно к Аксакову князь Гагарин применил прекрасные строки из «Сида» Корнеля:

...но если сердце смело,
Оно не станет ждать, чтоб время подоспело.

Такое служебное прилежание вызвало даже недовольство матери, обеспокоенной здоровьем Ивана, которому с досадой писала: «...которая лошадь везет, ту и погоняют». Но Сергей Тимофеевич неизменно радовался успехам сына и с гордостью сообщал Н. В. Гоголю, что в Астрахани Иван «действовал с неожиданным, изумительным даже для меня достоинством мужа, а не юноши» [9].

Служба принесла много пользы Аксакову, пригодилась в его дальнейшей жизни и деятельности — помимо служебного опыта, он обогатился знанием практической жизни, народного быта, постиг систему управления государством; служба сталкивала его с великим множеством людей, помогала понять «чужую натуру»: «Я благодарен ревизии не только за узнание службы, но за опытность, ибо, переворачивая народ со всех сторон, во всех его нуждах, узнаю его настоящие потребности лучше»; «Для меня ревизия эта потому интересна, что я вижу теперь, как все ветви, жилы управления сосредоточиваются в одном месте, что́ именно останавливает свободное кругообращение, словом, механизм управления, ныне существующий, делается мне виднее и знакомее» (с. 54, 99) [10].

Но при всем служебном усердии и добросовестности Аксаков был довольно необычным чиновником. Обязанный служить по училищному уставу, он тем не менее мечтал об отставке буквально «с самого первого дня вступления своего в службу» [11].

Служить? иль не служить? да, вот вопрос!
Как сильно он мою тревожит душу! —

вопрос, задаваемый «Будущим чиновником» в юношеской мистерии Аксакова «Жизнь чиновника» (1843), волновал и самого автора, постоянно обсуждался в переписке с родными и друзьями во второй половине 40-х — начале 50-х годов. Отец считал, что можно не служить, брат Григорий уговаривал не бросать службы, чтобы, достигнув со временем высокого положения, вершить благие дела. Мысль, которой были увлечены в свое время Д. В. Веневитинов и М. П. Погодин: выслужиться, чтоб

---

[9] *История моего знакомства с Гоголем.* С. 137.
[10] Ссылки здесь и в дальнейшем даются на страницы настоящего издания.
[11] Письмо А. О. Смирновой от 9.IV.1851 г. // *РА.* 1895. № 12. С. 452.

иметь «больший круг действия»[12]. Но И. Аксаков отверг этот путь: «...закабалить себя на 25 лет службы, чтоб на 26-ой год проснуться, все равно что заложить на время душу черту,— плохое депо для души!» (с. 196).

Он не был чиновником в общепринятом смысле этого слова: не стремился делать карьеру (дослужился только до надворного советника), не имел иллюзий и честолюбивых мечтаний, простительных в начинающем службу молодом человеке. В первый же год работы в Сенате он в одном из стихотворений насмешливо охарактеризовал эти занятия:

Вкусили мы всю прелесть службы статской,
И видим: слишком мало толку в ней,
Чтоб ей отдать цвет лучших наших дней.

(«Итак, в суде верховном — виноват!..», 1845).

Канцелярскую работу, ежедневное присутствие в департаменте Аксаков не любил — при одной мысли о Сенате его «так и подерет по коже» (с. 391). В 1849 г. он не принял хорошо оплачиваемое место в министерстве внутренних дел с перспективой стать вице-директором департамента. «Да я не хочу и вице-директорства, и не хочу связывать себя неразрывно с П⟨етер⟩бургом»,— заявил он (с. 472).

Делающие карьеру стремились быть на виду, служить в столичных городах, но Аксаков при огромной любви к своей семье не хотел связывать себя и с Москвой. Человек сосредоточенной внутренней жизни, он бывал недоволен городской суетой, дорожил свободой и уединением; привыкший приносить практическую пользу, не был удовлетворен умозрительною славянофильскою деятельностью. «Но что́ за жизнь в Москве! — жаловался он А. О. Смирновой.— Нет возможности ни уединиться, ни заняться чем-либо: с 10 часов утра гости до полуночи. И все это одни разговоры, правда, умные, но ни к чему не ведущие, отвлеченные, бесплодные. Константин уже привык к этой жизни, а я отвык, поэтому он ничего и не делает...»[13] Странствия по российским городам и весям, непостоянная служба подходили более всего энергичной натуре Аксакова: ему казалось, что, получив постоянную должность, он бы «утратил последнюю молодость»[14]. Чего он хотел? «Я хочу ездить по России и только» (с. 472).

Любознательность Аксакова не была любознательностью праздного путешественника: в любое дело он уходил с головой, не удовлетворяясь поверхностным рассмотрением явления, а всегда стремясь дойти до его глубинной сути. Тот, кто сталкивался с Аксаковым, сразу понимал, что он человек неказенный, человек, ценящий живую жизнь больше формализма: «К чему закон, когда соблюдение его есть высшее нравственное беззаконие» (с. 194). Как часто он страдал, сталкиваясь с административным бездушием, с невозможностью провести истины через препоны тог-

---

[12] См.: *Барсуков* Кн. II. С. 32.
[13] Письмо от 16.V.1849 г. // *РА*. 1895. № 12. С. 433.
[14] Письмо А. О. Смирновой от 3.VI.1850 г. // Там же. С. 444.

1847 года, Калуга, Февр. 15 Суббота.
На нынешней неделе получил я два письма от Вас
милый мой Отесинька и милая маменька. Очень рад
я, что Вам нравятся книги и гораздо более, чем я
ожидал. Я думал, признаюсь, получить более похвал
за предыдущие мои стихи, которые мне самому
нравятся: „зачем душа твоя спокойна". В них
есть какая-то [illegible] стремительность.
Отесинька. Записок еще не видал, а потому и не знаю
еще разбора Зимней Дороги. Я впрочем ничего другого
и не ожидал; во ней можно расхваливать разве некото-
рые места. — Я нетерпеливо хочу быть на [illegible]
ибо, покуда, мне свободу ничего не отнимает [illegible]
особенно, если Дмитрий будет во [illegible], на
Субботу). — Когда же выйдет Московский Сборник?
Благодарю Вас за хороший прием, оказанный
Гагарину: он в восхищении. — Вчера, [illegible]
[illegible], двинулся отсюда поселиться [illegible] в Москв[у]
на неделю: т. е. [illegible], двуличье [illegible] и
[illegible]. На моих руках остались отец, однодворец
и [illegible]. — Деятельность Константина меня
необыкновенно радует: скачет, ездит, рыщет,
говорит, читает, пишет драму, и многочисленные
статейки в газетах! Славно. — Я же ничего не [illegible]
[illegible], ибо решительно ничего не делаю. [illegible]
[illegible] Прощайте, обнимаю Вас и целую ваши ручки, обнимаю всех. И. А.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА РОДНЫМ
ОТ 15.II.1847 Г.

ИРЛИ. Ленинград

дашнего судопроизводства, как часто бывал принужден прибегать к хитростям и уловкам, чтобы обойти несовершенные законы и достичь, как он говорил, «человеческого результата». В 1848 г. Аксаков покинул министерство юстиции в знак протеста против несправедливости: он отказался поставить свою подпись под делом одного князя, совершившего тяжкое преступление, но благодаря своим связям оправданного Сенатом.

Но и в министерстве внутренних дел, горячо и добросовестно исполняя свои служебные обязанности, Аксаков видел, как мало пользы приносит его рвение, как результаты расследований предаются забвению и на местах все остается по-прежнему. «Вот и теперь отчет мой о бессарабских раскольниках, хоть и был расхвален, преспокойно лежит себе у Надеждина и никаких ростков не пускает!» — с горечью констатировал он (с. 482).

Бывало, что служебная деятельность Аксакова шла вразрез с установками министерств, государственной политикой. Правительство видело одно средство, чтобы покончить с расколом,— насильственное обращение в православную веру. Посланный в Бессарабию, а затем в Ярославскую губернию с целью изучения раскола, И. Аксаков выступил против гонений на старообрядцев, против вмешательства полиции в дела веры, считая — и настойчиво доказывая в рапортах министру,— что правительство само виновато в живучести этого явления своими притеснениями, от которых преследуемые либо бегут за границу, либо из открытых раскольников становятся скрытыми.

Близкое знакомство с недугами русской жизни и невозможность их устранения, бессилие перед лицом жестоких обстоятельств сильно угнетали душу Аксакова. Годы его службы пришлись на царствование Николая I, к которому Аксаков относился с устойчивой неприязнью: он «сгубил, заморозил наше поколение; лучшие годы жизни ушли безвозвратно, проведены в самой удушливой атмосфере» [15].

В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне! —

вырвалось у него однажды в стихах («Клеймо домашнего позора...», 1849). Гнет николаевского царствования он испытывал на себе постоянно, но особенно ощутил в марте 1849 г., когда за смелое обсуждение в письмах родным последствий французской революции 1848 г. и внутреннего положения в России был подвергнут III отделением пятидневному аресту. На вопросы III отделения И. Аксаков ответил с достоинством, в независимом тоне. (См. Дополнение в наст. изд.) Его ответы читал царь и на полях сделал к ним замечания. С тех пор (до 1857 г.) Аксаков находился под негласным надзором полиции. После ареста он не спасовал, не отступился от своих убеждений, не стал вести себя иначе. «Я иду своей дорогой и вовсе не хлопочу в жизни о покое, удобствах и приятностях...» — писал он родным (с. 487).

---

[15] Письмо Н. С. Сохански от 9.IX.1858 г. // *РО*. 1897. № 2. С. 594.

И хотя служебные занятия были скучны и мертвы, вредно действовали на ум и душу, но девять лет своей жизни Аксаков посвятил службе не потому, что она была освящена для него смыслом, а потому, что в условиях николаевской действительности не видел иной возможности применения собственных сил: «Издание журнала почти невозможно, говорить страшно, писать стихи — не деятельность, а занятие случайное, временное. Сидячий труд, кабинетный, *для потомства,* как делают немцы, работающие по 20 лет над изысканием смысла каких-нибудь крючков, нам невозможен: нужна более живая, общественная деятельность. Поэтому-то пугает меня, привыкшего к деятельности служебной, хоть и подлой, при выходе в отставку отсутствие всякой деятельности...» (с. 312). Он не бросал службы и по другой немаловажной причине: не желал жить за счет крепостных крестьян.

Но в 1851 г. Аксаков все-таки сделал решительный и рискованный шаг — подал прошение об отставке. Когда до министерства дошли слухи об аксаковской поэме «предосудительного содержания», т. е. «Бродяге», он был поставлен министром внутренних дел Л. А. Перовским перед необходимостью выбора — служба или литература. Возмущенный Аксаков ответил министру: «...не служба терпит от моих литературных занятий, а литературные занятия, нравственное и умственное образование мое принесены в жертву службе» [16]. Служба давно тяготила его, не давала распрямиться, лишала досуга для литературных занятий. За год до описываемых событий Аксаков сообщал А. О. Смирновой, что, не будь службы, «свеж и неиссякаем был бы источник поэзии во мне: бил бы он постоянным ключом» [17].

Точно так же в 40-е годы Перовский предложил В. И. Далю, чиновнику этого же министерства и автору рассказа «Цыганка-воровка», вызвавшего недовольство цензурного комитета, бросить или службу, или литературу. Не имевший средств к жизни Даль выбрал службу [18].

Аксаков из двух возможных для него сфер деятельности отдал предпочтение литературе, связав с нею свою будущность. Министерство лишилось незаурядного чиновника, а русское общество приобрело журналиста и публициста. У Аксакова было несомненное литературное дарование, именно литературный труд принес ему глубокое внутреннее удовлетворение, стал смыслом его жизни.

Человек живого дела, привыкший трудиться, Аксаков после отставки охотно принял предложение А. И. Кошелева редактировать «Московский сборник» (в 1846 и в 1847 гг. славянофилы уже выпустили два сборника), сам Кошелев взял на себя его издание. Предполагалось в 1852 г. выпустить четыре сборника, превратив их тем самым в издание журнального типа.

Аксаков стал постоянно и тесно общаться с членами славянофильского кружка с весны 1851 г., когда разрыв в русском общественном созна-

---

[16] *Письма. Т. II.* С. 396.
[17] Письмо от 3.VI.1850 г. // *РА.* 1895. № 12. С. 444.
[18] См. об этом: *Зотов В. Р.* Петербург в сороковых годах: (Выдержки из автобиографических заметок) // *ИВ.* Т. 40. Апр.-май-июнь. С. 308.

нии, наметившийся в конце 30-х годов, стал уже совершившимся фактом. Размежевание русской общественной мысли на западническую и славянофильскую было вызвано попыткой разрешить главный вопрос времени — о путях дальнейшего политического и экономического развития страны. Феодальная система переживала кризис, страна нуждалась в коренных преобразованиях, обновлении всех сфер жизни. «Русь, куда несешься ты?» — этот вопрос, заданный Н. В. Гоголем в «Мертвых душах», встал перед мыслящей частью русского общества еще в 30-е годы. Испытывая острую антипатию к европейскому буржуазному строю, славянофилы пытались спасти от него Россию, для чего, по их мнению, надлежало обратиться к собственно русским началам, к народному быту, к преданию. Западники — горячие поклонники европейской цивилизации — считали, что России, отсталой стране, для будущего блага необходимо проделать тот путь, которым пошли передовые западноевропейские государства. Брат И. С. Аксакова Константин был олицетворением происшедшего в русском обществе раскола. Ярый славянофил, он прекратил даже дружеские отношения с западниками, в середине 40-х годов расстался с Т. Н. Грановским, А. И. Герценом.

Живший долгое время вне дома, вне славянофильского содружества (и во время учения, и во время службы), И. Аксаков нередко в 40-е годы выступал с критикой славянофильских идей, был чужд крайностей кружка, групповых пристрастий. Он пригласил и западников — Грановского и И. С. Тургенева — принять участие в славянофильских сборниках. Но I том был составлен Аксаковым очень быстро, Грановский ничего дать в него не успел, присланные Тургеневым «Просьбы Оленина», предназначенные для смеси, не были напечатаны, поскольку этот отдел не был разрешен. В «Московском сборнике» 1852 г. были представлены прежде всего старшие славянофилы: А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, братья Киреевские.

Редактор выступил с открывавшей сборник заметкой «Несколько слов о Гоголе», в которой Гоголь был назван «великим писателем» (и это несмотря на запрет печатать статьи о нем и даже упоминать его имя в печати). В отличие от К. Аксакова, который в брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя: „Похождения Чичикова, или Мертвые души“» (1842) представил Гоголя художником, чуждым тенденции, И. Аксаков писал о Гоголе-сатирике, «метко и неумолимо каравшем человеческое ничтожество», «пошлость и ничтожество современного общества»[19]. Здесь же было напечатано стихотворение И. С. Аксакова «Могучим юности призывам...» (1852), в котором автор призывал своих современников к твердости духа, к мужественному отстаиванию своих убеждений:

Чтоб шел ты честно в бой неравный,
Чтоб ненавидела душа —
Где б ни был ты, в глуши ль невидной,
Иль на опасной высоте —

[19] Московский сборник. М., 1852. Т. I. С. VII, VIII, X.

При бодрых силах сон обидный,
С неправдой мира мир постыдный,
Потворство лжи и суете!..

Заключали сборник отрывки из поэмы И. Аксакова «Бродяга».

28. IV. 1852 г. редактор радостно извещал Кошелева: «Сборник имеет успех громадный, а шум — и того больше. Все поражены его честной физиономией и считают это дерзостью, ибо честные физиономии в наше время не позволительны!..» [20]

Пропущенный московской цензурой, «Московский сборник» вызвал недовольство «бутурлинского комитета», Л. В. Дубельта и министра просвещения П. А. Ширинского-Шихматова. Последний в докладной записке царю выразил недовольство почти всем содержанием сборника. По поводу материалов, представленных И. Аксаковым, было сказано, что он «расточает безмерные и вредные похвалы Гоголю» и изображает в таком свете похождения бродяг, что они «могут неблагоприятно действовать на читателей низшего класса» [21]. Находя, что за сочинениями славянофилов необходим тщательный надзор, министр предписал следующие три тома «Московского сборника» представить в рукописи в Главное управление цензуры.

II том «Московского сборника», подготовленный Аксаковым к августу 1852 г., был подвергнут продолжительному просмотру и в Москве, и в Петербурге и снова вызвал раздражение цензуры и правительства. В статье редактора «Несколько слов об общественной жизни в губернских городах» нашли «неприличные насмешки» над обществом, а в его стихотворениях «Зачем душа твоя смирна?..» и «Усталых сил я долго не жалел...» усмотрен «подозрительный» смысл.

В 1853 г. сборник был запрещен, его редактор И. Аксаков лишен права редактировать какие-либо издания, а участники сборника (братья Аксаковы, Хомяков, И. В. Киреевский, В. А. Черкасский) получили распоряжение впредь ничего не печатать без разрешения Главного управления по делам цензуры в Петербурге. Наложенная на славянофилов опала была снята только в царствование Александра II. И. Аксаков убедился, что николаевский гнет давал себя чувствовать во всех сферах жизни — и в государственной службе, и в литературе и журналистике. В эпоху цензурного террора (1848—1855), когда все периодические издания были взяты под особый контроль правительства, издание «Московского сборника» было несвоевременным. «...при настоящих обстоятельствах общественная деятельность в литературе оказывается невозможною...» — к такому горестному выводу пришел он [22].

«Московский сборник» 1852 г., о котором помнили в Петербурге, Аксаков считал главной причиной того, что ему не было разрешено в 1853 г. кругосветное путешествие на военном фрегате «Диана». Вся аксаковская семья была встревожена намерением Ивана, Сергей Тимофее-

[20] *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 5.
[21] *Дементьев А. Г.* Очерки по истории русской журналистики. М.; Л., 1951. С. 346.
[22] *Письма. Т. II.* С. 408.

вич отговаривал сына от путешествия, полагая, что трехлетнее пребывание на корабле для такого непоседливого человека будет «отвратительнее всякой тюрьмы на земле»: «...для тебя и не плавучий кабинет, из которого *некуда* выйти, был всегда несносен...» [23]

В этом же году Аксаков принял поручение Русского Географического общества описать украинские ярмарки. По дороге на Украину он навестил в Спасском-Лутовинове Тургенева, который писал С. Т. Аксакову после этой встречи: «...обидно видеть такой запас сил, которые никуда не идут» [24]. Украина очаровала Аксакова, а сама работа по описанию ярмарок, очень утомительная, изобилующая статистическими данными («это просто каторжная работа!»), тем не менее была им блистательно выполнена, издана в 1858 г. и удостоена Константиновской медали Географического общества и Демидовской премии Академии наук.

С началом Крымской войны (1853) славянофилы воодушевились, надеясь на освобождение славян на Балканах. Но Аксаков, хорошо зная русский административный аппарат и внутреннее состояние государства, не верил в благоприятный исход событий. За стихотворение «Пленных братьев упованье...» (1854), в котором он выразил глубокое недовольство слабостью России, московский генерал-губернатор А. А. Закревский требовал заключить автора в крепость [25]. На пороге нового, 1855 г. в письме А. О. Смирновой И. Аксаков желал царизму обанкротиться, жаль ему было только бедных русских солдат. «Про положение наших Крымских дел, про управление, про грабежи чиновников в Крыму рассказывают ужасы. Так и должно быть. Порядок вещей разлагается...» [26] Вскрытое на почте, письмо было положено на стол царю. «Хорош, голубчик»,— сказал Николай I по прочтении письма.

Стремясь всегда быть в гуще жизни, Аксаков в последний день царствования Николая I записался в Серпуховскую дружину Московского ополчения. Он так объяснил свой шаг: «Вступать в ополчение не значит согласиться на разыгрываемую комедию, а значит изъявить готовность участвовать в опасностях, угрожающих России, чьей бы виной они ни были навлечены». Ни малейшей позы не было в его поступке, на службу в ополчении он смотрел как на «историческую повинность», как на труд, а себя представлял в виде «рабочего темного и безвестного» [27]. Быть дружинным начальником отказался, в одном строю с крепостными крестьянами и ремесленным людом штабс-капитан Аксаков дошел до Одессы и Бендер. Но военные операции кончались, в боевых действиях дружина побывать не успела.

В ополчении Аксаков в полной мере изведал, что такое одиночество. И прежде он иногда в письмах родным жаловался на правоведов-ревизо-

---

[23] *Письма. Т. III.* С. VI.

[24] Письмо от 20, 23.XI.(2,5.XII.) 1853 г. // *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.: Письма. М.; Л., 1961. Т. II. С. 210.

[25] См.: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. [М.], 1978. С. 49—50.

[26] Письмо от 2.I.1855 г. // *РА*. 1895. № 12. С. 463.

[27] *Письма. Т. II.* С. 115, 116.

ров в Астрахани, с которыми не может быть свободного обмена мыслями, на Р. А. Оболенского — «врага поэзии», в Калуге не видел он ни единой души, кроме Л. И. Арнольди, способной оценить его стихи. Но вот как он рисует окружающее его в дружине офицерское общество: «Общего ничего нет, разговора никакого: водка, карты, безденежье, циническое обращение с казенной собственностью, вот все предметы разговора и интересы защитников веры и отечества...» [28] Когда родные сообщили Ивану об юбилее М. С. Щепкина, этим известием не с кем было поделиться, новость эта никого не интересовала. Прежде И. Аксаков мог быть уверен в абсолютной порядочности своих товарищей: «О честности его (Р. А. Оболенского.— *Авт.*) смешно и говорить, также как и о моей» (с. 19). Теперь и этой уверенности не было... «Просто грех было назначать таких людей и поручать им крестьян!» [29]. Аксаков, ведавший хозяйственной частью, так экономил казенные деньги, что его отчет не был подписан начальником Московского ополчения графом С. Г. Строгановым, поскольку это был документ, ясно показывающий, сколько было украдено другими.

Вернувшись в Москву в марте 1856 г., Аксаков уже в мае снова отправился на юг — теперь в составе комиссии князя В. И. Васильчикова, посланной для определения степени разорения Крыма и расследования злоупотреблений в продовольственном снабжении русских войск во время войны.

Он положительно не знал покоя. В то время как его сверстники заняли солидные посты, он все не мог угомониться, колесил по России, а в 1857 г. отправился в Европу, побывал в Германии, Франции, Италии, Швейцарии.

По возвращении из-за границы Аксаков с августа 1858 г. становится неофициальным редактором славянофильского журнала «Русская беседа». Герцен еще в начале года советовал Аксакову взять на себя его редактирование, но официальный редактор Кошелев не сразу и только под давлением внешних обстоятельств (решившись издавать ежемесячное «Сельское благоустройство» и став членом Рязанского губернского комитета по крестьянскому делу) доверил журнал Аксакову. Дело в том, что Аксаков казался тогда Кошелеву (и не без оснований) недостаточно твердым и правоверным славянофилом: Иван Сергеевич считал, что программа «Русской беседы» привлекает нежелательное «сочувствие архиереев, монахов, Святейшего Синода» [30], приводил Кошелеву в пример «живой голос Герцена», фрондерствовал, так что Кошелев неоднократно убеждал Аксакова «не становиться в оппозицию с правительством» [31].

Новый энергичный редактор стал выпускать в год шесть книжек журнала вместо четырех, увеличил количество славянских материалов, закрыл двери журнала для мракобесов вроде Н. И. Крылова, Т. И. Филип-

[28] *Письма. Т. III.* С. 213.
[29] Там же. С. 132.
[30] Там же. С. 328.
[31] *Колюпанов Н.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. II. С. 249.

пова. Большего он сделать не мог — Кошелев держал деятельность И. Аксакова под неусыпным контролем и часто вмешивался.

Не располагая свободой действий в «Русской беседе», Аксаков выхлопотал разрешение на издание собственной газеты «Парус». Но на 2-м номере (от 10. I. 1859 г.) газету закрыло правительство, недовольное передовицами издателя: в одной из них он защищал свободу слова, а в другой скептически отзывался о реформах, проводимых властями. Действительно, запальчивый тон аксаковских статей и смелость выдвинутых в них требований обращали на себя всеобщее внимание. «Неужели еще не пришла пора быть искренним и правдивым? — спрашивал он в первом номере газеты.— Неужели еще мы не избавились от печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, боже мой, можно будет, согласно с требованием совести, не хитрить, не выдумывать иносказательных оборотов, а говорить свое мнение прямо и просто, во всеуслышание? Разве не довольно мы лгали? Чего довольно — изолгались совсем!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свету не давалось людям, когда жизнь притаилась и смолкла, и в пустынном мраке пировала и величалась официальная ложь, одна — владыкою безмолвного простора! Но ведь это время прошло! Или мы не убедились, что постоянное лганье приводит общество к безнравственности, к бессилию и гибели? Или уроки истории пропали для нас даром? Разве не выгоднее для правительства знать искреннее мнение каждого и его отношение к себе?»

В обществе опасались, что Аксакову угрожает ссылка. А. В. Никитенко писал в дневнике: «Говорят, Тимашев (начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением.— *Авт.*) изо всех сил хлопочет, чтобы издатель „Паруса“ ‹И. С.› Аксаков был спроважен в Вятку. Мысль отличная, самая современная, патриотическая и полезная правительству, напоминающая людям доверчивым, утопистам и оптимистам, что мы еще не так далеко ушли от времени Николая Павловича, как они думают» [32].

После решения Кошелева прекратить издание «Русской беседы» Аксаков в 1860 г. вторично отправился за границу — на этот раз в славянские страны, где познакомился со многими общественными деятелями, и в Германию. Немецкий поэт и профессор Мюнхенского университета Фридрих Боденштедт оставил описание Аксакова той поры: «Весьма простой в обращении, одетый без претензии, он не имел вида салонного героя, но походил на человека, принадлежащего к высшему кругу. Он не искал знакомств в аристократических кружках Мюнхена... Зато он чувствовал себя прекрасно в обществе ученых, поэтов и художников, с которыми я его познакомил» [33].

В августе 1860 г. в Германию к И. Аксакову приехал тяжело больной брат Константин. Мучительно переживавший смерть С. Т. Аксакова в 1859 г., он был так слаб, что Иван не решался сообщить ему о смерти

---

[32] *Никитенко А. В.* Дневник. [Л.]: ГИХЛ, 1955. Т. II. С. 56.
[33] Воспоминания Фридриха фон Боденштедта. Иван и Константин Аксаковы // *РС*. 1887. Сент. С. 572—573.

Хомякова. В декабре этого же года И. Аксаков отправился в обратный путь — он вез в Москву тело умершего брата.

Смерть К. Аксакова и Хомякова заставила И. Аксакова всерьез задуматься о судьбе дела, которому они посвятили себя. Сознавая свой долг перед умершими, буквально через месяц после смерти брата он заявил, что обязан продолжить его труд, заменить Константина, стать «внешним центром» [34] для оставшихся друзей. Немало поездив по России, Аксаков убедился в том, что за пределами столичных городов о славянофилах «и слыхом не слыхать» [35]. Человек деловой и практичный, он хорошо понимал, что воздействовать на общественное сознание удобнее всего через печать, тем более что эпоха, наступившая со второй половины 50-х годов, была эпохой публичного слова, возрождения журналистики, когда «одними объявлениями об изданиях можно было бы оклеить башню московского Ивана Великого» [36]. Ю. Ф. Самарину, собиравшемуся в 1863 г. в ожидании войны в ополчение, И. Аксаков советовал: «Не штуцер брать в руки, а перо тебе следует. Это поважнее участия в ополчении... Стрелки найдутся почище тебя» [37].

Сам он взял в руки перо. Брат И. Аксакова Константин, по отзывам знавших его, был замечательный оратор, вдохновлял окружающих своим красноречием, говорил лучше, чем писал. Иван, наоборот, лучше писал. «...я гораздо умнее на бумаге и в стихах, чем в разговоре...»,— признавался он [38]. В 1861—1865 гг. И. Аксаков издает газету «День». Это была тяжелейшая ноша: в одном лице он являл собою и издателя, и редактора, и автора статей, участие других сотрудников было эпизодическим.

Издатель был поставлен в трудные условия строжайшего надзора за газетой: были назначены три цензора, один из которых — М. П. Щербинин — являлся председателем Московского цензурного комитета. «„День" не в состоянии пробиваться сквозь эту ночь»,— жаловался Аксаков уже в первый год издания [39]. В 1862 г. его на время отстранили от редактирования за отказ назвать автора одной из статей, возбудившей негодование цензуры, в № 31 «Дня». Ни официальные бумаги Московского цензурного комитета, ни повеление Александра II, дважды ему объявленное, не смогли сломить его волю [40].

Благодаря газете Аксаков напрямую связал себя с общественным движением своего времени, принял деятельное участие в журнальной полемике. Уже одно то, кто был оппонентом И. Аксакова в журнальном мире, обращало на себя внимание. С выходом первых номеров га-

---

[34] Письмо Г. С. Аксакову от 21.I.1861 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 15. Л. 14 об.
[35] *Письма. Т. III*. С. 291.
[36] *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания. [М.], 1967. Т. 1. С. 92.
[37] Письмо от 5.V.1863 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 77, 77 об.
[38] *Письма. Т. I*. С. 229.
[39] *Письма. Т. IV*. С. 221.
[40] См. об этом: Материалы, касающиеся издания газеты «День» // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 26; Материалы, относящиеся к закрытию газеты «День» // Там же. Ед. хр. 62.

зеты Н. Г. Чернышевский в статье «Национальная бестактность» выразил глубокую тревогу по поводу славянофильских стремлений русифицировать славянские народы. Позднее с Аксаковым полемизировал Герцен, даже названием некоторых своих статей противопоставляя два издания: «„День“ и „Колокол“» (1863), «„Колокол“ и „День“ (Письмо к г. Касьянову)» (1863). Герцен, лично знавший Аксакова и переписывавшийся с ним, ценил его честность, независимость взглядов, оппозиционность русскому правительству. В 1858 г. в «Полярной звезде» были напечатаны судебные сцены И. Аксакова «Присутственный день уголовной палаты», которые Герцен назвал «гениальной вещью» [41], в 1861 г. в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» — «Жизнь чиновника» (без имени автора).

Но в период издания «Дня» Герцен был неприятно удивлен непоследовательностью Аксакова: журналист, имевший репутацию честнейшего человека, гордящийся самостоятельностью своей позиции, в начале 60-х годов все чаще попадал в ногу с русским правительством.

Действительно, с одной стороны, Аксаков защищал — в тесном союзе с передовыми слоями русского общества — демократические свободы: свободу совести и слова, свободу общественного мнения, выступал за уничтожение административного контроля над печатью. Стеснение слова он приравнивал к лишению легких воздуха, справедливо полагая, что это есть стеснение общественного разума, которое ведет к бездействию общества, умерщвляет его жизнь. Аксаков критиковал в газете русский бюрократический аппарат, требовал отмены сословных привилегий, смертной казни, сознавая, что России пора отвыкать от насилия.

С другой стороны, нападки «Дня» на студенческое движение, материалистическую философию, демократическую литературу и публицистику («петербургскую» по его терминологии), защита правительственной политики в Польше со всей неумолимостью вели Аксакова в правый лагерь. Занимая в начале выпуска газеты промежуточное положение между силами прогресса и силами реакции, он вызывал огонь на себя с той и другой стороны. Но в обстановке реакции, наступившей после 1862 г., когда правительственный курс явно повернул «на николаевскую дорогу», Аксаков занял более определенную позицию: он отказался от либерализма и перешел на позиции охранительства. Боясь, как бы обличение не зашло слишком далеко, он выступает с осуждением «прогрессивной прыти», «общественно-преобразовательского зуда», призывает проникнуться смирением перед органическим развитием жизни [42].

Со временем Аксаков все сильнее обнаруживал приверженность идеям старших славянофилов: он принял славянофильскую мысль об аполитичности русского народа, об историческом пути России, якобы совершенно чуждом насильственных переворотов, а посему был убежден,

[41] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 137.

[42] Об эволюции И. С. Аксакова подробнее см. в кн.: *Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х годов XIX века. М., 1972; *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.

что недуги русского жизнеустройства нравственного характера и их излечение потребует не радикальных, а «тонических», общеукрепляющих средств. Осуждавший ранее Кошелева за пристрастие к православию, он теперь считал связь русской народности с православной верой неразрывной. Как прежде его брат Константин, он начинает настороженно относиться к Западу: в первых же номерах «Дня» заговорил о том, что Западная Европа «создает целые теории, подкашивающие наше нравственное могущество», вредное западное влияние он находил теперь повсюду: и в устройстве судов, и в новом уставе книгопечатания, и в современной ему журналистике. Некоторые заявления И. Аксакова — «нельзя в одно и то же время быть Русским и Петербуржцем» (День. 29.IX.1862 г.) — своей резкостью и безапелляционностью напоминали заявления брата Константина, который «русских, имевших несчастие родиться на берегу Финского залива... уже не признавал русскими» [43]. Из критика славянофилов, каким И. Аксаков являлся в 40-е и отчасти 50-е годы, он превратился в его адепта.

Эволюции И. Аксакова в сторону «московского» направления, несомненно, способствовала взятая им на себя с начала 60-х годов роль пропагандиста славянофильских идей; связанные с нею обязательства не позволяли ему в чем-либо отходить от славянофильской концепции. Надо думать, что процесс превращения его из оппонента славянофилов в их единомышленника не был безболезненным: ведь еще в 50-е годы он не был убежден в непреложности славянофильских истин. Вероятно, И. Аксакову приходилось поступаться какими-то собственными воззрениями на тот или иной вопрос, оставляя прежние несогласия ради служения общему делу, принципиальным установкам славянофильского кружка: под славянофильское знамя он встал не для того, чтобы вести спор (тем более с умершими). Чрезмерная, педантическая приверженность И. Аксакова славянофильским идеям была замечена М. П. Погодиным («Он сам сделался каким-то душеприказчиком: не смеет проронить ни крошки из вверенного наследства» [44]), но не была прокомментирована им. Интересные объяснения этому обстоятельству дала А. Ф. Аксакова, писавшая 8.XI.1888 г. В. С. Россоловскому: «Что касается политических идеалов, наследованных им (И. С. Аксаковым.— *Авт.*) от брата, то нельзя также сказать, что он их принял только формально, но он после смерти брата жертвовал, может быть, иногда своим собственным взглядом учению брата и других славянофилов, имея глубокое убеждение, что они выше его и что он весьма недостойный представитель их направления. И это убеждение иногда затормозило полет его собственной мысли» [45].

Но эта аксаковская проповедь славянофильства в пореформенную эпоху, когда Россия повернула к капитализму, не вызывала интереса в широких слоях русской общественности и не могла обеспечить успех «Дню». Не встретила она сочувствия и у молодого поколения. Сбывал-

[43] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 150.
[44] *Барсуков.* Кн. XVIII. С. 437.
[45] *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 6. Ед. хр. 5. Л. 26 об.— 27.

ся пессимистический прогноз Самарина, еще в 1861 г. предсказавшего газете неуспех: «Теперь для поколения, воспитанного Белинским, „Отечеств⟨енными⟩ записками“, „Современником“ и т. д., наша среда вовсе не существует... слово наше этих людей *не берет*» [46]. В 1865 г. по собственному желанию И. Аксаков прекратил издание «Дня».

В самом начале следующего года он, в ту пору уже немолодой человек (43 года), женился на Анне Федоровне Тютчевой. Это была незаурядная женщина. Старшая дочь поэта Ф. И. Тютчева от его первого брака с баварской графиней Элеонорой Ботмер, она унаследовала от отца живой, пылкий характер и литературные способности: ее перу принадлежат воспоминания «При дворе двух императоров» (1928) — до выхода замуж она была фрейлиной жены и дочери Александра II. Умная женщина, она отлично понимала своего мужа: вот как, к примеру, в одном из писем Г. С. Аксакову она растолковала разницу между Константином и Иваном Аксаковыми: «Каждому *свое*: у Константина мысль была весьма оригинальна, глубока и сильна; он имел ум реформатора и доктринера, но этот ум по самому существу своему непременно односторонен и несколько узок; в том именно его сила, а чтобы выйти в жизнь и общее употребление, нужно, чтобы эта мысль была растворена мыслию более практичною и широкою, что именно впоследствии было совершено умом Ивана Серг⟨еевича⟩ относительно идеи Константина. Никто не принял бы непосредственно мысль Константина, но через Ивана она сделалась общим достоянием» [47]. А. Ф. Аксакова соответствовала своему мужу и характером — такая же импульсивная и несдержанная. «При большой сердечной доброте она менее всего была похожа на овечку,— писал В. С. Соловьев.— Я никогда в жизни не видал более раздражительного, резкого и вспыльчивого существа. Она не сердилась, а как-то вдруг вся загоралась и начинала „бросать огонь и пламя“, по французскому выражению» [48]. За горячность и чрезмерную строгость Тургенев называл ее «неумолимой громовержицей» [49].

На первый взгляд могло показаться странным, что не любивший высшего общества Аксаков женился на фрейлине. Но дело в том, что она не была светской женщиной в расхожем понимании этого слова. Объясняя А. О. Смирновой причину сближения с Анной, Аксаков писал, что «она постоянно была *там* (при дворе.— *Авт.*) воплощенным протестом и в течение 12 лет торчала во дворце, как заноза, как постороннее тело...» [50]. Даже внешне она не походила на представительницу высшего света. Вот какой она запомнилась В. С. Соловьеву: «...дама лет 45, невысокого роста, полная и плотная, с очень некрасивым, но ори-

[46] Письмо И. С. Аксакову от 22.VI.1861 г. // *ГБЛ*. Ф. 265. Карт. 140. Ед. хр. 1. Л. 37 об.
[47] Письмо от 17.III.1888 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 35. Л. 13—13 об.
[48] *Соловьев Вл. С.* Из воспоминаний. Аксаковы // Книжки Недели. 1901. Янв. С. 10.
[49] Письмо М. А. Милютиной от 6(18).XII.1871. // *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. IX. С. 183.
[50] Письмо от 22.II.1866 г. // *РА*. 1895. № 12. С. 469.

гинальным лицом, и очевидно давно оставившая всякое притязание (если только когда-нибудь его имела) быть женщиной в специфическом светском смысле этого слова» [51].

Она была умной собеседницей и помощницей своего мужа, хотя отнюдь не все разделяла в его убеждениях и никогда этого не скрывала: не сочувствовала славянам, не одобряла славянофильского преклонения перед народом («твои возлюбленные мужики»), а славянофильский скептицизм по отношению к Европе был ей совершенно чужд.

В 1867 г. Аксаков вновь вернулся к журналистской деятельности — приступил к выпуску газеты «Москва». Герцен высказал добрые пожелания издателю: «И да будет ему Валуев (министр внутренних дел в 1861—1868 гг.— *Авт.*) легок!» [52] Избежать валуевских придирок Аксакову не удалось, а замена в 1868 г. П. А. Валуева еще более жестким А. Е. Тимашевым очень ухудшила положение газеты. Самая, пожалуй, дерзкая из издаваемых Аксаковым газет, «Москва» получила девять предостережений и трижды приостанавливалась [53]. Газета выходила после закона о печати от 6.IV.1865 г., отменившего предварительную цензуру. Быть внутренним цензором самому себе Аксаков не желал, снижать тон не собирался, в «Москве» критиковал действия администрации, нападал на полицейские власти, осуждал вмешательство государства в церковные дела, засилье немцев в Прибалтийском крае. «Неумеренное» направление газеты, «стремление порицать действия правительства» вызвало недовольство не только министерства внутренних дел, но и самого царя, по непосредственному распоряжению которого в 1868 г. она и была закрыта [54].

Изданием в 60-е годы этих двух газет Аксаков сделал себе имя в журнальных кругах. И по праву: у него был журналистский темперамент, острое перо. Резкость и запальчивость его публицистических выступлений делали их притягательными для читателей. Он пропагандировал славянофильские воззрения энергичнее, чем его идеологи. Хомяков отметил, что славянофилы «немножко вяленьки» [55], а о себе написал так: «...я, всегда равнодушный не только к успеху, но даже и к тому, прочтет ли меня публика и увидит ли мое произведение...» [56] К. Аксаков считал журнальную деятельность, требующую «известного легкомыслия», недостойною славянофилов [57]. «...у меня есть сила мысли...» — заявил он [58]. Сила И. Аксакова была в другом: он обладал даром слова, который использовал для того, чтобы ввести славянофильские идеи в общественное обращение. Недооценка славянофилами журналистской деятельности не могла не сказаться на популярности их

[51] *Соловьев Вл. С.* Из воспоминаний. Аксаковы // Книжки Недели. 1901. Янв. С. 7.
[52] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. XIX. С. 213.
[53] Материалы, относящиеся к изданию «Москвы», см.: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 29.
[54] Материалы, связанные с закрытием «Москвы», см.: *ГПБ*. Ф. 14. Ед. хр. 476.
[55] Письмо А. Н. Попову ⟨от второй половины 1855 г.⟩ // *Хомяков*. Т. VIII. С. 217.
[56] Письмо А. Н. Попову от 28.VII.⟨1846 г.⟩ // Там же. С. 160.
[57] *Аксаков К. С.* О современном состоянии литературы // Проблемы реализма. Вологда, 1978. Вып. V. С. 179, 180.
[58] Письмо И. С. Аксакову ⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 24.

идей, в основном оставшихся в пределах немногочисленного кружка. И. Аксаков, непосредственно вмешиваясь в общественную жизнь, в журналистские схватки, прочно вошел в сознание своих современников.

В 70-е годы Аксаков активно трудился в Обществе любителей российской словесности, председателем которого он являлся в 1872—1874 гг. В 1874 г. он опубликовал биографический очерк «Федор Иванович Тютчев» — не только рассказ о жизненном и творческом пути поэта, но и изложение основ славянофильского учения.

В 1875 г. после смерти М. П. Погодина Аксакова избрали председателем Московского славянского комитета (в 1877 г. преобразованного в Славянское благотворительное общество). Оставаясь на этом посту до середины 1878 г., Аксаков вел в русском обществе горячую пропаганду в пользу славян, поддерживал национально-освободительное движение славянских народов. С началом войны в Сербии в 1876 г. он собрал на нужды Сербии 600 тысяч рублей, через посредство Славянского комитета отправил туда генерала М. Г. Черняева и отряды волонтеров. Главная цель Аксакова заключалась в том, чтобы побудить русское правительство начать войну с Турцией: он считал, что Россия призвана освободить славянские народы, объединить их, что только «при России» возможно для них будущее. Во время Восточной войны 1877—1878 гг. он сделал чрезвычайно много для освобождения балканских славян: руководил сбором средств, покупкой и доставкой оружия, обмундирования и снаряжения для дружин болгарского ополчения.

Поэтому можно понять чувства, владевшие им, когда русская дипломатия под нажимом Австро-Венгрии и Англии, угрожавшими России войной, согласилась на разделение Болгарии и передачу ее южной части Турции. Полный горячего сочувствия к болгарам, он считал такой мир «позорным», что и высказал в своей речи на заседании Славянского благотворительного общества 22.VI 1878 г. Речь, перепечатанная в «Гражданине» и иностранных газетах, имела огромный резонанс. По распоряжению царя Аксаков был смещен с занимаемого поста, выслан из Москвы (в Варварино Владимирской губернии), а московское Славянское благотворительное общество (самое деятельное из славянских обществ) ликвидировано. Друг Аксакова Д. А. Оболенский сообщал 16.IX.1878 г. из Петербурга: «Ты не можешь себе вообразить того озлобления, которым преисполнены против тебя III отделение, Тимашев, Валуев и вся компания.— Каждый из них считал и считает не только священным долгом, но и величайшим наслаждением тебе сделать какую-нибудь пакость» [59].

Речь Аксакова — вершина его публицистики, она сделала его имя известным Западной Европе, принесла ему признательность славян, особенно болгар: несколько прогрессивных болгарских избирательных комитетов во время ссылки Аксакова выдвинули его кандидатуру на болгарский престол. Одна из центральных улиц Софии до сих пор носит имя И. С. Аксакова. Ему было разрешено вернуться из ссылки

[59] *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 437. Л. 31.

только к концу года, когда московский генерал-губернатор доложил царю, что «enfant terrible * сидит тихо» [60].

В 1880 г. в связи с открытием памятника А. С. Пушкину в Москве Аксаков произнес в Обществе любителей российской словесности при Московском университете речь о поэте, в которой назвал его народным и первым, кто «внес правду в мир русской поэзии». Высокий авторитет, которым обладал Аксаков в русском обществе, подтверждается тем, что кроме него на Пушкинском празднике с речами выступили И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский.

В 1880 г. Аксаков приступил к выпуску своей последней газеты «Русь». К концу 70-х годов он окончательно определился как деятель консервативного лагеря, в «Руси» выступал в защиту колониальной политики русского самодержавия и в защиту православия. Эволюция его, предугаданная в свое время Герценом («Нет, г. Аксаков, вы тоже Катков»), дошла до своего логического конца. Позиция, занятая Аксаковым в эти годы, нападки на либерализм не встречали сочувствия даже у Кошелева, которого в прежние годы Аксаков критиковал за консерватизм. «Пусть либеральничают и вкривь и вкось;— писал Кошелев издателю „Руси“,— все-таки это лучше „катковщины“» [61].

Но свой фрондерский пыл Аксаков не унял и в этой газете: действительно, «бурных сил не укротило время», как написал он в одном из стихотворений. Темперамент публициста с годами в Аксакове не ослабевал, он не терпел российских беспорядков и неустанно их обличал. 26.XI.1885 г. министр внутренних дел объявил газете первое предостережение за тон в обсуждении текущих событий, «несовместный с истинным патриотизмом», и за стремление возбудить «неуважение к правительству». После этого следовало ожидать закрытия газеты.

В этот заключительный период журнально-публицистической деятельности Аксаков особенно остро ощущал свою изолированность, одиночество: ни к каким кружкам и блокам в своей профессиональной среде он не примыкал, успеха в русском обществе «Русь» не имела, вокруг себя он не видел ни людей, способных продолжить его дело, ни единомышленников (Самарин, Черкасский, Кошелев были уже в могиле). Как донести свои идеи до нового поколения и какой язык найти для их выражения, Аксаков не знал. За год с небольшим до смерти он писал: «Нужно какое-то новое слово современному русскому миру,— наше старое слово его уже не берет,— новое, которое было бы логически, тесно связано со старыми, но секретом этого нового слова я, очевидно, не обладаю» [62].

Особенно бедным был литературный отдел газеты. Не имея ничего современного для помещения в нем, Аксаков печатал материалы из

---

* Ужасный ребенок (*фр.*).

60 Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927. С. 7.

61 Письмо от 31.VIII.1882 г. // О минувшем. Исторический сборник. [СПб.], 1909. С. 410.

62 Письмо Г. П. Галагану от 17.IX.1884 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 24 об.

наследия славянофилов или их близкого окружения [63], за что и заслужил справедливый упрек, что в его газете сотрудничают покойники [64].

Вскоре не стало и самого издателя. 27 января 1886 г. Аксаков скоропостижно скончался. Сказалось многолетнее нравственное и физическое напряжение: по существу, в издаваемых им газетах самым главным, а иногда почти единственным сотрудником был он сам. 2.X.1884 г. он с завистью писал А. С. Суворину: «Вы — счастливец, Вы — баловень судеб; Вы — барин: хотите пользоваться летом, пользуетесь! Шутка ли! Издатель газеты отсутствует 6 месяцев сряду, жуирует себе в Италии, и чтó еще завиднее: удит себе рыбу в своей реке! А мое издание — „Все во мне, и я — во всем!“» [65]. После смерти издателя «Русь» была закрыта [66].

Познакомившись с И. Аксаковым в пору его молодости, А. О. Смирнова считала, что присущая ему непримиримость и жесткость в суждениях с годами пройдет, он научится ладить с людьми, утратит свою горячность. Но надеждам этим не суждено было сбыться. До конца дней он остался верен себе, не успокоился, не поступился своими убеждениями. Примирение означало для него отказ от себя, своих принципов. «Вы все говорите о примирении...— писал он Смирновой.— Мне кажется, что если бы я (не говорю о других) примирился с собою, то я, значит, одебелел бы, сделался бы бесчувствен, просто говоря, заплыл бы жиром» [67].

Такой нравственный максимализм, независимость и твердость позиции, сохранявшиеся Аксаковым на протяжении всей его жизни, не встречали одобрения в официальных кругах России. Он мог бы сказать о себе то же, что сказал об умершем Самарине в своей речи в Славянском комитете: он «не высокопоставленное лицо в официальной государственной иерархии, потому что он не занимал в ней никакого видного места, по лестнице чинов стоял на низшей ступени, не пользовался от государства ни почестью, ни почетом» [68].

Но 100 тысяч человек, провожавших И. Аксакова в последний путь, были данью уважения России ее независимому и благородному деятелю.

Отклики на кончину И. Аксакова составили целый сборник. Среди многочисленных статей и заметок, провозглашавших заслуги покойного и заверявших читателей, что Россия будет блюсти огонь на светильнике, зажженном И. Аксаковым, и он будет разгораться все ярче и ярче,

---

[63] В «Руси» были опубликованы письма Белинского К. С. Аксакову, «Свободное слово», «Современная сцена» и «О внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова, отрывок из «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова, некрологи Ф. М. Достоевскому, И. С. Тургеневу.

[64] Письмо И. С. Аксакова А. С. Суворину от 6.II.1881 г. // Письма русских писателей к А. С. Суворину. С. 13.

[65] Там же. С. 18. Аксаков цитирует строку из стихотворения Ф. И. Тютчева «Тени сизые смесились...» ⟨1836⟩.

[66] Материалы, связанные с ликвидацией газеты «Русь», см.: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 50.

[67] Письмо от 11.IX.1849 г. // *РА*. 1895. Кн. 12. С. 438.

[68] *Аксаков И. С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1887. Т. VII. С. 795.

выделялась своей трезвостью и пониманием судеб славянофильства заметка Н. Н. Страхова, напечатанная в «Новом времени». Автор ее заявил, что Аксакова «никто не заменит» и что в будущем славянофильскому учению, к которому осталась равнодушна образованная часть русского общества, предстоят «одни горькие неудачи» [69]. Вопреки оптимистическим и легковесным предсказаниям Страхов объявил: «Ни одна из надежд, ни одно из задушевных желаний Аксакова не имеет впереди себя ясного будущего» [70]. Хорошо знавший покойного, он с полным правом мог утверждать, что чувства тоски, разочарования, тщетности надежд особенно терзали И. Аксакова в последние годы его жизни: «Чтó должен был чувствовать этот Сизиф, столько раз подымавший камень на гору и под конец увидавший, что камень опять скатился, но гораздо ниже прежнего?» [71]

Особенно ценил Страхов редкую в тогдашней прессе прямоту и откровенность аксаковской речи, блеск которой не затемнял ни идею, ее одушевлявшую, ни «сердечную теплоту его мыслей».

Страхову вторил автор «Новороссийского телеграфа», писавший о замечательном языке Аксакова: «Каждое слово стояло на своем месте, каждая фраза имела свое законное бытие, а в общем единении их чувствовалась сила, связность и обаятельный эффект тонкой и художественной риторики... Вместе с Аксаковым умрет и его язык. Теперь таким слогом даже и на академическую премию никто не напишет» [72].

* * *

Письма И. С. Аксакова к родным — наиболее ценная часть его эпистолярного наследия. Находясь в течение многих лет вне дома, он аккуратно два раза в неделю по почтовым дням, а иногда и чаще, писал в Москву или Абрамцево обстоятельные письма. Первым, кто оценил их, был С. Т. Аксаков: он сообщал сыну, что зачитывается его письмами. Умением писать увлекательные и обстоятельные письма в аксаковской семье славился Константин, но уже в одном из первых писем из Астрахани Иван заметил, что чуть ли не превзошел брата. В дальнейшем этот перевес стал очевиден. Письма Ивана доставили много приятных часов аксаковскому семейству, их читали с наслаждением. «Вообще письма твои так интересны, что я прочитываю их по нескольку раз, как письма совершенно мне чужого человека»,— писал С. Т. Аксаков [73]. Письмо Ивана от 22.VII.1844 г., содержащее рассказ об астраханских купцах и хане Джамгире, отец прочел «с сердечным наслаждением» [74] и благодарил за него. До поездки Ивана в Бессарабию С. Т. Аксаков

---

[69] *Страхов Н. Н.* Поминки по И. С. Аксакове // Сб. статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова. М., 1886. Отдел II. С. 92, 97.
[70] Там же. С. 100.
[71] Там же. С. 101.
[72] Там же. С. 104. Заметка без подписи.
[73] Письмо от 10.XII.⟨1848 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 27 об.
[74] Письмо от 15.VIII.⟨1844 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 22б. Л. 70.

не интересовался этими местами. «Твое пребывание, твои живые письма открыли для меня новую Америку»,— признавался он [75]. Отметая возможные обвинения в пристрастии к сыну (что было совсем не свойственно Сергею Тимофеевичу), он писал: «Письма твои исполнены интереса для всякого постороннего человека» [76]. Отцу вторил Константин: «Интересны очень твои письма, милый Иван, и рассказ о тюленебойцах; в них видишь русскую удаль» [77]. Письма Ивана читались не только Аксаковыми, но и Гоголем, Самариным, и им тоже нравились [78].

Письма привлекают особой интонацией задушевности, сердечности — Иван Сергеевич в них предельно откровенен, ничем не стеснен. Он легко и непринужденно беседует со своими близкими, предвидя их реакцию на то или иное свое сообщение: «Ну вот, вы думаете сейчас, что я шучу»; «...что Вы смеетесь, милая маменька...»; «Опять сердитая улыбка на лице любезнейшей Веры Сергеевны...»; «Марихен, я думаю, уже не раз зевнула»; «Но постой, постой, Костя, удержи порывы восторга...». Не успев в одном письме написать все, что хотел, Иван продолжал разговор в следующем: так, письмо 5 продолжает предыдущее письмо, в письме 6 описание астраханских губернатора и губернаторши, а в письме 16 рассказ об эмбенских промыслах отложены до будущих писем и т. п.

Откровенность и непосредственность автора писем иногда бывали чрезмерными. Хотя Аксаков сознавался, что ему «много приходит в голову мыслей, которых нельзя писать по почте», чаще всего все-таки не сдерживался. Сергей Тимофеевич, недовольный такой неосторожностью, неоднократно пытался остановить и вразумить сына: «...не слишком ли откровенна твоя критика в письмах к нам?..» [79] Когда и это не помогало, делал выговоры: «Ты не понимаешь слова «осторожность» в обширном его значении; ты будешь осторожен в одном предмете, в другом, а в третьем и четвертом не будешь» [80]. Оправдания Ивана Сергеевича только усугубляли его неосмотрительность, и вконец рассерженный Сергей Тимофеевич убеждался, что его сын «человек невозможный для переписки...» [81] И. С. Аксаков считал, что на почте никто не читает его писем, но жизнь доказала обратное: именно откровенность и смелость его писем были поводом для его ареста в 1849 г.

Написанные человеком искренним, чуждым всякого лукавства, письма Аксакова в полной мере раскрывают его личность, его симпатии и антипатии, внутренний строй души. По существу, эти письма — его био-

[75] Письмо от 6.XII.〈1848 г.〉 // Там же. Ед. хр. 22в. Л. 25 об.
[76] Письмо от 13.XII.〈1848 г.〉 // Там же. Л. 31 об.
[77] Письмо 〈1844 г.〉 // Там же. Ед. хр. 1а. Л. 18 об.
[78] См. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 28.XI.〈1848 г.〉 // *ЛН*. 1952. Т. 58. С. 714.
[79] Письмо от 10.XII.〈1848 г.〉 // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 27—27 об.
[80] Письмо от 28.XI.1850 г., ошибочно датированное 1849 г. (датировано нами 1850 г. на том основании, что его привез И. С. Аксакову А. В. Оболенский, приехавший из Москвы в Ярославль в начале декабря 1850 г.) // *РМ*. 1915. Авг. С. 120.
[81] Письмо от 26.I.1851 г. // Там же. С. 128.

графия, им самим написанная и потому полностью достоверная. Он не вел дневника, хотя принимался за него. В бумагах И. Аксакова хранится «Малороссия» (Записная книжка)[82], начинающаяся с дневника 1854 г., но заполненная только по лист 14 об.— даже отдаленная мысль о возможном читателе мешала искренности высказывания. В 1856 г. в Николаеве Аксаков снова решился вести дневниковые записи[83], но надолго его не хватило — в дневнике заполнено всего 5 листов.

Самый лучший дневник Аксакова — это его письма родным, что сам он подчеркивал неоднократно: «...намереваюсь вести дневник или просто писать вам письма...»; «...мои письма заменяют мне дневник...»; «на всякий случай пишу это письмо, хоть как дневник». Живя сосредоточенной духовной жизнью, он неохотно раскрывался перед окружающими: «...не выношу на свет богатых плодов моей натуры...» Поэтому письма содержат самые точные сведения о нем самом, его деятельности, его душевной жизни, что, кстати, подтверждается и его собственным заявлением, что тот, кто не знает его по письмам, знает его очень мало[84].

Из сыновей С. Т. Аксакова Иван более других напоминал отца своим живым умом, наблюдательностью, развитым художественным вкусом. Григорий, честный и гуманный правовед, дослужившийся до тайного советника, не унаследовал писательского таланта отца. Литературными способностями природа не обделила Константина, но он был «весь в мать»[85]: цельностью, строгостью, высокостью помышлений он походил на Ольгу Семеновну. Образ мыслей его отличался фанатизмом и исключительностью, не свойственными Сергею Тимофеевичу. Отец был терпим к человеческим слабостям, а для Константина человек — не соединение разнообразных, иногда противоположных свойств, а «строгий силлогизм на двух ногах», как считал Самарин[86]. Действительности Константин не знал совсем, жил как бы вне ее. Любопытно, что, поздравляя Константина с 27-летием, младший брат (т. е. Иван) желал ему «житейской мудрости». Душа Ивана была раскрыта всем впечатлениям бытия, окружающие люди вызывали у него постоянное любопытство: «...все очию предо мной совершающееся, всякое почти незаметное движение других мною замечается, оставляет следы; чужое слово, чужая привычка, жизнь горькая массы и жизнь частная — все не пропадает для меня даром, все обогащает сокровищницу душевную...» И этой деятельной любовью к жизни, неуспокоенностью, ясностью понимания вещей Иван также очень напоминал отца. «Нечего делать, должен я тебе признаться, что беспрестанно вижу в тебе себя самого...» — писал Сергей Тимофеевич Ивану[87].

---

[82] *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 94. (Напечатана в *Письмах. Т. III*. Приложение. С. 92—99).
[83] Отрывок из дневника // Там же. Оп. 5. Ед. хр. 18.
[84] *Письма. Т. I*. С. 2.
[85] *Письма. Т. I*. С. 12.
[86] Цит. по кн.: *Барсуков*. Кн. VIII. С. 334.
[87] Письмо от 19.I.1851 г. // *РМ*. 1913. Авг. С. 127.

Читатель, знакомящийся с письмами Ивана, не зная его возраста, может подумать, что они написаны солидным, сложившимся человеком, обладающим жизненным опытом, между тем их пишет 20-летний человек. Аксаков интересен своей ранней зрелостью, ранней чуткостью к важнейшим общественным проблемам своего времени.

Служба в уголовном департаменте Сената, а также многолетняя жизнь в провинции столкнули Аксакова с жизнью, с чудовищными злоупотреблениями, чинимыми администрацией, с одной стороны, и с бесправием людей, страдающих от этих злоупотреблений,— с другой, убедили в необходимости перемен, изменения российской действительности.

Приезд в Астрахань ревизоров всколыхнул, растревожил всю губернию: «Если бы вы знали, в каком здесь все страхе!» — писал Иван родным. Страх усугублялся тем, что проверяющие держались необычно, не вступая вне службы в контакты с проверяемыми. Письма Аксакова рассказывают о преступлениях, вскрытых решительно во всех звеньях административного управления губернией: в земском суде дела лежали без движения по многу лет, канцелярия губернатора Тимирязева — «хаос беспорядков», сам губернатор, числясь председателем рыбной экспедиции, за десять лет не появился там ни разу. Совершенно неспособный к делам управления, он соединял в себе бездействие с ничем не ограниченным самовластием: в страхе и раболепной покорности держал всю губернию, при несогласии с ним следовало подавать в отставку. За десять лет своего губернаторства он ничего не сделал для Астрахани и ее жителей; и он, и прочие должностные лица, призванные заботиться о народном благе, с полным равнодушием относились к общественной пользе, что всегда вызывало гневное осуждение Аксакова: «Корпус машины сделан давно уже, и все дожидаются самой машины. Придет машина, корпус сгниет. Начнут делать приготовления, машина заржавеет. У нас все так, непростительное безучастие к общим выгодам».

В письмах астраханского периода много мастерски нарисованных сцен: например, сцена христосования астраханских чиновников с князем Гагариным, описанная с истинным юмором, или сцена в карантине на эмбенских промыслах, когда чиновники, посаженные ревизорами считать в своем присутствии, не могут, вспотев от усердия, справиться с операцией, которую должны выполнять ежемесячно.

Аксаков хорошо понимал, что беспорядки, обнаруженные в Астрахани, не что-то из ряда вон выходящее, а Тимирязев — не досадное исключение из массы добросовестных губернаторов — Трубецкой, орловский военный губернатор, по отзыву его, «еще хуже Тимирязева».

Преступления, раскрытые в Астрахани, переданы глазами ревизора, смотрящего на них со стороны; во время службы в Калуге Аксаков оказался в этой чиновничьей провинциальной среде, где плуты составляли большинство и где честный человек был величайшей редкостью. «Удивительный город Калуга. Общественное мнение столь слабо, что мошенники, которыми она преизобилует, играют наглую, важную роль». Ка-

лужские чиновники нарочно проигрывают деньги в карты вице-губернатору Хитрово, а затем проигрыши возвращают, вытягивая деньги у народа, поэтому-то всегда заинтересованы в сутяжничестве. В одном из калужских писем Аксаков дает емкий, собирательный образ чиновника: «Получает два целковых в месяц, ни к чему на службе, кроме переписыванья, не способен, женат, имеет полдюжины детей и мошенничает». О своем непосредственном начальнике, председателе калужской уголовной палаты Яковлеве Аксаков отозвался следующим образом: «Ограничен, дело смыслит плохо, но довольно, кажется, оборотлив, картежник, сделал себе состояние женитьбой...» Ничего не смысля в уголовном кодексе, председатель решал дела таким образом, что вернувшийся из отпуска Аксаков вынужден был принимать противоположные решения.

Читатели писем увидят Аксакова в различных жизненных ситуациях, но где бы он ни находился, он всегда возвышался над средой, держался независимо, вызывая к себе уважение. Он смело вмешивался в ход событий, а если не мог изменить их в соответствии со своими стремлениями, то выражал, как мог, свое несогласие с происходящим: он отказался пойти на званый обед к губернатору Смирнову, потому что приглашен и «известный мошенник» Нилус, он не оказывал «угодливого расположения» председателю калужской уголовной палаты, что привело к столкновению с ним, и т. п. Нередко по служебным делам Аксакову приходилось вступать в конфликт и с губернаторами.

Читая письма, нельзя не заметить, что присутствие Аксакова оздоровляюще действовало на окружающих: калужские чиновники, чувствуя непреклонность занятой им позиции, сначала робко, а затем все смелее начинают высказывать свои мнения, идущие вразрез со взглядами вышестоящих.

Прибыв в Бессарабию, Аксаков видит то же, что и везде: чиновники — «решительные скоты». В отличие от рядовых чиновников молдавский господарь Стурдза «скот первой руки». В одном из петербургских писем Аксаков пишет об «Александре Строганове, дураке, бывшем министре» (министр внутренних дел в 1839—1841 гг.— *Авт.*). Аксаков знал административный аппарат России весь, сверху донизу, начиная от министров, губернаторов и кончая судебным приставом и сельским стряпчим. Он сознавал, что чиновники, находящиеся на высших и низших ступенях бюрократической лестницы, отличаются немногим, и тревожился за судьбу страны, руководимой бездарными и нечестными людьми. Как и многие прогрессивно мыслящие люди его поколения, он понимал настоятельную необходимость проведения серьезных преобразований, обновления русской жизни.

Одним из первоочередных вопросов, занимавших передовых людей того времени, был крестьянский вопрос. Положение крепостных беспокоило и Аксакова. По дороге в Астрахань он остановился однажды в крестьянской избе, потолок которой был «черен, как уголь», мужики сидели молча, хозяйка «с грустным выражением лица» поправляла лучину. Аксакову при этом «совестно и тяжело», хотя его конкретной

вины нет никакой, но нищета и бедствия других были всегда его личной болью. Он сострадает и пашущим бабам, увиденным им по дороге в Калугу, и цыганскому мальчику «с вольнолюбивыми, быстрыми глазами», находящемуся в услужении у помещика, и крепостным музыкантам, которых господин сечет за каждую фальшивую ноту.

Аксаков был глубоко уязвлен подобной несправедливостью, он всегда на стороне крестьян, страдающих от притеснений помещиков, и не в силах сдержать своего негодования, когда рассказывает родным о том, что у бессарабских крестьян отнята почти вся земля. Помещик Донич объяснил Аксакову, что, забрав землю, помещики тем самым оказали крестьянам «величайшее благодеяние» — ведь чем меньше у крестьян земли, тем лучше они будут ее обрабатывать. Помещики в Бессарабии «большею частью величайшие скоты», вместе с посессорами они «сосут кровь из бедного народа» — к такому выводу пришел И. Аксаков. Но представители этого класса везде таковы. «Какие однако же скоты эти помещики, да и не только в Бессарабии, и у нас в России!» — восклицает он. На Серных водах он столкнулся с русскими помещиками, среди которых не может отыскать «ни одной живой, умной, человеческой физиономии!..».

Все оценки, даваемые Аксаковым в его письмах представителям дворянского и крестьянского сословий, четки и недвусмысленны, они ясно показывают его отношение к крепостничеству, к социальному неравенству, к ущемлению народных прав. В Дворянском собрании на Серных водах, взбешенный тем, что «петербургская львица» потребовала удалить из зала купцов, он произнес речь, в которой прямо заявил, что «всякий мужик в тысячу раз достойнее уважения, чем все эти бездействующие помещики и чиновники-взяточники». Ненависть И. Аксакова к этому господствующему сословию царской России была такова, что даже название улицы, на которой он поселился в Калуге,— Дворянская — вызывало у него раздражение.

Злоупотребления помещичьей властью, беспросветная бедность приводили к бегству крестьян. С беглыми Иван встречался и в Астрахани, известном «притоне беглецов», и в Бессарабии. Он не осуждает и не преследует их, хотя понимает, какая это взрывчатая сила: «...стоило бы только Стеньке Разину встать из могилы да клич кликнуть, так немало бы собралось к нему таких молодцев».

Аксаков видел единственный путь избавления от социальной несправедливости — путь освобождения крестьян, хотя в письмах неоднократно подчеркивал, что выгоды помещиков будут препятствием в деле облегчения крестьянской участи. Он считал, что при отмене крепостного права помещики должны понести «правомерный убыток» за то, что «целые столетия пользовались безобразными правами над собственностью и лицом крестьянина... крестьянин, обработывающий землю, крестьянин, для которого она единственная мать и кормилица, более меня имеет на нее прав».

Окружающие люди получают положительную или отрицательную оценку Ивана Аксакова в зависимости от их отношения к делу крестьян-

ского освобождения. Николай Пальчиков, например, «хороший малый», по характеристике И. Аксакова, т. к. хотя и помещик, но желает освобождения крестьян. Напротив, А. О. Смирновой И. Аксаков доказывал, что усилия удержать крепостные отношения напрасны, что если в Евангелии, на которое она ссылается, и сказано, что надо покорно терпеть голод, это не значит, что можно не давать людям есть.

Покупка в 1849 г. имения братом Григорием вызвала бурный протест Ивана, который считал ее шагом нелепым, несвоевременным, поступком вчерашнего дня: «И странно как-то в настоящее время приобретать поместья!.. Один брат делается помещиком, другой изо всех сил будет хлопотать лишить его многих помещичьих выгод!..» Примечательно, что меньше всего И. Аксакова волновала в виду грядущего освобождения крестьян участь Григория как хозяина — напротив, его беспокоила судьба крестьян под управлением любящего экономию брата. И если бы вышло стеснение крестьян, Иван «первый готов был бы подписать разоряющий его приговор...». Редкий брат был способен написать такие слова.

Необходимость отмены крепостного права диктовалась и тем, что оно губительно действовало на народную душу. В одном из писем Аксаков рассказал о своем слуге Никите, человеке, чье достоинство было искалечено крепостным правом. Дворовый человек помещика Татаринова, он был обескуражен, получив вольную, для него это был удар.

Резкому осуждению подвергает И. Аксаков в письмах родным не только помещиков, но и светское общество. Он неприязненно относился к свету, не любил выездов в высшее общество и общение со светскими людьми, являя в этом отношении разительный контраст К. Аксакову, который сделал не удавшуюся ему попытку распространения славянофильства в высшем обществе. Иван считал светскую среду неподходящей аудиторией для брата, профанирующего таким образом свои высокие идеалы среди пустых, пошлых людей: «Свет такая дрянь, что и действовать в нем вовсе не привлекательно...» Петербургские высшие круги были особенно ненавистны Ивану, одно самодовольство видел он на лицах господ, принадлежащих к избранному обществу: «Все это необыкновенно счастливо, довольно самим собою, обществом, прогрессом, черт знает чем!». Он не был рад распространению своей поэмы «Бродяга» в петербургских аристократических салонах и даже при дворе, считая, что эти читатели не в состоянии оценить ни новизны героя, ни необычности стихотворного склада произведения, близкого к складу народной песни.

Глубокое разочарование в русской действительности («Сколько в тебе дряни и гнилья, Россия!»), критика русской администрации, дворянского сословия свидетельствовали о либеральных настроениях молодого Аксакова, о его социальной чуткости, о понимании им того, что застойная русская жизнь нуждается в переменах. Но, недовольный общественным несовершенством, Аксаков не пришел к тем выводам, к которым именно в 40-е годы пришли революционеры-демократы Белинский и Герцен — принцип самодержавия он почитал незыблемым и ни о какой насильст-

венной борьбе с несправедливостями ни в 40-е годы, ни позднее не помышлял.

Разъезды по России познакомили Аксакова не только с представителями различных сословий русского общества, но и с представителями различных народностей. Впервые столкнувшись с разноплеменной Россией в Астрахани, И. Аксаков был поражен удивительной отзывчивостью русского человека, который «мало дичится чуждого себе». Крестьяне, приходящие в Астрахань из русских губерний, терпимы, спокойно нанимаются на работу к азиатам, перенимают их нравы, выучиваются азиатским языкам. По наблюдениям Аксакова, особенно дружно русские жили с татарами.

С другой стороны, Аксаков наблюдал, как азиатское население ассимилируется с русским: татары и калмыки привыкают к русскому судопроизводству, персияне, живущие в Астрахани, прекрасно говорят по-русски, калмыцкие князья вводят оседлость в своих улусах, получают образование в русских учебных заведениях, как князь Церенджаб. На тюленьем промысле весь этот разноплеменный люд трудится вместе, на плывущих по Волге судах Аксаков видит рядом с русскими мужиками калмыков, киргизов, татар. Не случайно в одном из бессарабских писем Аксаков с сочувствием пересказывает легенду старого чумака, смысл которой заключается в том, что у бога много народов — русские, украинцы, евреи и т. д., и все они могут и должны жить в мире и согласии друг с другом.

От наблюдательного взора Аксакова не ускользнуло глубокое социальное неравенство в калмыцкой среде. Он не всегда верно судил о причинах восстания в Букеевской Орде в 30-е годы (см. прим. 8 к письму 36), но заметил социальное расслоение калмыков: сытнее едят жирные гелюнги — духовные лица, пользующиеся невежеством простых калмыков и заставляющие их работать на себя.

Аксаков считал, что русское правительство не должно вмешиваться во внутреннюю организацию малых народностей, но не всегда был последователен, порою его рассуждения идут в русле царской национальной политики. Он с одобрением пишет о планах русского правительства «занести ногу в Азию», овладеть берегами Каспийского моря, сделать туркмен русскими подданными, желает, чтобы калмыки как можно скорее перешли к оседлой жизни, не размышляя об оборотной стороне этой операции,— русское правительство стремилось подчинить калмыков своему влиянию, отобрать бо́льшую часть принадлежащих им земель. Мудрый и многоопытный С. Т. Аксаков в этих случаях охлаждал излишний пыл своего сына, считая, что оседлость надо вводить добровольно, постепенно, уважая права других (см. прим. 4 к письму 20).

В отдельных случаях в письмах можно встретить критические замечаяния в отношении представителей той или иной народности — Аксаков был человеком своего времени, порою находился в плену некоторых национальных предрассудков, и модернизировать его взгляды не следует. Начиная с 60-х годов националистические тенденции будут проявляться в его воззрениях все отчетливее, но справедливость требует отметить, что

в 40-е годы чувства его не доходили до фанатизма, он не склонен был приукрашивать и народ, к которому принадлежал сам и недостатки которого не скрывал. Так, хваля вкус молдавских женщин в украшении жилища, он заметил, что не встречал здесь на стенах, как в русских избах, наклеек с помады Мусатова; хата молдаванина, по его наблюдениям, чище русской избы. Конечно, родной край был ближе его сердцу, в письмах ярко выступает патриотизм Аксакова, любовь его к русской земле, к русской природе: «Ни одна природа не может быть так хороша, как наша».

Но при этом Аксаков всегда находит хорошее и доброе у других, в чужих нравах, обычаях, образе жизни: он отмечает художественный вкус украинцев, гостеприимство персиян, красоту еврейских женщин, приятность молдавских лиц. Особенно подробно описывает он быт калмыков, к которым относится с нескрываемой симпатией. Превосходны страницы писем, посвященные поездке в гости к калмыцкому князю Тюменю и описанию калмыцкого праздника. Рассказывая о калмыцких борцах, он заметил: «...будь я скульптор, я бы изваял с них статуи»; ловкостью наездников гости любовались два часа «без устали». Он сожалел, что родные не увидят калмыцкого храма («ничего не помню лучше и изящнее»), а сделанный им рисунок не передает его «легкости и красоты». Добытого у калмыков бурхана (калмыцкого идола) Аксаков очень любил и впоследствии всюду возил с собой.

Где бы ни путешествовал или жил Аксаков, он всегда внимателен к обычаям, нравам, культуре окружающих его людей. Он сообщает в письмах не только о происхождении, языке, религии, обычаях калмыков, но и описывает одежду украинцев, костюмы, прически, жилище молдаван, наряд калужских женщин. Иногда дает и рисунки: то калмыцкой шапки, то головного убора калужских женщин, то молдавского колодца. В Мценске он попал на девичник, в Черном Яре и Кременчуге наблюдал крестьянские свадьбы, в Астрахани заинтересовался песнями рыбаков и даже собирался написать о них статью, в одном из писем привел текст колядок, услышанных им в Бессарабии. Этнограф, фольклорист найдет в письмах Аксакова много интересного. Замечательно, что Аксаков чутко улавливал изменения, происходившие в фольклоре: на девичнике в Мценске пелись песни новые, а слуга Никита однажды в дороге запел невообразимую, с точки зрения Аксакова, песню про распрекрасную Машу, пистолетик и пр.— по всей вероятности, городской романс. В усадьбе Унковских под Калугой Аксаков даже купил у деревенских баб трещотку, под которую они плясали.

Направляясь в Бессарабию, Аксаков взял с собою книгу А. В. Терещенко «Быт русского народа», пришел в восторг от помещенных в ней вологодских свадебных песен; он обнаруживает знакомство и со сборником Кирши Данилова, и с народными песнями Владимирской и Костромской губерний. Аксаков внимательно слушал крестьянскую речь, учился у народа умению кратко и образно передавать свои мысли: «Удивительно, как простой народ умеет гнуть русский язык и выражает на нем ловко и верно самые тонкие оттенки мысли». Замечательно меткое выра-

жение об Астрахани — «Разбалуй-город»,— сообщенное Иваном в одном из писем, восхитило С. Т. Аксакова.

Несомненно, что интерес Аксакова к этнографии, фольклору был вызван славянофильским увлечением всем народным, природным: они горячо ратовали за изучение истории и быта народа, занимались собиранием и изданием памятников фольклора.

Одним словом, читатель писем Аксакова найдет в них обширные сведения о России, быте ее различных сословий и народностей, узнает, что такое жизнь русской провинции в то время — не «вообще», а в ее буднях, обыденности, день за днем. Длительное знакомство Аксакова с провинцией помогло ему создать в письмах картину пошлого и бездуховного существования, губящего молодые души. Обыватели, живущие в захолустье, ничем не интересуются, ничего не читают, и даже в близких к столицам городах та же обстановка: Калуге, к примеру, «ни до чего нет дела...». Увидев новое лицо в доме калужского губернатора, гости заинтересовались, кто это. Аксаков объяснил, что это Белинский, но они «не понимали, что это такое». Не желая служить в столичных городах, Аксаков не мог выдержать и длительного пребывания в провинции. «Что за глупая жизнь в провинции! Никакой другой жизни, никакого другого интереса, кроме злословия, сплетней взаимных и анекдотов друг о друге...»

Письма Аксакова — это хроника происходящего с ним и «окрест», поэтому в них часто появляются заявления: «Обращаюсь к своей хронике»; «Перейдем к действительности»; иногда иронические: «Теперь — историческая хроника». Письма чрезвычайно интересны в познавательном отношении — Аксаков всегда обстоятельно описывает маршрут своего следования, приехав в новое место, сообщает все его достопримечательности; как экскурсовод, ведет читателей своих писем по вновь открытому «материку»: вот подъехали к Астрахани, вступили в нее, все, что открывалось его взору, передавалось во всех подробностях. Благодаря таким детальным рассказам Аксаковы получали полное представление о тех местах, которые посетил Иван. Некоторые рассказы Ивана (например, о тюленебойцах, об операциях рыболовства, спуске на воду корабля в астраханских письмах) сразу врезаются в память. При этом писавший не ставил перед собой никакой литературной задачи, приходившие ему в голову мысли легко и свободно ложились на бумагу. Обладая даром литературного изложения, живого, выразительного повествования, Аксаков создал письма, являющиеся образцом русского эпистолярного жанра. «Несомненное литературное дарование» Аксакова было отмечено издателями его писем [88]. О том, что письма И. Аксакова к родным «талантливы в литературном отношении», пишут и современные исследователи [89].

Письма пронизаны ощущением времени, в которое жил Аксаков, они полны его очевидных примет. Все важнейшие события в общественно-политической, культурной, литературной жизни России 40-х годов XIX в.:

---

[88] *Письма. Т. I.* С. 39.

[89] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 11.

публичные лекции Т. Н. Грановского и С. П. Шевырева, диспуты Ю. Ф. Самарина и К. С. Аксакова, спектакли тех лет («Жизнь за царя», «Почтовая карета»), приезд на гастроли Клары Шуман, Полины Виардо, Фанни Эльслер, произведения русской и зарубежной литературы, появившиеся в эти годы,— все это нашло отражение в переписке И. Аксакова, стало предметом обсуждения его и родных. Живя в провинции, Аксаков был тем не менее хорошо осведомлен о значительных общественных и литературных событиях своего времени, ибо интересовался всем происходящим в Москве и Петербурге, читал современную литературу, обменивался стиховорными посланиями с поэтами (К. К. Павлова, Н. М. Языков), участвовал в журналах и сборниках тех лет («Москвитянин», плетневский «Современник», «Московские сборники» 1846 и 1847 гг.). Не присутствуя ни на лекциях Грановского по истории средних веков, ни на лекциях Шевырева о всемирной поэзии, он приветствует первые как явление «замечательное», а относительно вторых предсказывает, что они вряд ли будут интересны и много посещаемы,— жизнь подтвердила верность его оценок. Иван первый обратил внимание отца на роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история», ему понравился и роман А. И. Герцена «Кто виноват?» как «произведение современное». В начале 1846 г. он читает только что появившиеся в печати «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Отношение к этому произведению И. С. Аксакова заслуживает особого интереса. Еще до выхода новой книги Гоголя Аксакову был «не совсем по душе» проповеднический тон писем писателя к С. Т. Аксакову, рассылка московским приятелем «Подражания Иисусу Христу» Фомы Кемпийского. «Как бы не потерпело искусство от излишества религиозного направления»,— тревожился он. Аксаков стремился к иной цели, чем Гоголь,— не к самопознанию, а к живой жизни, неотделимой от интересов реальных людей, народов и государств, в единстве с которыми человек и проявляет себя: «И так сильно сочувствие мое к человечеству, тревожно бегущему к неизвестной цели, так близки мне интересы его нравственной жизни и материальных выгод, что, охотно пожертвовав блаженством христианским, личным, я посвятил бы себя на общую пользу, согласился бы быть одним из камней пирамиды».

Тем удивительнее — в свете сказанного — отношение Аксакова к «Выбранным местам...»: познакомившись с книгой, он написал родным, что книга проникнута «серьезным значением жизни», а сам писатель предстает в ней как «идеал художника-христианина». Узнав о том, что книга Гоголя разочаровала его домашних, Иван продолжал считать, что свободнее их в своих суждениях о писателе. Поссорившаяся с Аксаковыми из-за Гоголя А. О. Смирнова была обрадована тем, что нашла в И. Аксакове своего единомышленника, и спешила сообщить об этом писателю: «Ваша книга меня примирила с Аксаковым; мы читали вместе, брат, Лев Арнольди, очень умный и благородный малый, Ив. Серг. (Аксаков) и я... Аксаков и Лева еще в восторге, просидели за ней целую ночь» [90].

[90] Письмо от 11.I.1847 г. // *РС*. 1890. Авг. С. 283.

Но полного единомыслия со Смирновой у И. Аксакова не было: и при первом чтении книги ему очень не понравились похвалы дому Романовых, письмо о семи кучках, предуведомление к «Ревизору» и намерение Гоголя во II томе «Мертвых душ» вывести «идеалы добра», а не «живых, грешных душ человеческих». В конце концов здравый смысл Аксакова победил, и отношение его к «Выбранным местам...» переменилось, на что и надеялась семья — впоследствии он нашел в этой книге «много лжи и нелепицы, много скрытой гордости и самолюбия» и удивлялся желанию писателя поставить в книге «страшные» и «неразрешимые» вопросы о примирении религии и жизни [91].

В письмах родным Аксаков рассказывает и о собственном литературном труде, замыслах произведений, цитирует свои стихи, иногда переписывает только что созданные стихотворения, о которых хочет узнать мнение домашних. По письмам Аксакова заметно, что он редко бывал доволен своим поэтическим творчеством: «стихи очень негладки», «неровное стихотвореньице», «очень неважное» — такие заявления не редкость в его письмах. В 1846 г. он отказался от намерения напечатать стихотворения отдельной книгой, посчитав, что они незначительны. Он был самым строгим судьей своих творений, мало кто из авторов способен был так резко оценивать собственные труды. Находя недостатки в мистерии «Жизнь чиновника», И. Аксаков удивлялся одобрительным отзывам о ней. Узнав, что в Петербурге читают и хвалят его поэму «Бродяга», он назвал похвалы «невежественными»: «Мой суд строже их...» Поэзия Аксакова получила высокую оценку Гоголя, Некрасова, Чернышевского, Грановского, Тютчева. Его стихи не проигрывали от соседства стихов В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, К. К. Павловой, а иногда и превосходили их своими достоинствами (см. прим. 2 к письму 137). У этих стихов была очень важная особенность, в свое время отмеченная Гоголем,— это была поэзия, тесно связанная с запросами своего времени, нуждами дня: Аксаков, по мнению Гоголя, стремился «приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события» [92]. Сам автор признавался, что гражданин пересиливает в нем поэта [93]. Строгий судья может обнаружить в стихах Аксакова погрешности против художественности, иногда ощутима непоследовательность в развитии темы, отсутствие цельности, что уже было отмечено исследователями [94], не всегда он выдерживал заданный тон, но происходило это не из-за неумения, беспомощности, а потому, что автор не очень к этому стремился,— в одном из писем содержится любопытное заявление на этот счет: «...но, признаюсь, я даже люблю это, когда стихотворение соскакивает с своих рельсов, и человек заговорит так просто: „ах, черт возьми, да хорошо это и только!..“»

---

[91] *Письма. Т. I.* С. 437.
[92] Письмо Н. М. Языкову от 24.III.‹1846 г.› // *Гоголь Н. В.* Поли. собр. соч.: В 14 т. М.: Изд-во АН СССР., 1952. Т. XIII. С. 47.
[93] Письмо А. О. Смирновой от 25.XII.1850 г. // *РА.* 1895. № 12. С. 449.
[94] *Дементьев А., Калмановский Е.* Поэзия Ивана Аксакова // *Стихотворения...* С. 18.

Историки журналистики найдут в письмах много интересных суждений Аксакова о периодике 40-х годов. Все более или менее заметные материалы, появившиеся в ней в эти годы, получили его оценку, обсуждались в переписке с родными. Особенно сильное недовольство у Аксакова вызывал в эти годы журнал «Москвитянин». Об одном из номеров журнала за 1844 г. он сообщает: «Такая дрянь этот „Москвитянин", что из рук вон». И в других номерах он не находит «ничего интересного», в журнал этот и «глядеть не хочется». Но все интересное обыкновенно бывало замечено им: он похвалил статью о лекциях Грановского в № 7 «Москвитянина» за 1844 г.— она принадлежала Герцену, о чем Аксаков не знал. В противоположность «Москвитянину» в «Отечественных записках» Аксаков видел «смысл, жизнь и направление». Он не разделял славянофильского недоброжелательства к изданиям западников, отдавал им должное. Когда с 1847 г. «Современник» стали издавать Н. А. Некрасов и И. И. Панаев, И. Аксаков сразу же похвалил его за верность выбранному направлению: «Все повести, весь журнал проникнут одной идеей».

Письма домашним дают представление о круге общения И. Аксакова в 40-е годы: он встречался с В. Г. Белинским и М. С. Щепкиным, М. И. Глинкой и А. А. Алябьевым, П. А. Вяземским и В. А. Соллогубом. В 1845 г. он познакомился с А. О. Смирновой, приехавшей в Калугу вместе со своим мужем — калужским губернатором. Прожив полтора года в тесном общении с семьей Смирновых, Аксаков терзался желанием постичь «эту непонятную женщину». Соединяя в себе прямо противоположные свойства, Смирнова всякий раз являлась перед ним «совсем в другом свете», то вызывая уважение своею образованностью, блестящим умом, отсутствием светских предрассудков, то резкую неприязнь любовью к сплетням, пустым разговорам, отсутствием поэтического чувства — она не понимала «ни строя, ни склада, ни размера, ни музыки стихов», и даже стихи Пушкина и Лермонтова не трогали ее, не пробуждали «никакого сердечного движения». Аксаков встретил Смирнову в тот период ее жизни, когда она увлеклась религиозными идеями,— молодому человеку не нравился ее менторский тон, любовь к псалмам: «...на всякое слово сейчас отвечает Евангелием, богом, верой или каким-нибудь нравоучением». Поддакивающие ей компаньонки смотрели на нее как на оракула. Несмотря на авторитет увлеченных Смирновой Гоголя и Самарина, Аксаков уже через полтора месяца после знакомства вынужден был сделать вывод, что она «гораздо менее замечательная женщина, нежели мы думали». В 1849 г. в течение нескольких месяцев общаясь со Смирновой в Петербурге, он заметил усиление ее религиозной экзальтации: выучила наизусть святцы, оделась в черные одежды, стала «вдесятеро скучнее». «Какой пошлый исход оригинальной жизни и необыкновенной натуры!» — писал он, и с этим нельзя не согласиться.

Историко-литературный материал, который в изобилии представляют письма Аксакова, изложен в живой, непосредственной форме, и это делает письма интересными для самого широкого читателя. В. С. Россоловский, приветствуя появление писем в печати, отмечал, что они содер-

жат «богатый материал для истории культуры России за это время, множество интересных историко-этнографических сведений, любопытных эпизодов, относящихся к истории русской литературы,— и все это схвачено живьем, является в освещении непосредственного впечатления, переживаемого самим автором, а не плодом воспоминаний, записанных много лет спустя» [95].

Письма содержат отклик не только на события внутренней жизни России 40-х годов, но и на события, происходившие в это время в Европе: революция 1848 г. во Франции, австро-итальянская война 1848—1849 гг., венгерская революция, подъем национально-освободительного движения в славянских странах. Самым важным из них была французская революция, письма проливают свет на отношение Аксакова к этому событию, которое он воспринял иначе, чем славянофилы, и в частности его брат Константин. Опасаясь революционного влияния на Россию и желая предохранить страну от нездорового «западного опыта», славянофилы отнеслись к революции 1848 г. отрицательно. Веря в то, что русский народ «негосударственный», лишен политического честолюбия, а потому не поддержит революцию, они усматривали опасность только со стороны общества, зараженного западным влиянием. Категоричный в своих суждениях К. С. Аксаков требовал прервать все связи русской публики с Европой [96]. Как и остальные славянофилы, он верил в то, что «нравственная зараза» не коснется России, а залог надежности русского государственного устройства видел в православной вере: «История наша — другая. Путь у нас — свой. Православная и святая Русь — не Запад» [97]. К. Аксаков отказывал французской революции в каком-либо значении. «Неужели найдутся люди, которые назовут этот год великим? — спрашивал он.— Наоборот, *малым* надобно назвать его. Ибо никогда еще человек не являлся так мал и ничтожен» [98]. Вопрос, заданный К. Аксаковым, звучит как риторический, а между тем его брат Иван назвал французскую революцию «громадным событием», поглощающим все его мысли. «Право, как-то растешь, становясь созерцателем таких явлений, когда так осязательно слышен ход истории...» Эти строки взяты из впервые опубликованного в нашем издании письма к брату Григорию и его жене от 28.II.1848 г., которое показывает отношение И. Аксакова к французской революции: она пробудила в нем надежды, взрыв восторга, на него пахнуло «свежим воздухом», на задний план отступили «все мелкие человеческие делишки». Он был так поглощен всем происходящим во Франции, что заявил: будь у него девушка, она стала бы ревновать его к этому событию. Жене брата Аксаков советовал поскорее познакомиться с историей Французской буржуазной революции, чтобы лучше разобраться в смысле происходящего в настоящий момент. Даже спустя годы полустертые надписи liberté, fraternité, ega-

---

95 *Россоловский В. С.* Иван Сергеевич Аксаков в его письмах // *ИВ*. 1888. Ноябрь. С. 449.

96 Письмо А. Н. Попову от марта 1848 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 16. Л. 12 об.

97 Там же. Л. 10 об.

98 Там же. Л. 14 об.

Иванъ Сергѣевичъ

АКСАКОВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УЧЕБНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ГОДЫ.

Томъ первый

Письма 1839—1848 годовъ.

Съ портретомъ Автора

Цѣна обоимъ томамъ 4 руб.

МОСКВА.
Типографiя М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскiй п., д. Пустошкина,
противъ Англiйской церкви.
1888.

ОБЛОЖКА ИЗДАНИЯ
«ИВАН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ В ЕГО ПИСЬМАХ»

lité *, увиденные Аксаковым на парижских стенах, приведут его в волнение [99].

Опубликованные в XIX в. письма родным также содержат важный материал, с достаточной определенностью позволяющий говорить об одобрении Аксаковым французских событий 1848 г. Поэтому с сожалением встретил он вести о том, что в Европе восстановлен старый порядок, ожидания и упования на преобразование Франции не сбылись, тем самым похоронив надежду на благие изменения и в России: «А теперь опять покойно заплывет жиром сердце человеческое; грустно знать, что страшные раны, которые были обнажены 1848-м годом, остались невылеченными, закрыты снова и преданы забвению!..» Поражение революции во Франции привело к реакции в России, и письма И. Аксакова конца 40-х годов полны ее очевидных примет: увольнение О. М. Бодянского из Московского университета, отстранение от преподавания в Петербургском университете С. С. Куторги, строжайший надзор за преподавателями, препятствия при поступлении в университеты для лиц низшего сословия, политические доносы в учебных заведениях, запрет играть на столичной сцене «Разбойников» Шиллера, расцвет «правительственной литературы», внушающей читателям, что законы в России святы, а крестьяне благоговеют перед помещиками. Одним словом, время, в которое живет Аксаков, охарактеризовано им как «грустное». «...везде такая дрянь, такая гнусность, что не знаешь, куда деться!» — писал он родным из Петербурга в 1849 г. С. Т. Аксаков был недоволен остротой и резкостью «неудобных для почты» высказываний Ивана и тревожился не напрасно — вскоре И. Аксаков был арестован III отделением.

Много места уделено в письмах Аксакова его отношению к отдельным представителям славянофильского кружка и к славянофильству в целом. Для изучающих историю русской общественной мысли XIX в., в частности славянофильства, материал, заключенный в переписке Ивана Аксакова, имеет принципиальное значение. А. Ф. Аксакова, готовя письма покойного мужа к печати, уверяла, что она работает просто по необходимости, «с горя», но она знала, для чего делала громадную работу: «Это все материал для будущего историка славянофильского развития и направления и его деятелей» [100].

Выросший в семье, тесно связанной со славянофилами, имея брата — крупного идеолога славянофильства, Иван тем не менее в 40-е годы воспринимался как человек, не принадлежащий к «славянофильскому согласию», как человек, сохраняющий независимость своих суждений. Ближайшее знакомство с государственным устройством России убедило его в полной непригодности для современности «древних форм управления и законодательства», которые идеализировались славянофилами. Гнилость боярского быта, по мысли Аксакова, и привела к реформам Петра I, многогранною и энергичною деятельностью которого он в отличие от славянофилов восхищается.

* Свобода, равенство, братство (*фр.*).
[99] *Письма. Т. III.* С. 316.
[100] Письмо Н. Н. Страхову от 28.VIII.1888 г. // *ГПБ.* Ф. 747. Ед. хр. 6. Л. 13.

Но главное, что вызывало недовольство Ивана, это «бесплодный жар москвичей», которые могут горячиться из-за русского костюма, но проявлять невежество в экономических вопросах. А люди, помышляющие о благосостоянии России, должны ее знать «не по одной Москве» и без устали трудиться на общую пользу, считал он. «Вместо того, чтоб жечь волосы об огонь церковных свеч и стукаться головой о паникадилы, прикладываясь ко всем возможным образам, я, мужчина, не терял бы времени, и если уже так соболезную я народным бедствиям, то объездил бы нашу Россию, узнал бы действительные народа нужды и потребности». Схоластические построения без знания жизни и ее запросов не удовлетворяли его. Во время своих бесконечных странствий по России Иван нередко вспоминал Константина, неспособного преодолеть разлад между отвлеченными идеями и нуждами дня. «Константину следовало бы попутешествовать по России настоящим образом, а не проездом»,— читаем в одном письме. «Надо бы тебе тысяч пяток верст протрястись на телеге!» — советует он брату в другом письме.

В противоположность «отвлеченным людям», которые не думают о «цели уловимой», он желал действовать, вмешиваться в ход вещей, приносить пользу реальную, шла ли речь о судьбе раскольников, снабжении Астраханской губернии хлебом или об облегчении участи одного бедного бессарабского крестьянина, чьи лошади были загнаны по помещичьей надобности: «Покуда эти господа (славянофилы.— *Авт.*) будут думать и спорить, я хоть что-нибудь сделаю, а потом вместе с другими приму от них готовый плод умозаключений, пользу от которого они, по недостатку других положительных сведений, извлечь едва ли будут в состоянии».

Отношение Аксакова к славянофильству в эти годы сходно в некоторых моментах с отношением к нему Самарина. Живший, как и Аксаков, с 1844 г. вне московского круга, Самарин со стороны яснее видел недостатки своих друзей, у которых также отмечал «бедность знания фактического» [101]. Он настойчиво советовал славянофилам не доверяться догадкам, интуиции, а доказывать свои идеи: «...все, чтó мы утверждаем о нашей истории, о нашем народе, об особенностях нашего прошедшего развития, все это угадано, а не выведено...» [102]. Как и Аксаков, Самарин остался равнодушен к русской одежде, отказался надеть мурмолку и даже насмехался над нею. Оба они осознавали незначительность общественного воздействия славянофильских идей и побуждали славянофилов к деятельности. «Я теперь попал в среду совершенно новую,— писал Самарин К. Аксакову в конце 1844 г.,— и вижу, до какой степени то, что мы принимаем за известное, за допущенное, за доказанное,— для большинства людей умных вовсе не известно, не доказано, даже не понятно» [103]. И. Аксаков в конце 1845 г. досадовал на славянофилов за то, что они не действуют, не готовят журнала, не выпускают альманахов, тогда как сторонники противоположного направления весьма деятельны. «Право,

---

[101] Письмо К. С. Аксакову от начала 1845 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 156.
[102] Там же.
[103] Там же. С. 147.

эти господа пропускают целые годы, так, нипочем!» «Перешел ли Константин от сознания необходимости труда к самому труду?» — спрашивал он родных. Пишущий человек, считал И. Аксаков, работает не для «тесного кружка людей избранных», ему нужен «пространный круг сочувствия и понимания», создать который помогает журналистика. Не удаляться от жизни, а приблизиться к ней должны славянофилы, по его глубочайшему убеждению. Точность характеристик, данных Аксаковым славянофилам, зоркость, с какою он видел их недостатки, делают ему честь.

Чуждый кружковых симпатий и антипатий, Аксаков был возмущен «гадким, отвратительно непристойным» произведением М. А. Дмитриева «Русская Людмила», направленным против «Отечественных записок», недоумевал, зачем его прислали ему, сожалел, что маменька переписывала это «гнусное произведение бешеной злобы». В 1845 г. в Калуге Аксаков встретился с Белинским. К этому времени отношения Белинского и Аксаковых, оказавшихся на различных полюсах общественного движения, были испорчены. Но Аксаков не разделял крайностей этого отношения и, будучи человеком справедливым, не согласился со своим отцом, возмущенным тем, что Смирнова допустила Белинского в свое общество: «Мне странны эти слова. Во 1-х, она властна допускать в свое общество кого ей угодно и когда ей это хочется... Деспотизм в отношениях дружбы и знакомства, который играет такую важную роль у Константина, противен моей натуре... Во 2-х, почему не удостоить Белинского разговором, его, человека умного и талантливого, когда она сплошь да рядом удостоивает разговора графов Шуваловых, Апраксиных, Соллогуба, Нелидова, очень многих из них любит; а Белинский, согласитесь, стоит выше их; по крайней мере, вся жизнь, вся деятельность этого человека прошла не в пошлых интересах...» «...надо быть беспристрастным»,— поправил он отца, проявившего в данном случае нетерпимость. Объективно оценивая деятельность Белинского, Аксаков совершенно справедливо заметил, что с уходом критика из «Отечественных записок» они потеряли «почти всякий интерес».

«...у него есть много самостоятельности в характере»,— заметила близко знавшая И. Аксакова Смирнова [104] и не ошиблась. Эту самостоятельность он в полной мере продемонстрировал и в своих суждениях о славянофилах и деятелях противоположного лагеря, и в отношении к славянофильской концепции, которая в 40-е годы не удовлетворяла его по целому ряду вопросов.

Но внимательный читатель писем Аксакова заметит, что со временем влияние на И. Аксакова славянофильских идей усиливалось. Зиму 1844/45 г. он провел в Москве, в славянофильском кругу, и по приезде в Калугу осенью 1845 г. уже воспитывал калужан в «московском духе», подыскивал новых адептов славянофильского течения. Губернатора Смирнова хотел склонить к изданию губернских ведомостей в славянофильском духе, вел привычные в славянофильской среде разговоры

---

[104] Письмо С. Т. Аксакову без даты // *РА*. 1896. Кн. I. С. 143.

о реформах Петра I, разрыве русского общества с народом и даже собрался носить мурмолку. Очевидно, И. Аксаков разделял и недовольство К. Аксакова «Сиротинкой» В. Ф. Одоевского, потому что толковавшая с Иваном об этой повести Смирнова заметила, что «начинаются московские сцены с Константином». «...это все Ваш брат Вас сбивает с толку»,— считала Смирнова. Убеждение это разделяли и другие. «Дядя (А. Т. Аксаков.— *Авт.*) говорит, что тебя Константин испортил, что ты был лучше...» — писала сыну О. С. Аксакова [105]. В другом письме родители сообщали, что знакомый Аксаковых М. М. Карниолин-Пинский «горько вопиял о том, что Константин сбил тебя с толку...» [106]. В одном из писем Константину Иван заметил: «...все поют, что я нахожусь под твоим влиянием». И хотя К. Аксаков считал, что они оба формируются самостоятельно [107], воздействие старшего брата на младшего существовало, что заметно в письмах последнего. Если прежде И. Аксаков подчеркивал, что он «совсем не славянофил», то с конца 1845 г. в письмах стал говорить от их имени: «...мы, москвичи-славянофилы...»; «у нас в Москве думают иначе»; «А мы в Москве ничего, ничего не делаем! Нас наводнят петербургцы своими произведениями...»; о славянофильстве говорит: «наше» направление, заявляет, что многим обязан ему. Молодого человека, с которым подружился на Серных водах, Аксаков посвящает «в наши таинства», т. е. знакомит со славянофильскими воззрениями. Появляются в письмах ранее не встречаемые иронические нотки по адресу западников, сочувствующих «целому миру и человечеству», заявления, что лично он не увлекается «соблазном общечеловеческого просвещения», как и подобает славянофилу. Драму В. А. Соллогуба «Местничество» И. Аксаков критикует со славянофильских позиций и предсказывает неуспех писателю, если он будет и дальше тянуть к Петербургу, т. е. к западникам. Почувствовав славянофильский задор в своем собеседнике, Соллогуб умолял Аксакова остерегаться славянофильской односторонности. В подобных ситуациях Аксаков спешил заявить о своей независимости от кружка.

И действительно — сходные моменты в воззрениях Аксакова и славянофилов не перечеркивают общее критическое отношение его к славянофильской концепции. При некотором сходстве мнений существовали отличия, и притом серьезные: даже по-славянофильски считая, что «полтораста лет (т. е. со времен Петра I.— *Авт.*) уродовали наши понятия», Иван полагал невозможным возвращение к допетровским временам, поскольку петровские преобразования стали привычными, прочно усвоены русской жизнью. Было бы большой натяжкой отождествлять взгляды Аксакова в 40-е годы со взглядами славянофилов: в письмах ощущается свое, отличное от славянофилов, понимание задач современности, чаще всего он выступал с критическими замечаниями в их адрес, как оппонент своего брата Константина, и окружающими воспринимался стоя-

---

[105] Письмо от 12.IX.1846 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 22 об.
[106] Письмо от 2.XII.1845 г. // Там же. Ед. хр. 22. Л. 9.
[107] Письмо И. С. Аксакову ⟨от марта 1849 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 7 об.

щим особняком, вне славянофильской группировки. В. П. Боткин, не зная, разумеется, всех тонкостей полемики И. Аксакова со славянофилами, отразившейся в частных письмах, в 1847 г. отзывался об Аксакове как неславянофиле, на которого «все славянство» нередко обрушивалось с упреками [108].

Одним словом, в письмах Аксакова родным читатель найдет массу самых разнообразных сведений, описание событий, раскрывающих и личность писавшего, и его время, конкретную обстановку 40-х годов XIX в. Написанные почти полтора века назад, письма не потеряли интереса для современного человека. Порою рассуждения Аксакова оказываются удивительно близки нашим, сегодняшним. На одной из почтовых станций он повстречал двух гвардейцев, истомившихся в мирной обстановке и по собственному желанию отправившихся «понюхать пороху» на Кавказ. Аксакова поразило то, что они говорили о войне «как о каком-то самом законном и нормальном явлении. Война, война! Каким лучезарным сияньем славы и блеска окружили люди это страшное слово. О, как от многого надо отвыкать человечеству!..» В очень симпатичном свете письма рисуют Аксакова — благородного человека, чьи дела были приведены в полное соответствие с его представлениями, человека, все время работающего над своим «внутренним развитием», восприимчивого к современным ему проблемам. Знакомство с письмами открывает для читателя важную страницу русской духовной жизни XIX в. Без фигуры И. С. Аксакова картина этой жизни была бы неполной.

---

[108] Письмо П. В. Анненкову от 14.V.1847 г. // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. СПб., 1892. Т. I. С. 539.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письма И. С. Аксакова 1844—1849 гг. вошли в состав первых двух томов издания «Иван Сергеевич в его письмах», выпущенного в 1888 г. в Москве его вдовой А. Ф. Аксаковой [1]. Спеша распространить мысли И. Аксакова «по свежему следу», пока память о нем была жива в русском обществе, она после издания 7-томного собрания сочинений и стихотворений [2] приступила к подготовке к печати его писем.

А. Ф. Аксакова была первой, кто после смерти И. С. Аксакова оценил значение его эпистолярного наследия. Замысел обнародовать письма возник у нее сразу после смерти Аксакова: уже в апреле 1886 г. она прислала сестре Ивана Сергеевича М. С. Томашевской свои заметки к его астраханским письмам [3]. В ноябре 1886 г. А. Ф. Аксакова сообщила А. С. Суворину о намерении со временем напечатать корреспонденцию своего мужа [4]. Особенно интересны были письма к родным, на которые в первую очередь она обратила внимание.

Во время подготовки к изданию сочинений И. С. Аксакова Анне Федоровне помогали А. Д. Давыдович, работавший в «Руси», и М. А. Стахович, выполнявший черновую работу. Но в момент подготовки к печати писем у Анны Федоровны не стало и этих помощников – участие Стаховича было минимальным. Почти всю работу она делала сама.

Можно только удивляться упорству и энергии этой немолодой и очень больной женщины, которая собирала письма, группировала их, продумывала структуру томов, состав приложений, ездила из Троицы, где жила, в Москву по книгоиздательским делам, держала корректуры, сама вела все дела с книготорговцами. Ее подвиг (другого слова не подберешь) станет еще более несомненным, если принять во внимание, что ничем подобным ей никогда в жизни заниматься не приходилось, от литературно-издательских дел она была далека, русский язык не был ее родным языком и владела она им не очень хорошо (в написанных ею по-русски письмах нередки погрешности).

В конце августа 1888 г. письма родным были напечатаны и готовились к поступлению в продажу. В газетах были сделаны объявления, в сентябре началась продажа книг – в магазины поступило 2300 экземпляров из напечатанных 2400 [5].

При своем появлении письма, призванные стать повестью о жизни И. С. Аксакова, вызвали большой интерес литераторов, историков и широких кругов русского общества. Исследователь русской литературы В. И. Шенрок писал вдове: «Письма Ивана Сергеевича я читал с большим, весьма большим интересом и намерен еще их

---

[1] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. I, ч. 1; Т. II, ч. 1. Для удобства в нашем издании тома называем без частей. Издание писем родным после смерти А. Ф. Аксаковой в 1889 г. было продолжено племянницей И. С. Аксакова Ольгой Григорьевной Аксаковой, выпустившей в 1892 г. III том; последний, IV том писем — не родным, а разным лицам — опубликовала Публичная библиотека в Петербурге в 1896 г.

[2] *Аксаков И. С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1886—1887. Сборник стихотворений И. С. Аксакова. М., 1886.

[3] Письмо М. С. Томашевской О. Г. Аксаковой от 18.IV.1886 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 17. Ед. хр. 142. Л. 2 об.

[4] Письмо от 29.XI.1886 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 16 об.— 17.

[5] 100 экземпляров было подарено родным и знакомым.

перечитать»[6]. В газете «Новое время» 11.X.1888 г. был напечатан похвальный отзыв о письмах. В № 220 «Варшавского дневника» за этот же год была помещена библиографическая заметка, посвященная этому изданию. В ней подчеркивалось значение писем И. С. Аксакова, неоглашение или потеря которых были бы невосполнимой утратой для русского общества: «Интересна эта переписка для понимания того времени в бытовом и общественном отношении, замечательна в литературном смысле как образец русской прозы и эпистолярного стиля. Но главную его привлекательность и оригинальность составляет, нам кажется, эта личная характеристика Ивана Сергеевича и вообще исторической семьи Аксаковых, три члена которой оставили в русской культурной жизни такой глубокий след». В ноябрьском номере «Исторического вестника» появилась заметка о письмах В. С. Россоловского, двоюродного племянника Ивана Сергеевича, помогавшего А. Ф. Аксаковой распространять это издание. Его публикацией Анна Федоровна осталась довольна, но сожалела о том, что он совсем не коснулся важного, по ее мнению, эпизода ареста И. С. Аксакова III отделением в 1849 г.[7] В № 12 «Вестника Европы» К. К. Арсеньев напечатал статью «Дореформенная Россия в переписке И. С. Аксакова». «Русский вестник» в октябрьском и ноябрьском номерах поместил рецензию А. Матвеева на письма. Отклики на издание писем продолжали появляться и в следующем году: историк русской литературы О. Ф. Миллер, близкий к славянофильским кругам, в двух номерах журнала «Славянские известия» (№№ 10 и 11 за 1889 г.) напечатал статью «Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам». Однако сама Анна Федоровна была очень огорчена небрежной работой типографщиков – в тексте издания было много опечаток. Полное собрание сочинений И. С. Аксакова она печатала в той же типографии М. Г. Волчанинова, оно было выполнено аккуратно, но при печатании писем случалось, что один и тот же корректурный лист ездил из Москвы в Троицу и обратно по 3 раза, и в 4-й был напечатан с ошибками[8].

Писавшие об этом издании в своих отзывах не касались и не могли касаться вопроса о полноте его состава: архив находился в руках Анны Федоровны, и все ли письма родным из имеющихся в ее распоряжении были напечатаны, знать никто не мог. Издание А. Ф. Аксаковой было неполным: в первые два тома вошли не все известные ей письма. Н. Н. Страхову она писала: «...слишком много простора дала моему личному чувству»; «...я все-таки очень много похерила»[9]. Отбирать письма для публикации было делом нелегким, поскольку все они очень интересны. «... в почти каждом письме встречается или глубокая мысль, или прекрасное выражение, которых из общего, из окружающих их ежедневных подробностей вылущать нельзя и которых не передать жалко. Притом эти самые на вид мелкие подробности в совокупности очень ярко характеризуют и Ивана Серг⟨еевича⟩, и ход его развития, и его отношения к семейству, и быт этого самого семейства»,– писала Анна Федоровна[10].

И все-таки отбор был сделан: из писем 1844–1849 гг. А. Ф. Аксакова не напечатала 17 находившихся в семейном архиве писем. Они впервые представлены в настоящем издании. Некоторые из невключенных писем готовились к печати, хранят следы отчеркиваний, сокращений, заметок, сделанных рукой Анны Федоровны, но впоследствии были отвергнуты по различным причинам: письмо 1 из Рязани, вероятно, показалось незначительным, письмо 29 – рассказ об отстранении астраханского губернатора И. С. Тимирязева от выполняемых им обязанностей – не могло быть напечатано, поскольку все подробности, связанные с этим событием, были изъяты из других астраханских писем, некоторые письма содержали семейные секреты, и делать их известными всем Анна Федоровна не хотела. В этом отношении и она, и Иван Сергеевич были очень щепетильны, считая, что подробности семейного быта, самые нейтральные, даже просто упоминания об отдельных членах семьи без особой

---

[6] Письмо от 19.I.1889 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 6. Ед. хр. 118. Л. 1 об.

[7] Письмо В. С. Россоловскому от 8.XI.1888 г. // Там же. Ед. хр. 5. Л. 25 об.

[8] Письмо А. Ф. Аксаковой Н. Н. Страхову от 3.X.1888 г. // *ГПБ*. Ф. 747. Ед. хр. 6. Л. 15–15 об.

[9] Письмо от 28.VIII.1888 г. // Там же. Л. 12 об.

[10] Письмо Н. Н. Страхову от 28.VIII.1888 г. // *ГПБ*. Ф. 747. Ед. хр. 6. Л. 13.

надобности не должны появляться в печати. Сведения о себе Иван Сергеевич давал крайне неохотно. Так, на просьбу А. С. Суворина прислать ему биографические данные для «Русского календаря» Аксаков написал: «Вы задали мне пренеприятную задачу. До сих пор я отказывал всем в автобиографических сведениях, ненавидя автобиографии и считая для публики совершенно излишним знать обо мне более того, что известно из моих изданий и моей публичной деятельности» [11]. Но боясь кривотолков в изложении своей биографии, все-таки послал Суворину предельно краткую информацию, которая и была напечатана в «Русском календаре» за 1873 г. Точно так же А. Ф. Аксакова просила Суворина, печатавшего в «Новом времени» объявления о выходе сочинений И. С. Аксакова, ни в коем случае нигде не упоминать ее имени: «У меня нервное отвращение видеть мое имя печатанным» [12].

Публикация семейных писем, глубоко интимных, частных, ставила перед издательницей большие проблемы этического порядка. Письма И. С. Аксакова действительно содержали много такого, что можно сообщить только самым близким людям (подробности здоровья, свои и чужие сокровенные тайны, отзывы о друзьях, родственниках, знакомых). Не все можно было опубликовать по слишком большой близости к тому времени, когда были написаны письма. Они еще не успели «остыть», отлежаться: семейная переписка оканчивалась 1860 г., а в 1888 г. первые два тома писем И. С. Аксакова уже вышли из печати.

Поэтому, готовя письма к публикации, А. Ф. Аксакова подвергла их тщательному просмотру, некоторые исключила, как уже было отмечено, большинство же писем напечатала со значительными изъятиями. Карандашом в подлинниках писем было отчеркнуто, а то и зачеркнуто то, что не подлежало обнародованию. Иногда зачеркивания отсутствуют, но тем не менее письма были напечатаны не целиком.

В письмах астраханского периода (1844) она опустила неодобрительные отзывы о работавших вместе с И. Аксаковым ревизорах, некоторые подробности ревизии, обнаруженных злоупотреблений (например, как в земском суде найдены были дела, сданные неоконченными четыре или более лет назад), детали чинимых губернатором Тимирязевым препятствий работе ревизоров, историю его увольнения и отъезда из города, так что из опубликованных писем было неясно, добилась ли ревизия отстранения губернатора. Были изъяты описания последующих встреч И. Аксакова с Тимирязевым в Калуге и Петербурге. В калужских письмах (1845–1847) Анна Федоровна убрала подробности встречи И. Аксакова с Белинским, все неблагоприятные отзывы о членах семьи Унковских и о семье в целом, об узости и ограниченности их интересов, опущены также подробности неприглядного поведения А. О. Смирновой, которую И. С. Аксаков считал не только развращенной, но и развращающей женщиной; в печатном тексте отсутствовали замечания о ее любви к сплетням, о том, что она окружила себя самыми дрянными людьми, отсутствовали некоторые детали ее ссор с Иваном Аксаковым из-за «Выбранных мест...» Гоголя и из-за Нелидова. Не было напечатано порочащее Смирнову высказывание мужа касательно ее запятнанного формулярного списка, опущена неприглядная история женитьбы Осипа Россета, нет замечаний о неискренности Елагиных, об ограниченности П. А. Плетнева и др.

Некоторые эпизоды Анна Федоровна исключила, вероятно, из-за оглядок на цензуру: к примеру, игнорирование И. Аксаковым царских дней. В калужских письмах отсутствует замечание И. С. Аксакова, недовольного в «Выбранных местах...» письмом о доме Романовых и государе. В описании юбилея В. А. Жуковского в одном из петербургских писем (1849) в купюры попал иронически изображенный эпизод исполнения гимна «Боже, царя храни» – гости, движимые чувством верноподданнической преданности, «шептали губами из усердия», т. к. на празднике присутствовал наследник. Из писем с Серных вод (1848) было убрано замечание о российских дворянах, «обреченных гибели», и т. п.

Некоторые хозяйственные выкладки, содержащиеся в письмах, были устранены из публикации, очевидно, как «сухая материя». Находясь в командировке в Ярославской губернии, И. Аксаков вынужден был заниматься продажей зерна, прибыв-

[11] Письмо от 15.VIII.1872 г. // Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927. С. 3.

[12] Письмо от 14.V.1886 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 9 об.

шего по Волге из аксаковских деревень в Оренбургской губернии. Сегодня цены на зерно, приводимые И. Аксаковым, могут представлять интерес для историка-экономиста.

Бережно относившаяся к секретам аксаковской семьи, Анна Федоровна берегла и чужие тайны: все подробности, связанные со сватовством А. Н. Попова к С. П. Бестужевой, из петербургских писем 1849 г. были изъяты. При этом наличие купюр в текстах в издании XIX в. нигде не было оговорено.

Если эпизод был интересен, а участников его по соображениям А. Ф. Аксаковой назвать было нельзя, их имена и фамилии зашифровывались, обозначались начальными буквами: А. О.– А. О. Смирнова; М. Н.– Марья Николаевна, дочь Николая I; К.– Корфы; Н.– Н. И. Надеждин и т. п. Библиограф С. И. Пономарев считал это ненужной церемонностью: «Это как-то не ладит с прямотою характера и речи Ив〈ана〉 С〈ергеевича〉» [13].

Некоторые письма имеют следы редактуры – А. Ф. Аксакову смущала резкость высказываний Ивана Сергеевича, и она стремилась выровнить стиль, сгладить острые углы. Из-за этих поправок и приглаживаний И. С. Аксаков в опубликованных письмах выглядит гораздо более сдержанным и хладнокровным, чем был в действительности. Было напечатано: «...дамы, как ни пусты здесь, а лучше мужчин, здешних помещиков...» (*Письма. Т. I.* С. 466), у Аксакова: «этих скотов-помещиков». Напечатано: «Отчего же одному Филарету или Иннокентию можно писать проповеди.., которым не всегда верят и не всегда следуют, потому что проповеди их – слово, не приобретенное жизнью...» (*Письма. Т. I.* С. 411), у Аксакова: «...никто не верит и никто не следует», «проповеди их – пустые слова...» Чиновник Лебедев в печатном тексте именуется «петербургским господином» (*Письма. Т. I.* С. 381), у Аксакова – «петербургским животным». Напечатано, что переписка, которую ведет А. О. Смирнова, «светская» (*Письма. Т. I.* С. 304), у Аксакова она названа «скандальной».

Имело место не только искажение текста, замена одних слов другими, как в приведенных примерах, но и пропуски отдельных слов, чтобы сделать аксаковский текст нейтральным. К примеру, при виде помещиков на Серных водах у Аксакова зудили «кулак и язык» – слово «кулак» выпущено (*Письма. Т. I.* С. 466). О калужском вице-губернаторе Хитрово Аксаков написал, что он «со всякою дрянью запанибрата» – в печатном тексте слово «дрянью» опущено (*Письма. Т. I.* С. 235). Аксаков пишет, что петербургский чиновник Лебедев «дерзок и свиноват» – слово «свиноват» напечатано не было (*Письма. Т. I.* С. 401).

Иногда вмешательство в текст искажает смысл высказывания. В разговоре с В. А. Соллогубом Аксаков, характеризуя отношение к славянофилам, заявляет: «...я совершенно независим, хотя бы надел русское платье, да и к жизни нахожусь в других отношениях». В *Письмах* (*Т. I.* С. 458) напечатано прямо противоположное: «...и не надел бы русского платья...»

Аксаковский текст казался издателям архаичным: он писал «кофей», а не «кофе», как в печатном тексте, «мигрень» у него мужского рода, в печатном тексте род заменен на женский. Печатали «выгонят турок вон» (*Письма. Т. II.* С. 47) вместо «турков» у Аксакова, «хозяйственным заведением» (*Письма. Т. I.* С. 94) вместо «хозяйским» у Аксакова и т. п. Число примеров можно увеличить.

Иногда текст сочинялся за Аксакова: в *Письмах (Т. II.* С. 4) напечатано, что Аксаков был намерен ехать из Москвы «чрез Одессу в Кишинев». Но в подлиннике письма этих слов нет, а написано, что он едет на Киев – Каменец-Подольск – Хотин, оттуда на Измаил и в Кишинев.

В отдельных случаях в тексте опубликованных писем выделены не те слова, которые были подчеркнуты И. Аксаковым в письме, есть в тексте лишние слова, отсутствующие в подлиннике, нарушался подчас порядок слов, иногда текст разбивался на абзацы произвольно. Большинство приписок И. Аксакова к письмам не были напечатаны, подписи в опубликованных письмах отсутствовали.

Имели место случаи ошибочного соединения двух различных писем, как на с. 409 I тома *Писем,* где соединены письма от 14 и 18.I.1847 г. Наоборот, два письма

[13] Письмо О. Г. Аксаковой от 11–20.V.1892 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 17. Ед. хр. 170. Листы не пронумерованы.

от 6 и 11.XII.1848 г., написанные на одном листе, искусственно разъединены письмом от 7.XII.1848 г. (*Письма. Т. II.* С. 69). Под датой письма от 26.VII.1846 г. ошибочно напечатан отрывок письма от 30.VII.1846 г. (*Письма. Т. I.* С. 353).

Письма, изданные А. Ф. Аксаковой, не были прокомментированы, но обычно циклу писем предшествовали небольшие заметки биографического характера, иногда пояснения были даны в конце цикла писем. В сносках к очень небольшому числу писем были даны выдержки из ответных писем С. Т. Аксакова, К. С. Аксакова, приведены письма С. Т. Аксакова С. В. Перфильеву и А. Ф. Орлову в 1849 г. о русском платье. Ответные письма помогали лучше понять письма И. С. Аксакова, сразу их оживляли, жаль только, что их количество было невелико.

Изданные сто лет назад, письма И. Аксакова не переиздавались. В настоящем издании представлены 232 письма И. Аксакова родным 1844—1849 гг., из них 17 писем публикуются впервые. Факт первой публикации отмечен в примечаниях.

Тексты писем печатаются по подлинникам (за исключением письма 89, печатающегося по копии), целиком, без пропусков, что позволяет более четко представить отношение И. С. Аксакова ко многим явлениям и лицам, исправить неточную датировку некоторых его стихотворений, установить их адресаты. Имена и фамилии, прежде зашифрованные, восстановлены, следы редактуры, опечатки и другие замеченные погрешности устранены.

Письма, представленные в настоящем издании, относятся ко времени служебной деятельности И. С. Аксакова и призваны показать Россию 40-х годов XIX в., главным образом провинциальную. По этой причине письма, написанные И. С. Аксаковым из Училища правоведения, нами не публикуются.

Письма И. С. Аксакова адресованы всей семье в целом, хотя он обращался прежде всего к родителям и подписывал письма словами «ваш сын». Кроме писем всем Аксаковым, Иван Сергеевич писал отдельным членам семьи, прежде всего брату Константину, которому доверял многое из того, о чем не сообщал родным или о чем их только кратко информировал (подробности впечатления, произведенного на И. С. Аксакова А. О. Смирновой, замечания, высказанные ею о поэме «Мария Египетская» и т. п.). Письма Константину важны для понимания отношения И. С. Аксакова к славянофильству. Автор писем назвал их «многозначительными», поэтому они были включены в прежнее издание писем и представлены в настоящем издании. Нами отобраны ранее не публиковавшиеся наиболее интересные письма И. С. Аксакова другим членам семьи: например, письмо Г. С. и С. А. Аксаковым от 28.II.1848 г. (170), в котором отразились впечатления от французской революции 1848 г., письмо С. Т. Аксакову от 5.X.1848 г. (178), содержащее подробности, связанные с «Письмами из Риги» Ю. Ф. Самарина, а также с ношением К. С. Аксаковым русского костюма. При отборе писем отдельным членам семьи мы руководствовались их значительностью и целями издания: к примеру, в данное издание не включено письмо Г. С. и С. А. Аксаковым от 27.XII.1847 г. (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 17. Л. 1—2 об.), поскольку оно содержит поздравление с Новым годом и сведения, относящиеся к симбирской уголовной палате, т. е. к службе Григория, а не Ивана. Опускаются, таким образом, письма, не имеющие существенного значения. Общее число писем, адресованных отдельным членам семьи, невелико, что подтверждается собственным заявлением И. С. Аксакова: «В письмах моих ко всем заключается также ответ на все письма». Он надеялся, что его астраханские письма отправляются после прочтения брату Григорию, служившему в то время во Владимире. Чтобы не дублировать письма, И. С. Аксаков просил пересылать бессарабские письма, адресованные всей семье, Г. С. и С. А. Аксаковым, жившим в Самаре.

В прежнем издании публикуемый материал располагался по циклам, которые соответствовали этапам жизни и деятельности И. С. Аксакова (астраханские письма, калужские и т. д.), внутри определенного периода письма располагались по хронологическому принципу. Поскольку в состав настоящего издания включены и не входящие в подобную общность письма (170, 178 и др.), то материал расположен по годам в хронологической последовательности, при этом сведения о нахождении подлинников к письмам, не входящим в письма определенного периода, находятся в примечаниях при этих письмах, а к письмам, относящимся к определенному периоду, в преамбуле перед ними.

Стихотворения, включенные И. С. Аксаковым в текст письма, напечатаны вместе с письмом, а не вынесены в приложения, как было сделано в прежнем издании, где текст стихотворений обычно печатался в окончательной редакции, тогда как в письмах сообщался, как правило, первый вариант.

В тех случаях, когда нами исправляется или уточняется датировка некоторых писем и стихотворений, обоснование новой датировки дано в примечаниях.

Орфография текстов приведена в соответствие с современными нормами («приказчик» вместо «прикащик», «именины» вместо «имянины» и т. п.). Однако никаких изменений, затрагивающих собственно язык, грамматику, в текст не вносилось. Формы «нумер», «масляница», «запречь», «заведовать», «выработывать» и аналогичные им сохраняются, ибо замена их подлинного написания современным создала бы неверное представление о звуковом составе слова или о его грамматической форме. Авторская пунктуация в основном сохранена.

В письмах И. С. Аксакова отмечается неустойчивое написание некоторых фамилий: Бюлер и Бюллер, Уньковский и Унковский. Нами введено единообразие в соответствии с официальными документами: Бюлер, Унковский. Неустойчиво в письмах и употребление форм «Вы» и «вы»: во избежание путаницы при обращении к одному лицу оставлено «Вы», в остальных случаях «вы» печатается со строчной буквы. Явные описки и ошибки написания в тексте писем И. С. Аксакова исправлены нами без оговорок.

Пропущенные И. С. Аксаковым слова, недописанные им слова или части сокращенных слов даны в угловых скобках. Неразобранные нами в подлиннике слова также заключены в угловые скобки 〈нрзб〉. Слова, подчеркнутые в тексте подлинника, выделены курсивом. Примечания в тексте писем, принадлежащие И. Аксакову, отмечены цифрой со звездочкой. Все ударения в тексте сделаны автором писем.

Вводимые нами даты или обозначение места написания письма заключены в угловые скобки. Даты приводятся по старому стилю.

В настоящем издании впервые воспроизводятся рисунки И. Аксакова, сделанные в письмах.

Перевод иноязычных выражений выполнен доцентом факультета журналистики МГУ Н. И. Ванниковой.

За консультации по вопросам орфоэпии и пунктуации приносим глубокую благодарность доктору филологических наук профессору Д. Э. Розенталю и старшему преподавателю Всесоюзного института повышения квалификации работников печати Б. З. Букчиной.

1844

Подлинники писем 1—57 — *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 18. Л. 1—137. Впервые — *Письма. Т. I.* С. 42—225. Письма связаны с поездкой И. С. Аксакова в Астрахань в составе ревизионной комиссии князя П. П. Гагарина.

1 (с. 3)

5.I 1844

[1] *11 часов вечера 5 янв〈аря〉 1844. Рязань.*— Публикуется впервые.

[2] *...милый отесинька и милая маменька...* — «Отесинькой» ласково называли дети Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859), писателя и театрального критика. Маменька — Ольга Семеновна Аксакова, урожденная Заплатина (1793—1878), жена С. Т. Аксакова с 1816 г.

[3] *...получили ли вы мое коломенское письмо?* — Письмо не было получено (см. с. 35 наст. изд.).

[4] *Здесь нашел я Чаплыгина...* — Речь идет о Николае Григорьевиче Чаплыгине, воспитаннике Училища правоведения и приятеле И. С. и Г. С. Аксаковых. В это время коллежский секретарь, старший помощник секретарей в 1 департаменте

Правительствующего Сената, впоследствии чиновник особых поручений департамента министерства юстиции. В 1846 г. уволился от службы по болезни. Письма Чаплыгина И. С. Аксакову 1875 г. см. в *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 669.

5 *Оболенский* Родион (Иродион) Андреевич (1820—1891), князь — член ревизионной комиссии князя П. П. Гагарина в Астрахани и его племянник (отец Р. А. Оболенского Андрей Петрович был женат вторым браком на родной сестре П. П. Гагарина Софье Павловне). Впоследствии гофмейстер двора.

6 *Что Олинька?* — Ольга Сергеевна Аксакова (1821—1861) — сестра И. С. Аксакова, в течение многих лет страдавшая тяжелым нервным заболеванием.

7 *Анна Севастьяновна* — гувернантка детей Аксаковых.

2 (с. 3)

8.I 1844

1 *...1844 г‹ода› янв‹аря› 8.*— В письме И. С. Аксаковым ошибочно указан 1843 г. вместо 1844 г.

2 *...милая Олинька и все прочия братья и сестры.*— У И. С. Аксакова в это время, кроме Ольги (см. прим. 6 к письму 1), было несколько сестер: Вера (1819—1864), Надежда (1829—1869), Любовь (1830—1867), Мария, или Марихен (1831—1906), в замужестве Томашевская, София (1834—1885) и братья Константин (1817—1860), выдающийся идеолог славянофильства, поэт, драматург, литературный критик, и Григорий (1820—1891), впоследствии губернатор самарский и оренбургский, земский деятель.

3 *С помощью погребца...* — Погребец — дорожный ларец для провизии с приборами.

4 *Давыдовы* — Давыдов Василий Васильевич, коллежский асессор, почетный смотритель Моршанского уездного училища, тамбовский помещик, и его жена Софья Андреевна. В имении Давыдовых Кулеватове, расположенном по почтовой дороге из Моршанска в Тамбов, И. С. Аксаков и Р. А. Оболенский сделали остановку. Давыдов приходился родственником князю П. П. Гагарину и Р. А. Оболенскому (был женат на сестре Оболенского).

5 *...отнести ко Грише деньги.*— Очевидно, долг. В семье Аксаковых денежно-хозяйственные дела были, в основном, обязанностью Г. С. Аксакова.

6 *...стали в какой-то бакалдинк.*— Т. е. в колдобину, яму.

7 *...мой Родольф...*— Вероятно, И. Аксаков представлял Р. А. Оболенского и себя героями романа английской писательницы Анны Радклиф «Родольф, или Пещера смерти в дремучем лесу», вышедшего в Москве в 1801 г. в переводе с французского (автор не указан): роман начинается с того, что Родольф и его оруженосец Морис оказываются в неизвестном и опасном месте; приключения, происходящие с ними, составляют содержание романа.

8 *...в пошевнях, в розвальнях...* — широких крестьянских санях.

9 *...не оставляет отцовского имения.*— Подробное описание усадьбы Кулеватово было сделано сыном В. В. Давыдова. См.: *Давыдов Н.* Из помещичьей жизни прошлого столетия // Голос минувшего. 1916. № 2. Февр.

10 *Шуберт* Франц Петер (1797—1828) — австрийский композитор.

11 *...хозяйка... с грустным выражением лица, беспрестанно поправляла лучинку...* — О. С. Аксакова, находившаяся в постоянных хлопотах и заботах о своем многочисленном семействе, отвечала сыну: «...право, я похожа на эту грустную крестьянку, поправляющую лучину, которую ты описал в письме, только в других формах» (Письмо от 17.I.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 9).

12 *...похожих... на мурмолку...* — Мурмолка — старинная меховая или бархатная шапка с плоской тульей. В русском народном творчестве считалась признаком особого щегольства: из русских богатырей ее носил Чурила Пленкович, отличавшийся франтоватостью.

13 *...настоящие кокошники с спинкой...* — Кокошник — старинный женский головной убор, обычно украшенный, в виде щитка надо лбом.

14 *Здесь дождемся мы князя Павла Павлыча...* — Речь идет о П. П. Гагарине (1789—1872), действительном тайном советнике, сенаторе, возглавившем в 1844 г. комиссию по ревизии Астраханской губернии. В письмах И. С. Аксакова он оха-

рактеризован как человек «деятельный» и «усердный» в служебных делах, «с необыкновенным даром слова, с быстрым соображением, с огромными способностями» (см. с. 34 наст. изд.). По окончании астраханской ревизии был назначен (26.X.1844 г.) членом Государственного совета. Обсуждая в 1848 г. предшествующие назначения в Государственный совет, управляющий делами Комитета министров, государственный секретарь М. А. Корф считал, что они «ниже всякой посредственности», за исключением князя Гагарина, «человека с мыслями, со знанием дела и если не прямо с даром слова, то, по крайней мере, со способностями изъясняться...» (*Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 131). С 1857 г. член Особого первоначального комитета (позже Главного комитета) по крестьянскому делу, в котором защищал интересы крепостников, предлагая освободить крестьян без земельного надела. Назначенный в 1862 г. председателем департамента законов Государственного совета, принимал деятельное участие в проведении судебной реформы 1864 г. С 1864 г. председательствующий в Государственном совете, председатель Комитета министров и Комитета по делам Царства Польского, в 1866 г. председательствовал в Верховном уголовном суде по делу Д. В. Каракозова. В письмах И. С. Аксакова 1844 г. часто называется просто «князь».

15 *Что Костя и его диссертация?* — Окончив в 1835 г. словесное отделение Московского университета, К. С. Аксаков в 1840 г. выдержал магистерские экзамены, а в 1844 г. заканчивал работу над магистерской диссертацией, тема которой — «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» — была выбрана им еще в 1839 г. (См. его письмо отцу от ноября 1839 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 5). Опубликована в 1846 г., защищена в 1847 г.

16 *Васильчиковы* — московские знакомые Аксаковых: Васильчиков Алексей Васильевич (1778—1854), действительный статский советник, его жена Александра Ивановна, урожденная Архарова (1795—1855), и их дети: Василий, Петр, Александр, Анна (в замужестве Баранова), Екатерина (в замужестве Черкасская). Особенно часто в их доме в это время бывал Константин — см. письма В. С. Аксаковой Ивану от 22.I.1844 г. (*ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 2—2 об.), от 17.III и 15.IV.〈1844 г.〉 (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 13 об., 15 об.). В 1846 г. К. С. Аксаков написал о них Ю. Ф. Самарину: «Я у Васильчиковых не был и ездить к ним не хочу: все такая дрянь» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 4 об.).

17 *Дядинька Николай Тимофеевич, верно, уехал.*— Николай Тимофеевич Аксаков (1797—1882), брат С. Т. Аксакова, выехал из Москвы в Петербург 5.I. и возвратился обратно 10.II.1844 г.— см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 11.II.1844 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 12), а также письма сестры Веры Ивану от 8.I. и 12.II.〈1844 г.〉 (Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 11, 49 об.). Богатый помещик, имения которого находились в Самарской, Симбирской, Оренбургской и Пензенской губерниях. Четыре раза (в 1847, 1850, 1853 и 1856 гг.) дворянством Симбирской губернии избирался в губернские предводители дворянства. С. Т. Аксаков считал своего брата «необыкновенным предводителем», принесшим много пользы губернии: «...дворянству симбирскому и со свечой не найти такого другого предводителя» (Письмо Ивану от 29.IX.〈1849 г.〉 // *РМ*. 1915. Август. С. 116). Напротив, у М. П. Погодина деятельность Н. Т. Аксакова вызывала насмешку. После одного из посещений Аксаковых он записал в своем дневнике 20.IX.1849 г.: «Смешон Ник〈олай〉 Т〈имофеевич〉 своими предводительскими подвигами» (*ГБЛ*. Ф. 231. Разд. 1. Карт. 34. Ед. хр. 1. Л. 52 об.).

18 *...покупать его дом.*— Дом Н. Т. Аксакова в Москве.

19 *...поклонитесь и Надежде Николаевне.*— Н. Н. Шереметева, урожденная Тютчева (1775—1850),— близкая знакомая семьи Аксаковых и Н. В. Гоголя.

20 *Прощайте... Верочка, Костя...* — См. прим. 2 к письму 2.

21 *Сашу Аксакова обнимаю также.*— Александр Николаевич Аксаков (1832—1903) — сын Н. Т. Аксакова и Екатерины Алексеевны Пановой (1809—1857), которые к этому времени разошлись. Семья Аксаковых принимала деятельное участие в ребенке. Стараниями К. С. Аксакова и В. А. Панова, которые вели переговоры с Н. Т. Аксаковым, в Москве удалось устроить свидания с матерью сына, жив-

шего с отцом (см. Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 15.II.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 14 об.— 15, а также письмо сестры Веры Ивану от 17.I.1844 г. // Там же. Ед. хр. 20а. Л. 12). В 1850 г., когда А. Н. Аксаков был лицеистом, С. Т. Аксаков так охарактеризовал его в письме Ивану: «...вылитый Панов, особенно в нравственном отношении!» (В. А. Панов приходился мальчику дядей), «честный человек он будет, а все остальное не в моем вкусе» (Письмо от 12.VI.1850 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 100—100 об.). После окончания лицея служил по министерству внутренних дел, в 1853 г. участвовал в экспедиции П. И. Мельникова-Печерского в Нижегородскую губернию для изучения раскола, в 1858—1860 гг. служил в нижегородской палате государственных имуществ, с 1869 г.— в Государственной канцелярии, откуда в 1878 г. вышел в отставку с чином действительного статского советника. В России и за границей приобрел известность своими переводами исследований по спиритизму Шапари, Уильяма Крукса, Роберта Гера и др., изданием в Германии периодического издания «Psychische Studien» (1874). Подробнее об этом см.: Александр Николаевич Аксаков как спиритуалист: (Биографический очерк). Спб., 1883. На одном из спиритических сеансов, проводившихся А. Н. Аксаковым в феврале 1876 г., присутствовали Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, П. Д. Боборыкин (См.: *ЛН*. 1971. Т. 83. С. 503).

3 (с. 7)

12.I 1844

1 *...скоро ли мы попадем в Черный Яр...* — Черный Яр был построен в 1627 г. для отражения нападения калмыков на русские караваны (см.: *Рыбушкин М.* Записки об Астрахани. М., 1841. С. 137).

2 *«Очерки о преобразователях, или Современные социалисты»* — работа известного французского писателя, публициста, экономиста Луи Рейбо (1799—1879), посвященная общественным реформаторам Сен-Симону, Оуэну и др.

3 *...листы, напечатанные в типографии Степанова.*— Что было напечатано в типографии Н. С. Степанова [находилась в Трубниковском переулке], выяснить не удалось. 29.I.1844 г. С. Т. Аксаков сообщил сыну, что требуемые им бумаги посланы с Ф. Бюлером (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 2), который прибыл в Астрахань 20.II.1844 г. (см. с. 42 наст. изд.).

4 (с. 8)

18.I 1844

1 *Начинается рассказ/От Ивановых проказ!* — Из сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок» (у Ершова «зачинается» вместо «начинается»).

2 *...перед прочими, старшими чиновниками.*— В комиссии князя П. П. Гагарина, утвержденной по высочайшему повелению 22.XI.1844 г., было три старших чиновника: Строев, Павленко, Розанов (представление последнего в старшие министр юстиции первоначально отклонил, а затем сделал уступку — см. с. 18 и 62 наст. изд.) и восемь младших: Аксаков, Блок, Булычев, Бюлер, Думбровский, Немченко, Р. Оболенский, Яснев. До начала ревизии И. С. Аксаков сомневался, будет ли разрешено министром «это похищение у сената стольких чиновников» (Письмо Д. А. Оболенскому от 4.XII.1843 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1 об.). Обычно для ревизий выбирались чиновники, принадлежавшие к министерству юстиции.

3 *Телемах* — сын Одиссея, героя поэмы Гомера «Одиссея». Подвиги и странствия Телемаха в поисках отца описаны французским писателем Фенелоном в прозаическом романе «Похождения Телемака» (1699), русский поэт В. К. Тредиаковский изложил этот сюжет стихами в поэме «Тилемахида» (1766).

4 *Сент-Илер* Александр Карлович — титулярный советник, секретарь межевого департамента Правительствующего Сената. Возможно, находился в Тамбове в составе ревизионной комиссии, возглавляемой И. Е. Курутой. Впоследствии това-

рищ председателя симбирской уголовной палаты. Письмо, отправленное родными Сент-Илеру для передачи И. С. Аксакову, едущему в Астрахань (см. Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 22.I.1844 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 44), было привезено Строевым (см. с. 18 наст. изд.).

5 ...*видел я мордву, которую называют здесь еще другим именем...* — Имеются в виду другие племенные названия групп мордвы: мокша и эрзя.

6 ...*нет ни верш, ни вех...* — шестов в поле, указывающих дорогу.

7 ...*нет ни сен-бернардских монахов, ни собак!* — Имеются в виду монахи Сен-Бернардского монастыря в Альпах, которые заботились о путешественниках, отыскивали заблудившихся с помощью обученных для этой цели собак.

8 ...*оставшись в одной чуйке.*— Чуйка — длинный суконный кафтан.

9 ...*более 20 часов провели мы не пивши и не евши, при жестоком буране...*— В ответном письме сыну от 31.I—1.II.1844 г. С. Т. Аксаков благодарил бога за то, что домашние только вполовину осознали то опасное положение, в которое попал Иван: «Один я понимал все дело настоящим образом... Но, милый и глупый мой Иван, неужели ты не слыхивал, что в таком случае надобно ночевать в стогу?.. Вот что значит совершенная неопытность! На дрянных лошадях пускаться в буран, в ночь... Эта история сделалась теперь предметом разговоров целой Москвы» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 10, 10 об., 11 об.). В связи с этим дорожным происшествием С. Т. Аксаков вспомнил о своем очерке «Буран», написанном по просьбе М. А. Максимовича для альманаха «Денница» (1834. Кн. 3. Без подписи). Однако С. Т. Аксаков недооценил серьезности реакции своих домашних, письма которых в Астрахань свидетельствуют об обратном: см. письма матери от 1.II.1844 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 3—3 об.), Ольги от 1.II.‹1844 г.› (Там же. Ед. хр. 39. Л. 5 об.), Веры от 31.I.1844 г. (Там же. Ед. хр. 20а. Л. 21), Константина (без даты. // Там же. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 26).

10 ...*с Булычевым.*— См. прим. 2 к наст. письму.

11 *Перовский* Лев Алексеевич (1792—1856), граф — генерал от инфантерии, с 1841 по 1852 г.— министр внутренних дел. В 1852 г. был назначен министром уделов и управляющим императорским кабинетом.

12 ...*едут часто целиком...* — т. е. целиною.

13 ...*нашего Ивана Семеныча.*— Иван Семенович — управляющий в Вишенках и Надежине Белебеевского уезда Оренбургской губернии, которые принадлежали семье Аксаковых. «...Он как управитель человек бесценный, но как человек — бездушная паровая машина»,— писал о нем С. Т. Аксаков Г. С. и С. А. Аксаковым 17.VIII.1856 г. (*ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 59 об.). Преданный помещичьим интересам, управляющий отличался безжалостностью по отношению к мужикам, поэтому приехавшие в 1851 г. в Надежино после происшедшего там крестьянского бунта С. Т. Аксаков с сыновьями Константином и Иваном вынуждены были составить правила, ограничивающие его власть и направленные к облегчению участи надежинских крестьян. См. письмо И. С. Аксакова матери от 29.VIII.1851 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 13. Л. 11—12 об.

14 ...*описание Сарепты Измайлова из его «Путешествия в полуденную Россию».*— Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830) — писатель-карамзинист, цензор, работавший вместе с С. Т. Аксаковым (см. об этом: *Данилов В. В.* С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов в Московском цензурном комитете // *ИОРЯС*. 1928. Т. I. Кн. 1). И. С. Аксаков имеет в виду четвертую часть «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова (Спб., 1800—1802), в которой автор с восторгом описывал (письма CXLI, CXLII, CXLIII, CXLIV) колонию гернгутеров (или моравских братьев), ее состав, «гражданский и нравственный порядок», занятия и быт ее членов. Гернгутеры — выходцы из Пруссии, разочарованные в католицизме,— поселились на берегах Сарепты в XVIII в. Жизнь этой немецкой общины была предметом интереса не только Измайлова: Сарепту описывал В. А. Жуковский в послании «К Воейкову» (1814); в «Памятнике отечественных муз» 1827 г. были напечатаны «Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С — ва)» Алексея Владимировича Салтыкова, в отличие от «Путешествия...» Измайлова лишенные восторженности по отношению к гернгутерам.

15 *Тимирязев* Иван Семенович (1790—1867) — генерал-лейтенант, военный губернатор Астрахани и управляющий ее гражданской частью (1834—1844), впоследствии сенатор.

16 ...*называют этот город Разбалуй-город*... — С. Т. Аксаков пришел в восхищение от этого выражения. См. письмо Ивану от 31.I.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 11.

17 ...*среди сброда таких же отчаянных русских, калмыков, киргизов, грузин, армян, индейцев*... — Национальный состав проживающего в Астрахани населения был очень разнообразным: татары, калмыки, киргизы, армяне, персы и пр. Под индейцами имеются в виду выходцы из Индии — первые переселенцы из Азии: еще в XVIII в. они проложили дорогу в Астрахань через Персию. «Индейцы составляют ныне,— писал М. Рыбушкин,— самый малочисленный и беднейший класс жителей» (Записки об Астрахани. С. 72). Сведения о проживающих в этих краях индийцах подтверждаются также «Путевыми впечатлениями. § 1. Астрахань», напечатанными в журнале «Москвитянин» (1844. № 8. Ч. 4. С. 375).

18 ...*исправник ждал на станции*... — «Как забавно это происшествие с исправником,— писала И. С. Аксакову сестра Вера,— прямо в комедию, ты или вы вообще разыгрываете совершенно „Ревизора"...» (Письмо без даты // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 46).

19 ...*разгавливался после филиппок*... — Филиппов пост с 15 ноября по 24 декабря.

20 *Курута* Иван Еммануилович (1780—1853) — с 1836 по 1842 г. владимирский губернатор; в 1843 г. назначен на ревизию Тамбовской губернии. В 1845 г. сенатор 8 департамента Правительствующего Сената. В письме И. С. Аксакову от 7.IV.1844 г. сестра Вера выражала радость по поводу того, что Иван не попал на ревизию в Тамбов. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 5).

21 *Овер* Александр Иванович (1804—1864) — доктор медицины и хирургии, с 1842 г. преподавал в Московском университете.

22 *Из чиновников здесь Павленко и Немченко*... — См. прим. 2 к наст. письму. Известно, что Немченко звали Петром Ивановичем.

23 ...*в ожидании Строева*...— См. прим. 2 к наст. письму. М. Н. Строев был правителем канцелярии П. П. Гагарина в Астрахани.

24 *Раз 50 в день помянешь Гоголя*.— Из предыдущего высказывания ясно, что И. С. Аксаков имет в виду прежде всего Ивана Кузьмича Шпекина, почтмейстера из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», вскрывавшего чужие письма.

25 ...*Надю, Любиньку ...обнимаю*... — См. прим. 2 к письму 2.

5 (с. 17)

22.I 1844

1 *Гульковский* — московский знакомый Аксаковых, врач. См. о нем в письме В. С. Аксаковой Ивану от 7.IV.1844 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 7).

2 ...*наша Надежда (что в отставке)*... — Неясно, о ком идет речь.

3 ...*хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь*.— Слова городничего из I действия комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (у Гоголя: «не доедешь»).

4 ...*приехали... Розанов, Яснев и Думбровский*.— См. прим. 2 к письму 4.

5 ...*заходивший в Тамбове к Сохацкому*... — Имеется в виду, очевидно, Александр Павлович Сохацкий, коллежский советник, обер-секретарь 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената. В 1844 г., возможно, входил в состав комиссии И. Е. Куруты, ревизовавшей Тамбовскую губернию.

6 ...*жду с нетерпением приезда Бюлера и Блока*... — См. прим. 2 к письму 4 и прим. 2 к письму 12.

7 ...*по случаю обручения Елизаветы Михайловны*.— 1.I.1844 г. в Зимнем дворце великая княжна Елизавета Михайловна была обручена с герцогом Адольфом Нассауским (Моск. ведомости. 1844. 8 янв. С. 25).

8 *Завтра день именин Гриши, а послезавтра Марихен*.— И. С. Аксаков допустил неточность: день именин Г. С. Аксакова приходился на 25 января, а М. С. Аксаковой — на 26 января (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 30.I.1847 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 61 об.). О М. С. Аксаковой см. прим. 2 к письму 2.

9 *Не будет ли приезд министра иметь какое-нибудь влияние на службу Гриши?* — Имеется в виду Виктор Никитич Панин (1801—1874), граф, с 1841 до 1862 г. министр юстиции, в 1860 г. после смерти Я. И. Ростовцева назначенный председателем Редакционной комиссии по крестьянскому делу. В начале 1844 г. Панин был в Москве (см. Моск. ведомости. 1844. 18 янв. С. 45). С. Т. Аксаков отвечал 31.III.1844 г.: «Гришина служба идет по-прежнему: пребывание министра не произвело ни малейшего влияния» (*ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 2 об.). Титулярный советник Г. С. Аксаков служил в это время коллежским секретарем в 7 департаменте Правительствующего Сената.

10 *...мрачный министр внутренних дел?* — Неясно, кто имеется в виду.

11 *Ефим* — камердинер С. Т. Аксакова.

12 *Семен* — дворовый, отстраненный весною 1844 г. от службы в доме из-за пьянства и частых отлучек. См. письмо О. С. Аксаковой сыну // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. XVI. Ед. хр. 5. Л. 11 об.; письмо без даты, датируемое нами маем 1844 г. на основании содержащегося в нем известия об отставке астраханского губернатора И. С. Тимирязева, уже известной О. С. Аксаковой из газет,— см. Моск. ведомости. 1844. 11 мая. С. 367.

6 (с. 21)

29.I 1844

1 *Показывал он нам и письмо Ермолова к нему...* — В ответном письме от 11.II.1844 г. С. Т. Аксаков обещал: «Непременно передам Ермолову о Донцове. На днях я должен быть с ним вместе у Погодина» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 13 об.). Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — генерал от артиллерии, герой войн с Наполеоном, с 1816 г.— главнокомандующий русских войск в Грузии. В 1827 г. вышел в отставку и поселился в Москве. Донцов — вероятно, М. Н. Донцов, полковник, упомянутый среди подписавшихся на книгу М. Рыбушкина (Записки об Астрахани. С. II).

2 *...до дому Сапожникова...* — В 1844 г. Сапожников находился в ссылке в г. Вольске Саратовской губернии, как старовер (*РС*. 1886. Дек. С. 646).

7 (с. 23)

1.II 1844

1 *...поздравляю вас с окончанием Костиной диссертации и со днем рождения Веры.*— День рождения Веры — 7 февраля. Об окончании работы над диссертацией сообщила И. С. Аксакову сестра Вера 17.I.1844 г. (см.: *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 9), а также сам Константин (Письмо без даты, датируемое нами началом 1844 г. на основании упоминания о получении письма Ивана от Давыдовых, у которых Иван гостил в январе 1844 г.— Там же. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 26). В честь К. С. Аксакова, окончившего диссертацию, Н. М. Языков дал обед (см. письмо Г. С. Аксакова Ивану от 17.I.1844 г. // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 8).

2 *...представить вам полную картину Астрахани...* — Прочтя письмо, С. Т. Аксаков писал сыну 15.II.⟨1844 г.⟩: «Письмо твое... кроме интереса семейного, очень интересно само по себе. В первый раз еще в жизни обратилось мое внимание на Астрахань, и ты мне живо и ясно ее представил» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 15).

3 *Кутум* — приток Волги.

4 *Федор Иоаннович* (1557—1598) — сын Ивана IV, вступил на престол в 1584 г.

5 *...большой Индейский двор...* — Индийцы с XVIII в. жили в Астрахани в казенном гостином Индийском дворе.

6 *...здешнему управителю...* — Ф. Ф. Пальцеву. См.: *РС*. 1886. Дек. С. 646.

7 *Жена же сия выше Армфельдовой...* — Жена И. С. Тимирязева Софья Федоровна, урожденная Вадковская, отличалась высоким ростом — около 180 см. (см.: *Тимирязев Ф. И.* Страницы прошлого // *РА*. 1884. № 1. С. 313). Армфельдова — очевидно, Анна Васильевна Армфельд, жена друга С. Т. Аксакова Армфельда Алек-

сандра Осиповича (1806—1868), профессора судебной медицины Московского университета.

8 *Бриген* Эраст Дмитриевич — генерал-майор, с 1838 по 1848 г. наказной атаман Астраханского казачьего войска. С семьей Бригена, живущей в Астрахани, состояла в переписке знакомая Аксаковых Елизавета Федоровна Занден. О. С. Аксакова напоминала сыну в письмах о необходимости посетить это семейство: «Они тебе будут очень полезны. Прекрасные люди» (Письмо от 17.I.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 9 об.); «Видаешь ли ты Бригеных, поклонись им от меня, они очень добрые люди» (Письмо от 5.II.1844 г. // Там же. Ед. хр. 7б. Л. 6). См. также письмо В. С. Аксаковой от 5.II.1844 г. (Там же. Ед. хр. 20а. Л. 16 об.). Несколько насмешливое отношение к Бригену, заметное в письмах И. С. Аксакова, было вызвано тем, что казачьим войском командовал выходец из лифляндских дворян (см.: История Астраханского казачьего войска/ Сост. И. А. Бирюков. Саратов, 1911. Ч. 1. С. 584). Редкие посещения И. С. Аксаковым этой семьи объяснялись главным образом его щепетильностью, нежеланием сближаться с местным населением, что осложнило бы его положение ревизующего. В полученном Е. Ф. Занден письме Бриген сообщал, что «господа ревизующие не удостоивают даже познакомиться с скукой Астрахани, сидят по своим квартирам и занимаются делами» (Письмо В. С. Аксаковой Ивану от 15.IV.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 14 об.).

9 *...кончен мой труд многолетний!* — Из стихотворения А. С. Пушкина «Труд» (1830). У Пушкина: «окончен».

8 (с. 27)

5.II 1844

1 *Досадно, что Гагарин засадил Бюлера с Блоком в Енотаевске...* — И. С. Аксаков не знал, что Бюлер и Блок в это время еще не доехали до Енотаевска. Впоследствии они проедут город ночью и, не получив приказ П. П. Гагарина остаться там, прибудут сразу в Астрахань (см. с. 41—42 наст. изд.).

2 *...в отношении к Тимирязевой.*— См. прим. 7 к письму 7.

3 *Серпянка* — бумажная ткань очень редкого плетения.

4 *Хотел ...купить тармаламы...* — Тармалама — шелковая или полушелковая ткань, из которой шили халаты.

5 *...преобразится угомонившаяся Москва!* — С наступлением великого поста.

6 *Грановский* Тимофей Николаевич (1813—1855) — общественный деятель западнического лагеря, с 1839 г. возглавлявший кафедру всеобщей истории в Московском университете. 23.XI.1843 г. Грановский в университете начал чтение курса публичных лекций по истории средних веков, который окончил 22.IV.1844 г. В лекциях ставился вопрос об исторических путях развития России и содержалась в скрытой форме полемика со славянофилами. «И как современны они, какой камень в голову узким националистам!» — писал А. И. Герцен (Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 316). В признании таланта и заслуг лектора сходились представители противоположных лагерей. Герцен считал: «...ничего подобного в Москве никогда не было читано всенародно» (Там же. С. 318). Славянофил А. С. Хомяков констатировал: «Таких лекций, конечно, у нас не было со времен самого Калиты, основателя первопрестольного града, и, бесспорно, мало во всей Европе» (Письмо А. В. Веневитинову ⟨от марта 1844 г.⟩ // *Хомяков*. М., 1904. Т. VIII. С. 66). Из семьи Аксаковых лекции посещали С. Т. Аксаков, Константин, Вера и Григорий, оценившие их очень высоко. «Вот явление, чрезвычайно важное, явление чисто внутреннее, событие во глубине духа общего...» — писал К. С. Аксаков Ивану ⟨в 1844 г.⟩ (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 21 об.). Вера сообщала: «Теперь лекции очень интересны, и мне очень жаль, что ты их не слышишь, милый Ваничка» (Письмо от 17.III.⟨1844 г.⟩ // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 13 об.). О последней лекции Грановского С. Т. Аксаков написал в Астрахань 25.IV.1844 г.: «...я в жизнь мою не видал полнее торжества. Все слушатели были проникнуты восторгом. Было много содействующих тому причин, кроме постоянного и, надобно правду сказать, почти общего восхищения

от его лекций», «множество людей плакало... Не смейся: это были слезы восхищения, и я сам готов был заплакать» (Там же. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 36, 36 об.).

[7] *Сенявина* Александра Васильевна, урожденная баронесса Гоггер — жена И. Г. Сенявина, московского гражданского губернатора (1840—1844). Сенявина упомянута в числе дам, посещавших публичные лекции Т. Н. Грановского в 1843—1844 гг. (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 25.IV.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 36 об.). Приехавшая в 1844 г. в Москву знаменитая немецкая пианистка Клара Шуман, помимо официальных концертов, выступала и «у покровительницы всех отличных дарований Алек⟨сандры⟩ Вас⟨ильевны⟩ Сенявиной...» (Москвитянин. 1844. № 5, ч. 3. С. 167—168). В первой половине 40-х годов XIX в. одним из центров тогдашнего общества был дом И. Г. Сенявина. «Супруга его Александра Васильевна отличалась красотою и любознательностью. В ее гостиной можно было видеть и западников, и словенофилов, и Погодина, и Шевырева» (*Барсуков*. Кн. VII. С. 119).

[8] *...Костя... выезжает в общество беспрестанно...* — На «рассеянную жизнь», которую ведет Константин, жаловался Ивану Г. С. Аксаков (см. письмо от 17.I.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 8). О том же писала сестра Вера 17.I.1844 г. (Там же. Ед. хр. 20а. Л. 12 об.). Иван, не любя «прикосновения светской толпы к какой-нибудь высокой истине или мысли», осуждал Константина за это. С. Т. Аксаков называл выезды Константина в свет «исполнением общественных учтивостей» (Письмо Ивану от 23.XI.1856 г. // Там же. Карт. III. Ед. хр. 22д. Л. 5 об.) и дал им следующее объяснение: «Константин увлекался мыслью, что истины, которые он проповедовал там, согласно с своим задушевным и глубоким убеждением, произведут благотворное действие. Он ошибался. Свет с любопытством и удовольствием слушал его, как диковинное явление, и только. Это сделалось модою» (*История моего знакомства с Гоголем*. С. 60). Сам Константин вынужден был признать бесполезность своих усилий в деле распространения славянофильских идей в высшем свете — в конце августа — начале сентября 1845 г. он писал Н. В. Гоголю: «Признаюсь, светское общество, и вообще общество — мне стало несколько в тягость; в свете многие соглашались со мной; многие, казалось, уступали усилиям пробудить в них живое русское чувство; дамы, девушки, особенно последние, казалось, с таким участием принимали всякое русское явление, всякое русское слово; но все это непрочно; ни одна не решается надеть сарафана. Одна из них, которая так высоко стояла в моем мнении, которую часто называл я, указывая на русских душою девушек, кн⟨яжна⟩ Мещерская, поступила презрительно, вышла замуж за немца, сверх того за Бирона, и навсегда оставила Россию» (*ЛН*. 1952. Т. 58. С. 803—804). К. Аксаков имеет в виду Елену Васильевну Мещерскую (1820—1905), в 1845 г. вышедшую замуж за Каликста Густава Германа Бирона.

[9] *Посылаю ему стихи...* — Речь идет о стихотворении 1844 г. «К. С. Аксакову (Не расточай святых даров природы...)», в котором И. С. Аксаков осуждал увлечение Константина светскою жизнью, стремление вынести «на дерзкий суд» общества свои «высокие надежды» и мечты (*Стихотворения...* С. 43—44).

[10] *...как понравилась отесиньке деревня.*— В январе 1844 г. С. Т. Аксаков вместе с сыном Григорием и подрядчиком ездили в приобретенное Аксаковыми Абрамцево, чтобы определить размеры необходимых переделок в доме. С. Т. Аксаков остался очень доволен деревней: «Прекрасный, мирный, уединенный уголок, где собрано все, что нам нужно» (Письмо Ивану от 29.I.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 1). О том же см. в стихотворении С. Т. Аксакова «Вот, наконец, за все терпенье...» (1844). Абрамцево расположено в 50 км от Москвы по Троицкой дороге, Аксаковы называли его также Радонеж, так как неподалеку от имения находилось село Городок (на месте древнего города Радонеж).

[11] *Бумаги Яновского, о которых она спрашивает...* — Очевидно, казенного характера, ибо в письме от 17.I.1844 г. Г. С. Аксаков просил Ивана вспомнить, где находятся «бумаги Яновского, о дворянстве которого ты справлялся в архиве. Не остались ли они у того чиновника, напиши, как его зовут, а я поищу еще хорошенько в твоих бумагах» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 8).

9 (с. 29)

8.II 1844

1 *...вышла «Индийская повесть» в стихах Жуковского.*— Речь идет о произведении В. А. Жуковского «Наль и Дамаянти. Индийская повесть», которая вышла отдельным изданием в Петербурге в 1844 г. Содержание ее составляет эпизод из древнеиндийского эпоса «Махабхарата», с которым Жуковский познакомился в немецком переводе Фридриха Рюккерта.

2 *...Каролина Карловна пустилась в свет и танцы!.. удивляюсь, как муж ей это дозволяет.*— Это ответ на сообщение сестры Веры, писавшей 17.I.1844 г.: «Павлову мы видим теперь очень редко, она пустилась в свет, каждый день выезжает» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 13—13 об.). В письме от 22.I.1844 г. она же извещала о состоявшемся у Васильчиковых бале, на котором Каролина Карловна «вздумала танцевать» (*ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 2 об.). *Павлова* Каролина Карловна, урожденная Яниш (1807—1893) — поэтесса, жена Н. Ф. Павлова. Характеристику Н. Ф. Павлова и его жены см.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. [Л.], 1950. Ч. 2. Гл. 2.

3 *Киреевский Петр Васильевич* (1808—1856) — сын А. П. Елагиной от первого брака с Василием Ивановичем Киреевским (умер в 1812 г.), славянофил, фольклорист. Его очень любил И. С. Аксаков, который после смерти П. Киреевского в 1856 г. написал своим родным, что это был «чудной души человек, кроткого, честного и как кристалл чистого сердца, распространявшего около себя какое-то нравственное благоухание. Присутствие таких людей на земле очищает атмосферу; деятельность их не измеряется внешними делами; она невидимо разливается в воздухе как аромат» (*Письма. Т. III.* С. 300). Высокие нравственные качества П. Киреевского ценил и А. И. Герцен, который писал о нем как о «человеке талантливом, восторженном и благородном», которого «больше хочется обнять от всей души, нежели с ним быть в оппозиции» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 311; Там же. 1961. Т. XXII. С. 207).

4 *...забыл о Панове... да что он? занимается ли чем определенным, сбрил ли усы...* — С. Т. Аксаков отвечал 19.II.1844 г.: «Панов сбрил усы, живет с сестрой (Екатериной Алексеевной Пановой.— *Т. П.*) вместе, ничем определенным не занимается и никаких успехов не имеет» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 17). Панов Василий Алексеевич (1819—1849) — историк-славист, славянофил. В 1840—1841 гг. сопровождал Н. В. Гоголя в путешествии за границу. «Панов — молодец во всех отношениях...» — отзывался Гоголь (*История моего знакомства с Гоголем.* С. 48). Автор брошюры «Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации» (М., 1844), издатель «Московских литературных и ученых сборников» 1846 и 1847 гг. Ему посвящено стихотворение И. С. Аксакова «Панову (Хотел я прозой и стихами...)», 1846. Характеристику Панова см. в «Моих воспоминаниях» Ф. И. Буслаева (М., 1897. С. 106—107, 258—260, 289—290) и в кн.: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. М., 1983. С. 300.

5 *...успокоился ли Костя, уяснились ли вполне его отношения к Самарину? — Самарин* Юрий Федорович (1819—1876) — славянофил, публицист, впоследствии член Редакционной комиссии по крестьянскому делу (1859—1860), член Учредительного комитета в Царстве Польском. Знакомство его с К. С. Аксаковым в 1838 г. переросло в тесную дружбу, однако в 1843 г. между ними обнаружилось несогласие в некоторых мнениях, что привело к осложнению отношений. 31.XII.1843 г. Самарин писал: «Послушай, Аксаков! Ты давно на меня сердишься за то, что с некоторого времени я чаще стал не соглашаться с тобою и спорить...» (*Самарин.* Т. XII. С. 45). О том же в другом письме 1844 г.: «Я люблю тебя так же, как и прежде, хотя со многим не согласен и буду спорить до последнего издыхания... Если б в разномыслии нашем было что-нибудь существенное, я, скрепя сердце, решился бы покориться необходимости и разойтись с тобою; но мне больно и досадно видеть, что существенного разномыслия нет и что при этом твоя исключительность, твоя нетерпимость и какое-то отсутствие смысла для той действительности, в которой мы живем, почти всегда заставляет тебя быть несправедливым в суждениях о лицах, между прочим, и обо мне» (Там же. С. 49). С. Т. Аксаков очень расстраивался, наблюдая охлаждение дружбы

между Константином и Самариным: «Отношения их весьма изменились, к моему истинному огорчению»,— сообщал он Ивану 19.II.1844 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 17). О том же в другом его письме от 18.III.1844 г. (Там же. Л. 24). Константин также писал Ивану, что с Самариным «решительно разошлись» во мнениях, «очень отдалились друг от друга», но что при этом Самарин продемонстрировал «много дружбы, много истинного *уважения*...». «Теперь, когда мы с Самариным несогласны, нет решительно двух человек согласных. Все стоят порознь, все спорят, все несогласны между собою» (Письмо без даты, датируемое нами началом 1844 г. на основании упоминания о получении письма Ивана от Давыдовых, у которых Иван гостил в январе 1844 г.— Там же. Ед. хр. 1а. Л. 26 об.). Действительно, К. С. Аксаков в это время спорил не только с Самариным, но и с другими членами кружка. В письме в Астрахань от 7.II.1844 г. С. Т. Аксаков упоминает об одном таком споре об условности, который сопровождался «невероятным криком» и продолжался до трех часов ночи. В нем приняли участие К. К. Павлова с мужем, Свербеевы, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, А. Н. Попов, А. П. Ефремов и К. С. Аксаков, причем «все были против Константина, даже Хомяков и Самарин; или лучше сказать, они-то двое и спорили против него. Костя очень недоволен тем, что люди столь согласные в главных положениях, могут так расходиться при развитии оных» (Там же. Ед. хр. 22б. Л. 8).

6 *Корш* Евгений Федорович (1810—1897) — редактор газеты «Московские ведомости» (1843—1848).

7 ...*что нового... в «Отеч⟨ественных⟩ записках»?.. Князь получает еще «Северную пчелу» и «Листок для светских людей» Мятлева...* — «Отечественные записки» — петербургский учено-литературный журнал (1839—1884), издателем и редактором которого в это время был А. А. Краевский при ближайшем участии В. Г. Белинского (1839—1846). «Северная пчела» — политическая и литературная газета (1825—1864), издаваемая в 1831—1859 гг. Ф. В. Булгариным совместно с Н. И. Гречем. «Листок для светских людей на 1844 год» выходил еженедельно в Петербурге. Мятлев Иван Петрович (1796—1844) — поэт, автор романа в стихах «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'этранже» и шутливых стихов.

8 ...*в верховые губернии...* — т. е. находящиеся в верхнем течении Волги.

9 ...*чухонского масла почти нет...* — масла, изготовляемого финнами, жившими в окрестностях Петербурга.

10 ...*с одной барышней, Ахматовой.*— Интерес И. С. Аксакова к А. М. Ахматовой был вызван ее виноградником; сестре Ольге по предписанию врача А. И. Овера было разрешено питаться только виноградом. «Оля ничего не ест, кроме винограду и 3-х порций мороженого»,— сообщал Ивану Г. С. Аксаков 17.I.1844 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 8). Знакомство И. С. Аксакова с Ахматовой состоялось в августе 1844 г. (см. с. 142 наст. изд.). Об Ахматовой и ее винограднике в Черепахе упомянуто в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Спб., 1890. Т. II. С. 355).

11 ...*в каком положении дело Щербатова и успокоился ли по этому делу князь Андрей Оболенский?* — Дело Щербатова (неясно, в чем оно заключалось) — проходило по московскому сенату, ибо в письме Д. А. Оболенскому от 22.XII.1843 г. И. С. Аксаков сообщал: «Вот тебе наши сенатские новости. Дело Щербатова, за неимением при нем целого тома под литерою *«г»*, отсылается обратно, но я дал Аннову 100 р., которые мне вручил твой брат Андрей, за переписку записки, когда оное дело вернется» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3 об.). На вопрос Ивана в письме от 8.II.1844 г. С. Т. Аксаков отвечал, со слов Григория, что дело Щербатова отправлено назад в палату для исправления (Письмо от 10.III.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 20 об.).

12 *Кланяйся от меня Погуляеву, Воскресенскому и Сазонову.*— Приятели И. С. Аксакова по Училищу правоведения: Погуляев и Воскресенский принадлежали ко 2 выпуску (1841 г.), Сазонов, как и И. С. Аксаков, кончил училище в 1842 г. (3 выпуск). Погуляев Николай Тимофеевич (1821—1859) и Воскресенский Александр Петрович, оба титулярные советники, служили в 1 отделении 6 департамен-

та Правительствующего Сената: Погуляев — старшим помощником секретарей, а Воскресенский — помощником секретарей. Сазонов Петр Алексеевич — титулярный советник, младший помощник секретарей 8 департамента Правительствующего Сената. Ему посвящено стихотворение И. С. Аксакова 1842 г. «В альбом П. А. Сазонова (Он наступил — желанный час свободы...)»

10 (с. 32)

12.II 1844

[1] ...*увидал я Олинькину руку*.— И. С. Аксаков имеет в виду приписку сестры Ольги к письму отца от 29.I.1844 г. См.: *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 2 об.

[2] ...*Ахматов в Москве? Это, верно, Ник⟨олай⟩ Петрович. А тут итальянец с т-те Великопольской*... — Домашние извещали Ивана о беспрерывном приезде гостей (см. письмо Веры от 22.I.1844 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 1 об. и письмо С. Т. Аксакова от 22.I.1844 г. // Там же. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 45). *Ахматов* Николай Петрович (умер в 1871 г.) — штаб-ротмистр, помещик Симбирской губернии (см.: *Мартынов П*. Селения Симбирского уезда: (Материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1904. Приложения. С. 5). С. Т. Аксакова и Ахматова сближала страстная любовь к охоте. В 1849 г. с Ахматовым познакомился приехавший на службу в Симбирск Ю. Ф. Самарин, который писал С. Т. Аксакову ⟨в октябре 1849 г.⟩: «...ваш старинный знакомый Н. П. Ахматов, славный человек, про которого кроме добра ничего не услышите...» (*Самарин*. Т. XII. С. 231—232). Великопольская Софья Матвеевна — жена И. Е. Великопольского, которая приезжала к Аксаковым в сопровождении итальянского поэта, импровизатора Джустиниани, выступавшего с 1840 г. со своими импровизациями (см. письмо В. С. Аксаковой Ивану от 17.I.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 10). Об ее подарке Константину — подлинной грамоте царей Иоанна и Петра и царевны Софьи Сергею Федоровичу Аксакову на владение землями в Старицком уезде — упомянуто С. Т. Аксаковым в письме Ивану от 8.XI.⟨1848 г.⟩ (см.: Там же. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 16 об.).

[3] *Гриша, я знаю, занят действительно*... — Помимо службы (в 7 департаменте Правительствующего Сената) Г. С. Аксаков в это время руководил перестройкой абрамцевского дома. В. С. Аксакова писала Ивану 11.III.1844 г.: «Гриша все хлопочет о устроении нашего деревенского жилища и каждую неделю ездит в деревню...» (*ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 3 об.).

[4] ...*надо съездить... на рыбные учужные промыслы*... — Учуги — сплошной частокол посреди реки для непропуска рыбы, идущей весной вверх по реке. См. об этом на с. 135 наст. изд.

[5] *Будет работа чванно едущим в карете Бюлеру с Блоком*.— И. С. Аксаков отвечает здесь своей матери, писавшей: «Бюл⟨ер⟩ и Блок, чванно едущие в карете, не знаю, скоро ли вас отыщут» (приписка к письму Веры без даты, датируемому нами январем 1844 г. на основании содержащегося в нем сообщения о получении письма Ивана из Тамбова от 12.I.1844 г.— *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед хр. 20б. Л. 27 об.).

[6] ...*история Спасского*... — О каком Спасском идет речь и в чем заключалась «история», выяснить не удалось. Возможно, И. С. Аксаков имел в виду выпускника Училища правоведения Алексея Никифоровича Спасского, служащего в 1 отделении 3 департамента Правительствующего Сената, или Владимира Никифоровича Спасского, служащего в 1 отделении 5 департамента Сената.

[7] ...*его супруга*... — Супруга князя П. П. Гагарина Мария Григорьевна, урожденная Глазенап.

[8] *Свербеев* Дмитрий Николаевич (1799—1874) — бывший дипломат, близкий к кружку славянофилов, автор двухтомных «Записок», вышедших в Москве в 1899 г.

[9] ...*блистательного обер-прокурора Общего собрания, имевшего власть министра в Москве*... — Князю П. П. Гагарину, назначенному обер-прокурором Общего собрания московских департаментов, в 1827 г. были предоставлены особые полномочия для ускорения дел в Сенате. В 1831 г. Комитет министров вернулся к прежней

системе, считая, что не следует для ускорения течения дел поступаться правильностью решений (см.: *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Спб., 1902. Т. II, ч. 1. С. 96—97).

10 *...он... вообще хорошего обо мне мнения.*— Ф. А. Бюлер, бывший вместе с И. С. Аксаковым на ревизии в Астрахани, вспоминал: «Князь П. П. Гагарин его очень ласкал и отличал, а товарищи сознавали его нравственное над собою превосходство и при этом очень его любили» (*РС*. 1886. Дек. С. 640).

11 *...до середокрестной недели...* — Имеется в виду, вероятно, крестопоклонная неделя, 4-я неделя великого поста.

11 (с. 35)

15.II 1844

1 *Женев* — московский портной.

2 *...простую суконную альмавиву...* — плащ.

3 *...терно.*— Ткань, изготовляемая из козьего пуха или шерсти.

4 *Николай Павлович* — Николай I (1796—1855).

5 *...вывеска, немного странная для магометан... питейный дом для татар, принявших христианскую веру...* — Пророк Мухаммед (ок. 570—632 гг.), основатель ислама, запретил употребление вина.

6 *...Астрахань издревле была притон беглецов...* — См. об этом также на с. 93 наст. изд. Астраханские впечатления легли в основу поэмы И. С. Аксакова «Бродяга», героем которой является беглый крестьянин Алексей Матвеев.

7 *...в плен хивинцам и трухменцам...* – Хивинцы (татарский народ) жили в Астраханской губернии, как и трухмены, или туркмены. Туркмены пришли в эти места из-за Каспийского моря.

8 *...к Косте, которого благодарю за неразборчивое письмо...* — Письма К. С. Аксакова к И. С. Аксакову 1839—1847 гг. и без даты находятся в *ГБЛ* (ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а, 1б), письма 1845—1860 гг. и без даты — в *ИРЛИ* (Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 8).

9 *Любопытно мне, есть результат свидания Гриши с Паниным.*— См. прим. 9 к письму 5.

12 (с. 38)

19.II 1844

1 *Суббота. 19 февраля 1844. Астрахань.*— Сообщая о получении письма от 19.II.1844 г., С. Т. Аксаков написал сыну: «Письмо в высшей степени замечательно, даже для постороннего, не только для отца» (Письмо от 3.III.‹1844 г.› // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. 22б. Л. 18 об.).

2 *...Бюлер и Блок ...мне товарищи по училищу...* — *Бюлер* Федор Андреевич (1821—1898), барон — сын Андрея Яковлевича Бюлера (1764—1843), служившего при князьях Г. А. Потемкине и А. В. Суворове, впоследствии действительного статского советника, сенатора. Ф. А. Бюлер окончил Училище правоведения на год раньше И. С. Аксакова, в 1841 г., до поездки на ревизию,— секретарь 1 департамента Правительствующего Сената, впоследствии гофмейстер двора, член Главного управления по делам печати, директор московского Главного архива министерства иностранных дел. Сохранилось его письмо И. С. Аксакову от 3.I.1859 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. XVI. Ед. хр. 1). После смерти И. С. Аксакова опубликовал неизданные его стихотворения астраханского периода (*РС*. 1886. Дек.). Блок Лев Александрович — воспитанник Училища правоведения (выпуск 1843 г.), введенный в состав комиссии князя П. П. Гагарина по желанию императрицы (см. письмо И. С. Аксакова Д. А. Оболенскому от 4.XII.1843 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1), в 1846 г. камер-юнкер, титулярный советник, старший помощник секретаря 1 департамента Правительствующего Сената, впоследствии вице-директор Таможенного департамента. Дед поэта А. А. Блока. Характеристику Л. А. Блока см.: *Орлов Вл.* Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М., 1981. С. 33.

3 *«Я гордо чувствую: я молод!», «Мила мне жизнь, мужчина я»... «Мне не живется беззаботно, Мне ноша жизни не легка!»* — Отрывки из ранних ненайденных стихов И. С. Аксакова (см.: *Стихотворения*... С. 247.)
4 *...мешковатость ума пановского...* — Мнение это разделял не один И. С. Аксаков. П. В. Анненков считал В. А. Панова «несколько туповатым славянофилом» (Литературные воспоминания. [М.], 1960. С. 555). С. М. Соловьев характеризовал Панова как умного, но не даровитого человека, несколько вялого (см.: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. С. 300).
5 *Валуев* Дмитрий Александрович (1820—1845) — племянник Н. М. Языкова и А. С. Хомякова, воспитанник Московского университета, который окончил в 1841 г., историк, издатель «Синбирского сборника» (М., 1845. Т. 1), где напечатал свое обширное исследование о местничестве, и «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (М., 1845. Т. 1). Ю. Ф. Самарин в письме Д. А. Оболенскому ⟨1844 г.⟩ характеризовал Валуева как «человека, одаренного необыкновенною деятельностью и предприимчивостью в деле литературы» (*Самарин.* Т. XII. С. 71—72).

13 (с. 41)

22.II 1844

1 *...петербургского льва...* — Речь идет о Ф. А. Бюлере.
2 *...составить выписку из разных сведений о калмыках.*— Материалы эти легли в основу работы Ф. А. Бюлера «Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы», которую В. Г. Белинский называл в числе «интересных статей ученого содержания», напечатанных в «Отечественных записках» за 1846 г. (Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. X. С. 48).
3 *Бенкендорф* Александр Христофорович (1783—1844), граф — генерал от кавалерии, с 1826 до 1844 г. шеф жандармов, с 1831 г. член Государственного совета.
4 *Оболенский* Дмитрий Александрович (1822—1881), князь — двоюродный брат Ю. Ф. Самарина, близкий друг И. С. Аксакова со времен учения в Училище правоведения (как и И. С. Аксаков, выпущен в 1842 г.). С 26.XII.1842 г. вместе с И. С. Аксаковым служил во 2 отделении 6 департамента Правительствующего Сената. Когда И. С. Аксаков находился в Астрахани, Оболенский служил в Казани. Впоследствии крупный чиновник, возглавлявший Комиссию для пересмотра законодательства о печати, труды которой послужили основанием закона о книгопечатании 1865 г., товарищ министра государственных имуществ (1870—1872), затем сенатор, с 1872 г. член Государственного совета. Издал «Хронику недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого» (Спб., 1876) — поэт Ю. А. Нелединский-Мелецкий приходился Оболенскому дедом. Отношения И. С. Аксакова с Оболенским несколько ухудшились в период журнально-издательской деятельности И. С. Аксакова, хотя Оболенский как человек, обладавший большим весом в высших сферах, немало помогал другу. Письма (51) И. С. Аксакова к Оболенскому 1843—1875 гг. находятся в *ИРЛИ* (Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30), ответные письма (20) к И. С. Аксакову 1844—1878 гг. и без даты там же (Оп. 4. Ед. хр. 437). Одно письмо Оболенского И. С. Аксакову из Казани см. в *ЦГАЛИ* (Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 186) и одно письмо его же без даты см. в *ГБЛ* (ГАИС/III. Карт. 1. Ед. хр. 91). В переписке с Оболенским состоял и К. С. Аксаков.
5 *Ламенне* Фелисите Робер (1782—1854) — французский публицист и философ, аббат, один из основоположников христианского социализма. В 40-е годы XIX в. выступил с серией очерков по философии («Очерк философии», 1840—1846, т. 1—4), в которых пытался совместить религию и философию.
6 *Самбурская* Софья Алексеевна, в письмах называемая Sophie,— старшая дочь сестры О. С. Аксаковой Веры Семеновны. С 1840 г. после смерти своей матери жила и воспитывалась в семье Аксаковых. «Ольга Семеновна ее очень любила и заменяла ей мать, окружая ее самой нежной заботливостью, наравне со своими детьми»,— писал К. А. Трутовский (Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Русский художественный архив. 1892. Вып. 2. С. 49). В 1852 г. вышла

замуж за художника Константина Александровича Трутовского (1826—1893), впоследствии академика живописи (с 1861 г.). Умерла в 1858 г. от туберкулеза.

7 *Что ее Раллэ? Что Дуэр?* — Неизвестно, о ком идет речь.

14 (с. 44)

27.II 1844

1 *...еду я в карантин...* — Карантин — здесь: санитарный пункт для осмотра товаров, привозимых из других местностей.

2 *Оболенский уехал осматривать... сельские магазины?* — Речь идет об отъезде Р. А. Оболенского для осмотра хлебных магазинов (или складов). 1831, 1836 и 1837 гг. были неурожайными. В целях борьбы с голодом было решено создать в губерниях запасные магазины, в которые крестьяне сдавали часть урожая и из которых получали хлеб в случае нужды. Получив известие об отъезде Р. Оболенского, С. Т. Аксаков очень беспокоился: «...тут двойная опасность: Волга и простуда» (Письмо от 10.III.〈1844 г.〉 // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 20). И. С. Аксаков посвятил этому путешествию шутливое стихотворение, начинающееся словами: «Шибко едет вниз по Волге небольшая лодка. В ней сидит князь Оболенский, с ним табак и водка!..» (1844).

3 *...у преждеосвященной обедни побывать не успеешь, разве на страстной.* — Литургия преждеосвященных даров бывает по средам и пятницам в течение всего великого поста. Страстная — последняя, седьмая неделя великого поста перед пасхой.

4 *...вам понравилась «Жизнь за царя»...* — 6.II.〈1844 г.〉 под впечатлением от спектакля С. Т. Аксаков писал: «Сейчас воротились мы (я, Костя и Вера) из театра.— Я в первый раз видел оперу «Жизнь за царя». Хочу написать тебе, милый друг Иван, несколько строк под влиянием прелестной музыки. Стыдно мне, что я до сих пор не слыхал этой музыки и досадно, что я лишил себя этого наслаждения... Это не русские песни, даже не чисторусские мотивы — это русская музыка, хотя в этих словах мало смысла. Это музыка, в которой каждый звук мне родной, мой; я его слыхал, певал или непременно услышу, спою» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 6). А. С. Хомяков тоже впервые слушал оперу и был от нее в восхищении (Там же. Л. 6—6 об.). Современное название оперы — «Иван Сусанин».

5 *Если бы вы знали, в каком здесь все страхе!.. причиною этому... отсутствие всякой фамильярности и знакомства с жителями...* — С. Т. Аксаков отвечал 10.III.〈1844 г.〉: «Очень понимаю страх, внушаемый вами! Я думаю, такого рода поведение *всех* членов ревизии — тоже новость в России...» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 20 об.).

6 *...письмо это не застанет Николая Тимофеевича...* — Н. Т. Аксаков в это время уехал в свои деревни, расположенные в Симбирской и Оренбургской губерниях.

7 *Обнимаю... Соничек...*— С. С. Аксакову (см. прим. 2 к письму 2) и С. А. Самбурскую.

15 (с. 45)

4.III 1844

1 *...по случаю весенних эмбенских промыслов!* — Имеется в виду лов рыбы у северо-восточных берегов Каспийского моря и на реке Эмбе, впадающей в него.

2 *...довольно горячо исполняю свои обязанности...* — Ф. А. Бюлер вспоминал, что И. С. Аксаков «занимался по 16-ти часов в день, постоянно писал, читал, рылся в „Своде законов“ и лишь когда одолеет бывало какое-нибудь трудное дело, то для отдохновения и забавы примется за стихи. Работал он скоро и легко, причем весьма серьезно и добросовестно относился к служебным занятиям» (*РС.* 1886. Дек. С. 640).

3 *...в последнем письме вы прописываете записку Сенявиной...* — В письме от 19.II.1844 г. С. Т. Аксаков переписал записку А. В. Сенявиной К. С. Аксакову: «Завтра вечером четверг я буду дома и с удовольствием увижу, господин Ак-

саков, что вы не упустите случай мне доказать вашу признательность к нашему обществу...» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 17), чтобы показать неправильность ее русской речи.

[4] *...в посланных стихах.*— Т. е. в стихотворении «К. С. Аксакову (Не расточай святых даров природы...)». См. прим. 9 к письму 8.

[5] *...Костя расходится с надежнейшим из молодых людей...* — Речь идет об отношениях К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (см. об этом прим. 5 к письму 9).

[6] *...коли увидишь Порецкого...* — Вероятно, имеется в виду Григорий Егорович Порецкий, коллежский асессор, секретарь 2 отделения 6 департамента Правительствующего Сената, служивший вместе с И. С. Аксаковым. С. Т. Аксаков извещал сына, что Г. С. Аксаков передал Порецкому пожелание Ивана и тот составил записку для передачи в Астрахань (см. письмо от 18.III.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 24).

16 (с. 46)

12.III 1844

[1] *...покупаю сигары жуковской фабрики...* — Одна из табачных фабрик Петербурга.

[2] *...поклоняются индийцы около Баку...* — Речь идет об огнепоклонниках. Бог огня Агни — важнейший бог — изображался на колеснице, запряженной пламенем.

[3] *...чучелу лебедя розового...*— т. е. фламинго.

[4] *Sophie* — С. А. Самбурская.

[5] *Получил я «Москвитянина»...* — «Москвитянин» — журнал, выходивший в Москве в 1841—1856 гг., орган «официальной народности», редактором-издателем которого был Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — писатель, историк, профессор Московского университета, с 1841 г. академик.

17 (с. 50)

14.III 1844

[1] *...может быть, суд Зарго...* — В суде Зарго, существовавшем с 1771 г., рассматривались главным образом уголовные дела и тяжбы между калмыками: в разрешении уголовных дел руководствовались русскими законами, тяжбы же разрешались обыкновенно на основе древних калмыцких постановлений. Суд Зарго было решено закрыть в 1847 г. (см.: *Муллов П.* Древние калмыцкие законы // Журн. министерства юстиции. 1863. Окт. С. 64; *Штылько А.* Астраханская летопись. 1554—1897 гг. Астрахань, 1898. С. 47). Возможно, что это решение было приведено в исполнение в 1849 г., потому что П. Кеппен указывает, что суд Зарго был закрыт в 1849 г. (см.: Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России/Сост. Петром Кеппеном. Спб., 1861. С. 309). После закрытия суда дела были переданы в астраханскую палату уголовного и гражданского суда. О суде Зарго см. на с. 74 наст. изд. и в кн.: *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1886. Т. IV. С. 19—20.

[2] *Ехать в кусовой лодке или в расшиве...* — Кусовая лодка — здесь: лодка, в которой возят живую рыбу, пойманную на кус, кусовою снастью. Ср. с кусовой для тюленьего промысла (с. 70 наст. изд.). Расшива — плоскодонное парусное судно.

[3] *...у вас был Яша К⟨арташевский⟩ ...Митиной болезни ...я начинаю не верить ...Ну да бог с ним.*— Карташевский Яков Григорьевич (род. в 1822 г.) — племянник С. Т. Аксакова, сын его сестры Н. Т. Карташевской, жившей в Петербурге. Митя – Карташевский Дмитрий Григорьевич (род. в 1826 г.) – брат Я. Г. Карташевского. В письмах родных И. С. Аксакову от января — февраля 1844 г. сообщалось о получении Я. Г. Карташевским 8-месячного отпуска по болезни и о его приезде из Екатеринослава в Москву. В марте 1844 г. он намерен был уехать вместе с дядей Н. Т. Аксаковым в деревню, а оттуда с тетушкой С. Т. Глумилиной отправиться на кумыс в Оренбургскую губернию. Н. Т. Карташевская, девять месяцев не видевшая Якова, не могла приехать в Москву, приводя причиной болезнь другого своего сына, Дмитрия. См. письмо С. Т Аксакова Ивану

от 11.II.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 13. См. также письмо Ивану О. С. Аксаковой от 4.III.1844 г. // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 9 об. и письмо сестры Веры ⟨1844 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 20б. Л. 40 об.

4 *...я бы очень рад был прочесть Гоголевы письма...* — В это время С. Т. Аксаков получил два письма (январских) Н. В. Гоголя из Ниццы (см.: *История моего знакомства с Гоголем.* С. 128—129).

5 *...эта рассылка «Imitation de Jésus Christ» с такими билетиками...* — По поручению Н. В. Гоголя С. П. Шевырев должен был купить четыре экземпляра «Подражания Христу» Фомы Кемпийского (ок. 1380—1471) для себя, М. П. Погодина, Н. М. Языкова и С. Т. Аксакова и приклеить к ним надписанные Гоголем записочки. В письме Аксакову Гоголь давал советы, как читать эту книгу (см.: *История моего знакомства с Гоголем.* С. 129). Возмущенный бестактными наставлениями Гоголя и тем опасным направлением, которое принимают его убеждения, Аксаков написал ему 17.IV.1844 г.: «Мне пятьдесят три года, я тогда читал Фому Кемпийского, когда вы еще не родились... Я боюсь, как огня, мистицизма, а мне кажется, он как-то проглядывает у вас...» (Там же. С. 131).

6 *Как бы не потерпело искусство от излишества религиозного направления.*— Эта же мысль выражена в письме И. С. Аксакова от 30.IV.1844 г. (см. с. 75 наст. изд.). Иван думал так же, как и отец, и высказал то, о чем С. Т. Аксаков написал Гоголю 17.IV.1844 г.: «Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник!.. Чтобы творческая сила чувства не охладела от умственного напряжения отшельника» (*История моего знакомства с Гоголем.* С. 131). Подобная тревога о Гоголе выражена и в письме О. С. Аксаковой от 4.III.1844 г. (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 9).

7 *...из Астрабада...* — Астрабад расположен в устье реки Гургенки.

8 *...сын ее... останется... в Москве?* — О приезде сына гувернантки Анны Севастьяновны в Москву сообщили И. С. Аксакову сестра Надежда (см. письмо от 26.II.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 33. Л. 3 об.) и мать (см. письмо от 4.III.1844 г. // Там же. Ед. хр. 7б. Л. 9 об.). Впоследствии, во время поездки И. С. Аксакова в Бессарабию, отец просил его разыскать там сына Анны Севастьяновны, «советника Симонова, бывшего измайловского офицера» (Письмо от 31.XII.⟨1848 г.⟩ // Там же. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 32 об.).

9 *...Костины стихи...* — Неясно, какие именно. В письмах родных упоминаются стихи, написанные К. С. Аксаковым в феврале «по поводу русской песни, которую пели дети Свербеева» (Письмо сестры Надежды от 26.II.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 33. Л. 3).

18 (с. 51)

19.III 1844

1 *Вербное воскресенье* — последнее воскресенье перед пасхой.

2 *...на другой день праздника...* — т. е. пасхи, которая приходилась в 1844 г. на 26 марта.

3 *...святая...* — первая неделя после пасхального воскресенья.

4 *...поздравляю... со днем рожденья Константина... желаю ему... более житейской мудрости...* — День рождения К. С. Аксакова был 29 марта. Брату в Астрахань К. С. Аксаков написал: *«Я дожил до 27 лет, но я слышу, что во мне все еще не умирает смеющееся дитя. Что еще: мне кажется, я не могу себе* представить, чтобы я вырос... я только надел возраст как бы платье большого человека...» (Письмо ⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 24). Упреки Константину в слабом знании жизни — постоянная тема писем И. С. Аксакова, с которым был согласен и отец. Через несколько лет, 24.III.1850 г., С. Т. Аксаков писал Ивану: «Ты совершенно прав, предполагая, что Константин никогда не узнает действительности... остается желать, чтоб он на всю жизнь оставался в своем приятном заблуждении: ибо прозрение невозможно без тяжких и горьких опытов... он только коснеет в своих мечтательных верованиях» (*Письма. Т. II.* С. 304). Эта особенность К. С. Аксакова была отмечена почти всеми знавшими его. Друживший в 30-е годы с Константином В. Г. Белинский называл его «славным дитем» (Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. XI. С. 374), а в рецензии на бро-

шюру К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», имея в виду К. С. Аксакова, писал о людях, которые «или навек остаются детьми, или навек остаются юношами» (Там же. М., 1955. Т. VI. С. 260). И. И. Панаев отметил: «Константин Аксаков в житейском, практическом смысле оставался до сорока с лишком лет, то есть до самой смерти своей, совершенным ребенком» (Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 151).

[5] *27 лет и не готова диссертация...* — И. С. Аксаков был недоволен медленными темпами работы К. С. Аксакова над диссертацией. Константин в это время был занят ее перепиской и правкой.

[6] *...подновинские гулянья... Большая Никитская наполнится экипажами.*— Зимой 1844 г. (до июня месяца) семья Аксаковых жила в нанятом ими доме княза Голицына на Большой Никитской (ныне улице Герцена) на углу Кудрина, где происходили знаменитые гуляния под Новинским в продолжение всей святой недели. Москвичи, направляющиеся туда, проходили мимо окон голицынского дома, и звуки музыки, бубен были хорошо слышны Аксаковым (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 31.III.1844 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 2 об.).

[7] *...получил я второй номер «От⟨ечественных⟩ записок». Там есть одна статья... о сире Роберте Пиле.*— Имеется в виду биографический очерк Леона Фоше «Сэр Роберт Пиль».

[8] *...прочел я вторую статью о Людовике XV-м...* — Речь идет о статье «Людовик XV и его век» (без подписи). Начало статьи в № 1 журнала «Отечественные записки» за 1844 г., окончание — в № 3 журнала.

[9] *...заметили, вероятно, частое упоминание, даже смешное, об аи!* — И. Аксаков имеет в виду постоянно встречающееся в статье написание имен, названий в два слова, причем второе в иностранной транскрипции: Кенэ (Quesnay), Венсан де Гурне (Vincent de Gournay), Олений парк (Parc-aux-cerfs), Поми (Paulmy).

[10] *Рассуждение Белинского об искусстве и жизни...* — Статья В. Г. Белинского «Русская литература в 1843 году» и «Сочинения Александра Пушкина». Статья пятая. Обе статьи без подписи автора. Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — великий русский критик, теоретик реалистического направления в русской литературе, революционер-демократ. Печатался в журналах «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки», «Современник».

[11] *...не читал лекций Шевырева, а прочел ...повесть «Живую и мертвую воду».*— В «Москвитянине» 1844 г. было напечатано «Введение в историю русской словесности» С. П. Шевырева (№№ 1—4, 8). Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — литературный критик, историк литературы, поэт, профессор Московского университета. Ближайший помощник М. П. Погодина в издании «Москвитянина», идеолог «официальной народности», что вызвало резкую неприязнь к нему деятелей революционно-демократического лагеря. Повесть «Живая и мертвая вода» была напечатана в «Москвитянине» (1844. № 1. Ч. 1; подпись «Н. Л-ский» — псевдоним Н. А. Мельгунова).

[12] *...стихи Дмитриева к Павловой!* — Стихи М. А. Дмитриева «К. К. П....вой (Несмотря на стих мой скромный...)» были напечатаны в «Москвитянине» (1844. № 2, ч. 1). Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — племянник поэта И. И. Дмитриева, критик, переводчик, поэт, печатался в «Москвитянине», «Московском вестнике», «Телескопе» и др. изданиях. В 40-е годы XIX в. действительный статский советник в звании камергера, обер-прокурор 7 департамента Правительствующего Сената.

[13] *Неужели пребывание министра не имело никакого... влияния?* — См. прим. 9 к письму 5.

[14] *...тамбовские ревизоры...* — Имеется в виду комиссия И. Е. Куруты, ревизовавшая в это время Тамбовскую губернию.

[15] *...я бы желал знать, что говорят про нее... у Гагарина много недоброжелателей.*— С. Т. Аксаков писал Ивану о своей уверенности в том, что ревизия будет «не только блистательна, но и полезна», но что у князя П. П. Гагарина нет доброжелателей, до сих пор он лично не встретил ни одного (см. письмо от 31.III.1844 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 2 об., 3). Немного позже, 21.IV.1844 г., он

сообщал в Астрахань: «Будьте готовы к тому, что вашу ревизию не оценят: завистников у князя много, да и у молодых чиновников немало» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 34). Но Г. С. Аксаков известил брата, что ревизией довольны в Петербурге (см. письмо от 29.VII.‹1844 г.› // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 3).

16 *...закон Алексея Михайловича теперь «ни к черту не годится»...*— И. С. Аксаков критиковал славянофилов за отрыв от современной народной жизни, за непризнание целого периода русской истории, начавшегося с реформ Петра I. Настоящее, по мнению И. С. Аксакова, является естественным результатом пережитого Россией в предшествующем веке, поэтому возвращение к учреждениям царя Алексея Михайловича он считал бессмысленным. См. об этом также на с. 60 наст. изд. С. Т. Аксаков был согласен с Иваном, которому писал 22.IV.1844 г.: «Я всегда был того мнения, что старинные формы судопроизводства и вообще управления давно обветшали и что к старому возвращаться невозможно» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 34 об.).

17 *Константину следовало бы попутешествовать по России настоящим образом, а не проездом.*— К. С. Аксаков, в отличие от своих братьев Ивана и Григория, всю свою жизнь прожил в семье, разлучаясь с ней только на короткое время. «Только в своем семействе, окруженный нежною, родною заботливостью, может он существовать и находить отраду»,— писал С. Т. Аксаков Ивану (Письмо от 26.VII.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 54 об.). О том же читаем у И. И. Панаева: «Он (Константин.— *Т. П.*) беззаботно всю жизнь провел под домашним кровом и прирос к нему, как улитка к раковине, не понимая возможности самостоятельной, отдельной жизни, без подпоры семейства» (Литературные воспоминания. С. 151).

18 *...нельзя прислать конца его прекрасных стихов.*— Неясно, о каких стихах идет речь,— см. прим. 9 к письму 17.

19 (с. 54)

27.III 1844

1 *...странно, что вы не получили икры...* — о получении посланной Иваном из Астрахани икры С. Т. Аксаков известил сына 8.IV.‹1844 г.› (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 29).

2 *...не той казенной архитектуры, над которою так смеется Кюстин...* — Имеется в виду книга французского путешественника Адольфа Кюстина (1790—1857) «La Russie en 1839», изданная в Париже в 1843 г. Автор ее критиковал казенность и безвкусицу архитектурного стиля русских городов.

3 *...широкое крыльцо, вроде Красного...* — Имеется в виду Красное крыльцо Грановитой палаты в Московском Кремле.

4 *Смарагд* — астраханский архиерей, прибыл в Астрахань в 1842 г., в 1844 г. переведен в Орел.

5 *...гулять по набережной Варвациева канала.*— Варвациев (Варвациевский) канал соединял Волгу с Кутумом и проходил посередине города. Мысль о его сооружении была высказана Петром I во время посещения Астрахани в 1722 г. в целях борьбы с наводнениями и осушения солончаковых болот. Работы, начатые только в 1744 г., не были окончены и возобновлены в 1810 г. по инициативе и на средства астраханского жителя грека Ивана Васильевича Варваци (умер в 1825 г.), в честь которого канал и получил свое название. Сооружение канала было закончено в 1817 г. См. Волга и Поволжье. Спб. 1875. С. 108.

6 *Обнимаю... милую Веру, Надю и Любу* (*пред которыми я весьма виноват*)...— И. С. Аксаков получил письма от сестер, на которые не ответил (см. с. 69 наст. изд.).

20 (с. 58)

1.IV 1844

1 *Сомов* — лицо неустановленное. Вероятно, приятель И. С. Аксакова (см. с. 155 наст. изд.).

2 *...от моего казанского приятеля.*— Имеется в виду Д. А. Оболенский, служивший в это время в Казани. Ю. Ф. Самарин, ездивший в 1843—1844 гг. в Симбирск, на обратном пути посетил Казань и по возвращении рассказывал, что Оболенского там «чрезвычайно любят» и что он «очень там обжился» (Письмо Г. С. Аксакова Ивану от 17.I.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 24. Л. 8).

3 *...на фоминой...* — т. е. на второй неделе после пасхи.

4 *...о калмыках, которых мы хотим привести к оседлой жизни...* — С. Т. Аксаков очень критически относился к подобным намерениям, считая их преждевременными, жестокими, могущими вызвать опасное противодействие. Охлаждая излишний пыл своего сына, он писал ему 21.IV.1844 г.: «Приведение калмыков к оседлой жизни — вопрос великой важности. Я понимаю и принимаю все, что можно сказать в пользу этого мнения; но насильственное изменение быта кочевого народа, нарушение прав непосредственно дарованных, без вины тех, кому они даны, не только противны чувству справедливости и уважения к человеку вообще, в каком бы виде он ни представлялся, но едва ли не вредны в политическом отношении. Приспело ли к этому время? разве калмыки подвинулись в человеческом отношении против прежнего? На выражение твое „*каких чудес мы наделаем*" скажу тебе в ответ, что чудеса никуда не годятся как в ходе государственного управления, так и в историческом развитии народа; чудеса — скачки. Все должно выходить само из себя, ни для кого неприметным образом...» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 34).

5 *...о настольных регистрах...* — Регистр здесь: список, указатель, книга для записей.

6 *9-го апреля рожденье Сонички... Кажется, ей уже 10 лет, если не больше...* — С. С. Аксакова родилась 9.IV.1834 г.

7 *...Встретить богомольно!* — Стихи эти опубликованы Ф. А. Бюлером (Иван Сергеевич Аксаков. Неизданные его стихотворения // *РС.* 1886. Дек. С. 646) с тою лишь разницею, что у Бюлера вместо «И кричит Павленко...» напечатано «И кричит Немченко...»

21 (с. 62)

7.IV 1844

1 *...применил к себе французский стих: aux bien nées la valeur (дальше я не припомню)...* — Князь П. П. Гагарин процитировал строки из трагедии «Сид» (1637) французского драматурга Пьера Корнеля:

aux âmes bien nées
La valeur n'attend pas le nombre des années
(...но если сердце смело, Оно не станет ждать,
чтоб время подоспело. *Пер. М. Лозинского*).

2 *...имею намерение написать по окончании ревизии рыбной экспедиции.*— Статья не была написана.

3 *...с четверговою солью...* — т. е. с солью, пережигаемою в великий четверг перед пасхой с квасною гущей. С четверговою солью едят во время пасхи яйца.

4 *...живем... не мескинно...* — т. е. не экономя, не отказывая себе ни в чем (от фр. mesquin — жалкий, скудный).

5 *...на дощаниках...* — плоскодонных лодках.

6 *...не люблю халатов и архалуков и предпочитаю европейское платье азиатскому, даже терлику.*— Архалук — короткий кафтан. Терлик — долгополый кафтан с короткими рукавами, стянутый в талии.

7 *Не сшито ли еще чего и сменилась ли зимняя мурмолка летнею.*— О мурмолке см. прим. 12 к письму 2. К. С. Аксаков, желая, по словам Самарина, «выйти из отвлеченности, из бесплодного словопрения и положить начало приложению мысли над самим собою» (*Самарин.* Т. XII. С. 296), первым из славянофилов оделся в русский костюм (сапоги, мурмолку). Отказ от иностранной одежды он рассматривал как «освобождение от влияния западного зла» (*Письма. Т. II.* С. 143). О. С. Аксакова писала Ивану 7.X.1844 г.: «Константин ходит все в бороде и в рус-

ск⟨ом⟩ платье, о чем говорит все общество, и дамы в особенности желают его видеть» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 31 об.). О том, как К. С. Аксаков отстаивал право носить русское платье перед губернатором князем А. Г. Щербатовым, рассказал И. И. Панаев (Литературные воспоминания. С. 164). Сестра Вера, замечая, что вид Константина вызывает насмешки в обществе, безуспешно уговаривала его сбрить бороду (см. письмо Веры Ивану от 3.X.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 25 об.). Примеру К. С. Аксакова последовал А. С. Хомяков, считавший, что славянофилы должны «слиться с жизнию Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая» (*Хомяков.* Т. I. С. 99), а также А. И. Кошелев, который и жену свою нарядил в старинный костюм (см.: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. С. 303). Из славянофилов остался равнодушен к русской одежде Ю. Ф. Самарин, которого К. С. Аксаков упрекал за отказ надеть мурмолку и насмешки над нею (письмо без даты, датируемое нами концом 1844 г. или началом 1845 г. на основании того, что стихотворение «Союзникам» К. С. Аксакова, о котором в нем идет речь, было переписано для Самарина вернувшимся из Астрахани в конце 1844 г. И. С. Аксаковым.— *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 26 об.). И. В. Киреевский также не одобрял стремления «образовать себя и внутренно и внешне согласно понятиям и вкусам простого народа» (*Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 371).

8 *Александр Федорович* — лицо неустановленное. В. С. Аксакова извещала Ивана, что Александр Федорович переезжает в Москву (см. письмо без даты // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 5 об.).

9 *Поклонитесь Погодину.*— См. прим. 5 к письму 16.

10 *Надеждин* Николай Иванович (1804—1856) — литературный критик, эстетик, профессор Московского университета, издатель журнала «Телескоп» и газеты «Молва» (1831—1836). За публикацию в «Телескопе» в 1836 г. «Философического письма» П. Я. Чаадаева был сослан в Усть-Сысольск. По возвращении из ссылки в 1838 г. жил в Одессе, в 1842 г. переехал в Петербург, поступив на службу в министерство внутренних дел — с 1843 г. он редактировал «Журнал министерства внутренних дел». Поселившийся в 1844 г. в Петербурге Ю. Ф. Самарин сообщал К. С. Аксакову о Надеждине (бывшем своем домашнем учителе): «Он значительно переменился и сделался решительно чиновником; при старой небрежности и беззаботности в нем заметна какая-то гордость человека будто бы практического, который понял тщету бескорыстных порывов молодости и обратился к положительному» (*Самарин.* Т. XII. С. 142—143). О том, что служебная карьера оттеснила на второй план литературные занятия Надеждина, писал и И. И. Панаев (см.: Литературные воспоминания. С. 120). Почти в это же время (3.V.1844 г.) двоюродный брат И. С. Аксакова А. Г. Карташевский сообщал О. С. Аксаковой, что Надеждин часто бывает в их доме: «Он сделался ужасным защитником Петербурга, и у них беспрестанные споры о Москве с Машею (М. Г. Карташевская.— *Т. П.*)» (*ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 143. Л. 2).

22 (с. 66)

16.IV 1844

1 *Сейчас проводил я Оболенского...* — Р. А. Оболенский уехал на ревизию в Красный Яр.

2 *...очень благодарен ...за копию с письма Гоголя.*— Письмо Н. В. Гоголя от января 1844 г., адресованное С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву, было переписано для И. С. Аксакова сестрой Верой (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 31.III.1844 г. // *История моего знакомства с Гоголем.* С. 130. См. также с. 69 наст. изд.).

3 *...да будет едино стадо и един пастырь.*— Из Евангелия от Иоанна: «...и будет одно стадо и один пастырь» (10, 16).

4 *...думаю ... не о ... регистрах...*— См. прим. 5 к письму 20.

23 (с. 69)

22.IV 1844

1 *Как я рад, что икра одержала успех.*— 7.IV.1844 г. сестра Вера сообщала Ивану, что присланная им икра привела в восхищение знакомых (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 7,7 об.).

2 ...*предложение Бестужева*...— Очевидно, речь идет об Андрее Васильевиче Бестужеве, обер-прокуроре 2 отделения 6 департамента Правительствующего Сената.

3 ...*утвердили меня в этом мнении.*— Речь идет о поэме «Жизнь чиновника», написанной И. С. Аксаковым в 1843 г. и распространявшейся в списках. *Поленов* Матвей Васильевич и *Калайдович* Николай Константинович — товарищи И. С. Аксакова по Училищу правоведения (выпуск 1841 г.). Н. К. Калайдович (1820—1854) — сын историка-археографа К. Ф. Калайдовича. В. В. Стасов, также вышедший из Училища правоведения, отзывался о Н. К. Калайдовиче как об «одном из самых выдающихся товарищей наших» (*Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // *РС.* 1881. Янв. С. 254). В 1845 г. Калайдович — коллежский асессор, секретарь 1 отделения 5 департамента Правительствующего Сената, в 1846 г. уже редактор 6 отделения департамента министерства юстиции и управляющий этим отделением. М. В. Поленов — коллежский асессор, секретарь 4 департамента Правительствующего Сената, впоследствии тайный советник, сенатор. Желая обновить «Москвитянин», М. П. Погодин в конце 1843 г. предлагал сотрудничество в журнале Калайдовичу и Поленову. Об истории этого сотрудничества см.: *Барсуков.* Кн. VII. С. 388—395. Калайдович хорошо знал братьев Аксаковых и, сравнивая Ивана с Григорием, писал: «Гриша, как говорится, и спит, и видит, как бы скорее выйти. Он будет славный делец и законник. Он рожден для жизни деловой... Ваня — другой человек: он больше литератор и философ, хотя между тем и юридические его занятия идут очень успешно» (Там же. 1892. Кн. V. С. 483—484). Кудрявцев Петр Николаевич (1816—1858) — литератор, историк, ученик и друг Т. Н. Грановского, в конце 30-х годов XIX в. сблизившийся с В. Г. Белинским (см. отзыв последнего о Кудрявцеве в письме Н. В. Станкевичу от 19.IV.1839 г. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. XI. С. 366), а затем разошедшийся с ним на политической почве. С 1843 по 1847 г. находился за границей, по возвращении преподавал всеобщую историю в Московском университете, впоследствии профессор. Ф. И. Буслаев вспоминал о нем: «Даровитый литератор и такой замечательный профессор всеобщей истории в Московском университете, что сам Грановский, его учитель, отдавал ему перед собою первенство» (Мои воспоминания. М., 1897. С. 106). См. о нем также: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. С. 318—319).

4 ...*со времени последней экспедиции*...— В ноябре 1839 г. из Оренбурга в Хиву был послан русский отряд. Цель похода — устрашение хивинцев, занимавшихся грабежом, освобождение русских пленников и предоставление свободы торговли для русских. В 1840 г. отряд вернулся, так и не добравшись до Хивы (см.: Хронологическая справка по истории завоевания Средней Азии. Изд. штаба Туркестанского военного округа. Ташкент, 1909. С. 4). Испуганные решимостью русских применить оружие, хивинцы отпустили пленников, прекратили разбой и стали торговать с русскими (см.: Военное предприятие противу Хивы [в оглавлении: Военное предприятие противу Хивы в 1839—1840 г.] // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1860. Кн. 1. Янв.— март. С. 147—166. Статья без подписи).

5 ...*принуждать его к службе*...— Насильственная вербовка матросов была отменена при Жане Батисте Кольбере (1619—1683), который был морским министром Франции с 1669 г.

6 *Вчера был царский день, 21 апреля*...— День именин императрицы Александры Федоровны и вел. княгини Александры Александровны.

24 (с. 71)

25.IV 1844

1 ...*не знаю, почему лицо князя в этой сцене является ей смешным.*— Это ответ В. С. Аксаковой, которая, раздосадованная насмешливым тоном Ивана при опи-

сании празднования пасхи, писала ему 15.IV ‹1844 г.›: «Больше всех в этой сцене является комическим лицом сам князь» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 16).

2 *Как том пятнадцатый он тонок, она толста, как том второй.*— Строки из ненайденного стихотворения И. С. Аксакова (см.: *Стихотворения*... С. 247, 248).

3 ...*пишут к Занденой*...— т. е. к Е. Ф. Занден.

4 ...*на берегах Вори*! — Т. е. в Абрамцеве.

5 *Огорчила меня очень кончина Голицына. Неужели Щербатов останется?*— Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), князь — военный генерал-губернатор Москвы с 1820 по 1844 г. Умер 27.III.1844 г. в Париже, где находился на лечении. В конце апреля С. Т. Аксаков присутствовал на панихиде по Голицыну в Донском монастыре. После Голицына московским генерал-губернатором был назначен Щербатов Алексей Григорьевич (1776—1848), князь, генерал от инфантерии, с 1839 г. член Государственного совета. Должность московского генерал-губернатора исправлял с апреля 1843 г. по причине пребывания Голицына за границей.

25 (с. 73)

30.IV 1844

1 ...*будет и Воксал.*— Воксхолл — пригород Лондона, впоследствии вошедший в черту города, место вечерних гуляний, развлечений, театральных представлений. В России слово «Воксал» обозначало увеселительное место: в Петровском парке в Москве, например, были летнее и зимнее отделения Воксала, где можно было пообедать и где продавались различные напитки. С введением железных дорог таким местом стала железнодорожная станция.

2 ...*наряжается комиссия для поверки тюленя... назначен будет петербургский лев — Бюлер!* — С. Т. Аксаков писал Ивану 13.V. ‹1844 г.›: «Назначение денди-Бюлера в следственную комиссию о тюлене меня очень забавляет» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 42 об.). Поручение, данное Бюлеру, развеселило и Р. А. Оболенского, который из Красного Яра просил И. С. Аксакова поздравить Бюлера от его имени (см. письмо от 3.V.1844 г.//*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 439. Л. 1 об.).

3 *Топильский Михаил Иванович* (1809—1873) — правитель канцелярии министра юстиции. Топильский был знаком с С. Т. Аксаковым и его приятелем А. А. Кавелиным, который дал Топильскому следующую характеристику: «Честен, умен, образован, опытен, трудолюбив до невероятия и что всего важнее — в величайшей степени добросовестен» (Письмо С. Т. Аксакову от 11.XII.1841 г.//*ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 60. Л. 13).

4 ...*императором Павлом отдано было калмыкам 11 миллионов десятин земли.*— Калмыки вступили в подданство России, поэтому и получили от императора Павла I утвердительную грамоту на обладание занятыми ими на правом берегу Волги землями.

5 ...*сделать из них оседлых.*— После присоединения Астрахани к России (1557 г.) сюда переселяли крестьян из Воронежской, Рязанской, Тамбовской и др. губерний. Однако свободных земель было мало, так как на обширных пространствах около Астрахани кочевали калмыки. В 1842 г. был создан комитет для рассмотрения положения о калмыках, членом которого был министр внутренних дел Л. А. Перовский. В 1846 г. было решено основать на калмыцких землях 44 станицы.

6 ...*в так называемой публичной библиотеке*...— Астраханская публичная библиотека открылась в 1838 г. (см.: *Рыбушкин М.* Записки об Астрахани. С. 184).

7 ...*я искал хоть слова о князе Голицыне.*— Газеты в Астрахань приходили с опозданием, в это время москвичи уже прочитали отклики на смерть Д. В. Голицына, и С. Т. Аксаков рекомендовал Ивану отыскать статью М. П. Погодина (см. письмо от 22.IV.1844 г.//*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 35 об.). Вера 22.IV.‹1844 г.› сообщала брату в Астрахань, что погодинская статья «прекрасная, благородная, которая во многом многих примирила с Погодиным» (Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 37). Статья Погодина, несомненно, должна была вызвать сочувствие у славянофилов и в близких им кругах — Погодин в ней писал, что Голицын был «в душе чистый русский», «Москва особенно была предметом его

любви, преданности и благоговения», что ее он почитал «корнем всей России, основанием нашего могущества, средоточием национальности...» (Моск. ведомости. 1844. 18 апр. С. 299).

8 *Линовский* Ярослав Альбертович (1818–1846) – выпускник философского факультета Московского университета, увлекавшийся естественными науками. Причисленный в 1841 г. к ведомству народного просвещения, был отправлен в Европу для изучения сельского хозяйства, откуда вернулся в середине 1844 г. Его «Путевые записки в юго-западной Европе» печатались в газете «Московские ведомости» с 6 по 29 апреля 1844 г.

9 *...и объявления Вандрага, и извещения Соколова и Барашкова...*– Имеются в виду объявления о продаже различных товаров. Вандраг – шляпный фабрикант, магазин которого был в Москве на Кузнецком мосту. Барашков Герасим – торговец колониальным товаром (финики, апельсины и пр.), лавка которого была в Охотном ряду. Соколов в своем доме на Чистых прудах давал напрокат маскарадные костюмы.

10 *...в Петербурге г⟨оспо⟩жа Шуман (кажется) и Шуман были дурно приняты. Ну что же Москва, как она их изволила принять?*– С. Т. Аксаков отвечал 13.V. ⟨1844 г.⟩: «Г-жа Шуман и Гауман (скрипач.– *Т. П.*) и в Москве очень мало имели посетителей: на этот раз она гармонировала с Петербургом» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 42 об.). Этому мнению противоречат отзывы прессы о гастролях К. Шуман в Петербурге и Москве. «Московские ведомости» сообщали об успехе ее концертов в столице: «...изумила публику строгой и бойкой отчетливостью в исполнении...»; «...заставила удивляться своей силе, быстроте и неподражаемой выразительности» и т. д. (Моск. ведомости. 1844. 4 апр. С. 259). Если верить этой газете, то и в Москве ее игра восхитила слушателей: «удивительная артистка», «превосходный талант», «великий талант» (Там же. 22 апр. С. 317). В «Москвитянине» игра пианистки сравнивалась с игрой Ф. Листа, сообщалось о неизменном успехе всех трех официальных концертов в Москве и двух, данных специально для меломанов в доме А. В. Сенявиной и у самой пианистки (Москвитянин. 1844. № 5, ч. 3. С. 167–168. Подпись: *Ал. Б.*). Шуман Клара, урожденная Вик (1819–1896) – немецкая пианистка, жена композитора Роберта Шумана, вместе с которым в 1844 г. приезжала в Россию.

11 *...статья о детских приютах.*– Статья называлась «Несколько слов о новом обычае заменять праздничные визиты пожертвованием в пользу благотворительных заведений» (Москвитянин. 1844. № 4, ч. 2. С. 386–389. Статья без подписи). В ней идет речь об обычае пожертвований, который характеризуется как иностранный, введенный в Москве по примеру Петербурга. Автор выступал против обязательных визитов в благотворительные заведения – за границею в подобных случаях городские газеты просто публикуют списки пожертвователей.

12 *...летом ходят в дегтяных сетках.*– Известны два письма, написанные Р. А. Оболенским И. С. Аксакову из Красного Яра – от 3.V.1844 г. и письмо без даты, в которых он жалуется на множество беспорядков в ревизуемой местности, скуку, плохое питание, обилие комаров, змей и мечтает о возвращении в Астрахань (см.: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 439. Л. 1–4).

26 (с. 76)

2.V 1844

1 *...слово Наполеона...*– Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император (1804–1814).

2 *Выражение мое – каких чудес мы наделаем – было сказано в шутку...*– И. С. Аксаков имеет в виду выражение из своего письма от 1.IV.1844 г. (см. с. 60 наст. изд.).

3 *...притчу, сказанную Костей, видно, я получу по приезде...*– С. Т. Аксаков сообщал сыну, что по поводу полученного из Астрахани письма от 7.IV.1844 г. К. С. Аксаков сказал какую-то «довольно остроумную, хоть не совсем справедливую притчу», которую отец собирался было сообщить Ивану, но Константин решил сам написать брату письмо (см. письмо от 22.IV.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 34 об.). Поскольку до этого времени Константин написал

в Астрахань одно-единственное письмо, то Иван и не надеялся услышать притчу до своего приезда в Москву.

4 *...жду описания обеда, составленного из таких разнородных лиц.*— Имеется в виду обед по случаю окончания 22.IV.1844 г. Т. Н. Грановским публичных лекций в Московском университете. Обед был дан по подписке в доме Н. Т. Аксакова. С. Т. Аксаков был недоволен тем, что этот обед никем не организуется, возник стихийно, «по-русски», и ожидал беспорядков без официального устроителя (см. письмо Ивану от 22.IV.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 35). На обеде встретились представители двух противоборствующих течений общественной мысли – западники и славянофилы.

5 *...нашел я одну статью... подписанную «Москвич». Если это статья Погодина...*— Заметка за подписью «Москвич» о заупокойной обедне и панихиде по Д. В. Голицыну в московской градской (а не глазной,— И. С. Аксаков ошибся) больнице (см.: Моск. ведомости. 1844. 20 апр. С. 306–307) принадлежала не Погодину, о чем С. Т. Аксаков сообщал Ивану в письме от 2.VI.⟨1844 г.⟩ (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 49).

6 *«Журналь де деба»* – французская литературно-политическая газета, основанная в 1789 г.

7 *...какие вещи затевают наши дамы в отношении к Грановскому*? – С. Т. Аксаков писал, что «наши дамы затевают разные глупости: цветы, портрет и пр. Жаль этого» (Письмо от 22.IV.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 35 об.).

8 *Статьи о неграх я не заметил...*— Об этой статье сообщила Ивану сестра Вера. 22.IV.⟨1844 г.⟩ она писала, что статья «возбудила много толков, если ты читаешь газеты, то догадаешься, что это статья о неграх. Ее позволил граф Строганов, а другой московский начальник князь Щерб⟨атов⟩ недоволен этим» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20 б. Л. 37). В статье «Освобождение негров во французских колониях» (Моск. ведомости. 1844. 6–13 апр. Статья без подписи) сообщалось об учреждении в Париже в 1840 г. совещательной комиссии о положении негров во французских колониях. Об этой статье см. в кн.: *Есин Б. И.* Путешествие в прошлое. [М.], 1983. С. 51. Статья привлекла внимание А. И. Герцена, который 14.IV. 1844 г. записал в дневнике: «Замечательная статья в 3 последних №№ „Московских ведомостей“ об освобождении негров» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 349).

9 *...в Москве генерал-губернатором Щербатов*!! – См. прим. 5 к письму 24.

10 *Стихи Хомякова мне очень нравятся.*— Стихотворение А. С. Хомякова «Давид» было переписано для Ивана В. С. Аксаковой (см.: *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 4–4 об.). В нем есть незначительные разночтения с печатным текстом стихотворения). По свидетельству Веры, стихи были написаны после одного спора с Константином, в котором последний обнаружил неуступчивость, очень раздражившую Хомякова (см. письмо от 22.IV.⟨1844 г.⟩ // Там же. Л. 37 об.). Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – выдающийся идеолог славянофильства, поэт, драматург, литературный критик, философ.

11 *...в роде Хомякова пастуха*? – Намек на начало стихотворения А. С. Хомякова «Давид» («Пастух, идя на подвиг ратный...» – в переписанном В. С. Аксаковой тексте стихотворения; «Певец-пастух на подвиг ратный...» – в печатном тексте стихотворения).

27 (с. 79)

7.V 1844

1 *...успех постоянный и прочный и блистательный.*— Восхищение публичными лекциями Т. Н. Грановского в Московском университете, казалось, сблизило представителей противоположных лагерей, которые приняли участие в общем чествовании ученого. 22.IV.1844 г. состоялся обед, получивший название «примирительного». Но примирение было очень хрупким и поддерживалось даже комическими мерами, как видно из высказываний Н. М. Языкова накануне его: «Дмитрий Николаевич (Свербеев.— *Т. П.*) сядет подле Константина Аксакова, Хомяков – подле меня, Павлов – подле Погодина, как громоотводы подле облаков, могущих грянуть

на противную сторону» (*Шенрок В. И.* Николай Михайлович Языков // *ВЕ.* 1897. Т. VI, № 12. С. 640). С другой стороны, С. Т. Аксаков опасался возможных выпадов со стороны А. И. Герцена (См. письмо Ивану от 21.IV.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 35). Однако обед прошел без обоюдных столкновений, и 25.IV.1844 г. С. Т. Аксаков удовлетворенно сообщил Ивану, что на обеде «Костя ничего лишнего не говорил и не делал; прочел куплет Москве, принятый, разумеется, с жаром. Всего горячее, дружнее было принято здоровье Гоголя... Я думал, что взлетит потолок залы» (Там же. Л. 37). Языков, не очень веривший в примирение и потому скептически отнесшийся к обеду, писал: «Увидим, что выйдет из видимого жаркого согласия, заменившего собою недавнее жаркое разногласие» (*Шенрок В. И.* Указ. соч. С. 640). «Примирение» ничего не изменило в отношениях двух партий, оно «не помешало нам через неделю разойтись еще далее»,— признался Герцен (Собр. соч.: В 30 т. Т. IX. С. 166). В. Г. Белинский, узнав об обеде, разразился «огромным письмом, вроде диссертации», адресованным Герцену. Будучи человеком «консеквентным», он воспринял обед как проявление беспринципности у Герцена и Грановского, которых укорял: «Дети, дети! Какое это примирение? И неужели Грановский серьезно верит в него? Быть не может!.. Сколько ни пей и ни чокайся, это не послужит ни к чему, если нет в людях никакой точки соприкосновения, никакой возможности к уступке с той или другой стороны» (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 206). «Примирительный обед» так возмутил его, что после этого он стал писать в «Отечественных записках» еще злее против славянофилов (Там же. С. 205, 206).

2 *Какие-то стихи, довольно плохие, Вяземского, посвященные княжне Елене Мещерской, глупейший рассказ о путешествии в Царицыно... прочел сухое изложение учения древних о метемпсихозе.*— В журнале «Москвитянин» (1844. № 4, ч. 2) было помещено стихотворение «Ночь в Ревеле» П. А. Вяземского, посвященное княгине (а не княжне) Екатерине (а не Елене) Николаевне Мещерской, жене князя П. И. Мещерского, дочери Н. М. Карамзина; за подписью «С» (псевдоним Я. И. де Санглен) было напечатано «Фантастическое путешествие в село Царицыно и обратное в Москву», а также статья «История учения древних о метемпсихозе» (без подписи). Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь — поэт, друг А. С. Пушкина, Н. М. Карамзина, П. А. Плетнева, в 1855—1858 гг. товарищ министра народного просвещения, с 1867 г. член Государственного совета.

3 *Мне становится жалко Бюлера...*— Ф. А. Бюлер в это время возглавлял комиссию по перевеске тюленя (см. с. 74 наст. изд.). Она работала в Астрахани, поэтому Бюлер из города не уезжал, как считал Е. С. Калмановский, комментируя стихотворение И. С. Аксакова «Утешение» (см.: *Стихотворения...* С. 289).

4 *...Бюлер и Блок... ухаживают около двух армянских красавиц.*— См. с. 85 наст. изд.

5 *Что Кар⟨олина⟩ Карл⟨овна⟩...?* — Еще в мартовских письмах родные сообщали Ивану о постоянных спорах К. С. Аксакова с Павловой, которые в конце концов привели к ссоре. Павлова перестала ездить к Аксаковым: в письме от 6.V.⟨1844 г.⟩ Вера писала, что Павлова не была у них месяца полтора (см.: *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 19 об. См. также письма Веры от 11.III. (*ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 4 об.) и от 17.III.⟨1844 г.⟩ (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 13—13 об.), а также письма С. Т. Аксакова от 3 и 18.III.⟨1844 г.⟩ (Там же. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 19 об., 24).

28 (с. 80)

13.V 1844

1 *Завтра троицын день.*— День святой троицы (или пятидесятница), т. е. седьмое воскресенье после пасхи.

2 *...друга моего Ивана Васильевича.*— Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — идеолог славянофильства, литературный критик, философ, журналист. Необыкновенная одаренность И. В. Киреевского вызывала восхищение его друзей и деятелей противоположного лагеря. «...Какая здоровая, сильная голова, какой талант, слог...» — отметил А. И. Герцен (Собр. соч.: В 30 т. Т. II. С. 321). Петр Киреевский, понимавший несомненное превосходство брата Ивана, писал ему: «Судьба уже

давно разделила нас неровным наделом способностей; ты далеко опередил меня; какая-то тяжелость ума и беспрестанно грызущее чувство сомнения в самом себе оставили меня назади... Но я никогда не любил никого больше тебя; и когда мы были вместе, чувство моего неравенства для меня было всегда самое тяжелое...» (Письма Петра Васильевича Киреевского. 1829—1854. М., 1905. С. 6—7). Из славянофилов И. В. Киреевский — самый близкий западникам человек, по многим вопросам споривший с А. С. Хомяковым, которому признался: «...славянофильский образ мыслей я разделяю только *отчасти*» (Письмо от 2.V.1844 г. // Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. II. С. 233).

3 *...здесь нет помещиков и самостоятельного дворянства, а все чиновники (которых бездна)...* — Эту особенность Астрахани отметил и автор «Путевых впечатлений. § 1. Астрахань»: «Постоянных жителей Астрахани очень мало, а еще меньше здешних дворян: общество состоит преимущественно из чиновников военных и штатских» (Москвитянин. 1844. № 8, ч. 4. С. 384. Статья без подписи).

4 *...действуем везде актально...*— т. е. официально, посредством документов.

5 *Нейдгардт затевает какую-то огромнейшую операцию на Кавказе и требует хлеба...*— Речь идет об Александре Ивановиче Нейдгардте (1784—1845), генерал-адъютанте, генерале от инфантерии, в октябре 1842 г. назначенном командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим Закавказским краем. С 1845 г. член Военного совета. Обсуждая назначение Нейдгардта на Кавказ, А. П. Ермолов сказал: «Генерал Нейдгардт достойный генерал, но у него есть порок, которого я никак не могу простить ему: ему за шестьдесят лет. На Кавказе часто не столько бывает нужна умная голова, как крепкая грудь да широкие плечи, силы физические дороже нравственных» (*Барсуков*. Кн. VIII. С. 396). Ермолов оказался прав: в 1845 г. Нейдгардт просил об отставке, которую получил в июне, и вскоре умер.

6 *Свистунов* Николай Алексеевич — член провиантского департамента военного министерства.

7 *Вот Петр! всюду поспел.*— Здесь и далее И. С. Аксаков дает восторженную оценку новшествам Петра I (1672—1725), введенным им во время посещения Астрахани в 1722 г. Эти отзывы не могли понравиться К. С. Аксакову, который полагал, что Петр I своими реформами прервал самобытное развитие России, вызвал разрыв сословий и вообще не считал русской историю с Петра I (См. письмо К. С. Аксакова Н. В. Гоголю 1848 г. // *РА*. 1890. № 1. С. 157). А. И. Герцен заметил о К. С. Аксакове: «Вся жизнь его была безусловным протестом против петровской Руси...» (Собр. соч.: В 30 т. Т. IX. С. 163).

8 *Здесь семик не празднуется...*— Семик — народный праздник, отмечаемый в четверг седьмой недели после пасхи (в некоторых местностях впоследствии был приурочен к троице). Девушки водили хороводы, завивали и развивали березку, кумились через венки, гадали, бросая венки в воду, и т. п.

9 *...снял виды из бельведера...* — Бельведер — здесь: возвышенное место, с которого открывается вид на окрестность.

10 *...я ему написал стихи...* — Стихотворение «Утешение», написанное 4.V.1844 г.

29 (с. 85)

16.V 1844

1 *Астрахань. 1844 г‹ода› 16 мая. Вторник вечером.*— Публикуется впервые.

2 *Хлопотно будет вам нанимать теперь дачу в Парке...*— По совету А. И. Овера, лечившего сестру И. С. Аксакова Ольгу, решено было нанять дачу поблизости от его дома, что было делом трудным, так как в начале лета дачи уже были заняты. Однако в начале мая Аксаковым удалось снять дачу князя Щербатова в Петровском парке (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 12.V.‹1844 г.› // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 41). Все лето 1844 г. семья прожила врозь, в беспрестанных переездах между Парком и Абрамцевом.

3 *Бутурлин* Николай Александрович — генерал-майор, в провиантском департаменте военного министерства занимался снабжением кавказских войск.

30 (с. 86)

20.V 1844

1 *...сопровождающие их ... Константины.*– 21 мая – день именин К. С. Аксакова.
2 *«Дети, дети, как опасны ваши лета!»* – Строки из басни И. И. Дмитриева «Петух, кот и мышонок» (1802).
3 *...переехали ли вы..?* – С. Т. Аксаков сообщал Ивану 12.V.〈1844 г.〉, что постоянно на даче жили Ольга и О. С. Аксаковы, тогда как он и Вера – то в Москве, то на даче (см.: *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 41). Он страдал от этого положения – продолжая 13 мая вышеприведенное письмо, отметил: «Дача в Парке не деревня и не Москва: я этого терпеть не могу...» (Там же. Л. 42). Вера жаловалась Ивану: «Ты не можешь вообразить себе, какую суматошную кочевую жизнь мы ведем теперь» (Письмо без даты // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 34 об.).
4 *...напечатан высочайший приказ 2 мая.*– Приказ об отставке И. С. Тимирязева (см.: Моск. ведомости. 1844. 11 мая. С. 367).
5 *...имеет сильных защитников при дворе в Орлове...*– Орлов Алексей Федорович (1786–1861) – генерал-адъютант, участник войны с Наполеоном, получивший титул графа за участие в подавлении восстания декабристов. С декабря 1835 г. член Государственного совета, в 1844 г. назначен шефом корпуса жандармов и начальником III отделения, с апреля 1856 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.
6 *...эта краевщина...*– Краевщина – от фамилии издателя-редактора журнала «Отечественные записки» Андрея Александровича Краевского (1810–1889). Конфронтация этого журнала, в котором в 1839–1846 гг. активно сотрудничал В. Г. Белинский, и славянофильских изданий в 40-е годы XIX в. была очевидной для всех. Когда однажды А. И. Герцен в обществе славянофилов высказал свое мнение в пользу «Отечественных записок», это было расценено как бестактность: «Сделалось молчание. Переменили разговор тотчас» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 245). Т. Н. Грановский писал Н. Х. Кетчеру в начале марта 1845 г.: «Семейство Аксаковых буквально плачет о погибели народности, семейной нравственности и православия, подрываемых „Отечественными записками" и их *гнусною партиею*» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II. С. 464). «Ты не можешь вообразить себе, до какой степени мне отвратительны „О〈течественные〉 з〈аписки〉"...»,– писал К. С. Аксаков Ивану. (Письмо 〈1845 г.〉 // ГБЛ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 31).
7 *Хотелось бы мне очень разбранить Калайдовича...*– С. Т. Аксаков считал, что привлекать внимание к ненапечатанной «Жизни чиновника» И. С. Аксакова не следует: «Советую не бранить Калайдовича и не подымать дела о мистерии: вероятно, оно теперь замолкло» (Письмо от 2.VI.〈1844 г.〉 // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 46 об.). О мистерии см. прим. 3 к письму 23. Неприязненное отношение к Н. К. Калайдовичу, заметное в этом письме и других письмах И. С. Аксакова (см. с. 70 наст. изд.), объяснялось, помимо мистерии, и тем, что это был человек из окружения В. Г. Белинского, к которому семья Аксаковых после 1839 г. относилась недружелюбно.

31 (с. 89)

23.V 1844

1 *...где будет московское пристанище... разве в доме Николая Тимофеевича?* – О. С. Аксакова отвечала, что решительно не хочет жить в этом доме после беспорядка, произведенного там во время обеда в честь Т. Н. Грановского. С. Т. Аксаков дал разрешение об устройстве обеда в отсутствие брата и в секрете от него, в чем впоследствии раскаивался.
2 *...она ... скоро замшаривается.*–Т. е. становится ворсистой.

32 (с. 91)

27.V 1844

[1] *...с приложением прекрасных его стихов...*— К. С. Аксаков прислал Ивану стихотворение «Гуманисту» («Ты – эгоист, хотя бы наслажденья...») – *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 17–18.

[2] *...вчера...красноярцы наши воротились...*— т. е. Р. А. Оболенский и Павленко (см. с. 66 и 76 наст. изд.).

[3] *...Путята (будущий губернатор, как говорят)...*— С 1845 г. губернатором Астрахани был Чистяков Петр Егорович. В «Губернаторских списках. 1797–1861», составленных Н. Туркистановым (М., 1894), Путята не числится.

33 (с. 94)

30.V 1844

[1] *...повторяешь за ними.*— В мае 1844 г. М. П. Погодин сломал ногу, о чем И. С. Аксакову написал отец (Письмо от 19.V.〈1844 г.〉 // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 43 об.).

[2] *...была маленькая суматоха на даче; кажется, есть водевиль этого названия.*— Очевидно, И. С. Аксаков имеет в виду оперу «Новая суматоха, или Женихи чужих невест», сочинение А. А. Шаховского.

[3] *...постиг тайну четвертей, четвериков, гарнцев и кулей...*— Четверть — хлебная мера, равная 8 четверикам; *четверик* содержит 1/4 осмины или 1/8 четверти; *гарнец* составляет 1/8 четверика; *куль* – мера сыпучих тел, для ржи равна 9 пудам 10 фунтам, для овса — 6 пудам 5 фунтам.

[4] *Лавров сенатор, бывши здесь...*— Ревизия Астраханской губернии сенатором Лавровым продолжалась с 1829 по 1832 г. (см.: *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Спб., 1902. Т. II, ч. 1. С. 103–104). А. Штылько в «Астраханской летописи. 1554–1897 гг.» (Астрахань, 1898. С. 42) и М. Рыбушкин (Записки об Астрахани. С. 5) указывают на 1829–1831 гг.

[5] *...штука Sophie...*— Здесь в значении «проделка».

34 (с. 96)

4.VI 1844

[1] *...пить...сальсапариль...*— растение, применяемое в медицине при хронических заболеваниях кожи (в том числе золотухе, которой болел И. С. Аксаков).

[2] *...прочнее бомбы...*— Бомба – шерстяная ткань.,

[3] *Прочел... статью Шевырева о князе Голицыне. Она гораздо хуже погодинской.*— Статья С. П. Шевырева «Князь Дмитрий Владимирович Голицын» была напечатана в «Московских ведомостях» (1844. 4 мая) и в журнале «Москвитянин» (1844. № 5, ч. 3). О статье Погодина см. прим. 7 к письму 25.

[4] *...Стромилов в «Северной пчеле».*— В статье С. Стромилова «Князь Д. В. Голицын» превозносились «вековечные, бессмертные подвиги князя», который был «ангелом-помощником и спасителем» Москвы (Северная пчела. 1844. 2 мая. С. 391).

[5] *...жительницу Башиловки...*— Речь идет о сестре И. С. Аксакова Ольге, которая находилась в это время на даче в Парке. С. Т. Аксаков в письмах Ивану так и обозначал место: «Парк, Башиловка» (см. письмо от 15.VII.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 60). Сенатором Башиловым в Парке были устроены Воксал и другие увеселения.

35 (с. 98)

6.VI 1844

[1] *...взятых в опеку уже лет с 30...*— Неточность: сальянская опека была учреждена в 1829 г. (см.: *Рыбушкин М.* Записки об Астрахани. С. 197).

[2] *Трубецкой* Петр Иванович, князь, генерал-майор, был орловским губернатором с 1842 до 1849 г.

3 *...под управлением Адлерберга, почтовое ведомство стало еще лучше.*— Адлерберг Владимир Федорович (1790—1884), граф — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с марта 1842 г. член Государственного совета. Главноуправляющим почтового департамента был с 1842 до 1857 г. С 1852 г. министр императорского двора, с 1856 г. министр уделов.

4 *...грамоты Григорья Нагого, жалующего вотчиною своего слугу.*— Описка И. С. Аксакова в фамилии — в «Москвитянине» была напечатана «Данная Ивана Григорьевича Нагова, слуге его Богдану Сидорову, 1598 года на вотчину» (1844. № 5, ч. 3. Подписана инициалами «М. П.», т. е. М. П. Погодин).

5 *...прилежным молодым людям, Валуеву, Елагиным и мучителю-красавцу Панову.*— О Валуеве см. прим. 5 к письму 12. Елагины — Елагин В. А. и Елагин Н. А. Елагин Василий Алексеевич (1818—1879) — старший сын А. П. Елагиной (от второго брака с А. А. Елагиным), в 1839 г. окончивший Московский университет, историк, занимавшийся изучением средневековой Чехии, впоследствии сотрудник издаваемой И. С. Аксаковым газеты «День». См. о нем: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. [М.], 1978. С. 84—85. Елагин Николай Алексеевич (1822—1876) — младший сын А. П. Елагиной, издатель «Белевской Вивлиофики». О Панове см. прим. 4 к письму 9. Характеристика внешности Панова ироническая — по свидетельству знавших его, В. А. Панов был «до крайности неказистый» (*Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. С. 300), но что касается общей оценки его личности — «отличный молодой человек» (см. в этом же письме ниже), то И. С. Аксаков не шутил — Панов отличался работоспособностью и большой скромностью. С. М. Соловьев считал Панова и его родственника Д. А. Валуева «лучшими из славянофилов в нравственном отношении». С. Т. Аксаков, сообщая М. А. Максимовичу 2.I.1846 г. о намерении славянофилов выпустить сборник, аттестовал его издателя Панова как «прекрасного и достойного уважения молодого человека, мною и всеми нами очень любимого» (Полн. собр. соч.: В 6 т. Спб., 1886. Т. III. С. 443).

6 *Есть у нас и другой человек, целый муж...*— Иронический намек на К. С. Аксакова.

7 *По возвращении моем в Москву я не думаю оставаться дольше в должности секретаря...*— См. об этом также на с. 165 наст. изд. По возвращении из Астрахани И. С. Аксаков весною 1845 г. снова занял должность секретаря 2 отделения 6 департамента Правительствующего Сената, но уже летом 1845 г. по предложению В. Н. Панина был назначен товарищем председателя калужской уголовной палаты.

8 *...теперь все почти разъехались?* — На диспуте, состоявшемся 3.VI.1844 г., Ю. Ф. Самариным была защищена магистерская диссертация «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники», над которой он работал с 1840 по 1843 г.

36 (с. 103)

17.VI 1844

1 *...диспут Самарина был 3-го июня... Вы разбираете... напечатанную часть диссертации.*— Из семьи Аксаковых на магистерском диспуте Самарина, продолжавшемся три с половиною часа, присутствовали трое: Сергей Тимофеевич, Константин и Григорий (см. письмо Веры Ивану от 9.VI.‹1844 г.› // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 33 об.). С. Т. Аксаков, очень любивший Самарина, писал Ивану 9.VI.1844 г.: «Диспут был очень хорош; особенно в отношении к Самарину. Никогда и никого не видел я на кафедре столь свободным, благородным и умеренным; но последний эпитет не выражает мысли; я хотел сказать, что всего у него было *в меру*: и внутренней теплоты, и достоинства, и спокойствия, и скромности, и уклончивости, и смелости. Все были им восхищены, особенно те, которые ему возражали, и из них особенно Шевырев: он влюбился в Самарина на кафедре... Последний возражал ему гораздо слабее, нежели мог. Впрочем, люди знающие говорят (и Костя в том числе), что можно было напасть на Самарина гораздо сильнее» (Там же. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 50). Н. М. Языков писал, что диспут был «торжественно-блистателен», что автор диссертации защищался «бойко,

смело, решительно и победно» (*Шенрок В.* Николай Михайлович Языков // *ВЕ.* 1897. Т. VI, № 12. С. 643). Но в А. И. Герцене, который также очень ценил Самарина, считая его выше А. С. Хомякова и К. С. Аксакова, диспут пробудил «грустное чувство». Герцена неприятно поразило «сочетание высоких диалектических способностей этого человека с жалкими православными теориями и с утрированным славянизмом». Именно после этой защиты в дневнике Герцена появились слова о том, что славянофилов отличает «что-то ретроградное, негуманное, узкое» и что, несмотря на сходство в некоторых вопросах, между ними и западниками все равно «остается страшный овраг, делящий и непереходимый» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 356). «Москвитянин» откликнулся на это событие заметкой «Диспут г. Самарина» (без подписи, принадлежит С. П. Шевыреву), в которой диссертанта хвалили за «ловкий, диалектический ум, соединенный с блестящим даром слова», за то, что «внимательный к возражениям, он не был слишком уступчив» (Москвитянин. 1844. № 6, ч. 3. С. 395, 396). В «Отечественных записках» после диспута была помещена небольшая рецензия (без подписи) на напечатанную в 1844 г. III часть диссертации Самарина. Отметив самостоятельность, логичность мышления ее автора и его превосходный слог, рецензент отметил излишне суровую оценку западной проповеди, ничем в диссертации не подтвержденную, а также ложную мысль (в ненапечатанной части диссертации), что ораторская речь «не есть и не должна быть художественным произведением» (*ОЗ.* 1844. № 7–8. С. 11, 13, 22). Автор рецензии справедливо считал, что наличие великой цели не вредит искусству, что «лучшим источником вдохновения для искусства всегда остается сама жизнь или действительность» (Там же. С. 11). С этими замечаниями журнала перекликается отзыв присутствовавшего на диспуте П. Я. Чаадаева в письме 1844 г. неизвестному лицу: «Под покровом двух имен – Стефана Яворского и Феофана Прокоповича – дело идет о том, возможна ли проповедь в какой-либо иной церкви кроме православной? По этому случаю, как тебе известно, он разрушает все западное христианство, и на его обломках воздвигает свое собственное, преисполненное высоким чувством народности, и в котором чудно примиряются все возможные отклонения от первоначального учения Христова» (*ВЕ.* 1871. Т. VI. С. 331). Не был согласен Чаадаев и с мыслью Самарина, что проповедь не является художественным произведением (Там же. С. 332).

2 *...не могу выговорить!* – Об окончании К. С. Аксаковым работы над диссертацией см. прим. 1 к письму 7. В июле родные сообщали Ивану: «Костя... живет у нас (в Абрамцеве.– *Т. П.*) постоянно. Мы его заставляем заниматься 6 часов в день» (Письмо сестры Надежды от 14.VII.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 33. Л. 1 об.–2). В другом письме – от О. С. Аксаковой – Ивана уведомляли: «Сестры обещают, что через месяц будет совсем готова диссертация Константина; Любинька так серьезно наблюдает над ним, будят его рано, не позволяют ему сойти сверху прежде назначенного часа и т. д., и он очень охотно повинуется им» (Письмо от 7.VII.〈1844 г.〉 // Там же. Ед. хр. 7г. Л. 13 об. См. также письмо сестры Веры без даты. Там же. Ед. хр. 20б. Л. 60 об.). В то же время семейство сокрушалось по поводу тяжелого настроения, в котором пребывал Константин. С. Т. Аксаков 26.VI.1844 г. сообщал Ивану, что Константин «юродствует», что множество «превосходных качеств и таланта» гибнет в нем (Там же. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 54 об.). Позже, 8.VIII.〈1844 г.〉, он же писал: «Не менее Олиньки мучит меня Константин. Пребывание в деревне без нас с одними сестрами развили его юродивое расположение до чрезвычайности. Работать не может, и кажется, это сокрушает его вполне...» (Там же. Л. 67). Сестра Вера также извещала Ивана, что Константин «в нерасположении духа» (Письмо от 24.VI и от 11.VIII.1844 г. // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 2 об., 15). О. С. Аксакова признавалась, что ее очень пугают «иппохондрические припадки» Константина (Письмо от 15.VIII.1844 г. // Там же. Ед. хр. 7б. Л. 23 об.).

3 *...длинные петровки...*– Петров пост, начинающийся с понедельника 9 недели после пасхи и кончающийся 28 июня. Продолжительность его бывает различной в зависимости от сроков пасхи. В 1844 г. пасха была ранняя (26 марта), поэтому петров пост был длинный.

4 ...*Я променял свой кабинет*! – В письме от 2.VI.⟨1844 г.⟩С. Т. Аксаков послал Ивану стихи, сочиненные Любой и Машей Аксаковыми и Софьей Самбурской на переселение Константина на чердак:

На поднебесную обитель
Я променял свой кабинет;
Сперва я был московский житель –
Теперь меня в Москве уж нет.

На мягком голубом диване
Любил я часто отдыхать;
Теперь же при глухом буране
Придется мне в светелке спать.

Садился я за стол лениво,
Чтоб диссертацию писать;
Потом вставал я торопливо
Сестрицам Гоголя читать

(*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 47). Сестры писали не только стихи. 11.III.1844 г. О. С. Аксакова сообщила Ивану, что Марихен написала повесть и сочиняет комедию под названием «Недоумение» (Там же. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 11).

5 ...*как уродуют «Севильского цирюльника» на астраханской сцене.*– «Севильский цирюльник» – опера итальянского композитора Россини Джоаккино Антонио (1792–1868).

6 *Пейкер* Иван Устинович (1801–1844) – тайный советник, сенатор, служивший в Межевом департаменте Правительствующего Сената. В письме Н. М. Языкову от 11.IV.⟨1834 г.⟩ П. В. Киреевский заметил, что Пейкер «весьма закадышен» с С. Т. Аксаковым (Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 66). Их сближали общие служебные интересы – с 1833 до 1839 г. С. Т. Аксаков был директором Константиновского межевого института.

7 *Киселев* Павел Дмитриевич (1788–1872), граф – министр государственных имуществ с 1838 по 1856 г.

8 ...*хан не употребляет никаких особенных принудительных средств.*– Восстание в Букеевской Орде 1837–1838 гг. было вызвано не приверженностью хана Джамгира к европейской цивилизации, как считал И. С. Аксаков, а теми притеснениями, которым он подвергал своих подданных, пользуясь поддержкой русских властей (захват 400 тысяч десятин общинных земель, увеличение податей, насильственное присвоение чужого имущества и т. п.). Об этом восстании см.: История СССР. М., 1967. Т. IV. 1-я сер. С. 440–441).

9 ...*ко времени нашего отъезда, который все-таки не будет ближе декабря.*– Из Астрахани И. С. Аксаков выехал 9 ноября (см. с. 168 наст. изд.).

10 ...*по случаю праздника...*– 25 июня отмечали день рождения Николая I.

11 ...*эта история повторится 1 июля.*– 1 июля – день Косьмы и Дамиана.

37 (с. 107)

24.VI 1844

1 *Очень, очень рад я успеху Самарина...*– См. прим. 1 к письму 36.

2 *Надеюсь, что Самарин... воротится в Москву и простится с нею и Костей...* – Ю. Ф. Самарин, уступая настояниям своего отца, в августе 1844 г. уехал на службу в Петербург (сам он страстно желал быть профессором в Московском университете). С. Т. Аксаков огорчался, видя, что Константин «весьма не в духе» и не хочет ехать в Москву для прощания с Самариным (см. письмо от 15.VII.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 59 об.). Однако прощание все-таки состоялось 26.VII.1844 г., и О. С. Аксакова обрадованно писала в Астрахань, что друзья расстались «очень дружно» (Письмо от 29.VII.1844 г. // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 19). О том же сообщал Ивану брат Григорий (Письмо от 29.VII. ⟨1844 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 24. Л. 3).

3 *...как говорит Вера.*— Родные сообщили, что 8.VI.1844 г. на вечере у Т. Н. Грановского Константин читал наизусть «Жизнь чиновника» И. С. Аксакова. «Успех был чудесный! Ты превознесен и прославлен, даже и Хомяковым. Самарин предложил тост за твое здоровье, который единодушно и шумно был принят»,— писал С. Т. Аксаков (Письмо от 9.VI.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 51 об.). Сестра Вера сообщала, что А. С. Хомяков познакомил с мистерией Н. М. Языкова, который списал ее для своего брата (Письмо без даты // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 42 об.). Языков, после возвращения из-за границы живший в Москве, списал «Жизнь чиновника», очевидно, для своего брата Александра Михайловича, жившего в Симбирске. Позже, в письме от 15.VIII.1844 г., О. С. Аксакова написала сыну, что мистерию хвалила и приезжавшая к Аксаковым К. К. Павлова (см.: Там же. Ед. хр. 7б. Л. 22 об.).

4 *Нынче 25, праздник.*— День рождения Николая I.

5 *...И обнажая смысл в тиши, Сознанье внутреннее губит Восторги ложные души!* — Строка из стихотворения И. С. Аксакова «На прощанье (При отъезде из Петербурга)», 1842.

6 *...«Немного я в тебе нашел»...*— Слова, которые произносит демон службы в первом периоде мистерии И. С. Аксакова «Жизнь чиновника».

7 *...«Перстом коснется бытие!»* — Строка из стихотворения К. К. Павловой «Дума» («Когда в раздор с самим собою...»), ноябрь 1843 г.

38 (с. 110)

1.VII 1844

1 *Поздравляю Вас, милая моя маменька... поздравляю и тебя... милая именинница Оля...*— И. С. Аксаков поздравлял мать и сестру с днем их именин 11 июля.

2 *...все семейные сентябрьские праздники...*— 14 сентября – день рождения Надежды Аксаковой, 17 сентября – именины Веры, Надежды, Любови и Софьи, 20 сентября – день рождения С. Т. Аксакова, 25 сентября – день его именин, 26 сентября – день рождения И. С. Аксакова, 28 сентября – день его именин.

3 *Так Воейковы опять в Москве?* – Воейковы – родственники Аксаковых: сестра Сергея Тимофеевича Анна Тимофеевна (1799–1850) была замужем за Владимиром Ивановичем Воейковым. Воейковы жили недалеко от Калуги в Григорове (см. с. 295 наст. изд.). Их сын Александр в марте 1844 г. приезжал со своей женой в Москву (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 18.III.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 24 об.), в сентябре 1844 г. Аксаковых навестила Анна Тимофеевна (см. письмо О. С. Аксаковой Ивану от 2.IX.1844 г. // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 24 об.).

4 *Прекрасны стихи эти...*— И. С. Аксаков далее цитирует отрывок из стихотворения К. К. Павловой «Дума» («Сходилась я и расходилась...»), июнь 1844 г., которое было прислано ему В. С. Аксаковой (см. письмо без даты // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 41–41 об.).

5 *Прекрасны и другие стихи...* – И. С. Аксаков далее цитирует стихотворение К. К. Павловой «Дума» («Не раз себя я вопрошаю строго...»), май 1844 г.

6 *Оставь тревожные мечты, Услышь совет благоразумный...*— Слова, которые произносит демон службы в первом периоде мистерии И. С. Аксакова «Жизнь чиновника».

7 *...Константин снял с себя дагерротип в русском костюме...*— На дагерротипе, сделанном по просьбе уезжавшего в Петербург Ю. Ф. Самарина, К. С. Аксаков был снят в русской рубашке, зипуне и мурмолке. С. Т. Аксаков считал изображение очень удачным (см. письмо Ивану от 26.VI.1844 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 55–55 об.), также как и сестра Вера (см. письмо Ивану без даты // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 29 об.). Дагерротип был подарен Самарину, который также нашел, что он «удался прекрасно; жаль только, что выставить его в Петербурге нельзя: вид у тебя до такой степени суровый и неблагонамеренный, что на одном основании этого портрета тебя можно из предосторожности сослать в Сибирь» (*Самарин.* Т. XII. С. 51).

8 *...проделка с ветчиной...*— В письмах родных 1844 г. нередки описания различных выходок Константина, которые окружающие прощали ему «как больному и по

искренности считаемому во многом за ребенка» (Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 3.III.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 19 об.).

[9] *Иван Яковлевич* – лицо неустановленное; *Лизавета Александровна* – по-видимому, Кавелина, сестра приятеля С. Т. Аксакова А. А. Кавелина, в 1842–1846 гг. жившая в Москве.

[10] *Четверг был праздник, 29 июня... 1-го июля тоже праздник...– 29 июня* – Петров день, праздник апостолов Петра и Павла. *1 июля* – день Косьмы и Дамиана.

[11] *...преосвященный Стефан...*– Стефан (Романовский) правил астраханской епархией всего восемь месяцев, он прибыл в Астрахань в 1841 г. и в том же году умер.

[12] *...расстриги вроде Иакинфа...*– Иакинф (Бичурин Никита Яковлевич, 1777–1853) – востоковед, путешественник, в 1807 г. отправленный в Китай с группой миссионеров. Вместо положенных 10 лет прожил там более 14 лет, за что по возвращении на родину был предан духовному суду, лишен сана архимандрита и сослан в Валаамский монастырь (в Выборгской губернии), откуда в 1826 г. возвращен в Петербург, где был переводчиком Азиатского департамента министерства иностранных дел.

[13] *Последний из миссионеров был Гион, кажется...*– По документам последними жившими в Астрахани членами шотландской колонии были: Росс, Макферсон, Диксон, Митчел (*РА.* 1894. № 6. С. 169).

[14] *...отличнейший профессор восточных языков (забыл фамилию, чуть ли не Катанибэк).*– Речь идет о Казем-Беке (1801–1870), персиянине, получившем образование в Астрахани у шотландских миссионеров и ими же обращенном в христианскую веру. При крещении назван Александром (Александр Касимович). В 1826–1849 гг. был профессором восточной словесности Казанского университета (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. (1804–1904). Казань, 1904. Ч. 1. С. 201). С 1849 г. он работал на кафедре персидской словесности Петербургского университета. См. о нем: К биографии А. К. Казембека // *РА.* 1894. № 6.

[15] *...поклоняются своим бурханам.*– Бурханы – калмыцкие идолы. См. о них на с. 129, 159 наст. изд.

[16] *...знающих наизусть все тропари...*– Тропарь – церковное песнопение в честь праздника или святого.

[17] *...предпочли степи соборному клиросу...*– Клирос – место для певчих на возвышении перед церковным алтарем.

[18] *«Все так, а мне луна милей».* – Из стихотворения Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823) «Спор».

[19] *«Но солнце повсюду все белое гонит».*– И. С. Аксаков цитирует строку из перевода К. С. Аксакова «Из Фауста» («Ручьи и потоки катятся свободно...») (1839).

[20] *...Все чиновничие жены Разодеты, набелены!* – Строки из стихотворения И. С. Аксакова «Астраханский beau monde» (см. с. 139 наст. изд.).

[21] *...прихлопнул его аббатом Ламенне...*– Имеется в виду «Набросок философии» аббата Ламенне (см. с. 43 наст. изд.).

[22] *На днях написал я послание...*– Согласно указанию И. С. Аксакова, оно написано «на днях», т. е. в июне 1844 г., а не в августе, как ошибочно датировал его Ф. А. Бюлер (см.: *РС.* 1886. № 12. С. 649).

[23] *Пусть извинит меня милая именинница...*– т. е. сестра Ольга.

[24] *А что Погодин?* – См. прим. 1 к письму 33.

39 (с. 117)

8.VII 1844

[1] *...другую купальню, сапожниковскую.*– Сапожниковская купальня, т. е. находящаяся неподалеку от дома Сапожникова, в котором жил князь П. П. Гагарин и бо́льшая часть чиновников-ревизоров.

[2] *...деревня наша угодила на все вкусы.*– Восхищение Абрамцевом – постоянный мотив летних писем родных. Сестра Вера сообщала Ивану, что деревня чрезвычайно понравилась, местоположение прекрасно, дом удобен (Письмо от 6.V.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 18 об. См. также письмо сестры

Надежды от 14.VII.1844 г.– Там же. Ед. хр. 33. Л. 2 об.). Особенно очаровала усадьба С. Т. Аксакова, который писал в Астрахань: «Ну, друг мой, какую бог дал нам деревеньку, так это чудо! Рай земной да и только!» (Письмо без даты. // Там же. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 48 об.). В приписке к одному из летних писем Веры ⟨1844 г.⟩ С. Т. Аксаков сообщал: «Семь дней прожил я в этом раю, который называется Абрамцевом; 14 раз ходил удить...» (Письмо без даты // Там же. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 63 об.).

[3] *...все вполне отдают ему за это справедливость...*– В. С. Аксакова писала Ивану, что Григорию они благодарны «за все его хлопоты и труды для нас, особенно когда теперь никто другой не мог бы этим заняться...» (Письмо от 11.III.1844 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 3 об.).

[4] *...магазин хлебный запасной...*– В ответ на это письмо С. Т. Аксаков заметил, что мысль о запасных магазинах хороша, но плохо то, что достаточного количества хлеба в них не будет (см. письмо от 20.VII.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 62 об.).

[5] *...князь получил официальное письмо от Черткова, шталмейстера...*– Речь идет, вероятно, об Иване Дмитриевиче Черткове (1797–1856). С. Т. Аксаков так реагировал на это известие: «Мысль Черткова не новость. Все ее знают и давно о ней толкуют; препятствий два: безденежье и отсутствие взаимной доверенности» (Письмо от 20.VII.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 62 об.).

[6] *...мне досадно, что... в Москве, в известном кругу толкуют... о каком-нибудь балахоне...*– Здесь и далее полемика И. С. Аксакова со славянофилами, которых он обвинял в «бесплодном жаре», незнании народных потребностей, увлечении вопросами, далекими от жизни.

[7] *...вместо того, чтобы плакать с народом, от которого я уже отделен сознанием... я... трудился бы на его пользу.*– Считая разрыв сословий совершившимся фактом, И. С. Аксаков очень скептически относился к славянофильской идее возвращения к народу. «Народ далеко, живого, не абстрактного сближения с ним быть не может, и мудрено над всем этим возноситься на крылушках надежды или веры в будущность России»,– трезво рассудил он (*Письма. Т. III*. С. 369).

[8] *Милая маменька, верно, разделяет мои мысли...*– О. С. Аксакова в письмах Ивану сетовала на то, что у Константина отсутствует интерес к чему-либо (см. письмо от 15.VIII.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 23 об.).

[9] *Пусть он... изучит Россию не по одной Москве...*– К. С. Аксаков считал Москву средоточием русской народности, хранительницей русского духа. «Его привязанность к Москве доходила до фанатизма,– свидетельствовал И. И. Панаев,–...русских, имевших несчастие родиться на берегу Финского залива,... уже не признавал русскими» (Литературные воспоминания. С. 150). Выразительный портрет К. С. Аксакова нарисовал А. И. Герцен в «Былом и думах»: «К. Аксаков с мурмолкой в руке свирепствовал за Москву» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. IX. С. 153).

[10] *...о предложении, Грише сделанном.*– Имеется в виду предложение министра юстиции графа В. Н. Панина занять место товарища председателя гражданской палаты во Владимире (см. письмо С. Т. Аксакова от 26.VI.1844 г. //*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 55 об.), которое родные считали очень лестным и выгодным для Григория. Официальное распоряжение министра об этом назначении было отдано 13.VIII.1844 г.

[11] *...в духе Марлинского.*– И. С. Аксаков имеет в виду парафрастический стиль этого писателя (см. выше: «...употребив волю вместо серпа, не собрать богатой жатвы с поля...»). Марлинский – псевдоним Бестужева Александра Александровича (1797–1837), писателя, критика, выступавшего в защиту романтического искусства. Совместно с К. Ф. Рылеевым издавал в 1823–1825 гг. альманах «Полярная звезда». Участник декабрьского восстания 1825 г.

40 (с. 121)

15.VII 1844

[1] *Клейнмихель* Петр Андреевич (1793–1869), граф – главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями с августа 1842 г. до ноября 1855 г., с 1842 г. член Государственного совета.

² *...сброд Тиунских...*— Статьи, подписанные Владимиром Тиунским, обычно появлялись в библиографическом отделе «Москвитянина» (см. №№ 3, 5, 6, 8 и др. за 1844 г.). Это псевдоним сотрудничавших в 1844 г. в журнале Н. К. Калайдовича, Н. И. Стояновского и М. В. Поленова (?) – см. об этом: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т. III. С. 168; *Барсуков.* Кн. VII. С. 388–395.

³ *Что за топорные переводы романсов Лихонина?* – И. С. Аксаков имеет в виду «Романсы о Пирате (из Флейлихрата)» М. Лихонина в № 6 «Москвитянина». Лихонин Михаил Николаевич (1802–1864) – второстепенный поэт, переводчик. Его А. И. Герцен назвал рядом с Ф. Н. Глинкой, Н. В. Сушковым и Д. И. Коптевым, которые, как он считал, в совокупности образуют «замкнутую котерию бездарности, догнивающих остатков чего-то загнившего прежде зрелости» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 397).

⁴ *Тут еще есть антикритика...*— В «Москвитянине» была помещена антикритика М. Н. Лихонина – «Заметки на статью, помещенную в смеси „Отечественных записок" 1884, № 4, отд. III, с. 131», автор которой защищал мнение М. А. Дмитриева, не признававшего комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Лихонин также считал, что Грибоедову не удалось описать нравы общества, что он не умеет говорить по-русски и т. п. (см.: Москвитянин. 1844. № 6, ч. 3. С. 397–404).

⁵ *Статья о Павском... должно быть, Надеждина.*— Речь идет о начале рецензии на «Филологические наблюдения протоиерея г. Павского над составом русского языка», подписанной инициалами «Н. Н.» (псевдоним Н. И. Надеждина), в № 6 «Отечественных записок». Продолжение рецензии в № 8 журнала. Павский Герасим Петрович (1787–1863) – профессор Петербургского университета и Петербургской духовной академии.

⁶ *...хоть биографию Вильменя, хоть статью о Байкале обещаю я себе прочесть...*— Речь идет о заметке «Вильмен» о французском государственном деятеле и критике Абеле Франсуа Вильмене (1790–1870), напечатанной в «Отечественных записках» (1844. № 6), и статье Н. Щукина «Байкал» (Там же).

⁷ *...читать в «Москвитянине» в 77 раз «Суворовского ратника»... скучные рассуждения об осаде Троицкой лавры...*— В «Москвитянине» с начала 1844 г. почти в каждом номере печатался «Поход в Италию в 1799 году. Рассказ старика суворовского ратника» (без подписи). В № 6 за подписью «Д». (Д. П. Голохвастов) был напечатан огромный, с обещанием окончания в следующем номере «Ответ на рецензии и критику „Замечаний" об осаде Троицкой лавры». Речь в «Замечаниях» шла об осаде лавры в 1608–1610 гг.

⁸ *...забыл о стихах Языкова... по какому поводу был налит этот стакан стихов.*— И. С. Аксаков имеет в виду напечатанное в «Москвитянине» стихотворение Н. М. Языкова «М. П. Погодину», в котором есть такие строки:

...и вот
Тебе, мой давний доброхот,
Стакан стихов: на, пей!

(1844. № 6. Ч. 3. С. 190). Языков Николай Михайлович (1803–1846) – поэт, в 40-е годы близкий к Н. В. Гоголю и славянофильским кругам, брат жены А. С. Хомякова. Автор памфлетов на Т. Н. Грановского, А. И. Герцена, П. Я. Чаадаева («Константину Аксакову», «К не нашим», «К Чаадаеву», 1844), которые вызвали возмущение в обществе и привели к разрыву отношений представителей западнического и славянофильского лагерей.

41 (с. 124)

22.VII 1844

¹ *...описание праздника, данного вами крестьянам 11 июля.*— О празднике 11 июля см. прим. 1 к письму 38. 15.VII.1844 г. С. Т. Аксаков сообщил сыну, что он, Ольга Семеновна и Вера уехали в Абрамцево и там отлично отметили именины, сделали праздник крестьянам, продолжавшийся до ночи (см.: *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 60 об.).

[2] *Кроткое* — знакомый Аксаковых. Характеристику семейства Кротковых см.: *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1931. С. 236—242.

[3] *Когда Наполеон отпускал Бернадотта...*— Речь идет о Наполеоне I Бонапарте и Бернадоте Жане Батисте (1763—1844), маршале Франции. В 1810 г. был уволен Наполеоном в отставку, впоследствии шведский король Карл XIV Юхан. Перед отъездом Бернадота в Швецию Наполеон потребовал от него письменное обязательство не воевать с Францией, которое Бернадотом было отвергнуто. Далее в письме И. С. Аксаков неточно, по памяти, приводит слова из заметки «Карл XIV Иоанн (Бернадот), король шведский и норвежский», помещенной в «Отечественных записках»: «Ну, так ступайте,— сказал Наполеон, устремив взгляд на принца,— и пусть судьбы наши совершатся!» (1844. № 4. С. 95.) Во время войны с Наполеоном Бернадот во главе шведских войск сражался на стороне союзников сначала на территории Германии, а затем и Франции.

[4] *...аудиториатского отделения...*— отделения для военного судопроизводства.

[5] *...как карфагенцы в Капуе.*— Капуя — город на юге Италии, взятый карфагенянами во главе с Ганнибалом во время Второй пунической войны (218—201 до н. э.). Войско расположилось в Капуе на зимний отдых, за время которого римляне сумели отбить город и впоследствии одержать победу в войне.

[6] *...работаю все-таки больше всех...*— Ф. А. Бюлер вспоминал, что в Астрахани И. С. Аксаков работал больше, чем все остальные чиновники, вместе взятые (см.: *РС*. 1886. Дек. С. 640).

[7] *...в кичках...*— Кичка — старинный русский головной убор замужней женщины, надеваемый по праздникам.

[8] *...о... молодом Церенджабе (претенденте на известную вам руку)...*— См. прим. 1 к письму 42 и с. 129 наст. изд.

42 (с. 127)

30.VII 1844

[1] *Вы сообщаете мне про брак Глумилиной. Имя ее мужа заставило меня так расхохотаться...*— Глумилина Мария Михайловна (1825—1849) — племянница С. Т. Аксакова, дочь его сестры Софьи Тимофеевны и Глумилина Михаила Васильевича. В 1844 г. вышла замуж за Ахиллеса (Сильвестра) Францевича Россоловского, учителя первой казанской гимназии. Сообщая эту новость, С. Т. Аксаков писал, что по отзыву Софьи Тимофеевны, жених «человек прекрасный, но совершенно бедный, служит по ученой части», был учителем у братьев невесты. Сергей Тимофеевич предполагал, что родители невесты недовольны этим романтическим браком (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 63, 63 об.). Действительно, в письме от 11.VIII.1844 г. С. Т. Аксаков добавлял: «Соф⟨ья⟩ Тим⟨офеевна⟩ говорит, что Ахиллес дурак (вероятно в оправдание своего неблагоразумия), а Анна Степан⟨овна⟩ пишет, что он красавец: я верю Анне Степановне!..» (Там же. Л. 68 об.). Сын Сильвестра Францевича и Марии Михайловны, после родов которого она умерла, Вячеслав Сильвестрович Россоловский (1849—1908), журналист, принимал деятельное участие в издании и распространении писем И. С. Аксакова после его смерти, помогая сначала А. Ф. Аксаковой, а затем О. Г. Аксаковой. Анна Степановна — А. С. Кроткова (1819—1888), жена брата С. Т. Аксакова Аркадия Тимофеевича.

[2] *А г⟨осподи⟩н Россоловский рекомендовал ли себя родственникам письмами?* — С. Т. Аксаков отвечал сыну, что получено неглупое письмо от А. Ф. Россоловского и от невесты — «пресмешное, на романических ходулях» (Письмо от 11.VIII. 1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 68 об.).

[3] *Играли... «Казака Климовского»... слушали давно знакомые звуки: «Не хочу я никого, только тебя одного».*— Имеется в виду опера-водевиль А. А. Шаховского «Козак-стихотворец» (Спб., 1815). Климовский — действующее лицо этой оперы. «Не хочу я ничего, тильке тебе одного» — слова, которые поет в 1 явлении Маруся, любовница Климовского.

[4] *...штабс-ротмистр* — офицерский чин в кавалерии и жандармерии царской армии, соответствует штабс-капитану.

43 (с. 130)

5.VIII 1844

1 *Чернышев* Александр Иванович (1786–1857), князь – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с 1827 до 1852 г.– военный министр, с сентября 1848 г. по апрель 1856 г.– председатель Государственного совета и Комитета министров.

2 *На Кавказе строится крепость.*– Постройку какой крепости имел в виду И. С. Аксаков – неизвестно. 22.VIII.1844 г. было заложено укрепление Воздвиженское неподалеку от аула Чех-Кери (см.: История русской армии и флота. М., 1911. Вып. 6. С. 89), но письмо И. С. Аксакова написано раньше этого события.

3 *...с ильина дня...*– дня пророка Ильи, отмечаемого 20 июля.

4 *...преображение.*– праздник отмечается 6 августа.

5 *Берта* – имя героинь средневековых сказаний. Королевами *Бланш* (Белыми королевами) назывались вдовствующие французские королевы. Они носили белые одежды. Какой была их прическа, выяснить не удалось: по всей вероятности, она отличалась скромностью.

6 *...для чего Самарин хочет служить у Панина.*– Ю. Ф. Самарин отправился в Петербург 7.VIII.1844 г., а 26.X.1844 г. был назначен чиновником особых поручений департамента министерства юстиции, которое возглавлял В. Н. Панин. Свое поступление на службу Самарин рассматривал как «акт покорности и подчинения необходимости. Оно противоречит и убеждению моему, и сочувствиям, и целям; оно не согласно и с призванием моим, ни с способностями моими» (Письмо Д. А. Оболенскому без даты. // *РА*. 1880. № 2. С. 328).

7 *...валахом из тармаламы, мною присланной.*– Смысл высказывания не вполне ясен. Валах – растение из семьи жабниковых, желтоголовник. Возможно, что имеется в виду больная сестра Ольга, поскольку тармалама (см. о ней прим. 4 к письму 8) предназначалась ей, и И. С. Аксаков писал про ее целебную силу. Но из материи сшили халаты С. Т. Аксакову и брату Константину.

44 (с. 132)

12.VIII 1844

1 *Львов* Георгий Владимирович (1821–1873), князь – приятель И. С. Аксакова по Училищу правоведения. В 1844 г. Львов состоял при сенаторе И. Н. Толстом, ревизовавшем с 1842 г. Восточную Сибирь (ревизия продолжалась около 4 лет). Письма (5) Г. В. Львова И. С. Аксакову 1842–1843, 1871 гг. см. в *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 347. Среди них находится письмо из Якутска от 11.VIII.1843 г., о получении которого и сообщал И. С. Аксаков. Во второй том невышедшего «Московского сборника» 1852 г. И. С. Аксаков намеревался включить статью Львова о его поездке на Камчатку.

2 *Исключая интересной... статьи о лекциях Грановского...*– Статья «О публичных чтениях г-на Грановского (Письмо второе)», появившаяся в «Москвитянине» за подписью «А. Г.», принадлежала А. И. Герцену (1844. № 7, ч. IV). Начало статьи в «Московских ведомостях» 1843 г. (27 нояб.).

3 *...все остальное начинено Иванчин-Писаревым, «Суворовским ратником»...*– О «Суворовском ратнике» см. прим. 7 к письму 40. Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1790–1849) – историк-дилетант, поэт, близкий к кругам московских сентименталистов. Почти в каждом номере «Москвитянина» появлялись его материалы (в отделах «Московская летопись», «Смесь», «Библиография» и др.).

4 *...страшилище всего живущего!»* – В «Москвитянине» было напечатано слово епископа харьковского и ахтырского Иннокентия «О Весне», из которого И. С. Аксаков и цитирует выражение «Это не царь природы...», относящееся к укутанному зимою человеку (1844. № 7, ч. 4. С. V). Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич) (1800–1857) – архиепископ (с 1845 г.), церковный оратор.

5 *...пановскую книжку...*– Речь идет о «Путешествии по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации» (М., 1844).

6 *«Русская Людмила»* – баллада М. А. Дмитриева. По другим сведениям, баллада имела название «Петербургская Людмила». Н. М. Языков писал братьям 4.VI.1844 г.: «‹М. А.› Дмитриев написал новую балладу под заглавием „Петер-

бургская Людмила. Московская баллада“. Слово идет о Краевском и Белинском. Зло, очень зло и метко. Жаль только, что эту балладу нельзя читать в дамском порядочном обществе...» (*ЛН*. 1950. Т. 56, II. С. 157). Дмитриев был также автором памфлетов «К ним», «Безымянному критику», направленных против западников, что В. Г. Белинскому дало право назвать произведения этого поэта «рифмованными денонциациями» (Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. VII. С. 637). Уничтожающую характеристику Дмитриеву дал А. И. Герцен (Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. XXII. С. 162).

7 *На месте Краевского...*— О Краевском см. прим. 6 к письму 30.

8 *...Глинка муж и Авдотья Павловна...*— Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, публицист, в молодости член Союза благоденствия, затем сотрудник «Москвитянина», мистик. Авдотья Павловна Глинка, урожденная Голенищева-Кутузова (1795—1863) — жена Ф. Н. Глинки, поэтесса.

45 (с. 134)

19.VIII 1844

1 *...учужные воды были подарены Павлом князю Куракину...*— Высочайшее пожалование князю Куракину рыболовных вод было сделано в 1796 г., а в 1798 г. князья А. и Б. Куракины пожертвовали воды г. Астрахани (см.: *Штылько А.* Астраханская летопись. 1554—1897 гг. Астрахань, 1898. С. 30—31).

2 *...отделил вязигу...*— связки вдоль хребта красной рыбы.

3 *...собрал несколько денег для церквей Далмации и Герцеговины.*— И. С. Аксаков предпринял этот шаг, возможно, под влиянием брошюры, выпущенной в 1844 г. его родственником В. А. Пановым «Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации», который стремился вызвать сострадание к судьбе православных славян в Далмации. На памяти И. С. Аксакова был и недавний (в конце 30-х годов) приезд в Москву панслависта Людевита Гая, выдающегося деятеля хорватского народа, и организованная по этому случаю подписка в пользу православных братьев в Далмации (см. письмо Ю. Ф. Самарина К. С. Аксакову без даты // *РА*. 1880. № 2. С. 250). Во время своего заграничного путешествия 1842—1844 гг. близкий к славянофильским кругам Ф. В. Чижов также посетил Далмацию (см. об этом: Отрывок из письма Ф. В. Чижова из Рима к П. В. Голубкову // Москвитянин. 1844. № 2, ч. 1).

4 *Я сел и написал 30...*— Стихи эти были впервые опубликованы Ф. А. Бюлером (*РС*. 1886. № 12. С. 650—651) с добавлением 3 куплетов, которых нет в письме И. С. Аксакова к родным.

Вот купчиха не простая:
Это дума городская,
Хочет пыль в глаза пустить!
Не к лицу ей астраханских
Сил гильдейских и мещанских
Представительницей быть!

Баба ловкая купчиха,
Не дурна и смотрит лихо,
Но морщин закрыть нельзя!
Ридикюль ее хоть полон...
Да для города он солон...
Так повсюду слышал я!

Пусть себе гуляет дума!..
Это кто глядит угрюмо?
Не добьешься пары слов?
Хоть она не из смиренных,
Экспедиция тюленных
И всех рыбных промыслов.

5 *...Филарет идет в схимники?* — Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1782—1867) — митрополит московский с 1826 г. Речь идет о Гефсиманском ските, устро-

енном Филаретом в двух верстах от Троице-Сергиевой лавры. См. также письмо С. Т. и О. С. Аксаковых Н. В. Гоголю от 9.X.1845 г., в котором сообщалось об устройстве Филаретом скита в Троице (см.: *История моего знакомства с Гоголем.* С. 150).

6 *Очень рад, что Россоловский удался.*— См. прим. 1 и 2 к письму 42.

7 *Воспоем... Ахилла!* — Ахиллом называли Россоловского (см. прим. 1 к письму 42).

46 (с. 140)

26.VIII 1844

1 *Итак, Гриша владимирский житель... Вот ему... прикажите не экономничать...*— Известие о состоявшемся назначении Г. С. Аксакова во владимирскую гражданскую палату привез Аксаковым Николай Лаврентьевич Розенбаум, приятель Ивана по Училищу правоведения, отправлявшийся на ревизию в Восточную Сибирь (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 18.VIII.〈1844 г.〉// *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 72 об.). В семье Аксаковых Григорий был известен своею экономностью, доходившей до скупости, что особенно беспокоило мать. В одном из писем 1844 г. (без даты) она писала Ивану, что только временно разрешает Григорию заниматься хозяйством в Абрамцеве, а впоследствии решительно не допустит, поскольку это занятие «портит» и «сушит» его душу, лучше, считала она, передать хозяйство в чужие руки, «чем видеть в сыне своем хотя бы часть *Плюшкина*, уж никакие благородные интересы не будут доступны» (Там же. Карт. XVI. Ед. хр. 5. Л. 11 об.). См. также письмо сестры Веры Ивану от 11.III.1844 г.— *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 3 об. Сравнение Григория с Плюшкиным не единственное в письмах Ольги Семеновны — 5.VII.1844 г. она писала Ивану: «...а Гриша скупеет с каждым днем, боюсь из него Плюшкина» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 21 об.). Перед отъездом во Владимир мать с сыном ездила за покупками и очень сердилась, что Григорий не только лишнего, но и нужного не позволял покупать (см. письмо от 23.IX.〈1844 г.〉// Там же. Л. 27 об.).

2 *Во вторник и середу праздник...*— 29 августа отмечали усекновение главы Иоанна Крестителя, 30 августа — перенесение мощей князя Александра Невского и нахождение мощей князя Даниила Московского.

3 *...пусть Панов и пришлет сюда три экземпляра.*— Своей брошюры «Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации» (М., 1844).

47 (с. 142)

3.IX 1844

1 *Блюхер* Гебхард Леберехт (1742—1819) — фельдмаршал, главнокомандующий прусско-саксонской армией, принимавшей в 1815 г. участие в сражении с Наполеоном. *Веллингтон* Артур Уэлсли (1769—1852), герцог — фельмаршал, в 1815 г. командовал англо-голландской армией, победившей наполеоновскую в сражении под Ватерлоо. *Эперне* — французский город на реке Марне, известный своими шампанскими винами.

2 *...некто Львов... камер-юнкер, присланный сюда министерством государственных имуществ...*— Имеется в виду Львов Леонид Федорович — титулярный советник, секретарь при министре государственных имуществ.

3 *...со мной нет Крейцера...*— Подразумевается труд немецкого филолога Крейцера Георга Фридриха (1771—1858) «Symbolik und Mythologie der alten Völker» (Символика и мифология древних народов), 1810—1824.

4 *...стоял на алтаре литой истукан, Шекжемуни-Геге.*— Самый почитаемый из бурханов. Бюлер назвал его Шакджй-Мюнй-Геген, по-тибетски его называют Сягцья-Туба, по-монгольски — Шагя-Муни, по-китайски Шигя (см.: *Бюлер Ф. А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // *ОЗ.* 1846. Т. 47, № 8. С. 118).

[5] *...воротился... к... пенатам...*— Пенаты – родной дом (от имени пенатов – римских богов, покровителей семьи, домашнего очага).

[6] *...Гриша скоро едет во Владимир...*— Из-за нездоровья отъезд Г. С. Аксакова был отложен, он уехал во Владимир 8.X.1844 г. (см. письмо О. С. Аксаковой Ивану от 7.X.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 30 об.).

48 (с. 148)

10.IX 1844

[1] *...поздравляю вас с 14-м... 17-го числа... возобновляю свои поздравления...*— См. прим. 2 к письму 38.

[2] *...управляющего соляными озерами Мартоса (сына знаменитого скульптора)...*— Мартос Иван Петрович (1754–1835) – скульптор, автор памятника Минину и Пожарскому в Москве, герцогу Ришелье в Одессе и др.

49 (с. 151)

17.IX 1844

[1] *...поздравляю и цалую всех именинниц... поздравляю вас и с 20-м, и с 25-м числами...*— См. прим. 2 к письму 38.

[2] *...вы наняли дом княгини Шаховской, но не пишете, за сколько?* – Дом княгини Шаховской в Газетном переулке, который нашла О. С. Аксакова, был нанят на условии годовой платы 3800 р. (см. письмо С. Т. Аксакова детям от 7.IX.1844 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 11 об.). Переехала семья в этот дом 5.X.1844 г. (см.: *История моего знакомства с Гоголем*. С. 136).

[3] *Вы пишете... про третью часть диссертации... диссертации знакомо мне только начало...*— Речь идет о диссертации К. С. Аксакова, в начале которой автор писал о том, что поэзия – «отвлеченная сила», «сфера абсолютного духа», которая одухотворяет и освобождает от всего случайного свой материал, то есть слово; слово получает оправдание и разрешение в поэзии, «воплощающей в нем свое глубокое абсолютное содержание» (*Аксаков К. С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 9, 10, 68). И. С. Аксакову, в начале 1844 г. уехавшему в Астрахань, было известно только начало работы.

[4] *«Гром победы, раздавайся, Веселися, храбрый Росс».*— Слова из хора для кадрили, впервые исполненной 28.IV.1791 г. по случаю взятия Измаила в доме генерал-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврического (слова Г. Р. Державина, музыка О. А. Козловского). До 1833 г. исполнялся как русский гимн.

[5] *...к 26 числу...*— День рождения И. С. Аксакова.

[6] *Поздравляю Сашу с дочерью. Я дядя.*— 2.IX.1844 г. О. С. Аксакова известила Ивана, что у Саши Воейкова родилась дочь Софья (см. *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 24 об.).

50 (с. 153)

24.IX 1844

[1] *Сколько у вас хлопот было!..*— Имеются в виду заботы, связанные с поисками и наймом дома в Москве (см. прим. 2 к письму 49), а также с переездом семьи из Абрамцево в город.

[2] *...16-го переезжают деревенские жители, когда же переедут башиловские?* – Под деревенскими жителями подразумеваются жители Абрамцева, башиловские – больная сестра Ольга и те, кто при ней попеременно находился. См. прим. 5 к письму 34.

[3] *...письмо от Оболенского.*— Д. А. Оболенского.

[4] *Шереметев* Василий Александрович (1795–1862) – петербургский гражданский губернатор, в 1843–1847 гг. товарищ министра юстиции, в 1856–1857 гг. министр государственных имуществ, член Государственного совета. *Шипов* Сергей Павлович – генерал-адъютант, с 1841 по 1846 г. военный губернатор Казани, где в это время служил Д. А. Оболенский.

5 *Неужели Самарин не пишет к Константину про впечатления Петербурга?* — Описание встреч Самарина с В. Г. Белинским, М. С. Щепкиным, Н. И. Надеждиным, знакомства с А. О. Смирновой содержится в его письме к К. С. Аксакову от 10.IX.1844 г. (*Самарин* Т. XII. С. 141–144).

6 *...магистр Линовский воротился и начинает читать лекции сельского хозяйства.*— Первую лекцию по сельскому хозяйству в Московском университете Я. А. Линовский прочел 20.IX.1844 г. Преподавал в Московском университете 2 года, до своей смерти в 1846 г.

51 (с. 156)

1.X 1844

1 *Неужели ей будет 13 лет?.. она слишком мала ростом.*— М. А. Аксакова родилась в 1831 г., следовательно, в 1844 г. ей исполнилось 13 лет. Ей посвящено шуточное стихотворение К. С. Аксакова «Мой Марихен так уж мал...», впоследствии положенное на музыку П. И. Чайковским (с заменой «Марихен» на «Лизочек»).

2 *Вот мне и совершеннолетие стукнуло.*— 26.IX.1844 г. И. С. Аксакову исполнился 21 год. Сестра Надежда писала ему: «Вот и последнему из моих братьев 21 год! Наконец ты совершеннолетен, милый Jean! Поздравляю тебя от души, к этому году желают благоразумия, но тебе нечего его желать, ты уж и так слишком благоразумен» (Письмо без даты // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 31. Л. 1).

3 *...сделаю визит доброму атаману!* — Т. е. Э. Д. Бригену. В. С. Аксакова радовалась, что Иван зайдет к атаману, «они добрые люди, пишут к Занден, что тебя нигде не видно, даже на улице редко встретить можно, что они очень жалеют, что ты у них так редко бываешь» (Письмо от 14.X.1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 3 об.).

52 (с. 157)

7.X 1844

1 *«Гром победы, раздавайся, Веселися, храбрый Росс!»* — См. прим. 4 к письму 49.

2 *...письмо от одного из своих училищных товарищей из Омска...*— Кто из выпускников Училища правоведения прислал письмо И. С. Аксакову, выяснить не удалось. При сенаторе И. Н. Толстом, ревизовавшем в это время Восточную Сибирь, из товарищей Ивана, окончивших Училище правоведения в 1842 г., находились: Розенбаум Н. Л., Сиверс А. К., Ферзен Е. Е., Львов Г. В., Ралль А. Ф., Лерхе К. В.

3 *Это «Водяной».*— Стихотворение поэтессы Ю. В. Жадовской было напечатано в «Москвитянине» (1844. № 6, ч. 3. С. 194) за подписью «Ю. Ж.».

53 (с. 160)

15.X 1844

1 *Курьер сказал вам вздор, что я был серьезно болен.*— Приехавший в Москву курьер князя П. П. Гагарина рассказал Г. С. Аксакову о болезни Ивана (см. письмо Веры Ивану от 3.X.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 25).

2 *...благодаря... саленской микстуре...*— Саленская микстура назначалась при раздражении слизистой оболочки пищеварительного канала.

3 *Бюлер получил «Отечественные записки», в них помещен роман Диккенса...*— Ф. А. Бюлер получил девятый номер «Отечественных записок» за 1844 г., в котором была напечатана 1-я часть романа Чарлза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чодзльвита».

4 *Неужели Костя не сбрил бороды и не скинул зипуна?* — В письме М. П. Погодину от 1.VII.1844 г. К. С. Аксаков писал: «...не брею бороды до тех пор, пока диссертация не будет окончена» (*Барсуков*. Кн. VII. С. 421). В ноябре 1844 г. В. С. Аксакова радостно извещала Ивана о решении Константина сбрить бороду (Письмо от 22.XI.⟨1844 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 50 об.). Но с русским костюмом он не расстался и к приехавшей осенью 1845 г. в Москву А. О. Смир-

новой пришел «в зипуне на красную кумачовую рубашку, подпоясанный пестрым кушаком, с ермолкой в руке» (*Смирнова-Россет А. О.* Автобиография. М., 1931. С. 303).

54 (с. 162)

22.X 1844

[1] *...написал ему следующую записку... от такового-то к барону Римской империи...*— Это обращенные к Ф. А. Бюлеру шуточные стихи, впервые напечатанные им в «Русской старине» (1886. № 12. С. 652) с незначительными разночтениями. Обращением И. С. Аксаков намекает на то, что предок Ф. А. Бюлера Яков Альбрехт Бюлер в 1784 г. был возведен императором Иосифом II в баронское Римской империи достоинство (см.: *Долгоруков П.* Российская родословная книга. Спб., 1856. Ч. 3. С. 315).

[2] *...veni, vide et audi* (приди, посмотри и послушай.— *Лат.*)...— Перефразировка слов Юлия Цезаря veni, vidi, vici (пришел, увидел, победил).

[3] *...вы пишете про хаос и беспорядок, царствующий в доме.*— В связи с переездом семьи из Абрамцева в Москву (см. прим. 2 к письму 49).

[4] *...библиотека для военных.*— Очевидно, имеется в виду «Библиотека для воспитания» (1843–1846), которую выпускали П. Г. Редкин и Д. А. Валуев. В ней принимали участие профессора Московского университета, К. С. Аксаков собирался написать для этого журнала статью о князе Д. М. Пожарском, но не осуществил этого намерения (см. письмо А. С. Хомякова Ю. Ф. Самарину от 10.X.〈1844 г.〉 // *Хомяков.* Т. VIII. С. 237). Свои мысли о Пожарском К. С. Аксаков изложил в статье «Семисотлетие Москвы» (Моск. ведомости. 1846. 23 апр.). А. С. Хомяков настойчиво побуждал к сотрудничеству в журнале знакомых. А. В. Веневитинову он писал 18.V.1844 г.: «... тебе надобно интересоваться „*Библиотекою для воспитания*“. В ней участвуют почти все университетские деятели, участвую и я» (*Хомяков.* Т. VIII. С. 71).

[5] *Я не верю тому, что сказал вам Яша про Оболенского...*— Я. Г. Карташевский вернулся из Оренбургской губернии, где пил кумыс (см. письмо Веры Ивану от 3.X.〈1844 г.〉 // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 24 об., 25), был в Казани, где и слышал, очевидно, рассказы о Д. А. Оболенском или встречался с ним. Эти отзывы находились в противоречии со слышанным от Ю. Ф. Самарина (см. прим. 2 к письму 20).

55 (с. 164)

29.X 1844

[1] *...губернатор человек еще молодой и образованный.*— С 1842 г. владимирским гражданским губернатором был Донауров Петр Михайлович, сменивший на этом посту И. Е. Куруту.

[2] *...Дмитрий Оболенский... переводится товарищем председателя в Калугу.*— Очевидно, это назначение не состоялось. В 1845 г. он товарищ председателя тульской гражданской палаты, поэтому по возвращении с ревизии И. С. Аксаков мечтал получить назначение в Тулу.

[3] *...не намерен... менять места... не приму никакого другого, кроме прокурорского.*— См. прим. 7 к письму 35.

[4] *...завернем к Давыдову.*— В. В. Давыдову.

[5] *Вы негодуете, что меня завалили работой...*— В. С. Аксакова 14.X.1844 г. писала: «Однако ж тебя бессовестно заваливают работами» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 3), О. С. Аксакова в письме от той же даты также выражала недовольство: «...на тебя как на рабочего вола взваливают всю работу»; «Русская пословица справедлива и к тебе совершенно подходит: *какая лошадь везет, ту и погоняют*» (Там же. Ед. хр. 7б. Л. 32, 32 об.).

[6] *К атаману заеду проститься.*— Т. е. к Э. Д. Бригену.

56 (с. 166)

5.XI 1844

[1] *Акакий Акакиевич* – герой повести Н. В. Гоголя «Шинель».
[2] *...люблю Оболенского... Яша врет.*– Речь идет о Д. А. Оболенском. См. прим. 5 к письму 54.
[3] *Саламат* – жидкий кисель, мучная каша.
[4] *...удивило известие, что Костя занимается во флигеле у Ник⟨олая⟩ Тим⟨офееви-ча⟩.*– Об этом сообщила Ивану В. С. Аксакова 22.X.⟨1844 г.⟩, добавив, что не знает, хорошо ли идет работа (см.: *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20б. Л. 51 об.).
[5] *...прочел я вторую часть романа Диккенса.*– Вторая часть романа Чарлза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чодзльвита» была напечатана в «Отечественных записках» (1844. № 10).
[6] *...надоели антологические стихотворения... «...и полуденного сада»...*– Речь идет о стихотворении А. Н. Майкова «Испытание» (*ОЗ.* 1844. № 10), в котором есть строка: «Под сенью миртовой полуденного сада». Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт, переводчик, критик.
[7] *...посылаю вам стихи свои... «Колумб с приятелями».*– И. С. Аксаков давал зарок не печататься в «Москвитянине», но, когда журнал взял в свои руки И. В. Киреевский, он отдал ему это стихотворение, которое и было напечатано во втором номере 1845 г. за подписью «И. А.» и с поставленной под стихотворением датой «1 ноября 1844 г. Астрахань».

57 (с. 168)

8.XI 1844

[1] *Сарепта* – см. прим. 14 к письму 4.

1845

Подлинники писем 58–73, 75–80, 82–96, 98–169 – *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 19. Л. 1–222 об. Подлинники писем 74, 81, 97 – Там же. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 6–15 об. Впервые – *Письма. Т. I.* С. 232–436. Письма относятся к калужскому периоду жизни И. С. Аксакова (1845–1847).

58 (с. 169)

7.IX 1845

[1] *Попов* Александр Николаевич (1821–1877) – славянофил, в 1839 г. окончил юридический факультет Московского университета, в 1842 г. защитил магистерскую диссертацию «„Русская правда" в отношении к уголовному праву», впоследствии занимался историческими исследованиями. Член Археологического общества (с 1850 г.), член Редакционной комиссии по крестьянскому делу (1860 г.). Отзыв о нем В. Г. Белинского см.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. XII. С. 432. Дмитриев-*Мамонов* Эммануил Александрович (1823–1883) – художник, друживший со славянофилами. В семье Аксаковых Мамонова любили: «Даров божьих много в этом человеке»,– писал С. Т. Аксаков Ивану 23.XI.1856 г. (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 д. Л. 5 об.). В другом письме он же отмечал, что Мамонов «истинно добрый человек» (Письмо Ивану от 1.III.1854 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 36 об.).
[2] *...видел огонь в тропаревской церкви... по случаю престольного праздника.*– Отправившись из Москвы по старой Калужской дороге, И. С. Аксаков видел церковь Михаила архангела (построена в 1693 г.). 6 сентября церковь отмечала воспоминание чуда архистратига Михаила, бывшего в Хонех.
[3] *Порфир* – камердинер И. С. Аксакова (см. с. 173 наст. изд.).

4 *Сенявин* Иван Григорьевич (1801–1851) – камергер, московский гражданский губернатор с 1840 до 1844 г., с 1844 г. до кончины товарищ министра внутренних дел.
5 *Понева* – шерстяная домотканная юбка.
6 *Егор* – слуга И. С. Аксакова, работавший по найму и умерший в Калуге (см. с. 175 наст. изд.).
7 *Матюшка* – слуга И. С. Аксакова.
8 *...лечил доктор Газ...*– Правильно: Гааз Федор Петрович (1780–1853) – старший врач московских тюремных больниц, имевший обширную частную практику. Беднякам оказывал помощь бескорыстно. См. о нем: *Кони А. Ф.* Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. Спб., 1904.
9 *Белладонна,* или красавка,– ядовитое растение, применяемое в медицине как болеутоляющее.
10 *Смирнов Николай Михайлович* (1807 или 1808–1870) – церемониймейстер двора (1839), камергер (1845). Служил в московском архиве министерства внутренних дел, при русской миссии во Флоренции и Берлине, в министерстве внутренних дел, с 1845 по 1851 г.– калужский губернатор, в 1855–1860 гг.– петербургский гражданский губернатор, с 1861 г. сенатор.
11 *...жена его...*– Смирнова Александра Осиповна, урожденная Россет (1809–1882) – фрейлина. Известна была своей дружбой с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, Н. В. Гоголем, Н. М. Языковым, А. С. Хомяковым.
12 *Карпов* Григорий Степанович – надворный советник.
13 *Унковский* Семен Яковлевич (умер в 1882 г.). О нем А. О. Смирнова из Калуги писала Н. В. Гоголю: «Здесь есть некто Унковский, который 40 лет живет в Калуге, человек в высокой степени благоразумный, христианин, прекрасный отец семейства и всеми здесь уважаемый» (Письмо от 7.II.1846 г. // *РС.* 1890. Июль. С. 203). С. Т. Аксаков, отвечая 24.X.1845 г. на письмо сына с похвальными отзывами об Унковском, заметил: «Очень мне грустно, милый друг Иван, что ты живешь в совершенном одиночестве. Старик Ун⟨ковский⟩ хоть весьма почтенный человек, но совсем тебе не товарищ, ни по годам, ни по своему, как мне кажется, антипоэтическому направлению...» (*ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 2 об.). Действительно, после того как Унковскому стало известно, что И. С. Аксаков – поэт, последний «много потерял» в его мнении (см. с. 242 наст. изд.). Впоследствии С. Я. Унковский был членом Калужского Комитета по крестьянскому делу.
14 *...старшего сына, Михайлы...*– М. С. Унковского. И. С. Аксаков был особенно дружен с сыновьями С. Я. Унковского Михаилом и Федором. Федор окончил Училище правоведения на год раньше И. С. Аксакова – в 1841 г., служил коллежским секретарем в 7 департаменте Правительствующего Сената вместе с Г. С. Аксаковым, затем товарищем председателя владимирской уголовной палаты одновременно со служившим там товарищем председателя гражданской палаты Г. С. Аксаковым. О дружеских отношениях между И. С. Аксаковым и Ф. С. Унковским свидетельствует переписка. Письма последнего к И. С. Аксакову 1847, 1852 гг. и недатированные хранятся в ИРЛИ (Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 634).
15 *...с женою.*– Унковская Варвара Михайловна, урожденная Белкина.
16 *Дочерей я видел...*– Старшая Вера (см. с. 180 наст. изд.) и Авдотья. Смирнова сообщала: «У него (Унковского.– *Т. П.*) было две дочери: меньшая – Душа, была кроткая и приятная девица. Старшая вышла замуж за Кабрита, которого отец был постоянно пьян, что весьма некстати для председателя казенной палаты» (*Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 250). Но Смирнова ошиблась, утверждая, что Вера Унковская вышла замуж за Кабрита – Андрей Федорович Кабрит приехал в Калугу из Перми с тремя дочерьми (см. с. 326 наст. изд.), сын его Николай Андреевич остался служить в Перми в палате государственных имуществ чиновником особых поручений. На младшей дочери А. Ф. Кабрита женился старший сын С. Я. Унковского Михаил (см. с. 352 наст. изд.). Вера Унковская вышла замуж за Владимира Никитича Унковского, своего дальнего родственника, «человека очень доброго, благородного, твердого, настоящего мужа» (Письмо Ф. С. Унковского И. С. Аксакову от 26.XI.1848 г. // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 1 об.). Авдотья посвятила себя уходу за отцом. Письма С. Я. и А. С. Унковских И. С. Аксакову находятся в *ИРЛИ* (Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 631, 633). Читая в письмах Ивана одобрительные отзывы о дочерях Унковского (см. с. 218 наст. изд.), О. С. Аксакова мечтала женить на одной из них

своего сына Григория (см. письмо Ивану без даты // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 43. Л. 3 об., 4 об.).

59 (с. 172)

9.IX 1845

[1] *Бульвар... в виде... целого сада, и действительно, а не насмех, тенистого и развесистого.*— И. С. Аксаков намекает на описание городского сада в первой главе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

[2] *Статью Хомякова о путешествиях...*— Речь идет о статье «Мнение иностранцев о России» (Москвитянин. 1845. № 4). Начав ее с мысли о пользе и вреде путешествий за границу, автор осудил слепую доверчивость русских к европейской мысли, призывая уважать историческую жизнь России.

[3] *«Консульство и империя».*— И. С. Аксаков читал в Калуге работу французского политического деятеля и историка Адольфа Тьера (1797—1877) «Histoire du consulat et de l'Empire» (История консульства и империи). P., 1845—1869. Т. I—XXI.

[4] *Хрущов* Борис Петрович — действительный статский советник.

[5] *...к председателю палаты... государств⟨венных⟩ имущ⟨еств⟩... Брылевичу...* — Правильно: Брилевич Александр Васильевич – коллежский советник, с 1854 г. чиновник особых поручений при министре государственных имуществ.

[6] *Писарев* Николай Александрович – титулярный советник, председатель калужского гражданского суда.

[7] *...комната одна не совсем ухичена.*— Т. е. не приготовлена к зиме, не защищена от холода.

[8] *...поздравляю... всех именинниц.*— См. прим. 2 к письму 38.

60 (с. 175)

15.IX 1845

[1] *...много моих вещей, которые я считал потерянными...*— В ответном письме С. Т. Аксаков писал в Калугу: «Несмотря на седые мои волосы и долголетнюю опытность, в продолжении которой встречались люди *почище* Егора,— все-таки Егор поразил меня своим наглым притворством» (Письмо от 24.IX.1845 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 2).

[2] *...отдавая... беленькую... две красных...*— Беленькая – двадцатирублевая ассигнация; красная – десятирублевая ассигнация.

[3] *Тобиас* Карл Соломонович – титулярный советник.

[4] *...празднуя тысячелетнее торжество...*— И. С. Аксаков имеет в виду торжество христианства (ср. на с. 348 наст. изд. «1847 лет христианства»).

61 (с. 178)

18.IX 1845

[1] *Не писал только во Владимир...*— Во Владимире служил брат И. С. Аксакова Григорий (товарищ председателя гражданской палаты).

[2] *Письмо к Оболенскому...*— Имеется в виду письмо Д. А. Оболенскому от 17.IX. 1845 г. (см.: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30). Идущее далее в тексте письма И. С. Аксакова родным стихотворение полностью было опубликовано Е. С. Калмановским (*Стихотворения...* С. 55—56) по тексту вышеупомянутого письма к Оболенскому. В тексте стихотворения в публикации Калмановского имеются незначительные неточности по сравнению со стихотворением, находящимся в письме родным: в письме родным вместо «столб мостовый» слова «столб мачто́вый» (намек на высокий рост Панина), также приведены два варианта словосочетания: «тому виной» и «всему виной» в предпоследней строфе.

62 (с. 180)

24.IX 1845

[1] *...превосходный портрет... Смирновой, в восточном платье, чалме...*— Портрет работы Франца Ксавера Винтергальтера (1805—1873), немецкого художника. О Смирновой см. прим. 11 к письму 58.

2 *На другом портрете все трое детей его вместе: две девочки и сын, старшей, говорят, уже 12 лет.*– И. С. Аксаков допустил неточность – сын Михаил родился у Смирновых только в 1847 г. Поэтому в подлиннике издателями «Писем» слово «сын» было зачеркнуто и сверху написано «три девочки». В 1845 г. у Смирновых было три дочери: Ольга Николаевна, Софья Николаевна (в замужестве Трубецкая), Надежда Николаевна (в замужестве Сорен). Старшей дочери Ольге, родившейся в 1834 г., в 1845 г. было 11 лет.

3 *...и меньшими братьями...*– Унковские Сергей Семенович и Яков Семенович.

4 *...не пропускаю ни малейшего случая, где могу ввернуть доброе семечко.*– Зиму 1844–1845 гг. И. С. Аксаков провел в Москве, и влияние на него славянофильских идей усилилось. По приезде в Калугу он стал вести всегдашние славянофильские разговоры о русском платье, реформах Петра I, отрыве русского общества от народа, достоинстве мужика (см. с. 181, 195, 198 и др. наст. изд.), подыскивал новых адептов «московского направления» (см. с. 181, 208 наст. изд.), мечтал придать калужским губернским ведомостям славянофильский характер (см. с. 199 наст. изд.). К. С. Аксаков был чрезвычайно обрадован стараниями брата: «Теперь, милый Иван, скажу тебе, как я рад, что ты не пропускаешь случая говорить о Москве, как я тебе благодарен» (Письмо без даты ⟨от октября 1845 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 33 об.).

5 *...благодарен всем за поздравление.*– С днем рождения (26 сентября) и именинами (28 сентября).

6 *...журнал и повесть Марихен.*– Речь идет о домашнем журнале, выпускаемом сестрами Аксаковыми. С. Т. Аксаков писал Ивану 8.X.⟨1845 г.⟩: «Хотя Марихен отбивается от имени редактора и во второй нумер не написала, то есть не сочинила ни одной строчки, но я слышу, что журнал получает большую значимость и увеличивается в объеме. Публика ожидает с нетерпением 15-го октября, в следующий нумер Марихен напишет кое-что в юмористическом роде; безымянный редактор просит и твоего участия» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 67). О журнале см. на с. 198 наст. изд. О литературных опытах М. С. Аксаковой см. прим. 4 к письму 36.

7 *Тетенька еще не приезжала.*– Воейкова Анна Тимофеевна.

8 *От Владимира Иван⟨овича⟩...*– В. И. Воейков, муж сестры С. Т. Аксакова Анны Тимофеевны (см. прим. 3 к письму 38).

9 *...пришлите мне с оказией бурхана.*– Привезенного из Астрахани калмыцкого идола (см. с. 159 наст. изд.) И. С. Аксаков очень любил и возил с собой (см. с. 202 наст. изд.).

63 (с. 184)

29.IX 1845

1 *...поздравляю Марихен и всех.*– См. прим. 1 к письму № 51.

2 *...«Истина св⟨ятой⟩ Соловецкой обители против челобитной соловецкой».*– Точное название книги: «Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой соловецкой, о вере» (Спб., 1844). Настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Иларий, написавший к ней предисловие, проводил в нем мысль о том, что Соловецкий монастырь якобы неповинен в церковном расколе (с. VII, VIII).

3 *...был взят военною рукою.*– В 1667 г. монахи Соловецкого монастыря отказались принять исправленные церковные книги, выставив пушки. Осада монастыря продолжалась не девять, а семь лет; он был взят в результате измены одного из монахов, открывшего тайный проход в монастырь.

4 *«В людях ангел – не жена! Дома с мужем – сатана!»* Водевиль Д. Т. Ленского, переделка французского водевиля Ф. де Курси, Д. Ш. Дюпети.

5 *Мочалов* Павел Степанович (1800–1848) – актер-трагик московского Малого театра, очень любимый С. Т. Аксаковым (см. его отзывы об игре Мочалова: *Аксаков С. Т.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Спб., 1886. Т. IV. С. 398–401, 441–442, 450 и др.).

6 *...признает в ней непременно драматический талант.*– Речь идет о Марии Степановне Мочаловой-Франциевой (1799–1862), дочери актера Степана Федоровича Мочалова (1775–1823), актрисе московского и провинциального театров. С. Т. Ак-

саков, рассказывая в своих «Литературных и театральных воспоминаниях» о 1816 г. и этой театральной семье, писал: «Мочалов-сын и тогда уже показывал необыкновенный талант, бездну огня и чувства; дочь ничего не обещала, несмотря на прекрасные глаза, хотя и была впоследствии несколько лет любимицей Москвы и даже знаменитостью, особенно когда выучилась с голосу подражать некоторым блестящим местам в игре Семеновой...» (Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. II. С. 392).

7 *...съездить к Ульяновым...*– Ульяновы – лица неустановленные.

8 *...чтоб он прислал мне и «Зимнюю дорогу», и книгу стихов.*– «Зимняя дорога» – поэма И. С. Аксакова (1845). Стихи были оставлены И. С. Аксаковым В. А. Панову для готовящегося славянофилами альманаха «Московский ученый и литературный сборник» 1846 г. (см. с. 199–200 наст. изд.).. Их выслал в Калугу С. Т. Аксаков.

64 (с. 185)

2.X 1845

1 *...как принял Ник⟨олай⟩ Тим⟨офеевич⟩ историю с Яковом...*– Речь идет о Н. Т. Аксакове. В чем заключалась история, выяснить не удалось. Известно, что она была принята Николаем Тимофеевичем с полным равнодушием и шуткой (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 8.X.⟨1845 г.⟩ – *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 68 об.).

2 *Прием, сделанный Косте...*– Андрей Николаевич Карамзин пригласил к себе К. С. Аксакова (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 24.IX.1845 г.– *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 3 об.). Константин так описывал Ивану эту встречу: «Карамзин встретил меня очень вежливо; о платье ни слова. Был, разумеется, разговор о России, о Петербурге, о Москве, одним словом, о близких живых вопросах. Мне он показался довольно благонамеренным, особенно для петербургского жителя. Малый простой, без претензий; он мне понравился» (Письмо без даты, датируемое нами сентябрем 1845 г. на основании содержащегося в нем поздравления Ивана с днем рождения 26 сентября // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 33). Слово «благонамеренный», употребляемое братьями Аксаковыми, имеет значение «славянофильский» (см. примеры аналогичного словоупотребления на с. 215 наст. изд.). Карамзин Андрей Николаевич (1814–1854) – сын писателя и историка Н. М. Карамзина, полковник, адъютант графа А. Ф. Орлова. Погиб весною 1854 г. в Валахии во время русско-турецкой войны.

3 *...ленив невыносимо.*– И. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин, жившие в это время вне московского круга и осознавшие незначительность общественного воздействия славянофильских идей, постоянно побуждали своих друзей к делу, к активности в журнальном мире. «Мне кажется,– писал Самарин К. С. Аксакову в конце 1844 г.,– что все мы мало пишем и ничего не издаем в свет по двум причинам: во-первых, мы, может быть, уже чересчур взыскательны и строги к себе; во-вторых, мы живем в тесном кругу коротких знакомых, которые заменяют для нас или, лучше, заслоняют публику. Мысль, высказанная в этом кругу, обсужденная и, наконец, принятая, кажется нам мыслью всем доступною, всем известною; несколько спустя она делается пошлою истиною, о которой не только писать, даже говорить не хочется, а между тем она не нашла выражения, кроме, может быть, умышленно обезображенного. Я теперь попал в среду совершенно новую и вижу, до какой степени то, что мы принимаем за известное, за допущенное, за доказанное,– для большинства людей умных вовсе неизвестно, не доказано, даже не понятно» (*Самарин*. Т. XII. С. 147). «Ради бога пишите и печатайте»,– призывал он друзей в другом письме (Письмо К. С. Аксакову от 2.X.1844 г. // Там же. С. 146). См. также письмо И. С. Аксакова родным от 15.XII.1845 г. (с. 236 наст. изд.).

4 *...дать карамболя...*– В бильярде удар шаром в два чужих.

5 *...ограниченнее Лилы...*– Елагина Елизавета Алексеевна (1825–1848) – сводная сестра братьев Киреевских. См. о ней: Письма Петра Васильевича Киреевского. 1829–1854. М., 1905. С. 37, 39.

6 *Отдавал ли он «Зимнюю дорогу» Снегиреву?* – Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) – этнограф, археолог, искусствовед, профессор Московского университета. В 1828–1855 гг. был цензором.

7 *...надо прислать мне сани. Не худо дать знать об этом Зенину.*– Зенин занимался починкой экипажей. О. С. Аксакова сообщала в Калугу, что Зенин приводит сани в порядок.

8 *...был оселок моему терпению...*– т. е. испытание.

65 (с. 188)

6.X 1845

1 *...перевести Унковского сюда на место тов⟨арища⟩ пред⟨седателя⟩ гражд⟨анской⟩ палаты.*– Речь идет о Ф. С. Унковском (см. прим. 14 к письму 58).

2 *Нилус.*– О Нилусе см. на с. 195 наст. изд. В письмах родные писали о дурной репутации Нилуса, не объясняя подробности. «А как мне противен Нилус,– писала сыну О. С. Аксакова.– Надо иметь дух и воспитание 18-го века, чтобы терпеть таких людей, и, конечно, в провинциях еще 18-ый век продолжается...» (Копия письма от 29.IX.1845 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 131. Л. 9). Возможно, Нилус был агентом III отделения. «В Москве уже не тайна, для чего живет у вас Нилус»,– сообщал С. Т. Аксаков Ивану (Отрывок письма без даты ⟨от осени 1845 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 2. Л. 51). С. Т. Аксаков поспешил высказать А. О. Смирновой свои опасения насчет Нилуса, очень желал ее скорейшего отъезда из Москвы, чтобы предупредить в Калуге о неблаговидной миссии этого человека.

3 *...извлеченной из глупого «Регламента» Петра Великого...*– Имеется в виду «Генеральный регламент государственных коллегий» Петра I, гл. XXIV. О комплиментах президентов: «Когда президенты в Коллегии прибудут, то надлежит членам, встав с мест, честь им отдать, також и при выходе их» (Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. I. С. 495).

4 *Я думал, что меня обидели...*– В письме Д. А. Оболенскому от 17.IX.1845 г., описывая свое столкновение с А. И. Яковлевым, И. С. Аксаков высказался резче и решительнее: «Председатель у меня скотина первой степени. Я уже имел с ним неприятности, относительно наружного почтения!!!!!!!!!!!» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 10 об.). А. О. Смирновой эта история стала известна еще до ее приезда в Калугу (см. отрывок письма С. Т. Аксакова Ивану без даты ⟨от осени 1845 г.⟩ // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 51). О впечатлении, произведенном конфликтом И. С. Аксакова с председателем палаты, см. на с. 211 наст. изд.

5 *...жду к себе Митю Оболенского.*– И. С. Аксаков и Д. А. Оболенский находились в 90 верстах друг от друга, но в разных губерниях (Аксаков в Калужской, Оболенский в Тульской).

66 (с. 190)

9.X 1845

1 *...благодарен Косте за письмо...*– См. прим. 8 к письму 11.

2 *«Ист⟨ория⟩ фр⟨анцузской⟩ рев⟨олюции⟩» у меня...*– Имеется в виду работа: *Тьер А.* Histoire de la révolution française (Depuis 1789 jusqu'au 18 brumaire) (История французской революции (С 1789 г. до 18 брюмера)). P., 1823–1827.

3 *С Оболенским пришлю в Москву оба тома «Histoire du consulat».*– Намерение отправить в Москву с Д. А. Оболенским два тома книги Адольфа Тьера «Histoire du consulat et de l'Empire» (История консульства и империи) не осуществилось – не заезжая в Калугу, Оболенский уехал в Петербург (см. письмо И. С. Аксакова Д. А. Оболенскому от 17.XI.1845 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 13, а также с. 204 наст. изд.), где с октября 1845 г. до середины 1851 г. находился на должности товарища председателя 1 департамента гражданской палаты.

4 *...прочел целую книгу Стурдзы: «Письма о должностях священного сана».*– Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) – публицист реакционного направления, сотрудник «Москвитянина». Оценивая в 1845 г. этот журнал под новой редакцией И. В. Киреевского, А. И. Герцен выражал недовольство тем, что в оглавлении встретил имена прежних сотрудников, в том числе и Стурдзы (Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 135). Неизвестно, какое издание этой книги было в руках И. С. Аксакова. В 1844 г. в Одессе вышло 4-е издание «Писем о должностях

священного сана» (в 2 частях), являющееся перепечаткою 2-го (московского) издания, предназначенного для духовных училищ. Московский митрополит Филарет считал «Письма...» самым лучшим сочинением этого автора (см.: *Барсуков.* Кн. X. С. 304). У мистически настроенной части русского общества книга Стурдзы пользовалась большой популярностью. О ней упоминает П. В. Киреевский в письме А. А. Елагину от 14.VI.1842 г.: «Стурдзу для Маши искал по всей Москве, но увы! Нигде нет; а говорят, что скоро выйдет новое издание с большими прибавлениями» (Письма Петра Васильевича Киреевского. 1829—1854. М., 1905. С. 50). Маша – Киреевская Мария Васильевна (1811—1859) – сестра И. В. и П. В. Киреевских, отличавшаяся набожностью и собиравшаяся стать монахиней (см.: Дневник Елисаветы Ивановны Поповой. 1847—1852. Спб., 1911. С. 91). А. О. Смирнова тоже читала эту книгу. 11.IX.1849 г. она сообщала Н. В. Гоголю: «Я давно уже смотрю на Одессу, как на отрадный островок, и единственно оттого, что живет там автор драгоценных „*Писем о обязанностях священного сана*“» (*РС.* 1890. Дек. С. 656—657).

5 *Можно ли сказать в стихе...*– И. С. Аксаков писал стихотворение «Сон» (см. с. 199 наст. изд.).

67 (с. 192)

13.X 1845

1 *...посылаю два моих стихотворения.*– «26-е сентября» и «Сон».

2 *...«Марии Египетской» я не продолжаю...*– Ответ на призывы С. Т. Аксакова закончить это произведение (см. его письмо от 24.X.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 3).

3 *Бродит у меня в голове повесть...*– Речь идет о замысле поэмы «Бродяга».

4 *...уехал ли Валуев в чужие краи, приехал ли Хомяков, что Елагины?* – А. С. Хомякова не было в Москве (см. с. 204 наст. изд.), но он приехал проститься с уезжавшим на лечение за границу Д. А. Валуевым. *Елагины* – Елагина Авдотья Петровна, урожденная Юшкова (1789—1877), в первом браке Киреевская, мать известных славянофилов Ивана и Петра Киреевских, ее второй муж Елагин Алексей Андреевич (умер в 1846 г.) и их дети: Елагин Василий Алексеевич, Елагин Николай Алексеевич, Елагина Елизавета Алексеевна. В салоне А. П. Елагиной до середины 40-х годов XIX в. (т. е. до окончательного размежевания) встречались и западники, и славянофилы. «Если бы начать выписывать все имена, промелькнувшие за тридцать лет в елагинской гостиной, то пришлось бы назвать все, что было в Москве даровитого и просвещенного»,– писал биограф братьев Киреевских В. Лясковский (см.: *Лясковский Валерий.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. Спб., 1899. С. 59).

5 *«Сен-Ронанские воды»* (1824) – роман английского писателя Вальтера Скотта (1771—1831), вышедший в Москве в 1828 г. в переводе с французского Михаила Воскресенского.

6 *«Пират»* – роман Вальтера Скотта «Le Pirate» переводился по заглавию «Пират», а также «Морской разбойник». В переводе с французского Михаила Воскресенского он был напечатан в Москве в 1829 г. (ч. 1—4).

68 (с. 193)

16.X 1845

1 *...как-нибудь устроиться с пальчиковским кучером или с почтмейстером. Ведь у него есть почтальоны, которые должны были бы развозить письма?..*– С. Т. Аксаков отвечал 28.X.1845 г.: «Ты меня насмешил, милый Ваня, написав, что троицкие почтальоны должны развозить письма по помещикам... Да разве это возможно» (*ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 17). Пальчикова Мария Александровна – соседка Аксаковых по Абрамцеву.

2 *...бедные мужики госуд⟨арственных⟩ имуществ...*– т. е. крестьяне, подчиненные учрежденному в 1837 г. министерству государственных имуществ, которое создало в губерниях органы местного управления (палаты и окружные правления го-

сударственных имуществ). Злоупотребления многочисленных чиновников этих ведомств значительно ухудшили положение крестьян (см. разговор Архипова с хозяином постоялого двора в поэме И. С. Аксакова «Зимняя дорога»).

3 *...головы...*– Голова – председатель городской думы и городской управы, должность, существовавшая в России с 1785 г.

4 *...употребляем все подьяческие уловки...*– чиновничьи, канцелярские.

5 Карниолин-*Пинский* Матвей Михайлович (1796 или 1800–1866) – действительный статский советник, с мая 1845 г.– директор департамента министерства юстиции, впоследствии сенатор. Покровительствовал Г. С. Аксакову. С ним дружил С. Т. Аксаков. Письма Карниолина-Пинского к С. Т. Аксакову находятся в *ЦГАЛИ* (Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 62).

6 *...разделяю общее мнение насчет окончания Вашего письма к Смирновой...* – Мотивируя свое желание познакомиться с А. О. Смирновой, С. Т. Аксаков писал ей: «...я не смею откладывать возможность Вас видеть: я теряю глаза. Мне хотелось бы сохранить образ Ваш в числе отрадных воспоминаний на темную, может быть, долгую старость...» (*Письма. Т. I.* С. 260).

7 *Мансуров* Федор Федорович – губернский секретарь в губернском правлении.

8 *...брат ее, умный очень малый (вероятно, Россетти?)...*– Имеется в виду Лев Иванович Арнольди (1822–1860), сводный брат А. О. Смирновой-Россет (от брака ее матери с И. К. Арнольди), с которым она приехала в Калугу и который служил в Калуге секретарем губернского правления. Жил в доме сестры. Был знаком со славянофильскими воззрениями и им симпатизировал (см. с. 221 наст. изд.). Арнольди – автор воспоминаний о Н. В. Гоголе («Мое знакомство с Гоголем»). В 1854 г. женился на Варваре Дмитриевне Свербеевой (род. в 1831 г.), старшей дочери Д. Н. и Е. А. Свербеевых. Подружившийся с Арнольди И. С. Аксаков посвятил ему «Послание к Л. И. Арнольди» («Нет, не фата формошика...»), 1848 г., и шуточное стихотворение «Л. И. Арнольди» («Не дописав своей тетради...»), между 1845 и 1847 гг. Узнав о ранней смерти Арнольди, И. С. Аксаков писал родным 13.IV.1860 г.: «А мне очень жаль Арнольди. Он был мой сверстник, много у меня связано с ним воспоминаний» (*Письма. Т. III.* С. 416).

9 *...Тимирязев – калужский помещик...*– В Калуге И. С. Аксаков встретил бывшего губернатора Астрахани И. С. Тимирязева, уволенного от должности в 1844 г. в результате ревизии, участником которой был И. С. Аксаков. Жил в родовом имении в селе Ржавце Лихвинского уезда Калужской губ.

69 (с. 196)

20.X 1845

1 *...письмо от Алекс⟨ея⟩ Ив⟨ановича⟩... Тут и приписка Sophie...*– Самбурский Алексей Иванович – муж сестры О. С. Аксаковой Веры Семеновны, умершей в 1840 г. В молодости служил в кавалергардах, участник кампании 1813–1814 гг. (см. письмо А. М. Самбурского О. Г. Аксаковой от 24.IV.1913 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 17. Ед. хр. 127. Л. 2 об.). Жил в Курской губернии. Самбурская Софья Алексеевна (Sophie) – его дочь. См. о ней прим. 6 к письму 13.

2 *Погуляев (воротившийся) уведомляет меня, что барона Hachtshausen в Берлине не нашел...*– Н. Т. Погуляев летом и осенью 1845 г. находился за границей. *Гакстгаузен* Август (1792–1866) – немецкий экономист, интересовавшийся особенностями земельного устройства в Пруссии и в славянских странах. В 1843–1844 гг. путешествовал по России в целях изучения русской сельской общины, встречался со славянофилами. Автор трехтомного исследования «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» (Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России), 1847–1852.

3 *Письмо и сверток на имя Гоголя отданы им в доме Жуковского...*– Н. Т. Погуляеву были переданы письмо С. Т. Аксакова от 24.V.1845 г. и два произведения И. С. Аксакова («Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога»), о которых С. Т. Аксаков хотел знать мнение Н. В. Гоголя (см.: *История моего знакомства с Гоголем.* С. 148, 153).

[4] *...столичная штучка...*— гоголевское выражение о Хлестакове («Ревизор», III, 3).
[5] *Я написал еще стихотворение...*— Стихотворение «Очерк» (см. о нем на с. 202, 211—212 наст. изд.).

70 (с. 198)

23.X 1845

[1] *Как я рад, что Вы, милый отесинька, пишете книгу об уженье.*— Первая книга С. Т. Аксакова «Записки об уженье» (М., 1847), со второго издания называлась «Записки об уженье рыбы» (М., 1854).
[2] *...журналу этому...*— См. прим. 6 к письму 62.
[3] *Костя пишет статью...*— В письмах родных название статьи сообщено не было. В недатированном письме, написанном после первой встречи с А. О. Смирновой 3.XI.1845 г., К. С. Аксаков извещал Ивана, что начал сочинять очень важную статью, в которой решается вопрос о том, что такое мы в настоящее время (см.: *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 36 об). Известно, что статья предназначалась К. С. Аксаковым для сборника, но в «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г. появилась его статья на другую тему — «Несколько слов о нашем правописании». Возможно, речь идет об одной из трех критических статей К. С. Аксакова, которые предназначались для «Московского сборника» 1846 г., но были напечатаны в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год». О литературном сборнике графа Соллогуба «Вчера и сегодня», об «Опыте истории русской литературы» А. Никитенко и «Петербургском сборнике».
[4] *Вас возмутил поступок Калайдовича.*— С. Т. Аксаков сообщил сыну: «...Этот негодяй много наврал о тебе Пинскому, который, вероятно, кое-чему и поверил» (отрывок письма без даты, ошибочно находящийся среди писем В. С. Аксаковой Ивану.— *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 26). Вера писала в Калугу: «Каков Калайдович, это он тебе мстит за то, что ты его побранил в последнее свидание» (Письмо от 15.X.1845 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 3). Узнав о действиях Калайдовича, И. С. Аксаков просил Д. А. Оболенского передать ему, что он «подлец и мерзавец» и чтобы в аксаковский дом «не смел бы отныне носу показывать» «Письмо от 10.XI.1845 г. // Там же. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 16 об.).
[5] *Рассказ его об их процессе...*— В 1845 г. М. М. Карниолин-Пинский начал бракоразводный процесс против своей жены Надежды Ивановны Стародубской, обвиненной в нарушении супружеской верности. Н. К. Калайдович, будучи поверенным Пинского, преследовал Стародубскую, часто выходя из границ приличия и уважения ее женского достоинства, что вызывало осуждение общества (см.: *Колмаков Н. М.* Очерки и воспоминания // РС. 1891. Июль. С. 127—128).
[6] *Оболенскому благоволит...*— Д. А. Оболенскому.
[7] *Неужели на будущий год не готовится журнала, ничего, никакого поприща для деятельности?*— После неудачи с «Москвитянином» в 1845 г. (см. прим. 1 к письму 74) славянофилы стали издавать непериодические сборники. В это время они готовили к печати «Московский литературный и ученый сборник» 1846 г. К идее альманаха, призванного заменить журнал, с явным несочувствием отнесся Ю. Ф. Самарин. Намерение издавать сборники, наполненные критикой и библиографией, казалось ему «решительно неудобоисполнимым». «Но кто же станет покупать одни критики? — спрашивал он К. С. Аксакова.— Кому нужда до твоего, до моего мнения о той или другой книге? Мнение журнала — другое дело. Но мнение неизвестного или мало известного лица?» (Письмо 1845 г. // *Самарин*. Т. XII. С. 162). Под нежелание славянофилов заниматься постоянно текущей журнальной работой К. С. Аксаков впоследствии подвел «теоретическую» основу. В статье «О современном состоянии литературы» (1849—1850) он разъяснил, что «мыслящая и трудолюбивая Москва, начавшая великое дело самостоятельной мысли», не могла заниматься журнальною деятельностью, которая «требует известного легкомыслия, требует признания текущей литературы». «Могла быть написана статья, мог быть собран «Сборник»; но журнал... не мог быть выражением московской деятельности, был для нее недостойным образом проявления» (*Аксаков К. С.* О современном состоянии литературы // Проблемы реализма. Вологда, 1978. Вып. V. С. 179, 180).

71 (с. 200)

27.X 1845

[1] *27 окт⟨ября⟩ 1845. Калуга. Суббота.*— В Письмах (Т. I. С. 266) число указано неверно – не 24 октября, а 27-е.

[2] *...отесинька с Костей в Москве, потому что Смирнова теперь должна быть также в Москве.*— С. Т. Аксаков познакомился с А. О. Смирновой 2.XI.1845 г., на другой день с нею встретился К. С. Аксаков, 5–6 ноября ее ожидали в Абрамцеве (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 5.XI.1845 г. // ЦГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 48, 48 об.), но она не смогла приехать (см. письмо А. О. Смирновой С. Т. Аксакову от 6.XI.⟨1845 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 92а. Л. 7).

[3] *...не только «слабеет ныне», но уже ослаб «высокий строй моей души»...*— Строки из стихотворения И. С. Аксакова «Не в блеске пышного мечтанья...» (1845).

[4] *...Смирнов, не служивший почти никогда прежде и сделавшийся вдруг губернатором...*— И. С. Аксаков допустил неточность: Н. М. Смирнов находился на службе с 1824 г. (см.: Список гражданским чинам первых III-х классов. Исправлен по 1-е октября 1867 г. Спб. С. 144, а также прим. 10 к письму 58).

[5] *...говорил с Смирновым о губ⟨ернских⟩ ведомостях... хочет ограничить ведомости статистикой и историей Калужской губернии...*— О разговоре с Н. М. Смирновым относительно губернских ведомостей см. на с. 199 наст. изд. В ответном письме С. Т. Аксаков высказал свое мнение: «Я наперед знал, что мысли твои об издании губ⟨ернских⟩ вед⟨омостей⟩ неудобоисполнимы» (Письмо от 5.XI.1845 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 49 об.). О намерении Смирнова придать калужским ведомостям местный характер сообщал С. П. Шевыреву Ю. Ф. Самарин, встретившийся в 1846 г. со Смирновым в Петербурге: «Он хочет, чтобы вместо переводных и заимствованных из других журналов статей о том, чтó делается в Англии, в Калькутте, вместо повестей Сю и пр. модных затей помещать статьи содержания преимущественно исторического, статистического, географического, о знаменитостях всякого рода, преданиях, древностях Калужской губернии» (Письмо от 6.VII.1846 г. // *Самарин*. Т. XII. С. 440).

[6] *Гриша дал ему записку к Саше Воейкову, чтоб он отдал ему... калмыцкого бога.*— Бурхан (или калмыцкий бог), оставленный И. С. Аксаковым в Абрамцеве, был отдан находящемуся в Москве А. В. Воейкову для передачи с оказией в Калугу.

72 (с. 202)

30.X 1845

[1] *...очень занят чтением нового «Уголовного свода»...*— Существенные недостатки российских уголовных законов вызвали необходимость их пересмотра. 15.VIII.1845 г. царь утвердил новое «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое вступило в силу с 1.V.1846 г.

[2] *...он здесь лет уже тридцать...*— И. С. Аксаков допустил неточность: Николай Соколов был назначен архиереем в Калугу в 1834 г.

[3] *...он все лучше, нежели прежний...*— Т. е. 15-ти томов «Свода законов» 1832 г.

[4] *...берлинский «Кодекс»...*— Неясно, о каком именно кодексе идет речь: немецкие кодексы начали появляться со второй половины XVIII в., к 1871 г. их насчитывалось 44. В русском законодательстве было ощутимо влияние немецких уголовных законов (как и французских).

[5] *...в Невский монастырь, на могилу Ломоносова...*— М. В. Ломоносов похоронен в Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры.

[6] *...какое она на Вас произвела впечатление.*— Об этом С. Т. Аксаков и Константин решили не сообщать Ивану до его знакомства с А. О. Смирновой, чтобы исключить у него предвзятость (см. с. 211 наст. изд. и письмо С. Т. Аксакова Ивану от 5.XI.1845 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 48 об.).

[7] *Поздравляю Веру с 1-м ноября.*— Неясно, какое событие имеется в виду – эта дата не связана ни со днем рождения Веры (7 февраля), ни с ее именинами (17 сентября).

73 (с. 204)

3.XI 1845

1 *Жаль, что Хомякова нет в Москве...* — И. С. Аксаков сожалел, что А. С. Хомяков не увидит А. О. Смирнову. Но в конце октября 1845 г. Хомяков приехал в столицу, и встреча состоялась, о чем свидетельствует письмо А. О. Смирновой Н. В. Гоголю от 30.X.1845 г.: «Вчера встретилась с Хомячком у Мещерских...» (*РС.* 1890. Июнь. С. 652).

2 *...рад, что альманах идет и «Зимняя дорога» пропущена.*— Об альманахе см. прим. 7 к письму № 70. Сведения о пропуске цензурой «Зимней дороги», сообщенные С. Т. Аксаковым (см. письмо от 21.X.⟨1845⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 5 об.) и Константином (См. письмо ⟨1845 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 29), оказались преждевременными: «Зимнюю дорогу» запретил печатать попечитель московского учебного округа граф С. Г. Строганов (см. с. 211 наст. изд.).

3 *...невыгодно в первый раз дебютировать обставленному то описанием Чехии, то путешествием в Иллирию...*— В «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г. стихотворения И. С. Аксакова («26-е сентября», «Очерк», «Ночь», «Вопросом дерзким не пытай...», «Среди удобных и ленивых...») были помещены рядом с «Краледворской рукописью, собранием древних чешских эпических и лирических песен», переведенных Н. В. Бергом, и «Двумя письмами из Вены» Н. А. Ригельмана. Говоря о путешествии в Иллирию, И. С. Аксаков имел в виду эти письма: в 1813 г. после поражения Наполеона Иллирийские провинции (исконные земли южных славян), прежде находившиеся в зависимости от Франции, были включены в состав Австрии.

4 *...благодарен Косте за письмо...* — Письмо ⟨1845 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а.

5 *...в истории с Тургеневым он совершенно прав...* — В письме в Калугу К. С. Аксаков описывал свою ссору с А. И. Тургеневым, происшедшую в доме Д. Н. Свербеева в присутствии хозяйки. Она возникла из-за того, что Тургенев стал бранить славянофилов, «гнусный московский воздух», на что Константин посоветовал ему уехать из России. В конце концов Константину стало стыдно, и при прощании он попросил у Тургенева прощения (см. письмо ⟨1845 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 29 об.— 30). Неприязнь к Тургеневу, заметная и в письме И. С. Аксакова («такое ничтожное лицо»), объяснялась, помимо неприятия Тургеневым славянофильских идей, еще и тем, что Аксаковы считали его чуждым русской действительности: 20 лет Тургенев прожил за границей и только в 1845 г. вернулся на родину. *Тургенев* Александр Иванович (1784—1845) — член литературного общества «Арзамас», историк, брат декабриста Н. И. Тургенева, друг А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского.

6 *...насилу мог уговорить их, после «Вечного жида», бросить читать глупого Sue и начать Вальтера Скотта.*— «Вечный жид» (Агасфер) — роман французского писателя *Сю* Эжена (1804—1857). 10 томов этого романа были изданы в Петербурге в 1844—1845 гг.

7 *...дом, который жители, читавшие Вальтер Скотта, прозвали Аббатством.*— И. С. Аксаков подразумевает роман Вальтера Скотта «Аббат, или Некоторые черты жизни Марии Стуарт, королевы шотландской» (Спб., 1825. Ч. 1—4), который является продолжением романа «Монастырь».

8 *...виден из окон дом Марины Мнишек.*— О посещении И. С. Аксаковым этого дома см. на с. 220 наст. изд. Самозванец (Лжедмитрий Тушинский) и Марина Мнишек были в Калуге в 1610 г. (см.: Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года/Сост. В. В. Ханыков. М., 1878. С. 46—48).

9 *...есть еще пустые, легонькие стихи, которые пошлю с этим письмом, если успею переписать...* — При письме стихов нет. Неизвестно, были ли они переписаны и посланы родным.

74 (с. 206)

⟨Ноябрь 1845⟩

Подлинник — *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 14—15 об.

[1] *...первых трех книжек «Москвитянина»...* — Имеются в виду три первые книги «Москвитянина» за 1845 г., выпущенные И. В. Киреевским. Однако официального разрешения на издание ему получить не удалось, и «Москвитянин» вернулся снова к М. П. Погодину. Прежний издатель раскаивался в том, что предоставил журнал в другие руки (см.: *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. [М.], 1960. С. 259), ибо славянофилы, несмотря на некоторую общность в идейной платформе, во многом расходились с представителями «охранительного направления», что и было главной причиной возвращения журнала к Погодину. С другой стороны, сами славянофилы недостаточно интенсивно работали для журнала, для создания сочувствующей им общественной среды – одним словом, «талант Киреевского и участие Хомякова не могли дать ни ходу, ни читателей „Москвитянину"» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. IX. С. 169).

[2] *...«Вечного жида» в русском переводе...* — См. прим. 6 к письму 73.

[3] *...«распинаю в себе ветхого человека со страстьми и похотьми».*— Из послания апостола Павла к Галатам: «Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24).

[4] *...чтения... «Четиих Миней».*– «Четьи-Минеи» – свод житийной литературы для чтения по месяцам (материал распределен по дням памяти того или иного святого).

[5] *Посылаю тебе два стихотворения...* — «26-е сентября» и «Сон». С. Т. Аксаков сообщал Ивану: «Стихи твои: *„26-е сентября"* и *„Сон"* Костя прочел в Москве всем знакомым и Хомякову. Разумеется, все очень хвалят и особенно *„26-е сентября"*» (отрывок письма без даты // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 51 об.).

[6] *...точно ода «Бог».*— Ода Г. Р. Державина, написанная в 1784 г.

[7] *...нахожу вопрос Тургенева, сделанный Панову, очень дельным.*— А. И. Тургенев спросил В. А. Панова, почему он, восхищаясь К. С. Аксаковым, носящим русское платье, сам не наденет его (см. письмо К. С. Аксакова Ивану без даты, датируемое нами сентябрем 1845 г. на основании содержащегося в нем поздравления Ивана с днем рождения 26 сентября и именинами 28 сентября // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 33).

[8] *...письмо Оболенского.*— Д. А. Оболенского.

[9] *Свербеева* Екатерина Александровна, урожденная Щербатова (1808—1892) — жена Д. Н. Свербеева, близкая знакомая Н. В. Гоголя.

[10] *...все поют, что я нахожусь под твоим влиянием.*— См. прим. 4 к письму 62.

[11] *Пусть свежестью души и чувством дорожит Под сению искусства иль науки!* — Слова, которые произносит демон службы в конце поэмы И. С. Аксакова «Жизнь чиновника».

[12] *Признаете ли вы за мной хоть какое-нибудь дарование литературное, если не поэтическое?* — С. Т. Аксаков отвечал: «Это забавный вопрос. Да разве ты не видел, какое впечатление производили все твои стихи, не говорю на нас, твое семейство, которое, несмотря на свою строгую взыскательность, могло быть пристрастным к тебе (хотя у нас этого решительно нет), на весь наш круг, без всякого сомнения, состоящий из людей, наиболее способных оценить дарование? Разве это были обыкновенные похвалы, пошлые комплименты и фразы? Ты имеешь решительный и большой талант, не только литературный, но и поэтический; но произведешь ли ты что-нибудь достойное своих требований — за это ручаться никто не может.— Я не беру на себя смелость сказать тебе: *„Ты призванный поэт, брось все и пиши!"*... к деятельности служебной я никогда и не думал принуждать тебя. Ты решительно можешь оставить службу и предаться занятиям ученым и литературным» (Письмо от 22.X.⟨1845 г.⟩ // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 98—98 об., 99).

[13] *Дмитревский* Феликс Павлович — титулярный советник, секретарь калужской уголовной палаты.

75 (с. 208)

6.XI 1845

[1] *...предстоящая поездка в Петербург...* — В Петербург С. Т. Аксакова настойчиво приглашал его брат Н. Т. Аксаков, страдавший, как и Сергей Тимофеевич, болезнью глаз и консультировавшийся у Ивана Ивановича Кабата (1812—1884), петербургского окулиста (см. письма Н. Т. Аксакова брату от 16.X. и 15.XI.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 44. Л. 32, 34). С. Т. Аксаков намеревался поехать в Петербург в ноябре, но из-за ухудшения состояния здоровья дочери Ольги вынужден был отложить поездку (см. его письмо Ивану от 5.XI.1845 г. // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 48). Затем он ожидал установления зимней дороги на Петербург (см. его письмо Ивану от 25.XI.1845 г. // Там же. Л. 53).

[2] *Кабат* — см. о нем предыд. прим.

[3] *...кучер Сухотина.*— Возможно, имеется в виду отставной подполковник Сухотин, который был судьей совестного суда в Калуге.

[4] *...неровное стихотвореньице...* — Стихотворение «Ночь».

76 (с. 211)

10.XI 1845

[1] *...от Оболенского...* — Д. А. Оболенского.

[2] *Каково, Костя уже навалял повесть!* — С. Т. Аксаков извещал Ивана: «Костя написал повесть: он решительно не умеет писать; он не умеет вообразить себе читателя, совершенно незнакомого с нашими идеями. Его повесть бессмыслица для всех, кроме нашего круга, а поправлять он не умеет» (Письмо от 5.XI.1845 г. // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 49—49 об.). Как называлась повесть, сообщено не было. Ее название не сообщил и Константин, писавший Ивану: «Ты удивляешься, что я так равнодушно написал повесть. Но повесть эта нисколько для меня не была задачею художественною; мне хотелось высказать свою мысль» (письмо без даты, датируемое нами ноябрем 1845 г. на основании сообщения о знакомстве с А. О. Смирновой, которое состоялось 3.XI.1845 г.— *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 36 об.). Известно, что автор предназначал повесть для сборника (Там же. Л. 37 об.), но в «Московском литературном и ученом сборнике» ни за 1846, ни за 1847 гг. никакой повести К. С. Аксакова напечатано не было.

[3] *Опять не пропущена «Зимняя дорога»!.. хотелось бы, чтоб она или «Чиновник» были напечатаны.*— О «Зимней дороге» см. прим. 2 к письму 73. «Зимняя дорога» была опубликована в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» с купюрами, сделанными по настоянию цензора И. М. Снегирева. «Жизнь чиновника» впервые увидела свет в изданном А. И. Герценом сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861). Оба произведения до опубликования распространялись в списках. О недовольстве И. С. Аксакова распространением «Жизни чиновника», принявшем широкий характер, см. на с. 69—70, 88—89, 109 наст. изд.

[4] *Хомяков... приезжал столько же для Валуева, сколько для Смирновой.*— И. С. Аксаков намекал на былое увлечение А. С. Хомякова А. О. Смирновой. Но, утверждая, что Хомяков столько же хотел увидеть Д. А. Валуева, как и Смирнову, И. С. Аксаков погрешил против истины: Хомяков искренне любил Валуева и нежно заботился о нем. Еще до своего приезда в Москву он просил Н. М. Языкова: «Похлопочи об Валуеве... Валуев не только дорог, но нужен. Он менее всех говорит, он почти один делает, и будь он здоров, так то ли бы он сделал! Если бог его сохранит, много будет пользы от его жизни, и имя его помянется с похвалою и благодарностью. Я его люблю как сына» (Письмо ⟨1845 г.⟩ // *Хомяков.* М., 1904. Т. VIII. С. 111).

[5] *Очень рад, что вам нравится «Очерк».*— По получении стихотворения отец написал сыну, что «стихи прекрасны» (Письмо от 5.XI.1845 г. // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 49). К. С. Аксакову стихи тоже понравились: «...скажу о стихах твоих: „*Очерк*“. Они мне очень нравятся, больше многих, больше „*Сна*“» (Письмо без даты ⟨1845 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 37). Сестра

Вера отметила, что Иван в стихотворении точно уловил минуту в жизни девушки, вызванную картиною природы (см. письмо от 5.XI.⟨1845 г.⟩ // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 24).

6 *Случай с Ник⟨олаем⟩ Тим⟨офеевичем⟩ очень забавен и неприятен.*— Н. Т. Аксаков за г. Владимиром потерял свою подорожную, которою воспользовался преступник: совершив в Москве кражу, он скрылся, оставив подорожную Аксакова, чтобы направить полицию по ложному следу (См. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 5.XI.1845 г. // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 50, 50 об.).

7 *...«Пора рабочая для жизни городской, Пора веселостей обычных»!* — Строки из стихотворения И. С. Аксакова «Очерк» (1845).

8 *...сюрприз был мне... очень приятен.*— Речь идет о присылке Н. М. Языковым стихотворного послания «И. С. Аксакову» («Прекрасны твои вдохновенья живые...»). Аксаковым оно известно не было. «Вообрази, что мы не знаем стихов Языкова к тебе»,— писал С. Т. Аксаков (Письмо от 18.XI.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 5).

9 *Не понимаю только, к чему он все толкует мне про любовь и красавицу-розу, певца-соловья, ее воспевающего.*— И. С. Аксаков имеет в виду следующие строки из послания Н. М. Языкова:

Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт, и без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпевайся
Красавице-розе, певец-соловей!

С. Т. Аксаков, недоумевая, писал Ивану: «Неужели ты не понимаешь, что значит красавица-роза? Вспомни стихи Хомякова: „От роз ей прелесть и названье“» (Письмо от 18.XI.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 5. С. Т. Аксаков приводит строки из стихотворения Хомякова «Иностранке», 1832). Сравнение Смирновой с девой-розой см. также в стихотворениях Хомякова «К Рос...» и «К А. О. Россет». О забавном эпизоде, связанном с этим сравнением и забывчивостью И. С. Аксакова, см. на с. 223 наст. изд.

10 *А что Каролина Карловна, что ее роман?* — И. С. Аксаков спрашивает о романе К. К. Павловой «Двойная жизнь». В шутливом стихотворении «К. К. Павловой» (1847) К. С. Аксаков писал: «...Жаждой мысленной услышать ваш роман Томится многочисленный всех Оболенских клан» (*Аксаков К. С.* Сочинения [Пг.], 1915. Т. I. С. 70). I глава романа появилась в «Москвитянине» (1845. № 3, ч. 3). Отрывок из V главы романа был напечатан в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» (М., 1847). Полностью роман был опубликован в 1848 г. в Москве.

11 *Не посылайте к нему письма моего к Косте... впрочем, пошлите, только зачеркнув хорошенько эти выражения.*— И. С. Аксаков беспокоился, что некоторые иронические замечания в адрес С. Я. Унковского, содержащиеся в письме к Константину, станут известны сыну Унковского Федору, служившему с Г. С. Аксаковым во Владимире. В подлиннике письма И. С. Аксакова от 10.XI.1845 г. зачеркиваний нет, по-видимому, оно не пересылалось во Владимир.

12 *...письмо от Оболенского и Попова, с припискою Самарина... Он решается вступить на службу...* — И. С. Аксаков далее в своем письме цитирует письмо А. Н. Попова (см. письмо без даты // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 482. Л. 9 об.). Не получив места в Московском университете, Попов переехал в Петербург и в конце 1845 г. был определен секретарем 1 департамента Правительствующего Сената. Приписка Ю. Ф. Самарина была сделана к письму Д. А. Оболенского — в письме Попова ее нет.

77 (с. 213)

13.XI 1845

1 *...женщину, в которой «все гармония и диво, все выше мира и страстей...»* — Несколько измененные начальные строки стихотворения А. С. Пушкина «Красавица» (1832). У Пушкина: «Все в ней гармония, все диво...».

[2] *Смирнова... явилась мне в самом неприятном виде...* — Такое же впечатление произвела она и на С. Т. Аксакова, которого принимала, лежа в постели: «...это был мужчина в спальном капоте и чепчике» (*Письма. Т. I.* С. 287). О впечатлении, произведенном на С. Т. Аксакова первым свиданием со Смирновой, см. также в его письме Н. В. Гоголю от 22.XI.1845 г. (*История моего знакомства с Гоголем.* С. 153—154). Пренебрежение светскими приличиями Смирновой изумило и Константина при встрече с нею: «...вдруг растворяется дверь и высовывается Смирнова, кажется, с полотенцем в руках и говорит: „Вы в рубашке, я в халате"» (Письмо Ивану без даты ‹1845 г.› // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 34—34 об.). Настойчивость, с которой Смирнова убеждала Константина отказаться от русского платья, так рассердила его, что он не хотел больше с нею встречаться (Там же. С. 35 об.). Напротив, Смирнова перед отъездом в Калугу написала С. Т. Аксакову: «...вы мне пришлись по сердцу. С вами говорилось как-то откровенно, как будто я давно вас знала... С Константином Сергеевичем мы еще не поладили, но мне чувствуется, что мы будем друг другу многое прощать и со временем сойдемся» (Письмо от 6.XI.‹1845 г.› // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 92а. Л. 7).

[3] *Ростопчина* Евдокия Петровна, урожденная Сушкова (1811—1858), графиня — поэтесса. В это время находилась за границей.

78 (с. 215)

17.XI 1845

[1] *...рассказывала мне про Гоголя, которого она искренно любит...* — Н. В. Гоголь и А. О. Смирнова, знакомые друг с другом с 1831 г., подружились в 1843 г. в Риме. О Гоголе Смирнова также много рассказывала Ю. Ф. Самарину, который писал из Петербурга К. С. Аксакову: «Он (Гоголь.— *Т. П.*), как видно по тем письмам, которые она мне читала, очень ее полюбил и возымел на нее сильное влияние. Они в постоянной переписке» (Письмо от 10.IX.1844 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 143). Влияние было взаимным — не только Гоголь влиял на Смирнову, но и она влияла на писателя, усиливая в нем религиозно-мистические настроения.

[2] *...хочет в Калуге на досуге писать свои мемуары и пр....* — Мемуары о своей жизни А. О. Смирнова не закончила, несмотря на настойчивые побуждения И. С. Аксакова, Ф. И. Тютчева, а еще ранее — А. С. Пушкина. Познакомившись в 1846 г. с записками Смирновой, И. С. Аксаков советовал отдать их в «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». В. А. Панов, готовивший альманах к печати, был чрезвычайно обрадован возможностью появления в нем записок Смирновой и 17.VI.1846 г. писал И. С. Аксакову: «...если в статье будет столько истины, сколько в каждом слове ее писем (Аксаковы читали ему некоторые письма от Смирновой.— *Т. П.*), такая же точность выражения, такой же цвет безыскусственно-живой, тогда это будет чудная статья» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. I. Ед. хр. 22. Л. 1 об.). Намерение это не осуществилось. См. с. 267, 274, 278 наст. изд. Приступая в 1880 г. к изданию газеты «Русь», И. С. Аксаков напомнил Смирновой, что у нее есть записки «умные, интересные» (Письмо от 30.IX.1880 г. // *РА.* 1895. № 12. С. 479). После смерти Смирновой записки в искаженном виде были опубликованы ее дочерью О. Н. Смирновой в журнале «Северный вестник» в 1893—1894 гг. Подлинные «Записки, дневник, воспоминания, письма» (1929) и «Автобиография» (1931) Смирновой были подготовлены к изданию Л. В. Крестовой.

[3] *...она с ним в переписке...* — Ю. Ф. Самарин встретился с А. О. Смирновой в 1844 г. в Петербурге после ее возвращения из-за границы. Знакомство перешло в дружбу. «Я здесь видаюсь часто с А. О. Смирновой,— писал он К. С. Аксакову.— Я говорил с ней обо всем, но ни разу не упоминал ни о Москве, ни о нашем обществе, ни о наших костюмах. Достаточно было частых моих посещений для того, чтобы возбудить в ее муже сильное подозрение. Он твердо уверен, что я вербую ее в партию» (Письмо 1844 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 151). Однако молчание Самарина относительно Москвы и кружка славянофилов продолжалось, по-видимому, недолго, ибо приехавшая осенью 1845 г. в Калугу

Смирнова рассказывала И. С. Аксакову о своих разговорах с Самариным «о Москве, России, народе и пр.» (см. с. 215 наст. изд.). Знакомством и дружбою со Смирновой Самарин очень дорожил, о чем писал Н. В. Гоголю ⟨в марте 1846 г.⟩, жалуясь на чуждость ему Петербурга: «Спасла и поддержала меня встреча с А⟨лександрой⟩ О⟨сиповной⟩. Она оценила во мне именно то, чего свет не ценил, над чем он смеялся; ее участие вознаградило меня за все мои страдания; я сделался равнодушен к свету и ко всем его приманкам; я совершенно отстал от него и навсегда» (*Самарин.* Т. XII. С. 224).

4 ...*прочел я ей «Чиновника»...* — См. прим. 3 к письму 23.

5 ...*разговор коснется... Одоевского (особенно про «Сиротинку»)...* — Одоевский Владимир Федорович (1803—1869), князь — писатель, музыкальный критик. В 1845 г. в литературном сборнике «Вчера и сегодня» напечатал повесть «Сиротинка», которая вызвала неодобрение Аксаковых. Во время первой же встречи К. С. Аксакова с А. О. Смирновой 3.XI.1845 г. речь зашла об Одоевском, которого Смирновой пришлось защищать от нападок Константина (см. письмо К. С. Аксакова Ивану без даты, датируемое нами ноябрем 1845 г. на основании сообщения об этой встрече.— *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 35 об.). В «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» К. С. Аксаков подверг повесть резкой критике, считая, что автор ее совершенно оторван от народа, пишет о нем с чувством «мнимого превосходства», не владеет умением передавать народную речь (М., 1847. С. 4). Одоевский надолго обиделся на К. Аксакова (см. его письмо А. С. Хомякову от 20.I.1859 г.— *Б. Ф. Егоров, М. И. Медовой.* С. 344—345). Недовольство славянофилов Одоевским объяснялось его промежуточным положением между враждующими станами, между западниками и славянофилами, невозможностью прикрепления его к «московскому направлению». «Странная моя судьба,— признавался Одоевский,— для вас (славянофилов.— *Т. П.*) я западный прогрессист, для Петербурга — отъявленный старовер-мистик...» (Там же. С. 344).

6 *«Душевных смут рассказ печальный»...* — начальные строки «Отрывка из ненаписанной поэмы» И. С. Аксакова (1845).

7 *Скажите Панову, чтобы прислал мне экземпляров 10 своего путешествия по славянским землям...*— «Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. I. Которский округ в Далмации». М., 1844.

8 *Отвечаю... Оболенскому...* — Д. А. Оболенскому.

79 (с. 217)

20.XI 1845

1 ...*по случаю восшествия на престол.*— 20 ноября праздновалось восшествие на престол императора Николая I.

2 ...*княжна Цицианова, тетка Смирновой... которая жила у Троицы...* Цицианова Елизавета Дмитриевна (ум. в 1859 г.) жила недалеко от Абрамцева, в Троице-Сергиевом посаде. С. П. Шевырев, характеризуя богоугодные заведения при Троице-Сергиевой лавре, писал: «От обители содержится богадельня для ста и более старушек, состоящая под начальством княжны Елисаветы Дмитриевны Цициановой» (Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: В 2 ч. М., 1850. Ч. I. С. 25). С И. С. Аксаковым Цицианова вела «беспрестанные споры» (см.: *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 252). Смирнова опасалась влияния Цициановой, зараженной «монашескими привычками», на больную дочь Аксаковых Ольгу (см. письмо Смирновой С. Т. Аксакову от 1.VI.⟨1846 г.⟩ // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 92а. Л. 12 об., а также с. 263 наст. изд.). Религиозная экзальтация Цициановой казалась чрезмерной даже Смирновой, подверженной мистическим настроениям: «Подъехала моя княжна Цициинова из Тройцы, вся упитанная Антонием и Голубинским: постничает и читает по целым часам, стоя, каноны и проч.» (Письмо Н. В. Гоголю от 21.II⟨1846 г.⟩ // *РС.* 1890. Июль. С. 205). Впоследствии Цицианова постриглась в монахини.

3 ...*брат ее, Арнольди.*— См. прим. 8 к письму 68.

4 *Получила она два письма от Гоголя... Требует от нее подробного ежедневного описания всего, что она делает...* — Свои письма к А. О. Смирновой Н. В. Гоголь

включил (отчасти в отрывках, отчасти в переработанном виде) в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846): см. гл. XXI. Что такое губернаторша (Письмо к А. О. С....ой); гл. II. Женщина в свете (Письмо к ....ой). Смирнова в ответ на просьбы Гоголя подробно описывать свою калужскую жизнь заметила: «...пишу я всегда под влиянием живого впечатления или в ответ на запросы. А вы как-то требуете ведомости или подробного отчета» (Письмо от 14.I.1846 г. // *РС*. 1890. Июль. С. 197).

5 *Пришлите... Даля «Ночь на распутье».*— И. С. Аксаков имеет в виду 4 книгу «Былей и небылиц» В. Даля (Спб., 1839), в которой была помещена «Ночь на распутьи, или Утро вечера мудренее. Старая бывальщина в лицах». Даль Владимир Иванович (псевдоним — Казак Луганский. 1801—1872) — писатель, этнограф, языковед.

6 *...еще в 1829 году, читала Киршу Данилова!* — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» — собрание русских былин и исторических песен, вышедшее в 1804 г. в Москве под ред. А. Ф. Якубовича (первоначальное название — «Древние русские стихотворения», 26 текстов). Второе издание вышло в 1818 г. в Москве под ред. К. Ф. Калайдовича (61 текст). Это собрание открыло русскому образованному обществу красоту и прелесть созданий народной фантазии.

7 *Скажите Языкову, что Ал⟨ександра⟩ Осиповна просит его написать к ней послание, где бы он вспомнил про Рим, про виа Феличи...* — Н. М. Языков познакомился с А. О. Смирновой в начале 1843 г. в Риме. Виа Феличе — улица, на которой Н. В. Гоголь и Языков снимали квартиру. С. Т. Аксаков вызвался сам сообщить Языкову о желании Смирновой получить послание (См. его письмо Ивану от 1—2.XII.1845 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 7 об.— 8).

8 *Я не знал, что Пушкина стихи... также Лермонтова... относятся к ней.*— И. С. Аксаков цитирует стихотворения А. С. Пушкина «В альбом А. О. Смирновой», 1832 (неточно) и М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой», 1840.

9 *Я написал ответ Языкову...* — Известны два его варианта (см.: *Стихотворения...* С. 255—256).

10 *Бенедиктов* Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт, популярный в 30-е годы XIX в., особенно в провинциальной среде. Романтическая ходульность его поэзии противостояла реализму и демократизму лучших произведений русской литературы 30—40-х годов XIX в. Статья В. Г. Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835) и его рецензия на 2-е издание «Стихотворений Владимира Бенедиктова» (1836) способствовали разрушению популярности этого поэта, но и через 10 лет критик вынужден был признать: «...почитателей таланта г. Бенедиктова даже и теперь тьма-тьмущая...» (Собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. IX. С. 260).

11 *...восхищаются Строммиловым...* — Помимо статей (см. прим. 4 к письму 34) С. Стромилов писал стихи (см., например, «Моск. ведомости», 1846. 14 февр. С. 135).

80 (с. 219)

24.XI 1845

1 *Нынче Екатеринин день... в училище у нас праздник.*— 24 ноября — день именин Екатерины II, храмовый праздник церкви Училища правоведения, в котором учился И. С. Аксаков.

2 *...играла музыка «Боже, царя храни»...* — С 1833 г. гимн царской России (слова В. А. Жуковского).

3 *...Писарев... приглашает меня съездить... к Ив⟨ану⟩ Васил⟨ьевичу⟩ Киреевскому...* — И. В. Киреевский жил в своем имении Долбино в Тульской губернии.

4 *...написал стихи...* — Стихотворение «Вопросом дерзким не пытай...»

5 *...осматривал я дом тушинского вора...* — Лжедмитрий Тушинский (Самозванец) взошел на московский престол в 1605 г. В декабре 1609 г. бежал из Тушина в Калугу, призывал жителей поддержать его, отомстить В. И. Шуйскому и полякам. Убит в декабре 1610 г.

[6] ...*получил посылку, т. е. книгу.*— Книгу своих стихов (см. прим. 8 к письму 63).

[7] ...*рад, что Константин окончил этот водевиль.*— Водевиль «Почтовая карета» был написан К. С. Аксаковым в 1845 г. и поставлен на московской сцене 24.IV.1846 г. (см. *Письма. Т. I.* С. 314—315) в бенефис Леонидова Леонида Львовича (1821—1889), актера Малого театра.

81 (с. 221)

24.XI 1845

Подлинник — *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 6—13 об.

[1] *«Попользоваться насчет клубнички»* — выражение Кувшинникова (см. 4 главу поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»).

[2] ...*о шемизетке...* — рубашке, платье рубашечного покроя.

[3] ...*эпиграфом стоит стих из псалма...* — Эпиграфом к стихотворению «26-е сентября» И. С. Аксаков взял строки из 14 псалма: «Всяк человек ложь».

[4] *Она сделала очень умные замечания...* — С. Т. Аксаков считал, что высказывание А. О. Смирновой относительно стихов «Марии Египетской» «очень умно и справедливо, но показывает более холодного внимания, чем поэтического чувства» (Письмо Ивану от 1—2.XII.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 7 об.).

[5] ...*не ожидал такого отзыва о «Ночи».*— К. С. Аксаков писал брату, что стихи эти ему «очень нравятся, они выше других предыдущих» (Письмо без даты // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 36 об.).

[6] *В ней много хомяковского...* — Может быть, И. С. Аксаков имеет в виду загадочность натуры А. О. Смирновой (см. на с. 217 наст. изд.: «...мучусь желанием разгадать эту непонятную женщину»). Возможно, подразумевается блеск ее ума («она умна как черт, как бес»,— писал И. С. Аксаков Д. А. Оболенскому 17.XI.1845 г.— *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 13). Ср. с отзывами об А. С. Хомякове, противоречивые свойства которого вызывали «самые противоположные суждения со стороны людей, близко его знавших» (Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 227). Хомяков был известен и своим блестящим умом. «...меж старейшинами града он знатен мудростью речей» (*Языков Н. М.* Стихотворение «К сестре Е. М. [Хомяковой]. В альбом». 1845); «человек необыкновенного ума»,— писал о Хомякове Ю. Ф. Самарин (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1880. Т. II. С. X).

[7] ...*пленить одиноко-безотрадного Самарина в Петербурге.*— См. прим. 3 к письму 78.

[8] ...*благодетельного... в звезде, приведшей меня к ней, ничего не вижу.*— И. С. Аксаков цитирует строки из письма отца от 11.XI.1845 г.: «Я уверен, что твоя благодетельная звезда привела ее в Калугу» (*ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 6 об.).

82 (с. 226)

27.XI 1845

[1] ...*написал ему целых два почтовых листа...* — См. письмо К. С. Аксакову от 24.XI.1845 г. на с. 221—226 наст. изд.

[2] ...*поздравить ...Любиньку со днем рождения.*— В письмах И. С. Аксаков по-разному указывает дату рождения Л. С. Аксаковой: то 27 ноября, то 26 ноября. В рукописной родословной Аксаковых ⟨начала XX в.⟩ день рождения обозначен 25 ноября (см.: *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 104). По другим сведениям — 27 ноября (см.: *Сиверс А. А.* Генеалогические разведки. Спб., 1913. Вып. 1. С. 95).

[3] ...*обрадовался вашему суждению о Смирновой...* — Иван получил письмо С. Т. Аксакова от 17.XI.1845 г. (см.: *Письма. Т. I.* С. 286—287).

[4] ...*рад, что вам нравится моя «Ночь»...* — С. Т. Аксаков сообщил сыну: «Твою „Ночь“ мы прочли с восхищением. Мне странно, что ты говоришь с пренебрежением о этой пиесе. Сколько в ней теплоты чувства и прекраснейших стихов» (Письмо от 18.XI.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 4).

5 ...*послал вам... еще стихи...* — Стихотворение «Вопросом дерзким не пытай...». Уже 1—2 декабря 1845 г. С. Т. Аксаков сообщал Ивану: «Стихи твои: „*Вопросом дерзким не пытай*“ прекрасны: глубоки и сильны; но, вероятно, не вполне передают твое состояние и более указывают на него, чем выражают» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 8 об.).

6 ...*не могу прочесть вашего журнала...* — См. о нем прим. 6 к письму 62.

7 ...*Карол⟨ина⟩ Карл⟨овна⟩ кончила свой роман... печатается ли он?* — См. прим. 10 к письму 76.

8 ...*что послать Ольге Федор⟨овне⟩?* — Речь идет о стихах И. С. Аксакова, посылаемых О. Ф. Кошелевой. Кошелева Ольга Федоровна, урожденная Петрово-Солововo (1816—1893) — жена А. И. Кошелева (1806—1883), славянофила, впоследствии издателя журналов «Русская беседа» (1856—1860), «Сельское благоустройство» (1858—1859), члена Рязанского комитета по крестьянскому делу, члена Учредительного комитета в Царстве Польском (1861—1863).

9 ...*напишите... насчет Вашей поездки в Петербург.*— 10.XII.1845 г. отец отвечал Ивану, что по просьбе дочери Ольги отложил свою поездку на посленовогоднее время (см.: *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 54 об.).

10 ...*«Зимней дороги» мне все еще не высылают!* — «Зимнюю дорогу» должен был выслать в Калугу В. А. Панов (см. прим. 8 к письму 63).

83 (с. 228)

1.XII 1845

1 ...*достал себе «Четию-Минею» за март и апрель...* — См. прим. 4 к письму 74.

2 *Читал ее брат...* — Л. И. Арнольди.

3 ...*содержание Костиной брошюрки...* — Брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: „Похождения Чичикова, или Мертвые души“» (1842), в которой Н. В. Гоголь изображался писателем, чуждым тенденции, подобным в этом отношении древним авторам (Гомеру и др.). Брошюра вызвала резкую критику В. Г. Белинского («Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“»; «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя „Мертвые души“», 1842).

4 ...*толковал... ту чудесную вещь, которая находится в 3-ей части его диссертации о воззрении на мир древнего человека...* — В третьей, заключительной, части своей диссертации К. С. Аксаков писал о созерцательности древнего человека, не обремененного грузом материальных стремлений (см.: *Аксаков К.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 402—403).

5 ...*чудных страниц о дороге, ночи...* — Имеются в виду лирические отступления в одиннадцатой главе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

6 *Жорж Занд* — псевдоним Авроры Дюпен (в замужестве Дюдеван, 1804—1876), французской писательницы.

7 *Блудов* Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф — в молодости член литературного общества «Арзамас», в 1832—1837 гг. министр внутренних дел, в 1837—1839 гг. министр юстиции, с конца 1839 г. управляющий 2 отделением собственной его императорского величества канцелярии, с 1855 г. президент Академии наук, с 1861 г. председатель Государственного совета и Комитета министров. Ироническую характеристику Блудова, «выслужившегося „арзамасского гуся“» см. в «Былом и думах» А. И. Герцена (ч. II, гл. XVIII).

8 ...*проводит теперь почти все вечера с Поповым...*— См. прим. 12 к письму 76. Ю. Ф. Самарин познакомился с А. Н. Поповым в годы учения в Московском университете и дружил с ним до конца жизни.

9 ...*ему предлагают... Ригу и Пермь... он предпочтет, вероятно, последнюю.*— В 1846 г. Ю. Ф. Самарин из министерства юстиции перешел в министерство внутренних дел чиновником особых поручений при министре и уехал в Ригу с целью изучения положения латышей, притесняемых немцами-помещиками. Пробыл в Риге до осени 1848 г.

84 (с. 230)

4.XII 1845

1 ...*Никола едва ли не будет с гвоздем.*— 6 декабря — день чудотворца Николая. Обычно это время первых морозов. И. С. Аксаков имеет в виду русские пословицы «На Николу зима с гвоздем ходит», «В осень Егорий с мостом, Никола с гвоздем» и т. п.

2 ...*надо будет ехать поздравлять Унковскую мать.*— Варвару Михайловну Унковскую с днем ее именин 4 декабря.

3 ...*о последствиях поездки Костиной в Москву...*— В конце ноября 1845 г. К. С. Аксаков ездил в Москву, чтобы получить свою диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», которую читали профессора Московского университета. В декабре 1845 г. Совет университета разрешил ее печатать. В Калугу 1.XII.1845 г. Константин сообщал: «Я был недавно в Москве и сбрил там бороду, надел фрак, был у Давыдова. Моя диссертация, по словам его, вся пропущена» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 2). Давыдов Иван Иванович (1794—1863) — профессор русской словесности и декан словесного факультета Московского университета. А. О. Смирнова, недовольная тем, что К. С. Аксаков не соглашался на ее уговоры отказаться от русского костюма, при получении в Калуге вышеприведенного известия от Константина писала Аксаковым: «Поздравляю все Радонежье с обритием бороды и изменением риз будущего магистра» (Письмо от 20.XII.1845 г. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 92а. Л. 1 об.).

4 ...*о маменькином глазе...*— См. с. 227 наст. изд.

5 *Геродот* (ок. 484—425 гг. до н. э.) — древнегреческий историк.

6 *Послезавтра 6-ое декабря...*— День чудотворца Николая и именины императора Николая I.

7 «*Слабеет ныне высокий строй моей души*» — строки из стихотворения И. С. Аксакова «Не в блеске пышного мечтанья...» (1845).

8 *Едва ли еще примет он предлагаемое ему место.*— С. Т. Аксаков писал сыну 18.XI. 1845 г.: «А⟨лександра⟩ О⟨сиповна⟩ (Смирнова.— *Т. П.)* сказала мне, что Попов будет служить в Калуге» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 5). О том же сообщала сестра Вера (Письмо Ивану от 5.XI.⟨1845 г.⟩ // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 24 об.). А. Н. Попову предлагалось место старшего секретаря в губернском правлении (см. с. 215 наст. изд.), которое он не принял.

85 (с. 232)

8.XII 1845

1 *Вот что называется Никола с гвоздем, так с гвоздем!* — См. прим. 1 к письму 84.

2 *Третьего дня был царский день.*— См. прим. 6 к письму 84.

3 *Додо* — так называли в свете Е. П. Ростопчину.

4 «*Вивлиофика*» — библиотека, серия книг по какой-либо отрасли знаний.

5 *Апокалипсис* — откровение Иоанна Богослова, книга Нового завета, содержанием которой являются пророчества о конце мира.

6 *Констан, Бенжамен* (1767—1830) — французский политик, публицист, автор автобиографического романа «*Адольф*» (1816).

7 ...*у одной старой девушки Бахметевой...*— И. С. Аксаков излагает содержание письма М. Ю. Лермонтова ⟨от начала августа 1832 г.⟩ Софье Александровне Бахметевой (род. в 1800 г.).

86 (с. 234)

11.XII 1845

1 ...*А⟨нна⟩ Сев⟨астьяновна⟩ уже уехала...*— Гувернантка младших сестер Аксаковых Анна Севастьяновна уехала в Казань, получив известие о смерти своего внука (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 1—2.XII.1845 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 6 об.).

2 *Вы пишете мне о Валуеве...*— Д. А. Валуев отправился за границу тяжело больным («он так слаб, что я и не знаю, как доедет»,— писал Ивану С. Т. Аксаков в не-

датированном письме.— *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 49, 51 об. Письмо разрознено). Он скончался по дороге в Новгороде в ноябре 1845 г., о чем в Калугу написали брат Константин (Письмо от 1.XII.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 2 об.) и сестра Вера (Письмо от 3.XII.1845 г. // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 9). Останки Валуева были перевезены в Москву и 29.XII.1845 г. погребены в Даниловском монастыре.

3 *...о скоропостижной смерти Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ Тургенева.*— А. И. Тургенев умер 3.XII.1845 г. в Москве.

4 *... Н⟨адежда⟩ Тим⟨офеевна⟩ сообщает такой сон... Не дай бог, чтоб это случилось...*— Н. Т. Карташевская (1794—1887), жившая в Петербурге, писала своему брату С. Т. Аксакову об увиденном ею сне, будто бы Г. С. Аксаков назначается прокурором в Уфу (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 1—2.XII.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 6 об.— 7).

5 *...Унковский, вероятно, в непродолжительном времени будет переведен сюда.*— 4.V.1846 г. И. С. Аксаков сообщал родным, что Федор Унковский живет в Калуге, хотя в официальных документах он по-прежнему числился на должности товарища председателя владимирской уголовной палаты в 1846 и даже в 1847 гг.

6 *...ни от Оболенского...*— Д. А. Оболенского.

7 *...есть экстра-почта.*— Экстра-почта, существовавшая с 1799 г., доставлялась из Москвы в Петербург без остановки на станциях и в сопровождении курьера (см.: *Базилевич К.* Почта в России в XIX веке. М., 1927. С. 8).

87 (с. 235)

15.XII 1845

1 *Россет Аркадий* Осипович (1811—1881) — родной брат А. О. Смирновой. Служил в гвардии, впоследствии генерал-лейтенант, губернатор в Вильне, сенатор. Был дружен с Н. В. Гоголем и состоял с ним в переписке.

2 *...на другой день первого свидания с Смирновой я писал к Оболенскому...*— В письме Д. А. Оболенскому от 17.XI.1845 г. И. С. Аксаков сообщал, что А. О. Смирнова по приезде в Калугу находилась в нервическом расстройстве (см.: *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 13). За разглашение содержания этого письма Оболенский получил от И. С. Аксакова выговор (см. письмо Д. А. Оболенскому от 17.XII. 1845 г. // Там же. Л. 17).

3 *...прибавлено несколько лестных выражений.*— В письме Д. А. Оболенскому от 17.XI.1845 г. И. С. Аксаков отметил ум А. О. Смирновой (см.: *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 13).

4 *Карамзины* — вдова писателя и историка Н. М. Карамзина Екатерина Андреевна Колыванова (1780—1851) и ее дети: Александр Николаевич (1815—1888), Андрей Николаевич (1814—1854), Владимир Николаевич (1819—1879), Екатерина Николаевна (1809—1867), Елизавета Николаевна (1812—1891), Софья Николаевна (1802—1856) — дочь Н. М. Карамзина от первого брака с Елизаветой Ивановной Протасовой.

5 *Плетнев* Петр Александрович (1792—1865) — поэт, критик, журналист, профессор и ректор Петербургского университета, академик. Был другом А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского. А. О. Смирнова знала его со времен учения в Екатерининском институте в Петербурге, где Плетнев преподавал русскую словесность.

6 *Множество альманахов должно выйти зимой, в том числе один, издаваемый «От⟨ечественными⟩ зап⟨исками⟩» с компанией...*— Подразумевается «Петербургский сборник», изданный Н. А. Некрасовым в 1846 г. В нем участвовали Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, И. И. Панаев и др. сотрудники «Отечественных записок».

7 *А мы в Москве ничего, ничего не делаем!* — См. прим. 3 к письму 64.

8 *...Григорьев (поэт «Пантеона и репертуара»...)... напечатал комедию...*— Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — поэт, критик, в 12 книжке «Репертуара и пантеона» за 1845 г. напечатал драму в стихах «Два эгоизма». В первом действии Баскаков, «философ-славянофил», как сообщено в списке действующих лиц, про-

износит монолог о семье как «славянском начале» и, говоря о жене, заявляет:

Муж может бить ее, но убивать не смеет:
Над ней духовное лишь право он имеет...

[9] *...новую звезду, какого-то Достоевского...*— Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) в 1846 г. в «Петербургском сборнике» Н. А. Некрасова опубликовал свой первый роман «Бедные люди», который принес ему известность и был высоко оценен В. Г. Белинским (см. его статьи о «Петербургском сборнике» и «Взгляд на русскую литературу 1846 года»). Сообщая В. А. Жуковскому о выходе этого романа, П. А. Плетнев писал: «От него наши Некрасовцы (печатающиеся в альманахе какого-то Некрасова) без ума и говорят, что теперь смерть и Гоголю и всем. Но я пока не думаю этого» (Письмо от 5.II.1846 г. // *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. III. С. 570). К. С. Аксакову роман не понравился — Ю. Ф. Самарину он писал 28.III.⟨1846 г.⟩: «Я слышал от Александры Осиповны (Смирновой.— *Т. П.*), которая в Москве, что ты в восторге от «*Бедных людей*» Достоевского, и это показалось мне странно. Отдельные места прекрасны — точно; но вообще вся повесть не художественна; видна цель возбудить участие, что важный недостаток...» (*ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 71).

[10] *О смерти Тургенева я уже знал от Алекс⟨андры⟩ Осиповны.*— См. прим. 3 к письму 86.

[11] *...название зеленой книжки?..*— Зеленая книжка представляла собой собрание лучших стихотворений И. С. Аксакова. См. также с. 345 наст. изд.

[12] *...посылаю Языкову переделанное послание...*— См. прим. 9 к письму 79.

[13] *Горчаковы* — московские знакомые Аксаковых.

88 (с. 237)

18.XII 1845

[1] *...просидел у брата ее...*— Л. И. Арнольди.

1846

89 (с. 239)

⟨25.IV 1846⟩

[1] *⟨25 апреля 1846 года. Москва.⟩* — Печатается впервые по копии, хранящейся в *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 56 (нахождение подлинника неизвестно) и ошибочно датированной 1851 г. Датируется нами 25.IV.1846 г. на основании указания И. С. Аксакова «Вчера вечером был я в театре...» (он ездил в Москву на представление «Почтовой кареты», которое состоялось 24.IV.1846 г.) и близости содержания этого письма и письма от 26.IV.1846 г. (см. с. 239—240 наст. изд.).

[2] *Надо отдать честь Западу: он усердно трудился, хлопал и настоял, чтобы вызвать автора.*— О том же писал К. С. Аксаков Ю. Ф. Самарину: «Запад хлопал Москве и вызывал меня, как только можно громче» (Письмо 1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 2 об.).

90 (с. 239)

26.IV 1846

[1] *...«Письма Плиния Младшего»...*— Гай Плиний Цецилий Секунд (ок. 62 — ок. 114) — римский писатель и государственный деятель. 10 книг его писем считаются образцом эпистолярного жанра.

[2] *...давали сначала «Дугласа» в 5 актах...*— «Дуглас Черный» — драма из жизни Шотландии в начале XIV в. Автор — Ефимович Кондратий Дмитриевич (ум. в 1848 г.). См. о нем: *Зотов В. Р.* Петербург в сороковых годах: (Выдержки из автобиографических заметок) // *ИВ*. 1890. Т. 40. Апр.— май — июнь. С. 308. Пьеса успеха не

имела, зрители шикали (см. письмо К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину 1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 2).

3 ...*Конст‹антин› не знает о моем приезде...* — И. С. Аксаков был серьезно болен, находился в Абрамцеве, и его приезда на представление «Почтовой кареты» никто не ожидал.

4 *Приехал Ал‹ександр› Карамзин...* — См. прим. 4 к письму 87.

5 *Он может быть вполне доволен успехом, да уж и доволен!* — Впечатления И. С. Аксакова от представления «Почтовой кареты» совпадают с впечатлениями автора водевиля, который писал Ю. Ф. Самарину, что куплет о Москве, произнесенный М. С. Щепкиным, был встречен «громом рукоплесканий», как и выход автора на сцену. «Мне было приятно... Цель была достигнута... общество подало свой голос» (Письмо 1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 2 об.).

6 ...*поехал... к тетеньке...* — В Москве в это время находилась А. Т. Воейкова.

7 ...*Конст‹антин› к Кобылину...* — *Сухово-Кобылин* Александр Васильевич (1817–1903) — драматург, друживший с К. С. Аксаковым (см.: *Рудницкий К.* А. В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 30).

8 *«Игроки»* — комедия Н. В. Гоголя (1842).

9 *Люке* — кондитерская на Кузнецком мосту.

10 ...*Констант‹ин› должен был читать свою драму...* — Начало драмы «Освобождение Москвы в 1612 году», которую автор читал в обществе по мере ее написания (окончена летом 1847 г.). Ю. Ф. Самарин был недоволен этими чтениями, считая, что нужно «выдерживать и вынашивать в себе подолее», и беспокоясь, что кривотолки в обществе приведут к запрещению драмы (см. письмо К. С. Аксакову ‹1847 г.› // *Самарин*. Т. XII. С. 191, 193).

11 *Чижов* Федор Васильевич (1811–1877) — профессор математики Петербургского университета (1832–1845), во второй половине 40-х годов сблизившийся с кружком славянофилов. Впоследствии крупный промышленный и финансовый деятель, издатель-редактор (совместно с И. К. Бабстом) журнала «Вестник промышленности» (1858–1861) и газеты «Акционер» (1860–1863), сотрудник газет «Молва», «День», «Москва». Издатель сочинений Н. В. Гоголя. Биографический очерк И. С. Аксакова о Чижове см.: *РА*, 1878. № 2.

12 *Овербек* Иоганн Фридрих (1789–1869) — немецкий художник, писавший картины по преимуществу на религиозные темы. О статье Чижова, посвященной Овербеку и напечатанной в «Современнике» (1846. Т. 43), с похвалой отозвалась А. П. Елагина: «Языков прислал мне «Овербека» Чижова; есть горячие страницы, и немногие так душевно пишут» (Письмо А. Н. Попову от 24.IX.1846 г. // *РА*. 1886. № 3. С. 345). Чижов дружил с художниками (особенно с А. А. Ивановым) и отлично разбирался в живописи. Является автором статей «О работах русских художников в Риме», «Джиованни Фьезольский и об отношении его произведений к нашей иконописи» и др.

13 ...*были и Хомяковы.* — А. С. Хомяков и его жена (с 1836 г.) Екатерина Михайловна (1817–1852), сестра поэта Н. М. Языкова.

14 ...*хоть нынче и пятница...* — И. С. Аксаков ошибся — письмо написано 26 апреля, в субботу: представление водевиля «Почтовая карета» состоялось 24.IV.1846 г., в письме описан следующий день и утро 26 апреля.

15 *О деле поручаю справиться Погуляеву и уведомить вас.* — Какое дело поручалось Н. Т. Погуляеву, установить не удалось.

16 *Конст‹антин›... участвует в обеде в честь Грановского...* — Зимой 1845–1846 гг. Т. Н. Грановский читал в Московском университете публичный курс лекций, посвященный сравнительной истории Англии и Франции. Сестра Вера, сообщая И. С. Аксакову о том, как скучно в Москве эту зиму, отметила: «Только интересного что Грановского лекции. Конст‹антин› слышал и говорит, что прекрасно» (Письмо без даты // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 141. Л. 23 об.). Подробнее о впечатлениях К. С. Аксакова от лекций и об обеде в честь Грановского см. в его письме Ю. Ф. Самарину 1846 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 3–3 об.).

91 (с. 241)

30.IV 1846

[1] *Ефим* – слуга И. С. Аксакова в Калуге.
[2] *Довольны ли вы рассказом Кости?* – О представлении водевиля «Почтовая карета» (см. прим. 1 к письму 89 и прим. 5 к письму 90).
[3] ...*извещайте меня и о Грише.*– Г. С. Аксаков 5.XII.1845 г. был назначен на должность оренбургского губернского прокурора.
[4] ...*с Катей*...– По-видимому, дочь или внучка гувернантки Анны Севастьяновны.
[5] ...*вышлю 3-ий том Арцыбашева.*– Арцыбашев Николай Сергеевич (1773–1841) – историк, примыкавший к «скептической школе» и полемизировавший с Н. М. Карамзиным. Автор работы «Повествование о России» (М., 1838–1843. Т. 1–3). Третий том, доведенный исследователем до 1698 г., был необходим К. С. Аксакову для работы над драмой «Освобождение Москвы в 1612 году».

92 (с. 242)

4.V 1846

[1]...*увидите письмо и – стихи!* – Стихотворение «Andante», в котором много «глубокого, истинного чувства», по мнению С. Т. Аксакова (Письмо от 16.V.⟨1846 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 14). Стихотворение понравилось и Константину, который считал его «очень значительным по своей мысли» (Письмо Ивану ⟨от мая – июня⟩ 1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 8).
[2] ...*сообщите Смирновой, что говорят об ней здесь.*– С. Т. Аксаков отказался это сделать, не желая огорчать А. О. Смирнову и не веря в пользу таких сообщений (см. письмо Ивану от 16.V.⟨1846 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 14 об.).
[3] *О водевиле Константиновом*...– О «Почтовой карете» (см. с. 239–240 наст. изд., прим. 1 к письму 89 и прим. 5 к письму 90).
[4] *Статью о Москве*...– Речь идет о статье К. С. Аксакова «Семисотлетие Москвы» (Моск. ведомости. 1846. 23 апр. Подписана «А.–»). Она вызвала резонанс в обществе, следствием чего были ответные меры администрации: председатель цензурного комитета Д. П. Голохвастов сделал выговор редактору газеты Е. Ф. Коршу, попечитель московского учебного округа С. Г. Строганов получил выговор от министра внутренних дел и распорядился в цензурном комитете впредь не пропускать статей Аксакова без разрешения его или Голохвастова (см. письмо К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину 1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 3, 4 об.; его же письмо И. С. Аксакову ⟨1846 г.⟩ // Там же. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 11 об.).
[5] *Что 2-ое представление Костина водевиля?*.– «О втором представлении водевиля ничего не знаем,– писал С. Т. Аксаков.– Костя, разумеется, всем доволен, да и нельзя иначе; но я советую всем быть готовым к его отъезду... в северную Пальмиру или в Вычеготск, или куда-нибудь в другую сторону» (Письмо Ивану от 8.V.1846 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 12 об.).
[6] ...*стихи... в виде послания к Оболенскому*...– В письме Д. А. Оболенскому от 1.V.1846 г. И. С. Аксаков послал стихотворение «Andante», сообщив при этом, что оно было написано накануне (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 19). На этом основании стихотворение необходимо датировать 30.IV.1846 г., а не 2.V.1846 г. (см.: *Стихотворения*... С. 68–69).
[7] ...*Арцыбашева 3-ий том о междуцарствии.*– См. прим. 5 к письму 91.
[8] *Применение нового «Свода»*...– См. прим. 1 к письму 72.
[9] ...*поручаю Косте взять на себя перепечатание или поправку напечатанного в сборнике.*– Т. е. в «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г., в который И. С. Аксаков отдал несколько своих стихотворений (см. прим. 3 к письму 73).

93 (с. 244)

7.V 1846

[1] *Что Константин и повторение водевиля?* – См. прим. 5 к письму 92.
[2] *Ожидают сюда Щепкина*...– В 1846 г. М. С. Щепкин вместе с В. Г. Белинским предприняли путешествие на юг, в Одессу и Крым. В Калугу они приехали

18.V.1846 г. Щепкин Михаил Семенович (1788–1863) – основоположник реализма на русской сцене, актер Малого театра.
[3] *Что вы скажете о тех стихах?* – См. прим. 1 к письму 92.

94 (с. 246)

10.V 1846

[1] *...тяжелая ⟨почта⟩.*– Ямская, с которой посылались тяжелые казенные пакеты и посылки более 5 фунтов. Легкую почту составляли посылки менее 5 фунтов, казенные пакеты обыкновенной величины и частные письма.
[2] *Томашевский* Антон Францевич (1803–1883) – приятель С. Т. Аксакова, служивший в московском почтамте цензором иностранных газет. Его сын Егор Антонович Томашевский в 1857 г. женился на дочери С. Т. Аксакова Марии.
[3] «*Миром, царствующим в ней, я приветствуюсь покорно!*» – Строки из стихотворения И. С. Аксакова «В тихой комнате моей...» (1845).
[4] *...что сказали Вам доктора.*– Речь идет о консилиуме известных московских хирургов А. И. Овера, Андрея Ивановича Поля (род. в 1794 г.), в это время профессора Московского университета, Венцеслава Венцеславовича Пеликана (1790–1873), в это время старшего врача московского военного госпиталя (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 16.V.⟨1846 г.⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 13–13 об.). Консилиум был устроен по поводу болезни глаз С. Т. Аксакова.
[5] *...послал Константину Арцыбашева.*– См. прим. 5 к письму 91.
[6] *Вчера было 9-ое мая. Поздравляю вас всех и милую Олиньку...*– С днем рождения Ольги Аксаковой.
[7] *Он – лихвинский помещик...*– См. прим. 9 к письму 68.
[8] *...«усердие чиновников все преодолевает»...*– «Усердие все превозмогает» – девиз на гербе П. А. Клейнмихеля.
[9] *...рукопись «Чиновника»...*– мистерии И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» (см. о ней прим. 3 к письму 23, прим. 7 к письму 30, прим. 3 к письму 37 и прим. 3 к письму 76).
[10] *Очкин* Амплий Николаевич (1791–1865) – цензор (1841–1848), переводчик, редактор-издатель журнала «Детская библиотека» (1835–1838), впоследствии издатель газеты «Очерки» (1863), редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (1838–1863).
[11] *Посылаю вам еще стихотворение.*– «Поэту-художнику». Получение письма со стихами наполнило сердце С. Т. Аксакова «несказанною радостью» (Письмо Ивану от 18.V.1846 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 15).
[12] *...опровержение толков... о том, что искусство должно служить цели...*– Сходные взгляды на отношение искусства к действительности исповедовали К. С. Аксаков (см. прим. 3 к письму 49, прим. 4 к письму 83) и С. Т. Аксаков, писавший Ивану: «Я не признаю поэзии философской и политической, или правильнее сказать: я не так люблю ее» (Письмо от 21.X.1845 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 7 об.).
[13] *Чувствую, что надо овладеть больше формой...*– С. Т. Аксаков своим гостям читал стихотворения Ивана, которые их восхитили, а А. С. Хомяков заявил: «Он овладел формою» (Письмо Ивану от 18.V.1846 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 16).

95 (с. 248)

14.V 1846

[1] *...отправляете Константина в Калугу!* – Беспокоясь о здоровье Ивана, Аксаковы собирались в случае задержки писем из Калуги отправить туда Константина.
[2] *...я уже больше владею формой, чем прежде... там что ни говори Гоголь...*– Признавая несомненный поэтический талант И. С. Аксакова, Н. В. Гоголь считал, что его последние стихи слабее первых, тогда как должно быть наоборот (см. письмо С. Т. Аксакову от 23.III.1846 г. // *История моего знакомства с Гоголем.* С. 157).
[3] *Если увидите тетеньку...*– А. Т. Воейкову.
[4] *Лемерсье* – владелец магазина на Тверской, в котором продавались товары мужского туалета.

96 (с. 251)

18.V 1846

[1] ...*«Чиновника»*...– см. прим. 9 к письму 94.
[2] *Вознесенье* – переходный праздник, отмечаемый через 40 дней после пасхи.
[3] *Шевырев получил благоволение!.. Я читал в газетах.*– С. П. Шевырев был произведен в статские советники (см.: Моск. ведомости. 1846. 31 янв. С. 89).

97 (с. 252)

21.V 1846

Подлинник – *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 16–17 об.

[1] ...*о преимуществах московской жены перед петербургской и Кат⟨ерины⟩ А⟨лександровны⟩ перед Смирновой!* – К. С. Аксаков описывал брату вечер у Аксаковых 17.V.1846 г., на котором были А. О. Смирнова вместе с Е. А. Свербеевой (см. также письмо С. Т. Аксакова Ивану от 18.V.1846 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 16). Сравнение московской и петербургской жен встречается и в письме Константина Ю. Ф. Самарину ⟨от весны⟩ 1846 г.: хотя Смирнова бойчее и отличается «блестящим умом», Свербеева превосходит ее «нравственным достоинством» – одним словом, «жена московская стояла высоко над женою петербургской» (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 3 об.).
[2] ...*отдала мне... сборник*...– А. О. Смирнова привезла в Калугу «Московский литературный и ученый сборник» 1846 г., вышедший 18.V.1846 г.
[3] ...*на него очень сержусь за то, что он не приехал*...– Л. И. Арнольди находился в это время в Москве.
[4] ...*после спектакля* («*Ревизора*»)...– В комедии Н. В. Гоголя М. С. Щепкин исполнял роль Городничего.
[5] ...*привел он его к губернатору, где я с ним встретился.*– В. Г. Белинский писал, что в Калуге он появлялся всюду «в качестве хвоста толстой кометы, т. е. М⟨ихаила⟩ С⟨еменовича⟩» (Письмо М. В. Белинской от 11–12.VI.1846 г. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. XII. С. 282). Впервые Белинский и И. С. Аксаков встретились в Петербурге в 1840 г. После знакомства Белинский писал К. С. Аксакову: «Славный юноша! В нем много идеальных элементов, которые делают человека человеком, но натура у него здоровая, а направление действительное, крепкое и мужественное. Я очень полюбил его» (Письмо от 14.VI.1840 г. // Там же. Т. XI. С. 534. См. также письмо К. С. Аксакову от 23.VIII.1840 г. // Там же. С. 546). В противоположность И. С. Аксакову, встретившему в Калуге Белинского холодно, последний не питал к нему неприязненных чувств и после встречи писал А. И. Герцену: «Славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом. Вообще я впадаю в страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами действительно могут быть порядочные люди. Грустно мне думать так, но истина впереди всего!» (Письмо от 4.VII.1846 г. // Там же. Т. XII. С. 296–297).
[6] ...*обхожусь с ним сухо и холодно.*– Это обхождение характеризует отношение семьи Аксаковых к В. Г. Белинскому. Многие годы связанные дружбой, К. С. Аксаков и Белинский разошлись в 1840 г. В конце ноября 1840 г. К. С. Аксаков писал отцу о своем предвидении грядущих литературных схваток с Белинским, считая, что он всегда будет отдавать бывшему другу «должное достоинство» (*ЛН*. М., 1950. Т. 56, II. С. 145). Однако бескомпромиссность и строгость оценок «неистового Виссариона», яростно доказывающего свою правоту, мешала К. С. Аксакову сохранять объективность. Как только Белинский выступил с критикой аксаковской брошюры «Несколько слов о поэме Гоголя: „Похождения Чичикова, или Мертвые души“» (*ОЗ*. 1842. № 8), К. С. Аксаков назвал рецензию «подлым ругательством» в свой адрес (Копия письма А. Н. Попову ⟨1842 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 16. Л. 5 об.). О реакции К. С. Аксакова см. также письмо В. П. Боткина Белинскому от 17.IX.1842 г.– *ЛМ*. 1923. Вып. II. С. 182. В соответствии с отношением Константина В. С. Аксакова назвала рецензию Белинского «самой недобросовестной» (Письмо М. Г. Карташевской от 17.VIII.1842 г. // *ЛН*. М., 1950. Т. 56. II. С. 168). См. также с. 257 наст. изд. Уже в 1841 г., до схватки с Белин-

ским из-за Гоголя, семья Аксаковых была враждебно настроена к Белинскому, которого, по признанию С. Т. Аксакова, «терпеть не могли» (*История моего знакомства с Гоголем.* С. 56). К. С. Аксаков сторонился и возможных встреч с Белинским. В мае 1846 г. он писал Ивану: «...Бел⟨инский⟩ и др. оставили Москву: я не встречался с ними и, чтобы избежать встречи, я не ездил ни к Коршу, ни к Чаадаеву» (*ЛН.* Т. 56, II. С. 179).

98 (с. 253)

21.V 1846

1 *...был у Писарева...*— Н. А. Писарева.

2 *...В⟨ладимиру⟩ Ник⟨олаевичу⟩ Писареву...*— Какие денежные дела имела с В. Н. Писаревым О. С. Аксакова, выяснить не удалось. *Рутценские деньги* – вероятно, связаны с m-me Рутцен, на имении которой в Орловской губернии лежали многочисленные долги казне и частным лицам.

3 *Кудеяр* – Кудеяр Тишенков, разбойник, живший во второй половине XVI в. Согласно народным преданиям, брат Ивана Грозного Юрий, сын великого князя Василия III и Соломонии Сабуровой (см.: *Крупп А. А.* К вопросу об историческом прототипе Кудеяра-разбойника // Русский фольклор. Л., 1975. Т. XV. С. 234–239; *Он же.* Предания о времени Ивана Грозного // Там же. Л., 1976. Т. XVI. С. 213, 217–219).

4 *...Ал⟨ексей⟩ Ник⟨олаевич⟩ трусит давать водевиль...*— Речь идет о водевиле К. С. Аксакова «Почтовая карета». А. Н. Верстовский (1799–1862) – композитор, с 1830 г. инспектор репертуара московских театров, приятель С. Т. Аксакова.

5 *Соллогуб* Владимир Александрович (1813–1882), граф – беллетрист, драматург, мемуарист. Его повести «История двух калош», «Большой свет», «Тарантас» появились в «Отечественных записках» и заслужили одобрение В. Г. Белинского.

6 *...дают «Мирандолину».*— «Мирандолина, или Седина в бороду, а бес в ребро», комедия К. Л. Блума, в которой М. С. Щепкин играл Вальдорфа.

7 *...взяв... сборник...*— «Московский литературный и ученый сборник» 1846 г.

99 (с. 256)

25.V 1846

1 *25 мая 1846 г⟨ода⟩. Суббота. Калуга.— В Письмах, т. I.* С. 331 число указано неверно – не 26 мая, а 25-е.

2 *...играл он в пиесах: «Повар и секретарь» и «Филипп»...*— Точное название комедии-водевиля Э. Скриба и А. О. Ж. Мельвиля – «Секретарь и повар, или Один за другого»; М. С. Щепкин играл в ней роль повара Суфле. «Филипп, или Фамильная гордость» – комедия-водевиль тех же авторов; М. С. Щепкин играл в ней роль Филиппа.

3 *...играл он в пиесе «Два купца и два отца»...* – Комедия-водевиль Ж. Ф. А. Байара и Дезорма, в которой М. С. Щепкин играл роль Бонара.

4 *Воронцов* Михаил Семенович (1782–1856), граф, впоследствии князь – фельдмаршал, русский военный и государственный деятель, в 1823–1844 гг. новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабии, с 1844 г. наместник Кавказа.

5 *...рассказывала... о чужих краях, о Грамаклее (место ее родины)...*— После второго замужества своей матери А. О. Смирнова вместе с братьями воспитывалась у бабушки Екатерины Евсеевны Лорер (урожд. Цициановой) в местечке Грамаклея на Украине недалеко от Николаева.

6 *...Белинскому Смирнова таки понравилась...*— Справедливость этого замечания подтверждается признанием самого В. Г. Белинского в письме М. В. Белинской от 11–12.VI.1846 г.: «Пребывание в Калуге для меня останется вечно памятным по одному знакомству, которого я и не предполагал, выезжая из Питера. В Москве М. С. Щ⟨епкин⟩ познакомился с А. О. Смирновой... свет не убил в ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не в обрез»; «чудесная, превосходная женщина – я без ума от нее...» (Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XII. С. 282).

7 *Если б Белинский не сделал столько подлостей против Константина...*— См. прим. 6 к письму 97.

8 *...его убеждения мне неизвестны...*— По-видимому, описка: убеждения В. Г. Белинского были хорошо известны И. С. Аксакову, именно поэтому он считал, что разговор не поможет переубедить друг друга.

9 *...рад, если сборник имеет успех...*— 23.V.1846 г. С. Т. Аксаков писал Ивану, что сборник распространился в Москве и что «единогласно восхищаются твоими стихами и моей статейкою» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 18 об.). «Статейкою» Аксаков называл отрывок из «Семейной хроники», напечатанный в сборнике. 29.V.1846 г. он же сообщал: «Хотя сборника никто не покупает, но зато все, кому он подарен, очень его хвалят, так что у Панова голова закружилась от фимиама этих похвал, и он уже купил для второй части сборника на 1000 р⟨ублей⟩ бумаги» (Там же. Л. 19 об.–20). Из письма К. С. Аксакова Иван также узнал, что сборник всем нравится (см. письмо ⟨от мая⟩ 1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 11 об.).

10 *...благодарю его... за присылку стихов...*— Какие стихи К. С. Аксакова были посланы в Калугу, выяснить не удалось.

11 *Очень благодарю Панова за письмецо...*— См. письмо В. А. Панова от 17.VI.1846 г. (*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. 1. Ед. хр. 22).

12 *...я участвую и во второй книжке.*— Т. е. в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год».

13 *...поздравляю вас с завтрашним праздником...*— Духовым днем.

14 *Высылайте поскорее Арнольди.*— Л. И. Арнольди находился в это время в Москве и возвратился в Калугу 3.VI.1846 г. (см. с. 264 наст. изд.).

15 *...дают «Женитьбу» Гоголя!!!* — В «Женитьбе» Н. В. Гоголя М. С. Щепкин играл роль Кочкарева.

16 *...Мороз... не так решил дело.*— Дело, касающееся А. И. Самбурского. Мороз – лицо неустановленное.

100 (с. 258)

28.V 1846

1 *...повойники...*— платки вокруг головы, которые носили замужние крестьянки.

2 *Кумованья не было... оно бывает в троицын день...*— См. прим. 8 к письму 28.

3 *...давали «Матроса» и «Тяжбу»...*— «Матрос» – драматический водевиль Т. М. Ф. Соважа и Ж. Ж. Г. Делюрье, в котором М. С. Щепкин играл роль матроса Симона. «Тяжба» – сцены Н. В. Гоголя.

4 *...куплет об Москве из водевиля...*— из водевиля К. С. Аксакова «Почтовая карета».

5 *Мицкевич* Адам (1798–1855) – польский поэт, деятель польского освободительного движения. В 40-е годы под влиянием Андрея Товианского увлекся религиозно-мистическими и мессианистскими идеями. 12.II.1844 г. А. И. Герцен записал в своем дневнике: «Мицкевич – славянофил, вроде Хомякова и С^{nie}, со всею той разницей, которую ему дает то, что он поляк, а не москаль, что он живет в Европе, а не в Москве, что он толкует не об одной Руси, но о чехах, иллирийцах и пр. и пр.» (Собр. соч.: В 30 т. Т. II. С. 333). И. С. Аксаков взял у А. О. Смирновой, по всей вероятности, «Курс славянских литератур», который Мицкевич читал в Коллеж де Франс в 1840–1844 гг. В курсе лекций рассматривалась историческая роль славянства в развитии мировой культуры. Возможно, И. С. Аксаков имел в виду ту его часть, которая была озаглавлена «Официальная церковь и мессианизм». Книга была выслана ему (см. с. 320 наст. изд.).

101 (с. 259)

1.VI 1846

1 *...чтоб он непременно работал... над драмой...*— Над драмой «Освобождение Москвы в 1612 году».

2 *Вы, кажется, ужасно оскорблены...*— И. С. Аксаков отвечает на письмо отца, который писал ему 29.V.1846 г.: «Как мне досадно, что я не предупредил Ал⟨ександру⟩ Ос⟨иповну⟩ насчет Белинского и даже Щепкина: жаль, что ты этого не сделал. Мне больно, что она допустила их, наравне с тобою, в свое короткое общество и удостоила Белинского спора, когда следовало только сказать, что она не хо-

чет слушать его мнений об этом предмете. Щепкин тоже довольно гадок и еще больше смешон, проповедуя отчаянные западные идеи, как я слышал» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 19 об.). После того как Иван выразил свое несогласие с отцом (см. с. 261 наст. изд.), С. Т. Аксаков, очевидно, испытал неловкость за свою необъективность в отношении к Белинскому и счел за лучшее не входить в дальнейшие объяснения с сыном, которому раздраженно написал: «Говоря о Белинском и Щепкине и опровергая мои слова, ты уехал совсем в другую сторону и нападаешь на то, чего я не говорил; но я не в духе, и мне некогда спорить с тобою» (Письмо от 6.VI.1846 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 24).

3 *Деспотизм в отношениях дружбы и знакомства... у Константина...*— Этот деспотизм особенно был ощутим в отношениях К. С. Аксакова с Ю. Ф. Самариным. Очень часто К. С. Аксаков выговаривал своему другу за его отказ надеть мурмолку, за его службу, за камер-юнкерский мундир, наполнял письма Самарину нравоучительными сентенциями: «Для нас одна дорога прямая, один образ действия: не соприкасаться никаким образом с порядком вещей, и если невозможно не соприкасаться внешним образом, то да не будет соприкосновения внутренно, душевного участия» (Письмо ⟨от весны⟩ 1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 1). Эти наставления были весьма неделикатны потому, что в службу Самарин вступил против своего желания, уступая настояниям отца, представление в камер-юнкеры было сделано без его ведома и т. п. На трудности отношений с К. С. Аксаковым Самарин жаловался Н. В. Гоголю: «Аксаков пишет мне письма, в которых грозит разрывом, если я не приму его образа мыслей, запечатленного исключительностью и потому только извинительного, что происходит от незнания людей и жизни. Он не умеет вглядываться в физиономию человека; он видит в нем не живое целое, сложенное из противоположных свойств и начал самых разнообразных, а строгий силлогизм на двух ногах... Весь род человеческий для него распадается на безусловно белых и безусловно черных» (цит. по кн.: *Барсуков*. Кн. VIII. С. 334).

4 *Нелидов* Иосаф Аркадьевич (род. в 1815 г.) — приятель А. О. Смирновой.

5 *...приказано было от нее всем хлопать у нее в ложе, Скалону, Рябинке и другим.*— Речь идет о приятелях А. О. Смирновой: *Скалоне* Николае Александровиче (1809—1857), поручике Генерального штаба, который был дружен также с братьями А. О. Смирновой, и *Рябинине* Михаиле Андреевиче, который был знаком с М. С. Щепкиным, А. С. Хомяковым, Аксаковыми, Н. В. Гоголем.

6 *Что касается до дела...*— Речь о деле, проигранном Аксаковыми. Подробности его не вполне ясны. Об этом деле С. Т. Аксаков сообщал в письмах Ивану от 29.V.1846 г. и от 20.VI.⟨1846 г.⟩ (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 19, 37).

7 *...попробовать Taillé...*— Речь идет о приехавшем в Москву из Нижнего Новгорода гомеопате. По совету А. С. Хомякова у него пробовали лечиться С. Т. Аксаков и его дочь Ольга, но уже в конце июня Сергей Тимофеевич оставил гомеопатию (см. его письмо Ивану от 25.VI.1846 г.— *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 40 об.), а Ольга еще раньше (см. с. 263—264 наст. изд.).

102 (с. 263)

4.VI 1846

1 *4-го июня 1846 г⟨ода⟩. Калуга. Вторник.*— Публикуется впервые.

2 *...с дýшой.*— Т. е. с душем. Речь идет о популярном в эти годы водолечении.

3 *...чтоб Вы... не принимали к себе княжны Цициановой...*— См. прим. 2. к письму 79.

103 (с. 264)

8.VI 1846

1 *Россет Осип Осипович* — родной брат А. О. Смирновой.

2 *...приехала А⟨нна⟩ Тим⟨офеевна⟩...*— А. Т. Воейкова вернулась из Москвы.

3 *...посмотреть...Оптину пустынь.*— Мужской монастырь в Козельском уезде Калужской губернии, основанный, по преданию, еще в XIV в. раскаявшимся разбойником Оптом. Описание монастыря см. на с. 294—295 наст. изд.

4 *Прочел повесть Даля «Былое в небывалом». Очень недурна, по крайней мере, интересна...*— Точное название повести «Небывалое в былом, или Былое в небы-

валом»; печаталась в «Отечественных записках» 1846 г. начиная с майского номера. С. Т. Аксаков был настроен по отношению к Далю недоброжелательно, считая, что нерусское происхождение писателя мешает ему понять русский дух и русский язык. «Удивляюсь,– писал он Ивану,– что ты хвалишь Даля: он просто сделался мне гадок, особенно когда прикидывается русским человеком, а он это делает беспрестанно» (Письмо от 13.VI.1846 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 30 об.).

[5] *Хотелось бы мне побывать в Малороссии.*– Желание И. С. Аксакова исполнилось в 1848 г.– он проехал через Украину, направляясь в Бессарабию. В 1853–1854 гг. он снова побывал на Украине, выполняя поручение Географического общества по описанию украинских ярмарок. В 1855–1856 гг. он прошел через Украину, вместе с серпуховской дружиной спеша на юг России, к месту боевых действий. Летом 1856 г. он вновь проехал через Украину, отправившись на ревизию интендантских действий во время войны.

[6] *«Сын тайны»* – роман французского писателя Поля Анри Феваля (1817–1887), печатавшийся в «Отечественных записках» 1846 г. начиная с майского номера. Окончание в первом номере журнала за 1847 г. *«Графиня де Монсоро»* – роман Александра Дюма (1803–1870).

[7] *Будет ли в них что-нибудь о сборнике?* – Отзыв о «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г. появился в июльском номере «Отечественных записок» 1846 г. (см. прим. 5 к письму 114).

[8] *...про ее обещание дать статью.*– См. прим. 2 к письму 78.

104 (с. 266)

11.VI 1846

[1] *Передал ей просьбу Панова о статье.*– См. прим. 2 к письму 78 и с. 265 наст. изд.

[2] *...упросил ее написать статью о Грамаклее, ее бабушке...*– См. прим. 5 к письму 99.

[3] *...Панов написал бы мне по этому поводу письмо...*– См. прим. 2 к письму № 78 и с. 265 и 267 наст. изд. Письмо В. А. Панов не написал, попросив И. С. Аксакова передать А. О. Смирновой приглашение участвовать в сборнике на словах (см. письмо от 17.VI.1846 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. I. Ед. хр. 22. Л. 1).

[4] *...любите ее письма и в последнем ее письме к Вам хвалите очень выражение про даль и старину.*– Выражение А. О. Смирновой, о котором пишет И. С. Аксаков, относится к отрывку из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, напечатанному в «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г. (см. *Письма. Т. I.* С. 337). С. Т. Аксаков признавался: «Ее письмо доставляет мне такое удовольствие, которое можно чувствовать только от художественного произведения» (Письмо Ивану от 6.VI.1846 г. // Там же. С. 336).

[5] *Она спросила, не сообщаете ли Вы... того, что она писала обо мне...*– Имеется в виду отзыв А. О. Смирновой об И. С. Аксакове в письме С. Т. Аксакову от 1.VI. ⟨1846 г.⟩, копия с которого была послана Ивану в Калугу (см. *Письма. Т. I.* С. 336–337).

105 (с. 268)

15.VI 1846

[1] *...что она пишет... обо мне – преглупо.*– См. прим. 5 к письму 104.

[2] *...брата известной фрейлины...*– Нелидов И. А. был братом фаворитки Николая I Нелидовой Варвары Аркадьевны и приятелем А. О. Смирновой. В 1846 г. адъютант военного министра. Отец, узнав о ссоре с А. О. Смирновой, был недоволен поведением сына: «Возвращаюсь к вашей ссоре: разумеется, ты был ее причиной своими резкими выходками, ибо сказать: ваш друг и приятель подлец, и особенно женщине, которая не может за это ударить тебя и вызвать на дуэль,– дело неизвинительное; на все есть манера; можно сказать то же, не оскорбив лица, с которым говоришь» (Письмо от 24.VI.1846 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 38 об.– 39). В I томе *Писем* (с. 344) и в журнале «Русский архив» (1896.

Кн. I. С. 145—146) напечатано с незначительными неточностями. См. также изложение ссоры с И. С. Аксаковым в «Записках, дневнике, воспоминаниях, письмах» А. О. Смирновой (С. 253).

[3] ...*предоставлено англичанке*...— Мисс Овербек (Overbeck).

[4] *Про Вас она говорит... что вот Вы... примирились с порядком вещей*...— С. Т. Аксаков отвечал на это: «Конечно, я примиряюсь с настоящим порядком вещей как с горькой необходимостью; но часто и сильно возмущаюсь подлостями, разумеется, не питая глупой мысли переменить свет по-своему» (Письмо от 20.VI.‹1846 г.› // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 36 об.).

[5] ...*написал стихи «Русскому поэту»*.— Они были посланы с этим письмом, потому что в ответном письме от 20.VI.‹1846 г.› познакомившийся с ними С. Т. Аксаков назвал их «прекрасными» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 34).

[6] ...*серьезные разговоры ей в тягость, а она охотница до пустяков*...— В письмо Ивану от 6.VI.1846 г. С. Т. Аксаков вложил копию с полученного от А. О. Смирновой письма, в котором она писала: «Иван Сергеевич не охотник говорить пустяки, а я, признаюсь, до них большая охотница. Бесплодные жалобы на порядок беспорядка общественного мне надоели тоже и тяготят так мою душу, что я с радостью хватаюсь за всякий пустяк. У Ив‹ана› Сер‹геевича› еще много жесткости в суждениях, он не легко примиряется с личностями, потому что он молод и не жил еще» (*Письма. Т. I*. С. 336—337). Смирнова считала, что жизнь учит примирению, но ее надежда на то, что И. С. Аксаков «изменится непременно, шероховатость пройдет», не оправдалась — до конца своих дней он остался критиком общественных непорядков. В 1849 г. он писал А. О. Смирновой: «Вы все говорите о примирении... Мне кажется, что если бы я (не говорю о других) примирился с собою, то я, значит, одебелел бы, сделался бесчувствен, просто говоря, заплыл бы жиром» (Письмо от 11.IX.1849 г. // *РА*. 1895. № 12. С. 438).

[7] ...*повести в стихах*...— Речь идет о поэме «Бродяга».

106 (с. 270)

18.VI 1846

[1] ...*там есть стихи*...— И. С. Аксаков далее приводит строфы из стихотворения «А. О. Смирновой» («Вы примиряетесь легко...»), которое он сочинял в это время.

[2] *Нынче... день рожденья какой-то дочери*...— Ольги Николаевны Смирновой, которая родилась 18.VI.1834 г.

[3] ...*стихи очень негладки*...— Первый вариант стихотворения «Мы все страдаем и тоскуем...», датируемый самим автором 12.VI.1846 г., впоследствии был переработан (см. *Письма. Т. 1*. Приложение. С. 76—77, а также: *Стихотворения*... С. 85—86).

107 (с. 273)

21.VI 1846

[1] ...*я выезжаю*.— В отпуск в Москву.

[2] ...*переписал вам стихи, которые посылаю*.— При письме текста стихов нет.

[3] *Вот вам поправки*...— Они касались стихотворения «Русскому поэту».

[4] ...*приехал Тимирязев*...— А. О. Смирнова знала И. С. Тимирязева через семью Карамзиных.

[5] ...*увещевать Нелидову*...— См. прим. 2 к письму 105.

[6] *Арнольди Ольга Ивановна* — сводная сестра А. О. Смирновой от второго брака матери. Была замужем за Петром Сергеевичем Оболенским. О ее приезде в гости в Калугу Смирнова сообщала Н. В. Гоголю 7.II.1846 г. (*PC*. 1890. Июль. С. 202).

108 (с. 275)

25.VI 1846

[1] ...*«Но я к горячему моленью»*...— Строки из стихотворения И. С. Аксакова «А. О. Смирновой» («Вы примиряетесь легко...»).

[2] *Нынче праздник (царский день)*.— День рождения Николая I.

109 (с. 277)

20.VII 1846

[1] *20 числа июля. Калуга. Суббота. 10 часов утра.*— Письма И. С. Аксакова родным возобновились после перерыва, вызванного его поездкой в июле 1846 г. в Москву.

110 (с. 277)

23.VII 1846

[1] *Вообразите, что он восстановляет против меня всю Москву!* — С. Т. Аксаков отвечал: «Восстановление Москвы она сочинила, это ее предположение» (Письмо Ивану от 29.VII.‹1846 г.› // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 2 об.).

111 (с. 280)

26.VII 1846

[1] *Пятница, 26-го июля 1846 г‹ода›. Калуга* — Публикуется впервые. В *Письмах. Т. I.* С. 353 под датой письма от 26.VII.1846 г. (см. *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 19. Л. 107–108 об.) ошибочно помещен отрывок письма от 30.VII.1846 г. (см. Там же. Л. 109–110 об.).

[2] *Рукописи моей... он еще не получал.*— И. С. Аксаков, незнакомый с П. А. Плетневым лично, отправил ему 10.VII.1846 г. из Москвы, куда он приезжал в отпуск, письмо, в котором просил высказать мнение о стихах, собранных в рукопись, и отдать их на просмотр А. Н. Очкину или другому снисходительному цензору, ибо на пропуск рукописи через московскую цензуру автор стихов не надеялся (см.: *РФВ*. 1915. Т. 74. № 3. С. 5–6). Ответные письма Плетнева И. С. Аксакову 1846 г. находятся в *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 161.

[3] *Я нынче же написал к нему письмо.*— Второе письмо И. С. Аксакова П. А. Плетневу датировано 27.VII.1846 г. (см. *РФВ*. 1915. Т. 74. № 3. С. 7–9).

[4] *Что ваш Мими?* – О ком идет речь, выяснить не удалось.

112 (с. 281)

30.VII 1846

[1] *1846 г‹од›. Калуга. 30 июля. Вторник.*— Публикуется впервые, за исключением небольшого отрывка, ошибочно отнесенного к письму от 26.VII.1846 г. (см. прим. 1 к письму 111).

[2] *Ал‹ександра› Осип‹овна› уехала... к Нарышкиной...* — Авдотья Ивановна Нарышкина жила в Лопатине Калужской губернии.

[3] *Россет Клементий* Осипович (1811–1866) – родной брат А. О. Смирновой. В это время служил у киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова чиновником по особым поручениям. Был близок к кругу Карамзиных – Вяземских. См. о нем в статье П. А. Вяземского «Стихотворения Карамзина» (*Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. II. С. 226).

[4] *...прочел я письмо Гоголя об «Одиссее».*— Имеется в виду статья «Об Одиссее, переводимой Жуковским (Из письма Н. В. Гоголя к Н. М. Языкову)», напечатанная в «Московских ведомостях» (1846. 25 июля). К. С. Аксаков утверждал, что, полная «глубины истины и красоты», статья Гоголя тем не менее «совершенно ложна» в своей мысли о влиянии этого произведения, с которой никто не согласен (Письмо Ивану ‹1846 г.› // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 15 об.). К. С. Аксаков имел в виду утверждение Гоголя, что «Одиссея» произведет влияние на всех и на каждого в отдельности и станет «всеобщим народным чтением». Советуя Ивану прочесть письмо Гоголя, С. Т. Аксаков, как и Константин, сомневался в достоинстве перевода и его действии на всех (см. *ЛН*. 1952. Т. 58. С. 683). Сходно с Аксаковыми мыслил и П. А. Вяземский, который в статье «Языков и Гоголь», напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» в апреле 1847 г., писал, что Гоголь в отношении влияния «Одиссеи» слишком далеко заносится в область благонамеренных мечтаний...» (*Вяземский П. А.* Соч.: В 2-х т. Т. II. С. 180).

113 (с. 283)

3.VIII 1846

1 ...*анекдоты и про Марью Ник⟨олаевну⟩*...— Мария Николаевна (1819—1876) — великая княгиня, дочь Николая I.

2 *Смирнова производит иногда на меня то же впечатление, какое производит альбом с дорогими картинами*...— По поводу этого и следующего сравнения А. О. Смирновой с меняльной лавкой С. Т. Аксаков писал сыну: «Сравнения твои очень хороши, но... такая строгость, взыскательность и холодность к ее болезненному состоянию по-моему слишком упорны» (Письмо от 12.VIII.1846 г. //*Письма. Т. I.* С. 355—356).

3 ...*брать пример с... княгини Оболенской (матери Мити, отец его был здесь губернатором)*...— Дочь поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого Аграфена Юрьевна (1752—1828) была замужем за князем Александром Петровичем Оболенским (умер в 1855 г.), который в 1825—1831 гг. был калужским губернатором. Об А. Ю. Оболенской см.: Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 292. См. также с. 321 наст. изд.

4 ...*жил с Оболенским*...— Д. А. Оболенским.

114 (с. 285)

5.VIII 1846

1 ...*завтра праздник*...— Преображение.

2 ...*Державина последнее компактное издание, в одном томе*...— Это выпущенные в 1845 г. в Петербурге Д. П. Штукиным «Сочинения Державина» с биографией, написанной Н. А. Полевым.

3 ...*полнее смирдинского*...— Имеются в виду изданные А. Ф. Смирдиным «Сочинения Державина», ч . 1—4 , вышедшие в 1831—1833 гг. и в 1833—1834 гг. Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — книготорговец и издатель.

4 ...*тут есть и «Читалагарские оды», считавшиеся потерянными*.— Свои ранние «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года», Г. Р. Державин издал в 1776 г. в Петербурге анонимно. Н. Полевой в статье «Державин и его творения» сообщил, что они считались потерянными, называл он их «Четалагарскими» (см.: *Державин.* Соч. СПб., 1845. С. XIII).

5 ...*его в «Отеч⟨ественных⟩ записках» и «Библиотеке» не очень хвалят*...— «Отечественные записки» откликнулись на появление «Московского литературного и ученого сборника» 1846 г. в июльском номере (1846 г. Т. 47. № 7); здесь были высказаны критические замечания, касающиеся статей А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина. О критическом отзыве «Библиотеки для чтения» см. прим. 6 к наст. письму. Самарин причину отрицательных отзывов видел в том, что сборник для Петербурга «пища слишком питательная и суровая; он не переварил ее» (Письмо С. П. Шевыреву от 6.VII.1846 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 442). Не принял критику в свой адрес и А. С. Хомяков, хотя его программная статья в сборнике «Мнение русских об иностранцах» возбудила наибольшее недовольство: «...ее все называют *дерзкою*,— писал автор.— На здоровье: пусть глядятся в зеркало на свою фигуру» (Письмо Н. М. Языкову от 20.VI.⟨1846 г.⟩ // *Хомяков.* Т. VIII. С. 113). По свидетельству Самарина, статья Хомякова «решительно никем, кроме Тютчева, оценена не была» (Письмо С. П. Шевыреву от 6.VII.1846 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 442). Хомяков опасался, что К. С. Аксаков, проговаривающийся чаще своих собратий по кружку, своей статьей «Несколько слов о нашем правописании», в которой слова с окончанием на «бург» объявил противными русскому духу, навлечет невзгоды на всех славянофилов: «Его неосторожность... приобретает ему бесконечные похвалы наших западников. Если бы было в нем поболее рассуждения, он понял бы, что его хвалят особенно за тот вред, который он нам делает или сделать может» (Письмо А. Н. Попову от 28.VII.⟨1846 г.⟩ // *Хомяков.* Т. VIII. С. 159—160). Однако статья К. С. Аксакова не произвела заметного действия. Зато внимание привлекла критическая статья Самарина о «Тарантасе» В. А. Соллогуба, которая даже требовательно-бескомпромиссного Бе-

линского убедила в том, что «можно быть умным, даровитым и дельным человеком будучи славянофилом» (Письмо А. И. Герцену от 4.VII.1846 г. // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XII. С. 296). Напротив, К. С. Аксаков нападал на Самарина за вредную, по мнению К. С. Аксакова, мысль о разрыве бояр с народом в допетровской Руси (см. письмо без даты. // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 37 об.). Утверждение Самарина противоречило одному из основополагающих в славянофильской системе взглядов постулатов о допетровской классовой гармонии (см.: *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. М., 1889. Т. I. С. 13–14), поэтому К. С. Аксаков заявил, что отказался бы поместить самаринскую статью в своем журнале (см. письмо Ю. Ф. Самарину без даты // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 37). В целом сборник не оправдал ожиданий. «Прескучный и препустой» — так аттестовал его А. И. Герцен (Письмо А. А. Краевскому от 20.V.1846 г. // Собр. соч.: В 30 т. Т. XXII. С. 255). Даже в кругах, близких к славянофилам, он был оценен так же: «Вышел тот же мертвый номер „Москвитянина", только немного потолще» (Письмо Н. В. Гоголя Н. М. Языкову от 5.X.1846 г. // Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. XIII. С. 107).

6 *...разбор сборника в «Библиотеке для чтения», писанный, вероятно, Никитенкой?* — В «Библиотеке для чтения» была отмечена полемическая направленность «Московского литературного и ученого сборника» 1846 г. по отношению к «Петербургскому сборнику» Н. А. Некрасова: «это литературный поединок между Петербургом и Москвой» (1846. Т. 77, VII–VIII. С. 5. Статья без подписи). *Никитенко* Александр Васильевич (1805–1877) – критик, профессор русской словесности Петербургского университета, впоследствии академик. В 1833–1848 гг. был цензором.

7 *...начинают хвалить статью Линовского...* — Статья Я. А. Линовского в «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г. называлась «Об окончательном отменении хлебных законов в Англии».

115 (с. 286)

10.VIII 1846

1 *Самарин уехал в Ригу.* — См. прим. 9 к письму 83.

2 *Был он замешан... в 1830 году...* — Речь идет о польском восстании 1830 г.

116 (с. 289)

13.VIII 1846

1 *...возмутила бумага гр⟨афа⟩ Панина... Надо было воспротивиться... подобной бумаге, и ее бы, может быть, не было.* — Речь идет о неприятной служебной бумаге, полученной Г. С. Аксаковым от министра юстиции графа В. Н. Панина по делу, касающемуся Жуковского Николая Васильевича (умер в 1852 г.), петербургского гражданского губернатора в 1843–1851 гг. М. М. Карниолин-Пинский, поддерживающий действия Г. С. Аксакова как прокурора, не успел предупредить появления бумаги министра, который был в хороших отношениях с Жуковским и прикрывал чинимые им беспорядки (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 7.VIII⟨1846 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 42 об.–43). После неодобрительного отзыва графа Панина о Григории С. Т. Аксаков полагал, что надеяться на продвижение по службе нечего: «Что раз засело в эту (Панина.— *Т. П.*) ослиную голову, того и пушкой не скоро вышибить» (Письмо Ивану от 9.IX.⟨1846 г.⟩ // Там же. Л. 48 об.). О тяжбе с Жуковским см. также письмо Г. С. Аксакова Ивану от 6.VIII.⟨1846 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 1. Л. 3 об.–4.

2 *Так Алекс⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ с Sophie в Москве? Что его дело?* — С. А. Самбурская приезжала в это время в Москву с отцом и братом. О. С. Аксакова мечтала вытянуть Софи и ее сестер из курской деревни, где они жили с отцом, скупость которого была «вполне *плюшкинская»* (Письмо матери Ивану от 9.VIII.⟨1846 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 18 об.). О деле Самбурского см. прим. 16 к письму 99.

3 *...Мухановы, соседки их по имению... Старшая из них, Марья Сергеевна...* — Речь идет о дочерях обер-шталмейстера Сергея Ильича Муханова (1762–1842) и Вар-

вары Дмитриевны Тургеневой (умерла в 1845 г.): Мария, Анна, Елизавета и Екатерина были фрейлинами императорского двора. Лето 1846 г. они провели в своем калужском имении Железцево. М. С. Муханова является автором семейной хроники «Из записок Марьи Сергеевны Мухановой», напечатанной в «Русском архиве» в 1878 г. За нее безуспешно сватался М. П. Погодин после смерти своей жены (см.: *Барсуков*. Кн. VIII. С. 283–286). Письма М. С. Мухановой И. С. Аксакову находятся в ***ЦГАЛИ*** (Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 159).

[4] *Гнедич* Николай Иванович (1784–1833) – русский поэт, переводчик. Работу над стихотворным переводом «Илиады» начал в 1807 г., издан перевод в 1829 г. Появление перевода В. Г. Белинский считал целой эпохой в русской литературе, признавался, что лично для него это «источник такого наслаждения, от силы которого я иногда изнемогаю в каком⟨-то⟩ сладостном мучении» (Письмо Н. В. Станкевичу от 19.IV.1839 г. // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XI. С. 367).

[5] *Толстой Феофил* Матвеевич (1809–1881) – композитор, музыкальный критик, писатель.

117 (с. 290)

16.VIII 1846

[1] ...*«Современник» за весь 1846 год.*– Журналы были посланы И. С. Аксакову П. А. Плетневым.

[2] ...*мысль издателя «Сборника исторических и статистических сведений о России»...*– Т. е. Д. А. Валуева.

[3] *Я бы решился послать к Плетневу какие-нибудь стихи...*– В этом отношении позиция И. С. Аксакова отличалась от позиции брата Константина, который считал недопустимым для московского литератора появление в петербургских изданиях, даже таких нейтральных, каким при П. А. Плетневе был «Современник». С. Т. Аксаков, не разделявший крайностей своего сына, полагал, что в «Современнике» не только можно, но и должно печататься и советовал Ивану послать стихи Плетневу (см. письмо от 26.VIII.1846 г. // ***ИРЛИ***. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 45). И. С. Аксаков напечатал в «Современнике» (за своей подписью) два стихотворения: «Бывает так, что зодчий много лет...» (журнальный заголовок «Бывает») и «Совет» (К. С. А.) («Храни устав приличий строгих света...») // Современник. 1846. Т. 44. № 11.

[4] ...*меня остановило одно стихотворение... под названием «Ответ».*– И. С. Аксаков считал, что стихотворение принадлежит Д. И. Коптеву (см. с. 303 наст. изд.) – поэту, постоянно печатавшемуся в журнале. В стихотворении «Ответ» было заявлено:

Для сердца русского давно
Царь и Отечество – одно...

(Современник. 1846. Т. 43. С. 213. Без подписи), на что возмущенный И. С. Аксаков язвительно заметил П. А. Плетневу: «Надобно иметь мужество, чтоб порицать власть, но потребно еще более мужества, чтоб хвалить ее печатно!» (Письмо от 27.VIII.1846 г. // ***РФВ***. 1915. Т. 74. № 3. С. 10). Плетнев 2.XI.1846 г. сообщил И. Аксакову, что стихотворение «Ответ» было прислано в журнал из Тобольска без подписи автора (***ЦГАЛИ***. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 161. Л. 4 об.).

118 (с. 293)

20.VIII 1846

[1] ...*Студицкому позволено издавать «Москвитянин».*– В 1846 г. М. П. Погодин, выпустив 5 номер журнала, уехал за границу, передав «Москвитянин» Александру Ефимовичу *Студицкому,* корректору университетской типографии, который начал помещать в журнале свои критические статьи. В первое полугодие 1847 г. журнал не выходил, затем вернувшийся из-за границы Погодин снова взял его в свои руки. Славянофилы, вынужденные иногда печататься в «Москвитянине» из-за отсутствия собственного журнала, ясно видели неуспех журнала. Ю. Ф. Самарин

писал Погодину 9.X.1847 г.: «Я должен вам сказать, и вы сами знаете, что „Москвитянин" ужасно упал в мнении публики. „Москвитянина" не читают; худшей участи для журнала быть не может. При современных требованиях, в том виде, в каком он издавался до сих пор, он, мне кажется, не может и не должен издаваться долее» (*Самарин.* Т. XII. С. 254). Печатаясь в журнале, имевшем в эти годы всего 300 подписчиков, славянофилы не могли рассчитывать на популярность своих идей в обществе. Об этом впоследствии превосходно сказал В. Г. Белинский: «Их журнал „Москвитянин", читаемый собственными сотрудниками, и „Московский сборник" – издание для охотников. А журналы их противников расходятся тысячами, их читают, о них говорят, их мнения в ходу» (Письмо К. Д. Кавелину от 7.XII.1847 г. // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XII. С. 457).

2 *Странные люди, им года нипочем.*– См. прим. 3 к письму 64 и прим. 7 к письму 70. По этому поводу В. П. Боткин писал П. В. Анненкову: «...славяне своего журнала не имеют теперь: это лучшее доказательство, до какой степени эти господа имеют практического смысла» (Письмо от 20.III.1847 г. // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. Т. I. С. 533).

3 *Анна Тим⟨офеевна⟩ с Машенькой и Алешей уехала к Аркаше, у которого жена больна, при смерти...*– См. также с. 314 наст. изд. Мария – дочь А. Т. Воейковой (род. в 1826 г.), Алексей и Аркадий – ее сыновья.

4 *...прочел в «Современнике» переведенную с немецкого повесть графа Канкрина «Танцовщица»!* – В журнале «Современник» (1846. № 12) была помещена статья П. А. Плетнева «Граф Е. Ф. Канкрин» и вслед за нею небольшая повесть Канкрина «Танцовщица» в переводе с немецкого К. А. Петерсона. *Канкрин* Егор Францевич (1774–1845), граф – государственный деятель, писатель. В 1812 г.– генерал-интендант первой армии, в 1813 г.– генерал-интендант действующей русской армии, с 1823 г. до 1.V.1844 г.– министр финансов. Напечатанная после смерти автора, повесть «Танцовщица» вышла под его именем (обычно Канкрин печатал свои произведения анонимно). В брошюре В. А. Лебедева «Граф Егор Францович Канкрин. Очерк жизни и деятельности» (Спб., 1898) эта повесть не упомянута.

119 (с. 296)

24.VIII 1846

1 *На нынешней неделе был праздник, царский день...*– 22 августа отмечалось коронование императора Николая Павловича.

2 *Нужно было очень читать их Погодину... Надеждину...*– И. С. Аксаков пеняет своим родным за распространение стихов «А. О. Смирновой» («Вы примиряетесь легко...»), которые ни распространять, ни печатать не собирался. Слухи о них достигли Петербурга, и Ю. Ф. Самарин в письме К. С. Аксакову выразил недовольство тем, что стихи, посвященные Смирновой, стали известны М. П. Погодину и С. П. Шевыреву (см. письмо от 19–20.VII.1846 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 184). См. также письмо К. С. Аксакова Ивану ⟨1846 г.⟩ (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 15 об.), на которое отвечает Иван. Резкость отзыва о Н. И. Надеждине (см. с. 297 наст. изд.) объясняется тем, что отношения с последним были испорчены у Аксаковых с 1845 г. (см. об этом: *Барсуков.* Кн. VIII. С. 62).

3 *...мои вторые стихи...*– «А. О. Смирновой» («Когда-то я порыв негодованья...»).

4 *Маркевич* – лицо неустановленное. Возможно, Болеслав Михайлович Маркевич, камер-юнкер, чиновник по особым поручениям при А. А. Закревском, впоследствии ставший писателем.

120 (с. 299)

27.VIII 1846

1 *Вопрос: служить или не служить – все еще не разрешен.*– Он уже обсуждался в письмах И. С. Аксакова и отца (см. прим. 12 к письму 74). 5.XI.1846 г. Иван сообщал своему другу Д. А. Оболенскому, что не хочет долее оставаться в Калуге, так как провинция надоела «до смерти», получаемое жалованье не обеспечи-

вает даже его скромных потребностей и что желал бы перевода в Москву (см. *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 21 об.– 22).

2 *...прочел от доски всего Фонвизина последнее издание...*– «Сочинения Фон-Визина», изданные в Петербурге А. Смирдиным (1846).

3 *...Осип Россет... женится.*– О. О. Россет женился на незаконнорожденной дочери генерал-лейтенанта Ершова Ивана Захаровича Софии. Женитьба эта имела самые неприятные последствия для Н. М. Смирнова, так как по жалобе сына И. З. Ершова в 1849–1851 гг. производилась ревизия Калужской губернии.

4 *Клушин* Павел Николаевич (1814–1886) – калужский вице-губернатор с 1846 по 1854 г. Впоследствии член Государственного совета.

5 *На этой неделе много праздников. В четверг и пятницу...*– Т. е. 29 и 30 августа (см. прим. 2 к письму 46).

6 *Посылаю вам... стихи.*– Стихотворение «Бывает так, что зодчий много лет...»; оно не понравилось С. Т. Аксакову (см. с. 307 наст. изд.).

7 *Баратынский* Евгений Абрамович (1800–1844) – поэт, представитель философской лирики.

121 (с. 300)

30.VIII 1846

1 *Во вторник я послал вам стихи.*– Стихотворение «Бывает так, что зодчий много лет...».

2 *Оболенский* Юрий Александрович (1825–1890), князь – брат Д. А. Оболенского. См. о нем на с. 304 наст. изд.

3 *...нынче царский день...*– Именины наследника, великого князя Александра Николаевича, и великого князя Александра Александровича. Отмечалось также рождение великой княгини Ольги Николаевны.

4 *...и 22-го числа, как и нынче, сижу дома.*– 22 августа отмечалось коронование императора Николая Павловича, 30 августа – перенесение мощей князя Александра Невского и нахождение мощей князя Даниила Московского.

5 *Розенбаум* Николай Лаврентьевич – коллежский асессор, старший чиновник при сенаторе И. Н. Толстом, ревизовавшем Восточную Сибирь.

122 (с. 301)

3.IX 1846

1 *Что его дело?* – О деле А. И. Самбурского см. прим. 16 к письму 99.

2 *...огорчает меня все то, что вы пишете о Гоголе...*– И. С. Аксаков получил письмо отца от 26.VIII.1846 г. с сообщением о секретном печатании в Петербурге «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и о подтверждении опасений Сергея Тимофеевича, что «религиозная восторженность убила великого художника» (*Письма. Т. I*, с. 373. В тексте *Писем* ошибочно «дальнейшее опасение» вместо «давнишнее опасение» – ср. с подлинником (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 45 об.).

3 *...я ухожу, когда это переходит границы!* – В ответном письме сыну О. С. Аксакова писала: «Всего для меня сквернее то, что А‹лександра› О‹сиповна› дает в своем доме при своих глазах шутить над девушкою своим братьям» (Письмо от 6.IX.‹1846 г.› // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 21 об.).

123 (с. 302)

7.IX 1846

1 *...с Коптевым, автором подлейших стихотворений...*– См. прим. 4 к письму 117. Коптев Дмитрий Иванович (1820–1867) после окончания Московского университета (1840) служил в канцелярии московского военного генерал-губернатора (1840–1850), впоследствии тульский уездный предводитель дворянства. Печатался в «Маяке», плетневском «Современнике».

2 *...в Смольном монастыре.*– Имеется в виду Смольный институт, привилегированное женское учебно-воспитательное заведение в Петербурге. Был создан в 1764 г.

по инициативе И. И. Бецкого при Воскресенском-Смольном женском монастыре.
3 *...что Аркашина жена?* – См. прим. 3 к письму 118.

124 (с. 305)

10.IX 1846

1 *...получил я, наконец, письмо от Плетнева...* – Письмо от 2.IX.1846 г. (*ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 161). 2.IX.1846 г. П. А. Плетнев сообщал Д. И. Коптеву: «Я отправляю тетрадь калужского Аксакова, всю испещренную Очкиным» (РА. 1877. Кн. 3. С. 372).
2 *...возвращенную от цензора.*– А. Н. Очкина.
3 *...попытать... счастья в одесской цензуре или даже хоть в рижской.*– Московская и петербургская цензуры отличались особенной строгостью по отношению к славянофилам. И. С. Аксаков собирался отправить рукопись стихов в Одессу или Ригу, следуя совету Плетнева и надеясь на своих знакомых в этих городах, которые могли взять хлопоты о рукописи на себя.
4 *Оправдывается... Плетнев в отношении стихов, помещенных в «Современнике»...*– См. прим. 4 к письму № 117. П. А. Плетнев отказался, однако, признать свой промах в отношении публикации стихотворения «Ответ». Отвечая И. С. Аксакову, он писал о своем обыкновении печатать в журнале хорошие стихи и о том, что ничего вредного и несогласного с собственными убеждениями он в этих стихах не видит (см. письмо от 2.IX.1846 г. // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 161. Л. 4 об.).

125 (с. 306)

14.IX 1846

1 *...не дяди Аркадия...*– Аксаков Аркадий Тимофеевич (1803–1862) – гвардии прапорщик, симбирский помещик. Похоронен в селе Аксаково Кадыковской волости Симбирского уезда.
2 *Пинский не женился...*– См. прим. 5 к письму № 70. М. М. Карниолин-Пинский был разведен со своей женой только в 1853 г.
3 *Я получил стихи Корол⟨ины⟩ Карловны.*– Стихотворение «В часы раздумья и сомненья...», посвященное И. С. Аксакову (см. с. 308–309 наст. изд.). Прочитав стихотворение, С. Т. Аксаков писал в Калугу, что вместе с Константином нашел в нем «большое достоинство» (Письмо от 26.IX.1846 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 52).
4 *...взять их у Оболенского...*– Д. А. Оболенского.
5 *Самарин находится решительно под ее влиянием.*– К. С. Аксакову Ю. Ф. Самарин писал 19–20.VII.1846 г., что, узнав А. О. Смирнову ближе, «не мог не оценить и не полюбить ее вполне», что имеет к ней «полное доверие» и, что бы ни говорили другие, не переменит о ней своего мнения (см.: *Самарин.* Т. XII. С. 184).
6 *Гоголя и Самарина довольно с нее...*– Это ответ на слова С. Т. Аксакова относительно А. О. Смирновой в письме от 9.IX.1846 г.: «Итак, мы все попались было в дураки! Но что же сказать о тех людях, т. е. о Гоголе и Самарине, которые ввели нас в такую ошибку?» (*ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 11).
7 *Послания к Константину, написанного в Астрахани...*– См. прим. 9 к письму 8.
8 *...сообщил мне секрет, давно уже известный, о книге Гоголя.*– О секретном печатании в Петербурге «Выбранных мест...»
9 *Поздравляю... именинниц 17-го сентября...*– Сестер Веру, Надежду, Любовь и Софью.
10 *...получил я, наконец, рукопись свою.*– Рукопись стихов, посланную П. А. Плетневу для проведения через петербургскую цензуру (см. с. 280–281, 290, 303 наст. изд.).
11 *«Чиновник»* – см. прим. 9 к письму 94.
12 *...может ли хлопоты по печатанию принять на себя Ефремов...*– Речь идет, вероятно, об Ефремове Александре Павловиче (1815–1876), товарище К. С. Аксакова по Московскому университету. После окончания университета в 1834 г. до 1839 г. служил в Московском архиве министерства иностранных дел. С 1839 г. до 1843 г.

находился в Иенском университете, где получил степень доктора философии. Возвратившись в Россию, преподавал всеобщую географию в Московском университете. Близкий В. Г. Белинскому в 1836–1838 гг., он после возвращения из-за границы отдалился от него.

13 *...не между Свербеевой и Ховриной...*– И. С. Аксаков намекает на увлечение брата Константина старшей дочерью Д. Н. Свербеева Варварой Дмитриевной (род. в 1831 г.), на которой намеревался жениться, но получил отказ. Другое его увлечение в эти годы – дочь Марии Дмитриевны и Николая Васильевича Ховриных Александра Николаевна (1823–1901), в замужестве Бахметева, писательница. Увлечение было серьезным, о нем знали в обществе. А. И. Тургенев утверждал, что К. С. Аксаков надел русское платье, очень шедшее ему, исключительно для того, чтобы понравиться Ховриной (см. письмо К. С. Аксакова брату Ивану ⟨1845 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 30). В письмах Аксаковых в эти годы постоянно упоминается о поездках Константина к Ховриным. До окончательного размежевания в 1845 г. в салоне М. Д. Ховриной, как и в салоне А. П. Елагиной, встречались и западники, и славянофилы. «М. Д. Ховрина,– свидетельствовал П. В. Анненков,– имела славу женщины большого света, охотно отворявшей двери своей гостиной для замечательных людей времени, какой бы репутацией они ни пользовались в других кругах общества...» (П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. Спб., 1892. Т. I. С. 69). По отзыву В. Г. Белинского, М. Д. Ховрина была «премилая и преумная женщина» с «живым чувством изящного» (Письмо Н. В. Станкевичу от 19.IV.1839 г. // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XI. С. 367).

126 (с. 309)

17.IX 1846

1 *«Веселый праздник именин!»* – строка из V главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (строфа XXV).

2 *...поздравлять придется только одну из Унковских...*– Веру Унковскую со днем ее именин.

3 *...поздравить Смирнову, у которой две дочери именинницы, но они еще малы...*– Имеются в виду Софья (род. в 1836 г.) и Надежда (род. в 1840 г.) Смирновы.

4 *Поздравляю Вас, милый мой отесинька...*– 20 сентября – день рождения С. Т. Аксакова.

5 *...в Шевалдышеву гостиницу...*– Гостиница Шевалдышева находилась около Тверских ворот.

6 *...отправился я к Киреевскому...*– И. В. Киреевскому.

7 *Наталья Петровна* – Н. П. Киреевская (1809–1900), урожденная Арбенева, жена И. В. Киреевского с 1834 г.

8 *...чтоб Панов выпросил у него статейку для сборника.*– В «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» статей И. В. Киреевского не было.

9 *...внушенное мне каким-то старым мотивом, который всюду неотвязно меня преследовал.*– Стихотворение «Capriccio». Крайней датой его написания Е. С. Калмановский считал 5.X.1846 г. (см.: *Стихотворения...* С. 259) на основании упоминания о нем в тексте письма И. С. Аксакова от 5.X.1846 г. Однако крайней датой следует считать 17.IX.1846 г. по упоминанию об этом стихотворении в неопубликованной ранее части письма родным от 17.IX.1846 г.

10 *Я подарил его Бокару...*– Это авторское указание в неопубликованной ранее части письма родным от 17.IX.1846 г. позволяет назвать то «неизвестное» лицо, инициалы которого «А...П...Б...» находятся в автографе стихотворения «Capriccio» (см.: *Стихотворения...* С. 259),– это Бокар, инженер, друживший с И. С. Аксаковым во время пребывания последнего в Калуге (см. с. 260 наст. изд.).

11 *...в эпиграфе поставить какой-нибудь старый французский романс...*– Эпиграфом к стихотворению «Capriccio» И. С. Аксаков взял начальные слова песни героя романтической повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм», 1794 («Законы осуждают предмет моей любви»).

127 (с. 311)

21.IX 1846

[1] *Письмо... придет... ко дню Ваших именин...*— т. е. к 25 сентября.
[2] *...не поедете ли к Троице?* — То есть в Троице-Сергиеву лавру.

128 (с. 312)

24.IX 1846

[1] *Завтра... праздник всего Радонежья...*— 25 сентября — именины С. Т. Аксакова.
[2] *...читает Иннокентия...*— Архиепископа Иннокентия (Борисова И. А.)
[3] *«Лебединая песнь»* — сборник песен Шуберта (14), изданный в 1828 г.

129 (с. 314)

28.IX 1846

[1] *...к середе съехались, чай, и родные, и знакомые...*—25 сентября — именины С. Т. Аксакова.
[2] *Она очень огорчена положением и горем Аркаши...*— См. прим. 3 к письму 118.
[3] *В четверг... пришли поздравить меня...*— С днем рождения 26 сентября.
[4] *...к 3-му ноября можно будет переезжать.*— Описка в подлиннике: имеется в виду октябрь месяц. Действительно 4.X.1846 г. И. С. Аксаков переехал на новую квартиру (см. с. 316 наст. изд.).
[5] *Читаю я теперь все путешествия по Египту, Муравьева, Норова...*— И. С. Аксаков мог читать «Историю святого града Иерусалима, от времен апостольских и до наших» Андрея Николаевича Муравьева (Спб., 1844. Ч. 1—2) и «Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.» Авраама Сергеевича Норова (Спб., 1840. Ч. 1).
[6] *...тебе спасенья нет!* — И. С. Аксаков цитирует начало стихотворения Е. А. Баратынского «Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..» [1840].
[7] *Ревизор еще не приезжал.*— См. с. 311 наст. изд.

130 (с. 315)

1.X 1846

[1] *...в день Ваших именин.*— 25 сентября — именины С. Т. Аксакова.
[2] *...ко дню рожденья Марихен...*— 4 октября.
[3] *Нынче праздник...*— Праздник покрова.
[4] *Луи-Филипп ссорится с Викторией...*— *Луи Филипп* (1773—1850) — французский король (1830—1848); *Виктория* (1819—1901) — королева Великобритании (1837—1901).

131 (с. 316)

5.X 1846

[1] *Вам нравятся последние стихи мои...*— Последним стихотворением, посланным родным, было «Capriccio» (см. с. 310 наст. изд.).
[2] *...Митя Оболенский уже женился...*— Свадьба Д. А. Оболенского состоялась 29.IX.1846 г. в Москве.
[3] *...каяться, подобно Марии Егип⟨етской⟩...*— Речь идет о святой, якобы жившей в VI в.: бывшая блудницей, она после посещения святынь Иерусалима раскаялась и удалилась от мирской жизни в пустыню.

132 (с. 319)

8.X 1846

[1] *Вторник. 1846 г⟨ода⟩ 8 окт⟨ября⟩. Калуга.*— Публикуется впервые.
[2] *...в доме Повалишина...*— Дом Повалишина находился в Пименовском переулке.
[3] *Бедный Линовский!* — Слуга Я. А. Линовского, задумав ограбить дом, зарезал хозяина (см. письмо О. С. Аксаковой Ивану от 3.X.1846 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 27).

133 (с. 320)

12.X 1846

[1] ...*благодарю Костю за присылку Мицкевича*...– См. с. 310 наст. изд.
[2] *«О школе в Александрии».*– Речь идет, по-видимому, о книге Бартелеми Сент-Илера «Об Александрийской школе», вышедшей в 1845 г. в Париже и повествующей о философской школе неоплатоников (III в. н. э.).
[3] *Я написал ей вчера маленькое посланьице*...– Стихотворение «Мухановой» («Смущен, и тронут, и согрет...»).
[4] ...*в дом Повалишина*...– См. прим. 2 к письму 132.

134 (с. 321)

15.X 1846

[1] ...*m-me Petit-pierre* – лицо неустановленное.
[2] ...*в Калуге похоронена графиня Зубова.*– Екатерина Александровна (1811–1843), сестра Д. А. Оболенского, была замужем за графом Валерианом Николаевичем Зубовым.
[3] *Я познакомился с женой его.*– Д. А. Оболенский женился на княжне Дарье Петровне Трубецкой. Ее хвалили не только Иван, но и Константин Аксаковы (см. *Письма. Т. I.* С. 437).

135 (с. 323)

20.X 1846

[1] ...*получил письмецо от тетеньки*...– А. Т. Воейковой.
[2] ...*он пишет, будто в январе отправляется в Иерусалим*...– Н. В. Гоголь посетил Иерусалим в 1848 г.
[3] ...*сочинение, в виде двух писем, о русском духовенстве*...– Вероятно, имеются в виду два письма графу А. П. Толстому «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве» в «Выбранных местах...» (гл. VIII, IX).
[4] *Протасов* Николай Александрович (1799–1855), граф – обер-прокурор святейшего Синода с 1836 по 1855 гг.
[5] ...*оно выйдет особою книжкою.*– Издание не осуществилось.
[6] ...*Плетнев продал «Современник» Белинскому и Панаеву*...– П. А. Плетнев, издававший «Современник» с 1838 г., в конце 1846 г. передал свои издательские права Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву. В «Московских ведомостях» (1847. 8 февр.) было напечатано объявление о выходе 1 номера журнала, издаваемого Панаевым и Некрасовым под редакцией А. В. Никитенко, и сообщено его содержание. Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель, журналист, с 1847 г. издатель «Современника», с 1849 г. его ответственный редактор.
[7] *Дяде... кланяюсь.*– А. С. Аксакову, который в это время, наняв дом, поселился в Москве – см. письма И. С. Аксакову матери от 12.IX.1846 г. (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 22) и отца от 18.IX.1846 г. // *Там же.* Ед. хр. 10. Л. 50).

136 (с. 324)

22.X 1846

[1] *1846 г⟨од⟩. Вторник, 22 окт⟨ября⟩. Калуга.*– Публикуется впервые.
[2] ...*дома Рюмина*...– Семья Аксаковых переехала в дом Рюмина в Мокриевском переулке.
[3] *Перевод Гриши в Симбирск*...– 21.IX.1846 г. Г. С. Аксаков был назначен на должность симбирского губернского прокурора и 23.X.1846 г. из Симбирска, очень довольный переводом, прислал родным письмо, о чем родители и сообщили в Калугу (см. письмо от 31.X.⟨1846 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 43. Л. 2).
[4] ...*Панин берет на себя 3 тыс⟨ячи⟩ рублей*...– См. с. 294 наст. изд.
[5] *Кстати бы побывать и на Серных водах.*— И. С. Аксаков побывал на Серных водах в Оренбургской губернии летом 1848 г.

6 *...отправляю в одесскую цензуру «Чиновника»...* — То есть мистерию «Жизнь чиновника». См. прим. 3 к письму 124.
7 *...приехал еще Россет, Александр, младший.*— А. О. Россет, родной брат А. О. Смирновой.
8 *А у ней не простое сердце. Пушкин ошибся, как и все.*— Имеется в виду пушкинское выражение о «простом сердце» из стихотворения «В альбом А. О. Смирновой» (1832).
9 *Я писал когда-то о «Schwanen Gesang» Шуберта...*— См. с. 313 наст. изд. и прим. 3 к письму 128.

137 (с. 325)

26.X 1846

1 *...без совета доктора употреблять их нельзя.*— Очевидно, Герману (знахарю или ведуну) посылались волосы больной сестры Ольги – семья была в отчаянии, Овер не давал никаких надежд на выздоровление.
2 *...последние стихи...*— Стихотворение «К портрету» («Смотри, толпа людей, нахмурившись, стоит...») – см. с. 324 наст. изд. По содержанию стихотворение сходно со стихотворением К. К. Павловой «И. С. Аксакову» («В часы раздумья и сомненья...»), поэтому в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» они были помещены рядом. В. П. Боткин оценил стихотворение «К портрету» очень высоко – 29.III.1847 г. он писал П. В. Анненкову: «Иван Аксаков, брат Константина, не принадлежит к славянскому согласию и пишет иногда очень недурные стихи. Вот одни из напечатанных им в „Сборнике“ и лучшие из всей книги: „Смотри! Толпа людей, нахмурившись, стоит...“» (П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. Т. I. С. 535). В «Отечественных записках» (1847. Т. 52, № 5–6. С. 13) стихотворение И. С. Аксакова также было названо лучшим среди 14 стихотворений, помещенных в сборнике и принадлежавших известным поэтам: В. А. Жуковскому, П. А. Вяземскому, К. К. Павловой, Н. М. Языкову, Я. П. Полонскому, Ю. В. Жадовской.
3 *...придется... попросить его наблюсти за печатанием...*— См. с. 308 наст. изд.
4 *...в Симбирске ли Гриша...*— См. прим. 3 к письму 136.
5 *Сенковский* (псевдоним Барон Брамбеус) Осип (Юлиан) Иванович (1800–1858) – писатель, журналист, редактор «Библиотеки для чтения», профессор Петербургского университета (1822–1847).
6 *...всех учит, дает наставления.*— И. С. Аксаков пересказывает рассуждения о Н. В. Гоголе из разбора стихотворений А. Бедаревой (Библиотека для чтения. 1846. Т. LXXVIII. С. 17–18).
7 *Он не называет его Гоголем, но Гомером, написавшим «Мертвые души».*— Иронический намек О. И. Сенковского на трактовку Н. В. Гоголя в брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: „Похождения Чичикова, или „Мертвые души“» (1842). Натянутое сравнение Гоголя с Гомером первым раскритиковал В. Г. Белинский в рецензии на аксаковскую брошюру. Критик считал это сравнение сомнительной похвалой для русского автора («Бедный Гоголь!»): «...мы, исторические петербургцы, все-таки остаемся при своих *исторических* убеждениях и думаем, что Гоголь так же похож на Гомера, а «Мертвые души» на «Илиаду», как серое петербургское небо и сосновые рощи петербургских окрестностей на светлое небо и лавровые рощи Эллады» (Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VI. С. 254). «Мертвые души», утверждал Белинский, «диаметрально противоположны „Илиаде“», в которой «жизнь возведена на апофеозу», тогда как в поэме Гоголя она «разлагается и отрицается» (Там же. С. 255). Спустя несколько лет против любителей «патриотической эстетики» выступил Н. А. Добролюбов, рассматривавший сравнение Гоголя с Гомером как «смешную игру в имена» (Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. VI. С. 191).
8 *...новый разбор «Московского сборника» Никитенко.*— См.: Библиотека для чтения. 1846. Т. LXXVIII. Рецензент высказал свое несогласие с мнениями авторов «Московского сборника». Особенные возражения у Никитенко вызвала статья А. С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах»: критик сомневался в праве автора говорить об иностранцах от имени всего русского общества, не принимал

«духа ожесточения и дикой неприязни» к Европе, в статье рецензент увидел «прямое противоречие общественному смыслу и общепринятым понятиям» (Там же. С. 5, 16). Напротив, о статьях Я. А. Линовского, А. Н. Попова, Ф. В. Чижова и Ю. Ф. Самарина Никитенко отозвался с похвалой (Там же. С. 18, 19).

9 *...статья Ник⟨олая⟩ Елагина...*— Точное название статьи: «Елена Иоанновна, великая княгиня литовская и королева польская».

10 *...уехал женить Осипа в Орловскую губернию.*— См. с. 300 наст. изд. и прим. 3 к письму 120.

11 *...старший Унковский...*— М. С. Унковский. См. прим. 14 к письму 58.

138 (с. 327)

29.X 1846

1 *...вечером в Собрание 8-го ноября.*— 8 ноября отмечался праздник архистратига Михаила. Именины великих князей Михаила Николаевича и Михаила Павловича.

139 (с. 328)

2.XI 1846

1 *Елагина* Анна Александрова, урожденная Щербатова – жена Елагина Александра Николаевича (умер в 1847 г.), сестра Е. А. Свербеевой.

2 *...лекций Шевырева...*— Имеется в виду книга С. П. Шевырева «История русской словесности, преимущественно древней» (М., 1846–1860. Ч. 1–4), которую В. А. Панов рекомендовал И. С. Аксакову в письме от 5.IX.⟨1846 г.⟩: «чудная вещь» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 461. Л. 5 об.).

3 *...хочу писать к Оболенскому....*— Д. А. Оболенскому.

140 (с. 329)

9.XI 1846

1 *1846 г⟨од⟩. Ноября 9-го. Суббота. Калуга.*— Публикуется впервые.

2 *Возвращаю ему... лекции Шевырева...*— См. прим. 2 к письму 139.

3 *Я писал к Оболенскому...*— Письмо Д. А. Оболенкосму от 5.XI.1846 г. (см.: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30).

4 *...во вновь затеваемом «Русском вестнике»...*— По-видимому, речь идет о журнале славянофильского направления, который мечтал издавать в 1847 г. Ф. В. Чижов вместе с Н. М. Языковым. См. об этом: *ЛИ*. 1952. Т. 58. С. 703. Издание журнала не состоялось.

141 (с. 331)

15.XI 1846

1 *...в Петрищево.*— Т. е. в имение Елагиных в Белевском уезде Тульской губернии.

2 *Нестор* (1056 – около 1114) – монах Киево-Печерского монастыря, создатель первой редакции «Повести временных лет» (1113 г.).

3 *Пусть Оболенский скажет...*— Д. А. Оболенский.

4 *...приехали молодые Россеты.*— О. О. и С. И. Россет.

142 (с. 332)

19.XI 1846

1 *...Юрий Самарин в Москве.*— Ю. Ф. Самарин приезжал в Москву в ноябре 1846 г. на короткое время.

2 *...Авдотья Петровна чрезвычайно мне обрадовалась...*— Об А. П. Елагиной см. прим. 4 к письму 67.

3 *Николай Елагин пишет повесть...*— О Н. А. Елагине см. прим. 5 к письму 35.

143 (с. 333)

23.XI 1846

[1] ...*беспристрастен ли он к обеим жизням*? – И. С. Аксаков спрашивает о романе К. К. Павловой «Двойная жизнь» (см. прим. 10 к письму 76). К. С. Аксаков сообщал Ивану: «Этот роман имеет такое достоинство, которого я вовсе от нее не ожидал, достоинства взгляда на жизнь не с отвлеченной или идеальной стороны, а во всей глубине ее текущих образов и форм.— Это замечательное произведение» (письмо без даты, датируемое нами ноябрем 1846 г. на основании сообщения Константина о пересылке его с В. А. Лопухиной, приехавшей в Калугу в конце ноября 1846 г.– *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 13).

[2] ...*«Паль и Дамаянти» Жуковского*.– См. прим. 1 к письму 9.

[3] ...*Марья Васильевна*...– М. В. Киреевская, о ней см. прим. 4 к письму 66.

[4] *Это будет истинным подарком*...– Для В. А. Панова, собиравшего в это время материалы для «Московского литературного и ученого сборника на 1847 год».

[5] ...*совестно было бы и неприятно иметь под своим начальством Порецкого, Полякова*...– Николай Григорьевич Поляков и Григорий Егорович Порецкий в это время служили старшими секретарями во 2 отделении 6 департамента Правительствующего Сената.

[6] ...*о департаменте графа Толстого*.— Иван Петрович Толстой был обер-прокурором 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената. Николай Тимофеевич Погуляев, через которого И. С. Аксаков собирался навести справки, служил в этом отделении в должности старшего помощника секретаря.

[7] ...*в середу – царский день*...– И. С. Аксаков имел в виду минувшую среду, то есть 20 ноября, когда отмечалось восшествие на престол Николая I, хотя в действительности это произошло 19 ноября.

144 (с. 335)

26.XI 1846

[1] *1846 г⟨од⟩. 26 ноября. Калуга. Вторник*.– Публикуется впервые.

145 (с. 335)

30.XI 1846

[1] *1846 г⟨ода⟩ ноября 30. Калуга. Суббота*.– Публикуется впервые.

[2] ...*одно с Лопухиной*...– Варвара Александровна – жена Алексея Александровича Лопухина, сестра Д. А. Оболенского.

[3] *Радуюсь сближению Грановского*...– И. С. Аксаков выразил свое отношение к сообщению брата Константина о том, что Т. Н. Грановский «много с нами сблизился» (Письмо ⟨1846 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1а. Л. 13 об.). Именно в 1845—1846 гг. наметилось расхождение между А. И. Герценом и Грановским по философским и социально-политическим вопросам (см. об этом: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 199), чем хотели воспользоваться славянофилы, предлагая Грановскому перейти на их сторону.

[4] ...*написал стихи*...– Стихотворение «Санный бег».

[5] *Разговор... не продолжал*.– См. с. 333 наст. изд.

[6] ...*написал одно послание к Унковским-девицам*...– Послание очень удивило С. Т. Аксакова светской любезностью и ловкостью (см. *Письма. Т. I*. С. 401).

146 (с. 337)

3.XII 1846

[1] ...*Кабрит*...– В *Письмах. Т. I*. С. 402 вместо «Кабрит» ошибочно «Кобрина». Ср.: *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 250. Смирнова правильно называет фамилию председателя казенной палаты – Кабрит. Ошибка прочтения фамилии, допущенная издателями «Писем» И. С. Аксакова, попала в кн.: Гоголь Н. В. Материалы и исследования. М.; Л.. 1936. С. 178.

[2] *Цицерон* Марк Туллий (106–43 гг. до н. э.) – оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима.
[3] ...*посылаю вам и мои стихи*...– Стихотворение «Санный бег».

147 (с. 339)

7.XII 1846

[1] *Плетнев – человек вообще очень ограниченный*...– И. С. Аксаков был раздосадован тем, что П. А. Плетнев не согласился на предложение С. Т. Аксакова не выпускать в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. *Письма. Т. I*. С. 403–404).
[2] ...*роман Павловой*...– «Двойная жизнь». См. о нем прим. 10 к письму 76 и прим. 1 к письму 143.
[3] ...*Константинову драму*.– Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году».
[4] ...*к графу Толстому*.– См. прим. 6 к письму 143.
[5] *Сомнительно, чтоб лекции Шевырева имели интерес истинный*...– Речь идет о начале публичных лекций С. П. Шевырева по истории всемирной поэзии, которые были прочитаны в 1846–1847 гг. Предположение И. С. Аксакова оправдалось – лекции не имели успеха.
[6] *Жадовская* Юлия Валериановна (1824–1883) – поэтесса. Печаталась в журналах «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Русский вестник».

148 (с. 340)

14.XII 1846

[1] *Рюмин* Михаил Акимович – действительный статский советник, обер-прокурор 2 отделения 6 департамента Правительствующего Сената. И. С. Аксаков намеревался послать в министерство юстиции просьбу относительно своего перевода из Калуги в Москву, в 6 департамент Правительствующего Сената, где он прежде служил.
[2] ...*она разделяет мысль Плетнева, что все следует печатать*.– Речь идет о «Выбранных местах...» Н. В. Гоголя.
[3] *Апраксина Софья Петровна* (1802–1886) – сестра графа А. П. Толстого. Принадлежала, по словам С. Т. Аксакова, к числу тех женщин, которые сделали из Н. В. Гоголя «нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами» (*История моего знакомства с Гоголем*. С. 118) и дружба с которыми была вредна писателю. Насмешливое изображение отношений Гоголя с Апраксиной см.: Там же, с. 166.

1847

149 (с. 341)

7.I 1847

[1] *1847 г⟨од⟩. Января 7-го. Вторник. Калуга*.– Письма возобновились после поездки И. С. Аксакова на рождество в Москву.
[2] *К Унковским приехал... брат их Иван, моряк*.– Унковский Иван Семенович (1822–1886) – мичман Черноморского флота (1841–1851), командир фрегата «Паллада» (1852–1855), адмирал. Впоследствии ярославский губернатор (с 1862 г.), сенатор.
[3] *Окончанием диссертации и приближением диспута*...– Речь идет о диссертации К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» и ее предстоящей защите.
[4] ...*в московских газетах они и не прочли этого*.– «Московские ведомости» напечатали (1847. 2 янв.) объявление о продаже диссертации К. С. Аксакова «Ломоносов

в истории русской литературы и русского языка» в магазинах Ольхина и Базунова.

150 (с. 341)

11.I 1847

1 ...*об участи, постигшей диссертацию. Я не думал, чтоб граф мог поступить так дурацки*! – В конце декабря 1846 г. граф С. Г. Строганов, недовольный резко отрицательной характеристикой деятельности Петра I в диссертации К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», доложил об этом ректору университета, который остановил продажу диссертации и призвал к ответу факультетский совет, давший разрешение ее печатать. Декан вынужден был писать объяснение Строганову. Диссертацию решено было переработать и перепечатать. «Если граф боялся шума и рукоплесканий на диспуте,– писал С. Т. Аксаков Ивану,– то что же будет теперь, если он, паче чаяния, состоится? Эта повесть сделалась теперь предметом разговоров и участья всей Москвы. Вся публика, особенно студенты, не веря графу, что он оградил спокойствие государства, видят в сочинителе угнетенную личность, жертву его глупого самоуправства» (Письмо от 9.I.1847 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 56–56 об.).

2 *Сатиас* – красильщик на Кузнецком мосту.

3 ...*только что полученную ею из Петербурга книгу Гоголя*.– «Выбранные места из переписки с друзьями» вышли в Петербурге 1.I.1847 г. О появлении книги было сообщено в Москве в прибавлениях к газете «Московские ведомости» (1847. 9 янв.).

4 *Я примирился с ним вполне и вижу, что все взводимое на него – вздор*...– «С изумлением, разиня рты и поднявши руки, слушали мы письмо твое о книге Гоголя...» – сообщала в Калугу О. С. Аксакова (*ЛН*. 1952. Т. 58. С. 698). Такое отношение И. С. Аксакова к «Выбранным местам...», напротив, обрадовало А. О. Смирнову, которая 11.I.1847 г. писала Н. В. Гоголю: «Ваша книга меня примирила с Аксаковым; мы читали вместе, брат, Лев Арнольди, очень умный и благородный малый, Ив‹ан› Серг‹еевич› (Аксаков) и я... Аксаков и Лева еще в восторге, просидели за ней целую ночь» (*РС*. 1890. Август. С. 283). С. Т. Аксаков полагал, что мнение Ивана о книге Гоголя изменится (см. письмо от 16.I.‹1847 г.› // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 9 об.), в чем не обманулся (см. письмо И. С. Аксакова Д. А. Оболенскому от 30.IV.1847 г. // *Письма. Т. I*. С. 437).

5 *Смирнова не ожидала подарка диссертации*...– Речь о диссертации К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», которую привез А. О. Смирновой И. С. Аксаков, ездивший на рождество в Москву.

6 ...*пришлите мне непременно книгу*.– «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

7 ...*книгу Вере английскую, в ней вложены стихи к Петру*...– Какие стихи и книга были посланы И. С. Аксаковым, выяснить не удалось. Возможно, книга была взята у Веры, когда Иван на рождество приезжал в Москву.

151 (с. 342)

14.I 1847

1 *Что диссертация, будет ли диспут*? – См. прим. 1 к письму 150. К. С. Аксаков добавил в своей диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» четыре страницы, посвященные русским песням и былинам. С. Т. Аксаков считал, что заплата очень заметна (см. письмо Ивану от 23.I.1847 г. // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 57 об.). В февральских письмах в Калугу С. Т. Аксаков сообщал о совершенной неизвестности сроков диспута, поскольку не были подписаны исправленные и перепечатанные Константином страницы (см. письма от 8, 13 и 24.II.1847 г. // Там же. Л. 65, 68, 70). Диспут К. С. Аксакова, на котором он защитил свою магистерскую диссертацию, состоялся 6.III.1847 г.

2 ...*книги Гоголя*? – «Выбранные места из переписки с друзьями».

3 ...*у Виардо, приехавшей из Петербурга, и голос должен быть скверен, и сама она подлец*!..– К. С. Аксаков резко враждебно относился к Петербургу как вопло-

щению «западного зла», всего придворного, казенного, официального, а потому и вредно влияющего на душу русского человека. «Как противен мне Петербург,— писал он брату Ивану,— этот незаконнорожденный город, прижитый с разнузданной Западной Европой!» (Письмо от марта 1849 г. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 7 об.); город этот он называл «поганым» (Письмо Ю. Ф. Самарину без даты // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 49, 65). «...в Петербурге,— рассуждал он,— хорошие люди могут быть только Москвичи; они могут существовать только материально, занимать известное пространство земли, ходя, стоя, лежа или сидя, дышать, хотя северным воздухом, пить невскую воду и т. п. ... но такие люди да почитают себя Москвичами, да и смотрят на себя как на отряд, как на колонию...» (Письмо Ю. Ф. Самарину без даты // Там же. Л. 25 об.). «Если есть что-нибудь доброе в России, есть оно в Москве»,— считал он (Письмо И. С. Аксакову без даты. // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 53 об.). «Влияние петербургское» К. С. Аксаков осуждал в А. О. Смирновой, звал ее «петербургской» дамой (Письмо Ю. Ф. Самарину 1846 г. // Там же. Ед. хр. 33. Л. 3 об.). *Виардо-*Гарсия Мишель Полина (1821–1910) – певица, композитор, друг И. С. Тургенева. Пела в различных оперных театрах Европы, в том числе и в петербургской опере.

4 *Написал я стихи, которые... прилагаю.*— Какие стихи были написаны и посланы с этим письмом, выяснить не удалось. Возможно, стихи к Н. М. Языкову (см. с. 345 наст. изд.).

5 *Что же Соколов, вышел*? – См. с. 330, 334 наст. изд.

6 *Ваш Ив. Акс.*— На этом письмо заканчивается. Текст в *Письмах. Т. I.* С. 409–410, начиная со слов «Я Вам в числе тех писем...», относится к письму от 18.I.1847 г.

152 (с. 343)

18.I 1847

1 *...с диссертацией все покуда кончилось благополучно.*— И. С. Аксаков имел в виду сообщение родных о том, что К. С. Аксаков переделал четыре страницы своей диссертации (см. прим. 1 к письму № 150 и прим. 1 к письму № 151), которые были поданы на просмотр графу С. Г. Строганову. Однако он предложил их совсем выкинуть и заменить другими нового содержания. С. Т. Аксаков поражался покорности и терпению Константина, согласившегося на переделки (см. письмо от 16.I.〈1847 г.〉 // *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 9).

2 *...сдается также, что Гриша намерен жениться...*— На Софье Александровне Шишковой.

3 *...как говорит князь Урусов...*— Вероятно, Александр Михайлович Урусов (1766–1853), сенатор 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената (где служил и И. С. Аксаков), член Государственного совета.

4 *...он... мирит искусство с религией...*— Вопрос о связи искусства с религией занимал в это время и И. С. Аксакова (см. с. 315 наст. изд.).

5 *...он продолжает «Мертвые души»...*— С. Т. Аксаков признавался, что также «допускает иногда отрадную мысль, что Гоголь выйдет победоносно из ложного своего направления» (Письмо от 25.I. 1847 г. // *Письма. Т. I.* С. 411).

6 *Вчера вечером... написал я стихи...*— Стихотворение «Вопросом дерзким не пытай...»

7 *...забыв на время Минин-Пожарского...*— Т. е. драму «Освобождение Москвы в 1612 году», над которой К. С. Аксаков в это время работал.

8 *...казенная палаточка...*— Т. е. одна из дочерей А. Ф. Кабрита, председателя гражданской палаты (см. с. 334–335 наст. изд.).

9 *...пакет со стихами к Языкову...*— См. прим. 4 к письму 151. Возможно, И. С. Аксаков переписал послание к Н. М. Языкову, исключив выражения, не пропущенные петербургским цензором (см. с. 308 наст. изд.).

10 *Посылаю вам еще стихи...*— Стихотворение «С преступной гордостью обидных...» (см. с. 346 наст. изд.). Стихотворение ошибочно датируется 1845 г. (см.: *Стихотворения...* С. 63–64). Издателями писем И. С. Аксакова было справедливо указано, что стихотворение относится к январю 1847 г. (см. *Письма. Т. I.* С. 410).

Оно находится в тексте письма И. С. Аксакова от 18.I.1847 г. Об этом стихотворении см.: *Письма. Т. II.* С. 281.

[11] *...не войдут даже в мою зеленую книжку...*— См. прим. 11 к письму 87.

[12] *Содом* — по библейскому преданию, город, навлекший развращенностью жителей божий гнев и провалившийся в бездну.

[13] *Чуть ли не украденный стих из какого-то Константинового стихотворения.*— В стихотворении К. С. Аксакова «Поэту Укорителю» (1845) есть строка: «И спесь ученых обезьян...»

153 (с. 347)

21.I 1847

[1] *‹1847 год. Калуга. 21 января›.*— Публикуется впервые. В папке с калужскими письмами И. С. Аксакова находится не за письмом от 18.I.1847 г., как следовало, а после письма от 19.IV.1847 г.

[2] *...третьего стихотворения в духе первых двух не напишу.*— Речь идет о трех стихотворениях, посланных родным, которые были откликом И. С. Аксакова на «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Д. А. Оболенскому 30.IV.1847 г. И. С. Аксаков также писал о «трех стихотворениях о душе человеческой» по поводу «Выбранных мест...» (см.: *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 34 об.). В письмах стихи не были названы. А. Ф. Аксакова считала, что имеются в виду стихотворения «Свой строгий суд остановив...», «Зачем душа твоя смирна?..», «Не дай душе твоей забыть...» (см.: *Стихотворения...* С. 262—263). В ответном письме от 25.I.1847 г. С. Т. Аксаков назвал стихи сына «прекрасными», но предложил в стихотворении «Свой строгий суд остановив...» изменить выражение «заржавленный кремень» (см.: *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 59, 60), с чем автор не согласился. Наличие ответного письма С. Т. Аксакова позволяет более точно датировать стихотворение «Свой строгий суд остановив...» январем 1847 г., а не временем между январем и апрелем 1847 г. (см.: *Стихотворения...* С. 89—90).

[3] *...Унковский-моряк...*— И. С. Унковский.

[4] *...день именин Гриши и Марихен.*— 25 января были именины Г. С. Аксакова, а 26 января — М. С. Аксаковой.

154 (с. 347)

25.I 1847

[1] *...нынче день именин Гриши, а вчера день именин Марихен...*— Неточность: именины М. С. Аксаковой были 26 января.

[2] *...читал ей ваше письмо и Верочкино...*— И. С. Аксаков мог читать полученное к этому времени письмо С. Т. Аксакова от 11.I.1847 г., в котором Н. В. Гоголь был назван сумасшедшим, или письмо от 14.I.1847 г., в котором Сергей Тимофеевич заявил, что не простит писателю «дьявольской злобы» по отношению к М. П. Погодину, смеялся над распределением помещичьего годового дохода на 7 куч, или письмо от 16.I.1847 г., в котором с возмущением было написано о том, что Гоголь «льстит власти. Он не устыдился напечатать, что нигде нельзя говорить так свободно правду, как у нас» (*История моего знакомства с Гоголем.* С. 164—167). И. С. Аксаков получил в это время и письмо Веры от 14.I.1847 г., в котором она сообщала, что письмо Ивана с отзывом о «Выбранных местах...» удивило всю семью. Вера считала, что брат, недовольный собою и жаждущий примирения, увидел в книге Гоголя разрешение своим вопросам и потому не увидел ничего другого. «Я вполне уверена, что, перечетши в другой раз, ты совсем иначе на все взглянешь, если только позволишь себе быть искренним совершенно с самим собой» (*ЛН.* 1952. Т. 58. С. 697).

[3] *Она убеждена, впрочем, что Гоголь не в состоянии более написать «М‹ертвых› душ».*— С. Т. Аксаков был того же мнения (см. *Письма. Т. I.* С. 414, 415).

[4] *...не веяло ограниченностью нашего просвещенного ума, пустотою нашего образования...*— Прочитавшему эти строки С. Т. Аксакову показалось, что они обна-

руживают сходство с воззрениями сына Константина, считавшего простолюдина, крестьянина высшим идеалом человека, образцом для подражания. С. Т. Аксаков, полностью никогда не разделявший славянофильские убеждения Константина, внушал Ивану: «...для понимания необходима образованность ума. Мужики наши свежи, новы, просты и умны, но в них нет слуха, чтобы услышать например хоть Гоголя; этот слух – образованность» (Письмо от 30.I.1847 г. // *Письма. Т. I.* С. 415).

5 *...читал новый роман Жорж Занда.*— Роман не назван. Возможно, «Лукреция Флориани» (*ОЗ*. 1847. Т. 50. № 1).

6 *...познакомился с Нарышкиным, бывшим 12 лет на каторге!* – Декабрист Нарышкин Михаил Михайлович (1795—1863), бывший полковник Тарутинского пехотного полка.

7 *...написал новые стихи...*— И. С. Аксаков обещал прислать стихотворение со следующим письмом (см. прим. 1 к письму 155).

8 *...написал три стихотворения: третье вы получите с следующей почтой.*— См. прим. 2 к письму 153.

9 *Стихи Конст⟨антина⟩...*— Какие стихи К. С. Аксакова были посланы Ивану, выяснить не удалось.

155 (с. 349)

1.II 1847

1 *...эпиграфом... стихи из пьесы Беранже...*— Стихотворение И. С. Аксакова 1847 г. с эпиграфом из Пьера Жана Беранже неизвестно. Вероятно, речь идет о стихотворении «Зачем душа твоя смирна?..», поскольку в письме от 15.II.1847 г. (см. с. 354 наст. изд.) Иван, отвечая на отзыв С. Т. Аксакова о стихах («славные», только последний куплет не понравился – см. письмо от 6.II.⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 63), указал, что стихи эти «предыдущие». Они действительно «предыдущие» (т. е. отправленные 1.II.1847 г.) по отношению к стихам, посланным Иваном в письме от 4.II.1847 г.,– «При кликах дерзостнопобедных...». Эпиграфом к стихотворению «Зачем душа твоя смирна?..» могла быть поставлена строка из «Les Fous» («Безумцы») Беранже: есть определенная перекличка аксаковского стихотворения с его основной мыслью:

Одним безумцам в мире этом
Дано лишь истину добыть!

с мыслью стихотворения Беранже:

Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

(*Перевод В. Курочкина*).

2 *...он ею очень недоволен.*— В письме К. С. Аксакову ⟨1847 г.⟩ из Риги Ю. Ф. Самарин высказался откровенно, написав, что «Выбранные места...» произвели «тяжелое и грустное впечатление», его поразило в сочинителе «отсутствие потребности сочувствия с публикою». «Это отверстое евангелие, эти тексты, помещик, заставляющий крестьян кланяться перед налоем и лобызать слова, которые он (т. е. помещик) изредка слышит в церкви и пропускает мимо ушей... и все это говорит Гоголь!» – недоумевал он (*Самарин*. Т. XII. С. 189, 190). «Выбранные места...» разочаровали и К. С. Аксакова. Свое недовольство он выразил в специальном письме писателю (см.: *РА*. 1890. № 1. С. 152—156. Частично опубликовано в кн.: *История моего знакомства с Гоголем*. С. 188—189), в котором заявил, что новая книга оттолкнула его от Гоголя, что мысли писателя ложны, что он дошел до невероятных положений (письмо о 7 кучках назвал «возмутительным», письмо В. А. Жуковскому противоречащим православной вере и т. п.). Но для В. Г. Белинского, А. И. Герцена и их единомышленников из западнического кружка было совершенно очевидно, что именно славянофилы повинны в идеях, провозглашенных в «Выбранных местах...». «Им бы вспомнить пословицу: „Неча на зеркало пенять, коли рожа крива“,— заметил Белинский.— Они подле-

цы и трусы, люди неконсеквеитные, боящиеся крайних выводов собственного учения; а он человек храбрый, которому нечего терять...» (Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XII. С. 323). Аналогичную мысль затем выскажет Герцен: «Пусть поразмыслят славянофилы о падении Гоголя. Они найдут в этом падении, быть может, больше логики, нежели слабости. От православного смиренномудрия, от самоотречения, растворившего личность человека в личности князя, до обожания самодержца – только шаг» (Собр. соч.: В 30 т. Т. VII. С. 248). В. П. Боткин неуспех гоголевской книги также связывал со славянофильскими теориями: «...славянская партия теперь отказывается от него, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу» (письмо П. В. Анненкову от 28.II.1847 г. // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. Спб., 1892. Т. I. С. 529). П. Я. Чаадаев, размышляя над недостатками книги Гоголя, считал, что они «принадлежат не ему, а тем, которые превозносят его до безумия, которые преклоняются пред ним, как пред высшим проявлением самобытного русского ума, которые ожидают от него какого-то преображения русского слова, которые налагают на него чуть не всемирное значение, которые, наконец, навязали на него тот гордый, несродный ему патриотизм, которым сами заражены, и таким образом задали ему задачу неразрешимую, задачу невозможного примирения добра со злом... все-таки главная беда произошла от его поклонников. Я говорю в особенности о его московских поклонниках» (Письмо П. А. Вяземскому от 29.IV.1847 г. // *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. М., 1913. Т. I. С. 281). А. О. Смирнова, отнюдь не разделявшая опасений передовых слоев русского общества религиозно-мистическим направлением писателя, тем не менее четко сформулировала суть славянофильских претензий к Гоголю. «Дело в том,– писала она 10.XII.1846 г. П. А. Плетневу,– что они все Гоголя любят как свое знамя и хотят, чтобы он носил их цвета, считают уже за отпадшего или упадшего того, кто осмелится отступить от принятого ими за истину... пока он их забавлял, все ему прощалось, а теперь пойдут опять глупые нападки» (*РФВ.* 1915. Т. LXXIV. № 3. С. 5).

3 *...заведение Цемш.*— Возможно, наводились справки о состоянии некоего Цемша, который в 1850 г. уже вторично будет сватать Марию Владимировну Воейкову. Родные считали его «порядочным Хлестаковым» (Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 26.X.‹1850 г.› // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 73 об.).

4 *Эпитет «заржавленный кремень» поставлен потому...*– Речь идет о стихотворении «Свой строгий суд остановив...»

5 *Стихи Константина к Соловьеву...*– Очевидно, стихотворение «С. М. Соловьеву» («Не страшись квартального...»). Стихи были посланы Ивану в письме С. Т. Аксакова от 30.I.1847 г. (см. *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 61 об.). Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, профессор Московского университета (1845), впоследствии академик (1872). В 40-е годы XIX в. приятель К. С. Аксакова.

6 *Письмо также, должно быть, искусно написано...*– На стихи К. С. Аксакова (см. предыдущее прим.) С. М. Соловьев написал ответ прозою, как сообщил С. Т. Аксаков Ивану 30.I.1847 г. (см. *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 61 об.). Известны два январских письма 1847 г. Соловьева К. С. Аксакову, они были стилизованы под древнерусскую речь. Письма Соловьева К. С. Аксакову 1847–1849 гг. находятся в *ЦГИАР* (Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 8).

7 *Я не разделяю мечты Константина...*– И. С. Аксаков отвечает на замечания отца, содержащиеся в письме от 30.I.1847 г. (см. прим. 4 к письму 154). И. С. Аксаков с явным несочувствием относился к убеждению К. С. Аксакова и других членов славянофильского кружка в том, что дворяне, оторвавшиеся от народа в эпоху петровских реформ, должны первыми к нему вернуться, сблизиться с ним внутренне и даже внешне. О возражениях И. С. Аксакова против этого мнения см. в прим. 7 к письму 39.

8 *...мысль, которую Константин развивает в своей повести...*– Повесть не названа. Возможно, речь идет о неоконченной повести К. С. Аксакова «Сцены о современной жизни», которая, по предположению И. С. Аксакова, относится к 1846 г. (см.: Сочинения Константина Сергеевича Аксакова. [Пг.], 1915. Т. I. С. 658). В повести описана встреча героев Владимира и Александра с крестьянином и

приведены вызванные ею рассуждения героев, которые были сходны с убеждениями К. С. Аксакова относительно взаимоотношений дворянина и мужика (см. прим. 7 к письму 39 и прим. 7 к наст. письму).

[9] *К чину себя представлю.*— И. С. Аксаков был в это время в чине коллежского асессора. За выслугу лет произведен в надворные советники 20.VII.1849 г.

[10] *Надоело мне это отвлеченное, не всем доступное содержание... ничьей души не греют эти порыва бесприкладного благородства...*— С. Т. Аксаков отвечал на это: «Ты прав, что содержание твоих стихов не всем доступно, но, боже мой, зачем тебе *все*, зачем толпа? — Неправда, чтоб холодом веяло от этих высоких мыслей и чтоб они не грели ничьей и даже твоей души; но должно признаться, что высокие порывы благородства бесприкладны в строгом смысле; тем не менее, однако ж, они волнуют хотя на время дух человека и — небесплодно. Это голая истина, и ты не можешь с ней не согласиться» (Письмо от 6.II.⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 64 об.).

156 (с. 351)

4.II 1847

[1] *...ничего не пишете насчет Унковских...*— См. с. 342—343 наст. изд.

[2] *...о моем переводе?..*— В Москву в Правительствующий Сенат (см. с. 328, 329, 330 наст. изд.).

[3] *Посылаю вам стихи.*— Стихотворение «При кликах дерзостно-победных...». Оно вызвало восхищение отца: «Стихи прекрасны, превосходны! Одни из лучших твоих стихов. Еще не прочитав их, я знал, что они таковы, ибо ты пишешь, что стихи без особенного достоинства. Мне всего более нравится «Чтоб слышать мне полет молитвы/В благоуханной тишине» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. I. С. 179—180).

157 (с. 352)

8.II 1847

[1] *...успели известить меня о диспуте.*— О магистерском диспуте К. С. Аксакова.

158 (с. 353)

11.II 1847

[1] *...Унковский Михайла (жених)...*— См. с. 352 наст. изд.

[2] *...роман Герцена.*— Имеется в виду роман А. И. Герцена «Кто виноват?», вышедший приложением к № 1 «Современника» за 1847 г. В начале февраля 1847 г. он был уже распродан (1600 экз.) и готовилось его второе издание. С. Т. Аксаков писал Ивану 17.II.⟨1847 г.⟩: «Я совершенно разделяю твое мнение о повести Герцена: одного ума мало, чтоб написать такую повесть, надобно иметь и дарованье» (*ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 23).

[3] *...в чужие краи, несмотря на все доводы Константина.*— К. С. Аксаков неодобрительно относился к поездкам за границу, считая, что они отрывают человека от родной земли. Например, узнав в 1848 г. о намерении Н. В. Гоголя отправиться в Англию, он весьма неделикатно высказал писателю «свои ощущения касательно этих бесстыдных отъездов в чужие края, и он, кажется, обиделся» (Письмо К. С. Аксакова Ивану от ноября 1848 г. // *ЛН.* 1952. Т. 58. С. 715).

159 (с. 354)

15.II 1847

[1] *«Отечеств⟨енных⟩ записок» еще не видал, а потому и не знаю еще разбора «Зимней дороги».*— «Зимняя дорога» И. С. Аксакова была напечатана в 1846 г. в Москве в типографии Н. Степанова. Отец сообщил Ивану о появлении в журнале «ругательной» статьи А. Д. Галахова (Письмо от 13.II.⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 69 об.). Критик отметил, что автор произведения

не любит Ящерина и симпатизирует Архипову; высказано предположение, не себя ли И. С. Аксаков изобразил в лице «московского мечтателя», ибо в рассуждениях о русской народности, добродетелях мужика, достоинстве русского семейного быта и будущей судьбе России автор высказал такие «замечательные выражения славянофильского задора», что критик счел нужным их выписать (*ОЗ*. 1847. № 2. С. 91–92. Статья без подписи).

2 *Когда же выйдет «Московский сборник»*? – И. С. Аксаков спрашивал о «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год».

3 *Гафнер* – калужский приятель И. С. Аксакова, с которым он послал в Москву письма (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 10.II.〈1847 г.〉 // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 67).

4 *...мимоходом статейки в газетах!* – С. Т. Аксаков известил сына о том, что в «Московских ведомостях» появится статья Константина об общественной благотворительности. Напечатанная в тот же день, когда писалось Иваном письмо, т. е. 15.II.1847 г., она была еще неизвестна ему, так как московские газеты приходили в Калугу с опозданием.

5 *У меня... было ваше письмо...*– Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 8.II.1847 г. (частично приведено в *Письмах. Т. I.* С. 422–423, а также в кн.: *История моего знакомства с Гоголем.* С. 171–172). Письмо Ивана с описанием ссоры с А. О. Смирновой развеселило отца: «Эта горячая схватка с А. О. посреди изумленного калужского общества меня восхитила; „вся вспыхнула, потом побледнела, потом затряслась, потом подняла руки кверху и пошла потеха...“ Эти слова, так живо рисующие всю сцену, внезапно перенесли меня на место действия, откуда я сегодня еще не совсем удалился... Я должен по совести сказать, что А. О. даже отчасти права: мы, надувая самих себя Гоголем, надували и его, и поистине я не знаю ни одного человека, который бы любил Гоголя как друг, независимо от его таланта. Надо мною смеялись, когда я говаривал, что для меня не существует личность Гоголя, что я благоговейно, с любовию смотрю на тот драгоценный сосуд, в котором заключен великий дар творчества, хотя форма этого сосуда мне совсем не нравится» (*Письма. Т. I.* С. 423–424).

6 *...что она откроет глаза Гоголю...*– После ссоры с И. С. Аксаковым (см. с. 354–355 наст. изд.) А. О. Смирнова 18.II.1847 г. сообщила Н. В. Гоголю: «Отзывы же письменные ваших друзей – просто не христианские, недоброжелательные, и в их глазах вы просто сумасшедший. Я с Аксаковыми поссорилась по этому поводу, исключая старушки Ольги Семеновны» (*РС*. 1890. Июль – август – сентябрь. С. 285).

7 *...нашего летнего разговора и Ваших грубых стихов...*– См. с. 268–269, 276–277 наст. изд.

160 (с. 355)

22.II 1847

1 *Статью об общественной благотворительности...*– Речь идет о статье К. С. Аксакова «Общественная благотворительность наших дней», автор которой возмущался устроенными постом благотворительными катаниями с гор, тем, что несчастия бедных людей производят не грустное, а радостное чувство, «общественное веселие». Благотворительности богатых Аксаков противопоставил помощь крестьян, которые скромно подают нуждающемуся кусок хлеба. «Прежде делали добро просто»,– писал он (Моск. ведомости. 1847. 15 февр. С. 152). По мнению С. Т. Аксакова, эта статья произвела в обществе «сильнейшее действие», ее «почти все чрезвычайно хвалят» (Письмо Ивану от 20.II.〈1847 г.〉 // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 39 об.). Известно, что статья вызвала гнев А. Г. Щербатова (см. письмо К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину без даты // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 49 об.). Д. Н. Свербеев по поводу аксаковской статьи сочинил шуточные стихи:

Ты в ревности святой предал проклятью горы,
На них катались в пост земли московской воры!

(*Хомяков*. Т. VIII. С. 190).

[2] *Статей Мельгунова и Шевырева...* – В обсуждении вопроса о благотворительности, начатого К. С. Аксаковым, приняли участие Н. А. Мельгунов и С. П. Шевырев. В статье «Несколько слов в дополнение к статье: „Общественная благотворительность наших дней“» Мельгунов защищал благотворительность общественную и частную, считал неверным противопоставление К. С. Аксаковым благотворительности современной и минувшей (Моск. ведомости. 1847. 18 февр. С. 160–161. Подпись «Л.»). Шевырев выступил с очерком драмы в 3-х лицах и 4-х действиях с эпилогом «Последние на земле бедные, или Человеколюбивая утопия» (Там же. 20 февр. С. 170), в котором полемизировал с Мельгуновым, считавшем, что в будущем благотворительность будет не нужна, а подаяние будет считаться унизительным как для подающего, так и для принимающего. В 4-х действиях Шевырев нарисовал картину разрушения благотворительности, когда богатые не подают, а бедные умирают с голоду. В эпилоге он начертал другой (по сравнению с Мельгуновым) идеал будущего: кто нуждается, тот просит, и ему подают, благодаря чему нужда не владычествует над человеком. Идиллический конец не понравился С. Т. Аксакову, который считал, что статья Шевырева «испорчена окончанием», статью же Мельгунова назвал «бестолковейшей» (Письмо Ивану от 20.II.〈1847 г.〉 // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 39 об.). Ю. Ф. Самарин не согласился с К. С. Аксаковым, считая благотворительность необходимой (см. письмо К. С. Аксакову от 17.VI.1847 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 195). В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» осудил порицателей благотворительности, назвав их «поклонниками тупой и косной патриархальности» (Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. X. С. 302). Мельгунов Николай Александрович (1804–1867) – писатель, критик.

[3] *...или моя статья, или кого-нибудь из братьев моих!* – Статья К. С. Аксакова «Общественная благотворительность наших дней» была напечатана без подписи автора.

[4] *...рад ехать в Симбирск...*— И. С. Аксаков побывал в Симбирске, где служил его брат Г. С. Аксаков, летом 1848 г.

[5] *Ольденбургский* Петр Георгиевич (1812—1881), принц — генерал-адъютант, основатель и попечитель Училища правоведения, которое окончил И. С. Аксаков, в 1841–1859 гг. президент Вольного экономического общества, в 1861–1881 гг. главноуправляющий IV отделением императорской канцелярии.

[6] *...переписку двух барышень?* — Рассказ «Из переписки двух барышень» (без подписи).— Современник, 1847. Т. 1. № 2. Автор рассказа — А. Станкевич.

[7] *Арнольди затевает издать... литературный альманах в Москве.*— Литературный альманах, изданный Л. И. Арнольди в 1847 г., неизвестен.

[8] *...полновесного «Сборника».*— Имеется в виду «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год».

[9] *...пишу к Елагину о его повести.*— Речь идет о Н. А. Елагине. О его повести см. на с. 333 наст. изд.

[10] *Тугое рождение на свет «Сборника»...*— «Московского литературного и ученого сборника на 1847 год». В. А. Панов жаловался И. С. Аксакову на многочисленные хлопоты, связанные с его выходом, «беспрерывное и мучительное хождение по комитетам, цензорам и попечителям» (Письмо от 26.IX.1846 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 461. Л. 1).

[11] *...не могу навести справок.*— См. прим. 3 к письму 155.

161 (с. 357)

1.III 1847

[1] *...зова на диспут...*— На магистерский диспут К. С. Аксакова.

[2] *Нынче 1-ое марта...*— День рождения О. С. Аксаковой.

[3] *...про дамское негодование на статью о благотворительности...*— О возмущении дам статьей К. С. Аксакова (см. прим. 1 к письму 160) сообщил Ивану и отец (см. письмо от 20.II.〈1847 г.〉 // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 39 об.).

[4] *...поразился я, прочитав известие о его свадьбе.*— Зимой 1847 г. за двухнедельное пребывание в Симбирске В. А. Панов познакомился, а летом 1847 г. женился на Анне Андреевне Головинской. Аксаковы были удивлены быстротой, с которой

Панов решил свою судьбу (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 24.II.⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 70 об.).

5 *...хотелось его видеть.*— А. Н. Попов приезжал в Москву на магистерский диспут К. С. Аксакова. С 1846 г. Попов служил в Петербурге во II отделении императорской канцелярии у Д. Н. Блудова.

6 *Благодарю вас за присылку письма Гоголя.*— Письмо Н. В. Гоголя С. Т. Аксакову от 20.I.1847 г. (см.: *История моего знакомства с Гоголем*. С. 172—173).

7 *...член консультации, граф Салтыков...*— Речь идет, вероятно, о *Салтыкове* Михаиле Александровиче (1767—1851), сенаторе, тайном советнике.

8 *Его мать была очень больна и Лила также.*— Речь идет об А. П. и Е. А. Елагиных.

9 *...если б диспут происходил в конце 6-й недели...*— Магистерский диспут К. С. Аксакова состоялся 6.III.1847 г.

162 (с. 360)

15.III 1847

1 *1847 г⟨од⟩. Марта 15-го. Калуга. Суббота.*— В начале марта 1847 г. И. С. Аксаков ездил в Москву на магистерский диспут К. С. Аксакова, состоявшийся 6 марта. С. Г. Строганов на диспут не явился, С. Т. Шевыреву — декану словесного факультета — советовал не очень хвалить на диспуте защищающегося. Диспут прошел в спокойной обстановке, поэтому пришедшие на него в надежде на скандал были разочарованы (См. письмо К. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину без даты // *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 44—44 об.).

2 *Унковский еще не воротился...*— Речь идет о С. Я. Унковском, находившемся в это время в Москве (см. с. 361—362 наст. изд.).

3 *...могли бы меня задержать на фоминой.*— И. С. Аксаков собирался поехать в Москву на пасху. Фомина неделя — вторая неделя после пасхи.

163 (с. 360)

18.III 1847

1 *...от Зенгбуша...*— Имеется в виду переплетное и футлярное заведение Федора Зенгбуша в Москве.

2 *...еще он не наступил.*— Имеется в виду праздник пасхи.

3 *...истребовал от Полонского несколько стихотворений для альманаха.*— Для предполагаемого альманаха Л. И. Арнольди (см. прим. 7 к письму 160). *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — поэт.

164 (с. 361)

22.III 1847

1 *...этого грустного известия...*— Родные извещали о смерти М. В. Глумилина, мужа сестры С. Т. Аксакова Софьи Тимофеевны.

2 *...делать четверговую соль!* — См. прим. 3 к письму 21.

3 *...для альманаха Арнольди.*— См. прим. 7 к письму 160.

165 (с. 362)

25.III 1847

1 *...католики в подобных случаях не празднуют благовещения.*— Благовещение, которое бывает 25 марта, при ранней пасхе может выпасть на святую неделю, что случается очень редко.

2 *...как вы его нашли, много переменившимся или нет?* — Г. С. Аксаков был в это время женихом С. А. Шишковой.

3 *...получила она... письмо от Гоголя...*— Письмо от 22.II.1847 г. из Неаполя. В марте 1847 г. от Н. В. Гоголя получили письма также С. Т. Аксаков, М. П. Погодин, С. П. Шевырев (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 28.III.1847 г. // *Письма.*

Г. I. С. 433). Письмо Н. В. Гоголя С. Т. Аксакову от 6.III.1847 г., выдержки из которого были сообщены И. С. Аксакову, см. в кн.: *История моего знакомства с Гоголем.* С. 174—177.

4 ...«*с моими московскими приятелями не рассуждайте обо мне*»...— Почти точная цитата из письма Н. В. Гоголя А. О. Смирновой от 22.II.1847 г. Гоголь отвечал Смирновой, признавшейся писателю, что ее, восхищавшуюся «Выбранными местами...», смутили «толки и московское ополчение (друзья!), которое долетало ко мне через Ивана Аксакова...» (*PC.* 1890. Июль – август – сентябрь. С. 282).

5 ...*дяде поклон.*— А. Т. Аксакову.

166 (с. 365)

29.III 1847

1 *1847 года. Калуга, 29 марта. Суббота.*— Публикуется впервые.

2 ...*гостей будет немало.*— 29 марта — день рождения К. С. Аксакова.

3 ...*святая несколько манкирована...*— Здесь в значении: обманула ожидания, ибо пасха бывает в теплое время года.

4 *Бантышев* Александр Олимпиевич (1804—1860) – русский певец, артист Большого театра (1827—1853). Выступал с концертными программами, в которых мастерски исполнял русские народные песни и романсы.

5 ...*помещусь наверху, в комнате вроде чердака.*— «...Мне показалось смешно, что тебя как зайца полой водой загонит наконец на самое высокое место»,— писал С. Т. Аксаков (Письмо от 3.IV.‹1847 г.› // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 78).

6 *Рюмин не очень меня желает.*— Это утверждение противоречит тому, что И. С. Аксаков писал 18.III.1847 г. (см. с. 361 наст. изд.).

7 ...*письмо Погуляева ко мне...*— См. об этом на с. 361 наст. изд.

8 ...*что приключилось с представлением Смирнова о Сальницком на мое место...*— Еще 14.XII.1846 г. И. С. Аксаков просил Д. А. Оболенского похлопотать о месте для своего калужского приятеля (см.: *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 26—26 об.). В 1848 г. титулярный советник Иван Францевич Сальницкий служил младшим помощником секретарей в Общем Собрании первых трех департаментов Правительствующего Сената.

9 ...*обратили ли вы внимание на «Обыкновенную историю»*? — Роман И. А. Гончарова был напечатан в «Современнике». 1847. №№ 3—4.

167 (с. 366)

5.IV 1847

1 *Письма Гоголя к Вам и другим...*— См. прим. 3 к письму 165.

2 *Статья Хомякова... мне очень нравится.*— Речь идет о статье А. С. Хомякова «О возможности русской художественной школы» в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год». И. С. Аксакову понравилась мысль Хомякова о бесплодности рассудочного начала, но в целом статья вызвала недовольство: в Москве «все восстали на Хомякова» за нее (Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 3.IV.‹1847 г.› // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 78 об.). В. Г. Белинский в «Современнике» критиковал Хомякова за «гиперболическую преувеличенность» разрыва между обществом и народом, считал нелепым желание автора статьи «во что бы ни стало, общество нагнуть к народу, а не народ поднять до общества, чего желать было бы гораздо естественнее...» Разрыв сословий – более внешний, чем внутренний,– по мнению Белинского, будет преодолен с успехами просвещения (Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. X. С. 202). Белинский также осмеял Хомякова, объявившего в статье, что у него чувство любви к отечеству «невольно и прирожденно», а у его противников «наживное». Белинский хотел бы узнать, каким образом автор статьи в этом удостоверился... Неприятно поражен был Белинский и «надутой величавостью» статьи, ее «кафедральным», «пророческим» тоном (Там же. С. 199, 200, 203). Т. Н. Грановский в «Письме из Москвы» выступил против мысли Хомякова о возможности создания особой

«русской» науки. Притязания на самобытные методы исследования, якобы присущие русским ученым в силу их национальности, Грановский считал нескромными. «Гордость — порок западный...»,— лукаво заметил он Хомякову (*ОЗ.* 1847. № 4. С. 201). После выступления Грановского ореол Хомякова «много потускнел» (письмо В. П. Боткина П. В. Анненкову от 14.V.1847 г. // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. Т. I. С. 538).

3 *...с задуманною мною повестью.*— Имеется в виду поэма «Бродяга».

4 *...старику Унковскому...*— С. Я. Унковскому.

5 *Удалению Калайдовича из м⟨инистерст⟩ва очень рад.*— Н. К. Калайдович, надворный советник, в это время был председателем вятской палаты уголовного и гражданского суда.

6 *Арцимович* Виктор Антонович (1820—1893) — надворный советник, обер-секретарь 1 департамента Правительствующего Сената. Выпускник Училища правоведения 1841 г. Впоследствии тобольский губернатор (1854—1858), калужский губернатор (1858—1863), член Учредительной комиссии в Царстве Польском (1863—1866).

7 *...хотелось прочесть Константиновы стихи... писаны в альбом княжны Оболенской.*— Отец сообщил Ивану, что К. С. Аксаковым в это время были написаны три стихотворения: одно «28 марта 1847 года» (имеется в виду, очевидно, стихотворение «Семисотлетие Москвы»), два других были адресованы княжне Аграфене Оболенской и молодому Свербееву (т. е. Н. Д. Свербееву). См. письмо от 3.IV.⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 77.

8 *...статью вторую Павлова в газетах...*— «Второе письмо к Н. В. Гоголю», в котором Н. Ф. Павлов заявил, что «Мертвые души» выше «Выбранных мест...», было напечатано в «Московских ведомостях» (1847. 29 марта). *Павлов* Николай Филиппович (1805—1864) — писатель, критик, издатель-редактор газет «Наше время» и «Русские ведомости».

9 *...на мальцовском пароходе!* — Мальцов Сергей Иванович — крупный заводовладелец, строитель железных дорог, шлюзов, бассейнов и т. п.

10 *...напишу к нему.*— Имеется в виду Болеслав Васильевич Яснев, коллежский секретарь, товарищ председателя воронежской уголовной палаты. Хлопоты Аксаковых были связаны с делом А. И. Самбурского (см. письма С. Т. Аксакова Ивану от 3 и 14.IV.⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 10, 77 об.).

11 *«Обыкновенная история» писана не Кудрявцевым, а Гончаровым...*— Предположение, что роман написан П. Н. Кудрявцевым, высказал С. Т. Аксаков (см. письмо Ивану от 3.V⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 78). «Обыкновенная история» не понравилась С. Т. Аксакову: «Некоторые господа пришли в сильное восхищение от повести Гончарова, но я не разделяю этого мнения: она имеет много достоинств, но лишена художественности уже потому, что заданная мысль автором торчит, как железная спица, продетая сквозь мягкий халат: нередко железо попадает на зубы. Впрочем, многое поразительно верно: особенно свирепая Аграфена. Я нахожу еще недостаток в этой повести: она стреляет несколько в прошедшую форму человеческого духа» (Письмо Ивану от 14.IV. ⟨1847 г.⟩ // Там же. Л. 10—10 об.).

12 *Ал⟨ександра⟩ Осиповна в восторге от Чижова...*— Речь идет о статьях Ф. В. Чижова, напечатанных в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год»,— «Прощание с Франциею и Женева» и «Римские письма». Узнав о восторгах А. О. Смирновой, С. Т. Аксаков саркастически поздравил ее — статьи Чижова он считал «нестерпимыми» (см. письма Ивану от 3 и 14.IV.⟨1847 г.⟩ // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 10, 78 об.). В рецензии на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год» журнал «Отечественные записки» отметил, в частности, странное недовольство Чижова Франциею и Парижем, а также сильным развитием просвещения — Чижов даже выступил против излишнего чтения (*ОЗ.* 1847. №№ 5—6. С. 11, 12).

13 *...на свадьбе Унковского...*— М. С. Унковского.

14 *Скажите Анне Ст⟨епановне⟩...*— А. С. Кротковой, жене А. Т. Аксакова.

15 *...Анны Ив⟨ановны⟩ в городе нет.*— А. И. Прохорова — нянька, жившая в доме А. Т. Аксакова (см. с. 367 наст. изд.).

168 (с. 367)

12.IV 1847

1 ...*историю помещения Баженкова.*— Баженков – лицо неустановленное.
2 ...*получил от нее в получении расписку.*— См. прим. 15 к письму 167.
3 ...*получил от Елагина приглашение...*— Н. А. Елагина. См. с. 366 наст. изд.
4 ...*петь или «Der Wanderer» Шуберта, или «Горные вершины спят во тьме ночной»!..*— Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Из Гете» («Горные вершины спят во тьме ночной...») – вольный перевод стихотворения Гете «Wanderers Nachtlied» («Ночная песнь странника»), положенного на музыку Ф. Шубертом.
5 *Читали ли вы... повесть «Кукольную комедию»... есть выходки против Константина.*— В герое повести А. Д. Галахова «Кукольная комедия» И. С. Аксаков усмотрел сходство с К. С. Аксаковым: герой-мечтатель пребывает в сладкой неподвижности, дело, о котором он постоянно думал, не приводилось в исполнение, а чувствам не давалось воли (*ОЗ.* 1847. № 3. С. 72, 81. Подпись «Сто один»).
6 ...*дам прочесть Вере и сестрам.*— Речь идет о «Nouvelles genevoises» («Женевские новеллы»), 1841 – главной книге Рудольфа Тепфера (1799–1846), швейцарца, писавшего по-французски.

169 (с. 368)

19.IV 1847

1 ...*свадьба Унковского.*— М. С. Унковского.

1848

170 (с. 369)

28.II 1848

1 *1848 г‹од›. Февраля 28-го. Суббота. Москва.*— Публикуется впервые. Подлинник // **ИРЛИ**. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 15. Л. 8–9 об.
2 Аксакова *Софья* Александровна, урожденная Шишкова (ум. в 1883 г.) – жена Г. С. Аксакова. Свадьба состоялась 8.I.1848 г. в Симбирске.
3 ...*увидать пустыми комнаты, так недавно оживленные вами...*— В феврале 1848 г. Г. С. и С. А. Аксаковы гостили в Москве.
4 *Луи Филипп* был свергнут с престола во время революции в феврале 1848 г.
5 *При сенатских занятиях...*— После возвращения из Калуги И. С. Аксаков был обер-секретарем 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената.
6 ...*прибавление семейства таким членом...*— Имеется в виду С. А. Аксакова.
7 ...*с историей революции Michelet.*— Мишле Жюль (1798–1874) – французский историк, автор «Истории французской революции» (7 томов, 1847–1853).
8 ...*прочли бы Тьера...*— См. прим. 2 к письму 66.
9 *Блан Луи* (1811–1882) – французский утопический социалист, член Временного правительства во время революции 1848 г. Работа «История 10 лет», написанная им в начале 40-х годов XIX в., посвящена критике монархии.

Подлинники писем 171–176 – **ИРЛИ**. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 21. Л. 2–18 об. Письма связаны с поездкой И. С. Аксакова летом 1848 г. на Серные воды. Впервые – *Письма. Т. I.* С. 441–466.

171 (с. 371)

2.VI 1848

1 ...*вместе со мною и «Бродяга».*— Поэма И. С. Аксакова, над которой он продолжал в это время работать.

172 (с. 372)

10.VI 1848

1 *Самарин Федор Васильевич* (1784—1853) — отец Ю. Ф. Самарина, бывший шталмейстер, с 1826 г. поселившийся в Москве. Около Сызрани находилось Васильевское — имение Самариных, куда и ездил, вероятно, Ф. В. Самарин.
2 *Александр* — слуга И. С. Аксакова, сопровождавший его в поездке на Серные воды летом 1848 г.
3 *Сергей* — лицо неустановленное, возможно, слуга Г. С. Аксакова, взятый или из родительского дома, или из одной из деревень, принадлежащих семье Аксаковых.
4 *...выезжают очень мало, разве только к Нине.*— Корф Нина Александровна, урожденная Шишкова (род. в 1819 г.) — сестра С. А. Аксаковой.
5 *Крохоняткин* — лицо неустановленное.
6 *Шишков Александр* Александрович (1826 — до 1881) — брат С. А. Аксаковой.
7 Шишкова *Марья Алексеевна,* урожденная Булгакова (1797—1882) — мать С. А. Аксаковой, Н. А. Корф и А. А. Шишкова.
8 *Видел Корфов...*— Имеются в виду Н. А. Корф и ее муж Фердинанд Николаевич Корф (1805—1869), барон — генерал-майор, возглавлявший комиссариатскую комиссию в Симбирске.
9 *Языков Петр Михайлович* (1798—1851) — брат поэта Н. М. Языкова, геолог.
10 *Набоков* Дмитрий Николаевич (1826—1904) — коллежский секретарь, товарищ председателя симбирской гражданской палаты, сменивший на этой должности Федора Карловича *Гирса,* коллежского асессора, назначенного в 1848 г. псковским губернским прокурором. Впоследствии Набоков — вице-директор Комиссариатского департамента морского министерства (1853), сенатор (1864), член Государственного совета (1876), министр юстиции (1878—1885).
11 *...хвалит очень драму Константина...*— Драму К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году».
12 *Хотьково,* или Хотьков монастырь, находится в трех с лишком километрах от Абрамцева. До строительства железной дороги монастырь был виден с террасы абрамцевского дома.
13 *Иуда* — скотник в Абрамцеве.
14 *...нашел я Воейковых...*— Воейков Николай Владимирович, племянник С. Т. Аксакова (см. прим. 3 к письму 38) и его жена Александрина.
15 *Путилов Дмитрий* Азарьевич — сын надворного советника Азария Ивановича Путилова, гвардии поручик, дворянский депутат от Самарского уезда Самарской губернии в 1846—1850 гг.
16 *Алябьев* Александр Александрович (1787—1851) — композитор и его жена Екатерина Александровна Офросимова.
17 *...придется сказать с Хлестаковым, что «ужасный mauvais genre».*— Т. е. ужасный дурной тон — характеристика судьи Хлестаковым («Ревизор», V, 8, только в комедии употреблено «моветон» вместо «mauvais genre»).
18 *Тимофей Степанович* Аксаков (1759—1837) — отец С. Т. Аксакова.
19 *...живала бабинька...*— Мария Николаевна Аксакова, урожденная Зубова (1762—1833) — мать С. Т. Аксакова. Умерла по дороге с Серных вод.
20 *...попросите Сашу...*— А. В. Воейкова.
21 *Коля* — Н. В. Воейков.

174 (с. 382)

25.VI 1848

1 *Он в восторге от 5-го акта драмы Константина, но утверждает, что это не драма.*— Имеется в виду драма К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году». Несовершенство ее композиции отметил и М. П. Погодин, считавший, что число сцен можно увеличить или, напротив, уменьшить без ущерба для произведения (см.: Москвитянин. 1848. Ч. 3, № 5. С. 27). М. А. Дмитриев назвал драму Аксакова «сухой летописью в разговорах» (см.: *Барсуков* Кн. IX. С. 462).
2 *...о его драме...*— Речь идет о драме В. А. Соллогуба «Местничество» (вышла в 1849 г.). Действие ее происходит в 1681 г. См. о ней на с. 383—384 наст. изд.

[3] *...камер-юнкеру, как ему...*— В. А. Соллогуб стал камер-юнкером в 1839 г.
[4] *Федор Алексеевич* (1661—1682) — русский царь (1676—1682).
[5] *...сценою бурмистра в деревне...*— Имеется в виду глава «Бурмистр» из поэмы И. С. Аксакова «Бродяга».
[6] *...недоумеваю — сдержать ли слово или нет...*— Поездка И. С. Аксакова в имение В. А. Соллогуба Никольское в 1848 г. не состоялась (см. его стихотворное послание «Гр. В. А. Соллогубу»). Через имение Соллогуба И. С. Аксаков проехал в июле 1851 г., когда с отцом и братом Константином ездил в Оренбургскую губернию.
[7] *...неизданную оперу «Аммалат-бек».*— Отрывки из оперы А. А. Алябьева «Аммалат-бек» (по повести А. Марлинского) были исполнены в концерте в Москве в 1847 г.
[8] *...братца своего Аристарха...*— Аристарх Азарьевич Путилов — штабс-капитан.
[9] *...дрогнуло мое сердце...*— Будучи замкнутым, застенчивым человеком, И. С. Аксаков не любил знакомства.

175 (с. 387)

2.VII 1848

[1] *...со днем Ваших именин...*— 11 июля были именины О. С. Аксаковой.
[2] *...готов поверить и этим...*— О каких чудесах идет речь, выяснить не удалось.
[3] *...источающей мирр...*— Мирра — благовонная смола, применяемая для курения в церкви.
[4] *...не увижу Оболенского!* — Д. А. Оболенского.
[5] *Здесь две сестры Лидии...*— лица неустановленные.
[6] *Здесь Шалашникова, урожденная Лобанова-Ростовская...*— Анна Борисовна (род. в 1823 г.) — дочь князя Б. А. Лобанова-Ростовского, действительного статского советника, камергера.
[7] *...одна с шифром...*— Шифр — царский вензель, получаемый в виде награды.
[8] *...приятелем покойного Шишкова.*— Неизвестно, который из братьев С. А. Аксаковой имеется в виду — Николай, Виктор или Евграф (все трое умерли до 1845 г.).
[9] *...служил при кадастре...*— Здесь «кадастр» — налоговое ведомство.
[10] *Александр* Григорьевич *Карташевский* (1817—1894) — двоюродный брат И. С. Аксакова, офицер. В 1835—1836 гг. во время учебы в Московском университете был близок к кружку Н. В. Станкевича. Письма А. Г. Карташевского К. С. Аксакову 30—40-х годов XIX в. см. в *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. 2. Ед. хр. 24.

176 (с. 390)

9.VII 1848

[1] *...везет к вам деньги... добытые Богуславским от Вырубовых.*— Речь идет о долге Марии Григорьевны Вырубовой Аксаковым (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 27.VI.‹1848 г.› // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 82 об.). Богуславский — лицо неустановленное.
[2] *Поздравляю... и Олиньку..:*— Со днем именин 11 июля.
[3] Александр Степанович *Оголин* (род. в 1821 г.) — коллежский асессор, обер-секретарь 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената, впоследствии витебский губернатор (с 1861 г.), сенатор.

177 (с. 391)

19.VIII 1848

[1] *Пятница. Авг‹уста› 19-го 1948 г‹ода›. ‹Москва›.*— Публикуется впервые. Подлинник — *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 19. Л. 223—223 об. Письмо это — последнее в папке калужских писем, но написано из Москвы и к калужскому периоду жизни И. С. Аксакова не относится.
[2] *Соловьев написал целую книгу, а другую изготовил, собирается читать публичный курс...*— Речь идет, очевидно, об «Истории России с древнейших времен», которую

С. М. Соловьев писал с 1848 г. (I том напечатан в 1851 г.), и о двухлетнем курсе русской истории, который он собирался читать в Московском университете. Осенью 1848 г. ректор университета Д. М. Перевощиков настоял на отмене публичного курса лекций Соловьева.

3 *Закревский* Арсений Андреевич (1783–1865), граф – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор в 1848–1859 гг., сменивший на этом посту А. Г. Щербатова. По отзывам современников, человек деспотичный и грубый. «Страх 1848 года требовал начальника полицейского»,– писал в своих воспоминаниях сенатор К. Н. Лебедев (Москва в последние годы николаевского царствования. // *РА*. 1888. № 1. С. 485).

4 *...из начальства самый лучший выходит Голохвастов...*– После С. Г. Строганова, вышедшего в отставку в конце 1847 г., попечителем Московского университета был назначен Дмитрий Павлович Голохвастов (1796–1849), ненавидевший университет и оказавшийся не способным к этой должности (см.: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. М., 1983. С. 225, 307). Двоюродный брат А. И. Герцена. См. о нем: «Былое и думы». Ч. 4. Гл. XXXI. А. С. Хомяков по поводу назначения Голохвастова писал А. Н. Попову 15.XII.‹1848 г.›: «Для университета, думаю, отставка Строганова и особенно назначение его преемника мало чем легче холеры. Жаль мне *alma mater*. Плохо ей придется от нового опекуна» (*Хомяков*. Т. VIII. С. 183).

5 *...Дмитрий Матвеич ругается...*– Перевощиков Д. М. (1788–1880) – профессор Московского университета, в 1848–1851 гг. ректор университета. Приятель С. Т. Аксакова со времен студенчества. См. о нем в кн.: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. С. 315.

6 *...инспектор подругивает.*– Имеется в виду, по-видимому, Иван Абрамович Шпейер, сменивший на этом посту Платона Степановича Нахимова (брата адмирала П. С. Нахимова), ушедшего из университета в 1847 г. вместе с С. Г. Строгановым (см.: Московский университет в воспоминаниях А. Н. Афанасьева // *РС*. 1886. Авг. С. 362). О Шпейере см. в кн.: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. С. 324.

7 *...обращая внимание не на количество желающих, а на познания их...*– Специальным распоряжением от 30.IV.1849 г. правительство ограничило прием в университеты (не более 300 человек).

8 *...Сережа отлично выдержал экзамен во 2-ой класс гимназии...*– Речь идет о сыне А. Т. Аксакова Сергее Аркадьевиче (род. в 1837 г.). Впоследствии служил во II отделении императорской канцелярии. В предреволюционные годы земский деятель.

9 *...остановился в «Дрездене»...*– Московская гостиница на Тверской.

10 *...рескрипт Радецкому за славные победы над итальянцами, с посылкою ордена Георгия 1-ой степени!* – Речь идет об австрийском генерал-фельдмаршале Иосифе Венцеле Радецком (1766–1858), награжденном Николаем I за победы в Италии при Соммакампанье и Кустоцце. О Радецком см.: *Лебедев П.* Граф Радецкий и его походы в Италии в 1848 и 1849 годах. Спб. 1850. Об австро-итальянской войне 1848–1849 гг. см. в прим. 8 к письму 208.

11 *Эйхель действительно сослан Закревским...*– Имеется в виду, по-видимому, история, случившаяся с ростовщиком Эйхелем. Один московский князь, заложив ему на срок бриллианты, затем не мог застать Эйхеля дома, после чего ростовщик объявил, что бриллианты проданы. Князь пожаловался генерал-губернатору А. А. Закревскому, и бриллианты, находившиеся в доме Эйхеля, были возвращены владельцу. При повторении подобных действий Закревский пригрозил выслать Эйхеля из Москвы в 24 часа. См.: Воспоминание о графе А. А. Закревском А. В. Фигнера // *ИВ*. 1885. Июнь. С. 670–671.

12 *...Тимашеву (генералу)...*– Речь идет об Александре Егоровиче Тимашеве (1818–1893) – генерал-адъютанте, генерале от кавалерии, который с 1856 г. был начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III отделением. Впоследствии министр внутренних дел (1868–1878).

13 *...насчет будущих отношений Закревского к Константину...*– А. А. Закревский подозрительно относился к славянофилам, считая их «тайным политическим обществом». См. его донос на славянофилов от 21.VIII.1858 г.– *РА*. 1885. № 7. С. 447–450.

178 (с. 392)

5.X 1848

1 *1848 г⟨од⟩. Окт⟨ября⟩ 5-го. Вторник. ⟨Москва⟩.*— Публикуется впервые. Подлинник — *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 17. Л. 5—6 об. На основании начального обращения попало в письма, адресованные собственно С. Т. Аксакову, хотя адресат его шире — «отесинька, Константин и все остальные сестры» (см. конец письма). Письмо написано из Москвы в Абрамцево.

2 *Андронов* — лицо неустановленное.

3 *Зубов Павел Николаевич* — коллежский секретарь, состоявший в должности секретаря 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената.

4 *Чередеев* Василий Васильевич — статский советник, обер-прокурор 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената.

5 *...как «там» смотрят на платье.*— Речь идет о русской одежде, которую носили С. Т. и К. С. Аксаковы.

6 *...возражении на статью Самарина...*— Имеются в виду «Письма из Риги» Ю. Ф. Самарина, содержащие критику политики русского правительства в Прибалтийском крае. Читались автором в Москве и Петербурге осенью 1848 г. Д. Н. Свербеев выступил с возражениями Самарину. «...это самая неблагонамеренная политическая статья, вся ложная в основании и очень оскорбительная для Самарина,— так аттестовал выступление Свербеева С. Т. Аксаков.— Видя, что сочинитель распускает ее между знакомыми, Самарин вынужден был написать обличение на нее и написал мастерскую статью, в которой произвел следствие, суд и приговор... Он прочел ее Свербееву, и тот остался ею доволен! Вероятно, не понял или притворился» (Письмо Ивану от 15.XI.⟨1848 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 18).

7 *Зыков присылал человека... начать переговоры, но маменька еще не начала их...*— Кто такой Зыков и какие переговоры вела с ним О. С. Аксакова, выяснить не удалось.

8 *Нынче вечером я у Львова...*— Речь идет о Г. В. Львове.

Подлинники писем 179—199 — ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 20. Л. 1—66. Впервые — *Письма. Т. II.* С. 3—95. Письма связаны с приготовлением и поездкой И. С. Аксакова в Бессарабию.

179 (с. 394)

11.X 1848

1 *Багратион*-Мухранский Георгий Константинович (умер в 1877 г.), князь — коллежский асессор, обер-секретарь 1 департамента Правительствующего Сената, товарищ И. С. Аксакова по Училищу правоведения. Впоследствии статс-секретарь, сенатор, председатель судебной палаты в Тифлисе.

2 *...явился Оболенский...*— Д. А. Оболенский.

3 *Ханыков* Яков Владимирович (1818—1862) — чиновник особых поручений при министре внутренних дел, председатель ревизионной комиссии по остзейским делам, в состав которой входил Ю. Ф. Самарин, в 1852—1862 гг. оренбургский гражданский губернатор. Приятель А. О. Смирновой.

4 *...он и не хотел объясняться при нем о моем поручении...*— 21.IX.1848 г. И. С. Аксаков был причислен к министерству внутренних дел и предписаниями министра от 19 и 21.X.1848 г. был командирован в Бессарабию с секретным поручением по изучению раскола (под предлогом ревизии сельских хлебных магазинов и еврейских училищ). Н. И. Надеждин, к которому по прибытии в Петербург отправился Аксаков, был чиновником особых поручений при министре внутренних дел, редактировал журнал этого министерства (с 1843 г.), занимался делами раскола в России. В 1845 г. опубликовал свое исследование «О скопческой ереси».

5 *...министр болен...*— Министр внутренних дел Л. А. Перовский в письмах И. С. Аксакова 1848 г., связанных с поездкой в Бессарабию, часто называется просто «министр».

6 *...дом Пушневичевой?* — Семья Аксаковых 16.X.1848 г. переехала в этот дом на Сивцевом Вражке.

180 (с. 395)

X 1848

1 *Середа. 1848 г⟨од⟩. Окт⟨ябрь⟩. ⟨Петербург⟩.*— Число в письме не указано. Это письмо не могло быть написано 13.X.1848 г., как считали издатели *Писем* (Т. II. С. 4), т. е. через 2 дня после предыдущего письма — это ясно из его содержания: упоминается о встрече с А. В. Веневитиновым «третьего дня», А. Н. Попов четвертый раз за время пребывания И. С. Аксакова в Петербурге читал его «Бродягу» и пр.

2 *Веневитинов, брат поэта...*— Алексей Владимирович Веневитинов (1806—1872) — камергер, действительный статский советник, управляющий делами Комитета для уравнения земских повинностей, член редакционного комитета «Журнала министерства внутренних дел». Впоследствии товарищ министра уделов.

3 *Виельгорский* Михаил Юрьевич (1788—1856) — музыкант, композитор. Аполлинария Михайловна (1818—1884) — жена А. В. Веневитинова с 1843 г., дочь Михаила Юрьевича и Луизы Карловны Виельгорских.

4 *...с гр⟨афом⟩ Соллогубом, женатым на другой дочери.*— В. А. Соллогуб был женат на Софье Михайловне Виельгорской (1820—1878).

5 *...напишу сам критику своего «Бродяги»...*— Статья И. С. Аксакова на эту тему неизвестна.

181 (с. 396)

⟨X 1848⟩

1 *Четверг. ⟨Петербург⟩.*— Письмо написано в октябре 1848 г. Предыдущее письмо и это — разные письма: последнее написано на листе другого формата; И. С. Аксаков листы разного формата в одном письме не соединял.

2 *Кавелин* Константин Дмитриевич (1818—1885) — историк, юрист. Принадлежал к кружку западников.

3 *Машенька* — Мария Григорьевна Карташевская (1818—1906), двоюродная сестра И. С. Аксакова; ее ум и нравственные качества очень ценили Аксаковы и знакомый с нею Н. В. Гоголь. К. С. Аксаков был в молодости неравнодушен к ней, что осложнило отношения ее матери Н. Т. Карташевской с семьей Аксаковых. М. Г. Карташевской посвящены некоторые произведения К. С. Аксакова: «Вальтер Эйзенберг» («Жизнь в мечте»), «Облако» (фантастическая повесть).

4 *...все убеждения этой стороны.*— Речь идет о славянофильстве.

5 *...суров и страшен показался ей вид.*— См. прим. 7 к письму 38.

6 *Видел Фролова...*— Вероятно, Петр Григорьевич Фролов, знакомый С. Т. Аксакова.

7 *...по делу Черкасского.*— В чем оно заключалось, выяснить не удалось.

8 *Статья Константина не пропускается.*— Возможно, имеется в виду статья К. С. Аксакова о воспитании, написанная в 1848 г.,— А. Н. Попов безуспешно пытался провести ее через петербургскую цензуру. В одном из писем, посланных с оказией, он откровенно сообщал автору, что рад запрещению статьи: «В ней на каждой строке выступает ярко и повелительно *я*» (Письмо без даты // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. I. Ед. хр. 19, л. 8 об.). Попов считал, что это вызовет насмешки журналов, критикующих славянофилов и что такую возможность давать им не нужно. Не исключено, что речь идет о статье Аксакова «О современном литературном споре», тоже запрещенной в 1848 г.

9 *Срезневский* Измаил Иванович (1812—1880) — лингвист, этнограф, фольклорист, профессор Петербургского университета, впоследствии академик (1851). В это время был членом петербургского цензурного комитета, как и Андрей Иванович *Фрейганг.*

183 (с. 399)

2.XI 1848

1 *Студзинский* — курский помещик, образовавший товарищество для содержания вольной почты от Москвы до Харькова. Товарищество обязалось возить проезжающих с определенной скоростью, в тарантасах, не задерживать на станциях

и т. п. За эти услуги прогоны были увеличены вдвое. См.: *Базилевич К. В.* Почта в России в XIX веке. М., 1927. С. 41.

2 ...*выполнить Ваше поручение*...– О. С. Аксакова, бывшая родом из Курской губернии, просила сына поклониться образу Курской богоматери.

3 ...*заглядывал в Терещенко*.– Имеется в виду книга Александра Власьевича Терещенко (1806–1865) «Быт русского народа» (Спб., 1847–1848. Ч. 1–7).

184 (с. 400)

4.⟨XI 1848⟩

1 ...*до Харькова*...– В подлиннике ошибочно указана Полтава. С. Т. Аксаков обратил внимание на эту неточность. См. письмо Ивану от 15.XI.⟨1848 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 17.

2 ...*не мог ничего узнать о Самбурских*.– Самбурские (А. И. Самбурский и его дети) жили в Курской губернии.

185 (с. 401)

10.XI 1848

1 *1848 г⟨од⟩. Ноября 10-го. Середа. Одесса*.– Этим обстоятельным письмом И. С. Аксаков доставил большое удовольствие домашним; оно было прочтено Ю. Ф. Самарину и Н. В. Гоголю: «...обоим оно показалось очень интересным, хотя последнему немножко и чихнулось от некоторых выражений о хохлах» (Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 28.XI.⟨1848 г.⟩ // *ЛН*. 1952. Т. 58. С. 714).

2 *«От края моря Балтийского до края моря Евксинского»*...– Откуда взята эта строка, выяснить не удалось.

3 ...*по поводу своего «Алешки»*...– Имеется в виду поэма И. С. Аксакова «Бродяга», героя которой звали Алексей Матвеев.

4 ...*портреты Багратиона и Бобелины*...– См. описание гостиной Собакевича в V главе «Мертвых душ».

5 ...*Шатобрианова романа «Перуанские инки»*.– Шатобриан Франсуа Рене де (1768–1848) – французский писатель. И. Аксаков ошибся: у Шатобриана такого романа нет. Вероятно, имеется в виду роман Мармонтеля Жана Франсуа «Инки» (1777), действующими лицами которого являются перуанцы.

6 ...*нашлось бы и старосветских помещиков, и Шпонек, и Григорьев Ивановичей*...– «Старосветские помещики» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» – повести Н. В. Гоголя. Кого имел в виду И. С. Аксаков под Григорием Ивановичем, установить не удалось.

7 ...*решетиловская шапка*...– т. е. шапка из меха решетиловских овец. В селе Решетиловка Полтавской губернии в XIX в. была выведена особая порода грубошерстных, смушковых овец.

8 ...*у Терещенки?*..– См. прим. 3 к письму 183.

9 *Колядыъ* – рождественские песни во славу праздника.

10 *Где ты, Алешка*...– Речь идет о герое поэмы И. С. Аксакова «Бродяга».

11 ...*о коробочном сборе*...– Еврейский «коробочный сбор» шел на расходы по министерству государственных имуществ, в ведение которого еврейское население перешло в 1846 г.

12 ...*Рахиль, подающую пить воду*...– По библейскому преданию, Рахиль – жена Иакова, мать Иосифа и Вениамина.

13 *К морю Черному Понадвинулась!* – Строки из стихотворения А. В. Кольцова «Косарь».

14 *Как бы хотелось мне, чтоб он протрясся вместе со мной в телеге*...– Мать писала Ивану: «...тяжело бывает у меня на душе, когда после прочтения твоего письма взгляну на Константина, в 30 лет не знать свету, он и права не имеет говорить о человеке, он не видал нищеты на месте – ничего, кроме своего дома и гостиных, а что тяжело для меня, так и желание *что-нибудь* видеть у него исчезло» (Письмо ⟨1848 г.⟩ // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7в. Л. 7 об.–8).

15 *Дюк де Ришелье* – Ришелье Арман Эммануэль Софи Септимани дю Плесси (1766–1822) – французский государственный деятель, в 1803–1814 гг. генерал-

губернатор Одессы и Новороссийского края. *Ланжерон* Александр Федорович (1763–1831), граф – генерал-губернатор Новороссийского края (1815–1823), в 1823 г. заменен новым наместником – М. С. Воронцовым. О *Воронцове* см. прим. 4 к письму 99.

16 *Свободный порт* – т. е. порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

17 *Федоров* Павел Иванович – генерал-лейтенант, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, сменивший на этом посту М. С. Воронцова, который с 1844 г. стал наместником Кавказа.

18 *Ахлестышев* Дмитрий Дмитриевич – генерал-лейтенант.

19 *Липранди* Иван Петрович (1790–1880) – в 1846–1856 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, председатель комиссии по делам раскольников. С 1848 г. вел наблюдение за кружком М. В. Петрашевского и впоследствии вошел в состав комиссии по разбору бумаг арестованных петрашевцев.

20 *...возьмите у Александра...*– Слуга И. С. Аксакова, сопровождавший его в поездке на Серные воды летом 1848 г.

21 *...свою драму.*– «Освобождение Москвы в 1612 году».

186 (с. 411)

XI 1848

1 *Суббота. 1848 г⟨од⟩. Ноября. Бендеры.*– Число в дате письма отсутствует.

2 *Здесь отражал герой безумный...*– И. С. Аксаков неточно, по памяти цитирует строки из конца поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

3 *...едва ли отторгнется от нее.*– По Бухарестскому миру (1812) Бессарабия была присоединена к России.

4 *...лагерь Карла XII, после побега из-под Полтавы...*– Шведский король Карл XII после неудачи в Полтавской битве (1709) бежал в Турцию.

5 *...картинки... из «Ромео и Юлии»...*– Персонажи трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (1592).

6 *...историю Эсфири, Амана и Мардохея...*– Библейский сюжет об иудеянке Эсфири, воспитаннице Мардохея, которая спасла еврейский народ от мести Амана, заступившись за евреев перед царем Артаксерксом.

7 *...антидота...*– противоядия.

8 *...много молоканов...*– Молокане – раскольничья секта, возникшая из секты духоборов во второй половине XVIII в. Названы так потому, что в пост употребляют молоко.

187 (с. 414)

15.XI⟨1848⟩

1 *Никита* – слуга И. С. Аксакова, сопровождавший его в поездке по Бессарабии (см. с. 403 наст. изд.).

2 *...большая часть имений отдана в посессию...*–Посессия — земельное арендное владение.

3 *...подчинением ведомству министерства вн⟨утренних⟩ дел.*– По «Положению о царанах 24 января 1834» бессарабские царане, не заключившие контрактов о земельном наделе и повинностях за него помещику, должны были сделать это в течение 2 лет. Наблюдение за заключением контрактов было возложено на уездных представителей дворянства и полицию. Для незаключивших условий добровольно был выработан царским правительством типовой договор в интересах помещиков (см. с. 434–435 наст. изд.).

4 *Пряжина* (молд.) – линейная мера, равная 3 саженям 12 вершкам.

5 *...намерен я представить министерству критику на «Положение» 1846 года...*– В Записке «О бессарабских раскольниках» И. С. Аксаков писал: «Нормальный контракт 1846 года с величайшим трудом вводится между ними, и они продолжают отыскивать между немногими помещиками и многочисленными посессорами более снисходительных...» (*РА.* 1888. Кн. 3. С. 437).

[6] *Не дядя ли уж я?* – Ольга Григорьевна Аксакова родилась 26.XII.1848 г. в Симбирске. Умерла в 1921 г.

188 (с. 416)

16.XI 1848

[1] ...*Павлушка Колобов или Кирсан Растегаев!..*– По-видимому, герои поэмы «Бродяга», над которой И. С. Аксаков работал в это время. В опубликованном тексте поэмы упоминается Павлушка Растегай.

[2] ...*некрасовцы...*– раскольники, потомки донских казаков, участников восстания на Дону под предводительством К. А. Булавина в 1707–1709 гг., ушедшие с И. Ф. Некрасовым на Кубань, а в 1740 г.– на территорию Турции.

[3] ...*продолжал «Алешку».*– Поэму «Бродяга».

[4] *Движение, бывшее в Валахии, не было народным движением...* – Под влиянием революции во Франции и других европейских странах в Валахии в 1848 г. произошла буржуазно-демократическая революция. Утверждение И. С. Аксакова о том, что это движение не было народным, неверно: валашские крестьяне в 1848 г. выступили против помещиков, но были усмирены турецкими войсками.

[5] ...*Она Державиным воспета...*– Имеются в виду оды «Осень во время осады Очакова», «На взятие Измаила», «Водопад».

[6] ...*и славой Русскою полна!* – Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Баратынскому (Из Бессарабии)», 1822.

189 (с. 419)

22.XI 1848

[1] ...*от Ясс, столицы Молдавии...*– Яссы были столицей молдавского княжества до 1859 г.

[2] ...*с банки помады Мусатова...*– Парфюмерный магазин Мусатова в Москве.

[3] ...*из широкого... шушуна...*– Шушун – старинная верхняя женская одежда, напоминающая телогрейку.

[4] ...*есть, кажется, Иваны Яковлевичи.*– Намек на Жан-Жака Руссо (1712–1778) – французского философа и писателя. Руссо Иван Яковлевич (1798 – не ранее 1853 г.) – лицо реальное, был знаком с А. С. Пушкиным в кишиневский период его жизни. См. о нем: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. I. С. 359–360.

[5] ...*еще при Александре...*– Александре I.

[6] ...*цель произведенного восстания в Валахии...*– См. прим. 4 к письму 188.

[7] ...*молдавский господарь Стурдза...*–Стурдза Михаил (1795–1884) – господарь Молдавии в 1834–1849 гг.

[8] ...*хвалят снисходительность и умеренность Лидерса.*– Лидерс Александр Николаевич (1790–1874) – генерал-адъютант, в 1848 г. командующий русскими войсками в Валахии и Молдавии.

[9] ...*здешними экзархами...*– Экзарх – глава самостоятельной православной церкви в некоторых государствах или больших церковных областях, отличающихся своеобразием.

190 (с. 427)

27.XI 1848

[1] ...*к описанию барышни с садом.*– Это описание отсутствует в дошедших до нас текстах поэмы.

191 (с. 427)

29.XI 1848

[1] ...*своим делом, т. е. «Алешкой».*– Речь о поэме «Бродяга».

[2] ...*определился к Депре...*– Речь идет, вероятно, о Депре, имевшем в Москве магазины полотняный и шелковых и бумажных обоев.

3 *Здесь умер Потемкин, проезжая из Ясс.*— Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), князь — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II. Смерть Потемкина, «великолепного князя Тавриды», описана Г. Р. Державиным в оде «Водопад» (1791—1794).

4 ...*загляните... в статью Надеждина.*— Статья Н. И. Надеждина «Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийского края» была напечатана в «Одесском альманахе на 1839 год».

5 ...*когда турецкие войска вступили в Валахию...*— См. прим. 4 к письму 188.

6 ...*стихи Константина из Вецеля...*— И. С. Аксаков допустил неточность: он ведет речь об «Одесском альманахе на 1839 год», где была помещена статья Н. И. Надеждина (см. выше), но там ни стихотворения, подписанного именем К. С. Аксакова, ни перевода из Вецеля нет. «Ночное посещение (Из Вецеля)» К. С. Аква было напечатано в «Одесском альманахе на 1840 год» (Одесса, 1839). Вецель Иоганн Карл (1747—1819) — немецкий писатель.

7 ...*храм Ахиллесу...*— Ахилл, Ахиллес — в древнегреческой мифологии храбрейший из греков, осаждавших Трою во время Троянской войны, главный герой поэмы Гомера «Илиада».

8 *Изида* — в древнеегипетской мифологии дочь неба и земли, богиня плодородия, воды и ветра.

9 ...*об облегчениях, сделанных в Галиции рабочему классу, крестьянам...*— В 1846 г. в Галиции было восстание польских и украинских крестьян против австрийского владычества.

10 ...*противятся введению этого контракта.*— См. прим. 3 к письму 187.

11 ...*продолжаю писать и «Алешку».*— С. Т. Аксаков отвечал сыну: «Только по-видимому странно, что ты продолжаешь писать «Алешку»; деятельная, напряженная, беспокойная жизнь (даже огорчительная) натягивает струны человеческого организма, и послушные духовные способности возбуждаются. Я испытал на себе подобные явления...» (Письмо от 17.XII.1848 г. // *Письма. Т. II.* С. 58).

12 *Трудное место, о котором я вам говорил, я кончил...*— См. с. 427 наст. изд.

13 *Не надо, чтоб Константин разрушал в нем всякую веру в искусство...*— Отец сообщил И. С. Аксакову о «прекрасном расположении духа» Н. В. Гоголя и о своем недовольстве тем, что в разговорах с писателем Константин высказывает ему свое неодобрение. См. письмо от 8.XI.1848 г. // *ЛН.* 1952. Т. 58. С. 711.

14 *Чирков* Андрей Андреевич — товарищ председателя оренбургской гражданской палаты. О каких делах этой палаты спрашивал И. С. Аксаков, выяснить не удалось.

192 (с. 433)

6.XII 1848

1 ...*занялся «Алешкой».*— Поэмой «Бродяга».

2 ...*они не поверили.*— См. прим. 3 к письму 187.

3 ...*подпись покойного князя Васильчикова...*— Васильчиков Иларион Васильевич (1777—1847), князь — генерал от кавалерии, председатель Государственного совета и Комитета министров в 1838—1847 гг.

4 *Хотин... был прежде знаменитою крепостью...*— Турецкая крепость Хотин, считавшаяся неприступной, была взята русскими войсками под командованием фельдмаршала Б. Х. Миниха в 1739 г., затем во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В 1787 г. крепость взяли русские и австрийские войска. По условиям мирных договоров возвращалась Турции. В 1812 г. отошла к России.

5 ...*жила в Астрахани в то время, когда я был там...*— И. С. Аксаков находился в Астрахани в составе ревизионной комиссии князя П. П. Гагарина в 1844 г.

6 ...*имеет и в Калуге много приятельниц.*— В Калуге И. С. Аксаков служил с сентября 1845 г. по апрель 1847 г.

7 ...*наш Володя Самбурский...*— Самбурский Владимир Алексеевич — двоюродный брат И. С. Аксакова.

8 ...*сара бун, и куконна, и дудука!* — Спокойной ночи, и сударыня, и барышня! (*молд.*). В письме И. С. Аксакова неточная транскрипция: сударыня — кукоанэ барышня — дудукэ.

[9] *...по совету Александра...*— Слуга И. С. Аксакова, сопровождавший его в поездке на Серные воды летом 1848 г.

[10] *...принадлежит совершенно к стороне Кавелина.*— Т. е. к западникам. Имеется в виду К. Д. Кавелин.

193 (с. 440)

11.XII 1848

[1] *Суббота, 11-го декабря 1848 г⟨ода⟩. Утро.*— Письмо от 11.XII.1848 г. написано на одном листе с письмом от 6.XII.1848 г., т. е. предыдущим, и отправлено одновременно с ним, поэтому в нашем издании (в отличие от *Писем. Т. II.* С. 69 и 71) предшествует письму от 7.XII.1848 г.

[2] *...чем все это кончится.*— См. прим. 6 к письму 187.

[3] *...ответ Самарина...*— См. прим. 6 к письму 178.

[4] *...сделал Погодин такой раут?* — Раут у М. П. Погодина состоялся 11.XI.1848 г. по случаю дня его рождения. Гости были приглашены заблаговременно, в том числе и те, кто публично называл Погодина мошенником. Только Самарин решительно отказался от участия в празднике, объяснив, что общественное мнение о Погодине не позволяет бывать у него (см.: *Самарин.* Т. XII. С. 266). «Честь ему и слава,— писал Ивану С. Т. Аксаков.— Все повалили, как бараны; их набралось более 50 штук! Погодин мог, торжествуя, сказать Гоголю: «Вот они, называющие меня подлецом! даже хворые притащились от Красных ворот и других отдаленных московских урочищ!» (Письмо от 15.XI.⟨1848 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 18 об.). Репутация Погодина в русском обществе была сильно подорвана его доносом на О. М. Бодянского, раздуванием истории, связанной с публикацией сочинения Джилза Флетчера (см. прим. 3 к письму 203).

[5] *...чтоб Вера не стала потом раскаяваться и грустить.*— В декабре 1848 г. Аксаковы ждали приезда в Москву Карташевских — Надежды Тимофеевны и ее дочери Марии, которые направлялись в Оренбургскую губернию. В. С. Аксакова, находившаяся в это время в тяжелом нервном состоянии, решила отказаться от свидания со своею приятельницею М. Г. Карташевской. Родные, опасаясь за Верино здоровье, ожидали от приезда Карташевских огорчительных последствий. См. письма С. Т. Аксакова Ивану от 6, 10 и 14.XII.⟨1848 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 24 об., 29, 33.

[6] *«Твой праздный день пред богом грешен, Душа призванью не верна!»* — Строки из стихотворения И. С. Аксакова «Зачем душа твоя смирна?..» (1847).

[7] *...совершенно по плечу их семейства...*— Письмо Ф. С. Унковского И. С. Аксакову от 26.XI.1848 г. с сообщением о помолвке Веры Унковской за Владимира Никитича Унковского. См.: *ЦГАЛИ.* Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 199.

195 (с. 443)

14.XII 1848

[1] *Все, что говорит Коля Карташевский о климате Бессарабии, вздор.*— И. С. Аксаков хотел успокоить мать, которая была очень встревожена разговорами о дурном климате Бессарабии (см. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 28.XI.⟨1848 г.⟩ // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 23 об.). Карташевский Николай Григорьевич (род. в 1820 г.) — двоюродный брат И. С. Аксакова.

[2] *Гоголя... подталкивают против него Погодин и Шевырев.*— К. С. Аксаков жаловался Ивану в ноябре 1848 г.: «Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон. Я сношу это» (*ЛН.* 1952. Т. 58. С. 715). Однако в ссорах с Н. В. Гоголем К. С. Аксаков не всегда выступал как страдающая, уступающая сторона (ср. с прим. 13 к письму 191). С. Т. Аксаков полагал, что неприязнь Гоголя к Константину объясняется тем, что он считал последнего причиною писем, в которых С. Т. Аксаков выразил недовольство религиозным направлением творчества писателя. «Неужели я, проживши столько лет, не умел нажить себе имени неглупого и самобытного человека? Все, что я говорю и делаю, решительно приписывается Кон-

стантину! Это обстоятельство нередко заставляет меня противоречить ему при свидетелях в том, с чем я внутренно согласен» (Письмо Ивану от 28.XI.〈1848 г.〉 // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 23).

3 *Толстой Александр* Петрович (1801—1873), граф – обер-прокурор Синода в 1856—1862 гг. В его доме с 1848 г. жил и впоследствии умер Н. В. Гоголь. Близкий знакомый А. С. Хомякова по турецкому походу 1828—1829 гг.

4 ...*у Оболенского*...– Д. А. Оболенского.

5 ...*с женой*...– Толстой Анной Георгиевной (1798—1889).

6 *«Рабы, повинуйтесь своим господам!»* – Из послания апостола Павла к Ефесянам (6,5).

7 *Какая это скотина разболтала Бестужевым об отношениях Константина к Свербеевым?* – Речь идет об увлечении К. С. Аксакова дочерью Д. Н. Свербеева. К. С. Аксаков писал Ивану: «Вообрази, что о моих отношениях к Свер〈беевой〉 уже говорят Бестужевы. Мы не говорили никому, стало быть, это узналось другой дорогой» (Письмо 〈1848 г.〉 // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 2). Бестужевы – семья Бестужевых Петра Александровича и Прасковьи Михайловны (сестры поэта Н. М. Языкова).

196 (с. 444)

18.XII 1848

1 ...*чтобы Вера перенесла это свидание благополучно!*..– См. прим. 5 к письму 193.

2 *Тут являются два новые лица: старик-бродяга, тертый калач, и барышня.*– Старик появился в главе «Новый побег» поэмы «Бродяга», эпизод с барышней в дошедших до нас текстах поэмы отсутствует.

3 ...*от этого дурацкого возмущения*...– См. прим. 4. к письму 188.

4 ...*словам Моисея*...– «...око за око...», цитата из Библии (Исход 21, 24).

197 (с. 447)

22.XII 1848

1 ...*что произвел приезд Карташевских*...– См. прим. 5 к письму 193.

2 ...*кончились ли мучения Гриши.*– В семье Г. С. Аксакова ожидали рождения ребенка (см. выше).

3 ...*слободы, населенные некрасовцами*...– О некрасовцах см. прим. 2 к письму 188.

198 (с. 449)

25.〈XII〉 1848

1 *〈25 декабря 1848 года.* Кишинев〉.– Публикуется впервые.

2 *Нынче первый день праздника*...– Рождество.

199 (с. 449)

27.XII 1848

1 *Бонапарт Жером* (1784—1860) – младший брат Наполеона, король вестфальский в 1807—1813 гг. В 1806 и в 1812 гг. командовал одним из корпусов французской армии.

2 ...*о вступлении войск австрийских и о приближении русских и турецких.*– Речь идет о подавлении революции в Венгрии в 1848—1849 гг. Не в силах справиться с мятежной Венгрией, австрийское правительство обратилось за военной помощью к Николаю I. Манифест царя о движении русских войск в Венгрию был объявлен позже, 26.IV.1849 г.

3 ...*мясоед*...– время между постами. Мясоед бывает четыре раза в году, по числу постов (великий, петровский, успенский, филипповский).

[4] *Воронцов был отозван на Кавказ...*— С 1844 г. М. С. Воронцов был наместником Кавказа.
[5] *...обнаружил такое невежество, что мне стало совестно...*— В записке «О бессарабских раскольниках», являющейся копией представленного в министерство внутренних дел отчета по бессарабскому поручению, И. С. Аксаков писал, что невежество полицейских чиновников в вопросах веры делает их совершенно неспособными к надзору за действиями старообрядцев. Он считал необходимым, чтобы губернаторы убедили чиновников, имеющих сношения с раскольниками, «соблюдать должное приличие и не оскорблять их бесполезными и даже опасными насмешками» (*РА*. 1888. Кн. 3. С. 451).
[6] *...сочельник...*— канун рождества и крещения.
[7] *...не разрешили еще моего беспокойства по случаю приезда Карташевских.*— См. прим. 5. к письму 193.
[8] *Как чуждый гость на празднике чужом!* — Неточно приведенная строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838). У Лермонтова: «Как пир на празднике чужом».

1849

Подлинники писем 200–204, 206–232, адресованных родным,– *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 22. Л. 1–63 об. Письма написаны И. С. Аксаковым из Петербурга. Письмо 205 (подлинник – *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 18–19 об.), написанное также из Петербурга, адресовано К. С. Аксакову. Впервые – *Письма. Т. I.* С. 96–146.

200 (с. 459)

24.I 1849

[1] *...прочел ему свой отчет...*— О командировке в Бессарабию.
[2] *...отправился к м⟨инистру⟩...*— Имеется в виду Л. А. Перовский, министр внутренних дел. В письмах И. С. Аксакова из Петербурга от зимы и весны 1849 г. часто называется просто «министр». С. Т. Аксаков был удивлен быстротой действий Ивана – он ожидал извещения о приезде, «а ты уже успел быть у министра и прочесть ему свой отчет. Славно! если у министра не совсем пропало чутье и опытность научила его различать пуф от дела, то он должен оценить тебя по всему» (Письмо от 28.I.⟨1849 г.⟩ //*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 35).
[3] *...ехать к Княжевичам...*— В Петербурге жил Александр Максимович Княжевич (1792–1872), друг С. Т. Аксакова, учившийся вместе с ним в Казанском университете. С 1844 г. директор департамента государственного казначейства, впоследствии министр финансов (1858–1862), член Государственного совета. Письма А. М. Княжевича С. Т. Аксакову 1838–1857 гг. см. в *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 69.
[4] *...у Оболенского...*— Д. А. Оболенского.

201 (с. 461)

31.I 1849

[1] *Анненков* Александр Николаевич – знакомый С. Т. Аксакова.
[2] *...что задержало Анненкова в П⟨етер⟩бурге...*— А. Н. Анненков уехал из Москвы в середине декабря 1848 г. и намеревался пробыть в столице не более трех недель. См. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 14.XII.⟨1848 г.⟩ //*ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 33 об.
[3] *Кавелин* Александр Александрович (1793–1850) – генерал-адъютант, с 1834 по 1841 г.— воспитатель наследника Александра Николаевича, с 1842 по 1846 г.— ге-

нерал-губернатор Петербурга. Письма А. А. Кавелина к С. Т. Аксакову 1832–1845 гг. см. в *ЦГАЛИ*. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 60.

[4] ...*до окончания дела с женою Пинский не может быть сенатором*...– См. прим. 5 к письму 70 и прим. 2 к письму 125.

[5] *Нефедьев* Николай Николаевич – статский советник, обер-прокурор 1 отделения 5 департамента Правительствующего Сената.

[6] *Зыбин* Владимир Афанасьевич – камер-юнкер, товарищ председателя Петербургской уголовной палаты.

[7] *Эльслер Фанни* (1810–1884) – австрийская балерина, выступавшая в Москве и Петербурге в 1848–1851 гг.

[8] ...*будет наследник*...– Будущий император Александр II.

[9] ...*был Киселев*...– П. Д. Киселев.

[10] ...*был... Блудов*...– Д. Н. Блудов.

[11] ...*стихи Вяземского, на сей случай написанные*.– «Песнь на день рождения В. А. Жуковского».

[12] ...*началось пением «Боже, царя храни»*...– Гимн царской России с 1833 г. (слова В. А. Жуковского).

[13] *Бартеньева*...– Вероятно, Бартенева Прасковья Арсеньевна (1811–1872), фрейлина, выступавшая как певица в светских гостиных, на благотворительных концертах.

[14] ...*пропеты были куплеты стариком Виельгорским*...– Речь идет о М. Ю. Виельгорском, положившем на музыку куплеты П. А. Вяземского «Песнь на день рождения В. А. Жуковского».

[15] ...*Наше русское ура!* – Рефрен приведен И. С. Аксаковым по памяти с незначительными неточностями. Баден-Баден упомянут потому, что в это время там жил В. А. Журковский.

[16] *Глинка* Михаил Иванович (1804–1857).

[17] ...*просили Оболенского*...– Д. А. Оболенского.

[18] ...*фрейлина Толстая*...– Речь идет о графине Толстой Наталье Дмитриевне, фрейлине императрицы, или о графине Толстой Александре Андреевне, фрейлине великой княгини Марии Николаевны.

[19] ...*его женою*.– Вяземская Вера Федоровна, урожденная Гагарина (1790–1886).

[20] *Судьба всюду меня с ним сталкивает. Дело его (по ревизии) производится в Сенате*...– До Петербурга И. С. Аксаков и И. С. Тимирязев неоднократно встречались в доме А. О. Смирновой в Калуге. Дело Тимирязева по итогам астраханской ревизии 1844 г. обсуждалось в течение девяти лет, в разных инстанциях (1 департаменте Правительствующего Сената, в Общем Собрании, в Государственном совете). В 1853 г. дело было прекращено, он был освобожден от взыскания и даже назначен сенатором в 6 (уголовный) департамент Правительствующего Сената (1 отделение), в котором прежде служил И. С. Аксаков.

[21] ...*с Шаховским я разъехался*...– Лицо неустановленное.

[22] *Пора его междуцарствию кончиться!* – Имеется в виду бездействие К. С. Аксакова после окончания работы над драмой «Освобождение Москвы в 1612 году».

202 (с. 463)

4.II 1849

[1] *Глумилин Василий* Михайлович, брат М. М. Россоловской, сообщал о ее смерти 17.I.1849 г. после рождения сына Вячеслава.

[2] *От тетеньки же Над⟨ежды⟩ Тим⟨офеевны⟩ никаких новейших сведений... нет*.– Н. Т. Карташевская находилась в это время в Оренбургской губернии.

[3] ...*драмы Тургенева*...–В данном контексте речь идет не о какой-то определенной драме И. С. Тургенева (1818–1883), но в 1849 г. он был уже автором драматических сцен «Неосторожность» и комедий «Где тонко, там и рвется» и «Нахлебник».

[4] ...*любимую всеми вами Александру Николаевну Бахметеву*.– О ней см. прим. 13 к письму 125.

5 *Бедный Гриша! Как он измучился душою.*— 28.I.⟨1849 г.⟩ С. Т. Аксаков писал Ивану, что С. А. Аксакова была тяжело больна, врачи не надеялись на выздоровление, а Г. С. Аксаков мужественно писал родным обычные письма о хозяйственных делах (см.: *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 35 об.).
6 *Тамбурини* Антонио (1800—1876) — итальянский певец. В 40-е годы и в начале 50-х годов XIX в. гастролировал в Петербурге и Москве.
7 *Он ни слова о своем вечере.*— См. с. 462—463 наст. изд.
8 *Поздравляю... с будущим 7-м февраля, и милую Веру в особенности.*— День рождения В. С. Аксаковой.

203 (с. 464)

7.II 1849

1 *7-го февраля 1849 г⟨ода⟩. Понедельник. ⟨Петербург⟩.*— В *Письмах. Т. II.* С. 102 число указано неверно — не 4 февраля, а 7-е.
2 *Кобден* Ричард (1804—1865) — английский политический деятель, выступавший за свободу торговли, отмену хлебных законов. В 1846 г. приезжал в Россию.
3 *Строганов выхлопотал... прощение Бодянскому и позволение опять занять кафедру в Москве.*— В 1848 г. О. М. Бодянскому было запрещено преподавать в университете и редактировать «Чтения» Общества истории и древностей российских при Московском университете за публикацию сочинения Джилза Флетчера «О государстве русском» (1591), содержащего нелестные отзывы о России в XVI в. В 1849 г. Бодянский вернулся на кафедру истории и литературы славянских наречий Московского университета, экстраординарным профессором которой он являлся до увольнения. См. об этом в кн.: *Соловьев С. М.* Избр. тр. Записки. С. 316; Выдержки из дневника О. М. Бодянского // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 110. *Строганов* Сергей Григорьевич (1794—1882), граф — в 1835—1847 гг. попечитель московского учебного округа, в 1859—1860 гг.— московский военный генерал-губернатор. Характеристику Строганова см.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. IX. С. 194—199. Бодянский Осип Максимович (1808—1877) — фольклорист, славист, издатель древнерусских и древнеславянских памятников, экстраординарный (1842), затем ординарный (1855) профессор кафедры истории и литературы славянских наречий Московского университета, секретарь Общества истории и древностей российских при Московском университете и редактор издаваемых им «Чтений», член-корреспондент Академии наук с 1854 г.
4 *Панаев Владимир Иванович* (1792—1859) — управляющий канцелярией министерства императорского двора, поэт, приятель С. Т. Аксакова. Письма Панаева С. Т. Аксакову 1816—1858 гг. см. в *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 52.
5 *...нового митрополита.*— Филарет (Дроздов В. М.). См. о нем прим. 5 к письму 45.
6 *...посещаю... Смирнову...*— А. О. Смирнову, которая после лечения в 1847 г. в Ревеле жила в Петербурге.
7 *Часто что-то пошло соблюдение приличий относительно Свербеевых...*— Намек на увлечение К. С. Аксакова дочерью Д. Н. Свербеева. См. об этом прим. 7 к письму 195.

204 (с. 466)

10.II ⟨1849⟩

1 *...жена Булгакова...*— Неизвестно, о жене какого Булгакова идет речь: с семьей Аксаковых был знаком Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), московский почт-директор с 1831 г. и его сын Булгаков Константин Александрович (1812—1862) (см. о нем в *Письмах. Т. II.* С. 364). В Калуге жил и П. А. Булгаков (см.: *Письма. Т. III.* С. 144).
2 *Кавелин* — Кавелин А. А.
3 *Слухи, рассказанные Васьковой...*— Неизвестно, о каких слухах идет речь.
4 *Софья Петровна* — дочь П. А. и П. М. Бестужевых, которой в это время был увлечен А. Н. Попов.

[5] *...старается он угождать Катер⟨ине⟩ Мих⟨айловне⟩...*— Хомякова Екатерина Михайловна, урожденная Языкова (1817—1852) — жена А. С. Хомякова, приходившаяся тетей С. П. Бестужевой по матери.

[6] *...старается он угождать... Языкову Александру Михайловичу...*— Языков А. М. (1799—1874) — брат поэта Н. М. Языкова, дядя С. П. Бестужевой.

[7] *Оба они...*— т. е. А. Н. Попов и Ю. Ф. Самарин.

[8] *Ехать в Ригу я отказался.*— Предложение насчет Риги было сделано В. В. Скрипицыным (см. с. 467 наст. изд.).

[9] *Я, как Ив⟨ан⟩ Ермолаевич...*— Великопольский Иван Ермолаевич (1797—1868) — посредственный поэт и драматург. Жил в Москве в собственном доме на Пресне. И. И. Панаев, знавший Великопольского, в своих воспоминаниях характеризовал его как «человека с добрым и доверчивым сердцем», который нередко помогал деньгами В. Г. Белинскому. По словам Панаева, Великопольский «всю жизнь был увлекаем двумя пагубными страстями: к картам и к литературе; ни в литературе ни в картах ему не везло» (*Панаев*. Литературные воспоминания. С. 152). Очевидно, непреодолимым стремлением Великопольского к карточной игре объясняются отрицательные характеристики его в письмах Аксаковых: «Он точно мерзавец 18-го века в полном смысле» (Письмо О. С. Аксаковой Ивану от 1.II. 1844 г. // *ГБЛ*. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7б. Л. 4—4 об.); С. Т. Аксаков отзывался о Великопольском как об «отвратительном» человеке, дошедшем «до нравственного паденья» (Письмо Ивану от 15.IV.⟨1849 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 2).

205 (с. 467)

14.II 1849

Подлинник — *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 18—19 об.

[1] *Скрипицын* Валерий Валериевич (1799—1874) — директор департамента духовных дел иностранных исповеданий в министерстве внутренних дел.

[2] *Балкашин* Николай Васильевич — оренбургский гражданский губернатор.

[3] *После драмы...*— «Освобождение Москвы в 1612 году».

[4] *К Васильчиковым, разумеется, ездить... не стоит.*— И. С. Аксаков не одобрял светские знакомства брата; да и сам Константин разочаровался в этой семье еще в 1846 г.— см. прим. 16 к письму 2.

206 (с. 468)

⟨17.⟩II 1849

[1] *1849 г⟨од⟩. Февраля ⟨17⟩. Четверг. № 4. П⟨етер⟩бург.*— Число в письме не указано. Предыдущее письмо было написано 14.II.1849 г., в понедельник, следовательно, четверг приходился на 17 февраля.

[2] *Пальчиков* Николай Васильевич (ум. в 1910 г.) — сын Марии Александровны Пальчиковой, соседки Аксаковых по Абрамцеву.

[3] *...отправляется на бал к Закревскому...*— См. прим. 5 к письму 207 и с. 476 наст. изд.

[4] *...винит в этом мать ее и тетку...*— т. е. Бестужеву П. М. и Хомякову Е. М.

[5] *Самарин переделал свои письма...*— «Письма из Риги».

[6] *...письмо от... Над⟨ежды⟩ Тим⟨офеевны⟩...*— Н. Т. Карташевская находилась в это время в Оренбургской губернии.

207 (с. 469)

21.II 1849

[1] *...упрочивает накрепко за собою звание помещика!..*— В это время Г. С. Аксаков купил в долг имение Головкино в Оренбургской губернии в 60 верстах от Вишенок, принадлежавших С. Т. Аксакову. Эта покупка очень огорчила отца, который ничего хорошего от нее не ожидал: «...он надел себе петлю на шею, которая задавит его непременно в один из 11 годов, назначенных на уплату» (Письмо от

28.II.‹1849 г.› // **ИРЛИ**. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 31 об.). После пожара, случившегося в Головкине летом 1849 г., оно было продано М. М. Наумову. По поводу выраженного И. С. Аксаковым недовольства тем, что покупка брата не сообразуется с мыслью об освобождении крестьян, С. Т. Аксаков написал следующее: «Что касается до эмансипации, то я скажу откровенно, что я, разделяя все мысли и желания о благополучном ее совершении, тем не менее становлюсь в ряды тех людей, которые до последней капли крови будут защищать насущной хлеб своих ни в чем неповинных семейств. Я готов помочь страждущему человечеству, но прежде помогу моим больным дочерям и буду резаться за их благосостояние» (Письмо Ивану от 28.II‹1849› // Там же. Л. 32).

[2] *...Беляев напишет историю крестьянского сословия в России до Петра.*— Речь идет об Иване Дмитриевиче Беляеве (1810–1878), историке-славянофиле, авторе труда «Крестьяне на Руси» (1860).

[3] *Достопамятные страницы римской истории... греческой...*— Речь идет о книгах из серии «Beautés de l'histoire», начавшей выходить во Франции в XIX в. и посвященной истории различных европейских стран и Америки.

[4] *...с этой должностью нельзя так поступать.*— Г. С. Аксаков в это время был губернским прокурором в Симбирске.

[5] *Вы пишете мне, милый отесинька, все грустные вещи!* – С. Т. Аксаков сообщил сыну о бале, устроенном великим постом А. А. Закревским, от которого не смела отказаться московская публика. См. письмо от 15.II.1849 г. // *Письма. Т. II.* С. 110.

[6] *...Куторга... будучи... цензором...*— Куторга Степан Семенович (1805–1861) – профессор естествознания в Петербургском университете. С 1835 до 1848 г.— член Петербургского цензурного комитета.

[7] *Елачич помог было на время...*— Елачич Йосип (1801–1859) – бан Хорватии, с 1848 г.— генерал австрийской армии и главнокомандующий войсками Хорватии. Выступал за антономию Хорватии и Славонии, за политическое объединение южных славян на основе языковой общности. Мысль об объединении южных славян импонировала славянофилам. К. С. Аксаков считал: «Единственное хорошее лицо на Западе – это Елачич» (Письмо Ю. Ф. Самарину ‹1848 г.› // *ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 4). Славянофилы не могли не одобрить и манифест Елачича от 27.IV.1848 г. о ликвидации крепостной зависимости крестьян. Победа контрреволюционных сил в империи Габсбургов в 1849 г. сделала невозможным осуществление идей Елачича.

[8] *...написал стихи...*— Стихотворение «Пусть гибнет все, к чему сурово...».

208 (с. 473)

24.II 1849

[1] *...должен был я читать у Вяземского...*— Речь идет о поэме «Бродяга» (см. с. 462 наст. изд.).

[2] *Григорович* Дмитрий Васильевич (1822–1899) – писатель, автор повестей «Деревня» (1846) и «Антон-Горемыка» (1847), принесших ему известность.

[3] *...по причине нездоровья Пальчиковой...*— См. прим. 1 к письму 68.

[4] *Меттерних* Клеменс (1773–1859), князь – австрийский государственный деятель, дипломат, с 1821 по 1848 г.— канцлер. Политика Меттерниха отличалась лицемерием и коварством.

[5] *Палацкий* Франтишек (1798–1876) – чешский историк, философ, политический деятель. С конца 40-х годов был депутатом австрийского рейхсрата и чешского сейма.

[6] *...по поводу... ноты к Франкфуртскому сейму.*— Франкфуртский сейм, или Франкфуртское национальное собрание, был открыт 18.V.1848 г. во Франкфурте-на-Майне с целью подготовки объединения немецких земель. За время работы сейма в 1848–1849 гг. эта задача не была достигнута. Славянские национальные деятели (Палацкий и др.) были обеспокоены усилением германизации.

[7] *Елачич писал... Австрия вновь вводит между кроатами употребление мадьярского языка!* – Кроаты – жители Кроации, области в Хорватии. Хорваты и сербы, угнетаемые венгерскими помещиками и венгерской буржуазией, сопротивлялись мадьяризации. Русское правительство тревожилось, что проблемы западных сла-

вян привлекут внимание славянофилов. В разговоре с Ю. Ф. Самариным А. Ф. Орлов высказал опасение, чтобы «славяне западные не вздумали нас притягивать к себе, так как они уже добыли сами все, что́ мы могли бы им обещать...» (Письмо Ю. Ф. Самарина Я. В. Ханыкову ‹от апреля 1849 г.› // *Самарин*. Т. XII. С. 406).

8 *...пока не решен вопрос итальянский, Австрия не решится на многое.*— Речь идет об австро-итальянской войне 1848—1849 гг. В результате национально-освободительного восстания весной 1848 г. австрийцы были изгнаны из Италии. Успешные действия австрийских войск под командованием Радецкого и боязнь народного революционного подъема вынудили сардинского короля Карла Альберта подписать перемирие летом 1848 г. Италия была в это время расчленена, и Австрия всячески препятствовала стремлению Италии стать самостоятельным государством.

9 *...дало повод тоже к интерпелляции одного из представителей Галиции на Венском сейме!..*— Вероятно, допущена описка — из контекста ясно, что речь идет о настоящем времени, когда работал Франкфуртский сейм (1848—1849), а не Венский (1814 г.).

10 *Шелехов* Дмитрий Потапович (1792—1854) — автор работ по сельскому хозяйству.

11 *...в «Инвалиде»...*— «Русский инвалид» — петербургская газета (1813—1917).

12 *Уваро́в отстоял профессорствование Куторги...*— См. с. 472 наст. изд. и прим. 6 к письму 207. Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф — министр народного просвещения в 1833—1849 гг., создатель теории «официальной народности».

13 *Кстати, напомните Константину место из «Деяний св‹ятых› апостолов».*— Это предложение в подлиннике зачеркнуто. Восстановлено нами, чтобы прояснить смысл следующих предложений.

14 *...транзакции...*— Трансакция — соглашение, сопровождаемое уступками.

209 (с. 475)

1.III 1849

1 *...со днем 1-го марта.*— День рождения О. С. Аксаковой.

2 *...не замечал здесь в Нине зависти к Софье...*— Речь идет о Н. А. Корф и С. А. Аксаковой. С. Т. Аксакову казалось, что Н. А. Корф завидует покупке Головкина (см. письмо Ивану от 22.II.‹1849 г.› // ***ИРЛИ***. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 42 об.). О покупке Головкина см. прим. 1 к письму 207.

3 *...писал с Серных вод о его драме?* — Отзыв И. С. Аксакова о драме В. А. Соллогуба «Местничество» см. на с. 383—384 наст. изд.

4 *...пишете и вы по рассказам Константина.*—22.II.1849 г. С. Т. Аксаков сообщил Ивану о чтении В. А. Соллогубом его драмы «Местничество» в доме А. И. Кошелева, где были К. С. и О. С. Аксаковы: «Конста говорит, что народные сцены написаны очень хорошо: верно, живо и сильно...» (***ИРЛИ***. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 81 об.— 82). А. С. Хомяков также считал, что «разговор жив во многих местах и верен», но был недоволен изображением раскольников, которые предстают в пьесе «гадкими и смешными пискунами» — автор списал их, как казалось Хомякову, с «петербургских менял-скопцов» (Письмо Ю. Ф. Самарину от ‹1.III.1849 г.› // *Хомяков*. Т. VIII. С. 268. М., 1904).

5 *...Закревский своим маскарадом увлек всю Москву...*— С. М. Загоскин вспоминал: «По случаю приезда в Москву царской фамилии граф Закревский дал блистательный праздник с живыми картинами, на котором присутствовали их величества и все прибывшие члены августейшего семейства. Огромный зал генерал-губернаторского дома был обращен в живую картинную галерею; на всех стенах были устроены большие и малые рамы, в которых, при поднятии занавеса, являлись картины, изображавшие различные эпизоды из русской истории» (*Загоскин С. М.* Воспоминания // ***ИВ***. 1900. Т. 79. Янв., февр. и март. С. 925).

6 *...фрейлинский шифр.*— Царский вензель, получаемый в виде награды.

7 *Шувалов* Андрей Петрович (1802—1873), граф — обер-камергер, с 1847 г.— главный управляющий императорским дворцом в Петербурге и загородными резиденциями, а также заведующий императорскою конторою.

8 *...едет вместе с Антуанеттой...*— Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891), графиня — дочь Д. Н. Блудова, фрейлина императрицы.

9 *Шаликов* Петр Иванович (1767—1852), князь — писатель-сентименталист, журналист. Произведения его отличались слащавостью.

10 *Что за отвратительный сироп.*— Имеется в виду некролог С. П. Шевырева московскому военному генерал-губернатору А. Г. Щербатову, в котором автор, между прочим, восхвалял супругу Щербатова, возбудившую в столице «прекрасные порывы общественной благотворительности», сближающей высшие сословия с низшими (см.: Москвитянин, 1849. Кн. I. № 1. С. 35),— мысль, которая не могла понравиться Аксаковым. О выступлениях К. С. Аксакова и Шевырева по поводу общественной благотворительности см. прим. 1 и 2 к письму 160.

11 *Елена Павловна* (1806—1873) — супруга великого князя Михаила Павловича; *Марья Николаевна* (1819—1876) — великая княгиня, в замужестве герцогиня Лейхтенбергская, дочь Николая I.

12 *...бывший министр.*— Строганов Александр Григорьевич (1795—1891), граф — министр внутренних дел с 1839 по 1841 г. Член Государственного совета с 1849 г.

13 *...многого не пропустит.*— Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849) — председатель секретного комитета, созданного в 1848 г. для надзора за печатью, так называемого «Бутурлинского комитета».

14 *...нет ничего теплого... относящегося собственно к моей особе, к Ивану Сергеевичу.*— Отец отвечал на это 8.III.1849 г.: «Ход „Бродяги" и отсутствие его сочинителя очень забавны, а еще более оригинальны. Впрочем, я не одобряю вполне твоего отшельничества. Зачем тебе участие в Иване Сергеиче? Хорошо, если б было искреннее участие в „Бродяге"» (*Письма. Т. II.* С. 116).

210 (с. 477)

5.III 1849

1 *Пятница. 5 марта 1849 г⟨ода⟩. С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩б⟨ург⟩.*— В *Письмах. Т. II.* С. 117 число указано неверно — не 3 марта, а 5-е.

2 *...слышали историю, случившуюся в Училище правоведения?* — Воспитанники Училища правоведения кн. Гагарин и Беликович были исключены из него в результате политического доноса, сделанного их товарищем, и отправлены: Гагарин — на Кавказ (а не в Москву, как сообщил И. С. Аксаков), а Беликович — в Орскую крепость (см. об этом в кн.: Первые русские социалисты. Лениздат, 1984. С. 146—147; *Тютчев И. А.* В училище правоведения в 1847—1852 гг. // *РС.* 1885. Дек. С. 673, 674). Об этой истории есть запись в дневнике П. Х. Граббе (от 1.IV.1848 г.): «Происшествие в Школе Правоведения непростительное» (Из дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе // *РА.* 1888. № 3. С. 240).

3 *Принцу сделали выговор...*— П. Г. Ольденбургскому, попечителю Училища правоведения.

4 *...жаловался Оболенскому...*— Д. А. Оболенскому.

5 *Мих⟨аил⟩ Павлович остается здесь...*— Великий князь Михаил Павлович (1798—1849) — брат Николая I.

211 (с. 478)

6.III 1849

1 *Самарин сидит...*— По жалобе Александра Аркадьевича Суворова (1804—1882), остзейского генерал-губернатора (1848—1861), недовольного антинемецкой направленностью «Писем из Риги», их автор Ю. Ф. Самарин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где находился до 17.III.1849 г. Передача сведений в Москву о заключении Самарина вызвала недовольство III отделения, которое арестованному вслед за Самариным И. С. Аксакову задало вопрос: «Почему Вы позволили себе помещать в Ваших письмах известие о заключении камер-юнкера Самарина в крепость и почему принимали в нем участие?», на что получило резонный ответ, что арест не был тайной в Петербурге и что в противном случае можно было подозревать пропажу Самарина без вести. См.: *Письма. Т. II.* С. 157.

2 *...предупредить насчет Попова.*— См. с. 466 наст. изд. и прим. 4, 5 и 6 к письму 204.

212 (с. 479)

10.III 1849

1 *...письмо мое... посланное с Сатиным.*— Письмо это, по предположению прежних издателей писем, было передано родителям Ю. Ф. Самарина, поскольку содержало сведения об их сыне (см.: *Письма. Т. II.* С. 118). Возможно, речь идет о Сатине Николае Михайловиче (1814—1873) — поэте, переводчике.

2 *...опишите... впечатления, которые произведет на вас и на Москву сообщенное известие.*— Имеется в виду арест Ю. Ф. Самарина. Отец писал И. С. Аксакову 12.III.1849 г.: «Несчастное происшествие с Самариным глубоко нас всех огорчает... Я надеюсь на справедливость государя. Когда он прочтет все письма Самарина, особенно 3-е и 7-е, то, я уверен, обратит гнев на милость. Не может быть, чтоб он не почувствовал негодования за положение русских в Риге: он царь русской земли по преимуществу» (*Письма. Т. II.* С. 120). К. С. Аксаков в приписке к письму отца написал: «Я так был поражен твоим известием, что долго не мог опомниться... Я объясняю себе это только тем, что немцы оклеветали его и что государь, вероятно, не успел прочесть всех писем» (Там же.).

3 *Его еще все нет.*— Т. е. Ю. Ф. Самарина, находившегося в это время в Петропавловской крепости.

4 *...что будет говорить с Вами Хомяков о письме Попова относительно С⟨офьи⟩ Петр⟨овны⟩...*— См. с. 479 наст. изд.

5 *Как подействовало на больных известие?* — Имеется в виду известие об аресте Ю. Ф. Самарина и впечатление от этого события, произведенное на больных Веру и Ольгу Аксаковых.

213 (с. 480)

14.III 1849

1 *Успокойте Фед⟨ора⟩ Васил⟨ьевича⟩...*— Отец Ю. Ф. Самарина. С. Т. Аксаков сообщал Ивану: «Отец Самарина продолжает переносить свое положение с твердостью; но мать и сестра час от часу более предаются своей печали и изнемогают» (Письмо от 15.III.⟨1849 г.⟩ //*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22г. Л. 18 об.).

2 *«Британское обозрение»* — выходивший в Париже на французском языке журнал, состоявший из подборки лучших английских статей.

3 *...мать С⟨амарина⟩...*— Самарина Софья Юрьевна, урожденная Нелединская-Мелецкая (1793—1879).

4 *Я вам пишу все это по почте, хоть и не следовало бы...*— По получении этого письма С. Т. Аксаков написал сыну 19.III.1849 г.: «Наивность остального в письме твоем превосходит всякую меру. Ты далеко за собою оставил Константина!.. Вы по справедливости можете принять своим девизом выражение, что величайшая осторожность состоит в величайшей неосторожности» (*Письма. Т. II.* С. 122). О последствиях неосторожности И. С. Аксакова см. прим. 1 к письму 211.

5 *...Адлерберг и Прянишников прекрасные люди.*— Об Адлерберге см. прим. 3 к письму 35. Прянишников Федор Иванович — директор почтового департамента, петербургский почт-директор.

6 *Марья Ник⟨олаевна⟩ спрашивала Блудова... об авторе...*— См. с. 477 наст. изд. Известно, что великая княгиня Мария Николаевна была в восхищении от «Бродяги». См. письмо С. Т. Аксакова Ивану от 28.XI.1850 г., ошибочно датированное 1849 г.— *РМ.* 1915. Кн. VIII. С. 119.

7 *...Вы принялись за охотничьи записки!.. чтоб и на меня в Ваши годы так же сильно действовали впечатления природы!* — Это ответ на сообщение С. Т. Аксакова в письме от 8.III.1849 г. о работе над охотничьими записками: «...ранняя весна, пробуждение жизни в природе и ток тетеревов благотворно подействовали на мою душу. Божественно звучат поэтические струны сердца человеческого, и я торжественно исповедую, на краю моего земного поприща, что одно искусство может примирять человека с жизнию...» (*Письма. Т. II.* С. 116).

8 *Яше и Саше поклон.*— Я. Г. и А. Г. Карташевским.

9 *...писать на имя министра.*— Речь о просьбе А. Г. Карташевского, адресованной в министерство внутренних дел. См. о ней также на с. 483, 484 наст. изд.

214 (с. 482)

18.III 1849

1 *Самарин еще не возвращался...*– Ю. Ф. Самарин был освобожден из-под ареста 17.III.1849 г. после личной беседы с Николаем I. «В словах государя, при всем том, что в них был упрек и наставление, было что-то необыкновенно ободряющее; по крайней мере, так они отозвались во мне»,– сообщал Самарин А. О. Смирновой 6.IV.1849 г. (*Самарин.* Т. XII. С. 379). С. Т. Аксаков писал Ивану 25.III.1849 г.: «...мы и вся Москва в восхищении от поступка государя с Самариным» (*Письма. Т. II.* С. 125).

2 *Что наши бедные больные?..*– Т. е. Ольга и Вера Аксаковы.

215 (с. 483)

21.III 1849

1 *Вторник. 21 марта 1849 г⟨ода⟩. ⟨Петербург⟩.*– Неосторожные выражения И. С. Аксакова в письмах к родным, вскрытых полицией, послужили поводом к его аресту 18.III.1849 г. Под арестом он находился до 22.III.1849 г. Возвращая А. Ф. Орлову ответы арестованного на вопросы III отделения (см. *Письма, т. II.* С. 147–163), царь написал на них: «Призови, прочти, вразуми и отпусти» (под «прочти» подразумевались заметки царя на полях). И. С. Аксаковым ошибочно указано число письма 215 – 21 марта вместо 22-го; предыдущее письмо было написано 18 марта, в пятницу, следовательно, 22-го был вторник, когда Орлов и объявил Аксакову резолюцию царя. И. С. Аксаков в письме от 31.III.1849 г. указал на эту ошибку (см. с. 485 наст. изд.). Издателями *Писем* число было исправлено (см. *Письма. Т. II.* С. 125).

2 *Государь поступил со мной так великодушно...*– Через десять лет, вспоминая о своем аресте, И. С. Аксаков писал о царе: «Со мною лично он поступил очень благородно... Я был выпущен с великим почетом, но его система преследовала меня до самой его кончины, т. е. созданные им жандармы тяготели на мне надзором, доносами и т. д.» (Письмо Н. С. Соханской от 9.IX.1858 г. // *РО.* 1897. № 2. С. 594). Действительно, благосклонность царя по отношению к арестованным Ю. Ф. Самарину и И. С. Аксакову вызвала недовольство А. А. Закревского, который высказывал его вслух (см. письмо Ю. Ф. Самарина А. О. Смирновой ⟨от апреля 1849 г.⟩ // *Самарин.* Т. XII. С. 385).

3 *Завтра Попов едет в Москву...*– С А. Н. Поповым И. С. Аксаков переслал родным свои ответы на вопросы III отделения. С. Т. Аксаков отвечал сыну 11.IV.1849 г. с оказией: «Присланная тобою бумага с Поповым написана смело и славно. Ее читали немногие и все восхищались ею. Мои собственные замечания я скажу тебе при свидании. По-видимому она должна была понравиться, но в ней слышен тон, который никогда не бывает приятен, и заметка: «Mais c'est le ton, qui fait la musique» вполне подтверждает мое мнение...» (С. Т. Аксаков имел в виду замечание царя на полях ответов И. С. Аксакова: «Верю, но и в добрых намерениях можно ошибаться. C'est le ton, qui fait la musique» [Это тон, который делает музыку (*фр.*).] – *Письма. Т. II.* С. 157). С. Т. Аксаков предостерегал сына от прекраснодушного настроения: «Неужели ты не понимаешь, что ты своими письмами и своими ответами на вопросы у Дупельта сделал всех псарей смертельными и непримиримыми врагами самому тебе и всем разделяющим твой образ мыслей?.. Война с обществом опаснее войны с правительством. Правительство может быть великодушно к противному мнению, личность его не может быть оскорблена, а общество, уязвленное в самое чувствительное место, всегда подло, безжалостно и жестоко. Надобно поступать с великою осторожностью, искусством и умеренностью, чтобы оно всех нас не съело» (Там же. С. 136). В конце этого письма: «...положение всех нас я считаю худшим или, по крайней мере, беспокойнейшим прежнего» (Там же. С. 138). В другом письме от 25.IV.1849 г. С. Т. Аксаков заметил: «...вы с Самариным ничего хорошего ждать не можете и не должны» (Там же. С. 142). Дупельт – Л. В. Дубельт (см. прим. 4 к письму 216).

216 (с. 483)

24.III 1849

1 ...*дал... знать Кавелину*...— А. А. Кавелину.
2 ...*тот ездил к гр⟨афу⟩ Орлову*...— Были использованы придворные связи А. А. Кавелина (бывшего ранее воспитателем наследника), который ездил к А. Ф. Орлову.
3 ...*прислал Княжевича*...— А. М. Княжевича.
4 *Дубельт* Леонтий Васильевич (1792—1862) — генерал, начальник корпуса жандармов и управляющий III отделением в 1831—1855 гг.
5 *Сделайте это поскорее*.— См. прим. 9 к письму 213.
6 *Что его сердечные обстоятельства*? — И. С. Аксаков имел в виду увлечение А. Н. Попова С. П. Бестужевой.

217 (с. 484)

25.III 1849

1 ...*просьбы Саши Карташевского*...— См. с. 481, 483, 484 наст. изд.
2 ...*не пекитесь о том, что вам говорить в тот час*...— И. С. Аксаков получил письмо от матери с сообщением об услышанных ею во сне (когда сын был арестован, о чем она еще не знала) словах из Евангелия от Луки (12, 11).
3 ...*со днем твоего рожденья*...— 29 марта.
4 ...*дай бог тебе в предстоящий год совершить свою грамматику*.— 1 часть грамматики была окончена К. С. Аксаковым к концу 1849 г. Напечатана в 1860 г. (Опыт русской грамматики. М., 1860. Вып. 1).
5 ...*на фоминой*.— Т. е. на второй неделе после пасхи.

218 (с. 484)

28.III 1849

1 ...*не могу приехать к вам к святой*...— Т. е. к первой неделе после пасхального воскресенья. С. Т. Аксаков умолял сына не задерживаться в Петербурге: «Мое желание состоит только в том, чтоб ты немедленно получил штатное место и *поручение* куда угодно. Ради Христа вырывайся из Петерб⟨урга⟩ скорее. Я боюсь его» (Письмо от 9.II.⟨1849 г.⟩ // *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 29 об.).
2 ...*как дошло до вас это известие*.— Об аресте И. С. Аксакова.
3 *Константина я уже поздравил с завтрашним днем*...— Днем рождения.
4 ...*вся эта история*...— С арестом И. С. Аксакова.

219 (с. 485)

31.III 1849

1 ...*обо всем этом*...— Об аресте И. С. Аксакова.
2 ...*у нас же в министерстве*.— Толстой Дмитрий Николаевич (1806—1884) — чиновник особых поручений при министре внутренних дел. В 50-е годы губернатор рязанский, калужский и воронежский, в 1861—1863 гг. директор департамента полиции министерства внутренних дел, в 1876—1879 гг. председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. См. о нем: *Письма. Т. II*. С. 212.

220 (с. 486)

2.IV 1849

1 ...*событие это*...— Арест И. С. Аксакова.

221 (с. 487)

4.IV 1849

1 ...*прошел к гр⟨афу⟩ Толстому*...– Д. Н. Толстому.
2 ...*письмо, писанное мною из 3-го отделения*...– См. письмо 215 на с. 483 наст. изд.
3 ...*пополнив собою историю Самарина*...– Арест Ю. Ф. Самарина в марте 1849 г.

222 (с. 488)

5.V 1849

1 *Перовский сделан графом. Этому мы все рады как обстоятельству, имеющему... особенное значение после всей этой передряги.*– Имеются в виду аресты Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова, чиновников министерства внутренних дел, возглавляемого Л. А. Перовским. Это выражение в письме Ивана вызвало недовольство С. Т. Аксакова как могущее повредить министру (см. *Письма. Т. II.* С. 137).
2 ...довольны ли вы тем, что я прислал вам с Поповым? – См. прим. 3 к письму 215.

223 (с. 488)

8.IV 1849

1 *Завтра день рожденья милой Сонички.*– С. С. Аксаковой.
2 *Не думаю, чтоб в ней много сохранилось преданий.*– И. С. Аксаков возражал отцу, считавшему, что Ярославская губерния интереснее других и в ней можно найти старинные предания. См. письмо от 1.IV.1848 г. // *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 74.
3 ...*песни, собранные в этой губернии и изданные года два тому назад.*– Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний/Собраны и изданы Александром Смирновым. М., 1847.

224 (с. 489)

11.IV 1849

1 *Тут обедали... Рудницкий.*– О *В. В. Скрипицыне* см. прим. 1 к письму 205. *Лекс* Михаил Иванович – директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел, управляющий редакциею «Журнала министерства внутренних дел», впоследствии товарищ министра внутренних дел (1851–1855). Об *А. В. Веневитинове* см. прим. 2 к письму 180. Об *Я. В. Ханыкове* см. прим. 3 к письму 179. О *Надеждине* см. прим. 4 к письму 179. *Григорьев* Василий Васильевич – надворный советник, помощник Надеждина в «Журнале министерства внутренних дел». *Милютин* Николай Алексеевич (1818–1872) – коллежский советник, вице-директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел, член Совета Русского Географического общества, впоследствии директор хозяйственного департамента (1854–1858), товарищ министра внутренних дел (1859–1861), сенатор (1861), статс-секретарь по делам Царства Польского (1864–1866). О *Д. Н. Толстом* см. прим. 2 к письму 219. *Головин* Сергей Евгеньевич – титулярный советник, чиновник, состоящий (как и И. С. Аксаков) при министерстве внутренних дел, сын Головина Евгения Александровича, генерала от инфантерии, члена департамента гражданских и духовных дел в Государственном совете. *Муравьев* Николай Михайлович (1820–1869), граф – чиновник особых поручений при министре внутренних дел, в 1849 г. назначен вице-губернатором в Симбирск, впоследствии вятский губернатор (1858–1859), затем рязанский (1859–1862), сын графа Муравьева Михаила Николаевича (1796–1866), генерал-лейтенанта, сенатора 1 департамента Правительствующего Сената. Впоследствии М. Н. Муравьев – генерал-губернатор Северо-западного края (1863–1865), известный своею жестокостью («Вешатель»), министр государственных имуществ (1857–1864), председатель следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова. *Рудницкий* Карл Иванович – чиновник хозяйственного департамента, впоследствии директор 2 департамента министерства государственных имуществ.

[2] ...*предложил тост за здоровье отсутствующего.*— Вероятно, Самарина, чиновника министерства внутренних дел, недавно освобожденного из Петропавловской крепости.

[3] ...*только вопросы и недоумения, без разрешения.*— Речь идет о письме «О служебной деятельности в России», датированном 10.IV.1849 г. В статье автор писал, что служебная деятельность — высшее выражение формализма, мертвящая все вокруг себя, враждебная живому движению жизни, оттого-то «самые благие по началам своим меры правительства остаются без исполнения». В статье Иван полемизирует с братом по вопросу об отношениях власти и народа: «Где только есть правительство, оно действует, оно растет, оно не может поставить себе целью самоуничтожение, как это хотел бы втолковать ему Константин. Спросите Константина, и он укажет вам тысячу фактов, как не только с Петра, но и до Петра государство завоевывало свободу земщины. В 1612 году, когда народ вышел на сцену и привел дела в порядок, не оградив свободы своей жизни,— государство усилилось в тысячу раз более прежнего и изо всех щелей полезла страшная мерзость». Не согласен он и с безусловной верой Константина в авторитет народа: в народном быту встречаются явления ложные, противные христианству: «грешны мы, грешен и народ!» (*ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 12 об., 13 об., 14, 15).

225 (с. 490)

14.IV 1849

[1] ...*не заглядываю даже в полиц⟨ейские⟩ ведомости.*— Имеются в виду «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» (1839–1917).

[2] ...*когда отъезжает из Москвы Попинька.*— А. Н. Попов.

[3] ...*к разработке этого вопроса.*— См. об этом на с. 493 наст. изд.

[4] ...*обедаю... у Смирновой, у Оболенского.*— Имеется в виду Д. А. Оболенский. «Я была больна, жила на Вшивой Бирже, в доме Вилье,— вспоминала А. О. Смирнова.— Эти господа (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин. А. Н. Попов.— *Т. П.*) часто ко мне ходили» (*Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. С. 255).

[5] *Читал я статью Погодина. Статья умна.*— Имеется в виду небольшая статья М. П. Погодина «О прибытии царской фамилии в Москву», в которой автор проводил сравнение между политикой двух братьев: Александра I и Николая I. Александр I «в громе битв, под заревом пожаров, среди воинственных кликов» прошел через Европу и надолго решил ее судьбу, Николай I решает эту судьбу один, «не поднимая руки, не произнося слова, не двигаясь с места» (Москвитянин. 1849. № 7. Кн. 1. Апрель. С. 103).

[6] ...*он тоже в числе ожидающих мзды, только не той, которой крестьяне.*— Речь о вознаграждении Погодина за официозный характер статьи (см. выше); крестьяне же ожидали от царя освобождения от крепостной зависимости.

[7] ...*написал к нему такое резкое письмо.*— См. с. 489 наст. изд. И. С. Аксаков был недоволен покупкою Головкина (см. с. 470–471 наст. изд. и прим. 1 к письму 207).

226 (с. 491)

16.IV 1849

[1] ...*по поводу случившегося со мной...*— т. е. ареста III отделением.

[2] *Отчего вы не пришлете стихов Хомякова?..*— Речь идет, вероятно, о «Сербской песне» А. С. Хомякова, датированной апрелем 1849 г.,— это стихотворение посвящено восстанию сербов и хорватов против венгерских помещиков и буржуазии.

[3] ...*50 рынд сделаны пажами?..*— Рында — воин царской охраны в допетровской Руси, выбиравшийся из стольников. Аксаков, вероятно, имел в виду людей, обслуживающих царскую семью, поскольку с 1698 г. рынды перестали избираться.

[4] ...*почта... потеряла для меня свою прелесть!!!* — И. С. Аксаков намекает на перлюстрацию писем, результатом которой был его арест в марте 1849 г.

227 (с. 492)

18.IV 1849

[1] *...с Пальчиковым...*— И. С. Аксаков имеет в виду письмо С. Т. Аксакова от 11.IV.1849 г. (см. *Письма. Т. II.* С. 136–138).

[2] *...не пишите ничего Степану Васильевичу...*— Перфильев Степан Васильевич (1796–1878) – жандармский генерал, начальник московского корпуса жандармов в 1836–1874 гг. Письмо С. Т. Аксакова Перфильеву о русском платье было написано 13.IV.1849 г. (см. *Письма. Т. II.* С. 145–146). Написал он также письмо А. Ф. Орлову (Там. же. С. 146). Хотя И. С. Аксаков не очень одобрительно относился к ношению дворянином русской одежды, тем не менее, отвечая на вопросы III отделения во время своего ареста, высказался по этому вопросу недвусмысленно: «...я просто не понимаю, отчего костюм, принадлежащий чужой народности... носить приличнее, чем наше народное платье?..» (Там же. С. 159).

[3] *Пальчиков не застал меня вчера...*— Н. В. Пальчиков, воротившийся из Москвы.

228 (с. 493)

21.IV 1849

[1] *Вчера я был у Кавелина...*— Речь идет об А. А. Кавелине.

[2] *Княжевич и Надеждин получили также от Вас письма.*— С. Т. Аксаков благодарил их, а также А. А. Кавелина (см. предыдущее прим.) за сочувствие, проявленное ими к его сыну во время ареста.

[3] *...Попов после отказа...*— А. Н. Попов посватался к С. П. Бестужевой и получил отказ. В 1853 г. он женился на Марии Петровне Мосоловой.

[4] *Все, что Вы писали мне с Пальчиковым...*– См. письмо С. Т. Аксакова от 11.IV.1849 г., в котором он советовал сыну не обнадеживаться благоприятным исходом его ареста (см. *Письма. Т. II.* С. 136–138).

229 (с. 494)

23.IV 1849

[1] *Это такого рода поручение...*— И. С. Аксакову было поручено обревизовать городское хозяйство Ярославской губернии.

[2] *...угрызения совести...*— А. О. Смирнова жила в это время одна, вдали от семьи, находившейся в Калуге.

[3] *По делу Воейковых...*— В чем оно заключалось, выяснить не удалось.

230 (с. 495)

25.IV 1849

[1] *1849. Апрель 25. Понедельник. С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩б⟨ург⟩.*— Публикуется впервые. Подлинник – *ИРЛИ*. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 22. Л. 58–59 об.

[2] *...министр уже подписал ордер...*— Предписание Л. А. Перовского о направлении И. С. Аксакова в Ярославскую губернию было сделано позднее, 2.V.1849 г.

[3] *Никита* – слуга И. С. Аксакова, ездивший с ним в Бессарабию.

231 (с. 495)

30.IV 1849

[1] *...какие странные, грустные вещи пишет он!* – Очевидно, относительно циркуляра министра внутренних дел, запрещающего русскому дворянину ношение русского платья и бороды.

[2] *Сделайте одолжение, не хлопочите теперь о русском платье.*— К этому же призывал Аксаковых и Ю. Ф. Самарин. Аксаковы добивались от С. В. Перфильева и А. Ф. Орлова ясности относительно русского платья: если его ношение в Москве предосудительно для дворянина, то они «закупорятся в деревне навсегда» (см. письма С. Т. Аксакова Ивану от 24 и 25.IV.1849 г. // *Письма. Т. II.* С. 141–143). Самарин считал, что отказ от русского платья, предпочтительнее отъезда в деревню. К. С. Аксакову он писал в апреле 1849 г.: «О твоем батюшке собственно не

было речи. Его лета и то, что он *действительно* никуда не выезжает, полагают разницу между его и твоим положением. К тому же он надел русское платье, почти не говоря о нем; ты надел его с трубным звуком и показывался в нем» (*Самарин. Т. XII.* С. 204).

232 (с. 495)

2.V 1849

1 *Письмо Константина о русском платье прекрасно...*— Письмо К. С. Аксакова от 26.IV.1849 г., в котором он объяснил причину своего обращения к русской одежде: «Наружность, одежда считается многими за безделицу. Ты знаешь, милый Иван, что я думаю иначе. Наружность составляет, так сказать, *тон* жизни... тон, *строй* жизни — главное. Вот почему Петр, вводя иноземное, кинулся на Русскую одежду. Вот почему *мода* сделалась проводником всех западных бредней, всех разнородных грехов, и *сервилизма* и *либерализма*. Вот почему и теперь освобождение от западной моды было бы, если не полным, то весьма значительным освобождением от влияния западного зла» (*Письма. Т. II.* С. 143). С. Т. Аксаков искренне недоумевал, познакомившись с циркуляром министра внутренних дел, в котором борода отвергалась как западная привычка,— ведь его и Константина никак нельзя было заподозрить в следовании западной моде (см. *Письма. Т. II.* С. 144).

2 *...теперь внимание всех отвлечено... войною...*— См. прим. 2 к письму 199.

3 *...советую вам все эти заботы оставить на время.*— Речь идет о русском платье и бороде. Ни в ближайшем окружении Аксаковых, ни в обществе русский костюм одобрения не встретил. А. К. Толстой писал впоследствии, что «кучерские кафтаны с косым (татарским) воротом», в которых щеголяли К. С. Аксаков и А. С. Хомяков, были подделкой (см. письмо М. М. Стасюлевичу от 26.XII.1869 г. // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Спб., 1912. Т. II. С. 346). Друг С. Т. Аксакова Ф. И. Васьков писал ему 20.XII.1848 г.: «Как это ты под старость выбился из-под указа Петра Великого, и благообразный свой подбородок обростил неопрятною и неловкою бородою? Оставил бы ты это молодым патриотам...» (*ГБЛ.* ГАИС/III. Карт. XVI. Ед. хр. 3. Л. 3). Приятель С. Т. Аксакова Николай Петрович Годейн, увидя Аксаковых с бородами и в зипунах, «совершенно сошел с ума» (Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 28.XI.〈1848 г.〉 // Там же. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 23). Костюмом С. Т. Аксакова был огорчен и другой его приятель — А. О. Армфельдт (см. Письмо С. Т. Аксакова Ивану от 4.XI.〈1848 г.〉 // Там же. Л. 11). Еще менее способен был оценить эти новшества в одежде простой народ. С. Э. Дмитриева-Мамонова записала случай, происшедший с К. С. Аксаковым и очень расстроивший его: мастеровой, увидев барина в русском одеянии, насмешливо заметил: «Ишь, немец — как нарядился!» (*ЦГАЛИ.* Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 1083. Л. 2). Подписка о сбритии бороды была взята с Аксаковых через полицию. К. С. Аксаков был вынужден снять и русское платье. «Конец надежде на обращение к русскому направлению...— подвел итог С. Т. Аксаков.— Опасались тронуть, думая, что нас много, что общество нам сочувствует; но уверившись в противном, и в душе все-таки не любя нас, хотя без всякой причины, сейчас решились задавить наше направление» (*Письма. Т. II.* С. 142).

ДОПОЛНЕНИЕ
〈ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ И. С. АКСАКОВУ III ОТДЕЛЕНИЕМ〉

Автограф — *ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 33. Лл. 8—18 об. Впервые — *Письма. Т. II.* С. 147—163. Об обстоятельствах, связанных с арестом И. С. Аксакова III отделением, см. в прим. 1, 2 и 3 к письму 215.

1 *...просил директора департамента хозяйственного...*— Лекса Михаила Ивановича.

2 *...5 летняя болезнь одной из моих сестер...*— О. С. Аксаковой.

3 *...недавняя, с год продолжающаяся болезнь другой сестры...*— В. С. Аксаковой.
4 *...его записки о рыбной ловле..*— «Записки об уженье рыбы» (М., 1847).
5 *...диссертацию о Ломоносове...*— «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (напечатана в 1846 г., защищена в 1847 г.).
6 *...драму «Освобождение Москвы в 1612 году».*— Первое и единственное ее представление состоялось 14.XII.1850 г. в Малом театре в Москве.
7 *Он женат...*— На С. А. Аксаковой.
8 *...имеет дочь.*— О. Г. Аксакова.
9 *...в прошлом году, испуганные европейскими смутами...*— Имеется в виду французская революция 1848 г.
10 *...всякая форма правительственная, как бы совершенна она ни была, имеет свои недостатки...*— «Всякое общественное устройство, всевозможные, даже самые усовершенствованные формы правления, имеют свои недостатки. Зная это, Россия почитает первым для себя благом незыблемость существующего в оной законного порядка...» — это слова из объяснения, которое было дано вслед за манифестом Николая I, и напечатано в «Journal de S⟨ain⟩t Pétérsbourg», издаваемом при министерстве иностранных дел (Сын отечества, 1848, апрель, отдел Современная летопись и политика, с. 4).
11 *...бешено наслаждается ночными катаньями с гор...*— См. прим. 1 к письму 160.
12 *...всем тем, которые, как я, имеют претензию держаться русского духа.*— И. С. Аксаков в своих ответах повторяет мнения, которые высказывали представители славянофильского кружка: о разрыве сословий, совершившемся в петровскую эпоху, о восстании, противном основам русского быта, о связи православия и народности, о негативных последствиях западной цивилизации, о необходимости перевоспитания русского дворянства. Не все из этих мыслей он разделял, о чем свидетельствуют его письма родным.
13 *...«Всякий поднявший меч мечом и погибнет!»* — Евангелие от Матфея (26, 52).
14 *...негодование Самарина против немцев в России...*— См. прим. 6 к письму 178 и прим. 1 к письму 211.
15 *...о маскараде, данном в Москве графом Закревским...*— См. прим. 5 к письму 207.
16 *...в салон графини Закревской.*— С. М. Загоскин вспоминал: «Граф Закревский, по жене своей, был человек богатый и не скупился веселить Москву. Сверх больших балов, на которые приглашалась масса народа, у него еще бывали малые вечера в аппартаментах его супруги, графини Аграфены Федоровны, куда приглашались только ее родственники, близкие знакомые и друзья обоего пола самой хозяйки. По тогдашним городским слухам, некоторые из этих друзей отличались будто бы сильною развязностью и черезчур легкими скоромными разговорами, до которых была охотница старая графиня и которыми не брезгала молодая, красивая дочь ее, графиня Лидия Арсеньевна Нессельроде. Вследствие этих слухов, дамы высшего общества тщательно избегали короткого знакомства с двумя умными, любезными, но несколько игривого характера, представительницами генерал-губернаторского дома» (*ИВ.* 1900. Февр. С. 512). Закревская Аграфена Федоровна (1799—1879) — жена А. А. Закревского, прототип героини поэмы Е. А. Баратынского «Бал» (1828).
17 *...называя безумным Франкфуртское собрание...*— См. прим. 6 к письму 208.
18 *Это признал и государь император, наградивший его орденом.*— Об Елачиче см. прим. 7 к письму 207. Елачич был награжден орденом за участие в подавлении революции в Венгрии: 11.IX.1848 г. руководимые им войска вторглись в пределы Венгрии.
19 *...сочинения Штейна о социализме и коммунизме...*— Речь идет о Штейне Лоренсе (1815—1890), немецком юристе, экономисте и его книгах «Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (Социализм и коммунизм современной Франции), 1842, и «Die sozialistischen und kommunistischen Bewegungen seit der drittenfranzösischen Revolution» (Социалистические и коммунистические движения со времен Третьей Французской революции), 1848.
20 *...стихотворения Мицкевича.*— См. с. 310 наст. изд. и прим. 1 к письму 133.
21 *...стихи... писанные к кн⟨язю⟩ Оболенскому в 1843 г⟨оду⟩...*— Стихотворение «Итак, в суде верховном — виноват!», написанное в форме послания к Д. А. Оболенскому.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

*Неустановленные лица в Указатель не вошли. Сост. Т. Ф. Пирожковой.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1844

1845

1847

1848

1849

И. С. АКСАКОВ

*

ПИСЬМА К РОДНЫМ

1844—1849

Утверждено к печати Редколлегией серии «Литературные памятники» АН СССР

Редактор О. К. Логинова
Художник Б. Н. Астафьев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Кокина
Корректоры Г. Г. Петропавловская, Е. Л. Сысоева

ИБ № 38037

Сдано в набор 28.09.87. Подписано к печати 26.07.88. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 52,8. Усл. кр. отт. 54,12. Уч.-изд. л. 58,3. Тираж 25000 экз. Тип. зак. 1797. Цена 7 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

7 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

И.С. АКСАКОВ ПИСЬМА К РОДНЫМ

И.С. АКСАКОВ

ПИСЬМА К РОДНЫМ
1844–1849